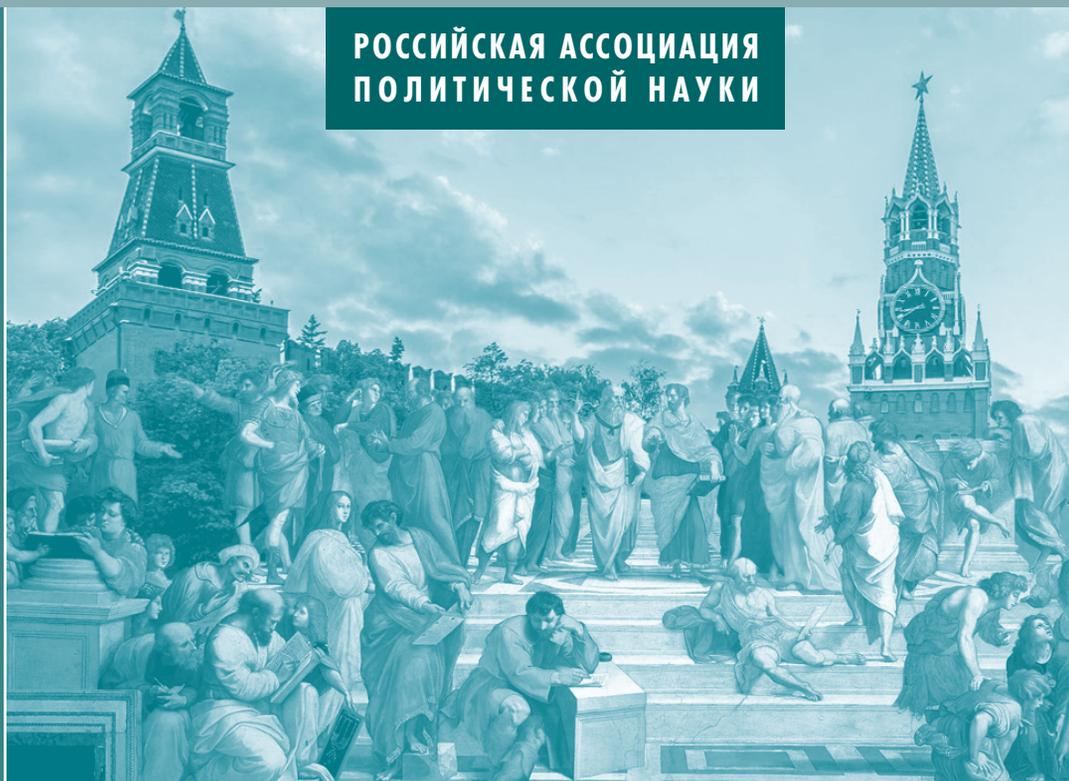

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

*Материалы Всероссийской конференции РАПН
с международным участием*

Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России
2–3 декабря 2022

Российская ассоциация политической науки (РАПН)

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

**Материалы
Всероссийской конференции РАПН
с международным участием**

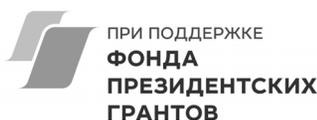
Под общей редакцией
*О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова,
Л.Н. Тимофеевой*

Москва, 2–3 декабря 2022 г.

ИНИОН РАН, МГИМО МИД России

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2022

УДК 327
ББК 66.4
П50

Всероссийская конференция с международным участием проводится
с использованием средств гранта
Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества,
предоставленного Фондом президентских грантов, № 21-2-012295

При поддержке: Института научной информации по общественным наукам РАН,
Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России,
научных журналов: «Политические исследования (Полис)», «Власть», «Политическая наука»,
«Политическая экспертиза. Политэкс»

Оргкомитет конференции: Сопредседатели: Гаман-Голутвина О.В., Торкунов А.В.,
Кузнецов А.В. Заместитель председателя: Тимофеева Л.Н.

Члены Оргкомитета: Антюхова Е.А., Арапова Е.Я., Ефременко Д.В., Ильичева Л.Е.,
Казаринова Д.Б., Козлова Н.Н., Комалова Л.Р., Копылова П.С., Мчедлова М.М., Никитин А.И.,
Патрушев С.В., Помигуев И.А., Рудницкая А.П., Савенков Р.В., Сардарян Г.Т., Соколов А.В.,
Черняк М.А., Шаповалов В.Л., Шестакова М.Н. (ответственный секретарь).

Программный комитет конференции: Сморгунов Л.В. (Председатель).
Заместитель председателя: Попова О.В. Члены Программного комитета: Айвазова С.Г.,
Бродовская Е.В., Глухова А.В., Комаровский В.С., Коньков А.Е., Кондратенко К.С.,
Лебедева М.М., Ледяев В.Г., Малинова О.Ю., Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.,
Никовская Л.И., Овчарова О.Г., Римский В.Л., Рябова Т.Б., Семененко И.С.,
Соловьев А.И., Фадеева Л.А., Шабров О.Ф., Шестопал Е.Б.

Составитель сборника – *Помигуев И.А.*

Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности:
П50 Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва,
ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной,
Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. — М.: Аспект Пресс, 2022. — 536 с.

ISBN 978-5-7567-1248-3

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской конференции РАПН с международным участием «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности».

Для политологов, социологов, специалистов в области международных отношений и регионоведения, всех интересующихся современными политическими проблемами развития России и мира.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-1248-3

© РАПН, 2022
© ИНИОН РАН, 2022
© МГИМО МИД России, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	17
<i>Абазов Д.</i> Социальные сети как инструмент общественно-политической коммуникации	19
<i>Абгаджав Д.А., Стребков А.И.</i> Урегулирование конфликтов как универсальное средство купирования рисков	20
<i>Абдукадырова К.Е.</i> Технологии управления общественным мнением в российской избирательной кампании-2022	21
<i>Абрадова Е.С.</i> Политика памяти как инструмент сохранения ценностей в процессе формирования новой национальной идентичности (на примере России)	22
<i>Абрамова Е.Н., Аникин В.И.</i> Роль идеологов в украинском политическом дискурсе по проблематике российско-украинских отношений	23
<i>Авазов К. Х.</i> Легитимность властных структур как основа угрозоустойчивости общества	24
<i>Авджу Х.</i> «Мягкая сила» Турции в современной России	25
<i>Авдонина Г.Г.</i> Об изменениях в политической коммуникации в связи с принятием закона о государственных пабликах в социальных сетях	26
<i>Авксентьев В.А.</i> Конфессиональный компонент этноконфессиональной идентичности молодежи Юга России	27
<i>Агабекян Р.К.</i> Региональные модели GR-взаимодействия органов власти и управления, бизнеса и НКО	28
<i>Агазаде М.М.</i> Фактор азербайджанских турков в Иране в контексте обеспечения региональной безопасности	29
<i>Аксюмов Б.В.</i> Динамика региональной идентичности студенческой молодежи Юга России (2009–2021 гг.)	30
<i>Алейников А.В.</i> Рефлексия кливажей между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами»	31
<i>Алексеев Д.В.</i> Аргументация парламентских фракций в рамках законодательного процесса (на примере Государственной Думы VII созыва)	32
<i>Алексеева Л.В.</i> Роль истории и обществознания в политической социализации лицеистов	33
<i>Алещенко П.С.</i> «Мягкая сила» во внешней политике России на постсоветском пространстве: направления и значение	34
<i>Алиева М.И., Федосейкин Д.И.</i> Реализация принципа энергетической безопасности как фактор риска для единого энергетического рынка Европейского союза: политические аспекты	35
<i>Ананченков М.А.</i> Системы власти в малых городах: историографические рамки проблемы	36
<i>Антонов В.А.</i> Политическая система Казахстана до и после конституционной реформы	37
<i>Апанович М.Ю.</i> «Релокация»: что приходит на смену классической миграции в современных геополитических условиях	38
<i>Аркатов Д.А., Сунгуров А.Ю.</i> Обращения граждан как практика влияния граждан на формирование государственной политики на примере города—субъекта РФ Санкт-Петербурга	39
<i>Арсентьева И.И.</i> Карибский участок китайского «Пояса и пути» как один из источников обострения отношений КНР и США	40
<i>Артеев С.П., Сигачев М.И.</i> Мультиверс как парадигма для теории международных отношений	41
<i>Артемова У.О.</i> Реализация GR-стратегии угольной компании на Дальнем Востоке: актуальные вопросы перехода с уровня микроповедения отдельной компании в отрасли на макроуровень центров принятия решений в федеральных органах власти	42
<i>Арутюнов А.Г.</i> Особенности межрегионального взаимодействия разных типов, осуществляемого Тюменской областью	42
<i>Асеев С.Ю.</i> Патриотические символы в сознании старших школьников регионов Сибирского федерального округа	43
<i>Асеева Т.А.</i> Трансформация приемов и методов патриотического воспитания в современных условиях	44
<i>Асонов Н.В.</i> Проблема генезиса понятия «немцы» в русской философско-политической мысли	45
<i>Аствацатурова М.А.</i> К определению форматов публичной этнополитики Российской Федерации в условиях современных политических вызовов	46
<i>Ачкасов В.А.</i> Диалог власть—общество и проблемы строительства российской нации-согражданства	47
<i>Ашмарина А.А.</i> Миграционная политика Эмманюэля Макрона 2017–2021 гг. в борьбе с последствиями миграционного кризиса	48
<i>Багнюк В.Е.</i> Эволюция геополитических реалий и формирование современной геополитической парадигмы	50
<i>Барабаш Б.А.</i> Модели поведения малых государств в современной мировой политике	51

<i>Баранов А.В.</i> Возможные варианты политико-территориальной деконструкции Украины при успешном завершении специальной военной операции	52
<i>Баранов Н.А.</i> «Черные лебеди» общественного развития в условиях турбулентного мира	53
<i>Баскакова Т.В., Калуцкая Е.К.</i> Совершенствование форм и методов урочной и внеурочной деятельности в процессе политической социализации школьников	54
<i>Бафоев Ф.М.</i> Задачи узбекской дипломатии накануне и после Самаркандского саммита ШОС	55
<i>Башмаков И.С.</i> Украинский кризис и общественная повестка: анализ ключевых фреймов	56
<i>Беденкова А.С.</i> Проблемные аспекты цифровизации политики в условиях санкционного давления	57
<i>Беловолова Е.Е.</i> Роль активных и интерактивных методов обучения и воспитания в политической социализации школьников	58
<i>Беляева Н.М.</i> Курс «обществознание» в политической социализации школьников: возможности и ограничения	59
<i>Березкина Е.Ю.</i> Трансформация дискурса итальянских правых и левых популистских партий как ответ на изменение внешней информационной повестки в 2018–2022 гг.	60
<i>Беспалов С.В.</i> Взаимодействие государства и предпринимательского сообщества в условиях мобилизационного развития	61
<i>Беспалова Т.В.</i> Идеология государственного патриотизма: российский ответ на вызовы политической турбулентности	62
<i>Бирюлин И.В.</i> Архитектура информационного пространства XXI века: российский императив	63
<i>Близнецкая Е.А.</i> Роль неформальных структур и диалоговых форматов в многосторонней климатической дипломатии	64
<i>Блинов В.В.</i> Проблема одномерной «лево-правой» шкалы координат для анализа идейных предпочтений российского общества в эмпирических исследованиях	65
<i>Бобров К.М.</i> Украинский кризис как точка бифуркации системы международных отношений	66
<i>Болгов Р.В.</i> Политика в области искусственного интеллекта и санкции: опыт России и Ирана в сравнительной перспективе	67
<i>Болдин В.А.</i> Ценностно-смысловые доминанты в общественном сознании молодежи славянских стран Европы (результаты исследования на примере Сербии и Болгарии)	68
<i>Болотина И.И.</i> Национальная политика и этнополитика: проблема разграничения предметов ведения	69
<i>Большаков А.Г.</i> Гибридная война России и «коллективного Запада» на Украине: от постсоветской неопределенности к полицентричному миру	70
<i>Большаков С.Н.</i> Новостные фейки в эпоху симулякров	71
<i>Большакова Ю.М.</i> Политическая проблема «доверия» к институтам государственного управления	72
<i>Борисов Н.А.</i> Институционализация статуса экс-президента и субъектность экс-лидеров на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе	73
<i>Борисова Н.В.</i> Многоуровневая языковая политика в современной России: вертикальное и горизонтальное измерения	74
<i>Бориштолец К.П.</i> Роль методического компонента в изучении и преподавании мировой политики	75
<i>Бородич В.Ф.</i> Трансформация системы господства в политическом развитии Китая	76
<i>Борокова И.Д.</i> Религия в современной России: тенденции развития	77
<i>Борщевский Г.А.</i> Политические ценности современной России (на материалах больших пресс-конференций президента)	78
<i>Бочаров Ю.Б.</i> Формирование антирусских настроений в западных СМИ как основа для антирусских решений в парламентах «недружественных» России стран	79
<i>Брехов Г.С.</i> Криптоанархизм: трансформация анархической идеологии как ответ на развитие цифровых технологий	80
<i>Бродовская Е.В., Азаров А.А.</i> Социальное недовольство в РФ: опыт кластеризации регионов	81
<i>Бронников И.А.</i> Панспектрон сегодняшнего дня	82
<i>Бубнов А.Ю.</i> Память о распаде СССР как основа стабильности российской политической системы	83
<i>Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А.</i> Символическая политика в формировании гражданской идентичности россиян	84
<i>Бужин О.А.</i> Православие и украинский кризис	85
<i>Буковская Н.В.</i> Наука как элемент гражданского общества	86
<i>Булавина В.Э.</i> Трансформации и перспективы демократического режима в условиях глобальной турбулентности	87
<i>Булуктаев Ю.О.</i> Казахстанский ответ на вызовы внутривнутриполитической турбулентности	88
<i>Бурлинова Н.В.</i> Публичная дипломатия регионов России: возможности и перспективы в условиях глобальной турбулентности	89

<i>Буров А.С.</i> Механизмы противодействия политической дестабилизации в регионах проживания коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока	90
<i>Бутенко В.</i> Энергетическая политика ЕС: внешнее измерение европейского зеленого курса	91
<i>Бучнев Е.В.</i> Национальная модель кибербезопасности как ответ на политические вызовы современности	92
<i>Валеева Д.М.</i> К вопросу о политической консолидации российской молодежи в условиях современной глобальной турбулентности	94
<i>Васильева М.М.</i> Международный баланс сил: вопросы нестабильности в условиях трансформации современного мироустройства	95
<i>Ваславский Я.И.</i> Государство и реализация общественного выбора: политэкономический аспект	96
<i>Ватиль В.Н.</i> Информационный суверенитет Беларуси в условиях глобальной турбулентности: цифровые вызовы и пути государственного урегулирования	97
<i>Вафин А.М.</i> Идеология чиновников современного Китая	98
<i>Великая А.А.</i> Стратегическое консультирование и институциональное развитие в гуманитарной политике США	99
<i>Вепрев Е.А.</i> Геополитика Арктики: парадигмы, аспекты, возможности	100
<i>Вербицкая Т.В.</i> Значение поддержки российской политико-экономической элитой государства для благоприятного разрешения международных геополитических конфликтов и сохранения властью лояльности общества	101
<i>Веретевская А.В.</i> Категория политического порядка в политической науке в различных концептуальных интерпретациях: оценка методологической ценности	102
<i>Ветренко И.А.</i> Политические ценности российской и европейской студенческой молодежи: результаты эмпирического исследования	103
<i>Волгин О.С.</i> Социальное государство: формальный и реальный аспекты	104
<i>Волков В.А.</i> Экологические стратегии в контексте формирования политической экологии	105
<i>Волкова А.В., Кулакова Т.А.</i> Формирование аксиосферы городов-побратимов и механизмы межрегионального взаимодействия	106
<i>Волкова А.Е.</i> Фактор этнократий прибалтийских республик в формировании конфликтных деструкций стран Запада и России	107
<i>Воржецов А.Г.</i> Необходима ли России государственная идеология?	108
<i>Воробьев А.П.</i> Роль и место ОДКБ в обеспечении безопасности на постсоветском пространстве	109
<i>Габриелян О.А., Гаспарян М.В.</i> Мониторинг восприятия информационной повестки пользователями Интернета	110
<i>Гайнутдинова Л.А.</i> Гражданское общество и его «негражданские» аналоги: дифференциация понятий	111
<i>Гасанова М.М.</i> Об особенностях государственной информационной политики России на современном этапе	112
<i>Глухова А.В.</i> Новые кризисы и роль политики в эпоху неопределенности	113
<i>Глушкова С.И.</i> О роли образовательного потенциала правозащитных медиаресурсов в развитии политического диалога общества и государства	114
<i>Головин Ю.А.</i> Политико-административное управление в современных условиях	115
<i>Голомазова Ж.М.</i> Роль предмета общественнознания в формировании политической культуры школьников	116
<i>Голубкова Н.И.</i> Новое прочтение национального суверенитета в условиях глобальной турбулентности	116
<i>Гоптарева И.Б.</i> Публичная сфера: вопросы контента	117
<i>Горлов К.Н.</i> Социальная консолидация в современном городе в условиях развития цифровых коммуникаций	119
<i>Градосельская Г.В., Пендюхов М.А.</i> Картирование российских ученых-гуманитариев в социальных сетях: от теории через изменение практик к изменению социальных институтов	120
<i>Граховац Н.</i> Роль исторических и социальных дисциплин в политической социализации школьников: основные проблемы и пути их решения	121
<i>Гребенко Е.Д.</i> Роль молодежных общественных объединений в социализации студенчества	121
<i>Гребенюк Е.Ф.</i> Целенаправленный процесс политической социализации школьников при изучении историко-обществоведческих дисциплин	122
<i>Грибанова Г.И.</i> Международное взаимодействие в Арктике в условиях глобальной турбулентности: позиционирование России	123
<i>Григорьев Н.А.</i> Развитие регионального электорального процесса в Республике Саха (Якутия)	124
<i>Гриценко Г.Д.</i> Динамика угроз и рисков этнополитической стабильности и региональной безопасности на Северном Кавказе	125

<i>Гришин Н.В., Линдерс А.М.</i> Рекомендации миссий международного наблюдения за выборами как инструмент международных организаций	126
<i>Гришин О.Е.</i> Урбанизация: некоторые социально-политические проблемы	127
<i>Гудаму А., Лю Цзинюань.</i> Великие державы играют ключевую роль в глобальном управлении	127
<i>Гусев К.А.</i> Неокантианские идеи в русском социальном либерализме	128
<i>Гутенев М.Ю.</i> Научная дипломатия как инструмент по восстановлению Арктического диалога	130
<i>Гуторов В.А.</i> Идея согласия в современном публичном дискурсе: теоретические аспекты анализа	131
<i>Давыдова М.А.</i> Векторы развития общественно-политических установок российской молодежи в 2022 г.: результаты когнитивной инструментальной диагностики	132
<i>Данилова Е.А.</i> Национальный брендинг России в области обороны и безопасности как ресурс наращивания глобальной субъектности государства в меняющемся миропорядке	133
<i>Девочкина А.С.</i> Отношение молодежи к системе подготовки молодежных политических лидеров.	134
<i>Денисов А.Е.</i> Внутриэтническая конкуренция в национальных движениях через призму стратегий этнических партий	135
<i>Дергачева В.Е.</i> Специфика американской «монументальной» политики в отношении вьетнамской войны на региональном и федеральном уровнях	136
<i>Дергунова Н.В.</i> Поколение Z и поколение Y: различия в партийно-идеологических предпочтениях	137
<i>Дерендяева А.Д.</i> Праздничные события и памятные даты как инструменты формирования идентичности в странах Центральной Азии	138
<i>Дибас О.А.</i> Роль организаций и инициатив в урегулировании конфликта на Донбассе: украинский дискурс	139
<i>Дмитриева В.Д.</i> Католицизм и глобальные проблемы современности: контент-анализ папских посланий	140
<i>Долженкова Е., Мохорова А.Ю.</i> Положение русскоязычных средств массовой информации в контексте разделенного латвийского общества	141
<i>Домбровская А.Ю., Огнев А.С.</i> Образ будущего в сознании российской молодежи: возможности изучения и корректировки методами инструментальной и проективной когнитивистики	142
<i>Дубов К.М.</i> Кризис мейнстрима: новые формы политики в западном мире	143
<i>Дука А.В.</i> Автономия властных элит	144
<i>Дунамяян Н.А.</i> Сравнительный анализ политики идентичности России и Армении: два исключения из «постсоветских правил»	145
<i>Евгеньева Т.В.</i> Место моральных ценностей в процессе формирования российской национально-государственной идентичности	147
<i>Евдокимов Н.А.</i> Выборы в российских регионах на фоне СВО	147
<i>Евстифеев Р.В.</i> Иностранное вмешательство в выборы: вызовы и риски цифровой эпохи	148
<i>Егунов А.В.</i> Совершенствование практик оказания государственных и муниципальных услуг в электронном формате	149
<i>Жаворонков А.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.</i> Основания формирования и институционализации политических практик в России: факторы ассоциации и инклюзии	151
<i>Жаде З.А., Гвашева Б.З.</i> Практики реализации политики идентичности в Республике Адыгея: стратегии и механизмы	152
<i>Желнова А.В.</i> Специфика направленности современного межрегионального сотрудничества Республики Башкортостан с субъектами Российской Федерации как следствие глобальной турбулентности на мировом политическом пространстве	153
<i>Забнева Э.И.</i> Образование в контексте цивилизационного развития России	155
<i>Завершинский К.Ф.</i> Антропологические измерения социокультурной эволюции современных политических репрезентаций	156
<i>Зазнаев О.И.</i> Роспуск парламента в парламентских системах: новые тенденции	157
<i>Зайко Я.В.</i> Особенности исследования невербального поведения политиков	158
<i>Зайцев С.Ю.</i> Транснациональные корпорации как объект исследования экономической политологии	159
<i>Зайцева А.А.</i> Международная деятельность российских университетов в условиях трансформации мирового порядка	160
<i>Закиров А.Р., Зарипова А.Р.</i> Делиберация как инструмент взаимодействия бизнеса и власти (опыт Республики Татарстан).	161
<i>Заляев Р.И.</i> Общественные объединения в политической системе России	162
<i>Захарова А.Е.</i> Права человека в конституционализме: как обеспечить эффективную защиту и реализацию?	163
<i>Захарова Е.А.</i> Социально-политические коммуникации в процессе формирования мнений молодежи на примере Telegram-канала «Кровавая барыня»	164

<i>Зверев А.Л.</i> Актуальные личностные характеристики глав регионов РФ в период современной трансформации института губернаторства	165
<i>Зверева М.С.</i> Идеологические трансформации в процессах становления и развития российской государственности XIII—XXI вв.	166
<i>Зеленков М.Ю.</i> Социальные сети — медийные платформы современного радикализма	167
<i>Земанек Л.</i> Глобальный полицентризм: перестройка мирового порядка и западный гегемонизм.	168
<i>Зенков А.Р.</i> Отечественная высшая школа в условиях трансформации мироустройства: вызовы и потенциал развития	169
<i>Зинина А.И.</i> Влияние социально-демографических факторов на результаты парламентских выборов в Российской Федерации (анализ постсоветского периода).	170
<i>Зиновьев А.О.</i> Фомирование идей и революционной идеологии В.И. Ленина как результат диалога российской и европейской традиций философии в специфических условиях публичной сферы царской России	171
<i>Зиновьева А.А.</i> Политическое позиционирование современной России внутри страны и за рубежом	172
<i>Знаменский Д.Ю.</i> Научно-технологическая политика Российской Федерации после 2020 года: тренд цифровизации	173
<i>Золотарев Ф.Е.</i> Межрегиональное измерение интеграции на постсоветском пространстве: сетевой анализ связей российских регионов	174
<i>Зорин В.А., Луканина Е.В.</i> Влияние институтов политической социализации на формирование и развитие молодежных политических лидеров	175
<i>Зубов В.В.</i> Российско-германское взаимодействие в контексте диалога с политическими партиями и общественными объединениями Германии	176
<i>Зудин А.Ю.</i> Назад, к истокам? Кризис публичной политики в странах Запада	177
<i>Зуляр Ю.А.</i> Основные черты политической культуры современных сибиряков	178
<i>Зюзина Е.Б.</i> «Новый авторитаризм»: риски и угрозы в условиях глобальной турбулентности	179
<i>Ибрагимов И.Д.</i> Традиционные ценности национальной модели российского гражданского общества в профилактике современным вызовам	181
<i>Ибрагимов Ф.Э.</i> «Ядерная сделка» в ирано-европейских отношениях	181
<i>Игнатьева О.А.</i> Формирование когнитивного и технологического суверенитета в контексте концепции островизации	182
<i>Иликаев А.С.</i> Глобальная политическая турбулентность в условиях специальной военной операции России на Украине	183
<i>Илиопулу А.</i> Отношения государства и церкви в Греции	184
<i>Ильин М.В.</i> Длинные волны и эволюционные тренды против мировой турбулентности	185
<i>Ильичева Л.Е., Ильичев М.В.</i> Долгосрочное развитие регионов России: ценностные и социальные детерминанты гражданского единства	186
<i>Ильичева Л.Е., Комаровский В.С.</i> Динамика ценностных ориентаций в современной молодежной среде	187
<i>Илюшин И.И.</i> Иркутская область: политические вызовы в период глобальной турбулентности 2020—2022 гг.	188
<i>Ирсетская Е.А.</i> Гендерное неравенство в политике	189
<i>Исаев Б.А.</i> Новый Хартленд или изменение уравнения безопасности	190
<i>Исочук М.В.</i> Этнические меньшинства в Восточной Европе: организационный подход	191
<i>Кадамцева Е.П., Куньщиков С.В.</i> Иран и BRICS: актуальные вопросы построения взаимодействия	193
<i>Казак О.Г.</i> Деятельность «Союза поляков Беларуси»	193
<i>Казиков А.А.</i> Медиапрактики современной молодежи как фактор формирования политического сознания в условиях радикальных перемен (региональный кейс)	195
<i>Казанцев Д.А.</i> Целевые предпочтения членов патриотических организаций регионов СФО в социальных сетях (на примере «ВКонтакте»).	196
<i>Казаринова Д.Б.</i> Метамодернистская осцилляция в теории политических изменений	197
<i>Калабаева В.П.</i> Становление и эволюция концепта стратегической культуры	198
<i>Калашникова С.К.</i> Политика идентичности и гражданские инициативы в Санкт-Петербурге: кризис субъектно-объектных отношений	199
<i>Калашникова Н.П., Самат Н.М.</i> Казахстанские контексты этнополитики	200
<i>Каневский П.С.</i> Международный лоббизм: уровни, субъекты, проблемы регулирования.	201
<i>Кардава Н.В.</i> Состояние кибербезопасности стран ЕС в условиях глобальной нестабильности	202
<i>Каримивала С.</i> Роль регионального брендинга в устойчивом градостроительном развитии российских регионов	203
<i>Карсанова Е.С.</i> Современная концепция швейцарского нейтралитета.	204

<i>Качусов Д.А.</i> Патриотические проекты в регионах Сибирского федерального округа — структура и тенденции	205
<i>Кашин Е.А.</i> Понимание и развитие Русского мира в рамках событий 2022 г.	206
<i>Кирдяшкин И.В.</i> «Языки наблюдения» сложности в политической социализации.	207
<i>Киреева И.В.</i> Научно-экспертное сообщество и его деятельность в контексте реализации политики идентичности в Республике Адыгея	208
<i>Китайцева О.В.</i> Информационное сопровождение государственной семейной политики в российских СМИ.	209
<i>Клещенко Л.Л.</i> Латиноамериканский опыт политической модернизации в советском и американском кинематографе холодной войны	210
<i>Клиникова М.Н.</i> Конструирование мифов о России в условиях информационной войны (на примере деятельности СМИ-иноагента «Крым.Реалии» во время специальной военной операции)	211
<i>Ковалев В.А.</i> Политика в регионах: выход из политической апатии?	212
<i>Козинцев А.С.</i> Арабские режимы в поиске новых источников легитимности: случай Египта	213
<i>Козлов Н.А.</i> Политические последствия банкоориентированной финансиализации в России	214
<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i> Политическая повестка в предвыборных программах молодых женщин-депутатов региональных парламентов РФ.	215
<i>Кокурина О.Ю.</i> Факторы устойчивости российской государственности в свете аристотелевского органицизма	216
<i>Колозов Д.П.</i> Потенциал и возможности использования молодежных музыкальных субкультур в системе государственной молодежной политики	218
<i>Кольба А.И.</i> Вовлечение городских сообществ в принятие политико-управленческих решений по поводу конфликтов: потенциал процессного и проектного подходов.	219
<i>Комаровский В.С.</i> Формирование национально-государственной (общегражданской) идентичности России в условиях конфликтного противостояния с Западом	220
<i>Комлева Н.А.</i> Официальная идеология как база информационного противоборства.	221
<i>Кондратенко К.С.</i> Доказательная политика стран ЕС в отношении введения новых ограничительных мер против российских энергоносителей	222
<i>Коньков А.Е.</i> Внутриполитические опции публичной дипломатии и мягкой силы	223
<i>Копылова П.С.</i> Особенности эпистемического сообщества как субъекта политического влияния	224
<i>Кочетков А.П.</i> Стратегия обеспечения геополитической безопасности России в условиях глобальной турбулентности	225
<i>Кравчук И.Д., Вохминцев И.В., Андрюхин В.Ю., Кучеров М.Ю., Полюшко Е.Д., Токарев А.А.</i> Опыт применения количественных методов в изучении внешнеполитических стратегий Казахстана 2019–2022 гг.	226
<i>Крайнова Н.В., Прусов Д.А.</i> Интернет-пространство как площадка для выстраивания диалога между НКО, обществом и властью	229
<i>Красильникова М.Н.</i> О месте учебной дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в школе в процессе формирования гражданственности	230
<i>Красноперов А.Ю.</i> Доступность информации о поименном голосовании в представительных органах власти разных уровней	231
<i>Кротков В.О.</i> Глобальная турбулентность и политико-режимные аспекты функционирования.	232
<i>Кругляков Д.А.</i> Гражданско-парламентский диалог в публичном пространстве современной России: состояние и перспективы в условиях внешних и внутренних вызовов.	233
<i>Крутов А.В.</i> Сингулярный политический процесс: возможность моделирования	234
<i>Крымова К.М.</i> Метавселенная: перспективы и вызовы для политического процесса	235
<i>Крымчанинова М.В.</i> Трансформация политического сознания участников специальной военной операции на Украине в 2022 году.	236
<i>Крыштановская О.В., Лавров И.А.</i> Вызовы российской элиты и новые каналы рекрутации.	237
<i>Кудряшова И.В.</i> Трансформационные эффекты «арабской весны» для аравийских монархий	238
<i>Кузина С.И., Веренич И.Г.</i> Терроризм и СМИ	239
<i>Кузнецов А.Е.</i> Территориальные споры в Южно-Китайском море: позиция КНР и пути развития.	240
<i>Кузнецов А.Г.</i> Использование электронного голосования в политических процессах (на примере выборов в Мосгордуму)	241
<i>Кузнецов В.А.</i> Современный этап российско-украинского кризиса в оценке Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла	242
<i>Кузнецова Е.В.</i> Сотрудничество РФ и ДНР на межрегиональном уровне: перспективы интеграции	243
<i>Куква Е.С.</i> Уровень доверия региональной власти и его влияние на перспективы укрепления региональной идентичности (на материале Республики Адыгея)	244

<i>Кумпан В.А.</i> Геймификация преподавания историко-обществоведческих дисциплин: моделирование международных процессов	245
<i>Куньщиков С.В., Лебедкина Е.Г., Титов А.В.</i> Феномен «зеленой идеологии» в условиях парадигмы постмодерна	246
<i>Курюкин А.Н.</i> Политика России 2020-х перед вызовами индустрии 4.0: основные сценарии развития	247
<i>Кучинов А.М.</i> От практик к (не)институтам: случай формирования актуальных насильственных практик.	248
<i>Лаврикова А.А., Шумилова О.Е.</i> К проблеме исследования образа будущего страны в условиях неопределенности.	250
<i>Лаврушина Н.В.</i> Об опыте межрегионального сотрудничества: на примере проектов КФРОД	250
<i>Лагутина М.Л.</i> Арктическая научная дипломатия в новых геополитических условиях.	252
<i>Лазарев А.А.</i> Особенности формирования образов политических партий Германии в контексте выборов в бундестаг 2021 г.	253
<i>Ланко Д.А.</i> Международная солидарность в малых группах государств: попытка моделирования на основе теории игр	254
<i>Ларин А.В.</i> Механизмы обеспечения гражданского единства регионального общества	255
<i>Лебедева М.М.</i> Возрастающая роль городов и субнациональных регионов в мировой политике.	256
<i>Линде А.Н.</i> Значение развития личности в экзистенциальной демократии	256
<i>Лосада А.Р.</i> Тенденции в системе образования в мире после COVID-19 и их последствия	258
<i>Лукушин В.А.</i> Цифровые технологии внешнего информационного давления на российскую молодежь в 2022 году	259
<i>Луппов И.Ф.</i> Факторы стратегии безопасности США	260
<i>Лю Цзинюань.</i> Роль отношений великих держав в реформировании системы глобального управления	261
<i>Люблинский В.В.</i> Социальная политика на современном этапе трансформации общества.	262
<i>Макушина Л.В.</i> Общественные политические движения и сети.	263
<i>Мальшева Г.А.</i> О цифровом переходе в России в условиях глобальной турбулентности.	264
<i>Мальшева Н.С.</i> Индо-Тихоокеанский регион в стратегии НАТО	265
<i>Мальшева О.П., Рябенко Н.А., Усков С.В.</i> Дискурсивное моделирование цифровой социально-политической повестки в условиях глобальных кризисов	265
<i>Мальцев А.М., Зарипов Н.А.</i> Сети совместного законотворчества: структурные детерминанты соавторства законопроектов депутатов Государственной Думы I–VII созывов	257
<i>Мальцева Д.А., Сафонова О.Д., Дедуль А.Г.</i> Управление человеческим капиталом в условиях трансформации публичной власти в России: вызовы и стратегии.	257
<i>Мансуров Т.З.</i> Противоречия и возможности урегулирования грузино-югоосетинского конфликта на современном этапе	268
<i>Манукян А.Р.</i> Роль образовательных проектов в международном гуманитарном сотрудничестве	269
<i>Марков Е.А.</i> Русофобия в Европе: истоки, причины, последствия	270
<i>Мартьянов Д.С., Лукьянова Г.В.</i> Кросс-сетевой фактор формирования политического дискурса в условиях поляризации общественного мнения	271
<i>Марчуков А.Н.</i> Сельскохозяйственная дипломатия России: новые возможности в условиях геополитической турбулентности	272
<i>Маслова Т.Ф.</i> Политика и проблемы цифровизации образовательной среды: региональный аспект	273
<i>Маслова К.В.</i> «Отмена» российской культуры: какое будущее у российского международного культурного сотрудничества	274
<i>Матвеева Е.В., Алагоз А.В.</i> Стрессоустойчивость региональной системы власти в условиях модификации социальных сетей	275
<i>Матюхова Е.И.</i> Русское диаспоральное сообщество в современном мире	276
<i>Матяшова Д.О.</i> Особенности применения «эмотивной силы» новыми транснациональными движениями на примере «Letzte Generation».	277
<i>Мелконян Л.А.</i> Регулирование киберпространства и социальных медиа в Японии.	278
<i>Мизулин М.Ю.</i> Политическая дилемма: национальная доктрина права vs концепция прав человека.	279
<i>Милованова М.Ю.</i> Реализация принципа гендерного равенства в современном олимпийском движении	280
<i>Милькова А.А.</i> Сравнительный анализ двустороннего сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем и Россией: перспективность выстраивания диалога на примере Казахстана и Узбекистана	281
<i>Мирзаджанов Т.Э.</i> Правопопулистский вызов в современном мире: причины, сущность и способы противодействия (опыт Польши).	282
<i>Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.</i> Нематериальные ресурсы в политике развития территорий.	283

<i>Митрахович С.П.</i> Price cap на российские углеводороды и международная энергетическая безопасность	284
<i>Митрофанова А.В.</i> Современное состояние и перспективы неомарксистского подхода к анализу международных отношений	285
<i>Митрохина Т.Н.</i> Проблема сохранения национальной специфики социально-гуманитарного знания в условиях цифровой глобализации	286
<i>Михайленко Е.Б.</i> Регионализация переговорного процесса ДНЯО: формирование новой повестки дня.	287
<i>Михайленко В.И.</i> Эвристический потенциал концепта illiberalism.	288
<i>Михайленок О.М.</i> Глобальная турбулентность и сетевые аспекты изменения политических отношений	289
<i>Михалев А.В.</i> Геополитика декарбонизации и российский газопровод в Восточной Азии	290
<i>Михалева А.В.</i> Этнический ресурс позиционирования президента Республики Татарстан на личной странице в Инстаграм.	291
<i>Морозова Е.В.</i> Конструирование коллективной идентичности в макрорегионе (кейс Большого Каспия)	292
<i>Морозова О.С.</i> Факторы повышения уровня доверия к общественно-политическим и государственным институтам	293
<i>Муртузалиев С.И.</i> Кавказ в политике Турции на рубеже XX–XXI вв.	294
<i>Мусина Р.И.</i> Политическая социализация школьников в новых условиях (из опыта работы)	295
<i>Мухамбеткалиева Г.М.</i> Факторы формирования гражданской идентичности среди этнических групп Республики Казахстан	296
<i>Мухортов Д.С.</i> Об актуализации созидательных ценностей студенческой молодежи России в эпоху глобальной турбулентности	297
<i>Назарова М.С.</i> Специфика медийного пространства в городах атомной промышленности.	299
<i>Наман Дия Еддин.</i> Насколько успешной оказалась политика интеграции иммигрантов в Европе? Аналитическое сравнительное исследование опыта Германии, Франции, Великобритании	300
<i>Настявин И.М.</i> Политизация форм общественного сознания и деятельности	301
<i>Невзоров М.В.</i> Нарративный анализ политики в сфере высшего образования: значение Болонского процесса для России	302
<i>Недяк И.Л.</i> Состояние Matera Prima гражданственности как фактор социальной дезинтеграции. Анализ данных общероссийских социологических обследований	303
<i>Нефедова Е.И.</i> Феномен думскроллинга в информационной политике	304
<i>Нечаев Д.Н.</i> Становление фронтальной идентичности на постукраинском пространстве: ценностно-символический ракурс	305
<i>Нечаева В.С.</i> Украинский кризис сквозь парадигму неореализма: эволюция взглядов Дж. Миршаймера	306
<i>Никифоров А.А.</i> Риск-рефлексия в цифровом обществе: методологические особенности анализа	307
<i>Николаев Ю.Б.</i> Формирование Российского национального государства как ключевая стратегия обеспечения безопасности РФ от угроз этнополитического характера	308
<i>Николаева М.В., Шестакова А.А.</i> Женщины как лидеры мнения конструирования социально-политической повестки в онлайн-пространстве	309
<i>Никоненко С.А.</i> Векторы трансформации политического курса России как ответ на вызовы в период турбулентности	310
<i>Никулина Е.В.</i> Историко-обществоведческие дисциплины в политической социализации школьников (на примере экономических дисциплин)	311
<i>Нугманова К.Ж.</i> Каспийский регион сквозь призму геополитической турбулентности и геостратегической напряженности	312
<i>Нуртдинова Р.Н.</i> Электоральное поведение: динамика голосования за партию «Единая Россия» в период трех электоральных циклов	313
<i>Овчарова О.Г.</i> Политическая социализация в современной России: гендерный аспект	315
<i>Оганезова С.В.</i> Причины профессионального выгорания специалистов в сфере государственного управления информацией	315
<i>Окара А.Н.</i> Способен ли неосолидаризм стать идеологией социально-политической «перезагрузки» в условиях современной России	316
<i>Омаров Б.Х.</i> Факторы конфликтогенности и политические кризисы	317
<i>Онопко О.В.</i> Концепт «МЕЖДУМОРЬЕ» в современном украинском геополитическом экспертном дискурсе	319
<i>Опара А.Ю.</i> Сетевые формы политического участия (на примере современной Испании)	320
<i>Орфаниди Э.В.</i> Политическое управление городскими конфликтами в цифровом обществе: институциональные аспекты	321

<i>Павлова Т.В.</i> Цели общественного развития в представлениях российских граждан: к формированию стратегий политических изменений	322
<i>Павроз А.В.</i> Лоббизм и тенденции трансформации политического представительства социальных интересов в современной России	323
<i>Палитай И.С.</i> Потенциал исследования славянской идентичности как основы формирования политического диалога	324
<i>Панин В.Н.</i> Конфигурация мирового порядка в XXI веке	325
<i>Панкевич Н.В.</i> Децентрализованные ценностные сообщества в структуре российской идентичности	326
<i>Панкратов С.А.</i> Современный миропорядок: векторы противодействия России.	327
<i>Панов П.В.</i> «Элитное согласие» в Государственной Думе РФ: возникновение, идеологическое содержание, границы	328
<i>Парма Р.В.</i> Отражение политической солидарности российских граждан в социальных медиа в условиях эскалации международной напряженности.	330
<i>Пахрутдинов Ш.И.</i> Геополитизация пространства	331
<i>Пашковский Е.А.</i> Позиции польских политических партий по отношению к конфликту Польши и Европейского союза	332
<i>Пеньков В.Ф.</i> Гражданский контроль электоральных процедур как инструмент снижения уровня политической поляризации	333
<i>Петрова О.В.</i> Политико-административное управление национальным проектом «Безопасные качественные дороги» (на примере Ярославской области)	334
<i>Петросян Ф.А.</i> Роль Великобритании в милитаризации Финляндии и Швеции	336
<i>Петрушенкова Д.М.</i> Особенности построения функционально-циклической модели в политическом анализе корпоративного GR-менеджмента (на примере фармацевтического бизнеса)	337
<i>Пилюгина К.П.</i> Социальное программирование и memory studies: практики взаимодействия	338
<i>Пинкевич А.Г., Артемов Г.П.</i> Восприятие рисков и адаптация к ним в условиях современных радикальных изменений	339
<i>Пищева Т.Н.</i> Особенности психологического состояния граждан в разных сферах деятельности.	339
<i>Плашенко Д.Д.</i> Деятельность Российской Федерации по борьбе с фейковой информацией в текущей политической реальности.	340
<i>Плотников Д.С.</i> Ценностные основания идентификационных противоречий между Россией и Украиной в историко-политическом контексте	341
<i>Подобуева В.А.</i> Политизация городских пространств: теоретические основания	342
<i>Подшибякина Т.А.</i> Городские политические режимы в условиях глобальной нестабильности: проблемное поле исследования	343
<i>Поливаева Н.П.</i> Чего хотят россияне в условиях политической турбулентности? (некоторые актуальные тенденции массового сознания)	344
<i>Поликарпов Д.С.</i> К вопросу об определении аналитической политической философии	345
<i>Полякова Н.В.</i> К вопросу о природе идеи «Больших вызовов» в современном социально-политическом дискурсе.	346
<i>Помигуев И.А.</i> Партийная сплоченность и дисциплина: две стороны одной медали?	347
<i>Попадьева Т.И.</i> Политика формирования гражданской идентичности в постюгославский период в Боснии и Герцеговине	348
<i>Попова Е.В., Устюжанцева О.В.</i> Технологические транзиты и дискурсы цифрового суверенитета в СМИ Китая и России	349
<i>Попова О.В.</i> Модели коммуникации политизированных сообществ в ВКонтакте и Telegram	350
<i>Постол В.И.</i> Инициативное проектирование как инструмент решения общественных проблем	351
<i>Поцелуев С.П.</i> Концепт «Русского мира» в идеологических аттитюдах студенческой молодежи Юга России: региональная социологическая ретроспектива в контексте украинского кризиса	352
<i>Пригорян Н.</i> Политический нигилизм: отрицание политики как новая форма политического	353
<i>Прокопенко Л.Я.</i> Женские лица африканской оппозиции.	354
<i>Пустовойт Ю.А.</i> Урбанистические, социальные и политические факторы как причины формирования режимов «контроля» и «координации» в столицах сибирских регионов	355
<i>Пустошинская О.С.</i> Эволюция городской дипломатии в условиях санкций: от потерь к приобретениям (опыт Тюмени)	356
<i>Радиков И.В.</i> Фактор политического страха в механизме формирования нового мирового порядка	358
<i>Ракитянский Н.М.</i> Методологические основания ментально-политических исследований	359
<i>Расторгуев С.В.</i> Политическая и экономическая турбулентность как вызовы постматериалистическим ценностям западной цивилизации	360

<i>Ребров С.А.</i> Децизионистский поворот в современной политической философии	361
<i>Римский В.Л.</i> Демократия как замена социализма в сознании российских граждан	362
<i>Рогач Н.Н.</i> Образ современной России в массовом сознании ее граждан: политико-психологическое исследование	363
<i>Родионов В.А.</i> «Мягкая сила» во внешней политике Монголии: основные направления	364
<i>Рожнева С.С.</i> О цифровизации политической элиты Республики Карелия в условиях глобальных вызовов: экспертное мнение	365
<i>Романович А.Л.</i> Имиджевые аспекты государственных гражданских служащих	366
<i>Романович Н.А.</i> Возрождение гражданской авиации как вызов политической турбулентности.	367
<i>Рубцов Ф.С.</i> Особенности использования интернет-мемов в качестве инструмента информационной политики	368
<i>Руденко М.В.</i> Этапы становления органов власти Херсонской области в 2022 г.	368
<i>Рудницкая А.П., Юдаев В.В.</i> Политическое управление в системе научно-технического развития России в аспекте рассмотрения проблемы женщин-исследователей	370
<i>Русия Н.Т.</i> Локальная идентичность как ресурс развития территорий	371
<i>Русских М.С.</i> Мусульманское «Новое национальное движение» в СР Боснии и Герцеговине и моделирование государственного строительства (конец 1980-х — начало 1990-х годов).	372
<i>Рустамова Л.Р.</i> Инструменты культурной дипломатии в конфликтах (кейс украинского конфликта)	373
<i>Рысь В.И., Попов Н.В.</i> Укрепление торговых связей России и Китая как ответ на политическую турбулентность.	374
<i>Рыхтик М.И.</i> Спорт в современной мировой политике	375
<i>Рябинин Е.В.</i> Россия и ее ответ на основные вызовы глобальной политической турбулентности	375
<i>Рябова Т.Б.</i> Советские кинообразы как ресурс легитимации моделей мужественности в современной России	377
<i>Рябченко Н.А.</i> Политическая коммуникация в период информационных кризисов: как управлять дискурсивными полями.	378
<i>Савенков Р.В.</i> Публичное оспаривание в политическом пространстве современной России	380
<i>Савина Е.В.</i> Механизмы повышения эффективности политической коммуникации партий с гражданами в современной России	381
<i>Саенко И.В.</i> Технологические мегапроекты как элемент публичной политики в Российской Федерации	382
<i>Саймонс Г.</i> Возможности и угрозы в контексте трансформирующегося глобального порядка.	383
<i>Самаркина И.В.</i> Молодежь и политика: содержание и тренды трансформации политической картины мира молодежи в новой геополитической реальности	384
<i>Саримсоков З.С.</i> Публичная дипломатия Турции в странах Центральной Азии	385
<i>Саркисян О.Л.</i> Трансформирующиеся идентичности в контексте реализации государственной политики.	386
<i>Сафонова О.Д., Федотов Д.А.</i> Аудит социально-демографических и социально-экономических характеристик современной российской молодежи.	387
<i>Сащенко Н.П.</i> Символическое кодирование политической картины мира и риски политического управления	388
<i>Севастьянов С.В.</i> Фрагментация мировой политики и экономики (на примере Азиатско-Тихоокеанского и Индо-Тихоокеанского регионов).	389
<i>Селезнева А.В.</i> Молодежное политическое лидерство как политико-психологический феномен: концептуально-методологические возможности исследования	390
<i>Семенов И.С.</i> Формирование новых политических пространств: фактор идентичности.	391
<i>Сергеев С.А.</i> Закат западноевропейских левых радикалов?	392
<i>Сергунин А.А.</i> Роль Санкт-Петербургского государственного университета в развии Арктической научной дипломатии России	393
<i>Серебряков К.Д.</i> Некоторые принципы организации внутреннего лоббирования в работе Государственной Думы Российской Федерации	394
<i>Сересова У.И.</i> Школьное обществознание: политическая социализация, «скрытый учебный план» и навыки критического мышления	395
<i>Сивкова Н.И., Новгородцева А.Н.</i> Принципы анализа власти как категории политической психологии	396
<i>Сивова С.А.</i> Политико-управленческие аспекты цифровизации российского образования.	397
<i>Сивцева Д.Д.</i> Взаимодействие власти и прекариата: к постановке проблемы	398
<i>Сидоров В.В.</i> Сравнительный анализ институциональных условий функционирования этнических партий	399
<i>Сизоненко А.Ю.</i> Ландшафт цифровой политической повестки дня: точки пересечений и разломов официального и гражданского дискурсов в онлайн-пространстве	400

<i>Симонова И.А.</i> «Нематеринские» практики матерей как фактор формирования политики поддержки женщин в России	401
<i>Скипин Н.С.</i> Изучение ценностей политической идеологии инвайронментализма у российской молодежи: методика и результаты	402
<i>Слобожникова В.С.</i> Религиозность в условиях глобальной турбулентности.	403
<i>Смаль С.В.</i> Бегство как угроза развития государства: вызовы для социальной сферы	404
<i>Сморгунов Л.В.</i> Технологическая инновационная система как задача политики технологического суверенитета	405
<i>Смулькина Н.В.</i> Ретроориентации в представлениях россиян о будущем страны	406
<i>Слисаренко К.Л.</i> Глобальные и национальные политические вызовы в дискурсе ведущих политических сил Республики Беларусь	407
<i>Соколов А.В.</i> Студенческие сообщества в социальных сетях: тематика и форматы коммуникации.	408
<i>Соколов Н.Н.</i> Современные тенденции применения цифровых технологий в политической сфере.	409
<i>Соколыцкий Л.М., Галимуллин Э.З., Бондаренко А.В., Семенов В.М.</i> Историческая память в контексте внешней политики США: случай президентства Дж. Байдена.	411
<i>Соловьев А.И.</i> Политические практики и стратегии российской государственной бюрократии	412
<i>Соловьев Д.А.</i> Депутаты от Тамбовской области в Госдуме VII и VIII созывов: изменилось ли распределение их власти?	413
<i>Соловьева Д.Д.</i> Меры укрепления общественного доверия и гражданской солидарности в условиях повышенной турбулентности на примере Свердловской области.	414
<i>Сонина Е.О.</i> Современные факторы функционирования государства как политического института.	415
<i>Соснин Д.П.</i> Функционально-ролевая позиция специалиста по публично-политическому сопровождению проектов городского развития	416
<i>Сосунов Д.В.</i> Дискурс стратегии развития и лидерства в публичном секторе Воронежской области	417
<i>Соцков М.В.</i> Зоны политической турбулентности как границы интересов глобальных участников	418
<i>Столетов О.В.</i> Геополитические изменения на пространстве Ближнего и Среднего Востока как фактор трансформации мирового порядка.	419
<i>Стрежнева М.В.</i> Эмоция и аффект в международных отношениях	420
<i>Стрелец И.Э.</i> Особенности цифровых платформ как эффективных каналов продвижения созидательных ценностей в студенческой среде	421
<i>Стюарт А.</i> Политическая стабилизация в Киргизской Республике: институциональные реформы и геополитика	423
<i>Су Шуай.</i> Основные методы политического влияния СМИ на общественное мнение	424
<i>Субботина А.А.</i> Мнение депутатов имеет значение: роль местных советов при избрании муниципальных глав по конкурсу	425
<i>Сулимов К.А.</i> Фракционная обусловленность территориально-политических представлений депутатов Государственной Думы	426
<i>Сун Шубо.</i> Потенциал регионального управления Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)	427
<i>Сунами А.Н.</i> Политическое управление рисками и проблема риск-солидарности	428
<i>Сунгуров А.Ю., Кукарцев С.М., Носков М.Ю.</i> Молодежные советы в муниципальных образованиях Ленинградской области.	428
<i>Сурсанова Ю.В.</i> Телеобраз Украины как зеркала российской политической самости на этапе формирования современной государственной политики идентичности	430
<i>Суслов Е.В.</i> Китай на распутье: что делать с Тайванем?	431
<i>Суслов С.И., Калашикова С.К.</i> Новейшие практики прикладных зарубежных исследований в области изучения политического доверия (2019–2022 гг.)	432
<i>Суховерхов К.К.</i> Эволюция подходов Республиканской и Демократической партий США к отношениям с Российской Федерацией в XXI веке на примере их внешнеполитических платформ.	433
<i>Сычев В.В.</i> Доверие как драйвер социально-экономического и политического развития.	434
<i>Табаринцева-Романова К.М.</i> Культурная и научная дипломатия как часть публичной дипломатии ЮНЕСКО	436
<i>Тарасов И.Н.</i> Этнитеты в региональной политике стран Балтии: электоральное измерение	437
<i>Тарусин П.В.</i> Политические решения как инструмент трансформации системы глобальной безопасности.	438
<i>Телин К.О.</i> «Мертвая рука»: наследие травм прошлого в российской политике	439
<i>Темирбулатов А.М.</i> Качество демократии в современном мире	440
<i>Терешенков А.М.</i> Мировая система здравоохранения: проблема функционирования в политических реалиях «эпохи пандемии»	441

<i>Тетерюк А.С.</i> Возможности конверсии экономических интересов национальных компаний во внешнеэкономическую дипломатию государств (на примере фармацевтической отрасли России)	442
<i>Тимакова О.А.</i> Проблемы и перспективы реализации «Стратегического компаса» ЕС	443
<i>Тимофеева А.П.</i> Медиакратия в трансформации межгосударственных конфликтов: сравнительный анализ роли традиционных СМИ и «Новых» медиа в современных гибридных войнах (выбор и обоснование критериев)	444
<i>Тимофеева Л.Н.</i> О нормах политической коммуникации в прокси-войнах	445
<i>Титов А.А.</i> Политический диалог в условиях глобализации (на примере современных отношений между РФ и ЕС)	446
<i>Титов В.В.</i> Российская национально-государственная идентичность в условиях «холодной войны 2.0»: инерция и новые вызовы.	447
<i>Толмачева И.В.</i> Трансформация института лоббизма в России в период международной турбулентности	448
<i>Томин Л.В.</i> Ж. Делез и Ф. Гваттари: пролегомены к теории кибернетического управления.	449
<i>Туманов А.И.</i> Революционный кинематограф: нация как единое целое и трансформация национальной идентичности в советском кино первой половины двадцатого века	450
<i>Туманов И.А.</i> Сверхдержавность России — ключевой фактор безопасности для всего человечества	451
<i>Тунаев А.В.</i> Концепт антропологии власти в контексте политики памяти современной России.	452
<i>Тюленева А.М.</i> Нормативно-правовое обеспечение языковой политики в Российской Федерации	453
<i>Удовенко И.П.</i> Цифровое измерение государства: от электронного документооборота к цифровым экосистемам	455
<i>Усенко Р.С., Чубак Р.М.</i> Анализ роли отраслевых деловых ассоциаций как центров экспертизы в контексте формирования эффективной отраслевой политики снижения импортозависимости российского агропромышленного комплекса (на примере Национального союза производителей молока)	456
<i>Усманова З.Р.</i> Образ будущего России в политическом сознании российской студенческой молодежи	457
<i>Усова Е.Ю.</i> Принцип гендерного равенства в идеологии и политической практике сионистского движения и Государства Израиль.	458
<i>Фадеев К.В.</i> Украина как эксплуатируемый США и ЕС инструментарий сдерживания внешней политики современной России	460
<i>Фадеева Л.А.</i> Конструкт «Украина — не Россия» как вызов российской идентичности	461
<i>Фам Ле Минь Хоанг.</i> Ассоциация государств Юго-Восточной Азии в меняющемся мире	462
<i>Фан Ньуан Тхи.</i> Коммунистическая партия Вьетнама в политической системе современного вьетнамского общества	463
<i>Фатихов Р.Ф.</i> Принципы правового демократического устройства государства как значимые условия стабильности в условиях глобальной турбулентности.	463
<i>Федоров В.И.</i> Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом	464
<i>Фенин К.В.</i> Механизм электронных праймериз партий «Движение пяти звезд» и «Подemos» как отражение концепта прямой демократии	466
<i>Филатова О.Г.</i> Публичная коммуникация граждан и органов местного самоуправления в экосистеме цифровых сервисов Санкт-Петербурга	467
<i>Фоминых А.Е.</i> Трансграничная академическая мобильность в Центральной Азии: вызовы пандемии и российско-украинского конфликта	468
<i>Фролов А.А.</i> Коммуникации в Интернете и формирование цифровых экосистем в политике	469
<i>Фролова Ю.Н.</i> Проблема трансформации сепаратизма в Европе: кейс Страны Басков.	470
<i>Хайнацкая Т.И.</i> Экологический лоббизм в условиях стабильной нестабильности: продвижение «зеленой» повестки	472
<i>Харитонова О.Г.</i> Валидность применения типологий политических режимов к анализу арабских стран.	473
<i>Хаткевич А.А.</i> БРИКС и ШОС как форматы реализации российской научной дипломатии	474
<i>Хачатрян В.А.</i> Теоретический подход к анализу образа государства.	475
<i>Храмова Е.В.</i> Парадипломатия Татарстана: социально-экономические отношения со странами Африки	476
<i>Хуажев А.А.</i> Атрибутивные повестки дня в отношении Северного Кавказа в оппозиционных и лояльных к власти СМИ	477
<i>Хун Цзиньцзинь.</i> Негосударственные акторы в новую эпоху мирового порядка на примере столкновения между Россией и Украиной	478
<i>Цао Хуань.</i> Исследование вопросов безопасности в Центральной Азии.	480
<i>Церович М.</i> Ретрадиционализация ценностных установок молодежи в Западных Балканах и Российской Федерации: сравнительный анализ	481
<i>Чанышев А.А.</i> Карл Ясперс о смысле и применимости квалификации «преступление против человечности».	483

<i>Челан А.И.</i> Роль ботов в процессе распространения фейковых новостей	484
<i>Чен Юнь.</i> Социальная интеграция и конфликт китайских иммигрантов в Италии: тематическое исследование Прато, «Города Вэньчжоу»	485
<i>Черемная Т.С.</i> Идеологические, психологические и религиозные аспекты протекания радикальных трансформационных процессов в России и мире.	486
<i>Чернавский А.С.</i> Особенности использования современных информационных технологий в современных политических процессах	487
<i>Черникова В.В.</i> Региональное гражданское общество: тест на солидарность.	488
<i>Чернышов Ю.Г.</i> Новые национальные идентичности и принятие государственной символики: опыт России и Казахстана.	489
<i>Чжао Лэй.</i> Система глобального управления Интернетом: неравенство и конфликтный потенциал	490
<i>Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.</i> Власть и лидерство в малом российском городе: современное состояние и динамика	491
<i>Чихачев А.Ю.</i> Жизнь после АУКУС: политика Франции в Индо-Тихоокеанском регионе	492
<i>Чугунов А.В.</i> Электронное взаимодействие граждан с властью: тренд на централизацию каналов электронного участия	493
<i>Чумиков А.Н.</i> Глобальные тенденции в мировом конфликтном поле	494
<i>Чупрова Д.А., Бондарев М.Д.</i> Анализ воздействия международной политико-экономической повестки на динамику национальной стратегии и тактики корпоративной политической активности в сфере формирования отраслевого госрегулирования (на примере GR-кампании РУСАЛа по развитию углеродного регулирования в России).	495
<i>Шаблинский А.И.</i> Проблема двойной лояльности Жан-Жака Руссо и классическая республиканская традиция	497
<i>Шабров О.Ф.</i> Новая мировая перестройка и новые факторы политического управления.	498
<i>Шадже А.Ю.</i> Политика идентичности в междисциплинарной парадигме.	499
<i>Шалаев Н.Е.</i> Явка, разнообразие выбора и эффект присоединения к большинству на общенациональных выборах в Восточной Европе	500
<i>Шамишур К.А.</i> Государственное управление историко-культурным наследием как объект исследования политической науки	501
<i>Шапиро Н.И.</i> Война иными средствами: экономический инструментарий великодержавного противоборства	502
<i>Шашкова А.В.</i> Новые инструменты антикоррупционной политики	503
<i>Шашкова Я.Ю.</i> Патриотические установки в сознании старших школьников СФО	504
<i>Шаяхметов А.М.</i> Модели и тенденции развития института руководителей региональных правительств регионов России: анализ управленческих профилей	505
<i>Швая А.Ю.</i> Институционализация православных практик региональной политико-административной элиты (на примере Санкт-Петербурга).	506
<i>Шведова Н.А.</i> Репродуктивные права в США: отход от прогрессивной тенденции	506
<i>Швецова А.В.</i> Противоречия дискурсивного поля российского госфеминизма	507
<i>Шестакова М.Н.</i> Политические факторы формирования инвестиционного климата в регионах РФ	508
<i>Шестакова М.Н., Попова О.В.</i> Факторы влияния на политическое доверие: региональный аспект	509
<i>Шестопал Е.Б.</i> Настоящее, прошлое и будущее в актуальном восприятии собственной страны российскими гражданами	510
<i>Шиловский Р.С.</i> Выборы главы Республики Бурятия 2022 года как пример поддержания общественно-политической стабильности в регионе	512
<i>Ширинкина А.В., Кашин Е.А.</i> Перспективы изменения китайской идеологии на фоне конфликта России и Запада.	513
<i>Шишов Н.Ю.</i> Польско-венгерские отношения после 24 февраля 2022 г.	514
<i>Шмелева О.Ю.</i> Общественно-политическая повестка социальных медиа в коммуникативном пространстве Рунета как вызов психологической устойчивости современного российского общества	515
<i>Шапагин С.А.</i> В поисках конкуренции: региональные различия на выборах законодательных собраний в 2021 году	516
<i>Шпиро Л.А.</i> Институты проектного управления как ресурсы развития территорий.	517
<i>Штриков С.А.</i> Практики антикризисной политической коммуникации в деятельности органов государственной власти РФ (на примере пандемийного кризиса)	518
<i>Шустров М.А.</i> Восточное партнерство Евросоюза на перепутье: результат украинского кризиса 2022 года.	519
<i>Щенина О.Г.</i> Сетевые аспекты политического взаимодействия	521

<i>Щербак А.Н.</i> «Православный пояс» на электоральной карте России в 2011–2021 годах	522
<i>Щербинина Н.Г.</i> Политическое конструирование медиареальности	522
<i>Юрченко В.М.</i> Контуры многовекторной политики обеспечения безопасности современной России.	524
<i>Юрченко И.В.</i> Анализ этнополитических проблем в контексте их отражения в информационном пространстве современного общества	525
<i>Юрченко Н.Н.</i> Векторы трансформации политико-административного управления РФ в условиях турбулентности	526
<i>Юрьев К.П.</i> Основные мировые экологические тренды современности и их актуализация в Российской Федерации	527
<i>Ягодка Н.Н.</i> Современные особенности участия студентов российских вузов в деятельности некоммерческих организаций	529
<i>Якимец В.Н., Никовская Л.И.</i> О реформе организации местного самоуправления в России: возможные негативные последствия и их минимизация.	530
<i>Ямалова Э.Н.</i> Цифровизация государственного управления: возможности и риски	531
<i>Янь Итун.</i> Новые вызовы управлению Арктикой	532
<i>Яхшиян О.Ю.</i> Сталинская корректировка Союзной Федерации	533
<i>Ячменник К.В.</i> Цифровые ресурсы развития территорий.	534

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская ассоциация политической науки проводит в 2022 г. Всероссийскую конференцию с международным участием «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности». Эта научная конференция приурочена к отчетно-выборной конференции РАПН.

Цель конференции — способствовать разработке в российской политической науке проблематики политического диалога в условиях трансформации современного миропорядка, а также ответам на политические вызовы глобальной турбулентности; внедрению новых подходов к современной публичной политике и управлению путем сочетания институционального, сетевого, коммуникативного, конфликтологического и идейционистского подходов; укрепление единства теории и практики в преподавании общественных дисциплин в вузах.

Сегодня можно наблюдать радикальные изменения в мировых и внутригосударственных делах. Обозначая это понятием, взятым из термодинамики, «турбулентность», мы хотели бы показать не только сложный, вихревой, динамичный процесс политических изменений, но и обозначить невозможность его описания одним подходом, одним научным направлением. Последняя версия научного анализа (теория хаоса, синергетика) представляет собой самостоятельный подход при изучении сложных (адаптивных) систем, которые не подчиняются линейному развитию, включают в себя синергетические компоненты самоорганизации, бифуркационные потоки, сложные причинные зависимости и т.д. Сложность, как считается, является результатом самой реальности, т.е. принадлежит к объекту исследования. В этом отношении известно, что политическая реальность характеризуется сложностью, определяемой характером современных политических отношений, множеством акторов, особенностью деятельности, открытостью политических систем, историчностью и т.д. Политика, описанная здесь языком физики и термодинамики, была близка к тому, чтобы объединить причудливым образом хаос борьбы и стремление к нормативному порядку, однако предложенная синергетикой картина была в определенном отношении далека от политического языка. В общем, различие между тем, что ожидалось от политической науки, и что она в своем существовании порождает, вылилось в такое политическое знание, которое, схватывая новые явления, тем не менее требует их перевода на язык политики, той политической науки, о которой писал Аристотель, когда утверждал ее деятельный характер: говорить не о справедливости, а научить мир быть справедливым. Как реакция возникает аксиологический поворот. На первый план выходит аксиологическое понимание сложной политики как ответственности. А для этого значение приобретает критический рационализм, основанный на немилитаристском понимании политического и на обращении ко всеобщему чувству, предполагающему единство политической онтологии и методологии. И политическая наука тогда продвигается к тому, чтобы стать элементом политической реальности, т.е. политики.

В этом отношении конференция направлена на формирование политического языка «глобальной бифуркации», который был бы понятен всем участникам политического процесса и был бы относительно точным для описания и объяснения сложной конфигурации современного мира. Ежегодная конференция РАПН организована в нескольких форматах, которые представлены ниже.

1. Основные тематические направления конференции:

- ОТ-1. Современный мир в условиях радикальных изменений
- ОТ-2. Теория политических изменений
- ОТ-3. Глобальная турбулентность и политический миропорядок
- ОТ-4. Политические вызовы глобальной турбулентности
- ОТ-5. Политические конфликты глобальной перестройки
- ОТ-6. Политический диалог: возможности и эффективность
- ОТ-7. Научная дипломатия в структуре ответов на политические вызовы
- ОТ-8. Глобальные участники политической турбулентности
- ОТ-9. Российский ответ на вызовы политической турбулентности
- ОТ-10. Украинский кризис как катализатор глобальной перестройки
- ОТ-11. Проблема неделимой безопасности и политические решения
- ОТ-12. Политическое сознание радикальных перемен
- ОТ-13. Политические режимы и глобальная турбулентность

2. Заседания исследовательских комитетов РАПН:

- ИК-1 по гендерной политологии
- ИК-2 по институциональным исследованиям
- ИК-3 по изучению мировой политики
- ИК-4 по политической психологии
- ИК-5 по политической социологии
- ИК-6 по политической элитологии

ИК-7 по проблемам прав человека
ИК-8 по сравнительной политологии
ИК-9 по гражданскому обществу, конфликтам и публичной политике
ИК-10 по публичной политике и управлению
ИК-11 по изучению идей и идеологий в публичной сфере
ИК-12 по политической регионалистике
ИК-13 «Информационные технологии в политике»
ИК-14 по политическому управлению: Политическое управление в условиях глобальных изменений
ИК-15 по геополитике и безопасности
ИК-16 по политической коммуникативистике: Политические коммуникации России в условиях изменения глобального информационного пространства: проблемы внутренней и внешней политики
ИК-17 по сравнительному изучению партийных и избирательных систем
ИК-18 по политической идентичности
ИК-19 по политической концептологии
ИК-20 по государству, бизнесу и гражданскому обществу
ИК-21 по политическому анализу
ИК-22 по публичной дипломатии
ИГ-1 по межрегиональному сотрудничеству

3. Специальные заседания, круглые столы

СЗ-1: 100-летие образования СССР: исторические и политические итоги
СЗ-2: Межгосударственные информационные войны
СЗ-3: Анализ трансформации поведения групповых акторов социально-политических отношений на микро- и макроуровнях: проблемы репрезентации и продвижения интересов
СЗ-4: Заседание Академии политической науки «Политика в сфере образования и будущее России»
КС-1: Диалог российской и европейской традиций политической философии
КС-2: Формирование гражданственности обучающихся в цифровом пространстве
КС-3: Историко-обществоведческие дисциплины в политической социализации школьников

На конференцию поступило более 550 заявок. Экспертным советом была проведена экспертиза заявок и отобраны для участия представленные в настоящем издании политологи и их материалы. Надеемся на плодотворное участие в конференции, обмен интересными идеями и обсуждение перспективных инноваций и планов.

*О.В. Гаман-Голутвина
Л.В. Сморгун
Л.Н. Тимофеева*

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В сегодняшнем глобальном мире технологии и средства массовой информации формируют культурную, социально-экономическую, а что самое главное, политическую повестку дня. Мир без социального пространства просто невообразим. Соответственно, Интернет и медиатехнологии создают для партий уникальную возможность привлекать избирателей посредством постов, фото или видео, предлагать инновационную, разнообразную, простую, эффективную, доступную, насыщенную новостями «социальную погоду». Большинство политических партий, депутатов, чиновников активно связывают свою политическую и общественную жизнь с Интернетом и социальными сетями. Массовое внедрение информационных и коммуникационных технологий также привело к появлению новых форм политического дискурса и взаимодействия. Такие платформы, как *Facebook*, *Twitter*, *WhatsApp*, *ВКонтакте*, *Телеграм*, выводят уровень общественно-политической коммуникации на совершенно новый уровень.

Для политических акторов это означает более острую, эффективную и, возможно, самое главное, широкомасштабную кампанию и финансирование. Для населения в целом это означает большую информированность и вовлечение в общественно-политическую жизнь страны. Что существенно повышает политическую культуру и грамотность населения.

При всем при этом социальные платформы носят интерактивный характер, поскольку избиратель является не только пассивным пользователем информации, но и играет активную роль и может давать обратную связь.

Одним из примеров успешной попытки использовать социальные сети для политической коммуникации были президентские выборы в США в 2008 году. На этих выборах бывший президент США Барак Обама интегрировал социальные сети в стратегию своей политической кампании. При этом он довольно эффективно использовал ее для поддержки своей «офлайновой» предвыборной кампании.

В процессе коммуникации социальные сети обеспечивают взаимную коммуникацию между пользователями в том смысле, что оба пользователя активно используют цифровую среду. Это отличается от традиционной медиакommunikации, в которой не существует активной коммуникации, поскольку один из ее пользователей создает информацию и является активным, а другой эту информацию потребляет и пассивен. Например, во время предвыборной кампании в традиционных средствах массовой информации то или иное сообщение создается кандидатом и распространяется теми же средствами массовой информации среди своих избирателей и электората; и почти всегда политик генерирует эту самую информацию, а аудитория лишь потребляет ее. Опять же это отличается от кампании в социальных сетях, в которой как политики, так и потенциальные избиратели могут генерировать, распространять и обсуждать любую информацию.

Что касается современной Грузии, то именно через социальные сети и Интернет политические субъекты пытаются предложить избирателям свою продукцию: предвыборную программу, рекламу, обещания, лозунги, идеи. Все это способствует тому, что границы «онлайн-медиа» в обществе расширяются, а границы «офлайн-медиа» сужаются.

В настоящее время все министерства и государственные ведомства, мэрии, городские советы, некоторые госслужащие и депутаты имеют свои официальные страницы в *Facebook*, где делятся разного рода информацией, а пользователи, в свою очередь, высказывают отзывы о происходящих событиях.

По статистике, «Фейсбук» является лидером среди социальных сетей. В Грузии «Фейсбук» пользуется неимоверной популярностью. По последним данным, население Грузии составляет 3 976 929 человек, а количество пользователей Интернета составляет 3 628 500 человек, т.е. примерно 90%¹.

Соответственно, прямые включения или видео членов партии или лидеров с использованием данной площадки вполне актуальны. В качестве наглядного примера можно привести нынешнего мэра Тбилиси Каху Каладзе. Для общения со зрителями он часто использует видеобращения, прямые включения.

Однако следует отметить, что социальные сети в Грузии часто используются и для политических манипуляций и спекуляций. Например, во время выборов в органы местного самоуправления в 2021 г. Алеко Элисашвили, лидер партии «Граждане», подвергся жесткой критике и нападкам, когда от его имени была создана страница «Сторонники Алеко Элисашвили», целью которой была дискредитация кандидата.

¹ Asia internet use, population statistics data and Facebook data — mid-year 2022. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats3.htm> (accessed: 04.09.2022).

Все это говорит нам о том, что на сегодняшний день социальные сети фактически формируют политическую и социально-экономическую конъюнктуру многих стран, выдвигая на первый план активное общение.

Абгаджав Д.А., Стребков А.И.
СПбГУ, Санкт-Петербург

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО КУПИРОВАНИЯ РИСКОВ

Усиливающийся политический конфликт порождает риски отрицания существующей власти, государственного устройства, а вместе с этим и частнособственнической основы общества. Политический конфликт, о котором идет речь, по своей силе не может превосходить силу отношений, потенция изменения которых заложена в частной собственности, но может превосходить силу государственной власти, которая, отклоняясь от демократии, все в большей мере начинает терять или постепенно сворачивать конституируемые или требуемые конкретно-историческим этапом развития общества политические функции. Такой политический конфликт сохраняет свою актуальность, являясь действенным инструментом системных оппозиций, которые, по утверждению В.В. Путина, «реально влияют на конкретную жизнь, особенно на уровне муниципалитетов, крупных городов и так далее» (Путин: Несистемная оппозиция нужна, потому что улучшает жизнь в стране // URL: <https://news.mail.ru/politics/40799062/?frommail=1>).

У политического конфликта наблюдаются две функции: положительная и отрицательная функции. В своем отрицательном функциональном значении политический конфликт выступает предвестником рисков для власти, стремящейся сохранить все как есть. Риск потери власти в том виде, в котором она вступает в политический конфликт, не выходящий за пределы господствующих отношений, есть риск формы при сохранении содержания. Изменение формы в рамках существующих отношений есть формальное изменение, не затрагивающее сути существующих отношений. Однако даже такое изменение заставляет государственную власть инкорпорировать в систему своего управления особый интерес, существенно изменяющий не только систему государственного управления, но и государственного устройства. Так, если общественное мнение за отказ от президентской формы правления в пользу парламентской, которая у нас теоретически возможна, но нецелесообразна (Путин заявил о нецелесообразности парламентской республики в России // URL: <https://ria.ru/20200122/1563734361.html>), то это симптом и перспектива очередного политического конфликта, который заставит политическую элиту под страхом риска потери влияния существенно поменять политическую форму, а вместе с ней и содержание. Риски формы тесно связаны с рисками содержания, и если этому не придавать значения, то хотя бы знать, что форма выдерживает давление в той мере, в какой она способна институционально разрешить конфликт, в какой мере политическая система способна требования, порожденные конфликтом, преобразовать в решения по его урегулированию.

Политическая конфликтология исходит из незыблемого факта, что любой конфликт, а вместе с тем и политический конфликт сопровождается рисками, риски являются эпифеноменом конфликта. Они либо находятся у истоков конфликта, когда риски потери существующего положения подталкивают к конфликту с целью его сохранения, либо на стадии совершения, когда уже сам конфликт сопровождается рисками проигрыша, либо на стадии завершения и разрешения, когда победившая сторона наделяется рисками потери отвоеванного посредством конфликта положения. Но отличие рисков, обуславливающих конфликт от рисков, обусловленных конфликтом, в том, что последние связаны с борьбой, которая не может быть без потерь. Потому в периоды борьбы увеличивается степень риска, ибо увеличивается не только перспектива отрицания в будущем, но и отрицания в настоящем, в моменты побед и поражений. Как жизни нет без рисков, так нет без рисков момента жизни, которым является конфликт.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»).

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В РОССИЙСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ-2022¹

Сегодня общественное мнение является эффективным каналом формирования электорального поведения людей в избирательных кампаниях. Такая функция позволяет политическим акторам, например государству, элите, политическим партиям, СМИ, бизнес-структурам и др., заставить общество проголосовать за нужного им кандидата, который впоследствии будет продвигать интересы этих акторов. Данная тема, безусловно, становится актуальной, так как современные технологии управления общественным мнением выстраивают новую повестку дня на выборах, а также продолжают совершенствоваться в информационном пространстве.

Современные российские выборы — это новый аспект политической реальности, который сопровождается изучением мнения населения на избирательных кампаниях. Прикладные исследования общественного мнения играют важную роль в демократических процессах. Так, можно указать несколько таких аспектов, *во-первых*, это получение достоверных сведений об электоральных предпочтениях избирателей. Сбор актуальной информации о состоянии общественного мнения позволяет выявить важные сведения о массовом сознании. *Во-вторых*, получение своевременной и объективной информации позволяет скорректировать ход избирательной кампании, среагировать на изменения состояния электората и сформулировать предвыборную программу кандидата или политической партии таким образом, чтобы она в наибольшей степени отвечала запросам населения. Таким образом, для получения большего числа голосов политики используют технологии управления общественным мнением.

Технологии формирования общественного мнения представляют собой совокупность последовательных приемов, способов и методов, которые направлены на выработку в обществе требуемых политическими акторами взглядов, убеждений и отношения к тем или иным фактам, событиям, явлениям или процессам действительности [1].

Один из таких видов — технологии обеспечения поддержки политическим решениям [3]. Смысл данной технологии заключается в том, что каждый хочет оказаться на стороне победителя, чтобы не оказаться в изоляции, в результате чего происходит внезапный скачок от одной позиции к другой, основанный на новой информации о том, кто в выигрышной позиции.

Особое значение приобретают медиатехнологии и интернет-технологии. Широкие возможности информационных технологий для манипулирования общественным сознанием привели к такому явлению социальных сетей, как фейковые новости, т.е. не соответствующая действительности информация, которая тем не менее имеет высокую степень распространения. Особенностью таких новостей является целенаправленное искажение социально значимых сообщений, содержание которых может изменить жизнь не только отдельного человека, но и всей страны в целом [2].

Следующий метод, о котором следует упомянуть, — это метод лоббирования. Чаще всего его используют частные лица или политические партии. Лоббирование осуществляется посредством продвижения своих интересов в органы государственной власти, оказывая при этом на нее свое влияние. Такой процесс чаще всего происходит накануне выборов в органы государственного управления.

Нельзя не сказать о такой политической технологии, как PR. Суть PR-деятельности заключается в обеспечении понимания у граждан сущности проблемы на основе взаимного доверия. Такой технологией пользуется и государство, когда оно хочет, на основе доверия, простимулировать людей в участии в демократизации управления государством, например прийти на избирательный участок и проголосовать.

Хотелось бы отметить некоторые особенности технологий избирательной кампании в 2022 году. Единый день голосования-2022 проходил в сложных геополитических условиях для России, что усилило конкуренцию на выборах среди партий и кандидатов (Навстречу 11 сентября: выборы на фоне спецоперации // Официальный сайт ВЦИОМ, 2022. URL: <https://wciom.ru/expertise/navstrechu-11-sentjabrja-vyboгу-na-fone-speroperacii> (дата обращения: 13.09.2022). Они активно вели PR-деятельность в социальных сетях, показывая свою открытость, искренность и готовность к прямому диалогу. Таким образом кандидаты привлекали людей проголосовать именно за них. С другой стороны, во время предвыборной кампании в социальных сетях распространялись фейки о том, что в рамках муниципальной реформы будут местные выборы по всей стране. К тому же фейки появлялись и во время Единого дня голосования, где говорилось о превышении полномочий наблюдателей на избирательном участке. Следовательно, можно сделать вывод, что сегодня политическим акторам легче управлять высокоразвитым обществом.

¹ Научный руководитель: Знаменский Дмитрий Юрьевич, доцент кафедры государственного управления и политических технологий ГУУ, канд. полит. наук.

Технологии управления общественным мнением будут расширяться и активно внедряться в следующие избирательные процессы. Научный интерес представляется в выявлении и исследовании новых методов управления общественным мнением в контексте выборов, который послужит появлению новых прикладных исследований в области политологии, социологии и других смежных с ними науками.

Литература

1. *Веснин В.А.* Технологии формирования общественного мнения // Власть. 2016. № 6. С. 70–74 (дата обращения: 10.09.2022).
2. *Ерохина О.В.* Инфокоммуникационные технологии для управления общественным мнением // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 49–54 (дата обращения: 12.09.2022).
3. *Сингаевская М.В.* Технологии управления общественным мнением // Социология. 2020. № 2. С. 71–80 (дата обращения: 12.09.2022).

Абрадова Е.С.
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Для большинства современных государств формирование национальной политики памяти является одной из основных составляющих политики идентичности, так как именно через интерпретацию событий прошлого государство транслирует необходимые смыслы и установки. Ценности репрезентуют символы, смыслы и деятельностные установки, которые прошли апробацию в историческом опыте народа и воспроизводятся в новых условиях. Представления об истории своей страны и народа далеко не всегда являются «естественно» сформировавшейся памятью поколений, а часто выступают объектом и результатом осознанного воздействия политических акторов. Поэтому «историческая память — всегда настоящее» (*Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. 40–41 (2–3)).

Политику идентичности можно представить через модель политической системы Д. Истона (*Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. 2000. Т. 2. С. 630), в которой требования и поддержка институтов трансформируются в политические решения. Таким образом, коллективной целью политической системы становится формирование основанной на ценностном ядре идентичности, отвечающей запросам общества и государства.

Особенно актуален вопрос выстраивания политики памяти для молодых государств, появившихся на политической карте мира в конце XX в. и длительное время не имевших опыта самостоятельной государственности, существовавших в рамках общего культурно-ценностного пространства. Такие государства в первую очередь пытаются сформировать у своих граждан представления о своей стране как о целостном, суверенном, самостоятельном субъекте международных отношений. Поэтому для таких государств оценка и представление народа о своем прошлом зачастую важнее, чем его настоящее. Формирование представлений о прошлом в настоящем происходит за счет выстраивания определенной системы интерпретации исторических событий через разнообразные формы культуры: кинематограф, литературу, живопись, музыку. Особую роль в трансляции ценностей и формировании идентичности играет образовательная среда, так как именно школы и университеты закладывают ценностные ориентации будущих взрослых граждан, национальные праздники и традиции, массовые мероприятия.

В 90-е годы XX в. Россия пережила серьезный кризисный период и оказалась в ситуации ценностного «вакуума», когда старая система ценностей рухнула. Условно процесс становления новой системы ценностей и выстраивания национальной политики памяти можно разделить на два этапа: с начала 2000-х — первый этап формирования основ национально-государственной идентичности российских граждан, поиск новых ценностных ориентаций. Начало этого этапа было во многом связано с пониманием необходимости формирования «новой» идентичности, отсутствием единства нации, противоречиями в оценке истории страны. С 2013–2014 гг. начался второй этап, включающий в себя трансляцию образа сверхдержавы и резкое противопоставление российских национальных ценностей и российской идентичности западным. Рассматривая подробнее второй этап, можно выделить основные направления:

1. Популяризация отечественного кинематографа как канала трансляции национальных ценностей (патриотизм, справедливость, нравственность).
2. Формирование национальной идентичности через изучение народных традиций в школах и вузах.

3. Государственные праздники как значимые факторы формирования и сохранения национальной идентичности.
4. Изучение истории по новым учебникам, переформатированным под единый историко-культурный стандарт (Информационное агентство России ТАСС: <https://tass.ru/obschestvo/2178614>).

Во многом отношение к героическим страницам истории России не только используется как основа формирования идентичности граждан внутри страны, но и является важным ресурсом во внешней политике.

Таким образом, политика идентичности и политика памяти как ее инструмент всегда направлены на интеграцию общества в целях достижения политических целей гражданского единения. Политическая элита конструирует идентичность, чтобы интегрировать общество. Чем больше в обществе расколов и чем они глубже, тем труднее государству выстраивать политику идентичности и политику памяти. При этом у населения государства всегда есть собственные представления об истории своей страны и национальных ценностях. Политика памяти успешна и приносит свои плоды тогда, когда, *во-первых*, представление элит об интерпретации истории совпадает с представлениями об истории своей страны, которые есть в народе, и, *во-вторых*, когда она выполняет функцию интегратора разобщенных слоев населения, отвечая на их запросы.

Абрамова Е.Н., Аникин В.И.
Дипломатическая академия МИД России, Москва, Сколтех

РОЛЬ ИДЕОЛОГЕМ В УКРАИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Идеологемы, как «слова и фразеологизмы, идеологическое значение которых формируется в результате активного употребления в определенных идеологических контекстах» (*Радина Н.А. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии COVID-19) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 5*), являются смыслообразующими единицами политического дискурса. Они способны оказать колоссальное информационное воздействие на реципиентов информации в соответствии с интересами коммуникатора. На современном этапе в украинском политическом дискурсе особое звучание приобрели идеологемы, связанные с Союзом Советских Социалистических Республик и Россией.

Важной вехой актуализации терминов в соответствии с идеологией современного украинского режима стало принятие на Украине в 2015 г. законов о так называемой декоммунизации. В данных документах в один ряд поставлены термины «коммунистический» и «нацистский», СССР и нацистская Германия (Закон Украины от 9 апреля 2015 г. № 317-VIII «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» // URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/317-viii> (дата обращения: 28.09.2021)). Вина за начало Второй мировой войны возложена на СССР и гитлеровскую Германию (Закон Украины от 9 апреля 2015 г. № 315-VIII «Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років» // URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/315-viii> (дата обращения: 28.09.2021)). Деятели украинской повстанческой армии провозглашены борцами за независимость от СССР и Германии (Закон Украины от 9 апреля 2015 г. № 314-VIII «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті» // URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/314-viii> (дата обращения: 28.09.2021)), что способствует искажению исторических фактов широкомасштабного продолжительного сотрудничества УПА с гитлеровскими оккупационными силами.

Нацеленность официального Киева на переоценку истории и дискредитацию роли Советского Союза во Второй мировой войне через попытки уподобить его нацистскому режиму Германии того времени свидетельствует о том, что нацизм и фашизм Второй мировой негативно воспринимается значительной частью украинской общественности. При этом из уст официального Киева в адрес Москвы сегодня звучат обвинения в имперских амбициях, тоталитаризме, специально сконструированы и введены в оборот в школьном обучении (Оновлено зміст навчальних програм ЗСО // URL: <https://mon.gov.ua/ua/news/onovleno-zmist-navchalnih-program-zso> (дата обращения: 10.09.2022)) на Украине термины «рашизм», «политика россификации».

Использование таких идеологически наполненных терминов оказывает влияние на украинское население и соответствует открыто транслируемым намерениям официального Киева дистанцироваться от России в культурно-историческом измерении.

При этом победа над гитлеровской Германией является одним из ключевых столпов при формировании политики исторической памяти в российском официальном политическом дискурсе. В связи

с этим стремление Киева к сепарации от России и общего прошлого путем конструирования исторической памяти на Украине на основе почитания деятелей УПА, а также попытки физического, морального и иного притеснения населения, ассоциирующего себя с русской культурой, воспринимаются официальной Москвой как проявления откровенно нацистских интенций украинских правящих кругов.

Теоретическим конструктом для понимания выбора провокационных идеологов в украинском политическом дискурсе как элементов информационно-психологической борьбы против России может стать предложенная отечественным исследователем А.В. Манойло концепция управления конфликтами. Выделенная им англосаксонская модель¹ предполагает инициацию конфликта по политическим мотивам в регионе, представляющем насущный интерес для США и их союзников.

Авазов К.Х.
СОНЦПП, Ташкент, Узбекистан

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР КАК ОСНОВА УГРОЗОУСТОЙЧИВОСТИ ОБЩЕСТВА

Еще в XVIII веке А.Н. Радищев, рассуждая о легитимности власти и прочности государства, писал: «Познает всякий благорассуждающий, что твердость силы и власти в государстве имеет основание во мнении, и что оно делает закон законным, т.е. делает его действительным» (*Радищев А. Н. О законоположении* // Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения (К 150-летию со дня смерти. 1802–1952 гг.). М.: Госполитиздат, 1952. С. 473).

Исследователи выделяют следующие критерии легитимности государственной власти:

- 1) применение властью насилия зависит от уровня развития политической культуры общества и степени сформированности политического сознания;
- 2) уровень соответствия властных структур тем или иным нормам, как общеобязательным, так и не общеобязательным — необходимо помнить, что нормы достаточно разнообразны и имеют противоречивый характер; зачастую они устанавливаются государством, но при этом не всегда поддерживаются обществом;
- 3) уровень электоральной активности населения государства (Стратегический вектор обеспечения международной информационной безопасности: Сборник / Сост. М.А. Вус, О.С. Макаров; СПб.: СПИИРАН, 2016. — 122 с.).

Концепция власти составляет ядро, основу политической науки. По словам Дж. Катлина, концепция власти носит фундаментальный характер в политологии. Р. Макивер считает, что все, что происходит вокруг нас, так или иначе связано с властью. Это власть, которая обеспечивает порядок и мир в государстве. Политология является областью изучения социального контроля или, более конкретно, контрольной взаимосвязи человеческих и даже животных отношений. Следует помнить, что власть не является чем-то абсолютным, это только инструмент, который используется по отношению к чему-либо.

По определению М.А. Василика, «легитимность — это признание в обществе законности какого-либо действия, события или факта» (*Василик М.А. Политология. М., 2014. С. 15–21*). Задача легитимности — обеспечить согласие в социуме, подчинение граждан власти без принуждения и насилия. При этом если власти необходимо применить силу, то ее пределы тоже определяются легитимностью.

Существуют следующие средства поддержания легитимности со стороны власти:

- внесение изменений в законодательство и механизм государственного управления в соответствии с новыми условиями;
- использование национальных традиций в законотворчестве и при принятии конкретных политических решений;
- реализация легальных мер предосторожности против возможного снижения легитимности власти;
- поддержание в обществе законности и правопорядка и др.

Показателями легитимности власти выступают:

- уровень принуждения, применяемый для проведения политики в жизнь;
- наличие попыток свержения правительства или лидера;
- сила проявления гражданского неповиновения;
- результаты выборов, референдумов;
- массовость демонстраций в поддержку власти (оппозиции) и др.

¹ Манойло А.В. Управление конфликтами. Модель психологической операции // Акмеология. 2009. № 1.

Легитимность власти соотносится с противоположным ей процессом делегитимации — утраты доверия, лишения политики и власти общественного кредита. Основными факторами делегитимации являются:

- 1) противоречие между универсальными ценностями, господствующими в обществе, и эгоистическими интересами властвующей элиты;
- 2) противоречие между идеей демократии и социально-политической практикой, которое проявляется в попытках решить проблемы силовым путем, нажимом на средства массовой информации;
- 3) отсутствие в политической системе механизмов по защите интересов народных масс;
- 4) нарастание бюрократизации и коррумпированности;
- 5) национализм, этнический сепаратизм в многонациональных государствах, проявляющийся в отвержении федеральной власти;
- 6) потеря правящей элитой веры в правомерность своей власти. Возникновение внутри нее острых социальных противоречий, столкновение разных ветвей власти (Безопасность жизнедеятельности / Е.И. Холостова, О.Г. Прохорова. М.: Дашков и К°, 2017. — 456 с.).

Одним из факторов, лежащих в основе определения степени эффективности процесса легитимации власти и уровня легитимности власти, является поддержка и признание народом таких институциональных основ.

Таким образом, сегодня так часто можно слышать рассуждения на тему легитимности (нелегитимности) политических режимов, что складывается впечатление, будто речь идет о каком-то универсальном параметре «правильных» государств. Доверие к институтам публичной власти, безусловно, тесно связано с проблемой ее эффективности. В западных демократиях смена находящихся у власти партий или партийных коалиций в первую очередь обусловлена постоянными изменениями в требованиях политически активных групп граждан к уровню потенциала государства.

Авджу Х.
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

«МЯГКАЯ СИЛА» ТУРЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В полицентричном мироустройстве и условиях глобальной конкуренции за сферы влияния в определенных регионах субъекты международных отношений стали все больше внимания уделять методам «мягкой силы» воздействия на зарубежную аудиторию для достижения своих внешнеполитических целей.

Турция после 2000-х годов придавала большое значение инструментам «мягкой силы», а с приходом к власти ПСР (Партии справедливости и развития) «мягкая сила» приобрела особое значение во внешней политике. За длительный период правления ПСР Турция создала сеть государственных институтов для формирования благоприятного внешнеполитического образа. Усилия общественной дипломатии были в центре этой политики при поддержке нескольких правительственных и неправительственных учреждений, таких как *ТИКА* (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации), *TRT* (Турецкая телерадиокомпания), *АА* (Агентство Анатолу), *УТВ* (Президентство по делам турок за рубежом и связанных с ними общин), *KIZILAY* (Турецкий красный полумесяц), *YEE* (Фонд Юнуса Эмре), *DİB* (Управление по делам религии), *TÜRKSOY* (Международная организация тюркской культуры), Министерство иностранных дел, Министерство туризма и культуры и другие организации¹.

По словам Калина, главного советника Президента Турецкой Республики, Турция умножает свои инициативы как в количественном, так и в качественном отношении, чтобы увеличить свой потенциал «мягкой силы» и укрепить свое влияние на международной арене, усиливая тем самым свои экономические и политические связи с другими странами². В связи с этим Турция наращивает использование «мягкой силы» на постсоветском пространстве, особенно по отношению к России. Так, например, Турция после окончания периода биполярной конфронтации начала формировать новые идентичности не только на постсоветском пространстве, но и в регионах с тюркоязычным и мусульманским населением РФ³.

¹ *Sen O.* Targeted Soft Power In Turkish New Foreign Policy and Its Impact on Origins of In-Bound Tourists // *Journal of Tourism Theory and Research*. 2019. 5:1. P. 65–74. URL: <https://dx.doi.org/10.24288/jttr.532357> (accessed: 14.09.2022).

² *Kalın İ.* Soft Power and Public Diplomacy in Turkey // *Perceptions: Journal of International Affairs*. Autumn 2011, 16 (3). 5–24. P. 10. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/816442> (accessed: 13.09.2022).

³ *Аватков В.А.* «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России / В. А. Аватков, А. Ш. Бадранов // *Право и управление*. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 5–10. EDN REXXGV.

Например, ТИКА внесла существенный вклад в проведение Социального форума Турция–Россия, который является одним из трех органов, входящих в состав Совета сотрудничества высокого уровня, созданного между Турцией и Россией в 2010 году и возглавляемого лидерами двух стран. Кроме того, ТИКА также поддерживала мероприятия, проводимые в рамках соглашения между Турцией и Россией «2019 год культуры и туризма».

УЕЕ, начавшая свою деятельность в 2009 году, имеет более 63 культурных центров за рубежом. Институт имеет два Центра в РФ в Москве и Казани.

Стипендии турецкого правительства и вопросы, связанные с иностранными студентами, находятся в ведении УТВ. Россия входит в число стран, где УТВ предоставляет стипендии российским студентам. АА и TRT имеют представительство в Москве и вещают на русском языке.

Наблюдатели со стороны РФ созданной в 1993 году ТЮРКСОЙ являются Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Республика Тыва и Республика Хакасия.

У DIB есть Консультационная служба по предоставлению религиозных услуг в Москве. Кроме того, в столице Башкортостана Уфе есть координатор религиозных служб.

Турецкие авиалинии, которые летают в 36 различных направлениях по России, стали также одним из важнейших элементов «мягкой силы» Турции.

Помимо деятельности этих организаций как индикатора турецкой «мягкой силы», большое влияние имеют турецкие сериалы и программы, которые охватывают миллионы зрителей по всему миру.

Помимо этих направлений и организаций, следует отметить выбор Турции российскими гражданами в качестве страны для отдыха. К тому же достаточно широко распространены турецко-российские браки, способствующие формированию прочной среды взаимодействия на межличностном уровне.

Таким образом, воздействие «мягкой силы» Турецкой Республики в российских регионах многогранно и представлено широким спектром инструментов, что закладывает благоприятную почву для развития прочных турецко-российских отношений на самом высоком уровне.

Авдоница Г.Г.
ГД ФС РФ, Москва

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ЗАКОНА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПАБЛИКАХ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

С 1 декабря 2022 года начнет действовать федеральный закон, обязывающий государственные органы, органы местного самоуправления или подведомственные организации создавать официальные страницы или то, что мы называем словом «паблики», в социальных сетях.

Актуальность закона сомнений не вызывает: власть не может не считаться с тем, что современная практика восприятия информации гражданами происходит в большей части через социальные сети. Это подтверждается тем, что совокупная аудитория пабликов органов власти в социальных сетях превышает 45 миллионов пользователей (можно сказать, что это половина всех пользователей на территории нашей страны). По мысли авторов, закон лишь поторопит менее расторопных, заменив добрую волю нормой прямого действия, и расширит процесс, обеспечив его системность.

В пояснительной записке к законопроекту указано, что он призван определить понятие «официальная страница» в федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», установить обязанность органов власти размещать на них актуальную информацию о своей деятельности и расширить круг субъектов регулирования, а именно включить подведомственные государственным органам, органам местного самоуправления организаций в число тех, кто должен обеспечить доступ к информации о своей деятельности посредством социальных сетей.

То есть обязанность вести социальные сети теперь вменяется и учреждениям, не входящим в систему органов госвласти, но подчиняющимся им, например муниципальным унитарным предприятиям, фондам, которые с точки зрения обращений по насущным проблемам для людей имеют не меньшее значение, чем органы власти.

Но мы должны понимать, что закон распространяет свое действие только на органы власти и не касается физических лиц, например депутатов или губернаторов. Кроме того, закон устанавливает, что ведомства, находящиеся в прямом подчинении Президенту Российской Федерации, будут индивидуально определять порядок создания своих страниц. Правда, отметим, что сегодня и у МВД России, и у прокуратуры такие паблики уже есть.

Помимо обязанности регулярного информирования о своей деятельности, ведение госпабликов должно обеспечить механизм обратной связи и позволить оперативно связываться с органами власти.

Здесь новый закон корреспондируется с действующим законодательством об обращениях граждан и укладывается в логику общей работы по обеспечению доступа к социально значимым интернет-ресурсам, так как социальные сети включаются в перечень бесплатных ресурсов. Также устанавливается прямое взаимодействие между социальными сетями, страницами органов власти в этих сетях и сайтом государственных услуг, для того чтобы у граждан была простая и доступная возможность сразу же перейти на соответствующий портал, получить необходимые государственные услуги.

Можно ли будет оценить эффективность закона о государственных пабликах в социальных сетях по каким-то критериям? Председатель Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи, один из его авторов, А.Е. Хинштейн, прямо отвечает: «Нет!» Прописать КПД от ведения официальных страниц органами власти в самом законе нереально, это окажется абсолютным популизмом. Но контроль должен быть, и он не обязательно должен ложиться на бумагу в виде законодательного акта. При обсуждении законопроекта на пленарном заседании прозвучало, что профессиональное выполнение вводимых норм органами власти на местах должно проверяться, прежде всего, депутатами Госдумы, избранными от территорий и представляющими конкретные регионы.

Кроме того, нам представляется, что предлагаемая система обратной связи и публичного информирования априори должна помешать заметить проблемы под ковер до момента заметного или необратимого ухудшения ситуации. Закон о превращении ведения пабликов из доброй воли в обязанность, четкая регламентация процесса призваны сделать власть максимально доступной людям.

Авксентьев В.А.
ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ

В проводимой российским государством политике идентичности и ее региональных имплементациях основная проблема, на решение которой направлены усилия политических акторов, является «конкуренция» между общероссийской (гражданской) и этнической идентичностью. Конфессиональная идентичность, составляющая важную часть социокультурной идентичности россиян, особенно в контексте поддерживаемого государством возрождения «традиционных» религий, находится на периферии политики идентичности.

В настоящей публикации представлен анализ места конфессионального компонента в этноконфессиональной идентичности молодежи Юга России. Для «большого Юга» и особенно Северного Кавказа эта проблема актуализируется в связи с тем, что этнополитическая напряженность в регионе снижается, в то время как религиозный компонент социально-политических процессов становится более значимым. В основу анализа положены социологические опросы среди учащейся молодежи (вузы), проведенные в сентябре–октябре 2021 г. в четырех регионах Юга: Ставропольский край, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия — Северо-Кавказский федеральный округ, Краснодарский край — Южный¹. Проведено сравнение с результатами исследования 2009 г., осуществленного по аналогичной методике².

В 2021 г. как «очень важную» или «важную» свою конфессиональную идентичность определили 51,8% респондентов (в 2009 г. — 76%), при этом для народов христианской культуры эти показатели составили соответственно 38,4 и 66,3% (снижение на 27 п.п.), для народов мусульманской культуры — 73 и 90,2% соответственно (снижение на 17,2 п.п.). Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на активное присутствие конфессионального фактора в социально-политической и конфессиональной жизни России, роль конфессионального компонента социокультурной идентичности в молодежной среде Юга России снижается, в том числе среди респондентов-мусульман. Однако такой вывод был бы поверхностным: произошло снижение значимости всех видов идентичности, по которым проводился замер: гражданской, этнической, региональной. Среди шести видов идентичностей в 2021 г. особую важность конфессиональной идентичности отметили 30,6% респондентов; более высокие показатели характерны лишь для этнической идентичности — 32,2%. Однако по сумме позитивных ответов конфессиональная идентичность (51,8%) уступает не только этнической (66,6%), но и российской гражданской (63,9%), а также субрегиональной (житель края

¹ Методику исследования см.: Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 78.

² Авксентьев В.А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 18–27.

или республики — 60%) идентичностям и превосходит только макрорегиональную идентичность (житель Северного Кавказ / Юга России).

Для оценки изменения места конфессионального компонента в структуре этноконфессиональной идентичности необходимо выявить соотношение динамики двух видов идентичностей (этнической и конфессиональной) в интервале 2009–2021 гг. В 2009 г. как «очень важную» и «важную» этническую идентичность определили 83,6%, соотношение с аналогичным показателем по конфессиональной идентичности — 1,1. В 2021 г. это соотношение стало 1,28: значимость этнической идентичности в паре «этническое/конфессиональное» по всему исследовательскому массиву возросла, но незначительно. У народов, относящих к христианской культурной традиции, это соотношение составило в 2009 г. 1,17, в 2021 г. — 1,5; у народов мусульманской культурной традиции — в 2009 г. 1,02, в 2021 г. — 1,11. Можно сделать вывод, что тенденция роста значимости этнической идентичности в паре «этническое/конфессиональное» прослеживается у народов как христианской, так и мусульманской культуры, хотя у народов христианской культуры эта тенденция более выражена.

Таким образом, на изученных территориях этничность сохраняет свой лидирующий статус в структуре этноконфессиональной идентичности молодежи. При этом этническая и конфессиональная идентичности не находятся в ситуации конкуренции, а взаимодополняют друг друга: конфессиональная идентичность «оттеняет» этническую. Конфессиональные процессы в обществе нуждаются в меньшем внимании со стороны государства, чем этнические. Однако до сих пор не удалось выработать концепцию государственно-конфессиональных отношений в России (по аналогии с доктринальными документами в области национальных/межэтнических отношений), более того, ставится под сомнение необходимость таких документов. Между тем региональные власти испытывают потребность в такого рода документах и фактически самостоятельно определяют принципы политики в этой сфере.

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00132.

Агабекян Р.К.
КубГУ, Краснодар

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ GR-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ, БИЗНЕСА И НКО

В современной отечественной политической науке региональный лоббизм недостаточно изучен, особенно в вопросе специфики протекающих процессов лоббирования внутри субъектов РФ. В ситуации, когда нет регулирующего федерального законодательства, каждый регион самостоятельно решает проблему построения легальной системы коммуникационных каналов связи. Экономические, социальные, политические, территориальные и иные характеристики субъекта РФ влияют на формирование модели взаимодействия между властью, бизнесом и НКО.

Автор провел исследование, эмпирическую основу которого составил анализ нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней, материалов СМИ, открытых данных онлайн-портала исследуемых организаций и органов власти, а также экономической статистики.

В исследовании использовались сравнительный и ситуационный анализы. Сравнительный анализ позволил сопоставить изучаемые политические явления и найти точки разломов и пересечений в способах реализации взаимодействия бизнеса, НКО и власти. Также в исследовании использовался метод кейс-стади, который дал возможность определить основные проблемы в практике взаимодействия государственных органов власти и представителей бизнес-структур и некоммерческих организаций. Результаты данных методов легли в основу анализа эффективности применения моделей лоббистской и GR-деятельности на региональном уровне.

Были рассмотрены и типологизированы 85 субъектов РФ по институциональным критериям и особенностям лоббистской деятельности в субъектах РФ: регионы с высоким, средним, умеренным и низким уровнями. Анализируя GR-практики в регионах с высоким лоббистским потенциалом (город федерального значения Москва, город федерального значения Санкт-Петербург, Московская область и Краснодарский край) и в зависимости от того, кто выступает субъектом-инициатором GR-коммуникации, были выделены и описаны три региональные модели GR-взаимодействия: модель «открытых коридоров»; модель «переговорной площадки»; модель «активного влияния».

Модель «открытых коридоров» предполагает, что сами местные органы власти могут выступать инициатором GR-коммуникации, так как регион одновременно является как объектом воздействия, так и субъектом лоббирования. В данном случае представляется система реализации региональных интересов посредством организованного воздействия на экономические структуры. Она успешно осуществляется в субъектах с высокими социально-экономическими показателями, прогрессивной нормативно-правовой базой и активным бизнес-сообществом. Региональные власти создают профильные

структуры для открытого диалога с предпринимателями, разрабатывают специальные конкурсные программы, организуют форумы, курсы, тренинги, семинары и консультации, тем самым формируют доступные и прозрачные GR-каналы.

Модель «переговорной площадки» сформирована на основе деятельности некоммерческих организаций. НКО представляет и защищает различные общественные и частные интересы. Несмотря на то что некоммерческая организация фактически выступает самостоятельным субъектом лоббирования, она представляет собой важнейшую институциональную структуру, цель которой заключается в выработке решений на основе компромисса между своими членами, органами власти, а также представителями общественности.

Модель «активного влияния» основана на деятельности коммерческих организаций, стремящихся получить наиболее выгодные условия для реализации своих корпоративных интересов. Региональная власть не способна объективно удовлетворить потребности всех общественных групп одновременно и в полной объеме, в связи с этим закономерно стремление субъектов лоббирования оказывать на них воздействие с целью переориентации политики в свою пользу.

Проведенное исследование позволило определить, что экономические, социальные, административные, территориальные и иные региональные особенности определяют модель лоббистского взаимодействия между властью, бизнесом и НКО в субъектах РФ. Для регионов с высокими социально-экономическими показателями, прогрессивным законодательством и сформированным деловым сообществом характерна модель «открытых коридоров». В регионах, где отмечается расхождение интересов между властью и активным бизнес-сообществом, приживается модель «активного влияния», так как предприниматели всегда заинтересованы в создании комфортной экономической среды для реализации своей экономической деятельности. Регионам с развитыми территориальными НКО присуща модель «переговорной площадки», где организация выступает арбитром в диалоге власти и бизнеса. Все предложенные модели лоббирования напрямую характеризуют участников, инициирующих процесс лоббирования, так как существует четкое социальное разделение зон влияния в обществе между властью, бизнесом и некоммерческими организациями.

*Агазаде М.М.
РУДН, Москва*

ФАКТОР АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ТЮРКОВ В ИРАНЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Исламская Республика Иран (ИРИ), официально отказавшаяся от политики ассимиляции всех неперсидских народов шахского режима, является одной из стран с самым большим этническим разнообразием. С учетом численности народов и этнических меньшинств в Иране, обычно их разделяют на две части в соответствии с языковым фактором — ираноязычные и тюркоязычные. Среди тюркоязычных этнических групп особое место занимают азербайджанские тюрки, которые в иранской историографии считались самой лояльной этнической группой до начала XX в., однако этот социальный статус был утрачен в результате роста национализма в Иране в начале двадцатого столетия. С целью получения автономии или независимости в течение прошлого века они активно принимали участие в политических процессах в Иране: движение Хиябани 1917–1920 гг.; Азербайджанское народное правительство, созданное с помощью советского руководства и просуществовавшее в 1945–1946 гг.; Исламская революция 1979 г.

С появлением в 1991 г. независимой Азербайджанской Республики наблюдался вновь рост национализма среди азербайджанских тюрков в Иране, что привело к изменению характера национальной политики исламской республики. Иранское правительство начало менять названия провинций, в которых компактно проживают азербайджанские тюрки, и их границы под предлогом демографических причин. Впоследствии Иранский Азербайджан был разделен на 4 провинции — Восточный Азербайджан, Западный Азербайджан, Ардабил и Зенджан. Более того, оскорбление в различных средствах массовой информации тюркоязычных народов в 2006, 2015, 2016, 2018 гг. привело к народным демонстрациям против иранских властей, в результате которых шиизм утратил свою функцию соединительного элемента и религиозный фактор, представляющий собой одну из составляющих национальной идентичности Ирана, уступил понятиям нации и языка.

Нужно подчеркнуть, что, хотя азербайджанские власти официально считают вопрос об иранских азербайджанцах исключительно внутренним делом ИРИ, Тегеран с подозрением относится к данной позиции Баку и пытается в ответ пользоваться радикальным шиитским религиозным словом населения Азербайджанской Республики (АР), а также персоязычными народами, проживающими в ней. Однако, в отличие от позиций азербайджанцев в ИРИ к Тегерану, персоязычные народы в АР более лояльны к азербайджанским властям. Основной причиной этого является тот факт,

что эти народы не подвергаются оскорблениям, изучают родной язык в средних школах и каждый год Баку выделяет значительную сумму для развития их региона. А что касается шиитского фактора в отношении Азербайджана, события в ходе Второй карабахской войны (ВКВ) продемонстрировали, что в случае внешней угрозы все слои населения АР, независимо от их религиозных убеждений, едины вокруг азербайджанских властей. Кроме того, во время ВКВ азербайджанцы, проживающие в Иране, численность которых достигает до 26 млн человек¹, организовали в ходе боевых действий митинги в ряде городов Ирана в поддержку своих северных соотечественников, что стало причиной обеспокоенности иранских властей.

Таким образом, ввиду военно-политических событий на Южном Кавказе вопрос национализма остается актуальным для Тегерана. Наряду с тем, что иранские азербайджанцы играют значительную роль в военной жизни ИРИ, они также стараются быть активными и в политической жизни страны. Это стремление обусловлено тем, что на протяжении нескольких веков они занимали важное место в политическом управлении Ирана, а также их желанием обеспечить возможность расширения своих прав в будущем. Однако ущемление их интересов тем или иным образом вызывает напряженность в пределах Ирана. А любое возможное противостояние между этническими группами в Иране может привести к нарушению стабильности не только в Иране, но и в регионе в целом.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00067. URL: <https://rscf.ru/project/22-78-00067/>.

Аксюмов Б.В.
СКФУ, Ставрополь

ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ (2009–2021 ГГ.)

В мировой и российской политической науке традиционно фокус исследовательского внимания в области проблем идентичности сосредоточен на дихотомии гражданское/этническое. Изучение региональной идентичности, особенно это касается сложносоставных обществ, вносит важный вклад в уточнение этой дихотомии. Как правило, низкий уровень региональной идентичности, отсутствие на ее основе этнополитической мобилизации свидетельствуют о росте гражданской идентичности, накладывающейся поверх этнорегиональных барьеров. С другой стороны, укрепление региональной идентичности может свидетельствовать о повышенной этнополитической активности в том или ином регионе, особенно если этот регион характеризуется выраженной этнокультурной спецификой. В этом смысле Юг России (в широком смысле, включая республики Северного Кавказа) вызывает повышенный интерес как регион мультикультурный, с серьезным потенциалом политизации этничности. Кроме того, проведенная в 2010 г. административная реформа по выделению из Южного федерального округа Северо-Кавказского федерального округа еще больше усложнила региональную структуру и повлияла на динамику основных макросоциальных идентичностей.

В 2009 и 2021 гг. нами по единой методике были проведены опросы среди студенческой молодежи Юга России в четырех территориях-ключях — Краснодарском и Ставропольском краях, Кабардино-Балкарии (КБР) и Карачаево-Черкесии (КЧР). В обоих случаях было опрошено по 1400 человек, выборка в целом соответствовала этноконфессиональному составу населения указанных субъектов. Исследование 2021 г. показало довольно резко снижение всей линейки макросоциальных идентичностей — гражданской, этнической, макрорегиональной, субрегиональной, конфессиональной. Было отмечено, что «социально-политическая стабилизация... делает излишней мобилизацию на идентификационном уровне, что ведет к деполитизации идентичности в широком смысле слова и понижает роль отдельных социокультурных идентичностей в сознании конкретного индивида». Также это свидетельствует о «переходе южнороссийского молодежного социума в зрелую стадию развития гражданской нации, которая приходит на смену стадии формирования, часто характеризующейся резким и взрывным ростом основного ряда социокультурных идентичностей»².

Если рассматривать обобщенные данные и учитывать варианты ответов «Это очень важно для меня» и «Это важно для меня», макрорегиональная — северокавказская — идентичность снизилась с 64% в 2009 г. до 42,8% в 2021 г. (соотношение 2021/2009 равно 0,668). Субрегиональная (краевая, республиканская) идентичность снизилась в значительно меньшей степени — с 72,5 до 60% (соотношение 0,827). Северокавказская идентичность молодежи Юга России за 12 лет, разделяющих наши опросы, снизилась в наибольшей степени по сравнению с другими макросоциальными идентичностями.

¹ Агазаде М.М. Вопрос о статусе азербайджанских тюрок в Иране // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 67–75.

² Аксентьев В.А., Аксюмов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 84.

Одной из причин стала упомянутая политическая переконфигурация региона 2010 г., после которой Краснодарский край перестал восприниматься многими его жителями как часть Северного Кавказа. Если в 2009 г. для 36,3% опрошенных, представлявших Краснодарский край, было важно то, что они являются жителями Северного Кавказа, то в 2021 г. таковых оказалось всего 12,8% (соотношение 0,352). Для сравнения в Ставропольском крае соотношение опросов 2021 и 2009 гг. по данному пункту составило 0,625, в КБР — 0,730, в КЧР — 0,825.

Интересно, что и субрегиональная идентичность в наибольшей степени снизилась у кубанских респондентов — с 63 до 48,7% (0,773). В КБР этот показатель составил 0,791, на Ставрополье — 0,813. Минимальное снижение произошло в КЧР — с 77,2 до 73,3% (0,949). В этой республике региональная идентичность молодежи оказалась наиболее устойчивой — и на макроуровне, и на субуровне. Возможно, именно по этой причине в КЧР зафиксировано наибольшее понижение гражданской идентичности — с 80,4 до 58,2% (0,723). С другой стороны, респонденты Краснодарского края продемонстрировали наибольшую сопротивляемость к понижению гражданской идентичности — 0,824. Эти данные подтверждают отмеченную выше взаимосвязь динамики региональной идентичности с гражданской. Что касается взаимосвязи региональной и этнической идентичностей, то в случае с КЧР она также находит подтверждение — респонденты продемонстрировали наименьшую отрицательную динамику значимости этнической идентичности (соотношение 0,909). В то же время существеннее всего этническая идентичность снизилась в Ставропольском крае (0,731), который, однако, довольно серьезно опередил Краснодарский край в плане устойчивости региональной идентичности.

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00132.

Алейников А.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург

РЕФЛЕКСИЯ КЛИВАЖЕЙ МЕЖДУ «РИСК-БЕНЕФИЦИАРАМИ» И «РИСК-АУТСАЙДЕРАМИ»

Восприятие риска, как и его легитимация, отражает тот или иной характер распределения ресурсов и статусов и все больше обретает характер социальных проблем.

Наше исследование направлено на выявление факторов, оказывающих влияние на сужение функций и содержания политического риск-менеджмента и технологии влияния на формирование риск-рефлексий.

Опираясь на исследования Асвата Дамодарана, данные факторы можно классифицировать на структурные, акторно-ориентированные и институциональные [1]. При этом структурные факторы связаны с хеджированием рисков конфликтов «ограниченности ресурсов», определяющих социальную базу политического воспроизводства [2]. И поскольку эти ресурсы приносят высокую прибыль тем, кто их приватизирует и реализует специальные действия, ведущие к изоляции основной массы от доступа к ним, они являются ядром монополюльно структурированной системы управления рисками. В этом плане нельзя не обратить внимания на тот очевидный факт, что характер распределения благ и статусов замыкается на механизмах управления рисками, которое является критически важным дефицитным ресурсом. Следовательно, когда какая-то социальная группа овладевает монополией на данный ресурс, можно говорить о ренте риска как вознаграждении за нахождение на вершине социальной иерархии управления риском (подход Дугласа Норта с соавторами) [3] или о как материальных и иных благах, «которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре» (подход Леонида Фишмана с соавторами) [4], важнейшей функцией которой является в том числе управление рисками. Тем самым особые выгоды предоставляются «политическим рантье», специализирующимся на превращении угроз и опасностей в выгодный политический и финансовый товар.

Подобные теоретические послышки более чем очевидны применительно к исследованию идентификации значимых социальных размежеваний («кливажей») между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами», позволяя раскрыть механизм применения властью или бизнесом авантюрно-рисковых стратегий достижения своих целей и показать связь этих стратегий с перекладыванием тяжести неудачного исхода на потребителей риска.

Выдающийся российский исследователь Олег Яницкий предложил в этой связи концепцию «критического случая» как иррационального социального порядка, состояния социального субъекта или ситуации, когда производство рисков как потерь (бедствий) является безраздельно господствующим способом социального производства, легитимации производства рисков, выгодой силам, находящимся за пределами критической зоны. «Беспредел есть максимальная ставка для некоторого социального субъекта (жизнь) в ситуации полной невозможности непосредственного ответа на угрозу (все ресурсы

выживания в чужих руках). Беспредел — это социальное пространство, где невозможно жить, но откуда невозможно и убежать» [5, с. 95].

В условиях «порядка беспредела» ситуация дискурсивно конструируется как матрица различных позиций, на которой социальные идентичности формируются как результат артикуляции практик рискованного поведения. Кроме того, очевидно, что «беспредел» определяет антагонистический дискурс о риске, конфликт между «риск-бенефициарами» и «риск-аутсайдерами», который в пределе требует радикального взаимного позиционирования их как «других», как врагов, как «низших» или «высших» [6].

«Риск-пророки» (Роберт Мертон), с одной стороны, обеспечивают успех социального конструирования риск-рефлексий политической легитимации принимаемых в условиях или реальных, или вымышленных угроз и опасностей политических решений, а с другой — отвечают за бездействие и молчание, любое «обнаружение себя» в пространстве риска. Однако эти технологии формирования доверия/недоверия, веры/отрицания в рациональность/иррациональность рискованного поведения, в значимость существующих форм управления рисками, выстраиваемые риск-производителями, могут привести к отложенной реакции постепенного соскальзывания к формированию, в том числе и на экзистенциальном уровне, «порядка беспредела».

Литература

1. *Damodaran A.* Strategic risk taking: A framework for risk management. Philadelphia: Wharton School Publishing, 2007.
2. *Дука А.В.* Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 4 (81). С. 5–23.
3. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
4. *Фишман Л.Г., Мартынов В.С., Давыдов Д.А.* Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
5. *Яницкий О.Н.* «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 2. С. 86–99.
6. *Carpentier N.* The discursive-material knot: Cyprus in conflict and community media participation. N.Y.: Peter Lang, 2017.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115. URL: <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>.

Алексеев Д.В.
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

АРГУМЕНТАЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ФРАКЦИЙ В РАМКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ VII СОЗЫВА)

Законодательный процесс — важнейшая часть политики. Хотя исход голосований в парламенте часто может быть ясен, тем не менее политические акторы преследуют определенные цели в рамках законодательного процесса.

Для анализа доводов, стратегий построения аргументации фракций продуктивно использование *дискурс-анализа*. Вместе с тем факторный анализ показал основные размежевания, определяющие характер политического противостояния в Государственной Думе. Прежде всего мы отталкиваемся от «*властно-оппозиционного*» *размежевания*¹, в котором разногласия по внутривнутриполитическим и социально-экономическим вопросам фактически сливаются в единое размежевание между «Единой Россией», выступающей в роли как «партии власти», так и представительницы либерально-рыночного полюса в социально-экономическом размежевании, и остальными парламентскими (оппозиционными) партиями.

При этом в качестве рассматриваемых кейсов отобраны не просто проблемные области, но конкретные обсуждения законопроектов, в рамках которых выявляются противоречия между политическими акторами. Поэтому важно было рассмотреть как принятые и внесенные законодательные инициативы «фракции большинства», так и те, что выдвинуты оппозицией и отклонены на пленарном заседании. Таким образом, были рассмотрены инициативы по следующим темам: сохранение курорт-

¹ *Коргунок Ю.Г.* Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 95, 112.

ного сбора, многодневное голосование, снижение налога на добавленную стоимость, перенос Единого дня голосования.

Методика проведенного дискурс-анализа основана на *дискурсивной теории гегемонии Э. Лакло и Ш. Муфф, критическом дискурс-анализе, методике анализа аргументов М. Скривена.*

По результатам исследования было выяснено, что наибольшую поляризацию по линии «фракция большинства» — парламентская оппозиция возникает по таким темам, как *бюджетно-налоговая политика и избирательное законодательство.*

В результате анализа высказываний парламентариев, представителей правительства на пленарных заседаниях выяснено, что главной целью «Единой России» была не столько поддержка инициативы (исход голосования, как правило, ясен благодаря конституционному большинству), но *сдерживание негатива и критики, возникающих вокруг обсуждения.* Оппозиция, напротив, в качестве цели ставила *привлечение внимания к недостаткам проектов законов* правительства и парламентского большинства, а также как можно ярче подчеркивала несогласие с ними.

В ходе рассмотрения оппозиционных законопроектов главной целью выступающих становится *репрезентация взглядов потенциальному избирателю.* Создавая иллюзию собственной эффективности в обеспечении представительной функции законодательной власти, оппозиция также подчеркивает, что большинство не поддерживает действительно социальнозначимые инициативы. Впрочем, подобная популистская стратегия может сработать в долгосрочной перспективе. Тем временем «Единая Россия» *в большей степени опирается на рациональные аргументы.* Например, на отсутствие средств в федеральном бюджете на покрытие новых расходов, которые неизбежно возникнут в случае принятия законопроекта. В целом риторика большинства менее образна и эмоциональна, чем у оппозиции.

Также важно отметить, что различные фракции, власть и оппозиция, *могут интерпретировать одни и те же факты и события по-разному,* наполнять их порой противоположными смыслами. Наиболее наглядно это можно наблюдать в случае апелляций к историческому опыту. Данное наблюдение подчеркивает необходимость изучения не только инструментов достижения цели в ходе законодательного процесса, но и сути высказываемых аргументов.

Исследование показало, что, несмотря на возможную предопределенность результата законодательного процесса, смысловое наполнение, *стратегии аргументации и репрезентации позиций фракций имеют значение.* Исследуя их, мы можем увидеть реальные цели и задачи, которые ставят перед собой политические акторы в ходе процесса принятия политических решений в рамках законодательного процесса.

Алексеева Л.В.

МАОУ «Лицей-интернат № 7», Казань

РОЛЬ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦЕИСТОВ

Отсутствие эффективного механизма формирования активной гражданской позиции школьника приводит к тому, что главным недостатком современной школы является не столько уровень подготовки учащихся и уровень их знаний, сколько неготовность молодого поколения к решению практических задач, неумение принимать на себя ответственность в решении актуальных проблем, незнание механизма функционирования социальных институтов. В такой ситуации необходимой составной частью образовательного процесса в российской школе становится гражданское образование.

Изменения в российском образовании предполагают освоение новых стандартов третьего поколения российскими педагогами, которые коренным образом меняют прежнюю деятельность любого образовательного учреждения. Новые подходы в образовании направлены на проявление самостоятельности ученика, что способствует положительной социализации, в том числе и политической.

Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные люди, которые могут принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способные к сотрудничеству, отличающиеся конструктивностью, обладающие развитым чувством ответственности за судьбу страны, т.е. патриоты. В связи с этим как никогда ранее возрастает роль в образовательном процессе предметов обществоведческого цикла. Обществоведческое образование — необходимое условие политической социализации личности.

Кроме того, первостепенным приоритетом в образовании становится воспитание, важнейшей задачей которого является формирование у школьников способности сделать правильный выбор, гражданской ответственности и правового самосознания, способности к успешной социализации в обществе. А это способствует усилению роли дисциплин, обеспечивающих успешную социализацию учащихся — истории и обществознания; усилению воспитательного потенциала и социально-гумани-

тарной направленности содержания образования, способствующего утверждению ценностей гражданского общества и правового государства.

В настоящее время происходит и изменение парадигмы образования от информационно-предметной к личностно ориентированной, компетентностной. Одной из компетенций, которую нужно сформировать у моих учеников, я считаю, является именно компетенция российского гражданина. Образование и воспитание школьников в качестве граждан России, формирование российской идентичности, воспитание у учащихся гражданского патриотизма и гражданской культуры, я уверена, является приоритетной задачей системы социально-гуманитарного, в том числе исторического, образования.

Цель педагогической деятельности мы видим в формировании личности ученика с активной жизненной позицией, способной практически решать жизненные и профессиональные проблемы. Именно от того, какими мы (семья и школа) воспитаем наших питомцев, зависит наше будущее, будущее нашего государства.

Исходя из вышесказанного, одной из задач является формирование необходимых социальных компетенций лицеистов возможностями учебных дисциплин «история» и «обществознание» с использованием ресурсов гражданского образования.

Специфика моей работы заключается в том, что я работаю в лицее для одаренных детей. С одной стороны, в лицее работать легче, т.к. сюда идут ребята с высокой мотивацией на получение знаний, с другой стороны, возникают и свои трудности, ведь история не относится к разряду профильных предметов. Однако, на мой взгляд, мой предмет помогает детям стать гражданином и способствует их политической социализации.

А как же на уроках истории и обществознания сформировать активную гражданскую позицию? Как вырастить из ребенка гражданина?

В данных условиях особую актуальность приобретает выбор средств и методов обучения, позволяющих наиболее полно использовать потенциальные возможности учебных дисциплин обществоведческого цикла. Например, в процессе преподавания обществознания можно использовать учебно-методический комплект курса «Мой выбор».

Для мотивации действий ученика на уроках необходимо создавать проблемную ситуацию, из которой ученики сами должны найти выход. Особо это касается уроков обществознания, например, при изучении темы «Демократия».

Для успешной социализации ученик должен на себя примерить ту или иную социальную роль, например роль избирателя. С этой целью можно проводить деловую игру «Избирательная кампания. Выборы».

На наш взгляд, ученик на уроках истории и обществознания должен иметь возможность сформулировать свою собственную точку зрения на проблему и научиться ее аргументировать. Этому способствуют уроки-исследования, уроки-семинары, уроки-дебаты как по истории, так и по обществознанию.

Алещенко П.С.

УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

«МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НАПРАВЛЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ

«Проблемы устойчивого развития и национальной безопасности на современном этапе требуют особого внимания»¹. В решении этих задач во внешней политике современного государства важную роль играет «мягкая сила». Возможность расширения своего влияния, распространения своей культуры, образа жизни, ценностей с помощью нематериальных средств обладает большим потенциалом и становится востребованной во внешней политике ряда государств.

Одним из ключевых инструментов «мягкой силы» во внешней политике является публичная дипломатия, которая предполагает культурное и информационное воздействие на зарубежную аудиторию посредством различных акций и мероприятий. Знакомство с культурой других стран расширяет горизонты видения и понимания окружающего мира, формирует новые потребности. Культура современного диалога оказывает комплексное влияние на человеческую жизнь, выступает в качестве средств развития сотрудничества в противовес конфронтации, повышения доверия и снятия напряженности.

Другим ключевым направлением политики «мягкой силы» выступает создание и реализация различных экономических проектов. В этой связи на постсоветском пространстве Россия считает важным углубление и расширение интеграции в рамках Евразийского экономического союза в целях обеспече-

¹ Керимов А.А., Шибзухова Ф.А. Парламентаризм в системе обеспечения национальной безопасности современной России // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 1. С. 21.

ния стабильного развития, всестороннего технологического обновления, сотрудничества, повышения конкурентоспособности экономик государств—членов ЕАЭС и повышения уровня жизни их населения. ЕАЭС призван обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, стать платформой для реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов и способен сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах.

Не менее важным направлением российской политики «мягкой силы» является укрепление надгосударственных организаций на постсоветском пространстве. Следует отметить, что Россия работает над дальнейшей реализацией потенциала Содружества независимых стран, укреплением Содружества в качестве влиятельной региональной организации, форума для многостороннего политического диалога, а также механизма многопланового сотрудничества в сфере экономики, гуманитарного взаимодействия, противодействия традиционным и новым вызовам и угрозам.

Россия, уважая право партнеров по СНГ выстраивать отношения с другими международными субъектами, выступает за всеобъемлющее выполнение государствами—участниками СНГ своих обязательств в рамках региональных интеграционных структур с российским участием, а также за обеспечение дальнейшего развития интеграции и взаимовыгодного сотрудничества на пространстве СНГ¹.

Таким образом, постсоветское пространство выступает в качестве безусловного приоритета в использовании технологий «мягкой силы» во внешней политике России. Общность культурно-исторического прошлого обуславливает особую роль бывших советских республик в культурно-гуманитарном плане, позволяя сохранять тесные связи с Россией.

Алиева М.И., Федосейкин Д.И.
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ЕДИНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Идею общего энергетического рынка для европейских стран можно назвать одной из основополагающих в истории европейской интеграции. Призванная изначально предотвратить новую войну на европейском континенте, делая агрессию в адрес соседних стран экономически нецелесообразной, эта идея сейчас тем не менее обнаруживает свою хрупкость в современных экономических и политических условиях. Реализация политических рисков в связи с российско-украинским конфликтом привела к проблематизации самого понятия энергетической безопасности — концепта, который должен был символизировать общие ценности для стран-участниц, но на деле стал препятствием для выработки общей энергетической политики ввиду его различного толкования разными акторами.

Европейская комиссия определяет энергетическую безопасность достаточно широко. Центральной проблемой является стабильность поставок, однако методы достижения предлагаются разные: от диверсификации поставщиков до перехода на альтернативные источники энергии (European Commission. Secure gas supplies. European Commission website. Accessed September 3, 2022. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-security/secure-gas-supplies_en). Кроме того, в перечне потенциальных угроз перечисляются не только политические проблемы, но и возможность техногенных катастроф. Как результат, политика государств в отношении энергетики оказывается дезорганизованной в силу различной природы как проблем, с которыми государства сталкиваются в энергетическом секторе, так и потенциала для их разрешения.

Противоречие заявленных общеевропейских ценностей де-факто реализуемой политики вызывает напряжение как на наднациональном уровне, так и на уровне внутренней политики государств. Например, конфликтная линия между странами, готовыми из политических соображений исключить российские энергоресурсы из импорта (страны Балтии), и странами, для которых стабильность в получении энергоресурсов из России оказывается важнее солидарности со странами ЕС (Венгрия), не способствует стабильности интеграционного проекта ЕС (Birchfield V.L., John S. Duffield (ed.). *Toward a Common European Union Energy Policy: Problems, Progress, and Prospects*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011).

Более того, рост стоимости электроэнергии в европейских странах служит подспорьем для усиления позиций политических партий и движений, придерживающихся радикальных позиций как «правого», так и «левого» толка. В свою очередь, наиболее влиятельные медиа могут использовать как провалы в действиях правительств, так и возросшую популярность крайних настроений для критики истеблиш-

¹ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики РФ». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=207990&fld=134&dst=100012,0&rnd=0.5815277741300706#049065107519152273> (дата обращения: 14.09.2022).

мента и распространения алармистских настроений в обществе. Данная тенденция создает угрозу для устойчивости европейских правительств, что, в свою очередь, вносит неопределенность в отношения с внешними контрагентами.

Уже не первый год в качестве наиболее реалистичной альтернативы российскому газу называют импорт СПГ (преимущественно из США и Катара) и использование атомных электростанций, что формирует спрос на строительство новых АЭС и терминалов СПГ. Увеличение государственных вложений в данные области энергетики также может стать фактором нестабильности, особенно в случае сокращения социальных расходов.

Наконец, можно отметить роль экспертных сообществ в поведении акторов на энергетическом рынке. Известно, что акторы привлекают для обоснования своих позиций те экспертные сообщества, которые с большей вероятностью будут склонны поддерживать политику актора (*Ocelík P., Svobodová K., Hendrychová M., Lehotský L., Everingham J.-A., Ali S., Badera J., and Lechner A. A Contested Transition Toward a Coal-Free Future: Advocacy Coalitions and Coal Policy in the Czech Republic // Energy Research & Social Science. 2019. Vol. 58*). Кризис 2022 г. показал, что экспертные сообщества сами готовы изменять свои позиции под запросы акторов: показательным примером является перекалфикация атомной энергетики в разряд «чистой».

Ананченков М.А.
ИГУ, г. Иркутск

СИСТЕМЫ ВЛАСТИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РАМКИ ПРОБЛЕМЫ

Изучению власти в малых сообществах посвящено немало работ зарубежных и российских исследователей. Направление является одним из наиболее развивающихся в социологии и политической науке, интерес к которому вызван, *во-первых*, возможностью анализа модели власти на уровне локального социума, *во-вторых*, упрощается изучение субъект-объектных отношений, где объектом выступают люди, на которых направлено влияние власти, а значит, и интерес, и понимание процессов такого рода постепенно возрастает.

Первые шаги в разработке социологии власти относят к ранним исследованиям (1920–1940-е годы), проведенным в США У. Уорнером, А. Холлиндсхедом, Э. Балцелом. Общий подход, применяемый авторами, получил название «стратификационной теории власти», основная суть которого состояла в том, что «конфигурация властных отношений в сообществе определяется характером ее стратификации, разделения на определенные классы и группы в иерархическом порядке»¹.

Под влиянием развития целого направления политической социологии и сформировавшегося предметного поля исследования, которое опиралось на поиск ответа на вопрос Р. Даля «Кто правит?», можно выделить наиболее значимые работы следующих авторов: собственно Р. Даля, Ф. Хантера, М. Кренсона, Дж. Гэвента, а также множество сравнительных и марксистских исследований 1960–1970-х годов. Классический период позволил выйти за пределы США в изучении власти в социальных общностях, что определило дальнейшее развитие отрасли уже на современном этапе.

Новые теоретические модели исследования, превалирующие на сегодняшний день в научной практике, позволили преодолеть недостатки более ранних периодов и закончить противостояние социологической и политологической школ. Теория «машин роста», разработанная Х. Митчелом, позволила обратить внимание на экономическую составляющую властных отношений, а модель «городских режимов», создание которой связывают с публикацией книги К. Стоуна, по большей части сфокусирована на «на способности акторов добиваться поставленных целей»².

Теория городских режимов стала очень популярна в Европе с 1990-х годов и показала ряд отличий, характерных для европейских городских режимов от американских в работах Э. Ди Гаэтано и Дж. Клемански, Э. Строма, Д. Уэллера и других. На основе модели городских режимов П. Контором, Х. Сэвитчем, С. Хэддоком было проведено сравнительное исследование пяти европейских и трех североамериканских городов, подтвердившее гипотезу о том, что «базовые характеристики режима, его конфигурация, направленность, возможности и ограничения во многом предопределены социально-экономическими и политико-институциональными факторами»³.

Децентрализация управления регионами в 1990-е годы открыла новые возможности для эмпирического изучения региональной и локальной власти в России. Первыми отечественными регионалистами

¹ Власть в малом российском городе [Текст] / А.Е. Чирикова, В.Г. Ледаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 13.

² Ледаев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования / В. Г. Ледаев // Неклассический запас. 2010. № 2.

³ Ледаев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Высшая школа экономики (ВШЭ), 2017.

изучались роль и функции региональных элит в условиях централизации субъектов РФ и выстраивание Кремлем архитектуры «вертикали власти», навязывая региональным элитам лишь только административно-хозяйственные функции. В этом направлении наиболее известны работы В. Гельмана и С. Рыженкова, А. Дахина и Н. Баранова.

Оценить общий потенциал, структуру и состав региональной и городской элиты позволяют работы О. Гаман-Голутвиной, А. Ситникова, а наиболее известными исследователями в сегменте изучения взаимоотношений между основными акторами в регионах, субъектами городской политики и локальных режимов являются Н. Лапина и А. Чирикова, А. Дахин, А. Зудин, А. Олейник.

Активно ведутся исследования городских сообществ П. Ивановым, О. Подвинцевым. Рассмотрение аспектов институциональных изменений в системе местного самоуправления прослеживается в работах Н. Борисовой, Е. Зюзиной, А. Романовского, В. Гельмана¹.

Приведенные векторы исследований демонстрируют развитие отечественной политической науки и социологии на субнациональном уровне, однако мы можем констатировать отставание от США и Европы в разработке российских теоретико-методологических моделей. Ввиду принятия закона о публичной власти и подготовки реформы местного самоуправления в России в 2023 г. отрасль исследований становится крайне актуальной и требует более масштабной проработки, исходя из современных реалий политической, социально-экономической и культурной специфики.

Антонов В.А.
МГИМО МИД России, Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЗАХСТАНА ДО И ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ

Казахстан считается так называемой «серой зоной» демократии по Карозерсу (*Карозерс Т.* Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2). Для нее характерно доминирование одной политической элиты, которой в Казахстане было окружение Назарбаева. Большинство в правительстве (76 мест) у пропрезидентской партии «Нур-Отан», у самого же лидера был статус «Лидера нации» (Елбасы), который давал ему неприкосновенность и место в Совете Безопасности, которое вынуждало согласовывать все действия правительства с ним. Его преемником стал Токаев, который набрал на выборах 70% голосов.

Также для «серой зоны» характерно слияние государства и политической власти, что в Казахстане проявлялось посредством владения государством основных активов: финансов, рабочих мест, полицейской власти и публичной информации. Помимо этого, имеет место сильная апатичность людей к политике, когда население не участвует в политических процессах, а оппозиция становится аутсайдером политики. В Мажилисе оппозиционные партии Ак Жол и Народная партия Казахстана имеют лишь 20 мест. Более того, явка на выборах в законодательные органы была самой низкой с 1999 г.

Последним же признаком «серой зоны» считается разложение бюрократии, что проявляется в сильной коррупции, нестабильном госуправлении и низком уровне давления общества.

После конституционной реформы 2022 года политическая система страны изменилась. После кризиса, когда в ходе протестов на почве социальных проблем исламистские террористы и мародеры воспользовались ситуацией и устроили беспорядки в стране с применением оружия, нападением на органы власти и попыткой свержения государственного строя, был необходим «прорыв» по Стэнфордской модели кризисов развития Габриеля Алмонда (*Окунев И.Ю.* Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 136–144.). Под этим термином имеется в виду совокупность политических реформ и изменений в политическом курсе, которые помогут увеличить легитимность власти и прийти к консенсусу в обществе. В рамках таких мер были отправлены в отставку многие чиновники, связанные с кругом Назарбаева. Партия была переименована в «Аманат», чтобы не иметь связи с бывшим лидером. В рамках конституционной реформы планируется переход от суперпрезидентской формы правления к парламентской республике. Были ограничены полномочия президента. Он не может состоять в какой-либо партии. Близкие родственники президента не имеют право занимать должности политических государственных служащих, руководителей субъектов квазигосударственного сектора. Также отменен статус «Лидера нации». Президент Казахстана больше не имеет права отменять решения глав областей, городов республиканского значения и столицы. Был исключен также пункт о том, что пять депутатов Мажилиса были избраны Ассамблеей народа Казахстана.

¹ Гельман В.Я. Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия // СКО. 2008. № 6. URL: <https://clck.ru/3227a2>.

При этом есть мнение, что в рамках этих реформ не случилось полноценного перехода к парламентской демократии. Президент все еще сохраняет влияние на Конституционный суд, имея право назначать четверых судей, и в том числе председателя. Глава государства имеет право вето и может распустить парламент. Также нет достаточной самостоятельности и у региональных глав, которые все еще не могут самостоятельно формировать бюджет. Однако все же это существенные изменения в политической системе, которые в долгосрочной перспективе могут сыграть важную роль в политическом курсе Казахстана.

Апанович М.Ю.
МГИМО МИД России, Москва

«РЕЛОКАЦИЯ»: ЧТО ПРИХОДИТ НА СМЕНУ КЛАССИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В исследовании анализируется процесс трансформации международной миграции в изменяющемся мире под влиянием внешних факторов. В фокусе работы качественные изменения миграционных потоков, происходящие под влиянием изменения технологий (имеется в виду технологический процесс), и возникновение новых барьеров (таких как ограничение на перемещение). Автор выдвигает гипотезу о том, что развитие технологий на определенном этапе стало провоцировать не приток новой рабочей силы, а трансформацию миграционных процессов в части их направлений и характера. Одной из новых тенденций 2022 г. стало выделение такого отдельного направления эмиграции, как «релокация».

Классики исследований социальных теорий, такие как М. Уолцер, еще в 1983 г. писал о теории справедливости, в рамках которой у каждого должен быть равный доступ к ресурсам, например возможностям перемещения. Изменение скорости и масштабов переездов людей в XXI в., с одной стороны, привели к тому, что (в период до ограничений) наблюдался постоянный рост, а с другой — получила развитие «цифровая сфера». Все текущие меры по закрытию границ только подталкивают ее к дальнейшему росту. Появляются целые направления исследований в области влияния развития инновационных технологий и интенсификации коммуникаций на миграцию.

Фокус исследования на соединении междисциплинарных разработанных теорий (так, теории психологии и теория поведения позволяют определить и классифицировать «миграционные установки» (или намерения), что, в свою очередь, влияет на интенсивность и направленность миграции). В XXI в. данные исследования заняли свою нишу и позволяют оценить влияние на человека фактора включенности в социальную группу. С развитием исследований это направление было выделено сначала в социальную психологию, а затем в экологическую психологию (изучает «образ среды», сложившейся в психологии социального сознания, и «территориальную идентичность»). Здесь применим социологический термин «аттитюд» (другими словами, «социальная установка»), введенный в оборот У. Томасом и Ф. Знанецким. За прошедшее с момента его возникновения столетие они поменялись достаточно значительно, и современные исследования, проводимые на базе качественного анализа миграционных потоков или интеграции мигрантов, опираются на количественные данные по психологическим и социальным установкам последних (на базе различных опросов) с тем, чтобы скорректировать общие выводы.

Проведенный анализ показал, что с 2019 г. фиксируется замедление миграционных потоков, которое достигло своего пика в 2020 г. в связи с временными ограничениями на въезд в разных странах мира. Период массовой вакцинации и введение разрешений на перемещение, связанных с «новой реальностью», внес новые структурные изменения в перемещения лиц. Основу анализа составили отчеты Международной организации миграции и Департамента социального и экономического развития ООН. Основные количественные результаты показали, что тенденция к сокращению переездов сохранится, кроме традиционных сфер использования низкоквалифицированного и квалифицированного труда. Объяснение этому, вероятнее всего, лежит в интенсификации процессов цифровизации (дающих новые возможности для высококвалифицированных специалистов) и системе «сдерживания» миграции, вводимой временно в период пандемии.

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН КАК ПРАКТИКА ВЛИЯНИЯ ГРАЖДАН НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА—СУБЪЕКТА РФ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Данное сообщение посвящено некоторым результатам исследования институтов и практик влияния граждан на формирование государственной политики на примере города—субъекта РФ Санкт-Петербурга, а также выявлению эффектов внедрения цифровых форматов такого влияния. Исследование проводилось с помощью проведения полуструктурированных экспертных интервью с респондентами из числа представителей экспертного сообщества, исполнительной и представительной власти города, членов Общественной палаты, лидеров градозащитных и иных общественных движений города.

Исследование было сфокусировано на конкретные формы и практики влияния граждан на принятие политико-управленческих решений или на политику-полиси, каждая из которых может включать в себя в качестве «усилителя» или медиатора и перечисленные выше институты. В первом приближении можно выделить такие формы общественного участия: 1) индивидуальные обращения и предложения на имя мэра, губернатора и иных официальных лиц; 2) коллективные формы подобных обращений (петиции); 3) институт общественных слушаний — обсуждение проектов решения общественно значимых проблем, включая и новое строительство, и проекты нормативных актов; 4) деятельность общественно-консультативных советов при органах исполнительной власти, молодежные коллегии и молодежные советы; 5) общественные палаты, действующие на основе специальных законов. В планируемом сообщении будут проанализированы две первые формы. Кроме традиционных форм взаимодействия, в работе изучались и электронные каналы гражданского участия.

Исследование показало, что форма обращений во властные структуры может стать более эффективной, если обращения граждан усиливаются благодаря подключению депутатов Законодательного собрания СПб. У них больше рычагов, ведь по законодательству власть обязана отвечать на запросы депутатов в течение семи дней, что значительно меньший срок, нежели для прочих граждан. Респонденты интервью из среды общественников отмечают, что депутаты ЗакС имеют существенный вес в решении городских вопросов прежде всего за счет своих полномочий по определению статей бюджета и размеру ассигнований на его исполнение. Обращение со стороны активистов в комитеты правительства, поддержанное обращением со стороны депутата Законодательного собрания имеет многократно большие шансы на получение положительного ответа от правительства города.

Важным фактором остается и личность главы профильного комитета правительства города, в который обращаются активисты. В случае, если глава комитета придерживается политики открытости и активно продвигает общественное участие, взаимодействия с ними и обращения в данный комитет будут иметь в значительной степени больший положительный эффект. Эффективным институтом—посредником между гражданами и властью является институт Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге.

Выяснилось также, что электронные площадки в не меньшей степени подвержены имитационным практикам, чем традиционные механизмы общественного участия. Так, в ответах на электронные (в том числе множественные) обращения органы власти часто указывают нереалистичные или неактуальные сроки реагирования на обращения, достигающие 10–15 лет. Кроме того, за счет сложной системы подчинения комитетов правительства власти прибегают к «бюрократическому футболу» — перенаправлению обращения в, на их взгляд, подведомственное учреждение. Среди имитационных практик на порталах обращений, таких как «Наш Санкт-Петербург», которые были выявлены в ходе исследования — массовые подложные отчеты низовой бюрократии с использованием средств фото- и видеомонтажа. В зависимости от масштаба и степени важности по определенным направлениям количество подложных отчетов может достигать, согласно респондентам, 30%. Фактическое же исправление проблемы не происходит, а площадка в данном случае используется как легитимизирующее средство, направленное на показ компетентности чиновников в глазах рядового гражданина. Также властями часто используется практика массового отклонения заявок по процессуальным причинам — «плохого» качества фотовидеоматериала, неточности формулировок.

Исследование было поддержано грантом № 22-00-032 в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

КАРИБСКИЙ УЧАСТОК КИТАЙСКОГО «ПОЯСА И ПУТИ» КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОБОСТРЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ КНР И США

Осенью 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин официально озвучил идею строительства «Морского Шелкового пути XXI века» (МШП) как составной части более масштабной инициативы «Пояс и путь». Последняя представляет собой стратегию выхода Китая на мировой рынок посредством сухопутных и морских торговых коридоров с необходимой транспортной, энергетической, телекоммуникационной инфраструктурой. При строительстве морских коридоров «Пояса и пути» китайские власти руководствуются принципом «стратегического управления на море», направленным на обеспечение морских прав и интересов страны, в том числе доступа к необходимым национальной экономике ресурсам. Согласно первоначальному варианту, маршруты МШП, начинаясь в прибрежных портах Китая, должны были следовать через Южно-Китайское море в Индийский и Тихий океаны. Позднее в проект включили будущий проход через Арктику. Тем самым в перспективе МШП может стать кругосветным, что подтверждает серьезность намерений Поднебесной по превращению в «сильную морскую державу», под контролем которой будут находиться важнейшие морские магистрали.

В январе 2018 г. на прошедшем в чилийской столице Форуме Китая и Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна было принято специальное заявление, где страны региона признавались «естественным продолжением» МШП и незаменимыми участниками международного сотрудничества в рамках «Пояса и пути». Среди реализуемых в настоящее время в регионе проектов по строительству и модернизации портовой инфраструктуры следует особо выделить перуанский порт Чанкай, 60% акций которого в 2019 г. приобрела китайская компания *COSCO Shipping Ports Ltd.* Проект предусматривает строительство нескольких контейнерных терминалов, причалов и других объектов инфраструктуры. Ожидается, что его реализация, оцениваемая в 3 млрд долл. США, сделает Перу крупнейшим в регионе хабом и изменит тем самым всю латиноамериканскую логистику. Нельзя обойти стороной и тот факт, что в конце 2021 г. правительство Никарагуа разорвало дипломатические отношения с Тайбэем и установило их с Пекином, а в январе 2022 г., подписав необходимые документы, присоединилось к «Поясу и пути». В этой связи возросла вероятность возобновления работ по Никарагуанскому каналу. По мнению экспертов, если «стройка века» будет завершена, она повлияет на мировую логистику в целом.

Нет сомнений, что США воспринимают активное строительство «Пояса и пути» в своем «мягком подбрюшье» как угрозу национальным интересам и безопасности. Особенно остро они реагируют на растущее присутствие КНР в Карибском море. Уже длительное время Китай инвестирует значительные средства в экономику Венесуэлы и Кубы. Так, например, он является вторым по величине торговым партнером Кубы (вообще подобную активность многие аналитики расценивают как напоминание Вашингтону, что Тайвань — не единственный остров, представляющий стратегический интерес). Через свои компании, специализирующиеся на портовой инфраструктуре, Пекин установил контроль над рядом карибских портов. Так, госкорпорация *China Communications Construction Company* получила подряд на модернизацию порта Сантьяго-де-Куба. Китайские компании возвели ряд объектов портовой инфраструктуры на Багамских островах, в частности в Норт-Абако и Фрипорте, причем последний находится в непосредственной близости от американского побережья. Также Китай проявляет интерес к порту Мансанильо в Доминиканской Республике. Даже этот далеко не полный перечень показывает масштаб присутствия Китая в Карибском регионе. При этом, как заявляет китайский министр обороны Вэй Фэнхэ, Китай готов расширить военное сотрудничество с карибскими странами. Многие американские аналитики полагают, что в случае необходимости КНР может использовать порты карибских государств для материально-технической поддержки своих ВМФ в регионе; а конечная цель карибской стратегии КНР заключается в создании ситуации, аналогичной военной присутствию США в Южно-Китайском море. Таким образом, карибский участок китайского «Пояса и пути» уже сейчас является одним из источников напряженности в отношениях КНР и США, а в будущем эта тенденция будет только нарастать.

МУЛЬТИВЕРС КАК ПАРАДИГМА ДЛЯ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Теория международных отношений пребывает в непрерывном развитии. Тем не менее мощные сдвиги в мировой политике последних лет и месяцев могут быть объяснены с точки зрения «большой теоретической четверки» — реализма, либерализма, марксизма и конструктивизма — далеко не в полной мере. Очевидно, что теория международных отношений, прогнозные исследования нуждаются в новых идеях, ракурсах, методологических схемах. К тому же давно и много говорится о необходимости создания оригинальных «работающих» политологических концепций в российской академической среде. Стоит отметить, что первые попытки предпринимались еще в 1970–1980-е годы в МГИМО и ИМЭМО.

В ходе своего развития в XX–XXI вв. социогуманитарные науки прошли сложный путь, а наиболее прорывные сдвиги были обусловлены различными методологическими поворотами — антропологическим, лингвистическим, цифровым, этическим и др. Между тем попытки применить естественно-научные теории и методы в социогуманитарных исследованиях осуществлялись неоднократно. Особенно мощная экспансия точных и естественных наук в социальные и гуманитарные исследования наблюдалась в 1960–1970-е годы. В последнее время в политологии и теории международных отношений вновь стали предприниматься усилия по апробации подходов из точных наук. Здесь можно отметить идею одного из основоположников конструктивизма, А. Вендта, по применению квантовой теории в международных отношениях. В России его идеи развивает группа исследователей под руководством проф. Т.А. Алексеевой. В какой-то мере квантовая теория международных отношений пересекается с концепцией мультивселенной (мультиверса, мира миров, по М.Я. Гэфтеру).

Теория множественных вселенных (мультиверса) изначально создавалась математиками и физиками и развивалась как естественно-научная концепция. Эта теория появилась в 1950-е годы благодаря усилиям американского физика Хью Эверетта. Находясь под впечатлением от идей по квантовой механике выдающегося датского физика Нильса Бора, Эверетт выдвинул смелую мысль, что одновременно существует множество параллельных вселенных. В настоящее время идеи Эверетта развивают британский физик Д. Дойч и американский ученый М. Каку, которые широко известны за пределами академических кругов своими научно-популярными работами.

В адаптированном виде идея мультиверса может найти свое место и в политической науке. Как и в физической теории, в политологической концепции мультиверса совпадают главные принципы: множественность, альтернативность, параллельность, дополнительность, нелинейность. Например, государства по-прежнему воспринимаются в научном дискурсе как основные «серьезные» политические сущности, в то время как иным политическим субъектам отводится преимущественно вспомогательная роль в государствоцентричной парадигме восприятия и оценки происходящих событий.

Насколько преваляющие в научном дискурсе базовые установки о политической картине современного мира отражают реальное положение вещей? Каким образом можно интерпретировать происходящие процессы через призму мультиверса? *Во-первых*, государство по-прежнему остается основным мирополитическим субъектом. Однако многие его функции во все большей степени переходят к иным политическим субъектам — ТНК, субнациональным регионам, НКО и т.д. *Во-вторых*, происходит активное формирование транснациональных политических пространств, которые делают политический рельеф более сложным и многомерным, добавляют ему интегральности. В итоге наполнение современной политики происходит за счет формирования множества субъектных миров, исходя из их типа, а сами эти субъектные миры взаимодействуют между собой.

Если же обратиться к политической философии, то в рамках мультиверса Модерн вступил в кризисную стадию во второй половине XX в., что нашло отражение в философии постмодернизма. Постмодернисты отрицали ключевую идею Модерна — идею развития, прогресса в качестве фундаментальной ценности, на основе которой формируется общность человечества. Однако в первой трети XXI в. постмодернизм исчерпал себя. Идея развития вновь востребована, что укладывается в гегелевский закон отрицания отрицания. Возникла потребность в формировании нового мироустройства, которое бы сочетало в себе стремление к универсализму, присущее Модерну, и характерные для Постмодерна тенденции многообразия и плюрализма. Это мир миров, в котором разные субъекты, уровни, формы находятся в состоянии диалога, сближаются и отталкиваются, подвергаются диффузии при сохранении своеобразия и многообразия. При таком подходе полицентричность имеет не одно измерение, как сейчас — новая конфигурация ведущих государств, — а несколько, т.е. полицентризм становится равен еще и полноценной глубокой полисубъектности.

РЕАЛИЗАЦИЯ GR-СТРАТЕГИИ УГОЛЬНОЙ КОМПАНИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕХОДА С УРОВНЯ МИКРОПОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ В ОТРАСЛИ НА МАКРОУРОВЕНЬ ЦЕНТРОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ

На современном этапе можно констатировать, что развитие GR в России и мире выходит на новый уровень, так как происходит все большая интеграция внутрикорпоративных бизнес-процессов в окружающую среду, которую невозможно представить без органов государственной и местной власти. В данном контексте важно выделить особую роль создания и имплементации GR-стратегий, которые являются базой для позитивного взаимодействия и выстраивания устойчивых коммуникативных связей между бизнесом и органами государственной власти.

Практическое исследование GR-стратегий, особенно тех, которые осуществляются на Дальнем Востоке, приобретает новый смысл, так как стратегирование используется разными корпоративными акторами. Более того, направление Дальнего Востока с каждым годом стремительно развивается по причине увеличения количества инвестиций в регион и благодаря государственным механизмам поддержки.

Для полного и научного изучения GR-стратегирования должны быть выявлены не только основные этапы, которые имеют практическое применение для GR-департаментов во многих коммерческих структурах; технологии, которые используются для успешной ее имплементации, но и основные тенденции развития, которые будут актуальны в ближайшие несколько лет, например описанные в системообразующих стратегиях по отраслевому планированию.

Интересен тот факт, каким образом уровень микроповедения отдельной компании (в данном исследовании такой компанией является ООО «УК Эльга-Уголь») оказывает влияние на изучение и внедрение новых GR-технологий при имплементации стратегии по взаимодействию с органами государственной власти, создавая новые прецеденты по инструментарию продвижения интересов на макроуровень.

Целью данного исследования является реализация GR-стратегии компании как микроуровня принятия решений, с учетом ее стратегии, в данном случае одной из целей будет являться развитие региона путем создания угольного инфраструктурного кластера и переход на макроуровень, с помощью новых GR-инструментов и технологий, а также стратегирование на макроуровне, которое осуществляется органами государственной власти.

Говоря о разработке новых инструментов, как ESG-принципы, пока нельзя говорить о высокой степени научной разработанности данного направления, так как оно представляет достаточно новую область исследования, следовательно, можно использовать лишь статистическую документацию, которая подготавливается аналитическими центрами, а также иными независимыми организациями, и создавать некоторые прогнозы по развитию отдельно взятой отрасли в контексте постоянных трансформаций делового климата.

Основным перспективным инструментом для реализации GR-стратегии компании угольной отрасли может являться комбинация ESG и КСО принципов, которые влекут за собой улучшение всех ключевых показателей для компонентов ESG-планирования, а также совершенно новый уровень взаимодействия и коммуникации с органами государственной власти, что также будет положительно влиять на дальнейшую работу GR-департамента.

Арутюнов А.Г.
АНО «Академический Альянс», Москва

ОСОБЕННОСТИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНЫХ ТИПОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТЬЮ

Тюменская область является уникальным примером региона со сложными межрегиональными отношениями не только для Российской Федерации, но и для практики реализации принципов федерализма по всему миру. Уникальность эта выражена в особом устройстве субрегиональных и межрегиональных отношений. Так, Тюменская область фактически властно воздействует на два незави-

симых субъекта Российской Федерации, ими являются Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ. Эти отношения регламентированы Уставом Тюменской области. Заметим, что здесь присутствует еще большая уникальность, чем в случае с аналогичными отношениями Архангельской области и Ненецкого автономного округа (здесь субъект-объектное отношение всего одно). Конечно, в прошлом можно найти такой же пример, под ним можно понимать Красноярский край, который до 2007 г. делился на собственно Красноярский край (куда входил в том числе город Норильск, полностью окруженный другим субъектом Федерации), а также Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ и Эвенкийский автономный округ. Хотя сразу стоит оговориться, что Таймырский и Эвенкийский автономные округа обладали как меньшим экономическим потенциалом, так и меньшими политическими амбициями, чем два имеющихся автономных округа в Тюмени, по итогу укрупнительного процесса автономные округа были превращены в районы Красноярского края, что соответствовало демографическим показателям первых. Кроме Устава Тюменской области данную сферу регламентирует трехстороннее (ХМАО, ЯНАО, Тюменская область) Соглашение о сотрудничестве и Программа «Сотрудничество», интересно то, что это соглашение срочное (до 2025 г.), в отличие от всех остальных соглашений, речь о которых пойдет далее.

Межрегиональное сотрудничество Тюменской области с субъектами РФ весьма разнообразно. К примеру, соглашение о сотрудничестве в области туризма с Владимирской областью (2022 г.), чуть ранее было подписано аналогичное соглашение с городом федерального значения Санкт-Петербургом. С Кировской областью имеется Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, заключенное еще в 1999 г., стоит отметить, что с Кировской же областью заключено Соглашение о сотрудничестве в экономической, научно-технической, культурной и социальной сферах с Ямало-Ненецким автономным округом в 2000 г. Имеется Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с администрацией Мурманской области от 1999 г., позднее в 2011 г. было заключено межправительственное Соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической, социальной, культурной и иных сферах с ЯНАО. Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве регионов с Татарстаном было заключено в 2019 г. В 2022 г. на Форуме «Тюмень Агро-2022. Устойчивое развитие АПК» было заключено два межрегиональных соглашения о сотрудничестве главным образом в сфере бизнеса с Республикой Чувашия и Алтайским краем.

Существует Закон Тюменской области от 26 декабря 1995 г. № 17 «О международных соглашениях Тюменской области и договорах Тюменской области с субъектами Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), который задал основы взаимодействия Тюменской области с международными акторами. В качестве примеров заключения международных договоров Тюменской области на межрегиональном уровне можно привести пример двустороннего соглашения о сотрудничестве Тюменской области и города Красnodон и Краснодонского района Луганской Народной Республики, заключенное в 2022 г. Ведутся попытки, порой успешные, по заключению соглашений с другими регионами и странами, к примеру с Турцией или Республикой Южная Осетия — Алания. Последняя иногда соотносится с особым регионом, поскольку позиционирует себя как часть потенциального будущего единого региона Осетии в составе РФ или просто как потенциальный субъект РФ, однако на данный момент она является самостоятельным государством.

Асеев С.Ю.
АлтГУ, Барнаул

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В СОЗНАНИИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Современная российская молодежь становится свидетелем и участником значимых событий и процессов в социально-политической сфере. За последние три года российское общество столкнулось с вызовами ковидной угрозы, нарастанием внешнеполитического и санкционного давления, силовым противостоянием в ходе СВО на Украине. До этого долгое время значительная часть молодежной среды усваивала ценности постмодернизма и в условиях глобализации и сетевого общества рассматривала для себя возможность вхождения в виртуальные социально-политические и наднациональные идентичности. Но новая реальность противостояния с «коллективным Западом» неожиданно продемонстрировала для российской молодежи угрозу быстрого перехода этими социумами грани шовинизма и национализма с их агрессивным восприятием россиян как «других». Эта ситуация во многом изменила отношение учащейся молодежи к теме патриотического воспитания и усилила в молодежной среде преобладание национально-гражданской идентичности с ее системой образов, ценностей и символов.

Сравнение результатов массовых опросов старших школьников регионов СФО, проведенных в 2020 и 2022 гг., показывает усиление доминирования в молодежной среде державнического (имперского) типа патриотизма, с чем согласуются и характерные для их сознания патриотические и национальные символы. Сохранилось преобладание официальной (государственной) символики (герб, флаг, гимн, столица, язык, двуглавый орел, Георгий Победоносец), при этом увеличилось количество учащихся, для которых символом России и патриотизма выступает президент (В.В. Путин). Среди неофициальных символов все так же представлены символы-ярлыки (медведь, Кремль, матрешка и т.д.), дополненные чертами национального характера (мужество, сила, доброта, сплоченность, уважение традиций, любовь к родине, патриотизм, единство, великий дух народа, непобедимость), сохранили свою значимость образы природы и пространства (березовый лес, огромная страна, Сибирь и др.). Показательно, что сократилось число респондентов, уклонившихся от ответа или не сумевших его сформулировать. В то же время, как показал опрос 2022 г., новая реальность внесла свое наполнение в структуру значимых национально-патриотических символов среди учащейся молодежи. Тактические знаки российской армии «Z», «O», «V», используемые в ходе СВО на Украине, из неофициальной военной символики превратились в один из самых популярных и узнаваемых патриотических символов в молодежной среде. Упоминаемые респондентами в различных текстовых и стилистических оформлениях (георгиевская лента, российский триколор и т.д.), они стали символом неофициального патриотического движения и основной консолидации общества не только в вопросе поддержки армии, но и закрепления ценности «правды».

Российское государство сохраняет курс на выстраивание системы патриотического воспитания, нацеленной на приоритетное формирование национально-государственной идентичности в ее державной трактовке, а новое сочетание национально-патриотических символов в сознании учащейся молодежи СФО отражает запрос общества на усиление его консолидации перед внешним давлением, однако всем субъектам патриотического воспитания необходимо учитывать, что эмоциональный и иррациональный «слепой» патриотизм не характерен для большинства российской молодежи. Среди старшеклассников шире представлен «конструктивный» патриотизм с его установками на поднятие престижа страны в мире и закрепления за Россией статуса мировой державы, в которой молодежь сможет обеспечить свое достойное будущее.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00346.

Асеева Т.А.
АлтГУ, Барнаул

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИЕМОВ И МЕТОДОВ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время можно констатировать активизацию деятельности различных государственных ведомств в направлении унификации форм и методов патриотического воспитания молодежи. Вырабатываются положения, проекты и методические рекомендации, регламентирующие воспитательную деятельность организаций, осуществляющих образовательные процессы. В связи с этим актуализируется проблема содержания и формата нововведений в патриотическом воспитании молодежи.

На протяжении длительного периода исследователи констатировали ряд особенностей, связанных с реализацией патриотического воспитания молодежи РФ. *Во-первых*, отсутствие единой нормативной и методологической базы на территории государства. В субъектах Федерации наблюдалась противоречивая практика патриотических мероприятий и крен в сторону количественных показателей при реализации патриотических проектов, разность финансирования и характера организаций, осуществляющих патриотическое воспитание. *Во-вторых*, большинство мероприятий, направленных на формирование патриотических качеств, предполагало добровольное участие, но низкий уровень информированности о них, а также низкая мотивация молодежи на данное участие понижают эффективность деятельности субъектов патриотического воспитания.

Впервые за многие годы через систему образования вводятся централизованные меры по патриотическому воспитанию молодежи. По результатам работы межведомственной комиссии по историческому просвещению Минпросвещения разработало методические рекомендации «Об использовании государственных символов Российской Федерации при обучении и воспитании детей и молодежи в образовательных организациях, а также организациях отдыха детей и их оздоровления». Согласно данным рекомендациям, общеобразовательным учреждениям рекомендовано организовать еженедельное поднятие Государственного флага РФ. Поднятие флага должны осуществлять ученики, делающие успехи в учебе и внеучебной деятельности. Также планируется усиление воспитательной работы в направлении празднования основных государственных праздников. В общеобразовательных, оздорови-

тельных и организациях отдыха детей должны будут оборудованы зоны мест размещения государственных символов. Реализация примерных образовательных программ теперь будет включать тематические разделы, посвященные государственной символике. Использование государственной символики в патриотическом воспитании планируется на разных этапах общеобразовательного процесса.

Цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном» является еще одним ключевым нововведением в процессе формирования гражданско-патриотических качеств современных школьников. Министерством просвещения создан сайт вышеуказанного проекта, который содержит тематику и методические материалы данных занятий. Стоит отметить, что за педагогами, согласно закону «Об образовании в РФ», оставляют право самостоятельно определять содержание занятий, но их тематика остается универсальной. Среди тематики «Разговоров о важном» можно встретить как общекультурные темы «165-летие со дня рождения К.Э. Циолковского», «День пожилых людей», «День отца», так и темы, раскрывающие основы российской государственности: «Символы России», «День народного единства», «Наша страна — Россия». На 14 сентября 2022 г. на странице сайта «Разговоры о важном» размещены тематические занятия лишь до конца ноября 2022 г. В связи с этим пока не представляется возможным определить вектор воспитательного воздействия.

Отличительной чертой данного формата должны стать разговоры и дискуссии педагога с учениками. Однако, как показывают результаты фокус-групповых исследований, ученики школ отмечают, что равный диалог с учителем в школе практически не встречается. Кроме того, неумелое использование некоторой политической информации может нарушить запрет политической агитации в образовательном учреждении.

Нововведения достаточно активно обсуждаются как профессиональным педагогическим сообществом, так и другими представителями гражданского общества. Несмотря на декларируемую в методических рекомендациях адаптацию вводимых методов патриотического воспитания к особенностям современной молодежи, мы все же можем столкнуться с деформациями их реализации, обусловленными отсутствием подобного опыта у исполнителей и другими субъективными факторами.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00346.

Асонов Н.В.
МПГУ, Москва

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ПОНЯТИЯ «НЕМЦЫ» В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Истоки данного понятия надо отнести ко времени крещения Руси в 988 г. Именно тогда был сделан главный поворот к разрыву с романо-германским религиозно-политическим полем. Князь Владимир подчиняет страну духовной власти вселенского патриарха, так как сравнение религий показало нравственную слабость западного христианства. Римские первосвященники, поправ принцип соборности как один из символов веры, узурпировали всю полноту высшей светской и духовной власти в своих руках. Стремясь увеличить число своих «церковных чад», Рим стал подстраиваться под стереотипы язычников, спровоцировав на Западе движение к доминированию материальных благ над духовными ценностями. Поэтому принимать сторону успешного, но ушедшего от высокой нравственности Запада Владимир не стал. Оценка этого выбора породила в русской философско-политической мысли взгляд на Запад как на «немой» мир (мир немцев).

Его главные положения были сформулированы в ряде сочинений XI–XII вв., ставших одной из основ государственной идеологии Руси. Их смысл сводился к трактовке Запада как некоего центра греховной жизни, опираясь на который Сатана пытается соблазнить остальные страны, уведя их от союза с Богом. Например, Феодосий Печерский в «Слове о вере христианской и о латинской», указывая на духовную ущербность Запада, призвал «всякого ученья их бегати, и норова их гнушати», ибо «развращенной погибели полна вера их. Ее же ни жидове творят, то они творят». Позиция Феодосия получила одобрение духовной власти страны, о чем свидетельствует «Стязание с латиною» митрополита Георгия, указавшее на 70 главных вин «латинян» перед Богом. «И тех ради вин в жидовство явлено впадоша». В схожем ключе рассуждает, обращаясь к Владимиру Мономаху, и митрополит Никифор.

При этом подобная теория «железного занавеса» не призывала к полной изоляции страны и негативному отношению к иноверцам. Добрые деяния православный человек должен распространять и на них: «милостью милуи не токмо своя веры, но и чужия... — всякого помилуй и от беды избави». Но если эти люди начнут отлучать русских от православия, надлежит встать на защиту веры. Эта позиция должна проявиться и в том случае, когда иностранцы будут говорить о том, что Бог дал разным народам разные учения. Таким господам следует отвечать так: «Ты кривоверен, мниши Бога двоевера... Писание глаголетъ: Един Бог, едина вера».

Подобная установка сохранила свою значимость в «Повести временных лет». Тем самым «Повесть» заложила основы единой национальной идеи, в основу которой была положена только православная вера. Ее главными признаками, помимо богословских атрибутов, выступали соборность, княжеское и вечевое правление как синтез развития трех основных тенденций в политической жизни Руси (аристократической, монархической и демократической). Стоит отметить, что во всех летописных текстах католичество не рассматривалось как христианство. Оно подавалось как сознательный уход от него в сторону языческих или иудейских пороков, т.е. предательство союза с Богом.

В итоге расхожее у славян понятие «немцы» (немые), применяемое к тем, кто не понимал их язык, изменило свое смысловое содержание, перейдя из культурно-речевой сферы в философско-политическую. «Немцами» стали именовать тех, кто перестал слышать и понимать язык Бога, разучившись общаться с Ним при помощи правильной молитвы и правильного строя мыслей. В документах Руси вплоть до конца XV в. авторы говорят о свейских, англянских, фряжских, гишпанских, франкских немцах, немцах из Рима и даже об «украинах Немецких». В основном это относилось к тем, кто составлял этническую основу Священной Римской империи, которой управлял «цесарь немецкий». Поэтому они рассматривались у нас как главные носители зла и отступники от Бога. В сходном ключе этот термин фигурирует и применительно к представителям римского папы («немьци... от папежа», «оть рима немци»), указывая на духовного вождя католичества как инициатора «развращения» христианской веры.

При этом можно наблюдать отсутствие аналогичного негативного отношения к язычникам и мусульманам, чья вера противоречила базовым христианским установкам. Судя по всему, на Руси в отступлении от принятых норм веры видели больший грех, нежели в нормах языческой или исламской религий, еще не поднявшихся на соответствующий пик духовно-нравственного восхождения и потому сохраняющих для своих последователей путь к подлинному единению с Богом. Не случайно летописец отметил превосходство Азии над Европой следующей фразой: «насади Бог рай на востоце, а на западе муку уготова». Тем самым русская философско-политическая мысль отделила нашу страну от немецкого мира Запада и отнесла ее к Востоку, в целом сохранив эту мировоззренческую установку вплоть до Петра.

*Аствацатурова М.А.
ПГУ, Пятигорск*

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОРМАТОВ ПУБЛИЧНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Современные геополитические вызовы и современный уязвимый миропорядок, детерминированные множеством причин, вывели на первый план субъектность больших, если не сказать, глобальных акторов. Это — государства, союзы государств, нации и народы. Планетарная политическая ситуация отмечается существенными дестабилизациями, крушениями прежних договоренностей, отказом от ранее определенных позиций и правил международного сотрудничества. Страны и правительства в ускоренном режиме формируют блиц-доктрины геополитических стратегий и тактик, уязвимость которых, на наш взгляд, состоит в том числе в ускоренном, экспромтном стиле их оформления и применения. Геополитическая современность не дает субъектам международной архитектуры временного лага продумать и предсказать следствия реактивных действий — гибридных войн, конфликтов, санкций, «культуры отмены», которые стали определяющими в отношениях между странами.

Российская Федерация также включена в ускоренный и плохо предсказуемый процесс разрушения старого и формирования нового миропорядка, очертания которого, вероятно, не совсем ясны его участникам. В этом турбулентном процессе, следствия которого проявятся со всей рельефностью только в отдаленной перспективе, Россия стремится определить четкие и твердые позиции собственного суверенитета, который наполняется новым пространственным, идейным, мировоззренческим содержанием.

В данном содержании превалирует этнорусский и национально-российский патриотизм как политическая программа управления и как политическая платформа консолидации граждан. При этом по российской министералитетной традиции россияне повышают свою лояльность отечеству, отождествляя отечество с государством, государство с властью, а власть с Президентом РФ в конкретной персонификации.

Усложнение международной конъюнктуры, беспрецедентные санкции в отношении России со стороны США и коллективного Запада, окружение России недружественными странами и практическое отсутствие союзников актуализирует форматы осуществления внутренней политики государства во всех ее направлениях и сегментах.

К таким сегментам отнесем и сегмент межэтнических отношений, этнополитических процессов, этнокультурного самоопределения и этноидентификационного позиционирования граждан и групп в целом. С одной стороны, заботы этнополитики отошли на второй план в сравнении с глобальными задачами геополитической природы. С другой стороны, запросы на этноидентификацию остаются стационарными и требуют постоянного политического, управленческого, организационного внимания.

Форматы такого внимания, вероятно, должны быть особенно строго продуманы с учетом провокационных вызовов и рисков «цветной», конфликтной и даже террористической этнополитической детерминации, которые систематически и хронически проявляются по периметру России (страны Балтии, Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Украина и др.) и которые, соответственно, обуславливают негативную геополитизацию межэтнических отношений внутри страны.

Учитывая это, реализацию «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» целесообразно оформлять в новых тактических форматах, предусматривающих:

- сохранение режима максимальной публичности и открытости принятия вершущихся и региональных политических решений, касающихся территориальных, языковых, культурных запросов этнических сообществ РФ;
- развитие федеративных отношений по вертикали и по горизонтали с учетом традиций национально-государственного, национально-территориального строительства, субъектами которых выступают народы РФ;
- индоктринацию идеи безопасного и привлекательного сочетания этнических идентификационных жизненных линий с общенациональной линией гражданской российской идентификации в пределах демократического, социального, правового Российского государства;
- избегание противопоставления русскости и российскости в информационном обеспечении этнополитических проекций управления и самоуправления в условиях «культуры отмены»;
- профилактирование бюрократического навязывания этническим коллективам идейционистского идентификационного выбора, вызванного периодом специальной военной операции России на Украине;
- акцентирование роли всех народов и этнических сообществ РФ в построении будущего российской гражданской нации при конкретизации результатов ответов России на вызовы современного мира;
- поддержание гуманистического смысла культурного наследия народов России как основы их дальнейшего сплочения на основе общечеловеческих ценностей;
- обновление практик национально-культурного самоопределения, народной антиконфликтной дипломатии в контексте общероссийской гражданской институционализации.

Ачкасов В.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ДИАЛОГ ВЛАСТЬ–ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ-СОГРАЖДАНСТВА

Условием стабильного существования современного национального государства является поддержание политическими средствами определенной иерархии идентичностей его граждан, и в этой иерархии на политический статус может претендовать только гражданская идентичность человека, которая должна иметь приоритет и перед всеми прочими его идентичностями, в том числе идентичностью этнической.

Поэтому политика гражданской интеграции, суть которой заключается в целенаправленных действиях «на подчинение первичных этнических (примордиальных) сантиментов общегражданскому порядку» (К. Гиртс), должна быть важнейшей составной частью внутренней политики любого суверенного национального государства.

В связи с этим вызывает сомнения утверждение, тиражируемое многими социологами, о том, что «представление “Мы — граждане России” стало не только разделяемым большинством населения, но и устойчивым: оно воспринимается как русскими, так и практически в равной степени людьми других национальностей»¹. Однако тезис о существовании в России массовой категории граждан, имеющих по отношению к государству не только обязанности, но и права и ведущих с властью диалог, требует дополнительных доказательств. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, в современной России наблюдаются очевидные проблемы, связанные с формированием гражданской идентичности, и по-прежнему россияне не очень-то доверяют друг другу.

¹ См.: Горшков М.К. О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2 (6). С. 14–25 и др.

Поэтому следует согласиться с тем, что пока в большей мере сформирована российская политическая/подданническая, а не гражданская нация. Как отмечает западный эксперт, «общероссийская идентичность сформировалась преимущественно как государственная идентичность, что само по себе является значимым результатом: идентификация населения со своим государством является необходимым фактором успеха нациестроительства»¹. Однако если самоидентификация с государством, властью или с ее носителем не дополняется самоидентификацией с другими группами населения и не сопровождается равноправным диалогом между ними, то это означает, что отсутствуют не только вертикальные, но и устойчивые горизонтальные, в том числе этнокультурные, связи.

В то же время в отсутствие внятного политического дискурса элит по поводу задач гражданского нациестроительства, понятных гражданам России, и направлений некофронтационного развития общества и государства крайне затруднены и поиск гражданами конкретных маркеров общероссийской гражданской идентичности, и процесс ее обретения.

Таким образом, в Российской Федерации интеграция представителей многочисленных этнических групп и этнонаций в единую нацию-согражданство происходит медленно и этот процесс далек от завершения.

Ашмарина А.А.
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЭММАНЮЭЛЯ МАКРОНА 2017–2021 ГГ. В БОРЬБЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Став президентом, Макрон был вынужден решать ряд важных для Франции проблем, не последнее место в этом списке заняли вопросы миграции и интеграции. Отметим, что в предвыборной программе миграционная политика была достаточно осторожной, реальные же меры оказались более жесткими и решительными. В качестве примера можно привести немедленную отправку ста пятидесяти жандармов в Кале для предотвращения появления лагерей мигрантов. Кроме того, произошло резкое увеличение «чисток» лагерей беженцев на улицах французских городов, состоящих из множества палаток. По заявлению главы Парижского региона Валери Пекресс в сентябре 2017 г., на подведомственной ей территории находится более 100 подобных лагерей². 25 сентября префект Парижского округа Мишель Кадо объявил об открытии вокруг французской столицы центров «предварительной ориентации» мигрантов. Он заверил, что административные дела размещенных в них лиц будут рассматриваться быстро. В Париже и Кале полиция получила указания разрушать лагеря беженцев и не допускать появления новых.

Помимо негласных «разубеждающих» акций, проводится и документальная работа на миграционном «направлении»: выпускаются циркуляры, призывающие на порядок увеличить количество высланных из страны. В одном из таких распоряжений, датированных 20 ноября, министр внутренних дел Жерар Коллон просит префектов выработать соответствующие планы по каждому департаменту.

Более того, МВД впервые приняло решение о проверке документов у людей, получивших укрытие в центрах экстренного размещения для бездомных. Соответствующий циркуляр был подписан министром внутренних дел Жераром Коллоном и министром регионального развития Жаком Мезаром 12 декабря.

Правозащитные организации обвинили власти в «сортировке бездомных». В ответ на это глава МВД Франции заявил, что власти приняли такое решение с целью более равномерно перераспределить людей в различных центрах временного размещения.

В 2017 г. премьер-министр Франции Эдуар Филипп представил план правительства «по предоставлению убежища и эффективному контролю миграционных потоков». План включал ускорение депортации лиц, которым было отказано в предоставлении убежища, и незарегистрированных иммигрантов, расширение полномочий правоохранительных органов. «Столкнувшись с чрезвычайной ситуацией, правительство решило сохранить контроль над своими национальными границами до ноября 2017 года», — заявил Филипп³. По заявлению премьер-министра, Франция будет поддерживать *Frontex* и общеевропейскую политику предоставления убежища, а также предоставит жилье еще для 7500 про-

¹ *Wimmer A.* Nation Building: Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. P. 129.

² Глава Парижского региона Валери Пекресс заявила о существовании ста лагерей мигрантов // Info Pro. 2017. 27 сентября. URL: <https://da-info.pro/news/glava-parizskogo-regiona-valeri-pekress-zaavila-o-susestvovanii-sta-lagerej-migrantov> (дата обращения: 05.09.2022).

³ *Edouard Philippe:* France will maintain border controls until November. Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/edouard-philippe-france-will-maintain-border-controls-until-november/>.

сителей убежища к 2019 г. В плане также была упомянута тема интеграции — правительство планирует увеличить объем языковых курсов и помочь беженцам найти работу. Для талантливых студентов и специалистов было предложено создать «визу талантов», чтобы поощрить их мобильность и стремление работать на благо Франции.

Положения программы Макрона получили продолжение в законе «О контролируемой иммиграции и эффективном праве на убежище» 2018 г., предложенном министром внутренних дел Жераром Коллоном. Стоит обратить внимание на то, что данный документ был направлен в основном на ограничение массовой миграции. Документ раскритиковали как правая, так и левая оппозиция. Республиканцы и Национальный Фронт посчитали предложения слишком мягкими, в то время как левые обозначили его бесчеловечным и опасным.

Можно сделать вывод, что в период президентства Макрона иммиграция во Францию лишь усилилась, продолжая темпы роста, зарегистрированные в период правления Франсуа Олланда. Миграционная политика имеет несколько противоречивый характер: с одной стороны, власти призывают к солидарности и улучшенному приему иммигрантов, с другой стороны, пытаются отстоять национальные интересы, ограничивая притоки иностранных граждан и депортируя незарегистрированных мигрантов.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

1. Термин «парадигма» был введен американским философом Томасом Куном. Под парадигмой подразумевается совокупность беспрецедентных достижений науки, которые в течение некоторого времени признаются научным сообществом в качестве основы для его дальнейшей деятельности [1, с. 28].

Как известно, классическая геополитика зародилась в конце XIX в., в период расцвета эпохи модерна. Мировоззрение эпохи модерна с присущей ему верой в прогресс и разум всегда отличалось серьезностью и строгостью научных установок и стремлением не столько к описанию реальности, сколько к конструированию возможных ее моделей. В геополитической теории это проявилось достаточно ярко. Фактически геополитический взгляд на мир легитимировал в научном и политическом дискурсе представление о мире как о едином гомогенном пространстве, которое подразделяется на такие же гомогенные территориальные структуры и блоки, имеющие определенную иерархию.

2. Во второй половине XX в. мы можем наблюдать серьезные изменения международных реалий. Под воздействием глобализации, регионализации и информационной революции происходит трансформация государственного суверенитета. Под глобализацией обычно понимается процесс, отличительными чертами которого являются стирание различных традиционных идентичностей, трансформация национального суверенитета и усиление зависимости различных общностей от положения в мировой экономике [2]. В то же время достаточно аргументированным является скептический подход, согласно которому процессы глобализации представляют собой установление нового миропорядка через навязывание западных ценностей другим сообществам. Данный вариант глобализации по западным стандартам наталкивается на серьезное сопротивление со стороны акторов, которые имеют другие представления о мировом порядке. Вооруженные конфликты в Ираке, Афганистане, Сирии или современная специальная военная операция на Украине являются яркими примерами противостояния западному варианту глобализации. Но при этом объективно мир сегодня является единым социальным пространством, в котором доминируют экономические и технологические силы, а изменения в одной части планеты могут влиять на судьбы людей или сообществ в других частях земного шара. Так, специальная военная операция на Украине привела к сбоям в поставках зерна и продовольственному кризису.

3. Геополитика, как определенная исследовательская парадигма, всегда включала в себя изучение геополитической структуры мира, ее ключевые элементы и динамику [3]. Для классических геополитических концепций характерно представление о мире как о гомогенной линейно-иерархической структуре. Во второй половине XX в. происходит окончательный распад колониальной системы и разворачивается сетевая революция. Главным последствием этого стало формирование новой геополитической структуры мира, имеющей как иерархические, так и сетевые элементы организации.

4. В современных условиях мы можем наблюдать формирование новых форм геостратегии, таких как «мягкая сила» и «гибридная стратегия», а также изменение целевых установок при формировании геостратегии. Мы утверждаем, что современная геостратегия направлена в первую очередь на изменение геополитической идентичности страны, а не на аннексию и оккупацию территории. Однако в случае, если геополитическую идентичность страны не удается изменить с помощью информационно-когнитивного воздействия или «мягкой силы», тогда, как показывают современные реалии, возможен силовой вариант развития событий вплоть до оккупации территории.

5. Так или иначе современные геополитические реалии характеризуются глубокими изменениями и появлением новых «центров силы», формированием нового миропорядка. Одновременно мы можем наблюдать оформление нового геополитического конфликта между «коллективным Западом» во главе с США и геополитическим «Востоком» во главе с Китаем и Россией [4]. Данный конфликт вызван противоположными представлениями о характере нового мирового порядка и одновременно способствует формированию новой геополитической архитектуры мира. В то же время современное противостояние между великими державами повышает риск глобальной ядерной катастрофы.

Библиографический список

1. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977. С. 28.
2. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. С. 110.
3. Исаев Б.А. Геополитика и геостратегия: Учебник. М., 2020. Сер. 76. Высшее образование (2-е изд., пер. и доп.). — 458 с.

4. *Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф.* Современная геополитическая система, геопорядок и уравнение безопасности // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 388.

Барабаш Б.А.
МГИМО МИД России, Москва

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В современной мировой политике и теории международных отношений распространены различные классификации и типологии государств, в частности основанные на показателях мощи и влияния. Так, одной из самых распространенных междисциплинарных классификаций является разделение всех государств на крупные и великие; средние, региональные и второстепенные; а также малые и микросоциальства. Последняя группа является наиболее многочисленной вследствие распада мировой колониальной системы и сепаратизма в отдельных крупных государствах на протяжении XX в.

Вместе с тем перечень малых государств и многочисленные способы их операционализации зависят от конкретных целей исследования и используемой методологии, которые предлагают политическая география, сравнительная политология, теория международных отношений и мировая политика. Как представляется, именно неолиберализм как теоретико-методологическая рамка позволяет максимально полно объяснить функционирование малых государств в современной мировой политике.

Для понимания феномена малых государств полезной является классификация Р. Кохэна, предложенная им в 1969 г., согласно которой малые государства — это государства, лидеры которых считают, что они никогда не смогут, действуя в одиночку или в составе небольшой группы, оказать существенное влияние на мировой порядок.

Ограниченность ресурсов и способов влияния на мировую политику, а также низкая статусность являются отличительными характеристиками малых государств, как и скромные физико-географические показатели, прежде всего, малочисленное население и небольшая территория. Вместе с тем малое государство не является синонимом слабого государства. Так, примеры Сингапура, Бахрейна и Люксембурга демонстрируют, что в нынешнее время малые государства способны задействовать всю полноту своего суверенитета и использовать конкурентные преимущества для самореализации, несмотря на наличие ограниченных ресурсов. Здесь следует говорить о функциональной роли малых государств в современной мировой политике, ровно так же как у некоторых государств существует экономическая специализация на выпуске определенных товаров в рамках мировой экономической системы. При этом размер государства не является ведущим фактором для понимания его поведения на международной арене, в то время как функциональная способность малых государств позволяет объяснять дифференциацию внешнеполитических курсов данного рода политий.

Обширность группы малых государств указывает на полиаспектность их ролей и функций в мировой политике, факторов их генезиса, государственной состоятельности и моделей поведения на международной арене, а также требует выделения отдельных кластеров для более подробного изучения закономерностей их развития.

Так, например, степень дипломатической активности, экономической безопасности и внешнеполитической зависимости позволяет провести внутреннюю дифференциацию в рамках аналитической категории малых государств, при этом операционализацией данных параметров могут служить такие показатели, как участие в международных организациях, развитость сети дипломатических представительств, голосование в Генеральной Ассамблее ООН; величина ВВП, коэффициент неравенства доходов и роль третичного сектора; получение иностранной помощи, индекс внутренних и внешних угроз, зависимость от туризма и другие.

Следует упомянуть, что среди типичных характеристик малых государств, выделяемых в рамках анализа, важно различать внутренние (обладаемые экономические ресурсы, политическая культура, государственная и инфраструктурная состоятельность) и внешние факторы (степень зависимости от великих и средних держав, участие в интеграционных образованиях и т.д.), которые влияют на их роли и функции в рамках мировой политики и требуют систематизации на базе эмпирических исследований.

Наконец, отдельно стоит упомянуть важность пространственного фактора в исследовании малых государств, который не является тождественным простой географической локализации в конкретных региональных подсистемах международных отношений и позволяет более точно указать на диадные асимметричные связи между всеми соседствующими государствами, на основе которых и делается вывод о принадлежности того или иного государства к категории малых.

Классификация и кластеризация малых государств на основе политических, географических, экономико-социальных и пространственных критериев, а также идентификация основных закономерностей функционирования малых государств с учетом наличия у них ограниченных ресурсов позволяют расширить теоретическую базу исследований политий с проблемной и ограниченной суверенностью, а также рассмотреть малые государства как отдельную категорию анализа в мировой политике.

Баранов А.В.
КубГУ, Краснодар

ВОЗМОЖНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ УКРАИНЫ ПРИ УСПЕШНОМ ЗАВЕРШЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Растет актуальность проектов политико-территориального переустройства пространства, являющегося лимитрофным в отношении России. Случай Украины важен для развития концепций много-составного общества (по А. Лейпхарту) и теории глубоко разделенного общества (А. Гелке, А. Маккалох). Методологической основой работы выбрана концепция глубоко расколотых обществ.

Проекты политико-территориального переустройства Украины за 2004–2022 гг. выдвигаются сторонниками децентрализации, федерализации или распада страны. Аргументация создания новых государственных образований на постукраинском пространстве чаще всего опирается на исторические и идентификационные аргументы. Популярно упоминание краткости существования украинского государства, молодости его границ. Исследователи указывают на слабость национальной идентичности в южных и восточных областях.

Факторы политической поляризации регионов Украины долгосрочны. В их числе — геополитическое давление зарубежных стран, экономическое тяготение регионов к зарубежным центрам влияния, историческая память региональных сообществ, контрастный этнический и языковой состав населения, наличие субнациональных элит. Выборы 1990–2012 гг. подтверждали устойчивый раскол между Западом и Центром Украины, с одной стороны, и Югом и Востоком — с другой. Даже в условиях этноцентрического режима выборы подтверждали раскол. Но вследствие более чем 8 лет националистического правления сообщества Юга и Востока страны испытали жесткие репрессии, и надеяться на возрождение их требований федерализации без освобождения Вооруженными Силами РФ нельзя.

Варианты развития ДНР и ЛНР после их признания Российской Федерацией и начала специальной военной операции по денацификации Украины кардинально изменились. Выбор — между статусом независимых государств в союзе с РФ, интеграцией в состав РФ и возвращением в состав денацифицированной Украины¹. Судя по итогам более ранних анкетных опросов в Донбассе, предпочтителен второй вариант. Так, опрос 2019 г. Украинского института будущего, киевского издания «Зеркало недели» и компании «Нью имидж маркетинг групп» дал 64% сторонников включения в состав РФ, 18% — возвращения в состав Украины и 17% — статуса независимых государств (Чернышев Е. Две трети населения ДНР и ЛНР хотят воссоединения с Россией, показал украинский опрос. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2019/11/09/22557707/> (дата обращения: 07.04.2022)).

Специальная военная операция на Украине привела к освобождению большей части Донбасса, Херсонской и Запорожской областей. Остро встал вопрос о будущем статусе этих и, возможно, освобождаемых в будущем других регионов. 28 февраля 2022 г. был опубликован манифест об образовании нового государства — Федеративной Республики Украина путем добровольного договора регионов, которые этого пожелают. Но инициатива не получила развития, и, на наш взгляд, зря, поскольку с киевским режимом переговоры могут вестись об одном — о капитуляции Украины и ее денацификации. Другая перспектива — провозглашение в освобожденных регионах независимых республик с их последующим добровольным вхождением в состав РФ. Такой сценарий подтверждается введением рубля в Херсонской области и отставкой проукраинских губернаторов и мэров. В Херсонской и Запорожской областях созданы военно-гражданские администрации. Представляет интерес будущее западных регионов Украины, не имеющих историко-культурного и политического тяготения к России. Российские публицисты высказывают три мнения о будущем этих областей. Либо они будут оккупированы бывшими владельцами (Польшей, Венгрией и Румынией), либо составят территорию «остаточной» националистической Украины после завершения военных действий компромиссом между РФ и Западом, либо будут денацифицированы вместе с остальными частями Украины. Предпочтителен вариант освобождения всей Украины и создания жесткой линии разграничения РФ–НАТО по нынешней западной границе. В противном случае вероятно втягивание «остаточной» Украины в НАТО.

¹ ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области вошли в состав Российской Федерации 4 октября 2022 г. — *Прим. ред.*

Итак, успешная денацификация Украины должна привести к ее радикальной децентрализации. Предпочтителен путь обособления освобожденных территорий от Украины с провозглашением в них ряда ориентированных на Россию политических образований и последующая радикальная «перезагрузка» постукраинского пространства. Медлить с этим нельзя.

Баранов Н.А.
СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

«ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ» ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОГО МИРА

Наступившее тысячелетие отличает непредсказуемость и неопределенность мирового общественного развития, выражающегося в достаточно частом появлении, по выражению Нассима Талеба, «черных лебедей» — аномальных событий с огромной силой воздействия на мировые процессы¹. Одно из таких событий — пандемия COVID-19 — продемонстрировало приоритеты человеческого развития, которые ярко выразил Адам Пшеворский: «Физическое выживание — это императив, все остальное — роскошь»². Последствия пандемии свидетельствуют о кризисе либерально-демократической глобализации, обесценивании идеологии западного общества, декларативности провозглашаемых прав и свобод.

Западный мир на фоне неопределенности отказывается от либеральных ценностей: свободы печати и распространения информации, поддержки этнических меньшинств, вводя тотальные запреты в либеральных демократических странах, не решающие проблемы борьбы с пандемией или противостояния терроризму. Автор концепции «конца истории» и победы либерализма Фрэнсис Фукуяма в 2022 г. опубликовал книгу под названием «Либерализм и его беды», в которой признает, что «либерализм сегодня находится под серьезной угрозой во всем мире»³.

Вопросы безопасности стали охватывать все сферы жизни. Государства становятся более подозрительными как по отношению к своим гражданам, так и во внешнеполитической сфере. Уильям Дэвис полагает, что миром стали править эмоции, поэтому появились «нервные государства»⁴.

Цифровые технологии кардинально меняют нашу жизнь, с одной стороны, упрощая ее, с другой — усложняя из-за возможности тотального контроля за деятельностью каждого человека. Опасность вторжения государства и общества в частную жизнь человека в условиях цифровизации не уменьшается, а, напротив, возрастает. Всевластие органов безопасности и связанные с этим ограничения прав и свобод человека, как это убедительно показал опыт профессиональной деятельности американского программиста Эдварда Сноудена, является проблемой не только авторитарных обществ, но и демократических государств.

В условиях доминирования Запада в странах, не согласных с западноцентричным миром, появляются представления о развитии по незападному сценарию. Альтернативой западному пониманию мира служат взаимоотношения, складывающиеся между государствами, входящими в ШОС, а также в рамках БРИКС. Поддержка Запада и западных инициатив в мире снижается, о чем свидетельствуют результаты голосования в рамках ООН по антироссийским декларациям. Данную тенденцию американский эксперт-международник Уолтер Рассел Мид из Гудзоновского института выразил следующим образом: «Запад никогда не был столь сплочен. Но редко когда был столь же одинок»⁵.

На международной арене торжествует технология постправды, результатом которой стало создание международного общественного мнения определенной направленности и боязнь высказать собственную позицию из-за обвинений в подрыве единства западного, либерального, арабского и т.д. мира.

В результате мы наблюдаем кардинальные изменения в мире, связанные с реакцией на аномальные события, неспособностью человечества эффективно противостоять существующим угрозам, нежеланием договариваться друг с другом, попытками продвигать идеологизированные проекты, с которыми не согласна существенная часть современных государств. Становление нового мирового порядка, рост влияния незападных стран на мирополитические процессы, неспособность стран западной цивилиза-

¹ Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп. / Пер. с англ. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2021. С. 14.

² Пшеворский А. Физическое выживание — императив, все остальное — роскошь // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/fizicheskoe-vyzhivanie-imperativ/> (дата обращения: 13.09.2022).

³ Fukuyama F. Liberalism and Its Discontents. London: Profile Books Ltd., 2022. P. VII.

⁴ См.: Дэвис У. Нервные государства / Пер. с англ. Д. Лебедева. М.: АСТ, 2021. — 352 с.

⁵ Mead W. Sanctions on Russia Pit the West Against the Rest of the World // The Wall Street Journal. 2022. March 21. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-west-vs-rest-of-the-world-russia-ukraine-dictators-south-america-asia-africa-11647894483> (accessed: 13.09.2022).

ции предложить миру жизнеутверждающую неидеологизированную повестку определяет стратегический вектор развития человечества, в основе которого лежит способность к выживанию и эффективному решению вызовов и угроз в глобальном мире.

Баскакова Т.В.
ОГБОУ «Лицей №9», Белгород,
Калуцкая Е.К.
НИУ ВШЭ, Москва

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ И МЕТОДОВ УРОЧНОЙ И ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Одной из важных задач, стоящих перед современным российским обществом в настоящее время, является политическая социализация подрастающего поколения.

Школьники (особенно старшеклассники) должны быть вооружены определенными, самыми минимальными представлениями о мире политики, принципах ее действия. Для того чтобы это сделать, необходимо учить и учиться использовать в жизни политические знания, следовательно, нужен целенаправленный процесс усвоения индивидом этих знаний, норм и ценностей политической культуры, и охватывает он весь жизненный цикл человека, начиная с рождения, заканчивая смертью.

Мы видим, особенно наглядно это проявляется в настоящее время: современная молодежь столкнулась с проблемой, когда старые воззрения, нормативно-ценностные, моральные установки практически утратили свое значение, а вновь возникшие еще не заняли достойную нишу или находятся на этапе становления общественной значимости. В одной из бесед со старшеклассниками выявилась следующая проблема: ряд школьников 10–11 классов, которые хорошо владеют программным материалом по обществознанию (в области политики) и праву, проявляют безразличное отношение к политическим процессам и к миру политики вообще. Казалось бы, с одной стороны, школьники, которые хорошо учатся, разбираются в политике (на своем уровне), должны быть в авангарде политической жизни, но на самом деле проявляют некий абсентеизм.

Современная школа, будучи агентом политической социализации, оказывает относительное влияние на учеников. Для них в настоящее время социальные сети являются куда более авторитетным источником информации о политике, нежели школа и учитель. Но при этом именно школе надо быть главным и авторитетным источником политической жизни, потому что именно здесь учитель имеет возможность контролировать информацию, которую получают ученики о политике в рамках образовательного и воспитательного процесса.

В школе социализация, в том числе и политическая, осуществляется через урочную и внеурочную деятельность. И здесь мы сталкиваемся с тем, что это, с одной стороны, очень сложный, а с другой стороны, противоречивый процесс, так как в Законе «Об образовании», говорится, что «школа» — вне политики», а с другой стороны, мы понимаем, что школа не может оставаться в стороне от этого процесса. Школьники большую часть времени проводят в учебном учреждении, поэтому, безусловно, школа выступает единственным институтом политической социализации, который воздействует на подростков на первом этапе приобщения к политике целенаправленно. Важная роль в этом процессе отводится предметам социально-гуманитарного цикла, в частности истории и обществознанию, главной задачей которых является формирование выводов о закономерностях политического развития общества, об истории страны, своего края. Именно истории и обществознанию принадлежит одна из ведущих ролей в формировании личности школьника, которая готовит его жить в меняющемся мире с учетом предшествующего опыта, способствует воспитанию патриота своего Отечества и гражданина. И для того чтобы политическая социализация в школе была эффективной, необходимы новые формы проведения занятий. Не случайно в 2022 г. введен курс внеурочной деятельности «Разговоры о важном». Это диалог, диспут учителя и школьников о проблемах и задачах сегодняшнего дня, о людях, которыми гордилась и гордится страна. Как справедливо заметила глава Комитета Госдумы по просвещению Ольга Казакова: «Детей нужно возвращать в реальную жизнь из виртуальной и давать им навыки и эмоции, давать им возможность гордиться нашей страной, сопереживать нашей истории» [URL: <https://news.rambler.ru/education/49295721-kazakova-rasskazala-dlya-chego-v-shkolah-nuzhny-razgovory-o-vazhnom/>]. Пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков констатировал, что «если мы не будем говорить с нашими детьми, если наше государство не будет говорить с нашими детьми, то с ними будет говорить другое государство. Этого допустить мы не имеем права и не должны» [URL: <https://www.pnp.ru/social/peskov-poyasnil-zachem-vveli-razgovory-ovazhnom-vshkolakh.html>].

И здесь велика роль наставников — учителей. Мы считаем, чтобы провести подобные корректировки, необходимо, прежде всего, выполнить переоценку (пересмотр) самой роли учителя в этом процессе со стороны государства, определить его место и значимость на государственном уровне. Профессия учителя истории и обществознания невероятно полезная и необходимая обществу, так как именно они, учителя обществоведческих дисциплин, способствуют личностному развитию молодых людей, обучая их мыслить критически и уважительно, не соглашаться друг с другом, способствуют формированию мировоззрения. Именно учитель истории и обществознания имеет уникальную возможность для того, чтобы вооружить школьников набором инструментов, необходимых для распознавания и противодействия манипуляциям и фальсификациям.

Бафоев Ф.М.
БИТИ, Бухара, Узбекистан

ЗАДАЧИ УЗБЕКСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ САМАРКАНДСКОГО САММИТА ШОС

Узбекистан исходит из того, что сегодня мир переживает фундаментальную трансформацию с трудно прогнозируемыми, непредсказуемыми последствиями. Все более остро ощущается дефицит доверия и взаимного понимания на глобальном уровне.

Происходит нарушение традиционных кооперационных и логистических цепочек, усугубление ситуации в сфере продовольственной и энергетической безопасности, стремительный рост показателей инфляции, ухудшение социально-экономической ситуации в большинстве стран мира.

Наряду с этим глобальные климатические потрясения, растущий дефицит природных и водных ресурсов, сокращение биоразнообразия, распространение опасных инфекционных заболеваний выявили уязвимость наших обществ, как никогда раньше.

В этой связи возрастает востребованность эффективной координации и тесного многостороннего сотрудничества для адекватного реагирования на современные вызовы безопасности и устойчивого развития.

Выход из опасной спирали проблем во взаимосвязанном мире, в котором мы сегодня живем, только один — через конструктивный диалог и многостороннее сотрудничество, основанное на учете и уважении интересов каждого.

Веянием времени является повышение интереса к ШОС и налаживанию практического взаимодействия с данной Организацией. Повышению экономической ценности ШОС способствует самодостаточность ее пространства. Сегодня совокупный объем ВВП государств-участников ШОС достиг около четверти от общемирового показателя.

Накануне самаркандского саммита ШОС (в Узбекистане) на рассмотрении находились заявки свыше десяти стран на участие в ее работе в том или ином статусе. ШОС является одним из наиболее мощных объединений по своему политическому, экономическому и научно-интеллектуальному потенциалу. На страны Организации приходится порядка четверти мирового ВВП и половина населения планеты.

Залог международно-правовой привлекательности ШОС — внеблоковый статус, открытость, ненаправленность против третьих стран или международных организаций, равноправие и уважение суверенитета всех участников, отказ от вмешательства во внутренние дела, недопущение политического противостояния и конфронтационного соперничества.

Касаясь председательства Узбекистана в ШОС, можно отметить успешное проведение свыше 70 крупных мероприятий. Завершено согласование 28 документов, принятие которых предусматривается по итогам Самаркандского саммита.

Среди них — концепции и программы по стимулированию внутрирегиональной торговли, промышленной кооперации и транспортной взаимосвязанности. На проработке также совместные проекты и мероприятия в сферах «зеленой» экономики, инноваций, цифровых технологий, логистики, сельского хозяйства, медицины и других областях.

Президент Узбекистана обозначил ряд принципиальных аспектов дальнейшего развития ШОС. Речь идет о поддержании внеблокового статуса Организации, усилении потенциала по противодействию новым вызовам и угрозам, сохранении за Центральной Азией статуса «географического ядра» ШОС, продвижении трансграничных проектов взаимосвязанности и более активном вовлечении Афганистана в региональные экономические процессы.

Узбекистан подчеркивает приверженность дальнейшему укреплению отношений дружбы и добрососедства, полномасштабного сотрудничества на пространстве ШОС в интересах наших стран и народов.

Подготовка к Самаркандскому саммиту ШОС совпала с изменениями в руководстве МИД Узбекистана. Отмечалось, что своевременное выявление внешних угроз, принятие против них соответствующих

щих дипломатических мер, расширение торгово-экономических и инвестиционных связей с зарубежными странами-партнерами, защита прав наших соотечественников за рубежом являются основными задачами узбекской дипломатии.

Башмаков И.С.
КубГУ, Краснодар

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТКА: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФРЕЙМОВ

Повестка дня — это перечень вопросов, относительно которых формируется или сформировано общественное мнение. В зависимости от субъекта повестка дня имеет несколько видов: политическая, медиаповестка и общественная. Если медиаповестка и политическая повестка — это следствие деятельности СМИ или политических институтов, то общественная повестка формируется под воздействием первых двух и является результатом общественного мнения или личной повестки дня. Все три повестки влияют друг на друга, могут расходиться и даже противоречить друг другу. Эффективная политическая и медиаповестка в содержательном отношении должны соответствовать и основываться на преобладающей общественной повестке. Интересным является анализ разных типов повесток, преобладающих смыслов и идей (в теории повестки они называются фреймами), выявление причин их расхождения или противоречия.

В 2022 г. на первый план в общественной повестке вышла спецоперация РФ на территории Украины и украинский кризис в целом по сравнению с предыдущими годами, где доминировали другие сюжеты, например пандемия коронавируса. Интерес представляет анализ связанных с украинским кризисом фреймов, т.е. стержневых идей повестки. В случае с политической и медиаповесткой фреймы могут быть выявлены посредством контент-анализа сообщений СМИ или высказываний политиков. Ключевые фреймы общественной повестки звучат в высказываниях представителей гражданского общества или простых людей (например, в комментариях в социальных сетях) и могут быть проанализированы с помощью таких методов, как анализ контента социальных сетей, социологический опрос или анализ статистики посещения сайтов. В данном исследовании выбран метод анализа запросов в поисковике Яндекс, статистика по которому предоставляется официальным сервисом Подбор слов Яндекс. Анализировались запросы за последние два года начиная с сентября 2020 г. до августа 2022 г.

Поисковый запрос позволяет выявить то, что интересует пользователей в конкретный период времени, т.е. фреймы общественной повестки, а также количественные изменения их использования. Можно увидеть тренд на снижение интереса к коронавирусу (максимум запросов в 964 тыс. в Яндексе пришелся на июль 2021 г., начиная с марта 2022 г. (т.е. после начала спецоперации) число запросов ежемесячно меньше 100 тыс.). Схожая картина и по запросу «пандемия» (максимум 999 тыс. в ноябре 2020 г. и минимум в 165 тыс. в июле 2022 г.). Ключевые запросы по украинскому кризису выглядят более значительными, особенно после 24 февраля 2022 г. Если до января 2022 г. запрос «спецоперация» не поднимался выше 40 232, то уже в феврале произошел рост в несколько раз — 716 тыс., достигнув максимума в 4,3 млн в марте 2022 г., затем произошло постепенное снижение до 2,1 млн в августе. Интерес к спецоперации остается достаточно большим и далеко опережает интерес к пандемии коронавируса.

Подбор слов Яндекс позволяет выявить фреймы, связанные с ключевым, например, выявляет те словосочетания, которые использовались со словом «спецоперация» (сервис Яндекс прогнозирует число запросов за текущий месяц). В отношении слова «спецоперация» рейтинг выстраивается следующим образом: спецоперация (2 млн), спецоперация + на Украине (1,2 млн), новости спецоперации (468,9 тыс.), спецоперация сегодня (370 тыс.), новости спецоперации + на Украине (351 тыс.). Интерес к ключевой теме также проявляется и в других поисковых запросах, даже более популярных по причине своей обобщенности. Запрос «Украина» до февраля 2022 г. не получал больше 11 млн запросов. В феврале 2022 г. на фоне начала спецоперации достиг 67,4 млн, в марте получил максимум в 111,9 млн. Интерес к термину также несколько снизился впоследствии, но остается востребованным и в августе 2022 г. — 27,9 млн запросов. Запрос «Украина» стал популярен в связи с военными действиями и общей ситуацией в стране, наиболее популярные словосочетания, которые используются пользователями: Украина (26,9 млн), Украина сегодня (5,8 млн), карта Украины (5,3 млн), новости Украины (4,5 млн), действия + на Украине (3,5 млн), Украина боевые (3,5 млн), боевые действия + на Украине (3,2 млн).

Конкретные темы и термины общественной повестки также могут быть проанализированы с помощью сервиса Яндекса. Значительный интерес пользователи проявляли к теме «Запорожская АЭС» (максимум в августе 2022 г. — 738 тыс. запросов в месяц (количество запросов до начала спецоперации не превышало 3 тыс. в месяц), запрос «Буча» в апреле 2022 г. составил почти 1,5 млн (правда, уже в авгу-

сте не превышал 50 запросов), запрос «Переговоры» в феврале и марте 2022 г. превышал 4 млн запросов в месяц. Интернет-сервис Подбор слов Яндекс, несмотря на достаточно ограниченный функционал, позволяет делать выводы как о содержании, так и о тенденциях в изменении общественной повестки как выражения общественного интереса к тем или иным темам.

Беденкова А.С.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Мировая практика последних лет демонстрирует, что цифровизация является абсолютным трендом. Цифровизация политики сейчас — это не выбор, а неизбежный процесс, который все в большей степени затрагивает современные развитые и развивающиеся страны. Попытки затормозить цифровизацию являются малоперспективными. От уровня цифровизации политической сферы напрямую зависит ее устойчивость и стабильность функционирования под давлением как новых, так и традиционных внешних и внутренних факторов. Только рациональный подход со стороны государства к регулированию цифровой сферы позволяет максимизировать всевозможные выгоды от цифровизации политического пространства.

Однако процесс цифровизации политики является довольно неоднозначным и амбивалентным. Развитие цифровых технологий, используемых в политической сфере, происходит по экспоненте, что практически аналогично выявлению новых проблем в процессе их внедрения. Главная проблема заключается в том, что цифровые технологии зачастую оказываются сложнее, чем функционирующие политические институты. Это обуславливает состояние технологической турбулентности (Володенков 2022). Цифровизация политического пространства способствует повышению его сложности и разнообразия, формируя новую цифровую реальность, которая далеко не всегда является отражением офлайн-жизни (Collington 2021). Именно последний аспект является проблемой, которая обостряется в условиях санкционного давления.

Практически полная монополизация информационно-символического публичного пространства создает трудности в процессе цифровизации политической сферы. Данная тенденция наиболее четко прослеживается на примере принципов работы глобальных площадок социальных медиа, которые являются новым типом цифровых ресурсов. Социальные медиа, самые популярные среди которых принадлежат западным компаниям (Facebook, Instagram — признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории Российской Федерации), играют значительную роль в процессе цифровизации как на уровне организации коммуникации, так и в области создания и управления цифрового пространства. Отсутствие мощной по масштабам распространения и влияния альтернативы создает условия, в которых предполагается господство одной точки зрения при минимизации возможностей на освещение оппозиционного мнения. Эхо-комнаты значительно упрощают распространение фейков, что в итоге приводит к созданию ограниченных моделей политической реальности, имеющих серьезный ряд отличий от настоящего положения дел как в конкретной стране, так и в мире.

Одним из главных инструментов сохранения выгодной политико-цифровой реальности является деплатформинг аккаунтов общественных и политических деятелей с противоположной позицией (например, блокировка аккаунта Д. Трампа в Твиттере). Блокировка или удаление аккаунта в социальной сети лишает владельца его пользовательской онлайн-аудитории, которая на сегодняшний день является практически решающим капиталом в отстаивании и продвижении своей позиции в политической борьбе. Широкое применение данного вида давления в рамках усиления монополии информационно-символического публичного пространства является сигналом о тотальном закреплении созданной политико-цифровой реальности. Если раньше распространение цифровых технологий в политике и развитие интеракций при помощи социальных медиа воспринималось как один из вариантов демократического транзита, то реалии последних лет демонстрируют нарастание абсолютно тоталитарных тенденций, где завтрашний день цифрового мира целиком и полностью зависит от воли ограниченного круга лиц.

Наиболее очевидным выходом является развитие собственного цифрового пространства социальных сетей и блогов, используемых в процессе цифровизации политики. Определенный потенциал у российских сетей присутствует уже сегодня. Согласно статистике ВКонтакте, ежемесячная аудитория составляет 100 млн пользователей, где 73 млн являются россиянами, Telegram — 700 млн пользователей, где 37% — россияне (ВКонтакте, Telegram 2022). Успех является ограниченным в области распространения — отмеченные социальные медиа являются популярными преимущественно на территории России и стран СНГ, что сокращает сферу влияния. Более того, полный переход на отечественные

аналоговые социальные медиа в эпоху глобализации и взаимопроникновения, усиливающегося распространением технологий, может создать опасность ограждения и даже исключения из глобального сетевого сообщества.

Сейчас процесс цифровизации политики оказывает влияние на формы политических институтов и взаимодействие акторов внутри системы. Цифровые технологии детерминируют принципиальные изменения содержания политической реальности. При санкционном давлении ранее выявленные проблемные аспекты лишь усиливаются, что требует трансформации политических структур и практик, релевантной новым цифровым реалиям. Только так возможно сохранить особенности политической системы, поддержать ее устойчивое функционирование и стабильность при сохранении цифрового суверенитета.

Белолова Е.Е.
МБОУ «Лицей № 15», Воронеж

РОЛЬ АКТИВНЫХ И ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Политическая социализация представляет собой сложный процесс усвоения индивидом политического опыта, ранее накопленного обществом и сконцентрированного в политических нормах, ценностях, моделях поведения и т.п. Она играет огромную роль в формировании политической культуры, становлении гражданских качеств личности и воспитания патриотизма.

В процессе политической социализации задействована система агентов социализации, среди которых особое место всегда занимало школьное образование. Однако в современном обществе происходит изменение иерархии и перераспределение ролей агентов социализации, что связано с информатизацией, усилением влияния Интернета и в целом СМИ на жизнедеятельность людей.

Информация о политических событиях в России и мире, представленная в Интернете, рассчитана на взрослую аудиторию. Имея небольшой социальный опыт, плохо разбираясь в механизмах принятия политических решений, подростки часто становятся жертвами применения манипулятивных технологий для формирования политического сознания. Получаемая ими информация не анализируется, а закрепляется как факты. Достоверные знания о происходящем сочетаются со слухами, домыслами, лживой информацией. Подобные явления нередко приводят к отрицательным последствиям — негативному отношению к политической системе при невозможности аргументировать свою точку зрения, к апатичности и т.п.

В этих условиях школа является тем социальным институтом, который способен придать процессу социализации управляемый характер. Именно в рамках школьного образования, в первую очередь на основе полученных обществоведческих и исторических знаний, а также сформированных навыков критического анализа, происходит становление политического сознания, политической культуры.

В арсенале учителей истории и обществознания имеется большое количество методических инструментов, применяемых ими для получения школьниками новых знаний и формирования у них ключевых компетенций. В настоящее время происходит смещение акцента в процессе обучения и воспитания на активные и интерактивные методы и формы проведения учебных занятий. Необходимым требованием является умение извлекать информацию из разного рода источников, умение ее анализировать, грамотно аргументировать свою позицию, вести диалог.

В качестве активных методов обучения и воспитания, способствующих политической социализации, можно предложить метод решения проблемных задач, кейс-методы, исследовательские методы. Использование социологических методов исследования дает возможность провести анкетирование респондентов разных категорий и проанализировать результаты (например, по проблемам развития родного города), интервьюирование или фокус-группу.

Разрабатывая проблемные задачи, целесообразно включить в их содержание ситуации, с которыми могут столкнуться старшеклассники, став избирателями (во время предвыборной кампании, в день выборов и т.п.). Составляя набор кейсов, можно предложить для анализа различные данные: инфографику, плакаты, газетные статьи, фейковые новости из Интернета, выдержки из выступлений политологов и т.п. Мини-проекты, в которых старшеклассники разрабатывают свои «предвыборные программы» или рекламные продукты, не только способствуют формированию их политической культуры, но и позволяют проявить творческие способности.

В процессе работы учащиеся учатся отличать факт от мнения, интерпретировать различные точки зрения, анализировать первичные и вторичные источники, сравнивать и т.п. Таким образом формируются навыки критического мышления.

Интерактивные методы ориентированы на широкое взаимодействие школьников не только с педагогом, но и друг с другом и на доминирование активности учащихся в процессе обучения. В данном случае деятельностный компонент можно оптимизировать посредством игрового характера взаимодействия участников учебно-воспитательного процесса. Происходит освоение типичных ролей гражданина через участие в деловых играх, диспутах, дебатах, моделирующих ситуации из реальной жизни.

Активные и интерактивные методы в педагогической практике ориентированы не на заучивание готовых истин, а на становление собственной позиции школьника. Особенностью данных методов обучения и воспитания является то, что большинство из них органично вписываются в контекст урока, при этом заставляют школьников задуматься над важными политическими проблемами, постепенно определить свое отношение к ним и в соответствии с этим выстраивать свою линию политического поведения.

*Беляева Н.М.
ПГНИУ, Пермь*

КУРС «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Теория политической поддержки Д. Истона и Дж. Денниса рассматривает систему политической социализации в качестве одного из основных инструментов формирования лояльного отношения общества к деятельности политической системы. Поскольку политическая система в любом государстве имеет интерес к сохранению стабильности, то процесс политической социализации приобретает черты целостного механизма, отдельного направления политического курса, имеющего нормативно-правовую основу, механизмы и институты реализации. Одним из центральных институтов политической социализации выступает система образования, особенно ее школьное звено, когда закладываются основные ценностные ориентации личности, начинают формироваться политические и идеологические предпочтения.

Как показывает собственный исследовательский и преподавательский опыт автора (преподавание политических наук и обществознания более 15 лет), в реализацию процесса политической социализации в средней школе, как правило, включены учителя, читающие историко-обществоведческие дисциплины, что вполне оправдано теми целями и задачами, достижение которых закладывается в данную систему государством.

Учитывая сложности реализации на практике системы политической социализации современной молодежи школьного возраста, получающей большую часть информации не из уст учителей или родителей, а в сети Интернет, возникает правомерный вопрос, насколько курс «Обществознание» может выступать инструментом политической социализации школьников? Какие возможности он предоставляет государству в процессе формирования политических ценностей и ориентаций молодежи, лояльного отношения к действующей власти? И какие ограничения имеют место быть в этом процессе? Возможно ли с опорой на обществоведческие дисциплины формировать политическую поддержку?

Содержательно школьный курс «Обществознание» состоит из пяти блоков: «Человек и общество», «Политика», «Экономика», «Право» и «Социальные отношения», тематическое наполнение которых позволяет ученикам познакомиться со структурой современного общества, с процессами и институтами, взаимосвязями между подсистемами общества. Изучение курса позволяет осознать взаимозависимость политических и экономических процессов в современном обществе, прочувствовать особенности социальной структуры и социальных конфликтов, познакомиться с их видами и системой социального контроля, направленной на их регулирование и предотвращение, погрузиться в основные отрасли российской системы права. Содержание курса «Обществознание» определяет его важную роль в социализации школьников, в становлении их гражданской позиции. А вот вопрос, связанный с формированием в рамках данного предмета патриотизма или лояльного отношения к действующей политической власти, политических ориентаций школьников остается открытым. Ответ на этот вопрос, по большому счету, зависит от двух факторов — политического режима и личности самого учителя. Если политическое руководство в рамках государственных образовательных стандартов установит необходимость рассмотрения политико-правовых и экономических блоков «Обществознания» сквозь призму системы политических (идеологических) ценностей и целей, то не составит никакого труда встроить данный курс в систему политической социализации.

Если же политический режим имеет черты демократического или гибридного, то это дает определенную возможность школе формировать гражданскую позицию личности вне рамок идеологии, с опорой на мировые и российские достижения социальных наук. И в данном варианте курса «Обществознание»

становится еще и инструментом профессионального самоопределения школьников, поскольку в своих темах знакомит обучающихся не только со сферами общества, но и с социальными науками, их изучающими. «Обществознание» позволяет приобрести первичные знания в области правоведения, философии, психологии, политологии, экономики, социологии и на этой основе определиться выпускнику школы со своим профессиональным выбором.

Как отмечают сами выпускники школ и студенты первых курсов, дисциплина «Обществознание» играет важную роль в осознании себя, своего места и своей роли в обществе, формирует навыки ведения дискуссии, умение мыслить и анализировать социально-экономические и политические проблемы и процессы в обществе. Таким образом, курс «Обществознание» ориентирован, прежде всего, на формирование социально ответственной гражданской позиции личности, понимающей специфику структуры, взаимосвязей и функционирования современного общества, умеющей формулировать свою точку зрения, вступать в дискуссию на паритетных началах. Вопрос о том, какие политические ориентиры и идеологические ценности будет разделять эта личность, зависит от целенаправленного включения курса в широкую систему политической социализации и соответствующего наполнения его содержания. И здесь подключается влияние второго фактора — личность учителя «Обществознания» — насколько современные учителя готовы менять содержание тем курса и не потребует ли это подготовки нового поколения учителей данного предмета?

Березкина Е.Ю.

ИСПИ ФНИСЦ РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА ИТАЛЬЯНСКИХ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ ПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ КАК ОТВЕТ НА ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ В 2018–2022 ГГ.

Для итальянской политики характерна нестабильность парламентов и правительств вследствие переживаемых политических кризисов. Так, избранный в 2018 г. парламент был распущен 21.07.2022 президентом Серджио Матареллой из-за отставки премьер-министра Марио Драги, а новые досрочные выборы назначены на 25 сентября.

Результат этих выборов покажет, насколько стабилен успех популистских партий, которым в предыдущем избирательном цикле удалось набрать суммарно более 60% (406 из 659 мест в Палате депутатов¹). При этом именно действия популистов, которые блокировали решения премьер-министра в части экономики, привели к досрочным выборам.

В своих предвыборных кампаниях 2018 г. популисты (правые и левые) предлагали во многом схожие решения в части внутренней политики, но различались по ключевым вопросам внешней политики, а именно в отношении интеграции Италии в Евросоюз и распределения управленческих функций между национальными правительствами и Европейской комиссией, а также в части отношений с другими странами, в том числе и с Россией.

Как показало исследование избирательных кампаний итальянских популистских партий на выборах в Европарламент², политические лидеры этих партий в своем дискурсе отражают ключевые идеи предвыборных программ своих партий и не расходятся в оценках и отношении по основным вопросам программ. Кроме того, комментарии и высказывания лидеров в СМИ и социальных сетях помогают определить ключевые вопросы, на которые опираются партии при коммуникации со своей целевой аудиторией, то, что может привлечь внимание и заработать лояльность избирателей.

Несмотря на то что мировые события имели второстепенное значение для итальянских популистских партий на выборах, они отражались в основном как ссылки на экономические проблемы Италии, которые предлагали решать политические партии в случае своего избрания, то российско-украинский конфликт и его следствие — антироссийские санкции породили разногласия между политическими партиями и катализировали давние внутривнутрипартийные конфликты. Так, министр иностранных дел Луиджи Ди Майо вышел из состава «Движения 5 звезд», его примеру последовало еще около 50 политиков. Таким образом, была сформирована новая партия «Вместе за будущее», которая конкурирует со своей «материнской» партией за голоса избирателей, ранее выбиравших «Движение 5 звезд».

Для популистских партий правой ориентации доминирующая информационная повестка и необходимость реагировать на нее оказали менее негативный эффект, но создали сложности в вопросах

¹ Список депутатов нижней палаты итальянского парламента. Электронный ресурс: URL: <https://www.camera.it/leg18/28> (дата обращения: 11.09.2022).

² Березкина Е.Ю. Гендерная тема в избирательных кампаниях итальянских популистских партий на выборах в Европарламент в 2019 г.: дискурс в СМИ и социальных сетях // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27. № 1. С. 58–68.

переоценки своих действий и высказываний в прошлом, что создает дополнительные сложности предвыборной коммуникации.

В данной работе анализируется дискурс лидеров четыре основных популистских партий Италии — «Движение 5 звезд», «Лига», «Вперед, Италия», «Братья Италии», а также новой партии Ди Майо — «Вместе за будущее» в последние две парламентские избирательные кампании (2018 и 2022 гг.). Цель работы — продемонстрировать различные подходы популистских партий, в зависимости от их политической ориентации, к реагированию на внешние стимулы, а также определить способность адаптации к новым условиям и отражение этих изменений в дискурсе политических лидеров.

В качестве эмпирической базы было решено использовать публикации лидеров итальянских популистских политических партий в социальных сетях, их комментарии и интервью в СМИ.

Беспалов С.В.

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В условиях обострения традиционных вызовов и возникновения вызовов нового типа, включая давление извне, для обеспечения суверенитета государства может требоваться переход (зачастую форсированный) к мобилизационной модели развития. Сказанное в полной мере относится к современной России. Ситуация требует запуска обновленных механизмов координации усилий государства и предпринимательского сообщества для решения проблемы импортозамещения и иных вопросов. Это предполагает новые подходы, касающиеся вовлечения крупного бизнеса в процессы стратегического планирования, мотивации участия бизнеса в реализации приоритетных направлений мобилизационного развития, включая необходимую для этого концентрацию ресурсов.

В стратегическом мышлении в рамках представлений о мобилизации российского государства приоритетное значение придается проблемам безопасности, включая экономические и другие вопросы. Это влечет за собой реализацию чрезвычайных мер, призванных проверить российскую систему власти и подготовить ее к противодействию угрозам, выявленным руководством. Мобилизация, таким образом, — это в первую очередь дискурс о готовности. Институты и практики политической и экономической мобилизации в современной отечественной научной литературе обсуждаются в связи с концептами «мобилизация экономики» (А.А. Станкевич, С.А. Филин и А.Ж. Якушев) и «мобилизационная модель экономики» (по данной теме в 2009 и 2012 гг. прошли две представительные конференции в Челябинске, сфокусированные на историческом опыте России XX в.). В синонимичных значениях используются термины «мобилизационная модель экономического развития» (В.Л. Берсенева), «мобилизационный проект» (С.Ю. Глазьев) и «мобилизационный вариант модернизации» (А.Е. Шаститко и М.А. Овчинников). Но наиболее часто используется понятие «мобилизационная экономика» (А. Горшков, М. Калашников, монография А.О. Недосекина и Е.И. Рейшахрит «Мобилизационная экономика по-русски», иные многочисленные публикации, конференции и круглые столы). В отличие от российских, в зарубежных публикациях понятие «мобилизационная экономика» (*mobilization economy*) как типа экономики или модели ее развития почти не употребляется. В контексте ведения войн и преодоления чрезвычайных ситуаций используется термин «экономическая мобилизация» (*economic mobilization*), под которой понимается процесс подготовки и проведения таких изменений в организации и функционировании национальной экономики, которые необходимы для обеспечения наиболее эффективного использования ресурсов в чрезвычайных ситуациях в стране (М. Харрисон).

В России же мобилизационные институты и практики обсуждаются не только как экономическая мобилизация, но и в более широких контекстах «мобилизационного развития» или «мобилизационной модели развития общества» (С.А. Баканов, Е.С. Саукова), «мобилизационного типа развития» (С.А. Воронцов и В.Т. Белоусов), «мобилизационных сценариев развития» (Б.В. Корнейчук). Р.А. Лубский вводит понятие «мобилизационного типа общественного развития», фокусируя внимание не на мобилизационной экономике, а на государственности, особый тип которой он связывает со спецификой модели модернизации в современной России. Совместно с В.А. Головкин он предлагает гипотезу о «мобилизационно-модернизационном типе развития современной российской государственности». А.И. Тимошенко пишет о «мобилизационной стратегии в российской государственной политике», А.С. Федотов о «факторах мобилизационной модернизации России», а Н.М. Морозов расширяет масштаб рассмотрения до цивилизационного, говоря о «мобилизационном типе развития российской цивилизации». В зарубежных работах подобное расширительное понимание мобилизации не используется, а чаще

говорится о «мобилизации ресурсов» (resource mobilization) в различных контекстах, где применение обычных рыночных инструментов вызывает трудности. При этом ряд зарубежных специалистов считают, что расширительное использование термина «мобилизация» связано именно со спецификой российского контекста.

Беспалова Т.В.
МосГУ, Москва

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА: РОССИЙСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Трансформация современного миропорядка требует повышенной ответственности политической элиты. Невозможно выиграть противостояние, которое началось именно в идейном поле, вне идеологического измерения. Каким видится российский идеологический ответ на масштабный политический и антропологический вызов XXI в.? На наш взгляд, это идеология государственного патриотизма во взаимосвязи с идеей солидарной экономики, которая позволит вернуть не только иерархию традиционных ценностей Русского мира и российской/евразийской цивилизации, но и политическую субъектность России (Союзного государства), обеспечит национальную безопасность и суверенитет России как государства-цивилизации.

Государственный патриотизм — это деятельность государственных органов власти по осуществлению культурной, образовательной, национальной, молодежной, информационной, внешней политики и политики национальной безопасности, соотносимой по содержанию с социокультурным запросом народа, историческими традициями и политическими вызовами; это реализация политики реального народосбережения, сохранение российской цивилизационной идентичности; политики, которая четко обозначит ориентиры нового фундаментального политического проекта, в реализации которого будет задействован весь народ. Интеграция постсоветского пространства требует создания привлекательного образа России прежде всего на властном уровне.

Для этого необходимо:

1. Идеологическое обеспечение государственной политики России (в дальнейшем Союзного государства) в условиях современных политических угроз.
2. Новое концептуальное обоснование информационной политики России, ее аксиологического содержания в условиях политической турбулентности. Оперативная реализация качественной мягкой пропаганды в целях обеспечения национальной безопасности России в том числе на украинской территории. Создание новейших информационных центров для трансляции альтернативного патриотичного информационного контента.
3. Внедрение новой модели национальной политики России с целью формирования единого культурно-цивилизационного пространства на территории России, Украины, Белоруссии.
4. Реализация аксиологического содержания государственной культурной политики и политики просвещения. Долгосрочная стратегия сохранения культурно-исторического наследия русского народа как геополитического ядра российской/евразийской цивилизации и других коренных народов России на основе отечественных традиций и новаций.
5. Разработка новой Концепции патриотического воспитания граждан с учетом возникших вызовов и угроз в отношении русской/российской/евразийской цивилизации, в целом постсоветского пространства. Формирование патриотического мировоззрения во всех сферах государственной политики — культура, образование, просвещение, экономика и т.д. с учетом социокультурного запроса народа, его историческими традициями и новыми политическими угрозами.
6. Возрождение российских образовательных традиций на основе лучшего отечественного опыта с использованием новейших технологий.
7. Восстановление отечественных научных школ (философских, математических и др.).
8. Реализация молодежной политики на основе новой Концепции патриотического воспитания во взаимодействии со сферами культуры, просвещения, образования и науки.
9. Создание нового идейно-теоретического обоснования интеграции постсоветского пространства на основе общей исторической памяти и традиционных ценностей (Концепция гуманитарной политики РФ за рубежом). Обоснование приоритетного политического проекта, идеологии будущего.
10. Реализация нового содержания внешней политики и политики национальной безопасности с учетом межцивилизационных разломов на границах бывших советских республик (Придне-

стровье, Донбасс и др.), русофобии и антисоветизма, гибридной войны. Выработка нового политического и дипломатического языка.

11. Системная реализация политики памяти и забвения на государственном уровне с учетом отечественных традиций оформления воспоминаний/умолчаний с целью устранения «горячих точек» (Украина, Прибалтика) и жесткого противоборства конфликтных версий исторической памяти, постепенного восстановления общего исторического самосознания на постсоветском пространстве.
12. Подготовка кадров (идеологов, экспертов, аналитиков) для долгосрочного прогноза политической ситуации и работы в сложных аудиториях.

Новые типы угроз задают необходимость разработки нового политического и философского языка, который сможет объединить верующих и атеистов, левых и правых, людей разных национальностей не столько в русле противостояния общим угрозам, сколько с целью конструирования альтернативы потребительскому миру (новый тип экосоциализма), для которого значимы традиционные ценности, служение в широком смысле, социальная и нравственная справедливость, дружба народов, великое предназначение России.

Бирюлин И.В.

ПИУ им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС, Саратов

АРХИТЕКТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА XXI ВЕКА: РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Идеи информационного пространства начали разрабатываться еще в 1980-х годах японскими учеными-социологами О. Кишидой и Й. Масудой в рамках исследований Института информационного общества и излагались в терминах «философии времени», считая информацию основным ресурсом выживания будущей цивилизации.

Тем не менее сегодня основная масса населения планеты не осознает всей сути идей, скрытых в концепциях постиндустриального или информационного мира. Скорее всего, большая часть цивилизованного мира об этом просто не задумывается в силу объективных факторов: отсталости, технической неготовности или влияния информационных полей, управляющих их поведением. «Продвинутая» часть человечества воспринимает этот новый эпохальный сдвиг с позиции потребления, т.е. поверхностно, рисуя в своем воображении картины виртуальной свободы, общения без границ, участия в электронных группах и т.д. И лишь немногие осознают всю опасную мощь этого современного ящика Пандоры.

Это осознание воплощается в активном формировании на планете информационного пространства нового типа. Можно выделить ряд его уже сформировавшихся закономерностей.

Во-первых, естественные циклы развития человечества многократно ускорились, что требует колоссальных ресурсных затрат для их обеспечения (как следствие — обострение борьбы за их обладание и использование). *Во-вторых*, захлестывающий поток информации меняет форму своей подачи. Текст размером больше, чем экран смартфона, уже никому не интересен, так как времени его прочитать, тем более осмыслить, банально не хватает. Удобнее получить подготовленную информационную выжимку для дальнейшего механического действия-повтора (по сути, идет возвращение к иероглифам и пиктограммам). При этом 70% людей сидят на диванах и подобно фитопланктону плавают в информационном пространстве, руководствуясь заданным форматом вещания течением. (Исследование проведено Высшей школой экономики в 2014 г.). *В-третьих*, затягивая общество в виртуальное пространство, политики теряют свой реальный жизненный капитал, разрушая тем самым демократические устои, поскольку демократия предполагает реальное участие граждан в политической жизни страны. На наших глазах создается новый социальный миф — электронная демократия. К тому же в реальности люди все дальше отодвигаются от своего политического, и не только, выбора, даже не задумываясь об этом. Граждане превращаются в биогаджеты, подключенные к информационному ресурсу и действующие по его указке. Постоянная возможность выхода в сеть с ее неограниченной информацией убивает в человеке потребность в формировании глубинных знаний, на основе которых и строится собственный анализ и видение. Работает только оперативная память. Ведь для выработки «суждения» достаточно вновь обратиться к «внешнему» источнику.

Как и любой процесс, формирование информационного общества имеет свои положительные и отрицательные моменты. К плюсам можно отнести гуманитарную миссию, которая дает возможность мировому сообществу через различные, в том числе альтернативные, информационные ресурсы владеть большей объективной информацией. В значительной степени информационное пространство раздвигает границы для людей, ограниченных в физических возможностях, давая им шанс жить полно-

ценной, хотя отчасти и виртуальной жизнью. Существенным недостатком является высвобождение большого количества ничем не занятых людей, современных люмпенов, всегда опасных для любого общественного устройства.

Политические события последнего времени обострили взаимодействие информационных полей мира, раскалив их до предела. Все интенсивнее формируемый единый купол мирового информационного пространства включает в себя не растворяющиеся в нем информационные поля, обусловленные государственными образованиями. Информационная безопасность стала темой ведущих политических площадок мира.

Информационное пространство России по способу формирования и влиянию внешних информационных полей ничем не отличается от других, кроме возможностей функционирования информационного поля внутри страны и его взаимодействия с окружающим ее внешним полем. Такое функционирование определяется, как и многое другое, размерами нашего государства. Информационные поля крупных городов Российской Федерации приближены к состоянию развитых стран, тогда как периферия заметно отстает, что одновременно является и тормозом, и предохранителем. Появляется возможность, наблюдая за более развитыми странами, увидеть, что ждет Россию через 20–40 лет, и сделать корректировку своего пути в информационно-кибернетическом будущем.

Близнецкая Е.А.
МГИМО МИД России, Москва

РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ СТРУКТУР И ДИАЛОГОВЫХ ФОРМАТОВ В МНОГОСТОРОННЕЙ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В последнее десятилетие отмечается резкий рост количества неформальных структур, создающихся в качестве вспомогательных площадок для многостороннего политического диалога по вопросам изменения климата за пределами формальных конференций Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). Такими неформальными структурами выступают, например, Министерские встречи по климатическим действиям (MoSA), Форум крупнейших экономик (МЕФ), Петербургский климатический диалог и другие. Форумы Большой Двдцатки и Большой Семерки также используются в качестве площадки многостороннего диалога по вопросам климата.

Пандемия COVID-19 подогрела внимание исследователей к процессу деглобализации, который затрагивает не только международные экономические отношения, но и функционирование всех международных структур, будь то межправительственные организации, конвенции или диалоговые форматы. Является ли дальнейшая фрагментация институционализированных форм климатического сотрудничества государств свидетельством кризиса многосторонности или, наоборот, попыткой преодолеть стратегическое несовпадение видений того, как можно и нужно осуществить декарбонизацию национальных экономик, которое все труднее устранить в рамках официальных консенсусных процедур Конференций Сторон (КС) РКИК ООН?

В научной литературе существует много работ, посвященных неформальным международным структурам, однако нет и устоявшегося определения для таких форматов сотрудничества, как Большая Двдцатка или Петербургский климатический диалог. Целью исследования было определение сущности и роли неформальных структур в многосторонней климатической дипломатии. Для выполнения цели была составлена база неформальных структур и осуществлена их типологизация.

Рамочная конвенция ООН об изменении климата, сторонами которой являются 195 государств, обеспечивает формальную организационную основу для переговорного процесса по вопросам климата. Этот процесс за 30 лет существования конвенции существенно усложнился и специализировался, и конвенция стала объектом критики за медленный прогресс в формировании коллективного ответа на проблему изменения климата.

Одновременно исследователями отмечается увеличение количества и повышение значимости неформальных практик взаимодействия представителей государств за пределами КС РКИК, и эта ситуация характерна в большей степени для климатической дипломатии, нежели для других сфер многостороннего экологического сотрудничества. Эта ситуация интерпретируется по-разному: в одних работах активизация неформальных практик общения государств рассматривается как закономерное следствие кризиса многосторонней дипломатии, другие авторы выделяют неформальные структуры в качестве климатических клубов или даже неформальных межправительственных организаций. Зачастую к неформальным структурам относят достаточно разнородные объединения — от переговорных групп (*party groupings*), наподобие Группы 77 + Китай, до транснациональных партнерств (например, Коалиция по чистому воздуху и климату (CCAC)). Все это существенно усложняет понимание реальной значимости неформальных структур для климатической дипломатии.

После введения ряда критериев, которые позволили отделить неформальные структуры от других объединений государств, были определены их общие черты:

- государства являются основными, но не единственными участниками, при этом в большинстве таких структур принимают участие не более 40–50 государств,
- встречи в рамках механизмов проводятся регулярно, однако не создается постоянного секретариата и правил процедуры,
- как правило, встречи не принимают решений,
- неформальные структуры активизируют свою работу в годы интенсивного межправительственного переговорного процесса в рамках РКИК ООН.

Предварительные результаты исследования показывают, что неформальные структуры плотно встроены в существующую многостороннюю систему, представляя собой политически гибкий механизм координации действий государств. Возникновение этого механизма отражает стремление государств искать взаимоприемлемые подходы к решению климатической проблемы в свободной от формальностей среде. На встречах *MoSA* и *MEF* не принимают решений, поэтому они не могут осуществлять управление, но сам факт обмена мнениями на их площадках служит строительным блоком для построения консенсуса уже в рамках РКИК ООН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 21-514-12001. The reported study was funded by RFBR and DFG, project number 21-514-12001.

Блинов В.В.
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

ПРОБЛЕМА ОДНОМЕРНОЙ «ЛЕВО-ПРАВОЙ» ШКАЛЫ КООРДИНАТ ДЛЯ АНАЛИЗА ИДЕЙНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Споры о сторонниках «левых» и «правых» политических ценностей в современной России не утихают с начала 1990-х годов и зачастую представляют собой попытку перенести устоявшиеся в Европе и США кластеры на отличающуюся почву. По сей день сторонники коммунистической партии и испытывающие ностальгию по советскому прошлому воспринимаются многими в России «левыми» в силу близости некоторых идеалов модернистским силам в Европе, а сторонники рынка и экономической свободы — «правыми» на основании близости программных положений правым западным партиям. Особенно парадоксально это выглядит в условиях, когда российские политические силы, выступающие за свободную экономику и снижение налогов, выступают с космополитическими призывами и в поддержку «меньшинств» в России, а условно «левые» сторонники Советского Союза оказываются яркими защитниками традиционных ценностей, сильного государства и неприятия свободомыслия.

Отмеченное обстоятельство вызывает большое количество нестыковок при анализе традиционных политических ценностей российского общества. В частности, попытки найти консервативные ценности в России оказываются бесперспективными, когда предпринимаются попытки обнаружить их среди политических сил, близких идеалам западных правых. В целом подобная сложность характерна для многих концептов политических наук, сформировавшихся в западных странах, которые зачастую без достаточной проработки переносят на иную среду.

Идеологический континуум зачастую воспринимается как распределение сторонников тех или иных идеологий в одномерной шкале координат, где слева направо расположены основные идейные блоки. При этом кластеры ценностей гораздо глубже, и отображать их представленными на одномерной оси удобно, когда речь идет об одном неизменном обществе на протяжении длительного периода истории, но при переходе на иную почву на первый план выходят проблемы.

В настоящем выступлении мы предлагаем сопоставить политические ценности отображаемыми на двух шкалах политических координат, что позволит прийти к выводу о несостоятельности подхода перенесения левых и правых из европейской среды для анализа российского общества. Для составления настоящих умозаключений были рассмотрены данные массовых опросов, проводимых ВЦИОМ. Выводы опираются на последние волны опросов ВЦИОМ 12 февраля 2021 г. и сопоставляются с данными опросов граждан США июля — августа 2020 г. (*pew research center*).

Если посмотреть, как объединяются четыре полюса политических ценностей: державнические, рыночные, демократические и социалистические, то на основании результатов социологического исследования мы увидим, что в России объединяются в один полюс державнические и социалистические

ценности, в то время как на противоположной стороне окажутся рыночные и демократические взгляды. Если сопоставить эту закономерность со взглядами европейцев и жителей США, то мы обнаружим совмещение на одном полюсе рыночных и державнических идеалов, в то время как демократические и социалистические окажутся на противоположном. Указанное обстоятельство позволяет прийти к выводу, что экстраполяция позиций на лево-правом полюсе сил в странах Европы и США на российскую почву искажает картину.

При переносе левые и правые полюса не просто меняют значение на противоположные, но размещены перпендикулярно относительно друг друга. Указанное обстоятельство делает западную одномерную модель несостоятельной для эмпирического анализа и последующих политологических выводов. Для анализа лево-правого континуума уместно в каждом конкретном случае делать оговорку, что именно понимается под левыми и правыми в случае с их отнесением к тому или иному полюсу.

Бобров К.М.
ИГУ, Иркутск

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК ТОЧКА БИФУРКАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Актуальная система международных отношений сформировалась после распада Советского Союза и разрушения биполярного миропорядка, основанного на противостоянии двух военно-политических блоков во главе с США и СССР соответственно.

Отсутствие сильного внешнеполитического оппонента позволило Соединенным Штатам Америки установить новую систему мирового порядка, основанную на особой роли США во всех социально-политических и экономических процессах. Новый миропорядок носил однополярный характер и в своей сути был основан на интересах США в первую очередь и интересах остальных стран западной цивилизации во вторую очередь.

В соответствии с теорией катастроф система международных отношений, как динамическая система, под воздействием ряда флуктуаций закономерно пришла к точке бифуркации, выразившейся в проведении Россией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. В роли таких флуктуаций выступают разнородные по своему характеру процессы, явления и события международной политики в целом и внутренней политики разных акторов системы международных отношений в частности.

Во-первых, на трансформацию системы международных отношений очевидное влияние оказывает относительно стремительное социально-экономическое развитие многих незападных стран за последние три десятилетия, интересы которых в однополярном миропорядке игнорировались.

Ретроспективный взгляд на трансформацию системы международных отношений за последние 200 лет дает ряд примечательных примеров влияния изменившегося социально-экономического соотношения сил на систему международных отношений. Так, к примеру, действующий в начале XX в. миропорядок не соответствовал интересам ряда ведущих государств и соотношению сил, резко изменившемуся вследствие социально-экономического развития отдельных стран и интеграционным процессам в Центральной и Восточной Европе. Несоответствие миропорядка перечисленным аспектам международных отношений и нежелание ключевых акторов международных отношений пересмотреть сложившийся миропорядок привели к двум мировым войнам.

Во-вторых, отсутствие гибкой реакции на изменяющиеся социально-экономические условия в виде трансформации сферы международной политики приводит к обострению конфронтации. Так, ведущие акторы действующего миропорядка в лице западных обществ вместо адекватной дипломатической реакции на изменившиеся реалии международной арены используют силовые методы для сохранения и поддержания однополярного миропорядка. Такая силовая политика выражается в постепенном расширении НАТО на восток, вмешательстве во внутренние дела незападных обществ и в экономическом и военно-политическом давлении на страны, проводящие независимую политику в собственных национальных интересах. Очевидным образом силовое поддержание устаревшего миропорядка становится катализатором трансформации системы международных отношений.

Синергия двух вышеперечисленных факторов привела систему международных отношений в точку бифуркации, выход из которой характеризуется резким качественным изменением и многовариантностью дальнейших международных отношений. Суть представленного явления проста — на смену одной модели международных отношений должна прийти модель качественно новая. Одним из возможных вариантов дальнейшей трансформации системы международных отношений видится формирование многополярного миропорядка, основанного на общемировом равновесии

сил. Формализация многополярного миропорядка представляется в виде полицивилизационной модели С. Хантингтона, при которой будет сформирована наднациональная структура, регулирующая международные отношения, в которой право голоса (с правом вето) имеют по одному представителю от каждой цивилизации.

Болгов Р.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И САНКЦИИ: ОПЫТ РОССИИ И ИРАНА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Введение. Ведущие державы сегодня идут по пути модернизации за счет новых технологий, в том числе искусственного интеллекта (ИИ). Безусловно, сотрудничество стран по ИИ стратегически необходимо всем. Однако текущая динамика отношений между ведущими державами создает угрозу цифрового разрыва.

Целью данного исследования является выявление сходств и различий в политике в сфере развития искусственного интеллекта ведущих держав, претендующих на глобальное (Россия) и региональное (Иран) влияние. Контекстом данного исследования являются санкции западных стран, существенно повлиявшие на политику России и Ирана в данной сфере. Методология исследования основана на принципах сравнительного анализа. Мы анализируем законодательство и стратегические документы, а также институты и практику в области развития искусственного интеллекта в этих государствах. Выявление моделей национальной политики в области искусственного интеллекта может быть важным прогностическим инструментом. В целях проведения сравнительного анализа законодательства мы разработали набор параметров для сравнения: 1) цели развития ИИ; 2) органы, ответственные за реализацию проектов ИИ; 3) приоритеты развития ИИ; 4) позиции стран в мировых рейтингах развития ИИ (*Government AI Readiness 2021 by Oxford Insights, Nature Index 2020 Artificial Intelligence*).

Выбор кейсов. До санкций, введенных против России в 2022 г. в связи с конфликтом на Украине, именно Иран в течение 40 лет занимал первое место в мире по количеству наложенных на него ограничений (согласно данным *Castellum.AI*). В отличие от России Иран — теократическое государство, возглавляемое религиозным лидером. Санкции против Ирана вводились постепенно на протяжении десятилетий, а в России это было разовое шоковое введение санкций. В то же время есть много общего, особенно когда речь идет о санкциях. В обеих странах активы ЦБ заблокированы. Почти все западные бренды покинули эти страны (по крайней мере, так заявлено). Международная платежная система *SWIFT* отключена. Западные страны запретили поставки технологий. Имеет место значительная фильтрация контента Интернета. Нефтяное эмбарго не позволяет продавать большое количество нефти за границу, что означает, что оно лишает страны валютных поступлений, необходимых для импорта технологий, которые пока не могут быть разработаны внутри страны.

Теоретическая основа. Нарастающее противостояние политических режимов и военных машин западных стран и России смещается в технологическую сферу. Ряд экспертов рассматривают конфликт современных сверхдержав за лидирующие позиции в сфере новых технологий как проявление технонационализма. Сторонники такого подхода (в частности, Капри, 2020) справедливо считают, что между инновациями в передовых технологиях, с одной стороны, и национальной безопасностью, экономическим благополучием и социальной стабильностью в стране, — с другой, существует тесная связь. Некоторые эксперты считают, что от этого зависит вопрос глобального экономического лидерства (Брукс и Вулфорт, 2016), и за развязкой в высокотехнологичном секторе неизбежно последуют и другие отрасли экономики (Бергстен, 2018). Эксперты Клуба «Валдай» (Безруков, Мамонов, Сучков, Сушенцов, 2021) отмечают, что технологических платформ в мире всего две (американская и китайская) и считают приоритетным для РФ и Ирана решить, присоединяться ли к одной из этих платформ или строить свою, конкурируя с двумя уже сложившимися.

Выводы. Иран и Россия не входят в число мировых лидеров в области ИИ и только начинают закладывать основы развития ИИ, в то время как Китай и США уже являются мировыми лидерами в этой области. Что касается ответственных органов, то в России этими вопросами занимаются на федеральном уровне Минэкономразвития и Минцифры, а также службы безопасности. В проектах также участвует крупный бизнес, в частности Яндекс и Сбербанк. Кроме того, ряд проектов проходит апробацию сначала на региональном уровне (в частности, эксперимент по опытной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств на дорогах общего пользования в Москве и Республике Татарстан), и только потом принимается решение о тиражировании в других регионах. В Иране в системе органов, ответственных за разработку ИИ, полномочия разделены между отраслевыми министерства-

ми и ведомствами (Министерство торговли, Минобороны, Минздрав и др.). Ряд ведомств (в частности, Минобороны) имеют собственные стратегии развития ИИ. Кроме того, создан ряд межведомственных комитетов и специальных органов (в частности, Комитет по искусственному интеллекту), также активно используются инструменты государственно-частного партнерства. При этом обе страны приняли ряд специальных документов, регламентирующих развитие ИИ. Кроме того, ряд более широких инициатив и программ уже затрагивают аспекты развития ИИ (в частности, национальная программа «Цифровая экономика РФ»).

Поскольку Россия больше и сильнее экономически и технологически, чем Иран, технологические санкции не окажут такого разрушительного воздействия на российскую экономику, как на иранскую. Но если российские ИТ-специалисты решат разорвать связи с Россией, российская экономика сильно пострадает.

Болдин В.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, ГАУГН, Москва

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДОМИНАНТЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СЕРБИИ И БОЛГАРИИ)

В ходе эмпирической части исследования были проведены формализованные интервью. Опрос с помощью процедур формализованного интервью был направлен на выявление ценностно-смысловой структуры понятия «славянская идентичность», системы национальных и европейских ценностей, политических, идеологических и идентификационных ориентаций. Опросный лист включал в себя 28 вопросов разного типа — открытых, полукоткрытых и закрытых с применением техник прямого ранжирования и оценочного шкалирования.

Результаты опроса, полученные в ходе исследования, позволили выявить следующие ценностно-смысловые доминанты в общественном сознании славянских стран и обозначить некоторые выводы.

— Среди молодежи славянских стран часто фиксируется одновременное наличие двух компонентов политической идентичности: 1. *Civic components* (идентификация с политической структурой, например, ЕС); 2. *Cultural components* (принадлежность к конкретной группе, например, славянин). При этом можно отметить, что чувство «европейской идентичности» больше свойственно респондентам из стран с более высоким уровнем жизни.

— Большинство опрошенных так или иначе отмечают наличие свойственных «славянам» характеристик и черт. Среди самых распространенных ответов респонденты называли: «дружелюбность» (80%), «эмоциональность» (65%), «открытость» (62%), «консерватизм» (54%), «щедрость» (45%), «экспрессивность» (40%), «честность» (39%), «коллективизм» (25%). Однако в ходе анкетирования респонденты отмечали и некоторые негативные характеристики, присущие славянской идентичности. Например, 35% опрошенных отметили «бедность», как черту, свойственную славянам, 25% «разобщенность», 22% — «враждебность», а 20% отметили, что со славянами «сложно иметь дело».

— Большинство опрошенных видят европейцев «дисциплинированными» (54%), «индивидуалистами» (52%), «богатыми» (47%), «инноваторами» и «прагматиками» (38%). Все эти характеристики являются так или иначе противопоставлениями «славянским». Однако в ходе глубинных интервью респонденты отмечали, что у «европейцев» неплохо бы было перенять такие черты, как «дисциплинированность» и «организованность».

— Большое значение для восприятия «европейской идентичности» имеет и то, как влияет на обычную жизнь граждан их персональный опыт «соприкосновения с Европой». Для большинства молодежи «европейский путь» ассоциируются прежде всего с социально-экономическими предпочтениями. При этом никто из респондентов не знает ни о каких инициативах межстранового славянского сотрудничества ни в сфере экономики, ни в сфере образования, ни в сфере туризма, хотя и высказывали заинтересованность.

В целом можно сделать вывод о том, что, несмотря на то, что все респонденты отмечают некое единство между славянами (культурное, языковое, историческое), идеи славянской солидарности или возможность славянского объединения им представляется крайне туманной. И прежде всего из-за того, что респонденты не видят экономических перспектив подобной интеграции, а в проекте ЕС, напротив, им представляются ясные перспективы: учеба, работа, возможность путешествий и т.д. При этом славянские страны (в том числе Россия) предпринимает крайне мало усилий, чтобы использовать общий культурно-языковой потенциал. Респонденты не знают ни об одной программе студенческого обмена или стажировок, а интерес к общему прошлому остается лишь на уровне фольклора. ЕС, напротив же, проводит активную политику формирования политической идентичности, формируя чувство сопричастности к «общеевропейскому дому» с помощью образов, символов и понятных «прагматических»

преференций, которые сулят подобное сотрудничество. Однако все чаще среди респондентов (особенно на Балканах) фиксируется определенный рост уровня евроскептицизма.

Исследование выполнено в рамках проекта ZNF-2022-0014 «Славянская идентичность как основа формирования политического диалога в условиях международной напряженности: проблемы и перспективы (на примере России, Сербии и Болгарии)», реализуемого в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Болотина И.И.
ТулГУ, Тула

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ

В современной отечественной политической науке для обозначения государственной политики, направленной на регулирование отношений между этническими группами, принято использовать преимущественно категории «национальная политика» и «этнополитика». Теоретизирование относительно существенных характеристик каждой из обозначенных категорий приводит нас к следующему умозаключению: трудности определения дефиниций по каждому из обозначенных видов внутренней политики сводятся к двойственности понимания того, что есть нация.

Официальным документом, в котором содержатся модусы категорий «нация» и «этнос», является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В нем «национальное» располагается в синонимичном ряду с такими словами, как «гражданское» и «российское». Об этом свидетельствует и интерпретация категории «российская нация» в качестве «сообщества свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием»¹. Таким образом, в официальном документе стратегического развития современной России категория «этнического» присутствует, но рассматривается как специфическая характеристика этнических групп, во всем их многообразии представляющих первоисточник формирования национального.

Это дает нам основание полагать, что национальная политика и этнополитика направлены на достижение различных, но взаимосвязанных целей и задач. Более того, меры национальной политики направлены на формирование и укрепление нации как сообщества граждан одного государства, в то время как этнополитика ориентирована преимущественно на этносы — относительно замкнутые группы индивидов, гомогенных с точки зрения языка, особенностей ведения быта, характеризующихся устойчивыми межпоколенными связями.

Исходя из анализа научной литературы мы сделали вывод о том, что этнополитика представляет собой комплекс мер, направленных на установление дизайна межэтнических отношений. Следует отметить, что этнополитика в значительной степени отстраивается от той или иной модели национальной политики. Данное положение вещей видится нам логичным по той причине, что государство выступает в качестве особой формы организации человеческого сообщества. Размышления в таком ключе позволяют считать этот социально-политический феномен одним из важнейших оснований самоидентификации человека политического. Таким образом, национальное в полной мере можно определять в коннотации с государственным, а национальную политику как некий вид политической деятельности, значимость которой высока для каждого гражданина данного государства. В таком случае интересы этнической группы, являясь партикулярными, не могут быть выше интересов нации в целом.

Анализ мировой политической практики позволил нам выделить несколько моделей взаимосуществования национальной политики и этнополитики.

Модель А. Нация рассматривается как сообщество граждан, где все этнические группы равны между собой. В данном контексте этническое разделение не воспринимается как нечто конфликтное, при этом более существенным основанием категоризации индивидов становится параметр наличия гражданства. Данный подход направляет локус внимания государственной политической элиты на формирование идейно-мировоззренческих и организационно-управленческих оснований консолидации общества.

Модель Б. Нация рассматривается как сообщество граждан, где одна из этнических групп признается титульной, а иные получают статус национальных меньшинств.

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Нормативно-правовая база «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 26.01.2022).

Современные политические реалии свидетельствуют о появлении совершенно отличного от перечисленных моделей национальной политики и этнополитики. Данная модель В представляет собой попытку поиска консенсуса в таких государствах, где этническое размежевание преодолевается путем выработки надэтнических консолидирующих оснований общественного согласия. В данной связи в стране признается факт существования различных этнических групп, которые не стремятся отказываться от своей социокультурной идентичности. Однако, дабы минимизировать риски конфронтации в социуме, а также по соображениям нерациональности столкновений между этническими группами, скрепой согласия граждан государства становится некая идеология / концепция развития, при этом этнополитика сводится преимущественно к сохранению и соблюдению прав человека и гражданина.

Проблематика выработки и реализации национальной политики и этнополитики актуализируется исключительно в национальных государствах, где источником государственной и политической власти является нация. Современное мировое сообщество претерпевает существенные трансформации, вместе с тем и обозначенные нами феномены характеризуются изменением своего внутреннего наполнения и политического смысла с течением истории.

Большаков А.Г.
КФУ, Казань

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА РОССИИ И «КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА» НА УКРАИНЕ: ОТ ПОСТСОВЕТСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОМУ МИРУ

Распад Советского Союза в 1991 г. сформировал ряд конфликтов, которые появились на «спорных территориях» новых независимых государств. Часть из данных противостояний началась еще в едином советском государстве, поскольку многие народы, их политические лидеры не согласились со своим прежним или новым статусом в изменившейся ситуации.

Среди постсоветских столкновений разных видов принято выделять внутренние вооруженные конфликты, которые способствовали в значительной степени переформатированию постсоветского пространства и его отдельных сегментов (регионов, стран, территорий). К конфликтам этого вида ученые относят следующие: абхазо-грузинский, грузино-югоосетинский, карабахский, ингушко-осетинский, ошский, приднестровский, таджикский, чеченский. Все они носили институциональный характер, привели к многочисленным жертвам среди мирного населения и военнослужащих, беженцам, масштабным материальным разрушениям.

Развитие внутренних вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве можно представить в виде трех этапов.

Первый этап (1991–2007 гг.). От распада Советского Союза до речи Президента РФ В. Путина в Мюнхене, посвященной вопросам международной безопасности и роли в них России. Все перечисленные выше внутренние вооруженные конфликты имели на этом этапе этнические (религиозные) истоки и причины. Фактор политических изменений и трансформаций в СССР и на постсоветском пространстве был одной из важнейших их характеристик.

Второй этап (2007–2022 гг.). Внутренние вооруженные конфликты первой волны были в основном завершены или заморожены. Геополитические причины стали основой для появления новых или возобновления «старых» противостояний. На этом этапе необходимо отметить вооруженный конфликт России и Грузии («пятидневную войну») и военную победу в нем РФ. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии было ответом на признание Косово со стороны «коллективного Запада». В 2014 г. на Юго-Востоке Украины стал формироваться будущий украинский кризис, который возник после государственного переворота и нежелания ряда территорий подчиняться новым украинским властям, которые проводили политику дискриминации русских и русскоязычных украинцев. В 2016 г., а затем в 2020 г. возобновился карабахский конфликт, где Азербайджан одержал военную победу над Арменией при помощи Турции, а остановить вооруженный конфликт смогли лишь российские миротворцы.

Третий этап (2022 г.). Украинский кризис не был урегулирован в рамках Минских соглашений, пророссийские территории ДНР и ЛНР, а также Крым, отошедший в результате референдума 2014 г. к России, находились под постоянной угрозой вооруженного вторжения украинской армии, которая была обучена и вооружена по стандартам НАТО. В этих условиях российский президент принимает решение о проведении специальной военной операции (СВО) на территории Украины, которая продолжается в настоящее время.

В результате происходит не только геополитическое и геоэкономическое противостояние России и «коллективного Запада» в форме гибридного вооруженного конфликта (войны) на Украине, но и раз-

рушение постсоветской неопределенности, когда данные территории используются в качестве плацдарма для прямых агрессивных действий против России и ее союзников по ОДКБ и ЕАЭС.

В результате противостояния России и Китая странам «коллективного Запада» в мире постепенно формируется коалиция стран, которые готовы покончить с односторонним диктатом Запада на международной арене. В этом плане перспективными для РФ являются проекты «Большой Евразии», ШОС, БРИКС.

Многое будет зависеть от итогов окончания СВО на Украине. Здесь возможны три сценария: 1) ядерная война, которая приведет к катастрофе глобального масштаба; 2) истощение ресурсов и ослабление государственности РФ, что будет означать распад страны и доминирование западных стран; 3) военная победа России и постепенное переустройство мира в рамках полицентричности. Очевидно, что только последний вариант может быть приемлемым для российского социума.

Понятно, что перестройка глобального миропорядка будет растянута во времени. Система международных отношений, выстроенная Западом в последние десятилетия, достаточно сильна и имеет большой запас прочности. Однако несправедливость мирового порядка и открытая демонстрация рядом субъектов международных отношений своего несогласия с ней в значительной степени увеличивают скорость политических изменений в мировой политике.

Большаков С.Н.
*Коми государственная академия государственной службы
и управления, Сыктывкар*

НОВОСТНЫЕ ФЕЙКИ В ЭПОХУ СИМУЛЯКРОВ

Ключевым аспектом фейковых новостей является их зависимость от проблем, кризисов и социальных волнений и одновременно их способность питать, укреплять и поддерживать их, поскольку кризисы становятся благодатной почвой для распространения страха, неопределенности и дезинформации.

Олкотт и Генцкоу (2017, с. 213) определяют «фейковые новости» как новостные статьи, которые не поддаются проверке, намеренно ложные и могут ввести читателей в заблуждение». Д. Трамп употребляет термин «фейковые новости» для обозначения новостей, критически настроенных по отношению к его правительству, за подобной диспозицией последовали другие популистские лидеры по всему миру (Albright, 2018; Wardle & Derakhshan, 2017). Полагая, что этот термин не включает явление информационного «беспорядка», Уордл и Деракшан (2017) предложили следующие термины: 1) «дезинформация» — это когда распространяется ложная информация, но причиненный ущерб не является преднамеренным; 2) «дезинформация», когда известно, что ложная информация передается с целью причинения вреда; 3) «неверная информация», когда информация распространяется с целью причинения ущерба. Термин «фейковые новости» лучше всего известен широкой публике; несмотря на путаницу в его значении, часто связан с негативной работой прессы, связанной с новостями, не заслуживающими доверия (Nielsen & Graves, 2017).

Европейский союз (ЕС) определяет дезинформацию как «поддающуюся проверке ложную или вводящую в заблуждение информацию, которая создается, представляется и распространяется с целью получения экономической выгоды, умышленного введения в заблуждение общественности, нанесения обществу вреда».

Существует широко распространенная озабоченность по поводу «фейковых новостей» и других форм дезинформации, а также того, как они могут подорвать демократии. Недавние исследования начали фокусироваться на том, как распространяются фейковые новости и дезинформация, а также на факторах, которые определяют, широко ли распространяется информация пользователями, тем самым становясь вирусной.

Рост Интернета и связанных с ним технологий, а также широкое использование социальных сетей глубоко повлияли на институциональную коммуникацию всех ветвей власти и в значительной степени изменили отношения между институтами публичной власти, средствами массовой информации и общественным мнением. Коммуникация с общественностью, которая в прошлом казалась обязанностью или деликатной задачей, которую следует выполнять с большой осторожностью и только в редких случаях, теперь является миссией, которую власть выполняет ежедневно.

Существующие исследования иностранных интервенций в демократические общества предсказывают, что такие кампании дезинформации должны привести к усилению политической поляризации внутри страны-реципиента.

Считается, что традиционные СМИ скрывают правду, связаны с финансовыми интересами элиты и политикой истеблишмента, поэтому цифровые каналы рассматриваются как средство, позволяющее людям высказаться. Социальные сети также обеспечили формирование политических активностей групп в социальных сетях и их мобилизацию (Gerbaudo, 2018).

Правовое регулирование Интернета и социальных сетей — это проблема, которая совсем недавно привлекла внимание и вызывает множество вопросов, в том числе: Каковы (потенциально) вредные побочные эффекты свободы слова в Интернете? Как можно защитить тех, кто наиболее уязвим, от вредоносного контента и злоупотреблений? Кто стоит за созданием и распространением фейковых новостей — иностранные правительства, террористические организации, частный сектор или кто-то еще? Какова цель создания фейковых новостей — посеять панику и замешательство, максимизировать прибыль в духе нового паттерна слежки за финансовыми и незаконно накопленными капиталами, контролировать определенные целевые группы пользователей или что-то еще?

Стремительное развитие электронных коммуникаций на протяжении многих лет, подчеркнутое глобальным кризисом, вызванным пандемией нового коронавируса (COVID-19), переместило профессиональную и личную жизнь граждан на виртуальные платформы.

Большакова Ю.М.

*Коми государственная академия государственной службы
и управления, Сыктывкар*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА «ДОВЕРИЯ» К ИНСТИТУТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Проблема подрыва общественного доверия повторялась на протяжении многих лет, но с началом глобального кризиса, вызванного пандемией и последовавшей за этим рецессией, прочно заняла центральное место в общественных дебатах во многих странах. Эти события глубоко подорвали доверие общества к институтам, и доверие граждан к государственным институтам особенно пошатнулось. На фоне неравенства в доходах и экономических возможностях, высокого уровня безработицы и нестабильности занятости, сопротивления глобализации и озабоченности глобальными проблемами, такими как миграция и изменение климата, восстановление этого доверия имеет важное значение. Органы государственного управления не могут эффективно функционировать без доверия граждан, и они не могут успешно проводить государственную политику, имея амбициозные программы реформ.

Публичные институты управления во всех областях государственной политики имеют значительный стимул к поиску и удержанию общественного доверия: высокое доверие связано с кооперативным поведением граждан, в то время как низкий уровень доверия связан с сопротивлением даже тому, что, как кажется, отвечает общим интересам человека.

Доверие обычно понимается как «удержание положительного восприятия действий человека или организации». Доверие дает нам уверенность в том, что другие будут действовать так, как мы ожидаем, либо в конкретном действии, либо в наборе действий. Хотя доверие может быть основано на реальном опыте, оно часто является субъективным явлением, основанным как на интерпретации или восприятии, так и на фактах. Исследователи сходятся во мнении относительно некоторых определяющих элементов доверия, таких как позитивные ожидания в отношении будущего и готовность быть уязвимым перед риском или неопределенностью (Rousseau et al., 1998). Точно так же последовательно определяется ряд доверительных отношений (от доверия граждан к своим согражданам до доверия политических элит к другим элитам или к гражданам) (Offe, 1999). По данным Всемирного опроса Gallup, в период с 2007 по 2016 г. доверие к правительству снизилось в среднем на 2 п.п. в странах—членах ОЭСР (с 45 до 43%). В некоторых странах (таких как Словения, Португалия, Испания, Финляндия и Мексика) снижение было более резким (до 6%). По данным Евробарометра, с 2007 по 2018 гг. доверие к прессе снизилось в среднем на 4 п.п. в странах ОЭСР/ЕС (с 47 до 43%).

Институциональная экономика показала важное влияние высококачественных государственных институтов на достижение экономического роста и управление неравенством (Rodrik, 2002, 2003). Другие исследования в значительной степени подтверждают, что государственный потенциал и качество правительства оказывают сильное положительное влияние почти на все стандартные показатели человеческого благосостояния, а также на показатели социального благополучия.

В связи с этим можно утверждать, что то, как осуществляется власть (что происходит на выходе политической системы), не менее, если не более важно, чем то, как организован доступ к власти (Rothstein, 2013). Идея о том, что надлежащее управление порождает доверие, продвигая справедливые процессы и справедливые результаты, является важной концепцией недавних исследований.

Попытки определить основные движущие силы доверия (как завоевать доверие или сохранить его) показали, что доверие зависит от совпадения ожиданий граждан (и бизнеса) (их интерпретации того, что правильно и справедливо, а что несправедливо) и предполагаемое и/или фактическое функционирование государственных институтов (Bouckaert and van de Walle, 2003). Многие авторы про-

водят широкое различие между «верой в компетентность» — способностью учреждений выполнять свою работу — и «верой в намерения» — склонностью учреждений поступать правильно (например, Choi and Kim, 2012).

В исследуемом ракурсе становится важным исследование двух ключевых компонентов: ценностей и компетентности. Представляется важным выявить для каждого компонента соответствующие параметры, которые могут сделать его поддающимся изменению политики: быстрота реагирования, надежность, честность, открытость и справедливость.

Борисов Н.А.
РГГУ, Москва

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА ЭКС-ПРЕЗИДЕНТА И СУБЪЕКТНОСТЬ ЭКС-ЛИДЕРОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Несмотря на обширную политическую и правовую практику регулирования статуса президента, прекратившего исполнение своих обязанностей, этот институт по-прежнему остается недостаточно изученным, прежде всего в аспекте соотношения формального статуса и неформального влияния экс-президентов. Обширный материал для анализа дают государства постсоветского пространства. Тридцать три случая экс-президентства в двенадцати постсоветских государствах в период с 1992 по 2022 г. целесообразно рассмотреть с точки зрения двух критериев: уровня институционализации и уровня субъектности.

Необходимость обеспечения гарантий экс-президенту — обычная практика ряда государств с разным типом политического режима. Другое дело, когда к социальным гарантиям добавляются гарантии политические, не только защищающие бывшего президента от уголовного преследования, но и дающие ему возможность сохранить высокую роль в политическом процессе после отставки. На примерах постсоветских государств видно, что эти правовые гарантии не гарантируют защищенность экс-президента на практике, поскольку в результате изменения соотношения сил внутри элиты они могут быть пересмотрены или отменены новым президентом, как это случилось в Кыргызстане и Казахстане, а экс-президент может быть подвергнут уголовному преследованию. При этом степень конкурентности политического режима также не влияет на защищенность экс-президента от преследования.

Особенно характерны в этом отношении примеры Кыргызстана и Казахстана, где экс-президенты, первоначально обеспечившие себе исключительные полномочия даже после отставки, были исключены из политического процесса как на формальном, так и на неформальном уровне, включая запрет заниматься политической деятельностью и контролировать стратегические отрасли экономики.

Характерно, что слабое законодательное регулирование статуса экс-президента или его отсутствие в конкурентных политических режимах не исключает попыток президентов, чей срок полномочий подходит к концу, продлить их иными способами (на других должностях). Так, продлить свои полномочия после отставки стремились президенты как в неконкурентных политических режимах (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан), так и в конкурентных (Грузия, Армения). В силу высокой степени фрагментации политических элит отсутствовали попытки сохранения власти экс-президентами как на формальном, так и на неформальном уровне только в Украине и Молдове, хотя и там не обошлось без преследования бывших президентов.

Из 33 проанализированных случаев только 30% характеризуются сохранением экс-президента в политике, причем из них только в четырех случаях это сохранение не вело к политическим преследованиям бывшего президента. В настоящее время только в России и Туркменистане элиты смогли обеспечить сохранение экс-президентов в политическом процессе, не подвергая их при этом преследованиям. Во всех остальных государствах опыт экс-президентства либо еще отсутствует (Беларусь, Узбекистан, последние тридцать лет — Таджикистан), либо является крайне негативным, связанным с преследованием бывших лидеров по политическим мотивам, которое очень часто ведется с грубыми нарушениями законодательства государств (в том числе в государствах с конкурентными режимами — Грузии, Армении, Украине, Молдове). Это подтверждает вывод о том, что за тридцать лет в большинстве государств постсоветского пространства, независимо от типа политического режима, так и не появилось устойчивых институциональных практик политической конкуренции, диалога с оппонентами и гарантий деятельности бывших президентов. Отсутствие таких практик, в свою очередь, создает высокий уровень неопределенности для нынешних лидеров, которые также могут быть подвергнуты преследованиям после ухода в отставку, и не способствует потенциальной стабильности политических режимов.

В ситуации высокой степени фрагментации элиты политическая роль экс-президента, наличие у него политической силы и сторонников оборачиваются его политическим преследованием по уголовным статьям, связанным с действиями на посту президента.

Наиболее стабильной представляется модель с высокой степенью правовой регламентации статуса экс-президента и значительной ролью экс-президента в политическом процессе. Такая модель возможна при низкой степени фрагментации политической элиты и полном консенсусе между новым президентом и экс-президентом по стратегическим вопросам (либо превращение нового президента в символического главу государства при сохранении полномочий экс-президентом).

Борисова Н.В.
ПГНИУ, Пермь

МНОГОУРОВНЕВАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЕРТИКАЛЬНОЕ И ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Языковая политика — ключевой инструмент управления этническим разнообразием в современном мире. Она широко используется в РФ на разных уровнях политических взаимодействий — федеральном, региональном и локальном. Политико-институциональное устройство сложноустроенных государств, к числу которых относится и Россия как федерация, обуславливает многоуровневый характер политики (policy), в том числе и языковой. В практическом смысле это означает, что в «вертикальном измерении» решения принимаются, а тем более реализуются а) на разных уровнях власти, б) с участием акторов разного уровня. Вместе с тем недостаточно изучено «горизонтальное измерение», а именно влияние, которое испытывают субнациональные единицы (регионы, муниципалитеты) при реализации языковой политики со стороны других политических единиц того же уровня. Такое влияние можно рассматривать через призму идеи о «транстерриториальной диффузии» языковой политики.

Понятие «языковая политика» имеет различные подходы к определению. Оставляя за скобками анализ подходов, отмечу, что языковую политику следует определять как социально-культурную категорию, относя ее к важнейшим компонентам национальной политики государства, оказывающей влияние на языковой и политический климат в обществе, практики межкультурной коммуникации, на лингвокультурную ситуацию. Языковая политика может разрабатываться как для отдельных регионов, так и для страны в целом. Вслед за А. Швейцером к числу субъектов языковой политики я отношу не только государство, но также негосударственных субъектов и агентов языковой политики, которая имеет многоуровневый характер.

Вертикальное измерение языковой политики предполагает выделение уровней и арен обсуждения, принятия и реализации решений в отношении языка, их характеристику. Федеральный центр задает рамку, контуры и принципы языковой политики. Но именно субнациональные единицы имеют окно возможностей — поле для маневра в имплементации решений, наполнения заданной федеральным центром рамки конкретным управленческим, политико-институциональным содержанием. Это допускает возможность вариативности языковых политик в кросс-территориальном измерении. Ожидаемая вариативность определяется языковой ситуацией, этнолингвистической структурой населения, «спросом на язык» (Н.В. Борисова, 2017). В результате — языковая политика варьируется от «слабой» до «сильной» по масштабу, глубине, универсальности и т.д. (Н.В. Борисова, 2017; N. Borisova & K. Sulimov, 2018). Результаты реализованного ранее исследовательского проекта (Проект РФФИ № 18-011-00763 «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» [рук.: Н.В. Борисова, ИПФ ПГНИУ]) указывают на то, что в пространстве РФ наиболее сильная языковая политика на субнациональном уровне реализуется в этнических республиках. Именно республики обладают в некотором смысле особыми конституционными правами — правом на определение и закрепление региональным законом республиканского (второго государственного) языка — титульного для республики. Следовательно, республики потенциально являются «локомотивами», оказывающими значительное влияние на другие территории. В этом проявляется «горизонтальное измерение» многоуровневой политики. Таким образом, этнические республики рассматриваются как потенциальные источники «транстерриториальной диффузии», а другие регионы/локалитеты — как потенциальные «реципиенты».

Что может влиять на реализацию потенциала «транстерриториальной диффузии»? Предлагаю сформулировать несколько теоретических ожиданий, требующих эмпирической проверки. *Во-первых*, это политика самих потенциальных источников, т.е. республиканских властей. Республиканские власти могут как стремиться, так и не стремиться к диффузии. Стимулирующими готовность республиканских властей к диффузии могут быть сложившиеся внутри регионов коалиции агентов языковой политики, включающие не только и не столько государственных и муниципальных чиновников, но политиков, языковых активистов, лидеров общественного мнения. *Во-вторых*, значение имеет этнолингвистиче-

ская структура сообщества: наличие в потенциальных территориях-реципиентах меньшинств, которые являются титульными в соответствующих республиках. Здесь важным представляется учет не просто наличия группы, но ее концентрация (доля в населении), локализация и т.п. *Третье* ожидание относится к характеристикам «силы» отношения региональных / муниципальных властей к «транстерриториальной диффузии» практик языковой политики со стороны республик. Можно предположить сильную вариативность по линии: отторжение — безразличие — лояльность. *В-четвертых*, следует учитывать наличие спроса на родной язык со стороны меньшинств, а также акторов (активистов, влиятельных представителей местной культурной, экономической, административной элиты), формирующих и акцентирующих этот спрос.

Боришполец К.П.
МГИМО МИД России, Москва

РОЛЬ МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Роль методологии во всех областях человеческого знания широко признается не только фундаментальной, но и прикладной наукой. В этом плане не является исключением современная ситуация в сфере изучения и преподавания мировой политики. К сожалению, значительно меньше внимания, чем разнообразным теоретическим концептам (ТМО), уделяется прикладным аспектам исследований мировой политики, что не вполне оправданно.

Во-первых, несмотря на все разнообразие фундаментальной аналитики, причем с учетом продвижения начавшегося в 70-е годы XX в. междисциплинарного трека, ТМО (в собирательном смысле ее инвариантов) все еще остается «нестрогой дисциплиной»; ее понятийный аппарат однозначно фиксирован только на уровне общих категорий (например, все признают, что конфликт, это не то, что переговоры), но авторские трактовки общих категорий всегда отличаются многими смысловыми нюансами. Другими словами, объективные ограничения для развития универсализации и тем более «цифровизации» представлений о мирополитических реалиях ТМО, как минимум, не устраняет. Речь в лучшем случае идет о первичной операционализации эмпирического материала, способы которой могут быть оспорены с позиций конкурирующих теоретических представлений.

Во-вторых, теории (ТМО), изучению которых уделяется на современном этапе повышенное внимание, являются в своем большинстве, несмотря на разнообразное позиционирование, все-таки теориями «среднего уровня», т.е. интересными, но не исчерпывающими потребности мирополитической практики. Более того, распоряжение и управление этим интеллектуальным багажом зависит от персональных качеств аналитика, находящегося вне чисто академического пространства. Вызовы конкретной ситуации не всегда позволяют ему выбрать оптимальный вариант системной интерпретации событий из предлагаемого набора теоретических моделей. Понятно, что выстраивание диалога «человек–машина/цифра» тоже испытывает трудности.

В-третьих, и, возможно, самое главное — состояние актуальных мировых политических процессов, вызовы переформатирования постбиполярной мировой политики позволяют провести некоторые аналогии с периодом начала 50-х годов XX в., когда насущной необходимостью стал отход от стереотипов первого десятилетия холодной войны. Сторонники прикладных исследований справедливо провозгласили их разрушительными идеологемами, показав позитивные возможности опоры на реальные факты. Мы несколько десятилетий испытывали влияние зарубежных школ теоретической мысли, не всегда отмечая их трансформацию в способы оправдания агрессивных целей. А о растущем разрыве между словом и делом западных партнеров России рассуждали действующие политики либо публицисты. Эта сторона постбиполярной действительности большинством академических аналитиков изучалась недостаточно. Стремление соотносить любые теоретические построения в сфере мирополитического знания с фактами должно стать обязательным условием в том числе и профильной дидактики.

По субъективному мнению докладчика, повысить эффективность методологического компонента мирополитических исследований и подходов к их преподаванию могут следующие шаги: 1) углубление академической дискуссии о научной значимости актуальных прикладных проектов с использованием междисциплинарных подходов; 2) расширение внимания к прикладной составляющей методологии в целом, включая систематизацию критериев, которые предлагаются в разных фундаментальных исследованиях международной действительности; 3) развитие аналитических возможностей на основе изучения содержания профильных документов с точки зрения принципов диалектики, законов логики и диверсификации профессиональной терминологии.

Таким образом, теоретические знания о мировой политике и форматы их передачи в публичном пространстве, в том числе образовательном, будут более полно отвечать потребностям отечественной внешнеполитической практики.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСПОДСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КИТАЯ

Если понимать под *политическим развитием* процесс изменений, происходящих в сфере политического управления страной и не приводящих к ее распаду, то политическое развитие Китая после образования 1 октября 1949 г. КНР будет справедливо охарактеризовать как процесс трансформации *системы господства* в понимании господства, согласующемся с позицией авторов коллективной монографии «Господство против политики: российский случай» (М., 2019).

По мнению автора, в политической сфере жизнедеятельности Китая не предполагается конкуренции и выбора стратегических целей, относящихся к общему благу, которые бы осуществлялись за рамками института правящей компартии и системы органов государственной власти. К кругу участников конкуренции и выбора стратегических целей, относящихся к общему благу, но уже с правом «совещательного голоса», конституционно отнесена «система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК». Эта система формируется по правилам, рамки которых установлены решениями компартии. Ее предназначение — канализировать обратную связь между властью и обществом.

Подобная конструкция, отсекающая, в целеполагании, от выбора стратегических целей, ведущих к общему благу, свободу выбора, является одним из главных признаков существования в КНР системы господства, отличающейся от системы политики, функционирующей в большинстве развитых государств мира. Система господства привязывает государственную политику к реализации безальтернативно избранного правящей партией стратегического направления развития страны, для Китая — коммунистического направления развития.

В истории КНР, лишь недавно перешагнувшей 80-летний рубеж, система господства развивалась вариативно, изменялась поэтапно в режиме и политического поиска, и борьбы. Поиск предполагал конкуренцию проектов, выдвигаемых разными группами партийной элиты и ориентированных каждой группой на по-своему понимаемое общее благо. Борьба переводила конкуренцию между группами в подавление одной из групп другой, невзирая на наносимый обществу ущерб.

Цепочку поиска и борьбы в системе господства можно проследить по изменению характера политического режима: авторитарный коллективистский (1949–1958 гг.), сублимированный авторитарный (авторитарный персоналистский в борьбе с коллективистским (1958–1965 гг.), тоталитарный режим самовласти Мао Цзэдуна (1966–1976 гг.), постепенно переходящий в авторитарный коллективистский (начало 1980-х — начало 2010-х годов); авторитарный персоналистский режим, складывающийся в годы пребывания на высших партийных и государственных постах Си Цзиньпина.

В каждый из периодов господство имело свое содержательное наполнение. В качестве примера рассмотрим трансформацию системы господства до начала проведения политики реформ. В 1949–1958 гг. поиск проекта развития страны осуществлялся в борьбе между частью правящей партийно-государственной элиты, опиравшейся на рациональный подход к государственной политике, и другой частью, группировавшейся вокруг Мао Цзэдуна на основе его представлений, носящих преимущественно иррациональный характер. При этом он и его сторонники, проигрывая по части рационального обоснования своей позиции, прибегли к подавлению оппонентов с применением мер морального, физического и организационно-кадрового воздействия. Формировавшееся в усеченном виде политическое поле уступило место зоне власти, в которой нивелировались профессиональные достоинства и заслуги оппонентов Мао Цзэдуна, а лояльность ему стала главным критерием сохранения места в рядах правящей элиты.

Ускоренные преобразования обрушили экономику страны, и с 1958 по 1965 г. политический режим носил сублимированный характер. В системе господства происходило смещение активности из закрытого пространства зоны власти, где решения принимались вне зависимости от их общественной значимости, в политическое поле с расширением сферы обсуждения, пусть в основном в закрытом, непубличном режиме, проблем страны и способов их решения. Система господства в подобном режиме могла носить только временный характер, и это закономерно привело к вспышке внутривнутриполитической борьбы, в ходе которой сторона, действия которой привели к социально-экономическому кризису конца 1950-х — начала 1960-х годов, а именно Мао Цзэдун и его сторонники совершили политический переворот, получивший название «культурная революция».

Созданные вместо упраздненных органов партийно-государственной власти временные органы политической власти и управления обеспечивали систему господства с 1966 по 1976 г. в рамках тоталитарного режима самовласти Мао Цзэдуна. Главной заботой правящей элиты в этот период было не решение проблем, важных для страны, а сохранение состояния внутривнутриполитического равновесия, позволявшего ей править.

Система господства в Китае после Мао Цзэдуна принципиальных изменений не претерпела, что оставляет вопрос о потенциале ее развития открытым.

Борокова И.Д.
СКГА, Черкесск

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Согласно Конституции РФ и Закону РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Россия является светским государством, где гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания, а также равенство всех граждан перед законом.

Ретроспективный взгляд на отношения между религией и государством в России показывает, что эти отношения не всегда были простыми и их диапазон характеризуется крайностями. «Церковь принимала активное участие в процессах государственного строительства, в определении характера политического режима. Однако это участие не всегда было бесконфликтным, о чем наглядно свидетельствует история взаимоотношений церкви и светских властей» (Керимов А.А. Церковь в политической истории России // Человек и современное общество в социальном, правовом, экономическом ракурсах [колл. монография]). В Северо-Западном федеральном округе технологии политической стабилизации преимущественно направлены на борьбу с деструктивной деятельностью норвежских саамских организаций. В Уральском федеральном округе стабилизационные технологии фиксируют и устраняют последствия целенаправленных провокаций в *Telegram*-каналах и социальных сетях. В Сибирском федеральном округе от стабилизационных технологий требуется решение конфликтов между КМНС и недропользователями. В Дальневосточном федеральном округе на территории приморских регионов от технологий политической стабилизации требуется преодоление общественно-политической напряженности, связанной с проблемами доступа КМНС к водным биологическим ресурсам.

Вместе с тем от стабилизационных технологий дополнительно требуется поддержка политического авторитета и позитивного имиджа региональных и местных властей. Особое место занимают технологии политстабилизации по преодолению негативного влияния в *YouTube*, где действуют провокационные видеопроекты и расследования оппозиционных активистов. Также от операторов стабилизационных политтехнологий требует особого внимания активная деятельность иностранных средств массовой информации, репортажи направлены на формирование протестных настроений в российском обществе.

В сложившихся условиях представляется целесообразным озвучить ряд предложений, направленных на противодействие технологиям политической дестабилизации, эксплуатирующих дискурс КМНС.

В частности, органам власти требуется уделить внимание достижению реальной эффективности государственной политики устойчивого развития КМНС; усилить роль мониторинга интернет-пространства и социальных сетей; развивать сильные аналитические центры по исследованию результатов такого мониторинга и формированию корректных рекомендаций для принятия взвешенных управленческих решений; организовать профилактическую работу с местными оппозиционными активистами.

В целом со стороны властей необходимо применение комплекса мер по противодействию технологиям политической дестабилизации, которые могут носить как зеркальный (симметричный) характер, так и выходить за пределы «навязанных условий» и действовать превентивно на опережение политической обстановки.

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (проект «Факторы устойчивого развития российской государственности в контексте современных глобальных вызовов», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600330-2-5.9.1.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ БОЛЬШИХ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ ПРЕЗИДЕНТА)

Пресс-конференции обеспечивают двусторонний канал политической коммуникации, позволяя гражданам и журналистам непосредственно артикулировать проблемы. Помимо инструментальных аспектов подобный нарратив несет в себе аксиологическую нагрузку.

Мы изучаем дискурсивные практики участников больших пресс-конференций Президента РФ на предмет выявления в них ценностных коннотаций и оцениваем их изменение в 2001–2021 гг. Методом контент-анализа в корпусе текстов стенограмм выделены аксиологемы, соответствующие перечисленным ценностям, и распределены по группам. Поиск проводился в текстах ответов Президента и в текстах вопросов журналистов. Источниками данных служили стенограммы пресс-конференций, размещенные на официальном сайте Президента (kremlin.ru). Корпус текстов стенограмм включает в совокупности более 422,7 тыс. слов.

Оценить преэминентность и изменения в ценностных посылах власти обществу в ходе пресс-конференций можно, вычленив фиксированный набор аксиологем, согласно известным кросс-культурным исследованиям ценностей. Р. Инлхарт делит ценности на материалистические и постматериалистические. Мы включаем в первую группу следующие ценности: власть, благополучие, процветание, безопасность, контроль, труд, стабильность, экономика, традиция, ответственность. Во вторую группу относим ценности личности, свободы, справедливости, выбора, экологии, индивидуальности, открытости, честности, доверия и независимости. В соответствии с методикой Г. Хофстеде, мы рассматриваем бинарные оппозиции ценностей: лидерство — равенство, стабильность — прогресс, благополучие — справедливость, современность — будущее, индивид — народ. Согласно методу Ш. Шварца, оцениваем кластеры ценностей: 1) открытость к изменениям (открытость, независимость, благополучие); 2) консерватизм (безопасность, традиция, семья); 3) саморазвитие (цель, власть, будущее); 4) социальность (мир, человек, общество). Из набора терминальных ценностей, предложенных М. Рокичем, можно выделить равенство; безопасность, свободу, здоровье, мир, благополучие (аналог комфортабельной жизни) и религию (аналог спасения, вечной жизни). Среди инструментальных ценностей анализу подлежат открытость, честность, независимость, ответственность, контроль, власть (аналог амбициозности) и патриотизм (аналог преданности).

Проведенное исследование показало, что во все анализируемые годы материалистические ценности, по Р. Инлхарту, преобладали по числу упоминаний над постматериалистическими. Среди материалистических ценностей чаще всего упоминались экономика и власть. Сам Инлхарт объясняет усиление постматериалистических тенденций достижением базового уровня благополучия и безопасности в обществе. Постматериалистические ценности упоминались чаще среднего по выборке в 2009–2011 гг., когда пресс-конференции проводил Д. Медведев. Это соотносится с выводами ряда зарубежных экспертов о том, что все большее влияние на структуру политических ценностей оказывают поколенческие различия.

Наши данные подтверждают вывод о доминировании в российском обществе ценностей коллективизма и высокой дистанции власти, но опровергают их в части высокого избегания неопределенности, ценности благополучия (маскулинность) по сравнению с равенством (феминность) и краткосрочного планирования по отношению к долгосрочному. Эти различия могут объясняться неточностями выводов Хофстеде, не проводившего анализа в России, и изменениями в российском обществе в последние годы. В усилении внимания к ценностям прогресса, будущего может проявляться тот запрос общества на политические изменения.

Ш. Шварц объединил политические ценности в кластеры, два из которых (открытость изменениям и саморазвитие) соотносит с либеральной моделью, а два другие (консерватизм и социальность) — с экономическим эгалитаризмом. Мы выяснили, что, по Шварцу, российское общество тяготеет к эгалитаризму. Частота упоминания ценностей, связанных с открытостью и саморазвитием, сократилась, а частота упоминания консервативных и социальных ценностей, напротив, возросла.

Соотнося ценности с политическими режимами, М. Рокич утверждал, что для социализма свойственны свобода и равенство, нацизм отвергает обе эти ценности; либерализм ценит свободу в ущерб равенству, а коммунизм равенство предпочитает свободе. С этой точки зрения, в наших данных выявлено существенное преобладание доли упоминаний свободы перед ценностью равенства, что характеризует российский политический режим как либеральный. Кажущееся противоречие между эгалитарными ориентациями, по Шварцу, и либеральными, по Рокичу, становится более понятным, если учитывать, что тяготение к либеральным или этатистским ценностям определяется в России не столько уровнем дохода, сколько его источником.

Полученные выводы подтвердили предположение, что аксиологическая функция пресс-конференций Президента состоит в транслировании обществу определенного набора ценностей. При этом другая гипотеза о том, что латентной функцией данных мероприятий служит согласование ценностей политической элиты и российского общества, скорее опровергается данными.

Бочаров Ю.Б.
Хайфа, Израиль

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИРУССКИХ НАСТРОЕНИЙ В ЗАПАДНЫХ СМИ КАК ОСНОВА ДЛЯ АНТИРУССКИХ РЕШЕНИЙ В ПАРЛАМЕНТАХ «НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ» РОССИИ СТРАН

События на Украине, санкции ряда стран против России не только показали истинное отношение так называемых западных «демократических» режимов к трактовке происходящих событий, но и в полной мере продемонстрировали их систему двойных стандартов, которая позволяет одни и те же действия преподносить то как «спасение» демократии, то как войну против всего «цивилизованного» мира.

Сегодня практически во всех прозападных СМИ мы видим лишь одну сторону проблемы, освещение действий одной стороны только в положительном ракурсе, а другой — только в отрицательном. Причем все равно, по какому поводу: касается ли это событий вокруг вооруженного конфликта, экономических санкций или гуманитарных действий. Вся прозападная пресса сегодня видит только черное в действиях России.

При этом в Израиле, если местные (ивритоязычные) СМИ, в основном благодаря позиции правительства, еще не так ангажированы и дают антироссийский материал в пропорциональном объеме, то русскоязычные СМИ, как правило, распространяют только чернуху и фейки, что составляет до трети всех их публикаций. Из-за этого практически половина этих изданий заблокирована на территории России. А между тем в Израиле они продолжают отравлять нам жизнь. Регулярно искажается даже официальная информация, получаемая как из России, так и от посольства РФ в Израиле, а именно, посредством добавления редакторских комментариев, полностью извращающих смысл первоисточника.

Стоит отметить, что в Израиле практически все русскоязычные сайты находятся под покровительством каких-либо финансовых структур, которые относятся либо к живущим в Израиле бывшим беглым «русским» олигархам, либо к олигархам, живущим на Украине или работающим с Украиной. В Израиле нет ни одного русскоязычного сайта, который имел бы какое-то покровительство со стороны пророссийских групп или филантропов. Как результат, пропагандистская война со стороны России здесь полностью проиграна.

Развернутая оголтелая антироссийская пропаганда, к сожалению, дает свои плоды. И в первую очередь антироссийская пропаганда ударила по многим нашим согражданам (соотечественникам), пребывающим за пределами России в качестве туристов, студентов или постоянных жителей.

Естественно, местные, коренные израильтяне не читают русскоязычные СМИ, но ненавистнической настрой, формируемый этими медиа в отношении «русских», постепенно, через контакты в обществе передаются и израильтянам. Ведь русскоязычная община очень сильно интегрирована в израильское общество, она присутствует практически во всех областях нашей жизни. Да и ивритские журналисты чаще всего «интересуются» у своих «русских» как бы коллег, как там дела в России, и в ответ получают полностью извращенную картину событий. Вот вам и итог ненависти, который постепенно переносится и в израильскую прессу. К сожалению, результат не заставил себя долго ждать.

Так в июле с.г. некоммерческая организация «Пнима» опубликовала ежегодный «Индекс ненависти и поляризации общества». Согласно индексу, 40% израильтян склонны ненавидеть арабов, 33% — выходцев с постсоветского пространства, 30% — сефардов, 26% — ашкеназов, 20% — ультраортодоксальных евреев, 17% — поселенцев, 13% — представителей ЛГБТ-общины, 11% — выходцев из Эфиопии. При этом 62% израильтян считают, что «средства массовой информации больше всего способствуют ненависти и поляризации», 31% считают, что наибольший вклад в это вносят социальные сети.

Согласно «Отчету о ненависти» Фонда Берла Каценельсона, отслеживающего высказывания в ивритском сегменте социальных сетей, за период с августа 2021 г. по июль 2022 года было выявлено около 6 миллионов оскорблений и призывов к насилию. За этот период в 3,7 раза выросло количество оскорблений и призывов к насилию по отношению к русскоязычным репатриантам. Резкий всплеск этих показателей произошел в марте 2022 года, очевидно став следствием действий России на Украине.

Но самое опасное здесь то, что «мнение» народа о том, что «русские» плохие, постепенно доходит и до сознания депутатов Кнессета, а вместе с тем и правительства Израиля. Первые два месяца

проведения российской спецоперации на территории Украины израильское правительство вообще не «обращало» внимание на эти события, так как хотело сохранить полный нейтралитет и даже пыталось выступать посредником между воюющими сторонами. Однако со временем сформированное СМИ общественное «недовольство» действиями «русских» привело к тому, что правительство начало пересматривать (в угоду своему избирателю) свою позицию в отношении конфликта. Сначала началась гуманитарная поддержка как беженцев, так и новых репатриантов из Украины. А в дальнейшем пошла поставка защитного оборудования и экипировки для армии, а теперь обсуждаются варианты поставки военной техники через третьи страны в зону конфликта.

При этом центральные ивритоязычные СМИ, получая дополнительные антирусские материалы, а также сфабрикованные все теми же «русскими» СМИ опросы общественного мнения, все более накаляют ситуацию в стране, что в первую очередь отражается на решениях правительства. В принципе, вся эта ситуация возникла из-за того, что в Израиле, да и в большинстве европейских стран, нет ни СМИ, ни прочих рекламных структур, поддерживаемых Россией. В итоге, отдав всю пропаганду за рубежом в руки противников России, мы начинаем проигрывать общественное мнение, а вместе с ним и поддержку России — особенно в «недружественных» ей странах мира.

Брехов Г.С.
РУДН, Наро-Фоминск

КРИПТОАНАРХИЗМ: ТРАНСФОРМАЦИЯ АНАРХИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ КАК ОТВЕТ НА РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Актуальными для современного общества проблемами являются новые реалии экономики и политики, связанные с развитием цифровых технологий, среди которых блокчейн, криптовалюта и надзирающее государство. Но несмотря на то, что все это находится на переднем плане общественной и академической дискуссии, никто не обсуждает идейные основания, которые стоят за этими явлениями.

Сегодня более чем 5 миллиардов человек по всему миру пользуются Интернетом, и актуальным становится ряд вопросов касательно безопасности этих людей в сети, а также защиты их личности от государственной пропаганды. Следуя современным тенденциям, идеология анархизма адаптируется к росту влияния Интернета на жизнь людей — вопросами, связанными со свободой личности «в сети» и сопротивлением все возрастающему государственному контролю в Интернете, занимается течение криптоанархизма.

Криптоанархизм, вне контекста блокчейн-технологий, в научной практике изучен довольно слабо, за исключением нескольких работ Стивена Леви, Усмана В. Чохана и Пола Дж. Дилан-Энниса. Стоит отметить, что блокчейну посвящено большое количество различной литературы, но существует не так много работ, изучающих саму идеологию, стоящую за технологией.

В работе была предпринята попытка изучения движения криптоанархизма как части анархической идеологии, а также выявлено влияние и роль деятельности последователей криптоанархизма в современном обществе.

Интересным для изучения криптоанархизма делает тот факт, что он не является анархическим течением в обычном понимании, а его проявления существуют только в сетевом пространстве: уникальная структура движения способствует необычному переносу всей анархической риторики не на традиционное общество, а на его отражения в сети «Интернет».

Криптоанархизм нельзя назвать единым движением — скорее, это набор определенных ценностей и взглядов, которые разделяет широкий круг людей. Согласно определению Усмана В. Чохана, криптоанархизм — это политическая идеология, ориентированная на защиту частной жизни, а также политической и экономической свободы личности. Идеологически движение преследует следующие цели: избавление от любых видов цензуры в Интернете; разработка методов защиты от государственной слежки за личностью в компьютерных сетях; уход от государственного вмешательства в экономику; создание новой экономической и социальной системы, основанной на блокчейн-технологиях.

Криптоанархизм предполагает, что математика сильнее человеческих норм и законов, поэтому движение бессмертно и будет актуально в любые времена. Также примечательно, что криптоанархисты не отрицают ни власть как таковую, ни само существование капиталистической экономики, как это делают практически все остальные анархические течения и чего требует классическая идеология анархизма в целом. Криптоанархизм подразумевает, что для достижения целей движения необходимо использовать криптографию, блокчейн и криптовалюты, и у истоков развития этих технологий стояли первые криптоанархисты — Дэвид Чаум и Тимоти Мэй.

В итоге получается, что криптоанархизм взял от анархической идеологии не так уж и много: отказ от государственного регулирования экономики и борьбу за свободу личности. Одновременно с этим

криптоанархизму не хватает какой-либо институционализации — у движения отсутствует как достаточное теоретическое обоснование, так и общность сторонников — течение включает в себя множество различных идей, поддерживаемых по большей части анонимными техническими специалистами. Мешает течению развиваться и тот факт, что при его разработке использовались идеи, присущие анархо-капитализму (одному из самых противоречивых и непроработанных анархических движений) — криптоанархизм буквально копирует анархо-капиталистические постулаты, а новшества привносит только в контексте цифровых технологий.

Спорно и влияние, оказываемое течением на политическую ситуацию в какой-либо стране. Криптоанархизм как часть анархической идеологии не выполняет одну из основных для анархизма функций — обучение и просвещение, а представители движения также напрямую не участвуют и в политической жизни. Поэтому, при наличии интересного концепта и достаточно необычной для анархической философии идеи, криптоанархизму не достает как теоретической проработанности, так и взаимосвязи с анархизмом в целом. Однако стоит отметить, что движение и его идеи могут быть использованы для дальнейшего изучения общества и социальных взаимодействий людей — с помощью моделей виртуальных государств и различного рода компьютерных симуляций, которые на сегодняшний день активно функционируют и способствуют политической самоидентификации причастных к ним людей, а также повышению политической культуры в целом¹.

Бродовская Е.В., Азаров А.А.
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

СОЦИАЛЬНОЕ НЕДОВОЛЬСТВО В РФ: ОПЫТ КЛАСТЕРИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

После начала специальной военной операции РФ на Украине в феврале 2022 г. актуализировалась задача оперативного мониторинга социальных настроений на федеральном и региональном уровнях. Одной из причин этого является активизация цифровой инфраструктуры, выстроенной оппозиционными и внешними акторами для усиления масштаба и силы социального недовольства населения, последующего стимулирования протестных установок и дезинтеграции российского общества.

Кластерный анализ был проведен с помощью языка R, был выбран метод *complete*, расчет кластеров в котором осуществляется на основе расстояния между самыми дальними наблюдениями кластеров.

Для формирования групп различных регионов России, объединенных схожим уровнем социальной напряженности и недовольства, был проведен кластерный анализ. Для этого были рассмотрены следующие значимые статистические региональные показатели: соотношение среднедушевого долга и зарплаты, объем задолженности перед банками на одного человека, отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, доля людей за чертой бедности и крайней бедности, социально-экономическое положение региона, финансовое благополучие жителей региона, уровень безработицы, количество расследованных преступлений по ст. 290 УК РФ (кол-во преступлений на 1000 человек), рейтинг влияния глав субъектов РФ, социальные расходы консолидированного бюджета на одного жителя, результаты последних выборов в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации (явка и количество проголосовавших за «Единую Россию»), результаты последних выборов в региональные законодательные собрания (явка и количество проголосовавших за «Единую Россию»), численность пользователей Интернета, доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету, оценка качества оказания электронных услуг населению. Указанный перечень показателей позволяет рассматривать сразу несколько различных предпосылок возникновения социального напряжения граждан. В общем случае каждый из этих элементов имеет незначительное влияние на настроения населения, но совокупное влияние двух и более элементов, как правило, вызывает существенный общественный резонанс и негативные настроения в случае значительного ухудшения рассматриваемых элементов.

Разделение по кластерам представлено на рисунке 1.

Кластер 1 характеризуется высокой степенью закредитованности населения, при этом объем кредитных средств является средним. Регионы данного кластера также характеризуются средним уровнем финансового благополучия, фактически совпадающим с медианным значением по стране, и достаточно низким уровнем безработицы. Регионы, входящие в Кластер 2, определяются самым высоким уровнем закредитованности населения, однако объем задолженности населения перед банками ниже медианного значения по стране. Также данный кластер отличается одним из самых низких показа-

¹ Подробнее читайте в работе: Брехов Г.С. Криптоанархизм: идеологическая основа технологии блокчейн // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 393–407. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-393-407.

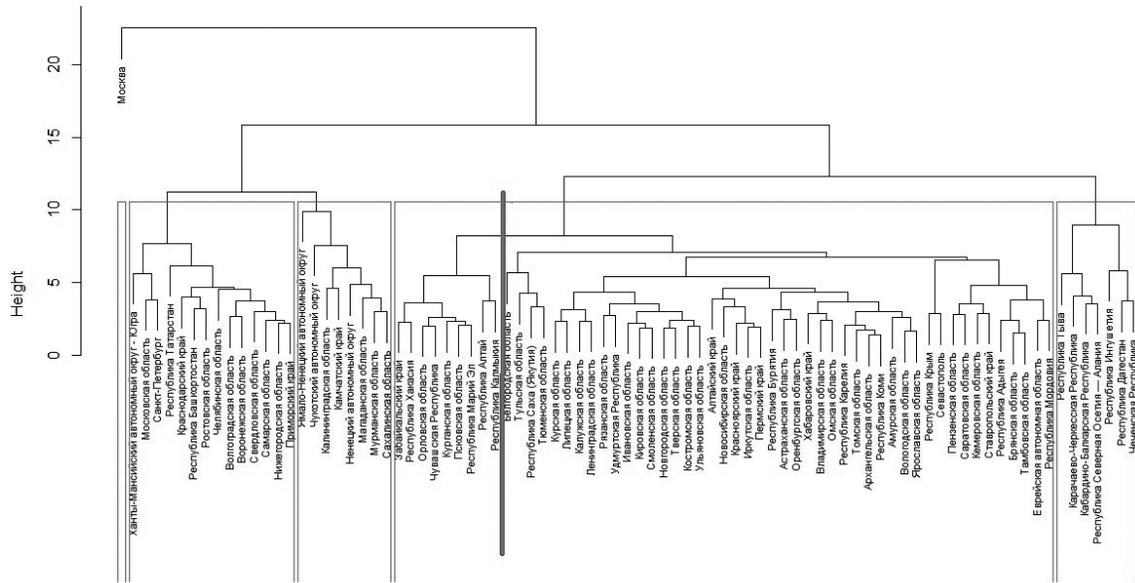

Рис. 1. Кластеризация регионов РФ по состоянию социального недовольства, репрезентированного в цифровых региональных сообществах

Источник: Эмпирические данные, полученные в ходе собственного исследования.

телей отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг. Вместе с тем уровень поддержки власти в данных регионах самый низкий. Так, наблюдается самый низкий рейтинг влияния глав субъектов РФ, а также низкие показатели явки на выборы в Государственную Думу. В Кластере 3 наблюдается самый низкий по стране показатель отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров, связанный с этим показателем — самая высокая доля людей за чертой бедности и крайней бедности и самый низкий интегральный балл по социально-экономическому положению. Очевидно, что эти регионы также демонстрируют самую негативную динамику вкладов населения. Ответными мерами Правительства Российской Федерации на указанные выше показатели привели к тому, что в рассматриваемом кластере наблюдается самая высокая по стране доля социальных расходов в суммарных расходах консолидированного бюджета, что также приводит к самой высокой по стране доле поддержки Единой России на выборах и к высоким показателям явки граждан. Регионы, входящие в Кластер 4, характеризуются самым высоким показателем объема задолженности перед банками на одного человека, при этом наблюдается высокое значение показателя отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг. В целом, все финансовые показатели регионов, входящих в этот кластер, находятся в верхнем квартиле аналогичных показателей по стране. Кластер 5, фактически представленный городом Москва, отражает самые высокие финансовые показатели по стране. Самая низкая закредитованность, при наибольших запасах населения на вкладах. Самые низкие показатели по безработице и лицам, находящимся за чертой бедности и крайней бедности. Однако показатели явки на выборы одни из самых низких среди выделенных кластеров. Кластер 6 отличается средними значениями абсолютно по всем как экономическим, так и социальным показателям, которые подлежали рассмотрению.

Бронников И.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ПАНСПЕКТРОН СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Всепроникающие информационно-коммуникационные процессы способствовали девальвации и снижению доверия к источникам информации, а многочисленные фейки и манипулятивные технологии только усилили данные пагубные явления. Количественные показатели медиапотребления наглядно демонстрируют масштаб существующих трансформаций. К примеру, на основании данных международного агентства «We are social» по состоянию на январь 2022 г. в мире насчитывается 4,95 млрд интернет-пользователей, которые проводят в онлайн около 7 ч ежедневно (в России этот показатель равен 7 ч 50 мин) (<https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022/>). Можно сказать, что мы воочию наблюдаем формирование образа жизни современного гражданина по формуле «8-8-8» (8 ч сон, 8 ч работа, 8 ч онлайн-жизнь).

Это приводит к тому, что возможности традиционных способов коммуникации исчерпаны и не отвечают новым инфотехнологическим вызовам. Государствами, медиакорпорациями, институтами гражданского общества осознана необходимость ускорения процессов «цифровизации всего». В связи с этим особую важность приобретает вопрос внедрения режимов наблюдения и контроля на новой государственно-медиакорпоративной основе. На сегодняшний день известно много теоретических наработок в области контроля и надзора за обществом (М. Фуко, Ж. Делез, М. Постер, Дж. Ланье, Г. Мейер, С. Жижек, М. Хардт, А. Негри, Т. Матисен и др.). Значимые аспекты новых видов наблюдения раскрывают исследователи цифровых платформ. К примеру, Ш. Зубофф говорит о «следающем» капитализме, который позволяет осуществлять скрытый сбор пользовательских данных. Н. Срничек указывает, что количественное увеличение цифровых действий пользователей способствует совершенствованию алгоритмов платформ.

Подобные тенденции приводят к тому, что на смену классическому паноптикуму приходит «панспектрон» (термин предложен М. Деланда). Панспектрон способствует трансформации всей системы слежения и мониторинга на новой инфосетевой основе. Другими словами, центр наблюдения (классический паноптикум) замещается множеством данных, камер, сенсоров, цифровых актов коммуникации, геоданных и т.д. В результате происходит постоянная фиксация поступающей информации с последующей интерпретацией данных релевантным задачам наблюдения (задачи могут быть очень разными). Важная особенность панспектрального наблюдения заключается в мониторинге и предугадывании поведения на основании оставляемых в социальных медиа пользовательских данных и цифровых следов.

Более того, показательным примером трансформации техники государственного наблюдения является интеграция систем видеонаблюдения в современных городах. Текущее положение дел по внедрению камер наблюдений и систем распознавания лиц впечатляет. В частности, Пекин — работает 1,15 млн камер видеонаблюдения, Шанхай — 1 млн, Лондон — более 620 тыс., Дели — 430 тыс., Шэньчжэнь — 400 тыс., Москва — 193 тыс., Санкт-Петербург — 55 тыс., Нью-Йорк — 31 тыс., Париж — 27 тыс., Берлин — 17 тыс. (<https://surfshark.com/surveillance-cities>). Государственные контракты на системы распознавания лиц в современных мегаполисах (особенно в Азии) стали заключаться на регулярной основе.

Итак, утопический интернет начала XXI в. завершается. Свободные технологии Web 2.0 и Web 3.0, которые позволяли создавать уникальные совместные проекты (Mozilla, Linux, Wikipedia и пр.), трансформируются в регулируемые национальные и/или корпоративные онлайн-пространства. На смену дисциплинарному обществу приходит панспектральный контроль, который состоит в повсеместном и постоянном сборе данных, пользовательской информации, на основании которых осуществляется мониторинг, предугадывание всяческих паттернов поведения, принуждение к регламентированным способам поведения, и, что имеет особо важное значение, граждане одновременно становятся и наблюдаемыми и наблюдателями. В панспектроне граница между наблюдателем и наблюдаемым размывается (самая мягкая форма — отслеживание активности друзей в социальных сетях).

Исследование выполнено при поддержке Министерства высшего образования и науки и ЭИСИ.

Бубнов А.Ю.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ПАМЯТЬ О РАСПАДЕ СССР КАК ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Спустя 30 лет после судьбоносного события распада Советского Союза можно наблюдать актуализацию памяти о нем, о чем свидетельствуют данные социологических опросов, дискуссии представителей разных политико-идеологических движений в социальных медиа. Очевидно, что осознание последствий распада СССР в публичном пространстве и формирование официального нарратива происходило постепенно. В 2005 г. В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию назвал «крушение Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой века». Это полностью противоречило оценкам, которые давал этому событию его предшественник. В более поздних выступлениях В.В. Путина чаще стало фигурировать словосочетание «развал СССР», определяемый теперь как срыв 1000-летней российской государственности и национальная трагедия.

Как показывает недавний опрос ВЦИОМ, 66% опрошенных считают, что распада СССР можно было избежать, 67% сожалеют о распаде СССР (в возрастной группе 35–44 — 64%, а в группе 45–59 — 80%). В то же время запрос на восстановление СССР не показывает такого единодушия, всего 49% скорее хотели бы восстановления, а 40% скорее не хотели бы. На вопрос о том, кто из российских политиков и общественных деятелей сделал больше других для сохранения всего лучшего, что было в СССР, 39% называют В.В. Путина, а еще 22% С.К. Шойгу (Распад СССР: восприятие россиян. ВЦИ-

ОМ. Отчет по результатам количественного исследования. 16–18 марта 2021. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/raspad-sssr-vosprijatie-rossijan> (дата обращения: 08.09.2022).

Из этих данных следует несколько выводов. С политической точки зрения для современного российского общества память о распаде СССР выполняет важную роль в поддержании общественного согласия и воспроизводстве лояльности политической системе. Поколения, пережившие катастрофу государства и распад единого цивилизационного пространства, формируют негласный консенсус, основанный на отрицании радикальных политических изменений в любом обличье. Структуры, обеспечивающие этот антиреволюционный консенсус российского общества, коренятся в специфике памяти о распаде СССР и ее воспроизводстве в российском публичном пространстве. Изучение динамики медиаобразов и нарративов о распаде СССР, которые конструируются в публичном дискурсе, дает понимание символических основ стабильности российской политической системы.

Один из вариантов осмысления памяти о распаде СССР состоит в обращении к концепции культурной травмы Дж. Александера (*Линченко А.А.* «Распад СССР»: этапы и стратегии конструирования культурной травмы в медийном дискурсе современной России // Социодинамика. 2019. № 1. С. 111). Действительно, распад СССР воспринимается устойчивым большинством граждан России в рамках нарратива катастрофы и это отношение последовательно закрепляется в официальном дискурсе и массовой медиа. Однако при всей соблазнительности аналогий, выстраиваемых в рамках модели культурной травмы, можно указать на ряд несоответствий. Представители подхода Дж. Александера и Р. Айермана изучали конструирование группами интеллектуалов травмы «меньшинств», как способ укрепить их идентичность через противопоставление большинству (индейцы и афроамериканцы в США). Однако распад СССР выступает как травма «большинства», что требует по-другому описывать логику акторов и выгодополучателей этой «травмы». Кроме того, степень произвольности в конструировании памяти о распаде СССР не столь велика с учетом того, что она отстоит сравнительно недалеко, в пределах коммуникативной связи двух поколений (в отличие от двух упомянутых выше кейсов). Иными словами, если это и случай культурной травмы, то случай уникальный, к изучению которого надо подходить без шаблонов.

Анализ информационного пространства показывает, что существует несколько крупных нарративов о распаде Советского Союза, конкурирующих за интерпретацию смысла произошедших переломных событий. Либеральный антисоветский нарратив рассматривает весь советский период как коллективную травму, а распад СССР как неизбежное и спасительное завершение. Националистический антисоветский нарратив, сходно интерпретируя советский период, распад СССР трактует как колоссальный удар по исторической российской государственности. Наконец, неосоветский нарратив сконцентрирован на распаде СССР как главной коллективной травме народа в XX в., в противовес националистическому, для которого главной травмой выступают события начала XX в., революция и Гражданская война. Где-то в точке схождения националистического и неосоветского нарративов о распаде СССР формируется неоднородное, но достаточно устойчивое патриотическое большинство, обеспечивающее стабильность российской политической системы.

Проект «Распад СССР как цивилизационный разлом: медиаобразы и дискурсивные практики» реализован в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А.
ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН

Гражданская идентичность личности — это основа гражданского самосознания в целом. Несомненно, что повышению уровня развития гражданского общества в условиях социокультурных изменений будет способствовать формирование высокой гражданской ответственности у каждого россиянина. В открытом информационном обществе все ускоряется процесс индивидуализации сознания, все меньшее количество людей идентифицируют себя и свои личные достижения с перспективами развития государства. В системе самоопределения человека сегодня преобладают личностные приоритеты, ощущение себя членом национально-государственного сообщества перестает быть жизненной необходимостью. По крылатому выражению У. Бека, современное общество становится «обществом риска». Очевидно, что в настоящее время крайне важно определить направления и формы консолидации интересов государства, общества и личности в создании новых общенациональных идентификационных ориентиров.

Сохранение российской идентичности требует решения ряда значимых социально-политических задач: повышения патриотического сознания россиян и активизации гражданского общества. Про-

странство системного формирования гражданской идентичности молодых, по нашему мнению, носит интегративный характер и состоит из следующих обязательных и взаимосвязанных компонентов: семья — молодежная политика государства — образование — общественные институты. В условиях общественной и политической трансформаций в России модель становления гражданской идентичности должна быть динамична и ориентирована на системное социокультурное взаимодействие общества и государства. Здесь нельзя исключать роль символической политики государства, которая предполагает, как отметил С.П. Поцелуев, сознательное использование эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрочения посредством создания символических «эрзацев (суррогатов) политических действий и решений». Очевидно, что символическая функция политики не сводится к производству идеологических конструкций, это публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном. Понятая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики государства.

Гражданская идентичность формируется в культурном поле в форме дискурсов и нарративов об истории национального сообщества, объединяющих его членов ценностями и представлениями о самих себе, определяя общее видение прошлого и будущего. Исследования опыта ее конструирования на примере разных стран доказывают особую роль в этом процессе практик формирования общего исторического дискурса. В рамках интегративного подхода мы видим историческую память граждан как важнейшую составляющую формирования гражданской идентичности личности, при этом конструирование представлений о прошлом используется как ресурс власти, в трансформирующихся обществах — в первую очередь именно в контексте строительства нации. Самосознание любого общества начинается с истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу гражданской идентичности народа в целом и каждого отдельного человека в частности. Неоспорим и тот факт, что наше сознание, в том числе и историческое сознание, подвержено воздействию как реалий повседневной жизни, так и образов, транслируемых литературой, искусством и средствами массовой информации. Историческая память становящегося поколения «ухватывает» эмоционально впечатление от тех или иных исторических событий в период социализации, не вникая в социальную суть события.

При формировании гражданской идентичности важно учитывать ценности национальной социально-политической культуры и интегрировать их в развивающееся пространство как ее устоявшиеся, так и стихийно возникающие элементы. Вместе с тем, власть и общественность должны отслеживать, осмысливать и контролировать процесс восприятия этих гражданских ценностей подрастающим поколением. Российское общество разнородно, высока степень сложности и мозаичности политической культуры. В связи с этим важно решить вопрос, какие же социальные группы станут лидерами процесса развития гражданского общества и насколько они готовы к этому. Такими группами могут быть как политическая элита, так и формирующиеся средние слои общества.

В процессе социализации гражданской личности и ее патриотических чувств трудно переоценить роль массовой культуры и спорта. Они способствуют национальной идентификации молодых, а значит, и формированию их гражданского самосознания. Особое место в становлении патриотических чувств занимают понятные и принимаемые молодыми россиянами предметы и символы национальной гордости.

Букин О.А.
РУДН, Москва

ПРАВОСЛАВИЕ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

В начале 2014 г. в Украине произошла так называемая «Революция достоинства», в результате которой в стране установился прозападный и националистический режим, не настроенный на сотрудничество с Российской Федерацией.

16 марта того же года в Крыму был проведен референдум о статусе полуострова, по итогам которого республика вошла в состав Российской Федерации, что еще больше осложнило отношения двух стран.

В результате этих событий жители юго-востока Украины, не поддерживающие новый националистический режим, приняли решение о выходе из состава страны, что привело к затяжному конфликту, известному как Война на Донбассе.

Русская Православная Церковь, как и правительство Российской Федерации, поддержала жителей Донбасса в их борьбе за независимость и только в 2014 г. собрала более 57 млн руб. на помощь донбасским беженцам¹.

¹ РПЦ собрала более 57 млн рублей для беженцев Донбасса в 2014 году // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20141223/1039781422.html> (дата обращения: 12.09.2022).

Отметим, что конфликт на Донбассе выразился не только в войне и политических разногласиях, но и в, наверное, крупнейшем (со времен Великой схизмы 1054 года) христианском расколе. Политические разногласия между Москвой и Киевом заставили последнего искать церковной самостоятельности от Московского патриархата. Так был запущен процесс отделения Украинской Церкви от РПЦ.

Началу официального процесса предшествовал ряд конфликтных ситуаций, связанных с захватом приходов, принадлежащих УПЦ МП (Московского патриархата), представителями непризнанных церковными структурами УПЦ КП (Киевского патриархата) и УАПЦ (автокефальной).

18 апреля 2018 г. президент Украины Петр Порошенко провел встречу с предстоятелями УПЦ КП, УАПЦ и УПЦ МП, на которой иерархи УПЦ КП и УАПЦ подписали обращение к Вселенскому Константинопольскому патриарху Варфоломею с просьбой о предоставлении томоса об автокефалии Украинской церкви. 5 января 2019 г. Вселенский патриарх Варфоломей подписал томос об автокефалии ПЦУ, передача которого предстоятелю ПЦУ митрополиту Епифанию состоялась на следующий день.

Синод РПЦ до предоставления автокефалии УПЦ, понимая, что дело идет к признанию Вселенским патриархатом независимости УПЦ, еще 15 октября 2018 г. объявил об антиканонических действиях Константинопольского патриархата и принял решение о разрыве евхаристического общения с ним, что и утвердил предстоятель РПЦ Патриарх Кирилл.

Полностью признали автокефалию ПЦУ только четыре православных церкви: Константинопольская, Элладская, Кипрская и Александрийская. Прочие православные церкви заявили либо о непризнании автокефалии ПЦУ, либо о желании провести всеправославный собор по этому вопросу. Так отдельно взятый политический и военный конфликт на территории Украины привел к крупнейшему расколу в православном мире.

Следующая важная веха в роли православия в Украинском кризисе началась в конце февраля 2022 г., когда президент Российской Федерации Владимир Путин объявил о начале Специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины. Руководство РПЦ и большая часть клириков полностью поддержали решение президента. Например, предстоятель РПЦ патриарх Кирилл призывал прихожан консолидироваться вокруг государственной власти в этот кризисный период, когда внешние силы, заинтересованные в ослаблении могучей и сильной России, пытаются использовать для этих целей братский украинский народ¹. За свою четкую и принципиальную позицию предстоятель РПЦ попал даже под санкции таких недружественных стран, как Великобритания и Канада².

Однако не обошлось и без ряда инцидентов, когда бывшие³ и действующие⁴ священники РПЦ выступали против проведения СВО. Эти клирики распространяли ложные сведения о Вооруженных силах Российской Федерации, за что и были привлечены к установленной законом ответственности.

Украинские события показали, что православие стало рычагом в политической борьбе, отражая переформатирование технологий политического взаимодействия.

Статья написана в рамках проекта #FSSF-2022-0040 «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации», реализуемого по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования науки РФ и ЭИСИ.

Буковская Н.В.
НИ ТГУ, Томск

НАУКА КАК ЭЛЕМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В современном обществе актуализируются вопросы о политической и гражданской субъектности науки, о научной дипломатии и экспертизе политико-управленческих решений. Все это заставляет обратить внимание на проблему взаимодействия науки с гражданским обществом, ее месте в структуре институтов гражданского общества и влиянии на гражданскую активность. Каким образом наука входит в структуру гражданского общества? В каких формах может происходить это взаимодействие? Прежде всего, в институциональном аспекте можно говорить об общественных организациях ученых

¹ Патриарх Кирилл: внешние силы пытаются внушить русским и украинцам «идею врага» // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/14008351?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 12.09.2022).

² Канада вслед за Британией ввела санкции против патриарха Кирилла // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2022/62c823a59a794741fc618ccb> (дата обращения: 12.09.2022).

³ В Петербурге экс-священник Курмояров стал фигурантом дела за фейки о ВС РФ // Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/a/2022/06/08/V_Peterburge_jeks-svjashhenni (дата обращения: 12.09.2022).

⁴ Костромского священника оштрафовали за дискредитацию российских военных // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220311/svyaschennik-1777635622.html> (дата обращения: 12.09.2022).

(неправительственных и некоммерческих), через которые выражается гражданская активность научного сообщества. Это могут быть сугубо научно-отраслевые организации, разного рода ассоциации на базе той или иной науки, или их комплекса. К их числу относится и РАПН (Российская ассоциация политической науки), и IPSA (Международная организация политической науки). Такие организации являются промежуточными образованиями, через которые может осуществляться как внутринаучная коммуникация, так и внешняя, — взаимодействие научного сообщества с властью, бизнесом, обществом. Они могут вырабатывать единое мнение по поводу тех или иных общественных событий или государственно-управленческих решений, по поводу проводимой политики в сфере науки и высшего образования. Есть организации, которые формируются по проблемному принципу и носят международный характер, например, «Пагоушское движение», объединяющее известных ученых в борьбе за мир, против ядерной угрозы.

Также существуют профессиональные организации научных работников и преподавателей высшей школы (профсоюзы), которые регулируют взаимоотношение ученых как наемных работников с администрацией или с собственником. В отличие от других категорий наемных работников, они не имеют богатой истории борьбы за свои права, так как осмысление фигуры ученого как наемного работника произошло не так давно в общественном сознании. Мы, например, часто слышим о забастовках в различных странах, которые проводят профсоюзы различных категорий работников авиа- или железнодорожных перевозок. Они демонстрируют отлаженный механизм действий по консолидации интересов. Однако примеров подобной активности среди научного сообщества и работников сферы высшего образования фактически нет. Однако и здесь постепенно накапливается опыт консолидации. Так, сотрудники высокотехнологичной и наукоемкой компании *Apple* в декабре 2021 г. объявили забастовку в связи с дискриминацией сотрудников по расовому признаку и условиям труда. И их требования были удовлетворены.

Субъект гражданского общества носит двухуровневый характер: личностный и ассоциированный. Поэтому наука в качестве элемента гражданского общества предстает не только в институциональном аспекте в виде общественных негосударственных ассоциаций, но и в виде отдельных личностей (ученых). Таким образом, ученые могут, как субъекты гражданского общества, вступать в любые ассоциации и не только сугубо научных сотрудников. Поэтому роль и влияние ученых на гражданское общество обеспечивается и личной активностью ученого в публичном пространстве. Особенно заметна роль ученых в движении зеленых, в экологических общественных организациях, в организациях по защите климата и т.п. Авторитет известных ученых используется не только политикой, но и гражданским обществом в решении определенных задач.

Насколько общественные организации в сфере науки препятствуют политизации или коммерциализации науки, способствуют расширению свободы научного творчества, защищают интересы научных сотрудников и есть ли специфика их функционирования — это вопросы, требующие исследования в контексте проблемы науки как элемента гражданского общества. Уровень гражданской активности ученых и ее виды зависят от политико-культурных и социокультурных факторов, от степени развитости гражданского общества.

Булавина В.Э.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Политическая наука, как и любая другая наука об обществе, никогда не стоит на месте. Она постоянно развивается, исследует закономерности, прогнозирует будущее. Это происходит с каждым элементом системы «политическая наука», в том числе и с политическими режимами. Известные науке режимы (можно рассмотреть самую распространенную классификацию: демократические, авторитарные и тоталитарные) не бывают статичными, поскольку каждый из режимов представляет собой длительный процесс. В условиях изменяющегося мирового порядка видоизменяются и режимы. Каждый из них претерпевает изменения по отдельности или, сливаясь в один гибридный режим, создает новый уникальный образец режима, характерного для отдельной страны. Поскольку именно демократия зарекомендовала себя как наиболее эффективный и справедливый режим, она стала считаться не только настоящей государственной ценностью, но и элементом «мягкой силы». В обстоятельствах глобальной турбулентности демократия сталкивается с кризисами и трансформациями, которые необходимо изучать политической науке. Именно этим и обусловлена актуальность работы.

Основной целью исследования стало установление настоящего состояния мировых демократических процессов, а также выявление возможных перспектив развития этого политического режима. Чтобы достичь цели, автор использовал различные эмпирические источники. Среди них результаты

политических исследований правозащитной организации *Freedom House*, статистика авторитетного проекта *Our World in Data*, данные официального сайта Совета Европы, а также самостоятельно проведенный автором социологический опрос среди студентов и преподавателей политических направлений СПбГУ, МГУ, ММУ и РГПУ им. Герцена.

В ходе исследования были сделаны следующие наблюдения и выводы. За последние 10 лет стало обнаруживаться снижение активности работы демократических институтов в большинстве демократий мира. Количество людей, обладающих демократическими правами, в последнее время резко сократилось: с 2017 по 2021 г. это число сократилось с 3,9 млрд до 2,3 млрд человек. Можно выделить несколько причин этому явлению. Среди них наиболее серьезной угрозой демократии является разочарование граждан в результатах работы демократических институтов. Не менее важными проблемами оказались появление и развитие «новых автократий», неоднородность и неопределенность демократической системы, «железный закон олигархии» Михельса. Что касается влияния глобальной турбулентности на развитие этого политического режима, то оно предстает в роли некоего испытания для демократии, которое решает ее будущую трансформацию. Факторы глобальной турбулентности, и внесистемные, и конъюнктурные, имеют серьезное воздействие на формирование перспектив существования демократической системы. В ходе исследования выяснилось, что наиболее положительное влияние может оказать такой фактор, как расширение способностей и возможностей граждан за счет повышения уровня образования, жизнеобеспечения. Развитие информационных технологий, транснациональные проблемы, гетерогенность акторов на мировой арене — эти аспекты также способны как можно более эффективно повлиять на модификации демократии и ее распространение в глобальном мире. Среди негативных условий турбулентности, которые вызвали кризис демократии и ее неопределенное положение на данный момент, выделяется ослабление гегемонии западных стран и падение их авторитета в мировой политике.

В итоге автором были сделаны выводы. Сейчас демократия переживает сложные времена и поворотные события, от которых зависит ее дальнейшее существование. Несмотря на глобальное переустройство мирового порядка, а вместе с ним и изменение соотношения политических режимов в мире, демократия действительно может достичь своего расцвета в будущем, поскольку для этого сейчас формируются необходимые условия. Например, прогресс в сфере искусственного интеллекта позволит сделать работу демократических институтов наиболее прозрачной, повысить степень участия граждан в политической жизни страны, а также искоренить основные существующие проблемы демократии, или уменьшить их негативное воздействие на работу системы.

Булуқтаев Ю.О.
ИФПР, Алматы, Казахстан

КАЗАХСТАНСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Триггером и катализатором внутриполитической турбулентности в Казахстане послужили Январские события 2022 г., во время которых погибло 237 человек. В Алматы и еще в 8 городах шли серьезные акции протеста, с попытками захвата акиматов и департаментов МВД и КНБ по схожему сценарию. *Взрыв социального протеста сопровождался недовольством представителей правящей элиты, часть которой стремилась воспользоваться ситуацией в собственных целях. Одна из наиболее распространенных версий — «это была попытка государственного переворота, направленная против Токаева, избранного президентом в 2019 году».*

До января 2022 г. первый президент страны Нурсултан Назарбаев оставался во главе Совета безопасности и партии «Нур Отан». По сути, было два центра управления страной, что порождало слухи и разговоры о двоевластии. С 5 января 2022 г. Касым-Жомарт Токаев, став председателем Совета безопасности, стал полноправным президентом РК де-факто и де-юре, приобрел властные полномочия для выведения республики из системного кризиса.

Последующие после Январских событий процессы в политической жизни Казахстана можно охарактеризовать как: «деназарбаевщину», «начало строительства Нового Казахстана», «активизацию в публичном поле отдельных персон из разряда элитариев, ныне обитающих за рубежом».

В июне был проведен Республиканский референдум о конституционной реформе, результаты которого показали, что Касым-Жомарт Токаев *может рассчитывать на высокий кредит доверия со стороны населения. Внутриполитическую ситуацию удалось стабилизировать, однако существовали риски нового обострения. Необходимо было предотвратить реванш тех сил, которые планировали осуществить захват власти в период «трагического января».*

В этих условиях ответом на вызовы внутриполитической турбулентности можно считать Послание народу Казахстана Президента Касым-Жомарта Токаева 1 сентября 2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество».

В своем выступлении Глава государства охватил широкий спектр актуальных вопросов, волнующих население. Это нехватка водных ресурсов, ремонт дорог, развитие медицины на селе, возврат неиспользуемых земель, пенсионная реформа и другое. Были озвучены конкретные меры по усилению государственной социальной политики: выделение значительных средств на развитие образования и здравоохранения, поддержку молодежи и сельского хозяйства, индексация всех социальных выплат, пересмотр возраста выхода на пенсию женщин, запуск проекта «Нацфонд — детям», трудоустройство 100 тыс. молодых людей, льготное кредитование молодых предпринимателей, решение проблем студенческих общежитий.

В политической части Послания Касым-Жомарт Токаев объявил о проведении внеочередных президентских выборов этой осенью и внеочередных выборов в парламент и маслихаты в 2023 г. То есть произошло обнародование графика будущих избирательных кампаний. При этом он отметил, что необходимо пересмотреть количество и продолжительность срока полномочий президента: «Я рекомендую ограничить срок полномочий президента одним сроком в 7 лет. Но переизбрание запрещено».

Очевидно, что очередные внеочередные выборы вызваны общественным запросом на реальное воплощение в жизнь идеи Нового справедливого Казахстана в условиях быстрых социальных и геополитических изменений. Цель предстоящего внеочередного электорального цикла — перезагрузка и обновление основных политических институтов президента, парламента и правительства.

Предложение Токаева провести внеочередные президентские выборы, сокращение мандата Президента и установление одного срока продолжительностью на 7 лет вызвало неоднозначную реакцию в рядах казахстанской оппозиции и социальных сетях. На заседании «Коалиции демократических сил» мнения дискуссионщиков разделились примерно поровну — часть выступила за бойкот выборов, другие делегаты предложили выставить на выборы единую кандидатуру от оппозиции. Среди оппонентов действующей власти можно выделить представителей как старой, так и новой волны.

Таким образом, Казахстан находится на пороге напряженного политического сезона. Будет ли он турбулентным, будет ли прервана политическая преемственность с эпохой Назарбаева, действительно ли начнется строительство «Нового Казахстана» с новыми правилами игры, с новой моделью управления государством, дающей больше возможностей для участия в ней простым людям, покажет время.

Бурлинова Н.В.
АНО «Креативная дипломатия», Москва

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

5 сентября 2022 г. указом Президента России была утверждена Концепция гуманитарной политики России за рубежом. Обновленный документ принят в сложное время, когда вся система публичной дипломатии России испытывает давление в связи с американскими и европейскими ограничениями в отношении ключевых российских институтов и организаций, отвечающих за гуманитарное сотрудничество. Санкции наложены на Россотрудничество, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Фонд «Русский мир», российские средства массовой информации, рядовые российские некоммерческие организации. Работа российских игроков публичной дипломатии если не остановлена совсем, то сильно осложнена финансовыми ограничениями и необходимостью все время решать многочисленные организационные проблемы.

В этих условиях, когда под удар попали ключевые российские структуры первой линии в области «мягкой силы», необходимо подключать «резервы». Такими резервами в системе российской публичной дипломатии могут стать российские регионы, обладающие большим структурным потенциалом и уникальными программными возможностями.

Регионы, являясь частью единой системы публичной дипломатии России, могут заниматься осуществлением публичной дипломатии на своем уровне. Проводить эту деятельность могут органы исполнительной власти субъектов (естественно, в соответствии с принципами единства внешней политики РФ и при ведущей и координирующей роли МИДа).

Публичная дипломатия регионов — системная активность регионов, т.е. набор конкретных акторов (региональные органы власти, некоммерческий сектор, университеты) и программ (проектов, мероприятий), которые регионы реализуют в области международных коммуникаций в рамках своих отведенных компетенций, установленных законодательством Российской Федерации.

Большие перспективы для межрегионального сотрудничества сегодня открываются на далеких страновых направлениях: Африка, Латинская Америка, азиатские страны. Регионам стоит использовать любую возможность участия в международных мероприятиях, где можно заявить о себе в туристиче-

ческом и культурном плане. Не стоит забывать о программе городов-побратимов, наоборот, расширять эту практику.

Сегодня в этой сфере перед российскими регионами открываются новые перспективы, поэтому необходимо подумать о том, как повысить эффективность своей работы в направлении гуманитарного сотрудничества. Тем более что на фоне сокращения международных контактов с Европой и Америкой повышается конкуренция за партнеров на других региональных направлениях.

Для того, чтобы быть конкурентоспособными в сфере публичной дипломатии, регионы должны крайне тщательно подходить к разработке и продвижению своего имиджа. Для того, чтобы быть интересными зарубежным партнерам и широкой аудитории, регионы должны очертить свой круг проектов и продвигать 1–2 флагманских проекта, чтобы подчеркнуть свою особенность в сфере истории, культуры, традиций, религии, географии и т.д.

К сожалению, не все российские регионы заинтересованы в развитии своей публичной дипломатии. Свежее исследование, проведенное АНО «Креативная дипломатия» при поддержке Российского совета по международным делам, показывает, что часть субъектов Российской Федерации не участвуют в реализации гуманитарной политики за рубежом ни в каком формате. Такие регионы не заинтересованы в новых перспективах и подчинены принципу невмешательства в международное сотрудничество, за которое, по их мнению, отвечает федеральный центр.

Пользу для себя и для страны в целом извлекут из текущей ситуации те субъекты, которые лишены страха инициативы и которые готовы продвигать российскую гуманитарную политику, несмотря ни на какие политические обстоятельства.

Правильность данного подхода подтверждает упомянутая выше Концепция — главный на сегодняшний день российский документ в области «мягкой силы», который закрепляет российские регионы как элемент российской системы публичной дипломатии и наделяет их возможностями участвовать в реализации российского гуманитарного сотрудничества.

Буров А.С.

МГУ им. М.В. Ломоносова, ИС ФНИСЦ РАН, Москва

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В контексте эскалации военно-экономического противостояния России и коллективного Запада в условиях проведения специальной военной операции на Украине все большую озабоченность вызывает проблематика реализации в российских суперрегионах Севера, Сибири и Дальнего Востока технологий политической дестабилизации, в особенности технологий, эксплуатирующих национальный контекст.

Так, в России наблюдается ряд устойчивых региональных очагов политической напряженности, связанный с дискурсом коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС).

В качестве интересантов и исполнителей таких дестабилизационных технологий, эксплуатирующих дискурс КМНС, выступает ряд различных по уровню политического и финансового влияния акторов. В первую очередь, речь идет о местных оппозиционных активистах, часть из которых осуществляют свою деятельность из-за границы при поддержке иностранных фондов, транснациональных корпораций, правозащитных и международных организаций. В реализации дестабилизационных технологий весомую роль играют международные организации коренных народов, которые позиционируют себя защитниками «угнетенных» коренных народов России. Кроме того, к самостоятельным интересантам необходимо отнести государства Арктики, а также военно-политический блок НАТО.

Основной целью реализации деструктивных политических технологий является *каскадная политическая дестабилизация* в стратегически важных суперрегионах Севера, Сибири и Дальнего Востока России в целом и регионах, которые находятся на их территории, в частности.

К задачам таких технологий относятся сдерживание экономического развития России через искусственное формирование *социального запрета* на добычу и продажу ценных ресурсов; достижение «внешнего» влияния на местную и региональную власть России в вопросах формирования *внутреннего и внешнего самоопределения*; геополитическое давление на Россию; системная дискредитация политики России в международной сфере; *размытие юрисдикции* Российской Федерации в ее арктических территориях, ограничение использования Северного морского пути и пр.

По мнению автора, эффективное исследование технологических особенностей политической дестабилизации в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока следует осуществлять через рассмотрение существующих региональных кейсов дестабилизационной деятельности.

В Северо-Западном федеральном округе технологии политической стабилизации преимущественно направлены на борьбу с деструктивной деятельностью норвежских саамских организаций. В Уральском федеральном округе стабилизационные технологии фиксируют и устраняют последствия целенаправленных провокаций в *Telegram*-каналах и социальных сетях. В Сибирском федеральном округе от стабилизационных технологий требуется решение конфликтов между КМНС и недропользователями. В Дальневосточном федеральном округе на территории приморских регионов от технологий политической стабилизации требуется преодоление общественно-политической напряженности, связанной с проблемами доступа КМНС к водным биологическим ресурсам.

Вместе с тем от стабилизационных технологий дополнительно требуется поддержка политического авторитета и позитивного имиджа региональных и местных властей. Особое место занимают технологии политстабилизации по преодолению негативного влияния в *YouTube*, где действуют провокационные видеопроекты и расследования оппозиционных активистов. Также от операторов стабилизационных политтехнологий требует особого внимания активная деятельность иностранных средств массовой информации, репортажи направлены на формирование протестных настроений в российском обществе.

В сложившихся условиях представляется целесообразным озвучить ряд предложений, направленных на противодействие технологиям политической дестабилизации, эксплуатирующих дискурс КМНС.

В частности, органам власти требуется уделить внимание достижению реальной эффективности государственной политики устойчивого развития КМНС; усилить роль мониторинга интернет-пространства и социальных сетей; развивать сильные аналитические центры по исследованию результатов такого мониторинга и формированию корректных рекомендаций для принятия взвешенных управленческих решений; организовать профилактическую работу с местными оппозиционными активистами.

В целом, со стороны властей необходимо применение комплекса мер по противодействию технологиям политической дестабилизации, которые могут как носить зеркальный (симметричный) характер, так и выходить за пределы «навязанных условий» и действовать превентивно на опережение политической обстановки.

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (проект «Факторы устойчивого развития российской государственности в контексте современных глобальных вызовов», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600330-2-5.9.1.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Бутенко В.
НИУ ВШЭ, Москва

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕС: ВНЕШНЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ЗЕЛЕННОГО КУРСА

В декабре 2019 г. Европейский союз представил всеобъемлющую стратегию, направленную на достижение климатической нейтральности к 2050 г., — Европейский зеленый курс (*European Green Deal*).

Невзирая на то что Зеленый курс охватывает довольно широкий круг вопросов, касающихся устойчивого развития, в его основе лежат энергетический и климатический переходы. Следует выделить несколько особенностей Зеленого курса. *Во-первых*, в качестве основной цели значится достижение климатической (углеродной) нейтральности ЕС к 2050 г. и, следовательно, повышение цели ЕС по сокращению выбросов парниковых газов к 2030 г. с 40% до, как минимум, 50–55%. *Во-вторых*, в основу политики ЕС в целом ставится климатическая нейтральность. *В-третьих*, социальная справедливость рассматривается в качестве ключевого принципа, обеспечивающего инклюзивность и справедливость энергетического и климатического переходов, в том числе с помощью механизма справедливого перехода (*Just Transition Mechanism*). *В-четвертых*, Зеленый курс нацелен на привлечение дополнительных ежегодных инвестиций в размере 260 млрд евро, в том числе в рамках Плана инвестиций в устойчивую Европу (*Sustainable Europe Investment Plan*).

Внешнему энергетическому измерению отводится важное место в рамках Европейского зеленого курса. В связи с этим из всего многообразия направлений Зеленого курса следует выделить три релевантных: декарбонизация газового сектора, развитие возобновляемых источников энергии, продвижение энергетических стандартов и технологий ЕС на глобальном уровне.

1. Декарбонизация газового сектора. 15 декабря 2021 г. Европейская комиссия опубликовала свои законодательные предложения, касающиеся декарбонизации газового рынка ЕС путем содействия ис-

пользованию возобновляемых и низкоуглеродных газов, включая водород. Предложенные Комиссией регламент¹ и директива² определяют условия для перехода от ископаемого природного газа к возобновляемым и низкоуглеродистым газам, в частности биометану и водороду, и укрепления устойчивости газовой системы.

Одной из основных целей является создание рынка водорода. Предполагается, что ЕС не только получит экономические выгоды, но и политические, поскольку сможет распространять собственные нормы и правила в данной области³.

Кроме того, предложенные Комиссией регламент и директива рассматриваются как акты, создающие условия для инвестиций и развития специализированной инфраструктуры, в том числе для торговли с третьими странами. Так, экспортеры ископаемых ресурсов в ЕС могут столкнуться с особыми экономическими и политическими проблемами, связанными с декарбонизацией, в ближайшие годы и десятилетия. Падение спроса на товары с высоким уровнем углерода окажет негативное влияние на их экономику, особенно если значительная доля экспорта приходится на ЕС. Вместе с тем декарбонизация открывает новые возможности для третьих стран. В частности, государства, способные поставлять в ЕС обезуглероженный газ, рассматривающийся как «переходное» топливо, выиграют, как минимум, в переходный период.

2. Развитие возобновляемых источников энергии. На энергетический сектор приходится более 75% от общего числа выбросов парниковых газов в ЕС. Развитие возобновляемых источников энергии в секторах европейской экономики является ключом к созданию интегрированных, эффективных и развитых энергетических систем, обеспечивающих климатическую нейтральность Европы.

Зеленый курс обладает потенциалом к преобразованию энергетического сектора и энергоемких отраслей за счет поощрения инвестиций в возобновляемые источники энергии и постепенного отказа от ископаемого топлива. ЕС следует рассмотреть вопрос о поддержке третьих стран в развитии их секторов возобновляемых источников энергии, возможно, в рамках более широких соглашений.

3. Продвижение энергетических стандартов и технологий ЕС на глобальном уровне. Важная задача Европейского союза заключается в продвижении собственных энергетических стандартов и технологий вовне. Одной из сильных сторон ЕС является внутренний рынок, делающий его одним из самых влиятельных игроков в мире. Следовательно, требование соблюдения строгих климатических и экологических норм в качестве условия доступа на рынок ЕС выступает сильным стимулом к принятию стандартов ЕС для стран-экспортеров.

Кроме того, зарождающийся рынок водорода, о котором речь шла выше, требует от ЕС разработки новых стандартов в этой области. Данные стандарты могут быть впоследствии использованы как основа для международного рынка водорода.

Возможность продвижения энергетических стандартов ЕС зависит от наличия ресурсов у развивающихся стран, необходимых для дорогостоящей модернизации, которая может потребоваться экспортерам для соответствия новым стандартам.

Таким образом, Зеленый курс, с одной стороны, затрагивает интересы ключевых поставщиков энергоресурсов в страны ЕС, а с другой — дает возможность для укрепления взаимовыгодных отношений.

Бучнев Е.В.
РГСУ, Москва

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ КАК ОТВЕТ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Совершенствование технологических процессов и моделей взаимодействия в информационном поле формирует новую область отношений между государством и населением. Развитие информационной составляющей для современного человека, его проникновение во все сферы жизнедеятельности поднимают ряд вопросов обеспечения безопасного нахождения в данном пространстве. Изменение роли государства как одной из сторон обеспечения безопасного использования цифрового пространства требует постоянного поиска баланса между обеспечением кибербезопасности в цифровом поле

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the internal markets for renewable and natural gases and for hydrogen (recast). COM(2021) 804 final // European Commission. 15.12.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2021%3A804%3AFIN&qid=1639665806476> (accessed: 07.03.2022).

² Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on common rules for the internal markets in renewable and natural gases and in hydrogen. COM(2021) 803 final // European Commission. 15.12.2021. — Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2021%3A803%3AFIN&qid=1639664719844> (accessed: 09.03.2022).

³ Романова Т.А. «Зеленый курс» и стрессоустойчивость энергетических отношений России и ЕС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16. № 3. С. 114.

и личностной свободой гражданина в демократическом государстве. Особое внимание необходимо уделить тем исследователям и политологам, которые рассматривают роль цифровизации в изменении политических процессов. Признавая интернет-пространство как часть социального пространства для различных идеологических и оппозиционных движений, а также отмечая его как одного из участников политического управления и информационной политики, они признают стремительность изменения цифрового пространства и необходимость его глубокого анализа.

Согласно законодательству РФ реализация национальных стратегий и программ, направленных на решение внутренних и внешних проблем, обеспечит благополучие и стабильное процветание российских граждан.

Стремительное развитие информационных технологий ведет к расширению охвата этими технологиями сфер собственной применимости. Подводя итоги прошедших десятилетий, можно отметить не только качественную трансформацию информационного пространства, но и его движение к трансграничности. Стоит отметить, что в настоящее время попытки ограничить национальное информационное поле не выглядят как неисполнимая мечта, а вполне конкретно используются многими странами в целях достижения тех или иных политических целей при общении с населением.

Отечественные политологи и исследователи проявляют интерес к формированию государственной стратегии присутствия в цифровом пространстве. Ряд исследователей отмечают изменение взглядов к теоретическому понятию национальной безопасности в процессе ответа на угрозы геополитического характера.

Российское законодательное поле не имеет четкого и структурированного понятия «кибербезопасность», часто заменяя данное понятие более общим «цифровая безопасность». Однако данные понятия не являются синонимичными. Скорость развития киберпространства и возможность его автономного существования позволяют авторам статьи говорить о том, что для обеспечения кибербезопасности, как части информационного пространства государства, все же требуются новые концепции и подходы, направленные на серьезное повышение умения к использованию информационных ресурсов, уровня интеллектуальной защищенности граждан, а также на их способность к формированию моделей психологического противодействия к недостоверной или заведомо ложной информации. В то же время ошибочно предполагать, что данная проблема позволяет пренебрегать требованиями и ответственностью за нарушение государственной политики, касающейся взаимодействия населения в цифровом пространстве.

Согласно Федеральному закону № 149-ФЗ и ряду других законодательно-правовых актов существует ряд мер, направленных на защиту и сохранение целостности информации как таковой. Прежде всего стоит отметить, что под защитой понимаются такие действия, которые направлены на обеспечение защиты самой информации от неправомерного доступа, уничтожения, видоизменения или модификаций, ограничения в ее получении, неправомерного дублирования, использования и передачи, а также реализацию права на доступ к информации. Последнее условие особенно интересно при рассмотрении второстепенной роли государства в цифровом пространстве.

Анализируя положительные аспекты развития данной концепции принятия политических решений, трудно оставить без внимания существующие проблемы доверия населения к различным цифровым технологиям. Проблема доверия власти ведет не только к легитимации существующего политического режима, но и к удовлетворенности деятельностью государственных структур. Отсюда нетрудно проследить взаимосвязь между доверием к государственным структурам и доверием к тем инструментам политического управления, которые данные структуры используют. Понимание роли государства в процессе обеспечения безопасного использования цифрового пространства ведет к формированию национальной модели защиты от киберугроз. Анализируя научную литературу по данной проблеме отечественных и зарубежных исследователей, можно составить ряд задач, поставленных перед государством в процессе обеспечения кибербезопасности:

- разработка международной концепции взаимодействия в цифровом поле в целях предотвращения глобальных киберугроз;
- использование цифровых технологий в ВПК;
- конвергенция киберфизических систем в систему политического управления и принятия политических решений;
- методологическое решение проблемы межсистемного характера киберугроз.

Развитие современных технологий приводит к серьезному проникновению информационного пространства в различные виды деятельности человека. Следовательно, существующие концепции проведения государственной политики, положительные по сути своей, должны быть также переосмыслены и стремиться к увеличению скорости реакции при возникновении угроз внутреннего или геополитического характера. Защищенность не только информации, но и состояния здоровья есть обязательная функция современного государства.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

На сегодняшний день достаточно объективным представляется тот факт, что молодое поколение россиян с момента начала военной спецоперации на территории Украины неоднозначно отреагировали и по-прежнему дают неоднородную резюмирующую оценку событиям, происходящим как на обозначенном территориальном пространстве, так и действиям коллективного Запада, диктуемым руководством Соединенных Штатов Америки, направленным на тотальную эскалацию украинского кризиса.

Сложность выявления, по отношению к настоящему вопросу, реальных показателей посредством изучения данных, предоставляемых различными исследовательскими группами и социологическими центрами в социальных сетях виртуального пространства, обуславливается наличием разной тематической направленности контента, в содержании которого эти показатели представлены. Вместе с тем общая суммарность результатов социологических опросов представителей отечественной молодежной среды, публикуемых на страницах соответствующих порталов и сайтов Интернета, показывает, что цифра не поддерживающих СВО России в Незалежной варьируется от 36 до 42% лиц в возрасте от 18 до 29 лет. От общего числа молодого поколения школьного возраста она составляет четверть. Со всей очевидностью следует отметить, что указанный численный сегмент российской молодежи выступает в качестве плодотворной почвы для деятельности агентурных сетей недружественных Российской Федерации стран на территории нашего государства, если необходимость в этой деятельности имеет место при наличии пятой колонны, предпринимая активной попытки вовлечения в свои ряды молодых людей.

В этом ключе достаточно уместной представляется солидаризация с позицией политолога И. Кузнецова, указывающего на тот факт, что диалоговая работа применительно к молодым российским гражданам по рассматриваемой тематике проводится в крайне недостаточном объеме. Именно такая точка зрения была освещена на странице информационно-аналитического портала Украина.ру 13 июля 2022 г.

По результату выявления мнений по данной проблеме представителей политически активной молодежи города Уфы можно, с допущением некоторой условности, отметить, что специальную военную операцию в украинском направлении одобряет подавляющее большинство уфимских молодых активистов. Меньшинство затрудняется ответить однозначно на поставленный вопрос. При этом настоящее меньшинство как ранее, так и сегодня относится к большинству относительно одобрительной позиции по трансформации однополярного мироустройства, предопределяемого потребностью перехода к многополярному формату международных отношений, а также всецело выступает за незыблемость внутреннего и внешнего суверенитета Российского государства, повышение уровня его величия и густоты на мировом пространстве.

По этой причине и с учетом сложившейся внешнеполитической обстановки целесообразным представляется осуществление в государственном масштабе процессов, направленных на политико-идеологическую консолидацию россиян молодого возраста, вовлечение их в ряды политически активной патриотически мыслящей молодежи. В этой сфере образовательные учреждения России должны занять весьма существенную, если не ключевую, то как минимум — краеугольную нишу.

В средних общеобразовательных учебных заведениях, помимо введенной работы по воспитанию уважения к государственным атрибутам, следует внедрить в школьную программу некий предмет политико-идеологической направленности, в рамках которого на фундаментальной основе гармонично сочетающихся исторических и современных объективных фактов передавать учащимся знания об истинности и значимости роли Российской Федерации на международной арене.

Немаловажным, наряду с научными дисциплинами, представляется введение соответствующего политико-идеологического учебного курса в вузах России по аналогии с научным коммунизмом, но отличающегося от него тем, что в качестве предметных областей изучения здесь могли бы выступать важность устремления граждан нашей страны к сохранению и упрочению целостности и единения российского общества, мобилизации усилий вокруг решения проблем по реализации всеобщего интереса, развития социумной коммуникации с молодежью дружественных государств с целью экспортирования общегосударственной политической позиции российской стороны в мировое пространство на разных социумных уровнях.

Резюмируя обозначенные выше моменты, следует отметить, что в результате реализации подобных нововведений на территории России начнет формироваться общество новой формации, состо-

ящее, в большинстве своем, из граждан, искренне любящих свою Родину, уважающих свое государство, стремящихся внести свой вклад и его процветание и готовых в любой момент встать на защиту суверенитета своей страны.

Васильева М.М.
МГЛУ, Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАЛАНС СИЛ: ВОПРОСЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА

На сегодняшний день отмечается концептуальная трансформация основ современного мироустройства. При этом вопросы соблюдения международного баланса сил вступают в противоречие с интересами международных акторов в области безопасности, подрывая равенство возможностей в стремлении к неделимости безопасности. Противоречие и нестабильность в соблюдении международного баланса сил начинают обуславливать непропорциональное наращивание мощи международными субъектами до пределов угрозы целостности и независимости всех или части субъектов международных отношений.

За последние 30 лет Россия неоднократно предпринимала попытки договориться с Североатлантическим альянсом о вопросах соблюдения неделимой безопасности на территории Европы. За это время с момента роспуска в 1991 г. Организации Варшавского договора 14 новых государствполнили ряды НАТО и приблизили таким образом к России границы стран–участниц НАТО на тысячу километров. Исторически блок НАТО создавался для противодействия влиянию СССР. В рамках первого саммита НАТО, который состоялся в Париже в 1957 г., по инициативе Великобритании была принята «двухколейная» стратегия (военная и политическая), включающая размещение ракет средней дальности в Европе. После распада Советского Союза Североатлантический альянс остался существовать, при этом постоянно разрастаясь и наращивая военное присутствие у границ России.

В «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов» (21 сентября 2002 г.) указывалось, что любое государство, которое захочет составить конкуренцию США, окажется с ними в состоянии войны. Против государств, представляющих в будущем опасность, в одностороннем порядке, без санкции Совбеза ООН, могут быть предприняты военные операции в качестве самообороны, носящей превентивный характер (идеи доктрины «Превентивной войны»).

Расширение НАТО на восток обусловили в Соединенных Штатах изменение официального вектора стратегии «сдерживания» на стратегию «расширения». В соответствии с новой стратегией Америка должна была «помочь демократии и рынкам распространяться и выживать в других местах», где она имеет «наиболее сильные интересы безопасности». В качестве средства достижения цели распространения рыночной демократии в Восточной Европе и России было избрано угрожающее интересам российской безопасности продвижение НАТО на восток.

Российская Федерация, будучи правопреемницей СССР, обладая военным потенциалом, сравнимым по ряду показателей (прежде всего в области стратегических вооружений) с потенциалом Соединенных Штатов, и являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, претендовала на сохранение статуса «супердержавы», а также на лидирующую, вместе с США, роль в мировой политике, в первую очередь в сфере международной безопасности.

После распада Советского Союза и завершения холодной войны механизм обретения баланса сил представлялся в снижении стратегических наступательных вооружений. Восприятие мироустройства носило противоречивый характер. Россия претендовала на удержание лидирующих позиций на мировой арене наравне с Соединенными Штатами с сохранением биполярной модели в сфере обеспечения безопасности. Сами Соединенные Штаты продолжали наращивать военное присутствие на территориях, представляющих угрозу интересам России. Политические элиты США не стремились налаживать и партнерские отношения с постсоветской Россией, а прикладывали все усилия для недопущения возможностей Российской Федерации установить контроль на постсоветских территориях, которые попали в зону американских интересов, а также стран–участниц НАТО. Приоритет виделся в том, чтобы «вытолкнуть» с мировой орбиты и втянуть в конфликт с соседними государствами, набирающими силу.

В рамках переговоров о подписании Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений также оставались вопросы, связанные с возможностью «возвратного потенциала», другими словами, даже после подписания Договора о разоружении оставалась возможность быстрого наращивания боевого потенциала до прежнего уровня за счет перевода боезарядов в резерв.

Озабоченности с российской стороны вызвала проблема «возвратного потенциала», т.е. количества боезарядов на развернутых стратегических носителях до прежнего уровня. Соединенные Штаты заяви-

ли, что сокращаемые по Договору СНП боезаряды не обязательно будут уничтожаться, а могут переводиться в резерв. Таким образом, в случае выхода из Договора обе стороны могут вновь установить эти содержащиеся в резерве боезаряды на стратегические носители. Но фактические возможности сторон для этого неодинаковы. Предполагается, что Соединенные Штаты будут производить сокращение количества оперативно развернутых боезарядов главным образом путем «разгрузки» разделяющихся головных частей. Российская сторона также вправе воспользоваться подобной процедурой, но дело в том, что, как уже отмечалось, большая часть российских межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет на подводных лодках с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (БРПЛ с РГЧ ИН) выработала свой ресурс.

Целые регионы, исторически принадлежавшие российскому государству, оказались объявленными зонами стратегических интересов США и ряда ведущих стран НАТО. Стратегической целью США является недопущение восстановления российской гегемонии в постсоветской Евразии. За Россией признается право быть просто субрегиональным центром силы, который должен быть бессилён против их совместных действий. Для достижения их целей важнейшей задачей является отвлечение ресурсов России от приоритетов политики в постсоветской Евразии.

Ваславский Я.И.
МГИМО МИД России, Москва

ГОСУДАРСТВО И РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Институциональное обеспечение рыночных отношений в современной экономике предопределяет не только экономический рост, но и социальную стабильность, преемственность поколений, действенность договора между обществом и государством и многое другое. Однако сфера экономики является доминирующей, поскольку именно уровень ВВП и его годовые темпы роста предопределяют те нормы жизни, на которые могут рассчитывать граждане. Этот факт является особенно актуальным в 2022 г., поскольку экономическая динамика в мире отличается скорее стагнацией, чем ускоренным ростом. Дарон Асемоглу выражает эту мысль следующим образом: «...понимание институциональных изменений в мире является ключом к пониманию причин начала мирового экономического роста более 200 лет назад» и его перманентного сокращения, начиная с глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. (*Асемоглу Д.* Введение в теорию современного экономического роста: В 2 кн. Кн. 1. М.: Дело, 2018. С. 209).

Мотивация деятельности бизнес-структур со времен Д. Норта не изменилась: их стремление минимизировать транзакционные издержки в процессе реализации рыночных сделок предопределяется диалектикой взаимодействия формальных и неформальных институтов (*North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990*). Спецификацию прав собственности государство реализует в соответствии с его функцией служить обществу с максимальной отдачей (экономической). Однако на самом деле все меняется и требует модификации устоявшихся общественных структур. С течением времени заведомо эффективные институты на определенных этапах экономического роста становятся неприемлемыми в рыночной ситуации со стагнирующими темпами экономической динамики. Более того, ясно, что универсальных эффективных формальных институтов, приемлемых для любого общества, в котором реализуется агрегирование индивидуальных ценностей, быть не может. Получается, что каждое общество вынуждено решать проблемы реализации общественного выбора, исходя из национальной специфики, предопределенной как экономическими, так и социально-политическими обстоятельствами.

Логика представленного исследования основана на том, что государство должно выполнять роль центра в сложном специализированном и интегрированном обществе экономических агентов с особой национальной спецификой, а также учитывать их стремление сократить объем транзакционных издержек с опорой на государство и его формальные институты (*Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю.* Государственно-частное партнерство: институциональный подход. М.: Аспект Пресс, 2019). Именно в этом качестве они необходимы экономическим агентам, поскольку позволяют воспользоваться формальными институтами, сформированными государством, для максимизации своей прибыли за счет сокращения транзакционных издержек и спецификации прав собственности.

Тем не менее реально существующие сегодня национальные сообщества дают диаметрально противоположные социально-экономические результаты только по причине фундаментальных различий в их институциональных структурах. Отсюда следует важный вопрос: почему одни национальные сообщества коллективно предпочитают формальные институты, обеспечивающие экономический рост, а другие голосуют за институты, предопределяющие экономический застой? Если этот вопрос адаптировать к современным реалиям, то он распространяется на причины институционального характера,

которые обуславливают торможение темпов экономического роста на всем глобальном пространстве после мирового финансового кризиса 2007–2009 гг.

В этой ситуации можно предположить, что экономическая стагнация обуславливает возникновение неформальных институтов, которые обеспечивают расширение сферы распространения теневого бизнеса, сокращение среднего класса, увеличение социально-экономического неравенства граждан и кардинальное изменение ценностных ориентиров граждан, обреченных на нищету с соответствующими стандартами жизни. Другими словами, в условиях экономической стагнации государство утрачивает возможность сформировать структуру формальных институтов, способных сократить ареал распространения неформальных институтов, обеспечивающих иррациональное антисоциальное поведение экономических агентов. Становятся трудноразрешимыми проблемы адекватного агрегирования индивидуальных ценностей и обеспечения рационального общественного выбора в национальных сообществах.

Ватиль В.Н.

ГрГУ им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

1. Информационный суверенитет страны — социально-политический феномен, находящийся в эпицентре практического и теоретического внимания. Повышенный исследовательский интерес к нему обусловлен, с одной стороны, фактором возрастания значимости места и роли информационного суверенитета в достижении стратегических целей общества, государства и личности, с другой — наличием неопределенности в познавательной интерпретации понятия «информационный суверенитет», возникшей под влиянием усиления глобальных геополитических турбуленций и технологических трансформаций, прежде всего цифровых.

2. Нарастающая цифровизация в лице глобальных цифровых платформ ощутимо влияет на традиционные институты взаимодействия власти и общества. Попадая под их воздействие, привычные политические практики меняют свой информационно-коммуникативный облик, что, как следствие, вызывает изменения характера деятельности устоявшихся структур. Прежде всего — институтов государства. Усиление процессов глобальной и региональной турбулентности, конкуренции за мировое информационное доминирование принципиально изменяет как сам миропорядок, так и обычные методы контроля и регуляции политического пространства.

3. Суверенитет мы понимаем как взаимосвязанный политико-правовой феномен, в котором политическая сторона представляет собой возможность и способность субъекта высшей государственной власти самостоятельно создавать и реализовать полноту своих полномочий и компетенций во внутренней и внешней политике государства, а правовая — утверждает политическую обособленность и независимость страны посредством различного уровня государственных органов власти и системы законодательных норм и подзаконных актов.

4. Информационный суверенитет страны — это верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве (Концепция информационной безопасности РБ). Информационный суверенитет означает право и возможность государства: а) контролировать критически важные информационные потоки и данные; б) самостоятельно определять свою информационную политику, распоряжаться инфраструктурой и ресурсами, обеспечивать информационную безопасность; в) транслировать и сообщать свою точку зрения на внутренние и общемировые процессы всем целевым аудиториям в своей стране и за рубежом; г) предотвращать распространение информации, направленной против государственных и национальных интересов.

5. Государственная политика информационного суверенитета представляет собой деятельность государства по осуществлению самостоятельной информационной политики на основе национальных законов и принятых норм международного права в информационной сфере с целью обеспечения внутренней информационной безопасности личности, общества и государства и национальной независимости в глобальном информационном пространстве.

6. Основными путями реализации государственной политики в сфере информационного суверенитета являются: 1) определение геополитических информационных интересов страны в условиях глобальной турбулентности; 2) создание национальной нормативно-правовой базы, гарантирующей информационный суверенитет личности и общества, а на международной арене — участие в создании и развитии норм международного права в сфере обеспечения информационного суверенитета государства; 3) образование национальных защищенных информационных сетей и систем, способных безопас-

но взаимодействовать с глобальным информационным пространством; 4) создание собственных сил и средств в области информационно-коммуникационных технологий; 5) формирование информационных военных и специальных сил, оснащенных современными средствами информационно-коммуникационных технологий для достижения целей и решения задач информационного противоборства; 6) осуществление всесторонней дипломатической деятельности по обеспечению информационного суверенитета страны на международной арене; 7) контроль информационных потоков, циркулирующих внутри страны и поступающих извне, а также деятельности внутренних средств массовых коммуникаций с целью ограничения информации, которая пропагандирует чуждые ценности и наносит ущерб интересам государства, общества и личности.

Вафин А.М.
Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва

ИДЕОЛОГИЯ ЧИНОВНИКОВ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

У слова «идеология» множество определений разного характера. Под идеологией мы будем понимать неполитическую систему идей, закреплённую в нормативно-правовых актах, затрагивающих государственную службу.

Выдающийся социолог Макс Вебер отмечал, что чиновник, бюрократ в современном мире — это беспристрастное аполитичное существо, в то время как политик — яркий борец за чувства и симпатии народных масс. Политик исполняет волю людей, а чиновник, подобно солдату, исполняет волю политиков.

Казалось бы, политическая идеология изгнана из мира и сознания европейских бюрократов. Формально нет ее и в российском стиле менеджмента госслужащих. Однако, если нет идеологии политической, это не означает, что нет идеологии неполитической, неявной системы идей, которая отчетливо прослеживается в этических кодексах государственных служащих.

Отдельный случай — Китайская Народная Республика, государство, базирующееся на коммунистических идеях. По сути, в КНР политическая идеология переплетается с неполитической, когда речь заходит о государственном управлении.

* * *

Система государственной службы в Китае в ее современном виде стала формироваться в 1990-х годах с принятием «Временного положения о государственных гражданских служащих» в 1993 г. До его принятия отношения между государственными кадрами и общественностью выражались формулой «слуги народа», концепция государственной службы отсутствовала. Положение определило базовые принципы государственной службы, права и обязанности служащих, порядок принятия на службу и иные организационные вопросы. Основным стремлением было создание конкурентной унифицированной системы госслужбы.

Первый Закон о государственной службе был принят в 2005 г. с целью повышения эффективности государственного управления и искоренения коррупции.

Государственные служащие в Китае являются частью кадрового состава Коммунистической партии Китая; термин относится к лицам, которые выполняют государственные обязанности в соответствии с законом и были включены в штат государственного административного персонала и чья заработная плата и социальные гарантии покрываются из государственного бюджета. В отличие от практики во многих западных странах, государственная служба в Китае включает в себя самых высокопоставленных политиков, таких как премьер, вице-премьер, государственные советники, министры и губернаторы провинций, вице-министры и вице-губернаторы и иные руководящие должности.

Идеологическая составляющая государственной службы в соответствии с новым законом базировалась на идеях марксизма-ленинизма, учении Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина и концепции тройного представительства, сформулированной Цзян Цзэмином в 2002 г.

В 2019 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая издал «Положение об отборе и назначении руководящих кадров партии и правительства». В нем устанавливается необходимость следования идеалам социализма.

Руководящие кадры партии и правительства должны иметь твердые убеждения, служить народу, быть прилежными и прагматичными, осмеливаться брать на себя ответственность, быть «честными и чистыми», усердно работать, говорить правду, добиваться практических результатов; обладать сильным чувством революционной приверженности, политической ответственности и исторической миссии, иметь дух и способность к борьбе, иметь практический опыт и обладать организационными способностями, культурным уровнем и профессионализмом, чтобы быть компетентным в руководящей работе.

Высший орган, следящий за дисциплиной, — Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины, созданная в целях борьбы с коррупцией. Влиятельность этого института остается под вопросом. Исследователи отмечают, что в последнее время наблюдается тренд смещения от «воззваний к совести и морали» к более жесткому управлению (*hard policy*). Если раньше традиционным подходом китайского руководства было «призвание государственных служащих к честному несению службы на благо китайского народа», то с приходом к власти Си Цзиньпина высшее руководство страны издало целый свод правил, ограничивающих все виды расходов на чиновников. Цель: привить чиновникам скромный образ жизни.

* * *

Говорить о том, что в коммунистическом Китае господствует одно единственно верное мнение, — идти против правды. Китай интеллектуально многообразная страна. Безусловно, имеются перегибы как практического, так и идеологического толка. Коммунистическая идеология, так или иначе, доминирует. Однако китайский опыт показывает, что идея служения обществу может (и должна) закрепляться в юридических документах. Государственный служащий не сам по себе, не для государства, а государственный служащий для народа — это ли не то, о чем мечтает каждый гражданин и патриот?

Великая А.А.
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ США

США в ряде развивающихся и постконфликтных стран активно используют стратегическое консультирование и институциональное развитие (далее — СКИР), декларируемые задачи которых — укрепление госуправления, создание инфраструктуры, поддержка безопасности и стабильности, развитие образования и здравоохранения, стимулирование экономического роста, оказание гуманитарной помощи. Стратегическое консультирование и институциональное развитие взаимосвязаны, поскольку предполагают направление в зарубежные страны американских советников, которые будут действовать посредством укрепления демократизации, привлечения военных и полицейских контингентов, гражданских администраторов, оказания гуманитарной помощи, осуществления экономической стабилизации и развития инфраструктуры. Данные инструменты применяются для политических и экономических преобразований развивающихся и постконфликтных стран в соответствии с интересами США, при этом они используются Вашингтоном для расширения американского влияния.

Американцы рассматривают институциональное развитие как способ развития народов, институтов, обществ. Программы СКИР подразделяются на национальные правительственные (зарубежные партнеры — министерства обороны, юстиции), локальные (зарубежные партнеры — городские администрации, отделения полиции, школы) и гражданские (зарубежные партнеры — СМИ, женские организации, профессиональные сообщества). При этом программы СКИР не являются «благотворительностью», поскольку большинство из них осуществляется за счет американских налогоплательщиков, проводимые в зарубежных обществах реформы направлены на продвижение экономических и политических интересов США. Система СКИР неотделима от гуманитарных интервенций, своеобразного американского понимания «ответственности по защите».

Можно сказать, что практика американской системы стратегического консультирования и институционального развития восходит к XIX в. В современном виде она существует с 1940-х годов, хорошо отработана и направлена на противодействие влиянию конкурирующих стран.

В целом американская система институционального развития и стратегического консультирования ориентирована на политические и экономические задачи США. Роль американских советников в продвижении интересов США существенна и повсеместна: от Украины и Сирии до Сомали и Гаити.

Американские советники используют принцип «*local ownership*» — местные контрагенты должны считать рекомендуемые им решения найденными ими самими. По сути, именно американцы являются инициаторами реформ, прописывают планы их реализации и стратегии контроля, однако при этом ведут себя не как лидеры, а как помощники (*supporters*), демонстрируя эмпатию и деликатность.

Система СКИР тесно связана с другими инструментами американской гуманитарной политики: публичной, научной и культурной дипломатией, образовательными обменами, содействием международному развитию. Для обоснования межведомственной кооперации в данном вопросе Вашингтон в 2011 г. ввел две концепции «3D» — *development, diplomacy, defence* — «Защита, дипломатия, оборона»

и «DIME/DIMEFIL: Diplomacy — Informational — Military — Economic — Financial — Intelligence — Law/Legal» — «Дипломатия — Информационные ресурсы — Военные ресурсы — Экономика — Финансы — Разведка — Правопорядок», призванные синхронизировать межведомственное взаимодействие при осуществлении американских программ стратегического консультирования и институционального развития. Однако шаги Вашингтона демонстрируют, что в этих двух концепциях военно-оборонные компоненты становятся главенствующими, подчиняя дипломатически-девелопменталистские аспекты: стратегическое консультирование и институциональное развитие становятся прерогативой Министерства обороны США, которое получает ряд функций Государственного департамента, ограниченного в персонале и ресурсах. Представляется, что практика использования американцами СКИР будет расширяться, а ее ориентация на интересы военной безопасности будет прослеживаться все четче.

Для России изучение данного американского внешнеполитического инструмента представляется актуальным, поскольку США активно используют СКИР в регионах, приоритетных для российских интересов, — от постсоветского пространства до Ближнего Востока, изменяя баланс сил в свою пользу, выстраивая доверительные отношения с элитами и чиновниками среднего звена и проводя в этих странах реформы, направленные на укрепление влияния Вашингтона.

Вепрев Е.А.

УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

ГЕОПОЛИТИКА АРКТИКИ: ПАРАДИГМЫ, АСПЕКТЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

Поляризация мирового сообщества, усилившаяся в результате событий последних месяцев, стала еще одной — наряду с пандемией COVID-19 — демонстрацией того, что закон планетарного дуализма классической геополитики продолжает проявлять себя в международных отношениях, причем все более явно (Комлева Н.А. Геополитические последствия пандемии COVID-19 // Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А.В. Абрамов, В.Э. Багдасарян и др. // Вестник Московского гос. обл. ун-та. 2020. № 2. С. 51–56). Такое положение вещей не может не повлиять на характер освоения Арктики, которое является для главных игроков мировой политики делом ближайшего будущего. Несмотря на «нестандартность» полярных пространств в рамках данной теории, представители евразийской и атлантистской школ все же наделяют их конкретным статусом (Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр. 2000. С. 176–177, 269–270). В то же время ключевое место в современном взгляде на регион занимает геоэкономика, для которой значение имеют не географические «корни», а экономическая реальность в ее пространственных локализациях. Претензии на северные богатства неарктических стран выражены именно в ее дискурсе, уравнивающим их в статусе с циркумполярными державами. Таким образом, наблюдается столкновение самих парадигм внутри геополитики. На практике оно выражается в возникновении двух главных линий напряженности: первая — в кругу Арктической пятерки (Россия и Запад как планетарные цивилизации); вторая — между «исконными хозяевами» региона и удаленными от него акторами.

Геополитический спор, кроме того, проявляется в дискуссиях относительно правового статуса Арктики, где выделяется два основных подхода: принцип полярных секторов, выражающий «континентальную» точку зрения и соответствующий интересам стран Пятерки, а также идея интернационализации региона (в различных формах), развивающая атлантистский/геоэкономический взгляд и отвечающая устремлениям неарктических игроков (Макагон А.В. Основные концепции, коллизии и правовые основания международного режима Арктики // Океанский менеджмент. СПб.: Агентство морского права. 2019. № 1 (4). С. 5–6). Современная основа правового режима данных пространств — Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. — соответствует «геополитике Римленда», поскольку предоставляет значительные возможности обоим лагерям. Однако ее полноценное применение является затруднительным, что создает почву для новых дискуссий (Барановский В.Г., Богатуров А.Д. Современные глобальные проблемы. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 217, 340–341).

Для укрепления позиций в Арктике России необходимо развивать традиционно отмечаемую в евразийской геополитике «триаду аспектов»:

- военно-стратегический: подготовка ответа на возможную милитаризацию со стороны НАТО;
- социально-экономический (приоритетный): развитие Северного морского пути, создание инфраструктурных, производственных, сервисных и научных связей Арктической зоны с субъектами Урала, Сибири и Дальнего Востока;
- духовно-цивилизационный: развитие экологического и этнического туризма, сохранение культуры коренных малочисленных народов, их включение в культурно-экономическое самоуправление.

Ключевое значение в региональной конфигурации международных отношений имеет геостратегический треугольник «РФ—США—КНР», где каждый полюс по какому-либо фактору противостоит двум другим. Партнерство с Китаем приобретает особенное значение для России при формировании «континентального блока»; взаимодействие с США — для сохранения особого положения циркумполярных держав.

Поскольку концепция «полярных секторов» не имеет под собой реальных юридических оснований, необходимо разрабатывать возможную альтернативу, которая обеспечила бы преимущественные права и полномочия Арктической пятерки, — например, режим целевой юрисдикции: закрепление за данными странами права издавать недискриминационные законы для обеспечения экологической безопасности, распространяющиеся на всю акваторию Северного Ледовитого океана. Для обоснования таких привилегий необходимо предпринять дипломатические усилия по продвижению исторического титула приполярного государства (*Макагон А.В.* Основные концепции, коллизии и правовые основания международного режима Арктики. С. 7–9) и расширенного толкования статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву (Арктическая политика России: международные аспекты: Доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / С.А. Караганов, А.Б. Лихачева, И.А. Степанов, Д.В. Суслов и др. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. С. 5–7). Однако «общего наследия человечества» может и не быть, если по решениям Комиссии по континентальному шельфу Северный Ледовитый океан удастся разделить полностью, поэтому в связи с таянием льдов и усилением конкуренции со стороны неарктических стран процесс делимитации должен быть ускорен.

Вербицкая Т.В.

УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

ЗНАЧЕНИЕ ПОДДЕРЖКИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ГОСУДАРСТВА ДЛЯ БЛАГОПРИЯТНОГО РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И СОХРАНЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ЛОЯЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

В современных условиях геополитических вызовов и угроз при трансформации системы международных отношений на глобальном и региональном уровнях происходит переосмысление политических процессов, кризисов прошлых эпох для поиска исторических параллелей и определения путей укрепления позиций государства на международной арене, включая успешное для страны разрешение геополитического конфликта. Изучение международных геополитических конфликтов прошлого, одной из сторон которых была Россия (Северная война 1700–1721 гг., Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853–1856 гг.), позволяет установить, что политико-экономическая элита всегда была опорой государства, что обеспечивало успешное (или с наименьшими потерями) разрешение для России таких конфликтов и сохранение поддержки общества. Каким образом политико-экономическая элита вносила значимый вклад в разрешение указанных геополитических конфликтов?

1) Обеспечение поставки (за счет ускоренных темпов производства) необходимого оружия и военной техники. Так, известный факт, что тульский оружейный мастер Никита Антупьев Демидов обязался поставить усовершенствованные им фузеи по рублю на нужды Северной войны, которые он должен был производить на Верхотурских заводах, описанных ему Петром I. Он не только выполнил заказ, но и стал производить столько железа, что с 1716 г. был налажен экспорт данного металла, что позволило государству пополнять казну в условиях вооруженного конфликта (Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 1. Л. 9).

2) Оказание финансовой помощи. На нужды Крымской войны по несколько сотен тысяч рублей пожертвовали Демидовы, Исуповы и Яковлевы. Также Анатолий Николаевич Демидов пожертвовал 500 тыс. рублей в пользу Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, направлял лекарства и другие санитарные средства для российских военнопленных за рубежом, содействовал их обмену (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 385. Л. 12–13).

3) Непосредственное участие в вооруженном конфликте, а также снаряжение воинов. Так, Николай Никитич Демидов проявил храбрость на поле боя во время Отечественной войны 1812 г., будучи шефом снаряженного им 1-го Егерского полка в ополчении Московской военной силы, за что был удостоен ордена Святого Владимира (Российский государственный архив древних актов. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 1. Л. 16).

Все указанные достижения доводились до сведения общественности посредством СМИ (статьи об их подвигах и жертвованиях были опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях»), что вы-

зывало резонанс, поскольку горнозаводчики Демидовы за XVIII — начало XX в. приобрели известность как меценаты, государственные и общественные деятели. Своей благотворительной деятельностью известны были также Исуповы и Яковлевы.

Такая поддержка государства в условиях вооруженных конфликтов со стороны известных личностей, которые делали намного больше, чем было положено им по статусу или государственному контракту, вызывало в обществе воодушевление, чувство единства и сплоченности, желание внешнеполитической победы и готовность внести в нее свой вклад. И в том числе по этой причине, несмотря на то, что итоги Крымской войны не были для России благоприятными, А.М. Горчакову удалось добиться наименьших потерь.

Постоянное сообщение посредством СМИ как о подвигах российских военнослужащих, так и вкладе известных государственных и общественных деятелей в успех реализации Россией избранного внешнеполитического курса также позволит сохранять социальную консолидацию и не допустить того, чтобы те силы, которые добиваются негативной оценки решений власти, не получили общественной поддержки.

Таким образом, для успешного (или, по крайней мере, с наименьшими, насколько возможно, потерями) выхода страны из международных геополитических конфликтов существенную роль всегда играло взаимодействие государства с политико-экономической элитой, фактически становящейся опорой власти, выполняющей ряд функций. Представители элиты, среди которых выдающиеся государственные и общественные деятели, известные в социуме своей благотворительностью, оказывают материальную и духовную поддержку, лояльность действующей власти и избранному политическому курсу. О такой поддержке общество информируется посредством СМИ, что обеспечивает его конформизм посредством осознания сплоченности против внешних вызовов и угроз и возможность сохранения лояльности социума даже в случае неблагоприятного разрешения конфликта. Именно поэтому и в настоящее время выступление известных государственных и общественных деятелей в поддержку внешнеполитического курса России обеспечивает консолидацию социума против внешних вызовов, готовность и желание оказать помощь пострадавшим и отсутствие сплоченности в рядах тех, кто публично выражает несогласие с принятыми внешнеполитическими решениями, формирование их негативного имиджа.

Веретевская А.В.
МГИМО МИД России, Москва

КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ В РАЗЛИЧНЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ: ОЦЕНКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ

Категория «политический порядок» имеет любопытную историю в пространстве политической науки. Термин «политический порядок» появляется и находит распространение в работах западных ученых периода конца холодной войны. Концепции порядка, возникающие в этот период, как правило, представляют собой идеологическую альтернативу доминирующему системному (структурно-функциональному) подходу. Современное развитие международной ситуации выводит эту категорию в политологический «мейнстрим» и в пространство российской политической науки.

Структурный функционализм при своей внешней (институциональной) универсальности на самом деле имеет в себе элемент нормативности. Политическая система может выглядеть несостоятельной, если структурно она отличается от некоего «работающего» или просто «привычного» образца. В виде черного ящика (т.е. без спецификации по институтам) модель политической системы слишком проста, чтобы отражать действительность, и поэтому не может быть использована для анализа характеристик конкретных политий. Если же в эту модель добавляются требуемые для такого анализа (сравнительного, например) характеристики, такие как характер политического режима (который передается через тип обратной связи и тип взаимодействия институтов внутри «ящика») или скорость и качество политического процесса, то исследователь сразу оказывается в плену необходимости сравнивать/уравнивать эти характеристики для различных систем, чтобы мочь их как-то оценить. Чаще всего это делается (опять же в погоне за объективностью оценки) через оценку функциональной эффективности. Результат такой оценки на самом деле весьма сомнителен. Потому что политическая эффективность, в отличие от эффективности экономической, например, — культурно (ценностно) опосредованная категория.

При оценке функциональной эффективности системы руководствоваться одинаковым пониманием этой эффективности для разных культур нельзя. Выводом в таком случае чаще всего становится заявление о «недостаточном» выполнении некоторых функций должностными (в другой культуре) их выполнять институтами и «чрезмерность» институтов там, где они (опять же в другой культуре) кажутся

ненужными. Любая политическая система из «нестандартной» культурной среды, проанализированная таким образом, практически обречена оказаться «не такой», «неправильной» и, как следствие — недостаточно хорошей. Рекомендация по приведению системы к «золотому стандарту» почти всегда следует после такого вывода.

Теории демократического транзита (где тоже был этот стандарт) были опровергнуты еще в конце 1990-х годов, однако предписывающая категоричность системного подхода осталась никем не оспариваемой... Между тем ограниченность его очевидна.

Категория политического порядка, на наш взгляд, способна преодолеть предписывающую универсальность политической системы как инструмента, потому как соединяет в себе и структурные (институциональные) и неструктурные (культура, отношения) характеристики. Политический порядок, взятый в любой из существующих на сегодняшний день концепций (от Хантингтона до Норта и Ильина), позволяет гибче подойти к анализу (в том числе сравнительному) функциональной деятельности политий (как современных, к слову, так и исторических).

Взяв в качестве аналитической основы категорию порядка, мы получаем возможность увидеть мир политического, с одной стороны, структурированным (и структурируемым) — категория в достаточной мере универсальна, а с другой стороны, состоящим из «равноценных» с точки зрения политической эффективности в конкретных культурных условиях политий.

Ветренко И.А.

СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ценности вообще и политические ценности в частности уже несколько десятилетий являются предметом исследования многих ученых в разных странах и регионах. Однако исследований на основе сравнения ценностных установок у европейской и российской молодежи нет.

Наш исследовательский коллектив в период с октября 2021 по март 2022 г. проводил эмпирическое исследование базовых жизненных и политических ценностей молодежи России и Европы методом анкетирования по квотной выборке. Было опрошено 642 респондента из 10 российских вузов и 637 респондентов из 10 европейских вузов.

Исследование позволило выявить базовые компоненты интегральной модели ценностей современной молодежи России и Европы в сравнительном аспекте. Под интегральной моделью ценностей мы понимаем взаимоувязанную совокупность нескольких частных ценностных моделей человека (ментальность, базовые человеческие и общественные ценности, удовлетворенность жизнью и ощущение счастья, политические взгляды и действия, культурные ценности и др.), каждая из которых описывает отдельные составляющие ценностей, а все вместе они образуют полное и комплексное представление о системе ценностей определенных социальных групп.

Исследование показало, что идеалистическая ментальность преобладает в подавляющем виде, как у российской, так и у европейской молодежи. Учитывая тот факт, что в опросе участвовала студенческая молодежь, т.е. будущая политическая, интеллектуальная и творческая элита, мы можем утверждать, что выявленная нами идеалистическая ментальность со временем будет только усиливаться.

Основная причина такого ментального сдвига заключается в том, что пандемия ускорила смену материальной чувственной ментальности, так как именно период пандемии заставил многих сменить жизненные приоритеты и ценности, поставив физическое и ментальное здоровье выше в иерархии ценностей, нежели материальную сферу и «завоевание мира». Интересным представляется здесь и то, что ментальности европейских и российских студентов практически идентичны по своим ценностям. То есть мы можем говорить о существовании единой ментальности с системой ценностей, практически совпадающей как по параметрам сочетания духовности и материальности, так и по отношению к чисто материальному и только духовному.

Если приоритет идеалистической ментальности молодежи России практически всегда подтверждался и предыдущими исследованиями (отмечали это в тексте отчета ранее), то поворот к ней европейской молодежи произошел совсем недавно, что подтверждает наш вывод о факторах, на это повлиявших.

Важной составляющей, в рамках достижения цели нашего исследования, выступает такая часть (отдельная частная модель) интеграционной модели, как политическая. В этом блоке неожиданным для нас как исследователей стал тот факт, что для молодежи Европы самая предпочтительная политическая доктрина — социализм. Однако мы нашли объяснения этому — постоянно усиливавшаяся внутренняя патерналистская политика современных государств и подмена понятия «социализм» понятием «скандинавская модель», т.е. экономическая и социальная модели североевропейских стран

(Дания, Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия) с ярко выраженной социальной составляющей. Но при этом совершенно ожидаемым для нас стало ориентирование нашей молодежи на ценности либерализма, поскольку Запад как их носитель долгое время превалировал в их социализации.

Значительные различия наблюдаются и в отношении видов и форм политического участия между российскими респондентами и европейскими. Студенты Европы, имея внушительный и значимый опыт мобильного политического участия в прошлом, до сих пор верны этой традиции и готовы к такому действию, даже к несанкционированным движениям, при этом российская молодежь обладает высокой инертностью в этом плане. Мы установили, что причины этого лежат в плоскости мотивов участия. Для молодых европейцев это возможность выделиться, быть замеченным, продвигаться по линии политической карьеры, а для россиян — попасть в «черный список» и прослыть нарушителем закона и порядка в обществе.

Общую солидарность молодежь Европы и России высказали в отношении готовности стать политиками, желания участия в профессиональной политике у них нет совсем.

Демократические ценности для всей молодежи, попавшей в выборку, имеют значение, главной и первой из них выступает «равенство всех граждан перед законом», далее в ранжировании есть различия, но они не имеют большого значения в оценке уже сложившихся политических ценностей, а важны при определении запросов у молодежи. У российской молодежи есть явный запрос на честные и открытые выборы, а также на свободу слова, а у европейской — на свободу митингов и собраний, что подтверждает наш предыдущий вывод.

Гораздо больше общего у молодежи России и Европы в отношении такого важного компонента нашей интеграционной модели ценностей, как отношение к базовым общественным и человеческим ценностям. Одинаковое определение семьи и детей в числе приоритетных ценностей (53% в России и Европе) говорит о том, что молодежь перестает быть чувственно эгоцентричной. Создание и развитие семьи как социального института, определение ее как приоритетной ценности говорят о том, что молодежь перестала быть эгоцентричной и готова отдавать приобретенные социальные блага и создавать крепкие ячейки общества.

Одинаково высокое признание ценностей наличия работы и финансового успеха в России (66%) и Европе (54%) подтверждает, что при полном признании ценностей духовных ценности материального характера также признаются, принимаются и ставятся как желаемые к достижению.

В одной позиции ценности молодежи России и Европы не совпадают: «жить в стабильном государстве и быть социально защищенным» важно для 44% россиян и только для 25% европейцев. Это можно объяснить тем, что для большинства европейских стран такие потребности, как «стабильное государство» и «социальная защищенность», уже являются удовлетворенными. Поэтому они актуальны только для 25% европейцев. Для россиян же (особенно для студентов с низкими стипендиями или их отсутствием) тема социальной незащищенности и историческая память о нестабильности государственной власти делают эти составляющие счастливой жизни особенно актуальными.

Таким образом, на основе проведенного исследования нам не только удалось выявить уже сложившиеся ценности и составить на их основе интеграционную модель ценностей молодежи России и Европы через их сравнение, но и определить имеющиеся у современной молодежи запросы на определенные ценности.

Волгин О.С.
МГИМО МИД России, Москва

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ФОРМАЛЬНЫЙ И РЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Если обобщить распространенные представления о социальном государстве, представленные в большинстве публикаций, то можно выделить три его главных признака. Социальным принято называть государство, которое имеет следующие признаки:

1. Защищает права и свободы всех граждан вне зависимости от их социального статуса, материального положения, культурной или конфессиональной принадлежности и физических возможностей.
2. Обеспечивает работающим гражданам и их семьям достойный образ жизни.
3. За счет перераспределения государственных средств, а также привлечения бизнеса к социально ответственным акциям все получают равные права и гарантии доступа к общественным благам, что дает людям возможность чувствовать себя социально защищенными.

Такое представление о том, что должно делать социальное государство, можно назвать его задачей-минимум, поскольку государство ограничивает свою ответственность перед обществом распределением

тельной и охранительной функциями. Но у государства в социальном плане должна быть и задача-максимум. Смысл такой задачи можно определить как создание государством таких условий, при которых осуществляется *подлинная* социализация граждан.

Подлинную социализацию граждан мы понимаем как такое состояние, когда людей связывают узы гражданской солидарности. Гражданская солидарность — особый вид солидарности, принципиально отличающийся от других видов солидарности, таких как трайбалистская, профессиональная, конфессиональная, половозрастная, идеологическая и пр. Как справедливо отмечает А. Симоянов, элементы социального государства, а значит, и гражданской солидарности можно увидеть на протяжении всей мировой истории¹. Но как системное явление, т.е. такое, которое самовоспроизводится, социальное государство начинает формироваться только со второй половины XIX в. При этом следует отметить, что не все функции социального государства развиваются одновременно, что связано с особенностями протекающих в обществе политических процессов. Так, в конце XIX — начале XX в. под влиянием обострившихся межклассовых и межнациональных противоречий становление элементов социального государства происходило за счет становления институтов, обеспечивающих распределительную и охранительную функции государства, причем, что важно отметить, по отношению к определенным социальным слоям и группам населения, а не всему населению. Такое государство нельзя назвать полноценным, самодостаточным социальным государством; это ранняя степень становления социального государства, характеризующаяся доминантой формального основания над реальным.

О полноценном социальном государстве можно говорить только тогда, когда оно становится действительно всеобщим, *инклюзивным* с точки зрения равных возможностей для всех участвовать не только в распределении общественных благ и охране общественного порядка, но и в равном доступе к созданию общественного богатства в его материальной, социальной и духовной формах. Такое государство возможно только как результат *со-участия* граждан. Из актов со-участия плетется ткань социальности; без живого со-участия граждан возможна только пустая административно-управленческая форма псевдосоциальности — форма без содержания. Такая бессодержательная псевдосоциальность чревата самыми тяжелыми последствиями как для общества, так и для граждан, поскольку она является питательной средой для любых асоциальных форм, в которых человек, живя среди людей, остается одиноким, изолированным от них и от общества.

Создание подлинной социальности возможно только «снизу», с живых актов человеческого общения. Формальные основания, институты вторичны, их задача — *способствовать* процессу социализации, создать необходимые правовые и культурные условия для со-участия граждан в создании подлинно социальной жизни.

Волков В.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

Политическая экология представляет собой сферу знания, исследующую основания отношений между политическими субъектами по поводу экологического кризиса. Ее интерес фокусируется на установлении политических сил, стоящих позади различных концепций «экологии» как представлений о биофизической действительности. Две основные концепции экологического кризиса определяют возможный спектр формирования экололгических стратегий. Первые стратегии пытаются определить пространство целей и ценностей и формируются в границах классических мировоззренческих тенденций: стратегии консервативного энвайронментализма, стратегии консервативного либертарианского энвайронментализма, стратегии либерального энвайронментализма, стратегии экологического социализма. Стратегии глубинной экологии ознаменовали поворот в осмыслении проблемы. Последняя нацелена на изменение экономических, технологических и идеологических структур. Изменение идеологии ориентировано на перемены в оценке качества жизни с переориентацией на нравственные ценности. Глубинная экология придерживается стратегической линии невмешательства в природу, создания принципиально новой этики, связанной с правами всего живого и понимания ценности природы. Экоцентризм не просто отрицает антропоцентризм, а «снимает» его. Он сохраняет в себе содержание антропоцентризма. Только человек как разумное существо способен к регулированию своей деятельности в отношении к природе. Человек вырабатывает иерархическую картину мира, в которой он берет на себя ответственность и отказывается от доминирования. Биологический мир как самоценность включает в себя человека. Понятие коэволюции общества и биосферы является более сложным видом

¹ Симоянов А. Социальное государство: суть, критерии, индикаторы // Логос. 2014. № 2 [98]. С. 217.

взаимодействия. Формулирование коэволюции как преодоление центризма в цели развития экологических стратегий государств возможно на следующем этапе развития. Государство, как представитель общего интереса, в противоположность множеству частных интересов гражданского общества, может стать экологическим государством, создавая условия для формирования экологической политики. Одновременно усилия направлены на разработку возможных средств и механизмов реализации стратегий, создание комплексных стратегий таких как: стратегии устойчивого развития, стратегии зеленой экономики (зеленого роста). Стратегии устойчивого развития не должны исчерпываться природоохранной деятельностью. Это опасная иллюзия, поскольку человечество уже вышло за свои пределы роста. Основные проблемы стратегии устойчивого развития неотделимы от необходимости перехода к новой организации общества, к экологическому государству и цивилизации. Глубина и острота проблемы экологического кризиса далеко не очевидны. Вследствие этого разрабатываемые стратегии должны включать в себя основательный анализ текущих процессов и прогнозов на будущее. Сложность и комплексность задач, включающих естественно-научную и гуманитарную составляющие, продолжают оставлять открытыми вопросы механизмов и ресурсов для выбора и реализации экополитических стратегий.

Волкова А.В., Кулакова Т.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ФОРМИРОВАНИЕ АКСИОСФЕРЫ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ И МЕХАНИЗМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Обеспечение становления конкурентоспособных и устойчивых к вызовам политико-экономической турбулентности региональных систем выступает сегодня важнейшей задачей региональной политики. Аксиологический подход к региональному управлению состоит в понимании региона территориальной единицей «с единообразными и относительно автономными социальными, экономическими и культурными условиями, для которой характерно определенное мышление, уникальные традиции, специфическое мировоззрение и мироощущение», региональное пространство выступает как территория, обладающая социально-исторической целостностью, способствующая формированию идентичности (*Бакулина С.Д.* Аксиосфера региона: опыты трансляции и способы репрезентации культуры места (на материале южных регионов Западной Сибири). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. С. 58), что предполагает наличие более или менее устойчивого механизма трансляции ценностей. Санкт-Петербург, на наш взгляд, наиболее полно отражает заложенные в данном подходе принципы. Ни один из регионов России не выполняет в таком объеме коммуникативные функции в международной сфере, на пространстве СНГ и РФ и не поддерживает такие активные и разноплановые международные и региональные связи, как Санкт-Петербург (более 120 соглашений о сотрудничестве с зарубежными городами и регионами и более 60 соглашений с регионами и городами РФ). События 2022 г. внесли значительные коррективы в осуществление международного партнерства. Ни многомерные процессы глобальной трансформации, включая «планетарный урбанизм», ни осуществлявшаяся (или только декларируемая) на разных уровнях децентрализация управления, ни расширение и усиление автономных сетевых взаимодействий, ни появление «субгосударственных акторов» с властным потенциалом не смогли остановить масштабное, демонстративное и политически обусловленное движение отмены «братских уз» западноевропейскими городами. Городская дипломатия, успешные практики межгосударственного гражданского сотрудничества, десятилетиями воспринимаемые как незыблемые и ценностно ориентированные, оказались подвергнуты «приостановке» или «отмене», что перечеркнуло, по сути, всю историю и весь накопленный в процессе сотрудничества городов опыт. Приходится признать, что в мире города-побратимы утрачивают способность к проведению самостоятельной политики, используя инструменты «братской дипломатии» и «мягкой силы», без оглядки на свои правительства и с выгодой для локальных сообществ (Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты: Международная научно-практическая конференция / Под ред. О.С. Пустошинской, Г. Саймонс, В.В. Никуленкова. Тюмень: Изд-во ТюмГ, 2021).

С другой стороны, территориальные изменения 2022 г., вхождение новых территорий в состав России и установление отношений побратимства российских городов с городами Донбасса придают институту городов-побратимов новый смысл и важное политико-культурное значение. С 2017 г. установление отношений побратимства является одним из основных направлений деятельности Интеграционного комитета «Россия—Донбасс». Формирование и развитие аксиосферы городов-побратимов видится важным фактором развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий.

В этих условиях важной миссией Санкт-Петербурга становится выстраивание отношений побратимства с Мариуполем, что актуализирует необходимость исследований аксиосферы региона в контексте быстроменяющейся геополитической реальности и целенаправленной работы по формированию и развитию гражданской поддержки новой роли Санкт-Петербурга как лидера в деле восстановления

братского города-порта и развития связей с территориями Донбасса. Дело не только и не столько в экономической помощи, которую готовы оказать правительство и бизнес второго по величине мегаполиса России разрушенному городу-побратиму, а в формировании общей аксиосферы, в организации процесса трансляции культурных ценностей, транслкации культурных брендов и взаимного усиления позиций городов.

Эта работа немыслима без идейного обоснования, без широкого гражданского участия и поддержки горожан, она должна строиться на таких ценностных установках, как сопереживание, солидарность, сотрудничество, а учитывая цифровые трансформации и особенности взаимодействия внутри разных поколений — должна одинаково активно вестись как в офлайн-, так и в онлайн-пространствах, например с использованием страниц крупнейших культурных центров города и сетевых сообществ («Это Питер, детка!», «Мой Питер», «Питер :) Подписывайся и будь в курсе жизни Петербурга» и др.). Формирование заинтересованности в двустороннем партнерстве должно быть частью целенаправленной и системной работы как традиционных средств массовой информации, так и социальных медиа, что видится важным фактором развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий.

Волкова А.Е.
ВГТУ, Воронеж

ФАКТОР ЭТНОКРАТИЙ ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИК В ФОРМИРОВАНИИ КОНФЛИКТНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ СТРАН ЗАПАДА И РОССИИ

Начало специальной военной операции России ознаменовало новый этап в структурировании отношений РФ и Запада. Напряженность данных отношений с 24 февраля 2022 г. постепенно нарастала, достигнув своего пика к сентябрю текущего года, когда ряд государств заявили о том, что перестанут выдавать визы жителям РФ на том лишь основании, что они — русские, поскольку путешествие в Европу — «это привилегия». Оставляя за рамками данного исследования вопрос о юридических определениях подобных высказываний, отметим, что в числе стран, которые первыми горячо поддержали идею прекращения выдачи виз жителям Российской Федерации, стали Литва, Латвия и Эстония. Подобное отношение указанных стран к жителям России — это случайность или закономерный итог политики «отмены» всего русского, который начался задолго до 2022 г.?

На наш взгляд, важную роль в процессе «отмены» всего русского, отказа русским в праве на свободное перемещение по территории Европы через прибалтийские страны, снос памятников советским воинам сыграло формирование и ежегодное усиление позиций этнократических элит в данных государствах. И активизация данных тенденций началась вместе с ослаблением СССР, усугубившись при его распаде и создании независимых государств Литвы, Латвии и Эстонии, которые впоследствии с готовностью вошли в состав ЕС и блока НАТО. Еще в годы советской власти этнократические элиты в рассматриваемых странах активно выступали против русификации в культурной и общественной жизни, считая ее насильственной. Например, в 1989 г. в ходе переписи населения эстонцы отмечали, что не знают русского языка (*Лаар М.* Национальное возрождение в Эстонии — прошлое и настоящее // Национализм в поздней и посткоммунистической республике. М.: Российская политическая энциклопедия «РОССПЭН», 2010. С. 183). Подобная ситуация наблюдалась экспертами в Латвии и Литве, которые также выступали против «насильственной русификации». Кроме того, эксперты из изучаемых стран период советской истории называют не иначе как «периодом оккупации» (там же, с. 191, 203, 255). Удивительно ли, что после подобных центробежных процессов, а также благодаря сформированным этнократическим элитам прибалтийские страны стали одними из первых, кто вышел из состава СССР, в дальнейшем обвиняя СССР в собственной бедности «в период оккупации»?

В нулевые годы положение русских в Литве, Латвии и Эстонии не стало лучше. Несмотря на то что с 2009 по 2019 г. мэром Риги был русский по происхождению Нил Ушаков, положение жителей в РФ не стало лучше: активно закрывались русскоязычные школы, а власти прибалтийских стран выступали с критикой политического режима в России. В 2021 г. русскоязычному журналисту Юрию Алексею было предъявлено обвинение за «разжигание межнациональной розни», однако сам фигурант его отрицал.

И наконец, прибалтийские страны логичным образом, являясь членами НАТО, оказывают всестороннюю поддержку Украине в ходе специальной военной операцией, предлагая свои территории как транзитные территории для переброски вооружения. Вместе с тем особое возмущение у жителей России вызывает факт сноса памятников советским воинам-освободителям от немецко-фашистских захватчиков, закрашивание монументов им в желто-голубые цвета, а также проведение в нулевые годы митингов молодых людей, которые открыто демонстрировали нацистскую символику.

Откровенное неприятие Литвой, Латвией и Эстонией русских, отказ от своего прошлого в составе СССР стали логичным результатом формирования в этих государствах этнократий по «человеконенавистническому типу» (Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 61). В данную группу автор включает этнократии, основанные на принципах ксенофобии, фашизма и нацизма. Учитывая политику, проводимую Литвой, Латвией и Эстонией в отношении русских, можно говорить о том, что в данных странах этнократическими режимами транслируются конфликтные деструкции, цель которых — дестабилизация и разрушение политической системы РФ.

Воржецов А.Г.
КНИТУ, Казань

НЕОБХОДИМА ЛИ РОССИИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ?

В течение почти трех десятилетий после принятия Конституции РФ определенная часть политиков и ученых высказывают мнение о том, что необходимо снять конституционный запрет на государственную идеологию. И в настоящее время такая точка зрения не является редкостью. Такой позиции придерживается, например, председатель партии «Справедливая Россия — Патриоты — За Правду» С. Миронов. В своей статье он высказал интересные мысли, связанные с решением проблем общественно-политического развития страны. Однако некоторые выводы автора носят дискуссионный характер.

По его мнению, «столкновение цивилизаций рождает острую потребность в идеологии». А «в Конституции РФ содержится прямой запрет: “Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной...”». Причем «никто не собирается отменять политическую конкуренцию, многопартийность и право политических сил предлагать обществу свои пути развития страны». С. Миронов считает, что «для нас справедливое общество — это общество свободное», которое «откроет путь для переустройства России на основах социальной справедливости» (Миронов С. Путь России в справедливое будущее // Российская газета. 2022. 29 апреля).

Во-первых, единую государственную идеологию и политическую конкуренцию совместить невозможно. Дело в том, что одна государственная «партия имеет на вооружении... идеологию, которой она придает статус... официальной государственной истины» (Арон Д. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. С. 230). Монополизм и конкуренция несовместимы. *Во-вторых*, следует уточнить одну из «больших» идеологий — «социализм». Тем более что в такой редакции данное понятие употребляется в работах части российских ученых. О каком социализме здесь идет речь? Есть коммунистическая концепция государственного социализма, и есть социал-демократическая концепция демократического социализма.

Политические идеологии доктринальных партий отличаются от других идеологий тем, что, *во-первых*, они содержат в себе основные концепции общественного развития. *Во-вторых*, основные положения этих концепций претворяются в социальной практике. Следует выделить четыре доктринальные политические идеологии — коммунистическую, социал-демократическую, либеральную и консервативную. Причем после Второй мировой войны ведущую роль в развитии стран стали играть консервативные и социал-демократические партии, которые восприняли многие принципы либерализма, особенно в политической сфере.

В этот же период программы консервативной, либеральной и социал-демократической идеологий сближаются на основе ценностей и ориентиров нового типа государства — демократического и социального, в котором реализуются принципы свободы и справедливости. Поэтому переустройство России возможно не только на основах социальной справедливости, но и свободы. Результаты всероссийских социологических опросов, проведенных в последние годы сотрудниками Института социологии РАН, свидетельствуют о том, что значительная часть россиян разделяет такое мнение.

Академик М. Горшков отметил, что «наши сограждане поставили на первое место по важности достижение социальной справедливости». И «этот вариант поддержали свыше половины опрошенных». А «второе место занял классический набор демократических ценностей — обеспечение прав личности (41%)». И «на третьем месте — сильная власть, обеспечивающая порядок в стране (36%)» (Горшков М. Что у Путина впереди? // Аргументы и факты. 2021. № 48).

Поэтому, на наш взгляд, назрела необходимость разработки не новой государственной идеологии, а программы формирования в России демократического и социального государства. Она может быть основана на принципах свободы и справедливости, на ценностях, отмеченных в обновленной Конституции РФ. Важным элементом такой программы могла бы стать реформа партийной системы в стране, направленная на создание не менее двух доктринальных политических партий (консервативной и социал-демократической). Первая из них могла быть создана на базе партии «Единая Россия», а вторая — на базе слияния партий «Справедливая Россия» и КПРФ. В программах этих партий должны

быть сформулированы основные принципы и ценности демократического и социального государства, разработаны реальные механизмы их реализации в стране.

Воробьев А.П.
ГУУ, Москва

РОЛЬ И МЕСТО ОДКБ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Главная задача военно-политического альянса ОДКБ заключается в координации и углублении военно-политического взаимодействия и сотрудничества, обеспечении на коллективной основе национальной безопасности стран-участниц, оказании им необходимой помощи в случае агрессии и угроз военно-политического и военно-стратегического характера. Структура Организации четко выстроена и включает в себя Совет министров обороны ОДКБ, Совет министров иностранных дел ОДКБ и военный комитет.

Особенность Объединения заключается в наличии военного потенциала, готового реагировать на широкий спектр угроз в евразийском регионе. В настоящее время силовой составляющей организации являются Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ, насчитывающие более 20 тыс. человек, и Миротворческие силы ОДКБ численностью около 3,6 тыс. человек, а также региональные группировки сил и средств коллективной безопасности. Целями создания военного потенциала являются: отражение нападений или других мер военного воздействия; противодействие экстремистской деятельности и терроризму на внутригосударственном и на международном уровнях; борьба с организованными преступными группировками на транснациональном уровне, пресечение незаконного оборота наркотиков и оружия; нелегальная миграция; решение проблем, появление которых повлекло за собой чрезвычайные ситуации.

Серьезными вызовами для военно-политического блока ОДКБ в 2022 г. стали массовые протесты в Казахстане, конфликт между Арменией и Азербайджаном, а также приграничный конфликт между Таджикистаном и Киргизией.

Впервые за весь период своего существования миротворческие силы ОДКБ были задействованы в январе 2022 г. по запросу президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева в связи с массовыми протестами, переросшими в Алма-Ате в вооруженные столкновения протестующих с правительственными силами.

Нагорно-карабахский конфликт демонстрирует, с одной стороны, политику невмешательства стран-участниц ОДКБ в армяно-азербайджанское противостояние, желая не затрачивать свои военные ресурсы и не обострять отношения с Азербайджаном и Турцией. С другой стороны, складывается ощущение завышенной формализации юридической базы Организации в сочетании с низкими ожиданиями акторов, что данные нормы будут соблюдаться и применяться на практике, что впоследствии может привести к распаду Организации из-за бессмысленности участия в ней, так как она не решает проблемы и не оправдывает ожиданий стран-участниц на постсоветском пространстве.

Принципы невмешательства ОДКБ во внутренние дела своих участниц оставляет нереализованным огромный потенциал Организации. При этом часто страны сами не в состоянии решать внутригосударственные конфликты без посредников, а вмешательства ОДКБ и России не желают.

Примером служит конфликт на таджикско-кыргызской границе, где периодически вспыхивают столкновения с пограничниками и приграничным населением. МИД Таджикистана отказалось от вмешательства третьих сторон в ситуацию, назвав «деятельность в области делимитации и демаркации государственных границ внутренним делом государств-участников ОДКБ».

Можно сделать вывод о том, что военно-политический альянс ОДКБ на данном этапе не готов к масштабным вызовам и противостояниям из-за отсутствия консолидации и взаимопонимания внутри Организации между странами-участницами.

Отсутствие расширенной нормативной базы — еще один недостаток Организации, так как у нее не получается разрешать разный спектр конфликтов на внутреннем и внешнем уровнях. Это необходимое условие для внутреннего усиления и внешнего расширения Организации.

Если Организация планирует расширяться и противостоять внешним угрозам, а также ощущать свою значимость и надежность, то ей нужно разрешить все внутренние противоречия между странами-участницами, улучшить и расширить нормативно-правовую базу, работать над увеличением военной и миротворческой мощи и выработать единый вектор развития военно-политического альянса ОДКБ.

На современном этапе отмечается низкая эффективность ОДКБ в процессе строительства региональной системы безопасности на постсоветском пространстве. Представляется, что в настоящее время военно-политический и миротворческий потенциал Организации Договора о коллективной безопасности не реализуется в полной мере.

МОНИТОРИНГ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ ИНТЕРНЕТА

В современном обществе кратно возросла роль коммуникации в интернет-среде. Различные акторы не только коммуницируют, но пытаются влиять друг на друга, в связи с этим крайне актуальна проблема восприятия информационной повестки пользователями Интернета.

Информационная повестка формируется так или иначе под влиянием групп интересов. Это было всегда и еще до эры Интернета, когда монополия на распространение информации, в зависимости от разновидности политического режима, находилась либо в руках государства, либо контролировалась группами элит. Сегодня уже стало очевидным, что тщательно создаваемое представление о том, что Интернет — это «территория свободы», не отражает действительности. Фактически мы имеем дело с еще более эффективным инструментом контроля, ограничений в доступе и распространении информации, а также попытками влияния на формирование общественного мнения, как в пределах всего социума, так и отдельных его групп.

Сегодня Россия оказалась в положении серьезных ограничений по возможности распространения своей позиции в мировых СМИ и интернет-среде. Против нее ведется информационная война. Имея ограниченные возможности по формированию текущей информационной повестки, она стоит перед необходимостью искать эффективные способы мониторинга восприятия этой повестки пользователями Интернета, с целью предотвращения искажения ее объективного образа.

Исследовательская гипотеза заключается в том, что степень восприятия и соответствующие топологии комментариев будут отражать влияние информационной повестки на пользователей Интернета.

Научная новизна исследований обусловлена в первую очередь тем, что в фокусе внимания существующих исследований информационной повестки находится непосредственно медийная повестка и ее влияние на потребителя. Предметная область нашего исследования — восприятие информационной повестки: топология коммуникаций, степень восприятия информационной повестки, осуществление мониторинга, основанного на этих параметрах.

Предлагаемый методологический подход заключается в междисциплинарной композиции методов исследования (сетевое анализа, теории графов и др.). В частности, будет построена формализованная схема коммуникации в интернет-среде с помощью инструментов искусственного интеллекта, функциональных языков и параллельных моделей. Такой подход дает возможность создать автоматизированную интеллектуальную систему, способную в автономном режиме осуществлять мониторинг большого объема информации поведения пользователей Интернета, что, в свою очередь, характеризует восприятие ими информационной повестки.

Основным элементом процесса коммуникации выступает передаваемое информационное сообщение. В Интернете основная информация от собеседника поступает в виде текстовых сообщений. Конечно, существует возможность дополнить коммуникацию графическими и видеоэлементами. Однако текстовое сообщение остается центральным элементом в ситуации, когда цель коммуникации — выражение некой позиции.

В качестве единицы анализа рассматривается «сообщение», но не его содержание, а то, как оно пространственно организуется с себе подобными единицами. Для этого сообщение задается двумя переменными параметрами: адресант и адресат. Параметр «адресант» позволяет упорядочить структуру, а параметр «адресат» — установить связь между сообщениями.

Начальная информация (сообщение) имеет характер независимой (некий факт, элемент социальной реальности) переменной. Сообщения, появляющиеся как реакция на начальную информацию, носят характер зависимых. Множество зависимых сообщений формирует социально-коммуникационную сеть. Под социально-коммуникационной сетью мы будем понимать совокупность связей, конфигурируемых на основе коммуникаций социальных субъектов в процессе осмысления некоторого элемента социальной реальности.

Для построения топологической модели социально-коммуникативной сети используется понятийно-категориальный аппарат теории графов.

Применяемый подход позволяет нам выйти на определение параметра «Уровень децентрализации сети», который описывает долю связей, приходящих на начальную вершину (независимое сообщение), к общему количеству установившихся связей. Данный показатель принимает значения в интервале (0–100%) и демонстрирует нам степень вовлеченности независимого сообщения в социально-коммуникационную сеть. В случае, если на начальную вершину приходится малая доля связей, это говорит

нам о том, что в социально-коммуникационной сети доминирующая роль смещается в сторону зависимых сообщений. Это происходит в ситуации, когда начальная информация (независимое сообщение) вызывает противоречивые разнонаправленные оценки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

Гайнутдинова Л.А.
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО «НЕГРАЖДАНСКИЕ» АНАЛОГИ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЙ

1. Либеральное видение гражданского общества в значительной степени окрашено оптимизмом: в нем предполагаются такие ценности, как честность, плюрализм, толерантность, добровольность, независимость и открытость, т.е. интерес к общественным проблемам с ориентацией на их публичное обсуждение. До недавнего времени основное внимание исследователей было сконцентрировано на структурах гражданского общества, поддерживающих демократию и стремящихся к дальнейшей демократизации, а в более широком смысле — к эмансипаторной программе. Однако было бы ошибкой определять слишком односторонне гражданское общество и рассматривать его лишь в демократическом ракурсе.

2. М. Ховард, определяя гражданское общество посредством четырех последовательных констатаций, особо подчеркнул правовую сторону деятельности его структур и выделяет важную характеристику развитого, «классического» гражданского общества: оно прозрачно и действует в защищенном законом социальном пространстве. Такую разновидность гражданского общества он называет правовым прозрачным гражданским обществом (ППГО). Все эти рассуждения он представил в виде таблицы, где приводятся также примеры «негражданских» институциональных решений, которые угрожают развитию или самому существованию всех четырех аспектов гражданского общества.

Гражданское общество и его «негражданские» аналоги	
Гражданское общество: Внутренние институциональные черты	Институты негражданского общества (обычно считаются препятствием для демократизации)
1. Группы, его составляющие (добровольные ассоциации), вторичны	Преобладают первичные группы: «аморальный фэмилизм» (<i>amoral familism</i>)
2. Прозрачность/подчиненность общественности	Тайные организации, клиентелистские сети
3. Толерантность: дискурс и практика имеют демократический, совещательный, толерантный характер	Антидемократические, нетолерантные иерархические структуры
4. Законодательно защищенное общественное пространство	Незаконный статус деятельности: подпольные, преследуемые законом организации

Источник: Howard M. The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 118.

3. Концепция негражданского общества как одно из подмножеств гражданского общества включает в себя ассоциации и группы, программы которых отличаются от прозападных, либеральных, демократических программ, или социальные движения, бросающие вызов западным нормативным представлениям о гражданском обществе.

4. Существует тенденция, выражающаяся в формировании «негражданского общества» под предлогом заботы о безопасности и, в частности, борьбы с терроризмом. Правительства используют борьбу с терроризмом с целью уничтожения политической оппозиции, контроля над гражданским обществом либо создания атмосферы подозрительности в отношении организаций гражданского общества.

5. Другая тенденция — это трансформация некоторых разновидностей этнонациональных общественных организаций в закрытые преступные группировки террористического толка (Гайнутдинова Л.А. Базовые характеристики гражданского общества // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 215–225).

6. Одно из направлений анализа гражданского общества — изучение интеграции местных организаций гражданского общества в транснациональные сети гражданских активистов, основанное на повышенном внимании к неправительственным организациям как главным представителям гражданского общества в странах, где государство якобы нарушает общепринятые международные нормы,

принципы демократии и права человека (*Keck M., Sikkink K. Activists Beyond Borders: Transnational Advocacy Networks in International Politics. Ithaca; N.Y., 1998*).

7. С. Хендерсон к негражданскому обществу относит некоммерческие организации, проводящие свою деятельность за счет иностранного финансирования, называя это «гражданским развитием, управляемым посредством ассигнования средств», «возведенным в принцип клиентелизмом» и гражданским обществом «под опекой» (*Henderson S.L. Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support for Grassroots Organisations. Ithaca: L.: Cornell University Press, 2003. P. 155–166*).

8. К непредвиденным последствиям зарубежной помощи можно отнести: развитие гражданского общества, ориентированного на ресурсы, идеи и руководство доноров, когда местные сотрудники неправительственной организации усваивают идеи, говорят в точности то, что хотят услышать иностранные доноры, из боязни лишиться работы или источника заработка, а впоследствии выполняют задачи по достижению политических целей нелегитимного характера.

Гасанова М.М.

СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В постоянно изменяющихся политических и социально-экономических условиях потребность общества в информации неуклонно возрастает. Доверие к управленческим решениям, принимаемым государством, во многом зависит от качества информационного сопровождения этих решений.

Под государственной информационной политикой следует понимать политику, проводимую государством в информационной сфере функционирования общества и государства.

Одной из проблем формирования эффективной государственной политики является недостаточное законодательное регулирование данной сферы. Отдельные направления государственной информационной политики регулируются рядом законодательных актов, однако отсутствует единый документ, определяющий сам термин «государственная информационная политика», а также национальную стратегию информационного развития. Создание такого документа и определение лиц, ответственных за формирование и реализацию государственной информационной политики, позволит проводить ее наиболее эффективно. На современном этапе требуется актуализация законодательства и приведение его в соответствие с растущими потребностями информационного общества. Как отдельную проблему можно рассматривать наличие собственной информационной политики у различных органов власти, например информационная политика судебной системы РФ, информационная политика отдельных министерств, информационная политика органов прокуратуры. Их цели и задачи нередко противостоят друг другу, конкурируют между собой.

На протяжении последних лет одной из важнейших задач информационной политики государства является повышение открытости и упрощение доступа к информации о деятельности государственных органов.

В рамках реализации данной задачи ведется постоянная работа, в основном она заключается в переводе в «онлайн» большей части государственных услуг, однако говорить о создании системы общественного контроля за деятельностью органов государственной власти по-прежнему рано.

Много усилий предпринимается государством для защиты общества от запрещенной информации. Чаще всего используется блокировка источников информации в Интернете, распространяющих в том числе запрещенные сведения. Однако существуют способы обхода блокировок. Кроме того, возникает вопрос о том, как быть с ресурсами, содержащими как полезную, так и запрещенную информацию. Особенно остро стоит вопрос с интернет-ресурсами, так как информация на них постоянно обновляется и сложнее контролируется.

В условиях угрозы национальной безопасности особенно актуальна борьба с распространением недостоверной информации. Начиная с 24 февраля 2022 г. уже зафиксировано более 15 млн фейковых сообщений о России. При этом для распространения такого рода информации используются самые популярные платформы.

Современное общество является не только потребителем информации, его отличает желание разбираться в получаемой информации, критическое отношение к ней, все больше людей способны отличить качественную информацию от попытки навязать определенную точку зрения.

Исходя из этого, государство должно способствовать обеспечению доступа к достоверной, доступной, полной, актуальной информации. При формировании качественной информационной среды следует учитывать как технические, так и содержательные аспекты.

НОВЫЕ КРИЗИСЫ И РОЛЬ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Характеристики современного мира становятся все более разнообразными и тревожными: «эра неопределенности», «культурный пессимизм», «эпоха антропоцена»; «разделенные общества» и т.д. В последнее время все большее число авторов склоняются к тому, чтобы зафиксировать резкий разрыв с предшествующим периодом. В истории человечества такие периоды называются «цезурами», т.е. переходом времени из одного состояния в другое, когда ничто не остается таким, как прежде. По мнению немецкого исследователя Г. Мюнклера, «...мы уже довольно давно живем в эпоху неопределенности, которая характеризуется повышенной социальной нервозностью, страхом перед будущим до апокалиптических сценариев, а также повествованием, наполненным упадническими смыслами»¹. Российский ученый А.Г. Арбатов подтверждает: «Драматические события на Украине, развернувшиеся с конца февраля 2022 г., ознаменовали поворотный момент эволюции европейской и всей глобальной политики за последние полстолетия»².

Ученые называют несколько причин и факторов столь кардинальных перемен. Чаще всего они многослойны, что затрудняет определение их причинности. Вместе с тем налицо внимание к двум кризисным аспектам.

Первый касается социально-экономического неравенства, вызванного политическими решениями и действиями, породившими феномен «разделенных обществ». Нижняя треть современных развитых обществ почти не представлена дискурсивно и репрезентативно, через политическое участие. В неопределенные времена низшие средние слои чувствуют угрозу своего социального падения, представлены действующими партиями. Отсюда их склонность к радикальным формам протеста, симпатии к правым популистам.

Второй аспект — появление «новых» кризисов, знаменующих переход от экономической сферы к культурной. Дискурс больше не вращается в первую очередь вокруг распределения социально-экономических благ и жизненных возможностей, а скорее вокруг языка, идентичности, признания, местонахождения и мировоззрения. Он больше не происходит в первую очередь между классами и слоями, но формируется преимущественно внутри среднего класса. В новых кризисах наблюдается сложное соединение объективного и субъективного измерений, переплетение разнообразных характеристик. При этом субъективная составляющая приобретает все большее значение, поскольку связана с конструкцией того кризисного нарратива, через который в общественный дискурс вовлекается большое количество акторов — правительство, оппозиция, медиа и т.д.

Зарубежные и отечественные ученые приходят к выводу, что новые кризисы представляют собой огромный вызов для демократии. По мнению В. Меркеля, если речь идет о кризисе беженцев и мигрантов 2015 г., о климатическом кризисе, который уже давно тлеет или даже пылает, а также о продолжающемся кризисе COVID-19, то эти кризисы воссоздают три качества, которые переплетаются в определенной последовательности и способствуют расколу демократических обществ. Эти качества суть отказ от науки, морализация и поляризация. При этом именно «новые» кризисы всегда обладают объективными и субъективными измерениями³.

Морализм привносит проблематичную бинарность в политический дискурс, двоичные коды: факты или подделка, правда или ложь, законный или незаконный, мораль или аморальность, победа или поражение. Эта трансформация политического общения переформатирует кризисные нарративы в форму мышления «друг-враг». Не только правые поклонники Карла Шмитта понимают это как суть политики, но и леволиберальные течения воспринимают дискурсивное исключение «аморальных других» как свой моральный долг. Попытка обеих сторон интегрировать сложные современные общества с их частичным морализмом усугубляет поляризацию политики и дезинтеграцию общества.

Следствием становится процесс эрозии демократии в определенных областях: потеря социальной сплоченности, поляризация дискурсов, рост нетерпимости и тяги к исключениям, упадок народных партий как интеграционных машин и нарушенные обещания по подъему демократии.

Какова в таких условиях роль политики? Очевидно, что именно политические действия должны противостоять преобладающим условиям неопределенности, выдерживать их и искать на них ответы. Бегство от реальности — это акт отчаяния, но не политическое действие. Оно, как правило, заканчи-

¹ Herfried Münkler. Eine Ära der Ungewissheit // Frankfurter Hefte. 11/01/2022/.

² Арбатов А.Г. Украинский кризис и стратегическая стабильность // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 10.

³ Merkel W. Moralisierung und Polarisierung als gesellschaftliche Signatur // Neue Gesellschaft. 2021. No. 8. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/aktuelle-ausgabe/12/2021> (In Germ.).

вается катастрофой, как самоисполняющееся пророчество, потому что не были проверены и другие, альтернативные средства.

Сложившаяся ситуация ясно показывает, под каким огромным давлением ожиданий сегодня находится политика: она должна не только разработать оперативные ответы, но и привить обществу хотя бы некоторую уверенность, поскольку политики в демократических обществах нуждаются в поддержке большинства. Авторитарные порядки от этого зависят в гораздо меньшей степени, вследствие чего в настоящее время мир наблюдает ренессанс авторитаризма.

Глушкова С.И.

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург

О РОЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРАВООЩИТНЫХ МЕДИАРЕСУРСОВ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В формировании и развитии эффективного политического диалога общества и государства большую роль, особенно в эпоху цифровых технологий, играют правозащитные медиаресурсы, которые имеют достаточно основательный образовательный потенциал и направлены на формирование правовой культуры, в том числе культуры прав человека. При этом в качестве приоритетов как в риторике политических лидеров, так и в реальной политической деятельности и правоприменительной практике в процессе формирования правозащитных медиаресурсов должны быть следующие основные положения: общечеловеческие, гуманитарные и культурные ценности, осознание ценности человеческой личности и уважение человеческого достоинства.

Для полного отражения интересов всех социальных групп в политическом диалоге должны участвовать, наряду с представителями органов государственной власти и гражданского общества, также представители академического и педагогического сообщества, профсоюзных организаций и профессиональных объединений, субъекты общественного контроля.

Ведущими направлениями при разработке и совершенствовании правозащитных медиаресурсов должны быть вопросы соблюдения, обеспечения и защиты прав человека и гражданина, правового просвещения и образования в области прав человека, формирования и развития правовой культуры и культуры прав человека.

Отношение к правам человека предполагает различные подходы, которые часто обусловлены уровнем политического диалога государства и общества. И это находит отражение в той или иной стране в наполнении определенным контентом правозащитных медиаресурсов, которые направлены на повышение уровня правовой культуры граждан, либо на сдерживание такого роста, или на ограничение уровня правовой культуры границами четко заданной повестки дня.

На понимание прав человека в обществе и государстве, как приоритета правовой политики или как инструмента выборочного применения, в современном мире во многом влияет то, как они представлены в медиасфере того или иного государства, в том числе в политическом диалоге представителей органов власти и гражданского общества, которые продвигают свои аккаунты в социальных сетях, и то, как их активная деятельность отражена в медиапространстве страны и отдельных регионов.

Анализируя исследования по правам человека, следует отметить новые дискурсы развития феномена прав человека в современной теории и практике: правочеловеческий, правопросветительский, правозащитный. Активное развитие этих дискурсов можно видеть в стремительном распространении и продвижении разноплановых образовательных медиаресурсов по правам человека, правовой защите, обеспечению правовой безопасности личности.

Стремительное наполнение медиапространства государственными и общественными правозащитными ресурсами, цифровизация учебного процесса в образовательных организациях, развитие цифрового инструментария и масштабная цифровизация медиасферы — все это ускоряет процесс постепенной трансформации правовой культуры в правовую медиакультуру.

Целенаправленная деятельность по анализу российских и региональных правозащитных практик, формированию и продвижению правозащитных медиаресурсов регулярно ведется Уполномоченным по правам человека в РФ Т.Н. Москальковой. Уникальные медиаресурсы «Правозащитная карта России», «Библиотека Уполномоченного по правам человека в РФ», «Правозащитная мастерская», представленные на сайте российского омбудсмена, — это мощные просветительские и образовательные медиаресурсы в сфере государственной правозащиты.

На официальных сайтах российских и региональных уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей активно представлены правозащитные медиаресурсы, которые необходимы для формирования эффективного политического диалога государства и общества, для развития правовой культуры (в том числе культуры прав человека).

Необходимо поддерживать и распространять лучшие практики по формированию и развитию правозащитных медиаресурсов, направленных на совершенствование образовательного потенциала медиасферы по следующим основным направлениям: гуманитарное просвещение, развитие правовой культуры (в том числе культуры прав человека), правозащитные практики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00813/22 «Образовательный потенциал медиасферы как пространства развития правовой культуры и культуры прав человека в современной России».

Головин Ю.А.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В современных условиях политических, экономических санкций и военного конфликта Запада против Российской Федерации особое значение приобретает политико-административное управление во всех сферах нашего государства и российского общества.

Целью США и их союзников является уничтожение России как геополитического, экономического и военного конкурента, расчленение нашей страны на враждующие друг с другом части. Эта задача реализуется достаточно давно, но с началом специальной военной операции России на Украине наступление на нашу страну значительно усилилось. Если на театре военных действий союзные войска добиваются успехов, расширяют свое влияние на территории и граждан Украины, то в информационной сфере страны Запада, отбросив все сказки о свободе слова, мнений и плюрализме, установили жесткий, тоталитарный режим, не допускающий каких-то альтернативных позиций. В основе информационной политики западных стран — ложь и подтасовка фактов. Примером может служить освещение в западных и украинских СМИ событий вокруг Запорожской атомной электростанции. По версии западных СМИ, российские военные, которые взяли под охрану ЗАЭС, сами обстреливают опасные объекты станции из изготовленных в странах НАТО орудий и РСЗО. Никакие доказательства обратного, вины украинских военных, даже на заседаниях Совета Безопасности ООН во внимание не принимаются.

В сфере политико-административного управления современными процессами в нашей стране целесообразно сформировать идеологическую основу государственной деятельности, вобрав все лучшее из отечественного идеологического наследия.

Важно совершенствовать управление информационными ресурсами, оценить эффективность каждого ресурса, степень их влияния на различные категории граждан. Гармонизировать финансирование информационных кампаний, активно использовать инновационные формы и методы воздействия на общественное мнение в стране и за рубежом.

В специальной военной операции следует шире использовать опыт партийно-политической работы в годы Великой Отечественной войны и локальных военных конфликтов. Так, в соединениях, действующих в ДРА и на отдельных участках государственной границы, в штате политических органов были специалисты по специальной пропаганде, которые оснащались техническими средствами на базе БТР-60ПБ. Конечно, боевые и технические средства для подобной деятельности существенно изменились, но формы и методы их работы желательно использовать на освобожденных территориях Украины в настоящее время. Есть еще немало полезного из опыта прошлого, что возможно с успехом использовать сейчас.

Политико-административное управление предполагает разумное сочетание политических и иных интересов при принятии внешнеполитических решений. В условиях ожесточенного военно-политического конфликта на Украине, где с украинской стороны участвуют США и страны Западной Европы, решения о поставках нефти, газа и других ресурсов, необходимых для экономики и жизни этих стран, принимаются с учетом наших экономических интересов. При этом в странах Балтии и Польши сносятся памятники советским воинам, погибшим при освобождении этих стран в годы Второй мировой войны. И это не только плевок в нашу историческую память, но и фальсификация итогов войны, тем самым в странах Западной Европы пытаются вычеркнуть из памяти европейцев роль и место СССР в победе над фашизмом. Неудивительно, что фашизм в этих странах вновь поднимает голову. Очевидно, что в сфере экономических отношений следует учитывать и наши политические интересы.

В условиях все более обостряющегося информационного противоборства западных стран и России следует уделять большее внимание политическим аспектам наших практических действий в этой сфере.

РОЛЬ ПРЕДМЕТА ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ

«Обществознание как учебный предмет изучает общество как систему и человека как субъекта общественных отношений. Обществознание выполняет функцию интеграции знаний о человеке и обществе, устанавливает межпредметные связи с другими предметами социально-гуманитарной направленности. Обществознание призвано сформулировать у обучающихся целостную картину современного общества..., представления о разных гранях социальной жизни, понимание своего места в российском обществе и семье как важнейшего социального института, а также способствовать освоению типичных социальных ролей, формированию правовой культуры, антикоррупционного поведения», — говорится в Концепции преподавания учебного предмета «Обществознание» в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы. В связи с этим на учителей, преподающих данный предмет, возлагается большая ответственность по формированию в рамках своей компетенции достаточного уровня правовой, экономической, нравственной и политической культуры.

Предмет обществознания состоит из пяти базовых модулей: «Человек и общество», «Социология», «Право», «Политика», «Духовная сфера». Модуль «Политика» в базовой версии изучается в 9-м и 11-м классах, где формируется познавательный компонент политической культуры через изучение ключевых тем курса. Практика показывает, что в 9-м классе подростки слабо ориентируются в политическом пространстве как своей страны, так и мира. Простые социологические опросы дают представление об отсутствии у обучающихся интереса к политическим процессам в силу незнания (90% обучающихся). После прохождения базового курса ребята уже лучше ориентируются в политической жизни собственной страны (60% обучающихся). Однако этого недостаточно для формирования уровня политической культуры. Для этого необходимо начать работать над формированием оценочного, эмоционального и поведенческого уровней политической культуры. В педагогической копилке у современного учителя есть активные и интерактивные формы и методы обучения, такие как проблемные задачи, образовательные экскурсии, дебаты, тренинги, встречи с политиками, проектная деятельность, игры.

Голубкова Н.И.
Издательская группа «Юрист», Москва

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Специальную военную операцию России на Украине можно считать своеобразным водоразделом, отделившим сложившийся мировой порядок с гегемоном в лице США от новой геополитической реальности, характерной чертой которой становится стремление многих государств отстоять свой суверенитет.

Суверенитет в классическом понимании представляет собой возможность и способность государства самостоятельно реализовывать внутреннюю и внешнюю политику, принимать решения, соответствующие национальным интересам. Актуальная европейская повестка свидетельствует о том, что их национальные интересы (сохранение темпов развития экономики, рабочих мест, энергетической безопасности и т.д.) — необходимость бороться с Россией, отстаивающей свой национальный суверенитет в рамках СВО. На алтарь стремления «помочь демократической Украине в борьбе за свободу» кладутся интересы граждан европейских государств, которые теряют не только комфортные условия, но и «базовые бытовые удобства»: температуру в домах, возможность поддерживать гигиену на привычном уровне и т.д. В результате признание утраты суверенитета странами ЕС становится неотъемлемой частью европейского политического дискурса. Так, она проявила себя во время президентской электоральной гонки во Франции и стала одной из причин возросшего рейтинга Марин Ле Пен. О важности сохранения суверенитета в рамках избирательных процессов 2022 г. говорили президент Сербии Александр Вучич, премьер-министр Венгрии и лидер партии «Фидес» Виктор Орбан. Оба выиграли электоральную гонку, подтвердив запрос общества на укрепление независимости. Политики разных стран от Бразилии до Китая подтверждают, что призывы США о поддержке Украины, сочетающиеся с давлением, являются посягательством на суверенное решение современных государств о поддержке России или выборе нейтральной позиции.

Ключевыми проявлениями ослабленного или даже утраченного суверенитета в нынешних условиях становятся следующие проявления внешней и внутренней политики:

- военная поддержка государства, с которым отсутствуют договоры о безопасности и вообще длительные сотруднические отношения (военная помощь по указанию);
- отправка вооружения для поддержки армии другого государства с нанесением явного урона собственной обороноспособности;
- вынужденная финансовая поддержка других государств, покрытие их расходов на вооружение или другие нужды;
- вынужденное принятие беженцев и их социальная поддержка, которая усугубляет социально-экономические проблемы принимающих государств;
- идеологический диктат других государств или граждан других государств/беженцев по принятию или непринятию каких-либо идей, культурных проектов и т.д. (феномен отмены русской культуры в Европе в 2022 г.);
- запрет на покупку энергоносителей из определенных государств (нарушение энергетического суверенитета всех участников сделки);
- запрет на использование определенных валют в международных финансовых операциях и сделках (посягательство на валютный суверенитет стран–участниц таких операций и сделок) и др.

Возросшая актуальность исследования национального суверенитета может объясняться не только существованием до 24 февраля 2022 г. однополярного мира во главе с США, но и трансформацией роли международных организаций, которые из площадки для взаимодействия различных стран превратились в полноценного участника мировой политики, зачастую отбирающего часть суверенитета у входящих в состав государств-членов. Европейская конфедерация не единожды демонстрировала нарушение Европарламентом экономических и политических интересов стран ЕС. Можно констатировать, что изменения в геополитической обстановке, вызванные СВО России на Украине, трансформируют отношение современных государств к международным организациям и интеграционным процессам.

Соперничество коллективного Запада с Россией напоминает математическую игру, в которой каждое действие приводит к изменению удельного веса суверенитета каждого игрока и «баланса суверенитетов». В целом противостояние демонстрирует значимость «отраслевых» составляющих суверенитета, становится очевидным, что возможность обеспечить национальную безопасность в целом зависит от такой способности в отдельных сферах (социально-экономической, технологической, энергетической, информационной, спортивной, образовательной и т.д.). Анализ методов, к которым прибегают западные страны в попытке оказать влияние на суверенное право России по защите своих территорий, показывает небывалый размах и затрагивает сферы, которые принято считать аполитичными. Например, сферу спорта и олимпийского движения (отстранение российских и белорусских спортсменов от международных соревнований с нарушением Олимпийской хартии).

Последний вывод свидетельствует о том, что России в условиях нового геополитического противостояния рекомендуется для защиты национального суверенитета в целом заниматься укреплением отдельных его проявлений: образовательного суверенитета (выход из Болонской системы и реанимация отечественной системы образования), электорального суверенитета (пересмотр роли международных наблюдателей, претендующих на вынесение вердикта о легитимности выборов) и др.

*Гоптарева И.Б.
ОГУ, Оренбург*

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ВОПРОСЫ КОНТЕНТА

«Идеальная публичная сфера», по Ю. Хабермасу, должна удовлетворять трем условиям: а) открытость доступа для всех социальных групп и ко всем темам, имеющим общественное значение; б) дискурсивность, понимаемая Хабермасом как процесс рационального обоснования норм, в котором происходит обмен аргументами и использование их для убеждения других участников (дискурсивное действие). Общественное мнение, которое Хабермас описывает как «продукт обсуждения», должно формироваться не путем компромиссов, как это происходит в большинстве случаев, а путем убеждения, приведения лучшей аргументации; в) легитимность общественности в политических процессах (дебаты, дискурсы, публичные выступления и т.д.): согласно идее Хабермаса, публичные дискурсы должны, с одной стороны, обеспечивать политическую элиту ресурсами для принятия решений, а с другой – политические решения могут быть легитимированы в публичном дискурсе, что расширяет рамки демократии.

Нормативные требования Хабермаса к публичной сфере фактически скрывают его критику структуры реальной публичной сферы. Согласно Хабермасу, публичная сфера, предварительно структуриро-

ванная и управляемая средствами массовой информации, превратилась во «властную арену», на которой доминируют хорошо организованные коллективные акторы (группы интересов и партии), а не общественность, состоящая из потенциально заинтересованных граждан. Здесь посредничество СМИ имеет одностороннюю направленность в том смысле, что общественность — это публичная сфера, созданная самой политической системой (*Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorier bürgerlichen Gesellschaft. Suhrkamp, 1990*).

С позиций теории общества (или «зеркальной теории») Н. Лумана, важны не идеалы общественности, а наблюдаемое явление, не являющееся нормативно востребованным. Луман полагает, что СМИ ежедневно предоставляют такое количество разнообразной информации (репортажи, сводки, сообщения, отчеты и т.д.), что прямое наблюдение за окружающей средой бывает очень редко. Вот почему Луман понимает публичную сферу как систему наблюдения самого общества. В этой системе наблюдения публичный дискурс, по Луману, играет второстепенную роль, а общественность находится в центре внимания. Таким образом, главной проблемой Луман считает способы и методы определения того, что принадлежит к общественности, а что нет.

Согласно Луману, конструкция публичной сферы отнюдь не мыслится как система с четкими границами, напротив, публичная сфера должна рассматриваться как социальная среда, открытая для других подсистем.

Луман видит функцию общественности в обеспечении возможности самонаблюдения с последующим описанием себя самой в различных СМИ. Иначе говоря, общественность служит средством рефлексии. Однако публичная сфера отнюдь не сводится к зеркальному отражению реальности социальных подсистем, это скорее конструирование реальности на основе «наблюдения второго порядка», которое действует как зеркало или отражение. Зеркало именно потому, что сквозь него нельзя увидеть то, что находится за ним. С помощью зеркала можно наблюдать и самого себя (самонаблюдение), и других, но непосредственной реальности, скорее всего, не увидишь. Если в этом случае публичная сфера рассматривается как зеркало общества в целом, то общественное мнение является зеркалом политики (*Luhmann N. Die Beobachtung der Beobachter im politischen System: Zur Theorie der Öffentlichen Meinung // Wilke, Jürgen (Hrsg.): Öffentliche Meinung, Theorie, Methoden, Befunde, Beiträge zu Ehren von Elisabeth Noelle-Neumann. Freiburg, 1992. S. 77–86*).

Согласно Луману, общественное мнение ни в коем случае не является совокупностью индивидуальных мнений, потому что оно всегда латентно до того момента, когда оно становится прозрачным в коммуникациях. Кроме того, немисливо, чтобы миллионы людей в определенный момент высказывали одно и то же мнение одновременно. Вот почему Луман определяет общественное мнение как публичную среду, в которой формы изображаются, а затем снова растворяются посредством коммуникативных действий.

Эффект зеркала заключается не в коррекции действия, а в отражении, как утверждает Луман. В связи с этим возникает вопрос, какую роль СМИ играют в публичной сфере, исходя из «зеркальной» концепции Лумана? Для Лумана пресса и радио являются «скульптурами» общественного мнения, которые приковывают внимание общественности и работают по определенным правилам, таким как, например, постоянное предоставление чего-то нового. По мнению Лумана, СМИ также действуют как непрозрачное зеркало между зрителями и политиками. Обе стороны ничего не видят и не знают друг о друге, даже если для аудитории через электронные СМИ создается иллюзия прямого восприятия.

Таким образом, «теория зеркала» Лумана представляет собой теоретическую противоположность «идеальной теории публичной сферы» Хабермаса, так как Луман в центр содержания учения о публичной сфере ставит наблюдаемое явление, а Хабермас — идеалы общественности, формируемые в публичных дискурсах.

Горлов К.Н.

Мичуринский городской Совет депутатов Тамбовской области,
МичГАУ, Мичуринск

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Ранние исследователи вопросов цифровизации городской среды отказывали самим горожанам в агентности, т.е. способности действовать самостоятельно и осознанно влиять на производимые ими данные. Возвращение интереса непосредственно к горожанам, произошедшее на фоне интенсивного развития онлайн-коммуникаций, вывело на первый план вопросы социальной консолидации — неотъемлемой части процесса урбанизации современного общества.

Уровень социальной консолидации обусловлен, как правило, характером взаимодействия между элементами городских сетей. Среди них пространства и технологические объекты, инфраструктуры

и алгоритмы, люди и технологии. В малых группах уровень социальной консолидации определяется исключительно повседневными коммуникациями, более крупные сети скрепляются не только межличностными отношениями, но и институционально. В любом случае отношения между членами сообществ носят множественный характер, который подразумевает возникновение альянсов, меняющих баланс власти.

Цифровизация оказывает значительное влияние на социальную консолидацию городских сообществ, что хорошо прослеживается на информационно-коммуникативном уровне. Жители города по определению вовлечены в различные городские коммуникационные кластеры, которые, как правило, локализованы по пространственному признаку. В доцифровой модели городской коммуникации эти пространства выступали в качестве своего рода территорий городских идентичностей. Однако в эпоху цифровой трансформации общества меняются и пространства социальной консолидации.

Очевидно, что сегодня городские пространства приобретают все менее физический и более виртуальный характер. В результате происходит девальвация физического пространства как точки консолидации. Для коннективных действий, решения проблем, обсуждения вопросов горожане повсеместно используют средства мобильной коммуникации, онлайн-платформы и месенджеры, позволяющие создавать микрогруппы для взаимодействия в индивидуализированном обществе. Чаты и беседы в *WhatsApp*, *Telegram*, *Viber*, *FB Messenger* фактически становятся «цифровыми общественными пространствами», объединяющими индивидов в группы. Состоять в чате или группе социальной сети означает быть включенным в сообщество, а горожане, номинально принадлежащие к той или иной группе, но не включенные в онлайн-сообщества ее участников, фактически исключаются из важных коммуникационных процессов, не участвуют в коммуникативных практиках принятия решений и символических процессах определения ситуаций.

Появление цифровых пространств консолидации в определенной степени меняет онтологию и прагматику социального взаимодействия. *Во-первых*, как мы уже отмечали ранее, в цифровых пространствах консолидация индивидов происходит не при условии физического присутствия, а коммуникативного участия. *Во-вторых*, цифровые пространства предполагают трансформацию темпоральных параметров коммуникации: взаимодействие на цифровых площадках подразумевает быстрый и дискретный характер коммуникации, а значит, требует от участников другой скорости реагирования на сообщения.

Пытаясь контролировать уровень социальной консолидации и влиять на него, власть должна учитывать изменения в характере своих взаимоотношений с обществом, произошедшие вследствие цифровизации городских сообществ, а именно:

- резкое сокращение временного промежутка от фиксации локальных проблем до их перехода в информационное пространство местного сообщества и, следовательно, такой же по интенсивности рост запроса на оперативную реакцию власти на проблемы;
- распространение феномена готовности к совместным действиям без явного лидерства (развитие механизмов саморегуляции и самоидентификации горожан);
- многократный рост мобилизационного потенциала городских и локальных сообществ;
- повышение интереса городского населения к неформальным практикам участия в жизни общества;
- потеря официальной властью и СМИ привилегированного права на создание контента и определения социально-политической повестки, изменение роли горожанина с пассивного наблюдателя на активного создателя социально-политической повестки;
- появление новых дискурсивных стратегий, приемов манипулирования информацией (рост фейков и их влияния, феномен постправды);
- значительный рост открытости процесса принятия решений и рост запроса на открытость, прозрачность системы городского управления.

При этом следует заметить, что излишнее увлечение только технической стороной управления городом не приводит к образованию должного синергетического эффекта, усугубляет социальное разделение.

КАРТИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОТ ТЕОРИИ ЧЕРЕЗ ИЗМЕНЕНИЕ ПРАКТИК К ИЗМЕНЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Изменения социально-политической ситуации в стране проявили разделение, а зачастую и поляризацию установок разных социальных групп как в отношении государственных политических решений, так и в ценностном отношении. Явным становятся противоречия между основной массой населения и творческой, научной и пр. «элитой» страны.

В 2021 г. нами было проведено картирование российских ученых-гуманитариев в социальной сети «ВКонтакте». Исследование являлось междисциплинарным, сочетало социологические, лингвистические подходы, а также методы сетевого анализа.

При проектировании исследования российских ученых-гуманитариев мы исходили из того, что социальные практики, нормы, ценности внедряются в общественное сознание и потом реализуются по цепочке: «теория» — «агенты влияния» — «распространение практик» в целевых аудиториях.

Прежде всего, мы основывались на социологической теории — активистской парадигме (П. Бурдье, Э. Гидденс, П. Штомпка и др.), которая рассматривает механизмы глобальных социальных изменений через изменения практик отдельных акторов. По результатам наших предыдущих исследований, молодые ученые-гуманитарии являются основными посредниками, распространяющими свои приоритеты на другие молодежные, социально и политически активные группы, формирующие их. Изменяя ценностные установки и практики групп ученых-гуманитариев, можно изменять практики широкого спектра групп-реципиентов, связанных с ними. Таким образом, со временем можно получить изменения некоторых социальных институтов.

Основной целевой аудиторией влияния и социального проектирования является молодежь, которую «перезагружают» и искусственно отделяют от старшего поколения по всем направлениям: культурно, исторически, ценностно, через повседневные привычки и т.п.

Агентами влияния в молодежной среде является так называемая «продвинутая молодежь», высокообразованная, активная, пассионарная. По неформальным каналам ее насыщают западными теориями, которые легитимируют альтернативные практики поведения. Они принимают это как новую норму, организуют и вступают в соответствующие сообщества, а потом через эти сообщества транслируют альтернативные практики остальной молодежной субкультуре (музыкальные группы, группы смерти, ЛГБТ и пр.).

Прежде всего, проводниками новых ценностей, установок и практик являются представители гуманитарного знания — социологи, политологи, филологи, философы. Трансляция проходит через большие группы федерального уровня. Проведенное картирование показало, из чего складываются практики «продвинутой» молодежи. Таким образом, получено приращение знания о функционировании среднего звена распространения новых практик: «агенты влияния».

Нами было проведено подробное картирование групп российских ученых-гуманитариев в социальной сети «ВКонтакте». Использовался наш авторский метод зернового приращения. Связями являлись совместные участники между группами. После заполнения матриц смежности была проведена визуализация групп ученых-гуманитариев. Для итогового картирования были отобраны 567 групп с пороговым значением связей в 5 тыс. совместных подписчиков. В результате приращения были получены 1500 групп ученых-гуманитариев и 13 тыс. сопутствующих групп, характеризующих их пристрастия в литературе, хобби, образе жизни.

Особо выделялись группы «интеллектуального хобби» — группы-«библиотеки», где распространяются теоретические и прикладные публикации, российские и переводные зарубежные издания. Для понимания доминирующих философских, социальных, экономических и политических идей были получены 84 тыс. файлов книг, литературы, ссылки на которые появлялись в группах ученых-гуманитариев за последние 2 года (на момент исследования).

По итогам исследования сделаны выводы о доминирующих в среде молодых ученых-гуманитариев практиках, теориях, идеях и степени их распространения в смежных социальных группах. Также оказалось возможным сделать выводы о социальных институтах, претерпевающих изменения, и механизмах их изменения.

Вот некоторые содержательные характеристики результатов картирования ученых-гуманитариев:

- прежде всего, реформированию подвергаются формальные и неформальные социальные институты: силовые структуры, власти, семья (в том числе расчеловечивание, чайлдхейтинг и пр.) и др.;

- также были выявлены группы, формирующие негативный образ страны и большинства ее населения;
- на первой же итерации приращения выявилась связь российской гуманитарной интеллигенции с федеральными оппозиционными группами и ресурсами;
- было выявлено большое число сопутствующих характерных групп, которые осуществляют эмоциональное погружение акторов в определенное депрессивное состояние, развивают пренебрежение к жизни (своей и чужой) и т.п.;
- большое значение в распространении практик имеют характерные группы, посвященные хобби: музыке, кино, искусству и т.п.

Граховац Н.
Техникум «Уб», Уб, Сербия

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Образование детей является ключом к будущему каждого общества, но на Балканах, особенно в Сербии, многие к этому относятся негативно. Самой большой проблемой является не критическое принятие инноваций из Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Проблема в том, что учащиеся встречаются поздно с историей и другими социальными дисциплинами.

Существует предмет, называемый знанием природы и общества, но введение этого предмета не много изменило ситуацию по сравнению с периодом до распада Социалистической Федеративной Республики Югославия. Детям необходимо в самый ранний период познакомиться с историей и другими социальными дисциплинами (по крайней мере, в игровой форме). Дети, которые не живут в семьях, в которых их учат любить свою семью, родственников, друзей, людей, церковь и государство, и их не учат думать своими головами, легко будут поддаваться блеску и обещаниям западных обществ. Но это не означает, что все, что приходит с Запада, должно быть отброшено.

Что нужно для того, чтобы дети были успешно социализированы? Необходимо создавать программы, которые охватывают и дошкольников, и учеников до четвертого класса начальной школы и могут предоставить возможность многое узнать об истории и культуре сербских и других словенских людей в игровой форме, а также о том, что они получают возможность начать изучать другие славянские языки.

Гребенко Е.Д.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСТВА

На сегодняшний день молодежные организации и объединения имеют высокий потенциал к вовлечению молодежи в процессы общественно-политической активности. При этом важной является их роль в удовлетворении социальных потребностей молодежных групп и структурировании интересов молодых людей относительно процессов коммуникативного взаимодействия. Государственная молодежная политика Российской Федерации призвана стимулировать механизмы вовлечения и воздействия различных политических и общественных институтов для эффективной работы с молодежными объединениями. Подобные действия должны раскрыть потенциал нового поколения в процессах совместного принятия решений как политических, так и социальных проблем, что, в свою очередь, повышает легитимность действий органов власти.

Несмотря на наличие различных площадок для взаимодействия молодых людей, процессы формирования широких инициативных групп молодежи сталкиваются с определенными проблемами. Одной из таких проблем является низкая информированность молодежи о деятельности политических и общественных молодежных объединений. Подобная проблема возникает, *во-первых*, из-за низкого интереса молодежи к действиям гражданских организаций и объединений, а *во-вторых*, из-за неэффективных механизмов информирования о формах общественно-политического участия для молодых людей. В свою очередь, эта проблема перетекает в низкую вовлеченность молодежи в активность молодежных организаций и объединений. Это может декларироваться высокой внутренней дифференциацией молодежных групп, различием их интересов, мировоззрений и ценностных установок.

Важным институтом социализации современной молодежи являются высшие и средние специальные учебные заведения, первичные организации которых призваны вовлекать молодых людей в различные активности: волонтерские, учебно-научные, спортивные и т.д. Несмотря на это, механизмы работы с молодыми людьми зачастую направлены на вовлечение уже активной молодежи, которая имеет высокий уровень заинтересованности в деятельности общественных объединений. При этом уровень самоидентификации большей массы студентов с высшими и средними специальными учебными заведениями остается на низком уровне, сохраняя общую индифферентность молодежи относительно любых форм общественной и политической активности.

Вышеперечисленные тенденции позволяют говорить о формировании трех различных групп молодежи относительно их вовлеченности в молодежные организации и объединения: активная молодежь (меньшинство), удовлетворяющая свои коммуникативные потребности во взаимодействии со сверстниками, реализующая в том числе и карьерные задачи; индифферентная молодежь (большинство) — молодые люди, равнодушно относящиеся к любым формам общественно-политического участия, реализующие индивидуальные интересы без запроса на коллективное взаимодействие; молодые люди, негативно настроенные к молодежным общественным организациям и объединениям — в основном негативное отношение направлено к официальным, юридически закрепленным организациям или организациям при официальных структурах.

Можно отметить, что молодежные организации являются важным институтом социализации молодых людей и их вовлечения в социально значимую деятельность. При этом низкая вовлеченность и заинтересованность молодых людей формирует широкую группу равнодушной молодежи с низким уровнем самоидентификации во взаимодействии с общественными институтами для решения социально-политических проблем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ- 2022-0001 «Потенциал молодежных общественных организаций для консолидации российского студенчества в интересах развития страны».

Гребенюк Е.Ф.
МБОУ «Лицей № 15», Воронеж

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЙ ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Политические процессы, происходящие в современном мире, стремительно изменяют политическую действительность. Интерес к политике охватывает все большие массы людей. Как известно, политическое сознание представляет собой образ политической действительности, который складывается из синтеза обыденного эмоционального восприятия политических процессов с теоретическим знанием политологии. Обыденное политическое сознание формируется, как правило, стихийно, в повседневной жизни и практической деятельности. Теоретическое — является результатом квалифицированной профессиональной деятельности ученых-идеологов. Политическое сознание определяет политическое поведение. В связи с этим одной из главных задач такого социального института, как образование, является целенаправленный процесс политической социализации молодого поколения. И, конечно же, это происходит прежде всего на уроках истории и обществознания. Научная база учебного предмета «Обществознание» предполагает многоаспектность изучения общественной жизни. Раздел «Политика» курса обществознания дает научное понимание политической жизни общества, способствует формированию активной жизненной позиции молодежи, акцентирует внимание на современных социальных явлениях, тенденциях развития российского общества в условиях глобального мира. Современное школьное историческое образование также призвано обеспечить овладение комплексом знаний об истории России и человечества в целом, представлениями об общем и особенном в мировом историческом процессе, включая политическую сферу. «В современных условиях, когда политическая социализация молодежи подвергается воздействию различных, в том числе конкурирующих, информационных источников, — пишет один из исследователей — школа, реализуя государственный заказ в сфере политической социализации подрастающей молодежи, остается едва ли не единственным институтом, способным придать процессу управляемый, контролируемый характер» (Куркин В.А. Роль школьного исторического образования в политической социализации учащейся молодежи // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 111–124. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-111-124). Однако следует отметить ряд проблем, с которыми приходится сталкиваться учителям при проведении мероприятий, связанных с распространением знаний

о политике: *во-первых*, незаинтересованность учеников; *во-вторых*, низкий уровень специальной компетентности учителей, *в-третьих*, зачастую простое «натаскивание» учащихся для решения тестовых заданий при подготовке к ЕГЭ. Все это в значительной степени снижает роль школы как агента социализации в процессе формирования политических ценностей и представлений школьников о политике в современных условиях. Именно поэтому ключевой идеей совершенствования преподавания таких учебных дисциплин, как «История» и «Обществознание», в целях политической социализации молодежи должно стать, прежде всего, формирование новой концепции государственной политики в сфере общего образования, а также привлечение различных общественных организаций, политических партий, избирательных комиссий, государственных органов к тесному сотрудничеству со школой в рамках отдельных тем уроков по истории и обществознанию, используя современные информационные технологии путем проведения онлайн-встреч, виртуальных экскурсий, круглых столов. При этом необходимо повысить роль учителя, создав благоприятные стимулирующие условия для мотивации повышения профессионального уровня педагогического сообщества.

Грибанова Г.И.
СПбГУ, Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В АРКТИКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ

Долгое время Арктика не входила в перечень наиболее важных для мировой политики регионов земного шара, представляя собой своего рода «клуб инсайдеров», т.е. тех государств, часть территории которых географически относится к Арктическому (или приарктическому) региону. Прежде всего, речь идет о пяти прибрежных государствах Северного Ледовитого океана, которые имеют в Арктике исключительные экономические зоны, где они разрабатывают природные ресурсы, развивают транспортную инфраструктуру, несут ответственность за социальное благополучие коренного населения, а также считают важным свое присутствие в регионе с точки зрения защиты собственных геополитических интересов. За ними следуют три другие страны — Финляндия, Исландия и Швеция, для которых Арктика важна в первую очередь с точки зрения их экономических интересов. Именно такое понимание ситуации в регионе нашло свое отражение в Уставе созданного в 1996 г. Арктического совета (АС), ставшего центральным элементом международного сотрудничества и управления Арктикой.

Однако с конца первого десятилетия XXI в. к Арктике все больший интерес начинают проявлять страны Азии, географически отстоящие весьма далеко от Северного Ледовитого океана, не говоря уж о Северном полюсе. В связи с этим возникает естественный вопрос о причинах активности этих стран в отношении укрепления своих позиций в Арктике. Тем более что одновременно арктическая тема начинает все отчетливее проявлять себя в повестке дня глобальной политики. Связано это в первую очередь со следующими новыми факторами:

1. Изменение климата, усиление влияния Арктики на климатическую ситуацию во многих странах мира.
2. Полезные ископаемые.
3. Транспортные пути.

Естественно, что включение в арктическую повестку дня новых политических акторов не могло остаться без внимания России. На наш взгляд, в отношении РФ к новому фактору в международном взаимодействии в Арктике можно выделить три этапа. На первом этапе Российская Федерация достаточно жестко отстаивала иерархию национальных интересов государств в Арктике. В частности, она изначально выступала против предоставления Китаю и другим странам статуса наблюдателя в Арктическом совете, пока они не согласились уважать суверенитет арктических государств.

На втором этапе, начавшемся в 2014 г., когда в связи с Крымом на РФ коллективным Западом были наложены серьезные экономические санкции, российская сторона начала всерьез заниматься диверсификацией своих международных проектов в Арктике, заявив о своей готовности к стратегическому сотрудничеству с Китаем в этом регионе. Однако на этом этапе Россия все-таки стремилась не ограничивать себя какими-либо обязательствами перед Китаем.

Третий этап корректировки российской позиции в отношении международного сотрудничества в Арктике непосредственно связан с той санкционной войной, которая была объявлена Западом после начала спецоперации РФ на Украине, что сделало необходимым для России определение новых союзников по освоению Арктики.

Наиболее очевидным вариантом, конечно, представляется всестороннее развитие российско-китайского сотрудничества, отказ РФ от любых ограничений в этой сфере. В том числе речь может идти

и о военном сотрудничестве, тем более что военно-политическая обстановка в регионе становится все более напряженной.

Однако, делая ставку на финансовую и технологическую помощь Китая, без которой России в нынешних условиях вряд ли удастся обойтись, не следует, на наш взгляд, забывать, что интересы двух стран в Арктике сильно различаются как по масштабам, так и по характеру.

Вот почему, укрепляя российско-китайское сотрудничество в Арктике, было бы целесообразно, на наш взгляд, в определенной степени уравновесить его расширением и углублением взаимодействия с другой страной-наблюдателем в Арктическом совете, не присоединившейся ни к каким антироссийским санкциям. Речь, конечно, идет об Индии. Тем более что такое взаимодействие уже осуществляется.

Наряду с двусторонним российско-китайским и российско-индийским сотрудничеством в Арктическом регионе перспективным, на наш взгляд, может быть и взаимодействие в рамках таких объединяющих наши страны организаций, как БРИКС и ШОС. Это позволило бы «подтянуть» к решению проблем Арктики и другие страны, ранее не проявлявшие своего интереса к этому региону. Кроме того, можно было бы использовать опыт, накопленный Бразилией и ЮАР в Антарктиде.

Таким образом, на данном этапе трансформации международных отношений, характеризуемом резким обострением противостояния между Россией и коллективным Западом, нашей стране было бы, по нашему мнению, целесообразным делать ставку на расширение спектра участников арктических программ и проектов, сохраняя при этом свое лидерство как крупнейшей арктической державы.

Григорьев Н.А.
СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Электоральный процесс, связанный с региональными и муниципальными выборами, развивался исходя из логики развития федеральной избирательной системы и развития федеративных отношений. В 1990-е годы, в период децентрализованного федерализма, сложились различные типы региональных режимов с развитыми партийными системами. В 2000-е годы, в период централизации, были уменьшены полномочия регионов, приведшие к отмене прямых выборов глав субъектов, реформированию партийных и избирательных систем. К настоящему времени сложилась смешанная избирательная система по партийным спискам и мажоритарной системе.

Республика Саха (Якутия) является национальной республикой, что влияет на формирование местной региональной элиты. Заметны тенденции взаимозависимости представителей элиты исполнительной и законодательной ветвей власти, а также признаки землячества, родственных связей. По партийным спискам партии власти «Единой России» обычно представлены Глава республики и представители верхних эшелонов республиканской власти.

Региональные электоральные процессы зависят от различных факторов, среди которых это, характеристика регионального политического режима, взаимоотношения федеральных и региональных элит, местной власти и различных финансово-экономических групп интересов.

9 сентября 2018 г. в Единый день голосования в Республике Саха (Якутия) состоялись региональные и муниципальные выборы, где были избраны Глава региона, депутаты местного законодательного собрания Ил Тумэн и выборы в муниципальных районах. Бывший мэр г. Якутска А. Николаев одержал уверенную победу, поскольку пользовался поддержкой жителей республики. Также в ходе предвыборной агитации многие усилия были направлены на социальные сети. Победа на местных выборах мэра г. Якутска Сарданы Авксентьевой, представителя «Партии возрождения России» в Республике Саха (Якутия), стала одним из главных событий не только регионального масштаба, но и общероссийского.

В сентябре 2018 г. в Единый день голосования прошли выборы в Государственное Собрание Ил Тумэн VI созыва. На выборах в региональный парламент партии «Единая Россия» удалось сохранить большинство, несмотря на поддержку непопулярных социально-экономических преобразований. По партийным спискам данная партия получила 20 мандатов. Однако по сравнению с выборами 2013 г. результат оказался ниже. Улучшила свои позиции КПРФ, набрав 7 мандатов, и ЛДПР с 3 мандатами. Справедливая Россия, несмотря на деятельность авторитетного лидера Ф. Тумусова, потеряла статус второй партии, набрав 5 мандатов.

В настоящее время сложилась смешанная избирательная система выборов в региональные законодательные собрания, что должно привести к развитию партийной системы. В Республике Саха (Якутия) партийный состав почти не отличается от общероссийского состава четырех парламентских фракций. По партийным спискам и по пропорциональной системе можно наблюдать постепенное снижение позиций партии «Единая Россия» и улучшение позиции КПРФ.

Возвращение практики прямого избрания глав субъектов в России с 2012 г. определило новый этап развития регионального электорального процесса. На выборах глав субъектов стали возвращаться элементы конкуренции. Региональные и муниципальные выборы в Республике Саха (Якутия) отражают общефедеральную специфику. На выборах главы республики побеждают действующие губернаторы, а партийное представительство стабильно представлено четырьмя основными федеральными партиями. В 2023 г. регион ожидает важный избирательный цикл, связанный с выборами главы региона, местного парламента и муниципальными выборами.

Список литературы

Гришин Н.В. Государственная электоральная политика: предметная область нового научного направления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3 (40). С. 71–82.

Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Саха (Якутия). URL: <http://www.yakut.izbirkom.ru/>.

Чувиллина Н.Б. Региональные электоральные процессы в постсоветский период // Власть. 2009. № 9. С. 56–59.

Гриценко Г.Д.
ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону

ДИНАМИКА УГРОЗ И РИСКОВ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Впервые на официальном уровне угрозы национальной безопасности, сконцентрированные на Северном Кавказе, были определены в 2009 г. К ним, прежде всего, отнесены рискогенные факторы в следующей последовательности: терроризм, относительная бедность населения, высокий уровень безработицы, огромные масштабы коррупции, низкая эффективность органов власти, качество жизни населения, критическая зависимость региональных бюджетов субъектов СКФО от дотаций федерального бюджета, клановость и экстремизм, поставляемый из-за рубежа.

К 2018 г. в результате предпринятых государством мер как социально-экономической, так и административно-силовой направленности иерархия угроз приобрела несколько иное распределение. Было зафиксировано, что за счет эффективности «силового» компонента региональной политики «вопросы борьбы с терроризмом решены практически полностью» (А. Матовников, полпред Президента РФ в СКФО). Ставка на малый и семейный бизнес в развитии экономики Северо-Кавказского региона смягчила ситуации с безработицей: наиболее заметны позитивные результаты в снижении безработицы в Чеченской Республике. Однако, как показывает социальная практика, происходит актуализация теневой экономики и системы внутрительповых, внутрисклановых связей. Также не дали заметного результата масштабные организационные и финансовые усилия по повышению уровня валового регионального продукта (ВРП) на душу населения: его прирост за период 2010–2018 гг. составил от 2,1 раза (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан) до 1,6 раза (Северная Осетия–Алания). Это означает, что на первый план начинают перемещаться такие риски, как клановость, низкая эффективность органов власти и огромные масштабы коррупции.

В начале 2022 г. Правительство Российской Федерации утвердило «Стратегию социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года», в которой определены основные направления, способы и средства обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития СКФО. Здесь раскрыты и риски стабильности региональной ситуации. На первое место перемещается «теневая» занятость как один из главных факторов, ограничивающих экономическое развитие регионов, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, а также высокого уровня статистически зафиксированных безработных, большая часть из которых имеют работу в неформальном секторе экономики. По оценкам Федеральной службы государственной статистики, доля занятых в неформальной экономике СКФО составляет около половины работающего населения (43,2%), что вдвое больше среднего значения по Российской Федерации (20,5%). И как результат: небольшой уровень налогового потенциала, недостаточная собираемость налогов и сборов, низкие собственные доходы бюджетов в большинстве регионов Северо-Кавказского федерального округа. Следовательно, дотационность субъектов СКФО. В итоге ключевые социально-экономические показатели в Северо-Кавказском федеральном округе заметно отстают от значений в других федеральных округах. По-прежнему актуальны клановость, коррупция, системные деформации в государственном управлении на региональном уровне.

Таким образом, риски и угрозы региональной безопасности и этнополитической стабильности на Северном Кавказе постепенно концентрируются в административно-управленческой сфе-

ре, являясь отражением институциональных особенностей, специфики социально-экономических традиций.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ФИЦ ЮНЦ РАН, г/р. № 122020100306-9.

Гришин Н.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург,
Линдерс А.М.
СПбГУ, Санкт-Петербург

РЕКОМЕНДАЦИИ МИССИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ВЫБОРАМИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Рекомендации являются неотъемлемой составляющей работы миссий наблюдения за выборами большинства международных организаций, в том числе ведущих наблюдательских организаций — ЕС, ОБСЕ, ОАГ. В современной науке пока не раскрыт вопрос о специфике рекомендаций миссий международного наблюдения за выборами как инструмента международного влияния. Научная проблема заключается в том, что практика рекомендаций международных наблюдателей противоречит сложившимся научным представлениям о рекомендациях как инструменте международных организаций. Международные рекомендации практически всегда рассматриваются как инструмент «мягкой силы», как решения, не имеющие обязательного характера.

В результате проведенного анализа институт рекомендаций миссий наблюдения за выборами может быть охарактеризован как инструмент, призванный обеспечить исключительную степень влияния международного сообщества на внутреннюю политику государств. По своему содержанию рекомендации наблюдателей отличаются беспрецедентно глубоким вторжением в вопросы, традиционно относящиеся к внутренней прерогативе государств. При этом правительства государств не имеют никаких средств повлиять на принятие решений относительно содержания этих рекомендаций, а исполнение этих рекомендаций обеспечивается широким арсеналом средств, среди которых присутствуют механизмы международного правового и экономического принуждения.

В рамках ОБСЕ создан механизм правового принуждения стран-участниц к исполнению рекомендаций наблюдателей ОБСЕ. Хартия европейской безопасности, принятая на саммите ОБСЕ в Стамбуле в 1999 г., впервые в истории закрепила обязательства государств выполнять (*follow up*) рекомендации международных наблюдательских миссий БДИПЧ ОБСЕ. К механизмам экономического принуждения относятся: установление зависимости предоставления финансовой помощи ЕС и других международных организаций государствам от того, в какой мере они исполняют рекомендации наблюдателей; включение информации о выполнении рекомендаций в индекс-*RMF* страны (*Risk Management Framework*), метод контракт-секторальной реформы (*Sector Reform Contract — SRC*). БДИПЧ ОБСЕ рассматривает невыполнение рекомендаций как основание для сворачивания сотрудничества в области содействия развитию или в международной торговле.

Применяется широкий арсенал уникальных методов «мягкой силы» для обеспечения исполнения рекомендаций. Международная организация, направившая наблюдательскую миссию, после завершения ее работы может проводить в стране специальные публичные мероприятия по реализации электоральных рекомендаций (т.н. «парламентский электоральный диалог», специальные проекты, конференции). ЕС в 2012 г. использует новый инструмент — миссии по контролю над выполнением электоральных рекомендаций (*election follow-up missions — EFMs*); в течение нескольких недель пребывания миссия способна оказать значительное влияние на рассмотрение вопросов об изменении электоральных институтов. Используется практика включения в международные проекты (в частности, под эгидой ООН) мер по обеспечению выполнения рекомендаций международных наблюдателей.

Рекомендации международных наблюдателей являются одним из наиболее сильных инструментов, обеспечивающих зависимость государств от международных акторов в системе публичного управления выборами. При этом применение этого инструмента происходит без какой-либо оценки и изучения его возможностей, ограничений и рисков.

УРБАНИЗАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Востребованность исследования сосуществования в городских пространствах важна для современной политической науки. В фокусе внимания социальная реальность, которая детерминирует миграционную мобильность как центральный фактор развития городов. Уплотнение, многообразие и трансформация являются узловыми характеристиками городских (социальных) пространств. В таких пространствах постоянно и стабильно переплетаются политические, культурные, экономические и социальные, а зачастую и глобальные процессы. Как правило, это воспринимается как положительное явление, но существуют и проблемы.

В городских реалиях миграционный дискурс базируется на этноцентричности. Как правило, акцентируется внимание на дискриминационном влиянии практик городской жизни на мигрантов, на разделении различных социальных групп на иностранцев и местных. В этой связи важен комплексный подход к оценке проблем миграции, интеграции и урбанизации.

Урбанизация предопределяет специфический городской образ жизни и, соответственно, отличает его от образа жизни селянина. Такое различие зависит от типа рассматриваемого общества. Описание общества необходимо соотносить с определенной исторической эпохой, с конкретной социально-политической формацией. Города характеризуются неоднородностью, потому что они могут являться очагами напряженности и конфликтогенности из-за экономических, социальных и культурных различий проживающих в них на небольшом достаточно замкнутом пространстве горожан, что, в свою очередь, усиливает неравенство и дифференциацию городского населения.

Урбанизация является стержневой проблемой в XXI в. Городская политика может выступать основным инструментом координации и управления урбанизацией. Такая политика дает направления в преобразованиях городов и использовании потенциала развития при одновременной минимизации проблем разного рода. Подъем интереса к национальным городским политикам ярко демонстрирует их ценностный аспект в национальных процессах урбанизации. Задачей выступает развитие городских пространств исходя из концепций «smart city». Адекватную национальную городскую политику можно представить как многосекторальный процесс и инструмент, помогающий формировать компактные, интегрированные, объединенные и инклюзивные города, устойчивые к климатическим изменениям.

Анализ показывает, что миграция происходит из более бедных в более богатые регионы, как правило, доминирующие города этих регионов. Население в депрессивных регионах уменьшается, несмотря на подчас достаточно высокие показатели рождаемости. В этой связи миграция выступает инструментом модификации моделей распределения населения и его структуры. В итоге очевиден симбиоз между миграцией и урбанизацией. Во многих странах наблюдается рост миграционных потоков из сельских районов в городские пространства. В настоящее время тема урбанизации весьма актуальна, и она, как правило, всегда получает свою публичную дискуссионную площадку, особенно в контексте концептуальных разработок градостроительства и расширения городских пространств.

Гудаму А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,
Лю Цзинюань
РУДН, Москва

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ИГРАЮТ КЛЮЧЕВУЮ РОЛЬ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Важной тенденцией эволюции системы глобального управления является диверсификация субъектов управления, однако невозможно устранить различия в возможностях и обязанностях различных субъектов. Поскольку великие державы обладают сильной политической, экономической, военной и технологической мощью, их статус в системе глобального управления так же важен, как и главные действующие лица¹. Судя по текущей ситуации, ключевыми субъектами глобального управления и ре-

¹ *Fareed Zakaria*. The Post-American World // URL: <https://archive.org/details/ThePost-americanWorld/page/n7/mode/2up?view=theater>.

формы управления по-прежнему являются великие державы, которые играют следующие роли в форме глобального управления.

Самыми важными проблемами в мире сегодня остаются вопросы мира и развития. Вопросы мира — это в основном вопросы безопасности, а вопросы развития — это в основном экономические вопросы. Великие державы играют ключевую роль в управлении глобальной безопасностью и управлении экономикой.

Великие державы являются доминирующей силой в управлении глобальной безопасностью, которая включает в себя традиционную безопасность и нетрадиционную безопасность. Традиционная безопасность связана с угрозами основным ценностям государства, территориальной целостности и политическому суверенитету¹, а основным средством ее защиты является национальная сила, особенно военные действия. После холодной войны великие державы сыграли незаменимую и важную роль в продвижении традиционного управления глобальной безопасностью и предотвращении межгосударственных конфликтов и войн. Однако в период, наступивший после окончания холодной войны, нетрадиционные угрозы заняли важное место в общей проблематике международной безопасности. В список данных угроз включаются: религиозный экстремизм, терроризм, торговля людьми, экологические преступления, торговля наркотиками, пиратство, контрабанда оружия, контрабанда оружия массового уничтожения или его компонентов². Например, по вопросу глобального управления климатом 175 стран 22 апреля 2016 г. подписали Парижское соглашение. Выход из Парижского соглашения США вызвал бурную реакцию не только лидеров большинства других ведущих государств, но и значительного числа американцев, что свидетельствует о незаменимости роли крупных держав³.

Речь идет об экономической сфере, после холодной войны в мире было четыре финансовых кризиса. После того как разразился каждый кризис, независимо от его причины, именно крупные державы корректировали свою политику в критический момент, что помогло — мировая экономика постепенно выходит из кризиса. Специально для того, чтобы лучше справиться с финансовым кризисом 2008 г., Форум G20 по международному экономическому сотрудничеству был повышен до саммита лидеров G20 в 2008 г. Поскольку в G20 входят почти все важные развитые и развивающиеся страны мира, она обладает сильной международной силой и большим влиянием⁴.

Таким образом, всеобъемлющие вопросы глобального управления — это вопросы мира и развития. Вопрос мира — это прежде всего вопрос безопасности, а вопрос развития — это прежде всего вопрос экономики. Из роли великих держав в вопросах безопасности и экономики после холодной войны можно сделать вывод, что великие державы играют ключевую роль в глобальном управлении.

Гусев К.А.
СПбГУПТД, Санкт-Петербург

НЕОКАНТИАНСКИЕ ИДЕИ В РУССКОМ СОЦИАЛЬНОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ

Естественное право, по мнению И. Канта, покоится на априорных принципах и является предметом правоведения, статутное или положительное право вытекает из воли законодателя и служит объектом юриспруденции. «*Естественному праву* (курсив автора. — К. Г.) в состоянии гражданского устройства (т.е. тому праву, которое можно вывести из априорных принципов), — пишет Кант, — не могут нанести ущерб статутные законы гражданского устройства...»⁵. Углубленное понимание естественного права как идеального ориентира для критики права действующего будет изложено отечественным возрожденным юснатурализмом, прежде всего П.И. Новгородцевым и Е.Н. Трубецким. «В итоге, — завершает свой анализ кантианства в статье о судьбе в современном мире классической философии политики В.А. Гуторов, — сущность политики (в кантовской политической философии. — К. Г.) состоит в реализации свободы человека, выступающего одновременно в качестве субъекта и объекта власти»⁶.

¹ Fulvio A. Traditional Security Issues. Palgrave, 2016. P. 175–194.

² Рамакант Т. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // Политологические науки. С. 109–123.

³ Макаров И. Климатическое решение Трампа: много шума из ничего? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/klimaticheskoe-reshenie-trampa-mnogo-shuma-iz-nichego/?ysclid=17rei4z97b698090160>.

⁴ Ван Госин, Ченг Цзин. Институционализация G20 и реформа глобального экономического управления // 2010. № 3. С. 11.

⁵ Кант И. Метафизика нравов // Кант И., Гегель Г.В.Ф., Шеллинг Ф.В.Й. Немецкая классическая философия. Т. 1. М.; Харьков, 2000. С. 63.

⁶ Гуторов В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 159.

«Связь разумного права с позитивным законодательством в учении Фихте, как и у Канта, — писал В.С. Нерсесянц, — выступает в виде внешнего долженствования идеи по отношению к существу»¹.

Представители юридического позитивизма исходили из того, что право непознаваемо как социальный объект, а потому юриспруденция должна заниматься лишь описанием действующего права. Несомненны заслуги исследователей-позитивистов перед отечественной социально-политической и правовой наукой, а также практикой русского конституционализма. Как отмечают, например, Э.В. Кузнецов, С.А. Пяткина, Н.Я. Куприц, «прогрессивное значение русского юридического позитивизма в условиях самодержавия состояло в том, что его представители отстаивали стабильность правовой системы и связанного с ней принципа буржуазной законности, выступая, тем самым, против беззакония и произвола»².

Наиболее видный противник юснатурализма в XX в. Г. Кельзен следовал, как и многие его современники-оппоненты, сторонники «возрожденного естественного права», неокантианской методологии. И центральную неокантианскую категорию «должного» Кельзен трактует не как этическую идею, а как категорию трансцендентальной логики. При этом предметом правопведения Кельзен считает именно должное в праве. По словам В.С. Нерсесянца, норма у Кельзена — и в этом суть нормативизма — «лишь чистое долженствование, приказание, но не норма равенства, не норма свободы, не норма справедливости, т.е. ничего из формально-правовых характеристик не содержит»³.

В своем первом опубликованном труде «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба» (1896) известный русский философ и социолог права П.И. Новгородцев ссылается на работу немецкого юриста Р. Штаммлера: «Идеи Штаммлера выросли на почве неокантианства, и направление его получило философский характер. Одухотворяющей целью его стремлений было определение высших критериев для оценки права и установление философских оснований для естественно-правовых построений. С этой именно стороны представляется и мне более правильным подходить к решению проблемы естественного права»⁴.

Главная мысль Штаммлера, воспринятая всеми идеалистическими течениями в философии права: формальный регулятор логически предшествует социально-экономической практике⁵. А признание логического приоритета права ведет к признанию первенства не писаного закона, а идеальных представлений о праве. Наличие внешних, логически первичных норм есть, по мнению Штаммлера, условие существования социальной жизни⁶.

Идея Штаммлера о тройственном делении права — 1) предельно абстрактное, «пустое», абсолютное, естественное, 2) конкретное естественное с исторически обусловленным содержанием и 3) позитивное — найдет свое дальнейшее развитие в концепциях естественного права с переменным содержанием П.И. Новгородцева и эволюционного естественного права В.М. Гессена. Правильное, или истинное, право Штаммлера трансформировалось у его последователей в производное от «природы вещей».

Рассмотрение «природы вещей» как источника естественно-правовых представлений характерно для видного немецкого юриста Г. Радбруха. Он начал свою творческую деятельность как сторонник возрожденного юснатурализма, последователь Р. Штаммлера, еще в начале XX в. Работа Радбруха «Законное неправо и надзаконное право» (1946) стала манифестом возрождения естественного права после Второй мировой войны. По мнению Радбруха, идея права как выражения свободы и справедливости принадлежит в мире «последнее слово», причем «идея права» заложена в «природе вещей», т.е. идеологическом, политическом, социальном окружении, в котором существует право. Критика Радбрухом юридического позитивизма, его призывы к возрождению идеи права, его концепция «надзаконного права» способствовали послевоенному ренессансу юснатурализма в Западной Европе⁷.

Если положительный закон приходит в противоречие с нормативными представлениями о правде и справедливости, то такой закон признается правом лишь формально. В этом случае, по мнению русских либеральных правоведов рубежа XIX–XX вв., необходимо добиваться правомерной отмены такого закона. При этом, как указывали Н.А. Бердяев, В.М. Гессен, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, в переломные исторические эпохи роль идеальных, естественно-правовых представлений резко возрастает.

¹ Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983. С. 288.

² См., напр.: Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989. С. 111.

³ См.: Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000. С. 30.

⁴ Новгородцев П.И. К вопросу о современных философских исканиях (ответ Л.И. Петражицкому) // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. I. С. 135; см. также: Новгородцев П.И. Психологическая теория права и философия естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. III. С. 26.

⁵ См.: Штаммлер Р. Хозяйство и право. СПб., 1899. С. 101.

⁶ См.: там же. С. 102.

⁷ См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 568; Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971. С. 335, 352.

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ АРКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Арктический регион долгое время являлся образцовой площадкой для международного диалога, однако с февраля 2022 г. он пребывает в нетипичном состоянии. Несмотря на попытки правительства Российской Федерации сохранить Арктический регион в качестве территории мира, после начала специальной военной операции на Украине государства—члены Арктического совета приостановили участие в любых мероприятиях форума, что фактически привело к полной заморозке сотрудничества с Россией. Кроме того, такие арктические государства, как Швеция и Финляндия, заявили о намерении вступить в НАТО, что в значительной степени способствует росту военно-политической напряженности в регионе.

В текущей ситуации научная дипломатия остается одним из немногих инструментов, который может способствовать постепенному налаживанию отношений и, вероятно, в будущем позволит возродить теплые добрососедские отношения между всеми членами Арктического совета.

Популярный ныне подход к научной дипломатии (Н. Федорофф, Н. Нойрайтер, Л.С. Дэвис и Р.Г. Патман) предполагает, что участие ученых в международном сотрудничестве способствует улучшению отношений и укреплению доверия между государствами, вовлеченными в конфликты. Придерживаясь этого подхода, мы полагаем, что научная дипломатия представляет собой инновационный инструмент, способный нивелировать политическую напряженность и конфликтность в Арктическом регионе.

В Арктике присутствует большое количество потенциальных угроз для будущего человечества, решить которые можно лишь коллективными усилиями всех стран региона. С начала XXI в. важность международных негосударственных институтов по решению значимых проблем Арктики, таких как изменение климата, загрязнение морей, здоровье коренного населения, защита биоразнообразия, неуклонно росла. Роль квалифицированного научного сообщества стала иметь решающее значение, обеспечивая и предоставляя экспертную оценку в сфере, решения отраслевых научных задач, развития межгосударственного диалога, нормотворчества.

Приостановка международного научного сотрудничества с Россией в Арктике в первую очередь угрожает интересам всего человечества. Российская Федерация обладает почти половиной всей площади арктических владений, на которой проживают около 40% от общего населения всего региона. Вопросы международного научного сотрудничества Российской Федерации в области изменения климата, сохранения культур коренных народов Севера, защиты экологии и биоразнообразия региона продолжают оставаться значимыми для руководства нашей страны даже в новых геополитических реалиях. Кроме того, Российская Федерация обладает мощнейшей исследовательской инфраструктурой в Арктике, без использования которой невозможно получить достоверные представления о гидрометеорологических, криолитологических, метеорологических, геофизических и других процессах, происходящих в масштабах всего региона.

Мы убеждены, что полноценное международное сотрудничество в Арктике без участия России не может быть жизнеспособным и продуктивным. В этой связи в период заморозки всех международных контактов российской стороне следует и дальше осуществлять научно-исследовательскую деятельность в регионе, чтобы в дальнейшем западные партнеры по Арктическому совету были заинтересованы в возобновлении сотрудничества с нашей страной. Научная дипломатия в Арктике может стать эффективным средством, способным снизить геополитическую напряженность в регионе и способствовать возобновлению начала диалога между странами и налаживанию партнерских отношений.

Исследование выполнено в рамках проектов, поддержанных Российским научным фондом № 22-28-01287 и 22-28-20276.

ИДЕЯ СОГЛАСИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

В современном публичном дискурсе идея согласия по праву считается одной из наиболее приоритетных. До сравнительно недавнего времени, взятая в предельно общем виде, концепция согласия обычно рассматривалась как своеобразный «пароль», позволявший беспрепятственно погрузиться в нюансы теорий либеральной демократии и толерантности. Сегодня ситуация радикально изменилась. Разворачивающиеся на наших глазах глобальные политические события и процессы до предела усилили давно назревавшие методологические сомнения. Военный конфликт на Украине и иррациональный взрыв русофобии в США, странах Евросоюза и Восточной Европы отчетливо высветили многие ракурсы «темной стороны согласия» (если воспользоваться аналогией со знаменитой книгой Майкла Манна (*Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethic Cleansing. Cambridge: Cambridge University Press, 2004*), которые прежде считались маргинальными и находились на периферии общественного сознания и государственной политики. Лавина дезинформации и фейков, обрушившаяся практически на все страны мира, постоянно заставляет специалистов обращаться к сложившимся ранее парадигмам критического анализа, способствующим пониманию природы происходящих на наших глазах радикальных сдвигов в политике и общественном сознании.

Сегодня специалисты считают очевидным тот непреложный факт, что мы все неуклонно перемещаемся в мир так называемой «постправды» и поэтому должны так или иначе считаться с бесконечными потоками лжи, манипуляций, бессодержательной пропаганды, предельно примитивизирующей сложившиеся представления о рациональной политике, демократических нормах, и попытаться разработать новый понятийный аппарат и вокабуляр, отражающие новую реальность (см., например: *Brown W. In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West. N.Y.: Columbia University Press, 2019. P. 1–2*). Вместе с тем еще в 1988 г. Ноам Хомский и Эдвард Херман выделяли вполне отчетливые критерии, позволяющие оценить основные характеристики «модели пропаганды», сформировавшейся в западных странах в послевоенный период: «...Если власть имущие способны зафиксировать предпосылки дискурса, решить, что широким массам позволено видеть, слышать и думать, и “управлять” общественным мнением с помощью регулярных пропагандистских кампаний, стандартное представление о том, как работает система, серьезно расходится с реальностью. Особое значение пропаганды в том, что Уолтер Липпман называл “производством согласия”, уже давно признано авторами, писавшими об общественном мнении, пропаганде и политических требованиях общественного порядка» (*Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. L.: The Bodley Head, 2008. P. 55*).

Три десятилетия спустя Алан Маклеод в книге «Пропаганда в век информации: по-прежнему фабрикуем согласие» признал, что сложившаяся модель фабрикации общественного мнения и согласия стала устойчивым фактором государственной политики (см.: *Macleod A. Propaganda in the Information Age: Still Manufacturing Consent. L.; N.Y.: Routledge, 2019*). Следует отметить, что сегодня в условиях радикального изменения политического ландшафта в современном мире перспективна соединения двух концептов — «согласия» и «народной власти» — выглядит все более туманной. Данная тенденция постоянно усиливается под влиянием самых различных фактов и тенденций. Например, типичным продуктом современной эпохи является прокси-политика. Прокси, буквально заместитель или суррогат, сегодня часто относится к компьютерному серверу, выступающему в качестве посредника для запросов от клиентов. Марионеточные государства — это другое, не обязательно цифровое, проявление прокси-политики — форма, которая может быть такой же старой, как и само государство. Марионеточное государство или правительство могут казаться независимыми и суверенными, тогда как на самом деле они подчиняются внешней силе. Независимо от того, действительно ли государство контролируется державой-союзником, очевидно, что принятие на веру подобного перемещения власти становится все более распространенным. Являются ли доверенные лица современной формой формирования общественного мнения и согласия? Или они свидетельствуют о материализации постдемократической эпохи, которую Жак Рансьер определил как «демократию, устранившую видимость, просчеты и споры людей»? (*Ranciere J. Dis-agreement: Politics and Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 102*).

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 2022 Г.: РЕЗУЛЬТАТЫ КОГНИТИВНОЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ

В России 2022 г. ознаменовался существенными изменениями в области общественного порядка. Реализация СВО РФ во многом повлияла на конъюнктуру социальных отношений, специфику взаимодействия в цифровом пространстве и стала причиной для усиления внешнего информационного давления, развернувшегося в адрес российских граждан. Вместе с внешним информационным давлением внутренние оппозиционные акторы, в том числе находящиеся в статусе иноагентов, предпринимали попытки по раскачиванию общественной ситуации. В этой связи актуализируется вопрос о настроениях и сформировавшихся общественно-политических установках одной из ключевых целевых групп деструктивных цифровых потоков и активности оппозиционных акторов — молодежи.

Методика исследования строилась на применении проективных методов когнитивной инструментальной диагностики: песочного игрового моделирования и метафорических ассоциативных карт, которые позволяют выявлять аффективные схемы ориентировки через использование разнообразных визуальных моделей — рисунков, игрушечных и/или геометрических фигур¹. В рамках работы с данными проективными методиками был реализован сценарий, построенный на конструировании двух моделей: реальной России и идеальной России. Данный сценарий позволил выявить политико-психологические и лингвистические паттерны, характеризующие отношение молодежи к сложившейся общественной ситуации. Исследование является пилотажным. Выборка составила 60 респондентов в возрастном диапазоне 18–35 лет. Дополнительно полученные данные были проанализированы через дискурс-анализ.

Результаты исследования позволили выявить следующие тенденции.

Во-первых, вопросы свободы и самовыражения выходят на первый план преимущественно для младшей молодежи 18–25 лет. Респонденты данной возрастной группы отмечали необходимость создания условий, где каждый имеет право выразить собственное мнение: «*стать свободными*», «*свобода и это счастье*», «*духовно свободными*» и т.д.

Во-вторых, существенную долю внимания респонденты уделяют аспектам, связанным с базовыми человеческими потребностями, в первую очередь в безопасности. Демонстрируется склонность к микросоциальным ценностям², среди которых крепкая семья, дружба, личностное развитие и самоопределение. Отсюда изменяющиеся условия становятся для них триггером недовольства, так как влияют на привычный уклад и образ жизни: «*семья в понимании*», «*и опять же все вместе*», «*свобода и единение*», «*наступит гармония и счастье*» и др.

В-третьих, отдельно стоит отметить динамику установок в зависимости от возраста респондентов. Для респондентов в возрастном диапазоне 18–25 лет характерна концентрация на вопросах, связанных с самовыражением, самоидентификацией поиском себя и места в мире: «*каждый человек личность*», «*быть тем, кем ты есть*», «*привести свою душу в гармонию*», «*вне зависимости от статусов*» и т.д. Для респондентов, относящихся к так называемой старшей молодежи, характерна большая ориентация на существующие социальные проблемы. Так, упоминаемыми объектами внимания значительно чаще становятся вопросы, связанные с социальной и экономической политикой, государственным управлением, и значительно меньшее внимание уделяется вопросам самоидентификации: «*было бы все прекрасно у пожилых людей*», «*могли разрабатывать серьезные вещи*», «*анонсируется одно, происходит другое*» и т.д.

В целом, как показывают результаты пилотажного исследования, общественно-политические установки российской молодежи варьируются в контекстах о соотношении личного и общественного. Несмотря на усилившееся внешнее информационное давление и активность оппозиционных акторов, молодежь критично относится к поступающим деструктивным информационным потокам и не готова их однозначно поддерживать. Безусловно, молодежь демонстрирует диффузное недовольство относительно отдельных аспектов социальной и экономической политики, управленческой политики, которое не становится основанием для мобилизации неконструктивных форматов политической активности.

¹ Будаков С.В., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Огнева Н.С. Режимы песочного игрового моделирования как фактор эффективности консультирования, психотерапии и тренинговой работы // Человеческий капитал. 2022. № 6. С. 85–90.

² Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Социально-политические и ценностные профили российской молодежи — пользователей социальных сетей // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 3–13.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ, Министерства высшего образования и науки и Российской академии наук в рамках проекта «Цифровые технологии вовлечения протестно-ориентированного сегмента молодежи в конструктивные государственную и гражданскую повестки в условиях СВО на Украине».

Данилова Е.А.
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва; ТГУ, Томск

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ РОССИИ В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ КАК РЕСУРС НАРАЩИВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРОПОРЯДКЕ

Глобальная геополитическая нестабильность, серьезные вызовы и угрозы извне, резкое обострение международной ситуации, в том числе вблизи от российских границ на западном и южном направлениях, проведение специальной военной операции России на Украине с целью ее демилитаризации и денацификации, а фактически прокси-война с блоком НАТО на ее территории актуализируют значимость разработки стратегии формирования национального бренда России на базе фундаментальных ценностей национальной безопасности и обороноспособности.

Современное информационное общество определяет объем потенциала коммуникативистики как значимого поля для исследования коммуникационной стратегии государств. В рамках глобального информационного общества и «гибридных» войн важное значение имеет позиционирование оборонной отрасли, военный брендинг, конструирование символических смыслов в данном тематическом поле для наращивания геополитического потенциала Российской Федерации, активизации пророссийского начала в рамках борьбы с фальсификацией истории и ее пересмотра в зарубежных странах, в особенности на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы, освобожденных СССР от фашистских захватчиков в результате Второй мировой войны, и консолидации российской нации на базе общей национальной идеи.

Бурный рост глобальной конкуренции существенно повышает технологическую составляющую национального брендинга в части конструирования устойчивого убедительного стереотипического образа государства на мировой арене в воображении значимых для продвижения стратегических национальных интересов целевых аудиторий. Национальный бренд представляет собой символический конструкт, формирующий стойкий набор ассоциаций с государством и выделяющий его среди конкурентов. Национальный брендинг реализуется с учетом исторического прошлого, текущей внутри- и внешнеполитической конъюнктуры и направлен на реализацию перспективных стратегических национальных интересов государства.

Армия выступает значимым актором в составе стратегии национального брендинга России в области обороны и обеспечения национальной безопасности, в современных условиях выступая сильным и самостоятельным политическим брендом, оказывающим влияние на расклад геополитических сил в мире и поддержание национальной идеи внутри страны. Наряду с развитием технических и инновационных характеристик вооружений значимым становится искусство репрезентации армии, вооруженных сил и ОПК в целом, возможности их позиционирования за счет современных коммуникационно-технологических средств и нужных каналов. Естественно, что в условиях вооруженного конфликта на Украине армии уделяется особое внимание населения страны и мировой общественности. России требуется наращивание объемов информационной кампании для отражения информационных атак западных противников. Необходима работа на упреждение, а не только оправдывание, как это было, например, после провокации в Буче.

Во внутренней политике необходима системная реализация активной политики памяти с опорой на ключевые исторические события, в том числе в области обороны и безопасности (одним из шагов ее реализации является широкое празднование Дня Победы, проведение парадов Победы, шествий «Бессмертного полка»), а во внешней среде — активное противодействие фальсификации истории, сохранение исторической правды, недопущение нивелирования роли России как правопреемницы СССР в значимых исторических событиях, закрепление ее роли победительницы и освободительницы. В современных условиях участие России в специальной военной операции на Украине закрепляет за Россией статус глобального мирового игрока, к мнению которого мировое сообщество вынуждено прислушиваться, и способствует усилению ее международного веса.

Одновременная реализация продуманной политики инноваций в оборонной отрасли, инновационное развитие ОПК, выпуск высокотехнологичных продуктов и технологий, активное включение ключевых инновационных субъектов отрасли, предприятий, университетов, НИИ в стратегию на-

ционального брендинга с целью репрезентации их возможностей и достижений будет определять ее эффективность. Разработанная и системно реализованная в ответ на глобальные военные и информационные вызовы современности стратегия национального брендинга РФ в области национальной обороны и безопасности будет способствовать укреплению международного престижа России, расширению ее влияния на состав глобальной международной повестки, увеличению кредита доверия населения к власти, развития национальной идеи в духе активации глобальной субъектности в рамках формирования многополярного мира.

*Девочкина А.С.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Комплексное изучение системы рекрутирования молодежных политических лидеров в современной России позволяет систематизировать информацию об основных каналах, механизмах и технологиях развития лидерского потенциала молодежи, определить результативность молодежных проектов и рассмотреть актуальные запросы молодежи на условия для самореализации. Систему подготовки молодежных политических лидеров можно оценить как по формальным показателям, так и с позиций восприятия ее деятельности молодежью как участником этих процессов, поскольку представители молодежного сообщества напрямую задействованы в реализации государственной молодежной политики.

Мы провели комплексный анализ отношения молодежи в возрасте 18–35 лет к системе рекрутирования молодежных политических лидеров в современной России, используя материалы собранных в 2021 г. 470 глубинных интервью, репрезентированных по 8 федеральным округам, профилю образования, возрастным когортам. Гайд интервью был разработан на основе политико-психологического подхода с применением ассоциативных техник и метода неоконченных предложений. Это позволяет нам представить всероссийский срез восприятия политического лидерства и отношения молодежи к каналам, механизмам и технологиям рекрутирования молодежных политических лидеров.

Основными гипотезами выступили предположения о том, что современная молодежь не имеет целостного представления о системе рекрутирования молодежных политических лидеров в современной России. Несмотря на популяризацию различных конкурсов и проектов, направленных на выявление молодежных политических лидеров, через систему государственной молодежной политики, для молодежи характерен низкий уровень информированности о них, что является одним из факторов снижения ее социальной активности.

Результаты исследования показали, что молодежь России считает, что молодежное политическое лидерство необходимо в современном мире (84%), чтобы представлять интересы молодежи (37%), обновить власть (20,9%), принимать важные решения (8,8%), составлять оппозицию, противостояние (3,5%), другое (29,7%). По результатам анализа только 52,9% молодежи знают о проведении проектов и конкурсов, направленных на выявление молодежных политических лидеров, среди них называют «Лидеры России», «Твой ход», «Праймериз Единой России». Примечательно, что информанты называют не только политические конкурсы, но и общественные проекты, которые также выявляют молодежных политических лидеров: проекты платформы «Россия — страна возможностей», «Потанинская стипендия», и даже форумные площадки (например, Форум молодых политологов «Дигория»).

42,3% опрошенных нами молодых людей не знают о проведении таких проектов, а 4,6% затрудняются ответить на вопрос, что подтверждает низкий уровень информированности молодежи о проводимых мероприятиях. Важной компонентой анализа является тезис о разграничении понятий «знаю» и «слышал», поскольку молодой человек может слышать о проектах и конкурсах, но это совершенно не отражает его знание об их проведении, структуре, механизмах.

Отношение молодых людей к конкурсам и проектам, направленным на выявление молодежных политических лидеров, характеризуется у 33,8% информантов положительно, 49,5% в силу незнания не могут оценить данные проекты, 8,5% относятся нейтрально, 5,7% негативно и 2,3% амбивалентно. Удивительно, что большинство молодежи не имеет опыта участия в данных проектах (70,4%): «Меня такое не интересует», «Зачем мне это?», «Чтобы в них принимать участие, необходимо сначала иметь хороший доход, и уже потом будет время для общественной деятельности. Этим я пока и занимаюсь», что подтверждает гипотезу о низкой социальной активности молодежи в общественно-политической сфере. 13,8% информантов ответили, что обладают опытом участия в таких проектах: «Да, я участвовал и прошел 2 этапа. Мне очень понравилось. В дальнейшем, к сожалению, результата на моей карьере роли не сыграло». 4,4% молодежи планируют принять в них участие: «Нет, я только планирую», «Сама не участвовала, но хотела. Побоялась», и 11,2% информантов не дали конкретного ответа.

Таким образом, нами было выявлено неоднозначное отношение молодежи к системе подготовки молодежных политических лидеров в современной России (положительное (33,8%), амбивалентное (2,3%), отсутствующее в силу незнания (49,5%), отрицательное (5,7%), нейтральное (8,5%), что позволяет заключить, что системе рекрутирования молодежных политических лидеров необходима большая информационная поддержка. Когнитивная простота представления о ней является следствием неинформированности.

Денисов А.Е.
КФУ, Казань

ВНУТРИЭТНИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТРАТЕГИЙ ЭТНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В наше время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что национальные движения играют важную роль не только в сфере межнациональных отношений в отдельно взятой стране, но и оказывают влияние на все сферы жизни общества: на политическую, экономическую, социальную и культурную.

Не во всех странах на законодательном уровне разрешено функционирование партий на этнической основе, поэтому, где этнические партии отсутствуют, артикулированием и агрегированием интересов занимаются национальные движения. В тех же странах, где этнические партии существуют, политические партии, созданные по этническому принципу, конкурируют между собой за голоса и поддержку своей этнической группы. В этом случае весь корпус этнических партий определенной этнической группы будет относиться к одному национальному движению. Однако это не означает, что если этнических партий нет, то национальные движения монолитны. В каждом национальном движении существуют конкурирующие течения, которые имеют свое видение развития этнической группы. В определенных обстоятельствах эти конкурирующие между собой течения внутри национальных движений могут быть приравнены к этническим партиям.

В докладе будет рассмотрена внутриэтническая конкуренция в национальных движениях через призму стратегий этнических партий. На основании стратегии этнических партий, разработанной Кристиной Зубер¹, мы можем рассмотреть, в каких случаях методология изучения этнических партий может быть применена для изучения внутриэтнической конкуренции в национальных движениях.

В качестве основных положений отметим.

1. Внутриэтническая конкуренция в национальных движениях — в первую очередь это политический процесс, акторам которого необходимы ресурсы (политические, статусные, экономические, культурные).
2. В основе внутриэтнической конкуренции в национальных движениях лежит конкуренция репертуаров развития нации. Начинается борьба за ограниченное количество этнически значимых символов.
3. Стратегии этнических партий, которые направлены не только на саму этническую группу, но и на внешнее окружение, только условно подходят для исследования внутриэтнической конкуренции национальных движений.
4. Стратегия «стороннего перекупа» (*lateral outbidding*) возможна на уровне политического региона. Национальные движения здесь тесно соединяются с региональным движением, и происходит подмена этнической идентичности региональной.
5. Стратегия «стороннего подкупа» (*lateral underbidding*) возможна для привлечения внимания широкой общественности к своим проблемам. В рамках внутриэтнической конкуренции это выражается в смягчении своих позиций по этническим вопросам для нахождения союзников извне и появления возможности лоббистской деятельности в органах государственной власти с целью привлечения дополнительных ресурсов.
6. Для изучения внутриэтнической конкуренции в национальных движениях лучше подходят стратегии этнических партий, направленные исключительно на этническую группу.
7. Стратегия «этнического подкупа» (*ethnic underbidding*) применима для национального движения только в полиэтничном регионе и в спокойное для этнической группы время. Снижая градус политизации этнической повестки и переключая свое внимание на этнокультурное поле, умеренная фракция в национальном движении может укрепить внутреннее самосознание, не растрачивая ограниченные ресурсы на добывание внешнего признания. В случае же, если регион моноэтнический или на группу оказывается давление извне (например, подвергается дискриминации), то данная стратегия не сработает, так как любая другая фракция с более четкой и радикальной этнической повесткой сразу же выиграет конкуренцию.

¹ Zuber Ch. Is. Beyond outbidding? Ethnic party strategies in Serbia // Party Politics. 2013. Vol. 19. No. 5. P. 760–761.

8. Стратегия «этнического перекупа» (*ethnic outbidding*) наиболее полно описывает внутриэтническую конкуренцию в национальном движении. Внутри национального движения могут существовать группы, не согласные с нынешним направлением развития, от этого они предлагают иную повестку, что приводит к радикализации позиций. От этого и умеренная часть движения вынуждена повышать градус политизированности своих действий, так как у них уменьшается возможность для политических маневров. А в случае неспособности умеренных руководителей движения влиять на ситуацию с этническим сообществом радикально настроенные активисты готовы предложить иные репертуары развития, которые будут построены на этнически значимых символах группы, в достаточной мере понятных и радикально-прямолинейных.

Дергачева В.Е.
АлтГУ, Барнаул

СПЕЦИФИКА АМЕРИКАНСКОЙ «МОНУМЕНТАЛЬНОЙ» ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Развернувшаяся относительно недавно «война памятников» в США является наглядной демонстрацией того, как в современных реалиях «монументальная» политика¹ становится все более значимой составляющей идеологического и политического противостояния.

Концепция «монументальной» политики и ее место в общем дискурсе *memory studies* рассматриваются в работах таких отечественных и зарубежных исследователей, как В.А. Ачкасов, В.Н. Ефремова, М.А. Липман, О.Ю. Малинова, А. Ассман, Дж. Джонсон, Т. Клак, И. Мур и др.

По итогам всех крупных конфликтов периода холодной войны в США установлены монументальные объекты. Однако многие из них находятся в провинциальных городах штатов и не имеют такой национальной, культурной и коммеморативной значимости для США, как монументальные объекты, находящиеся в столице и крупных городах.

При рассмотрении «монументальной» политики США в отношении Вьетнамской войны стоит учитывать тот факт, что она имеет свою специфику, по крайней мере, на двух уровнях реализации: региональном и федеральном. Анализируя федеральный уровень «монументальной» политики, стоит рассматривать памятники, установленные в столице и крупных городах США. Рассмотрение же монументальных объектов, установленных в небольших городах американских штатов, относится к анализу регионального уровня.

Монументальные объекты, расположенные в Вашингтоне, увековечивают как память исторических фигур, которые внесли большой вклад в американскую историю, так и память о значимых событиях, формирующих исторический нарратив США относительно тех или иных войн и конфликтов. Такая тенденция наблюдается в большинстве стран, когда в столице располагаются памятники, посвященные выдающимся ученым, военачальникам и политикам, а также увековечивающие память о ветеранах войн. В Вашингтоне зачастую возводятся не отдельные монументы, а целые мемориальные комплексы. Одним из примеров федерального уровня реализации «монументальной» политики в отношении вьетнамских событий является Мемориал ветеранов Вьетнама в Вашингтоне. Если говорить об организации мемориального пространства таких комплексов, следует отметить, что они часто представляют собой целые парки. Эти мемориалы также отличаются монументальностью и масштабностью. Так как они расположены в столице, то и спроектированы они таким образом, чтобы вписываться в столичный архитектурный ансамбль.

Примерами регионального уровня реализации «монументальной» политики США в отношении рассматриваемого конфликта могут служить монументы, установленные в небольших городах, которые увековечивают память о герое-земляке или являются инициативой институтов гражданского общества (объединение ветеранов, сообщество солдатских матерей и т.д.). В пример можно привести Мемориал ветеранов Вьетнама в Чарльстоне, Мемориал ветеранов Вьетнама в Нью-Джерси и др. Зачастую монументы в столице и крупных городах США находятся там по причине статуса увековеченных личностей, а в провинциальных городах штатов из-за причастности увековеченной фигуры к данному месту. Региональные мемориалы выполнены в сдержанном стиле, их возводят с целью патриотического воспитания, для проведения различных коммеморативных мероприятий в кругу боевых товарищей и т.д.

Рассмотренные характеристики присущи федеральному и региональному уровням «монументальной» политики не только США. Подобную организацию столичного и регионального мемориального пространства можно наблюдать во многих европейских странах. Основные отличия заключаются

¹ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2019. С. 311.

в определенных символах, которые в каждой стране имеют свои особенности, связанные с историей и коммеморативной значимостью конфликта, а также с культурными и национальными особенностями страны. Следует сказать, что символическое пространство Вьетнамской войны в США на региональном и федеральном уровнях имеет одни и те же центральные символы, которые, в свою очередь, присущи и символическому пространству монументов, увековечивающих память о других локальных конфликтах периода холодной войны. Однако многие критики среди общественности и политической элиты недовольны отсутствием героических символов доблести в некоторых монументальных объектах, посвященных вьетнамским событиям.

Дергунова Н.В.
УлГПУ, Ульяновск

ПОКОЛЕНИЕ Z И ПОКОЛЕНИЕ Y: РАЗЛИЧИЯ В ПАРТИЙНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ

Согласно мнению ряда экспертов, в советский и постсоветский период в России последовательно появились и сменились шесть поколений (*Антипов А.* Времена года и времена жизни // *Russian Valley*. 2006. № 8 (192); *Папернова С.* Российское поколение Z // *Власть*. 2009. № 28 (831)). По мнению авторов «Теории поколений» (*И. Хоув* и *В. Штраусс*), основополагающие ценности людей меняются через определенное количество времени и напрямую зависят от одних и тех же событий, которые эти люди пережили, а также от принципов их воспитания.

На основе вторичного анализа ряда исследований 2018–2021 г. Ульяновского общественного фонда РАПИР и регионального отделения РАПН нами рассматриваются изменения политических представлений ульяновской молодежи в целом, но в том числе и партийно-идеологических представлений различных групп молодежи — старшеклассников и взрослой молодежи 25–35 лет. Несмотря на поколенческое ценностное единство, каждое конкретное молодое поколение неоднородно в профессиональном, статусном, ролевом, имущественном, образовательном, культурном и цивилизационном отношении. В рамках нашего социологического исследования первая группа респондентов старшеклассники — молодежь 14–17 лет — поколение Z, или Хоумлендеры. Это поколение «смартфонов», практичное, технически и информационно весьма грамотное. Вторая группа респондентов — молодежь 25–35 лет — это поколение Y, его называют поколением Миллениума, «нулевых», «игроки», «информационное поколение». Поколение Y — это поколение сетей — образовательных, культурных, хозяйственных, так как его представители окончили школу в новом тысячелетии.

На вопрос «Какие аспекты политической жизни страны интересуют вас в наибольшей мере?» от старшеклассников были получены следующие ответы: международные отношения и конфликты (49%), деятельность президента (48,2%), состояние демократии в стране (41,3%), политические технологии и деятельность средств массовой коммуникации (33%), военно-политическое развитие РФ (28%). Исследования (опросы учителей и школьников) показали, что старшеклассниками был проявлен значительный интерес к основным парламентским (ЕР — 66%, КПРФ — 49% и ЛДПР — 56%) и новым партиям (29%). А вот оппозиционные партии не пользуются спросом. Четверть старшеклассников (26%) не интересуются деятельностью политических партий вообще.

С точки зрения самих старшеклассников, идеология — это прежде всего способ обоснования и защиты групповых интересов (42%) и механизм поиска единомышленников в борьбе за власть (34,8%). Данные ответы, как нам представляется, свидетельствуют о понимании старшеклассниками наличия социальной иерархии в российском обществе, глубокого социального раскола и необходимости политической борьбы за отстаивание своих интересов. Та или иная идеологическая предрасположенность учащихся, по мнению учителей, пока слабо сочетается с желанием что-либо делать самим: гражданский активизм, инновации как проявление творчества, как ценности не вызывают особого интереса у старшеклассников.

По мнению учителей, политические ценности учащихся близки к социал-демократической идеологии (42%) и либеральной идеологии (60,71%). Были названы, как важные для старшеклассников, ценности: права и свободы личности (65%), равенство перед законом (48%), социальная справедливость (39,5%), демократия (24,8%). Консервативные ценности интересны 13% респондентов. Однако исследование показало значительную разнонаправленность представлений учащихся, политико-идеологическая идентичность старшеклассников школой не сформирована.

Вторая группа молодежи (поколение Y) в возрасте 25–35 лет обладает особым социальным статусом в обществе (уровень образования, семейное положение, наличие (отсутствие) детей, материальное положение, а также самостоятельность, активность, динамичность, перспективность), выступает значимым социальным субъектом. Интерес к политике у данного поколения есть, но он носит скорее обобщенный и недетализированный характер. Заинтересованность данного поколения нахо-

дится на информационном и избирательном уровнях. На выборах в Государственную Думу 19 сентября 2021 г. респонденты допускали возможность голосовать за «Единую Россию» (32,4%), за КПРФ (29,5%), за ЛДПР (27,9%), «ЯБЛОКО» (5,0%). Среди политических идеологий, близких респондентам, наибольшее предпочтение отдано социал-демократической (23,8%) и либеральной (17,8%), консерватизм отметили 8,4% респондентов. Обращает на себя внимание большая доля респондентов, которые затруднились определить, какая политическая идеология им ближе (38,0%). Таким образом, чем старше становятся молодые люди, тем более они начинают разделять социал-демократические взгляды. В зависимости от возраста молодежь разделилась на тех, кому близка идеология либерализма (25–30 лет — 21,8%, 31–35 лет — 13,3%), и тех, кому близка социал-демократическая идеология (25–30 лет — 18,3%, 31–35 лет — 30%). Были отмечены также национализм (5,5%) и анархия (4,3%). В качестве политического режима, который нужен России для процветания и быстрого развития, респонденты называли умеренную демократию с сильной государственной властью (23,9%), либеральную демократию (21,5%). При этом 39,4% — затруднились ответить. Таким образом, поколение Y (Миллениум) является в большей степени сторонниками социал-демократической идеологии, сильной государственной власти, умеренной демократии, но почти 40% не понимают целей политического развития страны и свою роль в политической жизни. Различия двух групп молодежи проявились прежде всего в изменении идеологической ориентации с либеральной на социал-демократическую и в отношении к государству.

Дерендяева А.Д.
АлтГУ, Барнаул

ПРАЗДНИЧНЫЕ СОБЫТИЯ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

После распада СССР новые политические элиты Центрально-Азиатского региона столкнулись с необходимостью конструирования тех символических практик, которые бы способствовали консолидации общества. Так, среди прочих инструментов формирования идентичности (официальные символы, «места памяти», кинематограф) ключевая роль отводилась таким социокультурным феноменам, как праздники. Обладая рядом специфических характеристик (историчность, повторяемость, ритуальность), любая праздничная дата одновременно должна была выступать и как инструмент трансляции ценностей от поколения к поколению, и как фактор, влияющий на процессы нациестроительства.

Так, среди ключевых особенностей сформированных праздничных календарей Центральноазиатского региона можно отметить следующее. *Во-первых*, особое место среди данных практик занимают государственные праздники. Например, к числу официальных праздничных дат относятся события, связанные с обращением к официальной символической (например, 3 марта — День Государственного флага в Кыргызстане, 4 июня — День государственных символов в Республике Казахстан, 24 ноября — День государственного флага в Таджикистане и пр.), к знаковым фигурам — политическим лидерам (например, 16 ноября — день президента Республики Таджикистан, 1 декабря — День Первого Президента Республики Казахстан, 21 декабря — День памяти первого президента Туркмении С.А. Ниязова (отменен в 2008 г.)). Кроме того, есть обращения к ключевым местам, например, 6 июля — День Столицы в Республике Казахстан.

Также встречаются практики памяти, связанные с воспоминаниями о трагических исторических событиях. Например, День памяти жертв политических репрессий и голода (31 мая) в Республике Казахстан, Национальный день поминовения (траур по жертвам Ашхабадского землетрясения 1948 г.) в Туркменистане, День народной Апрельской революции (7 апреля) в Кыргызстане и т.д. Стоит отметить, что траурная коннотация данных памятных дат также служит определенным инструментом идентичности, поскольку она формируется на основе коллективных травм общества.

Второй особенностью праздничного пространства Центральной Азии является обращение к советскому прошлому. Стоит отметить, что полное упразднения прежних символических практик не произошло. Так, в числе памятных дат сохранилась традиция празднования Дня Победы (по всему региону). Вместе с тем в Узбекистане данный праздник был переименован в День Памяти и Почести (с 1999 г.) и стал позиционироваться как событие Второй мировой войны, а не Великой Отечественной войны.

Устойчивой оказалась и другая советская практика — День трудящихся (1 мая). Однако данная традиция прошла через существенные трансформации. Так, 1 мая было переименовано в Республике Казахстан в Праздник Единства народа, тем самым дата приобрела скорее национальный, а не государственный характер. В Кыргызстане памятное мероприятие стало обозначаться как Праздник Труда. Вместе с тем День трудящихся не был сохранен в пространстве праздничных календарей Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Третьей, ключевой особенностью символических практик, стали традиции, связанные с празднованиями религиозных дат, а именно с проведением исламских праздников. Стоит отметить, что дни Ураза-байрам и Курбан-байрам характерны для всего центральноазиатского пространства. Тем самым подчеркивается значимость религиозного фактора для данного региона.

Для Таджикистана также характерно проведение и иной религиозной практики (официального характера), связанной с иранскими и зороастрийскими традициями, — это празднование даты Мехрган (2 октября) в честь почитания Митры (божества дружбы и любви).

Вместе с тем, несмотря на светский характер центральноазиатских стран, лишь Казахстан и Кыргызстан сохранили традиции празднования Православного Рождества, поскольку в этих странах данная религиозная дата имеет официальный характер.

Наконец, важное значение в праздничном календаре занимают и национальные мероприятия, отражающие совокупность этнических, историко-культурных характеристик региона. Прежде всего к данным датам относится практика празднования Навруза (Новруза) — праздника прихода весны у иранских и тюркских народов.

В целом можно отметить, что характерной особенностью праздничного пространства Центрально-Азиатского региона является дихотомическое сочетание праздников, обращенных к воспоминаниям, связанным с советской эпохой, религиозными датами, национальной культурой. Кроме того, важную роль играют и практики проведения государственных праздников, которые апеллируют к официальной символике, знаковым фигурам, ключевым местам и даже к коллективным травмам.

Такое символически разнообразное пространство указывает на то, что страны Центральной Азии фактически находятся в состоянии «кризиса идентичности» и зачастую не могут использовать праздничные события как инструменты систематической политики при конструировании процессов национализма.

Дибас О.А.
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», Луганск

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИНИЦИАТИВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ: УКРАИНСКИЙ ДИСКУРС

Конфликт на Донбассе, начавшийся с событий Майдана, переросший в ожесточенные столкновения, захват власти в Киеве и проведение АТО на Донбассе, в период после подписания Минского протокола и Минского меморандума, на определенный период перешел в фазу переговорного процесса.

Так, 1 сентября 2014 г. в ходе консультаций по итогам обсуждения предложений, внесенных участниками переговоров, был подготовлен проект Протокола, а 5 сентября 2014 г. в Минске был подписан «Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина». В целях реализации мер по урегулированию конфликта на Донбассе в рамках Контактной группы были созданы четыре рабочие группы:

- по вопросам политического урегулирования;
- по вопросам безопасности;
- по гуманитарным вопросам;
- по вопросам экономики и восстановления.

В Протоколе от 5 сентября 2014 г. используется термин «Трехсторонняя контактная группа», хотя, по сути, этот орган имеет пятисторонний формат. Под протоколом стоят подписи ОБСЕ (Посол Хайди Тальявини), Украины (второй президент Украины Леонид Кучма), Российской Федерации (Посол РФ в Украине Михаил Зурабов), а также без указания должностей А. Захарченко и И. Плотницкого. При этом в преамбуле указываются три участника Контактной группы, однако очевидно, что без подписей представителей ЛНР и ДНР подписание данного Протокола не могло иметь практических последствий.

Однако наряду с официальными лицами, уполномоченными на проведение консультаций и дискуссий по поводу урегулирования конфликта на Донбассе, к данному процессу стараются быть причастными ряд организаций и инициатив, которые носят как внутриукраинский характер, так и международные неправительственные организации и инициативы, а также международные межправительственные организации и инициативы.

Объединяющей характеристикой для внутриукраинских организаций и инициатив и международных неправительственных является введение в общий оборот постепенно становящихся общепринятыми для данного сегмента организаций понятий — «диалог» и «миростроительство».

Под диалогом понимался «фасилитируемый диалог» (Dialogue Standards: Definition and Principles (IPCG, 2018). URL: <https://drive.google.com/file/d/1JN3QRE8EXU5D1FvY3Go1H19ZvRNHNxAo/view>).

Миростроительство включает мероприятия и структуры, направленные на развитие устойчивого мира, а не только на прекращение военных действий (негативный мир) (UN Peacebuilding Support Office, UN Peacebuilding: An Orientation (New York: Peacebuilding Support Office, September 2010). URL: https://www.un.org/peacebuilding/sites/www.un.org.peacebuilding/files/documents/peacebuilding_orientation.pdf).

Картирование организаций и инициатив, пытающихся принять участие в урегулировании конфликта на Донбассе, проиллюстрировало следующие тенденции. Внутренние украинские организации и инициативы, наряду с традиционными организациями, такими как «Центр развития демократии», «Одесская группа медиации», «Украинская миротворческая школа», «Национальная платформа “Диалог про мир и безопасную реинтеграцию”». Данные организации и инициативы, хотя и обозначали в качестве своей главной цели построение мира, однако по факту были крайне аффилированы с правительством Украины и не учитывали настроения, позиции жителей ЛНР и ДНР, стараясь выдавать позицию внутренне перемещенных лиц (далее — ВПЛ), находящихся на подконтрольной Киеву территории, за позицию всего населения Донбасса.

Весьма интересным решением, по нашему мнению, является привлечение к процессу урегулирования гендерных организаций, преимущественно женских («Женские инициативы за мир на Донбассе») и арт-технологий. Данное направление наиболее характерно может проиллюстрировать деятельность «Театра для диалога».

Стоит отметить, что хотя официально миссия «Театра для диалога» обозначалась как содействие социальной и экономической справедливости, равенству и развитию культуры диалога и примирения в Украине путем создания безопасного пространства для диалога и творческого самовыражения языком театра, однако в реалиях деятельность данной организации, как и ей подобных, носила исключительно проукраинский характер, не отражая интересы и позиции жителей Луганской и Донецкой Народных Республик. Также в рамках деятельности данных организаций и инициатив организаторы, опираясь на существующие тренды в развитии внутриевропейского общества, старались делать акцент на привлечении к участию в проектах молодежи, а также инклюзии в данный процесс инвалидов, представителей ЛГБТ сообщества, а также в рамках отдельно выделяемой подгруппы участников выделялись ВПЛ, длительное время не проживающих на территории Донбасса или не поддерживающих ценности населения, которое осталось в границах ЛНР и ДНР.

Дмитриева В.Д.
СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

КАТОЛИЦИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПАПСКИХ ПОСЛАНИЙ

Как отмечает социолог религии Х. Казанова, признание католицизмом принципа религиозной свободы позволило главе церкви взять на себя роль представителя интересов всего человечества. С 1960-х гг. папы получили возможность публично призывать к защите универсальных прав личности (Transnational Religion and Fading States / Ed. by S.H. Rudolph and J. Piscatori. N.Y.; L.: Routledge, 1997. P. 130).

Среди посланий наместников Святого престола особого внимания заслуживают *Urbi et Orbi*, которые произносятся на Пасху и Рождество, а также на особые события. Эти послания обращены «к городу и миру», переводятся на множество языков и транслируются через медиа.

Отличительной чертой *Urbi et Orbi* является поднятие широкого круга вопросов. Указанная особенность в сочетании с регулярностью выхода и достаточным количеством опубликованных на 2022 г. посланий позволила провести количественный контент-анализ *Urbi et Orbi* Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска. Выборку составил 91 документ.

В результате было установлено, что главной особенностью *Urbi et Orbi* выступает проблемно-ориентированный подход. В посланиях «к городу и миру» главы католической церкви очерчивают контуры глобальных проблем современности, возлагая их решение преимущественно:

- на политических лидеров — 12/55 *Urbi et Orbi* Иоанна Павла II, 5/16 Бенедикта XVI и 7/20 Франциска;
- на мировое сообщество — один раз в 2003 г., 3/16 и 9/20 папских посланий соответственно;
- на международные организации — единожды каждым из наместников Святого престола (в 2004, 2006 и 2020 гг.).

Приведенные данные свидетельствуют об интенсификации публичных обращений к светским властям. К участию в преодолении глобальных вызовов понтифики призывают также гражданское обще-

ство, которое стало значимым адресатом *Urbi et Orbi* Франциска. Международные организации упоминаются лишь в отдельных случаях — например, при рассмотрении последствий пандемии COVID-19.

Сравнение тематического содержания посланий трех понтификов выявило, что «Война и мир» регулярно занимает лидирующую позицию при ранжировании тем, «Социально-экономические проблемы» — 2-е, а «Терроризм» — 6-е место. Относительной стабильностью обладают также «Политические трансформации», которые при Иоанне Павле II и Бенедикте XVI становились 3-й, а при Франциске — 4-й по приоритетности темой.

Бенедикт XVI — единственный из рассмотренных пап, в чьих *Urbi et Orbi* «Война и мир» занимает менее половины (43,3%), а «Социально-экономические проблемы» составляют лишь 13,9% от общего числа тем. Предположительно, это связано с наличием энциклики *Caritas in veritate*, в которой была разработана концепция всемирной власти как единственной гарантии прекращения войн и проанализированы социальные последствия глобального кризиса 2008—2009 гг.

Послания Франциска отличает рост значимости тем «Мигранты и беженцы» — 3-я позиция вместо 5-й или 6-й, «Организованная преступность» — 5-я вместо 7-й. Только у нынешнего понтифика встречаются положительная оценка усилий по преодолению миграционного кризиса и подробное рассмотрение мировой криминогенной обстановки.

Однако при Франциске снизилась приоритетность тем «Религиозная, расовая и этническая дискриминация» — 7-я позиция вместо 4-й, «Экология» — 8-я вместо 5-й. Последний аспект значим, поскольку экология с середины XX в. выступает для церкви одним из направлений анализа актуального состояния действительности (*Илюхина В.В. Развитие социальной доктрины католицизма в начале XXI в.: философско-религиоведческий анализ: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. М., 2017. С. 139*).

Вопросы природоохранной деятельности не оказались выведены из католической повестки дня — в 2015 г. была опубликована энциклика *Laudato si'*. В этот документ Франциск ввел понятие «интегральная экология», подчеркивающее взаимосвязь между социальной и природоохранной проблематикой.

Подводя итог, следует зафиксировать особенности *Urbi et Orbi*.

1. В папских посланиях присутствует относительно устойчивый набор приоритетных тем.
2. При настройке конфигурации поднимаемых тем учитываются текущая глобальная и региональная ситуации. В частности, на нынешний понтификат пришелся европейский миграционный кризис, что объясняет повышенное внимание Франциска к теме «Мигранты и беженцы».
3. Содержание посланий видоизменяется также в зависимости от личных воззрений главы католической церкви и наличия/отсутствия соответствующих энциклик.

Таким образом, Святой престол позиционирует себя как актора, способного к формулированию перечня важнейших глобальных вызовов, преодоление которых возлагается на политических лидеров, мировое сообщество и — в меньшей степени — на международные организации. В *Urbi et Orbi* папы анализируют глобальные проблемы современности, но никогда не маркируют конкретного участника или участников мировой политики в качестве их источника.

Долженкова Е., Мохорова А.Ю.
СПбПУ Петра Великого, Санкт-Петербург

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗДЕЛЕННОГО ЛАТВИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

На протяжении длительного времени наблюдается напряжение между странами Балтии и Российской Федерацией в контексте информационного противостояния. Особое внимание заслуживает положение Латвийской Республики.

Состав латвийского общества, разделенный по языковому признаку, включает в себя также разделение и по гражданству. В контексте информационного противостояния важным является языковой принцип. Со временем в латвийском обществе наблюдаются успешные итоги интеграции русскоязычных жителей Латвии в национальное общество посредством прохождения процедуры натурализации. Таким образом, латвийское правительство способствует уменьшению количества жителей со статусом «лиц без гражданства», но языковая проблема по-прежнему сохраняется, о чем также говорят действия правительства, направленные на ограничение русскоязычного контента в информационном поле Латвийской Республики.

Особое место в защите собственного информационного пространства латвийское правительство видит не только в работе специализированных ведомств, например Национального совета по электронным СМИ (*Nacionālā elektronisko plašsaziņas līdzekļu padome — NEPLP*), а также в создании собствен-

ного контента на русском языке. NEPLP уполномочен принимать решения по ограничению вещания телепередач, которые, по мнению экспертов центра, распространяют информацию, направленную на разжигание межнациональной ненависти, а также информации, способной нанести ущерб общественной безопасности.

Проекты, касающиеся создания русскоязычного контента на базе латвийского телевидения, требовали финансирования со стороны не только латвийского правительства, но и со стороны правительства Европейского союза.

В 2022 г. латвийское правительство также предоставило возможность работы для средств массовой информации, которые ранее были зарегистрированы в Российской Федерации. В данном случае наблюдается ситуация, когда русскоязычные жители Латвии потребляют информацию на русском языке, созданную посредством вложений Евросоюза, а также с помощью СМИ, которые в Российской Федерации были признаны нежелательными. Данное положение влияет на образ Российской Федерации, который создается одиозными СМИ и иногда может быть предвзятым.

Информация, распространяемая новыми информационными изданиями в Латвии, носит различный характер, а именно ее распространение ведется не только посредством телевизионного вещания, но также посредством Интернета, включая социальные сети. Это приводит к ситуации, когда различные слои русскоязычного общества, вне зависимости от принадлежности к той или иной возрастной группе, получают информационные потоки, подконтрольные латвийскому правительству — вся информация, которая транслируется в том числе и на YouTube, распространяется с санкции латвийского правительства.

Латвийские информационные каналы средств массовой информации присутствуют в социальных сетях, распространенных среди русскоязычных жителей Латвии, — в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и также активно используют мессенджер *Telegram*.

Подобное положение влияет на восприятие русскоязычными жителями Латвии всех происходящих событий в заранее подготовленной риторике. Ввиду получения односторонней информации в будущем данное положение может привести к общественной напряженности среди латвийского общества, разделенного по языковому признаку, — может возникнуть напряженность среди русскоязычной группы населения в зависимости от того, в каком информационном поле они находятся. Таким образом, во избежание проблемы необходимы действия по сплочению общества вне зависимости от языкового признака и национальности, а также вне зависимости от политических предпочтений.

Домбровская А.Ю., Огнев А.С.

ИНИОН РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И КОРРЕКТИРОВКИ МЕТОДАМИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ И ПРОЕКТИВНОЙ КОГНИТИВИСТИКИ

В условиях проведения специальной военной операции и последующего за ее началом усиления антироссийской политики западных государств обострились риски повышения протестных установок российской молодежи, формирования негативной национально-государственной идентификации молодых россиян, увеличения их миграционного потенциала, что сопряжено с восприятием ими образа будущего России в негативной тональности, отсутствием у молодежи России уверенности в возможности профессиональной и личностной самореализации в стране, преобладанием у молодого поколения депрессивных и упаднических настроений в связи с попытками недружественных стран изолировать экономику и социокультурное пространство России, по сути, «отменить» нацию и государство. В этих условиях российская молодежь, социализированная в период американизации и цифровизации, а потому глубоко зависимая от западных культурных образцов и ценностей и находящаяся под манипуляционным давлением внешних информационных политических акторов, испытывает существенные трудности в принятии новой политической и социально-экономической реальности.

Исходя из этого, требуется глубокий, системный и комплексный анализ формирующегося на фоне новых условий образа будущего России в сознании российской молодежи. Важно изучить специфику восприятия молодыми россиянами процессов геополитического переустройства мира на фоне спецоперации, их мотивы и персонологические когнитивные карты, определяющие перцепцию геополитических процессов, структурные и содержательные компоненты образа своего будущего и будущего страны в меняющейся реальности. Диагностика восприятия будущего страны молодыми россиянами должна осуществляться с применением современных инструментов когнитивной диагностики: айтрекера, позволяющего фиксировать объективные показатели — психофизиологическую реакцию глазного зрачка на предъявляемый стимульный контент (отражающий различные смыслы и значения,

связанные с альтернативными векторами развития государства и персонального жизненного пути), а также измерительных процедур с использованием аттестованных наборов метафорических ассоциативных карт, обеспечивающих точную психосоциальную диагностику.

На основе результатов инструментальной диагностики необходимо осуществить полный экспериментальный цикл по формированию у российской молодежи позитивного образа будущего России. Для этого наиболее эффективно проведение серии форсайт-сессий с представителями молодого поколения РФ, цель которых — моделирование в сознании участников конструктивной стратегии выстраивания желаемого образа будущего страны и своего будущего в России.

Пилотажный этап проекта «Моделирование позитивного образа будущего России в сознании российской молодежи средствами инструментальной и проективной когнитивистики», реализуемый авторами, показал сформированность у молодого поколения РФ традиционных ценностей, которые служат базисом выстраивания образа будущего вокруг семьи и исполнения семейных ролей. Важным условием позитивного восприятия будущего молодежью служит расчет на социальную политику государства, этот внешний локус контроля подразумевает установку на широкую поддержку государством молодых специалистов и их семей. Существенный запрос на построение «общества справедливости», сокращение социальной дистанции между элитами и рядовыми гражданами, стимулирование механизмов и каналов социальной мобильности — весомые элементы восприятия будущего России в позитивном контексте.

Проблема так называемых излишне «иждивенческих и патерналистских установок» современной молодежи, усиления внутреннего локус-контроля, повышения уверенности в своих силах и осознания личной ответственности за благополучие семьи, микроокружения, общества успешно решается в ходе форсайт-сессий, основа которых — технологии жизненной навигации. Проведенная серия форсайт-сессий со студентами вузов Москвы показала существенные эффекты корректировки восприятия молодежью своей роли в развитии страны, укрепления чувства ответственности за будущее государства, преодоление феномена бессубъектности, абсентеизма, гражданской апатии.

Дубов К.М.
ДонНУ, Донецк

КРИЗИС МЕЙНСТРИМА: НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИКИ В ЗАПАДНОМ МИРЕ

Долгое время борьба политических сил в Европе происходила вокруг фундаментальных принципов. К XX в. в западной политике и науке окончательно оформилась концепция лево-правой оси в качестве базового инструмента разделения всего многообразия политических идеологий и сил на три основных типа — левые, центристские и правые. Однако уже в 1950-е годы в политическом пространстве первого мира начали ошутимо проследиваться центристские тенденции в идеологиях. На практике это означало постепенное стирание принципиальных различий между партиями левого и правого крыла. В идеологическом плане это ознаменовалось процессом конвергенции.

Специфические расстановка политических сил и форма политической борьбы, установившиеся в западных странах в конце XX в., именуются политическим мейнстримом. Левоцентристы и правоцентристы пришли к консенсусу касательно проводимого курса. Противостояние между партиями, находящимися в согласии относительно базовых устоев политико-экономического строя, М. Дюверже характеризовал как борьбу по второстепенным принципам¹. Сформировавшаяся на Западе политика мейнстрима представляет собой соревнование за власть между центристскими силами различных оттенков, ненастроенными на глубинные изменения системы.

Базовыми характеристиками идеологического содержания мейнстрима являются: глобализм, эконоцентризм, демократизм, рыночность и политкорректность. Данные установки практически в равной степени разделяются представителями мейнстрима. Незначительно разнятся лишь подходы к тому или иному вопросу.

Центристский консенсус породил достаточно устойчивую и удобную модель управления национальными государствами. Однако к 2010-м годам на Западе стали нарастать противоречия между мейнстримным истеблишментом и обществом. В первую очередь они были обусловлены отрывом левых и правых от своих традиционных избирателей. Это вызвало начало кризиса политического мейнстрима, определившего две ведущие тенденции развития политики.

Первая тенденция — альтернативная политика. Мейнстрим стал принципиально нефальсифицируемым безальтернативным взглядом на реальность. Это стало причиной, породившей усталость многих избирателей от мейнстрима. Следствием возникшего запроса на альтернативу стало появление

¹ Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. С. 503.

новых политических сил, оспаривающих те или иные постулаты мейнстрима. Все большую популярность набирают антиглобалистские, антииммигрантские, антикапиталистические и прочие протестные движения. Примерами могут послужить успехи «Альтернативы для Германии» в ФРГ и «Подemosа» в Испании.

Поскольку альтернативные силы частично занимают электоральные ниши, ранее принадлежавшие традиционным партиям, то мейнстрим стремится относить представителей альтернативы к левым и правым радикалам. Однако зачастую это является лишь внешним наименованием, и на практике многие альтернативщики с трудом атрибутируемы в терминах лево-правой концепции.

Соперничество между мейнстримом и альтернативой стало характерной чертой современной западной политики. Центристы кооперируются в борьбе против новых политических сил, и данное противостояние является более напряженным, чем противостояние между традиционными левыми и правыми внутри самого мейнстрима.

Вторая тенденция — политика кампаний. Многочисленные проблемы постиндустриальной эпохи претендуют на установление в качестве краеугольных камней для отдельных повесток. На этой почве появляются молекулярные идеологии¹. Их отличает то, что они не содержат в себе полной совокупности концептов для описания реальности во всем ее объеме, а нацелены лишь на отдельные аспекты. Частные проблемы формируют вокруг себя своеобразную систему убеждений, обретающую форму идеологии. Таковыми являются, например, феминизм, экологизм и пиратство. Они имеют определенный круг идей, однако ограниченный, неспособный дать ответы на все вопросы многогранной социальной жизни. Поэтому проблема их соотнесения с лево-правым спектром является еще более острой в сравнении с альтернативными идеологиями.

Молекулярные идеологии водружаются во главе политических сил и движений. Возникшие новые отношения Р. Рорти именует политикой кампаний². Политическое противостояние происходит по поводу частных проблем, формулируются проекты решения отдельных проблем без создания системного мировоззрения. Отдельные движения все чаще начинают оказывать значительное влияние на политику, вступая в соперничество с мейнстримом.

Таким образом, кризис мейнстрима на Западе порождает два качественно новых состояния политики — альтернативная политика и политика кампаний. Центристский лево-правый консенсус стоит перед лицом угрозы, которую он даже не в состоянии охарактеризовать в традиционных терминах. Появление новой политической конфигурации еще не свидетельствует об уходе мейнстрима с доминирующих позиций в западном обществе, однако определенно указывает на его трансформацию в ближайшей перспективе.

Дука А.В.

СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

АВТОНОМИЯ ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ

1. Автономия часто рассматривается как свобода индивида или группы в выборе и в действиях. Одновременно данное понятие используется в отношении политических образований, способных к самоуправлению. Другими словами, речь идет о персональной автономии и институциональной. То и другое применимо к исследованию властных групп. Но здесь прослеживается некоторая двойственность.

С одной стороны, определенность классиков, зафиксированная в «трех С» Дж. Мейселя, в том, что элиты автономны в отношении масс. С другой стороны, существует зависимость их от внутри-элитных взаимоотношений и «требований времени», проявляющаяся в циркуляции элит и смены их социальной основы.

В современных исследованиях зависимость от публики / масс / населения описывается через наличие базовых ценностей и норм, протестную активность, избирательный процесс. Существует также очевидная зависимость от действий других элит.

2. Наиболее существенны два аналитических направления, исходящих из различных оснований. *Во-первых*, элиты — часть институциональных порядков, находящихся в процессе становления, изменений, переформатирования. *Во-вторых*, элиты — часть социетальной системы взаимодействия по поводу контроля и распоряжения общественными ресурсами. Элита как социальная группа, контролирующая ресурсы.

3. Отсюда два процесса институционализации: институционализация института и институционализация социальной группы. Первый процесс связан с модернизацией, отделением сферы политики от других общественных сфер (С. Хантингтон), что обеспечивает автономию от влияния партикуляр-

¹ Schwarzmantel J. Ideology and Politics. L.: SAGE Publications, 2008. P. 111.

² Rorty R. Movements and Campaigns // Dissent, Winter 1995. P. 57.

ных интересов социальных групп. Второй процесс в основе своей имеет автономию бассейна рекрутирования, ведущую к обособлению элитных групп, и автономию в принятии решений.

4. Институционализация фиксирует основания существования. Другими словами, критерии институционализации являются одновременно характерными чертами элиты в пределе (или в идеале). Вместе с тем институционализация характеризуется дуальностью: институционализирующееся (институт, структура, социальная группа) влияет на процесс институционализации, определяя ее (институционализации) параметры. В том числе и в вопросе автономии элит. Но институционализация связана также с легитимностью. А здесь возможна консолидация элиты и общества. Особенно в кризисной ситуации. Например, сейчас в России в условиях специальной военной операции.

5. Как отмечал Р. Робинс, рекрутирование из своей социальной группы является квинтэссенцией автономии. Но при, например, плутократическом рекрутировании понятая так автономия вступает в противоречие с институциональной автономией, когда социальные порядки в процессе институционализации автономизируются, приобретают свою особость, специфику. Возникает дилемма автономии: формирование собственного автономного замкнутого бассейна рекрутирования снижает политическую автономию. Но большая автономия достигается при наличии внешнего контроля (показательный пример: гражданское общество и антикоррупционный контроль).

6. Любая автономия сталкивается с проблемой легитимации. Основание — базовые ценности и нормы конкретного общества. Только ограничивая себя, ставя себя в рамки, ты легитимен, власть твоя правомерна.

При автономности принятия решений элиты основываются на тех же базовых ценностях, что и большинство населения (Г.Л. Филд, Дж. Хигли).

Также важна опора на «мнение». Например, В. Путин говорил, что при принятии решения о присоединении Крыма проводились социологические исследования.

7. Институционализирующий институт (элиты) не только задает нормы обществу, но в процессе своей институционализации также формулирует свои. Более того, эти нормы могут расходиться с общими для социума. Но они создают важную демаркацию и идентификацию элит. Высшим группам позволено то, что простым смертным предосудительно или вовсе запрещено.

Но при этом автономность должна признаваться низами. И она должна быть очевидна. Правовая / юридическая автономия зависит от типа политического режима, т.е. встроенных ограничений.

8. Автономия и эффективность активности элит могут вступать в противоречие. Пределы автономии связаны с социальной дистанцией: чем она выше (при высокой вертикальной элитной интеграции), тем становится проблематичнее ее возможность играть роль посредника между конкурирующим социальными группами.

9. Автономия элит в значительной степени базируется на автономии ресурсов (Е. Этциони-Халеви). Наиболее существенны ресурсы физического принуждения, материальные ресурсы, административные/организационные ресурсы, символические ресурсы, комбинированные ресурсы.

10. При иерархическом и конкурентном институциональном структурировании общества элитное сообщество должно быть конгруэнтно социетальной системе.

Если основой общества являются крупные корпорации, в которых существует жесткая субординация, то ожидать демократического управления в обществе нереалистично. Другое дело, что властные структуры стремятся показать свою власть как демократическую.

Дунамалян Н.А.

Российско-Армянский университет, Ереван, Армения

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ И АРМЕНИИ: ДВА ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ «ПОСТСОВЕТСКИХ ПРАВИЛ»

Рассмотрение специфики развития гражданской идентичности на постсоветском пространстве на примере России и Армении на первый взгляд может показаться довольно некорректным, так как отличий между этими государствами больше, чем схожих черт. Однако эти два государства и общества представляют собой уникальные модели построения национальной идентичности, которые не могут быть включены в общий ряд постсоветских республик, конструирующих свою идентичность на основе этнонационализма с опорой на государственность/гражданственность. Безусловно, похожие тенденции существуют в России и Армении, однако основа построения отношений между различными группами внутри государства сильно отличаются: в России, несмотря на подчеркнутый этатизм, развивается «национально-цивилизационная» или «макрополитическая» идентичность, входящая в противоречие с этнонационализмом на федеральном и местном уровнях, а также препятствующая тенденциям полного изоляционизма на международной арене; национальная идентич-

ность в Армении находится в процессе трансформации, пересматривая основы модели этноконфессиональной общности и переходя к оценке важности армянской государственности, хотя здесь до сих пор этнокультурный фактор доминирует и во многом противостоит приоритетам развития государства на различных уровнях. В случае иных моделей постсоветских идентичностей проблема развития этнонационализма сращивается с контекстом гражданственности, приобретая форму «национализирующего государства» (из этого ряда, возможно, выделяется Молдова, стремящаяся к интеграции с Румынией), где приверженность к государству и отождествление себя с титульной (политической) нацией становится одним из важнейших факторов самосознания. Также сказывается отсутствие долгой государственной традиции стран постсоветского пространства, способствующей использованию политики идентичности в целях укрепления власти и построения иерархии социально-политических отношений.

Формат «национализирующего государства», если придерживаться терминологии Р. Брубейкера, лучше всего описывает модели развития постсоветских идентичностей, поскольку факторы национальных меньшинств и «внешних родин» на всем постсоветском пространстве нейтрализуются в «мягкой» (инкорпорация элит) или «жесткой» (этнические чистки) форме. К примеру, вытеснение армянского фактора из региона Нагорного Карабаха воспринимается идеологами политики идентичности в Азербайджане как решение этих двух проблем. Так, конфликт в Украине можно рассматривать также как результат политики этнонационализма. Те же примеры конфликтов в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и других странах являются издержками этнонациональной политики элит.

При всей схожести некоторых признаков Россия и Армения выпадают из этого ряда государств. Государственное устройство РФ, национальная политика и постсоветское наследие (прежде всего в социально-экономической сфере) не дает возможности политической элите государства выбрать одну из моделей политики идентичности, так как необходима более гибкая политика. В российском законодательстве нет определения понятия «национальное меньшинство», и эта проблема периодически возникает при ратификации той или иной международной конвенции, так как любой гражданин РФ может стать частью российского «макрополитического» сообщества, однако, с другой стороны, борьба с этнонационализмом в границах автономных республик заставляет использовать «цивилизационный» фактор. Армения также, во многом пытаясь отделиться от цивилизационных центров своего времени (Рим-Персия, язычество-зороастризм и т.д.), создала локальную цивилизацию, основанную на синтезе глобальных и локальных ценностей, способствовавших становлению Армянской Апостольской церкви, армянской письменности и сохранению культуры в условиях отсутствия государственности. Таким образом, примеры России и Армении можно считать атипичными для постсоветского пространства, однако эти два полюса, выбиваясь из общей логики «антиимперских» или «этнонационалистских» тенденций, дрейфуют в сторону «нормализации» политики идентичности на продолжающейся тенденции идентитарного изоляционизма в мировом масштабе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-182 и 20-511-05025 соответственно.

МЕСТО МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Многие россияне, особенно представители молодого поколения, предлагают сегодня собственные, основанные на моральных ценностях и нормах оценки действий государства и его институтов. Эти оценки оказывают существенное влияние на формирование российской национально-государственной идентичности и в целом российской государственности.

Исследования показывают, что большинство обращает особое внимание на ценность справедливости.

В целом в обществе существует определенный консенсус по поводу степени значимости этой и связанных с ней ценностей, при этом, что касается смыслового наполнения, критерии оценки тех или иных событий или явлений остаются нечеткими, размытыми.

Однако при всей размытости предлагаемых моральных критериев в них присутствует тенденция оценивать действия отдельных субъектов в зависимости от позиционирования их в качестве принадлежащих к некоторым очень условным общностям, в основе выделения которых лежит идентификационная модель «свои» (сегодня активно используется вариант «наши») — «чужие». Личности или группы, составляющие часть близкого к нам окружения (семья, друзья, группы постоянного общения в сети Интернет с похожими интересами и оценками) или те социальные, культурные или политические общности, идеи и представления которых кажутся близкими, совпадают с моими оценками происходящих событий, воспринимаются в качестве условных «своих». Им противопоставлен образ «чужих», в качестве которых часто фигурируют субъекты, которые в той или иной степени связаны с властью, государством, его институтами и представителями, условные «чиновники». Исключение представляет Президент РФ В.В. Путин и в меньшей степени некоторые министры или региональные руководители. При этом «своим» приписываются более морально приемлемые цели и мотивы, чем «чужим».

Эта тенденция в определенной степени обострилась в связи с эмоциональной реакцией общества (особенно проявляющейся в социальных сетях) на события специальной военной операции. Общественные настроения очень чувствительны к получаемой информации о позитивных или негативных результатах тех или иных конкретных событий, а настроения неудовлетворенности стихийно, а иногда целенаправленно направляются на государственную власть и ее представителей, в том числе в структурах российской армии.

Данная закономерность, в соответствии с которой действия «своих» чаще воспринимаются как морально оправданные и соответствующие ценностным предпочтениям респондента, в то время как действия «чужих» будут негативно оцениваться с точки зрения этих предпочтений, прослеживается при анализе тенденций интерпретации событий в контексте моральных ценностей.

Эта тенденция, при слабом знании правовых норм (которые могли бы стать дополнительным ориентиром при анализе тех или иных действий государственных институтов или представителей власти), способствует искажению понимания и оценки сути происходящих событий, а в ряде случаев становится основой для манипулирования этим процессом, предлагая под предлогом защиты справедливости участвовать или поддерживать политическую активность, направленную против государства, государственных законов и институтов («чужих») в защиту идей тех политических акторов, которые позиционируются в качестве «своих», активность, направленную на разрушение российской государственности.

Евдокимов Н.А.
БашГУ, Уфа

ВЫБОРЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ НА ФОНЕ СВО

Единый день голосования 11 сентября 2022 года стал первым опытом проведения выборов в России в условиях специальной военной операции (СВО). Неудивительно, что основной спектр общественного внимания, даже в тех субъектах, где прошли выборы глав регионов, сконцентрирован на внешнеполитической, а не внутренней повестке. В целом избирательные кампании по выборам глав регионов и парламентов субъектов прошли в 18 субъектах, причем в Саратовской области и Удмуртии выжили оба органа власти. Прошедшие избирательные кампании позволяют выделить несколько

тенденций и закономерностей, которые находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости друг с другом.

1. В регионах происходит ритуализация избирательного процесса, а выборы все более носят плебисцитарный характер. Избирательные кампании так и не стали той площадкой, которая могла бы быть использована для обсуждения возможных альтернативных вариантов будущего развития страны или хотя бы регионов, где проходят выборы. Это непосредственно сказалось на явке избирателей и внимании к избирательному процессу — по сравнению с предыдущими выборами явка сократилась более чем в половине субъектов. Региональные выборы фактически повторяют судьбу муниципальных, становясь малоинтересными для рядового избирателя.

2. Повсеместно фиксируется отсутствие внятной партийной повестки. Это стало следствием установок федерального центра, который в последние полгода отчетливо давал понять, что СВО и все, что с ней прямо или косвенно связано, не являются предметом общественного обсуждения и политических дискуссий. А другую повестку партии в этих условиях предложить просто не смогли. Более всего пострадали партии парламентской оппозиции, которые оказались лишены каких бы то ни было внятных политических установок. Во многом понимание того факта, что им будет нечего предложить избирателям на выборах, и спровоцировало некоторых партийных руководителей озвучить предложения о необходимости отмены или переноса выборов на этом этапе развития страны (т.е., вероятно, вплоть до окончания спецоперации).

3. Избирательные кампании характеризовались низким уровнем политической конкуренции. Возможно, за исключением Свердловской области, но и здесь кандидат «партии власти» победил в первом туре. Мобилизация сторонников носила преимущественно административный, а не политтехнологический характер. В этих условиях кандидаты не отметились оригинальными смысловыми и политтехнологическими решениями.

4. Невысокий уровень партийного представительства. В частности, партия «Яблоко» либо не была допущена, либо добровольно отказалась от участия в большинстве региональных избирательных кампаний, что, очевидно, связано с ее политической позицией по вопросу об СВО. Во многих регионах не были выдвинуты и кандидаты от «Новых людей», что говорит о неоконченном процессе строительства региональных отделений у этой партии.

5. Отсутствие протестных настроений и скандалов на выборах. Это можно связать как с полным разгромом несистемной оппозиции и нежеланием кандидатов затрагивать потенциально острые темы, так и с низкими интересом населения к выборам. В целом избирательные кампании перестают быть центром генерации протестных идей. Иначе говоря, политический протест в современной России не имеет прямого отношения к выборам.

При условии сохранения текущей политической ситуации можно ожидать дальнейшую рутинизацию избирательного процесса, в том числе на выборах федерального уровня. Но в целом развитие партийной и избирательной систем России, вероятно, будет напрямую зависеть от хода СВО и того влияния, какое оказывает спецоперация на внутривнутриполитические процессы и функционирование политических институтов в России.

*Евстифеев Р.В.
ИНИОН РАН, Москва*

ИНОСТРАННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ВЫБОРЫ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Иностранное вмешательство в выборные процессы не является новой проблемой. Проведение национальных выборов в Новое время показало уязвимость этого института для вмешательства в электоральные процессы со стороны иностранных государств. В президентском обращении 1796 г. Джордж Вашингтон специально отметил, что иностранное влияние в условиях демократии может приводить к введению в заблуждение общественного мнения, запугиванию отдельных групп общества и к воздействию на национальные политические партии, назвав иностранное влияние одним из самых страшных врагов республиканского правительства.

В XIX–XX вв. попытки вмешательства в национальные выборы со стороны иностранных государств были довольно частым явлением. По данным исследователей, почти 11% выборов, проведенных в период с 1946 по 2000 г., стали объектом иностранного вмешательства.

При этом научное осмысление иностранного вмешательства в выборы заметно отстает от политически оценок данного явления. Политики воспринимают иностранное вмешательство в выборный процесс как атаки на собственные позиции. Вместе с тем идея иностранного вмешательства в выборы имеет самостоятельную внутривнутриполитическую ценность и позволяет консолидировать сторонников перед лицом внешней угрозы. С другой стороны, имеющееся или только предполагаемое иностранное

вмешательство в выборы может быть важным аргументом на внешнеполитическом рынке при переговорном процессе.

Таким образом, вмешательство в выборы со стороны других государств — довольно распространенное явление, которое увеличивает риски возникновения политического кризиса, основанного на потере доверия к демократическим политическим институтам.

Однако в политической науке пока нет четких определений и различий типов вмешательства в выборные процессы, в научной литературе пока довольно мало хорошо изученных и объясненных фактов электоральных вмешательств, почти не выстроена теоретическая рамка их изучения, слабо изучены мотивы, эффекты и результаты таких вмешательств.

Специфика цифрового общества многократно умножает вызовы и риски, воздействуя на демократические институты, усиливая инструменты иностранного вмешательства, такие как финансовые инструменты, организационно-политические инструменты, коммуникационные инструменты, а также киберинструменты.

Отметим, что, кроме прямого воздействия на результаты выборов, иностранное вмешательство оказывает поляризующее и разрушающее доверие влияние на общество. Данные опросов общественного мнения показывают, что иностранное вмешательство в выборы способно подорвать доверие к демократическим институтам, вплоть до расширения расколов в обществе, а также оказать негативное влияние на отношения между государствами.

Основными тенденциями развития иностранного вмешательства в выборы в цифровую эпоху являются следующие.

1. Вмешательство продолжает смещаться к дистанционному воздействию.
2. Данные о выборах становятся все более уязвимы для кибератак.
3. Происходит переход от массового воздействия с помощью средств коммуникации к использованию персонализированных и индивидуализированных инструментов.
4. Продолжается снижение влияния традиционных СМИ, снижение качества и правдивости информации.

Можно выделить следующие перспективные направления будущих исследований иностранного вмешательства в выборы:

- концептуализация понятия «иностранное вмешательство в выборы»;
- изучение процессов воздействия информации на массовое сознание;
- восполнение пробелов в данных об иностранном вмешательстве в выборы, систематизация и классификация различных инструментов, с помощью которых одно государство пытается вмешиваться в политические процессы другого государства;
- изучение существующих норм и правил, позволяющих государству осуществлять эффективный контроль и противодействовать иностранному вмешательству в выборы;
- дальнейшее изучение сложившихся правил взаимоотношений государств, а также возможностей и ограничений международного права, способствующих выявлению и противодействию иностранному вмешательству;
- изучение механизмов и инструментов противодействия иностранному вмешательству, которые могли бы стать основой для выработки общих правил поведения и реагирования на иностранное вмешательство в выборы.

Представляется, что предложенные направления исследований помогут снизить негативный эффект иностранного вмешательства и выработать действенные меры по реагированию и противодействию данному типу вмешательства.

*Егулов А.В.
КубГУ, Краснодар*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИК ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ

Сегодня Интернет стал важным инструментом повседневной жизни. Он используется для поиска и хранения информации вместо того, чтобы запоминать ее, онлайн-возможности быстро растут. Многие услуги, предоставляемые государственными учреждениями и местными органами власти, могут быть использованы в режиме онлайн. По сравнению с коммерческими сайтами порталы электронного правительства не нацелены на получение прибыли, и это одна из причин, почему большинство порталов электронного правительства не адаптируются к потребностям пользователей и не предостав-

ляют информацию и электронные услуги, которые пользователь желает или в которых наиболее заинтересован. Для эффективного предоставления электронных услуг и повышения удовлетворенности пользователей необходимо понять, как персонализировать порталы электронного правительства. Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном формате может обеспечить широкий спектр преимуществ, включая повышение результативности и экономии средств, расширение участия граждан в политической жизни. Органы государственной и муниципальной власти аналогично бизнес-структурам должны становиться клиентоориентированными.

Разработка административных регламентов должна ставить задачу не только описания существующих процессов оказания услуг, но и выявления и закрепления возможностей их оптимизации в интересах потребителя:

- обеспечить устранение избыточных административных процедур и их упрощение, в том числе сокращение сроков их исполнения;
- обеспечить предоставление информации о действиях и об административных процедурах гражданам и организациям;
- установить персональную ответственность должностных лиц за соблюдение требований административного регламента, за каждое действие или всю административную процедуру предоставления электронных государственных и муниципальных услуг.

Стандарт государственной и муниципальной услуги должен включать: 1) стандарт процесса оказания услуги (административный регламент); 2) стандарт качества (требования к содержанию) самой услуги; 3) стандарт доступности (информационной, территориальной, финансовой, временной, физической) услуги. Административные регламенты и стандарты предоставления государственных и муниципальных услуг — это диалектически связанные самостоятельные документы. Для разрешения противоречий между ними целесообразно, чтобы административные регламенты и стандарты утверждались одним исполнительным органом.

Для оптимизации исполнения административных регламентов и стандартов предоставления государственных и муниципальных услуг целесообразно: обеспечить переход к оптимизации и регулированию комплексных услуг «по жизненным ситуациям» (рождение ребенка, приобретение недвижимости, открытие бизнеса и др.); ввести практику мониторинга случаев, когда получатели государственных и муниципальных услуг вынуждены заключать договор с третьим лицом на безвозмездной и возмездной основе; сокращения количества необходимых документов; на региональном и муниципальном уровнях организовать ежегодное формирование перечней оптимизируемых услуг на основе оценки их качества, актуальности и значимости для граждан и бизнеса; периодически выявлять основные проблемы, возникающие при оказании услуг гражданам и юридическим лицам.

Также следует отметить, что достаточно много внимания уделяется вопросам внедрения цифровых технологий в систему управления на федеральном уровне, но при этом на региональном уровне наблюдается немного иная тенденция. Отсутствуют какие-либо четко сформированные данные об анализе текущих результатов и перспектив интеграции современных интернет-технологий в систему управления. За счет построения такой формы взаимодействия (активное внедрение и применение ИКТ) обеспечивается качественно новая форма организации сотрудничества органов государственной, региональной власти, МСУс, общественными организациями и коммерческими структурами.

Необходимо уделять больше внимания развитию информационно-коммуникационных технологий в России, в частности в области повышения квалификации ИТ-кадров; повышению технологической грамотности населения, преподаванию основ информационно-коммуникационных технологий. Особое внимание следует уделить разработке четкой нормативной базы с конкретными правами и обязанностями граждан при использовании электронного правительства, обеспечивающей и гарантирующей безопасность персональных данных.

ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В РОССИИ: ФАКТОРЫ АССОЦИАЦИИ И ИНКЛЮЗИИ

Исследование взаимосвязи гражданской ответственности, эмпатии и политической вовлеченности как оснований формирования политических практик в России предполагает анализ данных концептов в контексте современных политических представлений через раскрытие их основных элементов; определение места описываемых ими явлений в нормативно-ценностной системе российского общества и в структуре государственных институтов; оценку уровня реализации указанных феноменов; изучение их взаимовлияния в процессе институционализации политических практик в России.

Проводимые отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН общероссийские обследования, которые в последние годы при поддержке РФФИ приобрели мониторинговый характер, позволяют выявить совокупности респондентов, формирующиеся на нормативно-ценностных основаниях: в целом не отличаясь по критериям возраста, образования и материальной обеспеченности от средних по всей выборке показателей, респонденты из данных совокупностей имеют противоречивые и альтернативные представления о настоящем и будущем состоянии российского общества и государства. Одни демонстрируют безразличие к ситуации, по сути соглашаясь со сложившейся бюрократически-олигархической моделью социального порядка, другие интересуются изменениями, но видят их в противоположных направлениях — от утверждения демократии, чаще всего в ее представительной версии, до возрождения консервативно-реакционных традиций российской истории, включая советский период, вплоть до полного отказа от решения задачи формирования ответственного гражданина-актора.

В любом случае речь не идет о реальном участии в переменах — около половины респондентов предпочитают «разговоры о политике», но можно говорить об изменениях в дискурсе — возникновении идей, нормативно-ценностных установок, ориентирующих респондентов на достижение общего блага и целей общественного развития, а также о политизации части респондентов — повышении уровня политической вовлеченности, связанной, однако, не с участием в формально демократических практиках, а с эмпатией и формированием понимания политики как конкурентной среды производства альтернатив развития общества и государства.

Анализ данных массовых опросов по параметрам, значимым с точки зрения разрабатываемой модели политического пространства (в частности, оценки респондентами уровня защищенности их гражданских прав, социальной напряженности, институционального доверия, отношения к верховной власти, доминирующих в российском обществе и предпочтительных для будущего страны ценностей), использование методов, апробированных в исследованиях динамики ценностных ориентаций, демографического поведения и процессов миграции за периоды от 20 до 50 лет, позволили сопоставить две важные проекции институциональных структур политической подсистемы российского общества. Расчет коэффициента корреляции Кендалла для оценки сопряженности распределений по этим параметрам показал формирование специфических «триад» респондентов — «доминирующих / медианных / инакомыслящих», а также «лояльных / умеренных / критичных». Качественная оценка параметров и их связей по триадам дает возможность анализа на структурном уровне массового сознания и может быть использована для верификации гипотезы о начавшемся процессе консолидации представлений о настоящем и будущем социума, политики и государства.

Подготовлено в рамках гранта РФФИ № 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпатия и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ: СТРАТЕГИИ И МЕХАНИЗМЫ

Специфика политики идентичности в Адыгее, которая по своим политико-институциональным чертам и иным характеристикам во многом является типичным российским регионом, заключается в необходимости поддержания баланса между разными уровнями идентичностей (категория политики идентичности употребляется в интерпретации И.С. Семененко). Республика в целом демонстрирует инклюзивный тип формирования региональной идентичности.

Результаты социологических исследований, проведенных учеными Адыгейского государственного университета, свидетельствуют о том, что российская идентичность в Адыгее строится как результат взаимодополнения этнической, региональной и национально-гражданской идентичностей.

На региональном уровне к институциональным механизмам политики идентичности относятся символическая политика, политика памяти и брендинг территории. Потенциал этих практик раскрывается в создании условий для упрочения общероссийской идентичности, главным актором которых являются институты власти, задающие общие векторы развития республики. Одним из субъектов политики идентичности являются общественные движения и религиозные организации, на опыте которых можно проследить, каким образом в республике выражаются интересы адыгской, русской и других этнических общностей.

В регионе активно проводится политика, направленная на упрочение этнокультурной идентичности посредством актуализации этнической специфики в языковой политике (проект «Долина языков — *Адыг Land*»).

Одним из механизмов проводимой в республике политики идентичности является проведение конкурсов грантов в форме субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям, направленных на развитие гражданского общества.

Стратегический потенциал социокультурной компоненты Адыгеи активно используется в политике идентичности для продвижения имиджа региона. Ежегодно проводится множество мероприятий, направленных на интеграцию народов Адыгеи на межкультурном, межэтническом и межконфессиональном уровнях.

Для выявления возможных направлений взаимодействия национально-гражданской, этнической и региональной идентичностей в фокусе взаимодополняемости, совместимости и солидарности в Республике Адыгея в мае 2022 г. проведен экспертный опрос ($N = 14$). Один из вопросов был связан с оценкой региональной политики идентичности. Большинство экспертов солидарны в том, что в республике уделяется значительное внимание политике идентичности. Это находит отражение в проведении мероприятий, направленных на сохранение и поддержание национально-государственных основ функционирования полиэтничного социума. Экспертами отмечено, что республиканские власти предельно «корректно, с осторожностью относятся к этому вопросу и проблемы часто решают по мере поступления». Также фиксируется, что Адыгея транслирует задачу по гармонизации разных уровней идентичности: «в отличие от большинства республик Северного Кавказа, где этнический фактор является превалярующим во взаимоотношениях между населением и органами власти, в Адыгее выдерживается принцип золотой середины: этноидентификационные процессы поддерживаются регионом, республиканские власти сохраняют баланс этнорегиональных и гражданских факторов, что обеспечивает межконфессиональное и межэтническое согласие».

Некоторые члены экспертного сообщества свидетельствуют о половинчатости политики региональных властей по поддержке идентичности. В частности, отмечается, что «политическая элита иницирует проведение образовательных, просветительских, политических мероприятий, отдельных региональных грантов, поддерживает диалог с общественными организациями, региональными политическими институтами. Политика региона по сохранению национального языка и воспроизводству культуры народов Адыгеи в полной мере не отражает потребности населения республики».

Наконец, крайняя позиция одного из экспертов представлена мнением о том, что «политика идентичности в части общероссийского уровня — это исключительное продолжение политики идентичности, спускаемой «сверху», даже не продолжение, а слепок. Региональные институты выработали определенную систему по целенаправленному воздействию на полиэтничное население (через совокупность «этнических» дат, памятников, событий, ориентированных на этническую память, через поддержку культуры».

В целом результаты исследования позволяют сделать вывод о недостаточном использовании политики памяти, символического ресурса и брендинга территории в процессе формирования общероссийской идентичности в Адыгее. Политика идентичности создает необходимые институциональные условия для развития формальных и неформальных практик межэтнического и межконфессионального

ного взаимодействия и использования их потенциала для укрепления национально-гражданской идентичности.

Политику идентичности, проводимую в последние годы в Республике Адыгея, следует отнести к активному типу. Вместе с тем существенной и актуальной задачей остается дальнейшее выстраивание эффективной модели национально-гражданской идентичности в регионе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

Желнова А.В.
УГНТУ, Уфа

СПЕЦИФИКА НАПРАВЛЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН С СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ НА МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Процессы, наблюдаемые в настоящий момент на международной арене, предопределяют наличие потребности в консолидации российского общества на всех уровнях относительно возникшей внешнеполитической угрозы нанесения ущерба прочности суверенитета России. В сложившихся условиях немаловажную роль играют действия субъектов Российской Федерации, ориентированные на развитие и укрепление межрегионального сотрудничества внутри страны в экономической, социальной, культурной, образовательной, здравоохранения и других сферах жизнедеятельности российского общества.

Очевидность значимости обозначенных процессов обуславливается спецификой их направленности, в соответствии с которой интеграция в разнородных областях многоотраслевого взаимодействия оказывает на выходе внутрифедеративный интеграционный эффект на максимальное сближение, вплоть до предельно-всеохватывающего политического единения многонационального народа современного Российского государства в условиях глобального турбулентного состояния мирового пространства, катализаторами которого выступают Соединенные Штаты Америки и страны Европейского союза.

Примечательным представляется тот факт, что Республика Башкортостан занимает достаточно прочные позиции в авангардном звене взаимодействий подобного рода, успешно реализуя государственную программу «Развитие внешнеэкономических связей, международного и межрегионального сотрудничества Республики Башкортостан», утвержденную постановлением правительства региона 17 июня 2019 г. № 355.

Активная деятельность Главы Башкортостана Р.Ф. Хабирова, направленная на развитие межкультурной коммуникации, способствующей взаимному обогащению традиционных ценностей, интеллектуальная интеграция, повышающая уровень совместного развития как в гуманитарной сфере, так и в наукоемких отраслях экономики, создание обоюдными усилиями Башкортостана и субъектами-партнерами единой коммуникативной среды для общения молодого поколения — развитие и совершенствование этих процессов, безусловно, играют крайне важную роль в укреплении политического единства регионов, которое служит неоценимым вкладом действующего республиканского руководства в эффективность реализации политического курса нашей страны в целом.

В 2022 г. были подписаны и вступили в фазу реализации Соглашения о сотрудничестве башкортостанского руководства с властями Самарской и Ярославской областей, а также Республики Адыгея, о чем была размещена информация на сайте Правительства Республики Башкортостан 29 июля. Следует отметить тот факт, что данные мероприятия осуществляются параллельно с максимально активным осуществлением переговорных функций команды регионального лидера в международном формате, нацеленных на развитие партнерства как в формате *region to region*, так и на уровне государственных властей дружественных и нейтральных относительно России стран.

Применительно к проблематике области взаимодействия российских субъектов нельзя не учесть диаметрально трансформирующийся путь развития партнерских отношений Башкортостана с Республикой Татарстан. Это обстоятельство детерминировало создание башкортостанской рабочей группы в этом направлении, в которую были включены 27 членов Кабинета Министров региона. За последние 4 года многократные встречи республиканских лидеров — Р.Ф. Хабирова и Р.Н. Минниханова,

достаточно солидный пакет подписанных соглашений и достигнутых договоренностей, а также принятие совместного плана по их реализации СМИ двух регионов характеризуют как выход Башкортостана и Татарстана из фазы негласного конкурентного соперничества и вхождение в фазу плотного взаимодействия и сотрудничества двух субъектов страны на добрососедской и дружественной основе.

Кроме того, эффективность менеджмента Р.Ф. Хабирова в данной сфере в целом определяется условиями развития экономического и политического курса современной России, ориентированного на импортозамещение.

Таким образом, четко и стратегически продуманные действия Главы Республики Башкортостан и политической элиты региона применительно к развитию и совершенствованию отношений с другими субъектами Российской Федерации не только создают благоприятную среду для экономического процветания Башкортостана, но и играют крайне значимую роль в укреплении внутригосударственной целостности перед существующими внешнеполитическими угрозами. Этот факт усиливает динамику роста и без того высоких политических позиций Р.Ф. Хабирова внутри Башкортостана, но также максимально повышает политический вес первого лица нашего региона, а значит, всей республики на федеральном уровне.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Фундаментальная проблема будущего существующих цивилизаций и их взаимоотношений актуализирует современный контекст планетарной истории. Человечество сегодня погружено в конфликт моноцивилизационной и многоцивилизационной моделей мирового устройства.

С одной стороны, распавшийся «социалистический лагерь», бывший серьезным противовесом странам Запада в системе международных отношений, послужил причиной рождения идеи однополярного мира как моноцивилизационного, утверждающего одну, западную цивилизацию в качестве общемировой и единственно возможной.

С другой стороны, декларируя проект многополярного мира как обеспечивающего справедливо сбалансированное мироустройство, Россия, Китай, Индия, страны исламского мира отстаивают фундаментальный характер культуроцивилизационных «несовпадений» разных стран.

Все более усиливающаяся культурная и экономическая экспансия Запада, обостряющаяся борьбой за доступ к ресурсам, воспринимаемая другими как угроза их идентичности, стала благоприятной почвой для крайностей национального и религиозного характера, привела к происходящему сегодня военно-политическому и социально-экономическому противоборству.

Абсолютно понятно, почему именно наша страна стала центром конфликта. «Россия не просто играет роль “осевого региона”, отличающегося от цивилизации Запада в источнике своих идеалов и продолжающего “древнее противостояние греков и римлян”, обладание ею открывает путь к мировому господству» (*Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. N.Y.: Holt, 1919. Available online as Democratic Ideals and Reality. Архивная копия от 27 июля 2013 г. на Wayback Machine. Washington, DC: National Defence University Press, 1996*). В то же время «логика всечеловеческого мироустройства, не подавляющего никакие культуры, а, напротив, сберегающего их как драгоценное достояние всех, является собственной, “родной” и органичной для России логикой культуры» (*Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Изд. дом ЯСК, 2019. С. 208–209*).

Перед страной сегодня встала задача не только сохранения православного типа коллективного когнитивного бессознательного, но и всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа.

Однако мы отчетливо видим, как общественные процессы последних трех десятилетий, кардинально изменившие социально-экономические и политические отношения, привели к девальвации ценностей в нашей стране. Трансформации подверглись не только институты семьи, брака и религии, долга, ответственности, добросовестного труда на благо Родины, а также понятия «народ», «национальный интерес», «патриотизм», «гражданственность». Прежняя система политической социализации личности, в результате которой формировался гражданин, разрушена, а новая не только не создана, но и не имеет достаточно четкого желанного образа. Немаловажную роль в этом сыграло бесконечно продолжающееся реформирование системы российского образования.

Предложенные инновации, в основном ориентированные на цели интеграции российского образования в мировое пространство, все это время находились в глубочайшем противостоянии с философией развития отечественного социума. Внедренные «сверху» зарубежные образцы, якобы выражающие прогрессивные тенденции в условиях социальной и культурной глобализации, привели к искусственному отщеплению смысла образования от идеи развития нашей цивилизации.

Нам предлагались светские установки, которые нужно было принять в качестве общечеловеческих ценностей. И хотя подобные ценности на самом деле были «чужим достоянием чужого мира», мы, в страхе не вписаться в европейский мир, им следовали, ломая свою прежнюю систему образования с ее культурно-идеологическими элементами. Подобная замена ценностно-целевых установок уже заставила мутировать ряд систем, включая и духовно-нравственные ориентиры, создающие цивилизационный каркас культуры многих стран.

Реальная действительность сегодня жестко потребовала осознания образования как прямого фактора безопасности нашей страны. Формирование социального субъекта с высоким уровнем социальной ответственности за сохранение своего мира — формирование гражданина — выступает не как проблема образования, а в большей степени как проблема сохранения и развития цивилизации. Только мощный каркас духовно-культурных ценностей, глубокое национальное чувство и сплоченность нации будут гарантом целостной и жизнеспособной страны со своим культурно-историческим ареалом, а также гарантом многополярности мирового устройства.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Специфика репрезентации и самопрезентации современных политических акторов весьма обстоятельно представлена в междисциплинарных политологических исследованиях последних десятилетий. Прослеживается рост исследований в фокусе изучения многообразных форм и технологий «политического спектакля», «зрелищности» современных массмедиа и идеологических самопрезентаций политических элит. Особое внимание уделяется особенностям политики «постправды», «сторителлинга» и рискам «постфактической» политики, замещающей факты «фейками», а принятие решений — популистскими клише.

Вместе с тем все очевидней, что нынешний этап в социокультурной эволюции политических коммуникаций являет новое качество символических репрезентаций, что стимулирует выход исследователей за рамки сложившейся субъектно-объектной эпистемологии политико-культурной динамики. На наш взгляд, подобные исследования нуждаются в коплементарности со стороны стратегий современной критической коммуникативистики, культурсоциологии и антропологии политики, интерпретирующих современную политическую репрезентацию как результат влияния на политических акторов растущей автономизации медиативных практик.

Так, Н. Луман еще несколько десятилетий назад демонстрировал скепсис по поводу субъектно-объектных социологических моделей коммуникативных систем «глобализирующегося общества» и роли политических элит в ценностной и идеологической легитимации «аутопоэзиса» современных коммуникаций. В его исследованиях аргументируется посылка, что в реалиях современной коммуникативной дифференциации и нарастающей в них дихотомии «универсального/партикулярного», символические структуры любой коммуникативной системы (правовой, политической системы массмедиа и т.д.) попадают в зависимость от специфических коммуникативных кодов, оформившихся в рамках этих коммуникаций, находящейся в сложных, иногда в конфликтных отношениях с иными коммуникативными пространствами. Общество посредством массмедиа вкладывает в политическую коммуникацию все больше ожиданий, что ведет к «презентации» неосуществимой политики и конструированию «квазиобъектов», ускорению маятника политической инфляции/дефляции и коммуникативному хаосу, разрушению нарративов национальной идентичности. При этом происходит резкое снижение коммуникативной роли «симбиотических символов», сдерживающих применение насилия, поскольку именно они символизируют связь политических решений с «телесностью», телесно-чувственной осязаемостью политических решений на уровне повседневности.

Операционализация достаточно абстрактной концепции Н. Лумана возможна на основе посылок современной культурсоциологии (Дж. Александр, Б. Гизен, Дж. Олик и др.), где культура (историческая форма социальной памяти) рассматривается как «независимая переменная», символический медиум, обеспечивающий структурное сопряжение коллективных представлений и социальных систем, изучение в культурсоциологии прагматики действенности символических аспектов политической репрезентации в связи с «работой» иконической власти, символические формы которой существенно влияют на политическое позиционирование.

В этом социологическом контексте актуализируются концепты современной антропологии политики, исходящей из посылки значимости локального и повседневного в политических коммуникациях, где «глобальное», «универсальное» рассматривается «перспективой», возникающей в местных сообществах, и не может быть редуцировано к частным национальным проектам глобализации и индивидуалистическим «нарциссическим» репрезентациям неолиберальных культурных и политических элит, стремящихся удержать свое господство (Дж. Фридман). В подобных политических реалиях особое значение приобретает разработка антропологии современной политической лиминальности, поскольку уходящие с политической сцены элиты символически блокируют переход к «нормальной жизни», подменяя ее драматическим театром, где политическое лидерство презентуется посредством конструирования политического трикстерства. Эвристичной выглядит в этом контексте антропологическая гипотеза о культурном мимезисе Р. Жирара и роли в этом процессе «замещающего насилия», амбивалентности практик его символизации (сакрализации/десакрализации) в индивидуализирующемся обществе, что ведет к инверсии семантики героического и преступного, асинхронизации поколенческой преемственности в процессе политической социализации. Именно на основе этого чувственно-образного, мифического символизма продуцируется и укореняется семантика современных политических нарративов «гибридной войны» с их

мифоидеологическими инверсиями сакрального и профанного, героического и преступного. Подобного рода исследования позволяют более комплексно прогнозировать риски неолиберальных нарративов развития и учитывать «глобальные» перспективы уникальности современного российского сообщества.

Зазнаев О.И.
КФУ, Казань

РОСПУСК ПАРЛАМЕНТА В ПАРЛАМЕНТСКИХ СИСТЕМАХ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Роспуск парламента (палаты парламента) до истечения конституционного срока полномочий относится к одной из неотъемлемых черт парламентаризма. Ряд политологов полагают, что именно в этом проявляется сущность парламентаризма. Парламентаризм (в отличие от президентской) является гибкой: институт роспуска парламента вкуне с вотумом доверия/недоверия правительству необходим для разрешения конфликта между законодательной и исполнительной властью. Роспуск парламента является результатом одного из трех действий: 1) вынесение парламентом вотума недоверия правительству (не во всех странах вотум недоверия обязательно ведет к роспуску парламента; легислатура может предпринять попытку сформировать новое правительство без досрочных выборов); 2) потеря доверия правительства со стороны парламента (как и в предыдущем случае, «автоматический» роспуск существует не во всех странах); 3) стремление правительства провести досрочные выборы, чтобы создать себе преимущества. Вотум доверия / недоверия становится эффективным институтом, когда акторы осознают все минусы роспуска парламента и проведения досрочных выборов, что побуждает их идти на компромиссы.

В последние десятилетия в развитии института роспуска парламента в парламентаризме наблюдаются новые тенденции.

1. Роспуск парламента стал реже использоваться в политической практике, что привело к «удлинению жизни» легислатур. Так, подсчитано, что в XIX в. европейские парламентаризмы с 4-летним сроком конституционных полномочий в среднем работали 2,4 года, а в XX в. — 3,2 года. Парламентаризмы с 5-летним конституционным сроком в XIX в. заседали в среднем 3 года, а после Второй мировой войны — 4 года (данные взяты из: *Cheibub J.A. & Rasch B.E. Constitutional Parliamentarism in Europe, 1800–2019 // West European Politics. 2022. Vol. 45. No. 3. P. 477*). «Продление жизни» парламента стабилизирует правительство, которое действует более свободно, и у него появляется больше возможностей для реализации своей программы.

2. Роспуск парламента постепенно превратился из института усмотрения премьер-министра и правительства с большой свободой действий исполнительной власти в правовой способ разрешения тупиковых ситуаций в процессе формирования правительства и во время законодательного процесса. Прежде правительство часто распускало парламент досрочно для того, чтобы создать себе конкурентные преимущества на досрочных выборах в ситуации, когда общество благосклонно настроено по отношению к правительству. В итоге партия, контролирующая правительство, увеличивала число мест в парламенте. Сказанное противоречит догме «классической» теории парламентаризма, согласно которой роспуск парламента дает избирателям шанс принять окончательное решение в случае разногласий между правительством и парламентом по важным вопросам.

3. Сегодня государства вводят конституционно-правовые ограничения на роспуск парламента с целью защиты ассамблеи от вмешательства правительства. В Европе лишь Великобритания допускает роспуск парламента без ограничений. По этому же пути идут Австралия, Канада и Новая Зеландия. В конституциях европейских стран прописываются разные ограничения на роспуск: установление предельного числа роспусков одного и того же лица или по одной и той же причине; приостановление права на роспуск в определенный момент полномочий собрания (например, в начале или в конце его деятельности), а также в определенные временные промежутки полномочий кабинета или главы государства. Во многих конституциях роспуск связан с наступлением конкретных тупиковых событий: ситуация, при которой правительству не удается добиться голосования о доверии правительству по истечении определенного времени с момента его назначения или после определенного количества неудачных попыток формирования. Другие конституции допускают роспуск, если не принят бюджет или закон.

4. По замыслу «архитекторов» институтов ограничение на вотум недоверия правительству и роспуск ассамблеи должны стимулировать партии, правительство и парламент на сотрудничество друг с другом и преодоление разногласий нерадикальным путем без прекращения деятельности парламента и досрочных выборов. Роспуск парламента остается механизмом выхода из тупика, но тупиковые ситуации четко прописаны в конституции, а сам роспуск выступает как крайняя мера.

Несмотря на новые тенденции в развитии института роспуска парламента, парламентаризм остается гибкой системой, предоставляя правительству выбор альтернатив поведения в случае возникновения политических разногласий: просить у парламента доверия; уйти «добровольно» в отставку перед угрозой потери доверия; инициировать досрочный роспуск парламента или дожидаться наступления условий, при которых такой роспуск возможен; пойти на компромиссы, предпочитая работать до регулярных выборов. Таким образом, несмотря на весомые новации, парламентаризм сохраняет свои сущностные свойства.

Зайко Я.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКОВ

Каналы визуальной коммуникации являются доминирующим способом обработки информации. Именно поэтому в политическом контексте, когда информации слишком много, а передаваемые сообщения довольно сложные, невербальное поведение и внешность лидеров, транслируемые средствами массовых коммуникаций, выступают в качестве эвристических сигналов, определяющих восприятие политиков аудиторией. В связи с этим изучение невербального поведения лидеров становится особенно актуально во время политических дебатов, так как к таким упрощенным суждениям о политических лидерах наиболее склонны малоинформированные или неопределившиеся в своем выборе зрители¹.

Так, теледебаты 1960 г. в США оказали решающее значение для победы Джона Ф. Кеннеди над Ричардом Никсоном из-за поведения кандидатов². Люди оценивают политиков по невербальным признакам — от внешнего вида до наличия патриотических символов. С одной стороны, избиратели лучше относятся к кандидатам, имеющим сходство с ними (например, во внешности, в дате рождения и др.). С другой стороны, физическая привлекательность, улыбка³, прическа и одежда⁴ политика влияют на вероятность того, что люди проголосуют именно за него.

При исследовании невербального поведения учеными преимущественно используется метод контент-анализа. Б. Вэсайк⁵ изучал невербальное поведение кандидатов во время политических дебатов, сравнивая их проявления не только эмоций, но и расположения в пространстве. Данные переменные входят в один из компонентов невербального поведения Э. Бьюси⁶ («выражения лица»), так как ученый помимо кинесики, изучает еще проксемику, такесику, просодику политических деятелей.

Например, при исследовании невербального поведения Д. Трампа⁷ был сделан вывод, что во время дебатов политик проявил посредством невербального поведения чрезмерную и неподходящую агрессию, которая отрицательно воспринимается аудиторией и наделяет человека такими качествами, как: недружелюбие, враждебность, ненадежность. Причем проявлять такие негативные эмоциональные проявления склонны лидеры-популисты⁸.

В контексте цифровизации политического пространства проблема восприятия невербального поведения аудиторией принимает все более серьезный характер. Телевидение и социальные сети стали центральными средствами коммуникации в современной политике, предоставляющими крупным планом изображения политических лидеров. Невербальные средства поведения, в свою очередь, формируют образ политиков в сознании людей, так как интерпретируются неосознанно и не требуют каких-то дополнительных затрат энергии. Так, невербальное поведение может способствовать или, наоборот, препятствовать формированию положительного отношения к лидеру.

¹ Masters R.D., Sullivan D.G. Nonverbal Behavior and Leadership: Emotion and Cognition in Political Information Processing. California: University of California at Berkeley, 1990. — 114 p.

² Maurer M. Nonverbal Influence During Televised Debates: Integrating CRM in Experimental Channel Studies // American Behavioral Scientist. 2016. No. 60. P. 1799–1815.

³ Horiuchi Y., Komatsu T. Should Candidates Smile to Win Elections? An Application of Automated Face Recognition Technology // Political Psychology. 2012. No. 33. P. 925–933.

⁴ Spezio M.L., Loesch L. Thin-Slice Decisions Do Not Need Faces to Be Predictive of Election Outcomes // Political Psychology. 2012. No. 33. P. 331–341.

⁵ Wasike B. Gender, Nonverbal Communication, and Televised Debates: A Case Study Analysis of Clinton and Trump's Nonverbal Language During the 2016 Town Hall Debate // International Journal of Communication. 2019. No. 13. P. 251–276.

⁶ Bucy E. The Look of Losing, Then and Now: Nixon, Obama, and Nonverbal Indicators of Opportunity Lost // American Behavioral Scientist. 2016. No. 60. P. 1772–1798.

⁷ Wasike B. Op. cit.

⁸ Engesser S., Larsson A.O. Populist Online Communication: Introduction to the Special Issue // Information, Communication & Society. 2017. No. 20. P. 1285.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Транснациональные корпорации с середины XX в. стали важными участниками политического процесса и развития миропорядка. Прежде всего можно отметить их важную роль в продвижении глобализации, формировании ее эффективных механизмов и закреплении у индивидов и политических элит идей о ее преимуществах. В XXI в. ТНК окончательно закрепили за собой статус ключевых экономических субъектов, обладающих влиянием на принятие политических решений и оказывающих влияние на политику государства.

Следовательно, как важные бизнес-структуры ТНК могут представлять интерес для изучения представителями такой дисциплины, как экономическая политология, т.е. области политической науки, которая изучает «вопросы обеспечения политической безопасности бизнеса, политических рисков, с которыми он сталкивается, а также с выработкой оптимальной стратегии поведения бизнеса в отношении общества и государства в политических ситуациях в любых странах, включая его собственную»¹. В рамках предметного поля экономической политологии деятельность транснациональных корпораций целесообразно изучать в следующих разрезах.

— Взаимоотношение транснациональных корпораций с бизнесом, обществом и отдельными индивидами, возможности по формированию их политических предпочтений и идентичности. Здесь важным аспектом также является роль ТНК в формировании и реализации государственного политического курса, а также характер отношений между корпорацией и институтами государства. Так, например, в широком смысле они могут быть конфликтными, кооперационными или нейтральными, но при этом для исследователей ключевым вопросом могут быть факторы, влияющие на установление таких моделей отношений. Отдельно стоит упомянуть такую исследовательскую проблему, как роль ТНК в экономическом развитии страны или, с другой стороны, их деятельность в контексте формирования экономического неравенства.

— Вопросы обеспечения безопасности функционирования ТНК в принимающих странах или странах происхождения. Здесь объектом анализа могут являться политические риски для корпораций и способы их купирования, правовые условия ведения бизнеса и их привлечения в экономику страны, возможные конфликты с другими акторами. Например, между транснациональным и местным бизнесом, а также, угрозы, сопровождающие работу ТНК в слабых или несостоявшихся государствах (наличие незаконных вооруженных формирований, высокий уровень преступности и коррупции и т.п.).

— Корпоративная социальная ответственность бизнеса и его роль в развитии отдельных сообществ. Так, например, крупные корпорации заявляют об участии в достижении Целей устойчивого развития ООН (глобальный уровень), а также, в ряде случаев, обеспечивают реализацию прав граждан на медицину и образование в слаборазвитых странах (локальный уровень).

— Интересы и инструменты влияния ТНК на государство. В рамках данного блока в центре исследований стоят институт лоббизма и GR, особенности их применения в странах происхождения и принимающих странах. Особое внимание следует уделить коррупции как нелегальному инструменту влияния на принятие политических решений.

Проблематика изучения ТНК в рамках экономической политологии не ограничивается указанными выше вопросами. Задачей научного сообщества является адаптировать методы исследования и подходы экономической политологии к изучению ТНК как политико-экономических акторов. Основами для этого может стать теория рационального выбора (в части изучения целей ТНК и способов их достижения), сетевой подход (для анализа участия ТНК в создании сетей сотрудничества с другими акторами для совместных действий, обмена ресурсами и формулирования общих интересов) и плюралистический подход (в части рассмотрения ТНК как группы интересов, использующих лоббизм и другие инструменты влияния для достижения своих целей).

¹ Богатуров А.Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 9.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Международное сотрудничество в сфере образования занимает одно из ключевых мест в государственной образовательной политике любого государства, так как способствует формированию глобальной инклюзивной образовательной среды и тем самым открывает возможности для подготовки специалистов, обладающих широким кругозором, что способствует совместному решению глобальных проблем. Для России актуальность международной деятельности в данной сфере подтверждается наличием соответствующей главы (Глава 14. Международное сотрудничество в сфере образования) в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также Указом Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».

Не успев оправиться от последствий пандемии, внешняя деятельность российских вузов отчасти стала объектом последствий санкционного давления Запада.

Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на гуманитарный статус сферы образования, предполагающий ее «надполитичность», ряд политических решений западных стран в отношении России ставит под угрозу устранение общих социально-природных проблем вследствие сокращения исследовательских контактов между университетами, которые рассматриваются как источник решений общечеловеческих вызовов.

В связи с этим в работе проведено исследование международной деятельности российских вузов в условиях санкционной политики Запада на фоне проведения специальной военной операции в Украине, с учетом общедоступных документов ряда политических объединений (G20, АСЕАН, АТЭС, ШОС, БРИКС, СНГ и др.) о результатах деятельности в данной сфере, а также данных о международной деятельности, размещенной на официальных сайтах 10 федеральных университетов России по ряду показателей: основные направления международной деятельности, страны-партнеры, планируемые соглашения.

Для проверки выдвинутой гипотезы был применен метод контент-анализа документов, заявлений на официальных сайтах соответствующих объединений и вузов; рассмотрены конкретные примеры взаимодействия российских и зарубежных вузов, направленного на решение глобальных проблем.

Было выявлено, что на момент проведения исследования большинство двусторонних соглашений и направлений деятельности остаются в силе. Кроме того, планируется их пролонгация и заключение новых, что касается как стран Запада, так и Азиатско-Тихоокеанского региона. Стоит признать, что тенденция приоритизации азиатского направления существовала до событий февраля 2022 г. и продолжает усиливаться в силу отсутствия транспортно-визовых ограничений на перемещение в эти страны, устоявшегося сотрудничества с правительствами стран Азии и выражается в количестве планируемых к заключению соглашений в образовательной сфере. Выход России из Болонского процесса также несет внешнеполитические импликации и, вероятно, обернется сокращением количества иностранных студентов и не только из западных стран, но и других регионов, для которых актуально наличие европейского приложения к диплому.

В завершение предлагаются пути повышения интернационализации российских вузов в новых условиях, как-то: интенсификация академических контактов при помощи цифровых технологий; формирование рабочих групп с участием представителей профильных ведомств (Минобрнауки, Минэкономразвития, Минцифры), руководящего и профессорско-преподавательского состава российских и зарубежных вузов; выявление региональных лидеров по показателям международной деятельности и организация региональных мероприятий по обмену опытом, а также общероссийских и международных; разработка и внедрение системы сертификации управленческих кадров (аналог MBA) совместно с азиатскими партнерами.

ДЕЛИБЕРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Проблема коммуникации бизнеса и власти находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей и практиков. Сегодня Россия переживает этап институционализации взаимодействия бизнеса и власти. Государство, признавая необходимость диалога и укрепления связи властных институтов и бизнеса, отдает предпочтение монологу как основному способу коммуникации, следствием частого обращения к которому становится утрата доверия между участниками коммуникации и отсутствие обратной связи. Именно выстраивание партнерских отношений бизнеса и государства служит основой для последующего экономического и политического развития, что невозможно без своевременного реагирования на общественные запросы. Поэтому поиск наиболее эффективных форм диалога находится в числе главных проблем в развитии отношений бизнеса и власти. В условиях несовершенства механизмов взаимодействия перед современным российским обществом стоит задача поиска оптимальной модели коммуникации власти и бизнеса.

Представление о делиберации как совокупности процедур, позволяющей гражданам, сообществам самим стать ключевыми акторами в принятии решений, хорошо вписывается в потребности современного бизнеса, который стремится напрямую отстаивать свои интересы. Делиберация, основанная, в первую очередь, на процедуре группового обсуждения актуальных значимых вопросов, позволяет расширить возможности граждан. Делиберация как способ вовлечения граждан в процесс принятия решений позволяет не только легитимизировать государственные решения, но достигнуть консенсуса по наиболее актуальным вопросам общественного развития. Зарубежный опыт свидетельствует о высокой эффективности гражданского обсуждения тем, затрагивающих интересы широких общественных масс. Такие принципы делиберации, как открытость, готовность воспринимать аргументы других, направленность на достижение общественного блага и коллективное принятие решений, способны послужить основой для выстраивания сбалансированных отношений между бизнесом и властью. Бизнес заинтересован в прозрачных и предсказуемых правилах игры, открытости и доступности информации, таким образом, институционализация делиберативных практик способна стать практическим воплощением требуемого диалога. По этой причине делиберация обладает потенциалом создания для ее участников понятных правил и процедур разработки и принятия согласованных решений.

Обострение социально-экономической ситуации в период пандемии, а также возникновение новых внешних вызовов усилило запросы деловой общественности на коммуникацию с органами государственной власти для обсуждения мер поддержки и своевременной реакции на возникающие проблемы. В свою очередь, утверждение Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и старт в 2019 г. национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» акцентировали внимание региональных властей на проблемах бизнеса и подтолкнули к развитию и расширению проектов по поддержке предпринимательства.

Несмотря на то что в России делиберация не получила широкого распространения, опыт ряда регионов свидетельствует о больших перспективах обращения к данной практике. На сегодняшний день мы можем наблюдать, как ряд субъектов России демонстрируют привлечение представителей среднего и малого бизнеса к обсуждению проблем и вызовов, стоящих перед ними.

Республика Татарстан, регион с высокими показателями социально-экономического развития, характеризуется активностью бизнес-сообщества, выступающего с запросом на выстраивание эффективного и долгосрочного взаимодействия с органами власти. Городские и республиканские структуры активно создают площадки, в рамках которых проводятся мероприятия для коммуникации с бизнес-сообществом республики. В частности, Фонд поддержки предпринимательства РТ, созданный по инициативе Министерства экономики РТ, оказывает не только финансовое содействие представителям среднего и малого бизнеса, но и создает площадку для их общения с органами власти. Так, среди мероприятий, проведенных Фондом в первой половине 2022 г., треть предполагала форматы с элементами делиберации, в частности обмен мнениями участников и открытое обсуждение актуальных проблем (форумы, круглые столы, открытые дискуссии).

Такой формат взаимодействия может стать этапом в развитии и распространении практик делиберации. Регулярные дискуссии способствуют агрегированию и артикуляции потребностей бизнес-сообщества, побуждают ее представителей вступать в диалог с муниципальными и республиканскими властями. Положительный опыт коммуникации способствует укреплению доверительных отношений государства и предпринимателей, побуждая все стороны к открытому диалогу. Кроме того, наиболее успешные форматы могут использоваться при выборе институционального дизайна полноценных делиберативных структур.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В России сегодня сформировался определенный законодательный порядок участия общественных объединений в общественно-политической жизни страны. Согласно статье 27 ФЗ России «Об общественных объединениях» общественные объединения в России, являющиеся юридическим лицом, имеют ряд прав, часть которых имеет политическое звучание: право участвовать в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления в порядке и объеме, предусмотренными настоящим Федеральным законом и другими законами; проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование; выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни; вносить предложения в органы государственной власти; участвовать в выборах и референдумах в порядке, установленном законодательством Российской Федерации¹.

Конечно, наиболее полно участие общественных объединений в общественно-политической жизни страны проявляется в вопросе их участия в выборах органов государственной и муниципальной власти. В этом вопросе законодательный порядок России имеет определенную особенность, которая определяется во многом следующими положениями. *Во-первых*, согласно ФЗ России «Об общественных объединениях» общественное объединение в России имеет несколько видов: «общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, политическая партия»², и только политическая партия среди всех общественных объединений обладает исключительным правом участия в выборах законодательных органов государственной власти, выборных должностных лиц иных государственных и муниципальных органов власти (данное условие определяется законодательным требованием ФЗ России «О политических партиях» о том, что в России «политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти» (пункт 1 статьи 36)³.

Во-вторых, в России статус политической партии законодательно предоставляется лишь политическим партиям общероссийского масштаба организации, а создание и деятельность межрегиональных, региональных и местных политических партий не предусмотрено⁴.

Таким образом, мы видим, что в России общественное объединение в форме политической партии общероссийского уровня организации среди общественных объединений занимает исключительное положение по участию в ключевых вопросах общественно-политической жизни страны, определяемый правом участия в выборах путем выдвижения кандидатов (списки кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной и муниципальной власти.

Существующий в России правовой режим участия общественных объединений в общественно-политической жизни страны сформировался с принятием Федерального закона «О политических партиях». До этого в России существовало несколько организационно-правовых форм политических общественных объединений, имеющих право участия в формировании органов государственной и муниципальной власти: «общественная организация (для политической организации, в том числе политической партии) и общественное движение (для политического движения)»⁵. Причем политические партии, политические общественные организации и движения межрегионального, регионального и местного уровней деятельности также могли существовать и самостоятельно участвовать в выборах соответствующих им уровней органов власти.

На наш взгляд, требуется дальнейший научный анализ существующих сегодня в России параметров участия общественных объединений в общественно-политической жизни с точки зрения их соответствия функции общественных объединений в политической системе общества.

¹ См.: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

² Статья 7 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об общественных объединениях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

³ Пункт 1 статьи 36 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 01.04.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

⁴ См.: подпункт «а» пункта 2 статьи 3 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (ред. от 01.04.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).

⁵ Статья 7 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 19.07.1998 № 112-ФЗ) «Об общественных объединениях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ: КАК ОБЕСПЕЧИТЬ ЭФФЕКТИВНУЮ ЗАЩИТУ И РЕАЛИЗАЦИЮ?

Права человека являются ядром современных конституций. С одной стороны, конституции определяют, какие свободы и в каком объеме имеет человек. С другой стороны, ограничивают действия представителей политической власти — устанавливают, что политические акторы должны делать, для того чтобы обеспечить соблюдение прав человека.

Мы понимаем, что это идеальный сценарий, который на практике может демонстрировать отклонения. Как не допустить отклонений, которые приведут к нарушениям прав человека? Как создать систему, обеспечивающую эффективную защиту и реализацию прав человека? На эти и подобные вопросы мы можем найти ответы, если посмотрим на проблему комплексно, с позиций разных дисциплин.

Представляется перспективным рассмотреть оформление и реализацию конституционных прав как центральных прав современного человека с позиций права и политологии. Чтобы создать эффективную работающую модель, необходимо проанализировать систему по защите прав человека комплексно — от идей, заложенных в конституции, до деятельности институтов по их реализации.

Начнем наш анализ от общего к частному. Конституционализм — внутреннее содержание конституции, идеи, принципы, лежащие в ее основе. Конституция выступает средством внешнего выражения конституционализма в правовой форме. В Конституции конституционализм становится осязаемым, предметным, обретает форму.

Конституция — правовой документ, обладающий высшей юридической силой в стране и прямым действием. В рамках юриспруденции это означает, что все нормативные правовые акты, принимаемые в стране, должны соответствовать конституции. С позиции политологии конституция налагает на всех политических акторов беспрекословное обязательство по ее соблюдению. Получается, видим две стороны одной медали, именуемой «конституция». Чтобы идеи и смыслы, заложенные в конституции, существовали не только на бумаге, но реализовывались надлежащим образом на практике, важно создать эффективную систему, которая имеет правовые и политические компоненты. Под правовой компонентой мы понимаем нормативные правовые акты, принятые во исполнение положений конституции. Под политической компонентой — политические институты, которые прежде всего выступают в роли контролера — созданы для корректной реализации положений конституции на практике. Кроме того, иные институты, которые применяют в своей практике положения конституции, оказывают влияние на содержание конституции, участвуют в процедуре внесения изменений в конституцию.

В настоящей работе предлагается сконцентрироваться на политической составляющей, а именно на изучении специализированных институтов, которые обеспечивают надлежащую реализацию положений конституции на практике, выявляют и исключают отклонения. В России такими институтами являются органы конституционного нормоконтроля. На федеральном уровне данным институтом выступает Конституционный Суд РФ, на региональном уровне: до 1 января 2023 года конституционные (уставные) суды в субъектах РФ, после 1 января 2023 года — конституционные (уставные) советы, действующие при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ.

Решения таких органов имеют правовую форму, поэтому безусловно важно анализировать деятельность органов конституционного нормоконтроля с юридической точки зрения — насколько их решения соответствуют смыслам и принципам конституции. В то же время органы конституционного нормоконтроля занимают важное положение в политической системе. В рамках своей деятельности они решают не только правовые вопросы, но и влияют на деятельность политических акторов — разрешают конфликты, одним из участников которых всегда выступает орган политической власти. Конечно, этот процесс не является односторонним. Органы конституционного нормоконтроля, в свою очередь, находятся под влиянием властных субъектов. Так, создание, функционирование, финансовое и организационно-техническое обеспечение таких органов устанавливаются представителями политической власти. Фоном, определяющим характер взаимоотношений между органами конституционного нормоконтроля и политическими акторами, является политический режим.

Вышеизложенное описывает в целом механизм закрепления и защиты прав человека. Для того чтобы обеспечить эффективную защиту и полноценную реализацию прав, не допускать или хотя бы минимизировать нарушения прав, важно постоянно мониторить систему — анализировать в комплексе. *Во-первых*, изучать правовую сторону: как в правовых актах закреплены права и их гарантии. *Во-вторых*, исследовать политическую сторону — как должны работать политические институты, какой должен быть создан политический контекст, чтобы гарантии защиты прав человека соблюдались в полной мере. Для проведения таких комплексных исследований представляется перспективным использовать междисциплинарный инструментарий, сформированный из методологии юриспруденции и политологии.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ МНЕНИЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ TELEGRAM-КАНАЛА «КРОВАВАЯ БАРЫНЯ»

В современном мире социально-политические коммуникации используются в процессе взаимодействия власти и общества, при этом, в условиях плюрализма интересов участников процесса такой коммуникации, она сама становится конкурентной. С помощью социально-политической коммуникации представляется возможным не только обозначать и продвигать интересы той или иной группы, но и осуществлять политическую социализацию¹. Одним из каналов политической социализации являются социальные сети, где, среди прочего, публикуются новостные сообщения и представляется их анализ. Социальные сети играют немаловажную роль в формировании идеологических ценностей молодежи, их восприятия той или иной политической ситуации. Зачастую отмечается, что социальные сети оказывают негативное воздействие на процесс становления системы ценностей молодежи².

Принимая во внимание, что молодежь узнает новости из соцсетей³, а молодые политологи, в частности, чаще всего черпают информацию о происходящих событиях из *Telegram*-каналов⁴, представляется важным проанализировать, какое мнение о важных для государства событиях формирует *Telegram*-канал К. Собчак «Кровавая барыня». Данный *Telegram*-канал был выбран для анализа, поскольку, *во-первых*, на канал подписано 1 254 186 человек, причем на фоне специальной военной операции их количество выросло на полмиллиона, *во-вторых*, сама К. Собчак позиционирует свой канал как площадку, «дающую высказаться обеим сторонам, не навязывая никому свою собственную позицию»⁵.

Исследовательский вопрос заключается в том, какое мнение формирует «Кровавая барыня» у своих подписчиков о происходящих событиях, при том что новостные сообщения обычно сопровождаются комментарием-мнением К. Собчак. Для проведения анализа автором был проведен парсинг через *Telethon* сообщений с 24 февраля по 13 сентября 2022 г., число которых составило 21 305. С помощью построения облака слов были выявлены наиболее часто используемые слова в сообщениях на канале, а с помощью анализа частотности соупотребления слов (например, ценность, патриотизм, Запад) были выявлены наиболее часто встречающиеся сочетания слов, что показывает отношение владельца *Telegram*-канала к тому или иному событию.

После анализа облака слов было выявлено, что в *Telegram*-канале чаще всего сообщения пишутся глаголами несовершенного вида, что свидетельствует о желании владельца *Telegram*-канала призвать подписчиков провести анализ ситуации, подумать над написанным, при этом подобная рефлексия направляется в определенное К. Собчак русло, например, через серию «риторических» вопросов.

При анализе частотности соупотребления слов было выявлено, что, например, наиболее частоупотребимые сочетания для слова «ценности» являются «прививать» (0,42), «метавселенная» (0,39), «подстраивать» (0,28), «манипуляция» (0,23), «монархический» (0,20); для «патриотизма» — «страшновато» (0,69), «возмущать» (0,31), «насаждение» (0,23), «политинформация» (0,23). Из приведенных примеров можно констатировать, что рассматриваемый *Telegram*-канал направлен на формирование скорее негативного отношения к политике, ведущейся государством в продвижении созидательных ценностей среди молодежи, а также по линии ее патриотического воспитания.

Тезисы выполнены в рамках реализации научного проекта «Механизмы оптимизации процесса формирования созидательных ценностей студенчества (патриотизм, гражданственность, доверие к власти, семейные традиции) посредством эффективных социально-политических коммуникаций» (Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ).

¹ *Ивлев С.В.* Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 244–253.

² *Вараксин А.В.* Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи // Преподаватель XXI век. 2016. № 2-1. С. 205–212.

³ Что читают россияне? // ВЦИОМ. 2018. 18 сентября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-chitayut-rossiyane> (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ *Алексеев Д.В., Копылова П.С., Помигуев И.А.* Восприятие политики сообществом молодых политологов: опыт эмпирического анализа // Politbook. 2022. № 1. С. 158–177.

⁵ Ксения Собчак — Forbes: «Сегодня пропаганда бьется с пропагандой». 2022. 3 марта. URL: <https://www.forbes.ru/society/457747-ksenia-sobcak-forbes-segodna-propaganda-b-etsa-s-propagandoj> (дата обращения: 10.09.2022).

АКТУАЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАВ РЕГИОНОВ РФ В ПЕРИОД СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРСТВА

Институт губернаторства в российской политической системе сегодня переживает своеобразную перенастройку. Глава региона, по данным многолетних исследований кафедры социологии и психологии политики МГУ по политическому восприятию образов современной власти массовым сознанием российских граждан (Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / Под ред. Е.Б. Шестопал, М.: Весь Мир, 2019. — 656 с.), — это единственный актер, стабильно теряющий политическую значимость для населения нашей страны начиная с 2014 г. Однако если проанализировать ряд регионов страны, то можно заметить, что губернаторы, которые активно работают и решают проблемы региона, выступают часто как достойные «антикризисные менеджеры», как правило, обеспечивают стабильный характер жизни населения в своем регионе с относительно комфортным ее уровнем. Потому успех и общественное признание глав регионов зависит, прежде всего, от выстроенной системы коммуникаций с населением, личностных и профессиональных компетенций, связанных с раскрытием региональных лидеров как публичных политиков.

При этом текущие исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ показывают, что у действующих губернаторов «старого» и «нового» поколений есть как общие, так и различные личностные черты. Так, часто потеря губернатором политической значимости перед населением региона может быть связана с его личностными качествами. Если главы региона, долго занимающие свой пост, ориентированы на достижение сотрудничества и взаимовыгоды, то губернаторы, недавно возглавившие свой регион, демонстрируют низкий уровень мотива аффилиации, а ведь это отражается и на выстраивании коммуникации с местным населением. Для этой группы также характерны прагматичность и функциональность, что помогает им своевременно выполнять поставленные задачи, ориентируясь на запрос со стороны Президента РФ, перед которым они периодически отчитываются о состоянии текущих дел в их регионах. Вместе с тем им не хватает уникальности их имиджа, что с избытком присутствует у «долгожителей».

Кроме того, население, как правило, более доверительно относится к «своему», выходя из их региона, как это было с губернаторами, уже давно их возглавляющими, а чуждые гражданам «варяги», некоторыми из которых являются губернаторы-«новички», не вызывают позитивных чувств и эмоций, несмотря на то, что федеральная власть старается «предлагать» такие кандидатуры, у которых хоть какая-то, пусть и опосредованная, связь с регионом будущего управления присутствует. Все это влияет на формирование уже зафиксированного ранее тренда потери политической значимости губернатора у граждан.

Таким образом, нынешний тренд развития института губернаторства в современной отечественной политической системе ориентирован скорее на формирование корпоративной команды во всей властной вертикали страны, ориентированной на эффективное решение актуальных задач, которые ставит перед всей системой власти нынешний Президент РФ В.В. Путин, нежели на договорные отношения между федеральным Центром и регионами, которые были характерны для института губернаторства в 1990-е гг., когда отдельные главы регионов могли составить конкуренцию политикам из федеральной властной элиты. Сегодня они, в большей мере, нанятые топ-менеджеры, целью которых является обеспечение проведения текущего федерального политического курса по всей властной вертикали в многообразной региональной специфике функционирования нашей страны. Поэтому и критерии рекрутингового отбора, предъявляемые к личностным особенностям будущих глав региона, меняются, главными из них являются: открытость к коммуникациям как с представителями федеральной властной элиты, так и с населением, быстрота реакции на актуальные запросы как со стороны населения, так и на изменяющиеся тренды в текущей политической повестке, обеспечение собственного личностного и профессионального роста, раскрывающегося в расширении личностных и профессиональных компетенций, способствующих качественному управлению регионом по эффективному решению в нем актуальных проблем граждан.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССАХ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ XIII–XXI ВВ.

Идеология всегда была и останется важной составляющей государственного строения. Российская государственность не является исключением. Она прошла несколько этапов формирования, видоизменяясь в зависимости от мировой политической обстановки и внутренних социальных нужд начиная с Древней Руси вплоть до сегодняшних дней.

Важнейшим фактором формирования идеологической основы Российского государства начиная с XIII в. было православие. Именно православие стало объединяющей идеей периода раздробленности и создания нового единого государства. Например, С.В. Перевезенцев рассматривает роль православия как ключевую в формировании русской государственности и общенациональной идеологии¹. И именно в нем видели спасение Руси и задачи, которые лежат перед новым государством. Логичным развитием стала идея «Москвы — Третьего Рима», ставшая идеологической основой государственности страны в XVI в. Концепция соотносилась с титулом царя, принятым Иваном Грозным. Царь становился защитником не только своего народа, но и православной веры, последним оплотом которой становилась Россия. Важным документом стало «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, в котором объяснялось происхождение правящей династии на Руси и тем самым подтверждалась идеологическая составляющая политики.

Иные взаимоотношения церкви и государства сформировались в XVII в. В этот период создавалась и развивалась гармония между церковью и светской властью, названная «Симфонией». Постепенно трансформируясь, концепция переросла в идею служения государству и императору после реформ Петра I. Начиная с XVIII в. возникает принципиально новая идеология, основанная на социально-политических идеях Европы и ее опыте. С этого периода светская и церковная власти были сосредоточены в руках императора и подчинялись ему.

Сформулированная в 1833 г. министром просвещения С. Уваровым триада «Православие, самодержавие, народность» стала официальной идеологией Российской империи вплоть до ее падения. Примечательно, что эта идеология объединила прошлые основания государственности: православную веру, верность государству и сохранение национальных традиций. Новая триада стала своеобразной национальной интерпретацией французской «Свободы, равенства, братства».

Совершенно иной подход к формированию идеологии и созданию российской государственности был сформулирован в XX в. Православная вера как основа идеологии была отвергнута и заменена коммунистической идеей. Вместо нее была предложена новая Троица — Ленин, Маркс и Энгельс, а церковь заменена Коммунистической партией. Тем не менее власть по-прежнему оставалась в руках одного человека — вождя.

Современная идеология в России, на которой основывается государственность, частично возвращается к досоветским концепциям. Первая — это единство русского народа; вторая — патриотизм, основанный на отечественной истории, особенно победах и страницах славы, а также достижениях новых высот; третья — развитие граждан, в частности молодежи, в устойчивой социально-экономической и политической обстановке. Четко сформулированной идеологии в современной России нет, однако лозунги многих проектов, например «Россия — страна возможностей», зачастую становятся неофициальными идеологиями, полностью отражающими главные идеи развития страны.

Таким образом, идеологическая основа российской государственности формировалась на протяжении почти девяти веков и развивалась в контексте политических событий. Характерными чертами, хотя и несколько видоизмененными, были идеи православия, служения государю и восхваление исторических побед и национальных интересов.

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (проект «Факторы устойчивого развития российской государственности в контексте современных глобальных вызовов», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600330-2-5.9.1.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

¹ Перевезенцев С.В. «Слово о погибели Русской земли» как политическая программа возрождения Руси // Вестник Московского ун-та. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 39–45.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ — МЕДИЙНЫЕ ПЛАТФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО РАДИКАЛИЗМА

Платформы социальных сетей способствуют интерактивному общению «один к немногим» или «многие ко многим» в международном масштабе и не знают визовых требований и ограничений. Первоначально социальные сети имели положительную коннотацию для творческого и политического участия, перекрестного продвижения. Однако сегодня данная технология наравне с законопослушными гражданами широко используется радикалами всех уровней и окрасов. Например, социальные сети во время «арабской весны» 2010–2011 гг. помогли молодежи организовать беспрецедентную антиправительственную революцию, которая началась в Тунисе, а затем распространилась на Египет, Ливию, Йемен, Сирию, Бахрейн и другие страны Ближнего Востока. При этом владельцы этих медиагигантов не отрицают данные факты. Еще в 2017 г. основатель *Twitter* Э. Уильямс сказал: «Я думал, что, когда каждый сможет свободно говорить и обмениваться информацией и идеями, мир автоматически станет лучше. Я ошибался насчет этого» (*Streitfeld D. The internet is broken: @ev is trying to salvage it // The New York Times. 2017. May 20*). Подобные заявления можно найти и у основателя *Facebook* (*Why is youth extremism on the rise? // The Daily Star/Asia News Network 2017. December 19*).

Рекрутеры радикальных организаций являются рациональными людьми. Они формируют группы людей или «сетей», т.е. субъектов, связанных друг с другом через сложные коммуникации прямого или опосредованного обмена. Смертельный бизнес радикализма — это живое социальное предприятие людей, не связанных с их обществами социального происхождения. Недаром еще в 1990 г. в докладе Национальной академии наук США отмечалось, что террорист, применяя новейшие информационно-коммуникационные технологии, в перспективе будет способен нанести больше урона «клавиатурой, чем взрывным устройством» (*Вейманн Г. Специальный доклад № 116. Как современные террористы используют Интернет*).

Выделяются следующие направления использования социальных сетей радикальными организациями:

- привлечение рекрутов в радикальные организации со всего мира путем использования элементов из известных комиксов, игр или фильмов;
- адаптация контента к различным целевым группам и даже индивидам, с учетом их жизненной среды, привычек просмотра и использования;
- публикация информации о своих планируемых и реализованных действиях;
- онлайн-апеллирование к чувству справедливости людей или использование опыта расизма и дискриминации для разжигания ненависти к обществу;
- запугивание оппонентов путем публикации ужасающих видеороликов казней, а также пропаганда своего мировоззрения и оправдание своих действий.

Анализ контента и алгоритмов *Twitter* позволяет утверждать, что эта платформа особенно полезный инструмент для радикальных групп. Связано это с тем, что *Twitter* использует метод «толкающей» информации к потребителю. Другими словами, пользователь в конечном итоге будет обнаруживать на экране своего гаджета информацию, которую он не обязательно ищет. Так, за неделю до отставки египетского президента Х. Мубарака общий уровень твитов о политических изменениях в Египте увеличился в 10 раз. Причем более 75% людей, нажавших на встроенные ссылки *Twitter* об «арабской весне», были из-за границ арабского мира. Использование *Twitter* было также замечено еще в 2008 г. во время конфликта между Россией, Южной Осетией и Грузией. Не отстает и *Facebook*, имеющий 29 тыс. различных критериев для каждого своего отдельного пользователя, которые он может использовать для отслеживания таких вещей, как доход, количество кредитных карт у него и т.д.

Анализ позволил сформулировать направления совершенствования антирадикальной деятельности в социальных сетях:

- пересмотр требований к подаче материала в социальных сетях, который сегодня основан больше на эмоциональности, конвульсивности и поверхностности, чем на результатах повседневной жизнедеятельности;
- нормативно-правовое сокращение непреднамеренного продвижения контента и имеющихся алгоритмов социальных сетей путем создания механизмов контроля употребляемой ими терминологии, а также регламента освещения событий, имеющих отношение к радикализму;
- насаждение достоверности и объективности информации, размещаемой в социальных сетях.

Таким образом, после многих лет похвальной речи о преимуществах социальных сетей, особенно об их роли в оказании существенного влияния на объединение культур, активизации диалога цивилизаций мы видим, что эти средства коммуникации также могут использоваться и во вред вышеперечисленному. Сегодня интеллектуальное наследие социальных сетей превратилось в хрупкое наследие, которое необходимо подвергнуть масштабной реструктуризации и вновь задать интеллектуальный вопрос: «В чем разница между потребностями социума на свободу получения информации и различными преобладающими видами использования этого со стороны социальных сетей?»

Земанек Л.
Карлов университет, Прага, Чехия;
Институт Китая-ЦВЕ при Академии
общественных наук КНР, Будапешт, Венгрия

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОЛИЦЕНТРИЗМ: ПЕРЕСТРОЙКА МИРОВОГО ПОРЯДКА И ЗАПАДНЫЙ ГЕГЕМОНИЗМ

Современный мир находится в этапе глобальной перестройки международного порядка. Конфликт на Украине углубил процесс противостояния двух лагерей, которые в доминирующем на Западе дискурсе называют «демократическим» и «автократическим». На самом деле это столкновение является борьбой между западным гегемонизмом во главе с США и антигегемонизмом тех стран, которые добиваются более демократичного, мультиполярного порядка, основанного не на «правилах», а на вытекающем из центральной роли ООН международном праве. Доклад уделяет внимание этому глобальному конфликту на дискурсивном и институциональном уровнях с целью проанализировать главные концептуальные черты обоих основных нарративов и их материальные проявления в форме конкретных политических инициатив и учреждений.

Гегемонистский западный дискурс в последнее время основывается на понятии международного порядка, основанного на правилах, который воплощает интересы либерально-демократического элит, связанные с чувством превосходства западной модели либеральной демократии и амбицией ее глобального расширения. В этой связи нужно обратить внимание на внутреннюю динамику и трансформацию либерально-демократической модели, которая все сильнее становится авторитарной и в то же самое время все меньше либеральной в классическом смысле слова. Внешний гегемонизм и экспансионизм, следовательно, сопровождается авторитарным поворотом и отклонением от либерализма, предполагающего защиту индивидуальных прав и свобод так же, как экономическую открытость и прагматизм, вытекающие из экономических интересов. В настоящее время, наоборот, наблюдаются явные тенденции к формированию закрытых или полужакрытых блоков, защите внутреннего рынка и ограничению возможностей взаимного сотрудничества. Западный лагерь превращается в сообщество неких постлиберальных авторитарных режимов, которые представляют собой новый, регрессивный этап эволюции либеральных демократий, типичный для эпохи частичной деглобализации, регионализации, глокализации или рождающегося глобального полицентризма (если актуализировать концепт, выдвинутый Пальмиро Тольятти в условиях первой холодной войны).

Западный гегемонизм проявляется рядом инициатив, основанных на стратегии глобального сдерживания и окружения Китая, России и других «автократий». Украинский кризис, сыгравший аналогичную роль, как корейская война в начале 1950-х годов, углубил зависимость ЕС в целом и отдельных европейских стран в частности от США. НАТО, следовательно, хочет стать глобальной организацией, все чаще употребляемый концепт Индо-Тихоокеанского региона (*Indo-Pacific*) претендует на вытеснение концепта Азиатско-Тихоокеанского региона (*Asia-Pacific*), оживляя сформулированную Николасом Спикмэном теорию Римленда, причем возникающие новые инициативы — *AUKUS*, *QUAD*, *I2U2*, *Partners in the Blue Pacific* — свидетельствуют об обостряющемся соперничестве с Китаем и коллективным «не-Западом». В отличие от западного гегемонизма проекты, поддерживаемые Китаем, Россией и другими странами, нацелены на демократизацию глобального порядка, более сбалансированную региональную и межрегиональную интеграцию, о чем свидетельствуют такие организации, как БРИКС, ШОС, Большая Евразия или выдвинутые Президентом Си Цзиньпином Инициатива Пояса и Пути (*BRI*), Инициатива глобальной безопасности и Инициатива по глобальному развитию. Пока неясно, будут ли западные игроки способны адаптироваться мирным путем к новым условиям мультиполярного, полицентричного мира, способствуя его дальнейшему развитию и процветанию в пользу мирового сообщества.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОУСТРОЙСТВА: ВЫЗОВЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

В настоящее время, в условиях трансформации действующей системы мироустройства, в большинстве стран мира определяются новые контуры и направления развития социально-экономических, политических и других типов отношений на долговременную перспективу. Повсеместно на этом фоне возрастает общая неустойчивость общественной динамики, заметно увеличивается число системных дисбалансов, проявляются новые риски и вызовы. Хорошо известно, что в такие судьбоносные исторические моменты изменения испытывает на себе не только общество, переживающее происходящие с ним перемены, но и его социальные институты, при этом наиболее глубокой деформации подвергаются именно последние (Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / Отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Чапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. — 211 с.). Для отечественной высшей школы в складывающихся обстоятельствах встает вопрос о приоритетах и направлениях дальнейшего развития, поиске механизмов адаптации к новой действительности. Однако без учета многочисленных, в том числе внешних по отношению к образованию, факторов успешное решение этих задач может оказаться под вопросом. К числу таких факторов могут быть отнесены:

- смена технологического уклада;
- исчерпанность прежней модели геополитического раздела мира или соответствующих «зон влияния»;
- достижение пределов глобализации (как в части возможностей для экстенсивного экономического развития, так и в контексте утраты ее ценности как социокультурного проекта);
- критический рост диспропорций и разрывов внутри отдельных государств и между странами;
- пандемия новой коронавирусной инфекции — COVID-19;
- переход геополитического противостояния России и Запада в активную фазу.

Каждый из отмеченных процессов оказывает значительное воздействие на работу всех действующих общественных институтов, включая образование. Учитывая, что в качестве социальной институции система образования обеспечивает не только удовлетворение основных жизненных потребностей граждан в области профессиональной самореализации и развития, но и, в известной мере, несет ответственность за формирование и трансляцию глубинных, исторически устойчивых форм социальной практики, воспроизводство социальных связей и отношений в обществе, позволяя ему развиваться, сохраняя самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции (*Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 17), очевидной становится потребность в изучении и более детальном осмыслении факторов, оказывающих влияние на развитие образования и проводимую в этой области политику.

Ключевым вызовом для образования в складывающихся обстоятельствах становится проблема адаптации к работе в условиях новой действительности, что, прежде всего, выражается в способности или неспособности данной системы к нахождению не только адекватных форм и методов организации деятельности, но и во многом к выстраиванию полноценной долгосрочной стратегии развития.

До начала активной стадии трансформационных процессов в научно-экспертной среде обсуждались такие «развилки» на путях развития образования, как:

- национальное vs глобальное;
- предметное vs метапредметное;
- цифровое vs аналоговое;
- государственное vs частное;
- персонализированное vs усредненное и прочие.

Важно заметить, что в нынешних условиях каждый из отмеченных пунктов не уходит с повестки дня полностью, но приобретает более конкретное и исторически обусловленное значение. Вероятно, что выбор конкретных направлений движения будет осуществляться сообразно целям и интересам конкретных стран или их объединений в зависимости от избранной стратегии и видения будущего. В более выигрышной ситуации, безусловно, окажутся те государства и системы общественного устройства, которые смогут сохранить свою политико-экономическую, социокультурную и территориальную целостность.

Для России в настоящее время, несмотря на тяжелейшие испытания, с которыми страна столкнулась (и по сей день продолжает сталкиваться) начиная с весны 2022 года, открываются широкие пер-

спективы в части укрепления своего суверенитета, включая новые возможности для развития отечественной системы образования на независимых принципах.

Среди потенциально перспективных конкретных направлений преобразования отечественной системы профессиональной подготовки могут быть выделены такие направления, как:

- педагогика;
- сельскохозяйственные науки;
- энергетика;
- логистика;
- безопасность (военная, кибер- и социальная безопасность).

Сквозным и одновременно связующим направлением развития здесь также может стать пересмотр идеологии и философии образования, содержания реализуемых образовательных программ и наполнение их более национально-ориентированными компонентами, также регионально-ориентированным содержанием в контексте интеграционных процессов с дружественными странами-партнерами.

Зинина А.И.
НИУ ВШЭ, Москва

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА)¹

За последние тридцать лет электоральная система Российской Федерации значительно преобразилась. На ее изменения повлияли социальные, демографические и политические факторы, степень воздействия которых изменялась начиная с 1991 г. Увеличилось количество партий на политической арене, программы которых затрагивала такие проблемы общества, как патриотизм, национализм, проблемы этничности. Электоральные настроения общества после распада Советского Союза становились все более зависимыми от социальных и демографических процессов.

Исследовательская проблема: неоднозначность последствий влияния социально-демографических факторов постсоветского периода на результаты парламентских выборов.

Исследование является **актуальным**, так как изменения политической системы Российской Федерации затронули не только идеологическое формирование политических партий, но и население государства. После принятия Федерального закона «О политических партиях» с политической арены пропала часть националистически окрашенных партий.

Гипотезы. Н1: внутренняя миграция, как показатель демографических изменений, происходящих в обществе, влияет на радикализацию настроений граждан в субъектах Российской Федерации.

Н2: внешняя миграция, изменяющаяся с течением времени после распада Советского Союза, влияет на радикализацию настроений российского электората, даже при условии существования ограничений в партийной системе.

Н3: В тех субъектах Российской Федерации, где существует высокая доля пожилого населения, преобладают лояльные политические настроения общества.

Н4: Увеличение доли русского населения в регионах Российской Федерации приводит к повышению поддержки радикально направленных партий.

Н5: Высокая доля городского населения способствует снижению радикализации электоральных предпочтений общества за счет меньшего уровня заинтересованности участия в парламентских выборах по сравнению с гражданами, проживающими в сельской местности.

Целью исследования является нахождение влияния факторов социально-демографической политики государства на результаты парламентских выборов в субъектах Российской Федерации начиная с 1990-х годов.

Основные задачи: 1. Определить ряд возможных социально-демографических факторов, которые могут влиять на изменение результатов парламентских выборов в российских регионах, начиная с постсоветского периода.

2. Протестировать гипотезы о связи между выявленными социально-демографическими факторами с электоральными настроениями общества, выраженными в голосовании за определенные партии на парламентских выборах.

Основные методы: 1. Сбор и обработка дескриптивной статистики по социально-демографическим процессам и результатам парламентских выборов в разрезе субъектов Российской Федерации в период с 1991 по 2021 г.

¹ Научный руководитель — Туровский Ростислав Феликсович.

2. Поведение регрессионного анализа на основе собранных социально-демографических и электоральных данных по каждому субъекту Российской Федерации.

Сформулированные гипотезы проходили тестирование **при помощи регрессионного анализа на панельных данных с включением фиксированных эффектов** на определенный год выборов и субъект России. Методология, которая является основой проводимого исследования, включает в себя теорию социетальных расколов и теорию проблемного голосования. Так, основные две исследовательские гипотезы затрагивают влияние независимых сконструированных переменных внутренней и внешней миграции на электоральные процессы, происходящие в обществе, а также альтернативный показатель миграции. Также **были сформированы показатели радикализма и лояльности** на основе идеологически направленных партийных кластеров — они стали зависимыми переменными.

Результаты. Несмотря на существующие партийные ограничения, все равно удалось обнаружить обратную зависимость между показателями внешней и внутренней миграции и переменной лояльности населения. Именно за счет увеличения переселенцев коренное население более активно начинает поддерживать идеологически радикально настроенные партии. Более того, высокая доля городского населения не способствует снижению поддержки радикально направленных политических партий.

Миграция влияет на увеличение радикальных настроений граждан. Несмотря на существующие партийные ограничения, удалось обнаружить обратную зависимость между показателями внешней и внутренней миграции и переменной лояльности населения. Высокий поток переселенцев, который особо ярко проявлялся в 1990-е годы после распада Советского Союза, негативно влиял на готовность принятия коренного населения мигрантов.

Наличие в субъекте Российской Федерации высокой доли лиц старше трудоспособного возраста способствует снижению радикальных настроений граждан. Граждане пожилого возраста являются более лояльными по отношению к населению другой национальности, идентичности. Также увеличение доли лиц, относящих себя к гражданам русской национальности, способствует снижению лояльности общества. Оказалось, что высокая доля городского населения не способствует снижению поддержки радикально направленных политических партий.

Зиновьев А.О.
ПГУПС, Санкт-Петербург

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ В.И. ЛЕНИНА КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИАЛОГА РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИЙ ФИЛОСОФИИ В СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Значимость «диалога» между философскими традициями в формировании идей и идеологий может быть прояснена с помощью исследований Р. Коллинза и Ю. Хабермаса. По мнению Хабермаса, «диалог» является реализацией коммуникативного действия, которое необходимо для координации социальной жизни и для достижения взаимопонимания и которое противоположно стратегическому действию, направленному на достижение целей. Условия общественного «диалога», которые реализуются в состоянии публичной сферы, должны минимизировать стратегические воздействия экономической и политической власти. В микросоциологической теории науки Коллинза акцент делается на конфликтном характере общения между философами (и учеными) в борьбе за внимание и за создание нового «культурного капитала» (новых идей и научных вещей). В данной перспективе повседневные «разговоры» между учеными создают мотивацию для научной деятельности за счет обмена «культурного капитала». Таким образом, «диалог» необходим для формирования инновационной политической философии.

Общие условия вхождения России в систему государств Европы естественным образом формировали две реакции на европейскую философию, которые реализовались в виде «диалога» западников и славянофилов. Революционное направление отечественной политической философии было ближе к аргументам славянофилов и надеждам на крестьянство. Смена настроений произошла за счет появления нового «культурного капитала» в виде идей К. Маркса. Успех данных идей для потенциальных революционеров был усилен обращением официальной идеологии царизма к использованию идей славянофилов. Для Ленина была важна ориентация марксизма на революцию и экономический объективизм, в противоположность старой революционной традиции. Бурный рост капитализма в структуре российской экономики делал вероятными надежды на буржуазную революцию в России. Репрессивный характер публичной сферы вынудил Ленина к эмиграции (как и Маркса), соединил революционную борьбу против феодализма с научной полемикой мате-

риализма против идеализма. Смещение научной полемики и революционной борьбы сформировало у Ленина политическое восприятие любого научного знания (что особенно ярко проявилось в работе «Материализм и эмпириокритицизм»). Создание нового «культурного капитала» совпало с революционной борьбой против царизма. В своем понимании марксизма Ленин ориентировался на революционную практику, что позволяло ему гибко исправлять ошибки марксизма в понимании государства и военной борьбы. А объективизм марксизма позволял превосходить многих политических оппонентов в понимании экономических реалий. Хотя понимание Лениным революционного процесса было не совсем верным с точки зрения современных исследований революций, оно было существенно лучше по сравнению с его политическими противниками. У Ленина была «карта» революционного процесса, хотя и очень примитивная «карта» с современной точки зрения. После захвата власти Ленин продолжил революционную борьбу против других идеологических течений, особенно против «идеализма», и сменил государственную церковь на марксизм при создании новой публичной сферы, что означало принятие маргинальной позиции в западной политической философии за основу новой «политической религии».

Зиновьева А.А.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ВНУТРИ СТРАНЫ И ЗА РУБЕЖОМ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что изучение особенностей использования технологий политического PR в рамках формирования политического имиджа России становится на данный момент исходным моментом политического PR как части прикладной политологии. Современная геополитика и ее влияние на внутривнутриполитические процессы указывает на необходимость изучения инструментов, которые влияют на политическое позиционирование, так как России на современном этапе развития внутренних и международных отношений с обществом необходимо грамотно реагировать на возникающие вызовы и угрозы.

Для выхода из стагнации развития политического позиционирования России необходимо активнее внедрять технологии политического PR. Нужно определить основные цели формирования политического имиджа и его вектор развития, особенно на внутреннем направлении.

В первую очередь необходима качественная работа с населением, активный диалог с ним на различных площадках. В Интернете необходимо использовать различные социальные сети, которые аккумулируют в себе большую часть российского населения, точно взаимодействовать с разными целевыми группами.

На внутреннем направлении также важно поддерживать позитивный имидж представителей публичной власти, в частности В. Путина, М. Мишустина, С. Шойгу и С. Лаврова, путем использования технологий формирования имиджа политического актора.

Выстраиваемая политическая коммуникация должна поддерживаться действиями со стороны государственной власти, так как в российском обществе существует диссонанс между словами и действиями государства.

На внешнем направлении необходимо находить пути взаимодействия с международной аудиторией, формировать их нейтральное отношение к российской власти.

Также для развития внешнего позиционирования необходимо сделать упор на технологии лоббирования, максимально сосредоточить силы на продвижении российских идей и предложений. Применение технологий лоббирования становятся эффективнее при создании коалиций, поэтому можно продолжить сотрудничество с Китаем. Кроме того, требуется масштабная PR-работа на постсоветском пространстве, чтобы не допустить повторения украинского сценария.

Можно привести следующие выводы, полученные в результате исследования.

1. Политическое позиционирование опирается на два направления: внутреннее и внешнее. Оба направления взаимосвязаны друг с другом, так как оказывают активное влияние на международное и внутреннее политическое восприятие соответственно.
2. Для планомерного формирования политического позиционирования необходима четкая стратегия, в которой указывается конкретная цель выстраиваемого имиджа государства.
3. Для реализации целей по выстраиванию политического позиционирования необходимо обладать инструментарием технологий политического PR.
4. Современные вызовы и угрозы дают новые возможности для формирования внутреннего и внешнего позиционирования.
5. Дальнейшее развитие политического позиционирования зависит от того, какой сценарий будет выбран.

В целом можно говорить о том, что политический имидж России внутри страны и за ее рубежом отличается степенью своей разработанности и успешности. Внешнее направление можно считать более системным и последовательным в сравнении с внутренним вектором по нескольким причинам. *Во-первых*, цели внешнего позиционирования России были озвучены на Мюнхенской конференции, что позволило выработать концепцию достижения оглашенного результата и двигаться в рамках заявленной стратегии. *Во-вторых*, современные вызовы и угрозы от западных стран вынуждают отвечать на них, применяя имеющиеся технологии. *В-третьих*, создание коалиций с государствами, которые против доминирования США и капиталистической культуры, позволяет увеличивать потенциал влияния на международную общественность, что, в свою очередь, может позитивно сказываться на внешнем позиционировании России. Однако заявленные цели до сих пор не реализованы в полной мере: заявленное желание войти в международную повестку на правах полноправного участника не удовлетворено в полной мере, однополярный мир по-прежнему пытается сохранить свой статус, что в итоге спровоцировало украинский кризис. Во многом успех международного позиционирования России в будущем будет зависеть от результатов специальной военной операции на Украине, которая де-факто представляет собой геополитическое противостояние с Западом в борьбе за глобальное влияние.

Внутриполитическое направление имиджа России не такое успешное. *Во-первых*, это связано с отсутствием цели позиционирования как таковой. *Во-вторых*, на эффективности реализации позиционирования сказывается неналаженная коммуникация власти с разными целевыми группами населения, особенно с молодежью и креативным классом. *В-третьих*, низкий уровень пропаганды в совокупности с отсутствием подтверждений слов конкретными шагами и действиями. Все это формирует базу проблем, которые необходимо решить для улучшения внутреннего и внешнего позиционирования.

Знаменский Д.Ю.
ГУУ, Москва

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ 2020 ГОДА: ТРЕНД ЦИФРОВИЗАЦИИ

Развитие информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, цифровизация экономики и государственного управления оказали непосредственное влияние на эволюцию системы представительства интересов и взаимодействия политических акторов в процессе формирования и реализации государственной политики в различных сферах. Не стала исключением и государственная политика в сфере науки и технологий.

Резонно предположить двойственный характер этого влияния: с одной стороны, цифровизация де-факто выступает одним из ключевых приоритетов научно-технологического развития современной России, с другой — сами процессы выработки, реализации, оценки и корректировки государственной политики существенным образом меняются под влиянием цифровизации.

Думается, что «цифровые тренды» в контексте государственной научно-технологической политики сводятся к следующим основным моментам:

1. Активизация присутствия органов государственной власти, в том числе Минобрнауки России, ФАНО России и др., в сети Интернет вообще и в социально-сетевой среде в частности. Речь идет об открытии и ведении аккаунтов данных структур в таких сетях, как «ВКонтакте», *Facebook*, *Instagram* и даже *Tik-tok*.
2. Широкое применение всевозможных интернет-площадок для взаимодействия органов государственной власти, ответственных за реализацию научно-технической политики, с научными организациями, экспертным сообществом и иными заинтересованными группами.
3. Учет результативности научных исследований с использованием специализированных баз данных, как отечественных (Российский индекс научного цитирования на платформе *elibrary.ru*), так и международных (*Web of Science* на платформе *publons.com*, *ORCID*, *Scopus* и др.). Кроме того, отдельные базы данных создаются и ведутся уже самими органами власти (например, сервис по регистрации объектов интеллектуальной собственности) или отдельными научными организациями и вузами (например, сервис *istina.ru*, разработанный для МГУ имени М.В. Ломоносова). В этой связи примечательно, что в контексте текущей международной ситуации Министерством науки и высшего образования РФ ведется разработка национальной системы оценки результативности научной деятельности с целью адекватной замены БД *Web of Science* и *Scopus*.
4. Сбор заявок на выделение научных грантов Президента РФ и государственных научных фондов либо исключительно в электронной форме (например, КИАС РФФИ), или комбинированной бумажно-электронной форме (ИС РНФ или система поддержки грантов Президента РФ *grants.extech.ru*).

5. Включение вопросов развития цифровых технологий в повестку дня государственной научно-технической политики. Сложившаяся система приоритетов обусловила, *во-первых*, появление большого числа публикаций по проблематике цифровизации и, *во-вторых*, значительное увеличение бюджетного финансирования соответствующих исследований.

Что же касается возможных рисков, связанных с цифровизацией в государственной научно-технической политике, то представляется обоснованным их сведение к следующим принципиальным позициям.

Во-первых, «инерционный ресурс» отечественной бюрократии, ее природный консерватизм и несклонность к изменениям потенциально способны застопорить любые инициативы по совершенствованию публичной политики либо не дать им реального хода, ограничившись имитацией. Иными словами, процессы цифровизации публичной политики требуют изменений в самой управляющей подсистеме, менее всего склонной к переменам.

Во-вторых, сохраняются риски чисто технического характера в сфере кибербезопасности и защиты данных, причем эта ситуация усугубляется рисками уже политического характера, связанными с концентрацией полномочий по управлению большими данными в руках государства.

В-третьих, как уже отмечалось выше, существенна перспектива сведения цифрового управления в сфере публичной политики к имитации, в том числе за счет консерватизма управляющей системы, а также отсутствия согласованной стратегии цифровизации.

В-четвертых, низкая цифровая грамотность и «цифровое неравенство» граждан порождают отлучение целых слоев населения (в том числе по возрастному критерию) от публичной политики — или необходимость параллельного существования цифрового и аналогового взаимодействия граждан и власти.

Наконец, ограниченность применения цифровых технологий (например, Big Data) в прогнозировании результатов государственной политики вкупе со стремлением отдельных ученых и практиков государственного управления рассматривать цифровые технологии как универсальное средство для решения проблем публичной политики.

Безусловно, вопросы цифровизации государственной политики относятся к числу неоднозначных и дискуссионных. Так, с точки зрения сторонников сетевого подхода, посредством «интернетизации» происходит расширение публичного пространства, а сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования всех социальных институтов, определяя формат социальных и политических отношений¹. В то же время нельзя не отметить, что сама суть отношений по поводу публичной политики принципиально не меняется, речь идет лишь о некотором расширении «границ публичности» — что, безусловно, тоже важно. Данный вывод актуален практически для любого направления государственной политики, в том числе в сфере науки и технологий.

Золотарев Ф.Е.
СПбГУ, Санкт-Петербург

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ СВЯЗЕЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве представляют собой сложный, многоуровневый феномен. Кроме государств, являющихся основными игроками, существует широкий спектр акторов и заинтересованных лиц, которые также включены в общий контекст. В частности, субнациональные акторы, под которыми понимаются административно-территориальные субъекты государств, участвуют в интеграционных процессах на субнациональном уровне.

В исследовании представлен анализ формальных связей субъектов Российской Федерации с административно-территориальными образованиями стран Содружества Независимых Государств. Межрегиональные связи рассматриваются в качестве дополнительного инструмента внешней политики России в рамках интеграционных процессов и регионостроительства на постсоветском пространстве. Методологической основой исследования выступает комплекс теорий «нового регионализма», вклад в разработку которого внесло множество исследователей международных отношений и мировой политики (Б. Хеттне, Ф. Содербаум, А. Ачария). В соответствии с ее основным положением о том, что конструирование макрорегиональных и надгосударственных проектов, помимо национальных государств, вовлекает различных негосударственных акторов и агентов, субнациональные акторы России принимают участие в интеграционных процессах.

¹ Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Колл. монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 251.

Автор определяет субнациональный уровень интеграции в качестве отдельного измерения интеграционных процессов. В нем основную роль играют субнациональные акторы в лице административно-территориальных единиц государств: области, провинции, регионы и т.д. Акцент в исследовании был сделан на двусторонних (взаимных) связях между акторами, которые закреплены в отдельные юридические формы. Для изучения формальных связей российских регионов с регионами иностранных государств используется методология сетевого анализа, которая предлагает системный взгляд на отношения между «социальными» акторами. Автор опирается на собственный набор данных, основу которого составила информация с официальных порталов и сайтов региональных органов власти субъектов Федерации, подведомственных сайтов Министерства иностранных дел Российской Федерации, опубликованный на открытом репозитории Гарвардского университета (*Zolotarev Fedor. Subnational level of Russian Foreign Policy: Analysis of Subnational Units' External Relations. 2022. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/7WEHNSN>*).

Полученные результаты показали, что сотрудничество субъектов РФ образует разветвленную сеть с регионами-партнерами, которая отличается неравномерностью распределения и дисбалансом относительно количества акторов и их структурного положения в сети. Были выделены общие характеристики сети по отдельным показателям, определены наиболее значимые акторы, которые имеют более высокий уровень связи с российскими регионами. Также было установлено, что особое место занимает межрегиональное сотрудничество с белорусскими областями, как и взаимодействие с рядом непризнанных и полупризнанных государств. В заключение автор делает вывод о том, что использование инструментов сетевого анализа позволило иначе взглянуть как на текущие интеграционные процессы на постсоветском пространстве, так и на роль, которую играют субъекты РФ в них. Тем не менее автором приводится ряд рекомендаций, соблюдение которых способно усилить исследования в области интеграционных процессов, обращаясь к методу сетевого анализа.

Зорин В.А.
ЧелГУ, Челябинск,
Луканина Е.В.

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

В политическом пространстве современной России в последние годы наблюдается новое явление — во «взрослую» политику приходят молодые деятели, профессиональное становление которых происходило в сфере молодежной политики. Это явление мы считаем новым не потому, что такие деятели появились впервые, а потому, что сегодня молодежная политика становится обширным пространством развития лидерского потенциала молодых людей, и выстраиваются институциональные пути их продвижения в публичную политику и государственное управление (например, конкурсы «Лидеры России»).

Для изучения особенностей личностного и профессионального становления и развития молодежных политических лидеров в 2022 г. нами было проведено качественное политико-психологическое исследование. На основе специально разработанной концептуальной исследовательской модели нами было проведено 63 глубинных интервью с молодежными политическими лидерами. Респондентами выступили молодые люди, занимающие руководящие посты в региональных и федеральных молодежных политических организациях, а также представители региональных и федеральных органов законодательной и исполнительной власти, которые ранее занимались молодежной политикой. В рамках исследования нами были рассмотрены особенности социализации (в том числе политической) молодежных политических лидеров в семье, образовательных учреждениях и общественных организациях, выявлены институциональные условия и социально-психологические факторы, способствовавшие развитию их лидерского потенциала в сфере молодежной политики.

В результате исследования были выявлены особенности влияния семьи и образовательных организаций (школы и вуза) на формирование и развитие молодежных политических лидеров, в первую очередь связанные с их личностным развитием и самоопределением. Главное отличие процесса становления молодежных политических лидеров от всей другой молодежи — это наличие дополнительных институтов и факторов в процессе их политической и профессиональной социализации. Для них таковыми являются формальные и неформальные организации, которые занимают значимую часть их школьной и студенческой жизни. Вовлеченные со школьной и университетской скамьи в деятельность различных социальных и политических общественных объединений, молодые люди через соб-

ственную социальную активность получают новые знания и компетенции (собственно политические, организаторские, коммуникативные и пр.), развитие и реализация которых происходит уже в более взрослом возрасте.

Активное включение в проекты и программы в сфере молодежной политики существенно расширяет возможности для саморазвития молодежных лидеров, формирования не только компетенций участия, но и самостоятельной организации мероприятий и реализации проектов. Процесс политической социализации через молодежную политику становится все более популярным для молодых людей с активной жизненной позицией и лидерским потенциалом. Поэтому молодежную политику в нашей стране можно называть новым и довольно значимым фактором политической социализации, который в совокупности с традиционными институтами — семьей, школой и молодежными организациями — позволяет формировать политических лидеров нового типа — молодежных.

Исследование выполнено в рамках проекта № FEGG-2022-0009 «Молодежные политические лидеры в современной России: лично-профессиональный потенциал и каналы рекрутирования», реализуемого в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Зубов В.В.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ГЕРМАНИИ

После начала специальной военной операции России на территориях ДНР, ЛНР и Украины правящая в Германии коалиция «Светофор», в которую входят партии СДПГ, СвДП и Союз 90/Зеленые, заняла в целом консолидированную позицию относительно своей политики в отношении России, которая предполагает, с одной стороны, максимальное стремление к единению со своими союзниками по ЕС и НАТО, что выражается в следовании «среднему пути», при котором как военная помощь Украине, так и санкционные инициативы, направленные против России, не выбираются в ту или иную сторону из общей стратегии названных блоков, но, с другой стороны, такая позиция не подразумевает возможность лидирующего участия Германии во взаимодействии с Россией как представителя «объединенного Запада» в широком его понимании в том формате, в котором это было до 24 февраля, уступив место Франции и Турции, отметившимися по большей части неэффективными, но в то же время заметными инициативами, а также Великобритании, Польше и прибалтийским государствам, чья агрессивная позиция, основанная на «предусмотрительности», причиной которой называется «историческая память» названных стран, не предполагает возможность сохранить те результаты, которые были заложены еще во времена «новой восточной политики» Вилли Брандта.

Позиция еще недавно правящей в качестве «старшего партнера» фракции ХДС/ХСС также не предполагает стремление к диалогу с Россией и, более того, в лице ее лидера Фридриха Мерца зачастую обретает более радикальные формы, чем у правящего «Светофора», что, как можно предполагать, обусловлено стремлением перехватить актуальную политическую повестку у своих оппонентов, а также определенной традицией «непримиримости» христианских демократов в отношении неукоснительного следования фундаментальным принципам, существовавшей со времен Аденауэра и выражавшейся даже у политиков, не относившихся к ХДС/ХСС, что ярко проявилось, например, в публичной деятельности Йоахима Гаука.

При этом необходимо отметить, что с осуждением России выступили также Левая партия и АдГ, считавшиеся традиционно дружественными нашей стране, которые стоят, однако, на более умеренных позициях, что выражается в призывах отказаться от поставок оружия Украине и милитаризации Германии и первой и необходимости учитывать интересы России и инициировать с ней переговоры о европейской архитектуре безопасности у второй.

Можно констатировать, что наиболее остро стоит вопрос о возможных площадках для диалога как с политическими партиями Германии, так и с ее общественными объединениями в связи с практически синхронным выходом России из Совета Европы и ее исключением из указанной организации решением Комитета министров, транспортными сложностями, потенциальными визовыми ограничениями, а также значительными издержками, которые грозят всем общественным группам Германии, заподозренным в том, что они являются «понимающими Москву».

Перед Россией стоит задача не потерять связь с общественно-политическим пространством Германии, взаимодействие с которым в любом формате должно держать в напряжении существующий

антироссийский консенсус политической элиты Германии, а в перспективе и поспособствовать его разрушению, что, как представляется, является единственной реальной альтернативой гегемонии США, Великобритании и условного «Междуморья» в вопросе конструирования единой позиции Запада в отношении России.

Большую важность представляет необходимость хотя бы частично сохранить инфраструктуру некогда практически всеобъемлющего российско-германского диалога, ставя на первое место культурные, исторические и экономические связи и занимая при этом принципиальную позицию по вопросу недопущения какого-либо скрытого политического давления со стороны государственных и общественных структур Германии, наличием которого характеризовались отношения между странами со времен избрания канцлером Ангелы Меркель.

Зудин А.Ю.
МГИМО МИД России, Москва

НАЗАД, К ИСТОКАМ? КРИЗИС ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ ЗАПАДА

В докладе предпринимается попытка рассмотрения публичной политики стран Запада на пересечении двух подходов — деятельностно-активистского (или акторского) и историко-политологического. Использование первого делает возможным «сквозной» анализ основных категорий политических акторов, выделяемых в научной литературе (лидеры, правительства, партии, группы интересов и движения) на основе общих показателей дееспособности в реализации своего функционала. Предложены три таких показателя: отчетливая идентичность, способность к самостоятельному целеполаганию, контроль над средствами целедостижения.

Привлечение историко-политологического подхода позволяет выделить основные этапы в развитии публичной политики, проследить изменения в составе и соотношении основных категорий политических акторов, а также оценить динамику их дееспособности во времени. В развитии публичной политики выделено три «больших цикла». Первый «большой цикл» (приблизительно с середины XIX в. — до середины XX в.) играет конституирующую роль в становлении публичной политики. В этот период складывается классическая модель публичной политики как особого способа формирования политического курса национальных государств, в котором правительство выступает ведущим, но не единственным участником. Это позволило Ч. Тилли квалифицировать публичную политику как режим «взаимообязывающих консультаций» между правительством и неправительственными участниками.

Основное внимание в докладе уделено изменению состава, функционала и показателей дееспособности политических акторов в ходе второго (вторая половина XX — начало XXI в.) и третьего (с начала XXI в. — по настоящее время) «больших циклов» публичной политики. Отмечается, что решающую роль в переходе публичной политики во второй «большой цикл» играет размывание «кливажей» и «инфраструктурная революция» в политике, связанная с резким повышением роли прикладного социального знания. Во втором цикле публичной политики в развитии политических акторов возникают новые тренды, которые получают продолжение в третьем цикле.

В качестве основных направлений развития «классических» политических акторов выделяются: выдвижение политических лидеров на центральное место в формировании публичной политики; относительное ослабление национальных правительств и политических партий; сокращение масштабов и фрагментация групп интересов, доставшихся в наследство от «первого цикла»; превращение новых движений, возникших во втором цикле, в новые группы интересов. Отмечается, что в третьем «большом цикле» происходит снижение показателей дееспособности большинства «классических» политических акторов: утрата отчетливой идентичности, снижение способности к самостоятельному целеполаганию, сокращение контроля над средствами целедостижения.

Важной особенностью второго и третьего «больших циклов» становится появление новых категорий политических акторов, которые в этом качестве в первом цикле отсутствовали или были представлены в ограниченном масштабе: руководители и владельцы крупных корпораций, а также их объединения; «сверхбогатые»; носители прикладного научного знания, представленные вспомогательными политическими профессиями и имеющие различные институциональные воплощения; глобальные негосударственные игроки и глобальные коалиции, включающие государства и неправительственные организации. В отличие от старых акторов, новые политические акторы демонстрируют повышенную дееспособность, но их функционал не вполне вписывается или совсем не вписывается в нормативные требования к участникам публичной политики.

Изменение соотношения между классическими и новыми политическими акторами вызывает сдвиги в лексиконе социальных наук, который используется для описания публичной политики.

Понятийный аппарат «неоплюрализма», который во втором «большом цикле» стал доминирующим при анализе публичной политики, начинает дополняться концептами «элитистских» подходов и «критической теории». Другой источник обновления — «возвратный трансферт»: понятия социо-гуманитарного знания, которые ранее использовались для концептуализации политических явлений в историческом прошлом и на периферии западного мира (в развивающихся странах и на постсоветском пространстве), начинают применяться для понимания перемен, происходящих в исторических центрах публичной политики.

По мнению автора, совмещение деятельностно-активистского (акторского) и историко-политологического подходов позволяет сделать вывод, что в третьем большом цикле публичная политика в странах Запада вступила в полосу кризиса. Выдвигается предположение, что режим консультаций при формировании политического курса государств начинает возвращаться в исходное историческое состояние. Происходит сдвиг от «обязывающих» консультаций к «совещательным». «Обязывающими» для правительств остаются только результаты межэлитных переговоров.

Зуляр Ю.А.
ИГУ, Иркутск

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ СИБИРЯКОВ

С конца февраля 2022 г. патриотизм из абстрактного определения превращается в систему конкретных очень непростых и опасных действий, и если их нет, то называть себя патриотом, по крайней мере, затруднительно. Таким образом, теперь стало однозначно понятно, что патриотизм — это результат воспитательной, пропагандистской деятельности и обучения. Государственный патриотизм является квинтэссенцией политической и гражданской культуры населения, и в свете сегодняшних реалий задача его изучения, ориентированная на совершенствование, встала в повестку дня политологов.

В связи с мультиэтничностью и поликонфессиональностью РФ задача исследования российского патриотизма непростая и трудная, решение которой рассчитано на перспективу, но заниматься ею надлежит немедленно. В свете этого состояния автор попытался обозначить ряд основных элементов политической культуры современных сибиряков. Политическую культуру он понимает с точки зрения системного подхода. Безусловно, большинство жителей Большой Сибири принадлежат к российской политической культуре, и речь идет не о самостоятельном феномене, а о региональной субкультуре. Под ней автор понимает совокупность политических представлений, ориентаций и типов вербального и практического поведения населения конкретного региона, обусловленного природно-климатическими, этническими, конфессиональными, историческими и хозяйственными условиями.

Регионализм. Сибиряк, сформировавшийся в мегарегионе как личность, остается ею навсегда, даже если он покидает его территорию. Живущие здесь люди рассматривают все события в стране через призму регионализма, хотя ощущают его только за пределами Сибири, в связи с особыми обстоятельствами или во взаимодействии с представителями иных стран и территорий. Их регионализм тотальный и касается всех сторон жизни, в том числе и политической.

Российский патриотизм. Вместе с тем любовь к стране и государственный патриотизм повсеместно распространен среди сибиряков. Ощущение, что Родина в опасности, мобилизует сибирское и дальневосточное общество. Это свойство и состояние распространено во всех возрастных и этноконфессиональных группах. В таких случаях идеология регионализма решительно отбрасывается, и ей на смену приходит ощущение неразрывности с Родиной, какой бы это ее части ни касалось. В свою очередь, национальные герои страны воспринимаются здесь своими и заслуживают увековечения в Сибири их памяти. И уходящие на защиту страны никогда не скажут, что идут защищать Сибирь, только страну и свою деревню или город.

Радикализм во внешней политике. Удаленности от центра принятия решений, ограниченность получаемой информации создает у сибиряков ощущение возможности решения сложных проблем простыми способами и в короткие сроки. Это естественным образом формирует в региональном массовом сознании радикализм и повышенные ожидания при возникновении проблем внешней политики и по аналогии — хозяйственных и локальных. Призывы к умеренности и поиску компромиссов в международных отношениях не очень популярны у сибирского населения. В памяти и обиходной речи превалируют исторические сюжеты быстрой, полной и убедительной победы над врагом или противником. Пользуются популярностью и любовью решительные и бескомпромиссные руководители и военачальники, хозяйственные руководители и первопроходцы.

Вождизм. Сложные и трудные условия жизни сибиряков, зачастую плохо устроенный быт и далеко не лучшее качество социальной среды, складывающиеся за счет постоянного оттока талантливых людей, упрощают межличностные отношения и формируют потребность в четкой иерархии сильных

личностей, простых для понимания и авторитетных для большинства. Вместе с тем им чуждо низкопоклонство и проявление демонстративной лояльности и преданности руководителю. Вождизм — неотъемлемая часть ментальности сибиряка, его жизнь сложная и суровая, поэтому ему комфортней среди своих и под руководством сильного и знающего лидера. Наличие этих качеств сибиряки требуют и от руководителя государства.

Подспудная поддержка имперской идеологии. В целом в культуре и в общественном сознании сибиряков величие страны связано с ее имперским и советским прошлым. То есть идеальным им представляется такое состояние, когда огромная страна под руководством выдающегося лидера одерживает победы над врагами, быстро развивается и радикально изменяет жизнь населения. Зачастую неосознанно, а иногда даже публично отрицая такую позицию, большинство сибиряков считают, что страна должна быть большой, сильной, богатой, объединенной единой идеологией, т.е. империей. В современных СМИ и Интернете имперская идеология представлена в виде прошлой отсталости, несвободы и неактуальности, хотя ничего более подходящего для Российского государства никто так и не смог предложить.

Безусловно, это далеко не полный список черт, присущих политической культуре большинства жителей Сибири, но и их достаточно для признания за ней определенной специфики. Многолетние исследования автором этой темы и изучение работ других ученых приводят к выводу о том, что в нашей стране процесс гражданской социализации молодежи обязательно должен организовываться с опорой на характерные черты региональной политической культуры.

Зюзина Е.Б.
ВГУ, Воронеж

«НОВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ»: РИСКИ И УГРОЗЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Демократический транзит и «волны демократизации», о которых писал С. Хантингтон, во многих переходных странах не оправдали ожиданий и не привели к консолидации демократии. Разочарование в парадигме демократического транзита, не вполне соответствующей новым политическим реалиям, способствовало активному распространению авторитарных практик и возрастанию исследовательского интереса к данному феномену. Понятие «авторитаризм» ввели в научный оборот представители Франкфуртской школы Т. Адорно, Э. Фромм и др. Изначально термин «авторитарный» использовался для описания определенного типа личности, а затем его стали применять для характеристики методов и способов управления обществом. Согласно выводам этих исследователей авторитарный тип личности — это дезориентированный человек, легко поддающийся внушению, подчиняющийся групповому стереотипному мнению. Его отличают склонность к традиционализму и консерватизму, реакционность, агрессивность, отсутствие критического мышления. Представители данного типа верят в особый путь своего народа, превосходство над другими, склонны как к насилию, так и к подчинению. Подобные социальные качества индивидов способствуют массовой поддержке репрессивных режимов.

О «крадущемся авторитаризме» в начале XXI в. одним из первых предупредил Р. Дарендорф в своей статье «Искушение авторитаризмом» (2005). Сложность переходного периода лишила граждан надежды на процветающее демократическое будущее, возникло чувство ностальгии по старым порядкам. Исследователь предупреждал о том, что в странах с запоздалой модернизацией наступит этап, в котором старые ценности традиционного общества утратят свое влияние, а новые еще не успеют оформиться. В таких условиях люди видят образцы нового «западного» мира, при этом понимая, что не являются его частью. Именно эти разочарованные люди становятся основой террористических движений. По мнению политолога, самая большая опасность такого периода разочарования — поспание ценностей просвещения, свободы, гражданского общества.

«Новый авторитаризм» польский исследователь Е. Вятр определяет как систему концентрации государственной власти, которая не уважает принцип разделения властей, верховенство закона, конституционные положения, а также ограничивает права и свободы граждан¹. Представители нового авторитаризма стремятся к монополизированной несменяемой государственной власти. Поворот к авторитаризму становится следствием поддержки избирателями антидемократических сил в ходе выборов или конституционной реформы. Социальная апатия приводит к невостребованности населением демократических институтов и процедур, появившихся в переходные годы. Авторитарному тренду способствует слабая социально-экономическая эффективность молодых демократий, личная незащищенность людей, уповающих на «справедливую власть».

¹ Вятр Е. Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии? // Вестник Московского ун-та. Серия 12. Политические науки. 2019. № 1. С. 7–21.

Одним из факторов политических, экономических и социокультурных трансформаций на сегодняшний день выступает политическая турбулентность, которая становится серьезным вызовом глобальной безопасности. Непредсказуемость результатов политических событий, возможность их разрушительных последствий для общества и даже для самих инициаторов является квинтэссенцией современной реальности.

Риски непредсказуемого поведения отдельных субъектов политики в глобальном мире оказывают негативное влияние на состояние политических систем и процессов. Особую опасность представляют страны с недемократическим политическим режимом, обладающие оружием массового поражения. «Новый авторитаризм» с правым уклоном распространяет свое влияние в мире и влечет за собой следующие угрозы:

- формирование агрессивной идеологии и архаичных институциональных практик;
- нетерпимость, недостаточная гибкость у значительного числа граждан, которая намеренно культивируется государственным аппаратом для эффективного отпора «внешнему врагу»;
- легализация методов физического насилия для устранения оппонентов;
- поддержка и одобрение гражданами неправовых действий властей, формирование «агрессивно-послушного» (понятие ввел Ю. Афанасьев) типа личности;
- доминирование принципа «чрезвычайного положения» как метода управления современным государством, предполагающего ограничения конституционных прав граждан (теория итальянского философа Дж. Агамбена).

Кризис либеральной демократии и рост авторитарных тенденций стали серьезным вызовом для региональной и национальной безопасности. Современные авторитарные режимы многолики. Вследствие авторитарного отката неоавторитарные режимы установились в ряде стран Азии и Африки, в странах постсоветского пространства. Изменения в расстановке политических сил в пользу «правых» наблюдается и в ряде стран Европы. Черты «нового авторитаризма» стали отчетливо проявляться в российской политической действительности с 2000-х годов. Перед теоретиками и практиками стоит сегодня сложный вопрос: на каких ценностных основах должна строиться картина будущего мира и что должно быть положено в основу проектирования его политических институтов? От ответа на этот вопрос зависит дальнейшая судьба человечества.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Глобальная турбулентность современного мира проявляется не только в жестком противостоянии мировых держав и их сторонников, не только в гибридных войнах, конфликтах и финансовых, экономических, инфраструктурных, политико-управленческих кризисах. Политические эксцессы расшатывают все сферы миропорядка и все сферы жизнедеятельности человеческого сообщества на всех уровнях — межгосударственном, страновом, субъектовом, региональном.

В числе сфер, которые подвергаются существенному негативному воздействию, назовем ценностно-мировоззренческую сферу, которая терпит большой ущерб в силу радикальных, часто экстремистских идейных вторжений и прямых идеологических диверсий.

Данные попытки с 2014 г. предпринимаются в отношении Российского государства и российского общества со стороны США и западных стран. Дискриминационные и санкционные меры против РФ приняли глобальные формы с февраля 2022 г. в связи с проведением РФ специальной военной операции на территории Украины по защите населения Луганской и Донецкой народных республик, а также по демилитаризации и денацификации Украины.

В рамках пресловутой и циничной «культуры отмены» внешней ревизии подвергаются идеи, ценности российской культуры, российской истории, которые имеют цивилизационный масштаб и мировое влияние. В этих условиях стоит вновь обратиться к мощному духовному ресурсу — традиционным ценностям, на которых в ходе историко-культурного становления и национально-государственного строительства сложилась российская национальная модель гражданского общества.

Подтверждая значимость таких традиционных ценностей, как коллективизм, соборность, доброжелательность, отзывчивость, подчеркнем важнейшие традиционные ценности, без которых Россия не сформировалась бы как многонациональная страна. Это полиэтничность, поликонфессиональность, поликультурность, которые, помимо ярких культурных выражений, имеют и политикозначимый смысл. Именно полиэтничность, поликонфессиональность, поликультурность определяют институциональное содержание и организационные формы российской государственности, российского суверенитета.

В современных условиях данные ценности нуждаются в обновленном экспертном, политическом и управленческом осмыслении, так как именно они могут активно применяться в качестве мощного социокультурного заслона негативным посягательствам на сущностные основания гражданского общества в России.

Учитывая вышесказанное, считаем важным:

- акцентировать в общественном, информационном, экспертном дискурсе идею этноконфессионального разнообразия российского общества как одной из опор его динамичного развития;
- усилить популяризацию в сетевых гражданских, общественных структурах традиционных гуманистических ценностей этнических культур и религий народов России в противовес вульгарным искажениям норм человеческого общежития, агрессии, экстремизму, радикализму;
- расширить поддержку инициатив социально ответственных национально-культурных и религиозных общественных организаций в проведении гуманитарных и миротворческих акций;
- обеспечивать управленческое, организационное, методическое содействие этноконфессиональному сегменту российской национальной модели гражданского общества в воспитании целостного патриотического историко-культурного сознания молодежи;
- актуализировать в деятельности этнических и религиозных общественных объединений идею российской идентичности и российского единства как безальтернативной социальной и политической перспективы суверенного российского гражданского общества.

Ибрагимов Ф.Э.
Москва

«ЯДЕРНАЯ СДЕЛКА» В ИРАНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Разговоры о возвращении США в Совместный всеобъемлющий план действий за последние несколько лет не утихают. После демонстративного выхода Вашингтона из «ядерной сделки» указом президента Трампа оставшиеся участники договора в лице России, Китая, Германии, Франции и даже

Великобритании надеялись, что американцы изменят свою позицию, проявят мудрость и политическую последовательность. Европейцы желали возвращения США в договор, поскольку стремились к беспрепятственному развитию торгово-экономических отношений с Ираном. Помимо этого, Брюссель, равно как Париж и Берлин пытались доказать всему миру, что они продолжают оставаться независимыми акторами международных отношений, которые не зависят от политики и диктата Вашингтона. Однако время показало, что это совсем не так. Особенно примечательны на этом фоне заявления главы европейской дипломатии Борреля, который на деле повторяет заявления своего американского коллеги, госсекретаря США Энтони Блинкена. Американский дипломат в свою очередь всю ответственность переносит на Тегеран и не стремится приложить усилия со своей стороны, чтобы разрешить проблему, возникшую не по вине иранцев.

Европа сегодня пытается демонстрировать роль связующего звена, главного переговорщика между Ираном и США, однако на деле за последние четыре года ничего не смогла достичь. Инициированный европейцами проект по обходу американских санкций *INSTEX* так и не был воплощен в жизнь должным образом, европейские компании даже при голословной поддержке своих политических руководителей не решились продолжить и тем более развивать свои торгово-экономические отношения с Ираном, опасаясь санкций США. Таким образом, европейские компании больше боятся американских властей, и значение Вашингтона для них имеет больше веса, нежели рекомендации руководителей европейских стран. Это значит, что переговоры по восстановлению «ядерной сделки» Ирану проще было бы вести напрямую с американской стороной, однако США продолжают тянуть время, чтобы вернуться в договор исключительно на своих условиях, а не на компромиссе, который должен устраивать все стороны, и прежде всего Тегеран.

Надо сказать, что иранская сторона продолжает проявлять политическую последовательность и логичность, чего не скажешь об американцах. В Вашингтоне долгое время были уверены в том, что Иран стремится к скорому снятию санкций, разблокировке своих счетов и устранению барьеров, которые препятствуют ему в вопросе налаживания отношений с китайскими, индийскими, российскими и даже европейскими партнерами. Однако за 42 года Исламская Республика научилась жить под санкционным давлением, не бояться угроз из-за океана, поскольку обладает собственными ресурсами, а также выстраивать прагматичные и перспективные взаимоотношения с Россией и Китаем. Этот нюанс особенно раздражает американцев, поскольку они надеялись на то, что Иран сам будет просить о снятии санкций и потеплении взаимоотношений с Западом.

Тегеран во время переговорного процесса неоднократно призывал снять санкции, поскольку они были незаконными. Более того, Иран неоднократно заявлял и демонстрировал, что не имеет ничего против Запада и готов вести нормальные и прагматичные отношения. Однако это вовсе не означает, что Тегеран готов отказаться от проведения собственной внешней политики, независимости и своих интересов, все, что требует от Запада Иран — это уважение его суверенитета и принятие тех объективных реалий, которые созданы Исламской республикой в регионе. И если европейцы в первое время соглашались с доводами Ирана после демонстративного выхода администрацией Трампа из СВПД в мае 2018 г., то впоследствии они смирились с американским диктатом. Таким образом, они продемонстрировали свою беззубость и полную лояльность американской политике.

Следовательно, «ядерная сделка» для Запада — это лишь ситуативный предлог для демонстрации стремления наладить отношения, реально же Вашингтон продолжит попытки по расширению своей гегемонии в регионе и не будет мириться с продолжением ведения Ираном независимой внешней политики. Исходя из этого тезиса, есть все основания полагать, что будущее у «ядерной сделки» в том виде, в котором она существует, даже в случае внесения корректировок, является довольно призрачным.

Игнатьева О.А.

СПбГУ, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

ФОРМИРОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ОСТРОВИЗАЦИИ

В последние годы в крупных странах мира (США, Китай, Россия) сложился тренд на островизацию, т.е. формирование самодостаточной цивилизации, способной выжить самостоятельно в любых условиях. Островизация — термин, противоположный глобализации (Спецпредставитель Путина предложил сделать из России «технологический остров». 09.06.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5395338> (дата обращения: 02.09.2022)). Он используется для обозначения курса крупных государств на обеспечение собственной технологической безопасности во всех сферах (технологии, продовольствие, промышленность) и создание способности к самостоятельному существованию.

Для того чтобы этого достигнуть, необходимо сформировать способность самостоятельно мыслить как на индивидуальном, так и на коллективном уровне (Букатов В.М. Клиповые изменения

в восприятии, понимании и мышлении современных школьников — досадное новообразование «постиндустриального уклада» или долгожданная реанимация психического естества? // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. № 4 (49). С. 5–19). Когнитивный суверенитет — это наличие собственных аналитических способностей, которые позволяют отделять то, что нужно человеку, обществу, от того, что ему навязывается. Без когнитивного суверенитета не может быть технологического суверенитета и островизации. Вызовы сегодняшнего дня, стоящие перед Россией, дают возможность учесть лучшее из Болонской системы, взяв это на вооружение в новую образовательную систему. Болонская система за счет стандартизации содержания образовательных программ и формата обучения сделала возможным знакомство наших студентов и преподавателей с достижениями европейской образовательной системы. Однако не нужно забывать, что лучшее преподавание точных и естественных наук было в СССР.

Наши специалисты и государственная политика должны способствовать развитию технологической самостоятельности в цифровой сфере, сфере промышленности и продовольственной безопасности. Сегодня особенно стала очевидна наша уязвимость в сфере цифровых технологий (Игнатьева О.А. Цифровая легитимация политической власти // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 358–367. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-358-367). В начале 2022 г. Украина обратилась в ICANN с просьбой отключить домен России от глобального Интернета. Это предложение было отвергнуто, однако показало политизированный характер современной системы управления Интернетом и необходимость создания альтернативных проектов управления Интернетом. Для того, чтобы обеспечить цифровую безопасность, необходимо в том числе создать свой национальный Интернет по образцу Интернета в КНР. Это, конечно, не означает, что мы хотим полностью изолироваться от мира, но в случае, если нас лишат доступа к глобальному Интернету, своя сеть позволит нам уменьшить возможные потери. Россия является одним из центров силы глобального информационного общества. Однако современный геополитический кризис 2022 г. привел к массовому оттоку российских IT-специалистов за рубеж. Особенно тревожно выглядят на этом фоне попытки наших соседей из стран Центрально-Азиатского региона (Казахстана, Узбекистана) создать свои собственные Силиконовые долины для привлечения лучших из лучших. Развитие сферы ИКТ является сегодня драйвером роста любой экономики. В этих условиях особенно важно обеспечить цифровой суверенитет страны, снизить зависимость от зарубежных цифровых платформ и программного обеспечения.

Также необходимо сделать ставку на развитие обрабатывающих и производящих отраслей промышленности для того, чтобы Россия смогла покрыть собственные потребности в товарах и продукции и сделать их привлекательными с точки зрения экспорта. Следовательно, сегодня необходимо сфокусироваться на подготовке инженерных кадров, но с учетом достижений в сфере социальных наук, когда эти специалисты будут работать в дружественных командах. В сфере продовольственной безопасности за время санкций с 2014 г. мы уже достигли определенных успехов, когда наши потребности в продовольствии почти полностью покрываются отечественными производителями. Также необходимо развивать транспортные коридоры, выстраивая добрососедские отношения со странами Азии. В качестве примера реализации такого логистического проекта можно привести проект «Север–Юг», предназначенный для того, чтобы связать транспортными коридорами Россию с Индией через Иран.

Стремясь построить независимую цивилизацию, мы не должны забывать о сохранении и улучшении добрососедских отношений с дружественными странами Кавказа, Центральной Азии, Дальнего и Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Однако прежде всего нужно обрести способность функционировать самостоятельно, что для нас вполне реально в силу территории, ресурсов и человеческого капитала.

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Минобрнауки РФ и ЭИСИ «Доказательная политика технологического суверенитета и доверие: исследование публичных стратегий обоснования».

Иликаев А.С.
БашГУ, Уфа

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИИ НА УКРАИНЕ

Как справедливо отмечает А.Б. Абдурахманов, до 1990-х годов понятие политической турбулентности (от латинского слова со значением бурный, беспорядочный) практически не употреблялось в российской общественной науке и публицистике. С одной стороны, на наш взгляд, это объяснялось тем, что в применении к политической системе социализма данное определение было неприменимым по идеологическим соображениям, с другой — касательно буржуазных стран, также невостребованным ввиду того, что, несмотря на разгар холодной войны, мир второй половины XX в. казался необычай-

но устойчивым. Организация Варшавского Договора (ОВД) и Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) уравнивали соответствующие структуры НАТО и ЕС.

В то же время до событий 2014 г., связанных с воссоединением Крыма с Российской Федерацией, и, особенно, нынешней специальной военной операции на территории Украины, начавшейся 24 февраля 2022 г., термин «политическая турбулентность» чаще применялся либо в отношении внутривластной обстановки в стране, либо в отношении геополитической и региональной безопасности. При этом некоторые российские эксперты, находясь под явным влиянием западных лекал, утверждали особенно высокий риск политической турбулентности в России. Они связывали последний с тем, что Россия, якобы принадлежа к странам периферии, сильно зависит от развитых стран Запада и, таким образом, не в состоянии выдержать открытое противостояние с ними без риска пережить серьезную политическую бурю.

Однако проводимая в настоящее время специальная военная операция на Украине выявила не только далекоидущие агрессивные планы НАТО и ЕС в отношении России как естественного геополитического конкурента, но и впечатлившую даже западные круги политическую и экономическую устойчивость нашей страны. Все время последовательно реализовывавшие план З. Бжезинского по окончательному отторжению от России Украины американские правящие круги, безусловно, продолжают рассчитывать на то, что повторится февраль 1917 г. и Россия заключит очередной Брестский мир, который должен будет уже юридически закрепить победу США в холодной войне и фактически обнулить ядерный арсенал нашей страны путем резкого смещения глобального военно-политического баланса в пользу одной стороны. Как будут развиваться события — покажет время.

В то же время стоит признать, что кризис на Украине стал самым масштабным потрясением основ международной политики после событий Карибского кризиса 1962 г. Своей остротой он также значительно превзошел события 1989–2011 гг., связанные с распадом Советского Союза, Югославии, вторжениями США в Ирак, агрессией против Ливии и Сирии. Обострилось противостояние между США и Китаем из-за Тайваня. Членами НАТО стали нейтральные с послевоенных времен (если брать Швецию — то с XVIII века!) две скандинавские страны, превратив Балтийское море в фактическое озеро одного из военно-политических блоков. Откровенно враждебная позиция Токио в отношении Российской Федерации по существу ликвидировала основы для взаимодействия двух стран на территории южных Курильских островов.

Таким образом, вызванное эгоистической политикой США стремление во что бы то ни стало не только закрепить свою победу в холодной войне, но и одержать новую, полностью реализовав сценарий включения Украины в зону своих жизненных интересов, угрожает дальнейшим усилением глобальной политической турбулентности.

*Илиопулу А.
РУДН, Москва*

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ГРЕЦИИ

Греческая история характеризуется сильным влиянием религии и ключевой ролью греческой церкви на социальном, культурном и политическом уровнях. Отношения между церковью и государством регулируются на конституционном уровне, и можно определить греческую церковь как «государственную церковь».

Греческое законодательство признает греческую церковь в качестве юридического лица, действующего в пределах государственного права, а конституция Греции определяет «Восточную православную Церковь Христа» как «господствующую религию». В то время как большинство ученых-юристов интерпретируют это положение через ненормативную призму, нет никаких сомнений в том, что конституционное положение о «господствующей религии» и признание греческой церкви в качестве юридического лица государственного права имеют некоторые значительные юридические, социальные и практические привилегии, которые проявляются в «государственной заботе об официальной церкви (оплата труда клириков, обязанности государства в части представления официальной религии и пр.)». Также особенность такой системы проявляется в ограничении свободы самоуправления (назначение государством клириков, надзор над деятельностью организованных церковных структур, законодательное регулирование способов управления церкви и пр.)»

Чтобы глубже понять особую связь, сложившуюся между православной церковью и греческим государством, следует обратить внимание на идеологическое отождествление церкви и нации. Церковь, пользуясь тем местом, которое она занимала в жизни общества, взяла на себя роль государства для сохранения греческой цивилизации, делая акцент на византийско-национальном прошлом. Данный акцент, а также стойкое противодействие церкви всему западному придают ей фундаменталист-

ский характер, поскольку приверженность традициям и крайний консерватизм добивается религиозной однородности греческого общества.

Данная позиция церкви активизируется каждый раз, когда затрагивается вопрос размежевания государства и церкви в свете защиты права на религиозную свободу. Вопросы, связанные со свободным вероисповеданием, заключаются в позиции (церкви) в отношении прозелитизма, возведения молельных домов иноверными и инославными конфессиями, политической опеки, характера религиозного образования и его прекращения и пр.

В ходе попытки урегулирования данных вопросов возникает противостояние между светской и церковной властями — противостояние, проистекающее из сосуществования результатов секуляризации и религиозности, когда церковь прикладывает усилия по укреплению своей позиции в мирских делах, которые находятся в исключительной компетенции государства.

Несмотря на определенные попытки добиться размежевания двух институтов власти, последняя из которых относится к 2018 г., когда правительство партии СИРИЗА предложило пересмотреть принцип утверждения религиозного нейтралитета, в настоящее время такое размежевание не происходит. Связь между двумя институтами власти очень сильна как на институциональном, так и на неформальном уровне, что взаимно их усиливает, в результате чего каждая из сторон этого союза нацелена на обслуживание своих собственных интересов. С одной стороны, политики воспринимают религию как средство достижения целей на выборах и боятся оплатить цену размежевания, а с другой стороны, церковь обеспокоена тем, что размежевание повлечет за собой религиозное «обесцвечивание» жизни в регионе и ее ослабление, а также изменит к худшему ее национальную роль, поскольку будут затронуты ее институциональные интересы.

Ильин М.В.
НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН, Москва

ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ ПРОТИВ МИРОВОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В выступлении предлагается методологическая критика фокусировки исключительного внимания на сиюминутную фактуру и обстоятельства нынешнего кризиса мирового порядка. Показывается, что подобная фокусировка фактически ведет к непропорциональному и преувеличенному учету случайных явлений и «шума». Одновременно недооцениваются и выводятся из поля зрения исследователей как сохраняющие структуры прежнего мирового порядка, так и альтернативные начала возможных порядков. Последнее особенно разрушительно для адекватных научных исследований, так как именно функционально незагруженный, «запасной» потенциал политической организации и становится основой формирования новых посткризисных порядков на различных уровнях политического устройства от локального до глобального.

Данная ситуация требует, чтобы мировое научное сообщество достаточно убедительно и надежно определило не просто частные обстоятельства и причины нынешнего кризиса, перспективы и способы его преодоления, но фундировало данные исследования более широким и основательным пониманием всего долгосрочного развития в масштабах антропоцена. Это фактически стало условием выживания человеческого рода и, конкретнее, для адекватного принятия решений на всех уровнях управления, а также для так называемого просвещенного суждения граждан (Даль). Требуется перестройка всей нынешней методологии науки, осуществление общенаучного расширенного эволюционного синтеза (extended evolutionary synthesis), который позволит полноценно понять и учесть эволюцию нашей планеты в целом и антропоцена в особенности. Методологические основания расширенного эволюционного синтеза стали предметом изучения проекта «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе» (РНФ 22-18-00383).

Научный вызов расширенного эволюционного синтеза ставит перед нынешней политической наукой ряд методологических задач. Они касаются в первую очередь разработки способов изучения не отдельных изолированных политических феноменов, а всего их комплекса в виде фрактально встроенных друг в друга в пространстве-времени антропоцена. К сожалению, нынешняя политическая наука, да и общественные науки в целом не готовы к этому. Ситуация в методологии нашей науке характеризуется гипертрофированным вниманием к разработке и совершенствованию отдельных техник и приемов познания для того, чтобы узнать «все больше о все меньшем» (Мельвил). Большие вопросы и фундаментальные способы работы с ними вытеснены на периферию. В результате ни политологи-как-астрологи, ни политисты-как-экономисты не способны справиться с нынешними вызовами, а значит, просветить общественность и дать адекватные установки и рекомендации политикам и прочим лицам, принимающим решения.

В этих условиях ряд коллег вместе со мной выступили с инициативой проведения исследования по разработке методологии изучения месторазвитий, или тех самых фрактально встроенных друг в друга в пространстве-времени антропоцена, о которых шла речь. Мы подготовили соответствующую заявку и направили ее в РФФ. В данном выступлении не идет речь обо всем нашем проекте, а лишь предлагается общая схема эволюционного накопления плотности месторазвитий и важнейшие тренды развертывания их комплексов с протополисных пространств-времен до нынешнего кризиса и далее в ближайшую перспективу.

Рассматриваются долгосрочные (вековые и тысячелетние) тренды эволюции ряда критически важных месторазвитий. Это прежде всего исходное в пространстве-времени антропоцена ядро Восточного Средиземноморья, где формируются древнейшие цивилизации и возникает их контактная зона. На ее основе образуется Большое Средиземноморье с комплексом т.н. Центральной цивилизации (Уилкинсон). На северных перифериях Большого Средиземноморья возникают новые крупные месторазвития — Западная Европа и Россия-Евразия, а также разделяющее и одновременно соединяющее их Балто-Черноморье.

Рассматриваются альтернативные цивилизационные формирования и тренды развития Индостанского и Восточноазиатского (китайского) месторазвития.

В выступлении предлагается и обосновывается гипотеза о формировании нового месторазвития глобального масштаба — Большой Тихоокеании, которая в пространстве-времени симметрична Большому Средиземноморью. Обсуждается перспектива формирования целостного набора глобальных месторазвитий или мир-систем с опорной сетью глобальных ворот (Андерсены, Сергеев) с параллельным образованием хоритик или наций-государств с глобальными ореолами (Ильин). Особое внимание уделяется роли России-Евразии как связки между Большим Средиземноморьем и Большой Тихоокеанией.

Ильичева Л.Е.
ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва,
Ильичев М.В.
ИНИОН РАН, Москва

ДОЛГОСРОЧНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: ЦЕННОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА

Под влиянием глобальных политических факторов существующая экономическая модель развития России подвергается кардинальной пересборке: основанные на классических принципах рентабельности экономические схемы переформируются в метафизические конструкции на основе правил народно-хозяйственной целесообразности, а обессточенный внешний финансовый контур инвестиций вынужденно замещается российским инвестиционным капиталом, ранее уходившим в офшоры с английским правом. Если раньше приоритетом развития экспорта и внутреннего рынка был профицит торгового баланса как ключевого условия устойчивости нашей экономики, то теперь этот профицит, номинированный в мировых резервных валютах, которые могут быть заблокированы или конфискованы, для государства становится токсичным.

Ускорение потребительского и промежуточного импортозамещения, безусловно необходимо для замещения критически важных подсанкционных товаров, зачастую входит в противоречие соответствию принципам экономической эффективности. Но логика выживания диктует следование мобилизационной парадигме сохранения и развития в опоре на собственные силы, не считаясь с первоначальными издержками. Необходимость масштабной социальной и материальной поддержки населения в условиях стремительного роста инфляции усиливает диспропорции в экономике, и все это на фоне возрастания в стране рисков редукции экономических процессов до уровня комплементарности командным социалистическим императивам.

В этой ситуации для России главным проектом предстоящих лет становится конструирование такой модели развития страны, которая обеспечит созидательное развитие государства и общества в условиях враждебного окружения, наличие которого предъявляет повышенные требования к уровню социально-политической консолидации общества. Это означает, что сегодня в новой реальности одной из самых актуальных задач для российских политологов становится переосмысление сущности государства и общества с точки зрения способности противостоять вызовам и рискам со стороны враждебной или индифферентной внешней среды в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны именно на долгосрочную перспективу. Сегодня у российского общества появился шанс изменить свою судьбу и вернуть себе притупившееся внутреннее ощущение принадлежности к великому народу-победителю, мировому лидеру, диктующему смыслы мироздания, что по умолчанию предполагает внедрение долгосрочной модели государственного развития на качественно новом уровне.

Для того чтобы иметь шанс выжить в жесткой геополитической борьбе, страна должна, в первую очередь, обеспечить свой суверенитет, что предполагает принципиальную смену когнитивного уровня представлений и формирование аналитических способностей у граждан России, которые позволят отделять чужие смыслы от тех, которые нам действительно нужны. Это означает, что нет смысла заниматься технологиями, не решив проблему когнитивного суверенитета, который определяет сущность, формы и содержание технологического суверенитета, который, в свою очередь, должен решать задачи получения энергии, обеспечения безопасности, в том числе продовольственной, производства товаров первой необходимости, информации, обеспечения транспортной связанности, доступа к средствам производства средств производства и т.д.

В условиях хронической неравновесности существующих политических систем для успеха страны простого перераспределения ответственности между государством и обществом за ее будущее будет явно недостаточно. Как никогда ранее обществу необходимы и другие точки опоры, которые способны удержать его от сползания в водоворот конфликтов и соперничества. Такими своеобразными якорями могут стать наши непреходящие ценности, составляющие фундамент российской идентичности, а также образ нашего будущего, который мы способны сформулировать самостоятельно и к которому готовы будем двигаться вместе, невзирая на партийные, социальные, культурные, межличностные и иные различия.

Проект №1022061900041-2-5.6.1 «Ценностные и социальные факторы долгосрочного развития регионов России: механизмы обеспечения гражданского единства» реализован в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Ильичева Л.Е.
ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва,
Комаровский В.С.
ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Система ценностей человека формируется не только в семье, школе, при соприкосновении с иными институтами и в первую очередь под влиянием того общеполитического контекста атмосферы социума, в которой осуществляется формирование и жизнедеятельность того или иного поколения.

В настоящее время в молодежной среде общий тон задает поколение миллениалов, которые в силу объективных условий формирования, исторических событий (повсеместное распространение Интернета, доминирование социальных сетей, социализация в новых социально-политических реалиях) существенно отличается от предыдущих поколений. Это поколение другого образа жизни и другого мировидения и, соответственно, во многом другого видения образа будущего страны.

Современное поколение российской молодежи формируется под влиянием сразу нескольких факторов, принципиально отличных от тех, в которых формировалось предыдущее поколение. Прежде всего это появление новых информационно-коммуникативных технологий и смена парадигмы общественного развития: от общества труда к потребительскому обществу.

Многие ценности предыдущих поколений, как минимум, поставлены под сомнение. Это в определенной мере относится как к ценностям политического характера, так и ценностям бытовым, ценностям личной жизни. Более того, у наиболее продвинутой части молодежи появились претензии на то, чтобы представить свою систему ценностей «как общегражданскую», «ценностей для всех», что только и позволит стране успешно ответить на вызовы современного мира. В то же время эта заявка слабо подкрепляется готовностью и конкретными действиями по ее продвижению, как показывают наши исследования (Комаровский В.С. Образ будущего глазами молодежи. М., 2021), молодежь большей своей частью не стремится к активной политической деятельности ни в настоящем, ни в будущем. У большинства планы весьма приземленные: получить хорошее образование, устроиться на работу с достойной оплатой, получать социальные гарантии, путешествовать, найти средства и способы самовыражения в интернет-среде и т.д.

Некоторые специалисты утверждают, что только поколению миллениалов под силу предложить новую привлекательную картину желаемого будущего для страны. Пока эта картина просматривается слабо, хотя претензии на ее формирование обозначились уже отчетливо.

Другие исследователи обращают внимание на индивидуализм новых поколений, на высокую степень погруженности в интернет-пространство, приводящую к тому, что становятся неразличимыми реальная и виртуальная реальности (Кондратенко К.С. Поколение Z, коммуникация цифро-

вое участие. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. М.: Аспект Пресс, 2022).

Главный вопрос, который предполагается обсудить в этой связи: *какой спектр ценностей современного поколения сегодня закрепится, станет общим достоянием, а какие ценности покинут наше общество?*

Проект № 1022061900041-2-5.6.1 «Ценностные и социальные факторы долгосрочного развития регионов России: механизмы обеспечения гражданского единства» реализован в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Илюшин И.И.
ИГУ, Иркутск

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ 2020–2022 ГГ.

В настоящий момент архитектура международных отношений переживает серьезный кризис, вызванный периодом турбулентности и заменой старых укладов миропорядка новыми. Как отмечает канд. ист. наук, мл. научный сотрудник кафедры всеобщей истории и международных отношений КубГУ, «турбулентность» не берет свое начало в украинском кризисе, перешедшем в свою горячую фазу 24 февраля 2022 г., а находит свои истоки еще раньше — в пандемии COVID-19 и кризисах безопасности не только в Европе, но и на Среднем Востоке и в Азии, вызванных пересмотром администрацией американского президента Дж. Байдена внешнеполитической концепции США. Одним из принципов действующей администрации является невступление США в активные боевые действия при отсутствии:

- четкого национального интереса;
- общественной поддержки внутри и вне США;
- союзников, готовых разделить экономические и военные трудности.

Европейские же экономики, и так ослабленные пандемией и последовавшими кризисами, едва ли могут претендовать на роль последних, ограничиваясь «активным сдерживанием». Как показывает практика, администрация президента США опирается на кризисное реагирование, желая стабилизировать турбулентную международную обстановку.

Однако подобная позиция не означает облегчения для России в противостоянии с коллективным Западом и ослабления санкционного давления, негативно влияющего на экономику как страны в целом, так и отдельных регионов. Дифференциация между ними в доходах, уровне жизни граждан и др. ставит перед каждым из них задачи и вызовы реагирования на быстроменяющуюся социально-экономическую ситуацию. Иркутская область являет собой показательный пример, на котором могут быть рассмотрены вызовы новой эпохи.

Обосновывая подход, стоит обратить внимание на место региона в числе других субъектов СФО по объему внешнеторгового оборота. Так, согласно докладу начальника СТУ, на конец 2021 г. Иркутская область смогла нарастить его на 20,4% (10,5 млрд долл.), превысив тем самым допандемийный уровень и полностью компенсировав падение 2020 г. Как известно, сибирские регионы традиционно отличаются экспортной направленностью экономик, что, в связи с введенными санкциями, представляет особую важность, так как некоторые категории товаров более не могут быть поставлены на западные рынки. Например — минеральные продукты, в частности каменный уголь, занимавший 45,6% от данной статьи сибирского экспорта и активно приобретаемый западными партнерами: Германией, Украиной, Нидерландами, США и их союзниками (Турция, Южная Корея и др.). Схожая ситуация сложилась с иркутским алюминием, занимавшим первое место в областном рейтинге экспортируемой продукции за 2021 г. (более 2 млрд долл.). Против данного вида сырья не были введены западные санкции, однако трудности с логистикой серьезно осложняют его продажу в страны, поддерживающие ограничения или опасющиеся вторичных санкций.

В сложившихся условиях особую важность приобретает быстрое и эффективное перенаправление путей сбыта продукции на другие рынки, в первую очередь стран АТР. Как отметил губернатор Иркутской области И. И. Кобзев на встрече с руководством Российско-Азиатского союза промышленников и Предпринимателей, область имеет огромный сырьевой и производственный потенциал в том числе благодаря преобладанию в экономике региона крупных промышленных предприятий. РАСПП продемонстрировал готовность активно включаться в работу по соответствующим направлениям, однако для обеспечения ее эффективности необходимо (во многом с нуля) наладить необходимые логистические цепочки к заинтересованным заказчикам.

Их поиск и выстраивание логистики не может обойтись без соответствующего развития транспортной инфраструктуры, обеспечивающей быстрое и бесперебойное движение товаров, что особенно важно для Иркутской области, традиционно являющейся одним из не только производящих, но и транзитных регионов. Подобное развитие органично вписывается в концепцию, представленную членом СВОП, профессором МГИМО МИД РФ А. Безруковым, видящим Россию интегратором пространства Запада и Востока, что невозможно реализовать без развития сибирских регионов.

Исходя из вышеизложенного, справедливыми представляются следующие выводы:

- первый вызов, стоящий перед Иркутской областью, — поиск новых рынков сбыта для производимой продукции;
- после того как рынок сбыта будет найден, необходимо выстраивание логистических цепочек;
- логистические же цепочки невозможно формировать без развитой транспортной инфраструктуры.

Комплексный и своевременный ответ на вызовы эпохи политической турбулентности позволит региону смягчить негативные последствия глобального кризиса, а другим — перенять соответствующий опыт.

Ирсетская Е.А.

Финансовый университет при Правительстве РФ, ВЦИОМ, Москва

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ПОЛИТИКЕ

В современном обществе проблематика взаимоотношений мужчин и женщин в различных сферах социальной жизнедеятельности является актуальным направлением научного анализа. Социальные теории гендерных различий стремятся объяснить и описать особенности участия представителей обоих полов в современном социально-политическом процессе, принимая во внимания следующие факторы: трансформации политических институтов, изменения в высших органах государственного управления, а также процесс формирования основ и принципов, обеспечивающий политическое равенство граждан независимо от их пола.

Тем не менее эксперты отмечают существование гендерного неравенства, а также дискриминационных практик в политической сфере жизни общества. Программа развития ООН в 2020 г. опубликовала доклад, в котором оценивались перспективы развития человечества. Основная идея исследования состояла в том, что в современном турбулентном мире, где изменения происходят стремительно, трансформации нормативно-ценностной сферы общества в значительной степени влияют на гендерное неравенство и ведут к еще большему увлечению гендерного разрыва во всех сферах социального взаимодействия. Индекс гендерных норм, представленный в докладе, продемонстрировал, как трансформирующиеся социальные нормы усиливают гендерное неравенство в первую очередь в таких сферах, как политика и образование.

Кроме того, в современном обществе сохраняется сильное влияние гендерных предубеждений. Об этом заявляют 90% опрошенных мужчин и женщин в ходе исследования, проведенного в рамках Программы развития ООН (2020 г.). Обращаясь к реалиям российского общества, стоит отметить, что со стороны государства проблемам гендерной дискриминации до сих пор не уделяется достаточно внимания. Прежде всего об этом говорит отсутствие закона о гендерном равенстве.

Если говорить о России, то, несмотря на то, что можно отметить довольно высокую представленность женщин во власти, что находит отражение в большом количестве женщин, занятых на государственных должностях страны, а также в различных ветвях власти (исполнительной, законодательной и судебной), тем не менее в Совете Федерации и в Государственной Думе количество женщин по сравнению с мужчинами крайне мало. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что для женщин затруднен вход и трудоустройство на высших уровнях политической власти. То есть чем выше сосредоточение, концентрация политической власти, тем сложнее женщинам конкурировать с мужчинами, количество которых во много раз превосходит женщин, к примеру, в рядах современной политической элиты. Однако крайне важной задачей является расширение представленности именно женщин в рядах политической элиты, так как женщины в большей степени могут быть заинтересованы в разработке социальных аспектов в рамках политических процессов, которые включают активности, направленные на такие группы населения, как пенсионеры, дети, многодетные семьи и др.

Для того чтобы глубже понять и изучить процесс гендерного дисбаланса в сфере политических отношений необходимо обратиться к такой проблеме, как качество человеческого потенциала. При анализе роли личностей (женщин или мужчин) в политической сфере важно обращать внимание на такие свойства человека, как личностные характеристики и профессиональные качества. Одним из основных приоритетов в вопросах формирования высших органов власти должна стать опора на выбор лично-

стей, обладающих высокими компетенциями, глубокими знаниями и опытом. Достичь гендерного баланса поможет инициирование изменений и внесения соответствующих коррективов в избирательное законодательство, а также внимание и опора на примеры успешных политических кейсов.

Исаев Б.А.
ГУАП, Санкт-Петербург

НОВЫЙ ХАРТЛЕНД ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ УРАВНЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

В начале XX века Хелфорд Маккиндер писал: «Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам..., который ныне должен быть покрыт сетью железных дорог?.. В том мире она (Россия. — *Б. И.*) занимает центральное стратегическое положение... Пространства на территории Российской империи... столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недостижимый для океанской торговли»¹. С тех пор прошло почти 120 лет, и мы можем констатировать, с одной стороны, неизменность в положении Осевого региона, или Хартленда, с другой — существенное приращение Хартленда.

Новый Хартленд теперь включает Россию и Китай, составляющие вместе и в территориальном, и в этническом, и в экономическом, в общем в геополитическом плане действительную сердцевину планетной Суши. В отличие от маккиндеровского Хартленда, замкнутого на сухопутные территории, новый Хартленд имеет прямые выходы в Атлантический, Северный Ледовитый и Тихий океаны, может контролировать огромное воздушное пространство, имеет выходы в космос с космодромов России и Китая. Можно сказать, что в случае заключения военно-политического союза между РФ и КНР новый Хартленд станет реальностью. Более того, новый Хартленд, исходя из своего географического положения, обязательно включит республики Средней Азии, Монголию и КНДР. Он будет оказывать существенное военно-политическое влияние на республики Закавказья, Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан, Индию, Бангладеш, Непал, Бирму, Лаос, Вьетнам, Кампучию и другие государства Азии и арабского мира. Новый Хартленд — это растущий геополитический гигант. Он очень скоро может стать глобальным феноменом, преобразующим современный однополярный мир в многополярный.

Под **геополитическим уравнением безопасности** мы будем понимать равновесное состояние геополитической системы, обеспечивающее, с одной стороны, национальные интересы всех ведущих государств, с другой — глобальную безопасность, стабильность и устойчивое развитие. Геополитическое уравнение безопасности — это равновесие сил всех акторов в геополитической системе.

Понятие «геополитическое уравнение безопасности», в отличие от понятия «геополитическая система», более текучее. Если геополитическая система определяет базовые установки мировой геополитики и отвечает на вопрос: «каким образом поделен мир?», то геополитическое уравнение безопасности является показателем ее динамики и отвечает на вопросы: «как уравновешен мир?» и «как изменяется глобальное равновесие?»

В настоящее время геополитическое уравнение безопасности выражает равновесие геополитической системы, основанной Ялтинским и Потсдамским договорами. Основными ее акторами выступают:

- США (+Канада),
- ЕС,
- КНР,
- РФ (+Беларусь).

Эта геополитическая система пережила уже смену геополитического уравнения безопасности после окончания холодной войны². Сегодня она переживает вторую смену уравнения безопасности.

Основой уходящего, старого уравнения безопасности было **доминирование США и коллективного Запада**, опиравшегося на военно-политический блок НАТО.

Основой нового уравнения безопасности с восточной стороны становится новый Хартленд, или союз КНР и РФ как основа построения **коллективного Востока**.

Пока для окончательной смены уравнения безопасности сил и влияния у нового Хартленда не хватает. Особенно чувствуется эта нехватка на уровне ООН, в частности в Совете Безопасности, в других

¹ Маккиндер Х. Географическая ось истории. URL: <https://vesvknigah.ru/5983-hyelford-makkinder-geograficheskaya-os-istorii/read.html/>

² Исаев Б.А. Геополитические эпохи развития российского государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2005. Т. 1. № 2. С. 140–152.

международных организациях, которыми руководят преимущественно выходцы из западных стран, в финансовой сфере, в сфере СМИ¹.

В настоящее время смена уравнения безопасности ускоряется за счет таких факторов, как:

- формирование нового Хартленда путем сближения РФ и КНР;
- расширение границ нового Хартленда по сравнению со «старым» Хартлендом за счет объединения территорий РФ и КНР, освоения территорий российской Арктики, акваторий российской части Северного Ледовитого океана и прибрежных китайских морей;
- удобное положение России и Китая в центре Евразийского континента, фактически в центре мира;
- огромная территория, занимаемая этими странами (РФ — 17,1 млн кв. км, КНР — 9,6 млн кв. км) и их союзниками, позволяющая быстро строить и восстанавливать сухопутные коммуникации, ускоряющая и упрощающая морские сообщения;
- большое население нового Хартленда, составляющее более $\frac{1}{3}$ населения мира;
- протяженная общая граница между РФ и КНР, которая составляет более 4200 км и обеспечивает их безопасность на большом протяжении, что дает возможность быстро развивать экономики обеих стран, организовывать приграничную и межгосударственную торговлю, интенсивный культурный обмен, быстро сосредоточивать общие силы в зонах конфликтов;
- возможности быстрого объединения промышленных ресурсов и вооруженных сил двух стран нового Хартленда и его союзников;
- обеспеченность энергоносителями и возможность перекрыть обеспечение ими стран ЕС и Японии;
- постепенное выравнивание соотношения вооружений и техники стран нового Хартленда со странами Запада и даже преобладание в некоторых областях;
- выравнивание численности и качества сухопутных, военно-морских и воздушно-космических сил Запада и нового Хартленда и др.

Как видим, по обе стороны геополитического уравнения, помимо специфических, имеются общие проблемы, существенно влияющие на изменение геополитического равновесия. Эти проблемы влияют на экономический рост и политическую стабильность.

Смена уравнения безопасности идет параллельно с таким геополитическим процессом, как смена полярности мира, который на наших глазах превращается из однополярного в многополярный. В этом превращении также играют существенную роль ведущие державы нового Хартленда РФ и КНР, а также Индия, Бразилия, ЮАР и другие страны. Следует отметить, что указанные выше государства составляют организацию БРИКС, которая может стать одной из структур нового уравнения безопасности, которое может быть представлено следующим образом:

$$\text{НАТО (США + 29 стран Европы)} = \text{ОДКБ (РФ + 6 стран Евразии)} + \text{КНР}.$$

Это уравнение можно привести к следующему виду:

$$\text{США + НАТО} = \text{РФ} + \text{ОДКБ} + \text{КНР}.$$

В этом уравнении заметна роль США и РФ, военно-политических организаций НАТО и ОДКБ, а также Китая, который, составив с Россией новый Хартленд, может существенно изменить геополитическое равновесие.

*Исобчук М.В.
ПГНИУ, Пермь*

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Восточная Европа представляет собой специфический регион для изучения этнополитических процессов. Исторический бэкграунд территории, социокультурные характеристики населения, проживающего на ней, и этническая композиция в нем в целом актуализируют регион в рамках исследований этничности. Дело в том, что процесс структуризации национальных государств на данной территории произошел не так давно, что позволяет наблюдать этнополитические процессы в динамике. Вместе с тем этнический состав территории позволяет отслеживать сразу несколько зна-

¹ *Исаев Б.А.* Изменение геополитического порядка и уравнение безопасности // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: Материалы IX Конгресса РАПН. 16–18 декабря 2021 г. М.: Аспект Пресс. С. 216–217.

² Там же.

чимых факторов, способных воздействовать на этнополитические процессы. Среди них: наличие одной группы в нескольких страновых контекстах (например, рома или венгры), наличие в некоторых случаях *kin-state* (Венгрия, Албания и т.д.), вариативность допустимых форм выражения этнической идентичности (например, партий), стратегий взаимодействия государств с ними (наличие или отсутствие квот для меньшинств, консультативных органов), влияние внешнего контекста (в основном со стороны Европейского союза) и пр. Вместе с тем в рамках региона прослеживаются и разнообразные динамики этнических конфликтов, и, несмотря на тот факт, что наиболее интенсивные конфликты пришлись на 1990-е годы, и на сегодняшний день регион вариативен с точки зрения интенсивности конфликтов.

На сегодняшний день существует немалое количество исследований этнополитических процессов в Восточной Европе, однако большинство из них посвящено исследованиям отдельных кейсов или этнических групп в рамках региона. Безусловно, групповые паттерны этничности важны, однако еще Р.Брубейкером на материале нескольких восточноевропейских случаев была предложена модель «этничности без групп», где основным фокусом исследования становится не сама этническая группа, а конкретные акторы — организации, представляющие ее. В общем-то именно восточноевропейские этнополитические процессы послужили эмпирическим подтверждением одной из популярных теорий этничности в современной политологии. В исследовании предпринята попытка охарактеризовать этнические организации в Восточной Европе как основных акторов этнополитических процессов и, исходя из этого, описать этнополитическую ситуацию в регионе.

Этническая организация — организованная структура, членство в которой обусловлено этническим принципом и которая утверждает, что представляет интересы одной из этнических групп и выступает за приобретение данной этнической группы преференций. Задачи данного исследования — собрать информацию обо всех политически релевантных организациях в регионе и охарактеризовать их. Поэтому для базы данных был использован ресурс *LexisNexis* — агрегатор новостей во всем мире. В ходе работы были отобраны все этнические организации, упоминаемые в новостях в период с 2000 по 2019 г. Всего в базу данных было включено 203 организации и 2052 единицы наблюдения в формате «организация-год». На основании указанных переменных и был произведен последующий анализ организованной этничности в регионе.

Исходя из полученных данных, можно отметить, что наиболее распространенной политически релевантной формой мобилизации этнических групп являются партии. Согласно базе данных, большинство организаций в конфликте (а таковых всего порядка 30%) применяют наиболее мирные стратегии (петиции, публичное оспаривание и пр.). Также выявлено, что подавляющее количество этнических организаций в Восточной Европе являются национальными, централизованными, легальными. Следует отметить, что лишь 20% из них обладают ярко выраженной региональной локализацией. Также установлено, что более четверти этнических организаций представлены в национальных и региональных парламентах. Так, в ходе создания базы данных была получена и проанализирована уникальная информация относительно организованной этничности в Восточной Европе.

ИРАН И BRICS: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

21 июня 2022 г. Иран и Аргентина подали заявки на вступление в одно из крупнейших межгосударственных объединений — *BRICS*. Это событие входит в число поворотных моментов, влияющих на формирование новой архитектуры международных отношений в условиях глобальной турбулентности.

По данным аналитического агентства *Statista*, суммарный ВВП стран *BRICS* на конец 2021 г. составил почти 28% мирового ВВП. Деятельность организации основывается на принципах политической безопасности, финансово-экономического и гуманитарного сотрудничества, в том числе консолидации усилий по преодолению экономических кризисов. Возможное вступление в *BRICS* Ирана, находящегося в фактической международной изоляции и под действием целого ряда санкций со стороны Запада, одновременно являющегося одним из региональных центров силы, представляется выгодным для обеих сторон.

Причин, побудивших Иран к вступлению в *BRICS*, достаточно много. Прежде всего, это попытка выйти из санкционной изоляции, специфика политической линии администрации Президента Раиси, борьба за региональное доминирование в условиях нарастающей конфронтации с Израилем и соседними государствами, экономический кризис, вызванный последствиями пандемии COVID-19, а также стремление усилить свое влияние в системе международных отношений.

Безусловно, вступление Ирана в *BRICS* принесет взаимные выгоды, как для Исламской Республики, так и для организации в целом. Иран получит доступ на крупнейшие мировые энергетические и инвестиционные рынки, подключится к проекту «альтернативной интеграции», повысит свой статус региональной державы. В свою очередь, *BRICS* значительно усилит свое международное влияние, получит дополнительные преимущества от торгово-экономической кооперации с ИРИ, расширит экспортно-импортные возможности в нефтяном, энергетическом и промышленном секторах.

Возможное вступление Ирана в *BRICS* позволяет сделать предположение о дальнейшем возможном пополнении этой организации такими государствами, как Индонезия, Турция, Египет, Нигерия. Турция и Египет уже делали заявления о заинтересованности в такой интеграции, а Нигерия и Индонезия активно и успешно наращивают экономическое сотрудничество со странами-участницами данного объединения.

Разумеется, процесс интеграции новых государств, и прежде всего Ирана, в структуру *BRICS* вряд ли обойдется без определенных трудностей. Это касается, в частности, заявления Саудовской Аравии, которая является давним оппонентом Ирана в регионе Большого Ближнего Востока, о заинтересованности во вступлении в БРИКС. Возможность внутреннего конфликта в организации, в случае включения в нее Саудовской Аравии и Ирана, представляется практически неизбежной. Его вероятность предопределена многолетней борьбой за региональное лидерство на Ближнем Востоке между двумя государствами, отношениями Ирана с ключевыми союзникам Королевства в лице ряда западноевропейских государств и США и рядом других факторов.

Ключевым общим интересом как для Ирана, так и для *BRICS* является консолидация усилий и наращивание взаимодействия в сфере предупреждения негативных эффектов глобальной турбулентности, противодействие западному экономическому и политическому давлению и сотрудничество с целью преодоления возможных геополитических противоречий.

Казак О.Г.
БГЭУ, Минск, Беларусь

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОЮЗА ПОЛЯКОВ БЕЛАРУСИ»

«Союз поляков Беларуси» (далее — СПБ) был образован в 1990 г. на базе двух польских культурно-просветительских обществ. Учредительный съезд состоялся 16 июля 1990 г. в Гродно. Главой СПБ был избран Т. Гавин. В аналитической записке группы анализа общественно-политической обстановки Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии (далее — ЦК КПБ) от 14 августа 1990 г. отмечалось, что на съезде звучали радикальные лозунги. Так, представитель «Союза поляков Литвы» призывал: «Отбирайте землю, это ваша земля, поляки, вам на ней жить».

Подробная характеристика первых месяцев деятельности СПБ содержится в аналитической записке Прокурора БССР Р. Гарнавского, направленной Первому секретарю ЦК КПБ Е. Соколову (22 ок-

тября 1990 г.). В ней сообщалось, что СПБ не признавал официальные данные переписи населения 1989 г., согласно которым в Советской Беларуси проживали 417 720 поляков: «СПБ стремится причислить к польскому населению всех католиков-белорусов и распространить на белорусов свое влияние. В результате проводимой работы в органы ЗАГС стали обращаться белорусы с просьбой изменить в документах записи о национальности, с белорусской на польскую». Сообщалось о тесных связях активистов СПБ с католическими священниками Гродненской области (15 из 55 ксендзов являлись гражданами Польши), государственными и общественными институтами Польши. СПБ добивался введения преподавания польского языка в белорусских школах. Уже к 1990 г. 7500 детей в Гродненской области изучали польский язык. Выделение часов на изучение польского языка происходило за счет сокращения часов, предназначенных для изучения русского языка и литературы, что, по мнению автора записки, «подрывало связи поляков с русскоязычным населением и способствовало развитию польских националистических настроений».

После обретения Республикой Беларусь суверенитета СПБ продолжил обращаться в различные государственные структуры, требуя реализации культурных прав польского меньшинства. Зачастую данные требования не имели под собой реальных оснований. На многочисленные жалобы СПБ о недостаточном количестве книг на польском языке в библиотеках Гродненской области Министерство культуры подотвечивало ответ (25 сентября 1992 г.), в котором подчеркивалось, что уже имевшаяся польскоязычная литература не пользовалась спросом читателей ввиду «несовершенного знания языка жителями, которые считают себя поляками».

После избрания А. Лукашенко на пост Президента Республики Беларусь в 1994 г. СПБ занял отчетливую оппозиционную по отношению к власти позицию. Ситуация изменилась после избрания на пост председателя организации Т. Кручковского в 2000 г. СПБ прервал контакты с белорусскими оппозиционными партиями и общественными объединениями, сконцентрировавшись исключительно на проблемах удовлетворения национально-культурных запросов польской диаспоры в Беларуси. Такая позиция не устраивала Варшаву. Польские власти оказывали поддержку А. Борис — стороннице активизации политической деятельности СПБ внутри Беларуси, возобновления контактов с оппозиционными структурами проевропейской направленности. Именно А. Борис на съезде СПБ, состоявшемся в марте 2005 г., была избрана председателем организации. Министерство юстиции зафиксировало многочисленные нарушения в процедуре проведения съезда, в результате решения последнего были признаны недействительными. Члены СПБ, поддерживавшие А. Борис, обвиняли белорусские власти в давлении на активистов, распространении клеветы в средствах массовой информации. В августе 2005 г. прошел повторный съезд СПБ, который избрал председателем лояльного власти Ю. Лучника. Сторонники А. Борис трактовали новый состав СПБ как «искусственную структуру для польского меньшинства, контролируемую и полностью подчиненную властям в Минске». С этого времени существуют два СПБ — официальный, признаваемый властями Беларуси, и неофициальный, который поддерживает Варшава.

В период политического кризиса 2020 г. в Беларуси незарегистрированный СПБ поддержал оппозицию. В 2021 г. были задержаны несколько активистов неофициального СПБ (А. Борис, А. Почобут, И. Бернацкая, М. Тишковская, А. Панишева), которым инкриминировалось разжигание национальной вражды. На начало сентября 2022 г. активисты (кроме А. Почобута, который находится под стражей) покинули Беларусь и переехали в Польшу.

В настоящее время неофициальный СПБ и большая часть провластной польской прессы обвиняют белорусские власти в закрытии двух польскоязычных школ в Гродно и Волковыске. Альтернативная точка зрения представлена в авторитетном польском издании «Польская мысль» (июль 2022 г.). Автор материала утверждает, что именно деятельность А. Борис и ее единомышленников (политизация вопроса, постоянные скандалы с представителями официального СПБ, которые объективно способствовали развитию польской культуры в Беларуси) привела к тому, что жители Гродненской области разочаровались в «польском деле». Сокращение числа желающих обучаться в польскоязычных школах, таким образом, стало закономерным явлением.

МЕДИАПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН (РЕГИОНАЛЬНЫЙ КЕЙС)

Анализ присущих молодежи особенностей медиапотребления приобретает сегодня особую практическую значимость. Исследование типичных для молодых людей медиапрактик дает возможность лучше понять специфику их отношения к происходящему в политике. Причем особенно важным это становится тогда, когда государство и общество находятся в состоянии достаточно серьезных внутри- и внешнеполитических перемен.

Между тем, несмотря на весьма активный интерес академического сообщества к изучению характерных для молодежи особенностей медиапотребления, отдельные связанные с этим сюжеты до сих пор не получили должного внимания. Помимо теоретико-методологических аспектов анализа данной проблематики, к их числу может быть отнесен вопрос о влиянии информационных привычек и предпочтений молодых людей на характер и содержание их политических взглядов. В этом смысле цель исследования, результаты которого изложены в данных тезисах, заключалась в том, чтобы частично восполнить этот пробел, выявив корреляцию между тем, откуда молодые россияне получают информацию о происходящем, и тем, как они относятся к политике, какие идеологии разделяют и каким видят будущее развитие нашей страны.

Эмпирической базой проведенного исследования стали результаты онлайн-анкетирования и фокус-групповых интервью. С 1 по 15 ноября 2021 г. с соблюдением требований формирования выборочной совокупности были опрошены 530 жителей Саратовской области в возрасте от 14 до 35 лет. Предельная ошибка выборки составила 0,04 (4%). Онлайн-анкета включала в себя 24 вопроса, среди которых были 3 закрытых, 2 открытых и 17 полузакрытых; еще 2 вопроса предполагали необходимость оценки по шестибальной шкале уровня своего доверия различным источникам информации и правильности развития различных сфер общественной и государственной жизни в современной России.

После количественной обработки полученных результатов онлайн-анкетирования возникла потребность в уточнении и конкретизации отдельных моментов. Для этого с 20 по 30 ноября 2021 г. были организованы и проведены три фокус-группы, участниками которых в общей сложности стали 36 молодых людей. В ходе фокус-групповых интервью респондентам задавались вопросы о причинах и мотивах использования ими отдельных информационных источников, а также о том, какие смыслы они вкладывают в отдельные связанные с медиа и политикой понятия и почему являются сторонниками или противниками определенных сценариев развития России.

Вопреки распространенному стереотипу об аполитичности современной молодежи, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что молодых людей, в том или ином виде политикой интересующихся, больше, чем тех, кто к ней равнодушен, — 60,9 и 39,1% соответственно. При этом подавляющее большинство опрошенных (93,1%) предпочитают узнавать о том, что происходит, из Интернета. Кроме этого, молодежь узнает новости от ближайшего окружения (50,1%) и время от времени смотрит телевизор (35,1%). Востребованность печатной прессы (5,2%) и радио (6,9%) неуклонно снижается. При этом зачастую медиапотребление молодых людей носит фоновый характер.

Эмпирически была подтверждена интересная особенность, заключающаяся в том, что нередко молодежь не доверяет тем источникам, из которых получает информацию. Скорее всего, это связано с имеющим место разочарованием аудитории в потребляемом медийном контенте. Причем это недоверие распространяется как на лояльные, так и на оппозиционные по отношению к действующей российской власти медийные ресурсы.

Выяснилось, что саратовская молодежь весьма сдержанно оценивает правильность развития различных сфер общественной жизни. Больше всего нареканий у нее вызывают политический и экономический курсы, меньше всего — оборонная политика и сфера культуры. При этом те, кто предпочитает получать информацию о происходящем из телевизора, настроены в целом так же критично, как и все остальные.

С точки зрения идеологических пристрастий среди молодых людей преобладают либералы (26,6%) и социал-демократы (24,3%); при этом пятая часть опрошенных заявили, что ни одна из предложенных идеологий им не близка. Рассуждая о будущем развитии политической системы страны, большинство высказалось за переход к парламентской республике, на втором по популярности месте оказался ответ «сохранить сегодняшнее политическое устройство». При этом существенных различий во мнениях респондентов, использующих разные наборы информационных источников, в данном случае выявлено не было.

Тезисы подготовлены в рамках грантового исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Казанцев Д.А.
АлтГУ, Барнаул

ЦЕЛЕВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЧЛЕНОВ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕГИОНОВ СФО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА ПРИМЕРЕ «ВКОНТАКТЕ»)

Исследованию патриотизма в российской политической науке посвящено значительное число научных публикаций, однако информационным технологиям и социальным медиа в политической коммуникации членов молодежных патриотических организаций, особенно на региональном и локальном уровнях, еще уделено недостаточное внимание.

В данном материале оценивается влияние цифровых технологий на предпочтения участниками 57 молодежных патриотических объединений Сибирского федерального округа целевых сообществ и/или групп и вступлений за период до и после 24 февраля 2022 г. в социальной сети «ВКонтакте». На первом этапе выборочная совокупность, состоявшая из более чем 60 тыс. человек, подверглась парсингу через отечественный ресурс «ТаргетХантер», затем она была поделена на группы в программе Gephi. По итогу выделено четыре разных кластера: «Юнармейский», «Военно-спортивный», «Исторический», «Гражданско-патриотический».

На следующем шаге инструментами «Целевые сообщества» и «Целевые вступления» от «ТаргетХантер» выявлялись стационарные и динамичные предпочтения пользователей среди всех сообществ и групп. В связи с этим любопытной представляется структура интересов целевой аудитории кластеров с точки зрения распределения предпочитаемых ими групп и сообществ, учитывая при этом период двух месяцев — до 24 февраля и после, т.е. в период до и во время проведения специальной военной операции (далее — СВО).

Общим для всех кластеров стало преобладание в целевых сообществах (далее — ЦС) групп информационной и развлекательной направленности: музыка, кино, юмор и др. Разумеется, не обошлось и без отличий. Члены юнармейского кластера, кроме страниц собственно региональных объединений Юнармии, нередко подписаны на группы Российского движения школьников (далее — РДШ). Похожими свойствами обладают участники групп исторического кластера. Члены военно-спортивных движений довольно часто интересуются конкурсами, спортивными и азартными играми.

Инструмент «Целевые вступления» (далее — ЦВ) позволил обнаружить, куда вступала аудитория кластера в период начиная с 14 декабря (для учета праздников) и двух месяцев после 24 февраля. Необходимо отметить, что количество ЦВ после 24 февраля увеличилось почти в три раза — с 22 до 78%. В отличие от целевых сообществ, где выборочная совокупность респондентов в целом имела схожие значения, ЦВ имеют высокую изменчивость, дисперсию.

Кластер, включающий юнармейцев, до 24 февраля имел тенденцию к вхождению в региональные группы Юнармии, РДШ, различные провластные паблики и примерно в 50% случаев — в развлекательные и новостные сообщества. После 24 февраля заметно усиление вступлений молодых людей в провластные организации, например в группы Росмолодежи, Фонда президентских грантов, органов власти. Тем не менее, несмотря на то что в предпочтениях юнармейцев количество провластных пабликов стало больше, в относительном выражении политического и патриотического материала после 24 февраля стало меньше, он снизился с 40–50 до 30–40% за счет роста развлекательных рубрик.

Уникальным свойством обладают вступления членов военно-спортивного кластера. В период до 24 февраля их контент характеризовался преимущественно развлекательной составляющей, а после 24 февраля предпочтения подписчиков данного кластера приобретают ярко выраженный маскулинный характер: происходит резкий рост числа групп с эротическим контентом (например, «Содержанки...»). По всей вероятности, такое положение дел связано с демографической структурой описываемой выборки.

Еще одна совокупность, где различия между двумя периодами оказались наиболее выраженными, состоит из членов патриотических организаций исторической направленности. Если в первой половине исследуемого периода молодежь интересовалась волонтерской деятельностью, историей, вступала в РДШ, Юнармию, смотрела кино и слушала музыку, то во второй половине политизированный и провластный контент отчетливо превалирует над развлекательным и нейтральным.

Общим для всех кластеров, кроме гражданского, также является контент, связанный с подготовкой к ЕГЭ, ОГЭ и экзаменам. При этом устойчивые интересы молодежи с СВО не связаны вовсе. Это может

свидетельствовать в пользу того, что актуальные события являются для молодежи всего лишь фоном или даже информационным шумом в рамках их повседневной жизни, наполненной в первую очередь развлечениями, учебой и специфическим для подростков контентом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Казаринова Д.Б.
РУДН, Москва

МЕТАМОДЕРНИСТСКАЯ ОСЦИЛЛЯЦИЯ В ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Современность требует новых инструментов осмысления и обновленной исследовательской оптики. Данный тезис возникает в социальных науках так же часто, как и опровергается. Современное общество в широком смысле принято описывать в терминах модерна и постмодерна. Пандемия во многом продемонстрировала возврат к модерну (национальному государству, патернализму) и даже архаике, если взглянуть на состояние умов и сужение жизненного мира (до семьи) и ценностей (выживание) каждого конкретного человека. В то же время элементы постмодерна в жизни современного общества также сохраняются. Постмодернизм выступил против «тотальности дискурсов», возродил принцип сомнения. Однако во многих аспектах постмодернистский дискурс устарел, не улавливая текущие изменения.

Ряд исследователей считает, что постмодерн закончился в 2001 году, и началась новая эпоха, которую некоторые ученые называют «гипермодерном» или «пост-постмодерном», а текущие изменения пытаются концептуально осмыслить, прибегая к понятиям «дигимодернизм», «трансмодернизм», «альтермодернизм» и др.

Другие считают, что на смену постмодернизму пришел метамодернизм, о чем заявили Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер (2010), а также Л. Тернер. С начала 2010-х годов метамодернистская парадигма развивается применительно к анализу искусства, затем делает первые шаги в философии и большинстве гуманитарных и социальных наук, в первую очередь в психологии (Гребенюк 2017, Гусельцева 2018). Метамодернистское рассмотрение философии культуры получает свое развитие и в России (Маркова, Мамукина 2019, Подледнов 2021), в том числе критическое (Павлов 2018).

Адепты метамодернизма считают, что политика в новую эпоху будет находиться в еще большей связи с культурой, чем прежде, поскольку медиа и интернет-технологии — среда для взаимодействия не только отдельных людей, но и институтов. Они верят, что политика станет более личной и менее элитарной. В рамках метамодернизма наблюдается тенденция к возрождению «трансцендентных и архетипических нарративов: в общественную жизнь и в политику возвращаются Великий Герой, Большое Путешествие, Великие Опасности, Большая Цель, Большой Нарратив, происходит возвращение к мифу, обращение к альтернативной рациональности.

Как подчеркивают сторонники концепции, в отличие от модерна и постмодерна, метамодерн не является инструментом, философией или идеологией. Он скорее предлагает новый модус восприятия, «структуру чувства», радикальную открытость.

Основным методологическим посылом метамодернизма является «принцип осцилляции, смысл которого во взаимосогласованной интеграции знания при одновременном освобождении от застывших и жестких эпистемологических традиций. Преодолевая линейные и одномерные конструкции, метамодернизм использует каждую из них ситуативно, в локальном контексте, в конкретности случая, делая концептуальное разнообразие гибким инструментарием исследователя» (Гусельцева 2018). Этот принцип несводимости к единым эпистемологическим основаниям с неизбежностью принимается и современными учеными в области политических наук.

Практика осцилляции (раскачивания) создает ощущение отсутствия стационарной связи с каким-либо явлением, субъект оказывается не отождествлен ни с чем. Это по-новому ставит вопрос об идентитарных процессах в современном обществе, а также о возможности самого существования общенациональных (т.е. разделяемых очень широкой общностью людей) ценностях и смыслах в новой культурной ситуации.

Статья подготовлена в рамках проекта ЭИСИ № FSSF-2022-0040 «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации».

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Трансформация современных конфликтов и изменение взглядов на применение силы в международных отношениях требуют актуализации инструментов анализа и дальнейшего прогнозирования международных процессов. Продолжающаяся глобальная турбулентность обуславливает актуальность активизации исследований концепта стратегической культуры как системообразующего фактора стратегического прогнозирования и инструмента эффективного анализа в различных сферах социальной деятельности — политической, военной, экономической, дипломатической и т.д.

В условиях гибридизации современных конфликтов концепт стратегической культуры обретает особую значимость. В современных реалиях анализ и учет особенностей стратегических культур геополитических союзников и противников Российской Федерации являются одним из ключевых факторов эффективности внешнеполитической деятельности.

Культурный подход в стратегических исследованиях и аргументация культурной составляющей политики национальной безопасности был сформулирован еще в классических работах военных мыслителей Фукидид и Сунь-Цзы. Великий военный теоретик и военачальник Карл фон Клаузевиц признавал войну испытанием не только физических, но и моральных сил.

В XX в. американские исследователи стали основоположниками концепта стратегической культуры. Первые научные исследования в данной сфере были основаны на изучении связи между культурой и стратегией национальной безопасности. Они проводились в начале 40-х годов XX в. в США и имели объектом изучения «национальные характеры» Германии и Японии как потенциальных военных соперников и даже противников.

Вторая и третья волны изучения концепта стратегической культуры и ее влияния на международную безопасность охватывают период начала 70-х годов XX в. до настоящего времени.

В 1970-е годы предпринимаются попытки разработать более универсальные модели, особенно активно внедряется сравнительный метод при сопоставлении особенностей поведения различных международных акторов в областях, связанных с применением силы в международных отношениях.

Импульсом для начала исследований в области стратегической культуры стала работа эксперта корпорации РЭНД Джека Снайдера «Советская стратегическая культура: последствия для ограниченных ядерных операций», опубликованная в 1977 г. Став автором термина «стратегическая культура», Дж. Снайдер определил ее как «совокупность идеалов, условных эмоциональных реакций и моделей привычного поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобрели путем наставления или подражания и поделились друг с другом в отношении стратегии» (*Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations // Santa Monica: RAND Corporation, 1977*). Несмотря на то что концепция Снайдера не была в полной мере сформулирована, она послужила толчком для ряда новых исследований в данной области.

Ко второй волне исследований стратегической культуры относят работы К. Бута, Д. Кляйна, К. Грейя. В своих работах «Стратегическая культура: достоверность и ее определение» и «Стратегия и этноцентризм» К. Бут приходит к выводу, что формирование военной стратегии является сугубо этноцентрическим процессом. О влиянии данных идей на развитие военной политики в целом заявил его последователь Д. Кляйн.

В данный период понятие стратегической культуры отходит от элитарного определения Снайдера и приобретает национальный характер. Стратегическая культура максимально приближается к концепции политической культуры, внедренной в 1960-х годах американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербой. При этом она обретает четкие границы и определяется способами мышления и действия при решении вопросов применения силы, уходящими корнями в национальный исторический опыт.

На фоне развития конструктивизма в 90-х годах третья волна исследований политики национальной безопасности подтвердила целесообразность рассмотрения стратегии через призму культуры. К ее представителям относятся А. Вендт, Т. Хопф, Н. Таневулд, В. Легро, А. Джонстон и другие. Также особый вклад по сей день вносят российские исследователи. Стратегическая культура обрела динамический характер. Трансформация современных конфликтов приводит к эволюции различных стратегических культур, которые, с другой стороны, отображают исторические предпосылки военных и политических паттернов.

Становление концепта стратегической культуры имеет многовековую историю. Российский ученый Э. Ожиганов приходит к выводу, что изучение и проверка достоверности концепции стратегической культуры всегда будут интеллектуально сложной задачей. Применение этой концепции останется скорее искусством, чем наукой; подобно большинству важнейших измерений международной полити-

ки, ее положения никогда не будут поддаваться количественным измерениям. Однако рассматриваемая концепция является ключевой, и ее игнорирование может повлечь угрозу, включая для национальной безопасности.

Калашникова С.К.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: КРИЗИС СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В отечественной политологии в рамках разработки тем, связанных с конструированием идентичности региональных сообществ, существует тенденция к рассмотрению жителей региона не как однозначного объекта политики идентичности (классический подход), а в качестве, как минимум, стейкхолдера процесса.

Пространственные границы сообщества могут рассматриваться как объект гражданской ответственности индивида. В основе региональной идентичности лежит культурно-социальная связь человека с конкретной территорией. Практики трансформации окружающей среды, осознание собственного вклада в развитие места, к которому принадлежит человек, вовлеченность индивида в решение значимых для сообщества проблем — все это свидетельствует о наличии связи устойчивости региональной идентичности и стабильного развития институтов гражданского общества.

По формальному признаку в Санкт-Петербурге существует развитая система институтов гражданского общества. Однако для Петербурга, как и для других субъектов России, характерен ряд проблем, препятствующих развитию гражданского общества. *Во-первых*, отсутствие связей с государственными органами власти, критическое отношение к политическим проектам могут являться причиной исключения НКО из публичного пространства. *Во-вторых*, формирование определенной иерархии институтов гражданского общества в зависимости от направленности их деятельности (поляризация социально ориентированных и правозащитных организаций, например), которая подтверждается не только де-факто (приоритеты грантовой поддержки), но и де-юре (законы о «иноагентах»).

Автором приведены региональные кейсы, демонстрирующие высокий потенциал городского сообщества Петербурга к самоорганизации и формированию региональной идентичности «снизу». Возникновение зачастую неформальных институтов гражданского общества мотивировано желанием группы единомышленников решить какую-либо городскую проблему. «Проблемный» механизм возникновения общественных движений определяет сферы деятельности новых организаций: для Петербурга такими триггерами становятся вопросы сохранения историко-архитектурного наследия, проблемы благоустройства города, реде экологическая и культурологическая повестки.

Краеведческая ячейка ГЭНГЪ определяет себя как «неформальное объединение любителей наследия». С 2019 г. четверо молодых петербуржцев занимаются тем, что находят и отмывают исторические печи и панно в парадных городах. Часто организаторы привлекают обычных горожан, которые помогают им на добровольных началах. Имея культурологический бэкграунд и работая в образовательно-культурной сфере, активисты ведут информационно-просветительскую работу в социальных сетях, организуют популярные тематические фестивали (регулярный «soldout» за неделю до старта мероприятий), которые также выполняют краудфандинговую функцию. Кроме того, подписчики (6700 человек «ВКонтакте») активно оформляют платные подписки, чтобы финансово поддержать активистов на регулярной основе. Отношения организации с городским Комитетом по охране памятников нестабильны: на данном этапе разрабатывается механизм упрощенного согласования действий волонтеров.

Креативный кластер Санкт-Петербурга также не всегда находит поддержку своих инициатив у региональных органов власти. Институт развития и исследования стрит-арта, являясь открытой платформой для исследований и просветительской деятельности в области искусства в публичной городской среде, активно поддерживает стрит-арт художников, инициирует проекты по изменению городской среды, выступая за воплощение уникальности современного города посредством уличного искусства. Институт (автономная некоммерческая организация) организует фестивали, лекции и открытые дискуссии. Также ведется непрерывная работа по формированию сети партнеров среди культурных учреждений и коммерческих организаций города.

Бизнес-инициативы и культурные проекты — еще одно важное внесударственное направление, способствующее развитию региональной идентичности. В 2018 г. Русланом Чернобаевым, генеральным директором Медиагруппы *FineStreet* совместно с партнерами был дан старт проекту *BEST.Petersburg*. Авторы позиционируют онлайн-платформу как «умный навигатор по местам, событиям и маршрутам Петербурга». Не преследуя коммерческих целей, организаторами было создано приложение с возможностью формирования индивидуальных маршрутов по городу.

Наличие широкого спектра инициатив гражданского общества, связанных с повесткой региональной идентичности, говорит о наличии общественного запроса на развитие данной сферы. Деятельность разнообразных институтов гражданского общества, пересекающаяся с символической политикой региона, становится все более весомым фактором региональной политики идентичности. Таким образом, к 2022 г. назрела необходимость поиска новых моделей публичной коммуникации между «старыми» и «новыми» субъектами политики идентичности. Отказ от субъектно-объектной стратегии взаимодействия может стать базовым основанием для повышения эффективности данного политического курса.

*Калашникова Н.П., Самат Н.М.
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан*

КАЗАХСТАНСКИЕ КОНТЕКСТЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Приоритетной задачей государственной политики Казахстана является соблюдение интересов всех проживающих этнических групп путем создания демократических институтов для их комфортного сосуществования вместе на одной территории.

На формирование казахстанской модели этнополитики оказали влияние сложные исторические, этнокультурные, демографические и политические процессы. Важнейшей составляющей процесса дальнейшего развития этнополитики являются вопросы организации диалога между властью и гражданским обществом, этносами, культурами, религиями, формирование институтов общественной медиации и этномедиации. Представляя собой концепцию современного Караван-Сарая как особого института общения и народной дипломатии, формы этнополитики стали более многообразными, служащими «интересам Евразийского единого дома».

Модернизационные процессы обеспечивают политико-правовые условия для реализации этнических прав граждан страны, сплочения народа и обеспечения развития межэтнических отношений в соответствии с Основным законом — Конституцией Республики Казахстан.

Данные процессы развиваются на нескольких уровнях:

- **конституционный и политико-правовой;**
- **институциональный** — институты гражданского общества с ключевой ролью Ассамблеи народа Казахстана (далее — АНК) как общественно-политического института народной дипломатии;
- **интеграционный** — модернизация сферы межэтнических отношений в контексте изменений государственной политики, усиления роли «слышащего государства».

Казахстан в выстраивании собственной модели межэтнических отношений прошел несколько сложных этапов.

Первый этап — охватывает период с 1991 до 1995 г. Была получена возможность самостоятельно принимать политические решения относительно внутренней политики и, в частности, межэтнических вопросов.

Второй этап — с 1995 по 2002 г. — содержательно определил параметры казахстанской идентичности и на платформе Концепции формирования государственной идентичности РК обеспечил консолидацию казахстанского общества вокруг казахского народа на основе принципа «единство в многообразии».

Третий этап — с 2002 по 2007 г. — включает в себя политику по целенаправленному формированию казахстанской модели межэтнической толерантности и общественного согласия. Был разработан и принят ряд нормативных и программных документов — Стратегия АНК, Государственная программа развития и функционирования языков в республике.

Четвертый этап — с 2007 по 2010 г. — характеризуется интеграцией казахстанского общества в единый народ, переходом от молниеносного реагирования на процессы в этноконфессиональной сфере к системной государственной этнополитике. В этот период АНК получает конституционный статус, посредством которого представительство ее в Парламенте Республики Казахстан значительно усиливается. В 2008 г. принимается Закон «Об Ассамблее народа Казахстана», который де-юре закрепляет Ассамблею «в качестве субъекта политической системы страны...».

Пятый этап, началом которого следует считать 2010 г., связан с модернизацией государственной политики в целом. Принимается Стратегический план развития страны до 2020 г., Концепция правовой политики на период с 2010 до 2020 г., обеспечивающие устойчивость экономики и консолидирующие потенциал государства на прорывных направлениях, укрепление новых треков в сфере межэтнических отношений.

Шестой этап, с 2018 г., связан с принятием Стратегии «Казахстан 2050», «Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана до 2020 года». АНК становится институтом народного представительства, консолидирующей площадкой гражданского сектора для обсуждения и выработки консенсуса по ключевым вопросам развития государства и обществ.

Седьмой этап, с 2020 г., направлен на принятие и эффективное исполнение Плана нации «100 конкретных шагов» по реализации пяти институциональных реформ. Изменения и дополнения, внесенные в законодательство об АНК, подчеркивают, что демократические и управленческие принципы сферы межэтнических отношений требуют постоянного совершенствования. Данные изменения и дополнения укрепили возможности участия этнокультурного сообщества в принятии политических решений, развитии гражданского общества. Вопрос аккредитации ЭКО является индикатором их полезности в социальном и общественно-политическом развитии (Императивы государственной этнополитики Республики Казахстан: Аналитические материалы и методические рекомендации для государственных органов / Под общ. ред. д-ра полит. наук Е.Л. Тугжанова; отв. ред. Н.П. Калашникова. Астана, 2012. С. 239–250).

Происходящие трансформационные процессы не завершены и требуют корреляции сложившихся отношений и новых разработок механизмов оценки эффективности и прогнозирования государственной этнополитики в современных условиях транзита. Диалектика их развития состоит в том, чтобы каждый этнос, занимая свое место, храня и развивая свою уникальную культуру, в то же время интегрировался в общество по принципу «одна страна — один народ».

Подготовлено в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства высшего образования и науки РК на тему «Особенности межэтнических отношений в Южном регионе Казахстана за годы независимости».

Каневский П.С.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛОББИЗМ: УРОВНИ, СУБЪЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Транснациональный лоббизм является сложным, малоизученным и практически не систематизированным по сей день явлением как в общей теории групп интересов и лоббизма, так и в теории международных отношений. Глобализация привела к интенсификации трансграничных связей не только между обществами и государствами, но и между многочисленными группами интересов, которые получили в свое распоряжение абсолютно новые инструменты влияния на принятие решений.

Развитие транснационального лоббизма является следствием нескольких факторов:

- усиление групп интересов как негосударственных акторов в международном и транснациональном пространстве;
- усиление групп интересов в процессе формирования внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии отдельных государств и международных организаций;
- возникновение новых сфер принятия решений, в которых официальные государственные структуры стали лишь одним из субъектов взаимодействия наряду с негосударственными акторами;
- аутсорсинг традиционных дипломатических и внешнеполитических государственных функций, которые переключаются на группы интересов — от международных лоббистских фирм до корпораций и частных армий;
- сближение интересов отдельных организованных групп и органов власти — группы интересов все чаще выступают инструментами в руках национальных правительств, равно как и наоборот; иными словами, возникает взаимосвязанный механизм групповых и государственных интересов, что ведет к гибридизации международного пространства.

В наиболее общем виде модели транснационального лоббизма можно разделить на четыре типа.

1. Наднациональный лоббизм, который включает в себя влияние групп интересов на наднациональные центры принятия решений в международных организациях и объединениях, таких как Евросоюз, Евразийский экономический союз, Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Североатлантический альянс (НАТО) и пр.
2. Дипломатический лоббизм, в рамках которого группы интересов формируют внешнеполитическую, внешнеэкономическую и идеологическую позиции своих государств и внешнеполитических ведомств с тем, чтобы те продвигали их интересы на международном уровне.
3. Иностраный лоббизм, который подразумевает влияние групп интересов, зарегистрированных на территории определенных государств, представляющих свои собственные интересы или интересы конкретных государств, на органы власти других суверенных государств.
4. Этнический лоббизм — разновидность иностранного лоббизма, в рамках которого субъектами лоббизма выступают этноконфессиональные группы, находящиеся на территории кон-

кретного государства, которые продвигают как интересы проживающих там диаспор, так и государств, с которыми у данных диаспор сохраняются социальные, политические и экономические связи.

Между тем у лоббизма в международном и транснациональном пространствах нет универсальной нормативной базы. На глобальном уровне не определены ни правосубъектность групп интересов, ни единые правила их взаимодействия друг с другом и с органами власти национальных государств. Регулирование лоббизма всерьез не рассматривалось как объект международного права. При этом уровень влияния групп интересов в ряде сфер принятия решений часто не ниже, а выше, чем у отдельных государств. Транснациональные корпорации, ассоциации, международные неправительственные организации, лоббисты-консультанты воздействуют на решения в разных национальных юрисдикциях и международных организациях, формируют неформальные коалиции, способны оказывать мощное давление на разных уровнях международной системы. Деятельность групп интересов в международном и транснациональном пространстве создает крайне децентрализованную подсистему международных отношений.

Наднациональные и национальные органы власти по-разному подходят к вопросу регулирования взаимодействия с транснациональными группами интересов. Причем разница наблюдается не только между режимами, но и внутри режимов. Евросоюз является образцом наиболее инклюзивного режима регулирования лоббизма на наднациональном уровне. Под действие европейского законодательства о лоббизме попадают все без исключения группы, лоббирующие интересы в Брюсселе. В ООН используется другой подход — взаимодействие с внешними группами фактически сведено к взаимодействию с международными неправительственными организациями, хотя реальными субъектами лоббизма в разных институтах и центрах принятия решений являются не только МНПО, но и бизнес-группы, по поводу допустимой степени влияния которых в ООН ведется большая дискуссия. Наконец, развитие режимов регулирования иностранного лоббизма на уровне суверенных государств связано скорее с политическими мотивами отдельных стран, которые стремятся ограничить политическое и информационное влияние со стороны иностранных групп интересов, при этом оставляя относительную свободу для иностранных экономических групп.

Осмысление структуры, формальных и неформальных правил транснационального лоббизма является стратегическим направлением для всех групп интересов, в том числе российских организованных групп, которые заинтересованы в продвижении своих интересов за рубежом и на наднациональном уровне. Но это также и важнейшее направление внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности национальных государств, для которых лоббизм групп интересов становится важнейшим дополнением традиционных дипломатических функций, способом усиления своего влияния и продвижения национальных интересов.

Кардава Н.В.
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва

СОСТОЯНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ЕС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

С началом введения специальной военной операции РФ на территории Украины 24 февраля 2022 г. ситуация в киберпространстве стран Европейского союза начала стремительно меняться в вопросах ужесточения санкций за преступления в сфере кибербезопасности на территории государств ЕС. Такие меры правительства стран ЕС назвали необходимостью для европейской безопасности в киберпространстве.

Санкции ЕС за преступления в киберпространстве. Совет ЕС продлил до 18 мая 2025 г. действие режима санкций в ответ на преступную кибердеятельность. Этот режим позволяет ЕС вводить целенаправленные ограничительные меры в отношении лиц или организаций, причастных к кибератакам, которые оказывают значительное влияние и представляют внешнюю угрозу для ЕС или его государств-членов. Ограничительные меры также могут быть введены в ответ на кибератаки против третьих государств или международных организаций, если такие меры считаются необходимыми для достижения целей общей внешней политики и политики безопасности.

В настоящее время санкции применяются к восьми физическим и четырем юридическим лицам и включают замораживание активов и запрет на поездки. Кроме того, физическим и юридическим лицам ЕС запрещено предоставлять средства попавшим под санкции. Эти отдельные списки будут и дальше пересматриваться каждые 12 месяцев.

«Решение о продлении ограничительных мер на три года свидетельствует о решимости ЕС усилить свою устойчивость и способность предотвращать, препятствовать, сдерживать и реагировать

на киберугрозы и вредную киберактивность, чтобы защитить европейскую безопасность и интересы». ЕС впервые ввел режим санкций за кибератаки в 2019 г.

Кибербезопасность Германии. Федеральное управление информационной безопасности Германии (BSI) опубликовало базовые требования к обеспечению кибербезопасности объектов космической инфраструктуры. Документ разрабатывался около года при участии подразделения *Airbus Defence and Space*, Немецкого космического агентства и Немецкого аэрокосмического центра. В документе перечисляются мероприятия на основных этапах жизненного цикла спутника: проектирование, испытания, транспортировка, ввод в эксплуатацию и ее прекращение.

Киберпреступниками были проведены атаки на серверы электронной почты немецкой партии «Зеленые», а также, вероятно, они получили доступ к внутренней ИТ-системе политсилы. Отмечается, что в результате инцидента хакеры могли получить доступ к электронным сообщениям. Жертвами кибератаки стали сопредседатели партии Оmid Нурипур и Рикарда Ланг, а также все владельцы электронных ящиков, заканчивающихся на @gguene.de.

Спикер «Зеленых», однако, отказался говорить, была ли скомпрометирована переписка лидера партии и министерства иностранных дел Аннелены Бербок. Спикер партии заверил, что хакеры не имели прямого доступа к аккаунтам электронной почты и не смогли похитить все сообщения с серверов.

Кибербезопасность Швейцарии. Вооруженные силы Швейцарии планируют в проекты по усилению киберзащиты страны инвестировать в течение следующих нескольких лет до 2,4 млрд швейцарских франков (2,6 млрд долл.).

Представляя данную программу инвестиций, министр обороны Швейцарии Виола Амхерд подчеркнула насущную необходимость усиления защиты от потенциальных кибератак, особенно совершаемых на военную инфраструктуру страны. Данная программа является частью очередного всеобъемлющего правительственного обзора оборонной стратегии Швейцарии. В качестве угроз в ней отмечены не только риски, связанные с преступной (хакерской) активностью в Интернете, но и шпионаж, а также манипуляции и дезинформация, распространяемые в условиях вооруженного конфликта.

В этом году парламент Швейцарии одобрил создание армейского командного центра в составе около 600 военнослужащих и других работников. Кроме того, для выполнения всех связанных с реализацией этого плана планируется привлечь до 7 тысяч военнослужащих срочной службы, которые могли быть набраны из других армейских подразделений.

Источники

Документ ФРГ по защите спутников от кибератак. URL: https://www.bsi.bund.de/SharedDocs/Downloads/DE/BSI/Grundschutz/Hilfsmittel/Profile/Profil_Weltrauminfrastrukturen.html.

Каримивала С.
ТГУ, Томск

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА В УСТОЙЧИВОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

С начала XXI в. понятие «региональный брендинг» стало чрезвычайно популярным не только среди представителей российского маркетинга, но и в структурах государственных и региональных органов власти. Сегодня во всем мире различные регионы постоянно совершенствуются и интенсивно конкурируют за привлечение новых ресурсов, таких как таланты, инвесторы, предприятия и туристы, для решения внутренних проблем своего социального и экономического развития, а также для укрепления конкурентоспособного регионального бренда на национальной и/или международной арене (*Бельских И.Е.* Региональные бренды: специфика развития в России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 20. С. 2–7).

В качестве инструмента устойчивого градостроительного развития региональный брендинг может предложить регионам надежные ориентиры для преодоления социальных диспропорций, неравенства, для решения экономических проблем и эффективного реагирования на них, для снижения уровня безработицы и т.д. Региональный брендинг также может обеспечивать прочную связь между гражданами и местными органами власти, представляющую собой их всестороннее сотрудничество в процессе регионального развития. Следовательно, деятельность по брендингу регионов можно понимать как всеобъемлющий инструмент для решения различных экономических и социальных проблем, обеспечивающий при этом хорошее качество жизни жителей региона в соответствии с региональной самобытностью и идентичностью. Кроме того, устойчивое развитие требует разностороннего видения и многомерных показателей, демонстрирующих взаимосвязь между экономическими, социальными и культурными аспектами региона, чему может способствовать деятельность по устойчивому брендингу. Хотя реализация регионального брендинга в разных регионах может иметь разные особенности

и уровни, все направления брендинга в той или иной степени могут играть эффективную роль и вносить свой вклад в устойчивое градостроительное развитие и преобразование регионов.

Следует отметить, что федеральная форма управления Российским государством и региональная структура экономики определяют особенности национальной модели экономики: в России регионы являются мощным двигателем экономики и гарантом процветания страны. Так как территория этой страны огромна, регионы России существенно отличаются друг от друга по своему природному, географическому положению, социокультурным, этническим, демографическим и другим факторам, из-за чего градостроительные планы сильно поляризованы и иногда встречается огромный дисбаланс в их реализации и статусе. В связи с этим каждому региону необходимо реализовать стратегию устойчивого градостроительного развития, которая уменьшит нынешние региональные диспропорции, определит главные инвестиционные задачи региона и выделит ключевые приоритеты его социально-экономического развития. Кроме того, недавно введенные санкции могут создать новые условия для реализации не исследованных до сих пор проектов и решений в области устойчивого градостроительного развития в регионах России (*Sadchenkov M.* National and local branding as a regional development tool // Roscongress Foundation. URL: <https://roscongress.org/en/materials/natsionalnyy-i-territorialnyy-brening-kak-instrument-razvitiya-regionov/> (accessed: 14.09.2022)).

Автор рассмотрит различные современные подходы к стратегиям устойчивого градостроительного развития с учетом роли и вклада регионального брендинга, а также охарактеризует основные вызовы и возможности в этой области. Кроме того, в статье будет проведен сравнительный анализ наиболее успешных мировых практик сопряжения регионального брендинга и устойчивого градостроительного развития за последние годы.

Карсанова Е.С.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА

Венский конгресс 1815 г. знаменует собой момент, когда швейцарцы получили признание своего нейтралитета в международной системе. Начало Первой и Второй мировых войн станет первым реальным испытанием швейцарского нейтралитета. В Первую мировую войну швейцарцы мобилизовали свою почти полумиллионную армию на всех границах. Это было продолжением вооруженного нейтралитета, призванного держать любопытные взоры великих держав в курсе того, что швейцарцы по-прежнему сохраняют нейтралитет и что готовы обеспечить этот нейтралитет с помощью силы, если это необходимо. Окончание войны привело к возобновлению признания швейцарского нейтралитета великими державами в соответствии со статьей 435 Версальского договора.

По мере приближения Второй мировой войны швейцарцы информировали воюющие стороны о своем намерении сохранить свой нейтралитет. Воюющие державы использовали Швейцарию как место переговоров, как канал гуманитарной помощи и как источник товаров, необходимых для ведения войны, но недоступных для прямой торговли. Кроме того, Швейцария служила лагерем для интернированных войск побежденных европейских государств, включая Польшу и Францию. Таким образом, Швейцария сохранила свою политическую независимость, идя на уступки по второстепенным политическим и/или экономическим вопросам.

После войны Швейцария привлекла к себе критику за продолжение экономических отношений с нацистской Германией во время войны. Характер швейцарской экономики требовал, чтобы такие отношения сохранялись из-за почти полной зависимости промышленности от импортного сырья. Швейцарцы сопротивлялись включению в экономическую систему Оси и поддерживали экономические отношения с Германией на своих условиях с необходимыми уступками.

В декабре 1996 г. была создана комиссия Бержье (известная как *ICE*), перед которой была поставлена задача разобраться в реальности швейцарского нейтралитета во Второй мировой войне. Комиссия исследовала нейтралитет Швейцарии во время войны в трех основных областях: беженцы, федеральные и частные экономические уступки державам Оси и реституции жертвам после войны. *ICE* пришла к выводу, что Швейцария в какой-то степени пошла на компромисс со своей национальной моралью во имя национальных интересов. Одним из примеров было ужесточение Швейцарией ограничений на беженцев и иммиграцию, вплоть до требования, чтобы Германия ставила в паспортах евреев букву «j»²⁶. Швейцарский нейтралитет был скомпрометирован.

Швейцарцы придерживались во время холодной войны того же курса, что и предыдущие 45 лет. Швейцарское правительство решило не вступать в Организацию Объединенных Наций и воздержалось от включения в Объединенную Европу. Камнем преткновения для членства Швейцарии в ООН были договоренности о коллективной безопасности членов ООН, особенно статьи, касающиеся транзита вооруженных сил через государственные границы и предоставления вооруженных сил в распоряже-

ние Совета Безопасности ООН. Как и во время мировых войн, Швейцария сосредоточила свое внимание на предоставлении гуманитарной помощи и в качестве центра дипломатии времен холодной войны. Нейтралитет Швейцарии был полезным побочным эффектом, поскольку он служил площадкой для всесторонних переговоров.

После окончания холодной войны Швейцария начала терять имидж абсолютного нейтралитета, который она поддерживала в течение двух мировых войн и холодной войны. Первый шаг к сотрудничеству с более широким европейским сообществом был сделан в 1997 г., когда Швейцария присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира», призванной включить в альянс недавно демократизировавшиеся государства Восточного блока. Участие Швейцарии было основано на взаимных интересах со странами НАТО в гуманитарных миссиях, региональной стабильности, контроле над вооружениями и других областях нетрадиционной безопасности. Демонстрация этого сотрудничества произошла еще в 1995 г., когда Швейцария открыла свое воздушное пространство, дороги и железнодорожные сети для войск НАТО, следующих транзитом в бывшую Югославию. Сотрудничеству способствовало добавление *SwissCo*, отряда из 222 человек, отправленного в Косово в октябре 1999 г. Швейцарское правительство ясно дало понять, что расширение сотрудничества с НАТО обусловлено взаимными интересами и полностью совместимо со швейцарским нейтралитетом.

Швейцария подала заявку и получила полноправное членство в ООН в 2002 г. Это опять же представляет собой эрозию идеи абсолютного нейтралитета в мирное время. На общенациональном референдуме проголосовало 55%, что свидетельствует о том значении, которое многие швейцарские избиратели по-прежнему придают культуре нейтралитета. Вступление в ООН и развитие более тесных рабочих отношений с НАТО рассматривается швейцарским правительством не как компромисс их нейтралитет, но как отношения сотрудничества, потому что эти организации разделяют более широкие цели швейцарцев. Действительно, эти движения показывают, с какими трудностями швейцарцам приходится действовать в качестве изоляционистски-нейтрального нейтралитета во все более глобализированном мире.

Современная швейцарская концепция нейтралитета включает в себя акцент на нетрадиционных проблемах безопасности, что больше соответствует современным представлениям о европейской безопасности. Таким образом, швейцарский нейтралитет по-прежнему утверждает, что он не будет присоединяться к войнам других, но он ослабил любую предыдущую уверенность, реальную или воображаемую, в беспристрастности. Утверждается, что присоединение к ПРМ НАТО и ООН показывает, что традиционные преимущества нейтралитета постепенно уступают место более значительным преимуществам участия в глобализированной Европе и мире

Качусов Д.А.
АлтГУ, Барнаул

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА — СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ

В настоящее время в качестве общей ценности, которая способна консолидировать российское общество, объявлен патриотизм. Эта идея активно поддерживается со стороны власти, что выражается в наличии большого числа программ и мероприятий патриотического характера, направленных на вовлечение граждан в патриотические практики. Учитывая протекание этих процессов, методологической основой исследования выступает теория конструктивизма, с позиций которой формирование идентичности, в том числе в виде идеологии патриотизма, является формой политики, реализуемой посредством целерациональных проектов.

В исследовании проводится анализ практик патриотической направленности в границах четырех субъектов Сибирского федерального округа (Алтайский край, Новосибирская, Кемеровская и Томская области). С одной стороны, проектная деятельность субъектов политики в сфере патриотизма направлена на организацию инфраструктуры патриотического воспитания, с другой — на реализацию функциональных проектов как совокупности мероприятий в этой сфере. Декларируемая задача — охват всех возрастных и социальных групп, однако на практике усилия сосредотачиваются на учащейся молодежи, прежде всего школьников как на наиболее организованной и доступной влиянию части населения.

Патриотические проекты реализуются по трем инфраструктурным направлениям. Первое направление представлено проектами общественно-политических организаций, функционирование которых инициировано и поддерживается государством, таких как «Юнармия», «Волонтеры Победы», «Российское движение школьников» и ДОСААФ России. Они ориентированы на военно-патриотическое воспитание, а также сохранение исторической памяти и допризывную подготовку учащихся. Объединения реализуют федеральные общероссийские проекты, которые могут дополняться региональными, на-

пример: «Диктант Победы», онлайн-акция «Свеча памяти», военно-спортивная игра «Победа», сдача нормативов ГТО и др.

Второе направление образуют общественные и коммерческие организации военно-патриотического характера, такие как военно-спортивные и военно-патриотические клубы, центры допризывной подготовки. Часть из этих объединений функционируют в тесном сотрудничестве с ДОСААФ или «Юнармией», другие, такие как спортивно-патриотический клуб «Десантник», конно-спортивный клуб «Русь», «Братство Православных Следопытов», пользуются поддержкой региональных ветеранских, казачьих и религиозных организаций. Они реализуют проекты спортивного, военно-игрового и туристического характера, которые репрезентируются как патриотические, хотя по сути таковыми не являются. Также «смешанный» характер носят проекты патриотических объединений невоенной направленности, они совмещают в себе патриотическую и экологическую, волонтерскую, благотворительную или иную общественно полезную деятельность.

Третья часть инфраструктуры проектов активно формируется в последние годы, для чего на уровне регионов выстраиваются структуры с задачей координации усилий институтов государства, общественных объединений и общества в данной сфере. В нее можно включить Общественные палаты, Советы по патриотическому воспитанию при главах субъектов и региональные организации, координирующие деятельность других патриотических объединений, такие как Центр патриотического воспитания НСО. Их проекты в основном направлены на формирование локального патриотизма, например, проект «Узнай-Алтай», краеведческий портал «Земля Томская», Эстафета Памяти «Кузбасс — фронту!», виртуальные экскурсии по истории города и местных воинских подразделений в годы Великой Отечественной войны и др.

Таким образом, на сегодняшний день в регионах Сибирского федерального округа сформировалась развитая организационная инфраструктура, реализующая патриотические проекты различного масштаба и направленности. Основной проблемой до недавнего времени был вопрос координации действий ее участников. На сегодняшний день решение данного вопроса пытается взять на себя «Юнармия» за счет поглощения иных патриотических объединений, а также вновь создаваемое движение школьников «Большая перемена». Однако в последние месяцы численно увеличивается количество патриотических мероприятий, что сохраняет проблему перегрузки системы образования этими проектами, снижает их эффективность и приводит к имитационному характеру патриотических практик в образовании.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Кашин Е.А.

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ПОНИМАНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО МИРА В РАМКАХ СОБЫТИЙ 2022 Г.

С началом специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. актуальность темы Русского мира стала стремительно возрастать. Поднимались вопросы нового позиционирования России в мире и качественного изменения подхода к образованию и культуре.

Апогеем размышлений стало принятие Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом 5 сентября 2022 г. Она устанавливает, что «российская культура во все исторические эпохи была символом России и российской нации» и фактором сплочения на основе слияния европейских и азиатских начал. Эта Концепция является первым в своем роде комплексным документом по внешней гуманитарной политике.

Впервые за долгие годы одно из центральных мест во внешней гуманитарной политике России заняли принципы Русского мира. Была объявлена угроза его подмены и дезинформации в мировой общественности. Поэтому теперь официальной целью гуманитарной политики России за рубежом является «защита, сохранение и продвижение традиций и идеалов, присущих Русскому миру». В числе других целей следует отметить:

- усиление роли русского языка в современном мире;
- популяризацию достижений России в культуре, науке, спорте, информационных технологиях;
- повышение конкурентоспособности российского образования и туристической привлекательности России.

Также особый акцент в документе сделан на донесение правильного образа России как защитницы традиционных духовно-нравственных ценностей путем:

- распространения российской культуры, русского языка, научных и спортивных достижений;

- создания «понимания исторического пути России» и преимуществ российского федерального устройства;
- «демонстрации освободительной, просветительской и первопроходческой миссии»;
- продвижения русскоязычных интернет-технологий за рубежом («новые медиа»);
- реализации проектов «Русские сезоны» и «Дни России» в различных странах;
- осуществления международного гуманитарного сотрудничества через РПЦ и духовные организации других конфессий РФ.

Явным нововведением является стремление усилить взаимодействие России на разных уровнях с Арктическим советом и Организацией исламского сотрудничества, помимо привычных организаций.

Отдельная часть Концепции уделена «дипломатии памяти». Ее внутренняя цель заключается в «передаче будущим поколениям цивилизационного кода», а внешняя в «восстановлении права собственности на культурные ценности за рубежом», построении культурно-исторического диалога и доведении до зарубежной аудитории истинных российских ценностей.

Документ напоминает «Концепцию государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом» от 2015 г., но схожесть ограничивается защитой и распространением русского языка. В большей степени новая Концепция затрагивает более широкую сферу гуманитарной политики.

Важно выделить три качественно новых направления: молодежное сотрудничество, сохранение исторического наследия, цифровое продвижение.

Первое новое направление заключается в расширении молодежного взаимодействия с другими странами. Особо интересен факт развития молодежного взаимодействия в рамках Арктического совета и Организации исламского сотрудничества, что показывает переориентацию внешней политики России на эти регионы.

Еще одно нововведение заключается во внедрении дипломатии памяти, которая базируется на налаживании культурно-исторического диалога, защите российских памятников за рубежом, распространении правдивой информации о России и противодействии попыткам переписать историю Второй мировой войны.

Особое место уделено цифровому продвижению России за рубежом. Предполагается через Интернет и социальные сети популяризировать российскую культуру и противодействовать информационным вбросам.

Судя по практике, основные мероприятия будут переложены на подведомство МИДа — Россотрудничество, или на новый департамент МИД РФ. Многие моменты уже реализовывались в том или ином виде. Например, распространение русского языка, поддержка соотечественников, туризма, спорта, науки и культуры.

Концепция гуманитарной политики России за рубежом является естественной реакцией на сформировавшуюся враждебную среду с декларацией мер по противодействию информационной агрессии против России. Она включила в себя все актуальные вызовы: от отмены русской культуры до недопуска спортсменов. Поэтому в условиях СВО принятие данного документа выглядит как программа будущего взаимодействия России с миром на принципах уважения суверенитета и традиционных ценностей.

*Кирдяшкин И.В.
НИ ТГУ, СибГМУ, Томск*

«ЯЗЫКИ НАБЛЮДЕНИЯ» СЛОЖНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В условиях современных социокультурных и политических турбуленций политическая социализация выступает в качестве процесса согласования возникающих различий и противоречий общественно-политического бытия. При этом политическая социализация определяется спецификой наблюдения за миром. Наблюдение выражает особенность доступа к общению в процессе «взаимопроникновения» личности и политических систем, где личность выступает их частью и внутренним отличием, инициирующим их трансформации «изнутри». В этом плане личность входит в политическое «дважды», как часть политического, воспроизводящая его свойства, и одновременно как способность его самопознания, самокоррекции, которая вбирает через когнитивность человека влияние окружающего мира, препарировывает события и явления, понимание прошлого, настоящего и будущего своего мира политических явлений и своего существования в нем. Поэтому политическая социализация посредством эволюции культурных средств согласования собственной сложности дает возможность осуществлять переходы политических систем из одних состояний своих форм, ценностей и смысловых ориентаций в другие, позволяет личности включаться в социосистемы и одновременно иметь с ними

«дистанцию», позволяющую мирам политических явлений иметь свою потенциальность, непредсказуемость, адаптивность к новому в окружающем мире.

Управлять данными возможностями и потенциями позволяют латентные «языки наблюдения» сложности, представляющие базовые символизации смыслов самого наблюдения, первоначала «естественной установки» личности, происходящие в культуре и жизни наблюдающего. При этом данные «языки» сообщают изменяющиеся жизненные потребности, индивидуальные и социальные предназначения личности, их активные самореализующиеся среды с историческим существованием и символизациями миров политических явлений. «Языки наблюдения» соединяют свойства и события жизни наблюдающего и одновременно конституируются ими, различают и обозначают пределы видения происходящего, выступают подвижным контекстом рождения политической «картины мира» личности.

В этом плане «язык наблюдения», как считают исследователи, контекстуален, теоретически нагружен, зависит от теоретических предпосылок, их содержаний, допущений¹. При этом данный язык имеет в себе набор идей и представлений, позволяющих осуществлять «доверительное знакомство» человека с социально-политическим миром. Оно создает предпосылки для его «обживания» в контексте существования личности, дает возможность его трансформировать, действовать в нем, учреждать его новые формы и значения. Доверие к миру выступает началом способности суждения, совершения актов сознания, предпосылкой активности личности и общества, основой вовлечения человека в жизнь политических явлений. В этом отношении «языки наблюдения» формируют разветвленные «семейные сходства» многообразия «естественной установки» личности и способов влечения человека в политическое. Семейные сходства у Л. Витгенштейна определяются признанием вида обобщений, сходных в одном, но не сходных в другом, предстают сетью подобий, сходств в большом и малом². В этом отношении «языки наблюдения», формируя когнитивные стили личности, выступают как «области» со-бытия и «взаимопроникновения» и рассредоточения многообразия «субъектностей» политической социализации, позволяют личности вариативно и солидарно с другими личностями понимать политические явления, «участвовать» в их становлении «изнутри», находясь в многообразных социокультурных контекстах.

Семейные сходства «языков наблюдения» в российском культурном контексте складывались в процессе влияния различных «домашних миров» личностей и их знаково-культурных систем, определяя существование и эволюцию своей порубежной компоненты. Как считают исследователи, понятие «порубежье» обладает статусом процесса перехода от небытия к бытию, обозначает время творения, бытие на стыке своего и чужого, освоенного и неосвоенного, предел существования одной формы бытия и начало иного бытия, ситуацию жизни на границе³. Как полагал М. Хайдеггер, граница — это не то, где что-то прекращается, но, как определяли ее греки, то, где что-либо начинает свою сущность⁴. В этом плане «язык наблюдения» в российской политической социализации ориентирует: на представление о человеке как нереализованной потенции бытия и коммуникации, на его самотрансцендирование, на расширение и переоткрытие человеком себя и своих ценностей, на включение в политическое как вовлечение в со-творчество с Богом, с вечностью как всегда иным по отношению к текущему.

Киреева И.В.
АГУ, Майкоп

НАУЧНО-ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ

Республика Адыгея как сложное полиэтничное общество, где актуализированы вопросы сосуществования разных уровней идентичности, представляет большой интерес в контексте исследования потенциала региональной политики идентичности, тех возможностей и механизмов, которые способствуют стабильному развитию региона.

Исследование потенциала региональной политики идентичности напрямую связано с изучением роли научно-экспертного сообщества и его взаимодействия с региональными органами власти. В условиях нестабильности, когда необходимо в соответствии со сложившейся ситуацией принимать быстрые и эффективные решения, роль экспертного мнения значительно возрастает.

¹ Кузнецов А.Г. Восприятие и наблюдение в сильной программе социологии научного знания: социологизм, психологизм, междисциплинарность // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 2. С. 193.

² Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 110–111.

³ Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 32.

⁴ Хайдеггер М. Строительство. Жительство. Мышление // Журнал фронтирных исследований. 2020. Т. 1. С. 166–167.

Отталкиваясь от понимания научно-экспертного сообщества как небольшого объединения ученых, являющихся носителями специального знания, необходимого для решения тех или иных задач, и принимающих активное участие в общественно-политических процессах на различных коммуникативных площадках, также необходимо учитывать и ту среду, которая возникает в результате их деятельности. Это своего рода идейное поле, пространство. При этом представители научно-экспертного сообщества обладают собственной идентичностью. Наряду с анализом уровня квалификации экспертов, а также реальных возможностей их воздействия на принятие решений, представляется важно в условиях полиэтничного региона не забывать о том, что они являются носителями определенной системы ценностей, норм, ориентаций и установок, исследовать идентичность самого научно-экспертного сообщества.

Научно-экспертное сообщество Республики Адыгея имеет достаточный потенциал (интеллектуальный, культурный, информационный, научный) для развития культуры межэтнических отношений в регионе¹. В то же время нельзя не учитывать, что на современные формы взаимодействия научного сообщества и власти большое влияние оказывает социокультурная традиция российской государственности. Это модель, когда именно государство доминирует и запрос на научно-экспертное сопровождение формируют преимущественно региональные органы исполнительной власти.

Соответственно, возникает вопрос: насколько региональная власть готова к взаимодействию с научно-экспертным сообществом по вопросу политики идентичности? Частично ответ на него содержится в государственной программе Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание» до 2024 г. Анализ мероприятий программы позволяет выделить следующие формы вовлечения научно-экспертного сообщества: выступления лекторов перед молодежными аудиториями по вопросам формирования толерантной среды в сфере межнациональных отношений в Республике Адыгея; проведение социологических исследований в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, организация научно-практических конференций, круглых столов. Также в регионе функционирует Совет при главе Республики Адыгея по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями, в составе которого представители региональной и муниципальной власти, а также общественных и религиозных организаций.

Гармонизация межэтнических отношений является одной из главных задач работы Совета, при этом достичь данной цели невозможно без научного понимания протекания процессов формирования национальной, региональной и этнической идентичностей и укрепления общероссийской гражданской идентичности как основы для стабильности в регионе. В этой связи представляется, что потенциал научно-экспертного сообщества используется не в полной мере. При этом, как уже отмечалось выше, ученые-эксперты сами являются частью полиэтничного социума, формируют идейное поле, являются трансляторами ценностей и представлений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

Китайцева О.В.
РГГУ, Москва

ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ СМИ

На протяжении последнего десятилетия в России большое внимание уделяется создавшейся в настоящее время демографической ситуации. Такие явления, как депопуляция, старение населения, снижение рождаемости, появление большого количества неполных семей, сопровождаются уменьшением числа заключенных браков, ростом малодетных семей, распространением разводов, а также обращением населения к установкам бездетности.

Противостоять наметившемуся кризису семьи призвана принятая в 2014 г. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г., в которой ключевыми государственными приоритетами декларируются всесторонняя поддержка семьи и укрепление семейных ценностей. Однако переломить наметившиеся кризисные тенденции по продвижению семейных ценностей и созданию плацдарма для демографического прорыва достаточно сложно.

¹ Клущина И.В. Научная интеллигенция в условиях изменяющегося полиэтничного общества (на примере Республики Адыгея): специальность 22.00.06. «Социология культуры, духовной жизни»: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Май-коп, 2004.

Укреплению в сознании россиян традиционных семейных ценностей, способствующих наращиванию позитивной динамики разрешения демографического кризиса, мешает приоритет ценностей индивидуализма над традиционными семейными ценностями, который распространился в российском обществе в связи со сменой социально-политической формации функционирования государства в начале 90-х годов двадцатого столетия. Поэтому на сегодняшний день одной из важнейших задач в сфере демографической и семейной политики становится изменение ценностных ориентаций общества в этой сфере.

Вместе с тем в условиях информационного общества формирование ценностных ориентаций человека и формирование его жизненной позиции приобретает сильную зависимость от информационного поля, которое оказывает влияние на человека посредством средств массовой коммуникации и средств массовой информации. Таким образом, ведущая роль в формировании ценностных ориентаций общества становится основным объектом государственной политики в области семьи, а продвижение этих ценностей возлагается на государственную информационную политику.

Однако сегодня государство не может в полной мере влиять на продвижение и закрепление традиционных ценностей семьи в общественном сознании, так как современные СМИ не всегда регулируются государством, что ограничивает инструментарий воздействия государственной информационной политики на продвижение значимых для общества ценностей.

Недостаточное внимание к деятельности российских СМИ по освещению социально значимых ценностей, к числу которых относятся и ценности семьи, привели к тому, что современные медиа зачастую игнорируют или не вводят в свой актуальный репертуар пропаганду семейных ценностей.

Независимая позиция СМИ ослабляет эффективность государственной информационной политики и как следствие политики государства в сфере семьи, что способствует дальнейшей трансформации семьи, изменению ее социально значимых функций и девальвации семейных ценностей.

В репертуаре современных СМИ семья чаще всего представлена как кризисная социальная ячейка, в функционировании которой отражен общий социокультурный кризис, который переживает современное общество, а внутрисемейное взаимодействие изобилует многочисленными фактами семейного насилия в отношении женщин.

Такое освещение в СМИ российской семьи углубляет ее негативное позиционирование, вместе с тем ощущается явный недостаток публикаций, которые бы формировали позитивный имидж российской семьи, хотя примеров позитивного внутрисемейного взаимодействия и событий для тиражирования практик развития и функционирования крепких семей достаточно много. Однобокое освещение в средствах массовой информации российской семьи идет вразрез с выполнением целей, указанных в политике развития семьи о пропаганде и воспроизводстве в СМИ практик семейного взаимодействия, которые направлены на становление и развитие крепких российских семей. По мнению автора, в российском медиапространстве назрел запрос на более широкое освещение позитивных практик взаимодействия внутри семьи, для закрепления их в сознании россиян. Изменение репертуара российских СМИ должно стать действенным механизмом формирования здоровых семейных отношений, в отличие от присутствующего сегодня освещения семьи как проблемной и кризисной социальной ячейки.

Клещенко Л.Л.

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВЕТСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Теория модернизации, появление которой было обусловлено необходимостью развития традиционных обществ в странах т.н. «третьего мира», появилась во второй половине XX в. На ранних этапах эволюции теории модернизации в ней господствовал западнцентричный подход, согласно которому эталоном для развивающихся стран должны стать либеральная демократия и рыночная экономика. Несмотря на то что данный подход подвергся критике уже в 1960–1980-е годы, дискурс «отсталости» развивающихся стран в целом и Латинской Америки в частности продолжал оставаться доминирующим, что находило отражение в том числе в кинематографе.

В период 1960–1980-х годов интерес к процессам модернизации прослеживается не только в научном сообществе, но и в массовой культуре. Проблематика экономических и политических преобразований в развивающихся странах находилась в фокусе внимания и американского, и советского кинематографа. При этом каждая из кинематографий стремилась подчеркнуть особую роль в модернизационных проектах латиноамериканских государств сверхдержав, США и СССР соответственно, маркируя деятельность страны-оппонента как препятствующую политическому развитию в третьих странах.

Одной из значимых тенденций в американском кинематографе является изображение Латинской Америки в качестве «заднего двора», на территории которого для американских национальных интересов крайне важно не допустить деятельности геополитического соперника. Потому операции против латиноамериканских партизан, действующих под патронажем советских разведчиков, изображаются как легитимная борьба за демократизацию Латинской Америки и обеспечение безопасности самих США. При этом левые организации получают ярлык террористов. Подобные сюжеты характерны для американской документалистики периода холодной войны. Художественный кинематограф был в большей мере сосредоточен на других рисках и вызовах модернизации в Латинской Америке, как-то: преступность, наркоторговля, коррупция.

Американский кинематограф неоднороден. В рассматриваемый период на него оказали определенное влияние идеи «новых левых» и контркультуры, результатом чего стало появление кинофильмов, в которых проамериканские правительства Латинской Америки и их модернизационные усилия подвергаются критике, как и сама внешняя политика США в регионе. К таковым относятся картины «Сальвадор» Оливера Стоуна, «Пропаший без вести» Константиноса Гавраса, «Под огнем» Роджера Споттисвуда, в центре сюжета которых злоключения журналистов, призванных рассказать всему миру правду о событиях в Латинской Америке. Проамериканские режимы в Латинской Америке вышеназванные картины характеризуют как диктатуры, а вооруженные восстания против них как процессы модернизации.

Для советского кинематографа 1960–1980-х годов латиноамериканская проблематика менее значима, чем для американского, что выражается в существенно меньшем количестве фильмов, посвященных региону. Если американский кинематограф рассматриваемого периода очень активно использует латиноамериканские сюжеты, в том числе исторические, или помещает современные ему социальные проблемы в латиноамериканский контекст, то для советского кинематографа интерес к региону ограничен наиболее яркими политическими процессами: революция на Кубе («Я — Куба», «Черная чайка»), диктатура Пиночета («Ночь над Чили», «Санта Эсперанса», «Это сладкое слово — свобода!»), бегство от нацистов / самих нацистов в Латинской Америке («Похищение Савойи», «Избранные»). Другие события на континенте вызывают интерес у советских кинематографистов значительно реже. Политические изменения в Латинской Америке в советском кинематографе ожидаемо рассматриваются в русле формационного подхода как движение к социализму по советскому образцу, осуществляемое либо с помощью революции (Куба), либо с помощью реформ (правительство С. Альенде в Чили). В качестве препятствия прогрессу в советском кинематографе предстают реакционные политические силы: церковь, проамериканские правительства, латифундисты, местная буржуазия.

В настоящем исследовании ставится цель выявить особенности кинорепрезентации процессов политической модернизации в Латинской Америке на материале фильмов периода холодной войны. Дискуссии о путях модернизации развивающихся стран, приемлемых для них моделях социально-экономического и политического развития продолжают и сегодня, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Клинцова М.Н.
КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь

КОНСТРУИРОВАНИЕ МИФОВ О РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ-ИНОАГЕНТА «КРЫМ.РЕАЛИИ» ВО ВРЕМЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ)

В условиях прокси-войны США и стран НАТО с Россией на территории Украины значительно обострилась проблема влияния СМИ-иноагентов, чья деятельность направлена на дезинтеграцию общества и разрушение целостности информационного пространства российского государства. Против России развязана беспрецедентная информационная война, в ходе которой ценности, смыслы, идеи становятся как мишенями, на которые ориентировано воздействие, так и инструментами этого воздействия. СМИ-иноагенты при этом используются как оружие массового поражения сознания, мощный инструмент конструирования медийной реальности, распространение чуждых и враждебных российской культуре идей и идеологий в публичной сфере.

Целью информационной войны является формирование устойчивого общественного мнения в соответствии с интересами манипулятора, закладывание в подсознание реципиентов определенных паттернов поведения. В связи с этим информационная война, в которой СМИ-иноагенты являются одним из видов «оружия», может быть понята как систематическое нанесение ущерба России посредством манипулятивного воздействия медиа на массовое сознание. Характерно, что СМИ-иноагенты занимают наступательную позицию в ходе информационной войны с Россией и стремятся воздействовать на сознание как можно большего количества людей с помощью распространения специально подготовленной информации. Такой специально подготовленной информацией являются мифы, создаваемые и тиражируемые подобными ресурсами.

Миф позволяет человеку избежать когнитивного диссонанса, осмыслить мир в соответствии со своими ценностями, убеждениями, опытом и ожиданиями. В связи с этим задачей мифа становится не отражение объективной реальности, а создание картины мира, соответствующей ожиданиям, представлениям, убеждениям человека, т.е. достижение им когнитивного консонанса. При этом миф не требует от человека осознанного и критического отношения к действительности, он ориентирован на бессознательные компоненты психики, эмоции, устойчив и в некоторой степени социально навязчив. Общие мифы лежат в основе дихотомии «мы—они» и обладают консолидирующей функцией.

Эти свойства мифа используют в своих манипулятивных целях СМИ-иноагенты, которые создают модель мира, построенную на мифах, направленных на формирование образа врага, изменение картины мира противника, нарушение идеологического единства и поляризацию общества.

Конструированием и тиражированием таких мифов занимаются журналисты проекта «Крым.Реалии», созданного в марте 2014 г. после референдума о статусе Крыма. Интернет-ресурс позиционирует себя как альтернативное крымское СМИ и освещает события с проукраинской позиции, вследствие чего 5 декабря 2017 г. Министерством юстиции РФ источник был внесен в перечень СМИ, выполняющих функцию иноагентов.

Материалы СМИ-иноагента «Крым.Реалии» можно охарактеризовать как идеологическое манипулятивное воздействие, основанное на конструировании и распространении мифов, создаваемых с помощью фейков, фальсификации и мистификации действительности, лексики с негативной эмоциональной окраской, речевой агрессии, которые способствуют регрессии реципиентов в сторону эмоций и затрудняют рациональное постижение действительности. Это формирует искаженный образ реальности, представление о России как о враге, которое достигается за счет обращения к бессознательному компоненту психики и влияния на эмоциональную сферу посетителей сайта. При этом основным механизмом формирования образа России как врага является дегуманизация. Формируется миф об агрессивной, злой, коррумпированной, лживой, глупой, нищей и вместе с тем страшной России, которую необходимо запугать и ослабить диверсиями.

Мифы о России конструируются на основе русофобии, которая выступает как консолидирующая идеология проекта «Украина — анти-Россия».

Конструирование мифов о России СМИ-иноагентом «Крым.Реалии» направлено на демонизацию российского государства и раскол двух братских народов на основе конфликта идеологий. В связи с этим особенно важны формулирование информационной и идеологической платформы российского государства, переход России от оборонительной к наступательной позиции в информационной войне, разработка и применение инструментов проникновения в информационное пространство Украины, контрпропаганда и идеологическая работа с населением на освобожденных территориях и в Крыму.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет — 2030», № 075-15-2021-1323.

Ковалев В.А.

СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар

ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ: ВЫХОД ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АПАТИИ?

Отличительной чертой нынешней региональной политики является потеря у значительного числа граждан интереса к политической жизни, а также возможностей и стимулов для участия в ней. Усиление этатистских тенденций, резкого увеличения влияния бюрократии, особенно «силовой», а также усиленное распространение элементов государственной идеологии режимом потенциально и на практике ведет к уменьшению автономной социальной активности и атомизации граждан. Как в свое время показал классик политической социологии М. Липсет: «У атомизированного индивида, оставшегося в одиночестве без членства в какой-либо политически значимой социальной единице, недоставало бы должного интереса к участию в политической жизни или даже

просто к тому, чтобы принимать существенный режим. Политическая жизнь стала бы не только безнадежной, но и бессмысленной» (*Luncet M.* Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2015. С. 8).

По понятным причинам снижается интерес к выборам как главной форме политического участия в демократическом обществе. Собственно из оставшихся стимулов к мобилизации (даже не политической) является экологический протест (наиболее ярко это проявилось в борьбе жителей Архангельской области и республики Коми против строительства мусорного полигона в Шиесе), активность общественности и бюрократии по поводу языка «титულных» наций в этнорегионах и, как исключение, массовые выступления по поводу политических событий или в связи с тем или иным политическим лидером (митинги после ареста экс-губернатора Фургала в Хабаровске). Но в общем и целом социально-политическая активность граждан РФ маргинализирована, конечно, если она не находится в русле этатизма и поддержки официального курса. Но этого явно недостаточно для развития автономной гражданской культуры участия и содержательного наполнения такого важного политического института, как конкурентные демократические выборы. Соответственно, ситуация чревата не только распространением настроений политической апатии, но и снижением (возможно, критическим) поддержки режима.

Потенциальный рецепт для преодоления такого состояния также теоретически хорошо известен. Цитируемый автор, ссылаясь на другого классика, Алексиса де Токвиля, называет «два института, которые могли бы сражаться с новым левиафаном: местное самоуправление и добровольные ассоциации» (там же). Следовательно, именно с этими институтами можно связывать надежды на новую попытку демократизации и строительство реального федерализма. Обновление региональной политики невозможно без автономии МСУ и объединенной гражданской активности на низовом уровне.

Как, когда и в каких формах это произойдет, предсказать сейчас невозможно. Понятно, что эти надежды останутся мечтами без существенной трансформации политической системы, но, в свою очередь, именно местные инициативы могут увеличить количество стимулов для этого. Во всяком случае, именно с отслеживанием и анализом такого рода активности мы связываем перспективы развития такой субдисциплины, как политическая регионалистика в РФ.

Козинцев А.С.
МГИМО МИД России, Москва

АРАБСКИЕ РЕЖИМЫ В ПОИСКЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ЛЕГИТИМНОСТИ: СЛУЧАЙ ЕГИПТА

Египетский режим со времен Мубарака исследователи относят к режимам соревновательного авторитаризма (*Koehler K.* State and regime capacity in authoritarian elections: Egypt before the Arab Spring // *International Political Science Review*. 2017. Vol. 39. No. 1. P. 97–113). Такие режимы показывают себя как достаточно стабильные, поскольку создают и поддерживают относительно устойчивые конфигурации авторитарных и демократических институциональных форм. Единственным отступлением от этой практики в Египте стал массовый подъем политической активности и свободные выборы времен «арабской весны».

Квазидемократические институты создают для авторитарных элит ряд вызовов, к числу которых К. Карозерс относит необходимость идеологической легитимации (*Carothers Ch.* The surprising instability of competitive authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2018. Vol. 29. No. 4. P. 129–135). Не имея возможности открыто выступать против демократических принципов, правящие круги вынуждены заниматься поиском идей, образов и проектов, способных поддерживать гибридную идеологическую конструкцию. Подобные конструкции особенно востребованы в тех случаях, когда режим испытывает дефицит легитимации действием (эффективное управление, рост доходов населения и др.) и/или сталкивается с кризисной ситуацией внутреннего или внешнего происхождения.

Пришедший к власти в результате военного переворота 2013 г. президент ас-Сиси, кадровый военный без опыта публичной политики, не имел комплексной политической программы. Обнародованный незадолго до выборов план имел общий характер и был построен вокруг трех основных целей: улучшение качества политических, экономических и социальных условий жизни для всех египтян; создание современного государства для следующих поколений; возвращение Египту авторитета в регионе и мире.

С учетом предшествующих событий в действующей конституции 2014 г. термин «демократия» употреблен не единожды. В преамбуле от имени народа Египта говорится: «Мы видим в демократии путь, будущее и образ жизни; политический плюрализм; мирную передачу власти», а также декларируется строительство современного демократического государства с гражданским правительством. В ст. 1 политическая система определена как демократическая республика, основанная на гражданстве и верхо-

венстве закона, в ст. 74 закреплено право граждан создавать политические партии путем уведомления в соответствии с законом.

Однако тема «современного демократического государства с гражданским правительством» была вытеснена из публичного дискурса, как и недолгое правление первого демократически избранного президента Мурси. В 2019 г. в конституцию были внесены поправки, расширившие полномочия президента и национальных советов обороны и безопасности. На текущем этапе под воздействием внутренних (высокий уровень бедности и социального неравенства, увеличение темпов прироста населения, контроль военного руководства над значительной частью госсектора) и внешних (пандемия COVID-19, продовольственный кризис, требования международных кредиторов) факторов сокращается ресурсная база, которая должна обеспечивать стабильность режима, и одновременно актуализируется поиск новых источников легитимности.

Один из них — конференция национального диалога с участием партий, профсоюзов, НПО, деятелей религии, науки и культуры. В ходе обсуждения задач проекта «Видение Египта 2030» предполагается выйти на новый уровень общественного согласия и взаимопонимания. По словам правительственных комментаторов, ас-Сиси должен собрать воедино положительный опыт трех предыдущих руководителей (Насер — лидерство в арабской идеологической сфере, сильная армия и величественные национальные мегапроекты, Садат — экономическая открытость и прагматичная внешняя политика, Мубарак — стабильность ради развития) и тем самым обеспечить преемственность развития страны. В цепочке преемственности отсутствуют «Братья-мусульмане» и Мурси — а если и присутствуют, то только в качестве сил, опирающихся на «темное незнание» и «наиболее примитивные настроения масс».

В исламской сфере, которая дала жизнь многим общественно-политическим организациям, включая «Братьев-мусульман», запрету на политическую деятельность и создание партий на религиозной основе египетский президент противопоставляет свою собственную ролевую модель ответственного, трудолюбивого и набожного человека, жертвующего личные средства на поддержку экономики страны. Другое важное направление — усиление контроля за экономической жизнью мечетей и других мусульманских институций путем максимизации доходов государства от вакфов (религиозных пожертвований, национализированных в эпоху Насера и управляемых соответствующим министерством). Знаковым является и стремление египетского руководства вернуться к порядку назначения верховного имама религиозного и учебного центра Аль-Азхар президентом (с 2012 г. он выбирается Советом старших ученых). Продолжается и дискуссия о возможности включения ряда вакфов в портфель суверенного фонда благосостояния.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922.

Козлов Н.А.
НИУ ВШЭ, Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БАНКООРИЕНТИРОВАННОЙ ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Мировой финансовый кризис 2008 г. не остановил стремительного проникновения финансовых практик в процессы социально-экономического воспроизводства. Рост доли финансового сектора в ВВП, увеличение числа населения, имеющего счета в финансовых организациях, активное внедрение финансов в бизнес-стратегии компаний, применение финансовых инструментов правительствами в социальном обеспечении и инвестиционной политике заметны сегодня по всему миру. Весь этот комплекс процессов исследователи заключают в термине «финансиализация».

Россия — не исключение, однако в силу институциональных отличий финансиализация здесь имеет ряд особенностей. *Во-первых*, это ее банкоориентированный характер: согласно данным ЦБ РФ, на конец 2020 г. 82% активов всех финансовых организаций объединены под началом банков (Обзор финансового сектора и финансовых инструментов. 2020 год // ЦБ РФ. Апрель 2021. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/32168/overview_2020.pdf (дата обращения: 24.03.22). С. 6). *Во-вторых*, это ее зависимость от государства, выражающаяся в функционировании «финансовой вертикали» (Khmelnitskaya M. Russian housing finance policy: state-led institutional evolution // Post-Communist Economies. Vol. 26 (2). P. 164) — системы, позволяющей правительству осуществлять контроль над экономической деятельностью в стране путем манипулирования финансовыми потоками крупных российских банков, контролируемых государством. Активы последних составляют более 70% всего сектора.

Одним из ярких проявлений финансиализации в России является участие банковского сектора в специальных правительственных программах, направленных на поддержку отечественного автопро-

ма, развитие сельского хозяйства, внедрение инноваций, поддержку малого и среднего бизнеса, рост жилищного строительства и обеспечения, образование и др.

Какие политические последствия финансиализации можно выделить на основе российского опыта?

Во-первых, банки превращаются в канал распределения господдержки населения и экономики. Согласно официальным данным, с 2017 г.кратно возрос объем субсидий, которые банки получают напрямую из бюджета. Очевидно, идея выбора именно банковского канала для распределительной политики состоит в стимулировании более активной «работы» денег, лежащих на банковских счетах. Так государство де-факто оплачивает часть стоимости кредита. Наряду с программами, по которым такие субсидии позиционируются как поддержка отраслей экономики, более заметными с 2017–2018 гг. стали программы с четкой социальной направленностью: «Семейный автомобиль», «Семейная ипотека», «Сельская ипотека» и др. Эти программы могут преследовать и электоральные цели: создание частных благ для групп интересов, стимулирование политической лояльности/поддержки от отдельных территорий или групп населения (*pork-barrel politics*) (Stokes S.C. et al. Brokers, Voters, and Clientelism. The Puzzle of Distributive Politics. N.Y.: Cambridge University Press, 2013).

Во-вторых, растет политическое влияние крупнейших госбанков и руководящего ими топ-менеджмента. Поскольку де-юре даже крупнейшие Сбербанк и ВТБ являются акционерными обществами, их целеполагание исходит прежде всего из коммерческой эффективности. А ввиду таких факторов, как растущая с середины 2000-х монополизация сектора и обычно повышенные кредитные риски, а также высокая ключевая ставка в рамках политики таргетирования инфляции, крупные универсальные банки стремятся диверсифицировать свою деятельность (расширение непрофильных активов, создание технологических продуктов и сервисов в рамках экосистем) и оказываются просто незаинтересованными в выполнении своей исходной посреднической кредитной функции. Посредством создаваемых программ правительственные ведомства стараются преодолеть тенденцию к «институциональному склерозу» крупнейших банков и, как следствие, становятся зависимыми от их участия в этих программах. Эти же госбанки обладают и наибольшим лоббистским потенциалом: становясь де-факто «кредитными министерствами», они активно взаимодействуют с государственными структурами в реализации крупных инфраструктурных инвестпроектов.

В-третьих, происходит усиление промышленных экономико-политических сетей, контролируемых крупными коммерческими банками. Участие банка в госпрограммах открывает его материнской компании (или аффилированным с банковским руководством компаниям) новые источники прибыли и служит ее стратегическим преимуществом в отношениях с властями. Также с поддержкой госбюджета участие таких «карманных» банков в финансировании интересных материнской компании инвестиционных проектов становится доступнее. Прежде всего, данное следствие относится к группе «Газпром», владеющей контрольным пакетом акций Газпромбанка. С некоторыми поправками высказанное можно отнести и к полностью государственному Россельхозбанку и стоящему за ним «аграрному лобби».

Козлова Н.Н., Рассадин С.В.
ТвГУ, Тверь

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММАХ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН-ДЕПУТАТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ РФ

Актуальность исследования политической повестки молодых женщин-депутатов региональных парламентов обусловлена активизацией государственной молодежной политики в современной России, значимостью такого института, как политические элиты, а также с поиском субъекта, способного публично артикулировать проблематику, связанную с интересами и правами женщин. Что могут предложить молодые женщины-парламентарии для развития общества и «женского вопроса» в частности? Объектом исследования являются предвыборные программы молодых женщин-депутатов в возрасте до 35 лет, избранных в сентябре 2021 г. в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ. Источником анализа были выбраны персональные страницы женщин-молодых лидеров в социальных сетях.

В 2021 г. выборы состоялись в региональные парламенты 39 субъектов РФ. Итогом кампании стало избрание 118 молодых депутатов: 22 женщин и 96 мужчин. Молодые депутатки представили широкий спектр политических партий: 9 депутаток было избрано от партии «Единая Россия», 5 — «Новые люди», 3 — КПРФ, 3 — «Справедливая Россия», 1 — «Партия прямой демократии», 1 — «Коммунисты России». Наиболее активно предвыборную агитацию в сети вели кандидатки от партий «Единая Россия» и «Новые люди».

Предвыборные лозунги молодых женщин-кандидатов от «Единой России» коррелировали с содержанием общепартийной Народной программы. Молодые женщины-лидеры обращали внимание на достижения в различных областях общественной жизни, которые стали возможными благодаря работе партии «Единая Россия». В предвыборном дискурсе молодых кандидаток превалировал лексикон консервативного мейнстрима (семья, патриотизм, связь поколений и т.д.), доминировали темы заботы и спасения. «Наша общая цель — заботиться о тех, кто нуждается в помощи, защищать интересы страны и делать все возможное для ее успешного развития», — пишет на своей странице И. Долгополова (<https://ok.ru/dolgopolova24>). Женщины-кандидаты от «Единой России» затрагивали только один аспект женской/гендерной проблематики — реализация демографической политики, которая, по их мнению, успешно осуществляется в современной России.

Предвыборные кампании кандидаток от партии «Новые люди» были направлены на мобилизацию избирателей под лозунгом «Твой голос важен». Молодые женщины подчеркивали отличие своей партии от других политических сил, дискурсивно противопоставляя действие бездействию, реальность имитации. Кандидатки акцентировали внимание на отсутствии результата работы обладавших опытом парламентских партий, а также на масштабности стоящих перед обществом проблем. В предвыборных программах молодых женщин-политиков предлагалось новое, с точки зрения кандидаток, понимание природы политического, суть которого заключалась в максимальном приближении публичной власти к народу, его интересам, в символическом оформлении политики как «политики без галстуков». Ключевыми словами в предвыборных программах молодых депутаток являлись такие понятия, как «социальный лифт», «обновление», «будущее», «жить», «диалог», «кадры», совокупный смысл которых ориентировал избирателя на перспективное развитие общества за счет обновления парламентского корпуса парламентов субъектов РФ. Молодые женщины предлагали сконцентрироваться на решении региональных проблем, ориентируясь преимущественно на целевую группу в лице молодежи, выпускников вузов и вузов на рынке труда. Сквозной темой предвыборных материалов молодых кандидаток стала пандемия COVID-19: женщины настаивали на свободном выборе каждого гражданина (не)делать прививку. Месседжи представительниц партии ориентированы на разработку и реализацию экологических, социальных проектов, не затрагивая женскую/гендерную проблематику.

Женщины-парламентарии от КПрФ в рамках предвыборной борьбы сосредоточены на критике отдельных направлений социальной политики оппонентов. В частности, Р. Юхневич (Тюменская область) выражает сожаление, что «на сегодняшний момент школьное образование это УСЛУГА, которую нам предоставляют» (<https://vk.com/id28254678>). В целом молодые женщины стремились привлечь внимание к своим кандидатурам, артикулируя политику малых дел — помощь жителям в реализации конкретных, точечных задач по благоустройству области. В предвыборных программах женщин-парламентариев от КПрФ, а также от партий «Коммунисты России» и «Партия прямой демократии» гендерная/женская проблематика не артикулируется. Таким образом, молодые депутатки рамочно придерживались партийной программы в период предвыборной агитации, акцентируя внимание на своей молодежной идентичности, игнорируя гендерную.

Кокурина О.Ю.
МГУ им. М.В. Ломоносова, ИС ФНИСЦ РАН, Москва

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ АРИСТОТЕЛЕВСКОГО ОРГАНИЦИЗМА

Возникновение того или иного государства отнюдь не гарантирует ему долгой исторической жизни. Свое право на существование и состоятельность государству приходится постоянно доказывать проведением эффективной внутренней и внешней политики в условиях острой мировой конкуренции, в неблагоприятных и кризисных обстоятельствах. Это обстоятельство нашло свое отражение в появлении таких терминов, как «квазигосударство», «слабое государство», «неустойчивое государство», «дисфункциональное государство» и «несостоятельное государство».

Исследование «государственности», как универсального феномена и понятия, обобщающего и отражающего природу государства, сегодня имеет как концептуально-теоретическое, так и практическое значение для осмысления целей, направлений и инструментов национально-государственного строительства России в условиях мировой турбулентности.

В современных социально-гуманитарных науках отсутствует консенсус в трактовке явления и понятия «государственность» (А.С. Шабуров, Ф.М. Раянов и др.). Значительное продвижение к пониманию государственности сделал Дж. Неттл (*Nettl J.P. The state as a conceptual variable*), который выделил четыре концептуальных аспекта государственности: способность государства осуществлять власть; статусность (*statehood*), быть единицей международных отношений; автономность, самостоятельность,

самоценность государства; социокультурное измерение государства. Иная четырехаспектная трактовка государственности, понятийно близкая понятию «состоятельность государства» (*stateness*), дана С. Бартолини (S. Bartolini): — организационные возможности мобилизации ресурсов; — внешняя консолидация территории; — поддержание внутреннего порядка; — регуляция государством социальной и экономической сфер.

Однако выделенные исследователями разрозненные сущностные аспекты обобщенного государства не позволяют сформировать целостное понимание природы явления государственности. Отсюда уместно обратиться к методологии аристотелевского органицизма, которая базируется на учении Стагирита о четырех основаниях-факторах (*aition*), определяющих статику и динамику каждого целостного организма (Г.Ю. Канарш). В этом свете природу «государственности» уместно соотнести с аристотелевской энтелехией (осуществленностью) бытия этого явления, обусловленной взаимосвязанностью и взаимодействием четырех этионов (причин): материальной, формальной (идеальной), движущей и целевой (А.Ф. Лосев). В этом направлении значительное продвижение представляет предложенная профессором М.В. Ильиным интегральная формула государственности, консолидирующая выявленные ключевые факторы в целостную структуру аристотелевской тетрады: — фактор движущий (статусность государства — включенность в международное сообщество государств: *statehood*); — материальный (состоятельность государства, способность и возможность выполнять свои главные функции: *stateness*); — формальный (идеальный) — идея государства (народа, нации); целевой — автономность (самодостаточность, самостоятельность) государства.

Мы же полагаем, что движущим фактором (ДФ) государственности является наличие действенной государственной власти, имеющей возможности и способности (политическую волю) к ее проявлению (например, к концу 1991 г. в СССР уже не было государственной власти (М.С. Горбачев), а политическая власть (Б.Н. Ельцин) была направлена и привела к разрушению государства). В свою очередь, формальный (идеальный) фактор (ИФ) государственности образуют: статусность государства (внешний аспект) и его национально-государственная идея (внутренний аспект). Материальный фактор (МФ) составляет система управления, государственный аппарат, институты и ресурсы государства, их функциональная достаточность и эффективность при реализации общенациональных целей и задач и сохранении государственности в историческом процессе. Целевым фактором (ЦФ) является суверенность государства, его автономность, самостоятельность и самодостаточность в решении внешних и внутренних задач страны. Выделенные сущностные факторы, логически связанные друг с другом структурой аристотелевской энтелехии, в своей совокупности образуют целенаправленную природную целостность, способную функционировать, развиваться и эволюционировать как социальный организм. Причем культурно-исторические и духовно-ценностные константы России, на которых базируется ее национально-государственная идея, выступают в качестве императива исторической преемственности ключевых параметров традиций общенациональной государственности, культурного кода русской цивилизации.

С учетом положений концепции аутопойезиса (У. Матурана, Ф. Варела), системно-коммуникационного подхода (Н. Луман) и реляционной теории (Р. Розен) нами показано, что методология аристотелевского органицизма позволяет построить интегративную телеологическую модель устойчивого воспроизводства государственности, в которой этионы ДФ, МФ и ЦФ динамически обуславливают друг друга, образуя внутренний контур, замкнутый по движущей причине. Отсюда можно прийти к следующему обоснованному выводу: для поддержания исторической устойчивости российской государственности нам необходим «живой порядок, вырастающий из народной судьбы» (В.В. Ильин, А.С. Ахиезер), основанный на сильной государственной власти и политической воле, подлинной суверенности и состоятельности нашего государства, при наличии выверенной культурно-исторически национально-государственной идеи, в которой живет общенациональный «строй и уклад души» (И.А. Ильин) и отражаются чаяния многонационального российского народа.

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (проект «Факторы устойчивого развития российской государственности в контексте современных глобальных вызовов», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600330-2-5.9.1.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Актуальность работы состоит в необходимости поиска в современном российском обществе ресурсов и возможностей, которые смогли бы существенно дополнить имеющийся потенциал государственной молодежной политики в ситуации глобального информационного противостояния. Рост молодежного политического протеста последних нескольких лет наглядно продемонстрировал, что ресурс неполитических агентов политической социализации (в частности, деятелей культуры, лидеров молодежных музыкальных субкультур) в современной молодежной политике используется крайне мало. В контексте последних геополитических событий актуальность этой задачи возрастает многократно, сегодня крайне важно выявить потенциал и возможности использования современных молодежных субкультур в работе с молодежью.

Теоретическую основу исследования составили следующие концепции: концепция политической социализации Е. Б. Шестопал, позволившая нам описать институты и факторы, влияющие на политическую социализацию молодежи, концепция культурной нормализации молодежи Е.Л. Омельченко, позволившая в нашей работе выделить степень влияния музыкальных субкультур на культурные и стилевые стратегии молодежи, концепция молодежного потребления В.И. Ильина, позволившая нам выявить и охарактеризовать влияние потребления молодежью контента молодежных музыкальных субкультур на паттерны политического поведения молодежи.

Эмпирическую базу исследования составили несколько групп источников:

- нормативно-правовые акты, в частности Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ;
- результаты исследований других авторов (вторичные данные) об особенностях молодежных музыкальных субкультур, в частности: В.С. Апполонова, Ф.Н. Алипхапова, А.А. Барсамова;
- результаты собственного исследования, проведенного в марте—апреле 2020 г. методами массового опроса (153 респондента) и контент-анализа (49 музыкальных композиций), которое позволило оценить степень влияния субъектов музыкальной субкультуры хип-хопа на политическую культуру молодежи;
- результаты собственного исследования, проведенного в апреле—мае 2021 г. методом контент-анализа (38 видеообращений, посвященных поддержке январской протестной активности 2021 г.), которое позволило оценить роль представителей музыкальных субкультур как акторов влияния на политическую социализацию молодежи;
- результаты собственного исследования, проведенного в марте—апреле 2022 г. методом экспертного опроса (15 экспертов), благодаря которому были выявлены и описаны основные технологии и инструменты использования потенциала и возможностей молодежных музыкальных субкультур в работе с молодежью.

В исследовании использованы следующие методы сбора данных:

- 1) метод вторичного анализа социальной информации на основе публикаций других авторов, которые исследовали влияние музыкальных субкультур на политическую социализацию молодежи,
- 2) метод контент-анализа политической составляющей на основе музыкальных композиций русских хип-хоп исполнителей и видеообращений, связанных с январской протестной активностью 2021 г., на видеохостинге «YouTube»,
- 3) традиционный анализ документов,
- 4) экспертный опрос,
- 5) анкетный опрос.

По итогу работы были сделаны следующие выводы.

- Выявлены и описаны следующие практики взаимодействия с молодежными музыкальными субкультурами за рубежом: создание концертов и фестивалей, аккумуляция социальных, политических, антивоенных протестных настроений общества, использование музыкальных композиций и субкультур в политических, социальных, антивоенных акциях.
- Показано, что в СССР официальная музыкальная культура выполняла аккумулялирующие и консолидирующие функции и использовалась в процессе политической социализации молодежи. В постсоветской России представителей музыкальной культуры использовали в политической борьбе, примером которой является избирательная кампания Б. Н. Ельцина в 1996 г.

- По результатам проведенного социологического опроса и контент-анализа можно сделать вывод о том, что сегодня роль представителей музыкальных молодежных субкультур как агентов политической социализации используется для агрегации и аккумуляции политического протеста и мобилизации протестной активности молодежи.
- Экспертный опрос выявил, что музыкальная культура и субкультура имеет консолидирующий, аккумулирующий потенциал, который способен увеличить число вовлеченной в молодежную политику молодежи.

На основании исследования были предложены следующие практические рекомендации:

- внедрить в систему управленческих технологий ГМП субъектный подход при взаимодействии с молодежью,
- вовлекать в деятельность структур ГМП менее активную часть молодежи при увеличении степени взаимодействия системы ГМП с молодежными субкультурами, в том числе и музыкальными.

Кольба А.И.
КубГУ, Краснодар

ВОВЛЕЧЕНИЕ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ В ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПО ПОВОДУ КОНФЛИКТОВ: ПОТЕНЦИАЛ ПРОЦЕССНОГО И ПРОЕКТНОГО ПОДХОДОВ

На основе проводимых в 2019–2021 гг. исследований нами (совместно с И.В. Мирошниченко) разработаны подходы к развитию конструктивного участия городских сообществ в конфликтах через их вовлечение в принятие решений на различных этапах политико-управленческого цикла. Предлагается выделить два подхода к взаимодействию с городскими сообществами в зависимости от ситуаций, которые требуют их вовлеченности в принятие решений.

Процессный подход предполагает, что вовлечение городских сообществ происходит в рамках «рутинной» политико-управленческой деятельности, предполагающей возникновение типовых ситуаций и разрешение проблем, как правило, с использованием постоянно действующих механизмов муниципальной демократии и консультаций. Проектный подход предусматривает вовлечение городских сообществ в рамках проектирования для решения определенной проблемы городского развития. Механизмы их вовлечения и развития конструктивного потенциала будут различаться для каждого из подходов.

Для первого из них важно наличие на этапе формирования повестки дня дискуссионных площадок с участием представителей органов власти, прежде всего городских администраций. В рамках проектного подхода могут быть использованы другие механизмы вовлечения городских сообществ, эффективность которых связана со спецификой данного вида деятельности (формирование проектных команд, создание проектных заявок, краудсорсинг, краудфандинг, аутсорсинг и др.).

Сравнительный анализ возможностей указанных подходов позволил выявить ряд существенных различий между ними:

- При использовании процессного подхода формирование повестки дня происходит преимущественно в реактивном режиме, тогда как проектный подход нацелен на ее проактивное формирование.
- Процессный подход предполагает разработку решения проблемы в условиях конфликта, проектный — в условиях сотрудничества сторон, заинтересованных в ее решении.
- Исходя из этого, принятие решения при использовании первого подхода происходит в условиях кризисной ситуации, характеризующейся недостатком времени и других ресурсов. При использовании второго подхода принятие решений имеет плановый характер, происходит в установленные сроки.
- Ожидаемым результатом для процессного подхода является урегулирование конфликта по итогам противоборства сторон, для проектного — на стадии формирования конфликтной ситуации.

Был выделен ряд типичных ошибок, допускаемых органами власти при взаимодействии с городскими сообществами в ходе конфликта и снижающих потенциал его конструктивного урегулирования:

- Легитимация городских сообществ как субъектов конфликта подменяется их маргинализацией, вытеснением на периферию городской политики.

- Институционализация конфликтов с участием сообществ через создание диалоговых площадок противопоставляется их деинституционализация, выражающаяся в отказе от совместного планирования городских решений и раскалывание городского социального пространства через противопоставление одних сообществ другим. Это препятствует агрегированию интересов различных групп горожан и нахождению баланса между ними.
- Часть городских сообществ на основе аффилиации с органами власти получает преимущества в манифестировании своих требований, тогда как требования другой части могут не учитываться властными структурами или учитываться в меньшей степени.
- В совокупности указанные действия приводят не к редукции, а к эскалации городских конфликтов, что приводит к вмешательству более высоких властных инстанций (прежде всего региональных органов власти) и препятствует конструктивному урегулированию конфликта.
- В большинстве случаев на городском уровне слабо развиты системы мониторинга развития и результатов конфликтов, постконфликтных ситуаций, что приводит к искажению восприятия конфликтов, дезинформированию не только горожан, но и самих властных структур о фактическом положении дел.

Сочетание принципов процессного и проектного подходов вовлечения представителей городских властей в принятие решений по поводу конфликтов, избегание указанных ошибок будут способствовать развитию механизмов коллаборативного планирования в крупных городах РФ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00571 А «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

Комаровский В.С.
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ (ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ) ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ С ЗАПАДОМ

1. Формирование национально-государственной идентичности происходит в результате сложных процессов, возникающих в ходе совместной жизнедеятельности людей, проживающих на определенной территории, в определенном государстве, и, одновременно, как результат целенаправленных усилий элитных групп, определяющих вектор общественного развития. Национально-государственная идентичность (НГИ) — динамичный феномен, меняющий не только свое содержание, но и форму (модель) под влиянием различных обстоятельств и событий, хода общественного развития. События, последовавшие после начала специальной военной операции на Украине, послужили катализатором резкого обострения отношений с США и объединенной Европой, могут существенно повлиять на процессы идентификации России.

2. Национально-государственная идентичность характеризуется четырьмя кластерами: коллективное «мы»; «значимые другие» — определение себя через соотношение к другим странам и народам, взаимодействие с которыми позволяет понимать как ту или иную степень сходства, так и принципиальные отличия от других, свою самобытность; интерпретация прошлого и конструирование традиций как общей судьбы и истории; проект желаемого будущего.

Кластеры нельзя делить на более или менее значимые. Изменение любого из них сказывается на процессе идентификации в целом.

Обострение отношений с Западом, безусловно, повлияло на представления о «значимых других». Запад из «значимого другого» для России и россиян (т.е. стран и народов, культура, ценности, нормы, образ жизни, общественное устройство которых от нас хотя и отличаются, но не настолько, что они с нашими абсолютно несовместимы), грозит превратиться в «совершенно другого», что уже нет никаких точек соприкосновения для позитивного взаимодействия. Для современного Запада Россия сегодня — это «совершенно другой». Западом предпринимаются конкретные практические шаги не только политической и экономической изоляции России, но и на уровне обычных человеческих контактов рядовых граждан (ограничительные меры визового режима для россиян).

Политическое руководство страны неоднократно заявляло, что Россия против возведения нового «железного занавеса». Однако некоторые шаги в этом направлении делает, на наш взгляд, и российская сторона. Так, в СМИ часто обсуждается тезис об изначальной, экзистенциальной враждебности России англосаксонскому миру.

3. В связи с этим в докладе предполагается обсудить два важных теоретических вопроса: 1) Россия — это особая цивилизация или особая цивилизация, но в рамках единой общеевропейской цивилизации; 2) известный советский и российский философ В.М. Цимбурский в своих работах последовательно развивал мысль, что Россия никогда не станет Европой, но и никогда не может ее покинуть, отодвинуться, повернуться к ней спиной. Периодически — как это было на протяжении всей истории — она будет то сближаться, то удаляться от нее.

Сближение или удаление от Европы Запада так или иначе сказывается на менталитете и образе жизни россиян, позициях ее руководства по многим жизненно важным для страны вопросам, а значит, и процессах идентификации, что особенно ярко проявилось в 90-х годах прошлого столетия, когда руководство страны взяло курс на превращение России в «нормальную» (по европейским меркам) страну и это находило отклик у большей части населения.

4. Центральный вопрос: история может повториться в том или ином виде? Какие факторы говорят «за» и какие «против»? Обозначим некоторые подходы к анализу этого вопроса.

Западные политики и большинство специалистов утверждают, что конфликт Запад—Россия — это по своей природе, прежде всего, конфликт ценностный, а значит, и не разрешимый цивилизационными методами (путем диалога, компромиссов и т.д.).

Существенные ценностные различия между россиянами и жителями стран Запада, безусловно, существуют, что отмечают и российские специалисты. Но различия нефатальны. Широкое международное исследование израильского специалиста Шалом Шварца в 2013 г. показало, что ценностные ориентации россиян отличаются, к примеру, от португальцев не больше, чем они, в свою очередь, отличаются от жителей скандинавских стран.

5. В рамках заявленной проблемы особый интерес представляет позиция молодежи, которая большую часть своей жизни прожила в условиях отсутствия острых конфликтных отношений с Западом. Некоторые данные на этот счет мы получили в результате исследований 2020—2021 гг.

В 2020 г. на фоне успехов России в преодолении первой волны пандемии и просчетов европейцев нами отмечалось снижение притягательности Запада для молодежи. В 2021 г., как и прежде, большинство студентов считает, что интеграция в европейское сообщество для России невозможна и не нужна, прежде всего, в силу различия менталитета россиян и европейцев. «У нас слишком большой культурный разрыв, ибо их повестка дня нам реально чужда и нам придется менять себя, чтобы стать ими. Нам хотелось бы остаться самими собой», «мы — другие».

«Мы — другие» — для студентов это не претензии на то, что мы лучше других, на свою универсальность (на что фактически претендует Запад). Это заявка на право быть другим и не страдать от этого комплексом неполноценности, желание и требование отношения к своей стране как полноправному, культурно близкому партнеру, не приемлющему поучений и наказаний санкциями.

Одновременно при всех различиях и противоречиях большинство студентов отмечало желательность сотрудничества с Европой и опасения того, что Россия может стать закрытой страной.

Есть некоторые основания полагать, что и после начала специальной военной операции на Украине Европа (Запад) не превратится для молодежи из «значимого другого» в «совсем другого», хотя в целом вопрос остается открытым.

Комлева Н.А.
ЦГА, Екатеринбург

ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК БАЗА ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

В условиях тотальной гибридной войны (С.В. Лавров), ведущейся против России так называемым коллективным Западом, особое значение приобретает противостояние в информационно-идеологическом пространстве, т.е. борьба за ценности массового сознания и базирующиеся на них установки на политические действия социальных групп.

В ныне действующей Конституции России присутствует концепция мировоззренческого нейтралитета государства в ее правовом выражении (ст. 13, п. 1 и 2): «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Это напрямую влияет на ход противоборства в информационной сфере: агрессор в качестве информационного оружия активно использует конструкты, сформированные в рамках его собственной официальной идеологии, а общество-жертва, провозгласившее «мировоззренческую нейтральность», лишается какой-либо возможности адекватного и скоординированного ответа на агрессию. В связи с этим правомерно утверждать, что официальная идеология является необходимым атрибутом как государства, так и общества. Ряд авторов заявляют об отсутствии официальной идеологии в современной России, но так ли это?

Идеология — это система ценностей и смыслов, определяющая цели развития данного социума и способы их достижения.

Основные формы существования идеологии:

1. Государственная. Она четко очерчивает свой ареал, и все структуры или отдельные граждане, выходящие за границы этого ареала, подвергаются законодательно закрепленным наказаниям, осуществляемым государственными же органами. Государственная идеология, как правило, характерна для тоталитарных обществ. В этом смысле требование п. 2 ст. 13 Конституции РФ («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной...») является абсолютно справедливым.

2. Официальная: это система оценочных конструктов, обосновывающих легальность и легитимность органов власти и управления, лояльных власти структур гражданского общества, всего хода общественного развития в данном социуме. Она является идеологией, т.е. системой ценностей, доминирующей социальной группы. Угрозы распространению и сохранению ценностей официальной идеологии распознаются на уровне гуманитарной науки, структур гражданского общества и не сопровождаются иными мерами противодействия, кроме ментальных. Официальная идеология может существовать как де-факто, не будучи фиксирована в Конституции или иных правоустанавливающих документах данного государства и социума, так и де-юре, причем ее юридическая фиксация может как сочетаться с ее практическим функционированием, так и существовать отдельно от него. В современной России де-факто официальной идеологией является идеология крупной буржуазии, т.е. классический либерализм. Официальная идеология в современной России существует на практике и манифестируется в полном объеме, но юридически невидима. Раз за разом российское государство, а вместе с ним и российское общество проигрывают битвы информационно-идеологической войны, поскольку: 1) реальной идеологией части российского правящего класса является идеология наших геополитических противников; 2) российский правящий класс и российский народ существуют в «параллельных Вселенных», их образ жизни и коллективное сознание резко отличаются.

3. Третьей формой существования и функционирования идеологии в обществе является идеология ограниченно манифестированная, или катакомбная: это идеология социальных групп, не владеющих основными средствами производства и ключевыми рычагами социального управления. Формы ее манифестации (проявления): программные документы и деятельность структур гражданского общества, представляющих интересы данных групп; отдельные научные публикации, существующие вне научного мейнстрима; блоги и влоги в социальных сетях; петиции и открытые письма, публикуемые в Интернете и/или направляемые в официальные органы власти. В основном катакомбный тип политического сознания существует в виде социальных настроений, не манифестированных институционально. В современной России катакомбная идеология существует преимущественно в форме идеологии неоконсерватизма (государственное регулирование экономики в интересах среднего класса и малоимущих, признание ценности традиционной семьи, свободное функционирование традиционных религий, система эффективной социальной защиты малоимущих слоев населения).

Призывы различных недоминирующих социальных групп и их лидеров «дайте нам идеологию» фактически имеют в виду следующее: реальную возможность адекватного социального манифестирования и институционального идеологии большей части социальных групп общества. Проблема заключается в практических основаниях и институциях такого манифестирования.

*Кондратенко К.С.
СПбГУ, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург*

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЕС В ОТНОШЕНИИ ВВЕДЕНИЯ НОВЫХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРОТИВ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ

Доклад посвящен основаниям принятия решений стран ЕС в отношении введения ограничительных мер против российских энергоносителей. Доказательная политика в данном контексте понимается как меры, «которые работают», как способы преодоления действий на основе консенсуса, а также как информационная база выработки стратегии преодоления энергетического кризиса в странах Европейского союза.

Первые санкционные пакеты, вводимые Евросоюзом в отношении российских энергоносителей, натолкнулись на отсутствие консенсуса среди стран ЕС. Некоторые страны, не зависимые от импорта угля, нефти и газа из РФ, такие как Мальта, Португалия и Ирландия, практически не имея препятствий к присоединению к санкциям, тем не менее не высказывались за введение новых ограничительных мер. Крупные экономики ЕС, такие как Франция, Германия и Италия, выступали категорически против ограничений российского импорта энергоносителей, однако общественное мнение в первом полугодии 2022 г. подталкивало правительства к решительным мерам. Страны, граничащие с РФ, та-

кие как Эстония, Латвия, Литва, Польша, Финляндия, из уст правительств которых слышны призывы к наиболее радикальным мерам против России и энергетического импорта, в первые месяцы украинского кризиса 2022 г. полностью или практически полностью прекратили поставки энергетического сырья из РФ, что сказалось на высоком росте инфляции.

Результаты проведенного корреляционного анализа показали три значимые взаимосвязи между исследуемыми переменными (рост ВВП, уровень инфляции, уровень занятости, уровень безработицы, уровень демократии, уровень миролюбия, общий уровень импортной зависимости, объем импорта энергоносителей из РФ, общественная оценка ответственности России в украинском кризисе, позиция страны, выражающая готовность к введению новых ограничительных мер по отношению к России): между уровнем занятости и уровнем импортной зависимости ($r = 0,438$; $p = 0,022$), между уровнем инфляции и объемом импорта энергоносителей из РФ ($r = 0,504$; $p = 0,007$) и между уровнем инфляции и общественной оценкой ответственности России в украинском кризисе ($r = 0,518$; $p = 0,006$). Первая взаимосвязь обусловлена трактовкой импортной зависимости как положительной для национальной экономики тенденции к интеграции в международную экономику и созданию благоприятных условий для роста занятости. Уровень инфляции и импорт энергоносителей — наиболее очевидная взаимосвязь, показывающая связь цен на энергоносители с прочими ценами на товары и услуги. Третья взаимосвязь наиболее спорная, поскольку другие способы расчета корреляций (Спирмена, Кендалла) не выявили значимой взаимосвязи между исследуемыми переменными.

Надо полагать, что существуют факторы, определяющие политику и общественное мнение в исследуемом вопросе. Проведенный регрессионный анализ показал, что политики обеспокоены, в первую очередь, импортной зависимостью от России, а также падением занятости, замедлением роста ВВП и нарастанием внутренней напряженности. Общество, в свою очередь, обеспокоено военными столкновениями на территории Европы, повышением уровня цен, ростом безработицы. При этом ценностный консенсус не является общим для всех стран ЕС. Так, например, результаты недавних социологических исследований (*Report Flash Eurobarometer*) показывают, что менее половины граждан таких стран, как Болгария и Кипр, при ответе на вопрос о полноте ответственности российских властей за ситуацию в Украине дают положительный ответ.

Результаты качественного сравнительного анализа (QCA) с использованием Булевой алгебры показали значимость факторов невысокого темпа роста ВВП и независимости или незначительной зависимости страны от импорта российских энергоносителей для позиции готовности к присоединению к новым ограничительным мерам против РФ в сфере энергетики, а также значимость факторов общественного мнения, не возлагающего всей полноты ответственности за украинский кризис 2022 г. на РФ, и низкого уровня занятости для позиции неготовности. Вероятно, фактор невысокого роста ВВП указывает на страны, не в полной мере восстановившие свою экономику после пандемии COVID-19, в то время как невысокий уровень занятости диктует правительствам придерживаться сдержанной точки зрения. Таким образом, исследование позволило выявить основные компоненты доказательной базы в выработке политической позиции стран ЕС в отношении введения новых ограничительных мер против российских энергоносителей.

Работа выполнена при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), грант «Доказательная политика технологического суверенитета и доверие: исследование публичных стратегий обоснования».

Коньков А.Е.

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ОПЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И МЯГКОЙ СИЛЫ

Степень развития публичной дипломатии диверсифицирует возможности государственной политики, позиционирует гибкость и дееспособность государства во внешней среде. Сам публично-дипломатический дискурс как пространство гражданского диалога по вопросам, имеющим наднациональное значение, постоянно расширяется. Публичная дипломатия, таким образом, может рассматриваться, с одной стороны, как распространение на внешнюю политику опыта общественного участия в национальной государственной политике, а с другой — как глобализация латентных механизмов ее формирования (популизм, традиционные ценности, протекционизм становятся важными элементами внутренней консолидации в изменчивом мире).

В свою очередь, усиливающееся положение гражданских структур отражается не только на внутренней политике государства, но и на используемых им механизмах во внешней среде. Современным демократическим центрам принятия решений все сложнее самостоятельно артикулировать государ-

ственную политику — устоявшиеся традиционные институты представительства все чаще дают сбои как в силу своих структурных особенностей, так и вследствие растущего недоверия к ним, обострения межэлитных конфликтов. Сетевизация как самих акторов, так и их институциональных конструкторов способствует нахождению менее формальных и менее публичных, но более устойчивых компромиссов и взаимных договоренностей.

Структуры внутри общества сформировали компетенции самостоятельного поиска и, самое главное, нахождения общего языка между собой и продуцирования необходимых норм и ценностей в доступных механизмах участия в государственной политике. Однако если прежде это было спецификой отдельных демократических моделей, теперь общественные институты все реже ограничены национальными границами своих стран. В этих условиях властным институтам становится все сложнее обеспечивать свой монополизм в поддержании суверенитета — как внутреннего, так и внешнего.

Все более востребованными становятся механизмы мягкого, латентного влияния во внешней среде, основанные не столько на силовом компоненте, сколько на технологиях делиберации и обратной связи, вовлечения в диалоговое взаимодействие. В условиях все более активной цифровизации, легитимирующей волю всякого рядового пользователя, конкурентоспособность государственной модели начинает определяться способностью элит к латентному управлению, гибкому диалогу, мягкому властвованию — как внутри общества, так и во внешней среде.

Иными словами, делиберативность публичной политики, ориентация на диалог государства и общества, прямое и косвенное сопротивление любым формам жесткого одностороннего влияния определяют новое качество политических отношений и на международной арене, и повсюду, где происходит соприкосновение интересов, возникает групповая идентичность, выявляются механизмы коллективного принятия решений, формирования государственной политики.

Таким образом, если в наиболее выпуклом виде технологии публичной дипломатии и ресурсы мягкой силы, их контуры и функции проявляются на межнациональном, мегаполитическом уровне, где они контрастируют на фоне себе подобных, то природа их содержания, структурные и процессуальные факторы обнаруживаются, скорее, в универсальных латентных механизмах субъект-объектных отношений власти и управления, которые генерируются и развиваются в конкурентном поле государства и гражданского общества.

По сути, последнее — общество — дает первому — государству — мандат на использование в своих (в идеале, конечно, в общих) интересах именно общественных продуктов (языка, культуры, ценностей) и формируемых на их основе структур. Возникает дополнительная палитра перспективных инструментов государственной политики, обуславливающих использование уже более специфических (реализуемых на разных аренах, в разных регионах и пространствах, на разных уровнях) латентных механизмов и технологий реализации значимых интересов, находящихся свое проявление, в частности, в решении и внутренних, административных, и внешних задач.

Копылова П.С.
ФНИСЦ РАН, Москва

ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА КАК СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Направленность на получение знаний о политике совместно с целеполаганием политологов в данной сфере способна выделить более конкретную группу людей, формирующуюся по сетевому признаку, — эпистемические сообщества. Изначально родоначальник понятия П. Хаас определил их как «сеть профессионалов с признанными компетенциями в определенной области знаний, совместно вырабатывающих критерии их истинности и способные соотносить эти узкоспециализированные знания с практической реализацией политического курса (*policy*)»¹. По мнению М. Майера, «эпистемические сообщества» позволяют объединить для анализа три важных параметра — знания, коллективную организацию и политику (*policy*)².

Изучение эпистемических сообществ заслуживает значительного переосмысления на данном этапе. Многочисленные исследовательские программы могли бы потенциально использовать эту концепцию и ее предложения, например, теории урегулирования гражданской войны, формирования альянсов, изменения идентичностей и так далее. В условиях все более глобализованного мира со значительным

¹ Цит. по: Haas P.M. Epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. No. 46 (1). P. 3 (пер. автора. — И. П.). Оригинальный вариант: «An epistemic community is a network of professionals with recognized expertise and competence in a particular domain and an authoritative claim to policy-relevant knowledge within that domain or issue-area».

² Meyer M. Epistemic Communities and Collaborative Research // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. Vol. 7. P. 862–866. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.41024-X>.

прогрессом во влиянии ценностей на опыт и знания, а также сеть профессионалов, которые их развивают и поддерживают, роль эпистемических сообществ становится все более очевидной. За последние десятилетия исследования, проведенные с использованием данной концепции, продемонстрировали свои перспективы. Ученые использовали ее, чтобы пролить свет на большой спектр вопросов от интеграции в ЕС до смягчения экологического климата и борьбы со СПИДом в Африке, поэтому можно сделать вывод о том, что эпистемические сообщества гораздо многочисленнее и важнее, чем это признается. Активизация исследований эпистемического сообщества поможет более детально погрузиться во многие вопросы, связанные с влиянием, которое оказывают экспертные сообщества на принятие политических решений.

К тому же необходимо акцентировать внимание на том, что концепция «эпистемических сообществ» сфокусирована на процессах построения консенсуса в определенной области экспертного знания, а также распространения знания, получившего статус общепринятого, или его использования другими акторами¹. Главный интерес концепции — в политическом влиянии, которое эпистемическое сообщество может оказывать на политику, а не достоверность предоставленных им заключений².

Таким образом, рассмотрение с помощью теоретико-методологических постулатов сетевого подхода эпистемических сообществ, базирующихся на знаниях о политике, — действительно очень перспективное направление исследования, позволяющее понять роль «экспертов» в процессе принятия политических решений.

Кочетков А.П.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Для того чтобы определить стратегию обеспечения геополитической безопасности России в условиях глобальной турбулентности и хаотизации международных отношений, необходимо, *во-первых*, понимать сущность и основные тенденции развития мировой современной геополитической ситуации; *во-вторых*, знать, какие конкретно существуют внешние и внутренние угрозы нашей стране в современном мире; *в-третьих*, иметь ясное представление о своих национальных интересах в новых исторических условиях, четко их сформулировать, сформировать собственную систему ценностей, на основе которой будет развиваться российское общество.

Если посмотреть на современную геополитическую ситуацию в мире, то сегодня очевидно, что система международных отношений, сложившаяся после Второй мировой войны, перестала существовать после распада Советского Союза, а новой системы мирового порядка так и не было создано. Попытка упорядочить международную жизнь при помощи единственной мировой сверхдержавы (США) оказалась несостоятельной. Сегодня Россия, используя огромный опыт в международных делах, могла бы стать крупнейшим посредником новой мировой политики, инициатором создания нового мирового порядка на основе многополюсного мира.

Стратегия национальной безопасности России 2021 г. упоминает сепаратизм как основную внутреннюю геополитическую угрозу и военную экспансию на территорию России с наиболее вероятных географических направлений, как основную внешнюю геополитическую угрозу, а основной причиной этого является «стремление стран Запада сохранить свою гегемонию (О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Раздел III: Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты. 06.07.2021 национальной безопасности России» 2021 года — сравнительный анализ реальных и декларируемых геополитических угроз // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 1. С. 17–21).

С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются:

- 1) сбережение народа, рост уровня его жизни на основе устойчивого роста инновационной экономики;
- 2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

¹ Haas P. Policy knowledge: Epistemic communities // International encyclopedia of the social and behavioral sciences / Ed. by N. Smelser, P. Baltes. Oxford: Elsevier Science Ltd, 2001. P. 11579.

² Haas P. Introduction: epistemic communities and international policy coordination // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 23.

- 3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности и порядка, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
- 4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;
- 5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;
- 6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;
- 7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;
- 8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений (О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Раздел III: Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты. 06.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 08.06.2022)).

Россия не должна воспроизводить американскую модель национальных интересов, которая одной национальных интересов США провозглашает весь мир. Для того чтобы быть мировой державой, России, как $\frac{1}{8}$ части мира, достаточно просто считать зоной своих национальных интересов саму себя. Естественно, в эту зону входят и сопредельные территории, где, так или иначе, распространены русский мир.

В целом основными направлениями деятельности общества и государства по обеспечению геополитической безопасности Российской Федерации в условиях глобальной турбулентности можно определить:

- формулирование общепринятых в Российской Федерации критериев геополитической безопасности, выработку комплекса мер и механизмов обеспечения геополитической безопасности в сферах внутренней и внешней политики;
- организацию совместной работы законодательных и исполнительных органов государственной власти Российской Федерации по реализации комплекса мер, направленных на предотвращение или ослабление угроз геополитическим интересам России;
- поддержание на высоком уровне военного потенциала государства, стратегических и мобилизационных ресурсов государства, переход к инновационной экономике;
- укрепление статуса Российской Федерации как суверенного государства в полицентричной системе международных отношений;
- формирование региональной, в перспективе — макрорегиональной, коалиции государств—союзников России.

Кравчук И.Д.
 Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва,
 Вохминцев И.В., Андрюхин В.Ю.
 МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва,
 Кучеров М.Ю.
 МГИМО МИД России, Москва,
 Полюшко Е.Д.
 Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва,
 Токарев А.А.
 МГИМО МИД России, Москва

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ КАЗАХСТАНА 2019–2022 ГГ.

Январские события 2022 г. в Казахстане привлекли внимание исследователей, экспертов и аналитиков к внешнеполитической ориентации страны и самому президенту К.-Ж. Токаеву.

Было выдвинуто предположение, что Токаев транслирует позицию государства в публичных выступлениях, посвященных внешнеполитической тематике.

Цель данной работы — сравнить доктринальный и публичный дискурсы Казахстана, чтобы выявить сходства и отличия, а также проверить следующие гипотезы:

1. Президент К.-Ж. Токаев больше всего ориентирован на Россию;

2. Президент К.-Ж. Токаев в начале президентского срока был недостаточно самостоятелен и поэтому был вынужден публично апеллировать к Н. Назарбаеву, чтобы упрочить свою позицию.
3. Среди международных организаций К.-Ж. Токаев ориентирован на ООН и ЕАЭС.

Для проверки гипотез использованы методы контент- и дискурс-анализа, позволяющие оценить частоту упоминания отдельных стран и интеграционных объединений в выступлениях главы Казахстана К.-Ж. Токаева за период с марта 2019 г. по январь 2022 г. Для исследования внешнеполитических стратегий Казахстана была собрана база данных из 2 059 873 символов за 35 месяцев президентства К.-Ж. Токаева. База данных начинается с марта 2019 г., начала президентства Токаева, и оканчивается январем 2022 г., так как сбор данных начался в конце января — начале февраля. Нас интересовали только прямые речи президента Казахстана К.-Ж. Токаева. Собранная база данных и проверенные гипотезы позволяют сделать следующие выводы.

Президент Казахстана К.-Ж. Токаев во внешней политике больше всего ориентирован на Россию. Концепция внешней политики утверждает, что Россия — союзник. Результаты исследования публичного дискурса совпадают с доктринальным дискурсом: К.-Ж. Токаев упоминает Россию 132 раза (рис. 1), а в документах Россия — союзник, упоминающийся раньше и чаще всех (рис. 2). Развитие союзнических отношений с Россией — главный приоритет и в документах, и на публике.

Второе место в иерархии приоритетов региональной дипломатии занимает Китай. Казахстан нацелен на «всестороннее стратегическое партнерство с Китайской Народной Республикой». Собранная база данных также подтверждает совпадение публичного и доктринального дискурсов Токаева. Китай упоминается 48 раз, — это самая упоминаемая страна после России.

РЕЙТИНГ СТРАН ПО КОЛИЧЕСТВУ УПОМИНАНИЙ

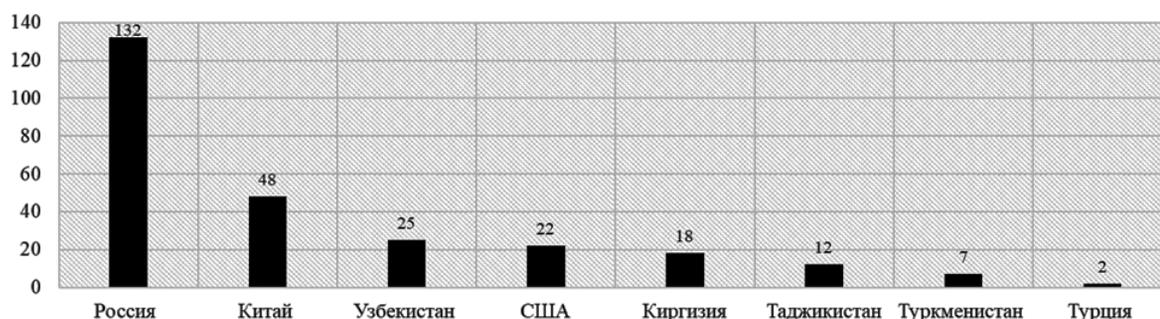

Рис. 1.

Публичный дискурс не во всем соответствует доктрине. Концепция подчеркивает, что Казахстан рассчитывает на дальнейшее расширение стратегического партнерства с США, но в публичном дискурсе К.-Ж. Токаева страна занимает четвертое место, — 22 упоминания. Место Америки занял Узбекистан, который «завоевал бронзу», — 25 упоминаний. В доктрине даже нет прямого упоминания Узбекистана, но есть «государства Центральной Азии», с которыми Казахстан развивает «стратегические взаимоотношения».

	Количество упоминаний				Первенство упоминаний			
	В данном исследовании	КВП (2014 – 2020)	КВП (2020 – 2030)	ВД (2017)	В данном исследовании	КВП (2014 – 2020)	КВП (2020 – 2030)	ВД (2017)
Россия	132	1	2	1	1	1	1	1
Китай	48	1	1	0	2	2	2	-
Узбекистан	25	1	0	0	3	6	-	-
США	22	1	1	0	4	7	3	-
Киргизия	18	1	0	0	5	3	-	-
Таджикистан	12	1	0	0	6	4	-	-
Туркменистан	7	1	0	0	7	5	-	-

Рис. 2.

По результатам исследования можно сделать вывод, что нынешний президент Казахстана — самостоятельная фигура, а в своем внешнеполитическом дискурсе не вынужден апеллировать к предшественнику для легитимации собственной политики. Число упоминаний Н. Назарбаева постепенно снижалось с 2019 г. (рис. 3). Это позволяет сделать вывод о постепенном и реальном уходе первого президента Казахстана Н. Назарбаева из политического поля и поспорить с точкой зрения о «внезапности» его ухода из политики в январе 2022 г.

ГРАФИК ЧАСТОТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА МАРКЕРА "ЕЛБАСЫ"

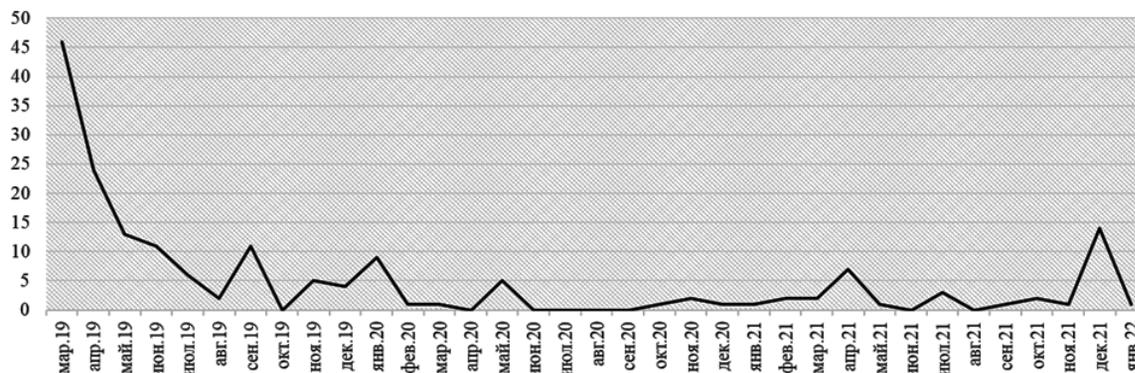

Рис. 3.

Среди всех международных организаций К.-Ж. Токаев особенно выделяет ООН и ЕАЭС и ориентируется на них во внешней политике. В доктринальном документе пункт 4.1 начинается с ООН. Общее количество упоминаний ООН в публичном дискурсе также занимает первое место среди всех организаций и даже стран — 133 раза (рис. 4). Предполагаем, что Казахстан уделяет первостепенное значение институтам многосторонней дипломатии и настаивает на ведущей роли ООН в международных отношениях и усилении роли этой организации в мире.

АБСОЛЮТНЫЙ РЕЙТИНГ ОРГАНИЗАЦИЙ

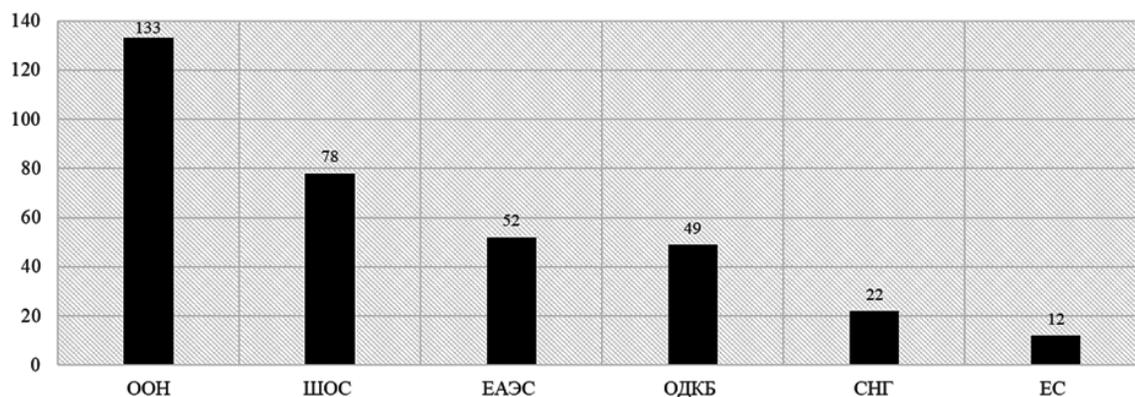

Рис. 4.

ЕАЭС — третья по количеству упоминаний организация. К.-Ж. Токаев упоминает ее 52 раза. Несмотря на то что вторая после ООН международная организация, о которой говорится в документе, — ЕС, ЕАЭС посвящен отдельный параграф 4.3. (рис. 5). Это говорит об особой роли организации для Казахстана. Упоминание ЕС — скорее дань многовекторности, нежели отражение реальных политических связей, чего не скажешь о ЕАЭС. Приоритеты между ЕС и ЕАЭС совпадают с текстом концепции: 12 и 52 соответственно.

	Количество упоминаний				Первенство упоминаний			
	В данном исследовании	КВП (2014 – 2020)	КВП (2020 – 2030)	ВД (2017)	В данном исследовании	КВП (2014 – 2020)	КВП (2020 – 2030)	ВД (2017)
ООН	133	10	3	5	1	1	2	1
ШОС	78	1	0	2	2	5	-	2
ЕАЭС	52	1	1	0	3	2	3	-
ОДКБ	49	1	0	2	4	4	-	3
СНГ	22	1	0	0	5	3	-	-
ЕС	12	2	4	0	6	6	1	-

Рис. 5.

Главный вывод исследования — доктринальный и публичный дискурсы президента Казахстана К.-Ж. Токаева в основном совпадают. Опыт применения приведенной выше методологии показывает, что она успешна и дальнейшее изучение внешнеполитических стратегий Казахстана возможно с ее использованием.

Крайнова Н.В., Прусов Д.А.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ВЫСТРАИВАНИЯ ДИАЛОГА МЕЖДУ НКО, ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ

Одним из ключевых видов информационно-коммуникативных технологий, который повлиял на коммуникацию, является сеть Интернет. Сейчас уже невозможно представить себе какую-либо деятельность человека или организации без использования интернет-технологий. В России данная информационно-коммуникативная технология становится общедоступной в первое десятилетие XXI в., и с тех пор мы наблюдаем значительный рост числа ее пользователей. Согласно статистическим данным *Digital 2021*, в России общее число уникальных пользователей Интернета составляет примерно 124 млн человек (85% от всех граждан страны).

Такое большое процентное соотношение не является случайным. Оно возникло благодаря определенным возможностям, которые предоставляет Интернет пользователям. К данным возможностям относятся:

1. Более быстрые и удобные операции с информацией (передача, распространение, хранение и т.п.).
2. Новые формы и способы коммуникации между различными субъектами (социальные сети, сайты, хостинги и т.п.).
3. Определенные инструменты для развития различных коммерческих или некоммерческих проектов.

Благодаря всем этим возможностям Интернет стал неотъемлемой частью современного общества и проник во все сферы деятельности человека. Некоммерческий сектор также оказался подвержен воздействию Интернета. Интернет дал возможность НКО:

1. Более удобно взаимодействовать между субъектами общественной жизни. Это стало возможным с массовым распространением социальных сетей. Сегодня НКО может создать свой аккаунт в социальных сетях, что позволяет осуществлять коммуникацию не только в offline, но и в online режиме.
2. «Персонализировать» сервисы. Современные технологии позволяют человеку самостоятельно формировать свою цифровую среду, т.е. в его поле зрения оказывается только та информация, которая ему интересна. Это способствует тому, что информация о деятельности НКО будет распространяться среди заинтересованных в ней людей. Современные НКО понимают высокую степень необходимости использования данных преимуществ, поэтому с каждым годом все больше некоммерческих организаций переходят в цифровую среду.

Одним из главных инструментов, которым пользуются некоммерческие организации для выстраивания интернет-коммуникации, являются социальные сети и собственные сайты. К настоящему времени социальные сети стали занимать достаточно большой сегмент в нашей жизни. Наиболее посещаемые социальные сети в России: «ВКонтакте» (28%), «Одноклассники» (19%) и *Instagram* (14%) (запрещен на территории Российской Федерации) (*Михайленок О.М., Малышева Г.А.* Политический эффект социальных сетей // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 78–87). Отдельно стоит отметить интернет-платформу *YouTube* (видеохостинг с функциями социальной сети) и различные мобильные мессенджеры.

Такие большие охваты аудитории социальными сетями не могли оставить в стороне некоммерческие организации, и они стали появляться на данных интернет-платформах. Некоммерческие организации создают свои группы, каналы, сообщества для коммуникации со своей аудиторией и продвижения своих идей.

Одной из самых удобных площадок для коммуникации НКО и общества является социальная сеть «ВКонтакте». По данным *Mail.Ru Group*, ежемесячный охват аудитории составляет 73,4 млн уникальных пользователей. Также эта социальная сеть имеет ряд возможностей, которыми могут воспользоваться НКО. К таким возможностям относятся:

1. Данная соцсеть предоставляет возможность самостоятельного рекламирования. Любая некоммерческая организация, которая создала группу во «ВКонтакте», имеет возможность формировать свой имидж и продвигать свои идеи через рекламу, которая будет появляться у пользователей данной социальной сети. Стоит отметить, что данная реклама является контекстной, т.е. будет отображаться только у тех пользователей, которые посещали похожие сообщества в недавнем времени.

2. Во «ВКонтакте» можно размещать всю необходимую информацию о некоммерческой организации (банковские реквизиты, ссылка на официальный сайт, краткое описание деятельности). Такая возможность тоже влияет на корпоративный имидж НКО, так как люди больше доверяют таким организациям, про которых можно что-то найти в социальной сети.
3. Наличие функции быстрого пожертвования. Как правило, у активных пользователей «ВКонтакте» банковская карта привязана к профилю, поэтому осуществление пожертвований в пользу какой-либо некоммерческой организации не занимает много времени.

Все вышеперечисленные преимущества делают социальную сеть «ВКонтакте» наиболее удобной для использования некоммерческими организациями с целью формирования своего имиджа и продвижения своих идей.

В заключение стоит сказать о том, что на сегодняшний день можно констатировать тот факт, что НКО имеют определенные инструменты для осуществления коммуникации в интернет-пространстве. К таким инструментам относятся социальные сети, наиболее удобной из которых является «ВКонтакте».

*Красильникова М.Н.
НИУ ВШЭ, Москва*

О МЕСТЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ» В ШКОЛЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

В рамках дисциплины «Обществознание» ученики получают знания о религии в отрыве от национальной принадлежности, рассматривая специфику феномена религии, ее функции, особенности классификаций и т.д. Предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России» делает попытку показать школьникам общее и различное в религиях и культурах разных народов, проживающих на территории Российской Федерации. Это особенно важно в контексте проблем, возникающих в повседневном взаимодействии людей разных национальностей и конфессий, которые практически всегда вызваны смещением этнического и религиозного компонентов. Зачастую даже в академических попытках анализа конкретных повседневных проблем, связанных с религией и/или национальностью/этничностью, бывает сложно отделить религиозную нетерпимость от бытовой ксенофобии. Поэтому при первом знакомстве с духовно-нравственной культурой народов России не стоит искусственно разделять эти две линии, а лучше использовать комплексный подход. Это даст возможность сконцентрироваться на более важном вопросе — гражданской идентификации.

Хотя к гражданской идентификации и основам ее формирования данный курс имеет отношение только имплицитно, его можно рассматривать как первый шаг на этом пути. Если национальная/этническая и религиозная идентификации связаны между собой и могут выступать в качестве взаимодополняющих (а иногда и взаимоисключающих) процессов, формирующих некий аппарат для обсуждения определенных общественно-политических вопросов, то гражданская идентификация не всегда может быть выражена так ясно — например, когда этническая идентификация накладывается на гражданскую или полностью или частично не отождествляется с ней, создавая разрыв между участием в общественно-политической жизни в качестве актора гражданского общества и своей собственной идентификацией. Этот разрыв говорит о неэффективности процесса политической и гражданской социализации, когда человек фактически сам исключает себя из возможного участия в жизни гражданского общества. Следовательно, начальный (зачаточный) этап политической социализации стоит рассматривать как выстраивание такой взаимосвязи религии, национальности/этничности и гражданской ответственности, когда вопросы национальных и религиозных особенностей народов, проживающих на территории РФ, находятся внутри гражданской ответственности, а последняя выступает в качестве некой общности интересов, сквозной темы.

Другим актуальным вопросом в процессе гражданской и политической социализации становится новое понимание значения религии в секулярном и постсекулярном мире.

В ряде работ зарубежных и российских исследователей (Х. Казанова, Т. Асад и др.) рассматривается, как, вытесняясь из публичной сферы и отделяясь от общественно-политической повестки, религия оказывается достаточно пластичной для того, чтобы затем совершить возвращение в публичную сферу в качестве общественной организации и занять в новом качестве свою определенную нишу. Таким образом, религия сама становится актором гражданского общества, а первые шаги к пониманию такого рода процессов могут быть сделаны на занятиях по дисциплине «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

ДОСТУПНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ О ПОИМЕННОМ ГОЛОСОВАНИИ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Необходимость планомерного повышения информационной открытости парламентов разных уровней озвучивается на высшем политическом уровне с постоянной регулярностью на протяжении последних лет. В 2020 г. в своем Послании Федеральному Собранию президент в очередной раз актуализировал данный вопрос, заявляя, что по критерию информационной открытости региональные парламенты существенно отстают от федерального. Действительно, анализ официальных информационных ресурсов Федерального Собрания (и Государственной Думы, в частности) демонстрирует широкий спектр данных, призванный дать пользователю (избирателю) представление о работе депутатов: трансляция пленарных заседаний, информация о документах на разных стадиях законотворческого процесса (от внесенных на рассмотрение до принятых законов), публикация поименных результатов голосования, форма обратной связи и др.

Представительные органы власти на региональном и муниципальном уровнях значительно различаются по способу взаимодействия с населением и степени открытости, что подтверждает представленное здесь исследование, а также ряд исследований других авторов (например, К.А. Страхова и А.Н. Пугачева). В своем исследовании мы ставили целью изучить возможность населения контролировать своих представителей (депутатов) посредством обращения к открытым данным. Наиболее значимым критерием, учитывая распространенность мажоритарной избирательной системы при формировании представительных органов власти, является доступ к данным, отражающим непосредственную деятельность того или иного депутата. Безусловно, в соответствии с нормативно-правовыми актами депутаты обязаны отчитываться о своей деятельности, что зачастую публикуется на официальных сайтах органов власти. Однако такой отчет, предоставляемый в лучшем случае раз в год и носящий субъективный (в силу необходимости представить себя в лучшем свете) характер, не может считаться формой контроля за депутатской деятельностью. Гораздо более значимым типом данных является доступ к поименным результатам голосования, где непосредственно отражена позиция депутата по конкретным вопросам.

С целью выявить открытость поименных результатов голосования был проведен анализ официальных каналов коммуникации (сайты, социальные сети) представительных органов власти федерального уровня (ГД РФ и СФ РФ), регионального уровня (85 субъектов), муниципального уровня (все административные центры субъектов РФ — 85 городов, а также иные населенные пункты с численностью населения от 100 тыс. человек и выше — всего 88). Итого в выборке оказалось 260 представительных органов власти. Так как логика структурирования информации в каждом случае различалась, поиск осуществлялся вручную по всем разделам сайта.

Результаты анализа показали, что обе палаты ФС РФ информируют население о результатах голосования депутатов и сенаторов. Среди региональных парламентов таковых только 12 (14,18%). А среди муниципальных лишь 5 (2,89%). Итого только 19 представительных органов публикуют данные о поименном голосовании, что составляет 7,31% от всей выборки.

Помимо количественных данных, которые явно свидетельствуют о крайне низкой открытости парламентов РФ разных уровней по части данных о поименном голосовании депутатов, что усложняет эффективный контроль за их деятельностью и лишает возможности проверить, работает ли данный депутат в интересах своего избирателя, можно сделать ряд дополнительных выводов. Прежде всего, очевидно, что федеральные парламенты более открыты, чем региональные, а муниципальные практически не готовы делиться обозначенными данными. С одной стороны, это согласуется с интересом населения к разным уровням управления, что косвенно отражено в явке на выборах, которая также понижается вместе с уровнем публичной власти. С другой стороны, именно местное самоуправление является наиболее приближенной к населению системой политических институтов (в силу ориентации на насущные проблемы окружающей среды), через взаимодействие с которыми происходит рост политической грамотности и опыта, поэтому описанная ситуация негативно отражается на повышении уровня гражданской образованности (где «гражданский» следует понимать как согласующийся с демократией). Другим побочным результатом анализа является отмеченная высокая сложность поиска нужной информации. Трудность возникает из-за запутанной и зачастую нелогичной организации данных на информационных ресурсах и длинного пути к нужным файлам (которые еще нужно скачать, открыть в подходящей программе, найти нужную информацию в тексте). Даже обобщенные (неперсонифицированные) результаты голосования оказываются труднодоступными для среднестатистического пользователя. Фактически о результатах принятых решений представительные органы готовы отчитываться с большей охотой, чем о процессе принятия и распределения ответственности за принятое решение.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И ПОЛИТИКО-РЕЖИМНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Целью настоящей статьи является выявление некоторых атрибутивных качеств трансформации международных отношений и мировой политики, в том числе в контексте режимных метаморфоз и их устойчивости.

В XXI в. все чаще в научном лексиконе употребляется терминология, которая так или иначе связана с турбулентными процессами. Как правило, коннотация турбулентности локализуется в рамках международных отношений, мировой политики, региональных противоречий современности. С теоретико-методологической точки зрения происходящему процессу глобализации (А.Д. Богатуров, М.Г. Делягин, В.И. Пантин, В.В. Михеев, М.А. Пешков, Ю.Е. Федоров, А.Г. Володин, Г.К. Широков, В.Л. Иноземцев, Н.Н. Моисеев, Г.А. Дробот), или глокализации (Р. Робертсон), или постглобализации (А.В. Волобуев), или неоглобализации (Р. Рейган, Т.М. Махаматов, Н.Д. Елецкий), или деглобализации (Д. Родрик, О.О. Комолов) имманентна социально-политическая и экономическая турбулентность, которая обусловлена межакторным взаимодействием различного уровня, институциональными дисфункциями, этноконфессиональными, цивилизационными и аксиологическими противоречиями, ресурсными ограничениями и иными аспектами.

Масштаб преобразований (глобальный уровень) детерминирует как характер отношений, которые в достаточной степени взаимообусловлены и потенциально антагонистичны, так и их скорость, которая постоянно растет. Нестабильность отношений субъектов и институтов неизбежно приводит к конфронтационным формам взаимодействия, что выражается в перманентных войнах, переворотах, революциях, кризисах, дефолтах, эмбарго, санкционном давлении, рестрикциях и т.д. Вышеописанные интерпретации глобальных метаморфоз так или иначе приводят к эмуляции (Р. Робертсон), т.е. автохтонной (национальной, региональной) реакции на глобализацию и унификацию социального бытия. В результате роль стохастических процессов неуклонно растет. Рассматриваемая алеаторность является одним из ключевых факторов турбулентности, выражающейся на глобальном, региональном и национальном уровнях международных отношений. В частности, практически не существует демаркационной линии между такими состояниями, как война и мир. Гибридные конфликты нивелировали фазы отношений между субъектами. Также можно отметить тот факт, что турбулентность разных сфер мирового пространства в эпоху постмодерна все больше становится нормой, а стабильность, поступательность развития, предсказуемость, закономерность — характеристики, выступающие в качестве рудимента.

Анализируемые аспекты и противоречия актуализируются в контексте режимных транзитов и конфигураций, выражающихся преимущественно на национальном уровне, который подвержен все большей девальвации (за исключением гегемона, великих и региональных держав), а также на регионально-страновом уровне локализации, что все больше в эксплицитной форме проявляется в поддержке одних политических режимов другими ради сохранения региональной стабильности и механизмов политического господства. В качестве характерных примеров (2020–2022 гг.) можно отметить помощь со стороны российского руководства режиму А.Г. Лукашенко в период внутренней социально-политической дестабилизации в Белоруссии или коллективную поддержку казахстанского режима К-Ж.К. Токаева со стороны политических элит сопредельных государств на формальном основании регламента ОДКБ. Как отмечают В.П. Макаренко и Р.К.Б. Халед, теория турбулентности релевантна широкому исследовательскому фрейму, но при этом необходимо учитывать следующие факторы политического контекста: «доктрину и практику ограниченного суверенитета, которые бывшие империи стремятся навязать новым государствам; влияние племенных и клановых сообществ на формирование национальных государств; постимперские войны и другие конфликты между государственным аппаратом и населением страны; процессы унитаризации или федерализации новых государств; меру толерантности граждан к различиям индивидов и групп и навык солидарности с людьми иного происхождения, религии, языка и обычаев; процессы континентального субсидиарного объединения государств, направленные против старых и новых бюрократических аппаратов; меру противодействия новых государств глобальной массовой культуре; степень эффективности политических инноваций с точки зрения их противодействия процессам воспроизводства тоталитарных и авторитарных систем; формы противоборства либерально-демократических и тоталитарно-авторитарных тенденций в каждой стране; рост вмешательства государства в экономическую жизнь и страновые формы этатизированной экономической системы» (Макаренко В.П., Халед Р.К.Б. Политическая турбулентность в контексте государственной бюрократии // X Юбилейный Южно-российский политологический конвент «Политическая власть в условиях социальной турбу-

лентности: региональные и глобальные аспекты»: Материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 27–31.10.2020 / Отв. ред. Р.А. Пупыкин, К.П. Пилюгина. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2020. С. 37–38).

Резюмируя, следует отметить, что взаимообусловленность и противоречивость турбулентных социально-политических и экономических процессов поэтапно усиливается, что находит свое отражение в том числе на уровне нелинейной трансформации политических систем и режимов (кризис демократии, вариативность авторитаризма), которые все больше становятся элементом управления, зависящим от глобального контекста.

*Кругляков Д.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*

ГРАЖДАНСКО-ПАРЛАМЕНТСКИЙ ДИАЛОГ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ

Постоянно растущий запрос граждан во многих странах мира на участие в принятии важных государственных решений, которые так или иначе могут влиять на происходящие общественные процессы, свидетельствует о том, что они наиболее полноценно могут реализовать свой публичный потенциал и проявить свою гражданскую позицию в рамках функционирования института парламентаризма, на площадке которого реализуется гражданско-парламентский диалог посредством взаимодействия с депутатским корпусом.

Деятельность современного демократического парламента в публичной сфере как важнейшего представительного органа власти не может не основываться на вовлечении общественности в законотворческий процесс и обеспечении того, чтобы принятые решения в форме законов, проводимая политика и общий дискурс были неразрывно связаны с общественными интересами и потребностями.

Принимая участие в законодательном процессе, разного рода проводимых публичных мероприятиях, общество через институализированные гражданские структуры имеет возможность повлиять на принимаемые парламентом законы, если в отношении них не будут использованы формальные механизмы, препятствующие их взаимодействию с парламентариями. Важно то, чтобы законодательство, которое принимается в парламенте, соответствовало ожиданиям людей, при активном участии и взаимодействии с гражданами, чьи интересы через избранных представителей он выражает.

Специфика работы парламента и непосредственно самих депутатов по выстраиванию взаимодействия с населением имеет ряд своих особенностей, исходя из статуса народных избранников, их полномочий и тех действий, которые они предпринимают по налаживанию этого взаимодействия.

В существующей практике парламентаризма имеется большое многообразие различных форм взаимодействия представительных органов в лице избираемых депутатов с населением и гражданскими структурами. Это показывает, насколько важно в современных условиях возрастания запроса на гражданское участие в политической жизни и принятии государственных решений задействовать как можно больше форм коммуникаций для налаживания качественного диалога в интересах каждого.

Гражданско-парламентский диалог может осуществляться в двух основных форматах взаимодействия.

Первый — это непосредственно работа в самом парламенте (внутрипарламентское взаимодействие), которая заключается в реализации представительной функции парламентариев, в рассмотрении и принятии законов, участии в работе своей фракции, комитете и в организованных ими публичных мероприятиях.

Второй — вся та деятельность, осуществляемая депутатами в своих избирательных округах. Именно работа депутатов в своем избирательном округе, когда происходит непосредственное общение с избирателями, в наибольшей степени способствует улучшению взаимоотношений и доверия избирателей к своим народным избранникам.

Помимо прочего, ключевым механизмом в формировании взаимных ожиданий, предоставляющим возможность использовать различные коммуникационные площадки для взаимодействия с людьми, гражданскими структурами, профессиональным и предпринимательским сообществом, становятся выборы депутатов в парламенты разных уровней власти. А сама проводимая кандидатами избирательная кампания, используемые в ней политические технологии выступают необходимым инструментом для налаживания диалога и формирования позитивного имиджа будущего депутата.

Соответственно, от того, насколько эффективно кандидат или сам депутат принимает личное участие, использует весь свой потенциал и различного рода формы общения с людьми зависит во многом

его дальнейший успех на парламентских выборах. Но многое зависит и от самой личности депутата, его восприятия в представлениях граждан, собственного имиджа, авторитета, избранных им и его командой стратегий действий и многих других факторов.

Наиболее полно проследить те или иные стратегии кандидатов в зависимости от их политических взглядов, предпочтений и их восприятие различными возрастными категориями граждан можно через «матрицу стратегий», показывающую то, какие действия нужно предпринимать кандидатам разных идеологических взглядов и как они будут восприняты теми или иными избирателями.

В заключение отметим, что с усилившимся в последние годы процессом цифровизации публично-пространства и сетевизации общественного сознания стало очевидным, что для налаживания конструктивного взаимодействия парламентариев с обществом, выражения и обмена мнениями, поиска компромиссов и решения общих проблем необходимо на каждом новом этапе выдвигать новую модель коммуникации между властью и обществом, содержащую в себе уникальный набор диалоговых форматов и площадок на базе новейшего информационно-коммуникационного инструментария и анализа больших данных.

Крутов А.В.
МАИ, Москва

СИНГУЛЯРНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ВОЗМОЖНОСТЬ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Согласно концепции политики Алена Бадью новое (сингулярное) событие провозглашается в результате нескольких «вмешательств» в несвязанную ситуацию, представимую множеством элементов.

Вмешательство (*intervention*) — это действия, рассматриваемые как включения последовательности элементов внешнего «генерического» подмножества (существующего в мышлении потенциального актора) в несвязанную ситуацию. Актор видит ее «раздвоенной», предполитической, если внутри множества появилось подмножество (мнений, требований, чувств и эмоций, переживаний и ожиданий в социальных группах); оно не выражает опредмеченную потребность, т.е. что-то предъявляет (презентует) на своем языке, но ничего не представляет (не репрезентует), «блуждая» внутри ситуации. Итак, есть 1) упорядоченная ситуация, установленная прошлым событием, представимая множеством (или нелинейной средой) и описываемая социолого-экономическими, культурно-информационными, правовыми, национальными и др. измеряемыми параметрами; 2) ничем явным не фундированное блуждающее подмножество, создающее беспокойство и хаос, живущее своими символами, мифами, стереотипами; 3) внешнее интуитивно составленное подмножество, которое должно установить новую, более сложную упорядоченность — «привязав» блуждающее подмножество к ситуации — через провозглашение события; оно несет риск неудачи, не представлено в жизни и знании (отсутствует в «энциклопедии» ситуации), построено на интуиции и верности будущему событию.

С точки зрения нелинейной динамики двойственность ситуации аналогична переходу среды в режим с обострением, так как фиксируются и противопоставляются два темпомира — существующих структур ситуации и появляющейся структуры блуждающего подмножества. На языке этой науки найдены математические решения выхода из режима с обострением, по сути описание вмешательства.

Первоэлемент вмешательства—цепочки действий основан на интуиции и верности событию и слабо поддается операционализации, т.е. его надо либо принимать, либо игнорировать. Последующие элементы строятся по правилам. Многими учеными отмечено сходство вмешательств по Бадью с поведением свободных последовательностей, по Лёйтзену и Э.Я. Брауэру, в теории множеств. Последний сформулировал основное правило так: последующие элементы должны быть похожи на ранее полученные математические объекты; или иметь математических форму, вид, свойства ранее полученных математических объектов, удовлетворяющих некоторому условию. На языке политики первые можно интерпретировать как технократические решения, вторые — как политико-управленческие. Соответственно, они могут строиться на основе марковских (законоподобных) цепей и брауэровских последовательностей.

Можно привести пример вмешательства как подготовки будущего события. Возникновение предполитической ситуации связано с решением Правительства РФ 14.06.18 о «повышении пенсионного возраста». Реакция парламентских партий, СМИ, социальных групп и граждан на ожидаемое неприятное известие сформировало блуждающее подмножество. Оно не реагировало на фундирующие шаги органов власти и вело противоречие в ситуации к режиму с обострением. Сингулярное решение Президента РФ о введении нового понятия «предпенсия» поставило в тупик организаторов референдумов и протестов, поскольку термина не существовало в ситуации. Оно являлось внешним аттрактором. Президент РФ сформулировал правила, условия, ограничения для создания последующих элементов

генерического подмножества — поручения как административным, так и политико-правовым органам. Достаточно быстро потенциал блуждающего протестного подмножества был исчерпан.

Соединение политико-философского учения Бадью, интуиционизма Брауэра, математических методов нелинейной динамики может моделировать сингулярные политические процессы.

Крымова К.М.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

МЕТАВСЕЛЕННАЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Метавселенная как понятие существует уже несколько десятилетий: считается, что возможность появления метавселенной впервые была озвучена еще в начале 1990-х годов писателем Нилом Стивенсоном в фантастическом романе «Лавина» (*Snow Crash*). Однако макроцелью для многих мировых технологических гигантов метавселенная стала совсем недавно: помимо *Meta Platforms, Inc.* (признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации), обеспечившей популяризацию данного понятия, разработкой метавселенных занимаются также и другие мировые компании-конкуренты, такие как *Amazon*, *Microsoft* и *Epic Games*.

На настоящий момент феномен метавселенной выступает предметом множества дискуссий среди экспертов, поскольку исследователи и корпорации предлагают собственные уникальные проекты, реализующие идею объединения физической и виртуальной реальности, позволяющей пользователям участвовать в различных мероприятиях посредством цифровых аватаров. Например, экс-руководитель отдела стратегии Amazon Мэттью Болл обозначает семь отличительных признаков метавселенной: непрерывность, синхронность, предоставление индивидуального ощущения присутствия для неограниченного числа пользователей, собственная экономическая система, способность охватить все проявления физической и цифровой реальности в едином пространстве, а также наполненность «контентом» и «опытом» широкого круга участников.

В результате проведенного исследования удалось определить ряд рисков, обусловленных возможностями ресурсного потенциала корпораций, участвующих в разработке метавселенной. *Во-первых*, организация метавселенной создает предпосылки для формирования в ней экстерриториальных политических структур, которые будут способны оказывать политическое воздействие как на пользователей (посредством правил и алгоритмов, установленных корпоративными элитами), так и на системы управления национальных государств.

Во-вторых, несмотря на заявления корпораций о единстве и взаимосвязи пространств метавселенной, можно ожидать тенденцию к сегментации метавселенной, причем как «внешнюю», где пользователи будут выбирать между различными продуктами техногигантов, так и «внутреннюю», выраженную через локальные информационно замкнутые сообщества, чья политизация может непредсказуемо трансформировать политические системы.

В-третьих, важными для дальнейшего исследования представляются риски, связанные со взаимодействием пользователей и их стремлением перенести в метавселенную практики и ценностные ориентации из реального мира, что создает возможность для появления новых форм цифровой политической активности (в том числе и нелегитимных) и поводов для дезинформации и манипуляций. Подобные действия также могут выступить катализатором глобальной турбулентности и поставить под угрозу цифровой суверенитет национальных государств в будущем.

Однако на данном этапе технологического развития метавселенная больше напоминает абстрактную концепцию, и полное представление о ее функционировании до сих пор остается трудноопределимым и недоступным в ближайшие годы, а вот появление некоторых фрагментов нового этапа в развитии Интернета выглядит вполне приближенным к реальности. В этой связи важно обеспечить формулирование концептуальных основ государственного регулирования как в сфере *VR* и *AR*, так и в метавселенных, поскольку в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий институты государственной власти могут не успеть адекватно среагировать на вызовы, связанные с техногигантами, а норм, установленных пользовательскими соглашениями, может быть недостаточно для регулирования взаимодействий участников метавселенной в соответствии с государственным законодательством.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ В 2022 ГОДУ

На основании исследований более 500 участников специальной военной операции на Украине, проведенных на базе ЦВКС «Архангельское» Минобороны России в мае–сентябре 2022 г., можно констатировать изменение как психосоматического состояния, так и социально-политического сознания у военнослужащих, причем респонденты сами рефлексируют трансформацию политических установок, но не психологическую и физиологическую подоплеку произошедших перемен.

Трансформации политических установок у всех военнослужащих, участвующих в исследовании, произошла однотипно:

- даже те, кто не интересовался политикой и сначала не понимал геополитического смысла специальной военной операции или имеет на Украине родственников и не был готов к активным боевым действиям, после возвращения из зоны СВО утверждают, что Россия должна была начать операцию по демилитаризации и денацификации, более того, что эту операцию нужно было начинать раньше, в 2014–2015 гг.;
- все военнослужащие, вернувшиеся из зоны СВО, включая и тех, кто не хочет или не может еще раз вернуться на поле боя, с одной стороны, признавая высокую эффективность вооружения НАТО и профессионализм украинских артиллеристов, с другой стороны, абсолютно уверены в окончательной победе Российской армии.

Что повлияло на такую однозначную трансформацию политического сознания? Есть три группы факторов: политические, социально-психологические и соматические.

Политические факторы. В зоне боевых действий участники операции столкнулись с крайней жестокостью в способах ведения войны, обращения с пленными и мирными жителями со стороны противника. Дополнительными факторами трансформации политического сознания стали боевые столкновения с иностранными вооруженными силами и чвк. Соответственно, в условиях реального противостояния произошла поляризация политической идентичности и системы ценностей по принципу «свой-чужой», в которой «свои» — всегда правы, а «чужие» — неправы по определению: «Наше дело правое — и победа будет за нами!»

Социально-психологические факторы. При включении контрактников в социальную группу (военное подразделение) и осуществляя в этой группе в течение 3–6 месяцев круглосуточное взаимодействие, естественно, у них сформировалась позитивная групповая идентичность — «боевое братство» (которой многие из них в условиях «мирного» существования не имели — чувство востребованности, групповой поддержки, сплоченного движения к общей цели), а на основании групповой идентичности — групповой фаворитизм: «Наша команда — самая лучшая! И поэтому мы всех победим!»

Соматические факторы.

- По данным психологических тестирований, такие показатели, как «самочувствие», «настроение», у большинства участников СВО находятся на максимальном уровне (65–70 баллов), и даже шкала «активность» — несмотря на явные ограничения активности вследствие ранения — обычно превышает среднее пороговое значение (50 баллов).
- Индекс жизненной удовлетворенности тоже имеет максимальные значения 37–40 баллов, особенно высокие показатели по шкалам «интерес к жизни», «общий фон настроения», «ясность целей».

Сравнение полученных данных с контрольной группой, в качестве которой выступили 50 студентов гуманитарных направлений 3 курса РАНХиГС, т.е. люди примерно такого же возраста 20+, находящиеся в мирной благополучной среде, не имеющие ранений, но подверженных общеполитическому информационному фону в СМИ, показало, что результаты контрольной группы значительно ниже по всем вышеуказанным показателям.

- Показатели Самочувствия-Активности-Настроения находятся в диапазоне 30–45 баллов, причем самые низкие баллы дает шкала «настроение».
- Индекс жизненной удовлетворенности не превышает пороговые значения; также самые низкие баллы выявлены по шкалам «интерес к жизни», «общий фон настроения», «цели» и «задачи».

Кроме вывода о действенности оппозиционной пропаганды в социальных сетях, которые воздействуют на студентов, следует сделать вывод, что показатели психологического самочувствия военнос-

лужащих СЛИШКОМ завышены. Это можно объяснить реакцией живого организма на спасение после того, как человек находился на грани жизни и смерти и спасся. В этом случае организм выделяет эндорфины, адреналин и ряд других нейромедиаторов, что приводит к повышению настроения и интереса к жизни, готовности к активности (превышающей реальные физические возможности), ощущению превосходного самочувствия, несмотря на последствия ранений.

Таким образом, у военнослужащих, получивших ранения, срабатывает доминирующий инстинкт — «я жив! Это уже победа!», а остальные вопросы на данный момент отодвигаются подсознанием на второй план (у контрольной группы наоборот — любая мелкая неприятность воспринимается как судьбоносная). К действию этого же инстинкта относится и такое изменение установок, как то, что многие молодые люди хотят жениться, создать свою семью, родить детей в самое ближайшее время.

Правомерно ожидать, что примерно через полгода у военнослужащих, вернувшихся из зоны боевых действий, особенно получивших ранения, уровень эндорфинов и всплесков адреналина начнет снижаться и возникнет необходимость решать те повседневные вопросы, которые подсознание пока отодвинуло на второстепенные позиции. Кроме того, отчетливее проявятся симптомы ПТСР, которые сейчас несколько «приглушены» позитивным гормональным фоном. Соответственно, могут быть подвергнуты пересмотру сформировавшиеся сейчас пророссийские/прогосударственные политические ценности и установки на противоположные, что может привести к росту оппозиционных протестных настроений к концу года.

Единственный действенный политический способ профилактики по поддержанию новой политической идентичности — очевидные победы в ходе СВО и сохранению уровня жизни граждан России не ниже существующего.

Крыштановская О.В., Лавров И.А.
РГГУ, Москва

ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ И НОВЫЕ КАНАЛЫ РЕКРУТАЦИИ

Какие вызовы стоят перед российской властью? В условиях глобальных вызовов требования к качеству Российского государства серьезно повышаются. Необходимый уровень профессионализма и компетентности управления могут обеспечить люди, приходящие на государственную службу. Проблема обновления команды управленцев сегодня становится одной из приоритетных. Старшее поколение истеблишмента постепенно уходит, и необходимо создавать «скамейку запасных», без которой поступательное устойчивое движение страны будет невозможно.

Создание новой системы обновления кадров. После разрушения советской системы пополнения управленческих кадров долгое время страна находилась во власти стохастических потоков: многие опытные чиновники заменялись случайными людьми из числа знакомых, государственные должности покупались, и возникали корпоративные кланы. Начиная с 2000 г. началась систематическая работа по созданию системы подготовки кадров для государственной работы. Была создана комиссия при Президенте РФ по вопросам государственной службы, многоуровневая программа кадрового резерва, восстановлена президентская программа в РАНХиГС для подготовки управленческих кадров и др.

Закрытые каналы рекрутации. Однако созданная система кадровых резервов являлась закрытой, она кооптировала специалистов внутри государственного аппарата, перемещая их с более низких позиций на более высокие. По данным нашего исследования, 86,0% участников программы кадрового резерва Президента РФ и 95,2% кадрового резерва федерального уровня уже находились на госслужбе на момент включения в резерв. Кроме того, по закрытым каналам продвигается значительное число кадров, импульс которым придают факторы nepoтuзma и клиентелизма. В результате этого в российской системе управления на сегодня примерно 9,8% людей получили должности благодаря брачно-родственным связям, а 17,1% прошли через отбор крупных корпораций, таких как Газпром, Сбер, ВТБ, Роснефть и др.

Создание открытого механизма рекрутации. Осознание этих ограничений вызвало к жизни принципиально новую программу: в 2017 г. была создана АНО «Россия — страна возможностей» и ее флагманский проект «Лидеры России». Идея этого конкурса заключалась в создании открытого механизма селекции кадров, который открывал дорогу на госслужбу всем желающим.

Итоги конкурсов «Лидеры России» 2017–2020 гг. К настоящему моменту прошло 3 конкурса, через сито которых прошло более 600 тыс. чел. из всех регионов РФ. Победителями стали 313 человек. Мы изучили их биографии, анализ которых показал следующее.

Расширение социального бассейна для рекрутации элиты. Основным источником пополнения стал бизнес (75,7% победителей). Выросло представительство работников сфер науки и образования

(их доля возросла с 1,0% в конкурсе 2018 г. до 12,3% в 2020 г.). Значимую долю составили работники НКО (6,4%). Таким образом, «Лидеры России» насыщают политическую систему людьми с разным типом мышления.

Омоложение кадров. Большинство победителей конкурса (61,6%) рождены в 80-е годы XX столетия. Средний возраст победителей — 38 лет. Это на 16 лет меньше, чем средний возраст действующего истеблишмента (54 года).

Выравнивание гендерной асимметрии. Если в политической элите в целом женщины составляют примерно 6,5%, то среди победителей конкурса их в среднем 16,6%. При этом из года в год этот показатель увеличивается, достигая 24,5% к 2020 г. Значимо и то, что среди женщин-победительниц конкурса 25,0% впоследствии инкорпорируются в политическую систему впервые, а для мужчин этот показатель равен 11,9%.

Инкорпорация новых людей. До участия в конкурсе находились на госслужбе 11,5% участников, а после победы были приглашены на различные государственные должности 14,7% тех, кто прежде не имел такого опыта. Причем 30,4% пришли сразу на федеральный уровень власти, 58,2% — на региональный и 11,4% на муниципальный. Такой процент абсорбирования системой «Лидеров России» говорит об эффективности нового механизма.

Вывод. Российская политическая система серьезно готовится к глобальным вызовам, повышая качество управленческих кадров, расширяя их социальную базу, существенно омолаживая истеблишмент. Большинство победителей конкурса получают назначения на «второй этаж» власти, становясь новым источником пула управленческих кадров, из которого впоследствии будут отобраны кадры для высшего управленческого звена. Использование меритократических принципов отбора создает основания для устойчивого развития страны в ближайшем будущем.

Кудряшова И.В.
МГИМО МИД России, Москва

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» ДЛЯ АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ

Аравийские монархии пережили «арабскую весну» без видимых потрясений (единственным исключением стал Бахрейн, куда для подавления массового протеста шиитов, направленного против социально-экономической, политической и отчасти конфессиональной дискриминации, были введены подразделения объединенных вооруженных сил ССАГПЗ). Их политическая стабильность вполне объяснима: наряду с традиционной легитимностью правящих династий ее источниками являются сырьевая рента, эффективный аппарат управления, осторожность в политических реформах, отлаженная репрессивная система, поддержка Запада и некоторые другие (*Kassomeh N., Qanas J. Wealth and the persistence of authoritarianism in the Gulf states: economic privilege or a cultural phenomenon? // The Ideology and Politics Journal. 2021. No. 3. P. 92–108*). Хотя по экономическому потенциалу эти государства различаются («сверххрантэ» с небольшим населением и очень крупными природными ресурсами (Катар, Кувейт, ОАЭ), «рантэ» со значительно большим населением (Саудовская Аравия), «уязвимые рантэ» также с небольшим населением, но с меньшими ресурсами (Оман и Бахрейн), их ответы на порожденные «весной» уличные акции и петиции были аналогичными и представляли собой различные комбинации денежных выплат, примирительных шагов, репрессий и запуска масштабных проектов социально-культурного и инфраструктурного характера.

В поствесенний период различные индексы (*Freedom House, Democracy Index, Polity*) зафиксировали в монархиях Залива некоторое снижение уровня гражданских прав и политических свобод по сравнению с 2000-ми годами, что свидетельствует о стремлении правящих элит стабилизировать политическую ситуацию. По сути, аравийские монархи не стали выполнять большинство обещаний о либерализации. При этом политические процессы в странах субрегиона развиваются по-разному, что во многом предопределено траекториями их исторического развития. Так, несмотря на принятие ряда ограничительных законов, Кувейт по-прежнему имеет наиболее развитую политическую систему, а Саудовская Аравия максимально растягивает политические реформы во времени. Оман и Катар, наименее затронутые протестной активностью, пошли по пути замораживания статус-кво, а Бахрейн и ОАЭ проводили разнонаправленные меры, реагируя на конкретные вызовы системе. В Кувейте и Бахрейне есть небольшие политические группы, представляющие гражданское общество, в том числе исламские партии.

Однако если оценивать эффекты «арабской весны» не в привычном русле движения к демократизации, а как моменты общественных трансформаций (или хотя бы созревания готовности к ним) (*Heydemann S. Explaining the Arab uprisings: transformations in comparative perspective // Mediterranean Politics. 2016. Vol. 21. Issue 1. P. 192–204*), то перед исследователем открывается более широкая аналити-

ческая перспектива. В случае аравийских монархий она позволяет предположить, что сохраняющийся традиционализм и исламские ценности не дают исчезнуть общественной солидарности и тем самым способствуют принятию нового (и современного) в отношениях между государством и обществом. С одной стороны, закреплению изменений парадоксальным образом содействует культура племенного общества, в которой укоренены повиновение и верность вождю (ее олицетворением можно считать взаимную клятву верности монарха и подданных); с другой — исламский институт лидерства заставляет монарха отвечать за благополучие общины (народа). Совсем неслучайно призыв ГА ООН оценивать уровень счастья граждан обернулся одним из приоритетных направлений государственной политики в программах развития Саудовской Аравии, Катара и Бахрейна.

Среди других общественно значимых новшеств можно назвать создание фондов будущих поколений, куда отчисляется около 10% государственных доходов; популяризацию здорового образа жизни и физической культуры; развитие образовательных проектов и укрепление престижа знаний; организацию высококачественного культурного досуга; продвижение инноваций — и все это в условиях широких контактов с миром. Сама по себе постановка цели колонизации Марса к 2117 г. в космической программе ОАЭ выступает мощным драйвером перемен.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922А «Арабское государство после “арабской весны”: траектории и динамика политических трансформаций».

Кузина С.И.

ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, ДГТУ, Ростов-на-Дону,

Веренич И.Г.

ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону

ТЕРРОРИЗМ И СМИ

Современный терроризм одним из средств своей деятельности использует публичность террористических атак. Информационная эпоха дала террористической идеологии широкие возможности для поднятия рейтингов террористических организаций в глазах сторонников и снижения доверия населения государству как гаранту безопасности.

Взрывной рост влияния средств массовой информации (СМИ) на умы, особенно с приходом цифровых технологий, является не только инструментом террористов, но средством предотвращения террористических атак. Террористический акт мгновенно привлекает к себе внимание всего мира через СМИ. Без СМИ террористы не получили бы столько внимания, не смогли бы создать атмосферу страха и влиять на общественное сознание. СМИ, в свою очередь, также используют террористические акты для привлечения к себе внимания людей, поднятия рейтингов и тиражей, а значит, получения прибыли. И, несмотря на страх, который испытывают люди, смотря на размещенные в СМИ и социальных сетях сцены насилия, крови, изувеченных останков людей, для медиа-средств такие новости считаются лучшими, так как именно они повышают материальное благополучие самих СМИ.

Об эффекте «пожара», который раздувают СМИ, тиражируя сцены насилия, свидетельствует закрепившийся термин скулшутинга или Колумбайн-эффекта, — после интенсивного освещения в американских СМИ расстрела детей в школе «Колумбайн» в США в 1999 г. подражающие расстрелы распространились по другим образовательным учреждениям. В России в феврале 2022 г. решением Верховного суда международное молодежное движение «Колумбайн» (другое название — «Скулшутинг») признано террористическим.

Можно видеть, что взаимодействие терроризма и СМИ является взаимовыгодным, неким симбиозом, хотя и неформальным, что позволяет применить к ним термин «медийный терроризм». Террористы освоили постановочные эффектные сцены с целью создания наибольшего внушения ужаса и паники человечеству, нанесения урона имиджу страны совершения теракта, снижения авторитета и легитимности власти, внушения обществу представления о своем могуществе и неуловимости. Весь мир обошли шокирующие кадры казни 15 февраля 2015 г. 21 копта-христианина в Ливии боевиками ИГИЛ (запрещенная в России террористическая группировка).

Массовые коммуникации, получившие свое распространение в цифровой век и порой трудноконтролируемые, позволяют медийному терроризму вести борьбу со спецслужбами, правоохранительными органами и другими структурами, защищающими безопасность государства и общества. Оружие в руках террористов, диверсии, ими совершаемые, дестабилизируют общество, порождают чувство депрессии, недовольство работой правительства, создают почву для межэтнических конфликтов, ксенофобии, национализма, других деструктивных явлений, разрушающих общественную систему.

Распространению в СМИ медийного терроризма способствуют не только информатизация и глобализация, но и, как это ни парадоксально, развитие демократии. Демократические принципы свободы слова, мнений, запрет на цензуру, уважение к правам и свободам человека и гражданина, принцип невмешательства в частную жизнь создают благоприятные условия для медийного терроризма. Его особая опасность состоит в масштабах его разрушительного влияния, так как он действует на сознание больших масс людей. А усиление государственного контроля за информационными потоками ставит под сомнение развитие демократии. Таким образом, медиатерроризм наносит ущерб не только безопасности общества, но и его свободам. Необходимо отметить и такой аспект: развитие эффективных, современных систем контроля требует со стороны государства больших затрат, вынуждая сокращать бюджет других, социальных, сфер (здравоохранения, образования и пр.).

Безусловно, медийные средства не несут ответственность за деятельность террористов, но они должны информировать общество так, чтобы это не способствовало росту террористической преступности. И этот принцип не только соответствует этике профессиональной журналистики, но и должен составлять идеологию каждого медийного канала. СМИ должны уметь сбалансированно подходить к своим правам и обязанностям по информированию общества, сведя к минимуму негативное воздействие информации, особенно во время освещения террористических актов, чтобы не подвергать опасности жизни заложников и сил безопасности. Средства массовой информации должны помнить, что они не только те, кто обладает информацией, но и те, кто обязан знать, как ее правильно представлять и интерпретировать в целях сохранения безопасности человечества.

Кузнецов А.Е.

АО «Институт навигации», Москва

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ПОЗИЦИЯ КНР И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Выступление посвящено территориальному спору в Южно-Китайском море. Цель исследования: анализ значения спорных территорий Южно-Китайского моря для КНР, политики КНР в отношении территориального спора и ее влияния на возможные пути развития конфликта. Исследование является инструментально-эмпирическим и описательно-аналитическим, с использованием качественных методов анализа данных. В статье проводится анализ значения Парасельских островов, архипелага Спратли, мыса Скарборо и Южно-Китайского моря в целом для КНР как с экономической, так и с военно-стратегической точки зрения. Автор анализирует политический курс КНР в рамках конфликта в Южно-Китайском море, характер политики, а также результаты, к которым она привела сейчас, и ее влияние на будущее конфликта.

Выводы: спорные территории имеют серьезное военно-стратегическое значение для КНР в связи с проводимой ею стратегией «активной обороны», а также большое экономическое значение не только в связи с запасами углеводородов и рыбных ресурсов в ЮКМ, но и поскольку через него проходит подавляющая часть импорта энергоресурсов в КНР.

В территориальном споре в Южно-Китайском море задействованы следующие страны: Бруней, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, КНР, РК (Республика Китай). Косвенным образом оказалась вовлеченной в спор Индонезия. Спор ведется за суверенитет над территориями, входящими в исключительные экономические зоны стран—участниц конфликта. Каждая из стран имеет свою позицию, которая основана прямым или косвенным образом на положениях Конвенции ООН о морском праве 1982 г. Претензии Брунея, Вьетнама, Малайзии, Филиппин пересекаются с территориальными претензиями КНР, поскольку она претендует на 80% акватории и объектов Южно-Китайского моря, в том числе на Парасельский архипелаг, архипелаг Спратли и мыс Скарборо.

Политика КНР в отношении территориального спора в ЮКМ основывается на принципе трех «нет» и имеет двойственный характер. С одной стороны, КНР принимает участие в разработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, участвует в переговорах и старается поддерживать статус партнера АСЕАН, а с другой — суда КНР нарушают границы исключительных экономических зон стран—участниц конфликта, а Пекин предпринимает активные меры по ограничению судоходства в спорной акватории. Для того чтобы мирное урегулирование конфликта стало возможным, КНР придется отказаться от принципов своего нынешнего политического курса, поскольку сама идея проведения успешных переговоров полностью противоречит им. Однако, в силу высокого экономического и военно-стратегического значения спорных территорий для Китая, наиболее вероятным в краткосрочной перспективе видится настаивание Пекина на отложении вопросов территориального спора и на совместной разработке ресурсов Южно-Китайского моря. Актуальность: проблема конфликта в ЮКМ является актуальной, так как эскалация конфликта не только скажется на общемировых по-

ставках и окажет непосредственное влияние на мировую экономику, но и может привести к распространению военных действий за пределы региона в связи со вступлением в конфликт внешних сторон.

Кузнецов А.Г.
СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В МОСГОРДУМУ)

В последние годы не только в России, но и во всем мире произошел отход граждан от политики. Когда избиратели чувствуют, что они не представлены должным образом, они выражают своего рода протест против политической системы и отказываются от участия в политической жизни своей страны. Перед политиками стоит задача найти альтернативные и более привлекательные способы вернуть избирателя к урне для голосования. В то же время появление Интернета, стремительное развитие цифровых технологий и средств коммуникации не только меняют то, как мы общаемся в обществе, но и требуют нового осмысления идей политики и демократии. В связи с этим электронное голосование становится все более обсуждаемой и актуальной темой. Сторонники электронного голосования находят уже сложившийся бумажный способ голосования недостаточно актуальным для нашего времени и призывают к изменениям, воспринимаемым как модернизация избирательной системы. Критики находят неоправданной эйфорию сторонников введения электронного голосования, которое, по их мнению, повысит политическое участие граждан.

Действительно, в течение многих лет в мире в качестве метода голосования на выборах использовалась бумажная система голосования. При бумажной системе голосования требуется несколько дней, чтобы провести выборы и объявить окончательные результаты. Бумажная система голосования позволяет избирателю зарегистрироваться и проголосовать больше, чем приемлемое требование: один избиратель, один голос. Многие политики в авторитарных режимах используют эту возможность, чтобы привлечь избирателей к голосованию за себя несколько раз. Проблема многократного голосования избирателем привела к тому, что кандидат становится победителем. Система бумажного голосования позволяет изменять результаты выборов. При ручном подсчете голосов опрошенных избирателями можно легко манипулировать в пользу того или иного кандидата. В настоящее время, после ручной сверки, результаты выборов сканируются и передаются по незащищенной сети с использованием мобильных телефонов, планшетов и компьютеров. Эта процедура ненадежна и может быть использована в пользу конкретного кандидата. Обычно существующие системы голосования, голоса, набранные избирателями, не проверены избирателями. Это заставляет избирателей сомневаться в честности избирательной системы. Кроме того, в систему голосования вовлечено мало людей, что облегчает изменение.

Выборы, являющиеся фундаментальной основой выбора руководства в любой демократии, бесспорно характеризуются такими проблемами, как заполнение бюллетеней, навязывание кандидатов, выдача себя за избирателей, многократное голосование фальшивыми избирателями, захват избирательных материалов, таких как урны для голосования, бюллетени для голосования, массовые фальсификации партийными агентами в сотрудничестве с организатором выборов.

Электронное голосование (*e-voting*) было в основном введено для решения проблем, выявленных в традиционных системах голосования. Система электронного голосования предусматривает интеграцию электронных устройств в систему голосования.

Кроме того, информационно-коммуникационные технологии позволяют гражданам чувствовать себя причастными к событиям государственной важности в процессе голосования. Интеграция принципов прямой демократии в политическую жизнь Российской Федерации сейчас представляется неизбежной. Примечательно, что сетевая электронная демократия стала своего рода технологической платформой для управления государственным избирательным процессом в Российской Федерации. Современные технологические средства должны позволить распространить практику электронного голосования, что неизбежно увеличит количество людей, участвующих в выборах. Электронная агитация будет быстро распространяться, что является еще одним способом заставить граждан быть вовлеченными в выборы.

Россия только недавно попробовала дистанционное электронное голосование: на выборах в Мосгордуму 2019 г. Избирателям трех избирательных округов была предоставлена возможность проголосовать онлайн. Эксперимент не прошел безупречно. Уже на подготовительном этапе безопасность системы ставилась под сомнение; кроме того, подвергался критике тот факт, что он находился в ведении города Москвы, а личность и право голоса избирателей проверялись порталом мэра Москвы, а не многофункциональными центрами государственных и муниципальных услуг, обычно наделенными этой задачей.

Таким образом, все эти факторы говорят о том, что электронное голосование может стать как демократическим инструментом, так и механизмом, при котором авторитарные режимы могут использовать его в своих целях. Основой этого анализа является современное состояние и практика внедрения электронного голосования в России, и в частности на выборах в Москве в 2019 и 2022 гг.

Кузнецов В.А.
ОВЦС, Москва

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КРИЗИСА В ОЦЕНКЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

24 февраля 2022 г., в день начала специальной военной операции (СВО) с целью защиты населения Донецкой и Луганской Народных Республик, кризис в российско-украинских отношениях перешел в острейшую фазу военного противостояния.

Соответственно, данные события не могли не найти своего осмысления со стороны Русской Православной Церкви и ее официальных представителей, потому что: *во-первых*, «юрисдикция Русской Православной Церкви простирается на лиц православного исповедания, проживающих на канонической территории Русской Православной Церкви», включая Украину¹; *во-вторых*, трагическое противостояние развивается между народами, имеющими общую веру и общие исторические корни; *в-третьих*, СВО существенным образом оказывает влияние на восприятие деятельности Русской Православной Церкви в ее международном аспекте.

Святейший Патриарх Кирилл в день начала СВО в своем Обращении к архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви подчеркнул, что «русский и украинский народы имеют общую многовековую историю, восходящую к Крещению Руси святым равноапостольным князем Владимиром»² и выразил надежду, «что эта дарованная Богом общность поможет преодолеть возникшие разделения и противоречия, приведшие к нынешнему конфликту»³.

Детальную оценку происходящих событий Святейший Патриарх Кирилл изложил в своем официальном послании от 2 марта 2022 г. в адрес исполняющего обязанности генерального секретаря Всемирного совета церковью протоиерея Иоанна Сауке.

Во-первых, Предстоятель Русской Православной Церкви отметил, что виновники данного конфликта — «не народы России и Украины, которые вышли из единой Киевской купели Крещения, объединены общей верой, общими святыми и молитвами, связаны единой общей исторической судьбой»⁴, а «истоки противостояния следует искать во взаимоотношениях стран Запада и России»⁵.

Во-вторых, Украина стала средством для политических сил, проводящих политику сдерживания России, через военное освоение украинской территории и «перевоспитание», ментальную перделку «украинцев и живущих там русских во врагов России»⁶.

В-третьих, Святейший Патриарх Кирилл назвал данное развернувшееся противостояние «частью большой геополитики, главной целью которой является ослабление России»⁷.

Негативным фактором в развертывании российско-украинского конфликта является политика колониальных держав, которые, «руководствуясь принципом “разделяй и властвуй”, и в других регионах земного шара создавали точки военного напряжения и междоусобных конфликтов. Сегодня это постыдное правило, к большому сожалению, применяется и для эскалации русско-украинской вражды»⁸.

Духовное единство русского и украинского народов подверглось опасностям, с одной стороны, из-за военных действий, с другой стороны, из-за наличия в современном информационном пространстве «дезинформации, прямой лжи, провокационных заявлений, которые способны возбудить негативные

¹ Устав Русской Православной Церкви. Глава I. Общие положения. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133115.html>.

² Обращение Святейшего Патриарха Кирилла к архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5903795.html>.

³ Там же.

⁴ Послание Святейшего Патриарха Кирилла и.о. генерального секретаря Всемирного совета церковью в связи с событиями на Украине. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5907942.html>.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на X Парламентских встречах в Совете Федерации ФС РФ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5926129.html>.

чувства людей»¹, но церковное участие «может стать реальным миротворческим фактором, положительно воздействующим на то, что происходит в братской для нас Украине»².

Руководствуясь пастырской ответственностью и исключительно миротворческой позицией, Русская Православная Церковь в лице Синодального отдела по благотворительности и социальному служению в ежедневном режиме оказывает гуманитарную помощь всем пострадавшим от военных действий. Координация помощи осуществляется Межведомственной рабочей группой, образованной 25 августа 2022 г. и подотчетной Патриарху Московскому и всея Руси и Священному Синоду³.

Логика рассуждений Святейшего Патриарха Кирилла приводит к следующим выводам: современный российско-украинский конфликт является большой скорбью и трагедией для народов с общей верой, историей и культурным наследием; текущее военно-политическое противостояние России и Украины активно, целенаправленно и сознательно поддерживается со стороны внешних политических сил с открыто враждебной позицией по отношению к России; деятельность Русской Православной Церкви является исключительно миротворческой и способствует по мере возможности установлению мира и справедливости в зоне конфликта.

Кузнецова Е.В.
ДонНУ, Донецк

СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И ДНР НА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ

У становление и поддержание межрегиональных связей положительно влияет на все сферы жизнедеятельности городов и районов, а также может стать действенным инструментом развития устойчивой интеграции стран.

После подписания 21 февраля 2022 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи РФ и ДНР взаимодействие между российскими и донбасскими городами и регионами заметно активизировалось. 4 октября 2022 г. Советом Федерации Федерального Собрания РФ одобрена ратификация договоров о вхождении в состав России ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. Президентом РФ В. Путиным принято решение о том, что российские регионы возьмут шефство над районами и муниципалитетами ДНР и ЛНР. Безусловно, помощь регионам Донбасса оказывалась и ранее, но сегодня это проходит более масштабно. Уже около сорока субъектов РФ заявили о своей готовности оказать содействие республикам. Выбор «подшефных» проходит с учетом посильности оказания помощи: более развитые регионы берут наиболее пострадавшие города и районы, а остальные — небольшие или минимально затронутые военными действиями.

После Великой Отечественной войны объединялись усилия всей страны, и Донбасс как «сердце России» был отстроен заново. Донецкий край был экономически тесно связан и развивал свой индустриальный потенциал с Российской Федерацией. Угольные шахты, металлургические и машиностроительные заводы активно интегрировались с мариупольскими портами в единую индустриальную связь с регионами Центра и Юга России. Распад СССР нарушил сложившиеся связи, и сотрудничество заметно сократилось. Известно, что до 2014 г. Донбасс реализовывал около трети промышленной продукции Украины, но сегодня регион переживает трудные времена.

Приведем некоторые примеры оказываемой сегодня помощи, которая может перерасти в стабильные межрегиональные связи. Так, 1 июня 2022 г. было подписано Соглашение об установлении побратимских связей между городами Санкт-Петербург и Мариуполь. В рамках этого Соглашения петербургские специалисты восстанавливают районы Мариуполя, направляя усилия на сферу здравоохранения, культуры и образования, ЖКХ и строительства. Разрабатывается генеральный план развития Мариуполя, прибывает муниципальная техника для города, началось восстановление инженерных коммуникаций и строительство 12 пятиэтажных жилых домов, часть которых уже сдана. 16 июня 2022 г. в администрации Старобешевского района ДНР состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве с Республикой Бурятия. Хабаровский край поможет Дебальцево. Этот город 28 июня 2022 г. уже посетил губернатор региона М. Дегтярев. И таких примеров много.

Последовательная интеграция требует своего продолжения и в других сферах, помимо экономической. Необходимо дальнейшее культурно-гуманитарное и научно-образовательное сотрудничество. Шефство над вузами ДНР взяли российские образовательные учреждения, направляя усилия на создание единого научно-образовательного пространства, осуществляя совместные стажировки для студентов и курсы повышения квалификации для педагогических работников.

¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета 18 марта 2022 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5909544.html>.

² Там же.

³ ЖУРНАЛЫ Священного Синода от 25 августа 2022 года. URL.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5952955.html>.

Привлечение молодежи очень важно, так как дальнейшая интеграция будет зависеть от того, кто будет ее осуществлять, как подготовлены кадры, как сформировано общественное мнение, как создается будущая элита сейчас. Привлечение молодого поколения должно стать эффективным инструментом продвижения и сохранения общих ценностей. Важным направлением сотрудничества могут стать историко-патриотические проекты о Великой Отечественной войне, при этом больше внимания следует уделять школьникам.

Для популяризации сотрудничества на межрегиональном уровне необходимо более активное его освещение в новых медиа и активное продвижение в социальных сетях в формате, который будет пользоваться популярностью, в первую очередь, среди молодежи. На сегодняшний день этот диалог возможен посредством новых медиаформатов (онлайн-форумов, блогосферы, мобильных ТВ, социальных сетей и других форм «e-participation»). Важным может стать информирование о существующих традициях, общем культурном прошлом, немаловажно также обмениваться делегациями, фильмами, спектаклями, литературой, выставками, проводить спортивные мероприятия, заниматься вопросами экологии.

Необходимо активизировать приграничное сотрудничество в рамках еврорегиона «Донбасс», которое представляет собой инструмент реализации совместных трансграничных проектов и организации прямого сотрудничества. С 1998 г. в рамках приграничного сотрудничества был подписан ряд соглашений, что в дальнейшем послужило основой для создания еврорегиона «Донбасс» в 2010 г. между Луганской и Ростовской областями, к которому присоединились в 2011 г. Донецкая область и в 2014 г. Воронежская область. Деятельность в рамках еврорегиона «Донбасс» была остановлена, но сегодня надо искать пути реанимации и прорабатывать возможности дальнейшего сотрудничества.

В условиях санкций российские субъекты будут иметь интерес в экономическом взаимодействии с ДНР, но это зависит от прекращения вооруженного конфликта. Только после этого и проведенного системного аудита возможностей региона станет понятно, где сотрудничество станет взаимовыгодным и как его эффективно встроить в финансовый и хозяйственный комплекс РФ. Донбасс поставляет высококачественный антрацитовый уголь, черные металлы, доломиты, соли, а взамен получает электроэнергию, газ, продовольствие. Перспективными видятся, прежде всего, строительство и восстановление инфраструктуры, сельское хозяйство и торговля. Логистика по доставке товаров уже наработана. В первую очередь задействованы приграничные регионы.

Определенные шаги уже сделаны, экономические связи налаживаются, торговый оборот увеличивается, донецкие предприятия могут участвовать в государственных и муниципальных закупках в России. Но разрушенные промышленные предприятия, затрудненный выход на мировой рынок, невозможность на данный момент достичь прежнего уровня и продолжающиеся военные действия негативно сказываются на дальнейшем развитии межрегионального сотрудничества.

Куква Е.С.
АГУ, Майкоп

УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПЕРСПЕКТИВЫ УКРЕПЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)

Перспективы укрепления региональной идентичности рассмотрены с позиций состояния и уровня интеграции регионального сообщества. Уровень интеграции был определен на основе анализа данных по пяти блокам: информационно-коммуникационному, компетентности, публичности политики, доверия, готовности к сотрудничеству. Соответственно, уровень доверия власти (институционального доверия) изучался как компонент интеграции регионального сообщества. По каждому блоку рассчитывался индекс, также был получен совокупный индекс интеграции регионального сообщества.

Совокупный индекс институционального доверия в Республике Адыгея демонстрирует, что доверие институтам, в том числе институтам власти, весьма существенно. Выявлено, что «персонализированным институтам» — Президенту и главе региона оказывает доверие наибольшее число респондентов Адыгеи, и показатели индекса доверия наиболее высокие по этим позициям. На одном — достаточно высоком — уровне индексы доверия органам власти региона, администрации города/села, региональным правоохранительным органам. Самый низкий индекс институционального доверия — у СМИ, которые рассматривались как один из источников официальной информации. Также самые высокие показатели, схожие с общероссийскими цифрами, у организаций здравоохранения и эпидемических служб, что является индикатором, отражающим запрос на снижение тревожности населения в условиях пандемии.

Проведенный анализ доверия на межличностном и институциональном уровнях позволил выявить достаточно высокий совокупный индекс доверия в Республике Адыгея (в том числе относительно индекса по Краснодарскому краю).

На уровень доверия к власти оказывали влияние прямые и косвенные индикаторы, в частности, в условиях пандемии COVID-19 это были: степень информированности общества, а также отношение к получаемой информации; информационная открытость региональных органов власти; активность населения во взаимодействии с властью; учет общественного мнения при принятии решений властью; оценка населением региона работы органов власти, ее компетентности; удовлетворенность решениями и действиями властей; достаточность мер, принимаемых властью в условиях пандемии; уровень сплоченности на уровне региона; готовность населения терпеть ограничения в связи с распространением пандемии; уровень межличностного доверия.

Чем больше уровень доверия между людьми в обществе, тем выше уровень социальных интеграционных процессов, развития. А это, в свою очередь, влияет на укрепление региональной идентичности. Компонентами региональной идентичности при таком подходе являются: единое информационное пространство, системы коммуникаций (как формальных, так и неформальных), когнитивные аспекты (осознание существования региона, наличия региональных особенностей) (*Назукина М.В. Региональная идентичность // Идентичность. Личность, общество, политика. Энци. издание. М., 2017. С. 508–511*).

Условия высокой неопределенности, в которых проводилось исследование — распространения пандемии — отражали повышение ценности стабильности и запрос на предсказуемое будущее. Понятная, артикулированная региональная идентичность способна удовлетворять данный запрос.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

Кумпан В.А.
КубГУ, Краснодар

ГЕЙМИФИКАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

Преподавание истории и обществознания в условиях глобализации включает как проблемные характеристики, так и дополнительные возможности для развития образовательной системы.

К проблемам относится давление информационного общества с тотальной экономизацией всех сторон жизни, выражающейся, прежде всего, в прагматическом подходе к образованию, интерес учащихся связан с внеобразовательным социальным пространством. Информационное общество девальвирует ценность исторического прошлого, предлагает противоречащие традиционным ценностям образцы поведения. Сам по себе формат классно-урочной системы даже в контексте использования системно-деятельностного подхода не выдерживает конкуренции с виртуальным пространством игр.

К позитивным характеристикам следует отнести наличие социальных сетей, которые позволяют расширять пространство класса, делить его на группы и решать проблему организации образовательного процесса в соответствии с педагогическими задачами. Простота поиска и доступность информации в Интернете — еще одна позитивная характеристика при соблюдении соответствующих требований и нормативов.

Социальное пространство современных учеников предельно геймифицировано, занимательные сюжеты компьютерных игр, множество настольных игр сформировали особое пространство социализации, в том числе и политической. Историко-обществоведческий контекст данных игр при этом не всегда соответствует критериям научности и достоверности, но является крайне привлекательным для участников игр.

В Кубанском государственном университете действует организованная со студентами направления «международные отношения» модель, в рамках которой моделировались как международные организации (ООН, ШОС, СНГ), так и международные конгрессы (Венский и Берлинский) и цикл конференций (создание Версальско-Вашингтонской системы).

Проведение моделей международных организаций проводилось в очном, дистанционном и гибридном форматах. Дистанционно использовались платформы ЗУМ и ТИМС, что позволяло проводить пленарные сессии и выделять отдельные залы для работы секций. В качестве информационных

площадок использовались страницы в социальной сети <https://vk.com/kubanmodel> и <https://vk.com/kinunp>. Очные заседания проводились в специально оформленных и внутренне пространственно организованных аудиториях, с учетом особенностей проведения международных мероприятий.

Информационное сопровождение осуществлялось в виде анонсов, пресс-релизов хода мероприятий и публикации итогов проведенных моделей. Был выработан комплекс документов, к которым относятся итоговые резолюции, а особенно мемуары участников моделей международных исторических процессов представляют собой уже модель исторических источников.

В ходе проведения заседаний следование регламентным процедурам, использование официальных обращений наряду с атрибутикой и символикой создают атмосферу погружения в социальные условия в соответствии с принципом историзма. Разработка индивидуальных бренд-кейсов с символикой международных организаций, в соответствии со сложившейся традицией проведения моделей ООН, а также использование визуальных материалов — карт и карикатур, связанных с историческими условиями, также имеет существенное значение.

Введение элементов игры в образовательный процесс решает целый ряд проблем мотивационного, организационного и содержательного характера в современном образовательном процессе. У участников моделей отрабатываются уникальные навыки дипломатической деятельности, повышается интерес к историческим фактам и событиям. Формируются умения в работе с историческими фактами в контексте противодействия фальсификации истории.

Куньщиков С.В., Лебединкина Е.Г., Титов А.В.
УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

ФЕНОМЕН «ЗЕЛеноЙ ИДЕОЛОГИИ» В УСЛОВИЯХ ПАРАДИГМЫ ПОСТМОДЕРНА

В настоящее время зеленая политическая повестка набирает все большую популярность, особенно в западноевропейских странах. Экологическая идеология как совокупность энвайронменталистских ценностей и идей активно внедряется в существующий идеологический дискурс. Элементы энвайронментализма прочно вошли в идеологию крупнейших политических партий Европы и привели к становлению собственно «зеленых» политических партий.

Однако вопрос об идеологическом характере зеленого движения до сих пор остается открытым. Проблема заключается в идеологическом статусе зеленого движения, или, иными словами, в решении вопроса о том, насколько зеленые политические партии можно считать партиями идеологическими.

Анализ политических программ и политической практики различных традиционных европейских партий позволяет сделать вывод о том, что зеленая повестка нашла свое отражение в идеологии и практике подавляющего большинства этих партий от социалистов и либералов до консерваторов и правых популистов. Иными словами, существует своеобразный «зеленый» консенсус, характерный одновременно для совершенно разных идеологических и политических сил.

Ядром этого консенсуса является добавленная ценность — *природа*, занимающая место терминальной ценности в «зеленой идеологии». Данная ценность не заменяет основополагающие ценности идеологических систем, а встает на более высокий, априорный уровень. Следует отметить, что этот консенсус не приводит к объединению идеологических оппонентов и противников, на идеологическом уровне которых сохраняется конфликт.

Идеология — это модельные, ценностные представления о природе социальной реальности, путях и способах ее изменения, претендующие на универсальное содержание (*Куньщиков С.В. Идеология в структуре политического процесса: сущность и динамика функционирования: специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии»: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / Уральский Государственный ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2006. — 24 с.*)

Основываясь на данном определении, можно выделить сущностное отличие «зеленых идеологий» от классических идеологий. «Зеленые партии» представляют собой, собственно, не идеологические, а прагматические партии, которые преследуют, в первую очередь, исключительно личные, в том числе и экономические, интересы отдельных групп.

То, что обычно трактуется как «зеленая идеология», в свою очередь, существует в отличной от идеологии форме идейно-ценностного конструкта. Эту форму мы характеризуем как паразитическую, поскольку «зеленая» идея представляет собой некоторое подобие бесформенной ризомы, или некоторую обволакивающую весь политический спектр вуаль (в дальнейшем мы будем использовать термины «идеология» и «зеленая» идеология», поскольку на данный момент мы не имеем необходимого терминологического инструментария для того, чтобы дать релевантное определение). Такая форма идеологии существенно отличается от обычного синтеза идеологий, поскольку ценность природы носит

априорный надидеологический характер, в то время как классические идеологии строятся на некотором конфликте различных модельных и ценностных представлений о природе социальной реальности.

Причиной появления такой формы идейно-ценностного конструкта является установление новой общественно-политической парадигмы — постмодерна, характеризуемой хаотичностью, иррациональностью и бесформенностью, многообразием идей и плюрализмом мнений. В постмодерне исчезает сама суть идеологии, поскольку в данной парадигме неприемлемы рациональность и все, что претендует на универсальное содержание. Кроме этого, постмодерн деконструировал как каждую идеологию в отдельности, так и феномен идеологии как таковой. На смену классических идеологий модерна приходит феномен постидеологии, который в данном случае требует концептуализации и опреационализации.

«Зеленая идеология» существует в «традициях» постмодерна, представленных в виде хаотичности и отсутствии традиций. Также сама форма существования этого феномена является постмодернистской и уже не может быть охарактеризована терминами парадигмы модерна.

Таким образом, можно говорить о необходимости разработки и концептуализации феномена «зеленой идеологии» как одного из видов постидеологии, поскольку современный категориальный аппарат в отношении данного феномена не может быть применен.

Мы можем говорить о необходимости введения в политическую науку нового термина, который мог бы наиболее точно охарактеризовать такой тип идейно-ценностного конструкта, поскольку «зеленая идеология» не отвечает всем необходимым характеристикам идеологии как политического феномена.

Курюкин А.Н.
ИС ФНИСЦ РАН, Москва

ПОЛИТИКА РОССИИ 2020-Х ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ИНДУСТРИИ 4.0: ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Четвертая промышленная революция (4IR) ставит политические системы перед двумя глобальными сценариями — негативным и позитивным. По первому из них она поможет правительствам и истеблишменту развивать открытую, гибкую экономику, основанную на знаниях и перспективных навыках, продвигает торговлю за пределы традиционных торговых блоков, повышает эффективность и действенность систем здравоохранения и социального обеспечения и предлагает преимущество «первопроходца» в области секторов обороны и безопасности для тех, которые наилучшим образом используют новые технологии. По второму глобальному сценарию разрушительные последствия интеграции технологий будут слишком велики и слишком быстры, что может привести к серьезным социальным последствиям, особенно если средний класс, который кровно заинтересован в сохранении статус-кво, внезапно обнаружит, что статус-кво работает против него. То, что роботы сделали для промышленных рабочих в 1980-х и 1990-х годах, искусственный интеллект может сделать для многих офисных работников и чиновников в ближайшие 10–20 лет. Когда средний класс обращается против правительства, может произойти революция. Непредвиденные политические события 2016 г. и подъем популистских лидеров, вероятно, в большей степени связаны с последствиями финансового кризиса 2008–2011 гг., но неблагоприятное воздействие 4IR на занятость может усилить импульс отхода от ситуации после 1989 г., когда был сформирован глобализационный консенсус.

Четыре основных сценария

- **Управление изменениями как рынком.** Цель состоит в том, чтобы попытаться обеспечить стабильность и справедливость для всех. Риск заключается в том, что либо правительство не сможет контролировать экспоненциальные организации, находящиеся на переднем крае технологий, либо госаппарат будет восприниматься как сопротивляющийся изменениям и станет все более непривлекательным местом для внутренних инвестиций, что приведет к хроническому экономическому спаду.
- **Взятие изменений под контроль.** Крупные страны без сильных традиций либерализма и демократии могут попытаться сформировать систему контроля над новыми технологиями и использовать их в своих целях, будь то в экономических и внутривнутриполитических целях, как в Китае, или в более агрессивных целях. Риск заключается в том, что другие страны, способные быстрее прогрессировать и более быстро разрабатывать новые бизнес- и социальные модели, серьезно опередят эти страны, которые будут обречены на постоянное положение догоняющих.
- **Открытие изменений для участия бизнеса.** Правительства могут быть не в состоянии контролировать 4IR, но вместо этого могут предпочесть плыть по волнам, делая все возможное для привлечения внутренних инвестиций, например, путем структурирования привлекатель-

ных налоговых режимов, легкого регулирования, инвестиций в инфраструктуру (например, 5G) и открытости для торговли с другими частями мира, как в последней четверти XX в. это сделал Сингапур.

- **Невмешательство.** Правительства могут решить, что логичным решением для интеграции новых технологий, которые расширят возможности как крупных корпораций, так и, потенциально, местных сообществ (через блокчейн-валюты и местное производство энергии), является радикальное сокращение вмешательства путем передачи большего количества функций на региональный и местный уровни, с обязательным и широким включением частной инициативы от бизнеса, гражданского общества и заинтересованных активных групп.

В любом из этих случаев необходимо будет спланировать подход к управлению последствиями перехода на новые технологии. Даже в самых оптимистичных сценариях, когда новые технологии приведут к созданию столько же или даже большего количества новых рабочих мест, чем ликвидируется старых, неизбежно произойдет переход к управлению без участия человека. В негативном сценарии возникнет проблема хронической безработицы или неполной занятости, что приведет к сопутствующему падению налоговых поступлений и, таким образом, ограничит возможности правительства по смягчению социально-экономических проблем.

Многие исследователи этих вопросов считают, что выходом из положения и средством нивелирования негативных социально-экономических последствий выступят минимальные социально-экономические гарантии, другие утверждают, что экономика не выдержит трат на интеграцию новых технологий и поддержание общественных слоев. В любом случае политика вынужденно изменится, что особенно может обостриться в условиях, когда последнее десятилетие стало свидетелем краха доверия широких масс к устоявшейся политике. Центристские партии, особенно левые, резко потеряли поддержку, в то время как рейтинги националистических, правых партий и более радикальных левых партий выросли. В то же время очевидно, что по мере того, как развитие технологий начнет влиять на экономику и социум, ключевой проблемой для политиков всех уровней и ориентаций будет вопрос: «Что вы собираетесь с этим делать?»

Кучинов А.М.

ВАВТ Минэкономразвития России, Москва

ОТ ПРАКТИК К (НЕ)ИНСТИТУТАМ: СЛУЧАЙ ФОРМИРОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРАКТИК

Несмотря на то что по базовым понятиям институциональной теории написано немало работ, где проработано много подробных деталей, критерии отличия институциональных сущностей от неполно институциональных практик актуализированы недостаточно. Не все то, что происходит регулярно, часто или периодически, является институтом, но от этого неинституциональные или неполно институциональные явления не прекращают быть значимыми и влияющими на разные сферы общественной жизни.

Институтом автор данного исследования считает систематически воспроизводящееся (не просто декларированное) акторами правило (норма и (или) интерпретативная схема — по Э. Гидденсу), предполагающее ожидаемые нормативно-ролевые действия акторов в его рамках (подробное объяснение см.: Кучинов А.М. Структуры и акторы формирования российского политического пространства: институциональные аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2021. С. 35–40). Практика обычно предшествует институту, но лишена некоторых его черт. В практиках, в отличие от институтов, невозможно настолько достоверно предсказать нормативно-ролевые действия акторов, поскольку правила практик, в отличие от правил институтов, воспроизводятся не систематически, а ситуативно. Правила практик чаще всего включают в себя интерпретативные схемы, но не включают нормы, поскольку они еще не сформировались.

В связи с изложенным стоит, с одной стороны, констатировать уже случившийся «поворот к повседневности» в политической науке, с другой стороны, подчеркнуть его важность. Если в середине XX в. политическая наука выглядела некоей дисциплиной о парламентах, политических системах, государствах, формальной «гражданской культуре», то сейчас актуальны работы, в которых изучаются сюжеты о влиянии на политическую, властную и административную сферы разного рода случаев повседневной жизни, с которыми на первый взгляд политика не связана. Это — вопросы идентичности, образования и воспитания, семейной жизни, личных связей, юмора и мн. др.

Это позволяет найти интерпретацию наблюдениям автора и других людей феномена ксенофобской идеологии у некоторых граждан Украины, уже приведшей к трагическим событиям. Насилие, в т. ч. на уровне идей, не может институционализироваться само по себе (т.е. так и останется неким

неинститутом, но регулярно воспроизводящимся), но могут институционализироваться институты, в которых оно воспроизводится. В 1999–2003 гг. на Украине было трудно предположить что-то подобное, хотя наблюдались единичные случаи ненависти отдельных представителей западных регионов Украины к гражданам России и жителям некоторых восточноукраинских регионов, проявлявшиеся на бытовом уровне — в столовой, на улице и т.п. Тогда они были порождены интерпретативными схемами, но не было способствующих норм. Очевидно, позднее выросшая ненависть стала тиражироваться и становиться государственной идеологией Украины, закрепились в (квази)правовых и неправовых нормах, воспроизводилась в конкретных институтах. Это указывает на актуальность изучения практик еще до того, как они стали (не)институтами. В частности, поэтому, среди прочего, дискурс-анализ сайта «Лукоморье» актуален для изучения российской политики и ее видоизменений.

Поддержано грантом РФФИ № 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В условиях неопределенности коллективный образ будущего страны обладает большей функциональностью для управления политической системой, чем прогнозы и сценарии, способствуя поддержке социального доверия, защите позитивной самооценки как всего национального сообщества, так и отдельных социальных групп, а также адаптации к происходящим изменениям. Реализация данных функций зависит от сформированности целостного видения будущего с относительной вариативностью сценариев развития событий, наличия определенного запаса исторических альтернатив при существовании в национальном сообществе общего вектора восприятия перспектив страны. И если относительно факторов, обеспечивающих вариативность и сложность представлений о будущем, уже сделаны определенные выводы (к ним относят степень социальной дифференциации, проявляющуюся в существовании различных институтов, социальных ролей, независимых и конкурирующих элит, предлагающих обществу разные сценарии будущего, уровень институционального доверия, и степень «жесткости/мягкости» социальных норм, индикаторами которых выступают разнообразие жизненных стратегий в различных социальных группах и характер социальной мобильности), то в отношении формирования ядерной части образа будущего еще идут дискуссии. Исходя из этого, основной целью исследования являлось определение матрицы восприятия образа будущего страны, применение которой позволит описать механизм формирования/изменения образа будущего России в политическом/общественном/гражданском дискурсе.

В контексте нашего исследования под образом будущего страны понимается видение перспектив развития страны через призму потребностей, интересов, ожиданий, идеалов, системы ценностей субъекта восприятия. Выступая в качестве компонента общей картины мира субъекта, данные представления отражают его психологическое отношение и к прошлому, и настоящему, а также расширяют возможности выбора им адекватных моделей поведения даже в условиях растущей неопределенности. Анализ такого сложносоставного образования предполагает дифференциацию типов образа; в результате были выделены идеальный/желаемый (с точки зрения запросов общества), моделируемый/декларируемый (с точки зрения предложения представителей органов государственной власти) и реальный/объективный (с точки зрения оценки текущей ситуации) образы будущего. При этом главными точками пересечения указанных образов являются следующие: описание страны в перспективе/представления об оптимальном пути развития; ценностное наполнение генеральной идеи; горизонт планирования; способы и ресурсы достижения целей. Именно по данным позициям должно наблюдаться согласование мнений представителей национального сообщества, что обеспечит относительную целостность и устойчивость ядерной части образа будущего. В матрицу восприятия образа будущего страны наряду с ценностно-смысловыми доминантами «представлений о себе как стране и государстве» также были включены образы реальных и потенциальных «друзей» и «врагов», так как именно они задают систему координат для самооценки и оценки происходящих и будущих внешне- и внутривнутриполитических событий. Предлагаемая исследовательская модель, с одной стороны, позволяет выявить общие содержательные и контекстуальные параметры восприятия перспектив развития страны в условиях роста конфликтности и неопределенности политического процесса, а с другой — учитывает различные аспекты проявления образа будущего: в качестве идейного конструкта, отражающего миссию страны, желаемого результата деятельности политических субъектов, инструмента реализации государственной политики и т.д.

Лаврушина Н.В.
Карельский фонд развития
общественной дипломатии, Петрозаводск

ОБ ОПЫТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТОВ КФРОД

На протяжении веков городская культура — это взаимодействие разных народов и культур. А сегодня мы живем в многонациональном и взаимозависимом мире, во времена роста этнического и культурного разнообразия населения, связанного с интенсификацией и диверсификацией миграционных потоков. Провал «культурной ассимиляции», мультикультурализма в XX — начале XXI в. показывает, что для успешного и стабильного развития общества важны взаимное уважение, признание равноценности и равноправия всех этнических и социальных групп и взаимный обмен.

Такой подход лег в основу разработки проекта «Поликультурные города», поддержанного Президентским фондом культурных инициатив в 2022 г. В нем участвуют НКО, учреждения культуры и образования 9 городов северо-запада: Петрозаводска, Кондопоги, Питкяранты, Олонца, Суоярви в Республике Карелия, Великого Новгорода, Выборга, Пскова и Калининграда.

Задачи укрепления гражданского единства, гармонизации межнациональных отношений, сохранения этнокультурного многообразия стоят перед всеми городами-участниками проекта. Для успешного развития необходим комплексный подход к управлению этнокультурным многообразием города/региона, в котором особую роль играет работа с подрастающими поколениями.

Толерантность и знания — взаимозависимые понятия. Эпос «Калевала» — одно из самых известных культурных явлений Карелии, но далеко не всегда знакомое представителям других регионов и народов. Опрос педагогов в городах-партнерах подтверждает, что дети в этих городах, в лучшем случае, слышали название «Калевала», но ничего не знают ни об эпосе, ни о традициях и культуре Карелии. Похожая ситуация и в Карелии, где дети едва ли знакомы с особенностями культур и народов в Выборге, Пскове, Великом Новгороде и Калининграде.

Знакомство школьников с культурами соседей и вовлечение их в диалог о взаимоотношениях с представителями других народов и регионов — это инструмент формирования сознательных и созидательных горожан, которые уже завтра будут принимать участие в организации жизни своих городов. От того, насколько они будут толерантны, заинтересованы в диалоге с представителями других культур и уметь его вести, зависят перспективы развития городов, качество жизни и благополучие их жителей.

Сегодняшние школьники зачастую ограничены в возможностях поездок по регионам России (из-за пандемии COVID-19, особых требований к организации детских поездок, финансовых сложностей); не имеют возможности знакомиться с культурами других народов по причине недостаточности литературы и других источников знаний для детей и подростков, а также в силу того, что не понимают значимость таких знаний и навыков.

Педагоги не всегда могут компетентно представить культуры других народов и городов, так как сосредоточены на преподавании истории, культуры своего региона.

В условиях роста поликультурности городов в интересах общества воспитывать в своих гражданах с детства уважительное отношение к разным культурам, умение сосуществовать и понимать важность взаимопроникновения культур, как и создавать возможности для получения такого опыта. Повышение интереса педагогов к этнокультурной проблематике способствует тому, что они начинают понимать необходимость более активного насыщения учебно-воспитательного процесса культурными компонентами, как «своих», так и «других», что создает условия для духовного становления личности и как следствие — ведет к обогащению общества в целом.

Важно принимать во внимание и то, что благодаря миграции формируются социальные связи между территориями, откуда приехали люди, и теми, где они поселились. Через впечатления приехавших формируются представления и стереотипы о принимающей территории у тех, с кем они поддерживают связи. А это имеет значение для формирования имиджа городов, заинтересованных в притоке инвестиций, рабочей силы, туристов.

Северо-запад России на протяжении столетий в этнокультурном плане считается типично русским (по данным 2010 г., здесь проживает более 80% русских); традиционными соседями были и остаются карелы, коми, саамы, ненцы. Но события XX в. повлияли на национальный состав населения: за последние десятилетия ситуация меняется на сторону роста этнического разнообразия. Это ставит в повестку дня вопросы выстраивания отношений между представителями коренного и пришлого населения, создание механизмов узнавания друг друга, налаживания взаимно уважительных отношений и ведения совместной деятельности. И это поднимает и вопросы сохранения и развития местных традиций и культур (что делать сложнее в городских условиях). «Люди должны общаться друг с другом, каждый должен говорить на своем языке, а с “другим” — на языке, общем для обоих. Один из таких языков — язык искусства. Художник (в широком смысле) — важнейший медиум межкультурного общения»¹ (Р. Палмер).

И начинать обучение межкультурному диалогу следует с детства. Разрабатывая этот проект, мы использовали опыт проекта «И моя Карелия тоже: карельская культура — инструмент диалога и сотрудничества народов», реализованного в Карелии в 2021 г. Сеть партнеров — школы, дома культуры, творческие коллективы, библиотеки, общественные организации, объединяя усилия и обмениваясь опытом, знакомят юных жителей городов с культурами, традициям своих народов и регионов через ремесла, фольклор, книги, костюмы, городские ландшафты. Через знакомство с особенностями разных культур выстраиваются умения вести диалог с «другими».

Важно создавать механизмы и возможности знакомства между культурами, показывать, что значит быть в незнакомой культурной среде, какие чувства испытывают люди, попав в нее; как нужно вырабатывать многокультурное сознание и поведение. Задача — менять мышление людей и побеждать стере-

¹ URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-438807.html>.

отипы и в среде коренных жителей, и среди мигрантов, показывать возможности развития через кросс-культурные связи, межотраслевое и межрегиональное взаимодействие.

Говоря о современных межрегиональных связях, стоит отметить роль НКО, которые могут (и делают это) выступать организаторами межсекторальных мероприятий, реализуют совместные проекты и таким образом способствуют развитию сотрудничества между регионами.

Лагутина М.Л.
СПбГУ, Санкт-Петербург

АРКТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В последние годы международное сотрудничество в научной сфере стало одним из важнейших компонентов международных отношений XXI в. Эта тенденция напрямую затронула сферу арктического сотрудничества, где научная кооперация с самого начала играла ключевую роль как непосредственно в освоении арктических территорий, так и в создании основ системы международного сотрудничества в Арктике. Участие в арктических делах неарктических стран стало во многом возможным благодаря их вкладу именно в научные исследования Арктики.

Рассматривая Арктику как «зону мира и сотрудничества», арктическое сообщество, стремясь не допустить на северных территориях конфликта, в последние годы больший акцент делала на более политически нейтральных, так называемых «мягких» сферах взаимодействия, в число которых входила научная кооперация. Вплоть до недавнего времени странам–участницам международного арктического сотрудничества удавалось сохранять Арктику вдали от мировых геополитических коллизий и трансформаций. Удивительным образом, события 2014 г. и пандемия COVID-19 в незначительной степени оказали влияние на сотрудничество арктических и неарктических стран в регионе. К сожалению, события февраля 2022 г. впервые в истории международного арктического сотрудничества привели к «замораживанию» контактов между крупнейшей арктической державой Россией и группой западных арктических стран, постановке на «паузу» работы Арктического совета.

В этих условиях, на наш взгляд, актуализируется значение научной дипломатии, которая как раз обладает необходимыми механизмами и инструментами для сохранения и в дальнейшем возможного восстановления политически нейтральных контактов между государствами и, как следствие, снижения конфликтного потенциала отношений между ними. В последние годы наука достаточно часто оказывается в поле зрения профессиональных дипломатов, в том числе с целью налаживания диалога и даже разрешения конфликтных ситуаций между странами. С другой стороны, в последнее время ученые и исследователи, в свою очередь, принимают на себя дипломатические функции. Подобная практика нашла отражение в известной триаде определения арктической научной дипломатии:

- наука в дипломатии (научное консультирование внешнеполитических структур);
- дипломатия для науки (создание упрощенных условий для международного научного сотрудничества);
- наука для дипломатии (использование научного сотрудничества для улучшения взаимоотношений между государствами).

Однако события 2022 г. показали, что науку можно использовать и как инструмент «жесткой» силы: путем введения санкций и ограничений на научные связи и контакты, изоляции ученых той страны, против которой введены санкции, от мирового научного сообщества, закрытия им доступа к мировым информационным базам, расторжения договоров о сотрудничестве и т.д. Подобный подход вызывает активные дискуссии не только в российской, но и западной экспертной среде. Так, критики тотального бойкота российских ученых указывают на опасность в перспективе исключения из мирового научного сообщества такой крупной научной державы, как Россия. Очевидно, что многие проблемы, характерные как для Арктического региона, так и для мира в целом (как, например, изменение климата), невозможно решить без участия российских ученых и без доступа к российским данным.

Коснулись западные ограничения непосредственно и арктического научного сотрудничества на разных уровнях: от Арктического совета, Совета Баренце/Евроарктического региона и других международных организаций до международных научных организаций (Международный совет по науке и Международный арктический научный комитет) и различных международных и российских форумов, а также университетских проектов и программ (например, в начале 2022 г. в СПбГУ закрылась программа по полярным исследованиям «Полярные и морские исследования — ПОМОР», открытая в 2002 г. совместно с Гамбургским университетом).

Тем не менее в новых условиях нашла проявление следующая тенденция: произошел разрыв связей между западными и российскими исследовательскими и образовательными центрами на институцио-

нальном уровне, но сохраняются контакты по неофициальным, частным каналам, которые остаются единственной возможностью поддержания диалога между государствами.

Лазарев А.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ В БУНДЕСТАГ 2021 Г.

Динамика развития политических представлений, в том числе смена текущих массовых политических настроений граждан, происходит во многом именно под влиянием СМИ, которые либо актуализируют текущие политические события, либо предпочитают замалчивать их, переводя фокус общественного внимания на второстепенные для граждан процессы (Аронсон Э., Пратканис Э.Р.).

В исследовании рассматривается роль коммуникативного фактора в формировании образов политических партий СдПГ, ХДС/ХСС, «Зеленые» в контексте выборов в бундестаг 2021. Вместе с тем приведены и изучены положительные и отрицательные примеры замены образа политической партии образом лидера, а также приемы дискредитации конкурентов в политической борьбе.

В качестве примера приведена мобилизационно-информационная кампания в поддержку партии СдПГ во время предвыборной кампании в бундестаг 2021 через отождествление образа ее лидера с образом партии.

На фоне выдвижения кандидатуры на пост канцлера ФРГ Олафа Шольца по его собственной инициативе высокий рейтинг кандидата смог укрепить позиции самой партии. Стратегия, где на первом плане находятся личные действия и представления кандидата в канцлеры, принесла социал-демократам увеличение рейтинга. Агитационная кампания в большей степени была построена на призыве голосовать за профессионализм, надежность и хозяйственность кандидата в канцлеры, образ, сформированный политиком на основе успешных дебатов с оппонентами, эффективного использования горизонтальных коммуникаций, стал основой для агитационно-политических материалов.

Таким образом, стратегия «СдПГ» с использованием образа успешного кандидата на выборах в бундестаг принесла партии победу с результатом в 25,7% голосов избирателей, что превышает показатель прошлых выборов на 5,2% на сайте wahlrecht.de.

Контент-анализ предвыборной программы, представленной «СдПГ» для участия в выборах, свидетельствует о том, что программа не в полной мере коррелирует с высказываниями самого кандидата: например, в то время как в программе особое внимание уделяется укреплению социальной системы, повышению налогов для обеспеченных граждан и защите прав трудящихся, Олаф Шольц фокусируется в своей речи на социальной программе партии, которая включает в себя устойчивое развитие в сфере защиты климата, повышение минимального уровня зарплат, строительство жилой недвижимости.

Примером неудачного формирования образа политической партии через образ лидера рассматривается на примере союза ХДС/ХСС и кандидата в бундесканцлеры Армина Лашета.

Выдвижение непопулярного кандидата от блока отразилось на рейтингах ХДС. Ситуация, где кандидат с низким рейтингом становится ее председателем, спровоцировала снижение рейтинга всего «Союза». Показатели рейтинга на момент окончания выборов, согласно опросу института общественного мнения «Ipsos»: партия набирает 22% голосов, в то время как ее лидер — 12%.

Результаты исследования также выявили особенности формирования образа политической партии «Зеленых». Рассмотрены причины провала желаемого образа партии через образ ее лидера Анналены Бербок. *Во-первых*, это связано с ошибками, допущенными как самой партией, так и А. Бербок в частности. Прежде всего с отсутствием реакции на раскрытие того факта, что кандидат не задекларировала свой дополнительный доход, полученный ею в период с 2018 по 2020 г. На вскрытие данных обстоятельств не последовало официальных комментариев либо опровержения ни самого кандидата, ни социальных медиа, контролируемых партией. *Во-вторых*, повлияла ситуация с неправомерными заимствованиями в своей опубликованной книге и серьезными ошибками в собственной биографии.

Примечательно, что «Зеленые» также подверглись массовой кампании по дискредитации партии и ее кандидата в социальных сетях, начиная от откровенной дезинформации о венгерских источниках финансирования кампании А. Бербок и заканчивая смонтированными фотографиями обнаженного политика и обвинениями «Зеленых» в «экологическом фашизме».

Таким образом, описанные стратегии являются защитой партийных интересов, выражающихся в стремлении получить к распределению как можно большее количество депутатских мандатов. Иными словами, с нашей точки зрения, производилась определенная и целенаправленная подмена понятий: имидж партии отождествлялся с имиджем ее лидера. С другой стороны, ошибки, соверша-

емые самими партиями и их лидерами, приводят к обратному эффекту, где существует вероятность, что кандидат, допустивший их наименьшее число, получает в итоге большую поддержку избирателей. Приемы, используемые с целью дискредитации конкурента в политической борьбе, включают в себя распространение дезинформации, стилистические приемы, такие как аллитерация и отождествление для вирусного распространения информации в сети, а также акцентуация на ошибках оппонента показали свою эффективность в контексте формирования образов исследуемых партий во время выборов в бундестаг 2021 г.

Ланко Д.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В МАЛЫХ ГРУППАХ ГОСУДАРСТВ: ПОПЫТКА МОДЕЛИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ИГР

В докладе демонстрируется положительное влияние предыдущего опыта участия в многосторонних (более десяти участников) переговорах на возникновение солидарности в малых (до десяти участников) группах. Под солидарностью в малых группах понимается выбор такого варианта решения значимой для всех участников данной группы проблемы из нескольких возможных, который, не будучи наиболее приемлемым вариантом для большинства участников, одновременно не является наименее приемлемым вариантом ни для одного из участников. В качестве примера рассматривается модель с тремя участниками, выбирающими из трех вариантов решения значимой для всех троих проблемы.

Первый вариант является наиболее приемлемым для первого и второго участников, но наименее приемлемым — для третьего участника. Второй вариант является средним по приемлемости для первого и второго участников, но наиболее приемлемым для третьего участника. Третий вариант является наименее приемлемым для первого и второго участников и средним по приемлемости — для третьего участника. Игровая модель, в которой наиболее вероятный общий выбор трех участников определяется по методу эквилибриума Нэша, указывает на два варианта решения проблемы, которые могут быть выбраны в результате переговоров между ними с равной вероятностью, — первый и второй. Выбор третьего варианта с точки зрения данной модели представляется маловероятным.

В случае выбора первого варианта можно говорить об отсутствии солидарности первого и второго участников с третьим, поскольку в результате переговоров будет выбран наименее приемлемый для третьего участника вариант. В случае же выбора второго варианта можно говорить о проявлении солидарности первого и второго участников по отношению к третьему, поскольку, хотя в результате переговоров будет выбран не наиболее приемлемый для большинства участников вариант, этот вариант не окажется наименее приемлемым ни для одного из участников.

Вывод данного доклада, что понимаемая таким образом солидарность между участниками трехсторонних переговоров возникает чаще в случае, если им предшествуют многосторонние переговоры, основывается на результатах эксперимента, в котором в 2021–2022 гг. приняли участие более четырехсот студентов высших учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, изучающих международные отношения на уровне бакалавриата; участники эксперимента были поделены на 24 группы численностью от десяти до двадцати студентов в каждой.

В половине групп студентам предлагалось сначала обсудить значимую проблему современных международных отношений один на один с другим членом данной группы, определить наиболее и наименее приемлемые для каждого из них варианты решения данной проблемы из предложенных, а затем — обсудить эту же проблему в малых группах по три–четыре участника и принять общее для данной малой группы решение, причем общее решение могло быть принято как единогласно, так и большинством голосов. Во второй же половине групп студентам предлагалось сначала обсудить эту проблему в формате всей группы из десяти–двадцати участников, а затем — также в малых группах по три–четыре участника; в ходе дискуссии в малых группах студентам предлагалось принять — единогласно или большинством голосов — общее для всей группы решение.

В результате в тех группах, где обсуждению проблемы в малых группах по три–четыре участника предшествовало обсуждение этой же проблемы в многостороннем формате, общее для малой группы решение чаще принималось единогласно, даже если выбранный вариант не был наиболее приемлемым для большинства участников, чем в тех группах, где обсуждению проблемы в малых группах по три–четыре участника предшествовало ее обсуждение в двустороннем формате. В докладе содержится попытка экстраполировать результаты данного эксперимента на практику международных отношений, в которых в последние тридцать лет растет значимость устойчивых многосторонних форматов сотрудничества, в которых постоянно участвует менее десяти государств; для обозначения таких форматов сотрудничества вводится понятие «минилатерализм».

Значимость минилатеральных форматов сотрудничества растет, с одной стороны, в результате кризиса биполярной системы международных отношений и неудачных попыток построения вместо нее однополярной системы, а с другой стороны, в результате также наблюдавшегося в последние тридцать лет кризиса многосторонности. Представленные в данном докладе результаты позволяют сделать вывод, что в тех минилатеральных форматах, которые образовались вследствие снижения эффективности тех или иных многосторонних форматов, вероятность возникновения солидарности выше, чем в тех минилатеральных форматах, которые образовались в результате введения дополнительных участников в ранее существовавшие двусторонние форматы сотрудничества.

Лапин А.В.
ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЕДИНСТВА РЕГИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В период крайней дестабилизации взаимоотношений России с коллективным Западом усиливаются риски социальной неустойчивости общества, нарастают страхи россиян перед будущим, существует опасность расширения потенциала социальных протестов в регионах России из-за вероятных последствий экономического упадка. В этих условиях в России необходимо обеспечить регулярное улучшение основных показателей деятельности экономической системы по стратегическим направлениям развития. Однако стратегии, разрабатываемые властью, могут быть воплощены в жизнь лишь в той мере, в какой граждане считают себя сопричастными к долгосрочным замыслам и ориентирам, только тогда они будут готовы приложить все свои силы и знания для достижения образа будущего страны, без осознания которого ни когнитивная, ни технологическая суверенность не могут быть завоеваны. Гражданское единение в борьбе за общие цели маркирует консолидацию граждан страны на основе внутреннего (ментального, ценностного) согласия по поводу понимания назревших общезначимых проблем и целей, детерминирующих их разрешение. Из этого следует, что социальная консолидация предполагает присутствие в обществе таких духовно-нравственных и идейно-смысловых оснований, опирающихся на базовые и производные от них личностные и групповые ценности, которые фундируют власть и социальные группы, мобилизуя их на преодоление стоящих перед государством проблем, в том числе путем формирования политического согласия как условия стабильного и безопасного развития общества. Особенно значение социальной консолидации общества возрастает в условиях ускорения политической турбулентности и нарастания трансформационных рисков. Для разработки плана действий по выходу из сложной политической и социально-экономической ситуации нужно обладать объективными знаниями о реальном социальном состоянии российского общества. В докладе приведены результаты исследования механизма трансформации социальной напряженности индивидуумов в состояние социальной поляризации в составе групп в обществе, а также представлена методика оценки уровня социальной напряженности в обществе через измерение ценностных установок граждан по методу израильского ученого Ш. Шварца. Также была выявлена взаимосвязь интегрального коэффициента неудовлетворенности жизнью, коэффициента Джини и среднедушевых доходов населения исследованных регионов. Данная методика прошла апробацию в рамках исследования семи российских регионов, по результатам которого было выявлено, что население этих регионов исповедует приблизительно однородные ценности, причем ценностные фланги изученных социальных групп настолько близки друг к другу, что вероятность роста социальной напряженности населения исследованных регионов находится на низком уровне. Однако условно гомогенный характер ценностных ориентаций населения исследованных регионов сопровождается тем, что в этих регионах отмечена крайне низкая доля или даже отсутствие социальных групп, нацеленных на созидательный труд, представители которых готовы рисковать, проявлять творчество и инновационный подход ради достижения собственного благополучия. Результаты пилотного исследования в целом подтвердили практическую применимость предложенной методики для описания распределения социальных групп общества по степени их поляризации, а также для формирования характерного портрета населения того или иного региона. Для обеспечения долгосрочного характера консолидированного состояния регионального общества предложено обеспечить активное наращивание усилий со стороны власти для скорейшего формирования открытой коммуникативной платформы, предназначенной для подготовки политических решений в региональную общественную повестку дня, разработанную совместно властью, бизнесом и обществом ради достижения общей цели — повышения качества жизни граждан.

Проект № 1022061900041-2-5.6.1 «Ценностные и социальные факторы долгосрочного развития регионов России: механизмы обеспечения гражданского единства» реализован в Институте научной информации

Лебедева М.М.
МГИМО МИД России, Москва

ВОЗРАСТАЮЩАЯ РОЛЬ ГОРОДОВ И СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Дипломатия как сфера человеческой деятельности ведет свое начало фактически с дипломатии средневековых городов. Конечно, им предшествовали внешние связи городов Древней Греции и других городов Древнего мира. Однако именно в средневековье стали закладываться основы существующей сегодня дипломатической службы.

Современные города и субнациональные регионы обладают следующими особенностями. *Во-первых*, они одновременно являются и государственными, и негосударственными структурами, хотя по этому вопросу ведутся дискуссии. *Во-вторых*, они прежде всего экономически ориентированы, но также обладают властными полномочиями. При этом рамки международной экономической деятельности на определенном этапе развития им становятся «тесными», что явилось одним из ведущих факторов усиления международной роли городов и внутригосударственных регионов. *В-третьих*, внутригосударственные регионы и города жестко привязаны к территории. Этим они отличаются от ТНК, НПО, СМИ и многих других негосударственных акторов, поскольку большинство негосударственных акторов транснационализируются, создавая свои отделения, офисы, пункты в различных странах, но не имеют своей территории.

Политическая организация мира в настоящее время претерпевает кардинальные изменения на трех основных уровнях: на уровне Вестфальской системы (происходит эрозия Вестфальских принципов), системы межгосударственных отношений (ведутся интенсивные дискуссии о складывающемся мировом порядке), а также на уровне политических систем различных государств. В результате процессов трансформации на каждом из трех уровней образуется общий эффект «идеального шторма». Данный феномен наблюдается впервые в политической истории мира.

В этих условиях значительной турбулентности и непредсказуемости приходится действовать городам и внутригосударственным регионам. Они вынуждены экономически выживать (несмотря даже на имеющиеся в ряде случаев сложные межгосударственные отношения) и выстраивать транснациональные экономические связи. Данные связи могут базироваться как на основе территориальной близости (приграничные регионы), так и на основе этнических, языковых и религиозных сходств. При этом, как показывают исследования, более развитые регионы демонстрируют большую трансграничную вовлеченность. Тем самым они становятся и более успешными. Еще одним фактором, влияющим на международную активность городов и внутригосударственных регионов, являются личностные характеристики их руководителей, а именно, насколько они сами способствуют развитию транснациональных связей.

Субнациональные территориальные образования (города и внутригосударственные регионы) зависят от ситуации, складывающейся в мировой политике, но одновременно они своей деятельностью формируют мировую политику. Они образуют устойчивые транснациональные связи и тем самым создают основания для новой архитектуры политической организации мира.

Таким образом, в условиях трансформации политической организации мира в силу указанных особенностей возможности городов и внутригосударственных регионов возрастают.

Линде А.Н.
МВШСЭН, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва

ЗНАЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Основная цель данного исследования — анализ того, как человеческая личность полноценно, свободно развивается в предложенной нами новой модели экзистенциальной демократии. Данная модель демократии основана в том числе и на идеях русских и европейских мыслителей и поэтому также является результатом диалога российской и европейской политической философии.

Проблема существования подлинной личности и ее развития издавна осмыслялась в философии, изучалась в социальных науках. Особенно остро существование личности изучалось в экзистенциальной философии, также и в политической науке. Мы полагаем, что поэтому особенно интересно

провести к исследованию личности синтез экзистенциализма и политической науки, чтобы глубже и подробнее определить сущность личности. Подобного рода синтез уже применялся в социальных науках — например, М. Вебером, объединившим принципы философии жизни и свою «понимающую» социологию в успешных социально-политических исследованиях.

Так, человек может существовать либо как социальный индивид, механически функционирующий по авторитарно установленным нормам и ценностям социума, либо как свободная личность, существующая по законам, публично обсужденным и лично согласованным. Как пишет Н.А. Бердяев: «Индивидуум есть категория натуралистическая, биологическая, социологическая. Индивидуум есть неделимое в отношении к какому-то целому, атом... он непременно мыслится, как часть целого... Человек есть также личность... Личность есть свобода и независимость человека в отношении к природе, к обществу, к государству...»¹. Поэтому духовно развивающаяся личность и социально программируемый индивид фундаментально различны.

С нашей точки зрения, подлинная человеческая личность — это трансцендентальная сущность, обладающая собственным независимым сознанием и переживающая в нем экзистенциально значимые смыслы, ценности, предпочтения, неповторимая в своей индивидуальности, диалогически одобряемая Другим и утверждающая Другого в качестве неповторимой личности.

Мы разделяем два основных подхода к соотношению человека и государства. Первый, системно-функциональный — согласно которому каждый человек является лишь элементом общей государственной системы, исполняющим строго предписанную ему внешним управлением функцию, и не более того. Второй подход — персоналистский, согласно которому каждый человек является индивидуальной личностью, существующей вне системы по своему разумению и согласовав это с другими личностями, личность сотворена по образу и подобию Божьему, и, следовательно, каждая жизнь всех личностей уже экзистенциально существует и ценна сама по себе, а не по функциональным ролям, исполняемым в социуме.

Эти два разных подхода приводят к двум различным формам государства, основанным на отличающемся понимании сущности человека. Первый, системно-функциональный подход приводит к тоталитаризму, всеобщему управлению каждым человеком как винтиком государства. Второй подход приводит к особенного рода понимаемой демократии, основанной на личном участии каждого человека в жизни общества, при помощи его гражданского самоуправления, с целью самораскрытия каждой личности и взаимном конструировании правил, по которым будет жить это сообщество.

Тем не менее возникает вопрос, какая именно модель демократии действительно соответствует цели развития каждого человека, как независимой, творческой личности в обществе? С нашей точки зрения, особенное значение имеет предлагаемая нами модель «экзистенциальной» демократии.

Данная модель экзистенциальной демократии, имея в своей основе оригинальное начало, также творчески переосмысляет различные научные идеи. Модель экзистенциальной демократии опирается как на философские, так и на политологические основы, разработанные как российскими, так и зарубежными учеными. В своей философской основе эта модель демократии опирается на философию экзистенциализма, и прежде всего разработанные в ее рамках идеи свободной личности и ее экзистенциального творчества российского философа Н.А. Бердяева. В отношении политологических основ данная модель опирается на следующие теоретические положения:

- 1) модель либеральной демократии развития Дж. Ст. Милля и пр.;
- 2) модель творческой демократии Дж. Дьюи;
- 3) концепция экзистенциального пространства публичного Х. Арендт;
- 4) модель партисипаторной демократии К. Пейтман и др.;
- 5) модель делиберативной демократии Ю. Хабермаса.

Давая определение, экзистенциальная демократия — демократия, помогающая каждому гражданину реализовать свою «самость», свою личность, способствующая, чтобы каждый человек жил не по внешнему принуждению системы, а по своей внутренней воле, реализуя себя в том числе и через политическую сферу, и раскрывал свою личность не согласно внешне налагаемым на него функциональным требованиям системы, а согласно личностно постигаемой им, своей подлинной духовной природе.

Классические социально-политические подходы анализируют общества как разделенные на социальные страты, что немного напоминает кастовый строй в Индии. Экзистенциальная демократия отрицает подобный подход, рассматривая каждого человека не с материальной, социальной, а с духовной точки зрения. Поскольку в данном подходе на философском уровне утверждается, что все люди сотворены по образу и подобию Божьему, все люди рассматриваются как равные друг другу, вне зависимости от их социального положения и статуса. Даже люди с не самой высокооплачиваемой работой, в стандартном подходе рассматриваемые как люди низкого социального статуса, в экзистенциальной

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. М.: АСТ, 2010. С. 32.

демократии рассматриваются как люди, равные всем другим людям, так как они рассматриваются не с функциональной, а с духовной точки зрения, как равно значимые личности.

Таким образом, экзистенциальная демократия ставит перед собой основную цель в развитии всех людей в целом и каждого человека в отдельности не как функциональных переменных системы, а как полноценных свободных творческих личностей.

Лосада А.Р.
РУДН, Москва

ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В МИРЕ ПОСЛЕ COVID-19 И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

COVID-19 сильнее всего трансформировал систему образования и выявил существующие проблемные зоны всего мирового сообщества, которые связаны с социальными процессами. ЮНЕСКО говорит о глубоком «цифровом разрыве» в дистанционном обучении, что влияет на социальное расслоение, так как почти у всего населения Африки отсутствует телекоммуникационная возможность дистанционного обучения. Соответственно, социальное расслоение усиливается, так как возможность обучения ставит под вопрос дальнейшее развитие человека, у которого не будет возможности получить навыков, знаний и умений, необходимых для социализации и карьерного роста. Повышение социального напряжения негативно может сказаться на политической устойчивости и конкурентоспособности стран.

Последствия пандемии в сфере образования с трудом поддаются описанию и учету по прошествии нескольких месяцев. Важно отметить, что первоначальные оценки кажутся недостаточными с учетом суровых условий, в которых в принципе живут развивающиеся страны. Не вызывает сомнений, что последствия кризиса в сфере образования могут быть смягчены не только путем физического открытия школ, но даже путем радикальной трансформации систем образования.

Несмотря на негативные социальные последствия, дистанционное образование имеет также достаточное количество плюсов, связанных с отрицанием самой сущности образования в рамках времени и пространства. Теперь существует возможность получать знания, находясь в виртуальном пространстве, а фактор асинхронности просмотра лекций также влияет на отсутствие «привязки» к какому-либо временному промежутку. Это обозначает, что новая система, которая начнет развиваться в рамках «новой нормальности», будет гибридной, сочетающей в себе как очный, так и дистанционный элемент.

В данной работе мы представим контуры будущей системы, тенденции ее развития, что кажется наиболее важным.

1. Усиление социального расслоения. Студенты и ученики в регионах, в которых существует хорошая связь и возможности использования Интернета, не будут обделены знаниями. А вот для людей из отдаленных регионов и из маленьких поселений это действительно сложная проблема.
2. Ключевой тенденцией для образования как в рамках дистанционной, так и очной системы становится упор на альтернативные педагогические методы с интерактивными заданиями. Только таким образом сегодня можно удержать внимание современного обучающегося.
3. Гибридность образования позволила создать достаточно эффективную систему соотношения лекций и семинаров в системе высшего образования, в которой лекции проходят дистанционно и в записи, т.е. каждый может выбрать удобное для себя время, чтобы получить необходимую информацию, а есть семинары, на которых полученные знания можно проверять и корректировать. Соответственно, снижение количества времени, которые непосредственно проводят преподаватель и обучающийся в процессе общения, становится нормой.
4. Виртуальное и реальное пространства обучения необходимы для дополнения друг друга и обогащения смыслами и технологиями. Более того, среда такого обучения естественна и понятна как для молодежи, так и для людей более старшего поколения. Она требует разнообразности деятельности, инновации и разные технологии, которые отражают особенности сетевой среды обитания человека. Конвергентная среда позволит использовать знания в активной образовательной деятельности, т.е. в объединении теории и практики.
5. В качестве части образовательной политики будет взят курс на унификацию программ. Это необходимо для того, чтобы сформировать список требований к ученику каждого класса. Систематизация и описание «*hard skills*» и «*soft skills*» для школьников позволит формировать понятия необходимости развития и обозначит систему компетенций различного уровня.

Таким образом, формирование будет базироваться на данных совершенно понятных прогнозируемых тенденциях, следовательно, изменится образовательная политика стран, так как необ-

ходимо будет создавать новые нормы образовательного плана, которые могли бы четко верифицироваться. Они будут включать в себя не только знания, но и «мягкие навыки», развитие которых также должно стандартизироваться.

Чтобы адекватно реагировать на эту чрезвычайную ситуацию, необходима политическая координация, по крайней мере, на двух уровнях; *во-первых*, на глобальном уровне крайне важна роль международных учреждений (как правительств, так и организаций) в создании эффективных механизмов и политики по предотвращению и обеспечению поддержки странам в случае будущих чрезвычайных ситуаций. В свою очередь, расширить возможности и укреплять образовательную политику для того, чтобы использовать прошлый опыт, в котором наблюдался положительный результат. *Во-вторых*, на национальном уровне посредством образовательных действий, которые должны координироваться с учетом межсекторального аспекта, с учетом аспектов здравоохранения, транспорта, безопасности и т.д. в координации с различными уровнями правительства.

Более того, политика государств, собирающихся встраиваться в новую эпоху развития, включает процессы дебюрократизации, т.е. одной из целей политик в сфере образования станет снижение роли формальностей, о чем уже начинается обсуждение в российской системе при вводе «Золотого стандарта образования».

Лукушин В.А.
Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВНЕШНЕГО ИНФОРМАЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКУЮ МОЛОДЕЖЬ В 2022 ГОДУ

С начала 2022 г. отечественное информационное пространство столкнулось с целым рядом внешних вызовов, обусловленных нарастанием геополитической напряженности и обострением международных отношений между Россией и странами «коллективного Запада». Одним из важнейших вызовов можно считать внешнее информационное давление на российскую аудиторию Интернета и социальных медиа. Феномен внешнего информационного давления в цифровом пространстве не является новым для общественной жизни и академического сообщества, представляя целенаправленное воздействие на обширные группы цифровых пользователей с целью манипулирования, распространения деструктивной информации или прямого обмана для достижения собственных политических выгод. Значительное отличие текущего периода состоит в интенсификации внешнего давления и усложнения внутренней структуры его акторов после начала специальной военной операции РФ на Украине. Основной упор информационного давления сделан на молодежные группы, составляющие целевое направление действия внешних игроков.

Для определения основных характеристик внешнего информационного давления на российскую молодежь применяются методы и инструменты социально-медийной предиктивной аналитики — современного подхода к исследованию цифрового пространства посредством автоматизированной обработки информационных потоков (методы: когнитивное картирование цифрового контента, $N = 600$ публикаций; автоматизированный социально-медийный анализ, $N = 1000000$ сообщений). Глубина исследования: февраль—апрель 2022 г. Благодаря комплексному использованию указанных методов сформированы следующие характеристики внешнего информационного давления на молодежь в российском сегменте социальных медиа:

- российская молодежь с момента начала специальной военной операции на Украине столкнулась с огромным по своей силе информационным воздействием — поток контента различной направленности приобрел лавинообразный характер, моментально обрушившись на массовую аудиторию в наиболее популярных среди молодежи социальных медиа;
- механика внешнего давления на старте СВО формируется вокруг «навязанного пацифизма» — искусственно формируемой мирной повесткой, провоцируемой эмоциональную реакцию и сочувствие со стороны молодой аудитории;
- примитивизация военно-политических событий, а именно их намеренное упрощение с целью уменьшить значимость поставленных руководством страны целей и задач операции;
- использование набора специальных психологических триггеров и очевидных фейков, нацеленных на мгновенную реакцию молодежи — наиболее показательными стали материалы с изображениями животных и детей, пострадавших от военных действий, а также материалы с недостоверными цифрами потерь и разрушений;
- распространение манипулятивных приемов и практик, включая формирование специальных лингвистических маркеров («язык ненависти»), привлекающих внимание и останавливающих взгляд аудитории на манипулятивном контенте;

- таргетирование и микротаргетирование аудитории как инструмент адресного воздействия, адаптированного под запросы и интересы молодежной аудитории, направленные на конвертацию социально-политической напряженности в реальную протестную активность;
- активизация «воронки вовлечения» как поэтапной управляемой структуры вовлечения массовой молодежной аудитории в критические и деструктивные информационные потоки.

Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Луппов И.Ф.

**Коми государственная академия государственной службы
и управления, Сыктывкар**

ФАКТОРЫ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ США

Актуальность исследований проблем безопасности вызвана турбулентностью современного мира, пересмотром роли наднациональных государственных объединений, снижением роли международных институтов и международного права. Все эти факторы приводят к необходимости анализа роли США как крупнейшего геополитического актора в современной системе международных отношений и мировой политики.

Безусловно, США, как и Китай, остаются крупнейшими акторами мировой политики. По большинству показателей США по-прежнему имеют превосходство: содержат самую мощную армию в мире, являются мировым лидером в области технологического развития и инноваций. США обладают институциональным потенциалом, обусловленным как резервной валютой, так и ролью США в формировании принципов глобального порядка и международных институтов. Сеть союзников-единомышленников и партнеров наделила США уникальной способностью организовывать давление и влиять на международные процессы. Динамичная и агрессивная экономика поддерживала до определенного периода рост экономического и геополитического влияния США, чему способствовали продвигаемые политические ценности и культура, а также символический статус демократии для стран всего мира. Несмотря на указанные преимущества, США сталкиваются с серьезными противоречиями и препятствиями, такими как высокий уровень государственного и корпоративного долга, снижение экономической активности, высокий уровень инфляции (для 2022 г.), внутривнутриполитические разногласия, социальная поляризация общества, более активная роль в экономике и геополитике КНР. По данным американских специалистов (на период до начала пандемии коронавируса), долгосрочные обязательства США, включая государственный и частный долги, а также пенсионные обязательства и обязательства по выплате пособий составляли примерно в 10 раз больше ВВП. Американские эксперты, Далио, Брэндс и др., отмечают, что эти условия на фоне политической поляризации публично-партийного пространства США способствуют внутривнутриполитической нестабильности США.

Особое беспокойство США вызывает «агрессивный» рост экономик стран Юго-Восточной Азии, Китая, что является вызовом для экономики США. КПК Китая активно декларирует стратегические планы о необходимости оспаривания в ближайшие десять лет американской экономической, военной, структурной и культурной власти. Опыт XX в. демонстрирует, что и ранее США проходили подобные испытания кризисом международного доверия, но каждый раз использовали свои преимущества и возможности для восстановления позиций доминирования среди стран партнеров и регионов влияния. Возникают объективные вопросы смогут ли повторить этот цикл обновления США? Какие сильные стороны и асимметричные преимущества могут быть использованы действующими лидерами США для достижения этой цели?

В Стратегии национальной безопасности США 2017 г. лаконично сказано: «экономическая безопасность — это национальная безопасность». Движимые экономической взаимозависимостью, конкуренцией по развитию цифровых технологий и повсеместным распространением киберпространства, сферы национальной безопасности и экономики формируют одну орбиту. Подобная конвергенция, по словам Г. Фаррелла и А. Ньюмана, «превращает глобальную сетевую экономику в пространство стратегических действий, противодействия, угроз, целеполагания, контрпозиционирования и диверсификации». Россия и Китай признали эту реальность и находятся в фазе активной интеграции совместных потенциалов, объединяя экономические стратегии и стратегии безопасности, чтобы конкурировать с США. За последние два десятилетия США достаточно медленно адаптировались к внешним вызовам, признание администрацией Д. Трампа того факта, что США участвуют в соперничестве великих держав и что Китай является их основным стратегическим конкурентом, является критическим шагом в стратегическом направлении, как и признание администрацией того,

что «содействие американскому процветанию делает США более безопасной и продвигает американское влияние в мире». При этом США считают, что по-прежнему необходимо совершенствовать и развивать социальные структуры и качество человеческого капитала, которые наилучшим образом отвечали бы этим вызовам.

Лю Цзинюань
РУДН, Москва

РОЛЬ ОТНОШЕНИЙ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

После окончания эпохи холодной войны глобальные проблемы стали более сложными, и ни одна крупная страна не может справиться с ними в одиночку. Сложившаяся система взаимоотношений между великими державами не справилась с глобальным управлением, что привело к ситуации, определяемой как дилемма управления. Поэтому необходимо пересмотреть традиционные отношения между великими державами, построить их на основе общих интересов и эффективно продвигать глобальное управление.

Понятие «великая держава» относится к стране, обладающей силой, включая военную мощь, масштабную экономику и многочисленное население, и играющей ведущую роль в формулировании, реализации, управлении международных правил и мирового порядка. Это такие страны, как США, Россия и Китай (Оуян Яо, Луо Хуэйхуа. Понятие великой державы: значение, уровни и типы // Экономические исследования великих держав. 2010. С. 3–12). Великие державы поддерживают международный порядок главным образом двумя способами: *во-первых*, управляя своими отношениями друг с другом; *во-вторых*, используя свою превосходящую остальных участников международного отношений силу, чтобы в определенной степени влиять на дела всего международного сообщества (Bull H. The anarchical society: a study of order in world politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977. URL: <https://archive.org/details/anarchicalsociet00bull>). Эффективное глобальное управление предполагает относительно мирный и стабильный международный порядок, который зависит от того, сотрудничают ли великие державы и каким образом. Стабильность международного порядка в определенный период часто зависит от того, смогут ли великие державы достичь и поддерживать соглашение, молчаливое согласие или компромисс (Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999. P. 467). На самом деле великие державы не только несут важную ответственность за поддержание международного порядка, но также несут прямую и важную ответственность за глобальное управление. Китайские ученые отмечают, что глобальное управление должно в первую очередь управлять поведением людей, и сверхдержавы должны взять на себя основную ответственность за глобальное управление (Сяо Ган, Вэй Фан: За пределами старой модели: пробное обсуждение нескольких основ нового типа отношений между крупными странами // Исследование стратегических решений. 2014. № 3. С. 29). Китай и США играют ключевые роли в системе управления на глобальном уровне, представляя две разные социальные системы. Установление нового типа отношений между ними способствует развитию системы глобального управления в более справедливое и разумное направление (Лю Цзяньфэй, Се Цзяннань. Реформа системы глобального управления и построение новой модели отношений между великими странами Китая и США // Pacific Journal. 2018. № 1. С. 47–63).

Международное сообщество все больше осознает, что в будущем мир будет по-прежнему интегрированным, более взаимосвязанным, а международное сотрудничество будет иметь более важное значение, чем в прошлом. Очевидно, что перед лицом вызовов глобальных проблем великие державы должны сотрудничать и устанавливать координирующие отношения.

Основной формой сотрудничества великих держав является взаимная координация, договоренность о том, чего страны не должны и должны делать. Бенджамин Л. Эдеррингтон утверждает, что механизмы координации великих держав необходимы для глобального управления, отмечая, что такой механизм координации великих держав существовал в мировой политике после холодной войны. Хотя политика баланса сил доминировала в международной политике на протяжении последних двух столетий, механизм координации великих держав представляется более эффективным (Ederington B., Mazarr M.J. Turning point: the Gulf War and U.S. military strategy. Boulder, Colorado: Westview Press, 1994. P. 30. URL: <https://archive.org/details/turningpointgulf00benj>). Очевидно, что такого рода координационный механизм между великими державами будет существовать еще долго, великие державы обладают беспрецедентными преимуществами перед другими негосударственными деятелями (Daniel W. Drezner. All Politics Is Global: Explaining International Regulatory Regimes // Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007. P. 9. URL: <https://archive.org/details/allpoliticsisglo0000drez>).

Таким образом, отношения между великими державами определяют путь и направление реформирования системы глобального управления, и даже сотрудничество между ними и то, как его осуществлять, стало решающим фактором в трансформации и тенденции системы глобального управления. В реальном мире конфликты и разногласия между великими державами все еще существуют, но эффективным решением по-прежнему остаются координация и сотрудничество.

Люблинский В.В.
ИС ФНИСЦ РАН, Москва

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Современная политика по-прежнему во многом страдает социальной недостаточностью, в частности несбалансированностью в области распределения богатства и доходов, что оказывает негативное влияние на динамику социально-экономического и политического развития, сдерживает подвижность общества — важный фактор его позитивной трансформации.

В этом отношении в ходе нынешней трансформации общества повсеместно в мире происходит обострение проблемы социального неравенства. С одной стороны, это феномен естественный и неискоренимый. Но его регулирование возможно и необходимо. И в политическом плане один из главных моментов состоит в том, что его чрезмерный характер снижает уровень доверия к политическим институтам со всеми вытекающими из этого последствиями.

Одна из проблем в том, что повсеместно в мире стратегический аспект остается слабой стороной социальной политики. Это связано с тем, что политическое управление обычно сводится к тому, чтобы справляться с текущими проблемами, неожиданными встрясками, в лучшем случае с проблемами среднесрочного характера, которые ставят под вопрос, а порой и переворачивают с ног на голову продуманные стратегии и планы.

Наиболее очевидны эти проблемы в странах Запада. Социальная деятельность государства там все больше девальвируется, цели повышения благосостояния для обычных граждан превращаются в формальную декларацию, а социальное напряжение повсеместно усиливается. Концепция «властных ресурсов», согласно которой политика государства определяется предпочтениями среднего класса (т.е. большинства граждан) и оно должно на них реагировать, не вполне соответствует характеру нынешней трансформации общества. В связи с последними событиями в мире в странах Запада фактически наносится мощный удар по интересам среднего класса со всеми вытекающими из этого социально-политическими последствиями. А развитие ЕС в последний период свидетельствует, что политика может расходиться со здравым смыслом и фактически вести к обострению внутренних противоречий и росту социальных конфликтов.

В отношении социального государства специалисты прогнозируют непрерывный рост рисков и факторов давления. Эти обстоятельства существенно отличаются от предыдущего периода, который характеризовался стабильным ростом, полной занятостью, предсказуемыми социальными потребностями и более сплоченными обществами. Фактически можно говорить о том, что формируется новая социальная политика, которая основывается на нестабильных политико-социальных коалициях, затрудняет прогнозирование и обуславливает рост неопределенности. Тем более что государство сталкивается с давлением внешних факторов (глобальных и региональных), которые осложняют социально-политические процессы и политические решения. Среди них выделяется фактор миграции из неблагополучных регионов мира, который во многом порожден внешней политикой стран Запада и рикошетом ударил по социальному благополучию этих стран. В этом же ряду социально-экономические издержки, связанные с поддержкой Западом террористических режимов в ущерб социальному благополучию граждан даже своих стран.

Все это свидетельствует о кризисе политической модели демократии западного типа, причины которого в том, что в ней изначально была заложена мощная энергетика социально-политического лицемерия. И это с очевидностью обнаружилось в ходе начавшейся трансформации миропорядка.

Но и в России, которая вступила в борьбу за справедливый миропорядок, не все благополучно. К счастью, общество консолидировалось перед лицом экзистенциальной внешней угрозы. Но внутренние проблемы весьма серьезны, их нельзя недооценивать. Ситуация такова, что в России сформировалось общество, которое нельзя назвать справедливым. Нельзя назвать и государство социальным, учитывая чрезмерность социального неравенства и различий в социальных возможностях. Значительная часть бюрократического класса в России далека от интересов народа. Поэтому система защиты социально-политических прав граждан нуждается в глубоком реформировании в сторону снижения социального неравенства и формирования нового социально-политического порядка, основанного на справедливости.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И СЕТИ

Изменения институтов политического участия, происходящие особенно стремительно в последнее время в связи с массовым внедрением Интернета во все сферы жизни общества, в значительной степени затрагивают и общественные политические движения. В отличие от политических партий, политические движения декларируют своей целью не приобретение власти, а воздействие на нее; членство в движении не предполагает полного идеологического согласия всех его участников, они (движения) могут выражать частные интересы той или иной группы людей, тогда как партии претендуют на выражение общенациональных интересов. При этом если политические партии стремятся победить на выборах и участвовать в формировании органов власти, то политические движения, оставаясь в границах гражданского общества, ставят перед собой задачу создания общественного мнения вокруг значимых повесток дня. С этой целью они используют неполитические методы для оказания давления на власть или для осуществления прямого народовластия с помощью электронных, технических средств, виртуального пространства. В этом случае Интернет уже служит не только для колоссального расширения коммуникаций, но и для формирования новых сообществ.

В структурном отношении подобные интернет-организации являются сетевыми, так как строят свою деятельность, создавая платформы для сетевого взаимодействия организаций, движений, заинтересованных групп, отдельных граждан. Вступить в ряды движения можно, просто заполнив анкету на сайте. В подобной организации устраняется внутренняя иерархия, их организационная структура упрощается и приобретает сетевой характер, т.е. основывается на равноправных связях участников преимущественно посредством сетевых коммуникаций. Общественные политические движения осуществляют свою деятельность, почти полностью исходя из возможностей Интернета, переходят к непосредственному взаимодействию с электоратом, применяют интернет-технологии для распространения информации, повышения уровня участия и мобилизации ресурсов. Интерактивные механизмы взаимодействия позволяют напрямую общаться с аудиторией, без привлечения традиционных СМИ и разного рода интерпретаторов. Все это дает организациям возможность более четко формулировать актуальные стратегические цели и тактические задачи, увеличивать степень участия граждан и мобилизацию ресурсов.

Как правило, программы этих движений представляют собой эклектичный набор идей, часто несовместимых или трудновосместимых друг с другом с точки зрения традиционных подходов. Кроме того, Интернет является всего лишь технологией, и здесь многое зависит от конкретных целей политических субъектов, следовательно, в зависимости от этих целей применение интернет-технологий может служить как для приумножения и облегчения коммуникаций и обратной связи, так и для распространения недостоверной информации. Сети дают возможность для появления принципиально новых форм политического участия: например, в Дании создана так называемая Синтетическая партия, полностью управляемая искусственным интеллектом¹. Ее создатели ставят своей целью вовлечение в политический процесс около 20% датчан, которых не устраивают программы традиционных крупных партий. Они рассчитывают, что после выборов в июне 2023 г. партия даже сможет войти в парламент страны.

Прямое участие широких масс в политике не исключает представительной формы власти, но в идеале позволяет делать политику действительно демократичной, избегать политического и экономического волюнтаризма. Свобода здесь сможет проявляться в выражении определенной гражданской позиции каждого. В последнее время возникло большое количество сетевых организаций, которые из-за направленности своей деятельности имеют гибридный характер, поэтому не вписываются в традиционные правовые рамки. Предполагается, что подобные квазипартийные организации могут стать институтом прямой (непосредственной) демократии, когда решения будут инициироваться, приниматься и исполняться самими гражданами. В этом случае можно будет говорить о правотворчестве народа, который косвенно может участвовать в формировании и функционировании представительной системы либо оказывать влияние на выработку государственной политики. Таким образом, электронная (или сетевая) демократия делает возможным приведение политического устройства в соответствие с реальными потребностями общества.

¹ В Дании создали политическую партию, полностью управляемую искусственным интеллектом // Российская газета. 08.08.2022. URL: <https://zen.yandex.ru/media/rg.ru/v-danii-sozdali-politicheskuiu-partiiu-polnostiu-upravliaemuiu-iskusstvennym-intellektom-62f173c5b8f91f0c6eba16c9?&/> (дата обращения: 30.08.2022).

О ЦИФРОВОМ ПЕРЕХОДЕ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Одной из ключевых характеристик современного социума в его глобальном и локально-национальном измерениях является всеобъемлющая цифровая трансформация. Под ее воздействием преобразуется не только экономический фундамент человеческого сообщества, но и многообразные сферы того, что составляет его социальную и политическую «надстройку». Цифровизация не просто придает новые качества физическим, «прикладным» проявлениям жизни отдельных индивидуумов, социальных групп и общества в целом. Наиболее существенным аспектом ее влияния на общественные отношения является формирование принципиально нового слоя социальных и политических взаимосвязей — виртуализированной общественно-политической реальности, которая сосуществует, переплетается и взаимодействует с реальностью материальной, причем до такой степени, что местами оспаривает первичный характер последней.

Цифровой социальный переход мультиплицирует сетевые эффекты общественно-политического развития, в том числе в силу виртуализации, децентрализации и универсализации его механизмов, что многократно усиливает риски глобальной турбулентности и побуждает национальные государственно-политические элиты к поиску эффективных сценариев реагирования. При этом необходимо иметь в виду, что на актуальном историческом этапе объективные тренды социально-технологической революции реализуются в условиях острого глобального идеологического и военно-политического противостояния, перспективы и исход которого труднопредсказуемы. Основные постулаты западно-центричного проекта цифросетевого переустройства мира продекларированы в небезызвестном «манифесте» Давосского форума «COVID-19: The Great Reset» за авторством К. Шваба и Т. Маллере.

В подобном социотехнологическом и геополитическом контексте в первоочередные задачи российской власти входит осуществление глубокой цифровой модернизации экономики и общества как одного из условий выживания и развития нашего государства. Сетевая природа новейшего цифрового перехода побуждает руководство страны искать пути к обеспечению полноценного технологического суверенитета, жизненно необходимого для того, чтобы отстаивать национальные интересы России в эпоху цифрового неоглобализма.

Специалистами в области экономической и политической теории (в их числе А.А. Аузан, Е.Ш. Гонтмахер) предлагается ряд сценариев модернизации российского социума — инерционный, реформаторский, мобилизационный, — вполне применимых к рассмотрению ее цифровых аспектов. Инерционный сценарий национального проекта цифровизации минимально травматичен, однако его реализация затруднена в силу темпорального дефицита, диктуемого общемировым контекстом. Радикально-реформаторский сценарий сопряжен с избыточными социальными и политическими рисками и в целом вступает в известное противоречие с логикой национального развития. Мобилизационный вариант цифрового перехода в России рассматривается в качестве гипотетического сценария, вероятность которого тем не менее возрастает по мере усугубления глобальных напряженностей.

Говоря о проблеме цифровой модернизации как проекции общемировых тенденций на отечественную почву, следует иметь в виду ряд факторов, которые служат естественными институциональными, социокультурными и культурно-политическими ограничителями на пути ее осуществления. Их анализ возможен, в частности, с точки зрения институциональной теории экономического роста.

Так, например, сетевой характер цифровой общественной трансформации предполагает переход к гибким координационным механизмам и децентрализации управленческих структур. В России между тем традиционно преобладают вертикальная архитектура социального контракта между властью и гражданами, а также централизованный характер системы государственного администрирования, при высоком удельном весе неформальных, в том числе управленческих, практик (см.: Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского ун-та. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3–17). Кроме того, отмечается устойчивость элитных групп-бенефициаров технологической перестройки — политико-культурный фактор, препятствующий конкурентному росту и, следовательно, тормозящий цифровую реконструкцию экономики и общества в нашей стране (Russia's crony capitalism disincentivises economic reform, says Konstantin Sonin // The Economist. 2022. September 5. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2022/09/05/russia-s-crony-capitalism-disincentivises-economic-reform-says-konstantin-sonin>).

Таким образом, цифровой переход и формирование новой цифросетевой общественной реальности в России в равной степени подразумевают как преодоление эндогенных ограничителей техносциальной модернизации, так и максимально возможную нейтрализацию рисков, которые возникают в контексте нарастающей конфликтности и турбулентности мирового развития.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН В СТРАТЕГИИ НАТО

Состоявшийся в конце июня 2022 г. Мадридский саммит НАТО стал знаковым прежде всего с точки зрения расширения географии участников: впервые в истории Альянса в саммите приняли участие главы государств Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии. В данном докладе ставится задача выявить контуры будущей роли НАТО в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), с учетом того, что блок создавался для поддержания евроатлантической, но не тихоокеанской безопасности.

До саммита 2022 г. интерес Альянса к региону выражался в налаживании сотрудничества с отдельными странами — так называемыми «партнерами по всему миру». Так, с 2012 г. были запущены Индивидуальные программы партнерства и сотрудничества с Республикой Корея (НАТО — Topic: Relations with Republic of Korea. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50098.htm?selectedLocale=en) и Новой Зеландией (НАТО — Topic: Relations with New Zealand. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_52347.htm?selectedLocale=en), что обеспечило участие азиатских стран в различных мероприятиях и инициативах блока. В частности, Корея принимала участие в совместном с НАТО обеспечении безопасности торговых судов в Аденском заливе, Новая Зеландия — в миссии Международных сил содействия безопасности в Афганистане. Аналогичные программы были инициированы с Австралией в 2013 г. и Японией в 2014 г. соответственно.

Спустя несколько лет, в декабре 2020 г., четыре государства приняли участие во встрече министров иностранных дел стран НАТО, основной темой которой было сдерживание Китая как угрозы безопасности региона. А в принятой на Мадридском саммите 2022 г. новой Стратегической концепции НАТО значимыми угрозами безопасности и ценностям Альянса были названы Россия и КНР (Стратегическая концепция НАТО 2022 года. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf).

С одной стороны, российско-китайское сближение способствовало восприятию безопасности Индо-Тихоокеанского и Евроатлантического регионов как взаимосвязанной и взаимозависимой системы. Австралия, Япония, Южная Корея и Новая Зеландия, так же как и страны Запада, ввели санкционный режим в отношении РФ. С другой стороны, несмотря на обозначение в Стратегии этих угроз как «общих», оценки их значимости и в ИТР, и в Евроатлантическом регионе различаются. Среди стран ИТР наиболее ориентированными на сотрудничество с НАТО и США являются Австралия и Япония, выступая при этом за стабильные торговые отношения с КНР. Более осторожную позицию занимает Южная Корея, а также Новая Зеландия, правительство которой дало понять, что не будет участвовать в «антикитайской» коалиции какого-либо рода (PM's Comments to NATO Session. URL: <https://www.beehive.govt.nz/speech/pms-comments-nato-session>).

Таким образом, согласование подходов стран-членов НАТО и их азиатских партнеров к оценке угроз в Индо-Тихоокеанском регионе, а также к способам и методам их предотвращения, потребует немало времени и усилий. При этом необходимо иметь в виду, что ключевую роль в реализации планов НАТО по сдерживанию Китая в регионе могла бы сыграть Индия, которая в настоящее время умело лавирует между США, КНР, Россией без ущерба для своих интересов.

*Мальшева О.П., Рябченко Н.А., Усков С.В.
КубГУ, Краснодар*

ДИСКУРСИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

В условиях глобальных кризисов возросла роль информационно-коммуникационных технологий в реализации политического диалога власти и общества посредством дискурсивного взаимодействия в онлайн-пространстве. Несмотря на стабилизирующую активность манифестных лидеров мнений (информационных агентств, официальных пресс-служб), социально-политическая турбулентность усугубляется дискурсивным воздействием латентных лидеров мнений, экспицирующимся в ветках комментариев на платформах социальных сетей.

Технологические возможности онлайн-пространства создали принципиально новый тип социального лифта для акторов, стремящихся оказывать воздействие на аудиторию. Ведение блогов, каналов и пабликов на страницах социальных сетей и в мессенджерах, а также возможность комментирования практически любого публикуемого контента позволяет обычным пользователям

становиться инфлюенсерами и создавать контексты, диктующие вариативные прочтения действительности.

С целью описания цифровой повестки дня, посвященной обсуждению партий-кандидатов на выборах в Государственную Думу РФ VIII созыва, был собран массив эмпирических данных (весь массив сетевых данных, сгенерированных пользователями социальной сети *Twitter* в период с марта по июль 2021 г.). Данные послужили основой формирования веб-корпуса сообщений в объеме 152 417 единиц, который включил 4 подкорпуса: «Единая Россия — Сообщения» (50 000 единиц), «КПРФ — Сообщения» (50 001 единица), «ЛДПР — Сообщения» (21 167 единиц), «Справедливая Россия — Сообщения» (31 249 единиц). Данные каждого подкорпуса подвергнуты частотному анализу, в результате чего было сформировано 4 датасета наиболее частотных слов (ЧС) по каждой партии.

С помощью авторского аналитического программного комплекса и инструмента визуализации данных *Gephi* определили соотношение частотных единиц по каждому датасету и сконструировали 4 социальных графа, отражающих характер взаимосвязи частотных единиц в дискурсивном поле, посвященном обсуждению действий каждой партии. Таким образом, мы получили модели концептосферных полей (КП), выявляющих содержание дискурсивных полей, создаваемых пользователями в результате обсуждения деятельности четырех исследуемых партий. Для проведения анализа концептосферных полей был выделен ряд параметров, таких как объем тематик, количество центральных тем, сбалансированность ядра, соотношение ядра и периферии, количество и характер дискурсивных итераций, характер распределения узлов в поле.

Анализ моделей КП позволил выявить содержание цифровой социально-политической повестки дня, согласно которой формируется представление избирателей об исследуемых партиях и осуществляется делиберативное взаимодействие партий и электората в онлайн-пространстве.

Распределение узлов в КП «Единая Россия — Сеть» достаточно равномерно, но, часть поля, в которой представлен блок тематик, связанных с обсуждением правительства и темы выборов, праймериз, перевешивает блок, посвященный обсуждению формальной стороны политического процесса — деятельности партии и региональных отделений, фракций, депутатов. Периферийная часть поля отличается незначительной кластеризацией узлов, расположенных диаметрально противоположно относительно центральных тематических блоков, что дает основания прогнозировать низкую вероятность перехода обсуждения в другие тематические плоскости, однако не снимает вероятность развития альтернативных тематик, не связанных с центральными блоками КП.

Распределение узлов в КП «КПРФ — Сеть» свидетельствует о тематической разбалансированности. Плотный край поля, представленный большим количеством узлов с низкой частотностью, а также периферия, сформированная кластерами опосредованно связанных с краем узлов, позволяет прогнозировать развитие альтернативных и «околокапээрэфных» дискурсов.

Для КП «ЛДПР — Сеть» характерна повышенная дискурсивная в сравнении с КП «КПРФ — Сеть» или «Единая Россия — Сеть». Равномерно плотный центр, представленный большим количеством крупных хабов, ядро и край свидетельствуют о нескольких параллельно развивающихся тематических линиях, имеющих одинаково важное значение для пользователей, обсуждающих деятельность ЛДПР. Опасность перехода обсуждения в другие тематические плоскости отсутствует, однако высока вероятность привлечения в дискурсивное поле пользователей, напрямую не интересующихся деятельностью ЛДПР.

КП «Справедливая Россия — Сеть» представлено значительно меньшим объемом тематик. Тематически данное поле четко очерчено, тенденция к его размытию или интеграции с другими полями — переход к обсуждению альтернативных тематик — отсутствует. Дискурсивная активность в поле искусственно создается и поддерживается ограниченным кругом заинтересованных пользователей.

Результаты проведенного исследования доказывают валидность примененного структурно-коммуникативного инструментария. Анализ моделей концептосферных полей позволил выявить точки, в которых высока вероятность развития оппозиционных дискурсов, и те направления, которые могут способствовать стабилизации социально-политической системы.

Мальцев А.М., Зарипов Н.А.
НИУ ВШЭ, Москва

СЕТИ СОВМЕСТНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА: СТРУКТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОАВТОРСТВА ЗАКОНОПРОЕКТОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ I–VII СОЗЫВОВ

Доклад посвящен проблематике структуры сетевых взаимодействий депутатов Государственной Думы РФ. Политическая деятельность депутатов в парламенте предполагает разнообразные формы индивидуального или группового взаимодействия в первую очередь при подготовке законопроектов. Взаимодействие членов парламента является одним из ключевых объектов изучения в области законодательных исследований, анализ которого позволяет определить политическую природу процесса разработки, обсуждения и принятия законопроектов. Академическая дискуссия в этой сфере предлагает рассмотреть депутатов в контексте изучения политических элит и групп интересов, взаимодействия межпартийных коалиций¹. В докладе рассматриваются существующие теоретические подходы относительно природы структуры неформальных сетей в легислатуре, а также предлагается эмпирическая проверка соответствующих гипотез относительно сетей соавторства в Государственной Думе со II по VII созыв. Сети соавторства (*legislative cosponsorship networks*)² рассматриваются как ключевой элемент разработки и принятия законов *per se*. В этом подходе взаимодействия между парламентариями рассматриваются как комплексная система, структурно представленная сетевым графом, в котором узлами сети выступают члены парламента, а связями выступает соавторство законопроектов. В основу эмпирической базы представляемого исследования легла оригинальная биографическая база данных всех депутатов за рассматриваемый период. Структурно она включает в себя информацию о социально-демографических характеристиках депутатов, включая, в частности, информацию о регионе происхождения, образовании, предыдущем месте работы, должности, а также формальный статус в Государственной Думе — членство и должность в комитетах, участие во фракции и т.п. Данные показатели легли в основу количественного анализа структуры сетей соавторства законопроектов. В практической части представляемого исследования с помощью модели экспоненциального случайного графа (*Exponential Random Graph Model, ERGM*) авторы оценили статистические эффекты различных политических и социоэкономических аффилиаций депутатов на вероятность соавторства в подготовке законопроекта. Результаты свидетельствуют о существенном превалировании формальной фракционной структуры над неформальными структурными факторами, а также низкую значимость социоэкономической общности между депутатами.

Мальцева Д.А., Сафонова О.Д., Дедуль А.Г.
СПбГУ, Санкт-Петербург

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ

В процессе интенсификации влияния цифровых технологий на все структурные элементы политико-экономических и социальных процессов особое значение приобретает разработка эффективных сценариев управления человеческим капиталом как фактора повышения конкурентоспособности государства на глобальном уровне.

Интерпретация человеческого капитала на сегодняшний день претерпевает существенные содержательные изменения. Управление человеческим капиталом представляется как деятельность по воздействию (прямому или косвенному) на человеческий капитал или его отдельные структурные элементы с целью актуализации наилучших сценариев по использованию человеческого капитала.

Неизбежная цифровая трансформация актуализировала проблематику государственного управления человеческим капиталом как интенсивным производительным фактором развития экономики, общества и домохозяйств, включающим в себя образованную часть рабочей силы, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду трудовой деятельности и обитания, знания, которые обеспечивают рациональное и эффективное функционирование.

¹ Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Законодательный процесс и законодательные технологии как предмет исследования в российском политологическом дискурсе // Власть. 2020. № 3. С. 190–195.

² Kirkland J.H., Gross J.H. Measurement and theory in legislative networks: the evolving topology of congressional cooperation // Social Networks. 2014. Vol. 36. P. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2012.11.001>.

Управление человеческим капиталом в условиях цифровой экономики предполагает две основные задачи: качественное накопление человеческого капитала и его эффективное использование. Основываясь на опыте государств-лидеров в области развития цифровой экономики, можно выделить несколько приоритетных направлений государственной политики по управлению человеческим капиталом на современном этапе: образование, здравоохранение, регулирование доходов и социальная сфера, партнерство и кооперация сетевых акторов, информационное обеспечение и мотивация, общее качество жизни и экология (*Ишмухаметов Н.С.* Роль государства в формировании условий устойчивого развития человеческого капитала // Государственное управление. Электронный вестник. М., 2011. № 28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17039119>).

Ценность человеческого капитала находится в зависимости от экономической ситуации и уровня развития технологий. Кроме того, большую роль играет влияние государственных институтов, оказывающих воздействие на качество человеческого капитала посредством проведения политики в области образования, здравоохранения и социального обеспечения. Таким образом, именно эффективность государственных мер в той или иной области влияет на ценность имеющихся у населения знаний и навыков.

В своей политике «государства стремятся к комплексному и стратегическому подходу к управлению навыками и компетенциями граждан», поскольку именно такой подход обеспечивает наилучшие результаты и конкурентоспособность государства на мировой арене (*Кастрюлина Ю.М.* Развитие человеческого капитала как стратегическая цель формирования инновационной экономики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-chelovecheskogo-kapitala-kak-strategicheskaya-tsel-formirovaniya-innovatsionnoy-ekonomiki>).

Государству следует и далее серьезно относиться к управлению человеческим капиталом как средству успешной цифровой трансформации, а сам человеческий капитал признать важнейшим ресурсом страны и, таким образом, повысить свою конкурентоспособность в условиях неизбежности цифровой экономики, которую можно понимать «как результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации, которые влияют на все секторы экономики и социальной деятельности» (*Сударушкина И.В., Стефанова Н.А.* Цифровая экономика // Азимут научных исследований: экономика и управление. Тольятти, 2017. Т. 6. № 1 (18). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29024923> (дата обращения: 24.08.2020)).

В контексте анализа отечественной практики государственного управления человеческим капиталом можно обозначить следующие ключевые особенности: наличие онлайн-сервисов для самостоятельной оценки гражданами своих цифровых компетенций, активное использование грантов, внедрение персональных профилей компетенций и сервисов для выбора гражданами персональной траектории развития.

Таким образом, управление человеческим капиталом представляется одним из наиболее существенных факторов повышения эффективности и конкурентоспособности государственной политики в контексте развития цифровой экономики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00393 «Координационные эффекты стратегического управления политико-административными процессами в условиях цифровизации».

Мансуров Т.З.
КФУ, Казань

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Говоря о процессе протекания конфликта, можно отметить, что он сочетает в себе совокупность, континуум различных «урегулирований», осуществляемых в отдельных сферах взаимодействия сторон, но без решения собственно политических вопросов, в том числе определения международно-правового статуса Южной Осетии. Параллельно участники конфликта предпринимают попытки его трансформации и постконфликтного восстановления, связанные с нахождением общих областей взаимодействия, выстраивания связей между разделенными обществами и участия в интеграционных проектах с региональными и внерегиональными странами. Также нельзя не отметить некоторые элементы собственно процесса разрешения как заключительной стадии в развитии любого конфликта. Об этом говорят, например, формирование ассоциированных отношений Южной Осетии с Россией, предполагающее передачу последней части своего суверенитета, или действия Грузии по вступлению в евроатлантические структуры, которые рано или поздно потребуют конкретных шагов по решению

статуса «непризнанного государства». На мой взгляд, сложившаяся ситуация относительно протекания конфликта показывает и определяет проблемы и перспективы его развития.

В существующих условиях противостояние Грузии и Южной Осетии, какую бы форму оно ни приняло, не может вообще являться вариантом урегулирования конфликта, поэтому желательным видится другой подход, прагматический, предполагающий совместные действия в его решении и учитывающий интересы обоих его участников. Грузинской политической элите необходимо более четко осознавать, что на сегодняшний день разрешить затянувшийся конфликт без России представляется невозможным. Обеспечить безопасность в регионе и решить многие проблемы взаимодействия под силу только самим участникам противоборства.

Если предположить в перспективе углубление отношений Грузии с ЕС и НАТО вплоть до получения полноправного членства в рядах этих организаций, то она будет вынуждена либо отказаться от своих бывших территорий, либо вступить в более жесткую конфронтацию с Россией с целью таким образом решить конфликт. Последствия таких действий непредсказуемы, но их реализация вряд ли станет возможной из-за бесперспективности в той или иной форме прямой военной конфронтации западных стран с Россией. К тому же отсутствие значительных перспектив интеграции в евроатлантические структуры может способствовать появлению в грузинском обществе сомнений и разочарований относительно целесообразности проведения прозападной политики страны.

В условиях сохранения неизменными позиций сторон конфликта геополитические преобразования в мире и на постсоветском пространстве будут определять дальнейшее протекание конфликта. Состояние неустойчивого равновесия, в котором находятся современные международные отношения, обязательно скажется на позициях и интересах Грузии и Южной Осетии, а также Грузии и России, и стратегиях их реализации в межэтническом конфликте, и будет формировать тот неустойчивый баланс сил, который сложился в Южно-Кавказском регионе и в зоне грузино-югоосетинского противостояния. Значимое влияние на возможную трансформацию конфликта окажет военно-политический и экономический статус заинтересованных в нем сторон (ЕС, США, России, Китая, региональных игроков) и преследуемых ими целей.

Следовательно, в дальнейшем возрастет конкуренция не только национальных политиков отмеченных акторов, но и формируемых ими интеграционных проектов (Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути и др.). На сегодняшний день они уже оказывают на грузинское и югоосетинское общества значимое влияние, и дальнейшее урегулирование конфликта будет определяться характером и степенью воздействия этих интеграционных проектов.

По мере развития анализируемых проектов и дальнейшего втягивания в них различных стран взаимоотношения между последними могут ухудшаться, сопровождаясь разного рода столкновениями, перерастая из экономических проблем в политические. Поэтому уже сейчас Грузии и России, а также «непризнанной республике» необходимо искать точки соприкосновения в этом вопросе, так как ухудшение ситуации в регионе и обострение грузино-югоосетинского конфликта, так же как и грузино-абхазского, невыгодно всем сторонам. В этой связи насущным видится выстраивание пусть ограниченного, но все же диалога между Грузией и Южной Осетией и чтобы он не достиг того предела, за которым последует его постепенное свертывание. России, в свою очередь, необходимо поддерживать, насколько это возможно в существующих условиях, развитие данных отношений, проявлять уважение к политике «стратегического терпения» Грузии, осуществляемой по отношению к Южной Осетии, которая исключает какой-либо силовой вариант решения противоборства и действий, направленных на еще большее ухудшение отношений с «северным соседом». Это взаимовыгодный процесс, который обеспечивает безопасность в зоне конфликта и снижает критику международного сообщества к России по поводу ее действий в отношении Грузии, хотя в последнее время она значительно снизилась.

Манукян А.Р.
МГИМО МИД России, Москва

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В настоящее время растет число стран, которые считают, что образование является наилучшим способом продвижения своих национальных интересов на мировой арене. Особенно крупные державы, в качестве инструмента мягкой силы, стали уделять особое внимание образованию. Кроме того, успешная национальная система образования может способствовать созданию более благоприятного и прочного имиджа среди международной аудитории, что еще больше укрепит мягкую силу страны. Любое государство стремится укрепить свои позиции и престиж на международной арене,

а также создать благоприятные условия для своего долгосрочного социально-экономического развития. Для достижения этих целей государство использует разнообразные внешнеполитические инструменты как жесткой, так и мягкой силы. Однако отмечается, что после падения биполярного миропорядка многие государства стремятся использовать мягкую силу для достижения своих внешнеполитических целей. Основными причинами этой тенденции являются рост взаимозависимости между государствами и высокая цена, которую страны платят за достижение внешнеполитических целей с использованием жесткой силы. В этом контексте инструменты мягкой силы начали занимать более эффективные позиции во внешней политике стран, и можно предположить, что эта позиция будет продолжать расти в предстоящий период.

Следует подчеркнуть, что система образования сегодня тесно переплетена с концепцией политики и геополитики. Учитывая тот факт, что образование все больше выполняет политикообразующую функцию, оно привлекает внимание специалистов в области международных отношений, мировой политики, а в качестве изучения организационно-правовых норм, то и специалистов области международного права. Выпускники, обучающиеся в зарубежных странах, становятся не только высококвалифицированными кадрами в своих странах, но и могут стать так называемым «тройным конем». В скором времени разворачивающиеся политические события показали, что политические лидеры могут проявлять симпатию и благосклонность к странам, где они учились.

В результате процессов глобализации и интернационализации образования за последние десятилетия значительно усилилась социальная, экономическая и политическая роль университетов. Широкую популярность во всем мире получила так называемая модель глобального научно-исследовательского университета (*global research university*), в рамках которой университеты становятся активными игроками не только в производстве новых знаний, но и в их распространении и использовании через инновационную деятельность.

Конкурентоспособность российской системы образования может быть повышена за счет реализации эффективной стратегии экспорта образовательных услуг. Исходя из таких приоритетных направлений внешней политики России, как поддержка соотечественников, создание благоприятных условий для строительства Союзного государства и укрепления ЕврАзЭС как центра экономической региональной интеграции, одной из приоритетных целей политики России является усиление роли России как главного образовательного центра в СНГ¹. Именно на пространстве СНГ Россия обладает существенным преимуществом для привлечения иностранных учащихся (соотношение цены и качества образования, язык обучения, репутация университета, географическая близость).

Марков Е.А.
ЧГУ, Череповец

РУСОФОБИЯ В ЕВРОПЕ: ИСТОКИ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Размышляя о причинах современной русофобии, которая овладела Европой после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине, необходимо отметить, что неприязнь и даже ненависть к России и всему русскому (в том числе и к русскому народу) имеют давнюю историю. Подобного рода отношение к России отмечали еще русские писатели, философы, политики. Так что проведение СВО послужило катализатором раздувания русофобии.

Как актуально сегодня звучат, к примеру, слова выдающегося русского ученого, публициста и общественного деятеля XIX в. Николая Яковлевича Данилевского: «...прочтите статьи о России в европейских газетах, в которых выражаются мнения и страсти просвещенной части публики; наконец, проследите отношение европейских правительств к России. Вы увидите, что во всех этих разнообразных сферах господствует один и тот же дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения»².

Данилевскому вторит великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, который на примере освобожденной Россией от турецко-османского ига Болгарии отмечает, что братья-болгары не способны на глубокую благодарность и вскоре забудут то, что сделала для нее Россия: «...По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!»³.

¹ Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (2002 г.).

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Сост. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 68. URL: <https://politconservatism.ru/upload/> (дата обращения: 07.09.2022).

³ Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. С. 353. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol14/01journal/> (дата обращения: 07.09.2022).

Подобное отношение к нашей стране крайне несправедливо, поскольку Россия — это, вероятно, единственная страна в мире, которая неоднократно бескорыстно помогала многим государствам отстоять свой суверенитет ценой многочисленных жизней русских солдат и огромных потраченных ресурсов. Получается, что Россия совершала ошибки, помогая другим странам? Значит, необходимо, наконец, сделать выводы, потому что совершать более такие ошибки уже невозможно.

Можно выделить несколько причин закреплённых в европейском менталитете высокомерного отношения и ненависти ко всему русскому.

Первое. Россия принадлежит к православной цивилизации и является центром и защитником интересов славянского мира. По крайней мере, тех славянских народов, которые не изменили православие и не переметнулись в католическую веру. Обратимся опять же к мыслям Н.Я. Данилевского: «...Европа признает Россию и Славянство чем-то для себя чуждым, и не только чуждым, но и враждебным»¹. Приходится признать, что подозрительность и враждебность Европы к России никуда не исчезла.

Второе. Европа считает Россию выскочкой, страной, копирующей европейские достижения в культуре, науке, технике, политике. В словах некоторых западных лидеров сегодня звучат слова, что гражданам России должны заслужить право бывать в Европе и прикоснуться к великим европейским достижениям. Но что Европа и мир без вклада России в культуру и науку?

Неприятность западного мира к России обострилась после начала в феврале 2022 года специальной военной операции, целями которой стали денационализация и демилитаризация Украины, которую США и блок НАТО превратили во враждебную нам страну, вполне официально использующую неонацистскую идеологию. Россию обвиняют в агрессии, хотя США со своими союзниками уже в XXI в. в целом ряде стран разрушили политические режимы и развязали гражданские войны, что привело к жертвам сотен тысяч граждан. В списке государств, подвергшихся нападению со стороны США и стран НАТО, — Ирак, Ливия, Сербия, Сирия, Афганистан, Украина, Грузия и т.д.

Сегодня современный миропорядок переживает глобальные изменения. Заканчивается эпоха доминирования США, как единственной оставшейся после завершения холодной войны сверхдержавы. Очевидно, что формируется новая многополярная система, в которой России необходимо занять достойное место. Нашей стране нужно учитывать все возникающие вызовы и угрозы, чтобы обеспечить не только свою безопасность и развитие, но и защитить интересы союзников. Для этого мы должны быть разборчивее в выборе друзей. Дружбы с Западом не получилось. Но ведь есть еще и Восток!

*Мартыанов Д.С., Лукьянова Г.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург*

КРОСС-СЕТЕВОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ ПОЛЯРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Эпоха постправды в киберпространстве ознаменовалась дроблением аудитории, усилением «эхо-камер» и фильтрацией контента. События 2022 г. усилили тенденции поляризации аудитории, реализовав обоюдную фильтрацию контента, в том числе в российском коммуникативном пространстве. В связи с этим на первый план политико-коммуникативных исследований выходят технологические аспекты сетевых платформ, а также интенсивность и вектор давления, оказываемого на данные платформы со стороны политических игроков и институтов, определяющие содержание политического дискурса и характер коммуникации. По этой причине политологический интерес представляет сравнительный анализ сетей, которые отличаются как по возможностям управления, так и по организации коммуникации.

Довольно часто современные междисциплинарные исследования в сфере исследования компьютерных технологий (в том числе политологические) используют для описания не доказавшую свою состоятельность концепцию Веб 3.0, затушевывая другой вектор развития Интернета, определяющий новую (поствебовскую) волну — Интернет приложений. Интернет приложений имеет иную логику управления и управляемости, другие механизмы «исключения» и альтернативные формы организации социальных связей.

Развитие новых интернет-платформ сказывается и на трансформации социальных связей и на их концептуализации. Если для раннего Интернета т. н. эпохи «Веб 1.0» характерны идеалистические коммунитаристские концепты вроде «виртуального сообщества», то для Интернета эпохи приложений (прежде всего мессенджеров) более применимы идеи сетей-сообществ и персонального сообщества Б. Уэллмана. Это в конечном счете приводит к формированию специфической аффективной идентичности и способствует развитию популистских тенденций.

¹ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 68.

Уже Веб 2.0 на примере социальных сетей показывал важный сдвиг в коммуникации. Например, социальная сеть «ВКонтакте» объединяла термином «сообщество» более централизованные (как правило, жестко управляемые) «паблики» и более «демократичные» в плане коммуникации «группы». Однако наше исследование 2019 г. (Мартыанов Д.С., Мартыанова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 79–93) показало, что даже политизированные сообщества, позиционирующие себя как «группы», редко используют возможности для коллективного определения повестки дня — обычно групповые новости публикуются администрацией, в то время как остальные члены сообщества довольствуется комментированием.

В целом эта логика получает еще большее развитие в приложениях-мессенджерах. Например, для мессенджера *Telegram* показательно деление на «группы», представляющие собой плюралистические чаты, и «сообщества», которые публикуют предлагаемые к обсуждению новости.

В исследовании, посвященном кросс-сетевой сегрегации в российском Интернете (Martyanov D., Lukyanova G., Lagutin O. Is Cross-Network Segregation a Factor of Political Behavior and Political Identification in the Russian Student Community? // D. Alexandrov, A. Boukhanovsky, A. Chugunov, Y. Kabanov, O. Koltsova, I. Musabirov (eds). Digital Transformation and Global Society // DTGS 2019. Communications in Computer and Information Science. 2019. Vol 1038. Springer, Cham. P. 165–176), были выявлены интересные закономерности. Выделенные четыре фактора выявили скрытые взаимосвязи между достаточно разными сетевыми платформами. Сервисы, оказавшиеся в одном факторе, зачастую относились к разным поколениям интернет-платформ. Также факторы показали «смещение» российских и международных платформ.

Макклюэновская формула «Medium is the message», таким образом, обнаруживает свою многогранность. Факторами содержания сетевой коммуникации становится огромное количество аспектов: политика ресурса, эффективность модерирования, включенность в правовое поле, специфическая аудитория, поколение платформы и характер социальных связей, а также стержневой фактор — технология коммуникации в виде «средства» — сетевой конкретной платформы.

Исследование выполнено в рамках проекта № 1221011100040-8 «Особенности современного политического дискурса и механизмы взаимодействия в виртуальных сообществах ВКонтакте и Telegram», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Марчуков А.Н.
РГАУ-МСХА, Москва

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Россия, являясь одним из мировых лидеров в производстве сельхозпродукции, уже достаточно давно использует сельскохозяйственную дипломатию (деятельность, в рамках которой государство опирается на собственные научно-практические достижения в сфере сельского хозяйства для реализации намеченных внешнеполитических целей) в своей политической практике. Одним из серьезных барьеров для подобной формы публичной дипломатии являются текущие экономические санкции со стороны стран Запада, косвенно ограничивающие доступ российского продовольствия на мировой рынок. Однако, несмотря на всю серьезность подобных ограничений, текущая геополитическая обстановка способна открыть новые возможности для развития сельскохозяйственной дипломатии Российской Федерации.

Во-первых, существующая конфронтация со странами Запада дает отечественной сельскохозяйственной дипломатии шанс активизировать свою деятельность в области реализации проектов, направленных на достижение внешнеэкономических целей России в странах Африки, Азии и Латинской Америки (например, касающихся поставок отечественных зерновых культур на местные рынки). При поддержке уже функционирующего института специальных представителей Министерства сельского хозяйства Российской Федерации за рубежом Россия способна усилить свое политическое влияние в упомянутых выше регионах, что особо значимо в современных условиях.

Во-вторых, существующая международная неопределенность позволяет Российской Федерации интенсифицировать кооперацию в сфере науки с развивающимися странами, научно-технический опыт которых в сфере сельского хозяйства прежде был в недостаточной мере оценен. Помимо этого, у российского правительства появляется возможность переосмыслить свою деятельность в сфере

продвижения российского агрообразования за рубежом, усилив рекрутинг студенческой молодежи из стран Африки и Азии. Используя потенциал своих ведущих научно-образовательных учреждений в агросфере (Российского государственного аграрного университета — МСХА имени К.А. Тимирязева, Ставропольского государственного аграрного университета, Санкт-Петербургского государственного аграрного университета и др.), Россия могла бы со временем стать центром притяжения для студентов и ученых-аграриев из западных стран, что в конечном итоге благоприятно сказалось бы на росте отечественной «мягкой силы» за рубежом.

В-третьих, в условиях глобального продовольственного кризиса Российская Федерация имеет возможность улучшить свой международный имидж за счет бесплатных поставок сельхозпродукции в ряд беднейших стран мира. Подобные шаги в большинстве случаев способны значительно улучшить репутацию международного актора за рубежом, хотя бывают и случаи, когда гуманитарная помощь может восприниматься в негативном ключе (так, например, в «вакцинной дипломатии» ЕС население отдельных стран Африки увидело черты неокOLONIALИЗМА). Не менее важным при этом является соблюдение баланса между обеспечением национальной продовольственной безопасности и помощью нуждающимся странам мира (гуманитарная помощь уместна в том случае, когда население собственной страны не испытывает дефицита в экспортируемом продовольствии).

Подводя итоги, следует признать, что реализация Россией проектов в сфере сельскохозяйственной дипломатии может столкнуться с целым рядом вызовов: глобальной конкуренцией, торговыми барьерами, логистическими трудностями, климатическими угрозами и т.д. Однако, несмотря на все преграды, Российская Федерация обладает огромным потенциалом для успешной реализации сельскохозяйственной дипломатии на практике. Имеющиеся успехи в развитии отечественного агропромышленного комплекса в условиях внешнего санкционного давления; наличие обладающих необходимыми компетенциями специалистов (в том числе и благодаря открытию на базе МГИМО магистратуры «Мировые аграрные рынки»), а также принятие отдельных нормативных актов, регламентирующих деятельность сельскохозяйственных дипломатов за рубежом (например, Постановления Правительства РФ от 12.08.2020 № 1210 «Об обеспечении деятельности представителей Министерства сельского хозяйства Российской Федерации за рубежом»), дают основания с оптимизмом смотреть сегодня на перспективы развития сельскохозяйственной дипломатии России.

Маслова Т.Ф.
СГПИ, Ставрополь

ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В целях расширения цифрового образовательного пространства Правительством РФ утвержден паспорт проекта «Современная цифровая образовательная среда», направленный на создание условий для системного повышения качества непрерывного образования. Нельзя не согласиться с авторами проекта, что цифровизация преобразует социальную парадигму жизнедеятельности людей, открывает возможности получения и совершенствования знаний, образования.

Актуализация научно-образовательного потенциала цифровизации, с одной стороны, и при этом степень рисков гуманитарного характера — с другой, вызывает необходимость поиска путей и средств, исключающих или предупреждающих негативные последствия в достижении позитивных эффектов. Для этого важно определение источников проблем данного процесса, «разворачивающегося» в конкретных условиях регионального образовательного комплекса.

Политической поддержкой процесса цифровизации образовательного пространства в Ставропольском регионе стал закон «О стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года», где отмечается, что важным направлением развития сферы образования в крае является цифровизация образовательной деятельности с использованием ресурсов информационно-образовательного портала «Российская электронная школа». Однако анализ современного состояния цифровизации образовательной среды отражает ряд проблем общего и местного характера. К последним относится ограниченность ресурсов как в крае, так и по Северо-Кавказскому федеральному округу. Здесь отмечается нехватка технических, экономических, социокультурных, кадровых, организационных ресурсов. Так, большая нехватка учителей отмечается в Чечне, Ставропольском крае. Существующий дефицит восполняется за счет увеличения педагогической нагрузки работающих учителей. Наблюдается тенденция старения педагогических кадров, доля которых в среднем по краю превышает четвертую часть от числа занятых. Поэтому процесс овладения цифровыми технологиями для одних осложнен стереотипами, а для других может быть способом интенсификации труда.

Цифровизация в целом и образовательной среды в частности трансформирует рынок образовательных услуг и трансляцию образовательных продуктов потребителю. Поэтому надо иметь в виду,

что задачи развития научно-педагогического потенциала цифровизации образования базируются на необходимости формирования компетенций в области информационно-коммуникационных технологий для существующих на рынке профессий, а также выстраивании динамичной системы переобучения преподавательского состава. Количественные и качественные характеристики педагогического корпуса говорят о необходимости специальных исследований, в программу которых входит уточнение проблем, векторов и содержания динамики его преобразования и развития профессиональной культуры в условиях цифровизации образования.

Маслова К.В.
МГИМО МИД России, Москва

«ОТМЕНА» РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: КАКОЕ БУДУЩЕЕ У РОССИЙСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Культура всегда имела особое значение в кризисные периоды межгосударственных отношений. За ней закреплялась важная миротворческая функция, позволяющая сохранить каналы связи между народами враждующих стран¹. В условиях, когда реализация привычного формата политико-экономического взаимодействия оказывалась невозможной, культура становилась связующим звеном, удерживающим стороны от полного отчуждения до момента потепления отношений. Так было в случае отношений России и «коллективного Запада» в 2014 г., когда в результате введенных санкций одной из немногих выведенных из-под давления сфер осталась культура, ставку на развитие которой сделало российское внешнеполитическое руководство².

Однако с начала специальной военной операции на Украине российские участники международного культурного сотрудничества оказались в авангарде пострадавших, а сама российская культура предана остракизму, что нашло выражение в самых разнообразных практиках: от атак на объекты российской культуры зарубежом и в цифровом пространстве до исключения произведений классиков из школьных программ по литературе и запрета деятельности российских культурно-гуманитарных центров, работающих по линии общественности.

Подобное развитие событий заставляет задуматься о том, почему были приняты столь жесткие меры в отношении культурной сферы, как меняется ее роль в мировой политике и какие последствия это может иметь для дальнейшего развития международного сотрудничества России по данному направлению.

Принятие мер по бойкотированию ассоциированных с Россией акторов, объектов и символов культуры объясняется намерением санкционирующих стран однозначно и во всеуслышание обозначить свою позицию относительно неприемлемости российских действий. Ограждая себя от российской культуры и ее достижений, санкционирующие стремятся пресечь возможность любого позитивного контакта с чем-либо ассоциирующимся с Россией, лишит страну притягательного ореола (создаваемого не в последнюю очередь посредством трансляции культуры). Кроме того, санкции в культурной сфере предстают удобным инструментом для сигнализирования о собственных политических намерениях и оценках. Меры могут ужесточаться для большего сдерживания или смягчаться для поощрения тех или иных действий российского руководства. Снятие ограничений с попавших в санкционные списки организаций или деятелей культуры в дальнейшем может стать первым шагом или неким формальным широким жестом, с помощью которого санкционирующие страны могут обозначить свою готовность к диалогу и поиску совместного пути в новых условиях.

Наложение ограничений на межкультурные обмены подтверждает всевозрастающее значение культуры и каналов ее трансляции в мировой политике. Способность культуры формировать ценностные ориентиры и установки, а также влиять на предпочтения народных масс и определенной прослойки элиты оказывается востребована во времена информационного противостояния. К сожалению, следствием этого становится учащение случаев эксплуатации культуры не в целях поддержания мира и безопасности, а для оказания противодействия и давления. Подобный инструментальный подход свидетельствует о все большей политизации культурной сферы, ограничивающей деятельность ее участников и низводящих их роль до проводников официальной политики, опасным следствием чего может стать дегуманизация культурных обменов и лишение их миротворческого потенциала.

¹ Рустомова Л.Р. Роль культуры в мировой политике и культурная составляющая внешнеполитической деятельности государств // Социально-гуманитарная трансформация современного мира: Монография / М.М. Лебедева, Л.Р. Рустомова, В.П. Трапезников [и др.]; под ред. М.М. Лебедевой, Л.Р. Рустомовой. М.: МГИМО-Университет, 2021. С. 153.

² Багай А.В. Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 12. № 3. С. 357–376. С. 370.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ МОДИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В современных реалиях процессу трансформации оказываются подвержены различные политические институты, включая социальные медиа, к числу которых относятся активно развивающиеся социальные сети. В настоящее время наблюдается не просто процесс количественной модификации социальных сетей, но и их качественная трансформация в сторону поиска новых решений в выставлении интернет-коммуникаций с пользователями сети через возможности обновления и расширения видов новостного контента, каналы «обратной связи» (лайки, комментарии и т.д.). В рамках данного обзора рассмотрим специфику интернет-коммуникаций региональных политиков на примере Кузбасса и их воздействие на региональную политическую систему через призму концепции стрессоустойчивости.

Под стрессоустойчивостью авторы рассматривают устойчивость всех уровней и институтов власти, когда последние демонстрируют стабильность по отношению к стрессовым ситуациям (ковид, международные санкции, экономические кризисы и пр.) во всех сферах общества через опору на приемлемые факторы-стабилизаторы. Концепция стала результатом первоначального изучения устойчивости экологических систем, а в последующем стала внедряться в отдельные проблемные поля в экономических, социологических и политических исследованиях (К. Холлинг, Б. Уокер, С.Р. Карпенгер и др.). Авторы полагают, что качественные изменения, связанные с уходом из российского медиапространства ряда социальных сетей, в частности *Instagram* (Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ с 21 марта 2022 г.), и раскрутке российских аналогов (ВКонтакте и Telegram), привело к ослаблению, а в отдельных случаях «разрыву» каналов интернет-коммуникаций, выстроенных политиками со своими подписчиками, что требует поиска оптимальных факторов-стабилизаторов для придания устойчивости новым каналам коммуникации.

Как показали результаты проведенного качественного контент-анализа аккаунтов губернатора Кузбасса, депутатов Государственной Думы от Кузбасса и региональных парламентариев в социальной сети «ВКонтакте», несмотря на все усилия по «раскрутке» российских социальных сетей, аккаунты пока уступают как по количеству подписчиков и просмотров новостного контента, так и по используемым ранее инструментам коммуникации «политик-пользователь-новый пользователь» (в сети «ВКонтакте» не практикуется, например, практика #хештегов, отдельные политики отказались и сделали закрытым доступ к комментариям в своих постах). Наряду с этим по своим техническим параметрам сети «ВКонтакте» и *Telegram* явно уступают предшествующим западным аналогам (первая — делает автоматическую подборку новостей, исходя из интересов твоих френдов, вторая — не позволяет осуществлять просмотр интересующего контента как целостный поток информации). Обращает на себя внимание и факт излишней формализации новостного контента политиков, адресованного как подписчикам, так и пользователям сети. Отмеченные факторы в итоге не просто снижают интерес пользователей сети к политическим ресурсам, но и в конечном итоге оказывают негативное воздействие на стрессоустойчивость региональной системы, т. к. вместо просмотра политического контента политических акторов пользователь сети начинает переключаться на новые ресурсы и подписываться на альтернативные страницы, не всегда имеющие объективный характер новостного контента.

В ситуации ослабления стрессоустойчивости политической системы возникает необходимость в поиске факторов-стабилизаторов, которые фактически выступают полной противоположностью применяемых в текущий момент времени субъектами политики интернет-технологий. К их числу следует отнести совершенствование технологий размещения и содержательного наполнения аккаунтов в социальных сетях политическими институтами и отдельными политиками.

Отметим, что чем менее медийная личность публикует свой новостной контент в социальных сетях, тем менее требовательны к ней пользователи сети и тем ниже в целом интерес к выставляемому контенту. Посты мало просматриваются, комментарии публикуются с фейковых страниц. Оказывает влияние на активность в социальных сетях и профессиональная сфера деятельности, из которой пришел в систему политики человек. Как показывают результаты исследования, наиболее активны и используют свой авторский подход в публикации постов журналисты и политики с большим опытом работы в органах власти, менее активны политики, пришедшие из сферы медицины, науки и т.д.

Итак, в условиях модификации социальных сетей политиков в сторону большей «закрытости» по отношению к своим подписчикам и превращении аккаунтов в имиджевую стратегию происходит ослабление стрессоустойчивости регионального политического пространства. В этой ситуации необходим пересмотр формализованного формата коммуникации политиков с пользователями социальных сетей.

РУССКОЕ ДИАСПОРАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Диаспоры являются уникальным ресурсом, обладающим огромным социокультурным, демографическим, общественно-политическим и экономическим потенциалом, к тому же они представляют собой мощный инструмент для продвижения повестки отправляющего государства на территории других стран¹. Нынешние кардинальные трансформации в международной системе обусловили формирование нового положения русской диаспоры в различных регионах и странах мира. Меняющиеся реалии мировой политики повышают значимость и вызывают научный и практический интерес к исследованию структур русскоязычных диаспоральных сообществ, а также подходов российского государства к проблеме взаимоотношений с ними.

Насчитывая, по неточным данным, 25–30 млн человек, русская (русскоязычная) диаспора представляет собой внутренне неоднородную группу, в которую входят представители различных вероисповеданий и этнических групп. Подобная ситуация объясняется тем, что в основе русской диаспоры лежит не крепкая привязанность к российскому государству, а общий язык, ставший языком межнационального общения в Российской империи, Советском Союзе и на постсоветском пространстве. Учитывая эти особенности русскоязычного диаспорального мира и стремясь укрепить российское культурно-политическое присутствие за рубежом, для максимального охвата большого и разнообразного сообщества русскоязычных Россия разработала термин «соотечественники», объединяющий как российских граждан, постоянно проживающих за пределами территории страны, так и сделавших «свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией», чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации.

Внутренняя разнородность, разнообразие, а значит, разрозненность и даже конфликтность в русской диаспоре создают для соотечественников наряду с международно-политической трансформацией новые барьеры и сложности, что наиболее ярко проявляется в кризисе национальной идентичности. Эти внутренние кливажи можно наблюдать по различным линиям. Прежде всего, буквально на наших глазах происходит значительный сдвиг в восприятии самой русской диаспоры, которая теперь рассматривается преимущественно в рамках не национально-государственной, а этнической принадлежности. Серьезными факторами размежеваний являются мировоззренческий и социальный разрыв между молодежью и старшими поколениями, вызванный использованием различных приоритетных каналов формирования политического и диаспорального сознания. Трудности вызывает и самоидентификация соотечественников исключительно по этническому признаку.

Внутри российского государства эти изменения в среде соотечественников уже породили споры, даются предварительные оценки и краткосрочные прогнозы волн эмиграции преимущественно политически активных граждан, не согласных с внешнеполитическим курсом государства, а также тех, кто потерял или рискует потерять работу из-за антироссийских санкций.

Для России сложности геополитического характера, введение санкций в отношении структур российского культурного присутствия в мире диктует необходимость поиска новых и более надежных каналов и механизмов коммуникации с соотечественниками за рубежом. После начала февральских событий в ответ на усложнение положения русской диаспоры в мире Россия неоднократно подчеркивала свою заинтересованность в оказании поддержки российским соотечественникам за рубежом, включая и народы бывшего СССР.

Таким образом, в сложившихся условиях геополитической напряженности русское диаспоральное сообщество оказалось как никогда разделенным, оно переживает серьезный раскол, который нелегко будет преодолеть в ближайшем будущем.

¹ Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные миры. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир. С. 432–439.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «ЭМОТИВНОЙ СИЛЫ» НОВЫМИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ ДВИЖЕНИЯМИ НА ПРИМЕРЕ «LETZTE GENERATION»

Целью исследования является определение особенностей применения «эмотивной силы» новыми транснациональными движениями на примере «*Letzte Generation*» в Германии и Австрии. В качестве методологической базы исследования избран кейс-стади, вспомогательными методами являются дискурс-анализ и кросс-страновой анализ.

«Эмотивная сила» подразумевает способность актора воздействовать на поведение других политических субъектов через манипуляцию эмоциями — символами различного порядка — визуальные образы, высказывания, жесты, акции, использующие тело и пр., воплощающими собой эмоциональную реакцию на то или иное политическое явление или событие¹. Поскольку «эмотивная сила» является дискурсивным воздействием, монополией на нее не обладает ни один тип политических акторов. Другой особенностью «эмотивной силы» является неделиберативность ее применения, так как символически отражаемые эмоции тесно связаны с идентичностью транслирующих их акторов. Применение эмотивов транснациональными движениями отличается от аналогичного у национальных акторов (государств, политиков национального уровня, национальных и региональных партий), поскольку первые декларируют стремление решить проблемы, выходящие за границы одного государства, и опираются на более глобальные образы и контексты. Новые транснациональные движения, помимо этого, подчеркивают свой разрыв со старыми движениями и идеологиями и нацеливаются на максимально активную агитацию через весь доступный им спектр эмотивов. Вместе с тем это не исключает адаптацию эмотивов, применяемых национальными ветвями транснационального движения, под локальные контексты.

Данные особенности ярко прослеживаются в рамках функционирования «*Letzte Generation*» — движения климатических активистов, нацеленного на стимулирование более ответственной климатической политики со стороны государств и активное вовлечение граждан в принятие решений в этой сфере. *Letzte Generation* активна в Германии и Австрии и располагает связями с климатическими активистами в Австралии, Франции, Швейцарии, Канаде, США и т.д., а также поддерживается располагающимся в Калифорнии «*Climate Emergency Fund*», что позволяет говорить об их транснациональном характере. Их транснациональность и обращение к глобальным проблемам подчеркивается через самоидентификацию себя как единого поколения-жертвы единой угрозы, с одной стороны, и как активистской общности без акцента на гражданство, с другой стороны.

Несмотря на приверженность идеологии энвайроментализма, немецкая ветвь «*Letzte Generation*» подчеркивает разрыв с традиционными политическими силами вообще и зелеными в частности и через визуальные образы — красно-черная палитра, ассоциирующаяся с анархизмом и левыми, с тревогой и радикальными действиями, в отличие от зеленой, ассоциирующейся с энвайроментализмом и умеренностью, и через эмоционально окрашенные словесные характеристики этих сил — «преступление против человечества», «ослабевание государства», «не может осознать экзистенциальную угрозу»². Австрийская ветвь движения использует схожие словесные характеристики — «правительства предали нас», «нарушение конституционных законов», однако визуально опирается на красную палитру и зеленый, типичный для энвайроментализма, логотип цветка³. Это может объясняться более слабыми позициями Зеленой партии в Австрии по сравнению с Германией и меньшим ассоциированием ее с истеблишментом, что говорит о влиянии национального контекста на используемые эмотивы.

Другой особенностью как австрийских, так и немецких «*Letzte Generation*» является использование ими всего спектра эмотивов, включая акции, использующие тело. Это связано как с новизной движения, требующей использования всех доступных средств для агитации, так и с осознанием себя в качестве радикальных, отличных от истеблишмента движений «истинной воли общества», воплощенной в осязаемом политическом теле, объединенном сходством акций, — блокировка дорог, сидячие забастовки.

¹ Koschut S. *The Power of Emotions in World Politics*. Routledge, 2020. P. 214.

² Letzte Generation // Letzte Generation. URL: <https://letztegeneration.de> (accessed: 13.09.2022).

³ Letzte Generation ÖSTERREICH // Letzte Generation ÖSTERREICH. URL: <https://www.letztegeneration.at> (accessed: 13.09.2022).

РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ЯПОНИИ

Кибербезопасность — один из основных элементов национальной безопасности государств. Угроза киберпространству той или иной страны напрямую представляет собой угрозу критической информационной инфраструктуре государства, следовательно, и ее национальной безопасности.

В рамках существующих механизмов международной безопасности проблема кибербезопасности приобретает сложный, транснациональный характер. Это подчеркивает необходимость объединения усилий ключевых акторов международных отношений в целях поиска новых моделей решения новых проблем, таких как киберугрозы. Япония и ранее подвергалась кибератакам, но за последнее десятилетие все чаще становятся реальностью угрозы в адрес институтов государственной власти, подчеркивая, что проблема обеспечения кибербезопасности в Японии так же актуальна, как во всем мире.

Япония выразила интерес к кибердипломатии еще в 2006 г., когда была принята первая Национальная стратегия информационной безопасности, в которой упоминалось о намерении страны развивать международное сотрудничество в данной области. Стратегия предлагала «японскую модель кибердипломатии», поскольку «проблемы, с которыми сталкивается Япония как ведущая страна по широкополосному доступу к Интернету сегодня, — это проблемы, с которыми другие страны будут сталкиваться в будущем»¹. В 2009 г. была принята вторая Национальная стратегия информационной безопасности, ставящая целью «международное партнерство и сотрудничество, а также достижение лидерства страны в области установления стандартов информационной безопасности в Азии»².

Говоря о национальной специфике Японии, следует отметить, что в киберпространстве Японии, помимо транснациональных корпораций (*Meta, Google, Twitter*), представлены также местные онлайн-платформы — японский видеохостинг *Niconico*, японский мессенджер *Line*, разработанный компаниями *NHN Japan, NHN Corp.* и запущенный в Японии в 2011 г. Японский Консорциум электронных сетей разработал «Общие этические принципы работы онлайн-сервисов» еще в 1996 г., поставившие перед собой задачу обеспечения здорового роста и развития социальных сетей и онлайн-услуг вне зависимости от размера компании и принципов управления во избежание диффамации и проблем с общественным порядком с точки зрения морали и этики.

В Японии поведение граждан в социальных сетях регламентируется на уровне этических кодексов. Так, в государственных ведомствах и крупных корпорациях существуют кодексы, регулирующие этические нормы для сотрудников. Эти нормы регулируют поведение представителей корпоративных сообществ в целом, не только в киберпространстве.

Следует особо подчеркнуть, что в обеспечении кибербезопасности и информационной безопасности Япония в целом придерживается американских подходов. 23 ноября 2001 г. Япония подписала Будапештскую конвенцию о киберпреступности наряду с США, Канадой и ЮАР. Конвенция — первый международный договор о киберпреступлениях, касающихся в первую очередь нарушений авторских прав, безопасности сети и т.д. Будапештская конвенция хоть и регулирует законодательства подписавших ее государств и дает право на трансграничный сбор и использование данных без уведомления об этом ту или иную страну, однако в целом продвигает проамериканский подход к кибербезопасности и информационной безопасности.

Так, киберпространство в целом и социальные медиа в частности — это относительно новые сферы политического влияния, в которых не все государства выработали правила игры, в связи с чем особую важность приобретает осознание необходимости законодательного регулирования государством социальных сетей и медиа. На фоне бурного роста социальных сетей и их популярности, а также опасений государств по поводу *fake news* и дезинформации национальные правительства многих стран вынуждены разрабатывать модели регулирования киберпространства.

¹ The First National Strategy on Information Security // Information Security Policy Council Japan. 2006. February 2. URL: https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/national_strategy_001_eng.pdf, p. 32 (accessed: 20.11.2021).

² The Second National Strategy on Information Security // National Information Security Policy Council. 2009. February 3. URL: https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/national_strategy_002_eng.pdf, p. 71 (accessed: 19.11.2021).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА: НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА ПРАВА VS КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Эксперты и администраторы, политики и ученые, работающие в сфере политологии права, реальными обстоятельствами и общей политической ситуацией поставлены перед дилеммой — установить технологии сопряжения и формы современного диалога двух самостоятельных общественно-политических трендов. С одной стороны, никто не отменил и не отменяет мониторинг соблюдения прав человека в пространстве и на пространстве российской политической сцены. Достаточно сослаться на системный взгляд по этому вопросу института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, публикуемый в качестве ежегодного доклада и публично озвучиваемый на заседаниях палат парламента. Кроме того, индикатор соблюдения прав человека стал одним из ключевых критериев определения включенности государственных и бизнес-структур в матрицу глобального международного проекта устойчивого развития. В этом процессе активно работают многие общественные и некоммерческие организации, происходит процесс экологизации и технологизации этого важнейшего тренда развития общества. С другой стороны, наблюдается обратная тенденция — тенденция формирования доктринальности национального права.

С момента вступления в силу норм Конституции Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийском голосовании 2020 г., «сбит концептуальный прицел» толкования и интерпретации правовых и законодательных норм, применяемых в правовой и юридической среде. Доктринальный подход Конституции РФ 1993 г., построенный на концепции прав человека и гражданина и верховенстве международного права (статья 15, часть 4), в настоящий момент «блокирован» нормами статьи 79 действующей Конституции РФ (в ред. Закона РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ), предписывающими, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Кроме этого, Конституция Российской Федерации прямо предписывает, что Конституционный Суд Российской Федерации (статья 125.5.1, пункт «б») «в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

Резюмируя предельную очевидность политико-правовой дилеммы, сделаем важные в практическом и теоретическом плане выводы. Сложность и многогранность общественной жизни и общества как системы общеизвестны. При этом чистота и последовательность исследования об общественных/гуманитарных явлениях выигрывает тогда, когда предельно точно определен его замысел как установление исходных границ функционирования исследуемого процесса. В этом смысле, важно не распылять эвристический потенциал национальной доктрины права, указывая на его воздействие на большое множество социальных процессов и состояний, а, напротив, осуществить его концентрацию, определив первичный радиус значимости или воздействия на первостепенные общественные процессы. К числу таких первостепенных общественных процессов, непосредственно связанных с формами существования национальной доктрины права, относятся государственный суверенитет или суверенная российская государственность; общественный и правовой порядок; общественная и национальная безопасность; процедуры и формы соотношений национального и ненационального (международного) права, государства и гражданского общества. Однако ключевым приоритетом определения форм и процедур зарождающейся тенденции национальной доктрины права должна стать площадка диалога с правозащитным движением и экспертным сообществом, глубоко знающим и понимающим критерии и оценки реального состояния прав человека в пространстве российской политики.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОЛИМПИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ

XXI век проходит под знаком становления нового гендерного порядка (*gender order*) как «действующей в обществе комплексной системы тесного взаимодействия трех структурных элементов — социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих своей деятельностью позитивно ориентированное отношение общества к гендерным проблемам и готовность к участию в их решении»¹. Гендер как один из социальных конструктов не может не влиять на состояние современного спорта как мировой системы, для которого реализация принципа гендерного равенства стала современным глобальным трендом. Уже на старте образования ООН в 1945 г. были приняты серьезные организационные решения путем создания Комиссии по положению женщин. Однако лишь с 80-х годов XX в., когда участие женщин в спорте стало реально массовым, можно говорить о гендере в дискурсе равноправия.

Выдающимся модернизатором олимпийского движения стал Хуан Антонио Самаранч, испанский политик и бизнесмен. Именно в годы его президентства женщины впервые были избраны членами МОК. С 1991 г. было введено правило, согласно которому любой новый вид спорта, претендующий на включение в олимпийскую программу, должен иметь женские соревнования. Только 10 лет назад, в 2012 г., женщинам разрешили выступать во всех видах спорта.

В марте 2017 г. Проект обзора гендерного равенства МОК был запущен в рамках совместной инициативы Комиссий МОК по делам женщин в спорте и спортсменов по проведению всеобъемлющего обзора текущего состояния гендерного равенства в олимпийском движении. Ныне действующая Марисоль Касадо в качестве Председателя Рабочей группы МОК по гендерному равенству говорит о стратегической задаче так: *«Хотя мы наблюдаем улучшения в области гендерного равенства в спорте, нам нужно больше и быстрее. Мы не можем просто прийти к 50–50 представительству в конкурсе и сказать, что работа выполнена»*. В феврале 2018 г. Исполнительный совет МОК рекомендовал 25 достаточно кардинальных решений, далее одобренных для внедрения. Новации продвижения гендерного равенства на спортивной арене и за ее пределами проходят по пяти ключевым темам: спорт, финансирование, управление, сбалансированное изображение обоих полов и человеческие ресурсы, включая защиту спортсменов от домогательств и злоупотреблений в спорте². МОК также ввел новый формат для некоторых видов спорта, который называется «Микс» — совместное выступление мужчины и женщины в одной команде. Среди них: легкая атлетика, настольный теннис, плавание, стрельба из лука, пулевая стрельба, триатлон, большой теннис. Достаточно активно входят и мужчины в женские виды спорта, им недавно было разрешено участвовать в соревнованиях в синхронном плавании, но пока еще не на Олимпийских играх. Мужчины попробовали соревноваться в художественной гимнастике, но, в отличие от синхронного плавания, мужская дисциплина не стала популярной. Гендерный анализ предполагает оценку экономических показателей как ресурсов, к которым можно отнести размер призовых. Почти 90% международных федераций платят одинаковые призовые как мужчинам, так и женщинам.

Примечательны две новые меры, утвержденные МОК в 2019 г. Благодаря этим мерам гораздо больше спортсменов-женщин сможет участвовать в Олимпиадах. Так, на Играх 2020 г. в Токио в составе команды каждого НОК впервые присутствовали, как минимум, один спортсмен-мужчина и одна спортсменка-женщина. Теперь каждый НОК также может назначить знаменосцами одного спортсмена-мужчину и одну спортсменку-женщину, чтобы они вместе несли флаг во время церемонии открытия. Олимпиада-2022 в Китае уже вошла в историю как «самые гендерно-нейтральные» Игры. Гендерного баланса удалось достичь в таких видах спорта, как скелетон, сноубординг, санный спорт (индивидуальный зачет) и конькобежный спорт. Доля женщин среди спортсменов-участников достигла 45%. Примечательно, что на этой Олимпиаде в Пекине состав российской олимпийской сборной стал примером гендерной сбалансированности — из 212 спортсменов — 109 мужчин и 103 женщины. На сегодняшний день действующий Исполнительный комитет МОК проработал для Олимпиады-2024, которая пройдет в Париже, рекомендации, когда впервые будет соблюдено полное гендерное равенство — 50% мужчин

¹ Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16.

² Official website of the International Olympic Committee. URL: <https://olympics.com/ioc/gender-equality/advocacy-and-support/gender-equality-review-projet>; <https://olympics.com/ioc/gender-equality/advocacy-and-support/gender-equality-review-project> (accessed: 25.08.2022.).

и 50% женщин-спортсменов. Прогнозируется, что полностью гендерно равными в программе Игр будут 28 из 32 видов спорта¹.

Благодаря совместной инициативе Комиссии МОК «женщины в спорте» и Комиссии спортсменов по проведению всеобъемлющего обзора текущего гендерного равенства с 2017 г. МОК стал готовить первый проект Обзора гендерного равенства. Наиболее важными документами, направленными на достижение гендерного равенства последних лет, являются Рамочная программа МОК по вопросам справедливости, инклюзивности и недискриминации по признаку гендерной идентичности и половых различий, Доклад 5-й Всемирной конференции МОК по проблемам женщин и спорта, Доклад МОК о гендерном равенстве и инклюзии — 2021, Информационный бюллетень «Женщины в олимпийском движении», Проект обзора гендерного равенства МОК и инструментарий МОК по защите спортсменов от притеснений и злоупотреблений в спорте, рекомендации и план действий группы высокого уровня по гендерному равенству в спорте, подготовленные Европейской комиссией и ее Генеральным директором по вопросам образования, молодежи, спорта и культуры в 2022 г. Наиболее спорной становится деятельность МОК относительно трансгендерной идентичности. Новая концепция гендерной идентичности и половых различий была представлена МОК после Олимпиады-2020 в Токио, где новозеландская тяжелоатлетка Лорел Хаббард стала первым трансгендером в истории Игр. Также в Токио канадская футболистка Ребекка Куинн стала первым трансгендером, завоевавшим олимпийскую медаль². Справедливыми ради следует отметить, что в истории олимпизма были и более ранние примеры, когда вопрос пола стал причиной спортивных скандалов, информация о которых открыта в информационном пространстве. По новым рекомендациям МОК, «ни один спортсмен не может быть исключен из соревнований на основании его трансгендерной идентичности или половых различий». МОК разрабатывал этот документ, состоящий из 10 пунктов, в течение двух лет. Проводились консультации с более чем 250 спортсменами и заинтересованными сторонами³.

В целом можно говорить о последовательной политике МОК в продвижении принципа гендерного равенства, начиная с 80-х годов XX в. и до сегодняшнего дня, выступающего главным проводником данного принципа в спорте и через спорт. Гендерный дискурс XX в., наполненный социально-революционным преобразованием мира с важнейшей компонентой «женский вопрос», стал веком усиления влияния женщин, произошла эмансипация спорта, активное освоение женщинами-спортсменками нетрадиционных, новых и чисто «мужских» видов спорта. Массовый приход «слабого пола» в спорт позволил женщинам показать и в этой популярной сфере человеческой деятельности выдающиеся результаты⁴. Тем не менее в условиях антироссийских санкций и фактического удаления России из мирового спорта назрела потребность в комплексной разработке национальной модели гендерного равноправия, ее идейно-содержательного, правового, организационного и геополитического наполнения. Именно это представляется перспективным как в научном, так и практическом отношении для прогресса спорта, трендов его развития.

Милькова А.А.
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С КИТАЕМ И РОССИЕЙ: ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ ВЫСТРАИВАНИЯ ДИАЛОГА НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА И УЗБЕКИСТАНА

В настоящее время регион Центральной Азии становится все более желанным регионом для сотрудничества и построения коммуникаций. Грандиозные планы инициативы «Один пояс — один путь» и политика евразийского пространства открывают возможности не только для стран Центральной Азии по укреплению экономического и политического сотрудничества с новыми партнерами, но и для Европы и Китая, чтобы открыть новые рынки, а точнее, расширить существующие соглашения. Однако традиционными внешними лидерами в Центральной Азии являются Россия и Китай. В силу сложившихся геополитических обстоятельств, общих границ и взглядов на политическую систему и международные отношения страны успешно ведут диалог как в рамках организаций, так и в рамках многосторонних

¹ Олимпиада-2024 будет основана на гендерном равенстве — МОК. URL: <https://news-front.info/2020/12/08/olimpiada-2024-budet-osnovana-na-gendernom-ravenstve> (дата обращения: 04.09.2022).

² Культурология. РФ. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/270220/45614/> (дата обращения: 04.09.2022).

³ Манифест МОК по трансгендерам: эти 10 принципов — революция в мировом спорте. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/streamofconsciousness/2987160.html> (дата обращения: 07.09.2022.).

⁴ Стрига С.И. Неслабый пол: женщины, изменившие мир спорта // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2022. № 1 (54). С. 53–60.

соглашений. Однако если Россия считается традиционным партнером в сфере безопасности и союзником на международной арене, то Китай все больше становится привлекательным энергетическим и экономическим партнером. На примере двух достаточно развитых стран с похожим политическим режимом данная статья ставит перед собой цель проанализировать, по каким критериям Казахстан и Узбекистан (как два ключевых партнера России и Китая в Центральной Азии) оценивают эффективность двусторонних отношений. Для достижения цели были поставлены следующие задачи.

1. Сравнить интересы Китая и России в Центральной Азии.
2. Определить, с кем у Казахстана лучше выстроены двусторонние отношения в сфере геополитики и безопасности, экономики, культуры.
3. Определить, с кем у Узбекистана лучше выстроены двусторонние отношения в тех же областях.
4. Построить наглядную сравнительную таблицу преимуществ сотрудничества с Россией и Китаем по выбранным направлениям.
5. Сделать вывод о дальнейших перспективах сотрудничества между странами.

В качестве теоретической основы следует рассматривать отношения между странами в рамках неореалистической теории. Отношения между странами Центральной Азии и «евразийскими» лидерами до сих пор существуют в рамках силовых терминов: одно государство диктует свои условия, другое их выполняет. Однако, поскольку экономические отношения все больше становятся доминантой межгосударственного сотрудничества, именно неореализм поможет ярче раскрыть сущность отношений между государствами. В качестве методов был выбран анализ статистических данных из вторичных источников баз данных (*CEIC* и *RU-STAT*), а также построение прогноза дальнейших перспектив на основе данных об импорте и экспорте стран. Ключевыми результатами рассмотрения двустороннего сотрудничества между государствами стали выводы о том, какие именно сферы для центрально-азиатских стран являются наиболее перспективными для дальнейшего взаимодействия, а также какие возможности дальнейшего развития внешнего взаимодействия существуют у Казахстана и Узбекистана с Россией и Китаем.

Мирзаджанов Т.Э.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ПРАВОПОПУЛИСТСКИЙ ВЫЗОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРИЧИНЫ, СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ (ОПЫТ ПОЛЬШИ)

Польский случай правления популизма показывает, как популисты противопоставляют себя и «народную волю» любым критикам, мгновенно превращая последних, в своем дискурсе, в подкупленных и далеких от народа, в малые группы «аморальных» интересов. Правящая «Право и Справедливость» (ПиС) открыто называет себя антилиберальной и в силу этого единственной способной защитить польские традиционные ценности и польскую идентичность в современном мире.

Каковы же причины голосования за правых популистов? Существует позиция, что польское общество недостаточно глубоко, искренне и разумно восприняло демократические принципы, а переход к совершившейся демократии был поверхностным. Однако антиправительственные митинги и активизм низовых демократических движений говорят об обратном. Иная же позиция утверждает, что проблема кроется в последствиях как польской, так и в целом восточноевропейской демократии.

Меж тем наиболее разумным объяснением кажется преломление общемирового кризиса либеральной концепции в польском контексте. Данный кризис актуализировал и привлек внимание к популистской ПиС. Это усилилось типичным для польской политической культуры неуважением к институтам, перманентным желанием их обойти, обхитрить, что наложило на стремление правых популистов быть над законом.

10-е годы открыли миру множество новых проблем и угроз, как и усиление старых. Пока польские либеральные партии отмахивались и не знали, как подступиться к ним, сохранив верховенство либеральных принципов невмешательства государства и прерогативы личной воли, ПиС блефовала и обещала спасти польское общество от всех надвигающихся угроз благодаря своей решительности, смелости и сильному лидеру, готовому защищать поляков «храбро и до последнего». План ПиС по «спасению страны» примитивен и недолговиден, но вместе с тем ясен и понятен для избирателя. Здесь польский случай демонстрирует типичную черту для всего мира — правые популисты побеждают там, где становятся нерешительны и бездействуют либеральные партии страны.

По мнению ПиС, у оппозиционных партий нет легитимного права репрезентации иных групп польского общества и участия в формировании политики страны. Они не соперники, они враги. Одна из главных черт популизма — непримиримость, нежелание к сотрудничеству и кооперации в партийно-

парламентском срезе. Проявляется и в целом халатное отношение ПиС к устоявшимся политическим практикам и институтам, особенно сдержек и противовесов, они могут быть с легкостью отменены или изменены, если «такова воля народа».

ПиС активно культивирует в обществе миф о «теновом правительстве» — корыстных и влиятельных антинародных элитах, с которыми необходимо покончить, отстранив от власти. Сделать это, по мнению ПиС, можно, только не сдерживаясь существующими юридическими нормами. С этой целью ПиС полностью обезвластила и подчинила себе Конституционный суд страны. Так, ПиС демонстрирует множество типических и важных к учету черт популизма — создание в обществе атмосферы тревоги, недоверия перед лицом затаившегося элитарного и антинародного врага; желание быть над законом; формирование образа прошедших лет как губительных и вредных для политики страны.

ПиС обладает планами по смене конституции страны и замены таким путем гражданского национализма, апеллируемого конституцией, на национализм этнический — смене гражданственности на этничность как первопричину нации. Опасность заключается не столько в эрозии юридической системы, сколько в замещении гражданской инклюзивности на этническую эксклюзивность в определении того, кто поляк, а кто нет. ПиС стремится формально-юридически закрепить исключение из общественно-политической жизни тех, кого она уже исключает фактически. ПиС демонстрирует черты всего мирового правого популизма — этнический национализм, стремление к единообразию нации, эксклюзивность вместо инклюзивности. Это называется популистами строительством нации и великопатриотическими задачами.

ПиС и популисты оказываются наиболее уязвимы, сталкиваясь с низовым, гражданским протестом против проводимой ими политики среди части общества, наиболее приверженной либерально-демократическим ценностям. Хотя ПиС и пытается в свойственной популистам манере называть протестующих маргиналами, предателями, «теми, кому заплатили», работающими на «заграничных кукловодов», «ненастоящими», неистинными поляками. Так, популизм в кризисные моменты всегда скатывается в ярый национализм.

Именно потеря правыми популистами монополии на выражение воли истинного народа, как кажется на примере антиправительственных акций в Польше, является наиболее способным и эффективным средством борьбы с правым популизмом во власти. Проводить же подобное прекращение монополии наиболее эффективно возможно именно посредством гражданской низовой активности, направленной против антилиберализма, ультранационализма и консерватизма правящей в конкретном случае ПиС.

*Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.
КубГУ, Краснодар*

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Поиск необходимых факторов и предпосылок, способных обеспечить заметные сдвиги в процессах развития территорий и их ревитализации, затянулся в отечественных науке и практике. На данный момент не сложилось общего представления о системе научных разработок, которые бы смогли сдвинуть познавательную, а вслед за этим и регулятивно-управленческую ситуацию с тормозной позиции. Нематериальные ресурсы развития территорий существуют как некие «воздушные» феномены. Вместе с тем, многообразие нематериальных ресурсов способствует достижению принципиально нового уровня качества жизни населения с учетом потребностей и интересов, как в городах, так и на селе.

Нематериальные ресурсы представляют собой комплекс разноуровневых, многосоставных и полифункциональных компонентов, имеющих разный генезис, к числу которых относятся: человеческий потенциал (интегральная оценка свойств населения, отражающая уровень и возможности развития людей при определенных природно-экологических, социально-экономических и политико-правовых условиях); локальная идентичность (идентификации граждан с территорией проживания/рождения, чувство привязанности, причастности к локальной территории; наличие общего символического и публичного пространства территории); институты развития территорий (лидерство, институты местного самоуправления и самоорганизации граждан, кадровый потенциал местных сообществ, акторы политики развития и их управленческие практики, стратегии развития территории и публичные ценности); сетевые ресурсы как социальный капитал (социальный капитал местных сообществ, плотность межличностных и институциональных связей, уровни межличностного и институционального доверия); социально-психологические ресурсы местных сообществ (реальные или потенциальные психологические возможности локального сообщества, определяющие его социальную успешность).

Неэкономические ресурсы инновационного развития государства в целом и его отдельных территорий связаны с производством постматериальных ценностей (творчество, доступность и динамика

информационного обмена, гражданская активность, идея общественного блага), которые трансформируют характер публичных взаимодействий различных акторов. Интерес представляют и механизмы конвертации, благодаря которым нематериальные ресурсы становятся факторами развития территорий. Эти научные проблемы актуализируются и ростом запроса со стороны властных структур на поиск оснований и смыслов солидарности людей, превращающих население муниципальных образований и регионов в сплоченные городские и сельские сообщества.

Проведенное эмпирическое исследование в Краснодарском крае позволило авторам выявить и охарактеризовать структуру таких нематериальных ресурсов, как институты развития, кадровый потенциал, региональная и локальная идентичности. Также были определены механизмы вовлечения различных заинтересованных групп общественности в процесс обсуждения проблем и выработки способов принятия решений; механизмы социальных лифтов для развития кадрового потенциала в системе государственного и муниципального управления; механизмы разработки и реализации политики идентичности и имиджевой политики; механизмы интеграции мигрантов различных потоков в местные сообщества и развитие их конструктивного потенциала.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с оценкой потенциала нематериальных ресурсов развития территорий по многомерной шкале признаков на основе математических аппарата с набором взаимоувязанных индикаторов. Авторы предполагают на базе полученных данных классифицировать эмпирические модели политики развития сельских муниципальных образований на основе нематериальных ресурсов, а также разработать модельные стратегии включения нематериальных ресурсов в политику развития территорий в условиях гетерогенности социально-экономического и социокультурного пространства Краснодарского края и оценить возможные мультипликативные эффекты.

Важно также использование широкой компаративной перспективы, которая позволит понять, насколько успешно разные территории в условиях социально-экономической и социокультурной неоднородности включают в политику развития разные нематериальные ресурсы. Использование кросс-локальных сравнений даст возможность провести уникальный сравнительный анализ и максимально полно представить региональный опыт Краснодарского края в данной сфере.

Материалы подготовлены при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

Митрахович С.П.
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

PRICE CAP НА РОССИЙСКИЕ УГЛЕВОДОРОДЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Во второй половине 2022 г. анонсированные еще ранее попытки установить предельные цены на российскую нефть (т.н. *price cap*) стали приобретать новый импульс к реализации. До практического внедрения, однако, все еще очень далеко — пока что мы имеем дело с новыми декларациями. Тем не менее «коллективный Запад» явно попытается внедрить их в жизнь.

Пока что юридическая сила согласованного в 2022 г. на уровне «Большой семерки» документа совсем невелика — это коммюнике, т.е. декларация о согласии сторон двигаться в некоем направлении. По сути, G7 просто в очередной раз призвала мировое сообщество присоединиться к своей инициативе по предельным ценам на российскую нефть.

Механизм *price cap* заработает только в одном случае — если к нему присоединятся другие потребители российской нефти. Это вопрос именно политики. Ведь почти все страны G7 и так либо ввели запрет на поставки российской нефти и нефтепродуктов, либо уже приняли такое решение. Получается, что внутри G7 действуют даже более жесткие санкции против российской нефти, нежели предельные цены. США запретили отгрузку российской нефти и нефтепродуктов еще 22 апреля. Аналогичный запрет ввели Канада и Великобритания. ЕС запрещает морские поставки нефти из РФ с конца 2022 г. (в G7 входят три страны из ЕС — Германия, Франция, Италия). Получается, что единственной страной G7, для которой *price cap* имеет практический смысл, является Япония, которая уже свела закупки российской нефти к минимуму. Более того, японские медиа активно публикуют слухи со ссылкой на источники в японском руководстве, что сахалинская нефть для Японии под *price cap* не попадает в виде исключения. В таком усеченном виде *price cap* будет еще больше дискредитирован — ведь получается, что сами западные страны не будут его применять, а будут лишь навязывать условному мировому «югу».

Практически никаких конкретных механизмов, технических пунктов по реализации цели, которые можно было бы предметно обсуждать, Запад представить не в состоянии. Никаких методов контро-

ля за соблюдением предельных цен также нет. Непонятно, как, например, наказать индийскую, китайскую, эмиратскую или малайзийскую компанию, если она гипотетически купила нефть, превысив *price cap* из-за нужды в ресурсе именно «здесь и сейчас».

Теоретически США могут наказывать компании третьих стран за отказ от применения механизма *price cap*, т.е. попытаться сделать эти санкции трансграничными. Но это можно будет сделать при расчетах в долларах, с другими валютами будут проблемы. Возможны махинации с ценами контрактов — вариантов затруднить комплайнс довольно много. Ведь незападные страны покупают российскую нефть не из сочувствия к России, а из-за вполне рациональной и даже банальной выгоды. Российские компании продолжают давать солидные скидки (но это именно коммерческое решение, а не *price cap* как госрегулирование).

Для Китая присоединение к *price cap*, к американской в своей основе инициативе, просто невозможно в силу разрастающегося конфликта по линии Пекин — Вашингтон (из-за Тайваня и т.д.). Китай вообще на фоне своей предстоящей холодной войны с Америкой не заинтересован в излишнем ослаблении России как единственного потенциального стратегического союзника. Одно дело для Пекина пользоваться сложной для России ситуацией, выторговывая определенные привилегии, а другое — способствовать экономическому краху РФ со сменой российского политического режима на проамериканский.

При этом Китай имеет уже большой опыт потребления санкционной нефти с выгодой для себя. КНР активно потребляет нефть из Ирана и Венесуэлы, получая от поставщиков серьезные дисконты. На новом этапе истории международных отношений к этому списку добавляется и Россия. Но Пекин понимает, что официальное введение механизма предельных цен с его стороны не оставит Москве политического выбора, и поставки будут серьезно сокращены или вообще прекращены. Китаю проще продолжать получать от российских поставщиков хорошие скидки, добавив Россию в число санкционных производителей нефти, с которыми Китай работает с выгодой для себя. То же американское агентство Bloomberg с тревогой пишет о серьезном росте поставок нефти в Китай из Малайзии, объем которых уже превышает страновой уровень добычи. Малайзия — один из крупных центров перевалки нефти с борта на борт, что позволяет ей смешивать свою нефть с нефтью из подсанкционных стран, в том числе и из России, и эта схема работает. В случае же реального (но маловероятного) присоединения стран вроде КНР или Индии к *price cap* Россия наверняка прекратит поставки им нефти, и в зоне риска окажутся и иные поставщики вроде Саудовской Аравии, понимающие, что они могут быть следующие. Тогда практически неизбежным становится сценарий глобального энергетического кризиса с масштабными политическими последствиями.

Митрофанова А.В.
ИС ФНИСЦ РАН, Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НЕОМАРКСИСТСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Выступление посвящено современному этапу развития неомарксистского подхода к исследованию международных отношений и международной безопасности. Речь идет о теоретической школе, объединенной под наименованием «исследования безопасности третьего мира». Аналитическая категория «слабого государства» — центральная для этой школы. Она отражает опровержение реалистического представления, что все государства подобны. Большинство государств третьего мира не являются «вестфальскими». Слабость государства определяется низким уровнем социально-политической сплоченности.

Мохаммед Айюб (Ayooob) выделяет три главных атрибута слабого государства: 1) недостаток легитимности — границы были проведены колонизаторами как им удобно, поэтому население не идентифицирует себя с государством; 2) отсутствие консенсуса в обществе — разные сегменты населения по-разному видят фундаментальные проблемы организации жизни государства; 3) недостаточная поддержка режимов, которые обычно приходят к власти в результате путча. Георг Соренсен (Sorensen) вводит экономическую составляющую слабости — гетерогенная экономика, где элементы современного сектора сосуществуют с остатками феодализма и дотоварной экономикой (в сельском хозяйстве).

Чтобы решить проблему сплоченности, правительства слабых государств предлагают различные проекты национального строительства, которые терпят крах, так как права граждан (включая социальные) государствами не обеспечиваются. Для обеспечения своих прав люди обращаются к альтернативным институтам (этническим и религиозным сообществам, мафиям). Правящая элита редко заинтересована в создании сильного государства, так как это угрожало бы ее власти.

Суверенитет слабого государства гарантирован мировым сообществом, поэтому элита чувствует себя в безопасности от внешних угроз. Государства третьего мира достигли независимости не потому, что внутренне созрели для этого, а потому что изменились правила игры в мировой системе. Суверенитет гарантируется извне, слабые государства исключены из силового противостояния, и никто не может лишить их юридического суверенитета, даже если они потерпели крах.

Бывшие колонии отстали в экономическом и деградировали в политическом смысле. Произошла консервация традиционной социальной структуры, поэтому национальное строительство отягощается необходимостью модернизации. В то же время повышение уровня образования и завышенные ожидания усугубляют внутривнутриполитическую ситуацию. Международное право ставит перед государствами третьего мира взаимоисключающие задачи: эффективно контролировать территорию и в то же время соблюдать демократические нормы во внутренней политике.

Безопасность стран третьего мира слабо или вообще не связана с системной безопасностью. Айюб предлагает термин «subaltern realism». Он признает государство главным актором и единственным гарантом порядка на своей территории. Понимание политической ситуации начинается с анализа внутренней политики, потому что большинство конфликтов определяется именно ею. Но нельзя забывать и внешние факторы, потому что внутренняя политика подвергается внешнему влиянию.

Если говорить о перспективах, то возможно ли применение данного подхода к постсоциалистическим странам? У них много общего с государствами третьего мира: слабость, недостаточная социальная сплоченность. После распада системы социализма ситуация сложилась так, что вместо развития третьего мира до такой степени, чтобы к нему можно было применять традиционные теории, некоторые развитые индустриальные страны деградировали до такого уровня, что к ним можно применять опыт третьего мира.

Митрохина Т.Н.
СГТУ им. Ю.А. Гагарина, Саратов

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Одной из заметных тенденций современного развития является цифровая трансформация всех социально значимых сфер жизнедеятельности, включая сферу образования. Цифровая трансформация образования в современной России регулируется Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1836 «О государственной информационной системе “Современная цифровая образовательная среда”», Распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования». С 2019 г. в России реализуется федеральный проект «Цифровая образовательная среда», направленный на обеспечение цифровой трансформации системы образования.

Цифровая трансформация образовательной сферы предполагает формирование совокупности отношений, складывающихся в процессе обучения, основанных на цифровых технологиях и направленных на удовлетворение образовательных потребностей, использование цифровых инструментов, платформ, сервисов, ресурсов обучения для достижения образовательных целей и задач, обновление планируемых образовательных результатов, образовательного контента, методов и организационных форм учебной работы, оценивания достигнутых результатов с помощью цифровых инструментов для кардинального улучшения образовательных результатов.

В распоряжении современного преподавателя множество платформенных решений, входящих в группу субтехнологий виртуальной и дополненной реальности, позволяющих осуществлять мониторинг уровня освоения материала студентами. Управление обучением и контроль самостоятельной работы студента осуществляется с помощью популярных сегодня сервисов *Learning Management Systems*. Широко используется цифровая среда электронных научных библиотек. Для обмена, хранения и передачи больших объемов информации используются облачные решения. Разнообразны программные продукты инфографики и визуализации учебных материалов. Широко используются в образовательном процессе сервисы интерактивного видео.

В этой связи современный преподаватель социально-гуманитарных дисциплин должен отслеживать продукты, предлагаемые современной ИТ-индустрией, соответствовать требованиям программно-го и технического обеспечения, которые быстро совершенствуются и усложняются.

В контексте процессов цифровой трансформации уместно подчеркнуть специфику социально-гуманитарных дисциплин, предназначенных для формирования сложноорганизованного комплекса компетенций, неизбежно наполненных субъективно окрашенными ценностями, смыслами, ориентированными на изучение человека, вовлеченного в общественные отношения. Предназначение и особый смысл социально-гуманитарного знания заключены в реализации гуманистической миссии по фор-

мированию человека, включенного в систему социальных коммуникаций. Социально-гуманитарное знание способствует сохранению культурных традиций, формированию гражданских качеств — патриотизма, ответственности, готовности служения обществу и государству, бережного и уважительного отношения к истории, традициям и культуре. Социально-гуманитарное знание ориентировано на формирование критического и аналитического мышления, умения рационально оценивать ситуацию, просматривать альтернативные возможности и варианты, принимая ситуацию плюрализма как естественную. Социально-гуманитарная составляющая высшего образования ориентирована на формирование мотивационных оснований развития, культуры мышления и поведения, приобщение к национальным ценностям, составляющим основу мировоззренческой культуры и национальной идентичности.

В связи с содержательной спецификой объекта и предмета социально-гуманитарное знание в целом в гораздо большей степени характеризуется национальной идентификацией и самобытностью по сравнению с более нейтральным в ценностном отношении естественно-научным знанием или знанием точных наук.

В этой связи деятельность современного преподавателя социально-гуманитарных дисциплин представляет собой непрерывный процесс поиска решений уравнения со многими неизвестными, включает не только передачу комплекса ценности и национально ориентированного знания, но и освоение цифрового и технологического инструментария. Разнообразно применяемые в образовательном процессе цифровые инструменты не гарантируют формирование культурных, гуманитарных, коммуникативных компетенций, не создают сами по себе национально ориентированного современного образовательного контента. Цифровые технологии являются инструментами донесения ранее созданного преподавателем образовательного контента, однако требуют значительных усилий преподавателя для их эффективного использования при формировании компетенций.

При всех неоспоримых достоинствах цифровые технологии, будучи в своей основе алгоритмическими решениями определенных задач, требуют от современных преподавателей значительных усилий и времени для адаптации к образовательному контенту и могут способствовать алгоритмированию изначально богатого смыслами и глубоким национально ориентированным содержанием социально-гуманитарных дисциплин.

Михайленко Е.Б.

УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА ДНЯО: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

Режим ядерного нераспространения, сформировавшийся в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века, имеет сложную историю и непростой путь. Договор о нераспространении ядерного оружия ДНЯО, подписанный в 1968 г., является одним из ключевых режимов международной безопасности. За это время произошло несколько кардинальных изменений в мировой структуре и соотношении сил в мире, меняется роль ядерного оружия в национальных доктринах. Режим, созданный в период классического биполярного противостояния, в рамках которого ключевым элементом была доктрина ядерного сдерживания, претерпевает серьезные испытания после «мирного добровольного демонтажа биполярного порядка»¹, а также в ходе последних серьезных трансформаций в вопросах международной безопасности. Современные изменения мирового порядка приводят к серьезному расколу среди участников режима ядерного нераспространения по вопросам стратегической стабильности и роли ядерного оружия. Параллельно идет формирование новой повестки режима ядерного нераспространения, включающей вопросы запрещения ядерного оружия, гуманитарного измерения. Трансформация режима ядерного нераспространения является серьезным вызовом для международной безопасности.

Регионализация внутри переговорного процесса ДНЯО идет по нескольким направлениям: традиционные региональные группы ООН (Лига арабских государств, Группа государств Западной Европы), а также региональные организации ЕС, АСЕАН, Сообщество карибских государств (КАРИКОМ), страны-участницы Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, и др.; межрегиональные Движение неприсоединения (*Non-Aligned Movement*) и тематические группы: Коалиция новой повестки дня (*New Agenda Coalition*), Инициатива по нераспространению и разоружению (*Non-proliferation and Disarmament Initiative*), Венская группа десяти (*Vienna Group of Ten*). Складывается сложное региональное, межрегиональное и коалиционное многоголосье в контексте режима ядерного нераспространения. Регионализм является практикой отдельных государств инициировать все новые коалиции внутри ДНЯО, которые формируются не столько по географическому принципу, сколько

¹ *Buzan B., Hansen L. The Evolution of the International Security Studies. Cambridge, 2009.*

по нормативному и ценностному. Изменение нормативных основ в режиме ядерного нераспространения может стать толчком к формированию принципиально новых основ, а именно к формированию нового ядерного порядка.

Теоретической основой исследования выступают критические подходы к международной безопасности, которые включают постструктурализм, конструктивизм, феминизм и другие течения. Постструктурализм позволяет расширить границы исследования, обращаясь к уже существующим институтам и практикам, а также привлекая маргинализованные группы и голоса в анализируемое поле. Исследователи, использующие этот подход, выступают за критическую деконструкцию способов, которыми стратегические исследования формируют общественную сплоченность и узаконивают то, что считают необходимым. Постструктуралистский подход в широкой интерпретации позволяет проследить эволюцию норм в контексте режима ядерного нераспространения, а также конституирование образа «Другого». Целью нашего исследования является комплексная оценка особенностей процессов регионализации переговорного процесса ДНЯО и фиксация новых норм внутри режима ядерного нераспространения.

Михайленко В.И.

УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА ILLIBERALISM

Не впервые в политической полемике в отношении *другого* навешиваются крайние обвинительные ярлыки «фашистский», не имеющие научного основания. В качестве критерия используются проявления одного или нескольких признаков из научного определения. Наиболее точное и развернутое определение фашистского феномена дал итальянский историк Э. Джентиле в своей фундаментальной работе, переведенной на русский язык (*Джентиле Э. Фашизм. История и истолкование*. СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2022. С. 22–23). Автор этих строк неоднократно подчеркивал, что как политический режим фашизм закончился поражением в 1945 г. (*Михайленко В.И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Известия УРГУ. Серия 3. Общественные науки. Вып. 1. 2013. С. 8*).

Тем не менее появляется необходимость в типологизации ряда политических режимов, заявивших о себе отрицанием либеральных ценностей и институтов. Для характеристики таковых зарубежные аналитики используют понятие *illiberalism*. Само понятие «нелиберальная демократия» было введено в 1997 г. американским политологом Ф. Закария (*Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. 1997. December. Vol. 76. No. 6. P. 22–43; Закария Ф. Нелиберальная демократия пять лет спустя: судьба демократии в двадцать первом веке // Логос. 2004. № 2 // URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/42/05.pdf>*).

М. Ларюэль, активный промоутер концепта *illiberalism*, обращает внимание на его ограниченные возможности, вызванные тем, что размытая формулировка идет от противного, от отрицания либерального нормативного стандарта (*Laruelle M. Illiberalism: A Conceptual Introduction // URL: <https://www.illiberalism.org/wp-content/uploads/2021/04/Laruelle-Illiberalism-A-Conceptual-Introduction-ILLSP-April-12.pdf>*).

На наш взгляд, типологизировать это явление можно как современный нелиберальный тренд, в котором практически невозможно концептуализировать универсальное «тело». Идеологические обоснования *illiberalism* имеют широкий разброс. Это могут быть ссылки на традиционные ценности, правый популизм, продвижение антимиграционной политики, педалирование темы нации и национального суверенитета и т.п. Больше типологических признаков можно выделить в конструкциях нелиберальных политических режимов. Это — политический авторитаризм, примат суверенного государства перед наднациональными органами и правами граждан, предпочтение прямому общению лидера с народом (прямая демократия), продвижение государственного протекционизма, отвержение мультикультурализма и прав меньшинств, примат титульной нации, насаждение тоталитарной формы взаимоотношений между властью и обществом.

Если заглянуть в суть вопроса, то споры о «либеральном» или «нелиберальном» государстве сводятся к обсуждению традиционной темы соотношения и иерархии между «личностью», «гражданским обществом» и «государством». *Illiberalism* отдает предпочтение примату государства.

В любом случае созданный М. Ларюэль на базе *GW's Institute for European, Russian and Eurasian Studies (IERES)* сайт *Illiberalism* стал площадкой для серьезных научных дискуссий о современных глобальных, региональных и национальных политических процессах.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И СЕТЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ускорение глобальных изменений во всех сферах жизни общества (чему немало способствуют и прорывы в технологических областях) требует от научного сообщества продвижения в разработке эффективных теоретических инструментов, позволяющих ориентироваться в этом меняющемся мире, понять и предвидеть последствия этих изменений и движущие силы общественных перемен сегодня.

Теория дает возможность понять трансформации современного миропорядка, а также ответить на социально-политические вызовы глобальной турбулентности.

Как известно, теорию «социальной турбулентности» разработали исследователи Института межличностных отношений в городе Тейвисток (Англия) Эрик Трист и Фред Эмери.

Социальная турбулентность — это неопределенность, нестабильность, период, когда человек не может управлять действительностью, либо сложное состояние общественной системы с точки зрения сложности протекающего процесса.

Метафора турбулентности подчеркивает ряд важных особенностей, которые выходят на первый план в современном мире: текучесть, подвижность, неустойчивость его реальности.

Одним из первых предпринял попытку раскрыть эти черты современного мира З. Бауман в своей концепции «текущей современности».

Социальная турбулентность предполагает прямой и открытый сдвиг парадигмы, изменение базовых концепций, изменение политического пространства и всех правил игры в обществе за очень короткий промежуток времени.

Для политической науки актуальным предметом научных исследований являются политические отношения. В связи с ускоряющимся развитием мировых процессов меняется и политическая сфера. В частности, происходит расширение содержания понятия «политические отношения», так как политическое измерение проникает во все сферы жизни общества (наука, образование, медицина, спорт и т.д.). Политизация подавляющей части общества требует применения для изучения этих гибридных образований опоры на различные теоретические концепции, использование оригинальных, иногда неожиданных методологических синтезов.

Достаточно широко распространено мнение, что изучению политических отношений и социального управления способствует сочетание институционального, сетевого, коммуникативного, конфликтологического и других подходов.

Как считает ряд авторов, перспективы исследования сложных взаимодействий и непредсказуемых моделей развития современных социально-политических отношений связаны со значительным аналитическим потенциалом сетевой теории.

Общий дух сетевой теории заключается в том, что осмысление понятия сетевого общества едва ли совместимо с подходами, воспринимающими общество как системное целое или организм, жизнедеятельность составных частей в котором координируется между собой и организована по функциональным программам.

Собственно, потребность в понятии «социальная сеть» и сетевой модели возникла в связи с неудовлетворенностью понятием «структура», которым фиксируются жесткие связи, а общественные отношения текучи и изменчивы, кроме того, на деятельность людей, согласно акторно-сетевой теории, как раз оказывают влияние окружающие предметы, а также гены, религия и ментальные структуры (хабитусы — П. Бурдьё) членов социальных сетей.

Следует отметить, что сетевая теория дистанцируется от традиционного понимания социума и политики. Б. Латур считает, что не следует упрощать наше понимание мира. Мир не состоит из точек и линий, хотя зачастую социологи верят в мир, состоящий из социальных групп, сообществ, культур, правил и т.д., так же как политологи верят, что политика — это властные структуры, политические акторы, политические объединения, партии и т.д.

Картина мира оказывается более сложной. Следует обратить внимание на то, что на уровне политических отношений, особенно в глобальном контексте, происходит взаимодействие сетей и иерархических структур, которые никуда не делись. По убеждению сетевых теоретиков (прежде всего М. Кастельса и Б. Латюра), сети противостоят иерархическим структурам в политической сфере.

Важный момент заключается также в том, что политические сети в условиях глобальной турбулентности представляют реальную угрозу внутривнутриполитическим иерархиям. Об этом свидетельствуют события на Ближнем Востоке, в Британии, США и на Украине. Сетевые комбинации прослеживаются в таких регионах, как Китай, Казахстан, в целом Центральная Азия, причем это не только столкновения сетей и иерархий, но и конкуренция и даже война между сетями.

Но процесс внедрения сетевой организации в общее мироустройство, в том числе и в политической его части представляется весьма сложным и неоднозначным. Ряд теоретиков, которые принимают в основном положения сетевой теории, тем не менее не считают замещение сетями иерархий делом, так сказать, решенным.

Во всяком случае, процесс взаимодействия сетевых образований с иерархическими структурами на уровне политических отношений достаточно сложен, и однозначную оценку преимуществ и недостатков того или иного варианта самоорганизации общества на современном этапе пока дать проблематично.

Михалев А.В.
БГУ, Улан-Удэ

ГЕОПОЛИТИКА ДЕКАРБОНИЗАЦИИ И РОССИЙСКИЙ ГАЗОПРОВОД В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В 2021 г. широкий масштаб приобрел энергетический кризис, вызванный как последствиями пандемии, так и экологическими проблемами. Важным последствием этого кризиса стало повышение спроса на газ, причем ажиотаж охватил не только Европу, но и Китай. Местные масштабы потребления угля, причем не только в Китае, но и в соседней Монголии, привели к возникновению целого комплекса экологических проблем, оказывающих влияние как на качество жизни населения, так и на международную репутацию этих стран. На протяжении длительного времени Пекин и Улан-Батор попеременно занимали лидирующие места в рейтинге столиц мира с самым грязным воздухом. И вот Китай объявил о стремлении достичь углеродной нейтральности (*carbon neutrality*), т.е. нулевого баланса выбросов, к 2060 г. Это стало причиной сокращения потребления здесь угля и его замены на газ как на более экологичное топливо. Но переход к углеродной нейтральности — это не просто экономическая задача, это сложный политический процесс движения к новой энергетике, а вместе с тем и к новому формату баланса сил в регионе.

Одним из крупнейших поставщиков газа в мире является российская корпорация «Газпром». «Зеленый переход» придает новое значение российским проектам по расширению сети газопровода. «Газпром» и китайская корпорация *CNPC* еще 8 мая 2015 г. согласовали решение о строительстве «Союза Восток» — стратегического ответвления российского газопровода «Сила Сибири-2». Это имеет большое значение для Китая, поскольку позволит увеличить объемы поставок российского газа до 50 млрд куб. м в год.

«Союз Восток» должен провести газ от Ямальского месторождения к центральным районам Китая через Монголию, которая стала важнейшим участником проекта. С тех пор как в августе 2020 г. был оформлен российско-монгольский меморандум о готовности строительства, не прекращаются работы по его обеспечению. На протяжении всего 2021 г. происходило согласование технико-экономического анализа и схемы прохождения газопровода. Для обеспечения строительства было принято решение о привлечении в Монголию иностранной рабочей силы. В июне 2021 г. министр иностранных дел Монголии Б. Батцэцэг отметила: «Выражаю удовлетворение тем, что, несмотря на условия пандемии, исследовательские работы по проекту газопровода из России в Китай через территорию Монголии успешно продвигаются. Мы готовы и в дальнейшем оказывать всяческую поддержку деятельности компании специального назначения “Газопровод Союз Восток”2». К осени 2021 г. между Россией и Монголией была согласована большая часть технической документации и экологических нюансов по вопросу строительства газопровода. При этом в Монголии данный проект поддержал как прошлый руководитель страны в лице президента Х. Багтулги, так сменивший его в июне У. Хурэлсух. Выступая на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2021 г., президент Хурэлсух заявил: «Идет активная работа по разработке технико-экономической оценки проекта строительства газопровода через территорию Монголии, и это станет большим, крупнейшим созидательным проектом Дальневосточного региона».

Такая поддержка вызвана тем, что газопровод важен для самой Монголии. Он должен обеспечить ее дополнительными энергоресурсами, необходимыми на фоне горнодобывающего бума. Специально созданная компания «Газопровод Союз Восток» обещает до конца 2021 г. разработать технико-экономическое обоснование проекта строительства, в том числе детальный расчет инвестиционных, а также эксплуатационных затрат. В октябре 2021 г. в телеграм-канале «Газпрома» было опубликовано официальное сообщение: «Правительством Монголии уже принят ряд мер господдержки проекта, а также принципиальное решение о резервировании земельных участков под размещение объектов газопровода». Что же касается согласований с Китаем, то они достаточно четко закреплены еще в договоре 2015 г.

Подробное согласование технической документации с Монголией во многом связано с тем, что эта страна впервые в истории включается в сеть потребителей газа, в то время как Китай является старым

и стабильным партнером России в этой отрасли. В условиях постоянной политизации российских поставок газа в Европу сотрудничество с Китаем выглядит более привлекательно. За последние 30 лет на уровне официальных риторик здесь ни разу не пытались интерпретировать российские поставки в духе экспансии. А закупки российского газа Китаем стабильно увеличиваются.

Название «Союз Восток» имеет большое символическое значение, оно манифестирует целый комплекс политических смыслов, которые Россия и Китай продвигают на уровне футурологической повестки. Техничко-экономический анализ проекта был утвержден в день празднования шестидесятилетия освоения космоса, но название отсылает не только к эпохе освоения космоса, но и к путинской политике «поворота на Восток». Формирование здесь экономики, базирующейся на углеродной нейтральности, является лишь первым шагом климатической дипломатии, приобретающей в Азии все большую популярность.

Общим контекстом для происходящего являются цены на газ, которые стремительно растут и уже достигли показателей, превышающих тысячу долларов за тысячу кубометров. На фоне постоянно растущего спроса российский газопровод «Сила Сибири-2» систематически обновляет рекорды по увеличению поставок в Китай, но некоторые китайские корпорации, такие как *Sinorec*, начали закупать сжиженный природный газ в США. Азиатские рынки становятся все привлекательнее и обращают на себя внимание большинства мировых держав. В этих условиях и без того политизированная торговля энергоносителями приобретает еще более масштабное геополитическое значение.

Расширение сети российского газопровода создает новую геополитическую конфигурацию в регионе, обеспечивая Китай важным ресурсом для формирования имиджа экологически ответственной мировой державы. Переход на газ, равно как и опора на зеленую энергетику, создает фундамент для китайского образа будущего, способного стать идеологической основой для нового регионального порядка, о чем неоднократно писали эксперты в области региональных отношений в Восточной Азии. Россия же в свою очередь ощутимо повышает свой статус в регионе как энергетической сверхдержавы, способной решать масштабные инфраструктурные задачи в условиях политической турбулентности.

Михалева А.В.
ИГИ УрО РАН, Пермь

ЭТНИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН НА ЛИЧНОЙ СТРАНИЦЕ В ИНСТАГРАМ

Социальные сети стали важнейшей частью современных политических процессов. Они помогают выстраивать ментальные модели и контролировать официальный публичный дискурс. В статье раскрывается роль этнического ресурса в позиционировании Президентом Республики Татарстан (РТ) Рустамом Миннихановым на личной странице в социальной сети Instagram с учетом субъектной и региональной презентации. В докладе представлены результаты анализа публикаций с его личной страницы в социальной сети Instagram за период с 1 января 2020 г. по 13 марта 2022 г. включительно, а также публикации СМИ по проблематике этнокультурного позиционирования. С помощью качественного и количественного контент-анализа, статических и сравнительных методов проанализированы визуальные и содержательные контексты презентаций.

Анализ медиаактивности лидеров регионов в социальных сетях дополняет картину дискурсивного конструирования идентичности на элитном уровне. Как показали результаты исследования, социальные сети Президента РТ являются информативным источником для выявления приоритетных установок относительно этнокультурной проблематики региона в официальном дискурсе.

Этнокультурный ресурс играет определяющую роль в процессе личной самопрезентации главы региона, что подтверждают частота обращения к этнической проблематике, эмоциональная включенность в тему, пристрастные суждения по этническим вопросам.

Глава Республики демонстрирует сформировавшиеся убеждения о своем этническом сообществе. Эти взгляды формулируются им в примордиалистском ключе. Он активно позиционирует себя в групповом этнокультурном измерении, демонстрирует высокую озабоченность перспективами развития татарского сообщества в мировом масштабе и сохранением в их среде традиционных ценностей.

Применительно к региональному сообществу на своей странице в Instagram Р. Минниханов охотно использует термин «татарстанцы». Однако делает это в контексте темы о ВОВ или террористической угрозы, т.е. в специфических условиях угрозы общественной стабильности и безопасности. Заметно чаще в его текстовых сообщениях встречается ссылка на групповую принадлежность Татарстану: «жители многонационального Татарстана», «молодежь Татарстана», «предприниматели Татарстана», «мужчины Татарстана», «дети Татарстана» и т.д. Наиболее ярким примером такой формы региональ-

ной принадлежности становится выражение «команда Татарстана», которую отличает профессионализм, труд, самодостаточность, многообразие, мечтательность, целеустремленность, память, забота о близких, верность родной земле, уважение традиций и поиск нового.

В этнокультурном измерении для характеристики регионального сообщества и позиционирования региона в целом Р. Минниханов обычно использует модель межнационального и межконфессионального согласия. Пристальное внимание на своей странице в соцсетях он уделяет праздничному календарю этнических сообществ, пантеону их героев и известных людей.

Позиционирование республики проявляется также в продвижении этнокультурных традиций в официальный дресс-код региональной элиты, что стало особенно заметным в последние годы. Как показал анализ данных с личной страницы Р. Минниханова в *Instagram*, сфера применения национального костюма Президентом Республики в 2020–2021 гг. постепенно расширяется, он появляется в нем регулярно не только на этнокультурных мероприятиях, но и на открытии медицинских учреждений, во время зарубежных визитов, на мероприятиях для многодетных семей, в том числе и в рабочие дни.

В региональном позиционировании предпочтение отдается поддержанию полиэтничной татарстанской идентичности, в которой важную роль играет этнический ресурс. При этом речь не идет о реалитетном представлении этнокультурных традиций.

Перспективы маргинализации этнокультурного ресурса представляются весьма сомнительными, а потому в ближайшие годы он будет по-прежнему определять социополитический климат в регионе.

Морозова Е.В.
КубГУ, Краснодар

КОНСТРУИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МАКРОРЕГИОНЕ (КЕЙС БОЛЬШОГО КАСПИЯ)

После распада СССР регион Каспийского моря из практически внутреннего региона (за исключением границы с Ираном) превращается в геополитический макрорегион, значение которого возрастает в современных условиях. Регион привлекателен не только для пяти акторов «первой линии», но и для более удаленных субъектов. Процесс интеграции постсоветского пространства Прикаспия практически не изучен, поскольку об определенном его завершении говорить пока рано. Проблемы социокультурной интеграции, возможности конструирования общей идентичности макрорегиона находятся пока на периферии исследовательских интересов, значительно уступая тематике транспорта, энергоресурсов и биологического разнообразия.

Основной целью нашего проекта является выявление специфики и построение комплекса моделей конструирования новых идентичностей субъектов постсоветского пространства Каспийского региона с позиции возможных конфликтов и рисков с использованием концепта социетальной безопасности. Проект реализуется с использованием подхода *citizen science*, через привлечение широкого круга добровольцев, прежде всего представителей диаспор, к сбору и обработке информации.

Каспийский регион маркируется различными исследователями по-разному: и как макрорегион, и как мезо- и даже метарегион. Несмотря на то что в политологическом дискурсе понятие «макрорегион» чаще всего употребляется применительно к внутренним макрорегионам (Сибирь, Урал, Дальний Восток и т.д.), мы полагаем возможным использовать его и в нашем случае транснационального региона, тем более что прецеденты такого употребления существуют (Арктика). Можно говорить о сложившейся макрорегиональной идентичности, если ее носители имеют общую «картину мира», представленную на всех уровнях — когнитивном, ценностно-эмоциональном и, что особенно важно, поведенческом, инструментальном.

Объективная сторона процесса конструирования идентичности включает идентификационные маркеры (один или несколько могут являться доминантными). В нашем случае видим два доминантных идентификатора — само Каспийское море, воспринимаемое как ценность всеми живущими на его берегах народами, и культурное многообразие каспийского сообщества. Макрорегион выступает как пространство сопряжения крупнейших цивилизационно-религиозных комплексов современного мира: христианско-православного, исламского и буддийского. Анкетный опрос 300 представителей студенчества Казахстана, проведенный этим летом в онлайн-формате, показал, что общими чертами, объединяющими народы Казахстана, России, Азербайджана и Туркмении, респонденты считают саму экосистему Каспийского моря (76,2%), общее советское прошлое (66,7%), менталитет (23,8%). Среди общих проблем лидируют экологические и экономические проблемы. Пятая часть опрошенных считает, что существуют общекаспийские символы, четыре пятых полагают, что таких символов нет.

Субъективная сторона процесса конструирования идентичности Большого Каспия может быть представлена в определенной хронологии. В октябре 1992 г. в Тегеране состоялась встреча глав госу-

дарств и правительств стран Каспия, на которой рассматривалась возможность создания Организации каспийского экономического сотрудничества, а также связанных структур — Каспийской межгосударственной нефтяной компании, Каспийского банка развития и др. Упомянутые инициативы не были реализованы в том числе из-за неурегулированности правового статуса Каспийского моря. В 2018 г. на Пятом каспийском саммите в Актау (Казахстан) была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Как отмечает министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, «в интересах повышения эффективности существующих структур и механизмов целесообразно выстроить их в единую региональную систему. На текущем этапе оптимальным способом достижения этой цели видится создание гибкого пятистороннего форума — Каспийского Совета» (<https://interaffairs.ru/news/show/37062>). Потенциально Совет мог бы стать ключевым звеном в выстраивании многосубъектной политики идентичности в макрорегионе, объединяя деятельность национальных правительств, региональных властей и бизнеса. Роль последнего особенно значима, в том числе в контексте раскрытия потенциала международного транспортного коридора «Север-Юг». Важными субъектами политики идентичности могут стать и представители социокультурной сферы — Ассоциация прикаспийских университетов, музейные объединения, транснациональные СМИ. Вопросы конструирования коллективной идентичности Каспийского макрорегиона могут решаться динамично при включении их в стратегии развития, принимаемые на уровне Каспийского саммита и, возможно, будущего Каспийского Совета.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социальной безопасности».

Морозова О.С.
РГУ им. С.А. Есенина, Рязань

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ К ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ

Необходимость исследования возможностей и факторов повышения уровня доверия к общественным и государственным институтам в современной России, выявление роли гражданского, в том числе электорального, участия в процессе формирования доверия состоит в том, что в реалиях настоящего времени остро ощущается проблема общенационального единства и консенсуса по важнейшим внутривнутриполитическим и геополитическим вызовам. Размытость ориентиров для граждан страны может стать препятствием для дальнейшего стратегического планирования и развития страны.

В ранее проведенных исследованиях, результаты которых отражены в публикациях и на научных конференциях всероссийского и международного уровней, особое внимание уделено проблемам избирательного процесса, абсентеизма, политической культуры избирателей, организации и проведения голосования и пр. Традиционно рассматриваются вопросы участия молодежи в выборах, организации наблюдения на выборах как форме повышения легитимности итогов голосования и пр. Одним из аспектов исследований в данной тематике также являются особенности политико-коммуникационного процесса и организации социокультурной коммуникации.

Однако период пандемии COVID-19 в 2020–2022 гг. и последующие геополитические изменения, с которыми столкнулось российское общество, стали теми вызовами, которые требуют осмысления и оценки.

В этих сложных условиях необходимо на государственном уровне выработать политику, направленную на формирование и совершенствование механизмов, повышающих уровень доверия к общественным и государственным институтам. Через рост гражданской активности, ответственности, сохранение традиций и лучших практик политического участия возможно добиться усиления легитимности принимаемых политических решений и консолидации российского общества.

Руководители регионального уровня сталкиваются с серьезными информационными проблемами (учитывая диапазон и сложность вопросов, которые они решают), конкурирующими интересами (выражаемыми в ходе избирательных кампаний), влиянием местных традиций (гражданских, политических, социальных и экономических), необходимостью для обеспечения легитимности в глазах как граждан, так и более высоких уровней управления (от которых могут быть получены ресурсы), а также необходимость адаптации государственной политики к конкретным условиям региона. В этой связи представляется важным изучение динамики электорального участия, а также основных запросов от населения на губернаторских выборах, прошедших в ряде регионов РФ в сентябре 2022 г.

Необходимо исследовать способы измерения уровня доверия, а также изучить факторы, влияющие на повышение уровня доверия к общественным и государственным институтам. Представляется важ-

ным определением проблем в сфере доверия населения России политическим институтам как федерального, так и регионального уровня, особенностей электорального поведения избирателей и взаимовлияния электоральной активности и уровня доверия к общественным и государственным институтам в современной России.

Актуальным становится формулирование предложений по расширению гражданского участия, сохранению ценностей и традиций для повышения уровня доверия к общественным и государственным институтам в российском обществе, выработка механизмов государственной политики в данной сфере.

Муртузалиев С.И.
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», Луганск

КАВКАЗ В ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Во времена СССР отношения между давними соперниками внешне были мирными. Однако тайные надежды турецкой элиты еще в 1933 г. озвучил К. Ататюрк: «Однажды Россия потеряет контроль над народами, которые сегодня держит крепко в руках» и наступит время Турции.

После развала СССР статус-кво в регионе стал неустойчив, так как новая геополитическая теория Турции — неоосманистика Давудоглу, нашла прямой выход в реальную политику на Закавказье и на территорию Северного Кавказа РФ. Не рискуя действовать против России методами «жесткой силы», в 1990-х годах Турция берет курс на применение «мягкой силы», направленной на Северный Кавказ и новые государственные образования Южного Кавказа, используя исламский фактор (общность религии), идею создания Великого Турана и т.д. Ряд экспертов уверены, что «турки уже много лет ведут “ползучую экспансию”» [*Антон Чаблин*. Как Турция «покоряет» Кавказ. URL: <http://yug.svpressa.ru/war21/article/129364/> (дата обращения: 14.09.2016)].

Изменилась доктрина этнонационализма. Общественно-политические движения 1989–1993 гг. использовали светско-модернистские лозунги, ориентируясь на идеал секулярной Турции. Однако провал проекта общекавказского сепаратизма привел ее к переориентации на исламский радикализм.

В 2000-е гг. к власти в Турции пришло новое поколение политиков. Попытка диалога между странами Южного Кавказа и Турцией была предпринята в 2008 г., когда турецкая сторона выдвинула инициативу «Кавказская платформа стабильности и сотрудничества», которую Р. Сафрастьян считает началом нового этапа в истории геополитического противостояния Турции и России. Анкара предложила себя на роль регионального лидера на Южном Кавказе, а также для Ближнего Востока, Северной Африки, отчасти для Балкан, преследуя при этом прежде всего собственные интересы, не в последнюю очередь — экономические.

Анализируя итоги восьмого саммита (Стамбул, 12.11.2021) учрежденного в 2009 г. Совета сотрудничества тюркоязычных государств, переименованного в «Организацию тюркских государств», политологи обращают внимание на то, что на турецком языке новое название читается как «Организация турецких государств», в чем содержится недвусмысленный намек на главенствующую роль Анкары в этом этнически мотивированном объединении. Согласно принятой в 2011 г. Концепции национальной безопасности Грузии, отношения с Азербайджаном характеризуются как стратегическое партнерство, а Турция названа основным партнером Грузии. Азербайджано-грузинские отношения во многих аспектах фактически приобретают трехсторонний турецко-грузино-азербайджанский формат.

Актуализировавшийся примерно с середины 2013 г. украинский кризис и ухудшение отношений между Россией и Западом сказались также на новом геополитическом контексте Южного Кавказа, создавая новые вызовы и возможности для Азербайджана, Армении, Грузии и, разумеется, Турции. На пресс-конференции (01.06.2021) было заявлено, что Турция считает Грузию ключом регионального сотрудничества и выражает готовность поддержать любой трехсторонний формат, в том числе и Грузия–Азербайджан–Армения [Эрдоган заявил, что Турция готова поддержать сотрудничество Грузии, Азербайджана и Армении. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11531943> (дата обращения: 03.06.2022)].

Вместе со своей союзницей Анкарой Баку уже пытается оказывать давление на Кремль в пользу полного возврата региона под азербайджанский контроль. Нынешний статус-кво в регионе изначально неустойчив. По мнению Д. Тренина: «После второй карабахской войны российская стратегия должна учитывать политическое и военное присутствие в Закавказье участницы НАТО и амбициозной региональной державы Турции ... дальнейшая военно-политическая экспансия Турции на Кавказе будет иметь негативные последствия для российской безопасности. Ее необходимо остановить» [*Дмитрий Тренин*. Россия и Закавказье через год после войны в Карабахе. Послесловие к книге «Буря на Кавказе». URL: <https://carnegie.ru/commentary/85683> (дата обращения: 11.11.2021)].

Усилия Турции по формированию союза с Азербайджаном и Туркменией уже сейчас создают новую ситуацию на Каспийском море. Важные выводы должны быть сделаны на военном уровне. Ситу-

ация обострилась после 2014 г. Москве следует учитывать влияние итогов недавней кавказской войны на мышление и возможные действия руководства Украины в отношении, например, Донбасса (ДНР и ЛНР) и Приднестровья. Следует признать, что на международной арене в настоящее время Россия довольно успешно претендует на паритет по «жесткой силе», но не обладает этим паритетом в сфере «мягкой силы», что сознает и руководство страны.

Мусина Р.И.
МПГУ, Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Современный мир вступил в сложную эпоху, вызванную последствиями глобализации. Все ярче проявляется цивилизационный раскол между западной и традиционными системами ценностей.

Серьезную озабоченность вызывает и нарастающая в связи с ксенофобией и русофобией радикализация европейского общества, радикализация молодежи. Глобальное информационное пространство выступает фактором распространения опасных идей и агентом рекрутизации массовых радикальных течений.

Представляется, что на настоящий момент можно выделить основные угрозы безопасности России, связанные с политической социализацией и, соответственно, системой образования. *Во-первых*, угроза, связанная с распространением идей национализма, направленная на разрушение единства и политического, и духовного России как многонационального и многоконфессионального государства. *Во-вторых*, угроза распространения предлагаемой Западом системы либеральных ценностей, неприемлемых с точки зрения российского менталитета. И наконец, угроза активизации политических радикальных движений, в том числе финансируемых извне.

Как известно, благодатное поле для радикализма создается из-за низкого уровня политической и правовой культуры. Отсутствие знаний и социального опыта, социальная инфантильность молодежи позволяет манипулировать сознанием, навязывая опасные представления и ценности. В связи с этим политическая социализация в рамках системы образования становится особенно актуальной.

Считается, что государства, претендующие на лидерство, должны лидировать во всех сферах. При этом развитие государства напрямую зависит от качества людских ресурсов.

В 1990-е годы был совершен поворот к полной деидеологизации системы образования, что привело к значительному снижению роли школы как одного из основных агентов политической социализации. Вместе с идеологией из школы исчезло преподавание теоретических основ политики и права, без которых невозможно формирование гражданственности и, следовательно, гражданского общества. Разрушение сложившейся системы ценностей наиболее заметно ударило по подрастающему поколению. Особенно пострадала такая ценность, как патриотизм. В национальном самосознании патриотизм ассоциировался с традициями веры, жертвенностью на благо Отечества и ответственностью за будущее. При этом чувство патриотизма никак не связывалось с чувством враждебности к другим народам, не ассоциировалось с национализмом и шовинизмом.

В современной России понятие патриотизма не имеет четкого определения, это одна из наиболее сложных дискуссионных тем для политиков. В то же время именно формирование патриотизма и гражданско-патриотическое воспитание выдвигаются в качестве важнейшей государственной задачи. Реализация этой задачи при взаимодействии государственных структур должна обеспечивать безопасность Российской Федерации. Закрепляется роль школы как базового агента политической социализации: в приказе Минпросвещения России от 31 мая 2021 г. закрепляется не только образовательная, но и воспитательная функция образования, долгое время игнорировавшаяся.

Сегодня характерной чертой образовательной системы является изменение методов обучения, приоритетными являются методики проблемного обучения, которые, в отличие от репродуктивных, позволяют не только сформировать известную триаду «ЗУН», но и актуализировать получаемые знания, обеспечить успешную социализацию, в том числе политическую. Тем не менее, несмотря на изменения, внесенные в КИМы, основной акцент по-прежнему сделан на репродукции. При изучении курсов истории преобладает фактология без причинно-следственных связей, что формирует определенные сложности при анализе явлений, не позволяет проследить связи современных событий и истории.

Анализ типовых программ и учебников показывает, что проблемы, наиболее актуальные именно в свете политической социализации, либо представлены неполно, либо не заслужили внимания авторов.

Социализация, в частности политическая, предполагает не только передачу знаний и представлений о базовых ценностях общества, но и усвоение социальных ролей, т.е. возможность в рамках игровых ситуаций «примерить» позиции и роли, в том числе политические, что актуализирует проектную деятельность.

Еще одна проблема политической социализации подрастающего поколения связана с отношением к СМИ и политической информации. Нельзя недооценивать возможности обществознания как учебной дисциплины в формировании устойчивых навыков выбора, анализа информации, критического подхода к навязываемым стандартам восприятия. Именно неумение критически оценивать подаваемую информацию и незнание, узкий кругозор делают молодежь уязвимой.

Таким образом, мы можем сделать вывод о широких возможностях преподавания обществознания в политической социализации, с одной стороны, и о существовании социально значимых проблем — с другой. Но, говоря об образовательной функции, мы не должны забывать и о воспитательной. И если с ролью учителя истории и обществознания как актора в политической социализации все понятно, то не стоит забывать о роли классного руководителя, который может быть преподавателем самых разнообразных дисциплин. И здесь актуальной становится уже проблема политической социализации и подготовленности самого учителя. В этой связи вызывает глубокую озабоченность сокращение предметов этого цикла в учебных планах подготовки специалистов педагогического профиля. Ведь к классному руководителю ученики предъявляют особые требования, и, чтобы заработать и поддерживать свой авторитет, классный руководитель должен не просто иметь определенную позицию, но и уметь ее аргументировать, чтобы даже в случае несогласия с ней, учащиеся испытывали бы к ней уважение. А для этого необходимы в том числе глубокие знания и в сфере философского знания, и в политологии.

Мухамбеткалиева Г.М.

КАТУ им. С. Сейфуллина, Астана, Казахстан

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Социально-политические трансформации, происходящие в мире, вызывают необходимость изучения этнополитических процессов в обществе. Полиэтническое общество в большинстве случаев может приводить к увеличению конфликтного потенциала. В настоящее время многие государства сталкиваются с проблемой обеспечения и сохранения стабильных условий для совместного сосуществования людей различной этнической принадлежности, культуры, языка и идентичности. Для Республики Казахстан вопросы межэтнических отношений также имеют важное значение в силу полиэтничности государства.

Изучение межэтнических взаимодействий включает в себя и учет статуса исследуемых этносов, указывающий на место того или иного народа в системе межэтнических взаимосвязей. В свою очередь, этнический статус определенной этнической группы определяется различными факторами, такими как уровень дохода, уровень образования, степень представленности в системе управления, а также их национальное самосознание и самоопределение. При этом этнические группы в большинстве случаев обладают способностью выработать модели поведения, позволяющие им сохранить свою этническую идентичность и одновременно выработать эффективные способы взаимодействия с другими этническими группами.

В этой связи существенный интерес вызывает гражданско-политическая культура, социально-демографическое положение, уровень жизни, особенности развития этносоциальных процессов, происходящих в местах их компактного проживания.

Также следует отметить, что в эпоху глобализации особенно остро стоит вопрос сохранения своей идентичности и сохранения народов как этнокультурной единицы. Основные факторы, по которым производится самоидентификация народа и определяется уровень гражданской идентичности, *помимо этнокультурных*, следующие:

- самоидентификация и идентификация других членов определенной этнической группы, этническое самосознание;
- наличие родного языка и признание его родным большинством представителей народа, а также уровень знания языка;
- общность происхождения и элементы этнической культуры, представленные в семейно-родственном общении, а также в публичном пространстве региона;
- наличие общих исторических фактов и событий, связывающих различные этнические группы.

Эти и другие факторы являются основными маркерами этнической идентификации различных этнических групп, способами ее сохранения и трансляции. В качестве значимых параметров, маркирующих формирование и структуру идентичности различных этнических групп, проживающих в компактных местах, предлагаются, наряду с этническими традициями и культурой, религиозными традициями и принадлежностью, отношением к другим этносам, объединяющие факторы различных этнических групп, поддержание связей с исторической родиной.

Таким образом, происходит актуализация исследования проблемы понимания идентичности в массовом общественном сознании. Проблема изучения уровня гражданской идентичности включает в себя исследование таких аспектов, как уровень отождествления себя с гражданами государства проживания; уровень самочувствия и сопереживания за судьбу государства; представления о государстве проживания; уровень восприятия общих событий в истории государства; память об общем происхождении; единой исторической родине; консолидирующие факторы; отношение различных этносов друг к другу (межэтнические отношения); чувство принадлежности к территории проживания.

Гражданская идентичность различных этнических групп, являясь важнейшим элементом развития общества, включает в себя также степень осознания своего социокультурного различия и внутреннего интегрирующего единства различных ценностей, взаимосвязь общегражданских и этнокультурных отношений в обществе, специфику этнокультурного единства и этнического происхождения; отражает интегрированность социального и полиэтнического пространства. В этом отношении главная задача гражданской идентичности состоит в способности интеграции этносоциального дифференцированного общества, смягчении межэтнических противоречий.

Мухортов Д.С.
МГИМО МИД России, Москва

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Принятые в 2021 г. поправки в Конституцию РФ положили начало основательному пересмотру системы ценностей в российском обществе, а связанные с Украиной февральские события 2022 г. послужили катализатором переоценки социально-политической реальности на мировом уровне. В этом процессе пристальное внимание со стороны властных структур уделяется молодежи как ключевому актору происходящих изменений, в основном на макроуровне, предусматривающем аспекты общегосударственного значения (воспитание патриотизма, например, через акцию «Бессмертный полк», гражданственности — через избирательную кампанию под девизом «Голосую все», почитания семейных традиций — через материальное стимулирование рождаемости и соответствующую информационную политику). На микроуровне, предусматривающем анализ поведения отдельной молодой личности или молодежных групп индивидов, их реакций на «событийный ряд» (в терминах М.А. Андрущенко и А.Л. Якубина, см.: Политическая наука. 2009. № 1), глубинные вещи, как правило, оцениваются узким кругом специалистов. Вместе с тем неослабевающий интерес к вопросам, решение которых требует не столько цементирование теоретико-эмпирической базы, сколько безотлагательных действий, свидетельствует о вневременной актуальности этой темы для российского общества.

Так, изучение социологических данных, включая опросы ЦИОМ, позволяет утверждать, что в центре внимания исследователей неизменными остаются три блока взаимосвязанных ценностей студенческой молодежи — патриотизм, гражданственность и семейные традиции. В связи с этим в мае–июне 2022 г. было проведено пилотное исследование среди 128 выпускников бакалавриата одного из ведомственных вузов Москвы. В качестве задания было предложено написать три отдельных эссе на тему: «Что следует сделать, чтобы современные студенты были а) патриотичны, б) чувствовали свою ответственность за будущее российской государственности, в) поддерживали сохранение семейных традиций?»

Более 70% респондентов читают, что военно-патриотическим воспитанием необходимо начинать заниматься в высшей школе с пересмотра содержания общественных дисциплин. Целый ряд предметов, в том числе читаемых отставными чиновниками, не представляют значимости в данном контексте. Высвободившееся время, по мнению студентов, следует посвятить, например, обсуждению классической и современной литературы, развивающей духовно-нравственные ценности. В предлагаемых программах и учебных материалах, в частности гуманитарного цикла, акцентировать роль студента как активного гражданина страны, влияя на его мировоззрение, внушая уважение к историческому, социально-политическому и предпринимательскому опыту Российского государства. Респонденты сходятся на том, что необходимо развивать институт наставничества, когда студенты старших курсов могут выступать в качестве кураторов, тьюторов, менторов абитуриентов. На смену внушаемому годами пиетету перед американскими ценностями должны прийти многочисленные примеры из жизни русских людей (предпринимателей, меценатов, ученых, деятелей искусства), что сможет постепенно смещать фокус внимания на изучение своей страны. Вот некоторые цитаты из открытых анкет: «Патриотизм нынче не в моде»; «Материальные ценности рулят»; «Гражданская активность без материальных стимулов не покатит» (лексика сохранена).

Лекторы и работодатели должны убедить студента в том, что его страна конкурентоспособна, в противном случае его ответственность за государственное строительство не разбудить. Требуются конкретные дела для того, чтобы студент ощущал себя полноправным гражданином своей страны. Плотная занятость студента изучением избыточных дисциплин ведет к тому, что у него не остается времени, например, на волонтерские проекты. Еще одной альтернативой для того, как занять высвободившееся время, могли бы стать проводимые студентом социально полезные мероприятия или же отработываемые часы в организации или ведомстве по его специальности, за это засчитываются зачетные единицы.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что ВУЗ может стать более серьезной площадкой для личностного роста студента. ВУЗ как государственная структура более серьезно должен озаботиться вопросами формирования гражданственности и патриотизма.

Проект «Механизмы оптимизации процесса формирования созидательных ценностей студенчества (патриотизм, гражданственность, доверие к власти, семейные традиции) посредством эффективных социально-политических коммуникаций» выполняется в ИНИОН РАН в рамках отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

СПЕЦИФИКА МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА В ГОРОДАХ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Медийное пространство той или иной территории формируется посредством реализации процесса массовой коммуникации, т.е. создается особая аудиовизуальная сфера, которая оказывает существенное влияние на офлайн-действительность. Сегодня медийное пространство включает в себя не только СМИ, но также их группы в социальных сетях и иные новостные паблики, группы администраций, городские сообщества, личные страницы политиков и лидеров общественного мнения и т.д. На данных площадках происходит коммуникация между гражданами и осуществляется взаимодействие между органами государственной власти и местного самоуправления и населением.

В городах присутствия Госкорпорации «Росатом» особенно важно уделять внимание коммуникации между органами власти и обществом, а также между сообществами индивидов, поскольку данные территории являются стратегически важными для России. Именно поэтому необходимо поддерживать там благоприятный социальный климат, что, в частности, возможно благодаря взаимодействию в онлайн-среде. Развитие медиапространства на территориях присутствия атомной промышленности в достаточной степени неравномерно. Тем не менее мы можем выделить ряд общих черт, характерных для большинства «атомных» городов, а также отметить сильные и уязвимые стороны сформированного медийного пространства.

1. Главы городов и органы местного самоуправления обеспечивают свое активное присутствие в медийном пространстве. Это связано с общими тенденциями, характерными для всего российского информационного поля. Отсутствие страницы в социальных сетях стало восприниматься гражданами негативно, поскольку профиль политика или органа власти представляется площадкой для конструктивной дискуссии или импульсивных сообщений. В подавляющем большинстве городов присутствия Госкорпорации «Росатом» глава или орган местного самоуправления присутствуют в медийном пространстве «лично» посредством ведения страницы.

2. Существенная роль атомных электростанций и других предприятий Госкорпорации «Росатом» в жизни городов переносится и на медийное пространство территорий. Промышленные объекты в «атомных» городах становятся полноценными субъектами информационного поля, ведь их влияние на все территориальные процессы является важным для развития населенных пунктов. Группы предприятий публикуют разнообразный контент: от информационного до развлекательного. Данные паблики пользуются популярностью не только среди работников предприятия, но и среди жителей города.

3. В большинстве городов атомной отрасли наиболее популярной социальной сетью является «ВКонтакте», активность в остальных социальных сетях гораздо ниже или отсутствует. Именно поэтому одна из наиболее существенных частей медийного пространства городов заключена на площадках, расположенных во «ВКонтакте». При этом стоит отметить, что происходит медленное освоение мессенджера *Telegram*, однако низкая представленность в широком спектре социальных сетей сохраняется.

4. Городские медиа представлены не только традиционными СМИ, но также интернет-ресурсами. Новостные сайты, публикующие материалы, связанные с жизнью города, региона и общероссийскими событиями, — достаточно частый элемент медиапространства «атомных» городов. Кроме того, зачастую традиционные СМИ имеют свои группы в социальных сетях, что расширяет аудиторию распространяемой информации. Самостоятельные новостные паблики также существуют, однако в данном случае вопрос набора участников группы крайне сложен без привлечения дополнительных финансовых ресурсов.

5. В публикациях городских СМИ преобладает текстовый материал, подкрепленный фотографиями. При этом часто встречаются репосты и рекламные посты. Для некоторых информационных ресурсов характерно преимущество неоригинальных публикаций, которые являются показателем недостатка собственного контента. Кроме того, немногие СМИ публикуют короткие видеоматериалы. Небольшие видеоролики на разные темы являются востребованными среди пользователей, именно поэтому важно «упаковывать» материал в соответствии с интернет-трендами.

6. Активное освещение различных социальных проектов и успехов в данной сфере позитивно воспринимается аудиторией. Особый интерес вызывают проекты, реализуемые при поддержке Госкорпорации «Росатом». Соответственно, публикуемые материалы, посвященные данной теме, имеют положительное влияние на общественные настроения в «атомных» городах.

Таким образом, мы можем сделать вывод о достаточном уровне развития медийного пространства в городах присутствия Госкорпорации «Росатом». Тем не менее существуют определенные зоны риска,

связанные с ограниченным списком социальных сетей, где проявляется активность, а также с небольшим количеством оригинальных постов и отсутствием видеоматериалов в ряде СМИ. Данные проблемы не являются системными и могут быть решены локально. Соответственно, медийное пространство «атомных» городов отвечает текущим цифровым вызовам.

Наман Дия Еддин
РУДН, Москва

НАСКОЛЬКО УСПЕШНОЙ ОКАЗАЛАСЬ ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ? АНАЛИТИЧЕСКОЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЫТА ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ

При оценке опыта Германии, Франции и Великобритании вопрос интеграции иммигрантов в экономическую, социальную и политическую жизнь Германии по-прежнему остается самой серьезной проблемой для правительства Германии. Поскольку миграционный кризис заставил власти Германии пересмотреть интеграционные программы и провести переоценку осуществимости этих программ, а также заняться поиском средств продвижения по службе.

Анализы показывают, что интеграция иммигрантов-мусульман в Германии «реально продвигается». Существуют факторы, влияющие на процесс интеграции в Германии, такие как продолжительность пребывания, причины эмиграции или социальный статус, в гораздо большей степени, чем религиозная принадлежность. Хотя власти Германии проводят «интеграционные курсы», количество иммигрантов, успешно закончивших курсы, неуклонно снижается.

Обнаружено, что интеграционные программы, предоставляемые правительством Германии иностранцам, способствовали повышению их шансов на выход на рынок труда, что, в свою очередь, привело к созданию новых рабочих мест, а также мотивации иммигрантов к более быстрому изучению немецкого языка, что дали иммигрантам дополнительные причины интегрироваться в окружающие сообщества.

Вопрос социальной интеграции остается очень важным для борьбы с социальным экстремизмом. Атака в Вюрцбурге показала, что интеграционные программы в Германии должны устранять недостатки и активизировать усилия, чтобы сделать интеграцию успешной. Следует также принять ранний индикатор общественного терроризма. Все социальные группы, гражданское общество и школа вносят свой вклад в сотрудничество немецких властей.

Дело интеграции во Франции и сопутствующие ему проблемы, препятствующие интеграции иммигрантов, вызывают своего рода раскол в заинтересованных кругах Франции, особенно после принятия «изоляционистского» закона. Французские власти ввели множество программ и законов для интеграции и социального сосуществования во Франции, которые были установлены компетентными органами, такими как французское Управление иммиграции и интеграции. Несмотря на это, существует большой разрыв в программах интеграции и степени достижения желаемых результатов.

Проблема трудности интеграции иммигрантов во Франции заключается не только в изоляции мусульманских общин, но, скорее, в совместной ответственности, большую часть которой несут французские власти, особенно с ростом феномена «Исламофобия». Поэтому необходимо устранить причины, препятствующие интеграции иммигрантов во французское общество, такие как разработка радикальных решений проблем, связанных с бедностью и маргинализацией. Интеграция в *Ave France* должна измеряться способностью добиваться участия всего спектра французского общества без какой-либо дискриминации или расизма.

Интеграция в Великобритании — это политическая, социальная цель и цель безопасности для лиц, принимающих решения в Великобритании, которая требует больших и постоянных усилий. Обеспечение участия граждан-иммигрантов из мусульманских общин, особенно тех, кто имеет полную возможность внести свой вклад, является ключом к будущему благополучию, процветанию и сплоченности европейских обществ.

Успешная интеграция может способствовать решению многих проблем, с которыми в настоящее время сталкивается британское общество: человеческих и социальных издержек экономической изоляции, распространения всех форм экстремистских идеологий и недоверия к справедливому жилью или системам здравоохранения.

Британские власти определили прочную основу для продвижения политики интеграции по всей Великобритании, с повесткой дня, которая начинается с широкой социальной интеграции, начиная с местных сообществ, с упором на стратегии и действия, связанные с образованием, культурой, занятостью, недискриминацией и равенством.

При реализации этих программ и планов британские власти работали в сотрудничестве и координации с местными и региональными властями, организациями гражданского общества, социальными и экономическими партнерами, частным сектором, принимающими общинами, диаспорой и организациями иммигрантов.

Настявин И.М.
КНИТУ-КХТИ, Казань

ПОЛИТИЗАЦИЯ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Все виды общественного сознания, как бы они ни были далеки от политики, могут быть политизированы. Например, экономическое требование повышения заработной платы может носить как чисто экономический, так и политический характер. Как только эти требования начинают увязываться с такими жизненно важными проблемами, например, проблемой политического устройства общества или проблемой социальной справедливости, так тут же они начинают приобретать политический оттенок. Или, например, религия. Как вера она не содержит в себе политического, но только до тех пор, пока ее идеи не увязываются со способом существования людей. Из истории религии, например, известно, что идеи реформации католической церкви в XVI в. способствовали прокладыванию пути к буржуазным революциям в Англии (XVII в.) и Франции (XVIII в.).

Или, например, эстетическое сознание. Как таковое оно тоже не содержит в себе политического. Но как только идеи в эстетике начинают отражать способ существования какой-либо социальной группы, класса, нации или государства, они начинают приобретать (в зависимости от значимости и остроты экзистенциального конфликта) соответствующую политическую окраску. Идеи, оставаясь эстетическими, приобретают политический оттенок.

То же самое происходит и с другими видами общественного сознания, которые могут быть точно так же политизированы, если они начинают соприкасаться с экзистенциально значимыми идеями, касающимися способа существования той или иной общности, класса. От того, насколько те или иные идеи, научные теории, моральные принципы и другие проявления общественного сознания отвечают интересам способа существования тех или иных социальных групп (личностей), настолько они и политизируются. Так, Филипп Брод утверждает, что «ничто по своей природе не является политическим и все им может стать»¹. Нэнси Фрейзер полагает, что «политизация социального» вообще является неотъемлемым процессом развития сложноорганизованных обществ². По мнению А.И. Соловьева, политика может «изменять свой объем, вследствие чего ее границы имеют в определенной степени условный характер и зависят от исторического контекста»³. К. Шмитт также исходил из того, что «своеобразие политического состоит как раз в том, что каждая мыслимая область человеческой деятельности может стать политической»⁴. П. Бурдье, рассуждая об оппозиции «между политическим и философским чтением», выделил два социальных пространства, которым «соответствуют два различных ментальных пространства»⁵. Однако, подчеркивал он, существуют тексты, которые обладают качеством некой двусмысленности, т.е. могут относиться сразу к двум этим пространствам. По мнению М. Фуко, политика связана не только с функционированием государства, но и незаметно вплетена в частную жизнь людей, в ее малейшие проявления. Поле политики не вещь в себе, она может проникать, окрашивать в свой «цвет» любые (философские, экономические, эстетические, нравственные и проч.) неполитические сферы сознания и жизнедеятельности людей, как только они соприкасаются с проблемой способа их существования. Например, изначально неполитическое по своей сути художественное произведение при данных обстоятельствах может быть политизировано.

Политизация сознания конкретного человека означает актуализацию в его сознании тех или иных до этого времени не имеющих экзистенциального значения явлений, предметов. Это может быть связано с любой сферой его деятельности, как профессиональной, так и бытовой. Политизации сознания подвергаются любые слои населения и общество в целом, если их социальное или международное положение изменилось настолько, что возникла угроза их способу существования или существованию вообще.

Таким образом, наиболее интенсивная и глубокая политизация общественного сознания и всех его форм связана с кризисными периодами в развитии общества, когда происходит обострение борьбы за тот или иной способ существования или за существование общности вообще.

¹ Цит. по: Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 56.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 526.

⁵ Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003. С. 17.

В период спокойного развития общества другие формы общественного сознания и жизнедеятельности не политизируются. Но как только возникает угроза способу существования общества или самому обществу (социальной группе, личности), необходимость сохранения избранного образа жизни, способа существования политизирует любую идею, деятельность, которые хоть как-то связаны с существующей угрозой. Создаются специальные институты, издаются законы. Политическое сознание актуализируется и становится тотально-массовым. Оно не только политизирует сознание огромной массы людей, но и требует от них соответствующего поведения, поступков, способных, по их мнению, мнению их руководства, сохранить избранный ими *modus vivendi* и продолжить свое существование.

Невзоров М.В.

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЗНАЧЕНИЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ РОССИИ

1. Сегодняшние дискуссии вокруг роли Болонского процесса для России обычно связывали с «встраиванием» в общеевропейское образовательное пространство. В современных условиях очевидно, что данная концепция первой подверглась серьезному удару после событий февраля 2022 г. Но отказ от «встраивания» как будто бы перечеркивает двадцатилетний опыт России в реформировании системы высшего образования. Предлагается использовать метафору «сопряжения» — в этой парадигме требуется: 1) понимание внутренних механизмов публичной политики, лежащей в основе Болонского процесса; 2) попытка увидеть, что в болонском пространстве акторы ставят те же задачи, что и акторы образовательной политики в России; 3) однако решение этих задач и реализация публичной политики могут проходить *независимо* от европейского пространства. Концепция сопряжения позволит сохранить преэминентность образовательной политики России.

2. В России присутствует техническое представление о Болонском процессе, однако вокруг технических концептов («диплом», «компетенция» и т.п.) ранее внутри Болонского процесса существовал ряд разногласий. Различные подходы акторов — автономных университетов, государства, работодателей и работников — к формулированию целей образовательной политики запустили процессы «гармонизации» системы высшего образования в Европе (Невзоров М.В. К программе исследования российской политики в сфере высшего образования // Герценовские чтения: Россия 2020. СПб., 2020. С. 68). Очевидно, что и российское образовательное пространство содержит в себе тот же самый набор акторов, отношения между которыми должны быть «гармонизированы», но уже внутри российского образовательного пространства.

3. В настоящем докладе хотелось бы особенно выделить семиотическое понимание актора, которое мы находим в акторно-сетевой теории Бруно Латура (краткое изложение см.: Латур Б. Об акторно-сетевой теории // Логос. Т. 27. № 1. С. 173–200): 1) акторы могут быть как человеческие, так и нечеловеческие; 2) стабилизация актора происходит после решения разногласий в сети. Примером может служить учебный план (нечеловеческий актор), который соединяет внутри себя интересы различных преподавателей, *без согласования* с которыми учебный план так бы и не появился. Проблема учебного плана может быть усложнена, если, например, поставить задачу мобильности студентов между различными университетами. Это в том числе проблема так называемых Примерных основных образовательных программ, которые сначала появились в ФГОС ВО 3++, а затем отдельным приказом Министерства образования были из него убраны (Проекты ПООП хранятся по адресу: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/19>).

4. Для прояснения структуры и разногласий внутри Болонского процесса был использован нарративный анализ. Он опирается на предположение, что «сконструированные нарративы основаны на (предположительно) общей идее о том, что соответствующие точки зрения на проблему часто следуют за прямыми различиями между акторами...» (*van Eeten M.J.G. Narrative Policy Analysis // Handbook of Public Policy Analysis. Boca Raton. 2007. P. 253*). Но в итоге данный анализ нужен для разработки метанарративов, которые могли бы способствовать согласованию нарративов через «обсуждение» (*deliberation*) или выработку [общей] политики».

5. Одним из инструментов нарративного анализа является семантический квадрат (по А.-Ж. Греймасу). На основе нормативных документов Болонского процесса были определены «отталкивающиеся» друг от друга противоположности: 1) ориентация образовательной программы: подготовка специалиста vs научного работника, где акторы «работодатель» и «университет» противопоставляются друг другу; 2) интересы общества vs личности, где противопоставляются акторы «обучающиеся» и «государство». После описания данных нарративов происходит процедура представления нарративов в виде противоречий, которые могли бы быть гармонизированы через метанарративы.

6. Определены следующие противоречия: 1) «личность» и «специалист» формируют метанарратив «саморазвитие»; 2) «личность» и «научный работник» формируют метанарратив «академический мир»; 3) «общество» и «научный работник» создают метанарратив, который условно назовем «прогресс»; 4) «специалист» и «личность» легли в основу метанарратива «экономическое благосостояние». Названные метанарративы Болонского процесса создают спектр усилий акторов, которые перестают записываться в собственных позициях, но, прислушиваясь к потребностям друг друга, начинают создавать единое образовательное пространство.

Недяк И.Л.
ИС ФНИСЦ РАН, Москва

СОСТОЯНИЕ MATERIA PRIMA ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ. АНАЛИЗ ДАННЫХ ОБЩЕРОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ

Отдел сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН в течение многих лет проводит комплексное изучение институциональных оснований политического пространства России. Важное направление — исследование гражданственности, понимаемой как манифестация политико-правовых, морально-нравственных, активистско-деятельностных качеств членов политики, которые формируют институционализованные форматы взаимодействия между государством, обществом и человеком. С опорой на данные проведенных пяти общероссийских социологических обследований подтверждена гипотеза о прямой корреляционной зависимости между динамическими состояниями институциональной среды и гражданственности. (Объем выборок, репрезентативных для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности, составил: 2018 г. — № 700; 2019 г. — № 700, 2020 г. — № 1000, 2021 г. — № 1000, 2022 г. — № 1000. Общий для всех опросов базовый инструментарий позволяет создать единую базу № 4400 и сопоставить результаты).

Анализ полученных данных дает основания резюмировать, что неправомерный характер зависимости граждан от государства является, пожалуй, главным ингибитором реализации важнейших функций гражданственности — формирование чувства принадлежности, межличностного и институционального доверия, гражданской идентичности и гражданских добродетелей, эмпатии, гражданской и политической компетентности и ответственности *et multa alia*. Подавляющее большинство респондентов убеждены, *во-первых*, в собственном бесправии, включая правовую и статусную незащищенность, и, *во-вторых*, в неподконтрольности властей преобладающих. Оценивая защищенность своих гражданских прав, всего 24% опрошенных уверены в защите со стороны закона. Лишь 17% респондентов считают, что могут рассчитывать на защиту закона при взаимодействии с властью или в случае конфликта с ней. С 2018 г. этот показатель стабилен и колеблется в пределах статистической погрешности. 73% респондентов согласны с утверждением, что за последние 10 лет ситуация с правами таких людей, как они, изменилась в худшую сторону или осталась без изменений. Всего 18% отметили изменения в лучшую сторону (данные 2022 г.). Считают, что отлично и хорошо защищены их гражданские права контролировать власть, всего 10% опрошенных. 60% респондентов согласны с утверждением, что власть в России действует в своих собственных интересах и интересах меньшинства (данные 2021 г.). Наметилось движение вспять процессов *empowerment* на всех трех уровнях — внутриличностном, интерактивном, поведенческом. 70% респондентов уверены, правительство вряд ли интересуется, что думают о нем такие люди, как они (данные 2021 г.). Сокращается уровень межличностного доверия — чуткий барометр ценностей эмансипации и *empowerment* в обществе. Считали обоснованным мнение, что людям можно доверять, 24% респондентов в 2021 г., 36% — в 2020 г., 27% — в 2019 г. Усиливается отчужденность. Ответили, что готовы проводить часть своего времени, помогая другим, 42% респондентов в 2021 г. против 55% в 2019 г. — и это в условиях пандемии, которые стимулировали развитие волонтерства. Снижаются предрасположенность и готовность граждан к совместным действиям. Выразили согласие с утверждением, что граждане способны сами организоваться для решения важных для них задач, 38% респондентов в 2021 г., 40% — в 2020 г., 47% — в 2019 г.

Гражданственность признают наиважнейшим условием жизнестойкости общества и политического государства представители всех направлений и школ, с разных политико-философских и аналитических позиций изучающих этот феномен. Анализ данных подтверждает, что размывание оснований гражданственности крайне негативно сказывается на ее функциональной способности вырабатывать «социальный клей», дефицит которого снижает жизнестойкость общества даже в «штатных» условиях.

ФЕНОМЕН ДУМСКРОЛЛИНГА В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Современный коммуникационный процесс представляет собой разнонаправленное информационное взаимодействие, характеризующееся избыточностью нарративов, что может оказывать разное по силе влияние на политическое восприятие общества. Средства массовой коммуникации адаптируются под интернет-пространство и социальные сети, а взаимозависимость традиционных СМИ и социальных медиа является одной из основ в процессе информационного обеспечения населения. Взаимодействие исполнительной власти и общества осуществляется благодаря интеграции институционального взаимодействия в социальные сети. Это повышает шансы на управление стихийно развивающейся информационной средой и влияет на форму политического участия. Социальные медиа наравне с традиционными СМИ стали инструментом для распространения государственных сообщений, где ядром эффективности взаимодействия является баланс между качеством загруженности информационной среды и удовлетворяющими общество политическими решениями на выходе. Реализация такого рода взаимодействий ведется через информационную политику.

Согласно данным исследования *Global Digital Russia* за 2022 г., уровень проникновения Интернета в России на начало 2022 г. составлял 89,0% от общей численности населения. Процент пользователей социальных сетей на тот же период составил 72,7 — увеличение на 7 миллионов человек за период прошлого года, что составляет 7,1% от всей численности. Такие данные говорят о высокой доле вовлеченности в интернет-пространство населения страны. Поэтому использование информационных технологий для государственного сектора является необходимостью, которая связывает общество и власть, с одной стороны, а с другой — провоцирует информационные издержки.

Одной из таких издержек является появившееся в 2020 г. такое социальное явление, как думскроллинг. Данное явление определяется как бесконтрольное желание непрерывно находиться в негативной повестке, пролистывая новостную ленту, социальные сети. Термин введен в оборот журналисткой Карен Хо в 2018 г., но в обиход он вошел с началом пандемии. Явление думскроллинга в обществе усиливается из-за шоковых для данной системы событий. Например, COVID-19 спровоцировал инфодемию — погруженность в новостные ресурсы, частый поиск информации. В условиях переизбытка противоречивой информации, которая прослеживалась на государственном уровне, а также неопределенности стратегии взаимодействия с населением сформировался информационный вакуум, состоящий из негативного восприятия, что привело к социальному напряжению, отрицанию и безразличию в общественном мнении. В свою очередь, это усложнило работу в секторе информационной политики, поскольку из-за резко упавшей вовлеченности населения процесс информирования не имел достаточной эффективности. Уровень недоверия населения к официальным источникам повысился, активизируя группы людей, распространяющих в социальных сетях материалы, которые выступали в противовес государственной риторике. Таким образом, явление думскроллинга — следствие проводимой информационной политики, которая проявляется в невозможности контролировать повестку в интернет-среде без своевременного сглаживания негативных реакций. Как правило, негативная вовлеченность в новостные потоки гораздо выше позитивной и отличается лучшим процессом запоминания. В условиях создания искусственного негативного вакуума неподготовленные элементы политической системы не могут отвечать запросам населения, что приводит к критическим последствиям, среди которых невозможность контроля повестки, перехват лояльной аудитории, отстранение от актуальной информационной конъюнктуры части населения из-за преобладающей негативной составляющей, захват информационного поля внесистемными элементами. Все эти последствия формируют общую социальную напряженность, а среди людей, как следствие, распространяется думскроллинг.

Данное явление находится на стыке психологии и лингвистики, а также изучено крайне мало. Исследования такого феномена через анализ информационной среды может выработать эффективную стратегию государственной политики во взаимодействии с социальными медиа как первоисточником информации в условиях турбулентных социально-политических явлений на макро- и микроуровнях, целью которых является минимизирование информационных издержек.

Таким образом, думскроллинг — это продукт современных потрясений мир-системы, затрагивающий большинство государств. Перенасыщенность информационных потоков и невозможность их контроля провоцирует тревожность среди людей по всему миру. Думскроллинг — это явление, однозначно негативное для системы, так как его появление говорит о неэффективности во взаимодействии власти и общества. Для снижения рисков, связанных с информационной средой, следует планировать стратегические и тактические цели при работе в интернет-пространстве.

СТАНОВЛЕНИЕ ФРОНТИРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТУКРАИНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЦЕННОСТНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ РАКУРС

Тектонические сдвиги в сфере международных отношений, в основе которых лежит конфликт цивилизаций, в том числе в ценностно-символическом измерении, выявили подвижность в территориальных пространствах. Такая подвижность в различных регионах мира происходила и происходит на Балканах, на севере Африки, на постсоветском пространстве, подчеркивая актуальность и значимость феномена фронта. Понятие «фронт», разработанное историком из США Ф.Дж. Тернером, связано с экспансией одной политической силы (стороны) на территории другой стороны, а сам же фронт представляет собой полосу контакта, внешний край волны продвижения и освоения, включая развитие новой территории (*Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории / Фредерик Дж. Тернер; Пер. с англ. А.И. Петренко; отв. ред. В.В. Согрин. М.: Весь Мир, 2009. С. 14*). В последнее время такой территорией фронта предстает часть государства Украина (или постукраинское пространство). И именно на этой территории, неподконтрольной официально признанными властями Украины, формируется фронтальная идентичность.

Фронтальная идентичность на постукраинском пространстве, формирующаяся на ценностно-символической основе «русского мира», проходит процесс становления с 2014 г. на территории Крыма, на части Донецкой и Луганской областей (ДНР и ЛНР). Данные процессы были актуализированы после начала специальной военной операции на Украине (СВО) на исторических территориях Слобожанщины (Харьковская область) и Новороссии (Запорожская, Херсонская, Николаевская области), входивших в состав Украины после распада СССР в 1991 г. Фронтальная идентичность является альтернативой политического украинства, являющегося конструктом и элементом «западноцентричного прогрессивного дискурса» (*Байша О. Дискурсионный разлом социального поля: уроки Евромайдана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 144*), а также глобалистского проекта на линии междоцивилизационного разлома в противостоянии западной иудео-христианской и славянско-православной цивилизаций. При этом фронтальная идентичность становится пространством выбора населения (традиционных ценностей, православной веры, символов «русского мира») и невозможности возврата назад к политическому украинству.

При рассмотрении проблематики фронтальной идентичности на постукраинском пространстве важно иметь в виду следующее. Сам фронт, как линия размежевания «русского мира» и политического украинства с пассионарной галичанской идентичностью, подвижен. Данный тип идентичности является определенным итогом конструирования социально-политической реальности со стороны «новых» институтов (военно-гражданских администраций, системы образования, политических структур, различных форм общественной самоорганизации). Сам же процесс институционализации фронтальной идентичности будет растянут во времени. Сейчас этот процесс проходит стадию предфронта с ломкой прежних правил и мировоззренческих установок «старого» общества. Стоит также отметить, что на процесс институционализации фронтальной идентичности будет накладываться кровавое и болезненное травматическое настоящее.

Основываясь на вышеизложенном, в рамках прогноза можно предположить два вектора формирования фронтальной идентичности. *Во-первых*, фронтальная идентичность на постукраинском пространстве будет иметь свои вариации: донбасская (в ЛНР и в ДНР), Новороссийская (на территории Запорожской, Херсонской и Николаевской областей) и слобожанская (Харьковская область). Стоит также подчеркнуть, что появление малороссийской вариации фронтальной идентичности также не исключено. *Во-вторых*, фронтальная идентичность, сформированная в условиях военного конфликта, может стать одной из несущих конструкций общенациональной (русской) идентичности, которая по итогу собственно фронта и постфронта станет более устойчивой и стабильной во взаимовлиянии друг на друга.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС СКВОЗЬ ПАРАДИГМУ НЕОРЕАЛИЗМА: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ДЖ. МИРШАЙМЕРА

В условиях глобальной нестабильности человечество сталкивается с проблемами политического характера, пути к решению которых зачастую неоднозначны и скрыты. Для того чтобы подобрать верный ключ к новому мировому вызову, теоретики политической науки стремятся раскрыть истоки противоречий и найти глубинные причины возникающих конфликтов.

В поисках причин мировых кризисов ученые обращаются к классическим идеям политических философов XV–XVII вв. Политический реализм — одна из ключевых парадигм, сформулированная Гансом Моргентау. «Война всех против всех» — естественное состояние государств. Это объясняется врожденной склонностью к конфликтам, международной анархией, желанием государств защитить национальные интересы. Основной задачей становится сосредоточение власти в руках одного государства в условиях отсутствия наднационального аппарата власти. Концепт не теряет своей актуальности, а его динамику можно проследить на фоне украинских событий с 2014 г.

Из постулатов классического реализма органично вытекают трактовки, одной из которых является неореализм. Наиболее известным его представителем считается профессор Чикагского университета, теоретик Джон Миршаймер, разработавший подход «наступательного реализма». Основным положением концепта является желание государств «выжить», т.е. обрести господство среди других акторов, концентрируя всю полноту власти. Инструментом к достижению цели в большинстве случаев служит военный конфликт в разнообразных проявлениях. Выдвинутую парадигму активно используют для анализа событий украинского кризиса, который, по мнению автора, берет свое начало раньше 2014 г. Дж. Миршаймер проводит лекции, публикует ряд материалов, посвященных острой внешне-политической проблеме. Его первая публикация «*Getting Ukraine Wrong*» в журнале *The New York Times* от 13.04.2014 открывает цикл статей, раскрывающих суть кризиса и его причины, объясняющие действия государств в развивающемся конфликте. В 2008 г. в ходе саммита НАТО в Бухаресте обсуждался вопрос о расширении военно-политического блока НАТО. Ряд стран, включая Украину и Грузию, должны были стать в будущем членами альянса. Подобное решение было спровоцировано желанием главенствующего актора НАТО — США — распространить власть на Восток посредством контроля территорий, расположенных вблизи российских границ. По мнению Миршаймера, именно тогда США утратили возможность установления дипломатических отношений с Россией. Распространение сил НАТО у границ Российской Федерации — экзистенциальная угроза для страны. Логично, что в рамках концепции реализма государства стремятся сохранить целостность и стабильность своих территорий. И США глубоко привержены этому принципу согласно доктрине Монро, суть которой заключается в том, что державы должны держаться на расстоянии от стран Западного полушария и не совершать разнообразные интервенции в политическую жизнь государств региона. Соответственно, стратегический ход 2008 г. был неверным, хотя США избегают своей ответственности за совершенную ошибку. Это ускорило ухудшение отношений с Россией, которая, как и любая другая держава, заинтересована в сохранении своего влияния на территории соседних государств.

Спустя год с момента первой публикации Миршаймер проводит лекцию в Чикагском университете, ставшую одним из самых обсуждаемых его выступлений. Он выделяет глубинную причину кризиса — цель Запада «убрать» Украину с российской орбиты и сделать территорию подконтрольной для распространения сил НАТО. Это способствует наращиванию мощи США и расширению своего влияния за пределами Западного полушария. Близость к российским границам позволяет США сдерживать потенциально опасного противника в лице Китая, который на сегодняшний день является претендентом на роль мирового гегемона.

Последние работы Дж. Миршаймера вызывают особый интерес, так как их публикация состоялась уже после событий 24 февраля 2022 г. В июне политолог проводит лекцию «*The causes and consequences of the Ukraine war*», где утверждает, что украинский кризис — результат усилий Запада. А позицию России объясняет желанием предотвратить экзистенциальную угрозу, а не желанием создать империю посредством военного вторжения и присвоить ряд территорий, вопреки западному мнению. Военная стратегия России кардинально противоположна, и это можно подтвердить определенными факторами, например малой численностью солдат для начала полномасштабного присоединения территорий, отсутствием всеобщей мобилизации. В августе на сайте влиятельного журнала *Foreign Affairs* публикуется еще одна статья Миршаймера, «*Playing With Fire in Ukraine. The Underappreciated Risks of Catastrophic Escalation*», в которой он освещает возможные пути развития конфликта. Один из сценариев развития кризиса заключается в полном вовлечении НАТО в военный конфликт и применении ядерного оружия. Национализм приводит к глобальной эскалации. Государство, желая защитить свой

национальный интерес, неизбежно старается увеличить свою мощь на внешнеполитическом ринге. Украинский конфликт подтверждает этот тезис. С начала событий в феврале 2022 г. и США, и Россия уже повысили свои амбиции, и ни одна держава не готова уступить. Уже не исключается вариант прямого вмешательства Запада в боевые действия. США стремятся поддержать Украину исключительно из своей выгоды — из-за желания ослабить Россию в военной, в экономической сфере и т.д., а также предотвратить ее возможную победу. Несмотря на кажущийся очевидный путь решения конфликта, заключающийся в гарантиях отсутствия членства Украины в НАТО, США не заинтересованы в ресурсе дипломатии и не готовы допустить своего поражения. Таким образом, военное противостояние затягивается и еще долго будет наносить урон Украине, которая в свою очередь становится полноценной «пешкой» в руках Запада.

Дж. Миршаймер, один из немногих авторов, кто представляет критический взгляд на политику американских властей. В своих последующих материалах он раскрывает новые тонкости конфликта, но суть остается неизменной — истоки украинского кризиса скрываются в ошибочной тактике Запада. Намерение США «выбить» Россию из колеи великих держав с целью сохранить гегемонию и власть обходится слишком дорогой ценой для всех участников масштабного конфликта, который еще не близок к своему завершению.

Никифоров А.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург

РИСК-РЕФЛЕКСИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА

Предложенная У. Бекком концепция «общества риска» в настоящее время не может рассматриваться вне интеллектуальной перспективы идей «текущей современности» З. Баумана, «хрупкости» Н. Талеба, «общества страха» Х. Бюде и др. Противоречивость глобализации, социальная поляризация и вызревающие с ростом популизма политические кризисы сопровождаются качественной цифровой трансформацией политических институтов, информационных сред и экономических практик. Первая пандемия цифрового общества COVID-19 поставила вопрос об отношении государства и гражданина.

Представляется, что в современном цифровом пространстве политики риск-рефлексия является динамической компонентой, которая способна образовывать регрессионную спираль, в которую попадают органы власти, научное сообщество, общественные движения и массовое сознание в ходе формирования пространства общего знания об актуальных вызовах и угрозах. Это создает исследовательскую перспективу анализа восприятия риска на соответствующих различных акторам уровнях рефлексии. На уровне разработки речь идет о методологии анализа риск-рефлексии для цифровой среды, что предполагает использование теории ассамбляжа (М. Деланда) и парадигмы космополитики (Э. Сиргерс, Б. Латур) для обнаружения дефляции управляющего знания о соответствующих рисках на разных уровнях публичной сферы. Речь может идти как о несоответствии восприятия риска (объяснение, определение атрибутов и пр.) для различных уровней акторов, так и разрушении границ в пределах пространства знания, когда происходит гибридизация риска. В последнем случае это касается объединения до этого разрозненных угроз. С другой стороны, подобный анализ дискурса в цифровой среде позволяет оценивать потенциал стратегий «ухода» или «протеста».

На уровне исследования процессов фреймирования в ходе протестных кампаний общественных движений речь идет о протестных повестках требований, когда они формируют онтологии как итеративные схемы более широкого порядка, которые изменяют модель отношений за счет новых взаимосвязей, ценностей и пр.

Уровень массового сознания предполагает оценку того, в какой мере дискурс участников является герметичным с точки зрения наличия самодостаточного объяснительного ядра, которое не может быть трансформировано (оспорено) в ходе коммуникации. В наиболее явном виде речь идет о дискурсе теорий заговора, которые на уровне массовой интерпретации наследуют принцип нефальсифицируемости К. Поппера.

Отдельно необходимо отметить событийную составляющую методологии, которая основана на выборе кейсов для анализа риск-рефлексии. Это предполагает выбор в качестве случая для анализа ситуации неопределенности, что соответствует значимым публичным конфликтам либо катастрофическим событиям (стихийные бедствия, эпидемии и др.).

Эпидемия COVID-19 в России является эмпирической базой для апробации методологического подхода к анализу риск-рефлексии на указанных выше уровнях публичных и политических акторов.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК КЛЮЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РФ ОТ УГРОЗ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В современный период геополитической турбулентности на первый план в области обеспечения безопасности выходят проблемы сохранения государственного суверенитета. В этой связи одной из первостепенных задач оказывается нивелирование угроз этнополитического характера. По словам американского социолога Э. Валлерстайна, место государств в существующей мировой системе определяется комплексом их характеристик. В частности, «для государства не быть нацией означает находиться вне игры, ставка которой — изменение ранга в межгосударственной иерархии» (Валлерстайн И. Конструирование народа: Раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. С. 83–102).

Британский историк Эрик Хобсбаум заметил, что еще в девятнадцатом веке философ Джон Стюарт Милль, политик Джузеппе Мадзини, премьер-министр Италии Камилло Бенсо ди Кавур говорили о «принципе порога», представляющем собой минимальные параметры страны, которая может претендовать на формирование собственной нации (Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. С. 51). По наблюдениям Э. Хобсбаума, примерно с 1880 г. «принцип порога» исчезает, и уже небольшие этнические группы вступают в борьбу за создание национальных государств. Изменение ситуации произошло в связи с появлением в последней трети девятнадцатого столетия империалистических держав, которые вступают в схватку между собой за перераспределение территорий и сфер влияния. В это время утверждается лозунг о праве народов на самоопределение, впоследствии закрепленном в Уставе ООН (статья 1 пункта 2 Устава ООН).

Страны Прибалтики и Восточной Европы, реализовав свое право на самоопределение путем выхода из СССР одних, а из Совета экономической взаимопомощи других, незамедлительно вступили в ЕС. Так, фактически произошло не самоопределение народов, а перераспределение сфер влияния. В то же время западные демократии никогда не будут выступать за независимость Шотландии, Каталонии или Квебека и т.п. — «это другое».

Таким образом еще с девятнадцатого века национальные движения используются в качестве инструментов империалистической политики при разрушении полиэтнических государств. Нуждаясь в материальных средствах для реализации своих сепаратистских целей, такие движения становятся на путь коллаборационизма.

Двадцать пятое издание справочника «Этнолог: Языки мира» содержит сведения о наличии на планете 7151 живого языка. На сегодня членами ООН являются 193 государства. Справочный веб-сайт *Worldometer* компании *Dadax*, данными которого пользуются ООН и Институт Хопкинса, ведет учет заболевших коронавирусом уже по 230 странам мира. Несложно определить, что население среднего государства мира говорит на 7151: 230 = 31 языке. Следовательно, большинство существующих государств являются не национальными, а полиэтническими. Примеры Советского Союза и Югославии показывают, что такие государства могут разрушаться, оказавшись в кризисных ситуациях.

Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации на перспективный период. При этом РФ является не национальным, а полиэтническим государством, поскольку многие ее административно-территориальные единицы сформированы по этническому принципу. Сегодня в 22 республиках, одном национальном округе и одной национальной области РФ народы пользуются территориально-культурной автономией.

В Преамбуле Конституции говорится о «многонациональном народе», тем самым мы провоцируем этносы на строительство собственных национальных государств, а значит — и разрушение Российской Федерации.

Учитывая, что сегодня 8 млрд человек мира говорят на 7151 языке, реализация прав всех народов на самоопределение уменьшит население среднего государства до 8 млрд: 7151 = 1 млн 119 тыс. человек. Такое государство не способно решать глобальные задачи ни в науке, ни в технологиях, ни в защите от природных катаклизмов. Реализация права народов на самоопределение является отвлечением на «негодный объект».

Исходя из сказанного следует, что нивелирование угроз этнополитического характера безопасности РФ достигается путем формирования Российского национального государства, что должно быть указано в ее стратегии государственной безопасности.

ЖЕНЩИНЫ КАК ЛИДЕРЫ МНЕНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ

В онлайн-пространстве существует специфика формирования общественного мнения, которое строится на контенте лидеров мнений. Лидеры мнений задают информационно-новостные тренды, которые актуализируются остальными пользователями социальных платформ и видеохостингов.

Феномен присутствия «гендера» в онлайн-пространстве активно изучается различными исследователями, но все попытки увидеть женщин как субъектов-носителей гендерной политики в просторах Интернета неоднозначна. Исследование женских течений в онлайн-пространстве строится на изучении феминизма, харассмента, женских маршей «*Women's March*» и #*MeToo* (Гнедаш А.А. Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №. 1. С. 64–89). С другой стороны, в онлайн-пространстве активно обсуждаются гендерные тематики, связанные с появлением новых профессий у женщин, например «бьюти-блогер», «инстамама», интернет-субкультура мам-блогеров.

Видеохостинги формируют новые тренды информационного контента, который продуцируется популярными российскими женщинами-блогерами. В связи с чем нарастает значимость изучения дискурсивных полей, формируемых женщинами-инфлюенсерами в российском сегменте онлайн-пространства. Женщины-инфлюенсеры способны формулировать гендерную специфику публикуемого контента, что приводит к трансформации дискурсивных полей сначала в онлайн-пространстве, а затем и в офлайн-реальности. Главным каналом коммуникации инфлюенсеров с целевой аудиторией выступают социальные медиа, которые, с одной стороны, предоставляют иллюзорную свободу волеизъявления, с другой — выстраивают новую, латентно функционирующую иерархическую систему управления общественным мнением. Имея прямой канал коммуникации с аудиторией, женщины-инфлюенсеры способны транслировать гендерную повестку, воспроизводить гендерные стереотипы, закрепляя их в существующем транзите социального действия из онлайн- в офлайн-пространство. Потенциал мультимодального дискурса концентрируется в социальных платформах и видеохостингах, которые затрагивают как тему мультимедийной идентичности женщины-инфлюенсера, так и дискурсивное позиционирование в виртуальном онлайн-мире.

Изменение в предпочтениях пользователей относительно потребляемого контента говорит о том, что многие блогеры, транслирующие парадоксальную, провокационную, привлекающую молодежь информацию, отражают интересы общественного мнения.

В исследовании используется гибридная методология для анализа пользовательского запроса на топовый контент, производимый женщинами-инфлюенсерами общественного мнения. Данная модель включает применение сетевого анализа (сетевая визуализация в виде социального графа) и лингводискурсивный анализ (анализ дискурсивных полей, смыслов) для определения содержательных и структурных элементов в пользовательском контенте, который является популярным в онлайн-пространстве. Специфика пользовательского контента такова, что регистрация каждого действия пользователя: публикация сообщений, комментирование и тиражирование новостного контента, репосты и лайки, твитты и ретвитты — все это цифровые следы, в совокупности их можно назвать *BigData*.

В результате проведенного сетевого и лингводискурсивного анализа были сделаны выводы о том, какие дискурсивные поля, транслируемые женщинами-инфлюенсерами, являются наиболее популярными у пользователей, что в дальнейшем будет не только конструировать их образ жизни, но и влиять на восприятие гендерной повестки дня, раскрывающей различные аспекты самореализации женщины. В результате визуализации дата-сетов мы получили данные, способные генерировать различные идеи и мнения относительно просмотренного видеоматериала. Обсуждение самых популярных комментариев формирует дискурсивные поля, создаваемые лидерами мнений. Анализ взаимодействий пользователей необходим для определения доминирующих тематик в сетевом дискурсивном поле видеоматериалов, разных по содержанию и оценочным механикам, производимым после просмотра.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., рук. В.В. Катермина).

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ В ПЕРИОД ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Человечество переживает эпоху чрезвычайных событий и явлений, оценку которым историки, политологи и социологи дадут не сразу. «Большая игра», которая идет во всем мире, скорее всего, приведет к новому мироустройству либо большой мировой катастрофе в виде ядерного апокалипсиса. Тем не менее специальная военная операция, проводимая Российской Федерацией на территории Украины, обнажила множество логик развития нашей родины и поставила многих перед идеологическим, экономическим, социально-политическим выбором.

Сегодня пришло время дать ответ на извечные вопросы, стоящие перед российским обществом и властью. Первый, на наш взгляд, — «Куда мы движемся?». Ведутся дискуссии и принимаются нужные решения в таких областях, как: идеологическое воспитание, новая реформа образования, появление патриотических кружков для воспитания подрастающей молодежи, создание исторического наследия и укрепление памяти для будущих поколений. Многие противоречия и общественные расколы уже предупредила обновленная Конституция. Не лишне напомнить, что в принятых поправках заложены основы государственной идеологии в области защиты исторической правды. Этот процесс должен идти дальше и глубже: от патриотического воспитания в детских садах, школах, вузах до уроков памяти в государственных и частных компаниях. Автор поддерживает и разделяет идею о появлении в российских школах и даже вузах советников-воспитателей. По сути, нужно прививать и выстраивать заново, начиная со школьной скамьи, патриотическое, конституционное и общественно-политическое воспитание молодежи.

Без этой скрепы российское общество будущего ждет неминуемое перерождение и встраивание в философию Клауса Шваба, которая основана на тезисе «если демократия и глобализация будут расширяться, то национальному государству места не останется» (*Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. URL: <https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf>*). По мнению Шваба, правительства и народы останутся в прошлом. Вместо них должна создаться единая биомасса во главе с глобальной корпорацией. Данный тезис губителен для существования Российской Федерации как многонационального государства в нынешних границах.

Не редко, и в отечественной истории такое встречалось, при перестройке идеологического вектора выходит из строя экономика как важнейшая скрепа развития страны. Есть предположение, что идеологическое перевооружение могут позволить только экономически стабильные государства. Но это далеко не так. И здесь возникает закономерный, на наш взгляд, вопрос — «Готова ли страна к переменам в экономике?». Однозначного ответа пока нет, но поступательные изменения уже происходят. Вследствие санкционных рестрикций ряда недружественных государств Россия встала на рельсы тотального импортозамещения в машиностроении, электронике, легкой и пищевой промышленности, а также отказа от «токсичных» валют в виде доллара и евро. На наш взгляд, страна выйдет из этого глобального противостояния сильным, экономически стабильным и самодостаточным государством.

Самый сложный на данный момент третий вектор трансформации — консолидирование и удержание общественного консенсуса. В целом общество позитивно оценивает специальную военную операцию (по данным ВЦИОМ, около 70%) и концентрирует свое доверие в виде высокого рейтинга Президента РФ В.В. Путина (по данным ВЦИОМ, 80,3% по состоянию на 04.09.2022). Но разного рода неудачи на фронтах войны, подчас неспешное продвижение союзных войск и даже дипломатические возможные уступки порой воспринимаются как большой провал власти, что влечет противоречия, домыслы и общественный раскол. Пока остается реальной проблемой налаживание упреждающих коммуникаций с социумом для предупреждения возможного социального взрыва и разрыва консенсуса.

Стоит отметить, что замеры ВЦИОМ по состоянию на август 2022 г. (Специальная военная операция: полгода спустя. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spetsialnaja-voennaja-operacija-polgoda-spustja>) показывают низкий уровень протестной активности граждан: 12% россиян считали вероятным проведение массовых акций протеста в населенном пункте их проживания (в феврале такого мнения придерживались 21% опрошенных). Опрос показывает единение общества и государства перед лицом агрессии нацизма, а также перспектив глобальной мировой войны. Тезис подтверждается успешным для власти избирательным марафоном 2022 г. Сами итоги выборов в РФ можно однозначно воспринимать в том числе и как поддержку действий властей по проведению специальной военной операции.

Таким образом, социально-политическая и экономическая трансформация Российской Федерации начинается с налаживания суверенного экономического мышления, оригинальных собственных стратегий развития, а также окончательного отказа от заимствования западных навязанных шаблонов эволюции.

Никулина Е.В.
БелИРО, Белгород

ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН)

Политическая социализация — это процесс усвоения личностью политического опыта, статусного и ролевого поведения, определенной системы норм и культурных ценностей, который способствует формированию личностных качеств и как следствие адаптации к данной политической системе.

Важную роль в политической социализации школьников играет семья, которая формирует у ребенка психологическую основу политических ориентаций, установок и моделей политического поведения.

Современная школа на начальном этапе в состоянии оказывать значительное влияние на мировоззрение подрастающего поколения, дополнять и перестраивать политическую информацию, полученную ребенком в семье.

Российская школа является главным институтом политической социализации школьников в современных условиях, поскольку обладает возможностью, *во-первых*, прямой передачи политических ценностей и политической информации, *во-вторых*, сочетания максимального количества факторов направленного, латентного и стихийного воздействия на формирование политических приоритетов школьников, *в-третьих*, способна придать процессу управляемый, контролируемый характер.

Основная роль школы в процессе политической социализации заключается в формировании условий для усвоения обучающимися базовых политических норм и установок политического поведения в обществе с целью обеспечения стабильности политической системы и ее воспроизводства.

Внутренними агентами политической социализации в школе являются руководители, педагоги и воспитатели, которые также должны быть включены в процесс политической социализации.

В современной школе политическая социализация обучающихся осуществляется в основном через преподавание историко-обществоведческих дисциплин, где они получают знания о принципах политического устройства страны, правах и обязанностях граждан. Приобретая личную значимость, полученные знания становятся ценностями и убеждениями, ориентирами деятельности.

Экономика, наряду с другими дисциплинами, также влияет на политическую социализацию школьников, поскольку уже с детства они сталкиваются с разрешением массы экономических ситуаций.

Формирование экономического мышления обучающихся способствует развитию общественной активности, инициативности, предприимчивости, усилению чувства собственности.

Изучение экономики в школе целесообразнее вести с начальных классов, используя сюжетно-ситуативные занятия. Но особое внимание необходимо уделить школьникам средних и старших классов, так как именно в этом возрасте у них формируется собственное отношение к другим субъектам социальных отношений, укладам в стране и к Родине в целом.

Изучение экономики в школе развивает у школьников рационализм, логическое и аналитическое мышление, учит отслеживать факторы, влияющие на развитие общества; подготавливает выпускников школы к реалиям взрослой жизни, обеспечивает психологическую устойчивость к возможным трудностям; помогает школьникам стать активными гражданами, обладать внутренней свободой и быть уверенными в своих силах.

Изучение экономики в школе должно быть направлено на формирование экономической компетентности обучающихся, которая позволит им стать конкурентоспособными членами современного общества.

Практически все ключевые сферы человеческой жизнедеятельности так или иначе связаны с финансами, поэтому экономическую грамотность необходимо прививать со школьного возраста.

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ И ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В современной политической науке одной из наиболее резонансных и вызывающих дискуссии по проблематике глобальной геополитической турбулентности является необходимость внедрения новых подходов конфликтологического и идейнионистского сочетания. Комплексный анализ возможных причин возникновения конфликтных ситуаций, чреватых развязыванием военных действий, показывает, что немаловажное значение в системе геополитических координат занимает процесс глобализации, которая принесла с собой новый *нетрадиционный для геополитики класс угроз, связанный с неуправляемыми миграционными потоками, сетевым виртуальным андеграундом неформальных международных организаций*.

Сегодня актуальным является обсуждение новых программных решений, направленных на обеспечение безопасности и стабильности в Каспийском регионе. Значительная часть из них касается предотвращения экстремистских и террористических угроз в контексте геостратегического положения Каспийского региона. Рассматривая палитру подходов при рассмотрении ситуации в Каспийском регионе, надо отметить, что интересы региональных и нерегиональных государств тесным образом переплетаются как в области энергетики, так и в сфере международной безопасности.

Если смотреть сквозь призму нового мирового порядка, и в связи с тенденцией к размыванию однополярного мира с изменением правил игры, то в зоне Каспийского региона обостряются политические, военно-стратегические, экономические интересы США, ЕС, Китая и России. Драйверы (движущие факторы) сценариев можно определить как негативные, так как наращиваются внешние и внутренние риски. Соответственно, нужны опорные точки для определения актуальных задач по защите объектов международных транспортных коридоров и топливно-энергетического комплекса стран Каспийского региона от террористических угроз.

В силу многовекторности внешнеполитического курса и по уровню привлекательности для иностранных инвесторов Казахстан занимает центральное место в геополитической игре и больше втянут в новые правила игры. Казахстанский сектор Каспийского моря составляет 28,4% от общей площади акватории и морского дна, протяженность береговой черты Казахстана составляет более 1800 км, что значительно больше по сравнению с другими прикаспийскими государствами, в северной и центральной части Каспия расположены до 60% всех разведанных запасов углеводородов. По развитию топливно-энергетического комплекса, добыче и экспорту углеводородного сырья Казахстан занимает 14-е место в мире по наличию разведанных запасов углеводородного сырья. Данные по имеющимся запасам Казахстана на Каспии — 75% по нефти и 45% по газу — могут вызвать стремление террористических групп и отдельных государств воспользоваться ресурсами Казахстана. В этой связи усиливается значение такого сдерживающего фактора, как наличие у страны современных военно-морских сил, способных обеспечить морскую безопасность как состояние государственного благополучия. «Для нейтрализации угроз террористического и экстремистского характера для государств–участников СНГ Каспийского региона и мер по их нейтрализации необходимы силы и средства: *во-первых*, надводные корабли с противокорабельным ракетным и артиллерийским вооружением; *во-вторых*, береговые мобильные ракетно-артиллерийские противокорабельные комплексы; *в-третьих*, авиация; *в-четвертых*, система наблюдения и связи ВМС; *в-пятых*, надводные корабли с гидроакустическим, ракетно-бомбовым и гранатометным вооружением; *в-шестых*, минно-тральные корабли; *в-седьмых* — десантные катера с морским десантом; *в-восьмых*, надводные корабли с ракетно-артиллерийскими корабельными комплексами ПВО, комплексами РЭБ»¹.

В свете вышеизложенного с целью активизации работы по координации совместной деятельности прикаспийских государств в области противодействия терроризму в условиях геополитической турбулентности и геостратегической напряженности в Каспийском регионе полагаем целесообразным:

- 1) выработать общие подходы к пониманию значения Большого Каспия для дальнейшего экономического и политического развития государств–участников СНГ в контексте повышенного внимания к региону структур международного терроризма;
- 2) определить актуальные задачи по защите объектов международных транспортных коридоров и топливно-энергетического комплекса стран Каспийского региона от террористических и экстремистских угроз;

¹ Нугманова К.Ж., Кожабеков Н.К. Изучение мирового опыта развития военной науки. Разработка Концепции развития военной науки. Астана: МО РК, 2018. — 190 с.

- 3) изучить правовые регулирования и положительный опыт практической деятельности компетентных органов государств–участников СНГ по обеспечению комплексной безопасности критически важных объектов, расположенных в регионе Большого Каспия, с учетом международного сотрудничества;
- 4) выработать предложения по повышению эффективности защищенности объектов международных транспортных коридоров и ТЭК Каспийского региона от террористических и экстремистских угроз, включая риски высокотехнологического терроризма.

*Нуртдинова Р.Н.
ПГНИУ, Пермь*

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ДИНАМИКА ГОЛОСОВАНИЯ ЗА ПАРТИЮ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В ПЕРИОД ТРЕХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ

В современной политической науке существует множество теорий, объясняющих электоральное поведение избирателей. Одни исследователи считают, что важно учитывать экономические детерминанты при анализе электорального поведения (например, налоги, дебиторская задолженность, трансферты). Другие на стороне того, что в большей степени электоральное поведение детерминировано социологическими факторами (такими как уровень образования, этническая и религиозная принадлежность). На данный момент в академической среде отсутствует консенсус относительно данного вопроса, соответственно, эмпирическая проверка данных теорий актуализируется. Учитывая стремительно меняющуюся социальную и экономическую ситуацию в России в последние несколько лет, релевантным кейсом для анализа является электоральное поведение в РФ. Несмотря на тот факт, что электоральное поведение — явление многомерное, в исследовании принято решение сконцентрироваться на одном из его индикаторов — голосование за правящую партию. Тем самым цель данного исследования — проследить влияние социальных и экономических факторов на электоральную поддержку «Единой России».

Теоретические аспекты проблемы могут быть рассмотрены с точки зрения разных подходов. Социологическая и рационально-инструментальная модели чаще других применяются для анализа электорального поведения российских избирателей (Щербак, Сенников, & Лисовский, 2013), (May, Кочеткова, & Жаворонков, 2000), (Щербак и др., 2017). В рамках экономической концепции человек является рациональным индивидом и сторонником получения наибольшей выгоды за отданный голос. Так, с точки зрения данной теории главными становятся показатели, отражающие экономическое состояние субъекта РФ, среди которых следующие индикаторы: ВРП на душу населения, уровень безработицы, среднедушевые денежные доходы, инвестиции и трансферты. Социологическая модель допускает, что в основе поведения избирателей лежит принадлежность к большим социальным группам, которая определяется социальными размежеваниями. Как показали исследования, для России в большей степени характерны размежевания по принципу город-село (Колосова, Петрова, & Смирнягина, 1990). К тому же для таких многонациональных государств, как РФ, важным является раскол по этническому признаку (Lijphart, 1979). Детерминанты социальных характеристик (возраст, уровень образования, религиозные факторы) так же, структурируя социальные группы, могут способствовать определенной модели электорального поведения. Социальные характеристики были операционализированы посредством следующих переменных: доля сельского населения, доля нетитульной наций и доля пенсионеров. Таким образом, выявлено 8 потенциальных детерминант электорального поведения в РФ: 5 экономических и 3 социологических.

Для обеспечения сравнимости случаев было принято решение анализировать выборы в ГД РФ в течение трех электоральных циклов (2011, 2016, 2021 гг.) в региональном разрезе. Так, эмпирические данные в исследовании представлены в виде социально-экономических и электоральных характеристик по 85 субъектам РФ. Учитывая объем исследуемых случаев, а также количество выявленных переменных, наиболее подходящим методом для данной работы является множественный регрессионный анализ.

Регрессионный анализ парламентских выборов 2011 г. выявил влияние доли нетитульной нации на процент голосов, отданных за «Единую Россию». К 2016 г. к данному индикатору прибавляется доля сельского населения. Тем самым доказывается применимость социологической теории относительно электорального поведения граждан РФ. Так, основными бенефициарами проводимой политики в этот период оказались не пенсионеры, а национальные республики с компактным проживанием этнических групп. К 2021 г. увеличивается значимость экономических индикаторов. Значимыми оказались все экономические параметры (уровень безработицы, ВРП, среднедушевые доходы, трансферты и инвестиции) и доля нетитульной наций. Это можно считать закономерным последствием пандемии.

Следует также отметить, что в регрессии свою значимость никак не проявил индикатор «доля пенсионеров». Хотя предполагалось, что повышение пенсионного возраста в 2019 г. приведет к снижению поддержки партии власти среди данной социальной группы. Напротив, показатель «доля нетитульной нации» значима в течение всех трех электоральных циклов.

Таким образом, из результатов исследования следует, что социальные и экономические детерминанты в равной степени объясняют электоральное поведение россиян в зависимости от контекстуальных условий. В свою очередь, исследование актуализирует изучение влияния различных социально-экономических изменений на электоральное поведение в РФ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Участие женщин в политике периода современного российского демократического развития закономерно, законно и необходимо. Однако многовековое существование социальной дихотомии общественное/частное влияет на сохранение стереотипов о политической маргинальности женщин, становится причиной их постоянной и вынужденной адаптации в мире политики. К примеру, во всех созывах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации женщины, в сравнении с мужчинами, представлены в разы меньше.

В процессе политической интеграции личности гендерные различия создают наиболее общие границы деятельности, лежащие в основании ряда компонентов политического поля: функционировании институтов, характере действия структур власти и поведении акторов. Последние усваивают представления о нормативных границах «гендера и политики» в ходе политической социализации, способствующей обретению человеком навыков и свойств, позволяющих ему реализовывать в той или иной системе власти свои гражданские права, политические функции и интересы (определение политической социализации, по А.И. Соловьеву).

Вместе с тем политическая социализация в России пока еще не имеет четких стратегий и ориентиров. Эклектичность установок в политической культуре, сформировавшаяся в 1990-х гг., сохраняется и до сих пор. В период современных политических вызовов, обусловленных состоянием глобальной турбулентности, развитие планомерного и целенаправленного процесса политической социализации только начинается, и результаты ее воздействия будут наиболее отчетливо видны через 10 и более лет, в ходе смены поколений. Гендерная социализация (как формирование представлений не только о равном вкладе мужчин и женщин в социальное развитие, но и о равной оценке этих действий) вообще и гендерная политическая социализация (как формирование представлений о равном участии в политическом процессе как мужчин, так и женщин с целью равного представления социальных интересов обоих полов) также недостаточно реализованы на уровне государства. Понимание смыслов гендерных отношений у современных россиян полярно и имеет диапазон от консервативных нормативных гендерных установок до феминистских настроений у молодых женщин и даже мужчин.

Учитывая сохраняющийся и увеличивающийся демографический разрыв по соотношению количества мужчин и женщин в современной России, исполнение женщинами экономических функций главы семьи в связи со сказанным выше, а также такими обстоятельствами, как вынужденная, объективная потеря работы в связи с западными санкциями мужчинами, занятыми в сфере производства (крупные иностранные предприятия и заводы) и адекватное восприятие молодежью гендерно равноправных ценностей, можно говорить о том, что при осуществлении политической социализации граждан вполне эффективно может быть реализован гендерный аспект. В докладе будут представлены меры по достижению позитивных социальных результатов политической социализации граждан с гендерным акцентом и перспективы социально-политического развития государства под влиянием данного процесса.

Оганезова С.В.
СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

ПРИЧИНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ

Особенности публикаций последних десятилетий о профессиональном выгорании специалистов разных сфер деятельности не только свидетельствуют об актуальности и общественной значимости данной проблематики, но и показывают, что подобные исследования вышли на совершенно иной междисциплинарный методологический уровень. Многочисленные социологические исследования последних лет зафиксировали резкий скачок синдрома профессионального выгорания во многих сферах деятельности, особенно в профессиях, связанных с работой с людьми. Так, в декабре 2021 г. федеральная газета «Известия» опубликовала результаты опроса, который провели специалисты цифрового медицинского сервиса «Доктор рядом» совместно с платформой онлайн-рекрутинг hh.ru. Согласно результатам опроса, из 75% респондентов каждый третий (35%) считает, что уже или почти выгорел. Кроме того, по данным исследования, высокий стресс привел к эмоциональному выгоранию 82% опрошенных PR-менеджеров.

Научный интерес к синдрому выгорания в среде PR-специалистов возник недавно и обусловлен стремительными, колоссальными изменениями в медиасреде. Они связаны в первую очередь с возросшей многофункциональностью профессии специалиста по рекламе и связям с общественностью, выполнения им нагрузок сверх нормы, напряженного графика работы, отсутствия удовлетворяющей оплаты труда, ростом числа функций в рекламе и PR и, как следствие, необходимостью постоянного повышения уровня коммуникационной компетентности и самообразования в новых неизученных сферах. Нестабильная политическая обстановка усугубляет внутриорганизационные кризисы, поскольку требует от участников информационного медиаполя большей адаптации к стремительно меняющимся условиям.

Для выявления взаимосвязи между неэффективными кризисными внутриорганизационными, в том числе деструктивными, коммуникациями и профессиональным выгоранием, выявления его уровней, а также понимания причинно-следственных связей возникновения данного синдрома в связи с особенностями организационной и коммуникативной структуры компаний и организаций были использованы три метода: психологическое тестирование с помощью опросника «Профессиональное (эмоциональное) выгорание», разработанное на основе трехфакторной модели К. Маслач и С. Джексона в редакции Н. Водопьяновой, Е. Старченковой; квалитетрический метод экспертного опроса; метод глубинного интервью.

В результате анализа полученных данных было выявлено следующее.

Основой для возникновения профессионального выгорания в большинстве случаев, описанных с помощью проведенных исследований, являются кризисы, в том числе внутриорганизационные деструктивные, коммуникации между руководством организации и специалистом (руководителем) по связям с общественностью, которые выражаются в отсутствии прямой связи, неточной и хаотичной постановке задач, заформализованности рабочего процесса, одностороннем (со стороны руководства) расширении функциональных обязанностей специалиста, выходящих за рамки трудового договора, без формирования соответствующей мотивационной программы и достойной оплаты труда за переработку, чрезмерном неоправданном прессинге, ужесточении дедлайнов, введении штрафов, тотальном контроле, немотивированной критике, отсутствии поощрений и премий, отсутствии возможности развития (курсы повышения квалификации), отсутствии карьерных перспектив, достижении потолка возможностей. Все это становится фактически спусковым механизмом для развития синдрома выгорания у специалистов, когда на смену энтузиазму приходит формальное выполнение работы. По сути, возникает скрытая форма внутреннего саботажа работы. Недооценка данного фактора со стороны руководства предприятия или организации может привести в будущем к серьезным имиджевым, в том числе экономическим потерям для компании.

Уровень и качество коммуникационного менеджмента в сфере государственного управления информацией в большинстве своем находится на невысоком уровне. При организации внутренних и внешних коммуникаций сотрудникам приходится сталкиваться с ситуацией недостаточного стратегического планирования и слабого понимания общей коммуникационной политики организации, ограниченной ресурсной базы и кадровой поддержки. Все это отражается на выполнении конкретных коммуникационных задач и результатах коммуникации организации и также приводит к слабой подготовленности к оперативному реагированию в кризисной ситуации. Недостаток планирования также приводит к пониманию того, что большая часть компаний не готова к возможным кризисным ситуациям, которые, в свою очередь, становятся причиной большего стресса и профессионального выгорания на работе для сотрудников пресс-служб госорганов.

Итогом данного исследования стало создание комплекса рекомендаций и профилактических мер по противодействию возникновению профессионального выгорания руководства государственных организаций в целом и сотрудников в частности.

Окара А.Н.

Центр восточноевропейских исследований, Москва

СПОСОБЕН ЛИ НЕОСОЛИДАРИЗМ СТАТЬ ИДЕОЛОГИЕЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ» В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Одной из важнейших фундаментальных и прикладных задач в условиях трансформации российской политической системы в ближайшее время — после турбулентности 2020–2021 гг., перетекшей в турбулентность 2022 г., — следует считать поиск новых концептуальных оснований существования Российского государства и народа России, которые были бы направлены на повышение национальной конкурентоспособности, формирование гражданского общества и повышение уровня гражданского участия.

Примечательно, что запрос на новое идейное, мировоззренческое, концептуальное, идеологическое обоснование государственного и общественного развития неоднократно формулировался в России за постсоветские десятилетия и со стороны властной корпорации, и со стороны экспертного сообщества. Однако все усилия по поиску «новой русской идеи», построению «Русского мира», концептуализации «российской цивилизации», обоснованию «особого пути развития», подбору «эффективной идеологии», проявлению «исторической миссии» не увенчались, на наш взгляд, оригинальными теоретическими разработками или прикладным успехом. Причиной этого, по нашему мнению, стала позиция идеологов, заранее ориентировавшихся на приоритет принципов ресентимента, доминирования порядка над развитием, «вертикали власти», географического детерминизма, отсутствия конкурентного политического процесса и полиархии, моносубъектности власти, «механической» солидарности, харизматического типа легитимации власти. В отдельных случаях подобная концептология разбавлялась фасадно-имитационной либерально-демократической риторикой, однако это существенно не меняло общей направленности экспертных идейных поисков.

Некоторые представители истеблишмента и экспертного сообщества неуспехи российского развития связывали напрямую с закрепленной в п. 1–2 ст. 13 Конституции РФ («в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной») деидеологизацией государственной жизни в России.

Радикальная трансформация политической системы и «перезагрузка» механизма государственного управления, начало которой предположительно ожидается в 2023–2024 гг., потребует и пересмотра механизмов взаимодействия власти и общества — на новых основаниях. Как представляется, оптимальной моделью трансформации, позволяющей достичь максимального уровня индивидуальной самореализации и общенациональной конкурентоспособности, могут стать ценности, концептуализированные внутри политической философии неосолидаризма.

Именно неосолидаризм исходит из представлений о переходе не только к новому технологическому укладу, но и к новой системе этических представлений, к новому типу научной рациональности, к новой политэкономической реальности. В среднесрочной перспективе именно на принципах неосолидаризма может формироваться новая, посткапиталистическая мир-система.

Наибольший интерес с точки зрения построения новой модели развития России и повышения ее глобальной конкурентоспособности представляют ценности и этические маркеры, концептуализируемые в классическом солидаризме и неосолидаризме, а именно: равновесное сосуществование индивидуального и общественного начал, максимально неконфронтационный вариант понимания «общего блага», рационалистическая модель легитимизации власти, кооперация, взаимопомощь, субсидиарность, синергетический эффект, свободная лояльность, полиархия, индивидуальное и групповое доверие, низовая самоорганизация, сетевые принципы взаимодействия, теория постнеклассической рациональности и соответствующей модели управления. Ориентация на них в процессах государственного строительства в ситуации «перезагрузки» государства может стать предпосылкой для трансформации всей российской политической системы, для создания конкурентоспособного государства недеспотического (партнерского) типа и современного гражданского общества.

На протяжении последних трех веков в российской истории существовала неотвратимая закономерность: в русской философии и общественно-политической мысли в качестве утопических проектов и моделей развития России рассматривались проекты солидаристского типа (Посошков, Прокопович, Климовский, Карамзин, Хомяков, В. Соловьев, Подолинский, Кропоткин, С. Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев, Ильин, НТС). Тогда как политическая практика была полной противоположностью таким проектам и строилась на принципах моносубъектности власти, патернализма, гражданского неучастия. 2023–2024 годы могут стать «окном возможностей» для реализации в практике государственного строительства ценностей, являвшихся «маяками» в русской философии и общественно-политической мысли на протяжении последних трех столетий.

Омаров Б.Х.

*Международный центр геополитического
прогнозирования «Восток–Запад», Астана, Казахстан*

ФАКТОРЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

В создавшейся турбулентной ситуации в мире, при кардинальном изменении архитектуры безопасности Евразийского пространства, продвижение экспертных оценок по созданию новой всеобъемлющей и стабильной системы безопасности, является чрезвычайно важным. В этой ситуации для точного прогнозирования нужен анализ стадии развития политического конфликта и цели, методы, интересы основных международных акторов, влияющих на ситуацию в Евразии. В услови-

ях нарастающего недоверия в межгосударственных отношениях, служащих одной из главных причин возникновения конфликтов, особенности проблем консенсуса в современном политическом процессе проблематичны в силу не нерешенных методов и способов урегулирования конфликтов.

Конфликт ценностей — это главная проблема гуманитарного фланга культур, которая требует сегодня своего решения. Какое решение ожидает конфликт ценностей? Политологический анализ показывает, что конфликт вокруг Украины привел к смене парадигм международной политики, и особенно европейской политики, казавшихся до недавнего времени незыблемыми. Военный конфликт вокруг Украины возник не на пустом месте, у него есть корни и предпосылки, процессы, которые развивались по нарастающей в течение десятилетий. Пожалуй, имеет смысл отмотать хронологию событий назад к моменту окончания холодной войны, распада СССР и последующих событий. Обрушение «железного занавеса», создание нового миропорядка и архитектуры безопасности не сделали мир более безопасным. Логика процессов после окончания холодной войны привела к созданию однополярной системы, которой впоследствии бросили вызов страны, которые набрали влияние быстрым экономическим развитием, преодолением турбулентного периода развала СССР и заявлением своих прав и интересов в решении международных вопросов. К этим странам, прежде всего, можно отнести Китай и Россию, а в последнее время и Турцию, претендующую на роль крупного регионального игрока и доказавшую это в том числе и во второй войне в Нагорной Карабахе.

В перечень спорных вопросов в борьбе за смену однополярного мира на многополярный попадает и спор за влияние на постсоветском пространстве между коллективным Западом и Россией. Не в этом ли следует искать одну из причин сегодняшнего военного конфликта в Украине?!

В связи с вышесказанным возникает закономерный вопрос, а можно было этот конфликт предотвратить? Какие действия были предприняты вовлеченными и заинтересованными сторонами и международными организациями, чтобы предотвратить этот конфликт? С сожалением приходится констатировать, что такие международные организации, как ООН и ОБСЕ, призванные предотвратить конфликты, показали свою полную беспомощность. Ситуация вокруг этих организаций, особенно на фоне конфликтной ситуации вокруг Украины, Таджикистана, Киргизии, ставит во весь рост вопрос об их глубокой реорганизации. В качестве наглядного примера приведу Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 9 сентября 2016 г. об «Укреплении роли посредничества в мирном урегулировании споров, предотвращении конфликтов. Резолюция предписывает, что главная ответственность за предотвращение конфликтов лежит на государствах, а меры, принимаемые в рамках предотвращения конфликтов ООН, должны надлежащим образом подкреплять роли национальных правительств в предотвращении конфликтов. Итоги экстраполяции изложенного в Резолюции на события вокруг Украины показывают, что действия ООН оставляют желать лучшего. Необходимо усиление инклюзивности процессов, связанных с разработкой законодательных актов и нормативных документов по предотвращению конфликтов, так как процесс носит формалистский характер, что, естественно, отражается и на качестве принятых документов.

Вашему вниманию предлагаю систему оценок конфликта, основанную на синтезе признанных международных практик, позволяющих взглянуть на конфликт через шесть взаимосвязанных линий, чтобы лучше и глубже понять его суть.

Где имеет место конфликт — в каком культурном, социальном, экономическом, правовом и политическом контексте или системе?

Кто являются заинтересованными сторонами — люди, которые имеют ставку или интерес в конфликте?

Почему заинтересованные стороны действуют так, как действуют? Каковы их мотиваторы?

Какие факторы управляют конфликтом, смягчают или интенсифицируют?

Как проявляется конфликт? Что является источниками и средствами сил и влияния заинтересованных сторон?

Когда случается конфликт? Очевидны ли исторические корни и циклы конфликта?

Разумеется, приведенная схема не претендует на полноту и истину в последней инстанции. Анализ различных конфликтов показывает, что нет очевидной ясности в иерархии потребностей (например, как в пирамиде Маслоу об иерархии потребностей человека) участников. Политологический анализ показывает, что парадигмами факторов конфликтогенности и политических кризисов служат институциональные и структурные факторы, двигатели, триггеры конфликтов, как незамедлительные пусковые механизмы, увеличивающие возможность насильственного конфликта. Мы можем констатировать отсутствие абсолютно бесконфликтных обществ: есть лишь общества со стремлениями к острым формам разрешения конфликтов и общества с тягой к консенсусным формам выхода из конфликтов.

КОНЦЕПТ «МЕЖДУМОРЬЕ» В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ

Специальная военная операция показывает, что до тех пор, пока украинское государство будет существовать на политической карте мира, оно будет системно противодействовать реализации национальных интересов России в Черноморском регионе, создавая угрозы для международной и региональной безопасности. При этом у украинской политической элиты пока еще нет собственной долгосрочной стратегии ведения соответствующей внешней и военной политики, а у украинских экспертов и экспертных институтов нет своего концептуального геополитического подхода, на основании которого такая стратегия могла бы появиться. Вместо этого они все больше тяготеют к использованию польского идейно-теоретического концепта «Междуморье», который рассматривается ими как один из главных вариантов организации Балто-Черноморского геополитического пространства с целью нанесения России военного, экономического и политического ущерба. Отсюда следует, что актуальной задачей отечественной политической науки является выявление основных геополитических представлений, существующих в украинском экспертном дискурсе и связанных с концептом «Междуморье».

Основываясь на синтезе отдельных методологических принципов теорий «эпистемных сообществ» П. Хааса¹, критической геополитики Дж. О’Тоала² и секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера³, автором было проведено политико-семантическое исследование текстов продуктов украинской внешнеполитической экспертизы (аналитических записок, докладов, монографий, статей, экспертных комментариев), выпущенных в 2020–2022 гг. По его итогам были установлены следующие геополитические представления украинских экспертов о «Междуморье».

1. «Междуморье» рассматривается украинскими экспертами как военно-политический блок восточноевропейских государств, расположенных на пространстве между Балтийским и Черным морями. Синонимами «Междуморья» в украинском геополитическом экспертном дискурсе являются «Балто-Черноморский альянс», «Балто-Черноморский союз», «Балто-Черноморская ось» и др. Отдельно обсуждается «Инициатива трех морей», как концептуально близкая, но все же не военно-политическая, а прежде всего экономическая.
2. Украинскими экспертами упоминаются несколько вариантов комплектации «Междуморья»: 1) польский (автор Ю. Пилсудский) предполагает включение в данное объединение Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Украины и Эстонии; 2) украинский (Ю. Липа) считает возможным присоединение к этим государствам Белоруссии; 3) латвийский (автор П. Радзинь) исключает участие Румынии и Белоруссии, но предполагает участие Финляндии. Наиболее популярен на Украине польский — при опциональном участии в нем Болгарии, Грузии или Молдавии.
3. «Мотором», главным действующим лицом «Междуморья», по мнению украинских экспертов, будет в любом случае Польша, которая имеет «давнюю имперскую традицию» и заинтересована в создании «защитного коридора», «барьера» между собой и Россией. Кроме того, Польша является главным проводником влияния США в Восточной Европе, а потому они будут заинтересованы в создании ею своего альянса с участием государств, которые не являются членами ЕС и НАТО и не подвержены влиянию Франции и Германии. Польша вынуждена противостоять Германии, с одной стороны, и России — с другой.
4. Главный фактор объединения государств в «Междуморье» — необходимость противостоять России в военно-политическом плане. Другими такими факторами украинские эксперты считают общие идеологические вызовы со стороны «левого либерализма» и «радикального индивидуализма и эммансипации», «глобализма», «идеологии Русского мира», а также общий евроскептицизм и традиционализм всех потенциальных членов альянса, кроме Украины, Грузии и Молдавии.
5. Украинские эксперты убеждены в том, что «Междуморье» уже формируется усилиями Польши, Украины и Литвы: его политическим компонентом является «Люблинский треугольник» (основан в 2020 г.), а военным — литовско-польско-украинская бригада (основана в 2014 г.).
6. Сама Украина позиционирует себя как главная военная сила «Междуморья». Последнее может выступить для страны альтернативой НАТО, куда она пока что не может быть принята. Укра-

¹ Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy // Coordination. International Organization. 1992. No. 46 (1). P. 1–35.

² Tuathail G.Ó., Agnew J. Geopolitics and discourse // Political Geography. 1992. No. 11 (2). P. 190–204.

³ Security: A New Framework for Analysis / B.G. Buzan, Wæver O; de Wilde, J.H. London (eds). Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. — 247 p.

инские эксперты отмечают более «гибкий характер» будущего альянса, его способность оперативнее и решительнее реагировать на военную «угрозу» со стороны России.

7. Специальная военная операция России на Украине, по мнению украинских экспертов, не только не препятствует, но, наоборот, стимулирует создание «Междуморья», мотивирует другие государства присоединиться к нему.

Указанные геополитические представления свидетельствуют о том, что на Украине всерьез рассматривают «Междуморье» как концептуальную основу для создания в будущем военного альянса, альтернативного НАТО. В нем страна будет выполнять преимущественно силовую функцию, в то время как Польше отойдет роль политического лидера.

Опара А.Ю.
СевГУ, Севастополь

СЕТЕВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ)

Характер общественных движений и политического участия в Испании изменился после экономического кризиса 2008–2015 гг. Но при этом можно утверждать, что эти изменения были связаны не только с экономическими факторами, но и с отсутствием доверия к традиционным политическим институтам, недоверием к представительным организациям и средствам массовой информации. Новые формы политического участия имеют одну общую черту: они появились благодаря распространению социальных сетей. Таким образом, феномен 15-M (сложное и многогранное явление приобрело название 15-M по дате первой демонстрации, 15 мая 2011 г. в Испании. Также это явление называют Движением возмущенных) внес свой вклад в изучение новой социальной и политической сфер жизни. Подобные явления стали возможными благодаря активному распространению информационно-коммуникационных технологий и гаджетов (смартфонов/ планшетов). Так, например, партия *Podemos* имеет свои истоки в Движении возмущенных. Появление партии Подемос в 2014 г. оказало огромное влияние не только на политическую систему Испании, но и на европейскую политику в целом. Подемос подняли новые темы и стали использовать новые символы, что привело к изменению политической обстановки. По данным Центра социологических исследований за 2016 г., за Подемос голосуют в основном молодежь и люди средней возрастной категории.

Традиционные партии утратили доверие и способность политически артикулировать голоса испанского общества. Они также не смогли сократить разрыв между поколениями, который вносит в политику разрыв в большей степени, чем идеологические различия. Социальные сети помогают популизму передавать свои идеи и послания более упрощенным языком, вместо сложных рассуждений, которых требуют многие современные проблемы. Политическая лояльность как правых, так и левых стала слабее, и приверженность традиционным партиям практически не прослеживается среди молодого поколения.

Сетевые формы политической коммуникации существенно изменили политическую и гражданскую активность испанцев.

Говоря об участии испанцев в политике, стоит отдельно отметить движение за независимость в Каталонии и референдум 2017 г. о независимости Каталонии, который стал возможен не в последнюю очередь благодаря информационно-коммуникационным технологиям. Их использование в преддверии референдума стало полем битвы между испанскими правоохранительными органами и хакерами. Испанское правительство применяло агрессивную тактику для подавления данных и особенно цифровой информации от сторонников движения за независимость. В свою очередь, испанские спецслужбы атаковали и использовали здания телекоммуникационных операторов, а также подвергли цензуре многие веб-сайты. Гражданская гвардия Испании по приказу Верховного суда Каталонии заблокировала более 140 сайтов, на которых содержалась информация о референдуме о независимости Каталонии. Почти все интернет-ресурсы несколько раз блокировались правительством Испании, но новые создавались, несмотря на высокие штрафы. Власти Каталонии разместили в социальных сетях лозунги и призывы не игнорировать референдум и не оказывать сопротивления мадридской полиции. Сотрудники правоохранительных органов изъяли 45 тыс. личных сообщений, которые должны были быть отправлены членам местных избирательных комиссий в муниципалитетах Каталонии. Можно утверждать, что референдум о независимости Каталонии начался как так называемая «интернет-война», поскольку население региона использовало интернет-сети для подготовки и организации всего процесса референдума и создало специальные сайты для распространения информации среди каталонцев. Важным фактом в распространении благоприятной информации среди каталонцев стало создание в 2006 г. их собственного личного веб-домена «.cat» для каталонских сайтов, направленных на пропаганду каталонского языка и культуры.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДСКИМИ КОНФЛИКТАМИ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Современные тенденции цифровизации общественного пространства распространяются в том числе и на сферу политического управления городскими конфликтами. Так, проведенное в 2020 г. исследование показало, что сетевые взаимодействия городских сообществ (как внутреннего, так и внешнего характера), являющиеся весьма значимыми в условиях конфликтов, осуществляются преимущественно посредством цифровых интернет-платформ¹. Пандемия COVID-19, поставившая общество перед необходимостью в короткие сроки освоить технологии и форматы взаимодействия, основанные на цифровой передаче информации, усилила роль «удаленного общения».

В настоящее время основные акторы городских конфликтов (сообщества горожан, органы власти, бизнес-структуры и др.) вовлечены в цифровую среду, инструменты которой становятся необходимыми для обеспечения конструктивного регулирования конфликтных отношений. При этом складывающиеся (во многом стихийно или в условиях вынужденного внедрения) административные и политические практики управления в цифровом обществе на данный момент недостаточно институционально оформлены, что порождает новые противостояния и конфликты в городском пространстве.

Возможности их институционализации создает развитие программ «умного города» в муниципалитетах. Согласно ведомственным документам Минстроя России (приказы и распоряжения, изданные в 2018–2021 гг.), городское управление рассматривается как ключевое направление цифровой трансформации городов с численностью населения более 100 тыс. Как показывает анализ лучших муниципальных практик, отбираемых министерством, институциональные изменения происходят в следующих форматах:

- создание центров оперативного реагирования на проблемы и конфликтные ситуации;
- создание систем коммуникаций с гражданами и городскими сообществами для получения информации о проблемах города, приема гражданских инициатив (через специализированные сайты или сервисы);
- создание систем консультаций с горожанами при принятии ключевых решений городского развития (электронное голосование);
- формирование сервисов электронной оценки деятельности муниципалитетов;
- развитие программ по вовлечению горожан в реализацию концепции «умного города».

Одним из примеров ее реализации является цифровая трансформация городского управления в г. Краснодаре. В 2021 г. здесь был создан Муниципальный центр управления, ставший главным звеном в системе цифровых коммуникаций локального уровня. В качестве технологических решений используются система «Инцидент-менеджмент» и Платформа обратной связи. Ежедневно обрабатывается до пяти сот обращений граждан, на которые осуществляется оперативное реагирование.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько направлений совершенствования системы политического управления городскими конфликтами в ее цифровых аспектах.

- Необходимо развитие коммуникативных платформ, позволяющих гражданам участвовать в обсуждении и принятии решений по ключевым проблемам города (застройка городского пространства, развитие транспорта, топонимика городов и др.). В настоящее время коммуникации нацелены только на оперативное реагирование, а не на стратегическое планирование.
- Также следует расширять круг субъектов местного самоуправления, вовлеченных в систему цифрового взаимодействия с гражданами. В частности, желательна более высокая степень участия местных депутатов, советов при органах исполнительной власти, общественных палат.
- Важным условием цифровой трансформации является развитие активности городских сообществ в решении актуальных проблем. Для этого необходим как их численный рост, так и совершенствование организационных начал и внутренних и внешних коммуникаций.

¹ Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Политическая наука. 2021. № 4. С. 202.

ЦЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: К ФОРМИРОВАНИЮ СТРАТЕГИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Социальные и политические трансформации последних десятилетий как в странах Запада, так и в России со всей очевидностью демонстрируют неспособность элит сформулировать приемлемые для большинства цели развития, предложить гражданам привлекательный и отвечающий их мировоззренческим установкам образ будущего. В особенности это относится к российской ситуации, где демократическая трансформация так и не была завершена, а у правящей элиты нет консенсуса по вопросу об образе будущего, более того, публичная дискуссия на эту тему практически отсутствует.

В данном контексте особое значение приобретает рассмотрение того, какими ценностями, нормами и представлениями могут руководствоваться российские граждане в выборе тех или иных целей социального и политического развития, какие варианты стратегий институциональных изменений, адекватные массовым представлениям российских граждан, возможны в настоящее время? Каков образ будущего в коллективных представлениях наших граждан, их «социальное воображаемое»? (Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое // Неприкосновенный запас. 2010. №1).

Российский исследователь Т.А. Нестик вводит понятие «коллективный образ будущего» и определяет его как «совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе» (Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Октябрь–ноябрь. Т. 2. Вып. 9 (14): Горизонты будущего. С. 10). Автор отмечает, что коллективный образ будущего, среди прочих, выполняет целеполагающую функцию, поскольку он становится более важным для управления социальной системой, чем прогнозы и сценарии, позволяя влиять на будущее.

Проведенный нами анализ распределения ответов на вопрос о наилучшей, по мнению респондентов, форме политического и социального устройства («Если говорить о политическом и социальном устройстве, то какая его форма представляется Вам наиболее полезной для развития России?» Демократическая, имперская, либеральная, монархическая, республиканская, советская, существующая сейчас в России) и их сопряжение с ответами, отражающими ценности, нормы и установки граждан, позволили выделить три значимые группы по критериям их представлений о желаемом общественном устройстве и целях развития: группу ориентированных на демократию, группу сторонников советской формы и группу поддерживающих существующее социальное и политическое устройство. На основе этого деления граждан на группы в соответствии с их коллективным образом будущего могут быть сконструированы три варианта стратегий, один из которых не предполагает изменений, а ориентирован на консервацию имеющихся институтов, второй означает возврат к прошлой модели развития, и лишь третий (демократический) ориентирован на институциональные изменения и переход от архаичной (домодерной) к современной модели развития.

По данным всероссийских обследований, проведенных в 2021 и 2022 гг. Отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, 42% респондентов в 2021 г. и 34% в 2022 г. наиболее полезной для развития России формой политического и социального устройства сочли демократическую, тогда как число приверженцев существующей сейчас в России, а также советской форм политического и социального устройства составило 25% в 2021 г. (29% в 2022 г.) и 23% в 2021 г. (20% в 2022 г.) соответственно.

Выделение трех наиболее значимых групп респондентов, анализ их ценностей, представлений и ориентаций, а также данные факторного анализа позволяют обозначить институциональные перспективы российского социума и возможные стратегии институциональных изменений. В этом плане представляется вполне обоснованным демократический, гражданственный вектор таких изменений, который включал бы в себя как обращение к опыту западной демократии (безусловно, с учетом российской специфики), так и, в определенной мере, к советским традициям. Альтернативой таким изменениям является отсутствие развития, консервация существующей модели государственно-олигархического капитализма, следование консервативно-реакционным традициям в российской истории, отказ от формирования гражданина как самостоятельного социального и политического актора, ответственного как за свою судьбу, так и за судьбу общества и способного к участию в осуществлении перемен.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 20-011-00724 «Гражданская ответственность, эмпауэрмент и вовлеченность как основания формирования и институционализации политических практик в России».

ЛОББИЗМ И ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лоббизм является важным институтом политического представительства социальных интересов. Различные общественные группы часто используют лоббистские методы для того, чтобы реализовать свои интересы посредством органов государственной власти (подобное прямое воздействие на органы государственной власти получило название функциональной системы представительства социальных интересов). В этой связи институт лоббизма находится во взаимосвязи и взаимозависимости с электорально-партийной системой представительства социальных интересов. И особенности лоббизма в той или иной стране во многом определяются тем, как функционирует партийно-электоральная система.

Зависимость между партийно-электоральной и функциональной системами представительства социальных интересов определил Э. Шаттшнейдер. Он пришел к выводу, что роль групп интересов в политике непосредственно и органически связана с состоянием политических партий на основе обратного пропорционального соотношения: чем слабее функционирует партийная система, тем мощнее становятся заинтересованные группы и, наоборот, если партии осуществляют свои полномочия эффективно, они способны значительно ограничить или свести к минимуму влияние групп интересов (см.: *Schattschneider E. Groups versus Political Parties // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1948. Vol. 259. September. Parties and Politics. P. 17–23*).

Естественно, что партийно-электоральная система может эффективно представлять социальные интересы только в условиях демократии. В авторитарных режимах партийно-электоральная система (если она вообще присутствует) нацелена на решение других задач (поддержание статус-кво, демонстрация общественной поддержки органов власти и т.п.). В этой связи в авторитарных режимах в сфере представительства социальных интересов преобладают прямые механизмы взаимодействия с органами государственной власти, методы теневого лоббизма и т.п. (хотя институт лоббизма, как правило, не легализован). И такие формы политического влияния доступны скорее для элитных групп, в то время как широкие общественные интересы сильно недопредставлены.

Данные тенденции в полной мере проявляют себя в современной России. Уже в течение многих лет в российском политическом режиме представительство социальных интересов через партийно-электоральную систему носит имитационный характер. То же касается специальных органов, созданных для представительства интересов (общественная палата и др.). В этой связи реальное представительство социальных интересов все в большей степени осуществляется через прямые механизмы взаимодействия с органами государственной власти, методы теневого лоббизма и т.п. (хотя чаще всего лоббизмом это не называется). По мере усиления российского авторитаризма эти тенденции неизбежно будут усиливаться вплоть до полного превалирования узкогрупповых элитных интересов в процессах принятия политических решений и воссоздания описанной С.П. Перегудовым советской системы бюрократического корпоративизма (см.: *Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М.: Наука, 2003. С. 37–38*).

Последние события, связанные со специальной военной операцией и введением многочисленных санкций против России, серьезно увеличили значение лоббизма для элитных интересов и бизнеса, так как у этих групп возникла настоятельная потребность совместного с органами государственной власти решения многочисленных проблем. Данная тенденция, скорее всего, тоже будет усиливаться с возможным созданием и институционализацией закрытых внутриэлитных механизмов социально-политического взаимодействия (по компаративистскому образцу). Кроме того, вынужденный «поворот на Восток» потребует от элит и бизнеса развития международного лоббизма, направленного на азиатские страны как новых приоритетных партнеров в области экономических и политических отношений.

ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

В сложившейся на сегодняшний день напряженной ситуации международных отношений России и стран Запада особенно актуальным является поиск точек соприкосновения, которые могут послужить основой формирования политического диалога. В качестве таковой для России и стран Восточной Европы (в частности, Болгарии, Сербии) может послужить славянская идентичность: доминанты общественного сознания и ценностно-смысловые матрицы могут позволить выстроить продуктивный диалог со странами Восточной Европы, имеющих сходный цивилизационный код. Помимо этого, идеи, смыслы и ценности, составляющие основу славянской идентичности, могут стать одним из факторов, обладающих значительным потенциалом консолидации российского общества изнутри, способствуя формированию национально-государственной идентичности современной молодежи как поколенческой общности.

Уже сейчас становится понятно, что традиционное пространство ценностей меняется, но как оно будет функционировать дальше? Каковы ценностно-коммуникативные траектории формирования идентичности молодежи, особенно в России и странах Восточной Европы, с которыми нас связывает общая история и культура? На поиск ответов именно на эти вопросы сегодня необходимо направлять фокус внимания.

В конкретном обществе сосуществуют (и часто конфликтуют) смыслы и ценности, имеющие различные уровни и ориентации — «общечеловеческие», «общеевропейские», «национальные» и пр. Эти смыслы и ценности по-разному воспринимаются в России и странах Восточной Европы, разными социальными, национальными и прочими группами, среди которых особое место занимает молодежь, поскольку она представляет собой группу, в наибольшей степени способную к трансформации. От того, какие смыслы станут главными в сознании современной молодежи, определяют ее ценностные ориентации, в итоге зависит судьба наших стран. Формирование смыслов и ценностей — не стихийный, а сознательный процесс, большая роль в котором принадлежит общественным институтам, начиная с семьи и кончая государством.

Подобная задача представляется особенно актуальной в контексте трансформаций, происходящих с коллективной памятью и идентичностью больших социальных групп. Поэтому необходимо понять, что влияет на превалирование тех или иных ценностей (традиционных/посттрадиционных, национальных/наднациональных и т.д.) в качестве конституирующего элемента в самосознании современной молодежи и как формирование той или иной ценностной матрицы у молодого поколения скажется на дальнейшем межкультурном и межстрановом диалоге, что особенно важно в контексте усиления международной напряженности и выстраивания новой архитектуры международных отношений.

В российской практике исследований необходимо отметить политико-психологический подход к изучению национально-государственной идентичности, который разработан Т.В. Евгеньевой и В.В. Титовым. В рамках данного подхода изучаются состояние национально-государственной идентичности в России на всех этапах постсоветского периода. Применение его для исследования славянской идентичности требует соединения не только подходов политологии и социологии, но и истории и философии. Такой междисциплинарный подход к исследованию позволит выявить ключевые образы, ценности и символы, формирующие славянскую идентичность молодежи России и стран Восточной Европы, обусловленные системой ценностей, особенности представлений молодежи в России и странах Восточной Европы в отношении происходящих в мире трансформационных процессов в контексте задачи сохранения своего национального самосознания, позволит провести историко-политическую реконструкцию базовых идей и смыслов, лежащих в основе славянской идентичности и влияющих на политическое поведение граждан, что в итоге даст возможность сформулировать проблемы и перспективы потенциала славянской идентичности как фактора общественной консолидации и основы межкультурного и межстранового диалога.

Исследование выполнено в рамках проекта ZNF-2022-0014 «Славянская идентичность как основа формирования политического диалога в условиях международной напряженности: проблемы и перспективы (на примере России, Сербии и Болгарии)», реализуемого в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

КОНФИГУРАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА В XXI ВЕКЕ

Создающаяся новая конфигурация миропорядка не имеет на сегодня жестких параметров и поэтому может приобрести различные формы. Несмотря на разнообразие основ, предлагаемых в качестве регуляторов международных отношений, многие из них страдают рядом общих недостатков: *во-первых*, ими делается основной упор только лишь на один из возможных регуляторов международных отношений: в одних случаях это государство либо государственное объединение, в других случаях это различные «акторы вне суверенитета».

Во-вторых, все они страдают консервативностью в отношении самой природы мирового политического процесса и отвергают ее качественную трансформацию.

В-третьих, все они одномерны по своей природе. Мы же полагаем, что с конца XX века началось, по сути дела, беспрецедентное расширение сферы многомерности, сопряженной с глобализацией (в информационном, геополитическом, экономическом, миркультурном и иных измерениях), тем самым были созданы предпосылки к тому, что многомерность превратилась в решающую историческую силу. Другими словами, происходит качественное изменение самой природы международных отношений.

Вслед за Дж. Наем-младшим мы считаем, что идея нового миропорядка не должна быть основана только лишь на концепции баланса силы «реалистов», как в равной степени и на приоритете общечеловеческих ценностей «либералов» либо культурологических ценностях «конструктивистов». Иными словами, ни одна одномерная система уже не в состоянии дать полного ответа на то, что собой представляет современный мир.

С позиции многомерности по-новому раскрывается сущность тех глубоких качественных изменений, которые претерпевает в настоящее время человеческое сообщество.

Концепция многомерности исходит из того, что мир разнообразен не только в своих бесконечных проявлениях, но и в своих фундаментальных основах: наблюдаемое разнообразие далеко не всегда следует из какого-то общего начала или обусловлено деятельностью какого-то центра и т.п.; на определенных уровнях организации мира оно связано с разнообразием внутренним, сущностным, субстанциональным, с разнообразием принципов, особым образом сопряженных друг с другом. Определенные свойства, характеристики многомерного объекта не сосредоточены в некоем всеобъемлющем центре, а рассредоточены по измерениям (уровням), которые нельзя вывести одно из другого или свести к чему-то одному. Поэтому в многоуровневой системе могут функционировать несколько уровней со своими перифериями (полицентричными системами).

На наш взгляд, складывающаяся система международных отношений является многоуровневой, состоящей из шести уровней: информационного, военного, геоэкономического, геополитического, энергоресурсного и цивилизационного.

Значение информации и обеспечение оперативного доступа к ней в политической борьбе всегда были бесценными и решающими, будь то внутри государства или в международной области. Современное мировое сообщество в своей жизнедеятельности находится в непосредственной зависимости от информационной системы. Быстрое распространение локальных и глобальных сетей создает принципиально новое качество трансграничного информационного обмена. Соответственно, увеличивает риски актуализации информационного противоборства. Все это самым непосредственным образом влияет на международные отношения. Формирование единого мирового информационного пространства превращается в глобальный фактор развития, определяет основные направления общественного прогресса, а сама информация становится важнейшим стратегическим ресурсом, за контроль над которым разворачивается ожесточенная борьба.

Пока государства остаются главными участниками мирового политического процесса, фактор военной силы будет продолжать оставаться одним из важнейших инструментов внешней политики. Судя по совокупному военно-стратегическому потенциалу, лидирующие позиции в мире занимают два государства: США и Россия. Именно поэтому любые попытки Запада разговаривать с Россией с позиции силы контрпродуктивны в своей основе. У России можно выиграть битву, войну у России выиграть нельзя! Многие великие полководцы прошлого неоднократно указывали на это.

Следующий уровень мирового порядка лежит в экономической области, поскольку именно экономика в первую очередь определяет уровень модернизации государства и в конечном итоге степень благосостояния всего общества, а также каждого отдельно взятого человека. В настоящее время к трем существующим геоэкономическим блокам: ЕС, страны АТЭС и НАФТА добавляется четвертый — Евразийский (его конфигурация находится в процессе становления).

С учетом ведущей роли государств в международных отношениях, геополитический уровень будет оставаться одним из наиболее значимых. В этом смысле в мире в XXI веке будет существовать несколько основных геополитических центров силы. Таковыми на сегодняшний день являются США, Германия,

Франция, Великобритания, Китай и Россия. К середине XXI века к ним могут присоединиться Индия и Бразилия. Динамика формирования новых центров силы свидетельствует в пользу того, что Запад теряет свои лидирующие позиции, поэтому любые попытки остановить этот процесс обречены на провал.

В условиях неуклонного роста промышленности по всему миру, а следовательно, резкого увеличения энергопотребления, а также учитывая тот факт, что углеводородные ресурсы планеты исчерпаемы и сосредоточены неравномерно, проблема контроля над их сосредоточением, добычей, транспортировкой и распределением из чисто экономической давно уже перешла в политическую плоскость. Тенденции мирового развития показывают, что в XXI веке это направление получит свою дальнейшую актуализацию. Тот, кто будет контролировать энергоресурсы, тот будет играть одну из определяющих ролей на всем стратегическом пространстве планеты. За энергоресурсы планеты уже сегодня развивается острое соперничество. Поэтому следующим уровнем миропорядка в XXI веке является энергоресурсный, который во многом будет определять расстановку «игроков» на мировой арене. Здесь, на наш взгляд, складывается пять основных центров: Ближний Восток, Каспийский регион, Россия, Арктический регион и Латинская Америка. Это дает все основания утверждать, что со второй трети XXI века развернется борьба за контроль над арктическими углеводородными ресурсами, а следовательно, стратегическое значение Арктики в существенной степени возрастет.

Еще одним уровнем является цивилизационный. События последнего времени всколыхнули огромное число людей. Значительная часть населения планеты, разуверившись в поисках надежды на лучшее в лоне своей цивилизации, пытается спастись в недрах другой цивилизации, не интегрируясь с ней. Это приводит к росту в странах Запада радикалистских настроений шовинистического и расистского характера и неизбежно приведет к межцивилизационному взрыву. С другой стороны, принимая во внимание единое информационное пространство, происходит размывание цивилизационных основ всех цивилизаций, в основании которых в основном лежат духовно-нравственные стандарты ведущих мировых конфессий, что существенно увеличивает конфликтный потенциал межпоколенческих отношений внутри каждой цивилизации.

Панкевич Н.В.
ИФИП УРО РАН, Екатеринбург

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ СООБЩЕСТВА В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В периоды кризисов укрепление идентитарных ресурсов, которые определяют возможности самоотождествления больших масс с социальным целым и на которые властные центры могут опереться в реализации стратегических приоритетов, становится одной из наиболее актуальных задач государственного управления.

В современных условиях реализация этой задачи часто оказывается осложнена накопленным большинством современных обществ потенциалом социально-демографического сверхразнообразия и ценностного плюрализма.

Сталкиваясь с подобными явлениями, государственная политика идентичности, опирающаяся на стандартные концепции единства как основанного на национальной истории, культуре, традиции, обнаруживает свой ограниченный характер и нуждается в существенном расширении своего инструментального арсенала.

Важно, что сегодня центр внимания исследователей и практического политического управления принадлежит изучению вопросов интеграции отличных на фоне большого сообщества социально-демографических групп — различного рода меньшинств. Однако задача современной идентитарной политики гораздо шире. Требуется не только обеспечить встраивание в социальное целое групп, обладающих выраженной социальной инаковостью, но также осуществить выявление ценностных дискурсов, ориентированных на отклоняющиеся от общепринятых интерпретаций ценностных оснований социальной жизни.

Обозначенная проблема сочетанного накопления в структуре общества социальных меньшинств и рост значимости миноритарных дискурсов лишь на первый взгляд имеет общие корни и подлежит диагностике и социальной терапии схожими методами.

Проблемным моментом в реализации задач идентитарной политики, ориентированной на ценностно-мотивированные сообщества, является то, что группы, продуцирующие альтернативные интерпретации ценностей, часто не обладают какими-либо «стационарными» социальными статусами. Социальный профиль представителя ценностно-мотивированного сообщества может совпадать с профилем медианного гражданина по большинству качественно и статистически измеримых показателей. А потому подобный субъект выпадает из поля зрения программ, сфокусированных на специальных целевых аудиториях.

Представляется, что потребность в поиске метрики для выявления децентрализованных акторов, объединенных вокруг определенных интерпретаций ключевых политических ценностей, назрела давно.

Практика сегодняшнего дня показывает, что в целом ряде случаев именно конфликт, структурированный вокруг различия в интерпретации публичных ценностей, определяет политическую повестку дня, превосходя в своей остроте общественные дискуссии по вопросам о материальном неравенстве и справедливом распределении рисков и доступа к общественным благам.

Между тем политика единства в настоящее время фактически игнорирует эту проблему, оставаясь в русле стратегического нарратива о политическом сообществе как «сообществе судьбы» или «нации соотечественников». Выявлению и развитию интеграторов идентичности в русле историко-национальных дискурсов сегодня служит целый ряд методологически отработанных инструментов и практик. Институционализация признанных исторических расколов, характерных для того или иного общества, сопровождается институционализацией целых научных направлений и стандартизацией метрик, используемых для диагностики состояния общественного консенсуса и выработки интеграционных политик.

В то же время возникает особенно острый дефицит знания о специфике понимания обществом и его отдельными сегментами публичных гражданских ценностей, которые потенциально финансируют «конституционный патриотизм», «национальную конституционную идентичность».

Представляется, что в данном смысловом поле анализ должен быть сосредоточен на исследовании ситуаций, в которых обозначенный конфликт выражен наиболее эксплицитно — в форме прямого содержательного столкновения официального дискурса о гражданских правах и ценностях (позиция государства, транслирующего представления о ценностях с позиций национального единства и консенсуса как во внутриполитическом контексте, так и в международных отношениях) и альтернативных трактовок, выдвигаемых гражданским субъектом.

Современная общественная система содержит моральные институты, прямо и непосредственно предназначенные для разрешения подобных конфликтов. В наиболее эксплицитной форме эти дискуссии разворачиваются на национальном уровне в деятельности органов конституционной юстиции. Материал подобного рода достаточно редко привлекает внимание в плане изучения проблем идентичности и еще более редко используется в качестве метрики для диагностики общественной ситуации вокруг ключевых гражданских ценностей. Тем не менее именно такой анализ оказывается исключительно полезным для прояснения актуальных ценностных ориентаций, формирующихся в обществе, и выявлению конфликтов задолго до их выхода в горячую стадию.

Подготовлено в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения»).

Панкратов С.А.
ВолГУ, Волгоград

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК: ВЕКТОРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РОССИИ

Следует согласиться с позицией Г. Киссинджера, указавшего на тот факт, что «мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка»¹. При этом вне пределов западного пространства, где и были сформулированы «правила» нынешнего глобального «мирового порядка», длительно и неуклонно формируются мнения и механизмы корректировки, а то и изменения существующих положений и норм.

С нашей точки зрения, «глобальные лидеры» и сами понимают уязвимость существующей системы международных отношений, доминирующих принципов миропорядка, но не могут (а может быть, и не хотят) выйти за пределы функционирующей системы координат. Отсюда возникает хаос на межгосударственном, межцивилизационном и других уровнях взаимоотношений, не способных преодолеть риски и угрозы самоуничтожения экологического, промышленно-технологического, ядерного, террористического и иного характера.

Как следствие проявление агонии «цивилизованного» Запада и его сателлитов через санкционную политику к иным государствам, позволившим иметь и анонсировать свою суверенную позицию. Здесь же истоки от экономического, информационно-психологического и другого давления до воен-

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ. М.: АСТ, 2019. С. 7.

ного вмешательства в иные страны без решения международных институтов, в частности ООН, Совета Безопасности и т.д. Санкционная политика реализуется против не одного десятка стран, лидерами из которых на сегодняшний день являются¹: Россия — 9915 (2754 до 22.02.2022, 7161 после 22.02.2022); Иран — 3616; Сирия — 2608; КНДР — 2077.

По словам секретаря Совета безопасности России Н. Патрушева, «противодействие России стало основным фактором, определяющим политику США и их союзников»². Подтверждением данного утверждения могут выступить целый ряд событий социально-политического и военного характера, прошедших за последнее время, в том числе: саммит стран ЕС в Брюсселе 23–24 июня 2022 г., на котором рассматривались вопросы о новых кандидатах на членство в этом союзе; всесторонняя помощь Украине по противодействию ходу и последствиям специальной военной операции, проводимой РФ; проблемы взаимоотношений стран ЕС с Россией по энергетическим вопросам и преодолению кризисной ситуации в этой сфере. Логичным продолжением выступили 26–28 июня саммит «Группы семи» в ФРГ, а затем саммит НАТО 28–30 июня в Испании, где, собственно, были оформлены и закреплены конкретные шаги по продолжению изоляции российского государства и общества на мировой арене.

Перечисленные и другие мероприятия с антироссийской повесткой должны, по сути, продемонстрировать «усиливающуюся эффективность» изоляционной политики Запада на международной арене. При этом игнорируются не вписываемые в этот контекст не менее масштабные события, как проводимый параллельно виртуальный саммит лидеров БРИКС, страны которого составляют более трети численности населения мира и не позволивших себя втянуть в антироссийские кампании европейских держав во главе с США. Примечательно отметить, что 14-й саммит БРИКС под председательством Китая сосредоточил внимание на теме «Строить высококачественные партнерские отношения, совместно создавать новую эпоху глобального развития».

Следует признать, что в конце XX — начале XXI в. проявила себя многообещающая тенденция взаимодействия РФ и Евросоюза на основе взаимодополняемости российской (возрождающейся) и европейской (претендовавшей на глобальный уровень) экономик. К 2005 г. созрел план по формированию четырех общих пространств РФ и ЕС — экономики; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; образования, науки и культуры. Однако целесообразность взаимовыгодного сотрудничества не выдержала испытания под натиском проблем о принципах и этапах («дорожной карте») геополитического устройства европейского континента и лидерства в возможной новой структуре европейской архитектуры, включающей в том числе и Россию.

На смену практической целесообразности доминирующее положение заняли принципы и идейно-политические основания проекта «Анти-Россия», всегда имевшего своих сторонников не только в США, государствах, обретших самостоятельность после распада СССР (в первую очередь прибалтийские страны), а также в ряде восточноевропейских государств (Польша и др.), имеющих чуть ли не на ментальном уровне историко-политические претензии к России. При этом ведущие западно-европейские страны смогли воспринимать РФ как возможного партнера во взаимоотношениях лишь до тех пор, пока Россия не предложила проект европейского сотрудничества с учетом и ее национально-государственных, территориальных, исторических интересов.

Один из возможных уроков, который следует вынести россиянам, заключается в том, что как прошлые, так и нынешние, а возможно, и многие последующие поколения европейцев не готовы и не хотят принципиально воспринимать Россию как равноправного контрагента. РФ не единственный, но уж очень большой (по территории, военной мощи, природным запасам и др.) субъект «неприятия» в существующей структуре мирового порядка.

Панов П.В.
ПФИЦ, Пермь

«ЭЛИТНОЕ СОГЛАСИЕ» В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ГРАНИЦЫ

После политической неопределенности, характерной для России девяностых, в 2000-е годы сложилась партийно-политическая система, которая в целом воспроизводится до настоящего времени. Центральным элементом является партия «Единая Россия» (ЕР), которая имеет устойчивое большинство в Государственной Думе РФ (ГД). В то же время в партийную систему инкорпорированы три партии так называемой системной оппозиции: Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ),

¹ Данные количества санкций приводятся по состоянию на июнь 2022 г. См.: *Елков И.* Тегеран-43. Иран находится под санкциями уже 43 года. За счет чего страна выживает? // Российская газета. 2022. 1 июня. С. 6–7.

² *Егоров И.* Блок выйдет боком // Российская газета. 2022. 22 июня. С. 1, 5.

Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) и «Справедливая Россия» (СР). Несмотря на стабильность партийно-политической структуры ГД, наличие в ней разных политических сил сопровождается различиями в идеологических и политических ориентациях. Вместе с тем, если рассматривать ситуацию в динамике, можно говорить о том, что постепенно в Думе возобладала тенденция к «элитному согласию». В связи с этим возникает вопрос, когда и как сложилось это «согласие», каковы его идеологическое содержание и границы.

Теоретически исследование базируется на морфологическом анализе идеологий Майкла Фридена. Этот подход позволяет выделить центральные (ядерные), смежные и периферийные концепты. «Идеологии в морфологическом подходе различаются в большей степени не присутствием или отсутствием какого-либо концепта, но тем весом и значимостью, той центральностью или ее отсутствием, которой обладает концепт внутри идеологии» (Чутков С.С. Морфологический анализ идеологий М. Фридена // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2016. С. 336).

Эмпирической основой для исследования были стенограммы пленарных заседаний ГД 4-го, 5-го, 6-го и 7-го созывов (2003–2021 гг.), а именно тексты выступлений представителей четырех фракций. Весь массив текстов включает около 25 млн слов. Такие объемы требуют специальных инструментов анализа, поэтому данные обрабатывались в информационной системе «Семограф» (Информационная система «Семограф». URL: <https://semograph.org/>), позволяющей осуществлять поиск и фильтрацию отдельных словоупотреблений (термов) и их контекстов. Необходимо подчеркнуть, что само по себе использование в выступлении концепта говорит скорее о «внимании к вопросу», чем о приверженности этому концепту. Поэтому контент-анализ был дополнен анализом текстов на предмет того, как именно содержательно использовались концепты.

В результате исследования установлено, что наиболее явно идеологические представления артикулируются у депутатов КПРФ и ЛДПР, при этом они достаточно устойчивы, т.е. какой-то существенной динамики на протяжении 2003–2021 гг. не прослеживается. Центральный идеологический концепт КПРФ — социализм. ЛДПР, напротив, негативно относится к советскому периоду, к Октябрьской революции и к разговорам о социалистическом будущем. Но хотя ЛДПР критикует социализм, это не значит, что она предлагает «противоположный путь», лево-правое идеологическое измерение для нее вообще не является центральным. «Ядерный» идеологический концепт ЛДПР располагается на другой шкале — «русскость», защита русского народа — и внутри страны, и за рубежом. Вместе с тем, если по поводу социализма КПРФ и ЛДПР кардинально расходятся, в отношении «русского вопроса» принципиальных разногласий нет, поскольку КПРФ также артикулирует особую ценность русского языка, русской культуры, защиты соотечественников за рубежом. Однако для КПРФ «русскость» — не центральный концепт, а скорее смежный. Еще один концепт, по которому КПРФ и ЛДПР на протяжении всех созывов демонстрируют полное согласие, — явно выраженный антиамериканизм или, шире, «антизападничество».

Что касается ЕР, то в «нулевые годы» ее идеологические позиции были довольно аморфными. Ситуация изменилась после выборов Думы 6-го созыва в 2011 г. Риторика депутатов ЕР становится значительно более идеологизированной, все более явно выкристаллизовывается идея «собственного пути», а фундаментальной ценностью становится патриотизм, понимаемый не только как любовь к родине и гордость за великое прошлое, но, первую очередь, как «служение Отечеству», готовность принести в жертву свои личные интересы ради страны. Таким образом, начиная с 2012 г. идеологически ЕР явно сближается с КПРФ и ЛДПР, и этот поворот не остался незамеченным депутатами от КПРФ и ЛДПР, которые неоднократно заявляли о том, что ЕР артикулирует их идеи. Однако нет никаких доказательств, что идеологический поворот Кремля и ЕР в сторону патриотизма стал результатом воздействия со стороны «системной оппозиции». Более правдоподобным выглядит предположение о том, что это была «внутренняя эволюция» Кремля. Тем не менее представляется важным подчеркнуть, что «элитный консенсус» по поводу таких концептов, как «патриотизм», «антизападничество», «свой путь», складывается еще до 2014 г. Иначе говоря, крымские события не «создали» элитное согласие в Думе, а только закрепили то, что уже сложилось.

Фракция СР в силу своего происхождения изначально играла неоднозначную роль. Она одновременно рассматривалась и как партия власти, и в то же время как оппонент партии власти «слева», делая акцент на таком концепте, как «социальная справедливость». В целом фракция СР была весьма «разношерстной» по составу, и только в течение 6-го созыва, когда партия постепенно избавилась от «диссидентов», она стала более «цельной». При этом, несмотря на декларируемую «левизну», интенсификация идеологического компонента в риторике СР произошла не по лево-правой шкале, а скорее по поводу «места России в мире». Иными словами, СР активно примкнула к сложившемуся в Думе «элитному согласию».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что «элитное согласие» в Думе сложилось в 2012–2013 гг. по таким концептам, как патриотизм, антизападничество, «русскость». В то же время оно имеет достаточно явно выраженные границы, поскольку по лево-правой идеологической шкале «элитное согласие» не прослеживается.

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00624 «Будущее России: содержание, смыслы и границы национального согласия».

Парма Р.В.
Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В УСЛОВИЯХ ЭСКАЛАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Актуальность исследования политической солидарности российского общества обусловлена новыми вызовами, стоящими перед государством в период проведения специальной военной операции РФ на Украине и сопровождающимися переустройством глобального политического и экономического порядка в мировой системе. Отличительными характеристиками указанных процессов является решающая роль России, оказывающейся в центре политического противостояния. Данный факт формирует значительные внутривнутриполитические риски, вызванные усиливающимся внешним информационным давлением на российских граждан. При этом происходит кардинальное изменение информационно-коммуникационного пространства, а также повышение активности деструктивных политических сил, общей целью которых является деконсолидация российского общества путем формирования негативных политических и гражданских установок.

Особое значение в этом процессе имеет современное цифровое пространство, позволяющее формировать повестку дня и запускать масштабные механизмы информирования/вовлечения граждан в деструктивные информационные потоки. Несмотря на данные социологических исследований, наглядно демонстрирующие факт консолидации российского общества в период проведения специальной военной операции на Украине. Абсолютное большинство (81%) граждан поддерживает объединение вокруг президента России на фоне конфликта с недружественными государствами. Превалирующее большинство (61%) граждан считают, что СВО на Украине скорее сплотила российское общество. Подавляющее большинство (89%) граждан поддерживают точку зрения о том, что Россия должна жить по своим правилам, не оглядываясь на страны Запада (ВЦИОМ, май 2022 г.).

Между тем активность внешних акторов и представителей контрэлиты возрастает. Последствия экономических проблем из-за политики санкций, обстановка тревожности сказывается на общем социальном самочувствии населения. Процесс политической солидаризации россиян и задача обеспечения общественного согласия являются более комплексными и динамичными явлениями, требующими особого внимания со стороны государства, исследователей, экспертного сообщества, представителей гражданского общества, а также применения новых методик, эффективно работающих с информационно-коммуникационным пространством.

В современных условиях приобретает особое значение создание и обоснование методики определения уровня политической консолидации с применением интеграции статистического анализа и аналитики больших цифровых данных. Кроме того, приобретает особую важность выявление и измерение сетей политической солидарности и политического недовольства в российском сегменте социальных медиа, а также составление когнитивной карты информационных потоков доминирующих типов сетей политической солидарности и политического недовольства. Полученные данные позволяют охарактеризовать социальную базу сетей политической солидарности и политического недовольства, выявив их инфраструктуру в российском сегменте социальных медиа. Особый интерес представляет определение доминирующих типов и стратегий управления сетей политической солидарности и политического недовольства на основании измерения масштаба сетей, силы и характера связей, влияния акторов и лидеров мнений.

Динамика современных общественных процессов и геополитические вызовы требуют применения комплексного подхода к исследованию при учете набора эндогенных и экзогенных факторов.

Пахрутдинов Ш.И.

НИИ по изучению проблем и установлению перспектив
народного образования имени А. Авлони, Ташкент, Узбекистан**ГЕОПОЛИТИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА**

Современный мир изменился едва ли не по всем измерениям: хозяйственно, социально, демографически, духовно-психологически, политически, территориально и административно-управленчески. Изменилось и представление о пространстве. Пространственная форма организации бытия приобретает качественно иную ориентированность. «Нынешнее состояние цивилизации осознается не иначе как «пороговое», как преддверье смены всех форм бытия человека — от экономических и технологических до экзистенциальных и антропологических»¹. Мир далек от приемлемого уровня безопасности и требует к себе большей осматрительности. Земное пространство стало изменяться калейдоскопически, ускоряется процесс большего уплотнения географического пространства², и, похоже, нуждается в некоторой управляемости. Вопреки всему этому человеческое сознание, в особенности тех, кто ответственен за сохранение земно-космического равновесия во Вселенной, продолжает находиться в прежнем состоянии. Осознание человеком мироздания, «глубинных резонансов событий»³, давно заявлявших о себе, явно несоразмерно их вызовам.

В пассионарные периоды особенно «политическое проявляет себя отчетливо в ситуации, когда рушится привычный и рутинный ход жизни. В эти периоды политическая ипостась бытия оказывается пространством зарождения, оформления новой социальной онтологии, тут формируется, говоря словами М. Хайдеггера, «посыл бытия», а политическое становится трансценденцией, делегирующей имманентной социальности право на существование. Именно через обращение к подобным эпохам мы можем уловить глубинную взаимосвязь социального и политического⁴. И резонно ставить вопрос — насколько учитываются сейчас, да и учитывались ли вообще такие трансформации, выводящие мышление к новой социальной онтологии, теми силами, которые реально могут изменить человеческое представление об окружающей нас сфере, пространстве в целом?

Как видим, речь идет о необходимости солидарного взаимодействия политического и социального, опасности разлома между ними. Исторически, со времен Просвещения, преобладающей была идея о том, что каждому пространственному размеру государства соответствует определенная форма правления, и поэтому нельзя безумно и контрпродуктивно переносить форму, не сообразуясь с размерами и не только страны. С позиции же предмета нашего анализа здесь особого внимания заслуживает концепция или понятие «размер страны», пространство. Предполагаем, что великие мыслители и тех времен вложили в это понятие множество отношений и изменений в вещах и явлениях, которые в совокупности определяют структуру пространства во всей его мозаичности и «метаморфичности». Нельзя забывать, что любое конкретное пространство — это прежде всего культурно-историческое поле, ментально очень близкое сердцу обитающего здесь народа. В связи с этим небесполезно приводить к высказыванию современного немецкого политолога, профессора Майнгеймского университета Эгберта Яна. «У пространства есть два различных измерения, — пишет он, — связанных между собой в геополитическом мышлении: а именно геометрическое и географическое. В геометрическом понимании речь идет о конфигурациях пространства (например, продолговатые и округлые формы); внутреннем наполнении пространства и его границах, центре и периферии; возможностях изменения территориального положения, в особенности за счет соседних территорий. При географическом рассмотрении учитываются природные и культурные составляющие, к примеру, горы и воды, пустыни и растительности, незаселенные территории, а также население, земледелие и промышленность, коммуникации и конфигурации власти»⁵.

В рассуждении автора, ментального европейца, можно проследить далеко не свойственные традиционно мыслящим по западному образцу моменты. В частности, профессор Э. Ян указывает на крайне уязвимое место классической западноевропейской геополитической мысли, заключающейся в откровенной политизации пространства, являющегося, как известно, преимущественно областью социальной (социокультурной) сферы. Так, обнаруживается традиционное для западноевропейской парадигмы пространств «место трудному синтезу социального и политического»⁶.

¹ *Тхагансов Х.Г.* Социальное пространство-время: проблема трансформации // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 203.

² *Шмелев Е.* Мир и наше время // Современная Европа. 2005. № 1. С. 150.

³ *Кочетов Э.* Диалог. М., 2011. С. 417.

⁴ От редакции // Полис. Политическое исследования. 2006. № 4. С. 110.

⁵ *Эгберт Ян.* Что такое геополитика? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 92.

⁶ *Леваш И.* Россия в XXI веке: между роком геополитики и императивом глобализации // Россия и современный мир. 2005. № 2. С. 9.

Вместо заключения скажем: кризис в науке в целом и в ее отдельных отраслях явление хотя не частое, но объективное. Геополитизация пространства как проявление ограниченности западной философии указывает на безотлагательность ее пересмотра во благо человечества.

Пашковский Е.А.
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ПОЗИЦИИ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К КОНФЛИКТУ ПОЛЬШИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Исследование посвящено проблеме европеизации польской партийной системы и роли Европейского союза в партийных программах и партийной политике. Целью исследования является выявление особенностей отношения польских партий к Европейскому союзу, а также конфликту Польши и ЕС.

По итогам парламентских выборов 2019 г. в нижней палате парламента Польши сформировалось пять фракций (табл.).

Таблица

Результаты выборов в Сейм Республики Польша, октябрь 2019 г.

Партия	Коалиция	Результат 2019, %	Количество мест в Сейме 2019
Право и Справедливость (<i>PiS</i>)	—	43,5	235
Гражданская платформа (<i>PO</i>)	Гражданская коалиция	27,4	134
Современность (<i>N</i>)			
	Левые	12,5	49
Польская народная партия (<i>PSL</i>)	Польская коалиция	8,5	30
Кукиз'15			
	Конфедерация	6,8	11

Долгое время партийную систему Польши исследователи характеризовали как многопартийную с двумя доминирующими партиями. После 2015 г. в результате партийного кризиса в «Гражданской платформе» оформилась многопартийная система с доминирующей партией¹. Правящая партия — «Право и Справедливость» единолично сформировала правительство, контролирует большинство депутатов в Сейме, а также ее представитель (А. Дуда) переизбран Президентом Польской Республики на второй срок (2020 г.)². Две соперничающие группы (ПиС и ГК) не имеют половины мест в Сенате (из 100 мест 48 мест у «Права и Справедливости», а 41 у «Гражданской коалиции»).

Конфликт, возникший между Европейским союзом и Польшей, имеет многолетнюю историю и связан с приходом к власти «Права и Справедливости». Эта политическая партия, установив контроль над законодательной и исполнительной ветвями власти, стремилась подчинить себе сектор «общественных медиа» (СМИ, получающие финансирование у польского государства), а также контроль над судебной властью (через ротацию судейского корпуса — т.е. замену нелояльных партии судей на юристов—сторонников партии). Также поводом для конфликта с Европейским союзом стало решение Конституционного Суда Республики Польша о приоритете национального права над общеевропейским³.

В ответ руководство ЕС отказалось выделить средства на восстановление экономики Польши после пандемии COVID-19. Также Европейская комиссия инициировала судебные разбирательства, оспаривая польские законы и резолюции органов исполнительной власти.

Если оценивать позиции польских политических партий, то можно выделить две группы — евроскептиков (ПиС, партии, входящие в «Польскую коалицию», а также «Конфедерацию»), а также еврооптимистов (партии, входящие в «Гражданскую коалицию», и «Левые»).

Евроскептики ориентированы на конфликт с Европейским союзом. Причем в качестве следующего приоритета для совместной политической деятельности они выбрали требования к Германии о репарациях за преступления против польского народа в годы Второй мировой войны.

¹ *Jaskiernia J.* The Development of the Polish Party System: a Perspective of the Parliamentary Elections Results // Polish Political Science Yearbook. 2018. (46). P. 227–246.

² *Габарта А.А.* Президентские выборы в Польше в 2020 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4 (16). С. 23–28.

³ Настаивая на своем. Почему начался и чем может закончиться конфликт Польши и ЕС // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12615991?ysclid=183faxp48i740366053> (дата обращения: 14.09.2022).

Еврооптимисты («Гражданская коалиция» и «Левые») выступают за нормализацию взаимоотношений Польши и Европейского союза и скорейшее разрешение конфликта. Но ранее очередных выборов в Сейм и Сенат в октябре 2023 г. изменить ситуацию не удастся.

В качестве основных выводов необходимо отметить, что большинство польских политических партий придерживается евроскептических настроений и ориентировано на конфликт с ЕС. Евроскептики активно проводят свой политический курс. Еврооптимисты находятся в меньшинстве (как с точки зрения поддержки избирателей, так и количественно). Данное соотношение сил сохранится, как минимум, на один год (до очередных выборов).

Пеньков В.Ф.
ТГТУ, Тамбов

ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ

Один из путей снижения уровня политической поляризации в России и ее регионах видится в повышении легитимности политических институтов и процедур. Здесь легитимность нами толкуется как общественное признание статусности и значимости в том числе электоральных процедур. Есть немало охотников наделить избирательную систему и процедуру выборов «презумпцией виновности», когда любое решение по итогам голосования дискредитируется не без помощи фейков.

Начиная с 2018 г. новации общественного наблюдения на выборах различного уровня нацелены на формирование реальной электоральной картины, снижение уровня поляризации суждений об объективности и демократизме как процедуры, так и итогов волеизъявления граждан.

При этом важно обеспечить автономность и профессионализм института общественного наблюдения, реализуемого под эгидой федеральной и региональных общественных палат, вывести общественный электоральный мониторинг из-под влияния административного ресурса и партийно-политической конъюнктуры.

Аналитические материалы ассоциации «Независимый общественный мониторинг» за 2020–2022 гг. показывают, что потенциал гражданского контроля имеет серьезные перспективы в сфере политической деполяризации. Но эффективность зависит от зрелости институтов гражданского общества, квалификации и неангажированности экспертов, от верного ответа на извечный вопрос: «Что важнее: быть или казаться?»

Постановлением ЦИК России от 12 августа 2021 г. № 41/334-8 определен порядок формирования корпуса общественных наблюдателей. Установлено, что Общественная палата РФ и общественные палаты субъектов Федерации могут назначить наблюдателей на выборах в органы госвласти, местного самоуправления. Документом определены правовая процедура, правосубъект назначения наблюдателей.

При этом ЦИК определил перечень ограничений при наделении полномочиями общественного наблюдения. Они касаются граждан, имеющих статус выборного должностного лица, депутата, высшего должностного лица субъекта Федерации, глав местной администрации, лиц, находящихся в непосредственном подчинении этих должностных лиц, а также судей, прокуроров, членов комиссий с правом решающего голоса, за исключением членов комиссий, полномочия которых были приостановлены.

Общественный контроль в электоральной сфере потребовал проведения системного обучения корпуса заблаговременную подготовку активистов. Начиная с 2020 г. в России внедрен «Золотой стандарт» наблюдения, разработанный Общественной палатой России с учетом изменений, внесенных в законодательство. Этот документ явился инструкцией, определяющей цели, задачи, полномочия и обязанности общественных наблюдателей.

В сентябре 2021 г. на выборы депутатов Государственной Думы на избирательные участки различными субъектами права всего было направлено 491 188 наблюдателей, что позволило несколько снизить политическую поляризацию участников выборного процесса при обсуждении результатов голосования по партийным спискам и одномандатным округам.

Вообще развитие эффективных отношений между властными структурами и гражданами нельзя представить без участия институтов гражданского общества и системы общественного контроля. В России и ее регионах завершено создание нормативной правовой базы для реализации этих полномочий, что актуализирует вопросы формирования правоприменительной практики.

Институт общественного наблюдения (в том числе видеонаблюдения) на выборах расширяет формы и технологии контроля. Общественная палата России и региональные палаты направили на выборы депутатов Государственной Думы и выборы другого уровня, проводившиеся в сентябре 2021 г.,

более 100 тыс. обученных наблюдателей, тогда как в 2019 г. за выборами наблюдало 40 тыс. человек, в 2020 г. — 57 тыс. человек. Рост численности наблюдателей отражает готовность институтов гражданского общества к экспертной работе, формирование системы подготовки наблюдателей, а также тенденцию повышения гражданской активности.

Гражданский контроль, как показывает практика, способствует, с одной стороны, открытости политических процедур, с другой — социализации активной части населения и вовлечению НКО в процессы соучастия в сфере публичной политики. Общественные слушания, участие общественных советов в контроле деятельности органов власти и госуправления, муниципалитетов дает свои результаты. Но лишь при условии, если эта деятельность носит реальный, а не имитационный характер.

*Петрова О.В.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль*

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОЕКТОМ «БЕЗОПАСНЫЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ ДОРОГИ» (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

За последнее десятилетие в России набраны значительные темпы социально-экономического и политического развития страны. Комплексное решение экономических, социальных и политических задач направлено на улучшение качества жизни граждан. Задачу повышения качественных характеристик жизни людей ставит Президент России Владимир Путин.

Значимым управленческим механизмом развития являются национальные проекты. Именно они стали базисом построения современного и могущественного государства. В проектах сконцентрированы конкретные целевые показатели, затрагивающие все основные отрасли: здравоохранение, экономику, малое предпринимательство, строительство, экологию, дорожное хозяйство и др.

Масштаб проекта требует постоянного совершенствования их политико-административного управления. Управление часто носит директивный характер, поэтому решения не становятся реальным механизмом социально-экономического развития, равно как и достигнутые результаты не становятся социально значимыми. Кроме практической значимости, изучение политико-административного управления в контексте национальных проектов сохраняет высокую научную актуальность, так как открываются новые концептуальные формы, имеющие в том числе латентные стороны. Кроме того, внимание к проблеме совершенствования политико-административного управления национальными проектами вряд ли можно назвать соответствующей общественной важности, а вопросы управления национальными проектами редко находят отражение в научных трудах.

Проекты имеют единую систему управления и нормативно-правового регулирования, объединяя все уровни власти по вертикали единством конечных целей с помощью применения проектного подхода. Подход позволяет обеспечить транш сквозного планирования, снизить разобщенность уровней власти при организации работы. Закрепление зон персональной ответственности, в том числе на федеральном уровне, способствует более эффективному исполнению национальных проектов. Кроме того, реализация проектов интегрирована в формирование бюджетов на трехлетний период, что позволяет обеспечить целеполагание и максимальную эффективность использования бюджетных средств. В составе национальных проектов реализуются федеральные проекты, их количество определяется целевыми функциями отрасли, в которой сформирован национальный проект.

Интерес к национальным проектам проявляется также в контексте изучения взаимодействия государства и общества. Возможность участия на всех этапах реализации проекта — от планирования до контроля результатов делает проекты максимально открытыми конечному получателю услуг — гражданам. Успешная реализация и достижение конечных целей оказывают влияние на электоральные предпочтения избирателей и придают проектам дополнительную политическую наполненность.

На территории региона реализуются национальные проекты по всем социально значимым отраслям, в том числе с 2017 г. Ярославская область принимает участие в двух федеральных проектах национального проекта «Безопасные качественные дороги».

Организационно-управленческие мероприятия в регионе внедряются через региональный проектный комитет, который возглавляет высшее должностное лицо региона. Куратором проекта является заместитель Председателя Правительства, курирующий вопросы строительства, развития жилищно-коммунального комплекса, энергосбережения, тарифного регулирования и дорожного хозяйства. Ответственный исполнитель — департамент дорожного хозяйства области. Это орган исполнительной власти субъекта, реализующий государственную политику в сфере дорожного хозяйства на территории области.

По сравнению с 2017 г. объем финансирования национального проекта «Безопасные качественные дороги» увеличился более чем в 7 раз (с 1,200 млрд руб. до 8,2 млрд руб.). В 2022 г. на реализацию мероприятий в сфере дорожной деятельности предусмотрены средства в размере 14,5 млрд руб., из которых 4,5 млрд руб. — средства федерального бюджета.

Рис. 1. Объем средств регионального дорожного фонда и объем средств национального проекта «Безопасные качественные дороги» по годам

Увеличение темпов дорожного строительства в 2022 г. обусловлено в том числе проходящими на территории субъекта избирательными кампаниями по выборам высшего должностного лица и представительного органа областного центра. Поскольку на протяжении последних лет тема плохих дорог была доминирующей в региональном общественном сознании, положительные результаты проекта стали важным механизмом в борьбе за электоральный выбор. Снижение социального пессимизма в регионе достигается максимально быстрыми результатами дорожного строительства.

Рис. 2. Объем выполнения в рамках реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги» по годам

В сложившихся условиях ситуативного решения сформированных годами проблем действующая система политико-административного управления проектом в регионе испытывает перегрузки, формируются риски, в том числе по неисполнению поставленных задач. Планомерное наращивание темпов, повышение эффективности механизмов взаимодействия власти и общества, в том числе с помощью использования цифровых технологий в управлении проектом, позволили бы минимизировать угрозу снижения темпов дорожных работ.

Современные вызовы требуют обновления политико-административного управления, формирования эффективной государственной власти, тонко улавливающей потребности граждан. Важное значение как инструмента государства по модернизации социально-политической сферы, задающей импульс на совершенствование институтов государственного управления, имеют национальные проекты.

РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МИЛИТАРИЗАЦИИ ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ

Тема угроз национальной безопасности России на северном направлении внешней политики не нова — риски различного рода представлены в Стратегии национальной безопасности РФ, в Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. В последнее время актуальность данной темы существенно возросла на фоне быстрого процесса вступления ранее нейтральных Финляндии и Швеции в Организацию Североатлантического договора (НАТО).

В рамках решения проблемы обеспечения национальной безопасности представляется актуальным выделить риск увеличения роли Великобритании в формировании системы региональной безопасности, что является неприемлемым для национальных интересов России. Подобные риски ранее анализировались исследователями в отечественной политической науке, однако делалось это с малой долей системности ввиду отсутствия значимых поводов.

Сдвиги в системе мирового порядка и геополитические изменения в Северной Европе актуализировали указанную проблему. После стремительного принятия решения о вступлении Финляндии и Швеции в НАТО между двумя странами и Великобританией были заключены политические соглашения о взаимной защите от внешних угроз (4), (5). В представленных декларациях констатируется, что подписавшие стороны выражают готовность оказать всестороннюю военную поддержку той стороне соглашения, которая подвергнется какому-либо военному нападению. Фактически, данный пункт трактовался средствами массовой информации как гарантия безопасности Финляндии и Швеции со стороны Великобритании на период рассмотрения и одобрения их заявок государствами — членами НАТО. Несмотря на то что подписанные документы не имеют обязательной юридической силы, данный шаг был воспринят экспертным сообществом как претензия Соединенного Королевства на полномасштабное присутствие в регионе.

Проведенный анализ указывает на то, что Великобритания в течение, как минимум, восьми лет разрабатывает планы своей военной экспансии в Северной Европе. В 2014 г. был создан многосторонний формат военного сотрудничества — Joint Expeditionary Force (JEF), возглавляемый Соединенным Королевством. В это военное сообщество входят Нидерланды, Исландия, Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Эстония, Латвия и Литва. Таким образом, путь оборонного сотрудничества открывает для Великобритании дополнительные возможности усиления влияния как в рамках деятельности НАТО, так и вне их. Это подтверждается фактическими действиями вооруженных сил Соединенного Королевства, которые в 2022 г. активно использовали территорию стран Северной Европы и акваторию Балтийского моря для проведения военных учений и общего расширения присутствия (1), (2), (3).

Анализ исследуемой проблемы позволил сделать вывод о необходимости для России взять под особый контроль военную деятельность Великобритании в Северной Европе, которая может нести существенную угрозу для нашего государства по трем основным направлениям — со стороны акватории Балтийского моря, вдоль границы с Финляндией, а также в арктических широтах. Военная активность может проходить как в рамках деятельности НАТО, так и в формате JEF, возглавляемого Великобританией.

Список использованных источников

1. Exercise Vigilant Knife: British troops take part in cold weather training with Swedish and Finnish armed forces // Sky News. URL: <https://news.sky.com/story/exercise-vigilant-knife-british-troops-take-part-in-cold-weather-training-with-swedish-and-finnish-armed-forces-12689532> (accessed: 12.09.2022).
2. Joint Expeditionary Force deploys to the Baltics. 20.05.2022 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-expeditionary-force-deploys-to-the-baltics> (accessed: 06.09.2022).
3. Joint Expeditionary Force increases its presence in Sweden and Finland. 05.07.2022 // Government Office of Sweden. URL: <https://www.government.se/articles/2022/07/joint-expeditionary-force-increases-its-presence-in-sweden-and-finland> (accessed: 14.09.2022).
4. UK Armed Forces continue to strengthen interoperability with Finland and Sweden // UK.GOV. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-armed-forces-continue-to-strengthen-interoperability-with-finland-and-sweden> (accessed: 12.09.2022).
5. United Kingdom — Finland statement. 11.05.2022 // UK.GOV. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/united-kingdom-finland-statement-11-may-2022/united-kingdom-finland-statement> (accessed: 12.09.2022).

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЦИКЛИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ КОРПОРАТИВНОГО GR-МЕНЕДЖМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА)

Вопросы политико-управленческого взаимодействия и управления внешней средой коммерческой организации, которая включает рыночные и нерыночные (*non-market*) компоненты, а именно органы государственной власти, некоммерческие организации, конкурентов, поставщиков и потребителей, получили широкое распространение в научной литературе за последние тридцать лет.

Несмотря на достаточно широкое научно-практическое освещение сферы GR и появление специализированных курсов, учебников и монографий, посвященных изучению общих принципов, технологий и методов GR, наблюдается очевидная нехватка работ, раскрывающих аналитическую компоненту GR-деятельности¹.

GR-анализ можно определить как область прикладной политологии и новый вид частного (делового и неправительственного) анализа политики (*private politics analysis*), основанного на интегрированном междисциплинарном многометодном подходе и направленного на обеспечение аналитической доказательной базы для адекватной и актуальной формулировки и реализации стратегии и тактики в GR-деятельности.

Значение обозначенных в исследовании проблемных моментов обуславливается и тем, что для GR-деятельности критически важным является знание специфики и принципов функционирования политической среды и механизмов работы органов государственной власти, отвечающих за принятие публичных решений².

Другая группа теоретико-академических и практико-прикладных предпосылок, актуализирующих тему доклада, связана со структурированием самого процесса проведения GR-анализа, как на уровне общекорпоративной политической стратегии компании, завязанной на внутренний производственный цикл, так и на уровне тактической стратегии лоббистской кампании, опирающейся уже на цикл принятия политико-управленческих решений в органах государственной власти.

Существует еще один важный аспект в актуализации заявленной темы. Ввиду своей прикладной направленности GR не может развиваться в отрыве от практики и специфики отраслевого лоббизма. В докладе автор намерен определить особенности ведения GR-деятельности в фармацевтической отрасли.

Фармацевтическая отрасль является одной из самых высокорегулируемых отраслей промышленности, повышенное внимание к которой объясняется не только социально значимым характером производимой продукции, но и вопросами обеспечения национальной безопасности. Не менее важным аспектом, обусловившим выбор фармацевтической отрасли, является тот факт, что фармацевтический бизнес является наиболее репрезентативным с точки зрения применения функционально-циклических моделей, поскольку предполагает наличие полного производственного цикла лекарственных препаратов.

Таким образом, установление долгосрочных и эффективных отношений между компаниями фармотрасли и государством является социальной и экономически важной задачей, что обуславливает необходимость изучения специфических характеристик осуществления GR-анализа в данной сфере.

¹ Fleisher Craig. Analysis and analytical tools for managing corporate public affairs // Journal of Public Affairs. 2002. No. 2. P. 167–172.

² Дегтярев А.А., Бондарев М.Д., Тетерюк А.С. Учет взаимосвязи циклической динамики «внешней» и «внутренней» среды работы бизнес-организаций в современном GR-менеджменте // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1 (58). С. 66.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И MEMORY STUDIES: ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Стремительное развитие информационных технологий обусловило научный интерес к поиску путей взаимной интеграции в гуманитарное знание с целью проведения качественно новых исследований. Данный тренд на междисциплинарность отражает формирование нового научного направления на базе метода аналогий — социальное программирование (*Social Software*) как результат синтеза математики, логики и социальных наук. В 1995 г. американский исследователь Рохит Парик представил доклад, в котором допустил возможность использования программирования в решении социальных задач: человек подобно компьютерной программе подчиняется набору (социальных) правил, он предсказуем, в случае нарушения правил — изоляция, программа прерывает операцию и выдает ошибку. Цель социального программирования — итог воздействия: достижение определенного состояния общества посредством выработки наиболее подходящего для объекта воздействия алгоритма социальных процессов или формирования социальных технологий. Проще говоря, социальное программирование подразумевает эффективное управление людьми.

Социальное программирование предполагает достижение как положительных, так и негативных результатов воздействия, в политической плоскости для этого используются политические технологии — это и продвижение или очернение кандидата на выборах, и приуменьшение важности событий, и смещение внимания, и распространение слухов. Политика по своей сути и есть средство социального программирования: есть объект воздействия — общество, исходя из которого государством подбираются эффективные (политические) методы для достижения и легитимации власти. Однако для того чтобы компьютерная программа выполнялась, ей необходим доступ к ОЗУ — операционной памяти. Так же и государству для функционирования и поддержания лояльности общества необходима коллективная память. М. Хальбвакс определял коллективную память как историческую память группы, она не только фиксирует образы прошлого, но и занимается воссозданием и реконструкцией исторических событий. Коллективная память носит символический характер, за счет закрепления в виде материальных знаков и периодичности повторений обеспечивается коммеморация для последующих поколений, а также формирование коллективной идентичности. Коллективная память ненадежна, избирательна, поскольку сосредоточение внимания на одних воспоминаниях приводит к забвению других. Очень часто коллективная память синонимично используется с понятием исторической памяти, однако М. Хальбвакс отмечает широту понятия первой в соотношении с исторической памятью.

Историческая память представляет собой совокупность знаний о событиях прошлого, которые транслируются внутри социальной группы, и инструментов для сохранения и передачи исторических знаний. В качестве последних выступают символические конструкции: исторические реконструкции, исторические источники, памятники и др., — инструменты символической политики. Когда социально-политические процессы требуют изменения восприятия событий прошлого, актуализируется политика памяти — частный случай символической политики. Она находит свое отражение в различных коммеморативных практиках, к примеру, переименование улиц; установление и снесение памятников и мемориальных досок; ежегодная организация праздников, приуроченных к памятным датам: создание фильмов военно-патриотической направленности и др. Эти практики направлены на символическую репрезентацию прошлого; конструирование новых значений исторических событий; сохранение прошлого в настоящем, давая социуму ориентацию для будущего.

В настоящее время вектор социального программирования в исторической плоскости направлен на актуализацию патриотических настроений, поддержание образа России—победительницы во Второй мировой войне и освободительницы от фашизма посредством доминирующего использования технологий СМИ и инструментов политики памяти. Об успехе деятельности социальных программистов свидетельствуют оценки доверия к президенту и уровень одобрения его действий.

Пинкевич А.Г., Артемов Г.П.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ВОСПРИЯТИЕ РИСКОВ И АДАПТАЦИЯ К НИМ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РАДИКАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Жизнь человека всегда связана с определенными рисками, но на современном этапе развития общества происходящие изменения вносят все больше неопределенности. Это приводит к тому, что люди ощущают угрозу, но имеют недостаточно информации для того, чтобы охарактеризовать ее более конкретно, понять уровень опасности для себя, окружающих, общества в целом. Обладание большими объемами информации по конкретным рискам позволяет определенному индивиду или социальным субъектам оценить вероятность угроз, исходящих от риска. В этом плане риски, которые присутствуют в жизни людей уже некоторое время, воспринимаются не так остро, как только что возникшие, потому что человек уже успел сформировать свое отношение к ним, определить угрозы, которые от них исходят, выработать стратегии взаимодействия с данными рисками и определенным образом к ним адаптироваться.

Отношение к рискам определяется различными факторами. *В мае 2021 г. нами было проведено исследование, являющееся частью проекта, реализуемого в рамках гранта РНФ, посвященного изучению рисков.* Исследование проводилось методом фокус-групп. Данный метод был выбран исследовательским коллективом для получения глубинной информации в области восприятия определенных рисков и угроз, формирования способов адаптации к данным рискам. *Непосредственно полевая часть была реализована в мае 2021 г. в Санкт-Петербурге.* Всего было проведено 10 фокус-групп, с общим числом участников 62 человека. Анализ данных, полученных по результатам фокус-групп, показал, что на актуальность восприятия рисков влияют социально-демографические характеристики участников, прежде всего возраст и доходы. Также острота восприятия риска связана с уровнем информированности об угрозах и способах преодоления рисков, связанных с ними, с тем, сталкивался ли человек или его близкие с данной угрозой. Помимо этого, риски воспринимаются острее людьми, которые несут ответственность за кого-то помимо себя, например детей, пожилых родственников и т.п. Безусловно, на восприятие рисков влияет и долгосрочность их последствий, потому что риски, чьи последствия могут проявиться в ближайшей перспективе, оцениваются зачастую как более актуальные, нежели те, последствия которых отсрочены во времени. Классический пример такой угрозы — экологическая проблема. Риски, связанные с этой угрозой, обладают более высокой актуальностью для тех, у кого есть активная гражданская позиция, достаточный уровень экологической культуры.

Адаптация к риску — это сложный процесс, «суть которого состоит в принятии того способа взаимодействия с риском, который соответствует определенной цели субъекта» (Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А.В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 48). Способность адаптации связана не только с субъектом, но и обществом, в котором он существует. В этой связи Г. Хофстеде вводит термин «избегание неопределенности». Он пишет о том, что неопределенность способна порождать серьезную тревогу, и человечество разрабатывает способы, чтобы справиться с ней. Способность адаптации к неопределенности отличается от общества к обществу и связана с культурным наследием общества. Таким образом, культура как бы программирует членов общества испытывать или не испытывать дискомфорт в случае с неизвестной ситуацией, чем-то новым и неожиданным. П. Штомпка пишет о том, что для снижения неопределенности важна культура доверия, которая связана с более оптимистичными и спокойными действиями потребителя риска. Культура доверия подвергается влиянию объективных и субъективных факторов. В ситуации радикальных изменений процессы адаптации к рискам безусловно нарушаются и замедляются.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115, <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>.

Пищева Т.Н.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАН В РАЗНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последние годы турбулентность и кризис стали естественным фоном, на котором происходит политическая и общественная жизнь российского общества. Очень важно понять, как российские граждане переживают происходящие в мире и в обществе процессы, как меняется психоло-

гическое состояние людей под влиянием текущих событий. В данном докладе мы сфокусировали внимание на том, какое психологическое состояние характерно для граждан разных профессиональных сфер. Исследование базируется на данных, полученных в ходе изучения психологического состояния общества, которое проводилось на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в 2021–2022 гг. В ходе исследования были проведены три серии глубинных интервью с применением проективных методик. Первый замер — апрель 2021 г. (72 респондента), второй замер — ноябрь 2021 г. (400 респондентов), третий замер — май 2022 г. (70 респондентов).

В равных пропорциях были представлены мужчины и женщины в трех возрастных группах 18–30 лет, 31–50 лет и старше 51 года. Самому младшему респонденту было 19 лет, самому старшему — 81 год.

В исследовании приняли участие представители разных сфер деятельности от учащихся вузов до руководителей. Самыми крупными группами в исследовании были группы рабочих (21,3%), специалисты в непромышленной сфере — 17% и специалисты инженерно-технической сферы — 9,6, пенсионеры — 14,4 и учащиеся — 12,2%. Кроме того, в исследовании приняли участие представители управленческого звена — 8,5% и предприниматели — 5,9%. 8,5% на момент исследования не работали.

В ходе исследования нас интересовали эмоциональное состояние и настроения, социально-политические ожидания и потребности, представления о российской власти и доверие в социально-политической сфере, а также образы политических институтов и лидеров.

Для анализа эмоционального состояния респондентов мы выявляли три типа чувств и настроений: общее субъективное, по отношению к власти, по отношению к пандемии (уровень тревожности), наличие положительных факторов. Кроме того, для анализа уровня социального самочувствия на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ был разработан специальный проективный тест. Респондентов просили отметить на рисунке термометра температуру российского общества, а также объяснить, что, на их взгляд, может привести к повышению или понижению температуры общества.

Для изучения представлений о власти и уровня доверия к ней измерялись интерес к политике, доверие к власти в целом, отдельным личностям, оценка достоинств и недостатков власти, представления о демократии в России, представления об оппозиции, субъективная оценка динамики. Также исследовались представления о желаемой (идеальной) власти и предрасположенность к определенным видам политической активности, в том числе протестному поведению. В ходе исследования представлений о власти и уровня доверия к ней наряду с специальными вопросами интервью применялась методика неоконченных предложений.

Плашенко Д.Д.
РГСУ, Москва

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО БОРЬБЕ С ФЕЙКОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сегодня становится популярной фраза «Мир изменился и не будет прежним». События 24 февраля показали, что мир стремится не к однополярности, а к многополярности. Вопросы, касающиеся национальной, государственной безопасности, не могут игнорироваться. В противном случае нас может ожидать статус колониального, не суверенного государства, действующего вопреки собственным интересам.

Начало специальной военной операции (далее — СВО) России по демилитаризации и денацификации Украины изменило не только отношения между Россией, рядом европейских стран и США, но и в целом запустило процесс по переходу глобального влияния на мир. Теперь влияние переходит из Северо-Атлантического региона в Средне-Азиатский. Формируются новые центры концентрации управления, среди которых выделяются Иран, Китай, Индия, Россия.

Именно проведение СВО и изменение расстановки политических сил в мире заставляют западные страны и существующие псевдогосударственные формирования на Украине запускать политику и практику фейков, которые призваны очернять действия России для спасения своего политического управления.

Термин «фейк» пришел к нам из английского языка и в переводе означает обман. То есть это осознанная фальсификация определенного объекта или же информации о нем. Само же понятие является многозначным. Говоря о фейке, можно понимать его в смысле поддельной продукции, ложной фотографии, поддельной информации, неподтвержденной личности.

Фейки в сфере информационных новостей служат специальным инструментом для постройки ложной картины мира. Цель организаторов по разработке ложных новостей заключается в сохранении

власти и влияния в области СМИ, а также привлечении на свою сторону большего количества людей. Последние выступают в качестве средства достижения поставленных целей организаторами.

Фейковые новости несут в себе ложную информацию, ориентированную в основном на сенсационный контекст. Распространяемая ложь способна ввести в заблуждение сознание граждан и общества. Причем работа с сознанием проводится на суггестивном уровне. Упор производится на эмоции, чтобы быстрее вызвать недовольство, злость, панику среди людей. Однажды фашист Й. Геббельс сказал: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее толпа верит в нее». Именно принцип чудовищной лжи лежит в основе строительства современных фейков.

Фейки обостряют вопрос политической турбулентности. С помощью лжеинформации, внедряемой в общественное пространство, стало возможно без применения военной силы или прямого вторжения одной страны в другую изменить политическую систему общества или же вовсе уничтожить государство. В цифровую эпоху стало легче манипулировать человеческим сознанием.

Хотелось бы привести один пример, где показана деятельность западных СМИ по вбросу различной фейковой информации, призванной дискредитировать российскую историю.

Один миф, блуждающий в информационной среде, касается сравнения режимов СССР и фашистской Германии — Сталина и Гитлера. Проводится параллель, демонстрирующая схожесть режимов политических лидеров. Первое — и в СССР и в Германии тоталитарный режим. Второе — и там и там проводились репрессии, формировались пятилетние планы, существовал жесткий политический, недемократический режим. И даже внешне Гитлер и Сталин похожи (усы). А теперь давайте дадим оценку этим суждениям.

Во-первых, в Советском Союзе существовала социалистическая, т.е. антикапиталистическая, система и коммунистическая идеология (построение равного, справедливого общества). Гитлеровская Германия не противостояла капиталистической системе, не ставила цель ее ликвидации, а также придерживалась национал-социалистической идеологии, основанной на расовом превосходстве немецкого народа над остальными. *Во-вторых*, СССР не ставил задачи физического истребления народов, когда как в планах фашистской Германии стояли задачи физического истребления русских и евреев. *В-третьих*, Советский Союз вел борьбу за сохранение своего народа, а также освобождение поработанных Германией европейских народов, ставших жертвами фашистского режима.

То есть СССР представлял собой антикапиталистическую систему, когда как Германия придерживалась сохранения капитализма, олицетворяла капитализм. Уже на основе этого глупо отождествлять СССР и Германию — совершенно противоположные общественные системы.

Сегодня политика и практика фейков, применяемая большинством западных стран, только усилилась в связи с проведением СВО. В связи с этим хотелось бы отметить необходимость противостояния дезинформации со стороны России. Ведется активная деятельность в социальных сетях. Создаются официальные *Telegram*-каналы органов власти и политических деятелей, где обсуждается текущая политическая реальность. Разрабатываются специализированные сайты, специально обрабатывающие фейковую информацию (например, сайт «Объясняем.рф»).

Плотников Д.С.
ПГНИУ, Пермь

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Украина неизменно находится в российском информационном поле в том или ином контексте. В последние годы чрезвычайно популярны стали исторические коннотации: Россия есть прямое продолжение Древней Руси, разобщение территорий которой надо оценивать как историческую несправедливость; по мере укрепления России несправедливость должна быть устранена. Украина воспринимается как некий значимый Другой как в плане самоидентификации, политики идентичности, так и в целом понимания того, что происходит в современной России. Череды кризисов в Украине, коррупционные скандалы, антироссийская риторика и политика украинских политических лидеров сформировали двойственность восприятия страны в российском сознании. Социологические замеры свидетельствуют, что в сознании граждан России происходит «своеобразное раздвоение на позитивно воспринимаемую Украину—страну с братским народом и Украину—государство с властью, которую оценивают негативно» (Селезнева А.В., Смолькина Н.В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан // Русин. 2018. № 54. С. 352).

Государственная политика идентичности, проводимая в современной России, делает акцент на идею триединого народа. Эта идея имеет глубокие исторические корни, в частности, она была использована Александром III, историческим деятелем, который импонирует В.В. Путину: неслучайно

Президент РФ в 2017 и 2021 гг. открывал монументы в честь царя, считая их открытие символом восстановления преемственности времен и поколений. Идея «триединого русского народа» близка В. Путину, считающему русских, украинцев и белорусов одним народом (выступление В. Путина 12.04.2022 на космодроме «Восточный»).

События 2004 г., известные как «оранжевая революция», обозначили ценностный разрыв между правящими политическими элитами двух стран. Европейские устремления Украины сочетались с нежеланием вступления в Евразийский союз, что означало разрыв не только хозяйственных связей, но и рост ценностных противоречий. Это относится и к восприятию «оранжевой революции», которое в Украине оценивается как победа общества над «злочинной властью» (преступной властью), а в российском политическом дискурсе — как результат давления Запада и применения технологий импорта политических трансформаций и вмешательства во внутривнутриполитические процессы в Украине. Принципиально противоположной стала и оценка советского опыта, от которого украинские власти стремились «откреститься», проводя политику декоммунизации. В российском же обществе распространение получила ностальгия по советскому прошлому, воспринимаемому позитивно в социально-экономическом плане в сравнении с «лихими 90-ми» и в геополитическом плане в контексте американского экспансионизма.

В основу политики идентичности Украины были положены три ключевые идеи: «российское государство — это враг украинской независимости; русское население на Украине — препятствие на пути становления независимого украинского государства; независимость украинского государства может быть гарантирована только благодаря тесному сотрудничеству с европейскими странами, которые помогут ей в отстаивании своей независимости в противостоянии с “азиатской” Россией, так как Украина является европейской страной, частью Европы» (*Шмелев Б.А. Причины конфронтации между Россией и Украиной // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (1). С. 33–53.*)

В основе современной российской политики идентичности лежит восприятие России как глобальной державы, естественного центра притяжения постсоветского пространства и заступницы всего русского. В противовес украинской идентификационной парадигме в Обращении В. Путина от 21.02.22 было четко определено, что в Украине живут «наши люди», которых Россия должна защищать невзирая на границы, воспринимаемые как несправедливые. Украинский проект с ориентацией на Запад — на вступление в ЕС и, в особенности, в НАТО воспринимается российскими властями (и в немалой степени — обществом) как бросающий вызов российской цивилизационной миссии, суть которой сейчас понимается как некая ментальная альтернатива «Западу», осью которого является «государствообразующий» русский народ, сплачивающий вокруг себя огромные пространства Евразии. Разрешение сложившихся на постсоветском пространстве противоречий лежит, таким образом, и в плоскости идентичности, смещения ценностных парадигм, касающихся проектов будущей России и ее места в международной системе.

Исследование проведено в рамках гранта ЭИСИ «Украина как детерминанта российской идентичности» (рук. Фадеева Л.А.).

Подобуева В.А.
РУДН, Москва

ПОЛИТИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Актуальность исследования заключается в том, что роль городов, особенно мегаполисов, на глобальном уровне с течением времени возрастает. Города становятся самостоятельными политическими единицами, заставляя национальные правительства считаться с интересами местных сообществ. Но каким именно образом города становятся политическими центрами, а городские пространства начинают ассоциироваться с конкретными политическими действиями или отношениями? Как и по каким причинам физическое и социальное пространство трансформирует свою функциональную принадлежность?

Исследование процесса политизации городских пространств опирается на теории и концепции таких классиков, как П. Бурдьё, А. Лефевр. Они разрабатывали категорию «пространства», которая принципиально важна для городских исследований. П. Бурдьё вывел наиболее универалистскую теорию пространства. Значимыми для настоящей работы являются его тезисы о соотношении между пространством социальным и физическим. Физическое пространство социально структурировано и имеет границы; социальное пространство, в свою очередь, стремится воплотиться в физическом.

А. Лефевр создал учение о производстве пространства, в котором говорил о том, что пространственная практика любого общества порождает свое пространство, а также о связи повседневной ре-

альности и реальности городской. Одним из ключевых понятий, которое определяет проблематику настоящей работы, является «пространства репрезентации», которые, по мнению Лефевра, проникнуты воображаемым и символикой и уходят корнями в историю.

По нашим наблюдениям, процесс политизации городских пространств включает в себя множество аспектов. Согласно теории А. Лефевра этот процесс можно рассматривать как придание политического смысла конкретному физическому, архитектурному пространству.

Помимо вышеперечисленных теорий, в работе затрагивается концепция «права на город», также разработанная А. Лефевром, поскольку имеет непосредственное отношение к производству политического пространства. Право на город можно считать политическим в смысле того, что оно подразумевает право на преобразование городской среды. Эта теоретическая концепция стала мобиливающим основанием для многих городских социальных движений по всему миру. Системное вытеснение и отчуждение от пространств повседневной жизни служат катализатором для утверждения городскими жителями своей власти создавать пространство иногда радикальными, а иногда и обыденными способами. Здесь «право на город» выражается в системных терминах и понимается как борьба граждан за присвоение средств производства городского пространства.

Существует множество прикладных исследований, которые демонстрируют, что трансформация политического режима, системы, идеологии или даже определенные политические события могут изменить репрезентацию и перцепцию пространства.

На наш взгляд, политизацию городских пространств необходимо рассматривать как комплекс социальных практик, направленных на присвоение пространства определенными социальными группами или институтами. Например, как одну из таких практик, помимо очевидных протестных движений, можно назвать ритуализацию и коммеморацию определенных городских мест. Эти процессы производят пространства, основанные не просто на политике памяти конкретного города или государства, но на идеологических и режимных характеристиках времени и пространства, в котором мы находимся.

Подшибякина Т.А.
ЮФУ, Ростов-на-Дону

ГОРОДСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепция городского политического режима почти три десятка лет служила вполне надежным инструментом исследования городской политики и системы взаимоотношений между властью и гражданским обществом в первую очередь для Америки, в модифицированном виде применялась и в других странах. Кларенс Стоун, ее автор, в своем основополагающем труде «Режимная политика: правление Атлантой, 1946–1988» (1989) определил городские режимы как «неформальные механизмы, посредством которых государственные органы и частные интересы функционируют вместе, чтобы иметь возможность принимать и выполнять управленческие решения». В России, по данным результатов исследований городских режимов (В. Ледаев, А. Чирикова), сложилось мнение, что лишь некоторые города обладают критериями, соответствующими классической трактовке Стоуна. И все же можно констатировать, что данный подход к исследованию городских режимов применим и к российскому случаю.

Кларенс Стоун, переосмысливая концепцию применительно к новым реалиям политического развития в работе «Размышления о политике режима: от правящей коалиции к городскому политическому порядку» (2014), предложил ее переформулировать в более всеобъемлющую концепцию многоуровневого политического порядка. В другой своей известной работе, «Тенденции изучения городской политики: парадигмальный взгляд» (2016), он отмечает поворотный или даже кризисный момент, который требует установить новые парадигмальные рамки изменений в городском исследовании, дать объяснения кардинальным сдвигам и выявить риски радикальной критической переоценки. Можно утверждать, что одной из главных причин, обусловивших кризис объяснительной функции концепции, стало накопление качественных изменений в процессе развития политической системы и городских режимах как ее элементах. Рядом авторов уже давно предпринимались попытки создать периодизацию городских режимов с учетом фактора политических изменений и согласовать концепцию городского политического режима с концепцией американского политического развития (Р. Дилворт).

Концепция политического порядка, по мнению К. Стоуна, позволяет учитывать влияние контекстуальных изменений на формирование механизмов управления городом. К таковым можно отнести фактор геополитической нестабильности. В настоящее время на фоне глобальных изменений,

вызванных противостоянием России и коллективного Запада в ходе украинского конфликта, фактор нестабильности в политической, экономической, культурной сферах приобретает глобальный характер. Риску разрушения из-за несогласованности действий подвергается сам механизм принятия решений в городских режимах, основанный на балансе интересов частных стейкхолдеров и правительств. Санкционная политика против России, направленная на ее экономическое ослабление как поставщика ресурсов, наносит ощутимый ущерб интересам экономических субъектов стран, объявивших санкции.

Такого уровня трансформации неизбежно повлекут за собой изменение институционального дизайна всего комплекса взаимодействий административных органов и объединений частного капитала, а также организаций гражданского общества. Проявляется новая тенденция к усилению государственного влияния в системе нового политического порядка в ущерб экономических интересов экономических субъектов.

Работа выполнена в рамках проекта ЮФУ «Цифровой атлас политических и социально-экономических угроз и рисков развития Южнороссийского приграничья: национальный и региональный контекст («Цифровой Юг») № СП-14-22-06».

Поливаева Н.П.
ВИЭСУ, Воронеж

ЧЕГО ХОТЯТ РОССИЯНЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ? (НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ)

Турбулентность в действительности означает крайнюю нестабильность мировой экономической и политической системы, когда ее слом становится максимально вероятным. Сейчас США и их союзники по НАТО систематически испытывают РФ на прочность по всему периметру российских границ. Мы, по сути, находимся в ситуации «балансирования на грани войны». Россия переживает жесточайший кризис общемирового масштаба. И россияне, в большинстве своем, понимают, что страна перешла в активную фазу борьбы за национальный суверенитет, утерянный в результате проигрыша СССР в холодной войне.

Россияне уже давно живут в условиях перманентных общественно-политических катаклизмов, кризисов, потрясений. Последние же три года стабильность, можно сказать, превратилась в мечту номер один. Но при этом создается ощущение, что турбулентные процессы закалили россиян. Ряд социологических исследований свидетельствует, что, несмотря, например, на высокий уровень беспокойства и тревожности по поводу коронавируса, в конце 2021 г. россияне в целом, сохраняли оптимистическое настроение. Но у людей растет тревожность из-за санкций. По некоторым данным, 57% россиян не переживают из-за них, но количество «оптимистов» вместе с тем уменьшается. Так, социологи «Левада-центра» утверждают: большинство респондентов (79%) уверены, что санкции не окажут негативного влияния на развитие России, а 55% и вовсе считают, что они пойдут стране на пользу. Лишь 16% ожидают от них существенного урона для РФ (Левада-Центр. От мнений к пониманию. Санкции Запада. URL: <http://www.levada.ru/2022/09/07/sanktii-zarada-2> (дата обращения: 09.09.2022).

ВЦИОМ сообщает: более 90% граждан России считают себя патриотами. — Более половины россиян на безвозмездной основе помогают незнакомым людям. — Более трети россиян не откладывают деньги и тратят все на текущие нужды. — Россиян стали меньше интересоваться курсами валют. — Специальную военную операцию (СВО) поддерживает большинство россиян. — Больше половины россиян пережили в 2022 г. стресс. — 55% россиян считают, что государство должно сократить разницу в доходах граждан.

Чертам российского менталитета не свойственны пассивность и фатализм, россияне не могут долго унывать, хотя пандемия, снижение уровня жизни породили широкую апатию в разных слоях населения. В последнее время, по имеющимся данным, среди россиян растет значимость традиционных ценностей (в среднем на 13% за последние пять лет). На этом основании социологи делают, вероятно, правомерный вывод: люди скорее адаптируются, чем меняются. Вместе с тем в стране обилие «неопределенностей» и «разломов». Эксперты отмечают наличие множества социально-психологических, политико-культурологических кливажей, основными из которых являются следующие: 1) отношение к советскому периоду истории; 2) религия и ее роль; 3) соотношение культурного и политического консерватизма; 4) умеренность и радикализм.

Условно массовые настроения россиян представлены двумя «лагерями». В одном группируются те, кто считает, что пандемия, демографическая «яма», СВО, отсутствие реальной объединительной

(мобилизационной) идеи, коррупция власти, слияние силовых структур с собственностью ведут к деградации страны («пессимисты»). В другом — те, кто способны увидеть в кризисе новые возможности и тренды («оптимисты»). В условиях проводимой СВО социологи также проклассифицировали россиян на «милитаристов» и «пацифистов».

Доминантами массового политического сознания сегодня выступают патриотизм, державность, успешное и скорейшее завершение задач СВО, защита национального суверенитета, сильная государственная власть. В российском политическом сознании такие ценности, как коллективизм, справедливость, духовность, терпеливость, воспринимаются в качестве основных проявлений духовной самобытности России, как ее главное достояние. В них видится преимущество России перед другими странами, прежде всего западными.

Современные российские общественно-политические процессы подтверждают известные социологические корреляции: рост социально-экономической напряженности (инфляция, рост цен, безработицы и т.п.), высокий уровень избыточного социального неравенства, наслаивающиеся на беспрецедентные внешние угрозы и проведение СВО, расширяют и углубляют консервативно-авторитарные представления в системе политического сознания массовых групп населения. Консервативные структуры «субъективного фактора» политики выполняют важнейшие охранительные, мобилизующие и организационные функции, направленные на самосохранение общества, защиту своей самобытности.

Состояние массового сознания россиян в контексте политической турбулентности также демонстрирует резкое возрастание его ценностного измерения и амбивалентности. Последняя обусловлена сегодня острой необходимостью поиска «компромисса» между национальной «парадигмой» и цивилизационной спецификой, с одной стороны, и объективными требованиями экономики и глобальными политическими реалиями — с другой.

*Поликарпов Д.С.
СПбГУ, Санкт-Петербург*

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Политическая аналитическая философия не всегда признается отдельным понятием как «политического поля», так и аналитической традиции в целом. Долгое время считалось, что этико-политические суждения не волнуют философов аналитической традиции (в США, Великобритании и др.). Тем не менее ряд исследователей признают существование определенной сферы — политической аналитической философии. В российской научной и философской среде тема аналитической политической философии не получила широкого интереса исследователей, что отражается в малом количестве научных работ, посвященных данной тематике. Если они и присутствуют, то носят комментаторский характер, оригинальные «самобытные» работы ввиду узости проблематики, по-видимому, в научном дискурсе отсутствуют.

В разряд аналитических философов включают Дж. Ролза, Р. Нозика, Ю. Хабермаса и др. Предтечей считают Дж. Бенгтама и некоторых других британских и американских философов. Включение данных авторов в поле аналитической политической философии, однако, не столь однозначно. Во многом это обуславливается географическим положением (скорее формальный критерий) и философскими основаниями исследователей (теоретическими, методологическими и т.д.). Учитывая сложность агрегации философских походов и взглядов в определенные «сферы», попытки обращения к предтечам аналитической политической философии подвергаются критике, т.е. происходит ретроспективная привязка значимого философа к аналитической традиции в плоскости политического.

Принадлежность к аналитической политической философии может определяться через методологические основания исследователей (философия языка, теория речевых актов Дж. Остина и др.) или в связи с принадлежностью к определенной традиции. Философы аналитической области так или иначе используют ценностно нагруженные этико-политические суждения. К примеру, теория Р. Нозика предлагает утопичный вариант организации социально-политических систем, к которым, несмотря на трудность их организации, призывает стремиться американский философ. Практической реализации его проекта, впрочем, как и проекта справедливого общества Дж. Ролза (включающего в себя «завесу неведения» и др.), в реальности не произошло. Модель этики дискурса Ю. Хабермаса, которая в реальности потенциально реализуема в политическом поле, так и осталась по прошествии лет скорее идеалом, чем реальностью.

Учитывая разные подходы исследователей и силу инерции (игнорирование этико-политических вопросов), на данный момент следует говорить о чрезвычайной расплывчатости обобщения ряда авторов в отнесении их к аналитической политической философии. Вклад отечественных исследований в эту сферу малозначителен. Причиной этого, возможно, является доминирование определенных дис-

курсов в советский период, которые в своей основе критиковали западные философские направления. Спустя три десятилетия в отечественном поле не сформировалось целостное аналитическое политическое направление. Однако интерес к данной проблематике присутствует. С другой стороны, само разделение на аналитическую и континентальную традицию (в том числе в отечественной плоскости) рядом авторов признается не столь однозначным.

Полякова Н.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ИДЕИ «БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ» В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В последнее время идея «больших вызовов» получила повсеместно самое широкое распространение. Она активно присутствует в материалах печатных и электронных средств массовой информации, а также в политико-управленческом дискурсе, где активно используется для фиксации особо значимых социальных проблем, требующих быстрой адекватной реакции со стороны государства в интересах его устойчивого развития и национальной безопасности.

Это поставило много вопросов перед научным сообществом с точки зрения оценки возрастающей роли и значения этой идеи в современных условиях и потребовало концептуального ее оформления в научно-исследовательском плане. Так, отечественные лингвисты зафиксировали появление нового концепта «большие вызовы» путем переноса его английской версии «*big challenges*» в среду носителей русского языка, где он теряет свое «личностное» смысловое значение и приобретает общественно значимый характер, фиксируя глобальный характер проблемы, ее новизну и высокую актуальность, в первую очередь для общества. На современном этапе именно социально-экономический и политический контекст употребления этого концепта становится преобладающим в российском дискурсе, хотя развивается и первоначальная версия его употребления, тесно связанная с таким направлением, как инновационная политика.

Анализируя процесс оформления концепции «больших вызовов» в социогуманитарном дискурсе, исследователи, с одной стороны, отмечают важную преемственность более ранних идей и устоявшихся практик, а с другой — видят в этой концепции новое сочетание идей, принципов, функциональных аспектов, в рамках которого особый акцент приходится на решение крупномасштабных глобальных социальных проблем. Более того, в этой концепции стали усматривать даже своеобразную новую парадигму современной политики, т.е. некоторую «систему идей и стандартов, которая определяет не только цели политики и виды инструментов, которые могут быть использованы для их достижения, но и саму природу проблем, которые они призваны решать»¹. При этом специфика нового дискурса, сложившегося вокруг идеи «больших вызовов», выражается в переносе в систему политики из логики спорта элементов конкурентной соревновательности, что ведет к самомотивации и самооптимизации участников данных процессов в самых разных контекстах.

За относительно короткий промежуток времени данная концепция утвердилась в широком спектре институциональных контекстов по всему миру, а ссылка на «большие вызовы» стала самоочевидной как для ученых, так и для политиков, в том числе и в международном масштабе. В современной России идея «больших вызовов» также оказалась актуализированной в самых разных сферах. В настоящее время эта идея активно используется в политическом дискурсе, в первую очередь в области национальной безопасности и глобальной политики, где трансформируется в концепт «политические вызовы» или «глобальные политические вызовы». Достаточно широко прорабатывается эта идея и в социально-экономическом контексте, где парадигма «больших вызовов» рассматривается как мощный регулятор современного экономического развития. Но наиболее значимым образом концептуализация идеи «больших вызовов» и ее адаптация к российскому контексту была осуществлена в области разработки государственной научно-технологической и инновационной политики. При этом под вызовами подразумевается совокупность не только проблем, но и возможностей, на основе которых в долгосрочной перспективе определяется стратегия государства в самых различных областях, а также выделяется совокупность направлений, в которых ожидаются принципиально значимые для каждого человека и страны в целом результаты.

¹ Hall P. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain // Comparative Politics. 2003. No. 25 (3). P. 279.

Помигуев И.А.
НИУ ВШЭ; ИНИОН РАН; Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва

ПАРТИЙНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ И ДИСЦИПЛИНА: ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ?

В научной литературе принято различать партийную сплоченность (*cohesive*) и дисциплину (*discipline*) в парламенте, хотя эти термины редко четко разграничиваются. Некоторые исследователи используют эти два термина как синонимы¹, но время от времени предпринимаются серьезные попытки концептуализировать эти термины отдельно. Первым автором, давшим определение понятиям сплоченности и дисциплины, был Е. Озбудун². Он определил, что сплоченность — это «степень, в которой в данной ситуации можно оценить совместную деятельность членов группы для достижения цели группы одним и тем же способом». Дисциплина «относится либо к особому типу сплоченности, достигаемой путем принуждения к повиновению, либо к системе санкций, с помощью которых достигается такая принудительная сплоченность».

В итоге идеи Е. Озбудуна стали основой сразу нескольких направлений исследования партийных структур в рамках парламентского законодательного процесса. Условно их можно разделить на социологическое и неинституциональное. Первый подход делает упор на нормы и роли, которых придерживаются парламентарии³. Ученые, придерживающиеся этого подхода, утверждают, что законодатели действуют согласованно по причинам нормативного характера, включая общность идеологических убеждений, социализацию, партийную солидарность и т.д. Второй — неинституциональный подход теории рационального выбора подчеркивает стратегические стимулы и ограничения. Исследователи этой традиции утверждают, что партийное единство возникает из формального организационного состава партий и парламентов, что подталкивает законодателей к поиску «корыстных» причин для максимизации полезности своего действия⁴.

Дисциплина в политических партиях имеет серьезное влияние на конечный результат, поскольку от ее строгости зависит автономия отдельных законодателей в их влиянии на принятие решений, повышает предсказуемость выбора позиции политической партии, что позволяет рассматривать ее как единого игрока⁵. Этот критерий влияет также на формирование коалиции партий в парламенте — чем более сплоченная партия, тем более предсказуемо она действует — это позволяет без проблем для достижения конечных результатов создавать менее крупную в количественном соотношении коалицию, чтобы избежать нестабильности из-за неопределенности позиции.

Если говорить про российский случай, то тут стоит отметить, что к 2003 г. (4-й созыв) в парламенте произошло сразу несколько значимых событий, которые определили новый этап институционализации легислатуры:

- изменение принципов формирования Совета Федерации (вместо губернаторов и председателей заксобраний регионов появились «представители» этих органов власти);
- формирование четкой «фракциецентричной» структуры Госдумы (с небольшими изменениями «костяк» партийного состава в виде Единой России, КПРФ, ЛДПР и Справедливой России/Родины, Новых людей сохраняется до сегодняшнего дня).

Начиная с 2003 г., когда устоялся партийный состав Госдумы, количество законопроектов, принимаемых парламентом, неуклонно растет. С одной стороны, это объясняется сокращением количества партийных вето-игроков, когда расширяется «ядро единодушия», с другой стороны, это может свидетельствовать о профессионализации деятельности парламента, выполняющего свою роль в осуществлении государственной политики, в частности, принятии общеобязательных для исполнения норм, регулирующих все сферы общественной деятельности. Это наталкивает исследователей на мысли о том, что институционализация и рост сплоченности и дисциплины партийной деятельности способен прямо влиять на количество инициатив, скорость их прохождения и результаты их рассмотрения. Появление в Госдуме новой партии (Новые люди) с ее новым подходом к голосованию (фракция разрешает депутатам голосовать самостоятельно) снова ставит вопрос о параметрах

¹ Hazan R. Y. Does Cohesion Equal Discipline?: Towards a Conceptual Delineation // The Journal of Legislative Studies. 2003. Т. 9. P. 1–11.

² Ozbudun E. Party Cohesion in Western Democracies: A Causal Analysis. Beverly Hills: Sage, 1970.

³ Hix S. Electoral Institutions and Legislative Behavior: Explaining Voting Defection in the European Parliament // World Politics. 2004. No. 56. P. 194–223.

⁴ Carrubba C. J. et al. Off the Record: Unrecorded Legislative Votes, Selection Bias and Roll-Call Vote Analysis // British Journal of Political Science. 2006. Т. 36. P. 691–704.

⁵ Tsebelis G. Veto Players: How Political Institution Work. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. — 440 p.

партийной дисциплины, внутренней сплоченности фракций, а также в целом о режиме парламентской работы.

Попадьева Т.И.
МГИМО МИД России, Москва

ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТЮГОСЛАВСКИЙ ПЕРИОД В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

1. Наиболее характерной чертой режима гражданства, установленного и поддерживаемого во время СФРЮ, была его многослойная, часто двойственная природа (сосуществование федерального и республиканского гражданства). Этот режим предполагал, что Югославия как федеративное государство состоит из нескольких отдельных наций, культурно организованных вокруг республик, в которых они составляют большинство. Однако, в отличие от других республик, в которых в основном проживали народы большинства, юридическая принадлежность (республиканское гражданство) в Боснии и Герцеговине не подразумевала национальной или этнической идентификации с Боснийской социалистической республикой. Причина заключалась в том, что БиГ фактически была единственным исключением из очевидного правила национального государства, которое сформировало югославские конституционные единицы, т.е. это была республика без титульной нации. Этническое происхождение боснийских граждан было смешанным и состояло из трех основных групп: боснийских мусульман (южные славяне, преимущественно сербы и хорваты, принявшие в ходе османского господства ислам, позже стали называться боснийцами), хорватов и сербов, а также многих представителей меньшинств, включая евреев, цыган (рома), венгров и других. Это исключение из правила способствовало созданию особой, но нестабильной республиканской и гражданской идентичности боснийцев. Подобные модели идентификации стали отличительными чертами войны в Боснии в 1990-х годах. Несмотря на то что Босния и Герцеговина была равна другим республикам социалистической Югославии с точки зрения гражданства, ее соседи часто считали ее территорией, лишенной истинной гражданской идентичности из-за конфликтующих проектов этнического гражданства.

2. После распада Югославии правительствами новообразованных стран использовался этнический инжиниринг в контексте создания новых независимых режимов гражданства для воздействия на этнический состав населения в пользу создания большинства одной этнической группы. Его цель состояла в том, чтобы юридически, политически и практически максимально исключить представителей других этнических групп из нового корпуса граждан и в то же время включить представителей доминирующей этнической группы из страны происхождения, из-за рубежа, и, прежде всего, из соседних стран. Такой путь, по сути, был избран, чтобы на формальном уровне лишить граждан новых политических множественной и постоянно меняющейся идентичности, поставить знак равенства между этнической и гражданской идентичностью, тем самым предотвращая возможные противоречия на этнорелигиозной почве.

3. Учитывая невозможность этнического инжиниринга в Боснии, окончание войны в Боснии и Герцеговине сформировало новые уровни боснийского гражданства и новые формы институционализации гражданства, задуманные и принятые международными посредниками. Вовлечение международного сообщества в динамику боснийского гражданства во многом способствовало стабильности, придавая легитимность некоторым образцам гражданства военного времени, и тем самым создало сложное государство, уникальное не только для региона, но и для Европы. Тем не менее сложные институциональные решения и чрезвычайно запутанный режим гражданства привели к тому, что, согласно опросам, проведенным автором, сегодня люди в Боснии и Герцеговине разочарованы и подчас возмущены поведением политиков, они ощущают, что лишены политических и гражданских прав в связи со сложной и противоречивой системой гражданского участия в стране.

4. Дейтонская конституция определила режимы гражданства в БиГ из необходимости скорейшего прекращения войны и достижения хотя бы минимального консенсуса между конфликтующими сторонами. Она ввела три закона о гражданстве, определяющие граждан государства Босния и Герцеговина, граждан боснийско-хорватского энтитета — Федерации БиГ, а также граждан сербского энтитета — Республики Сербской. Однако эта взаимосвязь между гражданством на уровне государства и на уровне энтитетов оставалась расплывчатой и не предлагала четких руководящих принципов для понимания природы нового боснийского государства. Сегодня заложенные в теле конституции противоречия по определению боснийского гражданства оказывают негативное влияние не только на права человека в этой стране, но и на взаимодействие двух энтитетов. Кроме того, под угрозой оказывается идентичность, поскольку подобная юридическая практика мешает людям Боснии и Герцеговины чувствовать себя гражданами одной страны.

5. Таким образом, политическая ситуация в БиГ не только остается крайне нестабильной, но и грозит перерасти в фазу окончательного размежевания по границам энтитетов, что отражается на режимах гражданства БиГ и процессе формирования гражданской идентичности в стране.

Попова Е.В., Устюжанцева О.В.
ГГУ, Томск

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНЗИТЫ И ДИСКУРСЫ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СМИ КИТАЯ И РОССИИ

Принцип суверенного равенства, установленный Уставом ООН, является основной нормой современных международных отношений. Его принципы и дух распространяются также на науку и технологическое развитие. Последнее получила свое название в дискурсе цифрового (и шире — технологического) суверенитета, модели которого стремятся отстроить лидеры технологической гонки. Каждая из великих держав стремится политически ограничить возможности других игроков за счет международных норм и институтов и с помощью национального регулирования. В основе данных действий лежат дискурсивные практики по адаптации представлений о государстве в контексте новых и появляющихся технологий, выраженных в формулировке национальных моделей цифрового суверенитета (далее — ЦС). Разные государства по-разному формулируют эти дискурсы и национальные модели управления ЦС. Данный доклад посвящен сравнительному анализу складывающихся дискурсов ЦС в СМИ России и Китая. Основной метод — анализ неструктурированных текстовых больших данных (публикаций СМИ на тему ЦС) с помощью программы *PolyAnalysts*.

Государственные органы Китая и России давно начали оформлять терминологию, адаптирующую национальные государства к цифровым технологиям. В 1998 г. появляется понятие «интернет-суверенитет» в предложенном Россией ООН проекте резолюции «Достижения в области информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». В течение следующего десятилетия Китай и Россия продвигали эту концепцию с помощью множества новых органов и процессов управления Интернетом, включая Всемирный саммит по информационному обществу, Форум по управлению Интернетом, Всемирный конгресс по информационным технологиям и *NET mundial*. В 2011 г. совместно с Таджикистаном и Узбекистаном Китай и Россия представили Генеральной Ассамблее ООН предложение о «Международном кодексе поведения в области информационной безопасности», впервые предложив новый, более широкий концепт «информационной безопасности». В противовес глобалистской риторике свободы Интернета Кодекс подчеркивает «суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость всех государств» и «уважение к разнообразию истории, культуры и социальных систем всех стран». При этом во внутривнутриполитическом дискурсе России термин «информационная безопасность» впервые появляется в 2006 г. (см. базу данных российских СМИ «Интерграм»). Среди новых терминов, которые активно применяют власти России и Китая по отношению к ИКТ-технологиям, появляется наряду с концептом интернет-суверенитета и информационной безопасности концепт «цифрового суверенитета».

На основе анализа около 4 тыс. публикаций СМИ были сделаны следующие выводы по отношению к формирующемуся дискурсу ЦС. В российском дискурсе ЦС прежде всего связан с Россией, отечеством и государственными структурами, новые технологии встраиваются в устоявшийся термин национального суверенитета. В Китае ЦС связывается с новейшими технологиями и экономическим влиянием, что позволяет стратегически простроить шаги по продвижению собственных технологий на мировом рынке, а не только защитить внутреннего потребителя и производителя. Отсутствие внимания к конкретным технологиям в российских СМИ и у официальных лиц в связи с разрабатываемой стратегией формирования цифрового суверенитета, крен в сторону политики оказываются слабым местом для стратегического формирования научно-технической политики, направленной на интересы нашего государства.

ЦС, будучи сложным понятием, находящимся на стыке разных сфер (технологической, экономической и политической), не получает сущностного наполнения в процессе дискуссий различных стейкхолдеров в России. В условиях растущей глобальной конкуренции и угроз, связанных с цифровизацией всех сфер жизни государства, ЦС приобретает критически важное значение и в политическом, и в экономическом смысле, поскольку только сильные технологические игроки цифрового рынка могут создать достаточно безопасную среду для функционирования цифровых продуктов. В этой связи необходим пересмотр роли государства. Государство должно взять на себя активную роль в формировании наполненного смыслом понятия ЦС и стратегировании его дальнейшего развития через создание необходимых технологических и рыночных ниш. Государство должно не только формировать правовую базу для реализации ЦС, но и формировать рынок, необходимый для укрепления и развития ЦС страны. Именно такой подход (государства — как предпринимателя и активного агента в создании

инновационных рынков) позволил США сформировать рынок новых отраслей и продуктов в сфере ИКТ. Такой же подход использует Китай для создания технологического преимущества в новых и появляющихся технологиях.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»).

Попова О.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург; ИНИОН РАН, Москва

МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИТИЗИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВ В ВКОНТАКТЕ И TELEGRAM

Эпоха господства социальных сетей поставила для исследователей достаточно остро вопрос о степени сходства и различия коммуникации в целом и политической коммуникации в частности онлайн и офлайн. Виртуальная природа интернет-коммуникации формирует воображаемое присутствие (Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 306–307), но при этом сообщение как средство коммуникации (Маклюэн) может устаревать почти мгновенно, а пространство коммуникации создает иллюзию одномоментности происходящего. Наряду с сообщениями (текстами) политическая интернет-коммуникация оперирует образами и символами. Большинство участников политической интернет-коммуникации ограничиваются (диз)лайками, не выражая свою позицию вербально.

Значительная часть участников политических интернет-сообществ ограничивается оперированием именно символами или образами, выражающими их сиюминутную реакцию на событие, сообщение, а частотные комментарии к постам с политическим содержанием отражают преимущественно короткие аффективные малосодержательные в информационном плане высказывания, нередко содержащие сниженную лексику. Включенное наблюдение за политической коммуникацией ряда интернет-сообществ в ВКонтакте и *Telegram* показало, что даже люди с достаточно высоким культурным уровнем, если они сразу не уходят из подобных каналов, через некоторое время начинают общаться в них на «языке» большинства участников группы. Существенным фактором активности индивида в обсуждении политических вопросов в социальных сетях наряду с остротой и значимостью темы, степенью выраженности политических взглядов коммуникаторов являются показатели межличностного доверия.

Политическая интернет-коммуникация свободна от ряда ограничивающих неписаных норм традиционной офлайн-коммуникации, когда возможны жесткие ограничения на формирование повестки дня, информационные поводы, типы высказываний, доступ к аудитории. Однако вопреки более ранним предположениям исследователей относительно безусловного доминирования неиерархических равноправных отношений участников интернет-группы в процессе коммуникации можно наблюдать формирование и системы отношений «лидерство-подчинение». Достаточно типичными являются комментарии оценочного характера, касающегося не обсуждаемой темы, а одобрения/неодобрения авторов высказываний как таковых. При этом в целом интернет-коммуникация характеризуется снижением транзакционных издержек, хотя некоторые авторы (Н. Вайдман, Э. Род) принципиально не согласны с таким мнением.

Децентрализация и размытость границ киберпространства одновременно делает такими и характеристики взаимодействующего по политическим вопросам онлайн-сообщества, если оно не является закрытым. Персональные политические взгляды участников коммуникации из дела личного легко превращаются в публично декларируемые позиции. Участники сетей ощущают воодушевляющее их символическое единство, опираясь на реальное или эфемерное сходство смысловых и идеологических ценностей, политических установок и предпочтений. Как следствие достаточно распространенными являются коммуникативные стратегии дистанцирования при самопрезентации от других членов сообщества, присоединения, а также моббинга и буллинга.

Важной особенностью политической интернет-коммуникации в сетях является легкость формирования негативной консолидации. «Сеть способствует ускоренной коммуникации между участниками акций протеста» (Авзалова Э.И. Механизм политической мобилизации в сети Интернет // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. Вып. 12 (69). С. 2868–2869). Наряду с вариантом «против кого будем дружить» здесь оказывается весьма популярной схема протестной политической мобилизации, которая в настоящее время, несмотря на опыт «твиттерных революций», достаточно часто ограничивается высказываниями по поводу готовности к действиям офлайн без непосредственного перехода к ним. Тем не менее сам алгоритм циркуляции политических новостей, позиций, идей посредством онлайн-коммуникации на сайте, в канале, форуме, группе позволяет привлечь и удержать аудиторию ресурса, сформировать устойчивую группу в сетевом сообществе с определенным типом мотивации, преимущественно целерациональной или аффективной моделью реакции на информа-

цию, специфической тематикой и т.д. Наблюдается активная политизация обсуждений изначально неполитических тем.

Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100040-8 «Особенности современного политического дискурса и механизмы взаимодействия в виртуальных сообществах ВКонтакте и Telegram».

Исследование выполнено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научного проекта № 122101100040-8 «Особенности современного политического дискурса и механизмы взаимодействия в виртуальных сообществах ВКонтакте и Telegram».

Постол В.И.
НИ ТГУ, Томск

ИНИЦИАТИВНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

В эпоху политической турбулентности особую актуальность приобретает поиск оптимальных форм взаимодействия граждан и власти. В связи с принятием статьи 26.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» правовое закрепление получил институт инициативного проектирования. Закон № 131-ФЗ определил порядок выдвижения, внесения, обсуждения инициативных проектов в муниципальном образовании. Инициативные проекты рассчитаны не только на вовлечение местных жителей в процесс определения приоритетов бюджетных средств, но и на собственные инициативы в решении местных проблем. Можно сказать, что инициативное проектирование стало новой формой «демократии соучастия».

Целью доклада является рассмотрение вопросов организации и методического обеспечения проектной деятельности на муниципальном уровне. Теоретическую базу исследования составили научные труды по теме «демократии соучастия» (парситипаторной демократии). Институты соучастия предполагают реальное участие граждан в реализации власти, в отличие от институтов обсуждения (делиберативных институтов), когда решения принимаются посредством дебатов и обсуждений.

Механизмы вовлечения жителей муниципальных образований в решение локальных проблем используются в нашей стране уже более десяти лет. Инициативное бюджетирование (инициативное проектирование) реализуется в большинстве регионов (муниципалитетов) страны. За этот период были реализованы десятки тысяч проектов, охватывающих различные аспекты деятельности и полномочий муниципальных властей (см.: Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. М., 2021. — 80 с.). Таким образом, инициативное проектирование стало одной из перспективных форм взаимодействия местных органов власти и граждан.

В то же время проектная деятельность — это вопрос, требующий повышения уровня гражданской компетентности (компетенции). Компетенция — это способность определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы решения, исходя из имеющихся ресурсов и ограничений. Однако инициативный проект нередко представляет собой в большей степени проектную инициативу или проектное предложение, нежели проект, как ответ на проблемную ситуацию. На бытовательском уровне проблема зачастую определяется в таких формулировках, как «нет уличного освещения», «отсутствует транспортное сообщение» и т.п. (см.: К вопросу о вовлечении жителей в инициативное проектирование / А.А. Гребенникова [и др.] // Индустриальная экономика. 2021. № 5—3. С. 259—271). Очевидно, что «способность предлагать инновационные решения не является врожденной — это набор практик, которые нужно освоить. Ему можно и нужно обучать...» (*Новек Б. Как сделать, чтобы государство работало для граждан: Практическое руководство по решению общественных проблем и изменению мира / Пер. с англ. М.: Альпина ПРО, 2022. С. 30*). Формирование гражданской компетентности — это скорее культурные, нежели политические процессы. Необходимо обеспечить восполнение пробелов в структуре человеческого потенциала. Человеческий капитал (тип навыков, набор знаний) — это продукт системы образования. Ведущую роль в деле формирования навыков проектной деятельности граждан призван взять на себя университет. Как социальный, или общественный, институт он может выполнять двуединую задачу: обеспечивать прирост «нового» человеческого потенциала, а также взаимодействовать с бизнесом и гражданским сектором с целью развития экономики и общества.

«Демократия соучастия» может найти свое правильное выражение лишь на уровне локального самоуправления. Следствием демократического участия на этом уровне является превращение частного лица, стремящегося к максимизации собственной выгоды, в гражданина.

КОНЦЕПТ «РУССКОГО МИРА» В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ АТТИТЮДАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Вряд ли будет преувеличением сказать, что своим стремительным превращением в один из важных концептов российского публичного дискурса выражение «Русский мир» обязано украинскому кризису 2014 года и его драматичной эволюции в последующем. Когда в ноябре 2014 года ВЦИОМ провел опрос с целью выяснить, какой смысл вкладывают россияне в понятие «Русский мир», оказалось, что 70% респондентов только в ходе самого опроса впервые узнали о таком выражении. Характерно, однако, что при этом 75% опрошенных относили к «Русскому миру» территорию Донбасса, тогда как земли Центральной и Западной Украины, скорее, не воспринимали как части «Русского мира» (56% были такого мнения).

В данном сообщении речь пойдет о толковании «Русского мира» в среде студенческой молодежи российского Юга, культурно и географически граничащего с Донбассом. Эти данные были получены в ходе двух анкетированных опросов, проведенных с участием автора весной 2015 и осенью 2019 годов.

В опросе 2015 года, в котором участвовало более семи сотен студентов всех основных профилей подготовки из пяти университетов Ростовской области, почти треть респондентов (31,5%) затруднились идентифицироваться с каким-либо из предложенных вариантов определения «Русского мира»: имперско-цивилизационным, панславянским или православно-цивилизационным. Из этих трех вариантов, однако, наиболее популярным оказался первый, т.е. определение «Русского мира» как «проекта возрождения Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытывавшие влияние русской культуры» (29,7%). Еще почти 16% опрошенных идентифицировались с определением «Русского мира» как «проекта объединения славян в единое государство», и еще 13% выбрали толкование «Русского мира» как «великой миссии русского народа — объединение всех православных в единую цивилизацию».

В целом концепт «Русского мира», даже если он определялся в великодержавно-имперских и мес-сианских терминах, тяготел в ответах наших респондентов к цивилизационной трактовке. При этом большинство респондентов (независимо от выбранного ими варианта позитивного толкования «Русского мира») оценивали скорее отрицательно либо однозначно отрицательно распад СССР, но при этом в подавляющем большинстве (85–93%) целиком либо скорее положительно относились к присоединению Крыма к России.

Среди тех, кто в 2014 году трактовал «Русский мир» как «проект возрождения Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытывавшие влияние русской культуры», самым популярным (42%) оказался концепт России как «многонациональной цивилизации с ведущей ролью православия и русской культуры». Аналогичная картина у сторонников толкования «Русского мира» с акцентом на православии («Русский мир» как «великая миссия русского народа — объединение всех православных в единую цивилизацию»): здесь тоже 41% идентифицировались с концептом России как «многонациональной цивилизации с ведущей ролью православия и русской культуры». Данные нашего опроса тем самым подтвердили на региональном уровне вывод, сделанный учеными Института социологии РАН на основе результатов проведенного ими осенью 2014 года всероссийского опроса, а именно: обнаруживалась значительная (около 40%) поддержка восприятия «Русского мира» как особой цивилизации в младшей (18–25 лет) и молодой (25–35 лет) возрастных группах.

В анкетированном опросе 2019 года, включавшем 2,5 тыс. студентов южнороссийских университетов, относительно «Русского мира» вопрос звучал так: «Должна ли Россия на государственном уровне поддерживать “Русский мир” в той или иной форме?» Добрая треть респондентов (34,8%) затруднились с ответом, а еще 18,2% признались, что толком не знают, что такое «Русский мир». Однозначно согласились с государственной поддержкой «Русского мира» чуть более 15% респондентов, а за поддержку с некоторыми оговорками выступили еще 20%. И только 11% опрошенных студентов идентифицировались с мнением, что «“Русский мир” — это чреватое войной измышление русских националистов, а я хочу жить в миролюбивой толерантной стране».

Среди респондентов, однозначно высказавшихся в поддержку «Русского мира», 65,4% разделяли концепт России как особой и великой евразийской державы (цивилизации). В числе респондентов—противников концепта «Русского мира» таковых оказалось в два раза меньше — 29,1%. Среди респондентов, считающих центральные каналы телевидения важным источником информации, насчитывалось почти вдвое больше сторонников «Русского мира» (49,6%), чем среди тех, для кого ЦТ России не является таковым источником (25,8%). Достаточно четкая корреляция наблюдалась между

поддержкой «Русского мира» и эмиграционными настроениями. Среди тех, кто был настроен оптимистично относительно будущего России и не собиравшись из нее эмигрировать (в опросе таковых оказалось 12,2%), выявилось и наибольшее число убежденных сторонников государственной поддержки «Русского мира» — 30,2%. Такой уровень поддержки концепта был почти в три раза выше по сравнению с теми, кто, не имея особого желания эмигрировать из страны, тем не менее такую возможность для себя не исключал (11,8%). Таким образом, трактовка «Русского мира» в среде южнороссийской студенческой молодежи в период с 2014 года обнаруживает корреляции с базовыми идеологическими аттитюдами, включая понимание места России в современном мире.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2022-0027).

Пригорян Н.
РУДН, Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ: ОТРИЦАНИЕ ПОЛИТИКИ КАК НОВАЯ ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО

В 1995 г. выходит в свет текст Жака Рансьера *Несогласие. Политика и философия*, в котором автор подвергает критике теории, связанные с политикой консенсуса и политикой во времена постполитики, воспринявшие с силой в западной мысли после дезинтеграции Советского Союза. В последней главе этой книги подводится итог размышлению о необходимости существования сингулярной субъективации в политике, которая должна участвовать в разделении части, даже не имея в ней своей части. Другими словами, необходимость участия в политических взаимоотношениях тех, кто был из них исключен по какой-либо причине. Иначе, по мнению автора, исключенный превращается в «фигуру крайней жертвы, исключенной из логоса, вооруженной только голосом, выражающим монотонную жалобу, жалобу на оголенное страдание, насыщение которой делает ее неслышной». Следствие этого исключения — обезчеловечивание не только «жертвы», но и «палача», превращающегося в «фигуру чудовища, которое лишает человечности» свою жертву и самого себя в этом акте. Обезчеловеченное общество — это и есть «мрачный облик консенсусной идиллии», которая сводит политические взаимоотношения к нулевому меридиану, довольствуясь администрированием социальной жизни совокупности индивидов. «Мрачный облик консенсусной идиллии» Рансьер сравнивает со «спланированной коллективной волей» государства, «проводившего политику идеологической гегемонии», выстраивая параллели между политикой во времена постполитики и политикой нацистского режима Германии. Для автора эти два феномена являются оборотными сторонами одного и того же явления и связывают его с нигилизмом в политике.

Между тем если распад Советского Союза способствовал распространению идей консенсуса теорий Хабермаса и Ролза, то крушение башен-близнецов в США отбросило мир к старой парадигме политического как отношения друг/враг Карла Шмитта, но теперь уже в глобальном масштабе, намного превосходя прошлые противостояния между СССР и США. Понятие «враг» стало размытым, поскольку это могла быть отдельно взятая страна, отдельно взятая религия и ее ответвления, отдельно взятая группа людей или только один индивидум. Расплывчатость врага подталкивала на расплывчатость норм для борьбы с ним созданием зон вне закона и политики на грани нулевого меридиана.

Однако сегодня планета сталкивается с другим событием, которое в очередной раз потрясает основы политического: пандемией вируса COVID-19. Пандемия нарушила и изменила социальные взаимоотношения, обычаи и привычки и своеобразным образом видоизменила сам смысл социального, культурного и политического. Идея «санитарности» захватила общество в исключительной, всеобщей и расширенной форме. Мир превратился в огромную глобальную больницу Мишеля Фуко, со всеми своими правилами и нормами дисциплинирования. Пандемия в конечном счете является не только медицинской или проблемой здравоохранения, но и, в значительной степени, социальной проблемой, прежде всего политической, и проблемой власти.

Это уже не только «мрачный облик консенсусной идиллии» или «спланированная коллективная воля». Под предлогом санитарной угрозы резко сузились политические и общественные пространства, личные пространства и даже тело индивида стали объектом политики и действия власти.

Угроза больше не исходит от конкретного врага, противника или антагониста, больше не имеет конкретной политической или идеологической формы, она атомизирована в телах, как в общественных, так и в частных, и аполитически. Таким образом, угроза как таковая становится отсутствием безопасности, которая может присутствовать повсюду или нигде, потому что она зрима только как последствие, как свершившийся факт агрессии. Эти последствия разрушительны не только с точки зрения человеческих жизней, но и с точки зрения дестабилизации политической нормативности, которая

мутирует перед этой всепоглощающей угрозой. Другими словами, мир погружен в чрезвычайное положение Шмитта, но только в мировом масштабе; находится в глобальных масштабах *lagere* Агамбена, где власть управляет изгойной жизнью, *nuda vida*, т.е. жизнью, находящейся на пороге человеческого и нечеловеческого, включенной лишь путем своего исключения, т.е. выброшенной из всякого политического существования. Это момент политического тупика, нулевого меридиана политики, разрушения всех пространств, как общественных, так и индивидуальных; это размывание всех отношений, политических, социальных, культурных; это дегуманизация человека, превращенного в тело больного большого общества.

Какими бы разными ни казались на первый взгляд эти три политических феномена — консенсус, его противоположная тоталитарная сторона и, скажем так, пандемический локдаун, — интуиция подсказывает, что в основе всех них лежит что-то общее, то, что всем им присуще, что-то, что влияет на ход политических действий, связанное с отрицанием самой сути политики. И именно оно модифицирует политику, искажает и трансмутирует ее. Три политических феномена, такие разные между собой, являются различными выражениями и проявлениями их общности, одной и той же сущности, одного основания. Этому основанию мы дали название *политического нигилизма*.

Прокопенко Л.Я.
Институт Африки РАН, Москва

ЖЕНСКИЕ ЛИЦА АФРИКАНСКОЙ ОППОЗИЦИИ

В последние десятилетия в Африке активно идет процесс формирования и развития оппозиции как организованной политической силы, которая является основным каналом выражения недовольства различных групп социума экономическим и социально-политическим курсом властей, а также является важным фактором политического обновления общества.

В ряде стран континента возросла роль женщин в политическом процессе, женщины занимают все более заметное место также в рядах оппозиции. Они все чаще выдвигают свои кандидатуры на парламентских и президентских выборах, входят и даже возглавляют парламентские фракции. Среди них есть харизматичные личности, пользующиеся авторитетом в партиях. Это важно, так как в странах Африки политический процесс в основном воспринимается через призму личности лидера, с которой африканцы связывают свои надежды на настоящее и будущее.

Выборный процесс происходит с использованием как мажоритарных избирательных систем, так и основанных на принципе пропорционального представительства. В некоторых странах женщины на парламентских выборах баллотируются не только от партий, но и в качестве независимых кандидатов. Причиной этого становится их поражение в партийных праймериз, исключение или угроза исключения из партий. Постепенно происходят изменения и в подходах избирателей. Все чаще они сами заявляют о необходимости равных возможностей женщин и мужчин в политике, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов и документы различных НПО, выступающих за гендерное равенство. Тем не менее традиционный подход к гендерным ролям в африканском обществе сохраняется, что отражено в амбивалентном отношении избирателей к женщине-кандидату.

Рост представительства женщин в парламенте сопряжен с определенными трудностями. Депутаты парламента, избранные по партийным спискам, напрямую зависят от своих организаций, от их политической линии. Отрицательно влияет также отсутствие прозрачности в процедурах выдвижения кандидатов на уровне политических партий. При этом африканка, попав на орбиту политической борьбы, находится одновременно в системе нескольких координат — родовой, этнической, клановой, семейной, возрастной.

Участвуя в борьбе за власть, африканки часто становятся объектами политического насилия разного рода (например, в Зимбабве, Замбии). Причиной все более частого превращения их в объект насилия в политике сегодня является то, что в процессе роста политической активности женщин, увеличения численности и влияния в партиях они становятся серьезными оппонентами и подвергаются насилию наравне с мужчинами. Поэтому боязнь запугиваний, давления и угроза физического насилия существенно влияет на участие женщин в политической борьбе. Некоторые местные аналитики заявляют, что назрел вопрос о необходимости открытого осуждения партиями политического насилия в отношении женщин-активисток.

Женщины-парламентарии из числа оппозиции приложили немалые усилия для принятия целого ряда законов, в том числе способствующих становлению гендерного равенства. Есть заслуги женщин-политиков в сфере развития здравоохранения, в том числе в борьбе со СПИДом. Женщины-депутаты от оппозиционных партий достаточно смело критикуют политику руководства страны. Подвергается критике в том числе недостаточная эффективность борьбы властей с коррупцией, которая существенно тормозит социально-экономическое развитие. Некоторые вошедшие во власть оппозиционные

политики (например, Хелен Зилле (ЮАР)) на практике доказали, что оппозиция способна управлять и что предвыборные лозунги возможно и должно претворять в жизнь.

Идет процесс «омоложения» руководства оппозиционных партий. Некоторые молодые женщины-лидеры оппозиции не всегда оказывают необходимую поддержку начинающим политикам, более того, не всегда (прежде всего из-за коррумпированности) сами являются примером достойного существования в политике. В свою очередь, они часто критикуют молодых за излишнюю прагматичность. Отношения молодых женщин-политиков с их старшими коллегами, в том числе наставниками, с течением времени приводит к открытой конфронтации, что дестабилизирует обстановку в партии (например, партия Демократический альянс в ЮАР).

Среди главных причин недостаточного уровня представительства женщин в оппозиции в ряде стран Африки, а также препятствиями в их депутатской деятельности являются существующие культурные нормы, особенности местной политической культуры, низкий финансово-экономический статус женщин и сохраняющееся влияние этнического фактора.

Пустовойт Ю.А.

СИУ — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КАК ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЖИМОВ «КОНТРОЛЯ» И «КООРДИНАЦИИ» В СТОЛИЦАХ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ

В современных исследованиях города рассматриваются в различных оптиках: организации городского пространства, изучении экономической, социальной и культурной жизни различных групп и сообществ, анализе основных способов формирования властных институтов и ресурсах доминирования политических объединений. В нашей работе мы опираемся на подход Р. Коллинза, предложившего концепцию интерактивных ритуалов. Теория не только описывает и объясняет принципы взаимодействия между индивидами, но и предлагает вероятные результаты этих взаимодействий как для индивидуальных жизненных траекторий, так и объединений, формируемых вокруг значимых символов.

Интерактивные ритуалы выступают преобразователями эмоций. В ходе них одни эмоции, взятые в качестве ингредиентов, превращаются в другие эмоции в качестве результатов, и возникающая социальная структура рассматривается как непрерывная цепь взаимодействий, где происходит разделение людей по уровню их эмоциональной энергии. Политическая жизнь в этом подходе представляет собой цепи ситуаций, делающих одних лидерами в силу умения произвести сильное впечатление, других — ведомыми. Индивиды ищут эмоциональную энергию и символы, которые дают наибольшие возможности для ее получения, выбирая для этого различные социальные сети.

Таким образом, мы рассматриваем город как комплекс официальных, символических и уличных арен (мест сосредоточения внимания участников), на которых происходит эмоционально внушительное взаимодействие социально и психологически разнообразных индивидов по поводу решения значимых общих проблем, ведущих к преобразованию институтов и изменению искусственного территориального ландшафта. Итогом взаимодействия является формирование городского режима — стабильных, больше неформальных отношений между влиятельными группами, построенных на взаимной координации или иерархическом контроле. Здесь концепция интерактивных ритуалов вполне согласуется с одним из наиболее перспективных сегодня направлений при анализе городской политики — теорией городских режимов, предложенной К. Стоуном. Городские режимы представляют собой совокупности договоренностей, с помощью которых достигается управление общностью.

Опираясь на работы Р. Даля, Ю. Хабермаса и Ч. Тилли, введем совокупность маркеров, позволяющих отнести городскую политику к режиму координации или контроля. Так, например, для официальной арены признаками режима контроля будут выступать низкая степень конкуренции (нет публичного оспаривания позиций лиц, занимающих политические должности) и фальсификация итогов голосования (нарушение равных прав на участие). Сибирские города в этом случае будут выглядеть следующим образом: «4» — координация (Томск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул); «3» — контроль при равных правах (Омск, Чита, Абакан); «2» — неравноправная, но открытая конкуренция (Горно-Алтайск, Улан-Удэ); «1» — контроль (города Кузбасса, Кызыл).

В современной урбанистике, экономической социологии, социологии городов и политической науке есть несколько объяснений формирования режимов разных типов. Концепции городского благоустройства (от Ле Корбюзье до Р. Колхеса и Л. Крие), где считается, что правильно организованное пространство формирует благополучного и активного горожанина; экономические подходы (от марксистов до концепций «машин роста»), где городская политика рассматривается как подчиненная ин-

тересам влиятельных экономических групп; технологические концепции (креативного класса, умного города), где развитие городской жизни связано со способностью привлечь талантливых людей (Р. Флорида); специфический уникальный культурный и исторический опыт (В. Глазычев, концепции «хронотопа» и т.д.); наличия слабых связей (М. Грановеттер); субнационального авторитаризма (Э. Гибсон, В. Гельман); способности лидеров к консолидации (К. Стоун, В. Ледаев, А. Чирикова).

Представим ключевые концепты как переменные и операционализируем их, воспользовавшись исследованиями современных городов. Индекс качества городской среды, богатство и самостоятельность городов, степень уникальности, влияние централизованных партий и государственной бюрократии на электоральные процессы, персональные ресурсы и способность договариваться лидера с оппозицией. Используя метод сходства и различия, мы пришли к выводу, что вместе с известными факторами для формирования режима координации (масштаб города, благоприятная среда и качество жизни, степень социального разнообразия, выраженная городская идентичность) значимую роль сыграли качества лидеров «из 90-х годов». А именно: способность к балансу интересов между различными группами, готовность к диалогу с оппозицией стали основой политического взаимодействия, ориентированного на принятие норм, стимулирующих процессы консолидации городского сообщества.

Пустошинская О.С.
ТюмГУ, Тюмень

ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ОТ ПОТЕРЬ К ПРИОБРЕТЕНИЯМ (ОПЫТ ТЮМЕНИ)

Сегодня очертания фундаментальных перемен в общепланетарном устройстве проступают все отчетливее. Мир становится многополюсным и угрожающе конфликтным. Процесс складывания новой общности, жестко конкурирующей с западной, сопровождается многочисленными кризисами в разных сферах: безопасности, энергетики, продовольственного обеспечения. Аналогичным образом дипломатия переживает трансформацию, меняющую суть устоявшихся подходов во внешнеполитических транзакциях, базировавшихся на соблюдении принятых обязательств, культуре диалога, поведенческой этике. Относительная предсказуемость, приемлемая добросовестность, отлаженный порядок взаимодействий уступают место неопределенности, небрежному отношению к достигнутым договоренностям, борьбе без правил.

На фоне геополитических потрясений и в логике дисфункции системы международных отношений все большая роль отводится принудительной дипломатии, одним из главных инструментов которой выступают санкции. Их использование в качестве рычага политического давления на контрагентов — феномен не новый в истории. Однако исключительно последние годы идентифицируются как время санкционной политики. Подобное восприятие выводится из признания масштабов и интенсивности применения мировыми игроками карательных мер в отношении объектов запрограммированного воздействия.

Обозначившийся тренд, характеризующий современный миропорядок, подчиняет себе внимание научного сообщества. Исследовательскую повестку формируют темы, которые условно можно свести к ряду содержательных блоков: санкции и права человека, целесообразность применения санкций, санкции как средство предупреждения и смягчения конфликтов, национальная специфика введения рестрикционных мер.

В то же время интеллектуальный взгляд редко замыкается на таком аспекте, как состояние и работа городской дипломатии в условиях санкций. Аргументацией этому служит скудность литературы. Отсутствуют не только монографические труды, но и разработки, имеющие самостоятельное значение, в которых бы нашел отражение обозначенный срез реальности. В основном он вводится сюжетом в предметное поле проектов, преследующих более широкие аналитические задачи. Свидетельством отмеченного недостатка служит результат поиска, произведенного в базах данных научных статей и реферативных изданий *E-library*, *Online Willey Library*, *Taylor & Francis Group*, *Project MUSE* и др. Запрос ограничен периодом 2000–2021 гг. и выполнен с использованием комбинации слов «городская дипломатия и санкции», а также фильтров «международные отношения», «урбанистика», «гуманитарные науки».

Отсюда релевантность дальнейшего продвижения в указанном направлении. Настоящее исследование интересно своим эмпирическим предложением, призванным обеспечить прирост массива сведений, отраженных в предыдущих статьях по соответствующей тематике. В данном случае основной целью является вскрытие динамики городской дипломатии в обстоятельствах беспрецедентного деструктивного давления. Тем самым восполняется пробел в научном знании по вопросу: как выстраивается логика и формируется содержание городской дипломатии в рискогенной среде?

В центре авторского внимания — город Тюмень, имеющий статус столицы стратегически важного для России Тюменского региона. Локализованные на его территории предприятия оказались первыми

в санкционном списке в силу экспортно-энергетической специализации, которая превратилась в наиболее политизированную сферу борьбы. По состоянию на 2021 г. их количество превысило 25 единиц, представляющих такие крупные компании, как «Газпром», «Роснефть», «Транснефть», «ЛУКОЙЛ» и НОВАТЭК. Однако вопреки ожиданиям негативных последствий от действия предпринятых мер Тюмень демонстрирует в течение санкционных лет стабильное социально-экономическое развитие, а по ряду показателей — повышательную динамику. Тот факт, что тюменский кейс противоречит рациональному внешнеполитическому планированию, подтверждают национальные рейтинги, где городу отводятся лидирующие позиции.

Разгадка стрессоустойчивости Тюмени при неблагоприятном геоэкономическом и геополитическом климате видится в нахождении нетривиальных механизмов международной деятельности, которые позволяют не только сохранять прежние контакты, но и компенсировать разрывы выстраиванием новых коммуникаций. При этом в процессе анализа верифицируются несколько выдвинутых идей. *Во-первых*, трансформации, которым подвергается прежняя модель городской дипломатии, вызывают непрогнозируемые перезагрузочные эффекты, из которых извлекается польза. *Во-вторых*, формирующаяся альтернатива содержательно и морфологически контрастирует с широко представленной в литературе сетевой версией открытой мультилатеральной динамики. *В-третьих*, новации запускаются влиянием решений центральной власти, определяющей алгоритм расширения экстерриториального присутствия субрегиональных акторов на зарубежных рынках.

ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРАХА В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Не только XX век был веком страха (Ж. Деррида), вся история человечества характеризуется его проникновением в политику: он лежит в основе жизни мира, действует разрушительно, правит миром, порождает ложь, закрывает истину, связан с жестокостью, искажает сознание, через него управляют массами и сами массы управляют через него (Н.А. Бердяев). Эти философские утверждения всецело подтверждаются и сегодня, в период трансформации мирового порядка.

Под мировым порядком мы понимаем такое состояние международных общественных отношений между многообразными легитимными международными акторами, которое сформировалось в результате реализации требований норм международного права. Мировой порядок рано или поздно испытывает воздействие двух тенденций, посягающих на его связность: либо переопределение легитимности, либо значительное изменение в балансе сил. Первая тенденция возникает, когда ценности, заложенные в основу международных отношений, изменяются коренным образом. Вторая связана с тем, когда мировой порядок оказывается не в состоянии приспособиться к значительному изменению соотношения сил (Г. Киссинджер).

Непрерывные смещения мировых центров силы обусловлены тем, что соотношение сил ведущих государств в мировом пространстве никогда не бывает постоянным. Неравномерность темпов технологических инноваций и экономического развития различных сообществ, высокопроизводительные и организационные прорывы создают для одних государств преимущества перед другими.

На протяжении пяти последних столетий экономические изменения и военные конфликты меняли лидеров на мировой арене, формировали новые мировые центры власти. Неизменным при этом в мировой политике, экономике, идейной сфере оставалось господство Запада. Начавшийся в середине XX столетия, с созданием ядерного оружия в СССР, а затем и в КНР, все более зримые очертания приобретает процесс утраты господства западного 500-летнего доминирования в мире.

Анализ процесса смены мировых центров силы позволяет выделить в нем повторяющиеся моменты. *Во-первых*, смена мировых центров власти и введение нового мирового порядка, как совокупности правил поведения государств на международной арене, происходили в результате прошедших войн. Дважды это были европейские войны, дважды — мировые. *Во-вторых*, причинами этих войн было стремление одних государств изменить не устраивавший их существующий баланс сил, других — сохранить статус-кво. *В-третьих*, победители в этих войнах становились доминирующими центрами силы, устанавливали правила, которые защищали их национальные интересы, препятствовали появлению новых угроз их безопасности. *В-четвертых*, условия для очередной смены центра силы и, тем самым, изменения мирового порядка возникали исключительно из-за ослабления по тем или иным причинам одних государств и роста мощи других, вызывавших нарушение политического и военного равновесия между ними.

Однако формирование нового мирового порядка — процесс длительный, сопряженный с ожесточенным сопротивлением лидеров старого порядка появлению и распространению влияния новых центров силы. В механизме формирования нового мирового порядка особым фактором выступает политический страх. Каждый тип общества и каждая историческая эра обладают своими страхами, зависящими от эпохи и общественного устройства. Чувство страха может возникнуть в условиях как действительно существующих, так и воображаемых, иллюзорных, ложных опасностей, но переживаемых как настоящие. К ним относятся сегодня мантры части элиты ряда государств Восточной и Северной Европы о близкой и неминуемой вооруженной агрессии России.

Среди множества разновидностей страха как одной из человеческих эмоций, появляющихся при возникновении угрозы жизни индивида, его идеалам, принципам и ценностям, особое место занимает политический страх. Он связан не только с внутренней политикой страны, где служит инструментом власти для оправдания способа управления, политического курса, преследуя задачу безусловного подчинения граждан, используя состояние заторможенности политического мышления людей, не позволяющее им вырваться за рамки навязываемых оценок и самостоятельно осмыслить ту или иную ситуацию. В свою очередь, государство, властвующая элита практически всегда испытывают имплицитный страх перед своим населением. Страх народа перед властью свидетельствует о недемократическом устройстве. Напомним, Стейнбек полагал, что «развращает не власть. Развращает страх. Страх потери власти в том числе».

Внешнеполитические действия власти также сопровождаются запугиванием граждан внешними угрозами. Государственная власть часто делает объектом страха внешнего врага (противника). Предполагается, что таким образом обеспечивается единение страны. Созданная на Западе, провозглашением

борьбы с невидимым врагом в лице международного терроризма, культура глобального страха в настоящее время фокусировалась на образе России-«агрессоре». Практически сформировалось западное поколение страха. Главная причина страха Запада сегодня заключается в том, что Россия своим примером показывает альтернативу миру, который строят глобалисты, выступает против несправедливого мирового устройства — однополярного мира — одного центра власти, одного центра силы, одного центра принятия решения, мира одного хозяина, одного суверена. Одно из важнейших инструментов нагнетания страхов — фейковые новости. Консолидированный страх перед Россией вызван не столько ее силой, сколько слабостью Запада и его неуверенностью в себе.

Ракитянский Н.М.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕНТАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Понимание важности методологического знания в последние десятилетия постоянно возрастает, и эта тенденция остается неизменной. Проблемы во всех сферах политики становятся все более актуальными, и это обстоятельство побуждает политологов к осознанию того, что для результативной аналитической работы ее необходимо профессионально проектировать, что является одной из центральных задач методологии.

Существующие методологические парадигмы и разработки говорят не об устройстве мира, а о результативных способах организации мышления по его познанию. Методология как метадеятельность направлена на самоорганизацию мыслительного процесса для достижения теоретического и эмпирического результата. При этом методология как рефлексия над научным и практическим опытом предполагает конструирование *системы концептов* как инструмента анализа, а также компетентный выбор *принципов* как нормативных оснований исследования.

Ментальные исследования как комплексное изучение политического менталитета масс людей и правящих элит предполагают всестороннее раскрытие его сущности и базовых структур, форм их проявления и связи, а также его интегративное описание, релевантное отражение в текстах и деятельное понимание.

Актуальность изучения менталитетов современной миросистемы в их целостности и взаимодействии определяется тем, что это знание расширяет возможности осведомленного, по И. Валлерстайну, взаимодействия с миром политики. Для отечественных политиков — это дополнительный ресурс рефлексивного проектирования не только стратегий развития страны, сотрудничества или управления конфликтами, но и желаемого будущего государства Российского.

Для реализации методологической установки ментальных исследований глобальных политических миров¹ автором использовались такие *концепты*, как менталитет, ментализация, полиментальность, сознание, сверхсознание, рефлексия, вера, догмат, догматическая детерминация, догматическая генерализация, политический субъект, субъектность, бессубъектность, фундаментальная субъектная триада, идентичность, закон контекста, политеизм и монотеизм, психологическое моделирование.

Концепт менталитета как таковой является репрезентативным выразителем инаковости, своеобразия и уникальности психологических качеств, морально-этических принципов, нравственных, духовных и религиозных ценностей этносов, наций, народов и культурно-цивилизационных общностей.

Ключевыми структурными элементами политического менталитета являются преобладающие в той или иной общности установки мышления, веры, воли, сверхсознательного и бессознательно-го, которые определяют специфичные типы повседневного, социального, правового, экономического и политического поведения, свойственные как религиозным, так и секулярным группам.

Методологическим основанием изучения менталитетов глобальных политических миров является триединство *принципов историзма, догматического принципа и принципа субъектности*. Если принцип историзма давно и повсеместно вошел в практику политологического анализа, то догматический принцип как таковой ранее не разрабатывался и, естественно, не использовался ни в психологических, ни в политических науках. Вместе с тем, догматический принцип имеет первостепенное методологическое значение в качестве инструмента по выявлению особенностей, механизмов, закономерностей и результатов догматически обусловленного мышления, которое непреложно подчиняется объективным законам субъективного мира. Политические догматы, существующие в современном глобальном контексте, имеют под собой многовековые религиозные, исторические, культурно-цивилизационные, философские и психологические корни и основания. Они формируют индивидуальное и массовое со-

¹ Ракитянский Н.М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: Изд-во Московского ун-та, 2020.

знание, детерминируют политическую деятельность, а также гносеологические установки, принципы, нормы, средства и приемы политической практики¹.

Принцип субъектности также является еще недостаточно разработанным методологическим инструментом для научного осмысления феномена политического менталитета во всей его сложности и многомерности. В результате проведенного нами исследования было установлено, что политическая субъектность государств, союзов и блоков опирается на глубинные ментально-догматические основания, которые складывались в течение длительного исторического времени под влиянием монотеистических религиозных систем. Как интегрирующий фактор политической деятельности субъектность детерминируется диалектическим единством трех динамических структурных элементов — *самосознания, самодетерминации и самопроектирования*, объединенных концептом *фундаментальной субъектной триады*. Последняя обладает методологическим потенциалом диагностирования, дифференциации и систематизации субъектного статуса разного рода политических субъектов в ментальном пространстве глобальных политических миров.

Расторгуев С.В.
Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ КАК ВЫЗОВЫ ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глобальное исследование ценностей Р. Инглхарта показало, что в развитых странах Запада, у основной массы граждан, удовлетворивших базовые и экзистенциальные потребности, произошел сдвиг от материалистических ценностей экономического благополучия и физической безопасности к постматериалистическим ценностям индивидуальной свободы, самовыражения, гендерного равенства, толерантности к меньшинствам, экологии. Причем фиксируется водораздел между старшими поколениями, ориентированными на традиционные ценности, и молодыми поколениями, ориентированными на постматериалистические ценности. Экономический рост, длительные мирные периоды способствуют росту сторонников постматериалистических, секулярных ценностей, кризисы и войны сокращают число их сторонников. Тезис К. Маркса о значимости экономического фактора как независимой переменной по отношению к культуре в целом подтверждается. Р. Инглхарт указывает на значимую корреляцию между рядом экономических показателей и постматериалистическими ценностями ($r = 0,77$). Поскольку нормативная сфера более консервативна по сравнению с экономикой и изменяется вслед за демографическими переменными, новые ценности утверждаются на протяжении как минимум двух поколений — за 40–50 лет.

В программах политических партий развитых стран с середины 1980-х годов доминируют неэкономические вопросы, поскольку изменился спрос со стороны избирателей. Сама повестка дня стала состоять в основном из неэкономических тем: вопросы гендера, миграции, свободы Интернета, экологии. Экономические по сути проблемы неравенства, безработицы, падения доходов интерпретируются как следствия культурных и социальных проблем — миграции, роботизации, уровня образования, феминизма, образа жизни.

В современной политологии существуют два подхода к причинно-следственной зависимости уровня экономического развития и демократии. Первый подход декларирует приоритет демократических институтов, которые способствуют формированию благоприятных «правил игры» для рыночных акторов в форме защиты прав собственности, патентного права, судебных разрешений споров, инноваций. Именно благодаря демократическим институтам, а также культурным особенностям, страны демонстрируют высокие темпы экономического роста (Д. Норт, Д. Асемоглу). Второй подход предполагает обратную зависимость — экономическое развитие формирует средний класс, повышает уровень жизни и вследствие этого возникает запрос на демократию (Р. Буркхарт, М. Льюис-Бек, Дж. Хелливелл, Р. Инглхарт, К. Вельцель). Экономическое развитие повышает политическую активность граждан и способствует распространению ценностей самовыражения, элиты вынуждены делиться властью с народом.

Представители обоих подходов вслед за Р. Далем согласны в том, что элиты соглашаются на расширение народного представительства и увеличение акторов принятия политических решений при условии, если издержки подавления оппозиции превышают выгоды применения насилия. Вместе с тем, сам запрос на демократические институты со стороны индивидов и социальных групп обусловлен по-

¹ *Ракитянский Н.М.* Феномен догматического мышления в политической психологии: опыт теоретического анализа // Вестник Московского ун-та. Серия 12. 2020. № 5. С. 25–43.

пулярностью ценностей самовыражения по сравнению с коллективными, традиционными ценностями. В причинно-следственной зависимости ценностей самовыражения и демократических институтов ценности выступают причиной и институты — следствием. Таким образом, вся цепочка причинно-следственной зависимости выглядит следующим образом: экономическое развитие — рост среднего класса — распространение ценностей самовыражения — запрос на демократические институты — формирование демократических институтов.

Можно предположить, что в результате политических и экономических потрясений произойдет не только снижение темпов экономического роста, но и рецессия в высокоразвитых странах, что в свою очередь повлияет на замедление трансформации материалистических ценностей в постматериалистические ценности, особенно среди малообеспеченных слоев населения.

Ребров С.А.

СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

ДЕЦИЗИОНИСТСКИЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В рамках современной социально-политической философии вопрос о новейших формах коллективной субъектности, связанной с развитием альтернативных подходов к определению понятия социального, в настоящее время занимает особое место. Кризис классических типов субъектности (вроде таких понятий, как народ, общество, партия и класс) неизбежно потребовал от ряда современных политических теоретиков выработки новых концептов, способных к наиболее точному описанию существующей реальности. В настоящее время к числу нетрадиционных понятий в данной области можно отнести такие концепты, как множество (лат. *multitudo*) и ассамбляж, являющиеся творческим развитием идей французского философа Жюль Делёза о случайной логике сборки (фр. *agencement*) как модели описания практики соединения различных акторов друг с другом (Делёз Ж.; Гваттари Ф., 2010. С. 119). Таким образом, можно констатировать, что общим основанием современных теорий политической субъективности выступает максимальная нестабильность крупных объединений, выступающих против конкретной структуры социальной иерархии. Иначе говоря, сочетание плоской онтологической сущности и отсутствия какого-либо центра принятия решений в этом смысле является одной из главных характеристик нынешних структур коллективной ответственности. Учитывая также ангажированный характер данных концептуальных систем, отсутствие внутренней иерархии в контексте описания подобных форм субъектности автоматически рассматривается в качестве исключительно положительной характеристики, которая качественным образом отличает традиционные модели, основанные на структуре жесткой иерархии, от современных плоских социальных объединений. В наиболее распространенных случаях данный междисциплинарный подход также имеет прямое отношение к постструктуралистской философской традиции, представители которой традиционно выступали в качестве критиков любых устойчивых социальных и культурных соединений.

Вместе с этим уже в процессе развертывания деятельности субъектов данного типа в области актуальной политической практики ряд современных теоретиков смогли выявить слабые места в структуре подобных моделей социальных объединений. В частности, Славой Жижек, выступая с критикой понятия множества, отмечал, что отсутствие какого-либо центра принятия решений в контексте революционной политики фактически превращает подобный акт сопротивления в бессодержательную пустоту, которая при всем является ключевой составляющей капиталистической интерпассивности (Жижек, 2014. С. 326). Другими словами, неспособность подобных множественных объединений к принятию необходимых политических решений фактически просто снимает с них какую-либо ответственность перед грядущими политическими преобразованиями. В этом смысле отсутствие любой закрепившейся иерархии внутри коллективных субъектов подобного типа фактически означает невозможность принятия решений в режиме реального времени, которое теоретически может расколоть конкретную множественную совокупность с последующим закреплением господствующего положения победившей стороны. Продолжая мысль Жижека, подлинными характеристиками современного политического субъекта, способного к принятию решений, становится децентрированность и невозможность подлинного достижения всех поставленных целей. Постоянная нехватка полномочий внутри господствующего положения, таким образом, позволяет любой абстрактной совокупности продолжать собственную деятельность в плане достижения поставленных целей, которые при этом постоянно удаляются от исходных позиций. Децизионистский аспект данного умозаключения, связанный с необходимостью принятия жестких политических решений, фактически становится ключевым аргументом в позиции Жижека.

Несмотря на то что сам термин «децизионизм» традиционно отождествляется с подходом немецкого юриста и политического теоретика Карла Шмитта, в настоящее время, на наш взгляд, его можно рас-

пространить на ряд иных направлений в современной социальной и политической философии. С этой точки зрения теоретики современного децизионизма выступают как в качестве критиков классических структур коллективной ответственности (в связи с их эссенциалистской природой), так и с позиций сторонников негативной оценки современных структур множественной социальности, основанной на экзистенциальном страхе перед любым видом политического антагонизма.

Римский В.Л.
МПСУ, Москва

ДЕМОКРАТИЯ КАК ЗАМЕНА СОЦИАЛИЗМА В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Примерно с конца 60-х годов XX в. советскому руководству и обществу становилось все более очевидным отставание СССР от развитых стран Запада по уровню жизни, обеспечению прав и свобод граждан, поддержке возможностей самореализации личности, развитию современных технологий. Но признание этих реалий не приводило к отказу от веры большинства советской элиты и общества в преимущества социализма. В соответствии с такой верой эти преимущества не получалось реализовать вследствие неэффективного государственного управления. Такому состоянию общественного сознания хорошо соответствовала идея о том, что социализм можно улучшить, повысив качество и эффективность государственного управления и, соответственно, экономической деятельности. Эта идея начала реализовываться в СССР в период 1985–1991 гг. М.С. Горбачевым в ходе инициированных им «ускорения», а потом и «перестройки». Но как известно, попытки реализации этой и многих других идей М.С. Горбачева закончились распадом СССР на независимые государства, бывшие советские республики.

В постсоветской России начался переход к демократии как к форме организации политического и государственного устройства страны. Социологические исследования всего постсоветского периода с некоторыми колебаниями уровней поддержки граждан демонстрируют их весьма позитивный настрой в отношении к демократии в России (Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 26–27. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.04>; URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2015/5/Petukhov_Petukhov_5_15.pdf). И это притом, что большинство граждан признаются в отсутствии у них устойчивых мировоззренческих, идейно-политических взглядов (Там же, с. 28). Таковую социокультурную особенность сознания можно объяснить верой в демократию, в ее возможности обеспечения социального благополучия и стабильности в обществе и государстве.

В определенном смысле вера в демократию в российском обществе является аналогом веры в социализм советского периода. Распад СССР имел последствием дискредитацию идеи социализма у большинства российских граждан. Но связанная с социализмом преимущества сохранила вера в демократию, предложенная и даже в определенном смысле навязанная российскому обществу политиками и элитами в период перестройки и в начале постсоветского периода. Этой верой в демократию большинство российских граждан можно объяснить фиксируемый социологическими исследованиями весьма широкий набор ценностей и запросов к демократии, многие из которых не соответствуют ее нормативным политологическим концептам. В частности, для большинства российских граждан демократия не ограничивается совокупностью «политических прав и свобод и электоральных возможностей». Более значимо для большинства российского общества обеспечение общественного блага, которое во многом понимается близко к социалистическому идеалу еще советского образца. Так по опросам Левада-Центра в сознании российских граждан понятие «демократия» связано не только со «свободами» и «законностью», но и примерно для трети из них со «стабильностью и процветанием», с благополучной жизнью, которая во многом обеспечивается заботой государства о своих гражданах (Волков Д., Гончаров С. Демократия в России: установки населения. Сводный аналитический отчет. М.: Левада-Центр. Аналитический Центр Юрия Левады, 2015. С. 4. URL: https://www.levada.ru/old/sites/default/files/report_fin.pdf).

По данным опросов Института социологии РАН для большинства общества наиболее значимыми характеристиками демократии являются «равенство всех граждан перед законом» (70%), «независимый суд» (34%), «небольшая разница в уровне доходов людей» (31%). И только дальше по значимости идут «свободные выборы органов власти» и «избрание президента непосредственно народом» (по 29%), «свобода печати» (26%), «участие граждан в референдумах по важнейшим для страны вопросам» (19%) и «возможность свободно высказывать свои политические взгляды» (18%) (Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 29–30. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.04>; URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2015/5/Petukhov_Petukhov_5_15.pdf).

Дополнительным подтверждением того, что в сознании большинства российского общества сформирована именно вера в демократию, являются низкие уровни доверия политическим партиям и судебной системе (Там же, с. 31–32.). Поэтому в оценках большинства российских граждан и равенство граждан перед законом, и независимый суд являются скорее отклонениями от социальной реальности. Но для веры такие отклонения следует признать нормальными, большинство общества надеется на исправление социальной реальности в лучшую сторону. И такую улучшенную социальную реальность это большинство называет демократией.

Рогач Н.Н.
ИНИОН РАН, Москва

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЕЕ ГРАЖДАН: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В текущих условиях геополитической турбулентности чрезвычайно актуальным направлением политико-психологических исследований являются исследования психологического состояния общества — совокупности массовых и коллективных переживаний, представлений, образов, ценностей и установок, влияющих на функционирование публичной политики. Трансформационные социально-политические процессы, происходящие сегодня в мире и России, вне всякого сомнения, оказывают влияние на сложившуюся в нашей стране систему общественно-политических отношений. Внешне-политические события первой половины этого года и следующая за ними корректировка внутривнутриполитического курса страны оказывают влияние на политическое сознание российских граждан, меняют их «политическую оптику» и, как следствие, содержательно-смысловое наполнение политических образов.

В 2022 г. научно-исследовательский коллектив политических психологов из МГУ имени М.В. Ломоносова, Института научной информации по общественным наукам РАН и Финансового университета при Правительстве РФ провел качественное политико-психологическое исследование образа России в массовом политическом сознании ее граждан. Исследование проводилось в Москве, Московской, Тюменской, Челябинской, Ростовской, Самарской областях, а также РСО-Алании. Общее количество респондентов составило 91 человек. В исследовании использовались следующие методы: фокусированное интервью, включающее в себя открытые и закрытые вопросы, метод неоконченных предложений, проективная техника «Рисунок страны», метод ненаправленного контент-анализа.

Анализ содержательно-смыслового наполнения образа России показал, что сегодня российские граждане в большинстве своем испытывают положительные чувства к своей стране. Опрошенные считают, что достоинствами России являются ее вооруженные силы, природные богатства, многонациональный народ, обладающий набором уникальных личностных характеристик, а также богатая история, полная великих достижений и проявлений героизма. Главными проблемами современной России граждане считают ее экономику и морально-этический упадок общества, возникший как следствие влияния внешних, «западных» политических и культурных ценностей.

Отмечается преобладание негативно-окрашенных эмоциональных оценок власти, высокий уровень ее персонализации в лице президента РФ В.В. Путина, чья роль в российской политике остается принципиально значимой. Несмотря на обилие положительных оценок личностных характеристик российских граждан, фиксируется рост числа людей, негативно и амбивалентно оценивающих набор личностных качеств современного жителя России (особенно критикуются излишняя терпимость и апатичность граждан).

Исследование показало, что намного более значимой темой для граждан стали национальные интересы России, в частности — ее исторические границы, о необходимости восстановления которых говорило около половины опрошенных. По мнению респондентов, границы России сегодня не ограничиваются территориальными маркерами и простираются там, где живут люди говорящие и думающие «по-русски». Россияне по большей части прогнозируют расширение территории РФ в течение ближайших нескольких лет за счет вхождения в ее состав юго-восточных регионов Украины, Южной Осетии и Абхазии. Тем не менее около трети респондентов выразили обеспокоенность возможной потерей территорий в случае втягивания России в международный военный конфликт.

Главными «противниками» России на международной арене, согласно полученным данным, являются США и коллективная Европа, которые активно ведут деятельность по «демонизации» образа нашей страны в своих государствах и мире в целом. В свою очередь, «друзьями» России сегодня являются Республика Беларусь и Китай, причем отношения с последним характеризуются скорее как партнерские, нежели дружеские.

Проведенное исследование показало, что текущий социально-политический контекст действительно оказывает существенное влияние на психологическое состояние российского общества и воз-

действует на образы, существующие в массовом политическом сознании. Несмотря на то что история современной России находится в своеобразной точке бифуркации, ее граждане с оптимизмом смотрят в будущее.

Исследование выполнено в рамках проекта «Образ настоящего, прошлого и будущего России в сознании ее граждан», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Родионов В.А.
БГУ, Улан-Удэ

«МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ МОНГОЛИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Опыт последних десятилетий свидетельствует о том, что малые страны, действуя в условиях сравнительно ограниченного внешнеполитического потенциала, могут отстаивать свои интересы при помощи «мягкой силы». Заведомо уступая великим державам в военно-политическом и экономическом отношении, малые страны стремятся компенсировать свою уязвимость иными, более мягкими методами влияния. Монголия, представляя собой классический пример малой страны, входящей в сферу влияния ряда великих держав, не остается в стороне от современных тенденций в деле применения «мягкой силы».

Цель статьи — выявить основные направления и способы применения «мягкой силы» во внешней политике Монголии. Источниковой базой для исследования выступили официальные документы Монголии, касающиеся ее национальной безопасности и внешней политики, международные инициативы Улан-Батора, заявления монгольских государственных деятелей по вопросам отношений с иностранными партнерами, материалы СМИ. В основу исследовательского анализа легли сравнительный, нарративный, ретроспективный методы исследования.

Монголия в силу ограниченности информационно-материальных ресурсов не в состоянии активно использовать такие традиционные направления политики «мягкой силы», как популяризация национальной культуры и языка, продвижение отечественного образования на международном уровне, привлекательность экономической модели развития. Однако можно выделить три наиболее перспективных направления для применения монгольской «мягкой силы» в отношении внешнего мира. Первое направление выражено в самопрезентации страны в качестве успешной молодой демократии в центре Азии, способной стать ориентиром для ряда других малых региональных стран¹. Вторым направлением является политика нейтралитета де-факто, выраженная в отказе от размещения на монгольской территории ядерного оружия и иностранных военных баз, а также в активном участии Монголии в миротворческих операциях под эгидой Организации Объединенных Наций (далее — ООН)². Наконец, под третьим направлением политики «мягкой силы» следует понимать активное продвижение Улан-Батором своей посреднической роли при разрешении острых проблем, локализованных в Северо-Восточной Азии. Сохраняя дружественный характер отношений со всеми без исключения государствами Северо-Восточной Азии, Монголия стремится превратить данное обстоятельство в свою пользу, став азиатским аналогом Швейцарии³.

Основной целью Монголии в политике «мягкой силы» является не столько увеличение своего влияния в мире, сколько обеспечение национальной безопасности посредством привлечения к себе внимания со стороны международного сообщества.

¹ Biden Names Mongolia Horse, Cheers Democracy on Way to Tokyo // Bloomberg.com. News. 2019. August 22. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-08-22/biden-names-mongolian-horse-lauds-democratic-progress-before-japan-visit> (accessed: 16.08.2022).

² Служба и самоотверженность: Монголия задает высокие стандарты миротворчества // Организация Объединенных Наций. 13.03.2018. URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/03/1325522> (дата обращения: 16.08.2022).

³ Гольман М.И. Монголия — посредник и партнер КНДР // NEO (Новое Восточное обозрение). 08.08.2014. URL: <https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/> (дата обращения: 16.08.2022).

О ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

В последнее время цифровизация как процесс охватывает разнообразные практики социальных интеракций. Исследователи говорят о формировании новой модели «Общества 5.0», называя его постинформационным, сетевым, цифровым и т.п. Подобные трансформации продуцируют модификации качеств современной политической элиты как на национальном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Отчасти это обусловлено теми глобальными вызовами и даже угрозами национальной безопасности, с которыми сталкиваются государства на современном этапе.

Полагаем, что главным катализатором пристального внимания к цифровизации политической элиты в нашей стране стала пандемия COVID-19, которая заставила по-новому не только осмысливать цифровые изменения в обществе на теоретическом уровне, но и использовать информационные и цифровые технологии в реальных практиках управления и общественного взаимодействия. Кроме того, это актуализировало проблемы различных аспектов безопасности государства, заставляющие современную управленческую элиту России адаптироваться к ним и реагировать на них. Эскалация украинского кризиса и вхождение в НАТО Финляндии и Швеции усиливает внимание экспертов к приграничным северо-западным регионам страны, в частности к Республике Карелия.

Подобные трансформации миропорядка продуцируют исследовательский интерес к вопросам цифровой грамотности управленческой элиты Карелии, особенно на уровне муниципалитетов. В рамках подготовки IV Всероссийского элитологического конгресса (25 марта 2022 г., г. Ростов-на-Дону) в январе 2022 г. был проведен экспертный опрос в регионе, по результатам которого удалось выявить сильные и слабые стороны цифровизации, определить факторы влияния на процесс цифровой трансформации политической элиты Республики Карелия.

В анкетировании приняло участие 50 экспертов, из которых 70% в возрасте до 39 лет.

Достаточно большая доля опрошенных (64%) указали на факт влияния цифровой трансформации на систему властно-управленческих отношений, при помощи которой правящая политико-административная элита способна укреплять свою власть и, преимущественно, успешно управлять политическими процессами в обществе, в том числе занимаясь их разрешением.

В то же время в качестве основных угроз цифровизации положению элиты эксперты выделили развитие информационных возможностей у деструктивных, внесистемных политических сил (52%), ослабление социального контроля при развитии неконтролируемых источников информации (48%), появление новых возможностей для внешнего вмешательства в социально-политические процессы суверенной страны (46%).

Отвечая на вопрос, какие качественные характеристики необходимо развивать у элиты с учетом особенностей цифровой трансформации, больше половины респондентов обратили внимание на качества ответственности перед обществом и ответственном использовании информационных технологий (ИТ) (62%) и на умении элиты получать новые знания и работать в соответствии с потребностями времени и требованиями новых ИТ (54%).

В то же время ценностные установки и мотивы управленческой деятельности современной элиты, по мнению экспертов, остаются традиционными. В качестве приоритетных были выделены владение властью (82%), доступ к ресурсам страны (62%), карьера и стремление к высоким должностям (56%).

В немалой степени это влияет на достоинства и недостатки самой деятельности элиты. И в качестве сильных сторон экспертами определяются умение использовать информационные технологии (46%), разрешать конфликты, стабилизировать обстановку (34%). Но при этом отмечаются низкие показатели в возможностях элиты заботиться о развитии национальной культуры и образования (6%), в патронировании развития малого бизнеса (10%), в отстаивании принципиальных позиций в отношении секторальных и индивидуальных дискриминационных санкций (10%). Более того, только 22% респондентов отметили умение элиты лоббировать интересы населения региона, что свидетельствует о слабости политической элиты в Карелии. И лишь 18% экспертов указали на факт чуткости элиты к реальным проблемам населения. В качестве основных факторов, снижающих эффективность управленческой элиты, респонденты отметили коррупцию (64%) и бюрократизм (62%).

Отвечая на открытый вопрос, как можно повысить уровень компетенции политико-управленческой элиты в сфере использования цифровых технологий в управленческом процессе, экспертами были определены три сферы реализации — обучение, ротация кадров, обновление элиты и ее омоложение.

Литература

1. Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы Четвертого Всероссийского этнологического конгресса с международным участием 25 марта 2022 г., Ростов-на-Дону, ред.-изд. гр.: В.В. Рудой (руководитель), А.В. Понеделков, А.Ю. Голобородько и др. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНГХиГС, 2022. — 512 с.

Романович А.Л.
КубГУ, Краснодар

ИМИДЖЕВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

В современном мире одними из важнейших компонентов успешной деятельности специалиста являются социально-психологические феномены, в число которых безусловно входит имидж. Данная сфера крайне важна и для государственных гражданских служащих, что зачастую игнорируется ими. В силу того что личный имидж политиков может оказывать влияние не только на их жизнь, но и на репутацию государственного органа в целом, данному вопросу необходимо уделять особое внимание. Кроме того, успех реализации государственной политики определяется отношением общественности, вследствие чего имидж государственных гражданских служащих требует пристального внимания со стороны руководителей, непосредственно политических деятелей и специалистов в этой области.

Важность данного вопроса была актуальна во все времена. Еще древнегреческий философ Платон говорил: «Качество государства зависит от качества людей, поэтому задача политики — обучение и изучение этих нужд». Данное высказывание отражает и подтверждает всю важность грамотного и успешного взаимодействия органов государственной власти и населения.

С помощью метода экспертного интервью, метода контент-анализа пабликов была решена задача выявления и описания состояния и динамики имиджеобразующей системы государственных гражданских служащих министерства труда и социального развития Краснодарского края, а также изучения мнений и оценок жителей края о государственных гражданских служащих и их работе в указанном министерстве.

В процессе исследования были проведены экспертные интервью в министерстве труда и социального развития Администрации Краснодарского края с представителями отдела развития конкуренции и работы с общественными и некоммерческими организациями, которые помогли узнать мнение государственных гражданских служащих об их имидже.

Контент-анализ онлайн-ресурсов и официальных пабликов министерства (система обратной связи в виде вопросов и комментариев граждан в социальной сети (ВКонтакте), системы «отзывы Яндекс» и «отзывы Google» позволил нам определить положительные и отрицательные компоненты имиджа государственных гражданских служащих.

В ходе исследования нам удалось выяснить, что имидж государственных служащих министерства труда и социального развития в большей степени зависит от занимаемой должности и специфики деятельности. Однако некоторые сотрудники не считают необходимым подстраивать свой личный имидж под занимаемую должность. Благодаря проведенному исследованию можно сделать вывод, что министерство труда и социального развития Краснодарского края имеет вполне позитивный имидж и отношение населения как к органу власти в целом, так и к его сотрудникам. Кроме того, проведенное исследование помогает сделать определенные выводы относительно заинтересованности сотрудников отдела развития конкуренции и работы с общественными и некоммерческими организациями министерства труда и социального развития Краснодарского края в создании и поддержании собственного имиджа и его внедрения в политический. В силу того что для многих госслужба не является престижным родом деятельности, мы получили неоднозначные ответы. Некоторые составляющие личного имиджа госслужащего умоляются либо просто игнорируются. Однако здесь присутствует и проблема отсутствия сепарации личной жизни и рабочего времени. В то же время удалось выяснить, что отношение населения к государственному органу власти в какой-то степени зависит от специфики его деятельности. Данные выводы основаны на получении позитивных отзывов относительно работы государственных гражданских служащих и инфраструктуры министерства. Однако присутствуют и слабые стороны, которые сотрудники органа власти стараются своевременно искоренять.

Романович Н.А.
РАНХиГС при Президенте РФ, Воронежский филиал, Воронеж

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ КАК ВЫЗОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В последнее десятилетие специалисты указывали на упадок гражданской авиации в России как на экономическую ошибку. Они доказывали, что для всех крупных стран мира доходы от производства и обслуживания малой авиации значительно выше, чем от большой и военной авиации.

В условиях тотальной блокады Западом всего, что связано с гражданской авиацией, было решено восстанавливать производство пассажирских лайнеров в России. Восстанавливать то, что утеряно, поскольку когда-то Советский Союз фактически не отставал от Запада в этой сфере.

В последние годы развитого социализма в СССР производилось в среднем 200 гражданских самолетов в год. Для сравнения: Боингов тогда производилось приблизительно 300 в год. После распада СССР авиапром в стране сильно «просел». Многие отечественные марки самолетов производятся в штучном формате. Фактически единственный серийно выпускаемый гражданский самолет в стране — *Sukhoi Superjet* — делают в Комсомольске-на-Амуре, и за последние десять лет их было выпущено всего 200 шт. Для сравнения: *Boeing* и *Airbus* производят в среднем в год 800 пассажирских лайнеров. Понятно, что нашему авиапрому предстоит непростая битва за место под солнцем. Потеряны профессиональные навыки, отсутствуют необходимые комплектующие...

Как же это могло случиться? Российские экономисты постсоветского периода приводили убедительные доказательства того, что дешевле покупать за рубежом готовые гражданские самолеты, чем производить их самим. Сиюминутные тактические выкладки экономистов взяли верх над соображениями стратегического порядка. Между тем доводы экономистов для подавляющего большинства населения вовсе не казались убедительными еще раньше, в относительно мирные времена. А как же самостоятельность, независимость отечественного производства? Занятость населения и выращивание собственных высококлассных специалистов? Развитие научно-технической сферы, сопряженной с авиастроением? И, наконец, гордость за продукцию своей страны? Не исключено, что все эти аргументы сплотили воронежцев в утверждении: *«нужно выпускать свои гражданские самолеты»*, которое набрало в процессе социологического опроса 2018 г. 93% сторонников! Социологический опрос был проведен Институтом общественного мнения «Квалитас» в апреле 2018 г., тогда жители областного центра (выборка — 615 чел.) отвечали на вопрос: *«Как Вы считаете, нужно ли России выпускать свои гражданские самолеты или лучше покупать их за рубежом?»* Тогда только 5% опрошенных согласились с перспективой покупки зарубежных лайнеров, в 93% горожан настаивали на производстве собственных самолетов!

На сегодняшний день отечественных самолетов в российском авиапарке меньше 20%. Причем средний возраст наших пассажирских лайнеров, включая иномарки, составляет 16,8 года. В то время как среднемировой показатель — 11,4 года. А в некоторых авиакомпаниях летают Ан-24 и Ан-26, срок эксплуатации которых перевалил за 35–40 лет. Вопрос возрождения отечественного авиапрома стоит очень остро. И на первый план выступает проблема качества. Качество авиалайнера могут оценить только специалисты, но мнение населения о качестве российских самолетов способно повлиять на решение потребителей — пользоваться ими или нет.

Последний опрос ИОМ «Квалитас» на тему авиапрома был проведен в июне 2022 г. методом телефонного интервью, по репрезентативной для населения г. Воронежа выборке (607 человек).

Есть мнение, что после развала авиапрома в России вообще разучились делать качественные самолеты. Но, как показывают ответы на вопрос: *«Вы согласны или не согласны со следующим утверждением — «в России умеют делать качественные самолеты?»* — большинство населения (78%) верят в то, что в России умеют делать качественные самолеты.

Покупка пассажиром билета на авиалайнер — это в том числе и свидетельство доверия авиакомпании своей жизни. Готовы ли воронежцы доверить свою жизнь отечественному авиапрому? Вопрос для горожан звучал так: *«Если в России будут функционировать только отечественные самолеты, согласны ли Вы будете на них летать?»*

На этот вопрос можно ответить «да», поскольку большинство населения (68%) готовы доверить отечественным авиалайнерам свои драгоценные жизни. Отказываются летать на пассажирских самолетах российского производства только 4% горожан.

Иными словами, общественное мнение благоприятствует восстановлению производства пассажирских лайнеров в России. Аналитики выявляют решающую роль государства для авиастроения в период кризиса и способны кризисные явления обратить в катализатор развития авиационной промышленности. Если государственные усилия опираются на народную поддержку, то результат этого симбиоза в истории часто называют экономическим чудом. Сегодня многолетнее требование народа — производить свои гражданские самолеты — стало актуальной частью государственной программы.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Востребованность и эффективность интернет-мемов как инструмента политической пропаганды обусловлена актуальностью описываемых в них политических проблем, контента, идей, их соответствием потребностям, социальным ожиданиям и представлениям целевой аудитории. В них, как правило, учитываются социально-психологические характеристики и культурный опыт получателей, так как для адекватной интерпретации интернет-мемов необходимо совпадение культурного опыта коммуникантов.

Одной из особенностей мемов является юмор как один из основных инструментов неформального политического общения, позволяющий в сжатой форме раскрывать нелепости, двойные стандарты либо возможность высказать свое мнение и выступить индикатором политического рейтинга.

Интернет-мемы в социальных сетях используются в основном оппозиционными силами в качестве инструмента формирования негативного образа существующего режима, а также отдельных политиков. Жанровая особенность мемов заключается в их анонимности, экспрессивности, злободневности, возможности использования табуированной лексики.

Эмпирическую базу проведенного нами исследования составили результаты количественного социологического исследования, целью которого являлось выяснение степени влияния интернет-мемов на формирование политических убеждений. В интернет-анкетировании приняли участие 100 человек. Опрос показал, что респонденты, как правило, не считают мемы существенным фактором в изменении их политических убеждений. Большинство опрошенных из-за поверхностного отношения к политике не склонны к рефлексии по поводу собственных политических убеждений, поэтому процесс незначительных изменений посредством воздействия мемов может остаться незамеченным.

Убеждены, что по мере увеличения количества пользователей социальных сетей и использования Интернета в качестве инструмента в избирательных кампаниях мемы как способ коммуникации будут выходить на ведущие позиции.

Интернет-мемы как технология политической пропаганды представляет собой мощный инструмент влияния на политические убеждения не только молодежи, но и более возрастной категории населения.

Основным признаком интернет-мема является примитивизация транслируемого сообщения, его сокращение до нескольких предложений или слов на понятном аудитории (чаще всего молодежной) языке, а также визуальный (а в некоторых случаях и аудиальный) компонент усиливают воздействие на потребителя, что объясняет успешность использования интернет-мемов в качестве политической листовки, карикатуры или агитации. Наибольшее влияние они оказывают именно на молодежную аудиторию, так как именно в этом возрасте многие люди зависимы от мнения сверстников и, соответственно, их убеждения оказываются наиболее пластичными.

Проанализировав отношение населения к политическим интернет-мемам, автор пришел к выводу, что большинство из опрошенных просматривают интернет-мемы на политические темы, однако немногие из них задумываются над их воздействием на свои убеждения.

На наш взгляд, тематика интернет-мемов является постоянно меняющейся и пока недостаточно исследованной, что дает возможность продолжать исследование данной темы в дальнейших работах.

Руденко М.В.
ДонНУ, Донецк

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2022 Г.

В ходе проведения специальной военной операции по защите Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины (СВО) уже к середине марта 2022 г. почти вся территория Херсонской области была очищена от украинских вооруженных формирований и взята под защиту союзных сил. Необходимость налаживания мирной жизни поставила на повестку дня вопрос о формировании на освобожденных территориях лояльных и дееспособных гражданских органов власти.

10 марта 2022 г. на собрании херсонской общественности был сформирован «Комитет спасения за мир и порядок». Данный шаг можно рассматривать как первую попытку формирования на основе народного представительства коллегиального органа власти на территории освобожденной Херсон-

ской области. Задачами Комитета декларировались — поддержание правопорядка и законности на территории Херсонской области, а также налаживание торгово-экономических и социально-культурных связей региона с Российской Федерацией.

Некоторое время в Херсоне и области в гражданском управлении сохранялось двоевластие, характерное для переходных периодов. В городах и районах региона продолжали работать получившие свои должности еще при украинской власти мэры и главы районных государственных администраций, которые должны были заниматься жизнеобеспечением территорий. Попытки некоторых из этих должностных лиц «усидеть на двух стульях», а именно — подыгрывать киевской пропаганде и организовывать массовые акции в интересах украинских нацистов и спецслужб, рискуя жизнями жителей доверенных им населенных пунктов, остро поставили вопрос о необходимости создания, с одной стороны, независимой от украинских чиновников, а с другой — дееспособной вертикали гражданской власти.

26 апреля 2022 г. в Херсонской области был сформирован новый временный орган государственной власти — военно-гражданская администрация (ВГА), которую возглавил известный в регионе политик Владимир Сальдо, руководивший Херсоном до 2012 г. В последующем на Херсонщине по тому же принципу были созданы районные военно-гражданские администрации. Символическим отражением становления новой политической субъектности Херсонской области, происходящего вне рамок прежней украинской юрисдикции и тяготеющего к российской исторической традиции, стала прошедшая 7 мая презентация нового герба области, основанного на утвержденном в 1803 г. в Российской империи первом гербе города Херсона.

В последующие месяцы ускоренными темпами продолжал развиваться процесс теснейшей интеграции Херсонской области в государственное пространство России и в российскую парадигму государственного управления. Изучив опыт построения структур органов власти в регионах Российской Федерации, глава ВГА Херсонской области Владимир Сальдо заявил, что решил сформировать Правительство Херсонской области, подобрав туда лучшие кадры не только среди жителей Херсонщины, но и среди российских профессиональных управленцев. 4 июля 2022 г. Председателем Правительства Херсонской области был назначен бывший Первый заместитель Председателя Правительства Калининградской области Сергей Елисеев (Декларация «Русский Херсон» / Официальный сайт Администрации Херсонской области. URL: <https://khogov.ru/activity-documents/deklaracziya-russkij-herson/?ysclid=16nagl9k6w1034056> (дата обращения: 11.09.2022)).

Формирование правительства Херсонской области стало ключевым моментом для понимания будущего региона. Это были не просто кадровые перестановки или ротации. Был сформирован принципиально иной, полноценный орган власти — первое правительство не зависимой от нацистской Украины Херсонской области. То, что в состав этого правительства вошли не только херсонцы, но и российские управленцы, предельно ясно указывало на направление будущей интеграции Херсонской области.

Таким образом, на сентябрь 2022 г. можно выделить 3 основных этапа в первоначальном становлении органов власти освобожденной Херсонской области: 1) первая половина марта — конец апреля — функционирование сформированного на собрании общественников области представительного коллегиального органа «Комитет спасения за мир и порядок» с одновременной попыткой привлечь к работе по жизнеобеспечению территорий органы местного самоуправления и районные государственные администрации, существовавшие в регионе до начала СВО, характеризуется аморфностью центральной власти, периодом фактического двоевластия на местах; 2) конец апреля — начало июля — создание и функционирование временного органа государственной власти — военно-гражданской администрации Херсонской области, а также системы местных военно-гражданских администраций, характеризуется становлением новых, ориентированных на российский опыт госуправления, властных институтов; 3) начало июля — сентябрь (время написания материала) — создание и дальнейшая работа постоянно действующего органа исполнительной власти — Правительства Херсонской области, характеризуется ориентацией на опыт построения структур органов власти в субъектах Российской Федерации и дальнейшим внедрением российской парадигмы государственного управления.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В АСПЕКТЕ РАССМОТРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНЩИН-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Освещение проблематики формирования и реализации государственной научно-технической политики Российской Федерации является не просто актуальной, но стратегически важной темой в ракурсе взгляда исследователя. Ряд изменений и подходов в системе политического управления в научно-технической сфере, связанных с внешнеполитическими вызовами, также важны к рассмотрению. Особенно критичным является вопрос не только потенциала самой науки, но и формирования научно-технических кадров, обоснования ролей и функций каждого ученого, гендерной роли в развитии науки как мужчин, так и женщин-исследователей.

Интерес к данной теме обусловлен многими факторами, но главным является, безусловно, то, что равно как во внешнеполитической системе современной России, так и во внутренней происходят сегодня колоссальные изменения. Цель данных изменений не просто противостоять беспрецедентным внешним санкционным вызовам, но и сформировать сильную внутреннюю политику во всех отраслях и сферах жизнедеятельности общества.

Наука и технологии являются одним из инструментов для ответа на эти вызовы, играя важную роль не только в обеспечении устойчивого развития цивилизации, но и в оценке рисков и возможных опасностей для человечества в целом.

Тема женщин-исследователей является одной из актуальных тем современности. Более чем 150 лет назад, в середине XIX в., под влиянием политических потрясений и социальных кризисов женщины в России сформировали освободительное движение (Свярикова Н.Н., 2020). Ряд авторов, в частности Колос Л.Н., отмечает, что на данном этапе, под влиянием мнений представителей русской интеллигенции, была сформулирована философия феминистского движения, основанная на умеренно либеральной идеологии (Колос Л.Н., 2009). Целью движения стало предоставление прав экономической независимости и возможностей широкого образования, а также права заниматься научной деятельностью наравне с мужчинами.

Справедливо отмечено также, что, несмотря на факт открытия первых Высших женских курсов в 1869 г., до 1918 г. женщины в России фактически не обладали правами в их фундаментальном значении.

Под эгидой ООН была разработана Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. (вступила в силу 3 сентября 1981 г.), которая занимает важное место в ряду многосторонних международных договоров в области прав человека и направлена на обеспечение равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин.

Уже в наши дни, 22 декабря 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию A/RES/70/212, постановившую провозгласить 11 февраля Международным днем женщин и девочек в науке, празднование которого осуществляется ЮНЕСКО и структурой ООН-Женщины в сотрудничестве с учреждениями и партнерами из гражданского общества, целью которых является поощрение участия женщин и девочек в науке.

Важность учреждения подобного праздника заключается в том, что мировое профессиональное сообщество озабочено проблемой крайне низкого числа женщин среди исследователей — всего 28,8% (по данным ЮНЕСКО в 2018 г.) и старается привлечь внимание к поиску путей ее решения в том числе через популяризацию мероприятий, связанных с этим днем и посредством ресурсов медиапространства.

По статистике регионами с наиболее высокой долей женщин-исследователей являются Центральная Азия (48,1%), Латинская Америка и Карибский бассейн (45,4%), арабские государства (39,8%), Центральная и Восточная Европа (39,5%). При этом преимущественно «женскими» остаются области образования, здравоохранения, социальных и гуманитарных наук. Лишь 3% нобелевских премий в сфере науки были когда-либо получены женщинами.

В то же время в России, согласно сайту Института статистических исследований и экономики знаний ВШЭ, в 1995 г. доля женщин-исследователей составляла 48,4%, а в 2016 г. она сократилась до 40% (148,3 тыс.). В 2019 г. численность женщин-исследователей составила 136,1 тыс. чел., что на 11,6% меньше, чем в 2010 г. Численность мужчин-исследователей за этот период тоже сократилась, но не так заметно — лишь на 1,4% (2,9 тыс. чел.). Значительная часть исследователей-женщин — это молодые ученые в возрасте до 39 лет (42,5% — около 60 тыс. чел.), еще треть приходится на группу в возрасте 40–59 лет.

В большинстве стран СНГ доля женщин-исследователей выше, чем в России. Так, в Азербайджане среди исследователей 59% — женщины, в Казахстане — 52,3%, Республике Молдова — 48,5%.

Тем не менее, по данным «Доклада ЮНЕСКО по науке» в 2017 г., на планете работает примерно 8 млн ученых, из них 400–500 тыс. — в России. Число ученых в мире стремительно растет (только с 2008 по 2013 г. их стало больше на 20%), а доля российских ученых в мировом научном сообществе снижается.

По мнению каждого второго россиянина, принимать решения должны ученые и научное сообщество (51%). Их доля выросла с 2013 г. (44%). Каждый пятый считает, что решения должны принимать государство и органы власти, их доля снизилась с 2013 г. практически в два раза и сохраняется на уровне 23% с 2018 г. Завершает первую тройку население/обычные люди (13%).

К сожалению, образы «женщины-учителя», «женщины-ученого» отошли на второй план, предоставив место образам «женщины-красавицы», «бизнес-леди». Данные изменения связаны с изменениями ценностей и приоритетов в условиях нового времени, но их важно менять.

Для исправления ситуации разрабатываются новые подходы, методики, создаются информационные акценты. В формате программ и мероприятий осуществляется грантовая и премиальная поддержка женщин-исследователей.

Россия Н.Т.
КубГУ, Краснодар

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Полиэтнический состав России и особенности ее территориального устройства характеризуют проявление идентичности в пространственно-территориальных измерениях: субнациональный (локальный, региональный) и национальный. Процессы нациестроительства, централизации и унификации национального государства определяют контуры политики идентичности на национальном уровне. На некоторых территориях в подвижной иерархии конкурирующих между собой идентичностей доминирующей оказывается именно субнациональный уровень¹. Процессы конструирования и поддержания локальной идентичности в фокусе внимания отечественных исследователей появились сравнительно недавно. Это связано с разнонаправленной активностью регионов в процессе постсоветской трансформации, на которую влияет значительное количество условий: социально-политическая конъюнктура, параметры социально-экономического и этнокультурного неравенства, компенсаторные процессы идентификации (например, актуализация исторического прошлого), инерция матрицы идентичности, сформировавшаяся в советский период².

В качестве эмпирической базы исследования были использованы транскрипты фокус-групп и экспертных интервью, проведенные коллективами ученых в рамках двух научных проектов: «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» при поддержке Российского научного фонда. Результаты данного исследования могут стать основой для концептуализации политик идентичности и характеристики включенности технологий символической политики и политики памяти в структуру политики идентичности на локальном уровне. Включение технологий политики идентичности в стратегии продвижения уникальности территорий позволяет решить ряд задач на локальном уровне: включенность различных социально-политических групп в проекты развития территорий, повышение уровня местного патриотизма, интеграция в общенациональный и региональный историко-символический контекст.

По итогам исследования выявлена группа факторов, влияющих на вариативность политики идентичности: эндогенные (лидерство, местные традиции и обычаи, кадровый потенциал территории) и экзогенные (реализуемые инвестиционные проекты, миграционные показатели, включение в федеральные и международные проекты). Выделены три основных типа политики идентичности: реактивный, проактивный, активный. Реактивная политика идентичности характеризуется отсутствием выработанной стратегии развития местных сообществ и ситуативным включением отдельных субъектов политики идентичности в мероприятия, инициированные извне и способствующие актуализации локальной идентичности. Проактивная политика идентичности представляет собой набор разрозненных мер, основанных на включенности ряда субъектов и институциональных механизмов, но не имеющих общей

¹ Прохоренко И.Л. Территориальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2011. С. 135–140.

² Сагитова Л.В. Динамика этнического фактора в политике идентичности современного Татарстана // Вестник Российской нации. 2018. № 4 (62). С. 59–70.

стратегии и инклюзии в проекты развития территорий. Активная политика идентичности включает в себя восприятие субъектами и местным сообществом локальной идентичности как ценности и ресурса развития, имеется стратегия и ее институциональное воплощение; политика идентичности дифференцирована по направлениям и является неотъемлемым компонентом разработки и реализации стратегии развития муниципальных образований.

Внимание к локальной идентичности связано с политическими факторами развития территорий. Включение технологий символической политики и политики памяти в стратегии продвижения уникальности территорий позволяет решить ряд проблем на локальном уровне: выключенность различных социально-политических групп из проектов развития территорий, низкий уровень местного патриотизма, дезинтеграция из общенационального и регионального историко-символического контекста. Разработка политико-управленческих практик, базирующихся на использовании технологий политики идентичности, актуализирует инструментальное значение локальной идентичности как ресурса развития территорий.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда № 22-18-20059, <https://rscf.ru/project/22-18-20059/>.

Русских М.С.
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

МУСУЛЬМАНСКОЕ «НОВОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ» В СР БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (КОНЕЦ 1980-Х — НАЧАЛО 1990-Х ГОДОВ)

В начале 1990-х годов мусульманское «новое национальное движение» в СР Боснии и Герцеговине (рассматриваемое автором через подходы М. Гроха и Р. Брубейкера) гипотетически могло достичь собственных целей в условиях распада Союза коммунистов Югославии и начала борьбы за власть на республиканском уровне, наличия сходных тенденций («нового национального движения») в СР Хорватии, полной делегитимизации и парализации федеральных институтов государственной власти СФРЮ (в том числе и особенно — силовых структур), отказа республик СФРЮ от перехода к широкой федералистской (конфедералистской) модели отношений, предотвращения или разрешения проблем, связанных с потенциальными зонами нестабильности, решения «мусульманского вопроса» в СР Сербии и СР Черногории и наличия существенной внешнеполитической поддержки, т.е. вероятность его успеха была крайне низкой.

По данным последней достоверной переписи населения СФРЮ (1981 г.) в СР Боснии и Герцеговине могли быть выделены 12 зон с характерным этническим/национальным составом: зона 1 — 18 общин с преобладанием сербского населения на приграничной и внутренней территориях, преимущественно в исторической области Боснийская Краина; зона 2 — 3 общины с преобладанием сербского населения на приграничной и внутренней территориях в исторической области Семберия; зона 3 — 3 общины с преобладанием сербского населения на внутренней территории, преимущественно в исторической области Романия; зона 4 — 8 общин с преобладанием сербского населения на приграничной и внутренней территориях, преимущественно в исторической области Герцеговина; зона 5 — 2 общины с преобладанием хорватского населения на приграничной территории в исторической области Боснийская Посавина; зона 6 — 2 общины с преобладанием хорватского населения на внутренней территории в исторической области Центральная Босния; зона 7 — 10 общин с преобладанием хорватского населения на приграничной и внутренней территориях, преимущественно в исторической области Герцеговина; зона 8 — 2 общины со смешанным населением на внутренней территории в исторической области Боснийская Краина; зона 9 — 9 общин со смешанным населением на приграничной и внутренней территориях в исторических областях Боснийская Посавина, Усора и Соли и Центральная Босния; зона 10 — 7 общин со смешанным населением на внутренней территории, преимущественно в исторической области Центральная Босния; зона 11 — 2 общины со смешанным населением на внутренней территории, преимущественно в исторических областях Верхняя Босния и Романия; зона 12 — 2 общины со смешанным населением на внутренней территории в исторической области Герцеговина.

Выделение приведенных выше зон создавало для актора (акторов) мусульманского «нового национального движения» трилемму выбора централистской, федералистской либо деволюционной (с передачей властных полномочий на уровень областей или общин без федерализации республики) модели государственного строительства, при этом выбор централистской модели непременно привел бы к росту этнополитической конфликтности в указанных зонах по причине исключавшего

признание друг друга характера стремлений акторов полей «мусульманское “национализирующееся государство”/“новое национальное движение”», «сербское “национальное меньшинство”» и (при соответствующих обстоятельствах) «хорватское “национализирующееся меньшинство”» с перспективой перерастания их отношений в открытый этнополитический конфликт при содействии акторов полей «сербское “внешнее отечество”» и «хорватское “внешнее отечество”» (цели актора (акторов) поля «мусульманское “национализирующееся государство”/“новое национальное движение”» — обретение независимости от СФРЮ и построение нового национального государства; цели актора (акторов) поля «сербское “национальное меньшинство”» — сохранение в составе СФРЮ, что предполагало односторонние действия по автономизации, и сохранение связи с актором (акторами) поля «сербское “внешнее отечество”»; цели актора (акторов) поля «хорватское “национализирующееся меньшинство”» — обеспечение признания и сохранение связи с актором (акторами) поля «хорватское “внешнее отечество”»; цели актора (акторов) поля «сербское “внешнее отечество”» — предотвращение обретения независимости и построения нового национального государства актором (акторами) поля «мусульманское “национализирующееся государство”/“новое национальное движение”», т.е. фактически — разрушение данного поля в определенной перспективе, и сохранение влияния на актора (акторов) поля «сербское “национальное меньшинство”»; цели актора (акторов) поля «хорватское “внешнее отечество”» — обеспечение признания актора (акторов) поля «хорватское “национализирующееся меньшинство”» и сохранение влияния на него (них)); выбор федералистской либо деволюционной модели с высокой долей вероятности не решил бы проблему конфликтности отношений мусульманского «нового национального движения» и «сербского блока» в СФРЮ в целом по причине исключавшего признание друг друга характера стремлений акторов и был крайне маловероятен в силу различных причин (в основном вследствие отсутствия необходимого для реализации приведенных выше моделей политического опыта).

Рустамова Л.Р.
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, Москва

ИНСТРУМЕНТЫ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В КОНФЛИКТАХ (КЕЙС УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА)

В последнее десятилетие наблюдается тенденция к силовому решению споров и возрастанию количества внутренних конфликтов, при этом все чаще наблюдается процесс постановки новых видов дипломатии на службу военным конфликтам. Инструменты культурной дипломатии становятся дополнительными инструментами на военном театре действий. При этом культурная дипломатия осуществляется как институтами публичной дипломатии, так и военными структурами. Значимость культурной дипломатии состоит в том, что она позволяет выдвигать свою версию конфликта, закреплять свои военные победы в информационном поле, интерпретировать те или иные события, бороться за симпатии общественности, создавать дискурс и даже определять ход военных событий. Ее инструменты достаточно разнообразны и давно вышли за рамки концертов или просветительской деятельности. Сегодня институты и акторы культурной дипломатии задействуют социальные сети, борются за внимание не культурной прослойки, а широкой общественности именно зарубежной. Наиболее ярко культурная дипломатия задействована в текущем военном конфликте на Украине, и поэтому эти явления целесообразно рассмотреть именно на примере того, как культурная дипломатия используется в конфликте вдобавок к вооруженным действиям.

После перехода конфликта между восточными и западными частями в горячую фазу в 2014 г. основная задача культурной дипломатии Украины заключалась в изоляции восточных частей и закреплении дискурса о преимуществе принципа территориальной целостности Украины над принципом права наций на самоопределение, на котором настаивали Донецкая и Луганская республики. Этот же принцип Украина продвигала на различных площадках по отношению к территориям Крыма и Севастополя, которые вошли в состав РФ.

После начала военной спецоперации России по защите ЛНР и ДНР Украина заметно активизировала использование культуры в целях поддержки своих военных действий, а также информационной поддержке традиционных дипломатических каналов. Внешней политике Украины оказывали поддержку украинские деятели культуры и науки, а также общественные деятели. Активное вмешательство украинской власти в культурную сферу привело к резкой поляризации взглядов культурной элиты как Украины, так и России и маргинализации тех, кто отстаивал базовые принципы аполитичности культуры. Вверх взяло не просто использование культуры как пропаганды, как в самые темные времена холодной войны, но и ее становление в качестве «поля боя», что резко сузило возможности использования культурной дипломатии и иных ее направлений, например академической дипломатии, в целях поиска компромисса и нахождения путей выхода из кризиса взаимоотношений через сближение на уровне ведущих общественных групп.

Культурные мероприятия дают возможность обращения со своей повесткой к многомиллионной аудитории. Поэтому были использованы все возможные культурные площадки, в первую очередь, для донесения своего видения военных действий и привлечения к ней внимания широкой общественности. Именно в таких целях был использован конкурс Евровидение, на котором была представлена песня изначально с нейтральным посылом, но впоследствии приобретшая политический контекст. Несмотря на то что условиями проведения конкурса оговаривается исключение из него тех, кто использует его как политическую площадку, организаторы Евровидения не стали исключать Украину после того, как в финале участники группы выразили свои политические взгляды.

Использование культурных площадок и культуры в целом в конфликте на Украине носит цель изолировать противоположную сторону конфликта и продвинуть свою интерпретацию. При этом представители украинской дипломатии, традиционной и культурной, активно используют инструменты «культуры отмены» для того, чтобы добиться международной изоляции России, что входит вразрез с базовыми установками культурной дипломатии о сближении через культуру и о продвижении возможностей мирного урегулирования конфликтов посредством культуры.

Рысь В.И., Попов Н.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург

УКРЕПЛЕНИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И КИТАЯ КАК ОТВЕТ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Политико-экономические отношения России и Китая имеют длительную историю, которая насчитывает порядка четырехсот лет взаимодействий. Современный этап характеризуется сотрудничеством в форматах G20, ШОС и БРИКС, отстаивание универсальной ценности Устава ООН, кооперация в Совете Безопасности ООН и в содействии формированию многополярного мира (*Ху Цзиньтао*. Доклад на XVIII съезде КПК. 8 ноября 2012 г.).

По причине разрыва экономических отношений с ЕС Российская Федерация вынуждена искать нового крупного партнера, способного покрыть большую часть объемов экспорта. Учитывая тесные политические связи с Китаем, рынок сбыта был «повернут» на Восток.

С февраля 2022 г. Россия активно экспортирует Китаю нефть, уголь, сталь и другое сырье, предназначенное для продажи в Европу, со значительными скидками, что играет существенную роль в укреплении экономических связей между государствами. У данного процесса существует и негативная сторона, которая оказывает непосредственное влияние на уменьшение доходов компаний, занимающихся продажей обозначенной продукции. Торговля газом также характеризуется увеличением объемов.

Китай стремительными темпами выходит на первое место по ВВП на душу населения, что говорит о смене экономического лидера на мировой арене. Несмотря на подобное противостояние, США и Китай остаются взаимозависимыми друг от друга. США и выгодно используют рабочую силу Китая, и заключают выгодные сделки на покупку сырья или готовой продукции, что позволяет обеим сторонам минимизировать издержки и максимизировать прибыль. Несмотря на это, они остаются конкурентами за право носить звание сильнейшей экономики на международном рынке, следовательно, заинтересованы в ослаблении друг друга. Опираясь на данную концепцию, можно сказать, что укрепление торговых путей с Россией будет выгодно и Китаю и РФ, поскольку одни ищут место сбыта, а другие — новые каналы для постоянного сотрудничества.

Также в настоящее время опять набирает популярность вопрос дедолларизации, который активно обсуждался в 2009 г. после мирового кризиса. Именно Россия и Китай подняли вопрос о пересмотре роли доллара в мире. В настоящий момент в странах ЕАЭС около 75% валютных операций проводятся в национальных валютах. Китай также пытался заменить доллар на запасную валюту, но тогда еще нынешний президент Барак Обама заявил, что «доллар слишком силен».

Так как увеличивается торговля с Китаем, азиатский регион России получит существенный скачок вверх. Можно с уверенностью сказать, что данная территория получает импульс в развитии промышленности и инфраструктуры. В перспективе это положительно скажется на экономическом состоянии России в целом.

Свидетельством укрепления торговых связей между Россией и Китаем является тот факт, что за последние года товарооборот между странами вырос в полтора раза. По данным ФТС России, оборот в 2017 г. составил 86,9 млрд долл., а в 2021 г. уже 140,7 (ФТС // Федеральная таможенная служба. URL: customs.gov.ru (дата обращения: 14.09.2022)).

В связи с турбулентностью на международной политической арене тема сотрудничества Китая и России носит особенно актуальный характер. Как заявляют официальные представители обеих стран, взаимоотношения Китая и России достигли пика сотрудничества за всю историю.

СПОРТ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Спорт является инструментом решения мировых политических задач. Основным актором, прибегающим к этой практике, было и остается государство. Две последние Олимпиады в Сочи и Пекине предоставили большой эмпирический материал для осмысления устоявшейся практики. Практика отрицания российских и белорусских спортсменов, распространившаяся на большинство существующих сегодня спортивных ассоциаций и объединений, требует всестороннего политологического осмысления. Бойкот и/или дискредитация страны — хозяйки Олимпийских игр стало распространенной практикой в современной мировой политике. США, например, прибегали к ней несколько раз: Олимпиада в Москве в 1980 г., Олимпиада в Пекине в 2008 г., Олимпиада в Сочи в 2014 г., Олимпиада в Пекине в 2022 г. Совсем недавно фиксировали всплеск интереса экспертов-международников к теме бойкота Олимпийских игр в Пекине в 2022 г. «Что касается Олимпийских игр, то мы тесно консультируемся с другими странами, с союзниками и партнерами, чтобы гарантировать, что понимаем, в чем заключается разделяемая обеспокоенность, и, в идеале, выработать общий подход», — заявил в июне 2021 г. госсекретарь США Энтони Блинкен, выступая на слушаниях в комитете по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США. В настоящее время, когда российские и белорусские спортсмены лишены права принимать участие в международных соревнованиях, что нарушает базовые принципы спорта и свободы предпринимательства, важно проанализировать политические аспекты роли спорта в современной мировой политике.

Факторы, влияющие на политику в отношении Олимпийских игр (на примере Олимпийских игр в Пекине в 2022 г.):

- Степень торгово-экономических противоречий между Китаем и США на текущий момент.
- Актуализация проблематики прав человека на текущий момент.
- Избирательный цикл, проведение Олимпийских игр совпадает с избирательной кампанией в США.
- Отношения в треугольнике США—Россия—Китай.

Практика «бойкотирования» международных спортивных мероприятий:

1. Не направлять высокопоставленных правительственных чиновников, особенно на торжественные мероприятия открытия и закрытия игр.
2. Рекомендации знаковым и известным деятелям культуры не принимать приглашения для участия в культурных мероприятиях, сопровождающих Игры.
3. Рекомендации корпоративным спонсорам пересмотреть свои программы. Продемонстрировать, что реализация спонсорских спортивных программ нанесет вред имиджу этих корпораций и компаний. Формировать негативную реакцию потребителей на товары и услуги корпораций, демонстрирующих «моральное безразличие».
4. Создание условий и поощрение спортсменов демонстрировать озабоченность нарушением прав человека.
5. Подвергнуть пересмотру Правило 50 Олимпийской хартии, которое в настоящее время запрещает политические протесты на олимпийских объектах. Это может рассматриваться как нарушение свободы слова.
6. Запрет спортсменам конкретной страны участвовать в международных спортивных соревнованиях.

Рябинин Е.В.
МГУ, Мариуполь

РОССИЯ И ЕЕ ОТВЕТ НА ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Современный мировой порядок находится в состоянии транзитности. Ялтинско-Потсдамский мировой порядок существовал до конца холодной войны, хотя некоторые его институциональные элементы, как, например, ООН, функционируют и сегодня, хотя в большей степени является выразителем интересов коллективного Запада. После прекращения существования СССР как субъекта международных отношений архитектуру международных отношений определяли Соединенные Штаты. Однако откровенные ошибки, совершенные США на Ближнем Востоке, привели к ее экономиче-

скому надрыву, что на текущий момент проявляется в политическом кризисе, который может перейти в ближайшее время в социальный.

С. Караганов отметил, что «Украина — важная, но малая часть процесса распада старого мирового порядка, в котором царил глобальный либеральный империализм, навязанный США, и движения к более справедливому и свободному миру многополярности и многообразия цивилизаций и культур» (Шеманн С., Караганов С. Почему Россия уверена, что не может потерпеть поражение в конфликте на Украине? // СВОП. 01.08.2022. URL: <http://svop.ru/main/42826/> (дата обращения: 02.08.2022)).

Трансформационный период, который мы сегодня наблюдаем, поставил под сомнение существование ряда государств, а для некоторых из них, как, например, для России, коллективным Западом было предусмотрено максимальное снижение ее суверенитета вплоть до распада на несколько частей. Признав необходимость отстаивания своего права на существование, Россия предприняла ряд крайне важных и радикальных шагов.

1. Радикальная реформа Вооруженных сил России. За последние 20 лет России удалось провести успешную реформу ВС, а также вооружений, что позволило ей по своему потенциалу конкурировать с ВС США, занимая вторую строчку в списке самых сильных армий мира.

2. Отстаивание интересов на постсоветском пространстве. Коллективному Западу удалось за достаточно короткий промежуток времени перенастроить политические элиты ряда постсоветских государств, а в некоторых случаях и подавляющее количество населения (Грузия, Украина, Молдова) против русского мира, создав вокруг России пояс враждебных государств при помощи использования технологий цветных революций. На протяжении всего периода своего независимого существования Россия пыталась отстаивать свои интересы в регионе, защищая русское и русскоязычное население в Приднестровье и Украине, выступая в качестве миротворческой стороны в грузинских регионах, однако фактор мягкой силы использовался достаточно слабо и неэффективно, что и позволило западным странам создать пояс откровенно враждебных к России государств.

3. Восстановление не только регионального, но и глобального влияния России. Выступление президента России В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в 2007 г. стало первым сигналом позиции России, которую уже в августе 2008 г. США проверили на серьезность при помощи эскалации конфликта в Южной Осетии. Так называемая «арабская весна», которая стала катализатором успеха для ИГИЛ, стала важным моментом в контексте очередного этапа трансформации мирового порядка и возможного перераспределения ресурсов и путей их доставки. Успешная операция в Сирии позволила снизить потенциал деятельности террористических элементов на территории России.

4. Усиление функционирования регионализма и рост роли региональных объединений для защиты интересов государств в них входящих. Активные процессы открытого регионализма происходят, прежде всего, на территории евразийского региона. ЕАЭС, ОДКБ, ШОС — это укрепление позиций России на постсоветском пространстве. И если БРИКС — это не региональная, а глобальная организация, которая пытается противостоять Западу, конечно же, в финансово-экономическом формате, то ШОС, ЕАЭС и ОДКБ — это обеспечитель стабильности «подбрюшья» евразийского региона, от сплоченности которого зависит также и успех функционирования БРИКС. Требование России осуществлять платежи за энергоносители в рублях является мощным шагом на пути к финансовой независимости государства. Расширение ШОС за счет Ирана позволит завершить институциональное объединение основных противников США, а именно, РФ, Китая и Ирана. В последнее время ряд государств также заявили о желании вступить в ШОС. Таким образом, мы наблюдаем формирование коллективного Востока посредством расширения ШОС.

5. Укрепление независимости. Главным признаком переходного периода, а также основной характеристикой последующего мирового порядка будет *завершение эпохи глобализации и восстановление важности института суверенитета (но только для узкого круга государств)*. Текущая ситуация является явным признаком того, что эпоха глобализации подходит к своему завершению. Ее активная фаза наблюдалась в последние 30 лет и была обоснована распадом Советского Союза, вовлечение ее бывших республик (а также стран социалистического лагеря в некоторых случаях) в процесс интеграции в евроатлантические структуры. Данная эпоха характеризовалась активными интеграционными процессами на межгосударственном уровне, что в некоторых случаях (ЕС, НАТО) означало добровольный отказ от суверенитета. Главной задачей России является закрепление суверенитета своего государства как одного из полюсов мировой политики.

Рябова Т.Б.
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

СОВЕТСКИЕ КИНООБРАЗЫ КАК РЕСУРС ЛЕГИТИМАЦИИ МОДЕЛЕЙ МУЖЕСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В разгар операции ВКС РФ в Сирии (2016 г.) появился календарь, в котором мировые политики (В. Путин, С. Лавров, Б. Обама и др.) были представлены в качестве персонажей советского фильма «Белое солнце пустыни» (реж. В. Мотыль, 1969); в образе главного героя, Федора Сухова, был изображен президент России. Кинообразы из советского фильма, таким образом, выступили в качестве ресурса современной символической политики¹.

Цель доклада состоит в анализе гендерного аспекта политизации советских кинообразов. Объект исследования — фильм «Белое солнце пустыни» и его интерпретация в современном российском политическом дискурсе. Центральной проблемой станет вопрос о том, как созданные в фильме образы привлекаются для формирования и поддержания национальных моделей мужественности в современной России.

Сегодня эта картина не просто стала частью массовой культуры, но также превратилась в элемент национальной мифологии и российской идентичности. Ее персонажи (прежде всего образы Сухова и Верещагина) активно привлекаются актерами символической политики (например, образ таможенника Верещагина является одним из важнейших неофициальных символов Таможенной службы РФ).

Популярность фильма в постсоветское время объясняется в том числе тем, что он создавал национальный образ мужественности. К характеристикам, составляющим ядро стереотипа мужчины (сила, решительность, смелость, контроль и самоконтроль и др. (качества героя вестерна — супермена, в одиночку расправляющегося с врагами)), добавляются компоненты национального стереотипа мужественности: отзывчивость, душевность, бескорыстие, выносливость, патриотизм. Хотя классовые границы в фильме остаются, основными становятся национальные: Родина, держава — одна, и у Сухова, и у Верещагина. В контексте темы важна и идея о роли мужчины как защитника женщин. Кроме того, фильм содержал в себе антизападный потенциал, который в большей степени стал востребованным уже в 2000-х годах.

Символический капитал кинообразов фильма используется сегодня в двух направлениях:

Во-первых, в поддержании модели «настоящего мужика» как гегемонной маскулинности постсоветской России. Характеристики главных положительных персонажей практически совпали с утвердившейся в XXI в. новой моделью маскулинности, отвечающей потребности возрождения России и представляющей собой синтез традиционной русской, советской и либеральной маскулинности². Популяризация образа Сухова как «мужика», «настоящего русского мужика» становится политически значимой. Анализ мнений зрительской аудитории фильма в последнее десятилетие на разнообразных интернет-ресурсах показывает, что качества, которые они видят в главных героях картины, соответствуют этому канону. Примечательно, что советских киноперсонажей фильма нередко оценивают через призму современного антиамериканизма (сравнение Сухова с американскими морпехами и т.д.).

Во-вторых, образы маскулинности героев фильма привлекаются для легитимации российской власти и проводимой ею внешней и внутренней политики. Это проявилось, в частности, в период операции ВКС РФ в Сирии, в условиях актуализации темы борьбы с международным терроризмом (репрезентации Сухова как сражающегося с ИГИЛ, терроризмом внешним и внутренним). Легитимируя внешнюю политику страны, этот образ вносит вклад и в легитимацию власти, которая ее проводит. Образ Сухова как борца с международным терроризмом привлекается и для репрезентаций президента России в упомянутом календаре, названном, как и фильм, «Белое солнце пустыни» (автор — А. Будаев).

В докладе будут представлены результаты фокус-групп, в ходе которых анализировалась роль кинообразов советского кино в поддержании современных представлений о настоящем мужчине и специфике национальной модели мужественности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/> «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США»

¹ Рябова Т.Б. «Белое солнце Пальмиры»: Маскулинность киногероев холодной войны в современной символической политике // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 36–48.

² Рябова Т.Б., Рябов О.В. «Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 68–72.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПЕРИОД ИНФОРМАЦИОННЫХ КРИЗИСОВ: КАК УПРАВЛЯТЬ ДИСКУРСИВНЫМИ ПОЛЯМИ

Онлайн-пространство как часть социального пространства является драйвером развития современных социально-политических процессов и одновременно является пространством функционирования управляющих практик и средством осуществления прямого или опосредованного управляющего воздействия на акторов социально-политических практик. Субъектами управляющего воздействия выступают государство, бизнес, высшие учебные заведения, предприятия и организации, семья и общество в целом, а также непосредственно индивид. Объект управления — человеческий капитал или его отдельные виды (физический или интеллектуальный человеческий капитал) — прямо или опосредованно подвергаются управляющему воздействию онлайн-пространства, и результаты данного управления невозможно оценить до тех пор, пока ощутимые последствия не проявятся в офлайн.

Распространение фейков, массовой паники, социальных протестов или определенных деструктивных поведенческих реакций — лишь немногие из возможных проявлений последствий неконтролируемого управляющего воздействия онлайн-пространства на акторов социально-политических практик.

Онлайн-пространство, будучи глобальной площадкой функционирования сетевых дискурсов, является основным источником информации (разнообразной по достоверности, содержанию и прагматическому потенциалу) как для рядовых пользователей, так и для социальных и традиционных медиа.

Современный социально-политический контекст — когда правда либо не имеет значения, либо является искаженным представлением реальности, дезинформацией или откровенной ложью — диктует новые правила взаимодействия в обществе. Основным и самым значимым изменением становится новый набор категориальных понятий, которыми описывается текущая действительность. Понятие «правды» в современном обществе, представляющем собой глобальную сеть коммуникаций как в онлайн-, так и офлайн-пространстве (пространства, несмотря на характерные модели, способы и приемы коммуникации, в современном контексте не представляющие оппозицию «виртуального» и «реального», но являющиеся единой площадкой социальных взаимодействий), приобрело иное значение.

Современное социально-политическое онлайн-пространство как глобальное пространство представляет собой сеть пересекающихся дискурсивных полей (сформированных пользователями, социальными сетями и/или сетевыми сообществами), которые являются одновременно отражением социальной действительности и инструментом ее конструирования посредством продуцирования социолингвистических паттернов. Потребление социолингвистических паттернов, имеющих свойство устойчивости и эффективности воздействия, влияет на принятие решений пользователями, находящимися под «силовым» воздействием дискурсивного поля. Непрерывный процесс генерирования, воспроизводства и распространения сетевых дискурсов, усиленный информационно-коммуникационной составляющей сетевого общества (Интернет, социальные медиа, микроблогинги, мессенджеры), приводит к формированию и неконтролируемому функционированию дискурсивных полей, как конструктивного, так и деструктивного потенциала — формированию неустойчивой сетевой архитектуры.

Построение и верификация объяснительной модели устойчивой сетевой архитектуры взаимодействия бизнеса, власти и граждан в условиях информационных кризисов становится фундаментальной задачей современной политологии и коммуникативистики. Поскольку именно в рамках дискурсивных полей намеренно или случайно создаются социолингвистические паттерны, определяющие конструктивный или деструктивный потенциал влияния определенной сетевой дискуссии в онлайн-пространстве на развитие и трансформацию социально-политических систем в эпоху информационных кризисов, постправды и культуры отмены.

Структура дискурсивного поля влияет на распределение ролей участников коммуникации, и, как следствие, особенности производства, воспроизводства и скорость распространения сетевой дискуссии, а также ее силовой характер — способность инициировать социальное действие как онлайн, так и офлайн. Выявление и анализ триггеров формирования определенного дискурсивного поля дает возможность определения характера и прогнозирования потенциала его влияния на социально-политические процессы и управления ими.

Решение фундаментальной задачи построения и верификации объяснительной модели устойчивой сетевой архитектуры позволило исследовательскому коллективу авторов проанализировать и классифицировать дискурсивные поля «Партия — Электорат» по четырем уровням возможности реали-

зации делиберативного потенциала. Результаты анализа дискурсивных полей «Партия — Электорат» доказывают, что возможности реализации делиберативного потенциала в онлайн-пространстве являются прямым результатом многолетней реализации информационной кампании на федеральном уровне и системно не выстроенной работы муниципальных и региональных представительств партий. Нахождение партии на том или ином уровне возможности реализации делиберативного потенциала не является статичным, между электоральными циклами происходит накопление делиберативного потенциала, а в период электоральных циклов происходит смена уровня или его еще большее закрепление. Предложенная коллективом авторов методика построения и анализа дискурсивного поля «Партия — Электорат» для оценки возможности реализации делиберативного потенциала позволяет оценить и спрогнозировать пути развития новых форм делиберации и коллективного (гражданского) измерения политики в современной России как важного элемента преодоления информационных кризисов и культуры отмены.

ПУБЛИЧНОЕ ОСПАРИВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Понятие «публичное оспаривание» включает в себя формы индивидуальной или коллективной политической активности, направленные на критику, опровержение и противодействие реализуемому проекту или цели, в том числе путем внесения дополнений или альтернативных проектов. Из анализа исключаются агрессивные неконвенциональные формы сопротивления и протеста — деструктивные действия, блокирующие коммуникацию и мирную конкуренцию, ведущую к урегулированию конфликта. Наряду с традиционными видами публичного оспаривания (пикеты, митинги, голосование за оппозицию, петиции и т.п.) появились новые (флешмоб, «мирный захват» городского пространства, уличное искусство, активность в сети Интернет и т.п.), формирующие широкий спектр возможностей для коммуникации всех заинтересованных сторон, определения их позиций и нахождения компромисса.

Особенности механизмов публичного оспаривания проявляются на пяти площадках: дискурсивной, протестной, электоральной, партийно-парламентской и экспертной. Названные площадки формируют публичное поле, на котором повестка, продвигаемая органами власти и ее латентными акторами, сталкивается с общественным мнением и влиянием СМИ. Площадки различаются между собой статусом участников взаимодействия и готовностью к компромиссу, масштабом массовой мобилизации, находятся в тесном взаимодействии, оказывают взаимное влияние друг на друга.

Анализ современных практик политического оспаривания в России позволил выявить неблагоприятные структурные факторы для публичного оспаривания: замедление экономического развития, институциональное доминирование Президента РФ и исполнительной власти в целом над институтами представительной и судебной ветвей власти. Противоречивое влияние на практики публичного оспаривания оказывают доминирующие ценности российского общества. С одной стороны, большинство граждан предпочитает легальные, неконфликтные и конструктивные форматы коммуникации с властью: участие в выборах, поддержка петиций, обращения в органы власти. С другой стороны, опросы показывают низкую ценность политического участия и потребности в самовыражении, высокий уровень одобрения неправовых действий и благодушное отношение к рутинным практикам нарушения законов. Снижающаяся протестная динамика сигнализирует о социальной апатии и подтверждает слабые связи между площадками, низкую конвертацию оппонирующего потенциала одних площадок в мобилизационный потенциал других.

В современной России наблюдается слабое влияние публичных дискуссий и консультаций на итоговое содержание принимаемых решений. Результаты функционирования дискурсивной площадки демонстрируют возрастание имитационной роли этих структур. Недостатком протестной площадки является повышение уровня радикализма со стороны субъектов предъявления требований и агрессивности со стороны правоохранительных органов, объясняющих это необходимостью обеспечения безопасности проведения публичного мероприятия. На электоральной и партийно-парламентской площадках наблюдается деконструкция политического рынка, снижение роли оппозиционных партий. Последние утратили стратегическую возможность производства новых идей в силу серьезных ограничений на политическую и идеологическую деятельность. Вместо свободной критики, артикуляции и агрегирования актуальных потребностей и интересов граждан системные партии стали мобилизационным инструментом голосования и легитимизации процедуры выборов. Научная и общественная экспертиза слабо включены в контур принятия решений, практически не востребованы властными органами, разрабатывающими политические проекты.

К сожалению, в современной России немного примеров успешного конструктивного публичного оспаривания общероссийских политических проектов (на локальном уровне их гораздо больше). Иногда стихийные солидарные протестные действия граждан вынуждали власти пересматривать свои решения, идти на уступки. Однако результативное публичное оспаривание на протестной площадке не меняло сложившуюся систему отношений власти и общества. Еще более скромные результаты публичного оспаривания наблюдаются на электоральной, партийно-парламентской площадках — сферах активности профессиональных политиков.

Основными препятствиями к повышению конструктивности публичного оспаривания являются институциональный (режимный) и коммуникационный факторы. Основные институты оспаривания носят декоративно-имитационный характер, противники официального политического курса подвергаются дискредитации и стигматизации как иностранные агенты и антипатриоты. В таких условиях власть теряет навыки переговоров и компромиссов с обществом, с гражданскими структурами. Отказ от полноценной коммуникации с активной частью гражданского общества, сокращение возмож-

ностей конструктивного публичного оспаривания способны порождать непримиримость оппозиции, общую радикализацию политической ситуации в стране и выдавливание из общественного дискурса конструктивных альтернатив общественного развития.

Савина Е.В.
ТулГУ, Тула

МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПАРТИЙ С ГРАЖДАНАМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

На наш взгляд, эффективность политической коммуникации целесообразно связывать с категорией «доверие», выступающей одним из ключевых показателей авторитета политической партии.

Политическое доверие — это уровень политического интереса и граждан оказывать поддержку той или иной партии в различных формах (преимущественно результаты социально-политических исследований).

Таблица 1

Уровень доверия граждан политическим партиям (в % от общего числа опрошенных)

	ВЦИОМ		Левада-центр		ФОМ	
	2021 год	2022 год	2021 год	2022 год	2021 год	2022 год
«Единая Россия»	30,5	39,4	27	38	30	40
КПРФ	17,4	10,3	15	11	15	10
ЛДПР	6,9	8,3	8	7	7	9
«Справедливая Россия — Патриоты — За правду»	6,9	6,2	5	4	5	3
«Новые люди»	7,2	4,2	5	4	5	3

Источник: Рейтинг политических партий. URL: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii/> (дата обращения: 11.09.2022); Одобрение институтов, рейтинги партий и политиков. Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2022/06/01/odobrenie-institutov-rejtingi-partij-i-politikov-3/> (дата обращения: 11.09.2022); Политические индикаторы. ФОМ. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d35pi2022.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).

Исследования ведущих российских социологических центров демонстрируют повышение уровня доверия «партии власти» «Единая Россия».

Можно предположить, что причинной данной ситуации является активность политической партии в информационном пространстве.

Таблица 2

Охват, количество, тональность информационных сообщений на радио
о деятельности российских парламентских политических партий

Наименование политической партии	Охват (из открытых источников)	Общее количество сообщений	Характер сообщений	
			позитивный	негативный
«Единая Россия»	176,6 млн	1 649	112	175
КПРФ	149,6 млн	1 396	75	70
ЛДПР	75,2 млн	677	29	10
«Справедливая Россия — Патриоты — За правду»	98,3 млн	521	15	15

Таблица 2 показывает, что сообщениями о российских парламентских политических партиях на радио было охвачено почти 500 млн человек, из которых: 176,6 млн — о «Единой России»; 149,6 млн — о КПРФ; 98,3 млн — о «Справедливой России»; 75,2 млн — о ЛДПР.

По общему количеству информационных сообщений на радио, касающихся российских парламентских политических партий, «лидирует» «Единая Россия» (1,6 тыс. сообщений), на втором месте располагается КПРФ (1,4 тыс. сообщений), на третьем ЛДПР (0,7 тыс. сообщений) и, наконец, «Справедливая Россия» (0,5 тыс. сообщений).

Однако вместе с тем ключевой проблемой политической коммуникации партий с гражданами является «малоэффективность» обратной связи. Для решения данной проблемы партиям необходимо проводить регулярный систематический мониторинг оценок и потребностей общества, что сформирует целостные представления об их доминирующих настроениях и партийных симпатиях.

Также следует отметить, что в российском обществе наблюдается снижение интереса граждан к программам политических партий. Данная тенденция находит свое отражение в минимизации желания населения вовлеченности в партийную деятельность, а также низкой явке на выборах (например, явка на выборах в Государственную Думу VIII созыва составила чуть более 50%).

Итак, по нашему мнению, механизмами повышения эффективности политической коммуникации партий с гражданами в современной России являются:

- максимальная информационная открытость о партийной деятельности;
- изменение роли СМИ (переход от монолога к диалогу);
- повышение информационно-коммуникативной культуры граждан с учетом специфики их социально-демографических различий;
- сочетание использования различных коммуникационных каналов в целях оперативного реагирования на проблемы граждан путем получения открытой обратной связи от населения;
- привлечение к разработке коммуникативной стратегии политических партий специалистов из смежных областей (PR-специалистов, маркетологов, психологов и других);
- использование методов оценки эффективности политической коммуникации в целях проведения ее анализа на различных этапах ее осуществления (например, использование метода KPI).

Таким образом, представляется целесообразным предложить российским парламентским политическим партиям трансформировать процесс политической коммуникации с гражданами в формат открытой регулярной деятельности при условии наличия обратной связи и максимальном использовании функционала различных каналов и площадок.

Саенко И.В.
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕГАПРОЕКТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из наиболее существенных последствий радикального изменения политических ситуаций в мире является возникновение и развитие тенденции к экономическому и технологическому обособлению Российской Федерации и стран Европы и США. Соответственно, адаптация к подобным условиям становится одним из самых существенных направлений современной российской политики. Прежде всего, данный факт можно заметить при анализе риторики ключевых политических деятелей России, в частности, в появлении термина «Технологический суверенитет», заменяющего понятие «Импортозамещение»¹. Кроме того, назначенный в июле 2022 г. заместителем премьер-министра Денис Мантуров использовал термин «Импортоопережение». Это показывает, что помимо функционального аспекта данных задач они стали носить и политико-символический характер, демонстрируя возможности государства. Также немаловажным признаком увеличения политического контроля являются перестановки в данной сфере, самой заметной из которых является упомянутая ранее замена вице-преьера Юрия Борисова, ставшего главой Роскосмоса, на Дениса Мантурова. Отдельно следует выделить ряд анонсированных технологических проектов, таких как анонсированный в апреле 2022 г. национальный проект, посвященный развитию электроники, утверждение программы развития авиаотрасли² и подтверждение планов введения в эксплуатацию собственной космической станции.

Подобные действия и меры можно систематизировать в рамках теории мегапроектов. Наиболее проработанное определение было дано одним из исследователей мегапроектов Б. Фливбьоргом, которое стало наиболее распространенным: «Крупномасштабное, комплексное мероприятие, стоимостью не менее миллиарда долларов, занимающее несколько лет на его реализацию, имеющее несколько заинтересованных сторон и в перспективе оказывающее влияние на существование нескольких регионов»³.

¹ Окно возможностей: как Россия будет достигать технологического суверенитета. URL: <https://xn--80aарамремсчfmo7a3с9ehj.xn--p1ai/news/okno-vozmozhnostey-kak-rossiya-budet-dostigat-tekhnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 12.09.2022).

² Комплексная программа развития авиатранспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270017?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 10.09.2022).

³ Flyvbjerg B. What You Should Know about Megaprojects and Why: An Overview // Project Management Journal. 2014. No. 1. P. 6–19. (accessed: 07.09.2022).

Наиболее известной работой, выбравшей объектом исследований именно данную тематику, следует считать книгу Б. Фливборга и Н. Брузелиуса «Мегапроекты и риски. Анатомия амбиций». Наиболее существенными выводами, сделанными в ходе анализа заданных тем, следует выделить:

- Вследствие масштабов проекта и, соответственно, сложности его реализации возникает возможность существенного снижения уровня прозрачности, а также уменьшение требуемого уровня поддержки со стороны гражданского общества.
- Влияние мегапроектов на развитие регионов в большинстве случаев существенно преувеличивается при их разработке, оказываясь меньше прогнозируемых показателей.
- Наиболее существенным психологическим препятствием при их развитии можно упомянуть оценку рисков, в особенности при анализе экономических аспектов мегапроекта, таких как ожидаемый доход.
- При реализации мегапроектов одним из наиболее ярких эффектов является эффект «Скрытой руки», суть которого заключается в том, что, несмотря на возникновение ситуаций, когда издержки в ходе осуществления определенных проектов превышают изначально задуманные, их реализация продолжается ввиду того, что отказ от проекта представляется запоздалым решением¹.

Особо следует выделить исследования, посвященные технологическим мегапроектам, показывающие то, что подобные проекты достаточно часто использовались как символ суверенитета, в особенности развивающимися странами².

В качестве итога стоит отметить, что мегапроект как форма реализации государственных программ становится все более востребованной и привлекательной в современных условиях и потенциал для их использования еще далеко не исчерпан.

Саймонс Г.
Уппсала, Швеция

ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Растет консенсус по поводу упадка ориентированного на Запад однополярного мирового порядка США. Значительная его часть происходит по внутренним причинам, поскольку западная цивилизация становится все более мессианской, идеологической и саморазрушительной с точки зрения своей политической и культурной идентичности. Это влияет на международные отношения, геополитическую позицию и стратегию коллективного Запада. Последний утратил значительную часть своей материальной и неосязаемой мощи из-за принудительных и ненужных войн, которые уменьшили его военную, экономическую, политическую силу, репутационный капитал и влияние. Как следствие, нарастает тенденция, связанная с увеличением активности и концентрации операций в пятом стратегическом измерении (информационном), отличном от традиционного измерения (включает землю, воду, воздух и космос). Геополитический упадок подпитывается политическим кризисом, вызванным экстремистскими идеологическими движениями, а также тактикой вакеизма и культуры отмены, которые подрывают идентичность, цель, фокус и смысл западной цивилизации.

Растущий незападно ориентированный многополярный порядок обусловлен не только упадком Запада как возможностью, но и реакцией на угрозы, исходящие от этого упадка. Незападно ориентированный блок состоит из многочисленных стран Южной Америки, Ближнего Востока и Северной Африки, Азии и Африки, а также некоторых частей Европы. Ведущими державами на глобальном уровне являются Россия и Китай. Но есть игроки и регионального уровня, такие как Иран. Они сильно отличаются с точки зрения культурной идентичности, однако, как правило, более консервативны в социальном и культурном отношении, чем западный мир. Они также более прагматичны в своих взглядах на внешнюю политику и политику безопасности. Таким образом, существуют общие интересы и результаты, которые могут быть разделены указанными державами. Это получает дополнительные обоснования, когда речь заходит о непредсказуемой природе Запада и его отчаянных попытках сохранить свою глобальную гегемонию любой ценой, когда предпринимаются усилия по сведению субъектов международных отношений к простым объектам плохо продуманных и исполняемых геополитических игр, слабо базирующихся на геостратегических императивах, определенных З. Бжезинским в 1997 г.

¹ *Sunstein Cass.* Albert Hirschman's Hiding Hand. // Social Science Research Network. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2448357 (accessed: 05.09.2022).

² *Sangvai S.* 'Nation', 'Nationalism' and Mega Projects // Economic and Political Weekly. 1994. No. 10. P. 537–540. (accessed: 03.09.2022); Steinberg G.M. Large-Scale National Projects as Political Symbols: The Case of Israel // Comparative Politics. 1987. No. 4. P. 331–346.

Западный порядок, возглавляемый США, не имеет стратегической независимости или свободы оперативного маневра в нынешнем состоянии агрессивной и оборонительной геополитики, связанной со стремлением сохранить однополярный порядок. Для этого используются доверенные лица, доверенные страны и доверенные средства массовой информации. Ведется скрытый и косвенный конфликт с Китаем и Россией, а также другими субъектами, которые независимы в своих взглядах и политических решениях. Предпринимается попытка задействовать obstructивную внешнюю политику, чтобы помешать представителям многополярного порядка реализовывать свои внешнеполитические цели и интересы, что позволяет США сохранять свое относительное контекстуальное региональное и локальное геополитическое преимущество перед любым единственным соперником. Это визуализируется в виде «формочки для печенья» (стандартизированного плана) геополитики пятого измерения. Ее суть заключается в создании ведущей к конфликтам напряженности с целью сдерживания и ослабления держав: России, используя Украину, и Китая, используя Тайвань. Ортодоксальность знаний является важным аспектом информационного доминирования, когда принудительный консенсус в отношении сконструированных представлений о международных отношениях призван вызвать кризис в целевых странах и одновременно привести к самоограничению их оперативного выбора путем установления контроля за информационными потоками. Однако, поскольку в мире больше не доминирует политическая, военная, экономическая и информационная мощь США в той степени, в какой это было раньше, результат остановки или обращения вспять геополитической трансформации вряд ли будет успешным, даже если это повысит уровень глобальной нестабильности, риска и опасности.

Самаркина И.В.
КубГУ, Краснодар

МОЛОДЕЖЬ И ПОЛИТИКА: СОДЕРЖАНИЕ И ТRENДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА МОЛОДЕЖИ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Исследования неинституциональных компонентов политики в современной политической науке относятся к значимому и актуальному предметному полю. Количество различных исследований политической картины мира, политических представлений, образов и репрезентаций различных субъектов публичной политики в индивидуальном и коллективном сознании в последние годы растет, а предметное поле и его проблематизация существенно расширились. В фокусе этих исследований находятся работы по молодежной проблематике, что вполне обосновано их научной значимостью и практической востребованностью. *Что же происходит в политической картине мира современной молодежи и с политической картиной мира современной молодежи в условиях новой геополитической реальности, информационной и гибридной войны?* — на этот вопрос в числе прочих должна ответить современная политическая наука.

Политическая картина мира — один из компонентов субъективного пространства политики, являющийся результатом интериоризации политического мира как части жизненного опыта в индивидуальном и коллективном сознании. Политическая картина мира представляет собой подвижную систему представлений о власти и политике, ее структуре, механизмах, репрезентирующих политический мир в индивидуальном и коллективном сознании.

Структуру политической картины мира составляют визуально-когнитивные образы, организованные в многоуровневую систему: ядро политической картины мира содержит символические образы власти и государства (Родины); базовый уровень — образы элементов политического мира и представления о способах коммуникации между ними; инструментальный уровень включает представления о возможных для субъекта моделях политического поведения. Образ-Я, отражающий представления носителя политической картины о своей роли и возможностях в политике, находится внутри или за пределами политической картины мира (если носитель представлений не видит возможностей для участия в политике).

Политическая картина мира, как часть субъективного пространства политики, тесно связана с другими его компонентами и феноменами. *Во-первых*, политическая картина мира, а в частности, образы, составляющие ее ядро, являются ментальным основанием для формирования и конструирования национальной (национально-государственной) идентичности. Конфигурация базовых образов политической картины мира, например, образа власти, Родины, политического лидера, обусловлена архетипами национальной политической культуры. И, наконец, политическую картину мира можно определить как здесь-и-сейчас результат политической социализации, в ней одновременно присутствуют представления, заложенные/сконструированные на предшествующих этапах социализации, и образы, отражающие текущий, актуальный социально-политический дискурс. В этом отношении политиче-

ская картина мира испытывает на себе влияние политического знания (системных, научных представлений о политическом мире); политической идеологии, влияние которой обуславливает целостность и системность отдельных представлений о политическом мире; а также обыденных политических представлений, основой которых выступает жизненный опыт.

Эмпирическую базу исследования составили результаты ряда завершённых проектов, в частности проекта РФФИ «Молодежная политика в российском регионе: представления и ожидания молодежи vs практики и технологии» (2021), результаты проекта РГНФ № 16-23-20001 «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодар и Еревана)» (2017), результаты инициативных исследований образа власти, восприятия российских политических лидеров и политической картины мира (2022).

Для сбора эмпирических данных использовалась серия проективных методик: рисунок о политике, методика семантического дифференциала, шкалирование; а также — для выявления трендов динамики использовались данные исследований 2016–2017, 2020–2021 гг. методами анкетного опроса, фокус-групповой дискуссии и экспертных оценок.

Сопоставление результатов предыдущих исследований и первичных данных 2022 г. позволяет обозначить ряд трендов трансформации политической картины мира молодежи:

Первый: изменение восприятия молодежной политики как в целом части современной публичной политики (сдвиг семантического профиля молодежной политики вправо (в позитивную сторону).

Второй: консолидация позитивных оценок, отражающих восприятие молодежью фигуры политического лидера (В.В. Путина) и отражение тренда проектирования будущего страны и собственного будущего в образе лидера.

Третий: дифференциация и поляризация геополитической карты в политической картине мира молодежи.

Саримсоков З.С.
РУДН, Москва

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТУРЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Распад Советского Союза и конец холодной войны стал для Турции, которая была частью Западного блока, моментом возможностей для ведения более активной внешней политики. Проще говоря, завершение биполярного мироустройства открыло широкие возможности для Турции, которая с политической и экономической точки зрения является страной среднего звена, но с историко-культурной точки зрения является одной из самых передовых стран. Именно в это время Центральная Азия стала регионом, который привлек внимание турецких политиков и специалистов, которые в свою очередь решили воспользоваться историческим моментом для распространения влияния Турции за пределы Ближнего Востока¹. Тогдашнее руководство страны в лице Президента Тургута Озала и премьер-министра Сулеймана Демиреля решило воспользоваться тем, что у новоиспеченных независимых государств общие корни с Турцией и это дает возможность сближению данных стран с ней. Именно поэтому Турция оказалась среди тех стран, которые первыми признали независимость республик. Озал и Демирель акцентировали свое внимание на концепции тюркского мира, который, по их мнению, распространился с Адриатического моря до Великой Китайской стены и, конечно же, охватывал независимые республики Центральной Азии. Они восприняли независимость тюркских республик Центральной Азии как шанс для объединения, который дается раз в несколько столетий². Турция была одной из первых стран, которые признали независимость среднеазиатских республик, и данный факт вынудил турецкое руководство дать обещания, которые с экономической точки зрения поставили страну в трудное положение. В этот период Турция выделила кредиты в *Eximbank* для стран Центральной Азии, которые переживали экономические трудности и искали свое политическое направление. Кроме того, турецкая сторона запустила прямое авиасообщение через *Turk Hava Yollari* и инвестировала в разные сферы экономики стран региона. Также Турция оказала политическую поддержку этим странам в процессе их становления, в частности поддержала членство новых республик в международных организациях, таких как ООН, ОБСЕ и ОИК. Также были организованы встречи высших руководителей тюркоязычных стран, начали свою деятельность такие межгосударственные организации, как Совет тюркоязычных стран и Международная организация тюркской культуры и искусства (*TURKSOY*). В этот период турецкое руководство решило укрепить связи со странами Центральной Азии путем ор-

¹ Давутоглу А. Эволюция Центральной Азии, внутриазиатский баланс и Турция // *Yeni Tukiye*. Т. 3. № 15. С. 913–919.

² Мустафа Дурмуш, Харун Йылмаз. Внешняя политика Турции в Центральной Азии и ее действия за последние 20 лет // *Bağımsızlıklarının Yirminci Yılında Orta Asya Cumhuriyetleri: Turk Dilli Halklar- Türkiye ile İlişkileri*. Анкара: Культурный центр Ататюрк, 2012. С. 487–488.

ганизации частых встреч на высшем уровне, а также на уровне руководителей различных ведомств. Данные процессы сопровождались тем, что новые политические элиты новых республик, не имевшие опыт в построении суверенного государства, были в поиске пути развития и в основном смотрели в сторону Запада и США, которые проповедовали либеральный путь развития и секулярную систему управления государством. Именно поэтому Турция стала восприниматься как модель (пример для подражания), так как имела опыт построения развитого, секулярного государства, не отказываясь от своей религиозной идентичности¹. Можно сказать, что данная ситуация стала причиной того, что в девяностые годы внешняя политика Турции и политика Запада в Центральной Азии развивались параллельно друг от друга. Но во второй половине девяностых годов Турции пришлось немного сбавить темпы своего присутствия в регионе, так как переживала трудности во внутренней политике, связанные с чередой коалиционных правительств и экономическими трудностями. Также именно в этот период в Центральной Азии появились такие игроки, как Иран и Россия, особенно Россия стала играть активную роль в регионе, что было результатом пересмотра внешнеполитических приоритетов со стороны Евгения Максимовича Примакова. Естественно также стоит отметить трудности социально-экономического и общественно-политического характера, которые переживали страны Центральной Азии, например, в Таджикистане шла гражданская война, которая полностью уничтожила экономику страны.

1990-е годы между этими государствами и Турцией стали действительно плодотворными, так как в эти годы был заложен фундамент дипломатических отношений, стали развиваться двусторонние связи в таких важных областях публичной дипломатии, как культура и образование. Турция была первой страной, которая признала независимость этих стран дипломатически. Тысячи среднеазиатского происхождения с крупными учебными проектами в области образования студентов были размещены в университетах Турции. В культурном плане было запущено много различных проектов, которые способствовали усилению позиций Турции в регионе среди местного населения. Но стоит отметить, что экономический кризис, который страна пережила в 2001 г., слабые коалиционные правительства, продолжающаяся насильственная и террористическая деятельность в стране и усилия по вступлению в Европейский союз (ЕС) перехватили внимание и энергию Турции от Центральной Азии. Данная ситуация начала меняться с победой Партии справедливости и развития (AKParti) во главе с Реджепом Эрдоганом на выборах в ноябре 2002 г. Но внешняя политика Турции в отношении региона Центральной Азии радикально изменилась после второго правительства Демократической партии после 2007 г.

Саркисян О.Л.
РАУ, Ереван, Армения

ТРАНСФОРМИРУЮЩИЕСЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В армянском общественно-политическом дискурсе термин «идентичность» достаточно распространен, но используется в основном на публицистическом уровне и, фактически, отсутствуют системные исследования с позиций проблематики современных социально-политических наук. Между тем идентитарные исследования актуальны как с теоретико-методологической точки зрения, учитывая их познавательный потенциал, так и практической применимости полученных результатов. Исследование трансформации идентичностей актуализируется интенсивными глобальными и региональными преобразованиями и глубинными изменениями в разных сферах общественной жизни. Научное осмысление этой трансформации, в первую очередь, с позиций социально-политических наук, становится необходимым условием для рационального конструирования дальнейшего развития.

Исследование трансформации идентичностей важно с точки зрения реализации как эффективной внешней политики государства, так и системной внутренней политики. Осмысление факта трансформации идентичностей, которая может происходить либо спонтанно, либо в результате деятельности негосударственных акторов (религиозные или иные общественные организации), либо, зачастую, под воздействием целенаправленного влияния различных внешних акторов, побуждает государство проектировать собственную конструирующую деятельность — политику нациестроительства, имеющую стратегическое значение и направленную на внутреннюю консолидацию общества. Составляющими политики нациестроительства являются политика идентичности, политика памяти, символическая политика и др. «Диагностика» же трансформации идентичностей в обществах других государств — необходимое условие развертывания успешной внешнеполитической деятельности. В современном мире идентичности иногда трансформируются настолько интенсивно, что возникает необходимость постоянного экспертного мониторинга.

¹ *Hakan Gunes. Turkey-Central Asian Relation // Analysis of Turkish foreign policy in XXI century, 2012.*

Особый интерес представляет исследование трансформирующихся идентичностей на постсоветском пространстве. Распад СССР и появление новых суверенных государств привели к постепенной трансформации идентичности народов, входящих в Союз. Этот процесс имел как общие, так и специфические черты, которые, в свою очередь, были обусловлены особенностями политики нациестроительства в них. В целом, процессы трансформации идентичностей на постсоветском пространстве разворачивались под эгидой многоликого национализма: этнического, гражданско-государственного, державного и даже цивилизационного и конфессионального.

В некоторых формирующихся на постсоветском пространстве национальных государствах начался интенсивный процесс конструирования национальной идентичности. Особенно это касается так называемых «молодых наций», не имеющих, по существу, опыта государственности в прошлом (Азербайджан, Казахстан, Украина). За достаточно короткий период им удалось достичь серьезных успехов на пути национального строительства. Необходимо, наверное, признать, что, выстраивая отношения с этими государствами, нужно было адекватно осмысливать происходящие изменения. Так, российское экспертное сообщество, по всей видимости, не совсем адекватно «измерило» степень трансформации украинской идентичности, а в Армении недооценили успехи на пути конструирования общеазербайджанской идентичности.

Что касается самих России и Армении, то, на наш взгляд, в обоих государствах так и не сумели разработать и реализовать эффективную стратегию нациестроительства. Попытки конструирования на основе некоторых консервативных ценностей и ключевых исторических событий общероссийской идентичности пока не дали серьезного результата. В Армении же проблема нациестроительства как целенаправленной рационально организуемой политики вообще не стоит на повестке дня, причиной чего является восприятие армянства со стороны властных элит и большинства экспертного сообщества как завершенного этнокультурного целого, а не как гражданско-государственной нации.

Таким образом, исследования трансформирующихся идентичностей имеют не только сугубо академическое, но и практическое значение, так как могут обеспечить экспертное обслуживание принимаемых решений как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера.

Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-182 и 20-511-05025 соответственно.

Сафонова О.Д.
СПбГУ, Санкт-Петербург,
Федотов Д.А.

ИНИОН РАН, Москва; СПбГУ, Санкт-Петербург

АУДИТ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследование посвящено рассмотрению социально-демографических и социально-экономических характеристик российской молодежи по ключевым показателям демографии и потребления. Для определения основных демографических показателей российской молодежи необходимо прибегнуть к рассмотрению данных статистики Федеральной службы государственной статистики (ФСГС), актуальной на 1 января 2022 г. (Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 02.09.2022)). На основании данных ФСГС можно констатировать сокращение числа лиц в возрасте от 15 до 34 лет. В последние годы наблюдается убыль городского населения. В то время, как сельское население, по данным на 2020–2021 гг., сокращается медленнее практически в два раза. В целом динамика с 2014 по 2021 г. по всем показателям заключается в сокращении числа молодых людей в вышеуказанном возрасте. В ближайшие годы в случае, если ситуация не изменится, динамика сокращения сельской молодежи снизится незначительно. В то время, как динамика сокращения городской молодежи продолжит движение в этом направлении, к 2024 г. достигнув показатели в –3,3% к предыдущему году. Согласно отчетам и статистике Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) можно констатировать, что доля молодежи с 2014 г. сократилась до 27 368 077 человек и составляет 18,65% населения (Официальный сайт Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь). URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 02.09.2022)).

Таким образом, в России наблюдается тенденция снижения числа молодежи, что является важной демографической проблемой. Можно с уверенностью говорить о назревшем демографическом кризисе. Налицо уменьшение числа молодых людей. В последние годы сокращение наблюдается в городах

в то время, как сельская местность отличается относительной стабильностью, чего нельзя было сказать еще 10 лет назад.

В ноябре 2020 года аналитики *SberCIB Investment Research* представили итоги исследования молодежи, целью которого являлось изучение моделей потребления поколений Z (1997–2012 гг. рождения, «зумеры») (Исследование SberCIB: поколение Z уже задает новые модели потребления // SBER.Press 2020. 18 ноября. URL: <https://press.sber.ru/publications/issledovanie-sbercib-pokolenie-z-uzhe-zadaiot-povue-modeli-potrebleniia> (дата обращения: 02.09.2022). Исследователи сравнили модели потребления с поколением Y (миллениалы 1981–1996 гг. рождения) и поколением X (1965–1980 гг. рождения).

По результатам исследования, наиболее активными потребителями являются люди в возрасте от 30 до 39 лет. В структуре потребления поколение Z, согласно данным *SberCIB*, занимает 4-е место с показателем в 8%, миллениалы — 46%, поколение X — 30%. Характерной чертой поколения Z является большая склонность откладывать и инвестировать.

«Зумеры», в отличие от миллениалов, стремятся работать в одиночестве и стараются заниматься работой, уважаемой в обществе. 48% опрошенных молодых людей поколения Z предпочитают использовать интернет-технологии для заказа продуктов питания, интернет-шоппинга.

«Зумеры» в большей степени (63% против 47%) в сравнении с миллениалами готовы к аренде имущества вместо его покупки. Молодежь сегодня осознает ценность образования и психологического комфорта. 73% участвующих в исследовании представителей поколения Z осознают значимость образования для дальнейшей карьеры. «Зумеры» предпочитают модель онлайн-обучения (63% поддержки, у миллениалов это число колеблется в пределах 45%).

Молодежь является одной из социальных групп, которая наиболее подвержена влиянию цифровизации общества. Не возникает сомнений в том, что цифровая трансформация является ключевым фактором успешного развития экономических и социально-политических процессов. Текущие технологические вызовы заставляют интенсифицировать усилия общества в вопросах управления человеческим капиталом, включающим в себя не только инвестиции в приобретение специалистами знаний, навыков и компетенций, необходимых для соответствия высоким требованиям быстроменяющегося рынка труда, но и иные составляющие, в том числе компоненты культуры. Цифровизация создает новую социальную морфологию общества, в котором распространение инноваций существенно изменяет функционирование и взаимодействие институтов государства и власти и влечет за собой формирование новой уникальной коммуникативной среды.

Проект № 122101100030-9 «Проектирование экосистемы молодежной политики РФ в условиях цифровизации и медиатизации: политико-ценностный аудит стратегий и практик» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Сащенко Н.П.
ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва

СИМВОЛИЧЕСКОЕ КОДИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА И РИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Концепция воспроизводства оппозиции «господство — подчинение» содержит алгоритм легитимации власти и в российском обществе получает свое развитие. Этот важный механизм политической власти, предложенный известным французским социологом Пьером Бурдьё, в научном дискурсе обозначается «символическим насилием» и объясняет трансформацию политического восприятия, политической картины мира и, как следствие, политических предпочтений.

Любая власть держится не только и не столько с помощью прямого насилия, сколько через признание ее легитимной. Власть осуществляет «символическое насилие», навязывая свою систему значений, иерархию ценностей, которые приобретают естественный характер. С помощью этого механизма производится трансформация восприятия, кристаллизация отношений «господство — подчинение». Легитимность власти предполагает «незнание», бессознательное принятие людьми господствующих ценностей и установок. «Структурная мистификация» включает в себя механизмы мистификации, которые не осознаются самим субъектом управления. Это не сознательный обман, поскольку обманываются и сами мистификаторы. Поэтому свобода субъекта иллюзорна.

Динамика мотивации политических предпочтений не только определяет политический выбор в ситуации потребности, но и может до известной степени свидетельствовать о социально-культурных изменениях в обществе или предопределять вектор этих изменений.

Результат трансформации политической картины мира и мотивационных профилей политических предпочтений был явно представлен на последних президентских выборах в России 2018 года, где три-

умф нынешнего главы России позволил сделать определенные выводы о социальных представлениях в массовом сознании российского общества.

Массовый выбор В. Путина не означает отсутствие альтернативы в представлениях избирателей, а лишь говорит о том, что граждане России испытывают серьезную нехватку стабильности, прежде всего политической. Голосуя в пользу этой стабильности электорат готов пожертвовать демократическими ценностями, приобретенными за последнее десятилетие.

Известно, что появление альтернативы может носить как эволюционный, так и технологический характер. С последним явлением все понятно: в лучшем случае — это классический PR, в худшем — однобокая пропаганда средствами массовой информации или всемогущий административный ресурс.

Сложнее обстоит дело с эволюционным изменением массового сознания, точнее его категориальных структур, социальных ожиданий и представлений населения. Семантические конструкты, возникающие эволюционным путем, в отличие от технологического проявляются не сразу, имеют более длительное время формирования, но и более глубоки, и более устойчивы. Эти новые семантические конструкты, альтернативные по отношению к существующим, могут характеризовать любое политическое явление — как личность, так и институт или идею, идеологию. В начале этапа своего образования они имеют несущественные признаки и характеризуют сознание своего носителя как «разорванное», т.е. неидентифицированное с предметом конфликта. Их присутствие в массовом сознании может проявляться в неявно выраженном протестном поведении или быть источником фрустрации и разочарования.

Вывод. Поскольку конфликтный характер отношений в политической элите по распределению зон влияния завершен и дискуссия закрыта последними президентскими выборами, то проблема приобрела латентный характер, особенно в условиях реформ и военно-политических решений, сопровождаемых противоречивыми процессами в массовом сознании. Эти изменения в политической картине мира содержат в себе определенные риски дестабилизации государства и основных его институтов.

Севастьянов С.В.
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

ФРАГМЕНТАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО И ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНОВ)

В докладе даны характеристика таких ведущих мегатрендов современного мира, как одновременная глобализация/деглобализация, фрагментация и интеграция, и анализ их проявления в Азиатско-Тихоокеанском и Индо-Тихоокеанском регионах (АТР и ИТР) в условиях усиливающегося стратегического соперничества США и Китая. Также рассмотрено взаимодействие этих глобальных тенденций и трансрегионализма, продвигаемого ключевыми мировыми державами, и, в первую очередь, Китаем и США.

С приходом в 2012 г. к власти в Китае президента Си Цзиньпина руководство страны предприняло комплекс системных мер, нацеленных на достижение Пекином регионального (АТР), а в перспективе и мирового, лидерства: возродил роль КПК как ведущего института управления в Китае, выдвинул несколько новых идеологических концепций («Азиатской мечты», Сообщества единой судьбы и др.), поддержал стратегию глобализации, обеспечил лидерство Пекина в таких трансрегиональных институтах, как ШОС и БРИКС, и в развитии сетевого трансрегионализма (Инициатива Пояса и Пути). Помимо этого, продолжилось продвижение трансрегиональной экономической интеграции в АТР: Китай является безусловным лидером в Комплексном Региональном Экономическом Партнерстве (RCEP), одним из лидеров в АТЭС (APES) и, несмотря на некоторое противодействие, готовит официальную заявку на вступление в Комплексное и Прогрессивное Соглашение о Транс-Тихоокеанском Партнерстве (CPTPP).

Что касается США, то при президенте Трампе геополитическое соперничество с Китаем, начавшись с разногласий по разделяемым ценностям и стратегическим проектам, стало наиболее заметным в торгово-экономической и технологической сферах. При нынешнем президенте Байдене цели США на максимальное ослабление и изоляцию Китая остались без изменений, но при этом фокус американской стратегии сместился с односторонних усилий Вашингтона в их достижении на укрепление антикитайского сотрудничества с развитыми демократическими странами.

В результате США, а затем и Китай выработали и приступили к реализации стратегии экономического разделения (*decoupling*), и в этой связи процессы глобализации в мире в целом, как и Китаецентричные глобальные торгово-производственные цепочки (*global value chains — GVCs*) в частности, сталкиваются с очень серьезными вызовами. Помимо этого, Вашингтон продвигает разделение

с Китаем в финансовой, технологической и институциональной сферах, особенно в таких передовых секторах, как 5G, искусственный интеллект и современные полупроводники. В интересах эффективной реализации этой стратегии в ключевом Индо-Тихоокеанском регионе США совместно с ведущими демократическими государствами создали ряд не предусматривающих участия Китая трансрегиональных институтов, в том числе: неформальный стратегический форум безопасности *QUAD* (с включением такого глобального актора, как Индия); трехстороннее соглашение о безопасности *AUKUS* (США, Австралия и Великобритания) — для более глубокой интеграции науки и технологий, индустриальной базы и цепочек поставок в важнейшей сфере обороны; и, наконец, объявили о создании под эгидой США региональной группировки *IPEF* с участием 14 стран ИТР для развития торгово-экономического сотрудничества.

Реагируя на эти действия США, в 2020 г. Китай обнародовал экономическую стратегию двойной циркуляции (*dual circulation*). В качестве ее составляющих Пекин выдвинул стратегию внутренней циркуляции (*internal circulation*), предусматривающую в качестве нового движителя роста внутрикитайское производство и потребление товаров, и объединил ее с развитием внешних рынков и торгово-производственных цепочек со странами, заинтересованными в развитии экономического сотрудничества с Китаем и не так сильно опасаящимися давления Вашингтона.

Таким образом, под воздействием усиливающегося стратегического соперничества между США и Китаем одновременные процессы интеграции политически близких стран, дезинтеграции (вследствие разъединения с не разделяющими эти ценности государствами) и деглобализации становятся важнейшими тенденциями развития в АТР и АТР. При этом создание США и Китаем параллельных экономических и финансовых систем ведет к началу фрагментации мировой экономики и может рассматриваться как новый виток «холодной войны». Негативным процессам для мировой политики и экономики способствуют и масштабные экономические санкции, введенные странами Запада против России, которая в сложившейся геополитической ситуации будет поддерживать и встраиваться в экономическую систему, формирующуюся вокруг Китая.

Селезнева А.В.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва;
ЧелГУ, Челябинск

МОЛОДЕЖНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время идет процесс активного вовлечения молодежи в политику: появилось новое — молодое — поколение губернаторов, реализуются специальные проекты (например, «Лидеры России», «Конкурс политологов»), направленные на выявление молодых лидеров с соответствующими компетенциями и встраивание их в политические и управленческие процессы. Это обуславливает необходимость научного осмысления и разработки технологических оснований становления и развития *института молодежного лидерства*, который способен обеспечить квалифицированными кадрами не только органы управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, но и пространство публичной политики.

Теоретический анализ научной литературы из разных отраслей социогуманитарного знания по проблеме молодежной политики и политического лидерства позволяет определить концептуально-методологические основания для изучения молодежного политического лидерства, представляющие собой междисциплинарный синтез нескольких подходов. Политологический подход позволяет провести анализ молодежной политики как сферы формирования и развития лидеров, технологий их рекрутирования в публичную политику и государственное управление с учетом актуального социально-политического контекста. В рамках данного подхода следует опираться, в первую очередь, на разработки в области элитологии и современных политических процессов. Политико-психологический подход обладает теоретическими и инструментальными возможностями для анализа различных личностно-профессиональных характеристик молодежных политических лидеров, особенностей их формирования в процессе их становления и развития в сфере молодежной политики. Применение психологического подхода, представленного преимущественно разработками в области социальной и организационной психологии, позволяет расширить спектр параметров традиционного анализа личностно-профессионального потенциала политического лидера путем включения в него новых позиций, отражающих специфику статусно-ролевых характеристик лидеров из сферы молодежной политики. Разработки в области социологии молодежи и социологии лидерства как части общего

социологического подхода позволяют учитывать специфику социальных характеристик молодежных лидеров как представителей данной социально-демографической группы и особенности их развития в процессе социализации.

Теоретическое осмысление феномена молодежного политического лидерства в его персональной проекции позволяет выстроить концептуальную модель его изучения, учитывающую личностно-психологическое (личностные качества и психологические свойства), статусно-ролевое (профессиональные компетенции, дифференцированные в соответствии с политической ролью), образно-символическое (особенности позиционирования молодежного политического лидера в профессиональном сообществе и публичном пространстве и его восприятие) измерения.

Опираясь на представленные выше теоретические разработки, появляется возможность провести комплексное эмпирическое исследование молодежного политического лидерства как политико-психологического феномена, которое учитывает особенности сферы «происхождения» лидеров, специфику их личностных особенностей, профессиональных компетенций, технологии их рекрутирования и карьерные траектории в пространстве публичной политики и государственном управлении.

Исследование выполнено в рамках проекта № FEGG-2022-0009 «Молодежные политические лидеры в современной России: личностно-профессиональный потенциал и каналы рекрутирования», реализуемого в ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Семенов И.С.
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ

Переформатирование современного мироустройства идет в направлении пересмотра модели глобализации по западному образцу; соответственно, пересматривается и западоцентричное видение мирового развития, утвердившееся в качестве мейнстрима международно-политических исследований. Формируются новые политические пространства, субъектами которых выступают государства, но также субнациональные регионы, города, международные структуры разного уровня, транснациональный бизнес. Такие пространства могут иметь трансграничный характер и географическую привязку (например, Каспийский или Арктический регион или многочисленные, числом более 150, еврорегионы). Но они могут объединять и не имеющих общих границ государства или субъектов разного административного подчинения и правового статуса. Так, на глобальный и макрорегиональный профиль претендуют сетевые объединения городов, поддерживающие пространства многосторонних коммуникаций для обмена «лучшими практиками», продвижения туризма и т.п.

Заметное влияние на развитие «принимающих» и «материнских» государств оказывают диаспоры, формирующие диаспоральные миры разной конфигурации. Так, ирландская диаспора насчитывает порядка 50 млн человек при численности населения Ирландии в 5 млн человек; неоспоримо ее влияние в привлечении транснационального капитала в материнскую страну. А посещение спикером нижней палаты США Армении на волне обострения конфликта с Азербайджаном в сентябре 2022 г. и сделанные ей заявления с осуждением азербайджанской стороны отражают в том числе стремление получить голоса представителей многочисленной армянской диаспоры в США на предстоящих выборах в Конгресс.

Наследие бывших колониальных империй трансформируется сегодня в политические (в том числе военно-политические) и экономические связи стран англоговорящего (англосфера), франкоговорящего (франкофония), португало- (лузофония) и испаноговорящего (испанидад) миров. Эти «миры» опираются на институциональные структуры, задача которых — продвигать взаимодействие между участниками, используя в первую очередь культурный и языковой, но также и экономический капитал.

Становление новых по конфигурации и разных по природе политических пространств свидетельствуют об изменениях в институциональном порядке современного мира. Международно-правовые нормы и договорные отношения дополняются, а отчасти вытесняются и даже перекрываются неформализованными взаимодействиями, в том числе в гуманитарной сфере.

Эти процессы диктуют потребность в концептуальном осмыслении и эмпирическом анализе изменений в соотношении сил между субъектами мировой политики. Такая концептуализация тем более актуальна в условиях происходящего «поворота на Восток» и оформления вне западного политико-географического ареала новых пространств взаимодействий, имеющих разные векторы динамики. Речь идет о евразийском пространстве, которое по-разному трактуется и представляется в государствах, входящих или примыкающих к нему: контуры этого пространства не ограничиваются формами коопе-

рации в рамках соглашений о сотрудничестве, и из Китая оно может видеться иначе, чем, например, из Узбекистана или Армении.

Для развития потенциала многосторонних взаимодействий одной из ключевых скреп является поддержка в рамках общего политического пространства разделяемых ориентиров идентичности. В условиях роста международной напряженности острота борьбы за идентичность как ресурс влияния и политизация идентитарной повестки только возрастает. Об этом свидетельствует, в частности, продвижение идеи тюркского мира. Его опорная структура — Организация тюркских государств (ОТГ) — объединяет Турцию, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, в статусе наблюдателей участвуют Туркменистан и Венгрия. Под эгидой ОТГ работает Международная тюркская академия, в конце июня 2022 г. ею были утверждены тексты учебников общей тюркской истории, литературы, географии тюркского мира и учебные программы. Учебники предназначены для средней школы и изданы на трех языках — турецком, казахском и русском.

Очевидно, что значение этой инициативы выходит за рамки образовательного процесса. Школьный учебник — это важный инструмент продвижения общих ценностных установок и борьбы за идентичность, которая ведется на путях конструирования пространств памяти и ее символической репрезентации, общего видения истоков культурной и языковой общности. На таком видении выстраивается потенциал взаимодействия в разных сферах общественной жизни. Фактор идентичности целенаправленно используется как нематериальный ресурс влияния для продвижения вполне материальных интересов.

На постсоветском пространстве налицо конкуренция проектов сотрудничества, причем участниками таких проектов могут быть одни и те же государства в разных форматах взаимодействия и соперничества за лидерство. Приоритеты обеспечения безопасности и развития социально-экономического потенциала России актуализируют потребность в целеориентированной политике идентичности на евразийском пространстве, в первую очередь на протяженном российском приграничье, и разработки соответствующей стратегии в сфере образовательной политики, политики памяти и политики языка.

Сергеев С.А.
КФУ, Казань

ЗАКАТ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЛЕВЫХ РАДИКАЛОВ?

В течение 1990–2000-х годов в Западной Европе происходило формирование партийной семьи левых радикалов — партий левее социал-демократии. Партии, которые мы называем леворадикальными, сформировались на основе коммунистических партий, которые были в это время вынуждены пересмотреть свои организационные и идеологические принципы (причем это были как партии, ранее ориентировавшиеся на Советский Союз, так и еврокоммунистические, неотроцкистские и постмаоистские партии и группы). В ряде стран (в частности, в Испании и Греции) значительный вклад в формирование леворадикальных партий внесли активисты массовых социальных движений — от альтерглобалистов 1990-х годов до «Оккупей» начала 2010-х годов.

На волне массового недовольства политикой жесткой экономии, проводившейся правительствами ряда стран Евросоюза, левым радикалам удалось расширить свое присутствие в парламентах. Греческая леворадикальная партия «СИРИЗА» в 2015 г. смогла образовать коалиционное правительство, а партия «Подemos» (Испания) в январе 2020 г. вошла как младший партнер в правительство социалистов. Оппозиционная коалиция «Новый народный экологический и социальный союз», сформированная лидером «Непокоренной Франции» Ж.-Л. Меланшоном, по итогам парламентских выборов 2022 г. получила 142 мандата и стала самой многочисленной оппозиционной фракцией в Национальном собрании Франции.

Но надежды на приход леворадикалов к власти в ряде стран Евросоюза оказались тщетными. Наилучшие позиции сохраняет, по-видимому, СИРИЗА: даже потерпев в 2019 г. поражение на досрочных выборах, она остается наиболее сильной оппозиционной партией Греции (в сентябре 2022 г., по данным www.politico.eu, за нее были готовы проголосовать 27% избирателей). В Испании левая коалиция, в которую входит «Подemos», пока у власти, но рейтинги левых падают: в сентябре 2022 г. за «Подemos» были готовы проголосовать 10% опрошенных, за ИСПП — 25%, а за оппозиционную Народную партию — 32% (а в середине 2010-х гг. лидер «Подemos» рассчитывал опередить социалистов и создать коалицию с ними как старший партнер). В Германии *DIE LINKE* (Левая партия) после выборов в бундестаг осенью 2021 г. значительно сократила свое представительство. В Португалии две леворадикальные партии (Левый блок и Единая демократическая коалиция), поддерживавших правительство социалистов, на парламентских выборах в январе 2022 г. получили 4,4% и 4,3%; по сравнению с выборами 2019 г. Левый блок потерял 5,1%, Единая демократическая коалиция — 2%. Ослабление позиций левых в большинстве случаев означает усиление консерваторов и правых.

Хотя в каждой из западноевропейских стран, где мы можем наблюдать отступление левых радикалов, можно выявить свои специфические причины «отлива левой волны», но, скорее всего, главной причиной разочарования избирателя, ориентированного на левых, стала неспособность леворадикальных партий предложить внятную альтернативу политике жесткой экономии, реализуемой правительствами стран Евросоюза, свой «образ будущего», отличный и от социал-демократического, и от консервативного. В то же время можно констатировать, что партии левее социал-демократии стали частью политического ландшафта большинства государств Западной Европы, что станет, скорее всего, долгосрочным фактором, влияющим на коалиционную политику.

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007–2018 гг.: сравнительный анализ»).

Сергунин А.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург

РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИИ АРКТИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ

С советских времен Санкт-Петербургский (ранее — Ленинградский) госуниверситет традиционно выступает в качестве ведущего научно-образовательного учреждения страны, осуществляющего подготовку квалифицированных кадров для Крайнего Севера и проводящего интенсивные научные исследования по Арктике. Неудивительно, что в постсоветский период, с открытием страны для международного сотрудничества, СПбГУ активно включился в него и стал одним из инструментов российской арктической научной дипломатии (АНД).

Поначалу безусловным лидером в сфере международного арктического научного сотрудничества были представители естественных наук. Так, только за последнее десятилетие были реализованы следующие проекты:

- «*Mare incognitum* — экологические процессы в течение полярной ночи» (2013–2015 гг.).
- «Экологический менеджмент нефтяных районов Баренцева моря: норвежско-российское сотрудничество» (2014–2016 гг.).
- «Изменения на вершине мира в результате вулканизма и тектоники плит» (2017–2019 гг.).

Однако со временем в международную проектную деятельность активно включились и представители социальных наук. Так, в партнерстве с Норвежским институтом международных отношений (г. Осло) и Арктическим университетом Норвегии (АУН) (г. Тромсё) были реализованы следующие проекты:

- «Поможет ли политика сотрудничества между Россией и Западной Арктикой преодолеть нынешний кризис в отношениях России и Запада?» (2016–2018 гг.).
- «Великие державы в Арктике» (2018–2020 гг.).
- «Регулирование судоходства в российской Арктике: между международным правом, национальными интересами и геополитикой» (2019–2021 гг.).

В настоящее время завершается работа над международным проектом «Разработка оптимальной модели системы безопасности человека в Арктической зоне Российской Федерации», совместно финансирующимся Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Домом наук о человеке (Франция) (2020–2023 гг.). Отличительной чертой международного арктического научного сотрудничества СПбГУ в последние годы стали проекты междисциплинарного характера, в которых принимают участие ученые, представляющие различные научные дисциплины. Так, представители как общественных, так и естественных наук объединились в рамках ряда международных проектов по устойчивому городскому развитию в Арктике:

- «Устойчивое развитие арктических городов в России» (партнеры — Баренц-институт при АУН и Университет Дж. Вашингтона, США) (2012–2015 гг.).
- «Обеспечение устойчивого городского развития в Арктике» (грантодатель — Национальный научный фонд США, основной партнер — Университет Дж. Вашингтона при участии ряда университетов Канады и стран Северной Европы) (2016–2020 гг.).
- «Возможности и вызовы для городского развития и социальной сплоченности в Российской Арктике в условиях глобального изменения климата» (совместное финансирование программы

Евросоюза *ERA.Net RUS plus* и РФФИ; партнеры — Гамбургский университет и Университет Хельсинки (2018–2020 гг.).

СПбГУ активно развивает такую форму АНД, как проведение научных конференций и форумов по Арктике на регулярной основе. С 2012 г. СПбГУ совместно с Океанским университетом Китая проводит арктические встречи поочередно в Санкт-Петербурге и Циндао (с 2020 г. — в онлайн-формате). В августе 2014 г. на базе СПбГУ проводился 54-й Конгресс Европейской ассоциации региональной науки, где целый ряд секций был посвящен арктической тематике. В сентябре 2016 г. СПбГУ принимал 1-й Всемирный конгресс (сетевое) Университета Арктики.

СПбГУ также использует такой инструмент АНД, как работа в рамках профессиональных ассоциаций и объединений ученых-арктиковедов — Международного арктического научного комитета, Международной ассоциации арктических социальных наук, Ассоциации молодых ученых-специалистов в области полярных исследований, Тематической сети Арктического университета по арктической безопасности и геополитике и пр.

Столь значительный объем арктических научных исследований и международных контактов создал у СПбГУ потребность в их координации и упорядочении. В этих целях в декабре 2018 г. в университете был создан Научно-исследовательский центр Арктики (НИЦА). Для придания более практико-ориентированного характера АНД СПбГУ в мае 2021 г. был создан Арктический проектный офис, в распоряжение которого были предоставлены ресурсы НИЦА. Основная задача офиса — развитие грантово-проектной деятельности в области арктических исследований и поиск надежных партнеров в данной сфере.

Все это создает хорошие предпосылки для сохранения за СПбГУ лидирующих позиций в области российской АНД и, вместе с тем, способствует поддержанию плодотворных научных связей в Арктике, несмотря на попытки Запада изолировать Россию от регионального академического сообщества.

Исследование выполнено в рамках проектов, поддержанных Российским научным фондом № 22-28-01287 и 22-28-20276.

Серебряков К.Д.
СПбГУ, Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО ЛОББИРОВАНИЯ В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предваряя конституционные изменения 2020 г., годом ранее уже стали прослеживаться амбиции Государственной Думы VII созыва, анализируемой в данном исследовании, к укрупнению и повышению своей значимости в общей системе принятия государственных решений, чему, например, может послужить открытая критика спикером Думы Вячеславом Володиным выступления по вопросам осуществления и реализации национальных проектов бывшего министра Минэкономразвития Максима Орешкина в рамках правительственного часа, что создало своего рода прецедент останова доклада федерального чиновника такого ранга. Более того, социально-демографический состав Госдумы последних лет значительно изменился, в частности, снизилось число профессиональных политиков и представителей бизнеса, но увеличился процент людей с бэкграундом из бюджетной сферы, аппаратчиков, которые усиливают снижение самостоятельности депутатов на уровне неформальных практик¹.

Здесь, с методологической точки зрения, интересна позиция В.Я. Гельмана, который отмечал, что часто закономерным этапом развития автократии выступает переход от поддержания идеологии в партиях к наращиванию патронажных отношений, что позволяет формальным институтам сохранять важнейшую роль в системе принятия решений, но дополнять их возрастающим влиянием неформальных практик, потенциально искажающих политический институт². В результате этого законодательные практики приобретают краткосрочные эффекты, поскольку их реализуют лично предрасположенные недолговременные групповые коалиции, а вот закрепленные ими законодательные искажения имеют долгосрочные последствия.

Организация внутреннего лоббирования, складывание неформальных практик в виде формирования краткосрочных коалиций могут быть изучены через оценку потенциальных механизмов воздей-

¹ Кынев А.В. Государственная Дума РФ VII созыва: между «Спящим потенциалом» и партийной дисциплиной // Журнал политической философии и социологии политики. «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2017. № 4 (87). С. 71.

² Gelman V. The Dynamics of Subnational Authoritarianism: (Russia in Comparative Perspective) // Russian Politics & Law. 2010. Vol. 48. No. 2. P. 9.

ствия на принятие решений, заложенных в Регламенте Госдумы: по сути, это анализ процедур движения законопроекта в исследуемой палате парламента, содержащихся в Разделе III. Для поиска таких механизмов необходимо понимать, что мы в работе под ними подразумеваем. Итак, здесь это способ воздействия на формальную процедуру, заложенную в Регламенте таким образом, что движение законопроекта или его принятие серьезно затрудняется или облегчается по сравнению с рамками, данными в Разделе III.

Так, например, интересным представляется нововведение в пп. 1.1 ст. 107, где дается возможность записаться соавтором законопроекта в течение двух дней после его внесения, что подразумевает наличие внутренней структурной потребности в этом, вероятно, в виде системы предпочтений или установленных внутриорганизационных критериев эффективности. По итогам анализа были выделены три группы механизмов воздействия: процедурно-авторитетные способы работы; приоритизация через т.н. «игру со сроками»; «резонанс» через воздействие на количество чтений в движении законопроекта. Последние две группы механизмов необходимы для коалиционных действий, ориентированных на внешнее лоббирование. В свою очередь, процедурно-авторитетные способы работы имеют такую яркую характеристику, как соавторство проектов законов, поэтому наличие таких связей сможет показать, насколько легислатура идеологична (наличие партийной дисциплины) или склонна к патронажным отношениям.

Эмпирической основой исследования для составления связей, основанных на соавторстве, стала открытая база СОЗД, в которой содержится в наглядном виде движение всех зарегистрированных Думой законопроектов вплоть до вступления в юридическую силу нового федерального закона. Это позволило построить сети как соавторов всех внесенных в федеральную легислатуру законопроектов, так и авторов принятых Государственной Думой ПФЗ. В первом случае среднее число авторов составило 12 человек, во втором — 19. Для сравнения в предыдущие созывы число соавторов проекта нового федерального закона в среднем было в 1,5–2 раза меньше, что подтверждает активное использование возможностей, предусмотренных пп. 1.1 ст. 107 Регламента.

Анализ полученных сетей акторов на основе соавторства законов продемонстрировал, что легислатура действительно встраивается в автократическую модель: модулярность сети принятых законопроектов продемонстрировала ее хаотизацию, стала наблюдаться меньшая партийная дисциплина. Также увеличивается число соавторов законопроектов по сравнению с предыдущими созывами и наблюдается рост числа законопроектов со смешанным числом акторов по партийному признаку, что выражает нынешние принципы организации внутреннего лоббирования в Государственной Думе РФ.

Сересова У.И.
АСОУ, Москва

ШКОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ, «СКРЫТЫЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН» И НАВЫКИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Закрепившаяся во второй половине XX в. в теории образования концепция *hidden curriculum* (скрытого учебного плана) анализирует скрытые (латентные) социальные нормы и социальные функции системы образования, к которым относят трансляцию представлений о власти и неравенстве, гендере и этносе. В классических социологических работах П. Джексона, И. Иллича, П. Виллиса, Л. Альтюссера и П. Бурдьё скрытый учебный план рассматривается с позиций социально-экономического неравенства.

Теоретики критической педагогики пишут о социально-политическом контексте образования, призванного решать проблемы социального неравенства, быть ресурсом для построения справедливого эгалитарного общества. Школа вовлечена в политический процесс (А. Жиру), а образование должно способствовать освобождению дискриминируемых слоев населения (П. Фрейре) и формированию «критического гражданства» у обучающихся (П. Макларен).

Обществознание занимает особое место в контексте скрытого учебного плана, так как не только формирует личностные установки по отношению к социальным нормам, институтам, но и анализирует их с предметной точки зрения. Оно может транслировать доминирующую идеологию, легитимировать действующую политическую элиту. Проблемы личности и социализации, социального неравенства, гендера и этноса, политической власти и политического участия должны быть подвергнуты критическому осмыслению на уроках обществознания.

Говоря о политической власти в скрытом учебном плане, О. Карпенко (Обучение национальным различиям: «народ» в школьных учебниках обществоведения // Расизм в языке образования. СПб., 2008. С. 47–88) пишет, что интерпретации понятий «нация», «этнос», «народ», «гражданин» в учебни-

ках довольно противоречивы и потенциально конфликтогенны: «нация» привязывается к «территории», «африканские / азиатские» народы конструируются как менее цивилизованные, «гражданство» воспринимается как долг по отношению к государству.

М.А. Козлова (Моральные основания социальной политики в педагогическом дискурсе // Вестник ПСТГУ. Сер. 4. 2017. № 46. С. 34–47) изучает то, как в учебниках рассматриваются социальные проблемы — бедность, безработица, инвалидность, — и как с точки зрения морали и нравственности конструируется содержание государственной социальной политики по решению этих проблем. В отношении бедных и безработных преобладает «нормализующий дискурс»: авторы учебников не называют эти феномены социальной патологией и делят ответственность за эти проблемы между самими гражданами и государством. «Дискриминирующий дискурс заботы/опеки» доминирует в отношении людей с инвалидностью: они рассматриваются как пассивные получатели социальной помощи со стороны государства, а не самостоятельные акторы. В отношении неполных семей очевиден обвинительный дискурс: они маркируются как «отклоняющиеся от идеала семьи», «ошибочные».

В настоящей работе вопросы политической социализации в реализации школьного курса обществознания рассмотрены сквозь призму теории скрытого учебного плана. Эмпирическое исследование проведено методами: дискурс-анализа, материалом для которого послужили ФГОС основного общего образования и УМК по обществознанию под редакцией Л.Н. Боголюбова; опроса учителей истории и обществознания Московской области; и интервью со студентами-первокурсниками, сдававшими ЕГЭ по обществознанию. Действующий ФГОС в качестве предметных результатов обучения обществознания называет знания о политической сфере общества, умения классифицировать, сравнивать, объяснять взаимосвязи между политическими явлениями, понимать и интерпретировать различные тексты по/о политике. К личностным результатам относятся гражданское и патриотическое воспитание, т.е. готовность к выполнению прав и обязанностей гражданина, активное участие в жизни региона и страны в целом, осознание российской гражданской идентичности, ценностное отношение к «боевым подвигам и трудовым достижениям народа».

Как ФГОСы (актуальный и предыдущий), так и учебники нацелены не только на передачу знаний о политике, но и на формирование подданнической политической культуры и конформного политического поведения. Учителя, преимущественно, прибегают к двум стратегиям: 1) рассказывают только о действующих политических элитах и дают им положительные оценки, не упоминая оппозицию, 2) пересказывают учебники, избегая подбора любого дополнительного фактологического материала. Обе стратегии могут быть рассмотрены как более или менее эффективные способы политической социализации, однако они противоречат самой идее профессионального обществоведческого образования. Основанное на критическом мышлении, т.е. на умении находить и извлекать информацию из разнотипных источников и формулировать собственную точку зрения, оно составляет альтернативную «профессиональную» стратегию, которая не отражена в рассматриваемом УМК и преимущественно не применяется учителями-обществоведами.

*Сивкова Н.И., Новгородцева А.Н.
УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург*

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ВЛАСТИ КАК КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Центральным понятием политических наук является власть. Являясь достаточно изученным понятием, оно требует своей конкретизации применительно к методологии политической психологии. Для концептуализации понятия «власть» в рамках политической психологии необходимо определиться с рядом важнейших принципов ее анализа.

Во-первых, власть и властные отношения существуют в живой природе (в отличие от отношений политических), а не являются только прерогативой человеческого сообщества.

Во-вторых, важнейшим принципом анализа власти выступает принцип единства природного и социального, так как жизнедеятельность отдельных индивидов, общностей детерминирована совокупностью природных и социальных факторов. Поэтому необходимо учитывать те природные факторы, на основе которых строятся властные отношения.

В-третьих, необходимым условием существования власти является объединение в общность. При этом власть выступает обязательным условием существования общности, так как обеспечивает социальный порядок.

В-четвертых, это принцип иерархичности социальных отношений, который определяется существованием различных форм неравенства: неравенство в силе, мощи, интеллектуальных способностях и т.д. Те, кто обладает большей волей и физической силой, имеют больше возможностей навязывать свою волю другим, создавая иерархичность социальных отношений.

В-пятых, принцип упорядоченности социальной жизни. Социальные отношения требуют организованности и упорядоченности, а соответственно, и того субъекта, который возьмет на себя координацию жизнедеятельности группы.

В-шестых, существование в общности предполагает подчинение индивидуальных интересов групповым интересам.

Исходя из этих принципов целесообразно рассматривать власть как систему взаимодействия субъектов в рамках иерархии, связанного с реализацией индивидуального интереса как всеобщего с применением принуждения в условиях несовпадения интересов. Использование понятия «интерес» позволяет проанализировать власть в методологии детерминационного подхода, активно разрабатываемого в трудах академика Меренкова А.В.

В анализе власти в парадигме политической психологии необходимо исходить из природной предрасположенности индивида, а также потребностей, которые существуют у общности. Властное взаимодействие возникает, когда происходит столкновение индивидуальной природы и социальной необходимости. Первичной в появлении власти выступает природная необходимость в господстве на уровне конкретного индивида. Назовем ее потребность в господстве над другими. Известно, что от природы люди разделяются на ведущих и ведомых, таковыми они являются от рождения. При этом доля ведущих значительно меньше, чем доля «ведомых». Это говорит о том, что природными факторами предопределена небольшая группа людей, способных к структурированию общности. Эти «ведущие» являются субъектом власти и обладают особыми специфическими качествами, на которые указывается в большинстве исследований власти. Следующим качеством выступает воля, обеспечивающая принуждение других. Воля возникает тогда, когда невозможно получить желаемое без усилий. Следовательно, возникает силовой момент в обретении желаемого, который распространяется как на самого человека, так и на общность.

Превращение индивидуального интереса с группой связано с добровольным или принудительным отказом от личного интереса. Индивидуальный интерес строится на основе реализации заданных природных программ жизнедеятельности, а также на основе различия в силе, необходимой для собственной жизни и жизни других членов общности. Групповой интерес может быть обеспечен либо добровольно, либо при помощи принуждения. Если принятие интереса общности происходит добровольно, то тогда наличие власти можно определить по тому, от какого субъекта исходит требование совместной деятельности. Когда отсутствует добровольное принятие, то тогда происходит принудительное подчинение индивида требованиям субъекта. Обеспечить этот интерес может не каждый субъект, а только тот, кто обладает специфическими качествами, такими как сила, воля и совокупность социально-психологических качеств (харизма и т.д.)

Сивова С.А.
СГЮА, Саратов

ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цифровая трансформация общества является одним из приоритетных направлений внутренней политики российского государства. Об этом свидетельствует выделение данного направления в структуре государственных программ на официальном сайте Правительства РФ. Цифровой трансформации подлежат все сферы жизни общества. В соответствии с целями государственной программы «Информационное общество» к 2030 г. уровень цифровой зрелости ключевых отраслей должен достичь 100%. Характерно, что в формулировке этой цели среди ключевых отраслей прямо названы две — здравоохранение и образование. Это свидетельствует об особой значимости, которую государство придает трансформации данных сфер. Политика цифровизации образования получила закрепление и конкретизацию в федеральном проекте «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование».

Реализация этой политики привела к неоднозначным социально-политическим эффектам. Некоторые результаты материального и технического характера, которые могли быть позитивно восприняты обществом (например, оснащение образовательных учреждений современным оборудованием), были во многом перечеркнуты социально-политической интерпретацией происходящего в общественном сознании. Проводимая трансформация образования воспринимается как переход к цифровому концлагерю, превращение детей в агентов цифровой платформы, лишение их человеческого будущего. Случилось то, что нехарактерно для нашего общества: возникло протестное гражданское движение. Представителями движения против цифровизации образования являются, например, общественное движение «Родители Москвы», некоммерческая организация «Родительская палата». На сайте *Change.org* создана петиция, требующая отмены Постановления Правительства РФ от 7 декабря 2020 г. № 2040

«О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды». Немало и неорганизованных (индивидуальных) публичных высказываний граждан против проводимой в сфере образования политики (материалы, размещаемые на различных интернет-площадках). Негативная оценка политики и практики в области цифровой трансформации общества дана в докладе, подготовленном в 2021 г. Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. В этом документе, в частности, отмечается, что государство внедряет цифровые технологии без должных оснований, в спешке, часто принудительно, методом «ковровой бомбежки».

Используемые выражения — цифровой концлагерь, ковровая бомбежка — красноречиво говорят о том, что общественность воспринимает сложившуюся ситуацию не как ординарные бюрократические перегибы и неудачи, а как необъявленную войну против народа.

Столь негативному восприятию способствовали многие факторы. Например, контекст, с которым ассоциируется этот процесс. А ассоциируется он прежде всего с экстренным введением дистанционного обучения в связи с противоэпидемиологическими мероприятиями. Поскольку образовательные учреждения и родители во многом не были готовы к этому переходу, качество образования резко снизилось. Другим примером фактора, негативно влияющего на восприятие цифровой трансформации образования, являются игроки, явленные общественности на этом поле. Тот же Сбербанк и его глава Г. Греф, пользующийся устойчивой народной нелюбовью, с проектом «Ладощки», предполагающим сбор биометрических данных детей.

Таким образом, налицо противоречивая ситуация. С одной стороны, государство представляет цифровую трансформацию образования как важное, институционализированное направление внутренней политики. А с другой стороны, действует неряшливо с политико-управленческой точки зрения. При добросовестном публичном управлении данная ситуация требует серьезного внимания к стратегии и тактике реализации этой политической линии.

Сивцева Д.Д.
ИГУ, Иркутск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ПРЕКАРИАТА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Процесс формирования постиндустриального общества повлек за собой совершенно новые правила и тенденции развития социально-экономических отношений. Уже к середине 70-х годов XX в. существовавшие трудовые отношения стали подвергаться «коррозии» в странах Запада, с распадом СССР тенденция стала влиять и на российскую систему. Это связано с изменениями в рыночной экономике, сопровождающейся процессом глобализации. Стандартная модель, подразумевающая социальную защищенность работника, теряла свою актуальность и перерастала в неустойчивую форму занятости — происходил процесс прекариатизации труда, включающий в себя формирование нестабильных трудовых отношений и отсутствие каких-либо гарантий на оплачиваемый отпуск, больничные листы, пенсионные отчисления, лимитированный рабочий день и др. (Сивцева Д.Д. Концепция прекариата и реалии Иркутской области / Науч. ред. И.В. Олейников // XI Южно-Российский политологический конвент: современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность : сборник тезисов Всероссийской онлайн-конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 26–30 окт. 2021. С. 177–180).

На территории Российской Федерации прекариат появился не случайно. В 1980-х годах США стремительно начали взаимодействовать с СССР и Китаем. Это связано с попыткой Р. Рейгана выстроить доверительные отношения с социалистическими державами для дальнейшей эксплуатации. Так, США после кризиса в 1970-х годов стремительно стали «перебрасывать» промышленность и бизнес на территорию КНР, уменьшая издержки бизнеса за счет «дешевых» китайских рабочих и создавая большое количество низкооплачиваемых трудовых мест для относительно бедного населения (При Рейгане корпорации перестали считать профсоюзы неизбежным злом // АвиаПОРТ: [дайджест]. 2002. URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2002/07/16/32135.html> (дата обращения: 10.09.2022).

Параллельно с КНР США старались воздействовать на политику и экономику СССР. Благодаря политике приватизации, повторяющей принципы «рейгономики» и «тэтчеризма», государственные предприятия были приватизированы и превращены в инструмент получения прибыли для буржуазной элиты, которая начала сокращать издержки для увеличения собственной прибыли. Это привело к классовому расслоению общества и высокому уровню бедных рабочих, лишенных всех социальных гарантий и вынужденных дополнительно работать преимущественно в сфере услуг для поддержания

¹ Научный руководитель: И.В. Олейников, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета ФГБОУ ВО, Иркутский государственный университет.

прежнего уровня жизни. Несмотря на негативные стороны такой экономической политики, у государства появляется возможность исключить принцип коллективизма, создавая индивидуальные миры для поддержания собственной власти. Если люди будут озабочены лишь собственным выживанием, они практически не будут обращать внимание на политические процессы, а попытка протеста обернется неудачей в силу атомизации населения и принципа индивидуализма.

Следует выдвинуть гипотезу о том, что дальнейшее расширение прекариата подвергает общество кризисной опасности, что делает проблему актуальной и научно значимой, оказывающей влияние на все сферы жизни общества, в том числе и на политическую, что служит основой социокультурного конфликта. Необходимо проанализировать большое количество информации об условиях существования прекариата, представлении его интересов в обществе, политических предпочтениях.

Таким образом, эпоха глобализации породила классовую фрагментацию, угрожающую существованию политической власти как системы. В XX в. политическое устройство большинства государств было предназначено для удовлетворения потребностей массового класса рабочих. В XXI в. на смену пролетариату пришел новый социально нестабильный класс прекариев, однако политическое устройство мира не стремится осуществлять необходимую поддержку стремительно развивающемуся классу, что подвергает государство опасности из-за возникающей незащищенности. Следует вспомнить последствия пролетарской революции, в ходе которой рабочий класс свергает власть буржуазии, разрушает Российскую империю и пытается создать государство, направленное на развитие и поддержку класса рабочих. Не исключено, что история циклична, поэтому важно обеспечить политико-стратегическое развитие государства новыми формами регулирования и социальной защиты, благоприятствующих прекариату, наряду с новыми механизмами перераспределения основных активов общества (*Standing G. The Precariat: why it needs deliberative democracy*. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/precariat-why-it-needs-deliberative-democracy/> (дата обращения: 10.09.2022).

Сидоров В.В.
КФУ, Казань

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Процессы политизации этничности находят свое отражение, в частности, в возникновении этнических партий. В обществах, где этнополитические размежевания сильны, а этнополитические процессы по своей значимости превосходят другие социальные и экономические процессы, возникновение этнических партий является объективным явлением. Такие партии являются отражением существующих в обществе этнических размежеваний и противоречий. Этнические размежевания часто соседствуют с другими противоречиями в обществе — экономическими, классовыми, региональными.

Большинство существующих определений понятия «этническая партия» делают ударение на функции политического представительства: этнические партии в первую очередь отстаивают и борются за интересы этнической группы. Подобное определение тем не менее не позволяет четко классифицировать этнические партии. Часто возникают сложности с определением этнической группы, а также с точным определением механизмов защиты этногрупповых интересов.

Западная Европа дает политологам возможность оценить степень влияния этнических партий на политический процесс. Проведенный сравнительный анализ показал, что важнейшими институциональными переменными, определяющими значимость этнических партий, является форма правления и избирательная система. Парламентская система дает партиям больше возможностей для участия в национальном политическом процессе и борьбе за политическую власть. Западноевропейские государства в большинстве своем являются парламентскими системами, однако они используют различные избирательные системы.

Вестминстерская модель сочетает в себе парламентскую форму правления с мажоритарной избирательной системой. Такая система ведет к однопартийному устойчивому правительству. Главным недостатком данной системы является высокий уровень диспропорциональности представительства партий в парламенте. Вестминстерская модель предполагает, что партийное правительство, а значит премьер-министр, в первую очередь несет ответственность перед большинством в парламенте. Вестминстерская модель не способствует интеграции этнических групп в политическую систему и приводит к конфликтам. Если посмотреть на этнополитику в Великобритании и Канаде, то мы увидим, что этнические партии в этих государствах действительно активно мобилизуют этнические группы и политизируют этничность. В Канаде провинция Квебек долгое время проявляла тенденции к выходу из состава Канады. В Великобритании проходил референдум о членстве Шотландии в Соединенном Королевстве. Шотландская национальная партия играла ведущую роль в этом процессе, инициируя референдум. С одной стороны, референдум рассматривается как мирный способ решения этнических

конфликтов, но с другой стороны, сам факт проведения референдума свидетельствует о том, что этнический конфликт интенсифицируется. Таким образом Вестминстерская модель является не стабильной. Управление этническими конфликтами в такой модели связано со значительными рисками и издержками.

Модель общественной демократии, где парламентская система совмещена с пропорциональной избирательной системой, подходит далеко не для всех полиэтнических обществ. Сам А.Лейпхарт отмечал, что общественная демократия может быть установлена в небольших государствах, где сегменты общества примерно равны друг другу. Кроме того, А.Лейпхарт особо отмечает, что необходимы традиции согласительного стиля поведения элит. Однако большинство государств, сталкивающихся с проблемой поддержания межэтнического мира, не имеют предпосылок, определенных А. Лейпхартом. Большинство этнических партий возникают в государствах с этническими меньшинствами, где этнические группы, претендующие на политическое представительство, находятся в явном меньшинстве. Такие партии часто являются этнорегиональными и предъявляют к центральному правительству требования, связанные с усилением региональной автономии и соблюдением коллективных прав этнических групп. Даже те государства, которые построили общественную демократию, сталкиваются с серьезными политическими кризисами. К примеру, в Бельгии долгое время не могли сформировать коалиционное правительство. В Бельгии нарушился один из главных принципов общественной демократии, а именно перестал работать принцип согласительного стиля поведения элит. Это привело к затяжному политическому кризису. Этот пример еще раз доказал тезис о том, что общественная демократия основывается на очень хрупком институциональном балансе.

Разрешение или запрет на деятельность этнических партий могут менять логику функционирования форм правления в полиэтнических государствах с демократическим режимом. И президентская, и парламентская система обеспечивают доступ этнических групп к исполнительной власти, однако разными способами. Теоретические и эмпирические исследования показывают, что именно сотрудничество элит при формировании исполнительных органов власти в любой форме правления ведет к устойчивому межэтническому миру. Эмпирические исследования взаимосвязи этнических партий и этнических конфликтов в целом подтверждают гипотезу о том, что нет прямой зависимости между этими переменными. Наиболее обоснованным является вывод о том, что этнический конфликт провоцирует прямое отчуждение этнических групп от доступа к исполнительной власти. Данный тезис имеет весомое подтверждение как с точки зрения теоретических аргументов, так и в свете его эмпирической проверки.

Сизоненко А.Ю.
КубГУ, Краснодар

ЛАНДШАФТ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ И РАЗЛОМОВ ОФИЦИАЛЬНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ДИСКУРСОВ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ

Актуальность темы заключается в том, что мы наблюдаем сильное усиление роли Интернета в связи с цифровизацией всех сфер жизни человека, а также на фоне международных событий и проведения специальных военных операций на территориях, приграничных современной России. Это приводит к изменению процессов, происходящих в современной медиасфере, следствием чего является и изменение формирования повестки дня, в частности и цифровой повестки, появление фейковых новостей и альтернативной трактовки национальных процессов со стороны недружественных государств.

В настоящее время невозможно исследовать социально-политические явления без учета процессов, происходящих в онлайн-пространстве. В этой связи важным представляется сопоставление онлайн- и офлайн-пространств, выделение общих и различных черт в исследуемом периоде. В онлайн-пространстве существует возможность реализовать грамотную политическую коммуникацию, которая в настоящее время может конкурировать с классическими предвыборными технологиями.

В современном обществе цифровая повестка в Интернет выступает новым дискурсивным полем, способным формировать различные настроения общества, задавать тенденции и формировать паттерны поведения граждан в офлайн-пространстве. Исследование официального дискурса позволит выявить взаимосвязь между формированием и отражением повесток дня главами субъектов современной России.

Посредством исследования официального дискурса, представленного в форме цифровой повестки на уровне субъектов РФ (на примере аккаунтов в социальных медиа) в сравнении с исследованием гражданского дискурса (представленного анализом региональных онлайн-сообществ «Типичный»), мы можем определить точки разломов и пересечений между транслируемой главами субъектов РФ

цифровой повесткой дня и ожиданиями населения, отраженными также в комментариях под постами губернаторов.

Посредством сетевого, визуального и лингводискурсивного анализа были выявлены и описаны общие и различные особенности цифровой повестки дня, транслируемой (создаваемой и отражаемой) губернаторами и гражданами субъектов РФ в контексте исследования официального и гражданского дискурсов.

Эмпирическая база исследования представлена открытыми данными аккаунтов российских губернаторов в социальных медиа (Голубев Василий Юрьевич, Комарова Наталья Владимировна, Мельниченко Олег Владимирович, Цивилёв Сергей Евгеньевич). Полученные дата-сетсы (массив публикуемых пользователями сообщений текстового, иконографического и видеоформата в период январь 2021, июль 2021, ноябрь 2021) составили: 332 сообщения; 1261 фото- и видеоматериал; 42415 комментариев. Также использовались материалы собственного прикладного исследования гражданского дискурса посредством сетевого, визуального и лингводискурсивного анализа региональных сообществ «Типичный». Полученные дата-сетсы (массив публикуемых пользователями сообщений текстового, иконографического и видеоформата в период январь 2021, июль 2021, ноябрь 2021) составили: 4596 сообщений; 9374 фото- и видеоматериалов; 3285 комментариев.

Отметим, что в ходе проведенного исследования мы смогли построить ландшафты цифровых политических повесток, каждая из которых отличается друг от друга. Исследование повесток, поиск точек пересечений и разломов позволяет делать качественные выводы о деятельности губернаторов. Отметим, что каждый имеет отличительные особенности. Примером качественной работы является цифровая политическая повестка, формируемая в Кемеровской области. Здесь губернатор Цивилёв нацелен на общение и решение насущных проблем. Политик, несмотря на передовое развитие региона и включение во многие инновационные проекты, не забывает о проблемах мелкого характера. Этим пренебрегает губернатор Югры. Комарова провоцирует развитие кризисных точек среди населения, игнорируя реальные запросы. При этом она вовлечена в процесс развития экономики региона. Что касается Ростовской области, там существует проблема отдаления власти от населения. Губернатор затрагивает важные темы, но опирается исключительно на свое видение проблемы, что вызывает негативную реакцию среди населения и неудовлетворения их потребностей. Ландшафт цифровой политической повестки Пензенской области неоднороден. Здесь мы видим несоответствие повесток. На наш взгляд, губернатору необходимо мыслить масштабнее и войти в диалог с населением для того, чтобы грамотно реализовывать задачи в регионе.

Симонова И.А.
УрГПУ, Екатеринбург

«НЕМАТЕРИНСКИЕ» ПРАКТИКИ МАТЕРЕЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ ЖЕНЩИН В РОССИИ

Женщина, у которой появляется ребенок, оказывается в ситуации кардинальной смены организации своей жизни: меняется физическое и социальное время-пространство (локации, роли, статус, социальное окружение), молодая мать начинает выполнять ряд совершенно новых функций, связанных с процедурой ухода за детьми. Вместе с тем, перемены создают условия и для появления у матерей ряда новых специфических практик, которые можно обозначить как «нематеринские», т.е. не связанные с уходовыми процедурами. Анализ подобных практик почти не представлен сегодня в научно-исследовательском дискурсе, несмотря на важнейшую роль этих активностей в жизни женщины, а также значимость их для понимания сущности изменения социально-политического статуса женщины в ситуации материнства. Основная идея данного исследования заключается в оценке репертуара «нематеринских» практик российских матерей как основания для понимания материнства в качестве особого этапа политизации женщины, а также осмысления содержательного запроса таких женщин в качестве важной основы для формирования политики поддержки этой группы граждан России.

В первые годы после рождения ребенка женщина все чаще более конкретно осознает свои потребности и возможности, а также иным образом чем ранее начинает использовать свой потенциал, нередко проявляет большую активность в защите своих прав, начинает формировать необходимые для себя условия, приобретает новые профессиональные и мета-профессиональные компетенции, в своих желаниях ищет себе единомышленников, она начинает действовать и открыто претендовать на новые для себя сферы, следовательно, входит в поле политического. Оценка репертуара «нематеринских» практик дает возможность понять векторы женской политизации в ситуации материнства. Эмпирической основой исследования стали результаты сбора тематических высказываний женщин

в Интернете (специализированные форумы, комментарии к статьям, обсуждение новостей) ($n = 230$), анализа репродуктивных историй российских женщин, имевших опыт материнства в возрасте от 18 до 35 (полустандартизированные интервью ($n = 10$), анализ аккаунтов в социальных сетях). В результате предложена типология «нематеринских» практик, основанная на таких критериях, как сфера реализации, форма, наличие и вынужденность экономического эффекта, социальная организация практики, психологическая функция, продолжительность реализации, наличие транзитивного эффекта, рискогенность. Осмысление отдельных типов практик позволяет увидеть, что наиболее ярко женщина политизируется в области экологии, городской среды, в структуре крафтовой экономики. Высокая доля образовательных, а также транзитивных практик, оказывающих влияние на изменение жизненных стратегий молодых матерей после выхода из отпуска по уходу за ребенком, позволяют говорить о потребностях женщин в программах поддержки в области предпринимательства, а также в особом подходе к сопровождению карьерных траекторий в период ухода за ребенком. Целесообразно, в том числе, с экономической и политической точки зрения, диалог с активными матерями и акселерация перспективных женских практик, а высокая доля рискогенных практик в общей структуре «нематеринских» практик указывает на потребность в консультационной и профилактической работе. Отдельно следует отметить практики институционально политизированных мам, которые включаются в обойму социально-политических процессов посредством взаимодействия с лидирующими в данной сфере сообществами.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск».

Скипин Н.С.
ИНИОН РАН, Москва

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ИНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМА У РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ

Теоретическую основу исследования составили политико-философский и политико-идеологический подходы. Была разработана модель, в которой учитывалось основание системы принципов, лежащей в основе формирования этических представлений российской молодежи и определяющих критерии оценки ею политических процессов. Также модель учитывала связь идеологии и культуры, ценности которой выполняют функцию идеала — высшей идеи, лежащей в основе регулирования социального поведения.

Определение ценностей проходило с помощью проективных методов, без использования прямых вопросов. Респондентам задавался сюжет — короткая история, содержащая в себе ситуацию-вызов, решение которой ограничено несколькими (от двух до четырех) сценариями. Выбор той или иной стратегии решения — действия — зависел от системы ценностей и морально-политических ориентаций респондентов. Все сюжеты были разделены условно на 4 группы: затрагивающие вопросы культуры, этики, социальной коммуникации и природы. Каждый сюжет содержал в себе открытый вопрос (требование предложить ответное на внешние вызовы действие), затрагивающий ту или иную часть социальной практики, имеющую историческую или художественную подоплеку. Ответ на вопрос являлся позицией с аргументацией, дешифровка ответа позволяла выявить ценностные основания ответа.

В период с февраля по май 2021 г. было проведено 12 сессий со школьниками и студентами (возрастом от 16 до 25 лет) из нескольких городов России (Москва, Челябинск, Омск, Иркутск, Чита, Владивосток). Алгоритм проективной методики выглядел следующим образом:

- респонденты делились на 4 группы с определенными предзаданными идеологическими ориентациями: консервативными, либеральными, социалистическими и инвайронменталистскими («зелеными»);
- у респондентов были справочные материалы, опираясь на которые нужно было не выходить за рамки своей идеологической установки;
- респондентам предлагалось предложить решение кейса — сюжета, в основании которого лежала морально-этическая дилемма или ценностные вопросы, которые требовали принятия определенного решения — следующего за ситуацией действия в рамках предложенного сюжета;
- респонденты после озвучивания своих предложений и обсуждения принимали из получившегося спектра наиболее подходящее для большинства решение кейса.

В данном исследовании нас интересовало соответствие содержательной части ответов респондентов ценностным основаниям политической идеологии инвайронментализма. Идеология инвайрон-

ментализма реализуется политическими партиями и неправительственными организациями по всему миру и основывается на так называемой «Глобальной хартии зеленых» — документе, который был ратифицирован политическими партиями экологической направленности по всему миру.

В этом документе (*The Global Greens Charter*) обозначены 6 руководящих принципов инвайронментализма:

- 1) экологическая мудрость (ресурсный аскетизм; высшая ценность любой формы жизни и ее среды обитания; обеспечение изобилия ресурсов для будущих поколений);
- 2) социальная справедливость (равные права для всех индивидов вне зависимости от пола, расы, возраста, религии, класса, этнического или национального происхождения, сексуальной ориентации, ограниченности возможностей, богатства или здоровья);
- 3) партисипативная демократия (информационная открытость; равный доступ к избирательному праву и власти; прозрачность и подотчетность избирательной системы и власти; выстраивание низовых институтов принятия решений (принятие решений «на местах»); социальная поддержка молодежи; многопартийность);
- 4) ненасилие (отказ от концепции безопасности, основанной на балансе военной силы; искоренение конфликтов на национальной, этнической, расовой почве и продвижение свободы и демократии; всеобщее и полное разоружение; увеличение роли ООН в вопросах миротворчества);
- 5) устойчивость (разработка и внедрение «зеленых» технологий; поощрение локального самообеспечения ресурсами и энергией; признание основной роли молодежной культуры);
- 6) уважение к разнообразию (признание прав коренных народов на основные средства их выживания; признание прав этнических меньшинств на развитие их культуры, религии и языка без дискриминации; признание прав сексуальных меньшинств; равенство между мужчиной и женщиной; вовлечение молодежи во все сферы).

Результаты исследования показали, что:

- такой принцип, как «экологическая мудрость», в виде заботы о природе и наличия ресурсов для будущих поколений, в виде заботы о более низких в эволюционном отношении формах жизни — присутствует у 67% опрошенных;
- отрицание принципа «социальная справедливость» проявлялось в каждой группе, так как респонденты трактовали неравенство как один из атрибутов справедливости, будь-то вопросы, связанные с сохранением чужой культуры или с применением правовых норм, всегда респонденты пренебрегали принципом равенства возможностей, условий, распределения результатов;
- принцип «устойчивость» был поддержан всеми группами респондентов;
- принцип «уважение к разнообразию» в виде признания прав этнических и религиозных меньшинств был поддержан 83% опрошенных.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Ученого совета факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Образно-символические репрезентации политической идеологии инвайронментализма в кинематографе США, Франции и Японии (1982–1991 гг.)».

Слобожникова В.С.
СГЮА, Саратов; ГАУГН, РГГУ, Москва

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

При разности выбора критериев и определения особенностей Современности непреложным фактом остается важность религиозной составляющей. Противоречие между рациональным и иррациональным в политике и массовом сознании приобретает широкие масштабы и накладывает серьезный отпечаток на происходящие процессы. В современных условиях иррациональность превращается в вызов для политической власти и великий соблазн ее использования. С наступлением постсекулярности в светском мире религия начинает приобретать инклюзивные характеристики, что позволяет рассматривать как фактор общественно-политического развития не просто религию, а религиозность, которая шире по смыслам и пространству распространения в современном мире. Политика превалирует над остальными подсистемами общества, если ее рассматривать с точки зрения системного подхода. В этой логике религия концентрируется в социальной подсистеме, составляя только часть отношений, которые выстраиваются в рамках реализации политической власти. Религиозность охватывает и другие подсистемы, проникает в экономику, ее распространение приводит к клерикализации политики, а в ранее светской культуре появляется мощный религиозный пласт.

Актуализация религиозности в современных условиях объясняется несколькими причинами. *Во-первых*, это вступление в новую стадию международного противостояния, которое оказывается сложнее описанного С. Хантингтоном столкновения цивилизаций. Важнейшим фактором глобальной турбулентности является формирование нового миропорядка, который складывается в условиях нарастания противостояния прежних и новых центров силы. Религиозность используется для обработки в необходимом русле населения и ослабления противника через разложение массового сознания. Другим аспектом этой причины является стремление форсировать нациостроительство в пределах определенных территорий с использованием религиозного фактора.

Во-вторых, усложнение внешнеполитического контекста отражается на внутреннем состоянии религиозного сообщества конкретных стран. Если рассматривать религиозность с позиции религиозно-центричности, то, с одной стороны, меняются внешние условия существования религиозного мира, а с другой — возникают новые явления в структуру религиозного мира. Для глобальной турбулентности характерна не только характеристика масштаба и пространственного разворачивания, но и времени. Динамичность современному развитию придает уровень научно-технического прогресса, который выражается в ускорении коммуникационных процессов в общественно-политической сфере. Кроме того, современная турбулентность разворачивается не только в реально существующем пространстве, но и в виртуальном. Именно появление двух пространств противостояния серьезно влияет на религиозный мир, вносит серьезные корректировки в его структуру. Офлайн-религиозный мир вынужден дополняться онлайн-составляющей и в нее переносить часть традиционных религиозных практик. Сформировалась и продолжает динамично развиваться виртуальная религиозность, не имеющая аналогов в реальности. Все это серьезно влияет на качество религиозного сознания, особенно молодежи, которая находится в активном поиске мировоззренческих основ в процессе социализации и не всегда понимает необходимость для своего личностного формирования серьезной интеллектуально-духовной работы. При наличии условий для формирования органической солидарности (Э. Дюркгейм) возникает серьезный вопрос: насколько готов к этому человек, общности в которые он входит, институционализированные общественно-политические структуры. Виртуальное пространство снимает проблему контроля над истинностью веры и соблюдением культово-обрядовой части жизни людей в силу его проблематичности. Религиозные множества, как и множества, образующиеся на других основаниях, ускользают из-под властной вертикали, что потенциально опасно при потере общественных ориентиров конструктивно/деконструктивно, позитивно/негативно, полезно/вредно.

Сама логика современного развития и его особенностей вынуждает обращать пристальное внимание на религиозный мир и использовать синергетический подход к анализу общественно-политических явлений, так как позволяет увидеть значимость элементов систем, которые ранее рассматривались как периферийные, что особенно важно для корректировки в современных условиях политикоцентричного мировоззрения.

Смаль С.В.

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

БЕГСТВО КАК УГРОЗА РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА: ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Предыдущий глобальный кризис, связанный с проблемами бегства, наблюдался в 2014 году: в связи с военным конфликтом в Сирии и в целом нестабильной обстановкой в регионе, а также обострением ситуации в Центральноафриканской Республике, Южном Судане, Сомали и Демократической Республике Конго, мир испытал небывалый до этого подъем волны вынужденных переселенцев и беженцев. На конец 2014 г. число беженцев выросло во всех регионах планеты и составило без малого 60 миллионов человек.

В Россию с просьбой об убежище в тот же период обратилось около 275 тыс. человек: «Российская Федерация стала в 2014 г. крупнейшей в мире принимающей страной по количеству новых обращений», — говорится в докладе Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев «Глобальные тенденции 2014» (<https://www.unhcr.org/556725e69.html>).

По истечении восьми лет, к середине 2022 г., ситуацию с бегством можно без преувеличений назвать невиданным вызовом развития государства. На сайте Агентства ООН по делам беженцев (<https://www.unhcr.org/ru/stats>) приводятся данные, которые заставляют искать новые ответы на возникающие угрозы: в мире сейчас больше 101 млн беженцев, в то время как на конец 2021 г. их было почти 89 млн человек.

Безусловно, в фокусе внимания находятся беженцы из страны, имеющей самую протяженную с Россией сухопутную границу в западной части ее территории, еженедельно обновляемые данные

на 7 сентября 2022 г. (https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine#_ga=2.12243828.1553716782.1662912124-150773812.1650545301) по Украине таковы:

- беженцев из Украины, зафиксировавших свое пребывание в странах Европы, 7 156 748 человек;
- данные по приему в РФ существенно разнятся, от приблизительно двух миллионов до 4 008 106 человек;
- с 24 февраля по 6 сентября 2022 г. зафиксировано 12 324 430 пограничных переходов из Украины.

Безусловно, возвращение на территорию Украины может быть маятниковым и не обязательно свидетельствует об «устойчивом возвращении» граждан (<https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine>), но ситуация в регионе остается крайне нестабильной и непредсказуемой.

В чем же заключаются вызовы для социальной сферы, сопряженные с таким серьезным вызовом, как современное бегство из страны?

Эти вывозы также целесообразно разделить на несколько разделов:

- 1) касающиеся политико-юридического закрепления статуса, позволяющего претендовать на получение помощи от государства (получение статуса беженца, гражданства и т.д.);
- 2) политико-экономического характера — это, возможно, наиболее существенная часть, в связи с тем, что, как правило, именно на различные пособия и иные виды государственной и частной помощи претендуют пострадавшие в политических конфликтах перемещенные лица;
- 3) политико-символического и психологического характера: дети, родившиеся во время войны, представители младшего поколения беженцев, знающие, что насилие может быть «нормой», представляют угрозу как сами для себя, так и для других объектов управления, равно как и для субъектов управления тоже. В то время как многочисленное поколение детей (только за первый месяц конфликта украинских детей-беженцев насчитывалось, по данным ООН, порядка 4,3 млн, это половина всего детского населения страны!), которые растут в совершенно ненормальных условиях беженства или вынужденного переселенства, в лагерях и бараках, полностью лишены возможности пройти нормальную социализацию, не имеющее образования и, зачастую, даже желания его получить, неизбежно принимает те условия, в которых они растут, за нормальные, и эти дети могут в дальнейшем легко применять насилие в повседневных гражданских и политических практиках.

Таким образом, последствия бегства в социальной сфере имеют значительный потенциал для дальнейшего, гораздо более подробного изучения, а анализ вызовов беженства для государства как для целостной системы также заслуживает значительно более серьезного анализа, который можно провести, в том числе, и в рамках применения многомерных интегральных индексов.

*Сморгунов Л.В.
СПбГУ, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАК ЗАДАЧА ПОЛИТИКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В условиях интенсификации санкционной политики по отношению к России и потребность осуществлять ответную политику импортозамещения все более смещается в направлении не только замены импортных товаров и услуг национальными, но и разработки собственной стратегии технологического развития на основе технологического суверенитета. На пленарном заседании ПМЭФ 17 июня 2022 г. Президент РФ В.В. Путин заявил: «Сквозной принцип развития России — достижение технологического суверенитета, независимого от иностранных институтов». 1 сентября 2022 г. Президент РФ утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, согласно которым до 15 декабря 2022 г. правительству поручено разработать и утвердить концепцию технологического развития на период до 2030 г. В этом отношении политический сдвиг от технологического импортозамещения к технологическому суверенитету не только опирается на технократическую основу (наука, техника, рациональность), но и требует широкой общественной инициативы, направленной на поддержку и участие в движении за технологический суверенитет. Демонстративная политика необходимости технологического суверенитета, следовательно, опирается на механизмы сочетания различных стратегий обоснования, которые присутствуют в публичном пространстве России. Под технологическим суверенитетом некоторые понимают определенные способности государства разрабатывать критически важные технологии или получать их извне без односторонней структурной зависимости. Другие полагают, что технологический суверенитет заключается в обладании критическими технологиями и поддержании технологического паритета с другими странами.

В целом понятие технологического суверенитета, если не брать его риторическую функцию, направленную на противостояние технологическому доминированию извне, означает способность, контроль и автономию государства в отношении технологий и технологического развития на соответствующей территории. Политика технологического суверенитета ориентируется на открытую стратегическую автономию в сфере технологического развития страны с учетом ее исторических ценностей. Целью политики технологического суверенитета выступает устойчивое развитие и безопасность. Политика технологического суверенитета обеспечивается различными средствами. В настоящее время лишь вырабатываются некоторые меры (в частности, формирование государственного технологического заказа; увеличение финансирования научно-технической политики; промышленная ипотека; подготовка специалистов; развитие научно-технической инфраструктуры; развитие экосистемы стартапов; создание проектов-маяков и др.).

Важным для формирующейся концепции технологического развития выступает акцент на современной модели национальной и региональных технологических инновационных систем как совокупности акторов, сетей и институтов, обеспечивающих создание, распространение, внедрение и использование новых технологий. Создавая инфраструктуру для технологических инноваций, такие системы обеспечивают единство формирования способностей, ресурсов и каналов развития и распространения технических знаний, мобилизации инвестиций и устойчивого доверия к технологической политике. Ранее модельная схема НИОКР предполагала последовательный переход инновации от научного исследования к опытной разработке, а от нее к массовому внедрению в экономику. Научное исследование рассматривалось здесь единственным источником инноваций, отсюда политика была направлена на поддержку опытных разработок и внедрение их в производство. С одной стороны, научная и технологическая способность была детерминантой инновационной активности (*“technology-push” model*). С другой стороны, рынок рассматривался основным стимулятором инноваций (*“market-pull” model*). В новой системе связей нет определяющих элементов и иерархических зависимостей в деле производства, распространения и стимулирования инноваций. Возникает интерес к новой модели, где возникающая интенсивность взаимосвязей и обусловленности выполняют основную функцию инновационной активности (*“chain-linked” model*). Важно отметить, что современная технологическая инновационная система часто формируется в результате активного взаимодействия крупного финансового бизнеса, заинтересованного в цифровом развитии после кризиса 2008–2009 гг., больших технологических компаний, пользующихся услугами финансового сектора, и государственного управления, выполняющего функцию регулирующего посредника между ними.

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Минобрнауки РФ и ЭИСИ «Доказательная политика технологического суверенитета и доверие: исследование публичных стратегий обоснования».

Смулькина Н.В.

МГУ им. М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН, Москва

РЕТРООРИЕНТАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН О БУДУЩЕМ СТРАНЫ

Дискуссии о проблемах формирования конгруэнтного образа будущего России, продолжающиеся в научной среде в последние годы, становятся еще более актуальны сейчас, в условиях современных политических трансформаций, и требуют повышенного внимания ученых.

В рамках данного исследования будем рассматривать *ретроориентацию* как особую направленность политического восприятия, которая проявляется через актуализацию образов прошлого в восприятии будущего и настоящего в процессе социокультурной самоидентификации.

Исследование, проведенное в 2022 г. среди российских граждан, при помощи метода фокусированного интервью, дополненного проективными техниками (незавершенных предложений, направленных ассоциаций и проективного рисунка), позволило сделать некоторые выводы о специфике восприятия будущего России сейчас.

Результаты исследования позволяют говорить о тенденциях оформления более ретроориентированных образов будущего в условиях роста осознанной неопределенности настоящего России, усилении фрагментации образов личного будущего и будущего страны в сознании российских граждан. Молодые россияне продемонстрировали большую готовность ориентироваться в своих оценках на образы и возможные стратегии активности устойчивых институционализированных структур (прежде всего государственных). В данном случае в наибольшей мере заметно влияние на формирование прогнозов о судьбе России, реконструированных образов СССР, моделей биполярного блокового мира. Заметным образом актуализируется силовой компонент в образе государства будущего, что, однако, не всегда оценивается с ярко выраженной устойчивой позитивной или негативной коннотацией. Популярными

становятся эмоционально амбивалентные оценки, зависящие от установки на готовностью воспринимать соотносить представления о своем жизненном сценарии со сценарием развития российского общества. Молодым россиянам в большей степени видится вероятным сценарий усиления роли России на мировой арене, при охлаждении отношений с рядом стран «западного лагеря».

Осознание вызовов и угроз России является важным компонентом представлений современных россиян о будущем. Серьезной проблемой, стоящей перед обществом, на взгляд опрошенных, видится социальное разобщение народа, столкновения и конфликты на этнической и, что важно, политической почве. При том, что современное российское общество признает нарастающую ценностную конфронтацию, идеологический компонент зачастую отставляется в сторону, трактуется как второстепенный.

Оценивая политическую субъектность российского народа, россияне настроены весьма скептически. Зачастую они чувствуют себя винтиками в системе, демонизируют государственную информационную политику. Более значимыми становятся для них психологические качества своего народа, связанные с эмоциональной-волевой стороной, умением «держать удар», преодолевать трудности, побороть страх и тревогу. Интересно, что способность современных россиян сопротивляться давлению извне оценивается опрашиваемыми неоднозначно. Респондентов среднего возраста в большей степени утомляет информационный шум, оцениваемый как вредоносный и «путающий молодежь». Образы прошлого у опрашиваемых данной возрастной группы более конкретные и менее стереотипизированные. Однако следует признать, что общей тенденцией восприятия является размывание в сознаниях россиян образов далекого дореволюционного прошлого страны, их большая мифологизация.

Образ «тревожного настоящего» выходит на первый план и попадает в фокус внимания. Снижается число тех, кто называет историю России сильной стороной страны. При этом кристаллизируются образы вполне конкретных исторических сюжетов, символизирующих триумф народа, победы Родины. Образы таких событий, предоставляющие повод для гордости, удачно встраиваются в фрагментированную картину «прошлого-настоящего-будущего России» в сознании молодежи. Территориальный образ будущей России в массовом сознании граждан становится более неустойчивым и размываемым, что требует дополнительного осмысления.

Подводя итоги, можно отменить неконгруэнтность ретроориентированных образов будущего страны. Специфика политической социализации разных поколений россиян определяет фокус их внимания на отличные содержательные компоненты образов прошлого (влияет как на оригинальные оценки, определенные социальной памятью, так и на стереотипизированные образы — продукты коллективной исторической памяти). Интерпретационные векторы политического восприятия россиянами прошлого детерминированы личным социальным опытом, что в свою очередь проявляется в политических образах настоящего и будущего. Содержательное наполнение прогнозов россиян о развитии своей страны, зависимо от ретроориентаций, которые создают своеобразный фокус внимания, корректируют степень и специфику политического доверия общества власти вообще и конкретным политическим институтам в частности.

Исследование выполнено в рамках проекта «Образ настоящего, прошлого и будущего России в сознании ее граждан», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Слисаренко К.Л.
БГУ, Минск, Беларусь

ГЛОБАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В ДИСКУРСЕ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В данном материале отражены результаты критического дискурс-анализа программных документов и заявлений 2022 г. ведущих политических сил Республики Беларусь. К ним отнесены белорусские партии, представленные в нижней палате парламента страны (Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь) более чем одним депутатом.

По результатам состоявшихся 17 ноября 2019 г. парламентских выборов 11 депутатских мандатов получила Коммунистическая партия Беларуси, 6 — Республиканская партия труда и справедливости, 2 — Белорусская патриотическая партия (Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/sved-dep.pdf>).

Помимо действующих в парламенте политических партий в выборку включено Республиканское общественное объединение «Белая Русь» как наиболее активная и влиятельная общественная орга-

низация. Согласно представленной на ее сайте информации, в рядах объединения находится порядка 200 тысяч членов, включенных в более чем 8 400 первичных организаций (Официальный сайт республиканского общественного объединения «Белая Русь». URL: https://1br.by/?page_id=363). Следует отметить, что анализ документов и политических заявлений Белорусской патриотической партии был существенно осложнен отсутствием доступа к сайту организации и устаревшей информацией о деятельности ее лидера Н.Д. Улаховича, размещенной на личной странице депутата (<https://ulahovich.by/partiya/>; <http://house.gov.by/ru/deputies-ru/view/ulaxovich-nikolaj-598>). По этой причине его результаты не представлены в материале.

Гипотезой исследования является предположение о том, что события, связанные с общественным кризисом в августе 2020 г., оказали влияние на политический дискурс определенных выше организаций. Данный кризис имел комплексный характер. С одной стороны, он развивался вокруг событий внутривнутриполитической жизни Республики Беларусь (президентские выборы). С другой стороны, увязывался с оказанным на страну внешнеполитическим влиянием («цветной революцией»).

В целом, следует отметить то, что основные положения и подходы включенных в анализ организаций не изменились. Внешнеполитическая среда рассматривается как противоречащая их принципам. Некоторое исключение составляет Республиканская партия труда и справедливости, в политической программе которой мало внимания уделяется оценке внешнеполитической среды. Последовательная критика современного мирового порядка представлена в программе и политических заявлениях представителей Коммунистической партии Беларуси.

Основным противоречием между собственными подходами и глобальными тенденциями развития мирового сообщества выделенные организации видят соблюдение принципа социальной справедливости.

Все ведущие политические силы Республики Беларусь поддерживают идею стратегического союза страны с Российской Федерацией. Эта мысль отражается в политической риторике Коммунистической партии Беларуси и Республиканской партии труда и справедливости, а также в программе Республиканского общественного объединения «Белая Русь». При этом белорусские коммунисты ориентированы, в основном, на межпартийное сотрудничество с Коммунистической партией Российской Федерации.

Важной составляющей в риторике ведущих политических сил Республики Беларусь в 2022 г. стали вопросы консолидации белорусского общества и развития патриотизма. Эти процессы связываются с сохранением памяти о Великой Отечественной войне и развитием традиционных ценностей белорусского народа. Отдельно следует отметить отраженную и в программе, и в выступлениях представителей Республиканского общественного объединения «Белая Русь» идею обеспечения диалога между народом и органами государственной власти.

Таким образом, общественный кризис августа 2020 г. оказал влияние только на риторику ведущих политических сил Республики Беларусь. Основным нововведением в ней стала проблема консолидации общества на основе развития исторической памяти о Великой Отечественной войне и сохранении традиционных ценностей.

Соколов А.В.

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

СТУДЕНЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ТЕМАТИКА И ФОРМАТЫ КОММУНИКАЦИИ

Университет представляет собой четвертый (последний) этап эстафеты передачи ценностей и знаний, где государство еще является ключевым субъектом. Далее личность попадает в полисубъектную среду влияний и социализации, погружается в череду личных и семейных задач, практически полностью уходя из осознанных и системных форматов освоения знаний, умений и навыков, а также смыслов и ценностей.

Университетское студенчество является значительной по численности социальной группой, которая обладает значимыми характеристиками и может существенно влиять на социальный климат территорий своего нахождения.

В связи с этим актуализируется задача организации адекватной коммуникации студенчества внутри университетского социума. По этой причине важным является фактор степени разобщенности всей совокупности обучающихся на отдельные группы. При этом данные группы могут быть как взаимосвязанными между собой посредством наличия общих «активистов», так и замкнутыми. За счет общих членов между сообществами возникает перетекание повестки, формируется взаимосвязанная структура организационной и информационной среды. В случае доминирования замкнутых на себе сообществ формируется разобщенная среда, ориентированная на свои потребности, слабо учитывающая общеуниверситетский контекст.

Интерес вызывает, в частности, то, как молодежные студенческие объединения транслируют политическую повестку в своих официальных интернет-сообществах. При этом многие исследователи отмечают существующие сложности в деятельности молодежных общественных объединений, снижение вовлеченности в них современной молодежи. Это актуализирует поиск оптимальных стратегий и тактик работы молодежных общественных объединений с целевыми группами.

Для эффективной коммуникации администраторов сообществ с подписчиками актуализируется задача вовлечения последних не только в потребление создаваемого контента, но и в формирование обратной связи, выражающейся в конкретных действиях, как онлайн (лайки, репосты, комментарии), так и офлайн (участие в предлагаемых мероприятиях). Однако нередко возникают ситуации, когда между администраторами и подписчиками не формируется реального взаимодействия на площадках социальных сетей, а сами онлайн-сообщества превращаются в «доски объявлений».

Также важным является формирование уникального и востребованного контента, который выполняет одновременно несколько функций: информирования, развлечения, группосозидания, формирования доверия и коллективной идентичности.

Исследование позволяет выявить, что студенческие сообщества ориентированы на публикацию официальной информации о деятельности самих объединений. При этом общая информационная повестка проблем и задач развития региона и страны в целом практически не транслируется.

Наибольший отклик и реакции получает контент, представленный в формате мемов, визуальных материалов и интерактивных заданий, связанных с задачей каких-либо ценностей. Даже в ситуации понимания существования данной закономерности администраторы сообществ на данный момент не в полной мере ориентированы на ее учет в своей деятельности. Поэтому даже в тех ситуациях, когда сообщества обладают достаточно большим количеством подписчиков, охват их материалов, зачастую, небольшой, а отклик аудитории — незначителен.

В результате представляется актуальным проведение работы по идентификации существующих в университетском пространстве студенческих объединений и поддержке эффективной их коммуникации с целевой аудиторией по донесению соответствующей информационной повестки и ее вовлечению в конструктивную деятельность в интересах формирования общеуниверситетской идентичности, сопричастности, консолидации и решения социально значимых проблем территорий нахождения высших учебных заведений.

Другим направлением может выступить формирование взаимосвязанности существующих студенческих онлайн-сообществ для более эффективной работы по транслированию в среду обучающихся целевых установок с целью воспитательной работы и социализации. Своеобразной целью может служить создание экосистемы информационных и коммуникативных сервисов университета, удовлетворяющей потребность в эффективной и тематической коммуникации как обучающихся между собой, так и университета с обучающимися.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Потенциал молодежных общественных организаций для консолидации российского студенчества в интересах развития страны».

Соколов Н.Н.
ГУУ, Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Сегодня мы являемся свидетелями бурных перемен в политике, экономике, социальных изменениях, охватывающих практически все страны нашей планеты, весь земной шар. Рассмотрим тенденции и перспективы политического отражения смены технологического уклада (согласно теории Николая Кондратьева) на примере постепенного внедрения и применения новых цифровых технологий в политическом поле. И, прежде всего, определим примерные возможные направления внедрения таких нововведений и сферы применения:

- принятие политических решений на базе *Big Data*;
- влияние социальных сетей и мессенджеров на модуляцию искусственно-управляемых политических процессов или воздействия через мягкую силу;
- управление цифровой репутацией государственных служащих и политических лидеров;
- принятие решений в условиях глобального отключения данных (войн, катаклизмов);
- *Digitall*-выборы (примеры Эстонии);
- технология *BallotReady*: онлайн-гид по кандидатам и искусственный интеллект, выявляющий политическую ложь;

- технология *Voatz*: голосование через смартфон и блокчейн;
- *ePluribus*: технология подъема содержательных общественно-резонирующих вопросов до уровня политической публичности.

В целом, глобально выделяют два направления — технологии для органов власти (*GovTech*) и технологии для граждан (*CivicTech*). Каждая из указанных сфер/технологий представляет собой отдельное большое направление, которое можно и нужно глубоко изучать и анализировать. В данном контексте наша задача показать эти направления, чтобы понимать возможные тенденции развития информационно-коммуникационных технологий в политической сфере. Например, огромное поле для изучения принятия решений на базе *Big Data* как политических интересантов, так и на личном гражданском уровне, что впервые было ярко продемонстрировано в процессе президентской избирательной кампании Дональда Трампа в 2016 г., когда данные более 50 млн пользователей известной социальной сети были собраны без их согласия и к ним была применена технология таргетированной политической рекламы позитивных новостей (настроенная на каждого конкретного пользователя) и, зачастую, распространения ложных фейковых новостей (Интернет-журнал «Forbes». URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/373703-facebook-protiv-kongressa-kak-it-korporacii-stali-novoy-politicheskoy-siloy> (дата обращения: 06.01.2022)).

Нарастает значимость влияния *IT*-технологий на управление цифровой репутацией государственных служащих и политических лидеров — как в ту, так и в другую сторону, когда рейтинг цифровой репутации повышается или понижается в зависимости от предоплаченного заказа. Существуют тарифные планы, которые включают в себя полную работу по коррекции цифровой репутации с фиксированной ценой, подробную отчетность, согласование материалов на всех этапах работ, размещение отзывов и другую работу.

В целом, прослеживается довольно острая и опасная тенденция нарастающего влияния *IT*-гигантов на политическую сферу, включая избирательные кампании, лоббирование и введение политической цензуры. Например, *YouTube* проводит, нередко, политическое цензурирование контента своего канала на основании политических предпочтений на конкретный момент ведущих кругов США и блокирует неудобный политический контент или противоречащие факты, нидерландская издательско-аналитическая компания *Elsevier*, ведущая рейтинги *Scopus*, зачастую, проводит отбор статей по политической или общественной тематике в журналы исходя из западных политических трендов — некоррелирующие точки зрения из других стран могут цензурироваться и отсеиваться.

Цифровые технологии уже активно применяются в выборных кампаниях — дистанционное электронное голосование (ДЭГ) в Эстонии с применением либо *ID*-карт гражданина, представляющей из себя пластик с чипом (и кардридером к ПК), либо специальных *SIM*-карт (*Mobile-ID*), позволяющих пройти аутентификацию при помощи смартфона. Отметим новейшие технологии, появляющиеся на базе стартапов: технология *BallotReady* как онлайн-гид по кандидатам и искусственный интеллект, выявляющий политическую ложь, *Voatz* — голосование через смартфон и блокчейн, *ePluribus* — технология подъема содержательных общественно-резонирующих вопросов до уровня политической публичности (Digital-выборы: как технологии меняют политику // Интернет-портал «VC.ru». URL: <https://vc.ru/future/50257-digital-vybory-kak-tehnologii-menyayut-politiku> (дата обращения: 06.01.2022)). Эти технологии появляются благодаря развитию общедоступных интернет-платформ и маркет-плейсов с применением краудфайндинговых платформ по привлечению и сбору финансовых средств.

Таким образом, мы видим широкое внедрение информационных и коммуникационных технологий в социально-политическую сферу, их влияние на политических акторов, интересантов и гражданское общество и через это изменение всего общественного и политического ландшафта в управлении как на политическом уровне, так и на государственном и административном. И сегодня необходимо держать руку на «пульсе времени», изучать все эти технологии, переучиваться, повышать профессиональную квалификацию и, понимая эти технологии осознанно, применять их в практической повседневной жизни.

Соколыщик Л.М., Галимуллин Э.З., Бондаренко А.В.
НИУ ВШЭ, Москва,
Семенов В.М.
независимый исследователь, Москва

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: СЛУЧАЙ ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ. БАЙДЕНА

Современные политики нередко обращаются к исторической памяти в целях выстраивания и/или корректировки внешнеполитического курса. Все больший исследовательский интерес в рамках исследований международных отношений привлекает анализ исторической памяти как одного из инструментов конструирования внешнеполитических нарративов. В условиях глубокого общественно-политического раскола в США и фрагментации американской идентичности представители демократической администрации активно обращаются к исторической памяти, пытаясь объяснить меняющиеся международные реалии и обосновать осуществляемый внешнеполитический курс.

Среди причин этого кризиса можно выделить как внутренние — усиление общественно-политической и экономической поляризации и социальных волнений в Соединенных Штатах, экономические трудности, серьезные вызовы в инновационной и технологической сферах; так и внешние — глобальные последствия пандемии коронавируса, перераспределение потенциалов силы в пользу стран Азиатско-Тихоокеанского региона, эрозия системы контроля над вооружениями, активизация крупных региональных игроков, демонстрирующих способность игнорировать американское лидерство там, где, как они считают, это отвечает их национальным интересам.

Становится все более очевидным ослабление позиций США в качестве мировой державы, продолжающееся на протяжении последних десятилетий. Вкупе с утратой роли мирового гегемона и размыванием внешнеполитической идентичности это приводит к переносу кризисных явлений в США на внешний контур и поиску «виновников» плачевного положения дел в стране среди «опасных других» на международной арене, что в конечном итоге обостряет противоречия между ключевыми международными игроками. Во внешнеполитическом нарративе США все больший акцент делается на исторические примеры сплочения перед «общим» серьезным вызовом. В этом направлении наблюдается и пересмотр внешнеполитического инструментария. Вместо согласования интересов Вашингтон пытается использовать дискурсивные конструкты дихотомии «свободный мир» — «авторитарные страны» для консолидации союзников и партнеров против нелиберальных режимов.

Анализ собранного массива данных наглядно свидетельствует о том, что первые лица США систематически апеллируют к исторической памяти в вопросах, касающихся внешней политики и международных отношений. Так, в двусторонних отношениях с партнерами обращение американских лидеров к исторической памяти создает нарратив о длительном и тесном сотрудничестве между странами, основанном на общих ценностях, под которыми определяются ценности либерального миропорядка с ведущей ролью в нем США. Хотя упоминание фактов и событий общей истории в контексте двусторонних отношений само по себе является широко распространенной дипломатической практикой, повторяющийся акцент на общие ценности и принципы, с характеристикой их как либеральных — отличительная черта нынешней американской администрации. Конструирование подобной нарративной реальности с использованием исторической памяти во многом служит цели обоснования необходимости консолидации союзников в борьбе против нелиберальных режимов России и Китая.

Демонизация России и Китая и создание образа исходящей от них угрозы либерально-демократическим ценностям посредством дискурсивного пересмотра итогов Второй мировой войны и обращения к конфронтации времен «холодной войны» также служат инструментами сплочения стран-партнеров под руководством США и сохранения либерального миропорядка. Одновременно данный нарратив нивелирует возможность наличия у стран, входящих в американскую сферу влияния, иных, отличных или противоположных провозглашенным «общим» ценностям приоритетов и внешнеполитических интересов.

Конструирование нарратива на основе американской исторической памяти о необходимости продвижения либеральных ценностей и борьбы против авторитаризма на глобальном уровне играет важную роль в легитимизации односторонних и дискриминационных внешнеполитических действий Вашингтона. В частности, политику экстерриториальных экономических ограничительных мер (санкций) против неугодных стран и шагов по дипломатической изоляции России. В рамках нарратива об исторической роли США и их союзников в защите либерально-демократических принципов в мире подобная политика представляется как общее и даже обязательное дело для всего «свободного мира», поскольку оно отвечает моральным установкам, продвигаемым США.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

Служебная активность бюрократии как обезличенного служебного сообщества в любом государстве находится под постоянным давлением как национальных, так и внешних обстоятельств, влияющих на соотношение административных и политических очертаний их деятельности. В настоящее время в российском обществе исторически сложившиеся базовые практики госслужбы корректируются не только вызовами тревожного и нелинейного мира (К. Джамаису), но и давлением политических потоков, исходящих от общества, а также формальных и неформальных центров власти.

С одной стороны, превосходящее давление внутренних факторов создает новый формат деятельности чиновников, стремящихся сделать профессиональную карьеру, усиливает их склонность к соглашателству и подчинение властям, деформирует ритуализированные формы их повседневной деятельности и характер дискреционных полномочий. В то же время основным откликом бюрократии на вызовы времени становится качественная политизация их служебного функционала, подчиняющая интересы социально разнородного общества целям и проектам доминирующих в обществе сил. Принципиально важно, что в этом контексте госбюрократия находится еще и под постоянным давлением политических потоков, исходящих от неформальных слоев правящего класса, утверждающих свою негласную власть.

В этом контексте реорганизация системы государственного управления вокруг политических проектов правящего слоя, по сути, устраняет все факторы, обеспечивающие беспристрастность бюрократии и контролируемых ею институтов. Подкрепленная символическими формами демонизации внутренних и внешних противников, эта линия поведения обуславливает усиление в обществе контрольно-надзорных процедур и силовых (в том числе репрессивных) практик, повышение жесткости силовых структур в отношении несогласных, выборочное применение законодательства, усиление информационной закрытости органов власти, а также иные действия, в конечном счете, способствующие усилению блокирующего эффекта институтов.

В рамках этой стратегии особую роль играют структуры силового блока и особенно спецслужб, получающих весомые преимущества в рамках управления общественными отношениями за счет использования инструментов обеспечения «национальной безопасности» и использования компрометирующей информации на широкий круг представителей политико-административной элиты (что нередко превращается в основной инструмент принудительного «обновления» руководства в ряде государственных структур и институтов).

Суммарные итоги перестроения деятельности институтов власти и управления свидетельствуют о последовательном выхолащивании в государстве ценностей гражданского мира, а в ряде случаев и об исчерпании структурами власти своего общегражданского потенциала. По сути, в этих трансформациях можно увидеть очертания последовательного формирования нового политического порядка, влияющего на все формы взаимоотношений власти и общества. Порядка, в который органично вписываются практики торговли влиянием со стороны правительственных чиновников, политического надзора и институциональной коррупции, безответственность и непрофессионализм политиков и «паразитические черты» российской бюрократии (М. Вебер), но при этом отвергаются демократические устои гражданского миропорядка и усиливаются миграционные настроения у молодых поколений. Соответствующим образом трансформируется и этическая инфраструктура госслужбы, где моральные ориентиры администраторов вместо ценностей служения обществу акцентируют значение механической лояльности политическому руководству, подчинения административных норм законам межинституциональной конкуренции и снижения персональной ответственности за принимаемые решения.

ДЕПУТАТЫ ОТ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОСДУМЕ VII И VIII СОЗЫВОВ: ИЗМЕНИЛОСЬ ЛИ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИХ ВЛАСТИ?

Цель данной работы оценить потенциал влияния депутатов от Тамбовской области в Госдуме. **Седьмой созыв.** В Государственную Думу ФС РФ VII созыва от Тамбовской области были избраны семь депутатов: одномандатники — А.В. Жупиков и А.А. Поляков и списочники — В.В. Володин, А.И. Петров, Т.И. Плетнева, Т.И. Фролова и А.Н. Шерин. Плетнева получила мандат вследствие избрания по федеральному округу от КПРФ, а Шерин — от ЛДПР. Остальные депутаты — представители «Единой России».

Средний возраст политиков на момент избрания составил 51 год. Преобладающий профиль образования — гуманитарный, лишь некоторые имели первое высшее военное или инженерное образование. Почти все депутаты получили высшее образование до 24 лет и только один — в 32 года. Трое депутатов обладали учеными степенями доктора или кандидата наук.

В седьмом созыве Володин выступил с законодательной инициативой 37 раз, Жупиков — шесть раз, Петров — 137 раз, Плетнева — 102 раза, Поляков — 65 раз, Фролова — 65 раз и Шерин — 71 раз.

Восьмой созыв. По результатам думской кампании 2021 г. Тамбовскую область в нижней палате российского парламента представляют: одномандатники — председатель политической партии «Родина» А.А. Журавлев и член «Единой России» А.А. Поляков, а также списочники — В.В. Белоусов (СЗРП), Г.П. Камнев (КПРФ), А.О. Ткачев (Новые люди) и Т.И. Фролова (ЕР). По сравнению с предыдущим, в текущем созыве только две персоны имеют непосредственное отношение к Тамбовской области — Поляков и Фролова, а до этого было четыре политика — Жупиков, Петров, Поляков и Фролова. Здесь можно было назвать и пятую фамилию, но Плетневой не был интересен Тамбов, она не тамбовский политик уже больше 15 лет.

В восьмом созыве средний возраст депутатов от Тамбовской области снизился с 51 до 49 лет. В корте появился даже политик в возрасте до 30 лет. Образование у всех депутатов — высшее, преимущественно гуманитарное, но есть и инженеры. На момент получения диплома о высшем образовании трем персонам было 22 года, двум — 24 года, а одной — 27 лет. Два политика имели научные степени кандидатов наук.

Заметим, что 19 августа 2022 г. депутата Вадима Белоусова объявили в розыск.

Авторское исследование. В октябре 2021 г. проведено пилотажное исследование, посвященное изучению портретов влияния депутатов ГД ФС РФ VII и VIII созывов, избранных от Тамбовской области. К сожалению, из-за болезни автора удалось провести только три глубоких полуформализованных интервью с экс-советником губернатора Тамбовской области по политическим вопросам, а также с вице-губернатором и мэром одного из городов Тамбовской области.

В силу того, что депутаты Государственной Думы принимают федеральные законы, все они уже обладают косвенным влиянием на принимаемые решения в субъектах Федерации. Правда, одни из них имеют ресурсы влияния и обладают реальной властью, а другие — нет.

В седьмом созыве косвенным влиянием обладали все депутаты, избранные от Тамбовской области, кроме А.В. Жупикова. Это очень крепкий бизнесмен. Он являлся одним из числа «своих», по отношению к тогдашнему губернатору А.В. Никитину. Тип его влияния на экономику области — прямой. По мнению экспертов, в Госдуму Жупиков пошел за деньгами и уже потом — за связями.

Есть и другая точка зрения: прямое влияние было и осталось только у председателя ГД ФС РФ В.В. Володина. Его влияние распространяется на политику всей области, оно не сегментировано. Остальные депутаты — это исполнители. У них слишком велик интерес, как конечных бенефициаров решений. И все-таки на эту позицию есть разумный аргумент, что к Володину руководство области могло обращаться с некоторыми просьбами. Поэтому, полагаем, что все-таки тип влияния Володина — косвенный.

В восьмом созыве наиболее перспективным депутатом называют Полякова. Он владеет семейным бизнесом, и это также близкая к Никитину персона, как утверждают эксперты. Поляков пришел в Госдуму для «галочки». Это для него как «почетная грамота». С приходом в большую политику свой бизнес он не особо расширил.

Случайным человеком для Тамбовщины информанты называют Журавлева. Так случилось, что в 2020 г. на выборах в Тамбовскую городскую Думу победила партия «Родина». Тогда Журавлев сделал ставку на лидера тамбовского отделения партии М.Ю. Косенкова, и эта ставка выиграла. Лоббировать интересы области он не будет.

Петров, предполагая, что в восьмом созыве его не будет, наработал довольно приличные связи с другими депутатами и с федеральными чиновниками. Он обзавелся этими связями для себя.

Несмотря на то, что Фролова была переизбрана, она «без власти». В VIII созыве пока выступила соавтором только одного законопроекта.

Камнев, Белоусов и Ткачев не имеют влияния на Тамбовщине.

Таким образом, в текущем созыве Госдумы потенциальные возможности для лоббирования интересов Тамбовской области сократились в два раза.

Соловьева Д.Д.
МГИМО МИД России, Москва

МЕРЫ УКРЕПЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕННОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мероприятия по консолидации общества, как правило, предваряют любые выборы. Особенно когда речь идет о Свердловской области, которая, с одной стороны, занимает важнейшее геостратегическое положение, создает 2,7% российского ВВП (8-й по значимости регион страны) и 4-е место в стране по величине промышленного сектора (обрабатывающее производство) и, с другой стороны, демонстрирует реальные проявления протестной активности в последние 5 лет, связанные с широкой общественно-политической повесткой: оспаривание результатов выборов, конфликт горожан и РПЦ, переросший в строительство баррикад в центре города, противостояние мэра Екатеринбурга и губернатора, резонансные увольнения врачей области, нерешенный экологический вопрос, проблема моногородов и т.д. 2022 год в этом смысле не стал исключением, а, напротив, создал новые линии размежевания, над которыми пришлось работать команде губернатора.

Какие же меры были приняты для укрепления общественного доверия?

Весь комплекс мероприятий можно классифицировать по различным основаниям. С точки зрения целей, мероприятия можно поделить на следующие:

- снимающие общественную напряженность и поддерживающие уязвимые слои, например, ручное управление при решении бытовых проблем свердловчан, которое было реализовано и активно освещалось в Телеграм-канале кандидата в губернаторы. Проблемы варьировались по масштабу и сложности от малых и локальных (например, строительство деревянного моста через овраг в деревне Сарапулка) до крупных стратегических (например, заложенный мост в Богдановиче и открытый мост в Нижнем Тагиле);
- апеллирующие к уральской идентичности, региональному патриотизму и успехам инкумбента, например, пышные празднования дней города, которые сопровождались ретроспективой личной роли губернатора в инфраструктурном рывке таких уральских городов, как Нижний Тагил, Нижняя Тура, Каменск-Уральский;
- формирующие образ региона будущего, например, открытие новой школы в молодом районе Екатеринбурга, школа в г. Березовский, проект поддержки студентов «Кампус», введенный трамвай между Екатеринбургом и Пышмой, поддержка спортивных команд Автомобилист и Урал, строительство Дацюк Арены, новые беговые дорожки стадиона Динамо, съемки выпуска КВН в Екатеринбурге.

Целеполагание выглядит комплексным, так как три цели объединяют компоненты прошлого, настоящего и будущего: коллективной памяти и гордости, актуальных задач региона и стратегии будущего соответственно.

При этом в рамках одной цели могли транслироваться различные образы губернатора и использоваться различные способы коммуникации в зависимости от *целевых групп электората*:

- коренной электорат: тиражирование образа сильного, опытного хозяйственника, знающего свой регион и умеющего решать его проблемы. Образ транслировался в ходе личных встреч с электоратом на рабочих местах (губернатор спустился в шахту, съездил в детский лагерь и на фестиваль долголетия), а также при помощи визуальных и вербальных символов (так к лозунгу «Справимся», сохранившемуся с выборов в Государственную Думу в 2021 г., добавился лозунг «Урал выбирает сильных» на фоне портрета губернатора). Эмоциональный компонент близости с коренным электоратом транслировался через трепетное отношение инкумбента к уральскому спорту и музыке (группа Чайф, А. Новиков);
- неопределившиеся: создание образа современного горожанина при помощи социальных сетей. Ранее немедийный губернатор после переноса официального аккаунта в Телеграм, не требующий обязательный согласующийся между собой визуальный ряд, смог создать эффект нефор-

- мального общения с населением, используя образ «своего», выкладывая видео «без галстука», без постановочных ракурсов и освещения, осторожно используя интернет-юмор, выкладывая фотографии природы и видов Среднего Урала от подписчиков;
- протестный электорат: транслирование нейтралитета, с акцентом на сильное лидерство, независимость и поддержку жителей области. В частности, Губернатор официально вступился за Ельцин-Центр и либеральную общественность города в полемике с журналистом В. Соловьевым, нейтрально-уважительно высказался про задержание бывшего оппонента Е. Ройзмана, поприветствовал решение не повышать возрастной ценз для детской книги екатеринбургской писательницы. Все мнения были выражены на официальном Телеграм-канале и имели значительный эффект распространения.

Можно ли назвать данные меры эффективными? Поддержка губернатора на выборах в сентябре 2022 г. составила 65,8% против 62,2% в 2017 г. Однако явка избирателей составила всего 28,5% против 37,3% в предыдущем электоральном цикле. С учетом протестного потенциала региона с точки зрения инкумбента низкая явка может не считаться отрицательным результатом, так как повышает шансы переизбрания. Следовательно, с точки зрения предсказуемости результатов выборов, мероприятия достигли поставленных целей. При этом с точки зрения повышения общественного доверия и гражданской солидарности можно говорить лишь о сохранении статуса-кво по традиционным проблемам области (экологические проблемы, в том числе мусорная и лесные пожары, нехватка медицинских кадров и ковидные ограничения, проблемы моногородов), поскольку они были несколько оттеснены с областной повестки общенациональными и международными проблемами (санкции, уход иностранных компаний и т.д.).

Сонина Е.О.

Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Усложнение структуры социальных отношений, сокращение сроков внедрения изменений и проникновение цифровых технологий во все сферы жизни общества, рост их влияния на динамику и направления политических процессов существенно влияют на возможность реализации государством своих функций как политического, социального и экономического института.

В современном научном дискурсе достаточно активно обсуждается вопрос о перспективах государства как института и его ключевых функциях, исходя из специфики факторов, определяющих актуальные условия существования государства.

Традиционное представление о государстве было связано с ним как институтом, призванным обеспечить безопасность, рационализировать взаимодействие между обществом и властью, определив правила этого взаимодействия и выступив гарантом их реализации. Факторы, определяющие условия функционирования государства на современном этапе, существенно осложняют возможность реализации им указанных задач.

Во-первых, внешняя угроза, которой было призвано противостоять государство как институт, идентифицировалось, прежде всего, с военной угрозой. Развитие постиндустриального общества и глобализация привели к тому, что насилие стало приобретать новые формы: государства подвергаются атакам не только другими государствами, но и негосударственными группировками, которые даже не имеют зачастую институционального оформления; международные конфликты могут не носить характер открытых военных действий, но по своим последствиям обладать той же разрушительной силой. Как справедливо отмечает целый ряд исследователей (Э. Тоффлер, У. Дэвис), разница между политическим давлением и вооруженным вторжением все больше размывается и это вызов, в первую очередь, для государства как института.

Во-вторых, процессы активного распространения информационных технологий на этапе становления цифрового общества были спровоцированы, в первую очередь, глубинными структурными изменениями в самом обществе и поведением в ответ на эти изменения экономических агентов. Общество и экономические агенты, отвечающие на его запрос и старающиеся работать на опережение спроса, намного гибче и активнее государства осваивают информационные технологии, содействуя их более глубокому внедрению в разные сферы жизни общества. С точки зрения задач государства как института, выступающего гарантом обеспечения безопасности и порядка, вызовом является не сам факт широкого распространения цифровых технологий, а то, что ключевыми субъектами данного распространения являются негосударственные институты, преимущественно экономические агенты, получающие доступ к источникам информации, позволяющим влиять на процессы принятия политических

решений и перераспределения ресурсов, обеспечивающих устойчивость государства и возможность реализации им своих функций. Предлагаемые на сегодня в рамках разных моделей реформирования системы государственного управления подходы к цифровизации — это не просто попытка технологического обновления данной системы, а, по сути, попытка выбора возможных подходов к сохранению статуса государства как ключевого субъекта политического управления. Именно поэтому цифровизация оказывается в числе приоритетных национальных направлений развития во всех странах, претендующих на политическое и экономическое лидерство, а концептуальное оформление задач применения цифровых технологий в системе государственного управления произошло практически во всех его моделях, приведя, в том числе, к появлению неадминистративной модели, легитимирующей возможные подходы цифровизации в рамках бюрократической модели.

В-третьих, ускорение процессов внедрения изменений, цифровизация большинства сфер жизни общества привели к тому, что контролировать процесс воспроизводства власти становится все сложнее. Власть перешла к отдельным индивидам, негосударственным организациям, общественным движениям. В результате, в рамках государства существует не одна иерархия, посредством которой реализуется политическое управление, а совокупность различных иерархий. Ситуация «диффузии власти» приводит к тому, что идентифицировать реальных субъектов власти становится все сложнее.

В-четвертых, развитие общества потребления при одновременном сокращении временных лагов для внедрения новых изменений привело к тому, что экономические агенты, стараясь сформировать перспективный спрос и влиять на потребителей, все чаще стали прибегать к эмоциональным способам воздействия на них. Активное распространение информационных технологий, возникающая на этом фоне множественность источников информации и одновременное аккумулирование в информационной повестке нескольких тем и точек зрения, зачастую противоречащих друг другу, приводят к тому, что данные источники со стороны общества все реже подвергаются верификации, в том числе, потому что провести указанную верификацию становится все сложнее. Эмоции стали одним из ключевых ресурсов экономической конкуренции и политической борьбы, что существенно осложняет рационализацию процессов принятия государственных решений.

Наконец, глобализация привела к тому, что в случае межгосударственных конфликтов незаинтересованным в них государствам сохранить свое независимое положение становится все сложнее. Глобализация сделала весь мир полем политической борьбы, и это огромный вызов суверенности государства.

Соснин Д.П.
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

ФУНКЦИОНАЛЬНО-РОЛЕВАЯ ПОЗИЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПО ПУБЛИЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ ПРОЕКТОВ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Цель настоящего доклада — определить ключевые публично-политические функции в проектах городского развития и ролевую позицию специалиста по публично-политическому сопровождению в структуре управления проектами. В Российской Федерации в сфере государственного и муниципального управления, начиная с середины 2000-х годов, начал внедряться и теперь широко применяется проектный подход. Так, например, в сфере городского развития с 2018 года реализуется национальный проект «Жилье и городская среда», взаимосвязанные с ним региональные проекты и муниципальные программы, ежегодно проводится Всероссийский конкурс проектов благоустройства для малых городов и исторических поселений, в проектном формате развивается инициативное бюджетирование.

Специфика проектов городского развития заключается в том, что они реализуются, как правило, на территориях, на которых уже присутствуют различные акторы: правообладатели земельных участков и объектов капитального строительства; юридические лица, ведущие коммерческую и некоммерческую деятельность на территории; органы местного самоуправления и государственной власти; жители и иные пользователи территории. Таким образом, инициаторы проекта практически неизбежно сталкиваются со множественностью интересов, присутствующей на территории проектирования и в зоне влияния проекта.

При этом часть акторов могут быть заинтересованы в реализации проекта, а часть — нет. В этой связи в рамках управления проектом возникают задачи выстраивания коалиции и взаимодействия команды проекта с положительно настроенными к проекту заинтересованными сторонами, с целью вовлечения их в разработку и реализацию проекта (вплоть до финансового, имущественного и трудового участия), а также задачи по нейтрализации противодействия отрицательно настроенных заинтересованных сторон и профилактики возникновения градостроительных конфликтов.

Очевидно, что взаимодействовать со сторонниками и противниками проекта городского развития в административной логике контрпродуктивно, так как заинтересованные стороны не находятся в единой иерархической системе отношений руководства и подчинения. А это означает, что у команды проекта возникает необходимость использования публично-политических инструментов диалога, убеждения, поиска консенсуса, учета множественности интересов.

Таким образом, процесс разработки и реализации типичного проекта городского развития можно представить протекающим в 2-х пространствах: пространстве проектного управления (пространстве менеджмента) и политическом пространстве (пространстве публичной политики/политической урбанистики).

Профессиональная деятельность в сфере проектного управления уже в достаточной степени институционализировалась. Сформированы и применяются на практике стандарты и руководства проектной деятельности. В функциональных организационных структурах управления проектами сложились типовые роли: руководителя проекта, заказчика проекта, куратора проекта и т.д. При этом выделенная ролевая позиция по работе в политической логике с различными заинтересованными сторонами чаще всего отсутствует.

В связи с высокой значимостью системной работы с заинтересованными сторонами для успешной реализации проектов городского развития представляется целесообразным «собрать» публично-политические функции в отдельную ролевую позицию в типовой организационной структуре управления проектом.

Кроме организации работы со стейкхолдерами за позицией специалиста по публично-политическому сопровождению проекта важно закрепить возможность участия в разработке целеполагания проекта городского развития. Это обусловлено тем обстоятельством, что целеполагание проектов городского развития имплицитно связано с той или иной ценностной, идеологической рамкой (либеральной, левой, консервативной, традиционалистской и т.д.). Например, проекты городского развития, ориентированные на максимизацию экономической капитализации территории в плане целеполагания в современных условиях, чаще всего основаны на фундаменте либерально-рыночной идеологии. Напротив, проекты, ориентированные на максимизацию общественного блага и его доступности для широких слоев населения, лежат в целом в рамках левого идеологического спектра. Таким образом, для осознанной работы с целеполаганием и «смыслами» проектов городского развития желательно иметь в команде проекта специалиста, разбирающегося в существующем в современном мире идеологическом и ценностном спектре, представляющем собой своеобразную «библиотеку» возможных целей для проектов городского развития.

Сосунов Д.В.
ВГУ, Воронеж

ДИСКУРС СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И ЛИДЕРСТВА В ПУБЛИЧНОМ СЕКТОРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Возрастающая сложность политических проблем, неопределенность и риски, являющиеся следствием непредвиденных последствий принимаемых решений, в значительной мере актуализируют проблематику лидерства и стратегии на региональном уровне РФ. В современных условиях именно лидерство оказывается ключевым фактором социально-политической и институциональной трансформации. Исследовательская группа кафедры социологии и политологии под руководством профессора А.В. Глухой осенью 2021 г. организовала серию экспертных глубинных интервью и фокус-групп, в которых приняли участие депутаты, представители политических партий, общественники и независимые эксперты Воронежской области. В данной работе представлены предварительные результаты этого научного проекта.

Значительным стимулом для обсуждения концепции лидерства и стратегического развития региона стали инициативы экс-губернатора Воронежской области А.В. Гордеева. Подтверждением тому могут быть принятые программные документы по развитию Воронежской области, например, «Манифест Воронежского лидерства», в котором обоснованы необходимость введения новых стандартов качества жизни и модернизации области, основанной на отказе от старых, неэффективных моделей управления и создании комфортных условий для развития человека. Стоит отметить, что этот документ достаточно широко обсуждался в СМИ и на различных коммуникативных площадках, для чего даже был создан сайт «Стратегия Воронежского лидерства», на котором развернулась активная дискуссия.

По итогам проведения фокус-групп удалось выяснить, что в Воронежской области информанты знакомы с действующими практиками коммуникации между властью и обществом, высоко оценивают потенциал коллективного публичного лидерства и готовы принимать участие в работе реально действующих экспертных советов и дискуссионных площадок. Одна из участниц заявила: «Коллективное

лидерство в моем районе очень показательно и активно. У нас есть большое объединение граждан, даже вокруг меня. У нас это развито. Наши проблемы актуальны для всей Воронежской области, я этому была удивлена. Так что возможности коллективного лидерства в регионе — есть, просто нужно именно объединение людей с твердой гражданской позицией и с использованием политического ресурса. В последнее время гражданское общество тесно связано с политикой. Раньше такого не было». Несмотря на критику региональных общественных структур, созданных по инициативе органов государственной власти, оппозиционные публичные политики готовы к сотрудничеству и их повестка коррелируется с официальной политической повесткой Воронежской области.

В публичном секторе Воронежской области фиксируется достаточно высокая степень сформированности дискурса стратегии развития и лидерства. К реализации концепции коллективного лидерства в регионе можно отнести различные диалоговые площадки, клубы и общественные, экспертные советы при органах власти. Например, в соответствии с постановлением Правительства Воронежской области от 20 июля 2020 года № 675 «Об утверждении Положения об экспертном совете при губернаторе Воронежской области», регламентирована работа данного консультационного органа. В настоящее время Экспертный совет состоит из 26 групп, созданных при исполнительных органах власти. Членами совета являются бизнесмены, общественники и ученые (212 человек). Экспертным советом ведется работа более чем по 100 инициативам. Среди них решения самых острых и актуальных проблем в отдельных отраслях — так называемые «горячие десятки».

Содержание регионального дискурса стратегии развития представляется очень сложным и разнообразным, но в концентрированном виде его можно рассматривать сквозь призму проведения стратегических сессий, которые проводятся в регионе ежегодно начиная с 2018 года. В 2021 г. организаторы данных дискуссионных площадок предложили следующую тему: «Современное государственное управление: лидерство и стратегическое развитие региона». В рамках мероприятия была обозначена основная цель: актуализация Стратегии развития Воронежской области-2035 с помощью выработки целевых предложений по внедрению методов современного государственного управления на основе анализа ключевых проблем области и с учетом послания Президента РФ.

Можно сделать вывод, что в Воронеже сложилась практика проведения различных форматов взаимодействия власти с участием общественности, политических партий, региональных экспертов и высших руководителей регионального правительства. Признание важности повседневной коммуникации органов власти с общественностью характеризует серьезный ментальный поворот правящих элит в сторону современных форматов и практик публичного управления.

Соцков М.В.
РУДН, Москва

ЗОНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ КАК ГРАНИЦЫ ИНТЕРЕСОВ ГЛОБАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ

Сегодня мы становимся свидетелями смены исторических эпох. Происходят тектонические сдвиги в мировой политике, экономике, перестраиваются общества и государства. Западная цивилизация, рожденная в горнилах Великого переселения народов в IV–VII вв., Крестовых походов XI–XV вв., в том числе на Русь, религиозных, гражданских, чумных войн, гонений на ведьм и ученых, промышленных и социальных революций, борьбы за цивилизационное превосходство и исключительность в ходе колониальных войн, спустя 500 лет истории теряет свою субъектность. Сегодня на практике не работают, утрачивают силу основополагающие международные документы и общепризнанные принципы таких фундаментальных организаций, как ООН, МВФ, Всемирный банк, ВТО, Совет Европы и ОБСЕ, ЕС.

Новые реалии геоэкономической жизни, изменения экономической формации, рост потенциала таких мировых лидеров, как Россия и Китай, Индия, региональных держав, таких как Турция и Иран, создают предпосылки для зон турбулентности и формирования конфигурации будущего миропорядка. Не того, который создавали и конструировали адепты Нового мирового порядка Западноцентричного мира.

Глобальные участники политической турбулентности, среди которых Россия, Китай и США, наличествуют и активно противостоят в том или ином виде, включая военные действия на территории третьих стран.

Основным феноменом настоящего противостояния является его влияние на динамику мировых событий, изменений привычного образа жизни сотен миллионов людей. Причина заключается в смещении статуса-кво интересов глобальных участников, которые являются акторами мировой политики. В настоящее время происходит формирование зон безопасности акторов, включая экономические, которые представляются в виде создания и укрепления стабильных логистических маршрутов (Северный

морской пути, Транспортный коридор «Север-Юг», расширение Транссиба, строительство газопровода «Пакистанский поток», «Один пояс — один путь» и т.д.), приобретения очертаний и утверждения новых блоков в качестве субъектов международных отношений: ШОС (принятие в него Исламской Республики Иран, Турция как партнер по диалогу), АСЕАН, БРИКС, об усилении координации в рамках которых заявляют Россия и Китай, *AUKUS*, направленный на противостояние с КНР.

От России как одного из мировых лидеров потребуются расширить взаимодействие и координацию в рамках ЕАЭС, ОДКБ. Некоторое время назад Россия и Белоруссия приняли 28 программ интеграции в рамках Союзного государства.

Предпринимаемые меры и концепции развития свидетельствуют о формировании евразийской зоны стабильного развития, стержнем которой являются Россия и Китай.

В противовес этому США укрепляют координацию военной инфраструктуры НАТО, оборонно-промышленный потенциал стран Североатлантического альянса, стран блока *AUKUS*. Используют политику санкций как форму давления и противостояния. Не исключено, что данная политика будет использована и в отношении КНР в ходе активизации событий вокруг Тайваня, поскольку известно, что он будет использован как инструмент давления и механизма сдерживания роста КНР.

Одновременно с экономическим давлением, военным противостоянием используются элементы информационных войн и идеологического противоборства. Запад в лице США как одного из глобальных участников применяет различные элементы борьбы со своими конкурентами. Активность Запада в этом направлении нарастала одновременно с усилением России и экономической мощи Китая. Сегодня столкновение интересов России и Запада происходит на территории третьих стран (Украины) у границ самой России, результаты которого в том или ином виде повлияют и на самих акторов этого столкновения. Мы наблюдаем, как украинская тематика влияет на внутривосточную повестку не только в странах ЕС, но и в самих США. Последствия санкций говорят сами за себя.

При этом стоит учесть XX Всекитайский съезд КПК в октябре 2022 г., в ходе которого будет закреплена новая концепция развития Китая как глобального лидера.

Представляется в этой связи и формирование идеологической платформы, концепции развития и позиционирования России в мире как одного из мировых архитекторов новых «границ» будущего мирового порядка. Безусловно, это потребует и форматирования внутренней политической конфигурации и государственной системы. Предпосылки этого мы видим.

Но свое форматирование системы государственно-политической и даже экономической системы мы увидим и на Западе, включая США.

Столетов О.В.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Глобальная турбулентность, характеризующая актуальное состояние международной системы, в значительной степени обусловлена динамичным изменением соотношения технологических, экономических, военных, демографических потенциалов между основными геополитическими пространствами — Западом и Востоком и геоэкономическими пространствами — «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом». Стратегическое соперничество США и Китая, сопровождающееся технологическим, торгово-экономическим и финансовым декаплингом и стимулирующее процесс деглобализации мира, способствует усилению конкуренции между наиболее мощными государствами за контроль ключевых рынков. В этих условиях возрастает значение стран, расположенных в регионах, традиционно обеспечивавших коммуникационную связанность «разделенного мира» в прошлом и способных выступить «связующими звеньями» («интерконнекторами») в настоящее время и в будущем.

В силу своего географического положения пространство Ближнего и Среднего Востока исторически представляло собой как зону конкуренции великих держав, так и область, обеспечивающую экономические связи между ними. На современном этапе формируются условия для возвращения государствам Ближнего и Среднего Востока роли одного из ключевых международных хабов, обеспечивающего экономические связи между странами различных макрорегионов. Это обстоятельство находится в центре внимания как крупнейших государств Евразии — Китая, Индии, России, так и развивающихся государств Южного Кавказа, Центральной Азии, Восточной Африки, которые исторически были тесно связаны с пространством Ближнего и Среднего Востока и в настоящее время проявляют повышенный интерес к выстраиванию торгово-экономических и транспортно-логистических связей со странами этого региона.

Значительные геополитические изменения на Ближнем и Среднем Востоке в первой четверти XXI в. были связаны с усилением позиций Турции и Ирана в регионе. Этому способствовали последствия военной операции США и государств НАТО в Ираке, а также «арабской весны», обострившие суннитско-шиитский конфликт внутри арабского мира и запустившие в регионе маховик прокси-войн, ослабивших арабские государства как политически, так и экономически. Вместе с тем именно в дестабилизированных Ираке и Сирии противоречия между Ираном и Турцией обострились в наибольшей степени. Начало Россией антитеррористической операции в Сирии в 2015 г. позволило ей в качестве «третьей силы» частично сбалансировать интересы Турции и Ирана в этой стране, инициировать «Астанинский формат» переговоров по урегулированию сирийского конфликта. Стабилизирующая роль России в Сирии стимулировала стремление к сотрудничеству с ней ключевых арабских монархий Персидского залива — Саудовской Аравии и ОАЭ, незаинтересованных в чрезмерном усилении влияния в регионе Ближнего и Среднего Востока Турции и Ирана.

США, сохраняющие ограниченное военное присутствие в регионе Ближнего Востока, заинтересованы в воздействии на региональные процессы путем влияния на отношения между Россией, Турцией и Ираном. США стремятся использовать уязвимость каждого из этих трех государств таким образом, чтобы, с одной стороны, усилить взаимную зависимость России, Турции и Ирана, подтолкнув их к более тесному взаимодействию между собой, а с другой стороны, повысить уровень рискованности российско-турецко-иранского сотрудничества для каждого из его участников, тем самым обостряя имеющиеся между ними противоречия. Параллельно США стимулируют процессы нормализации отношений между арабскими государствами и своим ключевым региональным союзником — Израилем («Авраамические соглашения»), а также способствуют вовлечению этих государств в систему региональных международных партнерств без участия России, Турции и Ирана (*I2U2, Philia Forum, EastMed Gas Forum*).

Государства Ближнего и Среднего Востока учитывают возросшее внимание Китая и Индии к формированию системы обеспечения международной безопасности на пространстве Евразии и в бассейне Индийского океана, в особенности в зоне ключевых транспортно-логистических маршрутов китайской инициативы «Один пояс — один путь» и международного транспортного коридора «Север—Юг». После присоединения к Шанхайской организации сотрудничества Пакистана и Ирана к работе этой международной структуры начали подключение Египет, Саудовская Аравия, Катар, а Бахрейн и ОАЭ планируют это сделать.

Таким образом, геополитические изменения, происходящие на Ближнем и Среднем Востоке, оказывают значимое влияние на характер взаимоотношений между государствами пространства Евразии в условиях глобальной турбулентности. С учетом текущих тенденций в этом регионе формируются как возможности для дальнейшей трансформации мирового порядка в русле реализации российской концепции Большого Евразийского партнерства, так и серьезные риски военно-политической дестабилизации не только Ближнего и Среднего Востока, но и всего пространства Евразии.

Стрежнева М.В.
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва

ЭМОЦИЯ И АФФЕКТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В теории международных отношений (ТМО) важно учитывать эмоциональную составляющую. Влияние эмоций связывают с усилением популистских тенденций, с вооруженными конфликтами, с политизацией европейской интеграции и с процессами реализации принципов устойчивого развития. Исследования по данной теме охватывают самый широкий диапазон от воздействия эмоциональных факторов на политических лидеров до эмоций, ассоциируемых с государствами и иными коллективными общностями. Однако рассуждения международныхников на данную тему продолжают увязать в эпистемологических и методологических противоречиях, что препятствует дальнейшему продвижению в исследованиях.

Традиционным для международных отношений и внешнеполитического анализа являлось противопоставление эмоций разуму, при котором бесстрастность рассуждения выступает как необходимое условие для рациональной оценки ситуации. «Эмоциональный поворот» в международных отношениях, произошедший, как принято считать, на рубеже XXI столетия, был связан с утверждением психологического подхода к рациональности, который от подобного противопоставления отказался (*Mercer J. Rationality and Psychology in International Politics // International Organization. 2005. Vol 59 (1). P. 77–106*). Но успешная адаптация в предметном поле ТМО идей социального конструктивизма, потребовав, в свою очередь, ухода от биологической парадигмы, привела к распространению толкования эмоций исключительно как социальных конструктов, которые формируются культурным контекстом. Иными словами, социальный конструктивизм в международных исследованиях поспособствовал «разлучению» эмоции с телом.

В итоге в предметном поле ТМО популярны два стереотипных представления, которые, собственно говоря, не слишком противоречат друг другу: 1) эмоции нематериальны и принадлежат индивиду (сюда можно отнести и идею автора морфогенетической теории Маргарет Арчер об эмоциях как «внутреннем разговоре»), т.е. в сфере международных отношений мы можем говорить не столько об эмоциях, сколько об их взаимосвязи и взаимовлиянии с определенными заранее (социальными) нормами или об эмоциональном регулировании; 2) отличные от эмоций аффекты, напротив, материальны, телесны, но индивидам они не принадлежат (будучи от них автономными в определении Брайана Массуми), т.е. аффекты отнесены к явлениям иррациональным, которые хотя и присутствуют на практике в МО, но не репрезентируемы, а потому, будучи эфемерными и подвижными (*Solomon T. and Steele B. Micro-moves in international relations theory // European Journal of International Relations. 2017. Vol. 23 (2). P. 267–291*), в принципе вряд ли доступны для научного исследования.

Между тем тело (физиология), конечно, влияет на эмоции, тогда как новые достижения в неврологии и нейробиологии сулят приблизить нас к пониманию взаимосвязи между физическим телом индивида и эмоциональными переживаниями, давая новую жизнь трактовке эмоционального аффекта как предрасположенности к действию, сформулированной в конце XIX века американским психологом Уильямом Джеймсом.

По Джеймсу, *эмоция* — это ощущение и осознание физиологических изменений, которые возникают в теле в ответ на внешние стимулы. Это явление одновременно и ментальное, и физическое, неотделимое от интенциональности (направленности на предмет), т.е. речь идет о понятии, которое вступает в противоречие с картезианским дуализмом мысли и тела.

В своей концепции эмпириомонизма Александр Богданов в начале XX в. вводит термин *аффекционал*, позаимствовав его у Р. Авенариуса, но пересмотрев его содержание под влиянием спинозистской (монистской) теории об эмоциях Уильяма Джеймса. (*Bugaeva L. Bogdanov and Eisenstein on Emotions: The Affectional, Theory of Expressiveness, and Emotional Script // Culture as Organization in Early Soviet Thought: Bogdanov, Eisenstein, and the Proletkult / Ed. by Pia Tikka. Helsinki: Aalto University, 2016. URL: https://pure.spbu.ru/ws/files/9316081/BUGAEVA_160816.pdf*). Аффект по Богданову включает категорию эмоции, но превосходит ее, выражая материальную интенсивность потенциала (политической) трансформации, и созвучен таким образом его идее физиологического коллективизма как преодоления границ, накладываемых на сознание индивидуальными материальными воплощениями.

Подобный подход тем более важен сегодня для изучения эмоциональной стороны международных отношений, что он привлекает внимание к эмерджентным эмоциям в международной политике (*Holmes M. Believing This and Alieving That: Theorizing Affect and Intuitions in International Politics // International Studies Quarterly. 2015. Vol. 59 (4). P. 706–720*), будь то индивидуальным или коллективным. Если индивидуальные и групповые эмоции проявляют себя на микроуровне, то коллективные эмоции, несущие заряд нормативной трансформации, выступают результатом динамики, возникающей во взаимодействии между индивидами и коллективами на макроуровне.

Стрелец И.Э.
МГИМО МИД России, Москва

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ КАК ЭФФЕКТИВНЫХ КАНАЛОВ ПРОДВИЖЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Развитие компьютерных технологий в XXI в. радикальным образом изменило стиль, восприятие и способы получения актуальной информации. В авангарде пользовательской аудитории — современное российское студенчество. Традиционные СМИ, такие как телевидение, радио, газеты и даже их информационные порталы в Интернете, стремительно вытесняются цифровыми — мессенджерами, социальными сетями и др. В этой связи возникает насущная необходимость осознанно и точно использовать неограниченные возможности подобных ресурсов для продвижения созидательных ценностей в среде учащихся высших учебных заведений.

Для понимания приоритетов в выборе цифровых платформ при получении информации современными студентами нами была проведена серия глубинных интервью осенью 2022 г. В качестве респондентов выступили бакалавры-политологи трех вузов г. Москвы, входящих в «Топ-5». Общее число обработанных протоколов — 167 (94 юноши, 73 — девушки, возраст 19 — 21 г.).

По признанию 87% респондентов проведенного исследования, основными принципами выбора тех или иных цифровых платформ являются четыре следующих, названных в приоритетном порядке: *удобство использования, достоверность информации, стиль подачи, практическая значимость*. Остановимся кратко на каждом из этих критериев.

1. Выделение среди основных принципов выбора — *пользовательских характеристик* цифровых платформ, в целом, экстраполирует доминирующую особенность «представителей общества квалифицированного потребления». Быстрота и удобство коммуникации, простота алгоритмов, доступность навигации и серфинга, анонимность при регистрации и подписке на каналы, реализация права на обнародование своей позиции, минимальный размер текста, факты без интерпретации, многовариантность перепроверки информации в различных сегментах платформы, возможность распределять все каналы по категориям, доступность массива данных о текущих событиях в смартфоне, возможность использования чат-ботов для выполнения рутинных заданий, экономия времени для ознакомления, — все это названо большинством студентов среди существенных требований, предъявляемым к информационным ресурсам, независимо от их тематики.

2. Принцип *достоверности информации*, как его трактует подавляющее большинство участников нашего исследования, должен проявляться в высокой степени компетентности экспертов (как создателей каналов, так и привлекаемых комментаторов), их аналитическом и исследовательском подходе, научной экспертизе или авторитетности официальных новостных каналов, актуальности данных, подкреплении сообщений ссылками на первоисточники. Для студентов фактором доверия является большое количество подписчиков как репутационный ресурс владельца того или иного канала, популярность источника у представителей референтных групп пользователя, медийная узнаваемость владельцев канала, блогеров, артистов, спортсменов, политиков, которые для молодого поколения выступают в роли агентов социализации, менторов, «старцев», помогающих интегрироваться в жизнь взрослых и сформировать свою гражданскую позицию.

3. Важнейшим принципом для многих является *стиль подачи* информации: грамотность, оригинальность, логичность изложения; доступность языка — отсутствие специализированной лексики, профессионального жаргона, наличие общеупотребительного тезауруса; цепляющие внимание заголовки, стимулирующие желание читать пост до конца; оперативность размещения новостей — «день в день», регулярная периодичность обновлений; доверительный тон, «домашняя» атмосфера, отсутствие пафоса.

4. Замыкает круг предсказуемый принцип *практической значимости* — конкретной пользы от получаемой информации, что также соответствует запросам «компетентного потребителя» предоставляемых в сети «информационных услуг». Среди таких критериев называется не только отсутствие «спама» как информации, не относящейся к теме канала напрямую, не только минимум рекламы и стороннего контента, но и привязка «допустимой рекламы» к тематике канала, перекрестные ссылки на другие ресурсы, администрируемые в данной области знаний, а также возможность специальных («платных или закрытых») каналов, подписаться на которые можно только по рекомендации давних пользователей или при оплате профессиональных курсов, доступа к библиотекам, профессиональным базам данных. Около 38% настаивают на важности таких практических параметров, как предоставление постоянным подписчикам промокодов на различные скидки, бытовых советов, рекомендаций по экономии бюджета при выборе товаров, услуг и развлечений, а также возможность «наблюдения за жизнью» медийных персон — в качестве развлечения.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сформулировать методические рекомендации по созданию контента и размещения его в социальных сетях в виде цифровых информационных каналов, способствующих продвижению созидательных ценностей и аксиологем в студенческой среде. Выделенные респондентами принципы отбора ресурсов свидетельствуют, что цифровые платформы являются важным инструментом и функционируют по своим законам, а современная молодежь в полной мере обладает необходимыми компетенциями для использования их в повседневной жизни. Выбирая одни каналы или отвергая другие, студенты умело маневрируют в современном информационном потоке.

Тезисы подготовлены в рамках проекта «Механизмы оптимизации процесса формирования созидательных ценностей студенчества (патриотизм, гражданственность, доверие к власти, семейные традиции) посредством эффективных социально-политических коммуникаций», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Стюарт А.
Медицинская школа Восточной Вирджинии, Норфолк, США

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ И ГЕОПОЛИТИКА

С момента получения независимости в 1991 г. Киргизская Республика пытается найти выход из затягивающей ее воронки нестабильности. Несмотря на регулярность выборов, смена власти происходит с помощью внеинституциональных механизмов — через протесты, отставки правительства и государственные перевороты. Часто эти процессы рассматривают как часть здоровой политической борьбы между сторонниками демократизации и «сильной власти», однако повторяющийся паттерн на деле говорит об отсутствии устойчивых институтов.

Хроническая нестабильность, а также бедность характеризуют Киргизию как уязвимое, «хрупкое» государство (*Elagin D.P. Conceptual Perspectives on State Fragility // MGIMO Review of International Relations. 2021. No. 14 (4). P. 107–135*). По данным *Fragile States Index*, Киргизия на 2021 г. остается в группе стран высокого риска (оценка 77,1 из 120). Уровень бедности в стране составляет 33,3%, различаясь по регионам, безработица колеблется от 5,6% в северных регионах и до 80% в областях Ферганской долины (Национальный статистический комитет КР). Такое государство, если не будет прилагать направленных усилий для стабилизации, может оказаться полностью несостоятельным и, в самом худшем случае, перейти в стадию эрозии, полного коллапса или перехода с течением времени под управление другого государства (*Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E., Stukal D., & Zharikova E. Factors of Post-Socialist Stateness // SSRN Electronic Journal. 2012. URL: <https://doi.org/10.2139/SSRN.2020937>*).

Ситуация осложняется постоянной борьбой между клановыми группировками за власть, что говорит о разделенности общества (*Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. — 697 p.*). КР пережила три революции (в 2005, 2010 и 2020 гг.), а на юге страны периодически вспыхивают межэтнические столкновения, что во многом обусловлено спорными границами между государствами Ферганской долины.

Киргизия уже опробовала различные институциональные решения в попытках сдержать центро-стремительные силы. Они включали в себя многочисленные поправки и редактирование Основного закона (конституция в стране менялась за последние 30 лет 10 раз); изменение системы контроля над правительством (власть передавалась от президента к парламенту, затем к премьеру и снова вернулась к президенту по итогам последнего референдума 2021 г.); смена избирательной системы (мажоритарная до 2000 г., пропорциональная в 2000–2003 гг., мажоритарная в 2003–2007 гг., вновь пропорциональная в 2007–2021 гг., и, наконец, смешанная с 2021 г.).

Однако видимая повторяемость этих решений показывает, что одними институциональными путями конфликтотенный потенциал в Киргизии вряд ли удастся снизить. Можно обвинять правящие элиты республики в просчетах и ошибках, но очевидно, что они не в состоянии преодолеть ряд проблем самостоятельно: это неконсолидированность центров и границ, недостаток ресурсов и общая демодернизация, последовавшая за распадом СССР. Главным условием стабилизации, которое не получается обеспечить, является поступательное экономическое развитие и накопление ресурсов, что необходимо для жизнеспособности институтов. Репрезентативные модели, которые эффективны для поддержания порядка во фрагментированных обществах, как консоциация А.Лейпхарта, например, являются действенными только в более развитых экономически странах.

В отсутствие собственных ресурсов, Киргизия, исторически находясь на межимперской периферии, вынуждена декларировать многовекторное развитие, зачастую руководствуясь сиюминутной выгодой и краткосрочными нуждами. Однако при существующей геоэкономической ситуации и усиливающемся противостоянии между США и Россией, а также Китаем и США центральноазиатским странам придется строить более практические и долгосрочные планы (*Safranchuk I.A., Zhornist V.M., Nesmashnyi A.D., Chernov D.N. The Dilemma of Middlepowermanship in Central Asia: Prospects for Hegemony // Russia in Global Affairs. 2022. No. 20 (3). P. 116–133*). Наиболее заинтересованным партнером для Киргизии на данный момент является Россия, учитывая ее разворот на глобальный Восток и перенаправление внешних связей на Азию (А. Князев, Telegram @orientalreviewAK).

Стабильное политическое и экономическое развитие Киргизии представляется возможным только при условии наличия внешнего патрона и при активном участии в таких интеграционных объединениях, как ЕАЭС, ШОС и ОДКБ. На сегодняшний день членство Киргизии в ЕАЭС уже решает проблему высокого уровня безработицы в южных регионах, открывая путь трудовой миграции в Россию. Дальнейшая преференциальная политика будет, очевидно, обусловлена степенью лояльности.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Общественное мнение — один из важнейших коммуникативных механизмов государства и общества, социальный институт, занимающий свою нишу в иерархии устройства общества. Общественное мнение может рассматриваться и как потенциальная сфера влияния того или иного политического интереса, выражаемого лидерами и партиями, и как эффективное средство влияния на развитие, трансформацию и общую жизнеспособность того или иного политического интереса.

Роль общественного мнения в общей парадигме политического развития страны во многом определяется типом политического режима, установленного на территории данной страны, уровнем развития гражданского общества в ней, особенностями исторически сложившейся политической культуры, национальными особенностями ментального характера и др. В большинстве случаев такая роль оказывается внушительное влияние на общий ход политического, экономического и социального развития страны (*Вартанова Е.Л. Средства массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского, Е.Л. Вартановой, М.В. Шкондина. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 459.*). При этом общественное мнение не является монолитным и единообразным явлением, а напротив — отличается известным плюрализмом и разобщенностью в силу различий интересов отдельных социальных групп, сосуществующих в рамках одного общества. Конфликт общественных мнений — неотъемлемая составляющая жизни любого общества, однако наиболее остро это явление проявляется именно в условиях общества современного типа.

В информационную эпоху общественное мнение получило возможность широкого выражения не только благодаря развитию общественных институтов, но и развитию коммуникационных технологий. СМИ стали главными игроками в информационном пространстве, где на сегодняшний день общественное мнение проходит путь от зарождения до полноценного оформления. Это повлекло за собой возникновение важной особенности положения и роли СМИ в функционировании современного общества и современных политических систем. СМИ — это средство выражения того или иного общественного мнения и ключевой инструмент влияния на него, а порой и его формирования как такового. На практике эта комбинация может порождать целый ряд методов, используемых в функционировании современных СМИ. На примере России и КНР рассмотрение данной темы представляется наиболее наглядным. В обеих странах ведущую роль играют не частные, представляющие альтернативные политические течения, а государственные, освещающие правительственную политическую позицию и перспективу СМИ. Для государственных и лояльных государству СМИ созданы наиболее благоприятные условия. По этой причине успех их деятельности по формированию общественного мнения сложно переоценить.

Среди методов политического влияния СМИ на общественное мнение можно выделить следующие: внушение, психоэмоциональное воздействие, подражание, убеждение, приобщение к общенациональной идее, апеллирование к историческому прошлому. Общее число таких методов велико. Успешность использования того или иного метода, в частности, определяется специфическими условиями, в которых этот метод был применен.

Например, успех применения такого метода, как внушение, неразрывно связан с уровнем доверия населения к СМИ. В случае с государственными СМИ этот показатель высок как в России, так и КНР, что определяет распространение практики использования данного метода СМИ этих стран. Внушение позволяет осуществить пассивное усвоение той или иной информации аудиторией, на которую направлен метод. В этом случае тот, кто получает данную информацию, принимает ее как априори истинную, не предпринимая попыток ее оценки или критического осмысления (*Пядышева Т.Г. Методы влияния на общественное мнение // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Общественные науки. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 4 (12). С. 77–85.*). Другой метод — убеждение, напротив, заключается в активном усвоении потенциальной аудиторией предлагаемой ей информации. В этих обстоятельствах такая информация отличается высоким качеством и продуманным содержанием.

Психоэмоциональное воздействие как метод политического влияния на общественное мнение в России и КНР часто приобретает форму прямого апеллирования либо к традиционным ценностям, либо к историческому прошлому стран. С этим методом тесно связан метод подражания, когда ряд исторических личностей возводится на пьедестал национальных героев. Формируется паттерн «идеального гражданина» — «идеального россиянина» или «идеального китайца». Пробразами таких идеальных паттернов также могут служить ныне живущие выдающиеся личности, деятельность которых по тем или иным причинам выгодна главенствующим политическим кругам.

В условиях главенствующей роли СМИ в процессе формирования общественного мнения в большинстве стран мира, и, в частности, России и КНР, число методов осуществления этого процесса

чрезвычайно велико и увеличивается с каждым витком развития СМИ и сферы медиакоммуникаций. Успешность СМИ как инструмента влияния на общественное мнение колоссальным образом зависит от специфических условий, сложившихся в той или иной стране, от общих показателей доверия населения к СМИ, в случае с Россией и КНР — к государственным СМИ.

Субботина А.А.
ПГНИУ, Пермь

МНЕНИЕ ДЕПУТАТОВ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ: РОЛЬ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ПРИ ИЗБРАНИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ГЛАВ ПО КОНКУРСУ

Конкурсная модель избрания местных глав создает поле для конкуренции акторов на местном уровне: губернатор может влиять на конкурсную комиссию, но формально выбирают главу депутаты. Это условие превращает местный совет в потенциально активного субъекта принятия решений. Отсюда следует вопрос: влияет ли уровень поддержки мэра среди депутатов на его переизбрание по конкурсу?

Конкурсная модель предполагает согласование предпочтений государства и населения, что соответствует дуалистической трактовке МСУ (Панов, Петрова, 2019). Это компромисс между губернатором и местным советом по поводу кандидатуры на пост мэра. В отсутствие разногласий между сторонами этот компромисс достигается относительно быстро. Однако в некоторых случаях процесс согласования затрудняется конкурирующими предпочтениями акторов. Местный совет потенциально может стать активным субъектом этой конкуренции. Он располагает механизмами для демонстрации своей позиции: 1. депутаты могут специально не прийти на заседание; 2. они могут проголосовать так, чтобы никто из кандидатов не набрал нужного числа голосов; 3. депутаты могут консолидированно проголосовать за другого кандидата. Так как государство на текущий момент ожидает от элит поддержки политической стабильности, региональная власть будет стремиться избежать напряженности и конфликтов во время конкурса. Следовательно, она либо будет вводить конкурсную процедуру только на территориях с лояльными советами, либо вынуждена будет согласовывать свои интересы с позицией депутатов и других акторов по поводу кандидатуры на должность главы.

Эмпирически сложно зафиксировать отношение депутатов к каждому из представленных кандидатов в период проведения конкурса, поэтому в качестве индикатора лояльности совета к действующему главе рассматривается уровень поддержки этого мэра депутатами на предыдущем конкурсе и анализируется сохранение/не сохранение им должности на текущем конкурсе. Ожидается, что региональная власть, чтобы не спровоцировать конфликт, учитывает отношение депутатов к мэру и с учетом этой информации корректирует свое решение относительно поддержки/не поддержки инкумбента на текущем конкурсе, т.е. избрание мэра реализуется путем учета интересов и согласования позиций разных сторон.

Зависимая переменная — сохранение/не сохранение действующим главой должности; независимые — доля депутатов, поддержавших данного главу на предыдущем конкурсе; отсутствие/наличие проблем по согласованию кандидатуры с депутатами на предыдущем конкурсе. Метод исследования — логистическая регрессия.

Исследование основывается на примере муниципалитетов Пермского края, так как в этом регионе во всех территориях введена конкурсная модель избрания глав. Всего с 2015 по 01.09.2022 в регионе прошло 93 конкурса. В работе анализируется 39 повторных конкурсов, так как только в этих случаях доступны данные по голосованию на предыдущем конкурсе. Источники данных — официальные сайты муниципальных образований, местные СМИ. Результаты представлены в таблице.

Переменные	Коэффициенты
Доля депутатов, поддержавших мэра	-0,40 (2,37)
Наличие проблем во время конкурса	-2,04 (1,30)
Pseudo-R ²	0,12

Между переизбранием мэра по конкурсу и его предшествующей поддержкой депутатами нет значимой связи. Однако это еще не позволяет утверждать об отсутствии конкуренции между акторами во время конкурса. Возможно, в условиях напряженных отношений действующего мэра с советом противоречия решаются не в момент голосования депутатов, а путем договоренностей между кандидатами, депутатами, региональной властью в процессе конкурса либо изначальным подбором лояльного совета через контроль мэром выборов депутатов. Тем самым реализуется конкуренция акторов и достигается компромисс не в финале конкурса, а в процессе его подготовки или даже в период выборов депутатов в местный совет.

Следует отметить тенденцию: наличие проблем/ конфликтов во время предыдущего конкурса понижает шансы инкумбента на переизбрание на последующем конкурсе (отрицательный коэффициент). Это лишь тенденция, а не устойчивая связь, но она подчеркивает, что взаимодействующие акторы в какой-то степени учитывают негативное отношение к действующему мэру в муниципалитете, стараются избегать конфликтных ситуаций с местным советом, что встраивается в общий тренд ориентации на поддержание политической стабильности.

Таким образом, несмотря на отмечаемое усиление роли губернатора в избрании мэра по конкурсу, модель все-таки стоит представлять сложнее, учитывая конкурирующие притязания разных акторов, роль местного совета как субъекта принятия решений. При этом согласование позиции депутатов и интересов других акторов может осуществляться и до финального голосования в совете. На каком этапе происходит согласование предпочтений и достигается компромисс по поводу кандидатуры? Вопрос остается открытым.

Сулимов К.А.
ПГНИУ, Пермь

ФРАКЦИОННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Выступления депутатов ГосДумы на открытых пленарных заседаниях дают богатый материал для анализа их представлений об устройстве мира, в том числе по вопросам территориально-политического характера. Последние представляют интерес, в том числе, потому что могут рассматриваться как своеобразный шлюз к «реальному миру», т.е. миру, в котором реальные люди и организации живут и действуют в конкретных населенных пунктах, территориях и т.п.

Можно предполагать, что в отношении партий, представленных в Государственной Думе, одним из факторов различий в территориально-политическом образе мира и России является их место в партийно-политической конфигурации в контуре политического режима. То есть должны быть различия между фракцией «Единой России» (ЕР) и другими фракциями так называемой «системной оппозиции».

ЕР заметно отличается от остальных тем, что является партией власти, т.е. инструментом доминирования президента в парламенте, что уменьшает ее самостоятельность, но повышает администрирующую значимость и связанность с исполнительной властью. Это снижает для нее стимулы к использованию риторики, открывающей шлюз к «реальному миру».

Соответственно, теоретическое ожидание состоит в том, что анализ покажет различие между ЕР и остальными фракциями в объеме и характере упоминания географических объектов. Прежде всего, ЕР будет упоминать их относительно реже и будет более склонна к обращению к более абстрактным, высокоуровневым сущностям, т.е. меньше упоминать конкретные населенные пункты, административные образования и прочие географические объекты.

Для эмпирического анализа были взяты тексты выступлений депутатов на пленарных заседаниях начиная с четвертого созыва, поскольку актуальная партийная структура Думы (доминирующая «Единая Россия» и три партии системной оппозиции) сложилась именно в нем. Всего за период 2003–2020 гг. (данные по 7-му созыву неполные) на депутатов 4-х фракций приходится 157 тыс. выступлений от 1125 человек. Все тексты реплик каждого депутата были обработаны с помощью библиотеки *SlovNet* (URL: <https://github.com/natasha/slovnet>), реализующей извлечение именованных сущностей из текстов на естественном языке на основе методов глубинного обучения. В текстах реплик были выделены три категории сущностей: личность (*PER*), организация (*ORG*), географический объект (*LOC*). Последняя категория включает в себя использованные депутатами наименования очень широкого спектра объектов — от всей планеты через части света и континенты до конкретных мест в населенных пунктах. Выделенные сущности были соотнесены с конкретными локациями с помощью системы автоматического геокодирования *OpenStreetMap*, результаты геокодирования проверялись и при необходимости редактировались.

Результаты анализа, в целом, подтверждают теоретические ожидания, это можно продемонстрировать, в частности, следующим.

ЕР сравнительно с другими фракциям действительно меньше обращается к географическим сущностям относительно общего объема говорения своих депутатов. Если в общем числе выступлений за рассматриваемый период на ЕР приходится 47,7% (КПРФ — 23,2%, ЛДПР — 16%, СР — 13%), то в общем числе упоминаний *LOC* у ЕР только 31,9% (КПРФ — 27%, ЛДПР — 26,3%, СР — 14,6%).

При этом депутаты от ЕР много больше говорят про саму Россию и все с ней связанное — в общем объеме всех географических сущностей те, что можно однозначно связать с Россией, составляют у ЕР

76,7 процента, и это значение почти не меняется по созывам. У КПРФ оно составляет 66,9%, у ЛДПР — 56,4%, а у СР — 59,9%. Иначе говоря, фракции системной оппозиции более разнообразны в своем «географическом» говорении, больше уделяют внимание миру за пределами России. При этом у КПРФ и ЛДПР есть заметная динамика по созывам. У коммунистов падает доля «российских» упоминаний (с 75 до 61%), а у либеральных демократов она растет (с 47 до 63%). В результате в 7-м созыве различия между оппозиционными фракциями почти исчезают (у СР — 60%) при общем значимом отличии от ЕР — 78,6%.

Но говорение ЕР про Россию имеет более абстрактный, т.е. высокоуровневый, характер. Это проявляется в том, что депутаты от ЕР меньше говорят про географические объекты уровня региона и ниже (т.е. сами субъекты РФ и все к ним относящееся, в них находящееся; исключены упоминания Москвы и с ней связанного). «Региональная» доля в выступлениях ее депутатов составляет всего 38,4%. У КПРФ соответствующий показатель имеет значение в 49,2%, у ЛДПР — 55,5%, у СР — 48,2%. Видны отличия и между фракциями системной оппозиции, но их размах меньше их совокупного отличия от ЕР.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00624.

Сун Шубо
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС)

За последние два десятилетия благодаря совместной практике государств-членов Шанхайская организация сотрудничества выработала особый путь развития, значительно отличающийся от западного: основываясь на сотрудничестве в области безопасности и коллективном консенсусе, многостороннем сотрудничестве, взаимном уважении, постепенности и инклюзивном сосуществовании, она добилась гармонизации и совместного развития интересов региона и государств-членов. Этот уникальный путь придает ШОС беспрецедентную устойчивость и потенциал, и есть все основания полагать, что за последние два года она совершит резкий скачок вперед. Основой для этого скачка служат внутренние ресурсы, а триггерами — внутренние потребности и внешние стимулы.

С самого начала ее создания ШОС исходила из основных интересов безопасности, стабильности и равенства стран-членов, чтобы минимизировать препятствия для расширения многостороннего сотрудничества между ними в экономической и торговой сферах. Более того, хотя отсутствие территориальных споров между странами не является формальным препятствием для их участия в ШОС, заинтересованность этих стран во взаимном сотрудничестве страхует от эскалации возможных территориальных конфликтов. Это делает организацию устойчивой.

Особая роль в организации принадлежит Китаю и России. Китай — крупнейшая промышленная страна мира, обладающая самой большой общей мобилизационной мощью. Россия обладает вторым в мире ядерным военным потенциалом и имеет возможность существенно влиять на мировые поставки энергии и продовольствия. Все страны-члены ШОС связаны между собой сушей, в целом самодостаточноны в энергетике и продовольствии и имеют большие возможности для роста. Это потенциал.

Китай и Россия нуждаются во взаимной политической поддержке перед лицом хаоса, экспортируемого США и Европой. Кроме того, Россия и другие страны-участницы ШОС нуждаются в политической поддержке друг друга; Китай нуждается в продовольствии и энергии из России и других стран-участниц, а Россия и другие страны-участницы — в огромных энергетических и продовольственных рынках и промышленных товарах Китая. Это внутренний интегрирующий фактор.

С 2020 г. мир сильно изменился: старый порядок постепенно выходит из строя и экспортирует хаос вовне, чтобы отсрочить приход окончательного «судного дня». Хаос представляет собой угрозу, и беспорядки в Казахстане вновь, спустя 20 лет, заставили страны-члены ШОС почувствовать непосредственную угрозу цветной революции. Это стимул извне.

Таким образом, задача сплочения объективна. Для этого, помимо внешних стимулов, есть внутренний потенциал и факторы интеграции. Но существуют и вызовы.

ШОС выполняет функцию предохранителя от обострения противоречий между его членами. Но если предохранитель перегорит, не вызовет ли это цепную реакцию?

Китайский проект «Один пояс и один путь» реализуется и на территории стран СНГ. Не будет ли Россия создавать препятствия для Китайского проекта, чтобы сохранить свое влияние в регионе?

Станет ли Индия, имеющая большое количество территориальных споров с соседними странами и нестабильную внутреннюю ситуацию, источником конфликтов и каналом проникновения в ШОС хаоса извне?

Это лишь некоторые из существующих вопросов, и на часть из них уже сегодня можно дать утвердительные ответы как на вероятные сценарии предстоящих изменений. Для преодоления этих проблем, помимо укрепления взаимного доверия, необходимо усилить институционализацию сложившихся конструктивных отношений. Думается, это позволило бы ограничить интенсивность внутренних споров, снять подозрения в попытках на взаимное влияние на фоне сотрудничества в сфере безопасности и военного взаимного доверия и, возможно, сделать ШОС реальным источником региональной стабильности и развития.

Сунами А.Н.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ И ПРОБЛЕМА РИСК-СОЛИДАРНОСТИ

Будучи критически заинтересованными в построении системы эффективного реагирования на набирающие ход радикальные изменения современного нам мира, правительства всех стран стремятся убедить своих граждан в необходимости разделить с ними бремя последствий принимаемых властями решений, правда не столь охотно делясь с ними бременем принятия таких решений. В то время как ощущение несправедливости текущих моделей дистрибуции рисков все более становится неизбежным фоном риск-рефлексии стандартного обывателя, о чем нас предупреждал еще классик теории риска Ульрих Бек. Таким образом, политическое управление рисками вместе с традиционным дискурсом об оценке и выборе риска должно включить в себя сегодня проблемы ответственности и солидарности, которые определяются и контролируются социальными факторами. Проблема риск-солидарности, как нам представляется, должна быть выделена особо по той простой причине, что именно состоянием аномии или солидарности во многом определяется пропорция деструктивных/конструктивных реакций общества на угрозы. Усугубляется это и тем, что риск-аномия кажется более естественным состоянием для гражданина, особенно если угроза для него существует в формате «большого вызова», когда непосредственно влияние на себя выглядит довольно абстрактно. Таким образом, задача формирования риск-солидарности с тем, чтобы избежать ситуации, в лучшем случае, отсутствия общественной поддержки в противодействии угрозам, а, в худшем, прямой конфронтации со своими гражданами, выкристаллизовывается с достаточной ясностью.

Столь же очевидной кажется мысль, утверждаемая многими исследователями риска, что «управление рисками — это нечто большее, чем просто критическое исследование сложных, взаимодействующих сетей, в которых выбор и решения принимаются в отношении рисков; его также следует понимать как свод нормативных принципов, которые могут информировать всех соответствующих субъектов общества о том, как ответственно относиться к рискам (*Hermans M.A., Fox T., van Asselt M.B.A. Risk Governance // S. Roeser, R. Hillerbrand, P. Sandin, and M. Peterson (eds). Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk. Springer Science and Business Media B.V., 2012. P. 1093–1117*). Можно сделать вполне обоснованный вывод, что риск-солидарности является специфической коммуникативной моделью, которая формируется не посредством изолированных дискурсивных практик или пропагандистских кампаний, а скорее становится результатом решений институционального уровня. Ну и обратный вывод, что в отсутствие таких институциональных решений, которые выходят далеко за пределы только лишь политического управления, а касаются скорее общих принципов дистрибуции власти на данной территории, выстроить солидарную модель реакции на «большие вызовы» вряд ли получится.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00115, <https://rscf.ru/project/19-18-00115/>.

Сунгуров А.Ю., Кукарцев С.М., Носков М.Ю.
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

МОЛОДЕЖНЫЕ СОВЕТЫ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование посвящено анализу молодежных советов при главах администраций муниципальных образований Ленинградской области, как МО-1 (города и поселки), так и МО-2 (районы Ленинградской области). Информация о развитии, деятельности и проблемах молодежных советов была получена с помощью полуструктурированных экспертных анонимных интервью как с активистами этих

молодежных советов, так и с сотрудниками муниципальных образований, курирующими их деятельность. На основании материалов исследования мы можем выделить три основных варианта реальной деятельности Молодежных советов при главах администрации районов: вариант А — «Клуб заинтересованных лидеров молодежных инициатив», вариант Б — «Коммуникативная площадка для диалога с заинтересованным главой района», вариант В — «Коммуникативная площадка без участия главы района». При этом реализация определения молодежного совета как «консультативно-совещательного органа», скопированного из положений о других ОКС (общественно-консультативных советов), неконструктивна. Поэтому наиболее естественным для молодых лидеров является реализация варианта А, который в дальнейшем может перерасти в вариант Б, однако для него необходима сильная мотивация главы района, что является пока, к сожалению, исключением. Вариант В может происходить путем самоорганизации представителей сильных организаций (относительно большие города) либо при руководстве сотрудника администрации.

Анализ развития молодежных советов в муниципальных образованиях 1-го уровня позволяет сделать вывод о том, что важными условиями успеха являются три фактора. Первый — наличие в поселениях хотя бы небольшой группы молодых людей с какими-то проявленными интересами. Наиболее частыми интересами бывают спорт и современная музыка. Есть и интерес к волонтерству, краеведению и т.д. (как результат усилий школы). Второй фактор — наличие разветвленной сети специалистов по молодежной политике, которые смогут увидеть этих молодых и разглядеть конкретику их интересов, чтобы помочь им найти себя. Это могут быть сотрудники как местных администраций, так и других структур, работающих с молодежью. И третий фактор — внимание к инициативной молодежи со стороны главы поселения. Важен как сам фактор общения, так и возможность оказать определенную материальную поддержку, начиная с помещения, в котором можно встречаться молодым.

Выявлены такие варианты вневластных позиций участников реализации молодежной политики: 1) отдел молодежных инициатив Муниципального учреждения Районного центра культуры и молодежных инициатив; 2) сектор молодежной политики МКО Центра молодежной политики, культуры спорта и туризма; 3) специалист по работе с молодежью культурно-досугового центра района; 4) сотрудник молодежного коворкинг-центра.

При анализе проблем развития молодежных советов важно отметить недостаточное внимание к перспективам роста и развития активных членов этих советов на территории района и МО. Выходом из этой ситуации может быть их рассмотрение как важной части кадровой политики, будущего управленческого резерва. Частично это реализуется в отдельных районах привлечением их к оплачиваемой работе в коворкинг-центрах и подобных структурах. Отдельной и важной темой является профессиональное развитие самих сотрудников администраций всех уровней, их зарплата и карьерный рост. Так, выявлено, что некоторые из них не проходили переподготовку и повышение квалификации по специфике их работы — по реализации молодежной политики. Возможности же для проведения таких курсов в Санкт-Петербурге имеются. Проблемой является также и ее более низкий уровень, чем сотрудников других профилей, иначе говоря — «финансирование по остаточному принципу», что по определению будет вызывать у руководителей разного уровня, включая и части глав районов, ощущение, что молодежная политика не входит в число властных приоритетов.

Основным выводом данного исследования и одновременно — рекомендацией является необходимость системного, комплексного подхода к реализации молодежной политики в области, разработка Концепции молодежной политики, отдельные направления которой сегодня реализуются уже многими субъектами общественно-политической жизни Ленинградской области. Молодежные же советы являются важной, возможно, центральной частью, но все же частью молодежной политики в целом, и их развитие будет зависеть от развития и других авторов поля молодежной политики, иначе говоря — требуется системный подход с фокусом на органы власти трех уровней, включая и их профильные ведомства, самих молодых общественников (с учетом возрастных и социальных когорт), а также различные организации типа коворкинг-центров или центров культуры.

Исследование было поддержано грантом № 22-00-032 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

ТЕЛЕОБРАЗ УКРАИНЫ КАК ЗЕРКАЛА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОСТИ НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Российская Федерация находится на том этапе, когда вопросы государственной идентичности из абстрактных и далеких от процесса реального принятия решений вошли в ряд ключевых, определяющих насущную внешнюю и внутреннюю политику. Растущий запрос на практико-ориентированные решения отражается и в самих исследованиях идентичности, как, например, можно увидеть в обзоре, предпринятом в ходе проведенного летом — осенью 2019 г. экспертного опроса О.В. Поповой (Попова, 2019). Телевидение, как один из ключевых инструментов государственной политики идентичности, также отражает эту эволюцию, что особенно ярко проявилось в жанре ежедневных новостей, приобретающих на федеральных телеканалах все более интерпретационную, чем информационную функцию. Резкий рост политических сообщений, особенно жанра «soft news», предполагающего эмоциональное вовлечение зрителя, отмечается как российскими (Малинова, 2012, 2017; Ефремова, 2012), так и зарубежными экспертами (Tolz, Chatterje-Doody, 2018) с третьего президентского срока Владимира Путина. И если сейчас украинская тематика доминирует в телевизионном дискурсе, то ту роль, которую сыграл образ Украины на этапе становления современной стратегии коммуникации и отработки технологий, медийных образов и форматов телерепрезентаций, которые используются в телекоммуникации и сейчас, мы имеем возможность проследить благодаря контент-анализу новостных материалов одного из основных проводников государственной политики идентичности — телеканала «Россия 1» на изломе так называемого «протестного года» с декабря по декабрь 2011–2012 гг.

Идентичность всегда имеет сравнительную природу, на ее формирование и выстраивание существенное влияние оказывает Значимый Другой, который может оцениваться положительно — как объект для подражания, либо отрицательно — как угроза. Долгое время таким Другим для конструирования российской идентичности выступал «коллективный Запад» — Европа, Европейский союз, США. На рубеже веков важным фактором для новых государств стал европейский: ориентация на ЕС и стремление войти в его состав. Европейский вектор в политике идентичности сказался на ходе «оранжевой революции» в Украине и обусловил ее последующий отказ от «многовекторности» в международной политике и политике идентичности на основе противопоставления России, секьюритизации национально-государственной политики идентичности, в которой Россия была представлена в качестве врага.

Вследствие этого для России значимость Украины возрастает в разных измерениях: и в плане безопасности, угрозы утраты Украины как лимитрофной территории, зоны между Россией и недружелюбным (враждебным) Западом, и в отношении российской национально-государственной политики идентичности.

В докладе раскрывается роль образа Украины в трех ключевых для российской политической идентичности осях: Россия — Запад (образ врага), Россия — Европа (образ цивилизованного мира), Россия — Советский Союз (образ великой державы).

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, грант No FSNF-2022-0038 «Украина как детерминанта российской идентичности».

Список литературы

1. *Попова О.В.* Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южнороссийский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 74–91.
2. *Малинова О.Ю.* Символическое единство нации? Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина // Pro et contra. 2012. Т. 16. № 3. С. 76–93.
3. *Малинова О.Ю.* Современный русский национализм: Коллективный портрет в политическом интерьере (Рецензия) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова, гл. ред., и др. М., 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 348. (Серия: Политология).
4. *Ефремова В.Н.* Символическая политика государства в отношении российских праздников после 2012 г. // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова, гл. ред., и др. М., 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 294–307. (Серия: Политология).

5. Tolz Vera, Chatterje-Doody Precious N. Four things you need to know about Russian media strategies // The Conversation. 2018. April 5. URL: <https://theconversation.com/four-things-you-need-to-know-about-russian-media-manipulation-strategies-94307> (дата обращения: 20.09.2022).

Сулов Е.В.
МарГУ, Йошкар-Ола

КИТАЙ НА РАСПУТЬЕ: ЧТО ДЕЛАТЬ С ТАЙВАНЕМ?

Мало кто сомневается в растущем могуществе Китая в роли одного из ведущих субъектов конструирования современного миропорядка. Беспрецедентный рост экономики Китая стал доминирующим фактором усиления влияния страны в мировой политике. Этот показатель, в сущности, и компенсирует проблемы КНР, связанные с ущемлением прав человека, усилением цензуры, с заметным дрейфом страны к тоталитарному политическому порядку.

Кроме того, настоящей ахиллесовой пятой для Китая является так называемый тайваньский вопрос, который уже в продолжение 70 лет является серьезной внешнеполитической проблемой. Континентальный Китай и островная провинция Тайвань в течение всего этого времени пребывают в состоянии «холодного» мира, который может быть прерван в любое время. Начинаясь эта история с поражения в Гражданской войне вооруженных подразделений партии Гоминьдан во главе с генераллисимусом Чан Кайши. Победа была одержана компартией Китая, ведомой Мао Цзедуну.

Сторонники Гоминьдана, правившие на материке, были вынуждены эвакуировать на остров органы центральной власти Китайской Республики. Они провозгласили себя правопреемниками этой республики, возникшей в результате Синьхайской революции 1911–1912 гг. Сформированное Чан Кайши правительство в изгнании пыталось распространять свою власть на всю территорию Китая. Эта задача оказалась для них недостижимой, однако Чан Кайши, используя жесткие авторитарные методы правления, удавалось удерживать власть. Неоднозначная фигура в истории Китая, он был амбициозным лидером, в котором сочетались качества мудрого и заботливого правителя и человека, не гнушавшегося сотрудничать с немецкими нацистами и японскими милитаристами.

Исторические реалии были таковы, что Соединенные Штаты, движимые своими геополитическими интересами, всячески поддерживали Чан Кайши, предпринимая усилия по смене власти в континентальном Китае. Не без участия США Китайская Республика на Тайване около двух десятилетий представляла Китай в ООН. Более того, была членом Совета безопасности ООН, что с высоты сегодняшнего дня кажется абсурдом.

После смерти генераллисимуса и с приходом к власти его сына Цзян Цзинго начинаются первые шаги по демократизации страны. Он дважды избирался президентом островного государства, которое так и не было признано мировым сообществом. «Отцом тайваньской демократии» принято считать преемника Цзян Цзинго, бывшего вице-президента Ли Денхуэй, при котором проводились конституционные реформы, что позволило в 2000 г. избраться президентом страны Чэнь Шуйбянь, который не был членом правящей партии Гоминьдан. Таким образом, была прервана многолетняя монополия на власть правящей партии и это благотворно повлияло на дальнейшую демократизацию страны. Свообразным гарантом демократических перемен выступили США, что не мешало американскому руководству иногда поступаться принципами лидера демократического мира в угоду своим геополитическим интересам.

Так, президент США Р. Никсон вознамерился сделать Пекин союзником в сдерживании СССР. Это было время обострения отношений Советского Союза и КНР после вооруженного конфликта на о. Даманском. Континентальный Китай предложил Тайваню вариант «одна страна, две системы», в соответствии с которым китайская провинция Тайвань соглашается на воссоединение, но сохраняет свою автономию. Дипломатическое признание Тайваня было отозвано и его получил Китай. Более того, по просьбе КНР американцы вывели свои войска с территории островного Китая и расторгли с ним оборонный договор. Зависимому от США Тайбэю пришлось проглотить эту горькую пилюлю, входя в положение США на правах младшего партнера по противостоянию с СССР.

Принятый Китаем в 2005 г. «закон против отделения» открыл для Китая возможность использовать «немирные средства» против строптивного Тайваня в случае, если он все-таки попытается отделиться от континентального Китая. Вполне демократизировавшийся за последние десятилетия Тайвань и его граждане, в сущности, стали самостоятельным народом, носителем приобретенных демократических ценностей и частью нынешнего Китая, не разделяющего эти ценности.

Кроме того, есть негативный прецедент, случившийся в 1997 г. с Гонконгом, когда Пекин, используя идентичные обещания, вернул этот город под свою юрисдикцию, а спустя некоторое время установил в демократическом Гонконге жесткие авторитарные порядки.

Таким образом, можно констатировать наличие трудноразрешимого противоречия. С одной стороны, Китай имеет право, исходя из принципа территориальной целостности страны, принимать меры для возвращения утраченной части своей страны, которая по факту является непризнанным государством. С другой стороны, Тайвань, исходя из принципа права на самоопределение народов, зафиксированного в Уставе ООН, может сохранять свою самостоятельность и независимость. И чаша весов может перевесить в любую сторону.

Суслов С.И., Калашникова С.К.
ИНИОН РАН, Москва; СПбГУ, Санкт-Петербург

НОВЕЙШИЕ ПРАКТИКИ ПРИКЛАДНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ (2019–2022 ГГ.)

В последние три года работы зарубежных авторов по теме политического доверия в большей степени связаны с влиянием на объект исследования пандемии коронавируса и стратегий кризисного менеджмента государства; с определением степени влияния интернет-коммуникаций на уровень политического доверия, а также со сравнением особенностей формирования политического доверия среди граждан демократических и недемократических стран. Фокус международного научного сообщества направлен на кросс-национальные сравнительные исследования. Основными методами сбора информации остаются массовые опросы и экспертные интервью, а анализ данных включает в себя многоуровневые регрессионные методы и дескриптивные практики статистического анализа.

Отдельное место в работах иностранных социологов и политологов занимает проблема политического доверия и политического поведения молодежи как в демократических странах, так и в современных автократиях. В нескольких последних лет продемонстрирована прямая зависимость уровня политического доверия и политического абсентеизма молодежи. Исследователи сходятся во мнении, что уровень доверия к органам власти среди молодежи ниже, чем среди представителей других возрастных категорий, что становится проблемой и даже угрозой стабильности демократических режимов. Эта тенденция объясняется, *во-первых*, как следствие приверженности молодежи индивидуалистическим ценностям, *во-вторых*, через фактор низкого уровня представленности интересов молодежи как в парламентах, так и в политическом дискурсе в целом.

Опираясь на данные опросов, проводимых в рамках Европейского социального исследования (межнациональное исследование, которое проводится по всей Европе каждые два года), Т. Шевалиер, используя метод многоуровневой линейной регрессии, предлагает оценивать уровень политического доверия через отношение молодежи к пяти институциональным структурам: парламент, судебная система, полиция, политики и политические партии (Tom Chevalier; 2019). Автор утверждает, что большее значение имеет степень однородности этих переменных, так как высокий уровень «оторванности» оценивания разных институтов влияет на общую оценку уровня доверия. Кроме того, Т. Шевалиеру во время обработки статистических данных удалось выявить значимое противоречие в оценке политического доверия: отношение респондентов к отдельным институциональным конфигурациям не тождественно отношению к политическому курсу в целом. По мнению автора, не политика как таковая оказывает влияние на политическое доверие, а конкретная координация, набор политических практик, который делает их согласованными, понятными и даже предсказуемыми в рамках режима.

Обращаясь к опыту изучения политического доверия молодежи в недемократических режимах, актуальным представляется исследование долгосрочного влияния репрессивных практик на молодежь Китая (Scott W. Desposato, Gang Wang, Jason Y. Wu; 2021). Коллектив ученых провел массовый опрос, посвященный влиянию опыта протестной активности молодежи на дальнейшее формирование политического доверия уже во взрослом возрасте. Далее исследователи сравнивали политические установки студентов, которые были подвергнуты репрессивным практикам со стороны государства в период студенчества, и другой группы опрошенных, которые не имели такого опыта. В качестве прецедента рассматривались события 1989 г., а именно длительные протестные акции на площади Тяньаньмэнь в Пекине (требование демократических реформ и борьба с коррупцией). Результаты работы показали, что даже те студенты, кто непосредственно не участвовал в протестах, но был очевидцами событий, менее склонны доверять государству спустя 30 лет, по сравнению с теми, кто попал в университетскую среду после репрессий.

Таким образом, базовыми трендами в исследованиях проблем политического доверия остаются вопросы сравнения механизмов формирования политических установок в странах с разными режимами власти и среди различных социальных групп. Большое значение уделяется изучению внешних и внутренних факторов и событий, влияющих на укрепление или снижение политического доверия в долгосрочном периоде.

Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100043-9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

Суховерхов К.К.
МГИМО МИД России, Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙ США К ОТНОШЕНИЯМ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В XXI ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ ИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ

В Соединенных Штатах Америки основным программным документом Республиканской и Демократической партий является платформа партии. Платформа партии — это официальный документ партии, в котором формулируются идеологические, политические, экономические и иные установки партии. Важно отметить, что в США платформа партии — это не только план деятельности партии в случае победы на выборах, но и «образ мышления» партии и ее сторонников.

Подходы партий к отношениям с Российской Федерацией прошли большой эволюционный путь с 2000 по 2020 г. от общего посыла о сотрудничестве между странами до необходимости «сдерживания реваншистской России».

С помощью анализа и сравнения текстов платформ партий можно обнаружить не только отношение самих партий к России, но и отношение к Москве на иных политических и социальных уровнях, так как партии представляют идейные, политические и иные взгляды широкого круга людей от простых граждан страны до политической элиты.

В платформах 2000 г. России было уделено немного внимания в рамках европейских блоков платформ. Партии выражали понимание сложности перехода России к рыночной экономике и сложность проведения демократических реформ. Они выражали поддержку России на этом пути и подчеркивали необходимость сотрудничества с Россией, особенно по вопросам стратегической безопасности.

В платформах 2004 г. партии проявляли единодушие в отношении России. Республиканцы и демократы также выражали поддержку демократических преобразований в стране. Но партии сделали разные акценты в описании своего отношения к России. Если Демократическая партия обошлась в платформе «общими фразами», то Республиканская партия подчеркивала единство России и США в борьбе с международным терроризмом, важность заключения Договора о СНП и развитие торговых отношений, а также выступала за «интеграцию России в евроатлантическое сообщество».

В платформах 2008 г. появился первый негатив в адрес России. Партии все также подчеркивали необходимость сотрудничества с Россией, но появилась критика в адрес Москвы. Республиканская партия подчеркивала, что у американцев и россиян существуют общие интересы: борьба с терроризмом и распространением ядерного оружия, продвижение двусторонней торговли и многое другое. Но партия выражала «серьезную озабоченность» отношением российского правительства к прессе, оппозиционным партиям и институтам гражданского общества. Позиция Демократической партии по России была схожа с позицией республиканцев: «Продвигая демократию в России, мы должны работать с ней в областях, представляющих общий интерес, прежде всего в обеспечении безопасности ядерного оружия и ядерных материалов. Мы будем настаивать на том, чтобы Россия соблюдала нормы международного права и уважала суверенитет и территориальную целостность своих соседей»¹.

В платформе 2012 г. у республиканцев был минимальный акцент на критике России и больший на важность Москвы для мирового сообщества. Республиканцы говорили об общих интересах России и США: борьба с терроризмом, сокращение ядерных вооружений, развитие торговли и др. Демократическая партия говорила о необходимости сотрудничества с Россией, одновременно критикуя кандидата в президенты США от республиканцев М. Ромни, который называл Россию: «наш геополитический враг номер один». Демократы также подчеркивали, что политика «перезагрузки» президента Б. Обамы в отношении России привела к значительному росту сотрудничества между странами.

В платформе 2016 г. Республиканская партия отмечала, что у России и США есть общие интересы: борьба с терроризмом, вопросы нераспространения ОМУ, торговля и др. Но республиканцы подчеркивали, что действующая власть в России нарушает права граждан, оказывает давление на постсоветские страны и что они не приемлют силового изменения границ в Восточной Европе на Украине, Грузии или где-либо еще. Демократическая партия в платформе 2016 г. высказалась лаконичнее, чем респу-

¹ Democratic Party Platform // The American Presidency Project. 2008. August 25. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-democratic-party-platform> (accessed: 14.09.2022).

бликанцы в отношении России, но более критично. Они осуждали действия Москвы на Украине, поддержку режима Б. Асада в Сирии. Сотрудничество с Россией, по мнению демократов, возможно только тогда, когда это может быть выгодно США.

В 2020 г. Республиканская партия не приняла платформу партии. В качестве действующей платформы была утверждена платформа 2016 г. Было принято решение не вносить в нее никаких изменений. Демократическая партия приняла обновленную платформу в 2020 г. Демократы в своей платформе в пункте по России были достаточно резки. Они выступали за сдерживание «реваншистской России» и за поддержку Украины и других постсоветских государств.

Эволюция внешнеполитических платформ основных партий США не происходит сама по себе. На нее оказывают влияние внутренние и внешние политические процессы. В 2000-х годах в США считали необходимым поддержку в России политических и экономических преобразований. Изменение общей риторики партий произошло в 2008 г. после «пятнадцатидневной войны», но 44-й президент США Б. Обама проводил политику «перезагрузки» отношений с Москвой, что отразилось в платформе демократов 2012 г. и ее более позитивном восприятии, чем оно могло быть. В 2016 г. в платформах республиканцев и демократов становится немного позитива в отношении России из-за политического кризиса на Украине (2013–2014 гг.) и присоединения Крыма к России. Риторика политических элит США до и, особенно, после начала СВО России на Украине определенно ужесточит подходы партий к России, которые отразятся в партийных платформах 2024 г.

Сычев В.В.

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ДОВЕРИЕ КАК ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Как правило, для наступления «этапа рефлексии» социально-исторический контекст должен измениться таким образом, чтобы человечество ощутило резкий дефицит какой-либо «культурной переменной». Это связано и с доверием, переживающим в XXI в. глубокий кризис.

После завершения «холодной войны» и распада идеологических идентичностей на первое место выступили культурные различия отдельных этнических общностей. Сегодня «распространение недоверчивости, цинизма и беспокойства»¹ связывается с общим трендом глобализации. Так, опосредованное получение информации, анонимность источников, «культурный плюрализм»² — все это вынуждает нас избегать установления рискованных социальных связей с контрагентами.

Нельзя обойти стороной и цифровизацию. Недавние исследования подтвердили наличие негативной корреляции между институциональным доверием и использованием шеринговыми платформами³. Вдобавок к этому «новые медиа» способствуют распространению слухов и делают негативный поток информации практически неуправляемым для политической элиты⁴.

Еще одним «шоковым вызовом» стал «коронакризис». Объявление демократическими правительствами о начале локдаунов, введение QR-кодов, «прицельная вакцинация» в ряде европейских стран (Австрии, Чехии и Франции) были направлены на поддержание социальной защищенности, которая с трудом пересекается с правом человека на свободу передвижения и экономической эффективностью фирм.

Однако, если еще 2 года назад центральным инфоповодом в масс-медиа оставалась пандемия COVID-19, то последствия начала специальной военной операции на территории Украины очертили рамки нового «вызова», угрожающего всему человечеству разрушением междивилизационных связей. Уже сейчас демократические общества сталкиваются с планомерным снижением доверия экономическим и политическим институтам в условиях растущей неопределенности.

Помимо обозначенных глобальных вызовов, на «растворение» социальных связей оказывают воздействие и эндогенные факторы. Так, в современной России обостряется проблема «обманутого доверия», вызванного половинчатостью институциональных реформ 1990–2000-х годов и усиливающимся социальным расслоением⁵. По данным социологических опросов, только 25% респондентов готовы доверять большинству людей, что говорит о низком уровне обобщенного доверия и бриджингового

¹ Штомпка П. Доверие — основа общества / Пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. С. 412.

² Там же. С. 416–417.

³ Никишина Е.Н. Доверие и шеринговые платформы // Вестник Московского ун-та. Серия 6. Экономика. 2020. № 4. С. 81.

⁴ Пушкарева Г.В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 164–165.

⁵ Оболонский А.В. Гражданское недоверие как предпосылка политического развития // Общественные науки и современность. Гражданское общество и правовое государство. 2012. № 5. С. 109–110.

социального капитала (*World Value Survey*, 2020). Вдобавок к этому росту уровня доверия препятствует и низкое качество институциональной среды: по защите прав собственности Россия занимает 50-е место из 137 стран, а по восприятию коррупции — 138-е место из 180 стран (*Global Competitiveness Report 2018*, *Corruption Perceptions Index*, 2018).

Для преодоления дефицита доверия в российском обществе необходимо «регенерировать» хрупкие доверительные связи сразу на двух уровнях — интерперсональном (горизонтальном) и институциональном (вертикальном).

В первом случае речь идет о косвенном воздействии государства на культуру доверия. Этого можно достичь при помощи реформирования системы образования: введения обязательных занятий по этике в начальных классах, проведения практических занятий, иллюстрирующих значимость доверия в повседневной жизни, а также при помощи разработки совместных групповых проектов в классе, обучающих школьников доверять друг другу. На уровне вузов нужно планомерно отказываться от индивидуальных рейтингов в пользу межфакультетских и материально стимулировать кооперацию между факультетами разной направленности.

Если говорить об укреплении доверия политическим институтам, то этого можно достичь путем следующих преобразований:

- поддержки развития конкурирующих цифровых платформ с репутационным механизмом за счет распространения технологий шифрования ПД методом «обмена ключей» *Telegram* на другие российские приложения, которые будут активно создаваться в санкционный период («Рутьюб», «Росграм», «РосМаркет» и др.);
- создания специальных «контрдемократических институтов», осуществляющих гражданский надзор за деятельностью органов государственной власти;
- введения селективного налога и партиципаторного бюджетирования на местном и региональном уровнях.

Только благодаря формированию развитой «культуры доверия» России удастся открыть «окно возможностей» и переместиться на передовую траекторию социально-экономического и политического развития.

КУЛЬТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ЧАСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЮНЕСКО

Сложившиеся современные геополитические условия (пандемия COVID-19 и ее последствия, начало специальной военной операции со стороны РФ) приводят к усилению политизации международных универсальных организаций, чья деятельность изначально была направлена на соблюдение определенного «политического нейтралитета» и статус-кво. Примерами могут служить несоблюдение ряда стран Конвенции ЮНЕСКО по образованию (дискриминационная политика, а именно запрет преподавания на том или ином языке); негласный запрет на использование российской вакцины от коронавируса и т.п. Участие или активное «замечание» тех или иных гуманитарных проблем позволяет выдвинуть тезис о том, что вовлечение в «большую» политику ЮНЕСКО приводит к тому, что организация начинает активно реализовать собственную публичную дипломатию.

Стоит отметить, однако, что современная ситуация послужила своего рода катализатором для усиленного и активного использования инструментов публичной дипломатии (в частности, культурной и научной). Напомним, что на протяжении десятилетий подход ЮНЕСКО к публичной дипломатии был однонаправленным, с сильным бюрократизмом и ориентацией на внутренние структуры организации. Однако в конце 1990-х годов растущая конкуренция на международной арене привела к осознанию необходимости формирования и «управления» собственного имиджа. ЮНЕСКО начала реформу системы коммуникации, чтобы выработать лучшее стратегическое позиционирование для повышения лояльности своей аудитории, и в настоящее время привлекает средства и пожертвования от государств-членов, частного сектора и гражданского общества. Например, полный архив «Курьера ЮНЕСКО» начиная с первого номера, опубликованного в 1948 г., был размещен в Интернете на английском, испанском и французском языках; арабская, китайская, португальская и русская версии проходят цифровую обработку с 2010 г.; другие языковые версии пополняют архив с 2017 г.

Для имиджевого продвижения и популяризации в обществе стали активно использоваться такие направления публичной дипломатии, как культурная и научная дипломатии. ЮНЕСКО с ее универсальным мандатом в области культуры и содействия свободному обмену идеями и образами является глобальной платформой для культурной дипломатии, основанной, в частности, на правовых рамках, закрепленных в ее конвенциях и программах. ЮНЕСКО предоставляет странам нормативные инструменты и политические форумы для укрепления, формулирования и расширения их целей в области культурной дипломатии. Конвенции ЮНЕСКО по культуре предлагают диалоговые платформы и оперативные инструменты для поддержки, например, охраны общего наследия, мобильности художников или реституции культурных ценностей. Также к эффективным инструментам культурной дипломатии организации можно отнести запланированную всемирную конференцию по политике в области культуры — МОНДИАКУЛЬТ 2022. При анализе специализированных разделов официального сайта, посвященных культуре, все чаще публикуются сведения о культурной дипломатии различных стран и об участии ЮНЕСКО в развитии «мировой» культурной дипломатии (ее истории, роли, направлениях и инструментах).

Научная дипломатия ЮНЕСКО также имеет продолжительную историю, но массовое информационное сопровождение данного вида деятельности началось в последнее десятилетие. Примером «вертикального» взаимодействия является Справочник ЮНЕСКО по науке, соединяющий высшие уровни ЮНЕСКО с научным образованием в школах. Горизонтальный уровень представлен международными научными программами, в рамках которых субнациональные организации, занимающиеся наукой, сотрудничают друг с другом. Однако стоит подчеркнуть, что легче сотрудничать в области естественных наук, которые можно рассматривать как нейтральные, в то время как для социальных и гуманитарных, учитывая культурный, философский и этический контекст таких сфер, как права человека, биоэтика и социальные преобразования, ЮНЕСКО, как и другие межправительственные организации, отражает политические прерогативы государств-членов. Примером могут служить дебаты между Востоком и Западом, Севером и Югом в ЮНЕСКО. Существует опасность использования науки в политических целях как неизбежность исключения науки из политических процессов, где она могла бы стать противовесом (J.P. Singh. UNESCO: Scientific Humanism and its Impact on Multilateral Diplomacy 2018).

Новая модель коммуникации способствует более активному вовлечению общественности за счет использования интерактивных инструментов и распространения целевых сообщений в средствах массовой информации. Однако сохраняющиеся бюджетные проблемы, политическая напряженность, внутреннее сопротивление и отсутствие всеобъемлющей стратегии ограничили масштабы его действий. ЮНЕСКО должна решить эти проблемы, с тем чтобы она могла разработать более эффективный, двусторонний и диалоговый подход к публичной дипломатии.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

Тарасов И.Н.
БФУ им. Канта, Калининград

ЭТНИТЕТЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН БАЛТИИ: ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В качестве опорной нами взята теория этнического голосования. Исследователи отмечают, что в условиях многонационального общества этническая принадлежность зачастую является значимой основой для политической сплоченности, организации и действий, включая участие в голосовании. В условиях, когда избиратель затрудняется с выбором партии или кандидата, именно этнический характер первой или этническая принадлежность второго могут стать для него решающими. Это объясняется тем, что избиратели, голосуя за представителя своей этнической или конфессиональной группы, полагают, что он по причине общего с ними социального опыта будет лучше представлять их интересы.

Можно выделить несколько условий, способствующих проявлению этнического голосования. Базовым является наличие у всех представителей этнических групп избирательного права. Кроме того, существенными могут быть условия географического или территориального характера. С точки зрения расселения и демографического измерения существенное значение имеет относительная замкнутость этнической территории. Таким образом, формируются этнитеты, проявляющие себя на уровне расселения, территориально-хозяйственного комплекса, воспроизводства культурных образцов и, наконец, политической организации. Наиболее заметным выражением такой политической организации в странах с демократическим режимом выступает этническое голосование.

В начале реализации исследовательской программы нами был проведен вторичный анализ электоральных данных, почерпнутых из открытых источников, как опубликованных в научной периодике, так и размещенных в сети Интернет. Прежде всего, это официальные сведения о выборах, кандидатах, политических партиях, избирательных кампаниях, предоставленные порталом официальной статистики Латвии, Литвы и Эстонии. Кроме того, нами были привлечены некоторые опубликованные документы политических партий и сообщения СМИ, касающиеся хода избирательных кампаний.

Попарное сравнение близких и различающихся по основным этнодемографическим характеристикам районов позволило нам выделить три группы локалитетов этнического разнообразия в Прибалтике. Первую группу составили совершенные этнитеты, в которых этническое меньшинство государства является наиболее крупной по численности группой в пределах определенного локального ареала; вторую — несовершенные этнитеты, в которых этническое большинство государства составляет относительное большинство в административной единице, а одно из этнических меньшинств составляет более $\frac{1}{4}$ населения; третью — локалитеты относительного этнического паритета, где этническое большинство государства составляет абсолютное большинство, а этнические меньшинства составляют более $\frac{1}{3}$ населения этого ареала. Все остальные административные единицы характеризуются общими для своих стран в целом этнодемографическими характеристиками расселения.

Учитывая несколько показателей: категория локалитета этнического разнообразия, доля политического представительства этнических меньшинств, связанность территории с этнической партией, выраженность этнического голосования, нами предложена шкала оценивания. Оценка по каждому этниту проводилась в пределах одного электорального цикла.

Подводя итог, мы разделили все ранжированные этнитеты Прибалтики на три большие группы:

- со слабым влиянием этнотерриториальных факторов (0–3 балла);
- с умеренным влиянием (4–8 баллов);
- с сильным влиянием (9–12 баллов).

В первую группу, за исключением Риги, входят только совершенные этнитеты, где высока доля политического представительства этнических меньшинств, выражены этнотерриториальные связи и этническое голосование. Вместе с тем простое сопоставление результатов по Вильнюсскому району и г. Нарве, например, показывает различия в характере проявлений этнотерриториальности в местной политике, а не только в ее содержательном наполнении. Во второй группе встречаются несовершенные этнитеты, здесь этнотерриториальные факторы электорального поведения выражены в ослабленном виде. Как представляется в дополнительном изучении нуждаются идентичные показатели по г. Резекне и Саласпилсскому краю, а также максимально приближенные результаты шкалирования по г. Таллину и Харьумаа. По всей видимости, материалы столичных городов в трех странах также требуют отдельного внимания и дальнейшего углубленного изучения. Третья группа, в которую вошли только локалитеты Латвии, интересна практически полным отсутствием этнотерриториальных проявлений

в политической жизни. Такое положение дел скорее всего связано с исчерпанием этнополитического ресурса, который в городах и районах этой группы был активно задействован в 1990-е годы, в силу миграционных процессов, неблагоприятного демографического фона, изменения условий натурализации, экономических или иных социальных причин. Мы не ставили перед собой задач отыскания общей объяснительной рамки, выдвинутая нами гипотеза нашла подтверждения на примере совершенных этнитетов. Действительно, этнотерриториальность выступает мощным фактором развертывания политических процессов, сила ее воздействия проявляется дискретно, нередко она выступает спящим ресурсом активизации местной политики.

Тарусин П.В.
ВУМО, Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время однополярная модель миропорядка переходит в новое качество. Несмотря на общие цели поддержания мира, конфликтность межгосударственных отношений нарастает. Стороны демонстрируют свою неготовность и неспособность понимать и учитывать интересы и озабоченности оппонентов, в том числе и в сфере национальной безопасности, а также разнообразие и противоречивость представлений о причинах, масштабах и путях разрешения возникшего кризиса.

В наибольшей степени решению задач описания природы, причин и механизмов трансформации системы глобальной безопасности отвечает постнеклассический метод. Постнеклассика рассматривает политику как сложную саморазвивающуюся систему. Ее развитие происходит в форме перехода от одного вида саморегуляции к другому, причем сам этот выбор необратим и не предопределен.

Человекомерность политики проявляется в том, что субъектом ее функционирования и изменений выступают индивиды. Политические решения, направленные на распределение ресурсов власти, в том числе и на глобальном уровне, принимают не обезличенные структуры, институты или сети, а конкретные люди — главы государств, политические лидеры, при участии своего окружения. Наделенные разумом и волей, они осмысленно и рационально формулируют политические цели, выбирают формы и средства их достижения.

Политика, в том числе мировая, не располагает самостоятельными источниками и основаниями собственной экзистенции. Формы и содержание ее процессов, структур и институтов не заданы извне, а появляются, функционируют и перестраиваются путем кооперативно-конкурентных взаимодействий самих субъектов. Объективность мира политического, и то условная, возникает лишь в отношении тех закономерностей и причинных взаимосвязей, которые возникают на уровне совокупных взаимодействий его субъектов в виде ограничений для последних конструировать политические события и процессы, а также их принуждения придерживаться общих договоренностей, институтов и норм.

Доминирование одной силы или державы, связанное с подавлением плюрализма идей, программ и форм политических взаимодействий, уничтожает сущность политики как особой системы социального регулирования, переводя ее функционирование в разряд административного диктата. Поэтому конкуренция политических сил, сдерживающее влияние на них институциональных форматов, поддерживают «автономность» политики и ее процессов.

Полицентричность взглядов и подходов сторон, их оценок реальности и возможностей ее моделирования — не устранима. Она является источником, генератором разнообразия альтернатив системного развития, предоставляя шанс реализации любой из них, но с разной мерой вероятности. Нелинейная природа процессов качественного перехода и «случайность» их результатов отражает фундаментальное свойство непредзаданности Бытия, его открытости любым путям и формам своего существования и эволюции.

Заложенные в политических решениях цели (идеи) играют роль «странных аттракторов» системного реформирования, одновременно и порождая, и регулируя структурные и функциональные аномалии и отклонения либо путем их устранения, либо изменения системы. Посредством противостояний и столкновений на политической арене, вызываемых решениями сторон, система тестирует те или иные альтернативы своего развития, ищет и производит окончательный выбор между ними. Ее новое состояние оказывается результатом совокупных кооперативно-конкурентных взаимодействий участвующих сторон, а не принуждения со стороны доминирующего субъекта, которое, напротив, ведет к разрушению системы.

Именно политические решения лидеров мировых держав и привели к нынешнему кризису системы глобальной безопасности, но они же зафиксировали и утвердили ее обновленную архитектуру, нормы и принципы. В ситуации высокой неопределенности, вызванной утратой доверия, разрывом контактов на высшем уровне, политические решения становятся формой опосредованного диалога руководства

сторон. Их «столкновения» позволяют выявить «красные линии», намерения и возможности оппонентов, структурировать и зафиксировать баланс сил.

Тем самым достигается схожее видение субъектами мировой политики контуров будущей модели глобальной безопасности, для чего требуется опыт, как правило, отрицательный, и время на его осмысление, фактор которого приобретает решающее значение. В итоге первичная «накачка энтропии» глобальных процессов, логика эскалации, раздувающая кризис путем «повышения ставок», сменяется снижением уровня неопределенности и переходом к достижению взаимоприемлемых компромиссов и договоренностей.

В процессе принятия и реализации политических решений одновременно и взаимосвязанно меняются сама система, условия и обстоятельства ее транзита, их свойства и параметры, а также представления и цели политических лидеров, расширяется их познавательный и методологический инструментарий. Самообучаемость субъектов принятия решений исключает повторение политических событий и процессов, ограничивает использование для их анализа и прогнозирования метода аналогий.

Телин К.О.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

«МЕРТВАЯ РУКА»: НАСЛЕДИЕ ТРАВМ ПРОШЛОГО В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Несмотря на значительные достижения отечественной психологии и, увы, весьма богатый опыт российской истории в части различных травм и трагедий, перенесенных значительной частью населения, исследования российской политики до сих пор весьма фрагментарно касаются современных травм и патологий, сопровождающих и отчасти даже определяющих общественную жизнь и политическое участие россиян. Безусловно, даже в условиях весьма переменчивых интерпретаций прошлого (давших жизнь известному выражению *«Россия — страна с непредсказуемым прошлым»*) в науке сохраняется значительный интерес к травме сталинских репрессий и даже к травматическому опыту революционного 1917 г.; инициативные же исследования в отношении актуального осмысления травмы 1990-х годов сравнительно редки и в значительной степени находятся в тени влиятельных нарративов о «геополитике» или *homo soveticus*.

Нельзя, однако, не заметить, каким фундаментальным влиянием на общественные настроения обладает дискурс «лихих 1990-х», имеющий в современной России примечательно двойственное измерение. С одной стороны, немалая часть населения действительно пережила тяжелые годы распада советской государственности и «тройного перехода» страны, повлекшего за собой миллионы более чем реальных жертв то ли «дикого капитализма», то ли наследия предшествующей «колеи». В таком историческом контексте вполне объяснимо серьезное внимание различных политических сил к контрастному отстраиванию от 1990-х годов и их сугубо критическое осмысление. С другой стороны, исследователи отмечают, что и сегодня *«образ «лихих девяностых», а не конкретная память о них «играет важную роль в формировании водоразделов в современной российской политике»* (Малинова), и за годы возвращения к нему уже в 2000-е и 2010-е годы этот образ превратился в знаковый политический миф, упрощающий и эмоционально окрашивающий *«реальные или вымышленные события и явления»* (Малинова). Различные авторы справедливо замечают, что подобная мифологизация позволила ответить на потребность россиян не просто в «смысле», но и в «значимости»; таким образом, можно утверждать, что ревитализация и, в известном смысле, «переизобретение» травмы оказалось значимым паттерном коллективной и индивидуальной идентичности граждан. Однако В. Франкл отмечал, что *«смысл человеческой жизни «должен быть найден, но не может быть создан» — «создать можно либо субъективный смысл, простое ощущение смысла, либо бессмыслицу (...) человек, который уже не в состоянии найти в своей жизни смысл, равно как и выдумать его, убегая от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл»* (Франкл). Так и мифологизируемая травма, навязываемая в качестве ключевого паттерна репрезентации, оказывается скорее временным решением, своеобразным эрзац-заменителем тех ценностей, смыслов и «скреп», которые с завидной регулярностью встречаются в официальных заявлениях государственных деятелей.

Ключевой гипотезой является предположение о том, что утилитарно-манипулятивное отношение к травме 1990-х годов со стороны политического истеблишмента дополняется игнорированием психологических неврозов и расстройств немалой части населения, вызванных событиями предыдущих десятилетий, а сегодня, в свою очередь, вызывающих агрессивно-рессентиментные треки общественного участия, такие, как высокая терпимость к насилию, неустойчивое доверие к политическим институтам и внешний локус контроля.

КАЧЕСТВО ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Актуальность исследовательской позиции заключается в выявлении факторов, влияющих на различные уровни качества демократии в стабильных демократиях мира. Исследовательский вопрос заключается в следующем: чем объясняются различные уровни качества демократии в демократических странах мира и какое значение имеют политические институты? Теоретически качество демократии отличается от других подобных понятий, используемых в сравнительной политологии, и разъясняется, что означает качество демократии. Качество демократии определяется как уровень легитимности в демократической системе по отношению к демократическим нормам, таким как участие в политической жизни, политическая конкуренция, политическое равенство и верховенство закона. Всего используется четыре измерения качества демократии, которые считаются очень важными показателями качества демократии. Эти измерения включают политическое участие, политическую конкуренцию, политическое равенство и верховенство закона.

Интерес представляют различия в качестве демократии и то, что на него влияет: почему в одних демократических странах мира наблюдается высокий уровень качества демократии, а в других нет? В некоторых демократиях явка избирателей на национальных парламентских выборах составляет 90% и более, тогда как в других демократиях явка избирателей составляет менее 40%. В некоторых демократиях женщины представлены в национальных парламентах более 40%, в то время как в других демократиях их нет (0%). Чем можно объяснить подобную изменчивость? Действительно ли, как обнаружил Лейпхарт (1999), политические институты сильно влияют на изменение качества демократии, или существуют другие факторы, такие как социально-экономические, культурные, исторические или их сочетание, которые могут объяснить различия в качестве демократии? Чем объясняются различные уровни качества демократии в демократических странах мира и имеют ли значение политические институты?

Вопрос о том, имеют ли политические институты значение, является исследовательским вопросом, который рассматривался в исследованиях по политологии на протяжении многих лет (см., Roller, 2005; Lederman et al., 2005), многие исследования показали, что разные институциональные механизмы имеют значение для разных типов политической жизни. Например, Пауэлл (1982) отмечал, что «элементы конституции оказывают существенное влияние на демократическую деятельность». Если институты имеют значение для качества демократии, то они могут, таким образом, рассматриваться как предмет соответствующего исследовательского контекста. Предположение, что политические институты являются важным фактором, определяющим качество демократии, основано на исследовании Лейпхарта (1999), в котором показано, что две модели политических институтов, демократия консенсуса и мажоритарная демократия, по-разному влияют на качество демократии (см. также Лейпхарт, 1984; 1994). Лейпхарт (1999) исходил из теории институционализма, когда обосновывал теорию, касающуюся различных типов моделей демократии. Лейпхарт сосредоточился на институциональном дизайне, а исследование касалось различий между мажоритарной и консенсусной моделями демократии. В целом, Лейпхарт обнаружил, что консенсусная демократия имеет более высокий уровень качества демократии по сравнению с мажоритарной демократией.

Эмпирически результаты многочисленных исследований показывают, что культурные переменные и политические институциональные переменные превосходят социально-экономические, исторические и физические переменные в отношении их влияния на качество демократии. Культурные и политические институциональные переменные являются двумя наиболее важными группами переменных при объяснении различий в качестве демократии в демократических развитых странах мира. По отношению к другим группам переменных исторические переменные несколько важнее, чем социально-экономические, при объяснении различий в качестве демократии.

МИРОВАЯ СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ «ЭПОХИ ПАНДЕМИИ»

Сегодня пандемия COVID-19 стала не только значимым фактором глобального развития, кардинально переформатировавшим политическую реальность во всех ее проекциях, но и системным вызовом, адресованным существующим международным политическим институтам и механизмам. Безусловно, в их число входит как специализированные сферы международных политических и экономических отношений (международная система здравоохранения, глобальный фармацевтический рынок), так и вся архитектура межгосударственного взаимодействия в целом.

Важно отметить, что пандемия COVID-19, особенно ее первый — наиболее острый — этап (национальные «локдауны» весны–лета 2020 г.), выявила ряд серьезных проблем в функционировании международной системы здравоохранения именно как политического института, интегрированного в структуру международных политических, экономических и гуманитарных связей. Не претендуя на их полномасштабный анализ, выделим три, на наш взгляд, наиболее очевидные и важные проблемы.

Первая проблема — фактическое отсутствие у Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) не только директивных механизмов и полномочий, но и институционализированных форматов оперативного согласования стратегических межгосударственных решений в сфере охраны здоровья (выходящих за пределы компетенции медицинских ведомств государств и принимаемых на политическом уровне). Как известно, в условиях «пандемийного кризиса» 2020–2021 гг. такую политическую функцию, в некоторой мере, взяла на себя ООН. Но при этом весьма симптоматично, что обсуждение мер по борьбе с пандемией, даже на «площадке» ООН, все же носило преимущественно консультативный характер: национальные правительства были поставлены перед жестким фактом, заключавшимся в необходимости рассчитывать, главным образом, на свои внутренние ресурсы.

Вторая проблема связана с очевидно низким уровнем глобальной транспарентности, явным кризисом межгосударственного диалога (что частично проявилось даже в рамках ЕС), стремлением стран к полному или частичному информационному «закрыванию», что также наиболее ярко проявилось на «пике» пандемии — в условиях интенсивного распространения заболевания и роста числа жертв. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не только о целенаправленной политике информационной изоляции (Иран, КНДР и т.д.) или системном занижении масштабов пандемии (в чем регулярно обвиняют КНР). Не менее важный контур данной проблемы связан с существованием глобальных «белых пятен» на «пандемийной карте» мира — территорий, по которым фактически отсутствует какая-либо релевантная статистика, отражающая динамику ситуации (Центральная Африка, в значительной мере — Центральная и Юго-Восточная Азия). Также весьма показательным, что ключевым международным агрегатором статистической информации (воспринимаемой в качестве хотя бы частично достоверной и отражающей динамику происходящего) по пандемии, стал американский Университет Джона Хопкинса, не являющийся международной структурой, специализирующейся в сфере здравоохранения.

Третья проблема, о которой говорят в меньшей степени, связана с избыточной политизацией и «коммерциализацией пандемии». Ее наиболее ярким отражением стала конкуренция на рынке вакцин («война вакцин»). В этой ситуации стал все более очевиден усилившийся эффект размежевания глобального пространства на геоэкономические макрорегионы (исходя из политически обусловленных предпочтений национальных правительств в сторону того или иного производителя вакцин). Мировое сообщество стало свидетелем неоднократных попыток ситуативно-обусловленного, подчас откровенно конъюнктурного использования пандемии как инструмента «мягкой силы» в рамках глобального и межгосударственного информационно-политического противоборства («китайский вирус», о котором неоднократно говорил Д. Трамп, «вакцинное оружие», в «применении» которого необоснованно обвиняли Россию ряд европейских политиков, и т.д.).

Необходимо признать, что в такой ситуации деятельность ВОЗ по борьбе с коронавирусом (при всей ее значимости и масштабности) оказалась в известной мере подчинена национальным внешне- и внутривнутриполитическим повесткам, ограничена интересами наиболее важных государств-«игроков» международного фармацевтического рынка (США, КНР, Великобритания, Россия, в меньшей степени — Индия и Германия).

Таким образом, выявленные проблемы функционирования международной системы здравоохранения в условиях распространения COVID-19 носят системный политический характер. Они ставят на повестку дня вопросы и о поиске новых межгосударственных диалоговых форматов, и о необходимости серьезной трансформации международных институтов, призванных регулировать сотрудниче-

ство в сфере охраны здоровья населения и эффективно реагировать на соответствующие социально-политические вызовы XXI в.

Тетерюк А.С.
Компания «АстраЗенека», Москва

ВОЗМОЖНОСТИ КОНВЕРСИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДИПЛОМАТИЮ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ)

В условиях санкционного давления и государственного протекционизма возрастают риски технологического отставания и инвестиционной изоляции России ввиду частичного исключения из глобальных цепочек производства и сбыта, подрыва инвестиционного доверия. Пример проекта «Северный поток-2» демонстрирует высокую степень сопротивления, которое зарубежные конкуренты готовы оказать для недопущения занятия перспективных рынков.

В настоящий момент другие экспортеры уже несырьевых товаров и услуг рискуют стать целями аналогичных нерыночных действий. Поскольку немногие национальные производители обладают ресурсами, сравнимыми с корпорацией «Газпром», подобные обстоятельства, возникающие в других высокотехнологичных отраслях (фармацевтической и медицинской промышленности, интернет-технологиях и электронике), могут воспрепятствовать развитию экспорта. Это обуславливает необходимость развития институтов содействия продвижению внешнеэкономических интересов, которые должны действовать синхронно на отдельном отраслевом (микро) и государственном (макро) уровнях.

До недавнего времени национальный бизнес самостоятельно определял потребность в использовании инструментов внешнеэкономического лоббизма и международной корпоративной политической активности (*corporate political activity*). Особенно это было характерно для крупного бизнеса, обладающего значительным объемом политико-экономических ресурсов. Однако неблагоприятные факторы внешней среды в равной степени стали затруднять выход на зарубежные рынки и создавать барьеры для работы в новых странах. Подобная ситуация произошла с такими отечественными компаниями, как «Лаборатория Касперского» и «РУСАЛ», которые попали под ограничения на американском рынке. В отношении отдельных российских физических и юридических лиц риски применения санкций усиливаются по разным направлениям, от расширенного толкования американского законодательства до экстерриториального примирения.

С учетом указанных условий в последние годы происходит переосмысление экспортной политики в сторону бизнес-ориентированной коммерческой дипломатии, подтверждением чему является принятие государственной программы «Развитие внешнеэкономической деятельности». Создаются новые институты развития экспорта вроде Российского экспортного центра, происходит активизация деятельности МИД РФ в направлении экономической дипломатии. Не обошли стороной модернизационные процессы и такой центральный элемент внешнеэкономической деятельности, как торговые представительства.

Текущий российский опыт показывает, что перечисленные структуры не всегда могут оказать адресную поддержку компаниям в продвижении продукции и требуют дальнейшего развития, чтобы максимально эффективным способом интегрировать индивидуальные потребности экспортеров в национальные внешнеэкономические приоритеты. Иными словами, осуществить своего рода «конверсию» микроэкономических интересов в государственный внешнеполитический курс, что уже происходит в отдельных отраслях, например, отечественной фармацевтике. Очередной виток экспортных преобразований начался около четырех лет назад в рамках модернизации системы торгпредств, которые были переданы от Министерства экономического развития к Министерству промышленности и торговли РФ в 2018 г. Именно система торгпредств, а также посольства и РЭЦ стали той триадой внешнеполитических и внешнеэкономических агентов продвижения интересов компаний отрасли, которые должны были увязать их с общим курсом развития торгово-экономических отношений РФ с развивающимися странами.

По прошествии нескольких лет указанные преобразования уже должны были дать определенные плоды. Однако экспортерам пока затруднительно понять, какие изменения претерпели эти органы и как это отразилось на их работе. Тем более, что международные события 2022 г. самым серьезным образом повлияли на пересмотр экспортной политики многих отраслей.

Можно предположить, что любые преобразования во внешнеэкономической деятельности бизнес оценивает с точки зрения вклада в осуществление экспортных поставок. Вместе с тем представляется важным проанализировать изменения в характере работы указанных госорганов не только на макро-

уровне, что может выражаться в увеличении показателей товарооборота с Россией, но и на микроуровне, предполагающем анализ функционального и кадрового аспектов деятельности внешнеэкономических структур, ответственных непосредственно за лоббистскую тактику, за создание условий для инкорпорирования (преобразования) конкретного экономического интереса во внешнеэкономический курс страны.

Таким образом, доклад ставит своей целью рассмотреть возможности, которыми располагает современная экспортная система Российской Федерации для содействия продвижению национальных отраслевых интересов на примере развития отечественной фармацевтики за рубежом.

Тимакова О.А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОМПАСА» ЕС

21 марта 2022 г. Европейская служба внешней политики опубликовала одобренный Советом Европейского союза политический документ «Стратегический компас безопасности и обороны — для Европейского союза, который защищает своих граждан, ценности и интересы и способствует международному миру и безопасности». Этот документ разрабатывался в течение нескольких лет и должен был консолидировать национальные подходы стран-членов к вызовам и угрозам безопасности, а также представить геополитическую роль Союза в современном мире. В Стратегическом компасе указаны цели ЕС в четырех «корзинах»: действие — кризисное регулирование; безопасность — стрессоустойчивость; инвестиции — развитие военного и оборонного потенциала; ключевые стратегические союзники ЕС — партнерства. Страны Европы неоднократно подчеркивали необходимость более тесной интеграции в сфере внешней политики, безопасности и обороны. Одной из главных проблем работы институтов Европейского союза является процедура принятия решений в этой сфере. «Стратегический компас», подчеркивая эту проблему, указывает, что любые попытки совместных действий и объединения ресурсов наталкиваются на нежелание стран-членов брать на себя обязательства.

Новая Стратегия ЕС должна была стать знаковым событием для европейского политического процесса, особенно в преддверии публикации результатов Конференции о будущем Европы и новой Стратегической концепции НАТО. Однако с февраля 2022 г. изменились геополитические условия в Европе и в последний момент в документ были внесены правки и исправления. Стратегия в итоге была воспринята не соответствующей действительности и, если не устаревшей, то стремительно потерявшей актуальность.

В то время как в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. не было ясности в отношении того, как ЕС должен соответствовать своему уровню амбиций, «Стратегический компас» должен был обеспечить дальнейшую проработку того, как реализовать «большую европейскую ответственность». Утверждается, что новая Стратегия отличается от документов 2003 и 2016 гг. именно тем, что Еврокомиссия и ЕСВП будут контролировать ее реализацию. Однако конкретных механизмов данного контроля на данный момент не представлено.

В «Стратегическом компасе», в коммюнике по итогам саммитов и в заявлениях политических лидеров ЕС звучат призывы к более амбициозной политике Евросоюза. Однако реальный план действий так и не был озвучен. Укрепление европейского суверенитета в трех областях — обороне, энергетике и инвестициях — на данный момент остается декларативными заявлениями.

Все решения и действия, предпринятые странами-членами ЕС с момента публикации «Стратегического компаса» в сфере обороны и безопасности, были осуществлены при координации с НАТО. Именно альянс остается ключевой структурой в регионе, контролирующей сферы обороны и безопасности, а все инициативы ЕС остаются нереализованными и неэффективными из-за отсутствия консолидации между государствами Евросоюза. В самом «Стратегическом компасе» постулируется, что именно НАТО имеет решающее значение для безопасности Европы. Поэтому новая Стратегия вряд ли ознаменует собой утверждение ЕС в роли геополитического игрока и положит конец трансатлантическим и европейским дебатам о роли ЕС в европейской безопасности.

МЕДИАКРАТИЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ ТРАДИЦИОННЫХ СМИ И «НОВЫХ» МЕДИА В СОВРЕМЕННЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ (ВЫБОР И ОБОСНОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ)

В настоящее время в системе международных отношений происходят тектонические изменения, вызванные трансформацией межгосударственных конфликтов, в которых существенно возросла роль медиакратии в ведении современных гибридных войн.

Особый интерес представляет сравнительный анализ роли традиционных СМИ и «новых» медиа в современных гибридных войнах на основании оценочных критериев. Среди ключевых критериев, являются три: 1) единство; 2) различие; 3) взаимосвязь сравниваемых субъектов. Обоснование данных критериев заключается в раскрытии важных методологических обстоятельств. Характеристику структуры единства представляется возможным раскрыть двумя обстоятельствами.

Во-первых, искусственно организованные инфопотоки. Традиционные СМИ и «новые» медиа интенсивно формируют «культуру отмены», позволяющую им внедрять свои формы общения с аудиторией.

Во-вторых, этапы влияния на массовую аудиторию. Типичными этапами воздействия на массовую аудиторию, объединяющую традиционные СМИ и «новые» медиа, считаются следующие два этапа, специфической чертой которых является период экспозиции «информационной тишины».

Первый этап дает возможность объекту атаки захватить и полностью усвоить весь объем вбрасываемой в его адрес информации.

Второй этап, эффект экспозиции, необходим для того, чтобы объект атаки, захватив инфоповод, перешел в возбужденное («пограничное») состояние и сам себя психологически «накрутил», столкнувшись с экзистенциальной угрозой.

Воздействие на общественное мнение порождает недоверие и скептицизм у массовой аудитории, сопровождающееся рядом существенных медиакратических оснований, содержащих в своей совокупности тождество в структуре традиционных СМИ и «новых» медиа: 1) аналитические основания; 2) психологические основания.

Отличительными чертами по критерию различия традиционных СМИ и «новых» медиа выступают два обстоятельства, подчеркивающие их функционирование.

Во-первых, централизация. Данное обстоятельство констатирует отличающие «новые» медиа от традиционных СМИ, поскольку на современном этапе происходит замещение деятельности классических СМИ более передовыми и действенными, таковыми и являются «новые» медиа, стремительно движущиеся к централизации.

В то же время существует ряд негативных логико-гносеологических оснований, подтверждающих расхождение в функционировании традиционных СМИ и «новых» медиа, среди которых следующие: 1) идеологические; 2) политические.

Таким образом, учитывая негативный потенциал возможной централизации власти новых медиа, появляется необходимость в их децентрализации, поскольку вышеуказанные основания относят «новые» медиа к категории опасности централизованной силы.

Во-вторых, интерактивность. Среди центральных оснований отличия функционирования по данному типу обстоятельства можно выделить две: 1) аудиторно-коммуникативные; 2) социально-психологические.

Критерий взаимосвязи традиционных СМИ и «новых» медиа становится допустимым раскрыть по двум обстоятельствам, детализирующим взаимодействие двух сравниваемых субъектов в динамике современных гибридных войн как новой формы межгосударственных конфликтов.

Во-первых, конструирование негативного образа «врага». Данное обстоятельство представляется раскрыть по одному важному основанию — дискредитации. Глобальный охват гибридных войн XXI века позволяет многим странам использовать ряд простых приемов, характерных для традиционных СМИ, среди которых следующие: 1) метод «наклеивания ярлыков»; 2) метод «пробных шаров».

Конструирование негативного образа «врага» активно применяется и «новыми» медиа. Особенно это связано с распространением хештегов в социальной сети *Twitter* относительно определенных событий, чья информационная повестка носит исключительно отрицательную коннотацию.

Во-вторых, пропаганда идеологии терроризма. Основание, по которому следует раскрыть выдвинутое обстоятельство, — разжигание международных и региональных конфликтов. Традиционные СМИ не гнушаются транслировать на своих телевизионных подмостках террористическую деятельность,

ведущую к активизации международных конфликтов, среди которых следующие: 1) американская телекомпания «CNN»; 2) арабская международная телекомпания «Аль-Джазира».

В то же время «новые» медиа, такие как *Facebook*, *Instagram*, *Twitter*, *Telegram*, *YouTube* и др., берут на вооружение международные террористические организации и экстремистские группировки по всему миру, среди которых следующие: 1) «Аль-Каида»; 2) «Исламское государство» (ИГИЛ¹).

Таким образом, на основе проведенного анализа удалось определить центральное место медиакратии в межгосударственных гибридных войнах как новой формы современных конфликтов, где информационный фактор является определяющим в стремительно меняющемся миропорядке.

Тимофеева Л.Н.

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

О НОРМАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОКСИ-ВОЙНАХ

В последнее время многие исследователи обращают внимание на такое явление, как прокси-война — один из видов современных межгосударственных войн. Суть их заключается в том, что это военный конфликт, в котором в собственных интересах косвенно участвует третья сторона, обеспечивая одного из двух акторов конфликта военной, организационной, ресурсной, политической, информационно-коммуникационной поддержкой. Примерами таких войн могут служить войны во Вьетнаме, Анголе, Сирии и др. Сегодняшний пример — участие стран НАТО на стороне Украины в Специальной военной операции, которую проводит Россия, защищая русскоговорящие регионы Украины, испытывающие с 2014 г. военное насилие и пожелавшие выйти из ее состава и воссоединиться с РФ.

Политическая коммуникация в прокси-войнах отличается своей экстремальной изворотливостью, в нее постоянно попадают фейки, ложь, специально сконструированные постановочные действия. По сути, это информационное насилие ведется в двух направлениях: содержательном и технологическом. Одна из ее задач в прокси-войнах — скомпрометировать противника не только в глазах населения этой страны, но и всей мировой общественности, надломить веру военнослужащих противной стороны в справедливости их действий. Ее цель — обмануть контрагента, победить его морально и психологически. Для этого используются самые современные приемы: запрет на распространение нежелательной информации, искажение фактов, «применение «двойных стандартов», формирование необходимого эмоционального восприятия событий о противнике. Одновременно ведется технологическая кибервойна: блокируются негодные каналы коммуникации, запускаются вирусы, на сайты общественных организаций противника вывешиваются оскорбительные суждения и призывы. У прокси-войн нет никаких правил в отличие от уже известных традиционных войн, где действуют некоторые договоры: ненападения на поезда и обозы во время вывоза раненых, если есть эмблемы «Красного креста» или «Красного полумесяца» (Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г.), запрет на убийство журналистов без оружия (не комбатантов), но с обозначением СМИ на бронжилете (ст. 79 Дополнительного протокола Женевской конвенции, касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г.), которая устанавливает, что журналисты имеют те же права и ту же степень защиты, что и мирные жители во время международных вооруженных конфликтов и т.д. В Сирии было убито 19 журналистов, в Афганистане — 10, в Ираке — 7, в Йемене — 5, на Донбассе уже погибло 15 журналистов.

Проблема «культуры войны» не новая. Она волнует человечество еще с древних времен. Позиции в этом вопросе имеют большой диапазон: от абсолютного пацифизма до пацифизма, использующего определенные формы борьбы с насилием, от попыток разрешать конфликты путем арбитража до создания международных организаций, от широких миротворческих движений до дипломатической деятельности. Что касается политической коммуникации во время традиционной («легальной») войны, то ее антагонистические особенности весьма обстоятельно изложил еще в 1927 г. Гарольд Лассуэлл в работе, ставшей классикой политической науки «Техника пропаганды в мировой войне». Правда, его не занимали правовые или этические ограничения политической коммуникации между воюющими государствами и их союзниками. Его задача была исследовать эти коммуникационные приемы.

Чтобы обозначить проблемы политической коммуникации во время прокси-войн с нелегальным участием третьей стороны, нужно занять определенную позицию: либо мы понимаем «политическое» как антагонизм, войну (*Шмитт К. Понятие политического*. СПб.: Наука, 2016), либо — как соперничество, агонизм (*Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. Вып. 1. 2008*). Либо «мы-они» — враги, когда взгляды обеих сторон не имеют ничего общего, либо «мы-они» —

¹ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

соперники, когда оба согласны, что нет рационального решения их конфликта, но при этом каждый признает легитимность другой стороны и ее интересы. Этот подход стал основой для концепции «умной силы» Дж. Ная, основанной на коммуникативном продвижении положительного образа своей страны. Полагалось, что преимущественно он использовался не в условиях реальной войны. Но как показывают события прокси-войны, третье государство пользуется этой стратегией, активно вмешиваясь в войну, поддерживая одних и настаивая на том, что именно страны НАТО стоят на «правильной» стороне и позиционируют себя как исключительно борцов за мир во всем мире вопреки тем фактам, которые нам известны (Вьетнам, Югославия, Ирак, Ливия, Сирия и т.д.).

Может быть, стоит сформулировать определенные правила ограничения фейковой политической коммуникации в таких войнах (негативные примеры «Белых касок» в Сирии, ситуации в Буче (Украина)) с участием международной общественности. По сути дела, в широком смысле, речь идет о культуре войны, если человечество так и не научилось ее избегать. В узком — о нормах политической коммуникации во время таких столкновений.

Титов А.А.
ТГУ, Тамбов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РФ И ЕС)

С о вступлением мирового сообщества в XXI век, с развитием глобализации и международных отношений разнообразные конфликты на политической арене остаются основной проблемой человечества. Во избежание конфликта, чтобы он не перерос в нечто большее, необходим диалог.

Политический диалог — это один из основных и эффективных способов разрешения конфликтов, в том числе и глобального масштаба. Благодаря такому процессу удается избежать эскалации и конфронтации между сторонами, а также перейти к эффективному взаимодействию. Именно политический диалог в современном и многообразном сообществе позволяет найти баланс и взаимное уважение между участниками.

Анализируя XXI век и процессы использования политического диалога в мировом сообществе, можно выделить как его позитивные стороны, которые помогали избежать конфликт, так и негативные, которые приводили к еще большей напряженности (Арбатова А.Г. Стратегическая стабильность — оружие и дипломатия. М.: Весь Мир, 2021). Вместе с тем, в настоящее время мы являемся очевидцами напряженной ситуации, по-настоящему кризисной для многих стран, в которой практически отсутствует политический диалог.

Так, политический кризис на мировой арене обострил отношения практически всех стран и привел к прекращению диалога между ними. В качестве наиболее яркого примера можно привести отношения между Россией и ЕС, где на протяжении многих лет было выстроено наиболее эффективное и прогрессивное сотрудничество, непосредственно присутствовал политический диалог между странами и все это было закреплено институционально («Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны» (заключено на о. Корфу 24.06.1994)).

В современном мире, а также в сложившейся ситуации необходим равноправный и продуктивный политический диалог, который носит взаимовыгодный характер (Романова Т.А., Павлова Е.Б. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2019). Непосредственно Россия выступает за восстановление диалога и развитие дальнейшего сотрудничества.

В то же время из-за секционный кризиса, который привел в упадок большинство стран, Европейский союз раскололся на части. С одной стороны, страны, которые понимают, что вследствие глобализации и выстраивания таких долгих и трудных отношений Россия представляет собой выгодного и влиятельного партнера на политической арене, без которого сложно будет развиваться и с которым вновь нужно выстраивать политический диалог. С другой стороны, есть страны, которые принципиально отказываются от политического диалога с РФ, сводя его на нет благодаря внешнему навязыванию такой политики из Вашингтона и Брюсселя.

Несмотря на трудности в выстраивании политического диалога между РФ и ЕС, все же в условиях глобализации страны не могут развиваться отдельно друг от друга. Как в России, так и в странах ЕС понимают, что необходимо восстанавливать системный диалог и укреплять механизмы прагматического сотрудничества. Рано или поздно будет найден путь прагматичного и взвешенного решения в диалоге, чтобы выйти из возникшего кризиса, ведь перспектива нормализации отношений явно присутствует («Европейский союз и Российская Федерация». URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia_ru/ (дата обращения: 08.09.2022)).

Таким образом, можно сказать, что политический диалог — это современный инструмент для выстраивания нормальных отношений между странами, который способствует всестороннему развитию между странами на политической арене.

Титов В.В.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 2.0»: ИНЕРЦИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Резкое обострение международной политической ситуации, имевшее место в начале 2022 г. — острый конфликт России с государствами «коллективного Запада», — вновь актуализирует широкий круг вопросов, связанных с формированием общероссийской национально-государственной идентичности, выработкой эффективных технологий обеспечения ее устойчивости в условиях нарастающего внешнего давления.

Строго говоря, сегодня речь идет не о кристаллизации некоего — принципиально нового — спектра вызовов, направленных против российской национально-государственной идентичности, а о модификации и радикальном обострении уже существующих угроз. Некоторые из них достаточно четко проявили себе в 2000–2010-е годы и были связаны и с интенсификацией «войн памяти» на постсоветском пространстве, и с теми ограничениями, которые накладывает на государственную политику идентичности цифровая трансформация политического (шире — социального в целом) пространства современной России.

Важно выделить как минимум *два фактора*, которые, на наш взгляд, *инерционны* по своей сути, но серьезно усложняют проблему дальнейшего формирования общероссийской идентичности — уже в контексте новой геополитической реальности, которая характеризуется рядом экспертов как «холодная война 2.0».

Во-первых, важно констатировать, что постсоветский кризис национально-государственной идентичности, ярко проявившейся в 1990-х — начале 2000-х годов, к началу 2020-х гг. все же был преодолен не в полной мере. Говоря о его преодолении, исследователи справедливо делают акцент, главным образом, на аффективной стороне массового сознания (например, возвращении патриотизма в число актуальных политических ценностей). В меньшей степени его последствия изжиты на когнитивном (здесь ведущим маркером может выступать наличие устойчивого и конвенционального образа прошлого) и мотивационном (с точки зрения наличия или отсутствия общенационального образа будущего) уровнях структуризации идентичности.

Во-вторых, необходимо учитывать относительную концептуально-стратегическую аморфность и функциональную слабость такой институциональной составляющей, как государственная политика идентичности. В данном контексте важно подчеркнуть, что, несмотря на все действия государства по формированию конвенциональной модели политики памяти (являющейся ядром политики идентичности), которые предпринимались на рубеже 2000–2010-х годов, процесс становления полномасштабной государственной политики идентичности в современной России далек от завершения. Указанные обстоятельства — когнитивная и институциональная «незавершенность» — безусловно, являются факторами, серьезно снижающими резистентность существующей модели российской национально-государственной идентичности к внешним информационно-политическим вызовам.

Необходимо также выделить *два вновь обозначившихся стратегических вызова российской национально-государственной идентичности*, стимулирование которых может осуществляться, в том числе, извне. Первый очевидный акцент психоэмоционального воздействия связан с системными, нарастающими попытками целенаправленной и тотальной дегуманизации образа России в глобальном цифровом пространстве. Причем речь идет не только о политическом измерении данного образа: государстве — Российской Федерации как субъекте мировой политики, но и о России как цивилизационном и геоисторическом образовании. В этом случае объектом атак становится и вся российская история, и российское общество как коллективный носитель определенных ценностей и установок (что наглядно демонстрируют попытки эскалации императива «коллективной вины» российских граждан за действия властей).

Второй вызов связан с переформатированием дискурсивного поля «войн памяти». Данная тенденция обозначилась уже в конце 2010-х годов и, очевидно, будет нарастать. Так, если на рубеже XX–XXI вв. внешние «исторические претензии» к России носили явно реминисцентный характер, были связаны с ее имперско-советским прошлым, то сейчас на первый план выходит тактика распространения в цифровом пространстве разнообразных симулятивных идентификационных конструкторов.

Указанные конструкты призваны не оппонировать ныне существующему (с долей условности) государственному историческому нарративу, а именно нивелировать значимость национально-государственной идентичности как структуры массового сознания: лишить ее эмоциональной привлекательности и фрагментировать ценностные компоненты.

Проект FZNF-2022-0007 «Российская национально-государственная идентичность: новые политико-психологические вызовы в условиях «холодной войны 2.0» реализован в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Толмачева И.В.
АО ИД «Аргументы недели», Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ЛОББИЗМА В РОССИИ В ПЕРИОД МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Институт лоббизма зародился, укрепился и получил в той или иной мере законодательное регулирование за рубежом — в Великобритании, США, Евросоюзе. В России до недавнего времени предпринимались частые, но безуспешные попытки легитимации лоббизма. Ведь лоббизм как процесс взаимодействия бизнеса и власти работал, но не был ограничен законом и имел плохую репутацию в обществе (в связи с потенциальной коррупцией). Хотя отечественная традиция лоббизма не менее давняя, чем зарубежная, но со своей спецификой. В советское время вместо лоббистов выступали толкачи, которые продвигали интересы предприятий и целых секторов промышленности в коридорах министерств и государственного планового комитета Совета Министров СССР. В роли толкачей часто выступали непосредственно руководители предприятий. После распада Советского Союза и смены экономической и политической парадигмы развития России толкачи преобразовались в лоббистов, а вопросы стали «решаться» не в коридорах Госплана, а в кабинетах Государственной Думы. Изменились формат и механизмы лоббирования, но сохранилось содержание и цели. Иностранские инвестиции потекли рекой. Западный бизнес активно развивался на российском рынке. Экспаты, руководители крупных предприятий, старались придерживаться западных традиций, которые предполагали штатного лоббиста, и нанимали на работу преимущественно местных GR-специалистов (*Government Relations*), которые и представляли интересы их бизнеса в органах государственной власти, опираясь на особенности российской культуры, и так подтверждая свою эффективность. Новоиспеченный российский бизнес ориентировался на западные традиции. Так к концу первого десятилетия XXI в. в России сформировался многочисленный пласт легальных высокооплачиваемых представителей института лоббизма. Каждая компания крупного и среднего бизнеса привлекала к работе лоббистов — специалистов по связям с государственными органами или независимых консультантов, а также входила в отраслевые и предпринимательские ассоциации, чтобы сообща было удобнее отстаивать свои интересы во властных кабинетах (Толмачева И.В. Количественное исследование института лоббизма в России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2017). Центр принятия решений переместился из Государственной Думы, как это было в 90-х годах прошлого столетия, в Аппарат Правительства и Администрацию Президента (Толмачева И.В. Анализ эффективности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 годах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2020). Институт лоббизма в России функционировал по понятным, хотя и не писанным правилам. Но в феврале 2022 г. все кардинально изменилось. В следующие несколько месяцев произошла глобальная трансформация существующего строя — Россия вступила в период политической и экономической турбулентности. И если политическая тряска происходила преимущественно в международном пространстве (внутри российская политическая система выдерживала недюжинное внешнее давление), экономические преобразования захлестнули Россию. Очевиден массовый отток западного бизнеса с сохранением инвестиций на территории Российской Федерации. Большая часть предприятий, основанных иностранцами, покупаются российскими предпринимателями за копейки и продолжают работу с новым руководством и по новым правилам, опираясь на действующую политическую систему. Вместе с западными инвесторами со временем растворятся и западные традиции. В ближайшем будущем благодаря колоссальной волне импортозамещения созреет новый механизм взаимодействия отечественного бизнеса и власти, а лоббистам и специалистам по связям с государственными органами будет необходимо обратить внимание на советские традиции представления интересов крупных предприятий в коридорах власти и, соответственно, перестроиться. Уже сейчас институты политической власти определяют общие приоритеты в развитии различных сфер экономики. В перспективе множественные точечные решения, которые будут диктовать развитие предприятий,

в которых государство заинтересовано в первую очередь. В дальнейшем, если сохранится текущее направление изменений экономической системы, в Россию вернется государственное планирование экономики. Разумеется, маловероятно, что получится полностью дублировать советскую практику Госплана, но в этом и не будет необходимости. Тем не менее, механизмы принятия решений изменятся, и центры, в которых лоббисты прежнего времени привыкли «решать вопросы», сместятся. Институт лоббизма в новых реалиях потеряет свое определение, сохранив при этом сущность и акторов. Лоббисты станут эффективными толкачами, если смогут вписаться в вектор политических и экономических изменений.

Томин Л.В.
СПбГУ, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

Ж. ДЕЛЕЗ И Ф. ГВАТТАРИ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕОРИИ КИБЕРНЕТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В начале 1990-х философ Ж. Делез выдвинул идею о том, что современные общества переживают эпохальную трансформацию логики управления и практик функционирования власти. Происходит переход от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля». Отличие капитализма от предыдущих общественно-экономических формаций основано на непосредственном моделировании и производстве определенных типов субъективности. Становление кибернетической модели управления («общества контроля») начинается с развития информационных технологий, на их основе формируется гибридная социотехнологическая система власти.

Капитализм на микроуровне действует по двойной логике субъективации — десубъективации, структуры социального подчинения осуществляют первое, механизмы «машинного порабощения» — второе. Кибернетическая модель власти основана на «рекуррентных и обратимых «человеко-машинных системах», которые замещают прежние нерекуррентные и необратимые», отношение «между человеком и машиной осуществляется в терминах внутренней взаимной коммуникации, а не в терминах использования или действия»¹.

Классическая винеровская кибернетика исследовала, как отрицательная обратная связь может служить инструментом гомеостатического саморегулирования систем. Порядок, гармония и баланс виделись как неотъемлемые и желательные состояния системы. Кибернетика второго порядка (У. Матурана, Ф. Варела) фокусируется на положительной обратной связи, теории хаоса и теории сложности. Она основана на представлении о нелинейном характере динамики системы и существовании эмерджентных свойств.

Винеровская кибернетика постулирует существование внешнего оператора, отвечающего за взаимодействие человека с машиной. Кибернетика второго порядка поставила под сомнение разграничение системы и внешней среды, постулировав, что открытая система включает внешнюю среду в себя. Система стала горизонтальной самоорганизующейся сетью, где не может быть внешнего оператора, существует лишь фигура наблюдателя. Наблюдатель всегда включен в сеть, он один из ее узлов, который не обладает привилегией внешнего «объективного» взгляда. Кибернетика второго порядка описывает модели управления, где дихотомия иерархия — сеть становится нерелевантной, поскольку в них власть функционирует как рекурсивная горизонтальная сеть.

Переход от «дисциплинарного общества» к «обществу контроля» — процесс долгий и несинхронный, существующие сегодня политические режимы (прежде всего автократии) сохраняют и продолжают использовать отдельные дисциплинарные институты и практики управления. Кибернетическая модель управления, опирающаяся на цифровую инфраструктуру и рекурсивные алгоритмические механизмы, не нуждается в сохранении всех существующих сегодня дисциплинарных иерархических структур. Идеология не исчезает, трансформируется механизм ее воздействия, интерпелляция индивидов работает не на основе сознания и идей, а за счет основанного на обработке больших данных «подталкивания» (наджинга). М. Кривы описывает кибернетическую модель управления как «воздействие через реконфигурацию информационной и физической инфраструктуры», где власть «подталкивает» индивидов совершать (или не совершать) различные действия через «стимулы, производящие рефлекторные реакции, а не интерпретацию и рефлексию»².

В рамках цифровой трансформации экономики и управления город как социотехнологический ассамбляж становится пространством потоков, прежде всего потоков данных. Индивид в этой сборке становится узлом общей сети, сенсором, передающим данные. «Умный город» — это новый тип про-

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М.: У-Фактория, Астрель, 2010. С. 778.

² Kriyū M. Towards a critique of cybernetic urbanism: the smart city and the society of control // Planning Theory. 2016. Vol. 17. No. 1. P. 16.

странства и политико-экономическое ядро системы «надзорного капитализма». Физическое пространство города пронизано элементами цифровой инфраструктуры, в частности рекурсивными алгоритмическими механизмами, функционирующими на основе обработки данных.

В этом пространстве действия индивида-потребителя находятся во власти инструментов цифрового мониторинга, и он всегда открыт к воздействию маркетинговых алгоритмов через «подталкивание» (наджинг). В рамках кибернетической модели управления логика маркетинговой системы цифрового мониторинга действий индивида и «подталкивания» (наджинга) интегрируется в государственные и городские цифровые платформы¹. Их место и роль в конечном счете зависят от характера политического режима, в автократиях цифровая инфраструктура и платформы используются как механизм контроля государства над обществом или имитация механизмов участия и контроля за действиями властей.

Работа выполнена при поддержке гранта ЭИСИ «Доказательная политика технологического суверенитета и доверие: исследование публичных стратегий обоснования».

Туманов А.И.
ВГТРК, Москва

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ: НАЦИЯ КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВЕТСКОМ КИНО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Октябрьская революция 1917 г. многое изменила в жизни России, в том числе и отношение власти к кинематографу. Если Николай II считал, что кино лишь только развращает народ и никогда не станет серьезной индустрией, то советские чиновники уже включают организации кинематографа в механизм государства. Впервые кино официально становится частью политической повестки в 1918 г. Новая программа партии, принятая на VII съезде РКП(б), приравнивала кинематограф к инструментам государственной помощи самообразованию граждан страны наряду с библиотеками, школами для взрослых и университетами.

Созданные в 1918–1919 гг. агитационные поезда и пароходы представляли собой кинотеатр, музей и библиотеку и выполняли функции университета на колесах. В киновагонах проводились сеансы, которые позволяли ВЦИКу в доступной форме донести идеалы нового государства необразованным слоям населения.

В этот период становится очевидной нехватка лент, отвечающих идеологическим установкам партии. Дореволюционные кинофонды изобиловали фильмами, превозносившими монархию и повествующими исключительно о быте буржуазии, что шло вразрез с принципиально новой идеологией.

Налаживание государственного кинопроизводства становится первоочередной целью. Произнесенная Лениным в 1925 г. фраза в разговоре с наркомом просвещения Советской России А.В. Луначарским «...из всех искусств для нас важнейшим является кино» стала установкой для руководства по отношению к кинематографу.

Ряд советских культурных деятелей, среди которых Луначарский и П.М. Керженцев, предпринимают попытку выработать критерии идеального советского фильма. Так, например, в документальном кино поощряется изображение не только важных для государства событий и торжественных мероприятий, но и съемка будничной жизни рядовых советских граждан.

Параллельно в СССР процветало авангардное искусство. Художники, поэты, композиторы, писатели и режиссеры искали новые формы и идеи актуальные современности. Кинематограф особенно помогал рационализировать те изменения, которые произошли в стране, иллюстрируя все эффектными и запоминающимися образами, понятными даже необразованному зрителю нарративами.

С появлением таких шедевров советского киноискусства, как «Стачка» и «Броненосец “Потемкин”» Сергея Эйзенштейна, а также «Арсенал» и «Земля» Александра Довженко, процесс создания развитой киноиндустрии, выполняющей важнейшие задачи идеологической и политической консолидации общества и государства, можно считать успешным. К 1930-м годам кинематограф уже полноценно включен в политическую жизнь страны и выполняет такие социально-политические функции, как просвещение, агитация, социализация и пропаганда коммунистических ценностей. Если бы советские чиновники, как современные политики, оперировали понятием национальной идентичности, можно было бы сказать, что целью советских фильмов было и формирование принципиально новой

¹ *Томин Л.В.* Проблема прозрачности и нейтральности рекурсивных алгоритмических систем публичного управления // Демократия и управление. 2021. Вып. 3 (28). С. 14–15.

национальной идентичности, а именно гражданина Советского Союза, отрицающего буржуазные ценности старого мира.

И в лентах Эйзенштейна, Довженко, Льва Кулешова, Михаила Ромма и других режиссеров мы находим изображение людей новой формации, несущих идеалы социализма и коммунизма, а также картину общества, объединившегося ради единой цели и давшего отпор угнетателям.

Важно не оценивать советский кинематограф, как общую массу, а разделять его на течения и направления. Даже в первой половине двадцатого века, когда советская киноиндустрия еще не была такой развитой, какой она будет уже после Великой Отечественной войны, можно проследить идейный плюрализм и поэтапное развитие национальной идентичности советского человека. Именно этот период как тот, в котором закрепились определенные черты, присущие платоническому идеалу гражданина СССР, имеет для нас особенный интерес, ведь в кино 20–30-х годов XX в. наиболее наглядно виден эффект такой колоссальной перемены в жизни страны, как революция. И несмотря на цензурное давление и пропагандистские задачи, которые ставились перед кинематографистами, кино первой половины XX в. представляет авторское видение, рефлексию и осознание колоссальных событий в жизни страны.

В наше время, когда перед киноиндустрией, которая по-прежнему получает государственную поддержку, стоят цели создания патриотических и при этом коммерчески привлекательных фильмов, пример раннего советского кино показателен в качестве кинематографа, объединившего в себе зрительскую привлекательность, пропагандистскую составляющую и политическое содержание, что вкуче позволяет актуализировать и осмысливать важнейшие исторические события и перемены в общественной жизни страны.

Подготовлено при поддержке гранта Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) «Ценностные и социальные факторы долгосрочного развития регионов России: механизмы обеспечения гражданского единства» (регистрационный номер темы № 1022061900041-2-5.6.1).

Туманов И.А.

Благотворительный фонд «Приоритеты роста», Москва

СВЕРХДЕРЖАВНОСТЬ РОССИИ — КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Президент США Б. Обама утверждает: «У США сильная, самая прочная экономика в мире... Мы тратим на нашу армию больше, чем остальные... Когда возникает какая-либо проблема в мире, то обращаются к нам, а не в Москву или Пекин... Американцы — самая мощная нация на всей планете Земля. И с каждым годом американская нация становится только сильнее...». Данные слова можно трактовать тем или иным образом. Если использовать метод анализа возможностей и опасностей, то такие характеристики США для России, с одной стороны, возможности; как заявил Президент РФ В.В. Путин: «Мы это принимаем. Мы хотим и готовы работать с Соединенными Штатами», и совершенно правильно — выгодно взаимодействовать с «сильной, самой прочной экономикой в мире», а с другой стороны, опасности, так как траты на армию больше, чем у остальных, приводят к уничтожению Ирака, Ливии..., а также к уверенности в том, что с любым государством можно «разговаривать» с позиции силы ради торжества «справедливости»: «мы же самая мощная нация на всей планете Земля», а, по мнению, например, бывшего государственного секретаря США Мадлен Олбрайт (так же, как и Б. Обама — представитель Демократической партии) несправедливо и то, что Сибирь — богатый природными ресурсами регион — принадлежит только России.

Современная модель развития международных отношений уже не современна, она себя давно исчерпала. В настоящее время у России есть шанс стать одной из супердержав и внести свой вклад в формирование новой парадигмы развития международных отношений и обеспечения глобальной безопасности. По мнению автора, с одной стороны, Россия должна быть в курсе всего того, что происходит на мировой политико-экономической арене, и при этом иметь свою точку зрения на происходящее вокруг, с другой — Россия должна быть самокритичной, открыто вскрывать недостатки своего развития, а также достойно, деловито и доброжелательно верить в свою исключительность.

У России, чтобы стать супердержавой в интересах обеспечения гарантированной национальной безопасности и безопасности глобальной, уже есть: а) ключевое преимущество — огромная территория как источник богатства; б) современная ядерная триада и другие высокотехнологичные ВВТ; в) национальная культура с признанием ее как мировой; г) население численностью более 140 млн граждан страны.

Не хватает РФ двух компонентов; а) мощной экономики; б) высокого качества жизни населения России в целом.

России требуется научно обоснованная программа «Инновации, Производительность, Экономический Рост и Безопасность», предполагающая, в том числе, и персональную ответственность должностных лиц различных уровней за результаты деятельности. Разрабатывать данную программу, по мнению автора, нужно с учетом мнения великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова, утверждающего, что благополучие, славу и цветущее состояние государства обуславливают три источника, а именно: внутренний покой, безопасность и удовлетворенность граждан страны, предполагающая сохранение и укрепление национальной идентичности; боеготовые и высокотехнологичные вооруженные силы; эффективная внешняя торговля внутренними избытками.

Конечно, время вносит свои коррективы в концепции развития государства, а современное время требует, чтобы в рамках внешней торговли внутренними избытками были блага высокотехнологичные с высокой добавленной стоимостью. Только в этом случае Россия в процессе внешней торговли будет «грабить», предположим, Германию, а не наоборот.

Как считает, к примеру, российский дипломат А.Л. Адамишин: «Не думаю, что будущее России в «Большой Европе». Ей предназначена сегодня многовекторная внешняя политика. Географическое положение России — между Европой, Китаем, Ближним и Средним Востоком да и США — создает условия для сотрудничества и распространения российского влияния по всем азимутам. Мы можем соединять между собой разные регионы. В будущем мире Россия может стать всеобщим посредником, глобальным медиатором».

История межгосударственных отношений свидетельствует, что максимальную национальную безопасность и конкурентоспособность страны, а также глобальную безопасность гарантирует паритет сил.

Соответственно, Россия должна быть одной из супердержав с целью 100% обеспечения национальной безопасности и безопасности для всего человечества.

Подготовлено при поддержке гранта Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) «Ценностные и социальные факторы долгосрочного развития регионов России: механизмы обеспечения гражданского единства» (регистрационный номер темы № 1022061900041-2-5.6.1)».

Тупаев А.В.
ЮФУ, Ростов-на-Дону

КОНЦЕПТ АНТРОПОЛОГИИ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Власть является универсальным механизмом при реализации любых человеческих отношений на основе ее культурно-антропологических характеристик. Формирование социальных практик в любой социальной группе сопряжено с реализацией властно-управленческой модели. Антропологический аспект власти позволяет взглянуть на властные отношения с позиции культурно-социологического ракурса, не ограничиваясь конструктивистскими подходами к механизмам реализации власти. Концепт антропологии власти не только включает в себя систему институтов и практик реализации власти в том или ином обществе, а его содержание во многом определяется устоявшейся формой понимания властно-управленческих отношений индивидами.

В отечественной политической науке в конце прошлого века разворачивается дискуссия о концепте «русской власти» (Макаренко В. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998; Фурсов А., Пивоваров Ю. Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3): авторы рассматривают исторический путь России через специфику государственной власти, особенности реформ и функционирования властно-управленческого аппарата. Однако, как проявляется и реализуется власть — французские теоретики второй половины XX в. приходят к выводу, что власть не заключена в определенные институты и инстанции, трансформируется ее субъектность, отсутствует центр и границы распространения.

На кризис классических институтов власти указывает Х. Арндт, отмечая необходимость анализа власти в политико-антропологическом контексте. Диффузионность власти расширяет границы концептуального анализа, становится недостаточно исследований институтов, полномочий власти технологий ее реализации, иными словами — власть всегда более власти. Значимыми становятся аспекты антропологии власти в обществе, анализ условий в которых происходит самовоспроизводство власти (Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы // Pro et Contra. С. 116–129). Отечественный философ В. Подорога, рассуждая об антропологии власти, констатирует: нет ни одного политического режима в истории, где бы власть, обладая безнаказанностью, не привела бы к самоуничтожению, нанося колоссальный урон обществу (Подорога В. Господин-монстр: заметки по антропологии власти // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2016. № 2. С. 226). Негра-

ниченная власть — пример социальной патологии, которая не позволяет формироваться гражданскому согласию и доверию не только к институтам власти, но и общей системе ценностей. Другая, не менее важная характеристика антропологии власти — необходимость перманентной легитимации через избирательные процедуры и конституционные институты, но и через инструменты общественного контроля. Власть постоянно должна ощущать себя в ответственности за принимаемые решения не только со стороны правоохранительной системы, а что более важно — со стороны общества. Антропологию власти современной России В. Подорога характеризует «как один из уровней исследования властных отношений в обществе, тестирование условий, при которых власть воспроизводит себя» (*Подорога В. Время после. М.: РИПОЛ классик, 2021. С. 227*).

Проблему формирования гражданского общества, которое может выступить ограничителем власти, Подорога увязывает с неудачной политикой национальной памяти, которая подверглась грубой идеологизации и фальсификации. Политическая и экономическая нестабильность 90-х годов нивелировала ощущения сопричастности с трагическим прошлым сталинского периода, да и в общем советского социального порядка.

Современная российская власть берет за основу своей легитимации именно девяностые, формирует убеждения, что именно этот период нашей истории является тем, который не должны повторять, а причина неудач реформ связывается с демократией и либерализацией, при этом негативные воспоминания о советском периоде попадают в рамки социальной амнезии. Естественно, что любая власть стремится использовать политику памяти для легализации существующего порядка, формирования социально-политических ценностей, мобилизации населения и национального единства. Однако существует ряд вопросов как философско-политического характера, так и социального, о влиянии прошлого, ответы на которые без широкой общественной дискуссии получить невозможно. Концептуальная проблема такой дискуссии — осмысление абсолютного зла, обществу жизненно необходимо взглянуть на себя через совокупную и неразрывную национальную историю, через каждое событие воспроизводства и реализации абсолютного зла, с масштабным привлечением научного сообщества, гражданских активистов и организаций.

Тюленева А.М.
ПГНИУ, Пермь

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российская Федерация является смешанной федерацией, поскольку часть ее субъектов образована с учетом этнического фактора (республики), а оставшаяся часть субъектов с учетом территориальной детерминанты.

Многоязычный состав населения Российской Федерации вынуждает федеральное правительство учитывать интересы различных народов и этносов. Статья 26 Конституции РФ закрепляет за каждым право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ), 1993). Данное положение предоставляет этнолингвистическим меньшинствам возможность использования родного для них языка не только в сфере межличностных отношений, но и в других сферах. Безусловно, нужно отметить, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Закона о государственном языке от 01.06.2005 № 53-ФЗ — государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык (Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ (ред. От 05.05.2014), 2005). Именно русскому языку принадлежит доминирующая роль в государстве, поскольку он используется в публично-правовом пространстве РФ.

Использование родного языка санкционировано Законом «О языках народов Российской Федерации», вступивший в силу 25 октября 1991 г. Согласно данному закону (Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 № 1807-1, 1991):

1. языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства;
2. государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия;
3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка <...>.

Мы можем сделать вывод, что одним из приоритетов реализуемой языковой политики является дальнейшее упрочение позиций русского языка в качестве государствообразующего. Положения зако-

на «О языках народов Российской Федерации» демонстрируют нам, что языки титульных групп получают признание в республиках, на территории которых компактно проживают представители титульной группы. В отношении их языка, культуры предпринимаются меры по их защите, стимулированию, что обеспечивает равные возможности для их дальнейшего развития.

Представленные выше положения из нормативно-правовых актов Российской Федерации демонстрируют, что сохранение языкового разнообразия является одним из приоритетов государства. Одним из основных каналов для обеспечения поддержания и реализации возможности граждан по использованию родного языка является стимулирование вопроса о преподавании на родном языке (т.е. ретранслирование и передача знаний, умений и навыков по общению, письму на родном языке). Данные положения находят отклик, в первую очередь, в республиках, имеющих возможности на установление своего государственного языка, его использования.

В стремлении сохранить и укрепить возможности этноязыковых групп по использованию родного языка депутатами Государственной Думы было начато рассмотрение поправок, внесенных в закон «Об образовании в Российской Федерации». Поправки в Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ были утверждены в апреле 2018 г. и касались изучения языков народов РФ и государственных языков республик, входящих в составе РФ.

Изменения коснулись 14 и 44 статей Закона «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», 2012):

1. Родители и законные представители ребенка **вправе выбирать, какой родной язык, включая русский, будет изучать их ребенок в школе.**
2. Преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации осуществляется **на добровольной основе и не может осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка Российской Федерации.**
3. Выбирать до завершения получения ребенком основного общего образования с учетом мнения ребенка, <...> **язык обучения и воспитания, <...>, включая родной язык из числа языков народов Российской Федерации и государственный язык республик Российской Федерации.**

Внесение изменений в Закон «Об образовании в Российской Федерации» было направлено на создание оптимальных условий для сохранения и развития языков народов России и стимулирование сохранения языкового многообразия. Предоставление права выбора изучать и/или нет родной язык можно рассматривать в качестве оптимального решения, поскольку родители и ребенок могут принимать решение относительно необходимости знать и использовать в дальнейшем родной язык. Однако наличие данного права может привести к закреплению представления о низком статусе родного языка, что будет приводить к снижению интереса к его изучению в связи с отсутствием широкого приложения сфер по его использованию.

ЦИФРОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: ОТ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА К ЦИФРОВЫМ ЭКОСИСТЕМАМ

Уже более двух десятилетий разрабатываются стратегии модернизации государственного управления посредством использования информационно-коммуникационных технологий. За этот сравнительно небольшой период времени внедрение цифровых решений в практику работы органов государственной власти стало обязательным атрибутом национальной политики во всех развитых и многих развивающихся странах. Если в начале эры «цифрового правительства» такие инновации рассматривались как возможность использовать результаты научно-технического прогресса для повышения эффективности государственного управления, то в последние годы в ряде стран «цифровое правительство» преподносится как основа для построения цифрового общества.

Наличие неисследованного поля в теории «цифрового управления» порождает скептическое отношение к точности понятий «цифровизация государства», «цифровая трансформация государственного управления» и позволяет задать актуальный вопрос: что именно меняется в государственном управлении в ходе цифровой трансформации?

Проводя ретроспективный анализ, можно увидеть, что в самом начале этого процесса государственные порталы стран выполняли роль электронной «доски объявлений», содержащей контактную информацию о государственных службах, способах их работы и документах, которые необходимо предоставить при обращении. Это привлекало к ним внимание людей, желающих получить актуальную информацию об условиях обязательных государственных процедур, которые впоследствии стали называться общим названием «государственные услуги».

Внедрение цифровых технологий ввода данных в государственные информационные системы позволило государственным учреждениям использовать их без дополнительных операций со своей стороны. Быстрому распространению цифровых практик в государственном управлении способствовала как методологическая поддержка международных организаций, так и возникновение конкурентной среды в этой области среди крупных транснациональных корпораций. В то же время развитие структур управления цифровой трансформацией в государственном аппарате в разных странах диверсифицировало использование информационных систем в зависимости от целей политики.

Правительства как развитых, так и развивающихся стран стремятся использовать растущий спрос на данные для оптимизации бизнес-моделей. Существует уже три новых подхода к участию правительств в экономике данных. В англосаксонском мире, например, подход заключается в том, что данные находятся под государственно-частным контролем. В Европейском союзе существует общее положение о защите данных, которое предусматривает обязанность государства обеспечить право собственности человека на свои данные. В Китайской Народной Республике закон гласит, что данные являются национальным достоянием.

Отметим основные изменения в государственном управлении при цифровой трансформации процессов управления. *Во-первых*, происходит переход к управлению, основанному в первую очередь на данных, хранящихся в цифровом формате. *Во-вторых*, появляется централизованный источник цифровых данных и экосистема для их использования гражданами и организациями, в том числе для стимулирования экономической деятельности. *И, в-третьих*, появляется правовое регулирование и контроль потоков данных.

Во многих отношениях цифровизация меняет дизайн государственных услуг, предоставляемых в электронном виде, и, отчасти, функции количественных показателей для анализа и прогнозирования. Процессы определения национальных приоритетов и стратегического государственного планирования, как неотъемлемые компоненты государственного управления, остаются неизменными.

Достижение порога «цифровой зрелости» неизбежно предполагает ответ на фундаментальный вопрос: кто является бенефициарами преимуществ государственных информационных систем? Варианты ответа на этот вопрос и эффективность соответствующей институциональной политики постепенно образуют единство в многообразии современного цифрового мира.

Усенко Р.С.
МГИМО МИД России, Москва,
Чубак Р.М.
независимый исследователь, Москва

АНАЛИЗ РОЛИ ОТРАСЛЕВЫХ ДЕЛОВЫХ АССОЦИАЦИЙ КАК ЦЕНТРОВ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ОТРАСЛЕВОЙ ПОЛИТИКИ СНИЖЕНИЯ ИМПОРТОЗАВИСИМОСТИ РОССИЙСКОГО АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ МОЛОКА)

В современной научной литературе по принятию политических решений анализ роли деловых ассоциаций как участника публичной политики чаще всего фокусируется на способности таких объединений выступать агентами-медиаторами при агрегировании и продвижении интересов бизнес-сообщества во взаимодействии с органами власти. При этом за рамки исследования оказываются вынесены другие не менее важные функции деловых ассоциаций. Одна из ключевых таких функций — задействование экспертного ресурса и предоставление его в распоряжение центров принятия решений с тем, чтобы формирование отраслевой государственной политики осуществлялось с максимально возможным учетом интересов игроков отрасли.

Отраслевые деловые ассоциации являются так называемыми «брокерами знаний» — носителями информации и экспертизы, обеспечивающими передачу знаний туда, где они необходимы, и тем самым способствующими надлежащему использованию наилучших имеющихся данных в процессах принятия решений. Ассоциациям всех уровней и охватов, как правило, присуще наличие постоянных и *ad hoc* комитетов (подкомитетов), назначение которых состоит в доведении специальной технической экспертизы до сведения центров формирования публичных отраслевых политических решений.

Роль «ретранслятора» экспертизы не имманентна, но необходима в функциональном репертуаре деловых ассоциаций. Ассоциации, не занимающие нишу авторитетного носителя агрегированного отраслевого знания, рискуют собственной репутацией и утратой своего влияния в пользу организаторов конференций и форумов, отраслевых СМИ и отдельных профессиональных фирм. Те же объединения, которые полноценно реализуют себя в данной роли, в конечном итоге способствуют как собственно утверждению в качестве полноправного участника отраслевой госполитики, так и формированию более устойчивых и продуктивных связей между государством и отраслевым бизнесом. В настоящее время подобная функция деловых ассоциаций становится более значимой в связи с существенными внешнеполитическими и экономическими вызовами, поскольку центры принятия публичных отраслевых политических решений в большей степени нуждаются в актуальной информации о проблемах и сложностях, с которыми сталкиваются представители отрасли, что необходимо для своевременного и эффективного реагирования на возникающие вызовы.

В рамках исследования была рассмотрена деятельность одного из наиболее заметных отраслевых объединений в агропромышленном комплексе Российской Федерации — Национального союза производителей молока (Союзмолоко), выполняющего не только функции по агрегированию и продвижению интересов предприятий молочной промышленности, но также выступающего в качестве «брокера знаний», результаты аналитической работы которого используются как бизнес-сообществом для организации более эффективной работы предприятий, так и центрами принятия решений в целях ведения более обоснованной и эффективной отраслевой политики. В частности, рассматриваемая деловая ассоциация выполняет подобную функцию в рамках проводимой Министерством промышленности и торговли и Министерством сельского хозяйства Российской Федерации работы по снижению зависимости российской молокоперерабатывающей промышленности от импорта оборудования и запасных частей. В данном случае Союзмолоко играет роль «экспертного центра», поставляющего центрам принятия решений информацию о ситуации с обеспечением отрасли оборудованием, а также координатора взаимодействия между представителями молокоперерабатывающей отрасли, органов государственной власти, других ассоциаций и производителей пищевого оборудования.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследование политических образов, формирующихся в массовом сознании, в частности их темпоральное измерение, имеет особое значение в периоды социально-политической турбулентности. Обращение научного интереса к особенностям восприятия России молодежью оправдано по нескольким причинам. Молодежь — самая динамичная страта российского общества, имеющая высокий потенциал гражданско-политической активности, при этом система представлений молодых людей об исторических, политико-экономических и других детерминантах современных трансформаций также подвижна. Ситуативное влияние на указанные представления, противоречивая интерпретация социально-важных категорий и оценка происходящих событий в условиях информационного шума могут приводить к непредсказуемым эффектам. Поэтому регулярный мониторинг психологического состояния российской молодежи необходим, позволяет вырабатывать решения в области государственной информационной политики, политики памяти, образовательной и воспитательной политики.

Осенью текущего года начался полевой этап сбора эмпирических материалов в рамках исследовательского проекта «Образ настоящего, прошлого и будущего России в сознании граждан». Методология и методы исследования опираются на наработку школы политической психологии под руководством профессора Е.Б. Шестопал, в рамках которой многие годы коллектив ученых занимается проблемами изучения политических образов.

Полевой этап продолжается, и к настоящему времени получено более двухсот формализованных интервью и графических тестов (рисунков «Современной России» и «России будущего») со студентами московских вузов и колледжей. Массив текстовых данных обрабатывается методом качественно-количественного ненаправленного контент-анализа, а материалы проективных тестов — с помощью политико-психологического содержательно-символического анализа. Согласно исследовательской модели необходимо выделить содержательные компоненты образа страны (когнитивный профиль), эмоционально-окрашенные оценки, отражающие отношение респондентов к изучаемому конструкту (эмоциональный профиль), и динамические профили, характеризующие степень подвижности и изменчивости образа.

Обратимся к исследовательским вопросам, которые поставлены таким образом, чтобы удалось выявить в сознании респондентов четыре проекции: соотношение образа современной России и образа России будущего (в ближайшей перспективе), а также выделить позитивные и негативные черты каждого образа с целью сравнения их между собой. В результате анализа полученных эмпирических данных мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, позитивный образ современной России опирается на два гармонично соседствующих концепта — «великую историю, прекрасную природу, уникальную культуру, сакральные ценности и менталитет народа» и «сильное государство, действующее в интересах населения и в его защиту», противопоставленные внешней угрозе, которую зачастую характеризуют как «русофобскую». В свою очередь негативный образ современной России более гибкий и содержательный и может быть описан как сеть параллельно артикулируемых молодежью проблем, усиливающих или снижающих свое значение в зависимости от личностных переживаний респондента, — это «проблемы чисто экономического спектра, например повышение цен, безработица, слабый рост размера заработных плат, бедность», «проблемы социального спектра, например недовольство системой образования, здравоохранения, чрезмерной застройкой некоторых микрорайонов города», «проблемы политического спектра, например подавление оппозиции, отсутствие свободы слова, несменяемость власти», «проблемы правового государства, например ущемление прав меньшинств, отсутствие справедливого и независимого суда» (формулировки, взятые в кавычки здесь и далее, содержат прямую речь респондентов). Данная особенность связана с возрастными психологическими характеристиками испытуемых (в группу попали студенты от 17 до 22 лет): доминированием эмоционального восприятия над рациональным, юношеским максимализмом, большой зависимостью от мнений лидеров инग्रупп, сверстников, позиций новых медиа, откуда молодые люди преимущественно черпают информацию об актуальной повестке дня.

Во-вторых, позитивный образ России будущего представлен двумя противоречащими друг другу концептами — «обособлением страны от всего мира, концентрацией экономики на внутренних ресурсах и внутреннем потреблении, создании собственного микромира» и «экспансией страны на весь мир, вплоть до возникновения в будущем планеты Россия, на которой воцарится мир и добро, а языком межнационального общения станет русский». Негативный образ России будущего во многом коррелирует с негативным образом России настоящего, но следует обратить внимание на то, что примерно

у одной пятой части респондентов эти представления амбивалентны, т.е. категории одного логического порядка указаны противоположными терминами, но в одном темпоральном разрезе, как наступление одновременно «процветания и упадка», «возникновение железного занавеса и экспансии в масштабах планеты», «наступление свободы и негативных эффектов от чрезмерной свободы».

Исследование выполнено в рамках проекта «Образ настоящего, прошлого и будущего России в сознании ее граждан», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Усова Е.Ю.
ИВ РАН, Москва

ПРИНЦИП ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Принципы гендерного равенства были заложены в идеологии и политической практике сионистского движения еще основателем политического сионизма Т. Герцлем, который считал равноправие женщин неотъемлемым атрибутом будущего еврейского государства и инициировал предоставление женщинам права голоса на сионистских конгрессах (*Vital D. The Origins of Zionism. Oxford, 1975*). Тогда, в конце XIX в., эти идеи и начинания носили поистине революционный характер — в подавляющем большинстве государств они были реализованы лишь спустя десятилетия. Впоследствии равноправие женщин стало одной из ключевых составляющих идеологии киббуцианского движения; в некоторых киббуцах это принимало порой довольно радикальные формы, которые впоследствии были пересмотрены во многом по требованию самих женщин-киббуцниц (*Дубсон Б.И. Киббуцы. Путешествие в светлое будущее и обратно. М., 2008*). В 1961 г. Г. Меир, начавшая свою общественно-политическую деятельность в киббуце и занимавшая в тот период пост министра иностранных дел Израиля, а впоследствии ставшая премьер-министром, инициировала создание в Израиле уникального учебно-научного центра «Кармель», главной задачей которого стало обучение женщин из стран «третьего мира» с целью подготовить их к достижению лидерских позиций в экономической, общественной и политической жизни своих стран, в том числе к работе на руководящих должностях. Центр был создан в рамках нового направления внешней политики Израиля — сотрудничества в области развития, предполагавшего передачу израильского опыта решения проблем экономического и социального развития странам Азии, Африки и Латинской Америки. Инициатива Г. Меир, так же, как ранее инициатива Т. Герцля, значительно опередила свое время, предвосхитив последующее утверждение принципов гендерного равенства в качестве неотъемлемой части стратегии международного развития (*Усова Е.Ю. «Гендерный аспект» израильской политики международного сотрудничества в области развития: политическое наследие Голды Меир // Роль женщины в еврейском мире: Колл. монография. М., 2020*).

Несмотря на столь впечатляющий исторический опыт революционных прорывов в области женского равноправия, положение дел в этой области в современном Израиле носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, израильские женщины активно участвуют в общественно-политической жизни страны, имеют высокий уровень образования, трудятся практически во всех отраслях экономики, широко представлены в сфере науки и образования, служат в армии, полиции и других силовых структурах. С другой стороны, им редко удается пробиться на ключевые руководящие должности, а для уровня зарплат и доходов населения в целом в Израиле характерен достаточно большой гендерный разрыв (*Карасова Т.А., Носенко Т.В. Роль женщин в политической и общественной жизни Израиля // Роль женщины в еврейском мире; Марьясис Д.А. Роль женщин в израильской экономике // Роль женщины в еврейском мире; Светлова К.И. Женские правозащитные и миротворческие движения в Израиле: история и современность // Роль женщины в еврейском мире*). Наличие серьезных проблем в сфере гендерного равенства признается и в официальных документах Израиля (*Implementation of the Sustainable Development Goals. National Review. Israel, 2019*). В ключевых международных рейтингах (Индекс гендерного развития, Индекс гендерного неравенства и др.) Израиль занимает не самые высокие, но в целом вполне достойные места.

В итоге можно констатировать, что упомянутые выше революционные прорывы в сфере обеспечения гендерного равенства не были трансформированы в системную национальную политику, направленную на достижение Израилем передовых позиций в этой области. Подобные цели вообще не входят в число важнейших приоритетов израильской государственной политики; все достижения в этой области обеспечиваются в основном усилиями самих израильских женщин. В отличие от многих

стран Запада, в Израиле не практикуется политика «дискриминации наоборот» (когда при карьерном продвижении женщинам отдается предпочтение как представителям «уязвимой» группы населения). Также, в отличие от многих западных стран, в Израиле не получили какого-либо широкого распространения «новые веяния» в гендерной политике — акцентирование проблем и прав ЛГБТ (легализация однополых браков, расширение возможностей для смены пола); попытки внедрения «гендерной нейтральности» в воспитание детей (в радикальной форме полного игнорирования их фактического биологического пола), и в общепринятый лексикон (в виде отказа от слов «мужчина», «женщина», «мальчик», «девочка», «отец», «мать» и т.п.) Причиной этого является влияние еврейских традиций. Вместе с тем национально-культурная специфика израильского общества обусловила возникновение такого феномена, как ортодоксальный еврейский феминизм (*Хлебникова Л.Р.* Ортодоксальный еврейский феминизм в Израиле // Роль женщины в еврейском мире).

УКРАИНА КАК ЭКСПЛУАТИРУЕМЫЙ США И ЕС ИНСТРУМЕНТАРИЙ СДЕРЖИВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Многочисленные события 2022 г., демонстрирующие высокий уровень пестроты и яркости антагонистично-конфронтационного окраса отношений коллективного Запада и Российской Федерации посредством стремительно приобретающего катастрофическую глубину Украинского кризиса, выступают в качестве аргументации в пользу объективности того факта, что последующее их развитие осуществляется по кульминационному пути, итоговая составляющая которых представляется крайне неопределенной. Вместе с тем, со всей очевидностью можно констатировать тот факт, что сложившийся с момента распада Советского Союза мировой порядок с максимальной долей вероятности остается в прошлом, а также то, что наличие, в лучшем случае, суверенности Украины, в худшем — некой украинской государственности как таковой представляется предельно призрачной.

На сегодняшний день для любого аналитически и логически мыслящего обывателя является очевидным то обстоятельство, что западный мир, находящийся под тотальным патронажем Соединенных Штатов Америки, с агрессивным энтузиазмом отреагировал на предпринятые российской стороной действия по защите населения ДНР и ЛНР, руководство которых предварительно обращалось с просьбами об оказании содействия к властям России, от жестоких и беспощадных действий со стороны реакционных сторонников так называемых националистических идеалов. Этот момент, безусловным образом, был использован в качестве причины начала эксплуатации коллективным Западом украинской территории как театра боевых действий, направленных против Российской Федерации, а украинскую часть общества Незалежной, паталогически одержимой желанием реализации неадекватных мер в борьбе за данную искусственную государственность, ориентировать на искоренение украинского русофильства.

В связи с настоящей очевидностью вполне уместным следует признать заявление Посла России в США А.И. Антонова, сделанное отечественным дипломатом 26 апреля 2022 г. и опубликованное на страницах сайта Информационного агентства — РИА Новости. Антонов достаточно убедительно констатировал то, что Соединенные Штаты активно используют украинское территориальное образование для дистанционной реализации своих таранных функций применительно к Российскому государству, целенаправленно, таким образом, априори спровоцировав настоящий конфликтный кризис, посредством которого предполагалось получить рычаги давления на Кремль, представляется риторическим.

Посол обращает внимание на то, что на сегодняшний день Администрация Байдена прилагает все усилия для достижения продуктивных результатов в договорных процессах с американским Конгрессом, направленных на обеспечение бесперебойного канала безвозмездных, с финансовой точки зрения, экспортных поставок штатовского вооружения нацистам ВСУ, умышленно затягивая проведение российской стороной военной спецоперации на Украине.

Данная картина имеет ярко выраженную классическую форму.

На протяжении всей длительной истории как непосредственной агрессивной военно-наступательной, так и опосредованной, на современном примере внешней политики США, ключевым звеном которой являлось и является создание условий на мировой арене для беспрепятственного навязывания, в качестве исключительно доминирующих, своих интересов всему мировому сообществу, американская сторона, естественным образом, всегда заинтересована в эскалации и затягивании вооруженных конфликтов подобного рода. Следовательно, вполне объективная реальность состоит в том, что появление какой-либо надежды на проявление тенденций к началу переговорных процессов по мирному урегулированию настоящей конфронтационной ситуации противоречит специфике американских внешнеполитических устремлений, базирующихся исключительно на паразитическом освоении итогов таких конфронтаций, геополитическом эгоизме и личной потребительской выгоде.

Вне сомнения, следует признать и то обстоятельство, что, несмотря на официальное заявление российских властей по вопросу проведения военной операции на территории Украины, как вынужденной меры по защите гражданского населения ЛНР и ДНР от геноцида со стороны действующего киевского руководства, дальнейшее продвижение российских войск вглубь украинской местности, ориентированное на ее денацификацию и демилитаризацию, связано с недопущением угрозы суверенности России, исходящей от Западного мира.

Резюмируя аналитическую оценку рассмотренной, в тезисном формате, текущей ситуации, следует отметить, что иллюзии перспективной самостоятельности Украины, а также незыблемости однополярного господства Соединенных Штатов Америки на международной арене развеиваются весьма скоро-

течным образом. Глобальное переформатирование мироустройства становится все более очевидным, а ответ на вопрос о наличии в новом мировом пространстве украинского государства поэтапно приобретает определенную конкретику.

Фадеева Л.А.
ПГНИУ, Пермь

КОНСТРУКТ «УКРАИНА — НЕ РОССИЯ» КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Когда украинский президент Леонид Кучма опубликовал в 2003 г. (на русском языке и в российском издательстве «Время») 560-страничную книгу под названием «Украина — не Россия», это вызвало полемику в российском обществе. Представляя свою книгу на книжной ярмарке в Москве 3 сентября 2003 г., Кучма объяснил название книги как пиар-ход: «Ну назвал бы я книгу «Украина и Россия». Кто бы ее открыл? А так сразу начинают листать и искать гадости про Россию. А их все нет и нет. Всю книгу и прочтут»¹.

Опытный политик понимал, насколько серьезную полемику вызовет его книга и продвигаемый ей конструкт. Как можно было предположить, мнения разделились. Значительная часть публики восприняла позицию Кучмы как стремление разъединить, разобщить, раздружить братские народы. Сам Кучма всячески уходил от понятия «братские», считая, что не следует указывать, кто младший, а кто старший брат, поскольку для него была очевидна коннотация старшего как главного, а подчиненным положение Украины он видеть не хотел.

Были попытки подойти к анализу книги максимально объективно: «Кучма тоже пишет книги»; автор откровенен в анализе опыта независимого существования Украины; «президент Украины взял на себя политическую инициативу по бесповоротному урегулированию застарелых споров между соседними странами и выработке общего взгляда на будущее»². Но уже «со вторых строк» в откликах отмечено, с какой скрупулезностью Кучма делает перечисление несходств русского и украинского народов; на идею автора, что Украина, в отличие от России, по своей ментальности является страной европейской; на указание им информационной асимметрии между двумя странами, включая невнимательные российских СМИ к значимым для Украины событиям и болезненную реакцию украинцев на антиукраинские публикации в российских СМИ.

Так, кому была адресована эта книга и продвигаемый ей конструкт? Александр Горянин считает, что это было послание украинского правящего класса политическому классу России, которое так и осталось непочитанным. Можно предположить, что не прочитан этот месседж был именно потому, что его идеи вступали в противоречие с тем, как понимала интересы России ее политическая элита.

Острота реакции общественности, ознакомившейся с текстом Кучмы в том или ином виде, объясняется, прежде всего, тем, что конструкт «Украина — не Россия» был воспринят как вызов российской национальной и политической идентичности. Кучма и сам признавал, что проблема идентичности — одна из ключевых, у него вызывало огорчение то обстоятельство, что не только в России, но и в Украине миллионы людей не согласны с выдвигаемым им конструктом.

Современные исследования показали, что общественное мнение в России характеризуется расхождением в оценках «украинского народа» и «украинского политического класса». Государство оценивается негативно, как коррумпированное, продажное, даже провальное вследствие нечистоплотности, жадности, нечестности политиков. Такое представление сформировано не только российскими масс-медиа, приводящими различные данные, включая результаты исследований, проведенных в Украине, например, *Pew Research Centre*. Яркий пример представляет фильм «Слуга народа», в котором молодой бесхитростный и честный президент Василий Голобородько в исполнении Владимира Зеленского на протяжении 48 серий первых двух сезонов сражается против кумовства, безалаберности, взяточничества, но терпит поражение. И лишь 3 серии 3 сезона, которые стали одним из продуктов предвыборной кампании Зеленского в 2019 г., демонстрируют победное шествие молодого политика. Фильм снят на русском языке, за что был раскритикован рядом украинских критиков и политиков, но имел высокий рейтинг у телезрителей в России

«Рассогласованность характеристик в неоднозначных оценках власти и народа», отмечаемая исследователями применительно к образу стран-соседей России, в случае с Украиной проявляется особенно рельефно, когда власть оценивается как продажная и неэффективная, а народ воспринимается как жертва действий власти, к которому российские респонденты склонны испытывать сочувствие. Фактор культурно-исторической близости усиливает эмоциональное сочувствие к народу³.

¹ Горянин А. Непочитанное послание Леонида Кучмы. Отечественные записки. 2007. № 1.

² Российская газета. 16.09.2003. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ukraina-ne-rossiya/>.

³ Шестопал Е.Б., Смулькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе // Polis. Political Studies. 2018. № 3. С. 32, 40.

Таким образом, конструкт «Украина — не Россия» явился не просто вызовом для российской идентичности, но воспринимался как стремление власти, украинского политического класса, разделить украинский и российский народы, разрушить их культурно-историческую и эмоциональную близость.

Работа выполнена в рамках поддержанного ЭИСИ проекта «Украина как детерминанта российской идентичности».

Фам Ле Минь Хоанг
РУДН, Москва

АССОЦИАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

За 55 лет развития Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) подтвердила свою важную позицию в исторические поворотные моменты региона. АСЕАН объединила 10 стран региона под девизом «единство в многообразии», образуя сплоченное сообщество на трех столпах: политика—безопасность, экономика, культура—общество. В то же время, благодаря своим усилиям по расширению международного сотрудничества, АСЕАН подтвердила свою центральную роль в формировании региональной архитектуры. Механизмы сотрудничества под руководством АСЕАН, такие как Региональный форум (АРФ), Восточноазиатский саммит и т.д., способствовали установлению мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С другой стороны, инициативы экономического сотрудничества, такие как Соглашение о свободной торговле АСЕАН и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), помогли укрепить экономическую мощь каждой страны-члена, а также Ассоциации в целом.

В последние годы в контексте меняющейся международной политической обстановки АСЕАН сталкивается с рядом проблем, которые угрожают центральному положению Ассоциации. Юго-Восточная Азия, расположенная между Индийским и Тихим океанами, с большим населением, составляющим более 600 миллионов человек, с молодой структурой населения и избытком рабочей силы, представляет собой многообещающую среду для сотрудничества и развития. Подъем Китая, возвращение Соединенных Штатов в регион, стратегическое соперничество между двумя великими державами поставили АСЕАН на пересечение стратегий великих держав. Среди них наиболее заметными являются стратегия «Индо-Тихоокеанская» США и китайская инициатива «Один пояс, один путь». И США, и Китай расширили свое участие в регионе, воспользовавшись привлечением и поддержкой стран АСЕАН для участия в их стратегиях. В отсутствие архитектуры региональной безопасности и крупные державы, преследующие разные интересы, представляют угрозу миру и стабильности в Юго-Восточной Азии.

Работая на основе консенсуса, в контексте активного участия крупных держав, особенно подъема Китая, вызов АСЕАН исходит от внутренней солидарности внутри ассоциации. Десять стран с разными политическими институтами, разным пониманием интересов и разной принадлежностью могут противоречить взглядам по многим важным вопросам. Кроме того, политические колебания стран, такие как политический кризис в Мьянме, также угрожают стабильности и единству АСЕАН в новом международном контексте.

Позиционируя себя как центральное место в развивающейся региональной архитектуре безопасности, АСЕАН сталкивается с проблемами, связанными с появлением новых региональных союзов и формирования сил. В последние годы был сформирован ряд новых структур, таких как Конференция по сотрудничеству между Меконгом и Ланьцаном, Конференция по координации действий и мерам укрепления доверия в Азии, Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD) и Американско-британско-австралийское сотрудничество (AUKUS) и т.д. Эти структуры были и активно привлекаются крупными державами для поддержки своих великих стратегий и угрожают подорвать центральное положение АСЕАН.

В то же время сохраняется угроза территориальных споров, особенно в Южно-Китайском море между Китаем и некоторыми странами Ассоциации. Нестабильность среды безопасности и вызовы Ассоциации проявляются в контексте пандемии COVID-19, которая вызвала множество трудностей для региона.

В быстро меняющейся и сложной политической среде АСЕАН необходимо четко определить свою идентичность и точно определить свой будущий путь развития. Исторически АСЕАН была полем битвы холодной войны и глубоких внутренних разногласий, которые могут повториться, если Ассоциация не будет правильно применять стратегию в контексте конкуренции великих держав. В нынешних условиях АСЕАН необходимо и впредь подтверждать свой нейтралитет и автономию в определении политики и стратегии, придавать большое значение поддержанию стратегического баланса, избегать

попадания в ловушку выбора сторон в соревновании между крупными странами. Чтобы сохранить свой нейтралитет и автономию в себе, АСЕАН должна исходить из интересов Ассоциации и международного права, чтобы вести себя надлежащим образом. В частности, АСЕАН должна поддерживать единство и сплоченность своих государств-членов и хорошо выполнять основной принцип консенсуса. Для сохранения единства каждая страна должна ценить позицию Ассоциации, а сама АСЕАН должна играть центральную роль посредством дипломатических усилий по поиску точек соприкосновения, разрешению разногласий и ограничению конфликтов внутри Ассоциации.

Фан Ньун Тхи
РУДН, Москва

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВЬЕТНАМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМСКОГО ОБЩЕСТВА

В настоящее время политические партии многих стран столкнулись с кризисом доверия, идеологическим «размыванием» платформ и снижением числа сторонников. Хотя, в классическом понимании, политические партии — это центральный политический и гражданский институт, который призван поддерживать конкурентную среду политики и выступать элементом механизма организации и осуществления государственной власти, определяя во многом динамику политической жизни страны.

Современные политические партии активно влияют на деятельность органов государственной власти, экономику, социальные процессы, отношения между странами. Они являются одним из базовых институтов современного общества, без которого невозможно функционирование представительной демократии, которая во многом обеспечивается участием партий в выборах и призвана вносить в публичное поле политики не столько личные амбиции политиков, сколько требования организованных социальных групп. При этом отмечается тенденция постепенного снижения организационной и артикуляционной роли партий, обеспечивающих репрезентативность различных социальных групп.

Вьетнам сегодня является одной из наиболее развитых стран Юго-Восточной Азии, играя важную геополитическую роль в регионе, выступая арбитром и гарантом в ряде конфликтов и межгосударственных споров. Вьетнам лидирует в регионе Юго-Восточной Азии по темпам экономического роста и показателям политической стабильности. Под руководством Коммунистической партии Вьетнама страна выстраивает и развивает свою уникальную модель политической системы (Конституция Социалистической Республики Вьетнам 2013 года. Ханой: «Национальная политика», 2014.).

Опыт изучения реформирования во Вьетнаме демонстрирует, что не существует достаточно сильной социально-политической силы, способной выступить альтернативой КПВ в стране в ближайшем будущем, поэтому политическая элита идет на модернизацию в сфере политики крайне неохотно, не желая рисковать достигнутыми успехами и стабильностью. Однако существует также риск накопления латентного конфликтного потенциала, произвести оценку которого достаточно сложно (Документы Всенародного 12-го съезда КПВ (2016). Ханой: «Национальная политика», 2016; Документы Всенародного 13-го съезда КПВ (2021). Ханой: «Национальная политика», 2021).

В текущий период, когда ощущается потребность в реформировании политической системы, основное внимание исследователей уделяется содержанию методов обновления, которыми руководствуется политическая элита Вьетнама. Определяющим и направляющим фактором выступает фиксация в качестве основного условия реформирования задачи сохранения и поддержания социально-экономического развития страны (Пивоваров Д.В. Внешнеполитическая стратегия Вьетнама в контексте развития региональной системы безопасности в Юго-Восточной Азии: Дис.... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2009. — 191 с.).

Фатихов Р.Ф.
БашГУ, Уфа

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА КАК ЗНАЧИМЫЕ УСЛОВИЯ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В период с 2014 г. по настоящее время Россия переживает беспрецедентное влияние на проводимую государственную внешнюю и внутреннюю политику. В публично-политической сфере современной политической власти наблюдаются существенные изменения, и на смену планомерного развития институтов демократического, правового государства вынужденно реализуются мероприятия, направленные на защиту государственного суверенитета и целостности государства.

Также на протяжении последних десятилетий в России наблюдается переформатирование общественно-политического устройства с акцентом на формализацию национальных интересов государства.

Текущие обстоятельства порождают дискуссии о настоящем и будущем развитии нашего общества, где главными вопросами становятся: куда идет российское общество и каким образом реконструировать международные отношения с учетом паритета интересов на международной политической арене.

Определенно дать однозначный ответ на возникающие вопросы невозможно. Однако вопреки формирующемуся мнению рядом отечественных и зарубежных общественных и политических деятелей в вопросе состояния и перспектив развития демократического правового общества россияне сохраняют приверженность базовым демократическим ценностям и институтам правового государства. Именно с этим запросом более 30 лет назад начиналась перестройка в СССР и становление современной России. И сегодня стоит отметить, что в большей степени демократические ценности востребованы многими группами населения: пенсионеры и бюджетники — демонстрируют это своим активным участием в выборах процессах, протестное движение — проводимыми собраниями и митингами, которые в текущих реалиях, к сожалению, в определенной степени, могут восприниматься системостабилизирующими. В обществе также присутствует скептическая оценка практического использования демократических принципов и институтов правового государства. В текущих реалиях институты власти не доверяют, а где-то опасаются предоставить самостоятельность и независимость институтам гражданского общества и правового государства. Отчасти в этом есть смысл и объясняется это низким уровнем развития гражданского общества, отсутствием возможности реального участия в принятии политических решений, а также бюрократичностью власти и снижением уровня доверия к публичной власти. Однако длительное подавление гражданского общества создает предпосылки для формирования несистемных, разрушительных идеологий, отодвигающих от планомерного эволюционного становления как правового демократического государства.

В текущих условиях важно, соблюдая баланс интересов, выработать обновленную парадигму общественного развития с приоритетом общепризнанных демократических ценностей и принципов правового государства. Этот же подход должен применяться на международной арене уже с учетом соблюдения национальных интересов государств.

Отвечая на главный вопрос — каким образом сохранить стабильность в условиях глобальной турбулентности, — можно предположить, что в российском обществе есть запрос на верховенство принципов демократического правового устройства и потенциал для их развития. Именно в этом направлении заложено эволюционное развитие нашего общества. Однако скорость, объем и характер его реализации будут зависеть от политической воли, готовности гражданского общества и уровня развития публичной власти в целом. В рамках международного сотрудничества и взаимоотношений также необходимо пересмотреть оценочные критерии, сопоставить и выверить их с принципами демократического правового государства.

Процесс адаптации к новым политическим реалиям весьма непросто, а возможные механизмы урегулирования и строительства нового уровня сотрудничества, предлагаемые участниками, будут отличаться своим многообразием, но ключевым должна оставаться приверженность общепринятым демократическим ценностям, верховенству закона и концепции правового государства.

Федоров В.И.

*Центр исследования общественно-политических проектов
и коммуникаций, Москва*

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК СЕТЬ КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ

Электронное голосование как проявление информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) увеличивает влияние на современные политические процессы во всем мире. По состоянию на 2022 г., более 40 стран проводят эксперименты по внедрению электронного голосования на выборах. Электронное голосование в этих странах является новым механизмом политического участия, требующим концептуального осмысления. В России опыт дистанционного электронного голосования (ДЭГ) за 2019–2022 гг. получили около 4 млн избирателей. ЦИК России анонсировал применение ДЭГ на всей территории страны уже на следующих федеральных выборах.

Кому выгодно и кто управляет электронным голосованием? Ответы на эти вопросы важны для понимания природы этого нового механизма политического участия.

На основе коммуникационной теории власти М. Кастельса [*Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 41*] предлагается концепция сети электронного голосования как сети коммуникаций между властью, представляющей государственные институты,

Рис. 1. Схема сети электронного голосования

и контрвластью в лице общества с целью привлечения граждан к конвенциональному политическому участию, достигаемому посредством удержания и контроля аудиторией избирателей.

Мы исходим из того, что электронное голосование является новым механизмом политического участия, построенным на базе сетевой структуры организации общества, которая предполагает обмен информацией между индивидами, социальными группами и социальными институтами посредством электронных коммуникаций. Сеть электронного голосования имеет потенциал для разрешения конфликта за власть между политическими акторами и обеспечения обмена информацией об электоральном выборе между государством и обществом.

Согласно подходу М. Кастельса, источник власти в сетевом обществе — это создатель и отправитель сообщения, которое передается по каналам коммуникации. Сетесозидающей сетью, которая проектирует другие сети, являются государства и коммерческие компании. Для сети электронного голосования сетесозидающей сетью выступает государство, где наиболее важными узлами являются парламент и глава государства, которые программируют параметры электронного голосования, заключая их в форму избирательного законодательства.

Государство выступает программистом, настраивающим сеть электронного голосования и передающим сообщения программируемым. Для государства успех выражен в таких показателях, как рост явки избирателей или предотвращение ее снижения, доверие общества к результатам выборов, минимизация человеческих ресурсов на проведение выборов. Программист сети электронного голосования пытается запрограммировать избирателей на доверие к сети и участие в выборах через передачу сообщений, осуществляющих фрейминг индивидуального и массового сознания. Под фреймингом понимается представление информации в заданных рамках с целью формирования общественного мнения, отличающегося от реального положения дел [Грачев М.Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга // Век информации. 2018. Т. 2. № 2. С. 94–96].

Цель сети электронного голосования определяется целью государства, которая заключается в самосохранении, достигаемой с использованием сети электронного голосования. Целью сети электронного

голосования является конвенциональное политическое участие, реализуемое посредством привлечения, удержания и контроля аудитории избирателей. В результате обеспечивается политическое управление и воспроизводство государственной власти.

Описываемые отношения внутри сети показаны на рис. 1.

Избиратели, которые не поддались на программирование сетью и не доверяют итогам голосования, формируют инициативы об изменении или отмене электронного голосования и передают их в общественные организации, представляющие контрвласть. Организатор выборов и компания-оператор обрабатывают поступившие требования, формулируя рекомендации для сетесозидающей власти. Сетесозидающая власть принимает решение об удовлетворении или отклонении поступивших требований и передает свое решение вниз для организатора выборов, компании-оператора и общественных организаций.

Сетесозидающая власть заинтересована в навязывании своих «правил игры» обществу и пойдет на удовлетворение требований контрвласти только в случае значительного общественного давления, угрозы или реализации рисков неконвенционального политического участия.

Таким образом, целью сети электронного голосования является конвенциональное политическое участие, реализуемое посредством привлечения, удержания и контроля аудитории избирателей. Электронное голосование имеет потенциал для развития партисипативной демократии, но в настоящее время государства сдерживают его, используя электронное голосование для политического управления.

Фенин К.В.
МГИМО МИД России, Москва

МЕХАНИЗМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРАЙМЕРИЗ ПАРТИЙ «ДВИЖЕНИЕ ПЯТИ ЗВЕЗД» И «ПОДЕМОС» КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ

Праймериз, или предварительные выборы, является процессом отбора кандидата для участия в основных выборах наряду с кандидатами от других партий. На формат праймериз большое влияние оказывают политические цели партий, их идеологические принципы и организационный механизм. Поэтому мы можем встретить совершенно разные формы предварительных выборов, в том числе с применением электронных технологий. В качестве объектов для исследования были выбраны партии Испании и Италии. Выбор объясняется наличием в этих странах консолидированного демократического режима и политических феноменов, которые отражают эволюцию концептов прямой демократии и партийности.

Для понимания современных политических трендов и генезиса партий «альтернативы» необходимо обратиться к историческому контексту. К началу 1990-х годов все отчетливее стали проявляться процессы деидеологизации, размывания социальных размежеваний («кливаджей»). Установившаяся в 1990-х годах политика «мейнстрима» обозначила собой «парадоксальное соединение право- и левоцентристских партий, данная практика стала безальтернативной»¹. Тем не менее следование данным принципам привело к отрыву партийного истеблишмента от своих избирателей.

Появившийся запрос на альтернативу был заполнен новыми партиями, которые с трудом могут быть атрибутируемы в рамках существующих партийно-идеологических платформ. К подобным движениям относят в том числе «Движение пяти звезд» в Италии и партию «Подemos» в Испании. Данные акторы используют антиэлитные настроения и отвергают классическое партийное устройство, поэтому механизм проведения праймериз в этих партиях представляет научный интерес.

Действующий механизм проведения праймериз «Движения пяти звезд» основан на новом Уставе партии, принятом в 2021 г. В соответствии с документом, создается Ассамблея² — орган, который включает всех членов партии, имеющих право голоса. Избирательное право участники движения получают через 6 месяцев после вступления в организацию. Инициирование процедуры праймериз остается в руках партийного руководства. Сам процесс волеизъявления проходит в течение 1–2 дней, но должен занять не менее 10 часов.

Рассматривая систему голосования, важно отделить предварительные выборы, где цель — избрать кандидатов от партии для участия уже в непосредственных выборах от внутрипартийного голосования по вопросам участия в коалиции или внесения поправок в Устав движения. Второй тип можно охарактеризовать как внутрипартийный «референдум», поскольку участники голосования имеют только два варианта: согласиться с предлагаемым решением или выступить против него. Решения принима-

¹ *Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е.* Политика «мейнстрима» и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к «невозможной политике?» // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 12.

² Официальный сайт «Движение пяти звезд». URL: <https://www.movimento5stelle.eu/organigramma/> (дата обращения: 07.07.2022).

ются абсолютным большинством независимо от явки участников голосования. Процесс организован автоматически, после завершения голосования происходит подсчет голосов и публикация результатов на сайте «Движения пяти звезд». Устав партии предусматривает возможность пересмотра результатов при наличии сомнений в честности и легитимности голосования.

Для расширения гражданского участия в политической жизни партия «Подемос» предложила комплексную стратегию проведения внутрипартийных выборов, с различными системами голосования. Для организации праймериз создаются избирательные комиссии, которые определяют формат проведения. Активным избирательным правом обладают члены партии, зарегистрированные на партийной платформе и подтвердившие свою личность не менее чем за 10 дней до голосования. Пассивное избирательное право доступно всем гражданам Испании, которые соответствуют требованиям, предъявляемым к кандидату на выборную должность.

Как и в случае с «Движением пяти звезд», необходимо разграничить праймериз в коллегиальные органы и отбор кандидатов на отдельную выборную должность. Праймериз на пост лидера партии или на первое место в избирательном списке проводятся следующим образом: избиратель должен выбрать одного кандидата, в данном случае используется система простого большинства. Отбор кандидатов в остальную часть избирательного списка организован по методу Борда, который способствует представительству меньшинств и политическому плюрализму. Его суть состоит в том, что каждый избиратель ранжирует всех кандидатов строго по убыванию предпочтения.

Применение электронных праймериз позитивно повлияло на расширение электората указанных партий и укрепило их позиции на политической арене. С другой стороны, нельзя говорить о кардинальном росте числа участников праймериз и качественном изменении степени влияния обычных членов партии на политику организации.

Филатова О.Г.
СПбГУ, Университет ИТМО, Санкт-Петербург

ПУБЛИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ГРАЖДАН И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЭКОСИСТЕМЕ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Многочисленные научные исследования (в частности, представленные нами на предыдущих конференциях РАПН) свидетельствуют о том, что Интернет — и, прежде всего, социальные сети — увеличивает возможности граждан влиять на формирование политики, а удовлетворение граждан от отзывчивости государства к их электронным запросам положительно коррелирует с воспринимаемой прозрачностью власти и ростом доверия к ней. Большой потенциал для изучения таких возможностей предоставляет медиаэкологический подход. Например, Стивен Коулман и ряд других исследователей подчеркивают интегративное значение теоретической основы медиаэкологии (или информационной экологии) для объяснения способов, которыми граждане и их сообщества коммуницируют друг с другом.

В марте–апреле 2022 г. мы провели исследование, представив муниципалитеты как уникальные административные, управленческие и экологические системы, которые обеспечивают коммуникативное взаимодействие между органами местного самоуправления и гражданами. На наш взгляд, в настоящее время недостаточно данных, позволяющих понять, какие медиатехнологии представлены на муниципальном уровне. Взаимосвязаны ли они в разных коммуникативных средах (в среде сайтов, социальных сетей и мобильных приложений) настолько, чтобы создать целостную инфраструктуру в техническом, социальном и человеческом плане в качестве медиасистемы, когда ее различные компоненты взаимно дополняют друг друга?

Основная цель проведенного нами количественного исследования — получить эмпирические данные об экосистеме цифровых медиакommunikаций на муниципальном (низовом) уровне на примере Санкт-Петербурга, который является регионом-лидером России во многих сферах цифровой трансформации¹. Для этого каждое из 111 внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга было изучено с точки зрения инфраструктуры цифровой коммуникации граждан и органов местного самоуправления. Выявлялись все доступные сервисы такого взаимодействия с учетом основного типа медиа (сайт, страница в социальной сети или мобильное приложение), включая его статус, т.е. (1) официальные, созданные муниципальными властями, (2) общественные, созданные неправительственными организациями и (3) личные. В качестве самостоятельных сервисов предоставления информации,

¹ В регионе реализуется «Стратегия цифровой трансформации Санкт-Петербурга до 2024 года» и внедряется новая модель предоставления услуг горожанам в цифровом виде — Экосистема городских сервисов (ЭГС), включающая в себя мобильные приложения, цифровые сервисы от государственных и сторонних разработчиков, а также приложения и чат-боты в соцсетях и мессенджерах (см.: URL: <https://petersburg.ru/>).

консультации, сотрудничества или принятия решения рассматривались страница в социальной сети, разделы меню сайтов, канал или чат в мобильных приложениях и мессенджерах.

По итогам исследования выяснилось, что в 111 муниципальных образованиях Санкт-Петербурга на момент завершения исследования было доступно 475 медиаресурсов, предоставляющих почти 4000 сервисов. Основным типом медиа, доступным на муниципальном уровне, составляющим 50% всех доступных ресурсов, являются социальные сети, а веб-сайты и мобильные приложения составляют другую половину примерно в равных долях (26 и 24% соответственно). Что касается статуса медиа, то в категории веб-сайтов и мобильных приложений с большим отрывом доминируют официальные ресурсы муниципальных органов власти. Монополия органов местного самоуправления снижается в социальных сетях, где возрастает роль страниц, имеющих статус общественных (табл.1).

Таблица 1

Количество медиаресурсов и сервисов

Тип медиа	Статус		
	Официальные	Общественные	Личные
Веб-сайты	110	15	0
Страницы в социальных сетях	129	104	5
Мобильные приложения	105	7	1
Всего медиаресурсов	344	126	6
Всего сервисов	3,184	650	6

Необходимо подчеркнуть, что для официальных муниципальных медиаресурсов подавляющее большинство сервисов связано с предоставлением информации (74%), в то время как различные формы двусторонней обратной связи распространены значительно меньше (16%), существует очень мало сервисов, связанных с организацией общественных обсуждений и участием граждан в принятии решений. Причем заметно, что для общественных ресурсов предоставление информации также доминирует (59%), хотя роль общественных консультаций и дискуссий для них, несомненно, важнее, так как основными медиаресурсами, используемыми общественностью, являются все же социальные сети.

Таким образом, пока нельзя утверждать, что муниципальные образования построили технологически и социально зрелые инфраструктуры, которые можно было бы рассматривать как целостные экосистемы коммуникации граждан и органов местного самоуправления, способствующие расширению прав и возможностей граждан. Причем интерактивные формы электронного участия в политике, к сожалению, остаются доступными в гораздо меньшей степени по сравнению с информационным обеспечением. Возможно, ситуация изменится в связи с вступлением в силу с 1 декабря 2022 г. Федерального закона № 270-ФЗ, в соответствии с которым государственные органы, органы местного самоуправления и подведомственные организации должны создавать и вести официальные страницы в социальных сетях. Поэтому представляется необходимым и дальше проводить исследования в данном направлении, позволяющие выявлять, прежде всего, социальную эффективность и результативность публичной коммуникации граждан и власти в экосистеме цифровых сервисов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Фоминых А.Е.
МарГУ, Йошкар-Ола

ТРАНСГРАНИЧНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ И РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Центральная Азия остается динамично растущим рынком международного образования. Так, в первые десятилетия XXI в. количество молодежи из пяти постсоветских стран Центральной Азии, обучающейся за рубежом, почти удвоилось и продолжает расти, в то время как национальные университеты пока оказываются неспособны удовлетворить растущий спрос на высшее образование. Данные Института статистики ЮНЕСКО показывают, что большинство академических мигрантов из Центральной Азии направляется в Россию, где в настоящее время они составляют около 40% от общего числа иностранных студентов (*UNESCO Institute of Statistics, 2021. Global Flow of Tertiary-Level Students*). Кроме того, российское правительство продолжает спонсировать «входящую» мобильность

посредством предоставления бюджетных мест по квоте и через зачисление в качестве российских соотечественников.

Помимо России, значительные усилия для привлечения студентов из Центральной Азии прилагают США, Великобритания, Германия, Китай, Турция и исламские страны. Говоря о собственно центральноазиатских схемах поддержки международного образования, следует отметить казахстанскую программу стипендий для обучения за рубежом «Болашак», призванную стать частью национальной программы модернизации (при этом большинство стипендиатов выбирают для обучения западные вузы).

Пандемия COVID-19 негативно сказалась на академической мобильности во всем мире, вызвав полное или частичное прекращение международных поездок, введение карантина и форсированное внедрение цифрового образования. Многочисленные опросы среди студентов, преподавателей и экспертов выявили серьезную уязвимость существующих схем академической мобильности, таких как недостаточный уровень помощи иностранным студентам, проблемы с обучением, финансовые и психологические трудности. Спецификой российского высшего образования в период пандемии, помимо перехода на «дистант», стало заметное ужесточение миграционного законодательства, что отразилось на увеличении административной нагрузки как на самих иностранных студентов, так и на международных службы вузов.

К 2022 г. ситуация начала постепенно выправляться, однако начало специальной военной операции на Украине породило новые риски трансграничной студенческой миграции не только в странах, непосредственно вовлеченных в конфликт, но и в гораздо более широких масштабах. Все без исключения страны Центральной Азии, а также Индия и ряд других государств были вынуждены осуществить оперативную эвакуацию своих сограждан, включая достаточно многочисленные сообщества студентов, с украинской территории. Российские университеты, в первую очередь те, руководство которых подписало обращение в поддержку СВО, стали объектом жестких санкций со стороны Запада, что выразилось в разрыве или приостановке совместных программ и проектов, договорных отношений, исключении российских представителей из состава международных образовательных и научных ассоциаций и т.д. Ответной реакцией стали предсказуемые призывы к выходу из Европейского пространства высшего образования, нивелированию достижений Болонского процесса. Одновременно тысячи иностранных студентов российских вузов сталкиваются со стрессом неопределенности, вызванным возникшими весной 2022 г. сложностями в логистике, финансовом обеспечении проживания и обучения в России, будущего признания российских документов об образовании.

Текущий кризис, вероятно, приведет к перенастройке всего ландшафта международного образования в Евразии. Для российских университетов, ранее массово вовлеченных в европейские программы академической мобильности и научного сотрудничества, «разворот на Восток» превращается в необходимость. Однако сохранить и тем более нарастить российское культурно-гуманитарное присутствие в Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии в условиях новых рисков будет непросто.

Фролов А.А.
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль

КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ В ПОЛИТИКЕ

Ежегодно мы можем наблюдать разнообразные трансформации в интернет-пространстве, появление новых технологий и трендов и в целом смену парадигмы коммуникации в Интернете. Многие исследователи выделяют условные этапы развития Интернета. Первый этап Web 1.0 связывают с однонаправленной демонстрацией контента в первую очередь на сайтах. Второй этап Web 2.0 включил в себя технологии сетевого взаимодействия акторов, создателей информации и простых пользователей. Акценты в данном этапе делаются на улучшение интерфейса и адаптивность технологий и процессов, а также на появление возможности создавать контент простым пользователям. Третий этап Web 3.0 делает упор на технологии, связанные с обработкой больших данных уже не человеком, а с помощью машинного обучения, внедрения искусственного интеллекта, блокчейн-технологий, которые содействуют децентрализации и большей целостности, сохранности «авторства» информации.

Трансформации развития Интернета видятся и в большей вовлеченности населения в онлайн-среде. Согласно информации ежегодных отчетов о состоянии цифровой сферы «*Digital 2022 Global Overview Report*» количество интернет-пользователей с 2010 г. увеличилось более чем в 2 раза. Огромный прирост пользователей показывают социальные сети, в которых прослеживается увеличение за последние 10 лет более чем в 3 раза. Цифровое пространство сегодня использует механизмы для объединения участников, обмена информацией и ресурсами, организации процессов и координации целей. Новые вызовы для мира, связанные с периодом пандемии, вызванной распространением COVID-19, продемонстри-

ровали активный переход бизнеса в направление электронной коммерции (*e-commerce*). Государственный сектор также подвергся преобразованиям. Органы власти активно переводят часть оказываемых услуг для граждан в онлайн-пространство, формируют законодательство в данном направлении. Так, одной из последних поправок в федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» стала обязанность органов государственной власти и местного самоуправления вести официальные страницы в социальных сетях (ВКонтакте и Одноклассники). Таким образом, современное интернет-пространство постоянно формирует новые формы активности, досуга и взаимодействия на межсекторном уровне. Одним из направлений, в котором рассматриваются данные процессы, является экосистемный подход (в частности, в политике).

Понятие экосистемы изучается в разных направлениях и областях знаний: биологии, праве, интернет-технологиях, экономике, политике и других. Цифровую экосистему в политике можно определить как совокупность способов и сервисов в цифровой среде, доступ к которым обеспечен через единый аккаунт и единое приложение, главной целью которых является удовлетворение наибольшего числа общественных и политических потребностей граждан. На данный момент цифровая политическая экосистема РФ представляет собой ряд публичных сервисов, которые предоставляют доступ к различным государственным услугам, центральным из которых является — Единый портал госуслуг (Госуслуги) с системой ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации).

Портал «Госуслуги» дает возможность гражданам РФ и зарегистрированным организациям получать сведения о государственных и муниципальных услугах. Также портал интегрирован с другими сервисами: портал для выдвижения и поддержки общественных инициатив (РОИ); сайт Федеральной налоговой службы и др. Данный сервис является хорошим базисом для формирования полноценной государственной цифровой экосистемы. Однако одним из существенных отличий данного сервиса от классических экосистем, которые в первую очередь представлены в экономике, является отсутствие единого брендинга и неравномерность включения региональных практик в разных субъектах РФ в общую систему портала. Так, в регионах страны функционируют похожие по целям сервисы, однако использующие другой брендинг и разные функциональные возможности: в Москве действует система «Активный гражданин», в Ярославле «Решаем вместе» и др. Также видится необходимость более глубокой интеграции каналов для коммуникации граждан с властью в данную экосистему. Первым в данном направлении стало внедрение с 2020 г. системы «Платформа обратной связи» (ПОС), в функционал которой включена возможность направить обращения в государственные органы и органы местного самоуправления по широкому спектру вопросов, участвовать в опросах, голосованиях и общественных обсуждениях.

Делая вывод, можно сказать, что цифровые экосистемы в пространстве современной российской политики активно функционируют, развиваются и с течением времени, увеличением доли граждан с высоким уровнем цифрового доверия к цифровым институтам, сокращением цифрового неравенства и расширением законодательной базы, регулирующей цифровое пространство, у них есть большие перспективы стать ключевым пространством политики в будущем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта № 22-28-01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития».

Фролова Ю.Н.
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СЕПАРАТИЗМА В ЕВРОПЕ: КЕЙС СТРАНЫ БАСКОВ

Сепаратизм, в частности одна из его форм — сецессионизм, является одним из глобальных вызовов для значительного количества государств и регионов мира. Основная угроза суверенитету государства, чаще всего, видится в сецессионистской версии сепаратизма (непосредственное отделение территории от государства), однако здесь стоит учитывать и угрозу, формируемую автономизмом, как формой сепаратизма, требующей не непосредственного отделения территории от государства, а углубления прав и полномочий конкретного региона, в результате чего государство трансформируется изнутри. При всем многообразии форм сепаратизма развитие научной мысли позволяет делать предположение о возможности поиска общих закономерностей и предлагать варианты разрешения проблем.

Баскский кейс в этом плане примечателен. Будучи одними из древнейших жителей Европы с уникальным языком, который не принадлежит ни к одной языковой группе, баски имеют длительную историю борьбы за независимость. При этом сам факт исторической баскской государственности (на существование которой часто ссылаются сепаратисты) сегодня остается под вопросом. История

баскского конфликта богата различными периодами как по своим количественным характеристикам, так и качественным. С одной стороны, это один из печально известных военизированных конфликтов с большим террористическим прошлым и деятельностью группировки ЭТА (была распущена в 2018 г.), с другой — сегодня он представляет собой уже совсем другую форму конфликта со стандартными политическими формами участия, в рамках которых националистические партии по-прежнему занимают лидирующие места в парламенте региона и характеризуются как обширной поддержкой населения, так и способностью вести конструктивный диалог с Мадридом по региональным вопросам. В связи с этим баскский сепаратизм представляется достаточно устойчивым явлением, умеющим «адаптироваться» под политические реалии.

Несмотря на значительное количество исследований данного конфликта, в его истории остается некоторое количество «белых пятен», заполнение которых является важным как для самого региона, так и для исследований ряда других сепаратистских конфликтов. Среди таких особенностей: поиск общего «примирительного» нарратива произошедшего; проблема правосудия переходного периода — совокупности механизмов, необходимых обществу для преодоления крупных кризисов и систематичных нарушений прав человека; проблема формирования современной региональной идентичности; вопросы актуализации и трансформации националистического дискурса ключевых партий региона и другие. Влияние регионального конфликта не стоит недооценивать и применительно ко всей Европе (не только ЕС) в целом, особенно учитывая процессы интеграции, рост взаимозависимости и взаимовлияния государств и регионов, трансформацию классического понимания суверенного государства, а также популяризацию концепции «Европы регионов», выражающейся во все большей самостоятельности регионов Европы и их функционировании в сходном и однородном политическом и правовом поле.

Толчком к данному исследованию стало возобновление дебатов об обновлении Статута Герники (Статута автономии Страны Басков 1979 г., в котором закреплены основные региональные полномочия) со второй половины 2021 г. Некоторые ключевые моменты этой дискуссии и текущие региональные инициативы басков в Европейском союзе привлекают внимание и, вероятно, указывают на новые тенденции в развитии сепаратизма: как в контексте транснациональных и постнациональных тенденций, так и в контексте практик безопасности на социальном уровне секьюритизации. В основе методологии исследования — «обоснованная теория» (*grounded theory*), теория секьюритизации, теории транснационализма. Методы исследования: качественный анализ данных (*QDA*). В результате анализа сформулированы следующие выводы: современный этап баскского сепаратизма характеризуется двойственным пониманием целей самоопределения ключевыми националистическими силами региона. Наиболее радикальные партии идут по пути секьюритизации сепаратизма на социетальном уровне. Секьюритизация как практика возведения какой-либо проблемы в ранг экзистенциальной угрозы может вести к крайним формам политизации процесса, вплоть до терроризации и развития экстремизма¹. Как следствие, подобные процессы способствуют дестабилизации политической системы ввиду того, что предусматривают возможность использования актором любых, даже исключительных мер. Одновременно умеренные националистические силы формулируют запрос на новый уровень отношений между Страной Басков и Испанией, Страной Басков и Европейским союзом, Страной Басков и другими регионами, что в свою очередь позволяет характеризовать новый этап баскского самоуправления как националистический и транснационалистический одновременно.

¹ Макарычев А. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14. № 4 (87). С. 25–40.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЛОББИЗМ В УСЛОВИЯХ СТАБИЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ПРОДВИЖЕНИЕ «ЗЕЛеной» ПОВЕСТКИ

В современных реалиях динамично меняющегося мира, характеризующегося международной турбулентностью, возникает острая необходимость в определении направлений и приоритетов политики, соответствующих текущим рискам и угрозам. Наравне с энергетической, экологическая проблема также является одной из центральных в политической повестке Европейского союза, продвижение которой осуществляется как «сверху вниз», так и «снизу вверх». «Зеленая» повестка дня активно внедряется усилиями руководства ЕС и стран-лидеров в области «чистых и зеленых» технологий. Существующие различия в социально-экономическом развитии государств-членов, а также в политических приоритетах создают расхождения в процессе актуализации и реализации политики. Особенно заметны различия в соотношении приоритетов на региональном, национальном и наднациональном уровнях. Большую значимость приобретают низовые общественные организации и движения, численность которых возрастает параллельно с актуализацией и алармизацией экологической и климатической повестки. Они стремительно завоевывают влияние и активно участвуют в политическом процессе, особенно в государствах, где наблюдается слабое экологическое представительство или его отсутствие, которое приводит к снижению чувствительности политики к экологическим проблемам и игнорированию их при дальнейшей разработке политики. Рассмотрение приоритетов и процессов формирования политической повестки требует анализа потенциала «низовых» сетей в политическом процессе, а также их роли в политической системе.

Экологические группы интересов, представленные некоммерческими организациями, корпорациями, экологическими аналитическими центрами, академическим сообществом и экспертами, являются постоянными участниками политического процесса на микро- и макроуровнях. «Зеленая» повестка рассматривается как объединяющая и может стать связующим звеном между конкурирующими или конфликтующими субъектами. Тем не менее, по мере популяризации экологической тематики и осуществления первых политических мер, начинает проявляться противоположная деконсолидирующая тенденция на фоне социально-экономического неравенства. Это ведет к усилению и интенсификации борьбы групп интересов.

В рамках ЕС малые общественные организации и движения имеют возможность выхода на наднациональный уровень. Тенденции и специфика распределения финансирования в ЕС в пользу регионов и «зеленых» местных практик, а также общая поддержка представителей ЕС климатического и экологического курса позволяют расширить свое влияние локальным общественным объединениям. Усиление таких организаций и общественная поддержка, с одной стороны, и повышение европейских экологических стандартов, с другой, способствуют давлению на правительства и продвижению экологических приоритетов.

Итальянская некоммерческая организация *Zero Waste Italy* («Ноль отходов»), которая неформально зародилась в ответ на кризис управления отходами в Неаполе, является одним из примеров постепенного продвижения экологических целей и «зеленых» практик на разных уровнях в условиях слабого экологического представительства. Организация использует различные способы и каналы для продвижения своей повестки: встречи с представителями партий региональных отделений, глав муниципалитетов, компаний, других НКО, они также проводят и активно участвуют в конференциях различного формата. Сетевая форма организации позволяет работать сразу на нескольких направлениях как с общественностью, так и с политическими представителями одновременно на региональном, национальном и наднациональном уровнях. Успех таких НКО связан с учащением природных катастроф, аномалий, увеличением масштабов антропогенного влияния и социально-экономическими последствиями от них, а также с ростом экологической озабоченности, сознания и формированием экологической идентичности.

Несмотря на успех экологических организаций в продвижении приоритетов и экологических практик на локальном уровне, заметен глубокий разрыв между политической повесткой и самой реализацией политики. Новые средства коммуникаций, способы продвижения повестки и ее популяризации, а также способы влияния на общественное мнение позволяют обходить традиционные способы взаимодействия. Наблюдается слабая связь с политическим представительством, что свидетельствует о кризисе политической системы и института представительства.

ВАЛИДНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ТИПОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ К АНАЛИЗУ АРАБСКИХ СТРАН

В сравнительной политологии сложился устойчивый консенсус относительно категоризации режимов арабских стран, за исключением Туниса и Ливана, в качестве авторитарных. Однако, если вспомнить слова Б. Геддеса о том, что авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии, встает вопрос о валидности применения известных классификаций и типологий недемократических режимов к арабским политическим реалиям. В докладе рассматриваются две основные базы политических режимов — *GWF* (сокр. от *Geddes, Wright, Frantz*) и *HTW* (*Hadenius, Teorell, Wahman*).

В своей классификации недемократических режимов А. Хадениус и Ж. Теорель выделяют также монархии, военные и электоральные режимы, причем эти категории не являются взаимоисключающими, хотя примеров военно-монархического типа не было. В качестве отдельных подкатегорий выделяются беспартийные, однопартийные, многопартийные, повстанческие и их различные сочетания. Согласно этой классификации режим Хосни Мубарака в Египте является ограниченным многопартийным, а режим ас-Сиси — военно-беспартийным в 2013 г. и военно-многопартийным с 2014 г.

Б. Геддес выделяет однопартийные, военные, персоналистские режимы и их различные сочетания, а также наследственные монархии и теократические режимы. Однако данная классификация представляется несколько упрощенной, так как она не всегда улавливает политические изменения внутри авторитарного режима. Например, египетский режим от Мохаммеда Нагиба до Хосни Мубарака классифицируется как непрерывный военно-персоналистско-однопартийный режим, что не учитывает произошедших институциональных изменений (легализация политических партий, введение многопартийных парламентских и альтернативных президентских выборов, введение квоты (64 места) в нижней палате для женщин и др.). Новые черты авторитарной институционализации отражены в базе *HTW*, где в этом периоде выделяются два типа режимов: однопартийный режим партии Арабский социалистический союз и многопартийный с доминирующей Национально-демократической партией.

Главное отличие между базами заключается в разной концептуализации и операционализации персоналистских режимов. Часть политологов (С. Хантингтон, Б. Геддес, Э. Франц и др.) отдельно выделяют персоналистские режимы. Другие авторы (А. Хадениус и Ж. Теорель, Дж. Ганди, Б. Магалони) считают, что персонализм в той или иной степени характерен для всех авторитарных режимов и не составляет отдельной категории. Поэтому режим в Сирии и Ираке (Саддам Хусейн) в базе *GWF* является военно-персоналистско-однопартийным, а в базе *HTW* — военно-однопартийным.

В исследовании Б. Геддес, Э. Франц и Дж. Райта в качестве определяющей характеристики персонализма понимается контроль со стороны «персоны» над всеми уровнями власти. Для создания индекса персонализма авторы используют восемь бинарных переменных (создание лидером собственной партии, контроль лидера над аппаратом безопасности и др.), которые сильно коррелируют между собой. Создание подобных индексов для недемократических режимов требует от исследователя наличия не только экспертных знаний, но и инсайдерской информации, которая чаще всего не может быть верифицирована.

На основе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. *Во-первых*, в известных качественных классификациях, нацеленных, как правило, на проведение глобальных сравнительных исследований, концепт арабского авторитаризма предстает либо «растянутым», либо «усеченным». *Во-вторых*, количественные исследования используют всеохватные концепты гибридного режима, или авторитаризма с прилагательными, а гибридные режимы, по мнению Л. Морлино, представляют собой «оптическую иллюзию», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и как «авторитаризмы с прилагательными». Анализ исследований арабских кейсов подтвердил его правоту. Так, авторитарный режим ас-Сиси в зависимости от концептуализации и операционализации называют гибридным, несоревновательным и соревновательным, популистским и непопулистским, военным, однопартийным, многопартийным с доминирующей партией.

Учитывая полученные результаты, автор предлагает использовать в анализе арабских режимов четырехуровневую таксономизацию. На первом уровне анализа используется трихотомия (демократический, гибридный, авторитарный режимы), на втором — институционально-фокусированная классификация А. Хадениуса. На третьем уровне учитывается основа легитимации режима, в том числе традиционная (монархия), религиозная, харизматическая и популистская, включая различные их сочетания. На четвертом уровне добавляются факторы устойчивости политического режима, в том числе идеи, ресурсы (режимы-рантье), репрессии и WOW-факторы. По мнению некоторых

авторов, режим ас-Сиси при отсутствии харизматической основы замещает ее популистскими WOW-проектами большого масштаба. (Хрестоматийным примером таких проектов выступает «Великая рукотворная река» в Ливии.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922А «Арабское государство после «арабской весны»: траектории и динамика политических трансформаций».

Хаткевич А.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

БРИКС И ШОС КАК ФОРМАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Научная дипломатия представляется на современном этапе актуальным для исследования феноменом международных отношений. Состав акторов международных отношений усложняется, появляются и концептуализируются новые виды дипломатии. Научная дипломатия, которую принято рассматривать в трех измерениях: наука в дипломатии, дипломатия для науки, наука для дипломатии¹ — реализуется государствами в двустороннем и многостороннем форматах. Многостороннее международное взаимодействие во многом ассоциировано с деятельностью международных объединений. В настоящее время в политическом и экспертном дискурсе часто упоминаются БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в контексте происходящего в текущий период или потенциального расширения данных объединений. В современности они рассматриваются как площадки для сотрудничества в разных сферах, в числе которых — наука, технологии и инновации.

Группа стран БРИКС изначально позиционировала себя как неформальное международное объединение экономического профиля. На сегодняшний день БРИКС является многопрофильным объединением с разветвленной институциональной структурой. Ряд институтов был создан в рамках БРИКС для достижения странами-членами договоренностей по поводу научно-технологического сотрудничества. Соответственно, эти институты могут быть названы институтами научной дипломатии. Среди них — Академический форум, Форум молодых ученых, встречи Министров науки, технологий и инноваций, рабочие группы организационного (по исследовательским инфраструктурам и проектам класса мегасайенс, по финансированию науки, технологий и инноваций и др.) и тематического (по новой и возобновляемой энергетике и энергоэффективности, по сотрудничеству в океанической и полярной зонах исследований и др.) характера. В Рамочную программу БРИКС по науке, технологиям и инновациям (2016) входит проведение ежегодного конкурса многосторонних научно-исследовательских проектов стран БРИКС, в результате которого получают поддержку проекты научных коллективов, состоящих из научно-исследовательских организаций представителей стран БРИКС.

Для России БРИКС выступает форматом реализации всех измерений научной дипломатии. Наука в дипломатии осуществляется на экспертном уровне, в основном в рамках Гражданского и Академического форумов стран БРИКС: с участием российских экспертов вырабатываются политические рекомендации, которые затем рассматриваются в ходе Саммитов БРИКС. Результативность дипломатии для науки выражается, например, в том, что российские ученые участвуют в проведении многих исследований, осуществляющихся по итогам конкурса многосторонних научно-исследовательских проектов. Наука для дипломатии заключается в том, что постоянная совместная реализация научно-исследовательских проектов поддерживает и укрепляет научные связи между странами БРИКС, что в свою очередь содействует укреплению политических связей.

Функционирование ШОС изначально было направлено на взаимодействие в таких областях, как политика и безопасность, торговля и экономика, культура и гуманитарное сотрудничество. Наука в качестве отдельного направления взаимодействия не выделялась. Тем не менее, необходимость научной поддержки всех трех направлений деятельности ШОС привела к началу процесса формирования научного направления сотрудничества, институционализации научной дипломатии в рамках данной межправительственной организации. Институты научной дипломатии, созданные в рамках ШОС за время существования объединения, — Совещание руководителей министерств и ведомств науки и техники, Рабочая группа по научно-техническому сотрудничеству государств-членов, Форум ШОС и др. Научная дипломатия в рамках Шанхайской организации сотрудничества не обладает такой же степенью устойчивости, как в случае с БРИКС, но политико-правовая и институциональная основы для развития системы реализации научной дипломатии в рамках объединения существует.

¹ New frontiers in science diplomacy // Royal Society. 2010. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf (accessed: 09.09.2022).

В условиях глобальной турбулентности БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества могут трактоваться как релевантные площадки для реализации российской научной дипломатии. Научная дипломатия России, осуществляемая в рамках данных объединений, может оказывать поддерживающее влияние на взаимодействие России с Индией и Китаем. Поскольку с государствами, входящими в БРИКС и ШОС, у России выстроен конструктивный политический диалог, научное сотрудничество России с этими странами, как полагают специалисты, будет оставаться в настоящий период стабильным. Ограничение возможностей для международного научно-технологического сотрудничества России, которое наблюдается в текущей ситуации, — политический вызов, ответом на который может стать развитие российской научной дипломатии в рамках объединений БРИКС и ШОС.

Хачатрян В.А.
МГИМО МИД России, Москва

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

Актуальность изучения образа государства обусловлена интенсификацией исследований в области когнитивных факторов, влияющих на процесс принятия политических решений, развитием политической коммуникации как подопласти политологии, влиянием концепций мягкой и умной силы Джозефа Ная [16, 17]. Помимо вышеперечисленного, образ государства играет важную роль в выстраивании национальной идентичности. Сложно недооценить преимущества, которые государство получает, если его образ в глазах другого государства воспринимается в положительном ключе, а также угрозы, которые могут исходить из того, что этот образ воспринимается негативно.

Теория международных образов — это «теория стратегического принятия решений, которая идентифицирует первичные суждения, определяющие международные образы или стереотипы и выбор международной политики» [15, С. 27]. Ряд исследователей международных отношений занимались анализом влияния и последствий образов стран друг о друге. Одним из первых, кто обозначил важность международного образа и выделил его измерение, был Кеннет Боулдинг [7]. Дальнейшее теоретическое развитие было осуществлено Робертом Джервисом, уделявшим большое внимание когнитивным процессам во время принятия политических решений [12, 13]. Так как интерес к образу государства возник во время холодной войны, большинству западных исследователей он изначально был интересен при рассмотрении военных действий и в условиях доминирования неореализма сводился к одному образу — образу врага как к источнику угрозы. Ричард Херманн и Майкл Фишеркеллер решили создать теорию, которая бы расширила картину стратегических образов и позволила бы определить на основании внешней политики страны А в отношении страны В, то какой образ страна В имеет в глазах страны А [9, 10]. Типология возможных образов была позже расширена Ричардом Херманном и Мартой Коттэм [11, 8].

Теория образов несправедливо находилась вне фокуса внимания отечественных исследователей, однако отечественные исследователи разработали свой теоретический фундамент для анализа образа государства. Например, в рамках политической психологии Е.Б. Шестопал разработала критерии оценки восприятия политических лидеров, партий и государств, которые легли в основу политико-психологический подхода [4, 5]. Р.М. Кумышева выделяет три типа образа государства: образ самого себя (*self-image*), воспринимаемый образ (*perceived image*), и проектируемый образ (*projected image*) [3]. Для данного доклада интересен именно воспринимаемый образ, так как именно он занимает центральное место в теории образов. Он также встречается в русскоязычных работах под названием «внешне-неполитический имидж» или «международный образ». Среди других значимых работ важно выделить О.Ю. Шмелеву, Ю.Г. Жеглову [6, 2].

В отечественных исследованиях уделяется минимальное внимание теории образов. В самой же теории образов превалируют негативные определения в противовес одному положительному — «союзник». В этой связи этот доклад призван, с одной стороны, представить теоретические подходы к анализу государства зарубежных и отечественных исследователей, с другой стороны, расширить теорию образов в авторском видении с учетом уже существующих подходов.

Список литературы

1. *Анисимова С.Ш.* Внешнеполитический имидж государства как атрибут современных международных отношений // *Sciences of Europe*. 2021. № 67 (3). С. 42–45.
2. *Жеглова Ю.Г.* Внешнеполитический имидж Российской Федерации: проблема целеполагания // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2015. № 2 (713). С. 43–55.

3. *Кумышева Р.М.* Содержание и структура имиджа страны с теоретических и методологических позиций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 1 (830). С. 196–208.
4. *Шестопал Е.Б.* Образы «других стран» в современной картине мира российских граждан // Вестник российского фонда фундаментальных исследований. 2021. № 2 (204). С. 65–74.
5. *Шестопал Е.Б.* Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций, лидеров. М., 2008.
6. *Шмелева О.Ю.* «Образ государства» как категория политической науки: теоретико-методологические аспекты изучения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. № 13 (4). С. 23–36.
7. *Boulding K.E.* National images and international systems. // *Journal of Conflict Resolution*. 1959. Vol. 5 (2). P. 120–131.
8. *Cottam M.* Images and intervention: U.S. policies in Latin America. 1994. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
9. *Herrmann R. K.*, et al. Images in International Relations: An Experimental Test of Cognitive Schemata // *International Studies Quarterly*. 1997. Vol. 41 (3). P. 403–33.
10. *Herrmann R. K.*, & *Fischerkeller M. P.* Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the cold war. *International Organization*. 1995. Vol. 49 (3). P. 415–450.
11. *Herrmann R.K.*, *Voss J.F.*, *Schooler T.Y.E.*, *Ciarrochi J.* Images in international relations: An experimental test of cognitive schemata. // *International Studies Quarterly*. 1997. № 41. P. 409.
12. *Jervis R.* The Logic of Images in International Relations. Princeton University Press, 1970; *Idem.* System Effects: Complexity in Political and Social Life. Princeton (NJ), 1997.
13. *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton (NJ), 1976.
14. *Kaplowitz N.* National Self-Images, Perception of Enemies, and Conflict Strategies: Psychopolitical Dimensions of International Relations. // *Political Psychology*. 1990. № 11 (1). P. 39–82.
15. *Michele G. A.*, et al. Image Theory, Social Identity, and Social Dominance: Structural Characteristics and Individual Motives Underlying International Images // *Political Psychology*. 2005. № 26 (1). P. 27–45.
16. *Nye J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics, (New York: Public Affairs, 2004).
17. *Nye J.S.* Get Smart: Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. 2009. Vol. 88 (4). P. 160–63.

Храмова Е.В.
КФУ, Казань

ПАРАДИПЛОМАТИЯ ТАТАРСТАНА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СО СТРАНАМИ АФРИКИ

Ключевой формулировкой во всех известных определениях термина «парадипломатия», на наш взгляд, является словосочетание «собственные интересы». Имеется в виду совокупность региональных интересов, направленных на самостоятельное продвижение и развитие взаимодействий региона на международной арене. На заре 1990-х годов у бывших республик СССР вне зависимости от их статуса в составе реструктурирующегося государства появились все шансы на развитие качественно иных отношений не только между собой, но и со всем мировым сообществом.

Так, согласно Статье 6 Конституции РТ «Республика Татарстан в пределах своих полномочий вступает в международные и внешнеэкономические связи с субъектами и административно-территориальными образованиями иностранных государств, иностранными государствами, заключает международные соглашения, обменивается представительствами, участвует в деятельности международных организаций» (Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (с изменениями и дополнениями) // Конституции и Уставы субъектов Российской Федерации. Сайт Конституции Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/chapter/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/).

Основным государственным институтом, формирующим направления внешней деятельности Республики Татарстан, является глава республики. Он осуществляет иные полномочия, возложенные на него Конституцией и законами Республики Татарстан, федеральными законами, а также вытекающие из международных и внешнеэкономических обязательств республики.

Татарстан вносит в систему взаимоотношений России с Африкой достаточно весомый вклад. На настоящий момент спектр стран Африки, с которыми выстроено взаимодействие Республики Татарстан, весьма широк: Сенегал, Гамбия, Кения, Уганда, Зимбабве, Сьерра-Леоне, ОАЭ, Судан, Королевство Бахрейн, ЮАР. Взаимодействие осуществляется в экономической, производственной, культурной, языковой, конфессиональной, спортивной и других сферах.

Торговый интерес для стран Африки в Республике Татарстан представляют: автомобили бренда «КАМАЗ», вертолеты «Ми» от КВЗ, нефтяная продукция, продукция Зеленодольского завода им. Горь-

кого — скоростные пассажирские суда проекта А 145, продукция и реконструкция объектов в странах Африканского континента от компании «Электрошит» и др.

На настоящий момент товарообороты Республики Татарстан со странами Африки весьма невелики. Однако, учитывая временной лаг, в котором система взаимоотношений в принципе была разрушена и восстанавливается (фактически формируется заново) за весьма короткий по историческим меркам срок, темпы прироста весьма обнадеживающие.

Образовательные услуги — в принципе одно из наиболее динамично развивающихся направлений взаимодействия между РТ и странами Африканского континента. В числе лидеров по количеству студентов, обучающихся в татарстанских вузах, выступают такие страны, как Египет, Ливия, Танзания, Конго, Зимбабве, Габон и др. Наиболее востребованными направлениями обучения сегодня являются ИТ, специальности нефтегазового сектора, специальности, связанные со строительством новых производств. Кроме того, классическими уже давно стали такие образовательные направления, как медицина, экономика, менеджмент.

Нужно особо отметить, что парадипломатия со странами Африки не носит периодического или хаотичного характера, а выстраивается Республикой Татарстан на основе системного подхода. Республика ежегодно проводит ряд значимых международных событий, имеющих интеграционный характер: Международный экономический саммит «Россия — Исламский мир: *Kazan Summit*» (*Kazan Summit*), «Международный форум *Kazan Digital Week*», «Татарстанский международный форум по энергетике и энергоресурсоэффективности» и др. Только на площадке *Kazan Summit* ежегодно в числе ведущих спикеров представители государственных структур ОАЭ, Египта, Республики Судан, Республики Сьерра-Леоне, Мозамбика, Уганды, Буркина-Фасо, Кении, Туниса, Алжира, ЮАР, Ливии, Сомали, Федеративной Республики Нигерия и др. Саммит объединяет на своих площадках гостей по интересам в сегменте производства, культуры, образования, исламского быта (халяль, индустрия моды), энергетики, ресурсодобычи и переработки, становится площадкой поиска надежных партнеров, заключения договоров и надежного сотрудничества на долгие годы.

Постоянно действующей площадкой интеграции Татарстана со странами Африки и с мировыми инвесторами является Агентство инвестиционного развития *Invest Tatarstan* при поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан. Народной дипломатией можно назвать участие команды «КАМАЗ Мастер» на престижном международном спортивном ралли «Африка Эко Рейс».

По мнению главы республики Рустама Минниханова, для Татарстана Африка является уникальным и перспективным регионом развития отношений.

Хужев А.А.
ПИУ РАНХиГС, Саратов

АТРИБУТИВНЫЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ОППОЗИЦИОННЫХ И ЛОЯЛЬНЫХ К ВЛАСТИ СМИ

Объектом исследования, результаты которого представлены в данных тезисах, были республики Северного Кавказа, а предметом — то, каким образом этот регион освещается отдельными российскими и зарубежными СМИ.

В качестве эмпирической базы анализа использовались материалы шести информационных ресурсов — по три лояльных и оппозиционных действующей российской власти: две газеты («Российская газета» и «Новая газета»), две радиостанции («Вести ФМ» и «*Voice of America*») и два телеканала («Первый» и «*CNN*»). Поиск сообщений о Северном Кавказе осуществлялся на официальных сайтах указанных массмедиа. Селекция материалов проходила в два этапа. На первом из них формировался пул всех текстов, находившихся в результате поискового запроса по словосочетаниям «Северный Кавказ» и «северо-кавказск...» / «*North Caucasus*» и «*North Caucasian*». Хронологически рамки поиска были ограничены периодом в полтора года — с 1 января 2021 г. по 30 июня 2022 г. На втором этапе из сформированного таким образом массива текстов для детального анализа отбирались только те, в которых упоминание интересующего нас региона носило содержательный характер (т.е. Северный Кавказ был если не главной, то хотя бы существенной темой, а, например, не просто перечислялся в числе других регионов России). Всего таким образом были отобраны и проанализированы 904 материала.

При проведении исследования нами использовалась теория установления повестки дня, в частности — атрибутивной ее разновидности: анализируя отобранные медийные материалы, мы обращали внимание на то, что именно и в каком объеме освещалось журналистами применительно к Северному Кавказу.

В целом, если сравнивать между собой лояльные и оппозиционные действующей в России власти СМИ, налицо практически диаметрально противоположная картина: в провластных медиа преобладают тексты с позитивной тональностью относительно происходящего в республиках Северного Кавка-

за, а в оппозиционных — с негативной. Справедливости ради нужно сказать, что такой результат был во многом ожидаемым. Значительно более интересным представляется содержательное наполнение позитивной и негативной когорты текстов.

Итак, если говорить о провластных ресурсах, то здесь львиная доля «позитива» приходится на тексты, посвященные туристическому потенциалу региона. В общей сложности они составили 54% всех сообщений с позитивной тональностью. Серьезно отстают от лидера материалы о вкладе Северного Кавказа и его жителей в победу в Великой Отечественной войне (17%), о культуре проживающих здесь народов (8%), успешной работе спецслужб (7%), достижениях в сфере науки и образования (6%) и не связанных с войной страницах истории региона (3%). Оставшиеся 5% — это тексты, посвященные иным темам.

Среди «негатива» в лояльных СМИ преобладают сообщения о природных катаклизмах (ураганы, наводнения, снегопады, сходы лавин и т.д.), в общей сложности составившие 70% от общего количества материалов с такой тональностью. Еще 19% приходится на новости и репортажи о дорожно-транспортных происшествиях, 5% — о деятельности террористического подполья, 2% — о фактах коррупции и оставшиеся 4% попали в группу «другое».

Атрибутивная повестка дня оппозиционных СМИ принципиально иная. Немногочисленные материалы, которые мы посчитали возможным расценить как позитивные, преимущественно были посвящены либо культуре народов Северного Кавказа (76%), либо же сообщениям о присуждении Нобелевской премии мира главному редактору «Новой газеты» Д. Муратову (22%). Любопытно, что в зарубежных медиа даже в материалах по последней из упомянутых тем присутствовали косвенные попытки «негативизации» излагаемого контента: признавая заслуги награжденного журналиста, авторы сообщений неизменно упоминали то, что возглавляемое им издание известно своими разоблачающими материалами о Северном Кавказе.

Спектр текстов с негативной тональностью в оппозиционных СМИ значительно более широкий. Большая его часть приходится на ограничения прав женщин и представителей ЛГБТ-сообществ (52%). Регулярно осуждается деятельность главы Чечни Р. Кадырова (26%). Время от времени освещаются также притеснения на Северном Кавказе журналистов (15%), используемые местными властями машины на выборах (5%), противоправные действия выходцев из региона в центральной части России (1%), а также события, связанные с закрытием «Мемориала» и чеченскими войнами второй половины 1990-х годов (по 0,5%).

Таким образом, анализ содержательного наполнения посвященных Северному Кавказу медиа-сообщений не оставляет сомнений в принципиальной разности атрибутивных повесток лояльных и оппозиционных ресурсов. Первые стремятся акцентировать внимание потребителей информации преимущественно на позитивных аспектах жизни региона, вторые — на негативных. Для создания эффекта объективности и т.д., и другие освещают также противоположные по своей направленности и тональности сюжеты, однако их удельный вес и значение в общей медийной повестке СМИ незначительны.

Хун Цзиньцзинь

СПбГУ, Санкт-Петербург; Чаньчунский университет, Чаньчун, Китай

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ В НОВУЮ ЭПОХУ МИРОВОГО ПОРЯДКА НА ПРИМЕРЕ СТОЛКНОВЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ

Столкновение между Россией и Украиной стал крупным событием, потрясшим международную обстановку с 2021 г. По идущим последствиям это столкновение является одним из наиболее исторически значимых событий, которое сильно влияет на существующий мировой порядок после окончания холодной войны. Особенно примечательно то, что негосударственные акторы, представленные элитами международного капитала, различными микро- и малыми технологическими компаниями и транснациональными корпорациями, сыграли уникальную роль в этом столкновении. Они стали одной из ключевых переменных, влияющих на ситуацию. Являясь важным проявлением децентрализации и многополюризации глобальной власти в цифровую эпоху, эти негосударственные акторы все чаще становятся важными игроками в межгосударственной конкуренции, в глобальном управлении и во влиянии на общественное мнение. На фоне нынешнего мирового порядка подъем негосударственных акторов окажет глубокое влияние на практику международных отношений, в которой традиционно доминировали государственные акторы, и вызовет новые представления о том, как страны должны реагировать на международную конкуренцию и поддерживать национальную безопасность.

Российско-украинское столкновение является одним из немногих прямых военных конфликтов между европейскими державами после окончания холодной войны. Участие западных стран делает это

столкновение еще более напряженным. В то же время, поскольку многие негосударственные акторы постепенно играют важную роль в этом столкновении и сложным образом взаимодействуют с традиционными государственными акторами, это столкновение становится все более характерным для нового типа между народных столкновений.

Во-первых, элиты мирового капитала стали одной из ключевых сил, влияющих на российско-украинскую ситуацию. Нет сомнений в том, что эти капиталисты играли определенную роль в международном сообществе в течение последних десятилетий, но было совсем не так много случаев, когда они были непосредственно и значительно вовлечены в крупные международные события или даже войны. В случае российско-украинского столкновения они с самого начала играли важную роль. *Во-вторых*, микро- и малые технологические компании непосредственно предоставляют Украине услуги на поле боя. *В-третьих*, новые инфромационные платформы вмешались в игру общественного мнения, что имеет сложные последствия в «гибридной войне» между Россией и Западом. *В-четвертых*, западные транснациональные корпорации выступили в качестве участников санкций Запада против России, одна причина заключается в том, что они хотят показать, что они обладают политическим и экономическим влиянием.

В общем, важная роль негосударственных акторов в российско-украинском столкновении подчеркивает тот факт, что они вступают в новую фазу развития на фоне структурных изменений современного миропорядка. В последние годы, в связи с ускоренной эволюцией международной политической ситуации и новой технологической революцией, негосударственные акторы показывают новую тенденцию развития, их влияние на международную арену также растет: продолжающееся развитие негосударственных акторов значительно расширило пространство международного общества и глубоко изменило интерактивный режим международных отношений, причем они не только под влиянием международных отношений, но и в качестве инициаторов международной деятельности. Российско-украинское столкновение еще больше показывает огромное влияние негосударственных акторов, и их влияние на будущее изменение миропорядка стало более очевидным. Поэтому для того чтобы справиться с новым периодом мировой турбулентности, надо точно изучить и правильно использовать роль негосударственных акторов, что является важным делом при формулировании нашей внешней стратегии и обеспечении национальной безопасности.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Распад Советского Союза в одночасье перевернул ландшафт Центральной Азии, и независимые государства Центральной Азии начали исследовать собственные пути преобразований, но вопросы безопасности остаются огромным препятствием для развития пяти стран. В данном исследовании будут проанализированы вопросы безопасности, угрожающие Центральной Азии, с трех точек зрения: внутригосударственной, региональной и игры великих держав.

С внутригосударственной точки зрения эти проблемы безопасности также делятся на эндогенные и экзогенные. По окончании холодной войны независимые государства Центральной Азии пережили политический переход, в ходе которого возникли такие проблемы, как политическая коррупция и экономическая отсталость, что вызвало критику действий правительства со стороны населения. С экзогенной точки зрения, Центральная Азия расположена во внутренних районах Евразийского континента, далеко от моря, и всегда была закрытой. Распад Советского Союза привлек внимание всего мира к этому региону, и приток новых идей оказал огромное влияние на Центральную Азию. Западные страны продвигают свободу и демократию и критикуют центральноазиатских лидеров за их монополию на власть, что привело к ряду политических событий, таких как Тюльпановая революция в Кыргызстане. Кроме того, история Центральной Азии отмечена войнами и потрясениями, подъемом и падением более десятка империй, а также приходом различных этнических групп, которые изменили религиозные верования, этнические структуры и языки региона. Сложная религиозная и этническая структура региона также представляет собой огромный риск для безопасности. Этническая политика пяти центральноазиатских государств в первые годы их существования также углубила межэтническую напряженность, периодически вызывая проблемы этнической безопасности в некоторых районах страны.

С региональной точки зрения, ситуация вокруг Центральной Азии является сложной, поскольку ситуация в Афганистане оказывает глубокое влияние на вопросы безопасности в Центральной Азии. Афганистан находится в непосредственной близости от Центральной Азии, три из пяти стран Центральной Азии имеют общую границу с Афганистаном, и обе стороны исторически и культурно неразделимы, разделяют одни и те же религиозные убеждения и имеют большое количество трансграничных этнических групп. Последние изменения в ситуации в Афганистане также не могут не сказаться на безопасности стран Центральной Азии. Под влиянием экстремизма на Ближнем Востоке экстремистские силы в Центральной Азии также растут, и террористическая деятельность усиливается. Кроме того, Центрально-Азиатский регион страдает от наркотрафика, распространения оружия и межрегиональной организованной преступности.

С точки зрения игры великих держав, конкуренция между западными странами во главе с США и Россией также представляет угрозу для безопасности Центральной Азии. Окончание холодной войны оставило вакуум власти в Центральной Азии, и США и другие западные страны стремятся войти в регион и укрепить свое региональное влияние. Терракты 11 сентября позволили США нарастить свое военное присутствие в Центральной Азии. Россия всегда рассматривала Центральную Азию как свою сферу влияния, и страны Центральной Азии активно реагировали на российские инициативы. Кроме того, российские военные базы остались в Центральной Азии после распада Советского Союза по причинам поддержания безопасности региона. Ситуация с безопасностью в Центральной Азии в результате игры между крупными державами представляет собой потенциальную проблему безопасности для региона.

Подводя итог, мы видим, что особое географическое положение делает Центральную Азию местом пересечения сил и игровым полем для различных сил, что в конечном итоге приводит к многочисленным проблемам безопасности, затрагивающим Центральную Азию, и сложной ситуации с безопасностью.

Литература

1. *Акимбеков С.М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алмата, 2003.
2. *Васильев Л.* Геополитическая ситуация в Центральной Азии // *Мировые державы в Центральной Азии.* М., 2011. С. 7–12.

РЕТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В последние полтора десятилетия в Западных Балканах и Российской Федерации наблюдается процесс ретрадиционализации, который в том числе отразился на молодежных группах, исповедующих традиционные для Европы религиозные взгляды (православие, католицизм, протестантизм, ислам, иудаизм). Возрождение чувства религиозности, или привязанности молодежи к религии и церкви, отчетливо прослеживается во всех аспектах религиозной жизни: в области ценностной идентификации, доктринальных религиозных убеждениях и ритуальных религиозных практиках. Следует также отметить, что во времена чрезвычайно бурных политических и социальных изменений на Балканах все традиционные религиозные комплексы, православные, католические и мусульманские, начали формировать тесные связи с политической, государственной и общественной сферами, что было абсолютно немыслимо полтора десятилетия назад.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: «Может ли ретрадиционализация внести вклад в процесс модернизации молодежи, поддерживаемый окружающими странами как императив западных держав, с одной стороны, и как стремление большинства населения многих постсоциалистических стран, с другой стороны, или она будет только вредить и мешать процессу модернизации молодого поколения?» Существуют различные мнения, рассматривающие традиционные комбинации, включающие вопросы религиозной, языковой и национальной принадлежности как разрушительные факторы модернизации западнобалканской и российской молодежи, а также совершенно противоположные мнения, основанные на опыте традиционных исламских обществ, в которых возвращение к традиционным ценностям не является фактором, препятствующим их быстрой модернизации.

Вследствие глобальных событий, а также политического маркетинга произошел огромный рост этноцентристских ценностных ориентаций. Заметными социокультурными чертами российской молодежи в данный период оказываются традиция и повышенная религиозность. По данным опроса 2017 г., наиболее приемлемой ценностью среди молодежи является либерализм, однако весомое место занимает и патриотизм¹. Поэтому важно отметить, что социальные ценности, которые принимает молодежь, особенно важны в студенческой среде, поскольку многие из них станут представителями будущих социальных элит. Нами предпринята попытка ответить на следующие вопросы: «В какой степени противоположные процессы модернизации и рерадикализации постсоциалистических молодых поколений на примере Сербии и Российской Федерации влияют на появление у студентов различных ценностных ориентаций?» «В какой степени различное семейное происхождение влияет на принятие студентами традиционных, современных или постмодернистских ценностей?»

Антимодернистские процессы, включая ретрадиционализацию, привели к усилению традиционных ориентаций среди молодых людей и поляризации традиционно и модернистски ориентированной молодежи². В связи с этим возникает вопрос: «Заметна ли ретрадиционализация в ценностях молодежи?» Также, какова динамика элементов традиционного образца (национальной исключительности и религиозности) у молодых людей, которые были социализированы в переходный период?

Основной тезис теории модернизации заключается в том, что изменения в социально-экономической сфере общества порождают изменения в его преобладающей системе ценностей. Поэтому среди современной российской и западнобалканской молодежи можно наблюдать ослабление традиционных и усиление современных и постмодернистских ценностей. Это особенно заметно в бывших социалистических обществах, чьи социальные и политические переходы в целом сопроваждались процессом интенсивной ретрадиционализации. Переход молодого поколения к взрослой жизни происходит в специфическом контексте постсоциалистической и послевоенной трансформации общества, которая характеризуется «столкновением» противоположных социальных ценностей.

Несмотря на популярность ретрадиционализации в обществе, западнобалканские и российские студенты в основном поддерживают постмодернистские ценности (мультикультурализм) и не под-

¹ Юркова И.В. Ценности либерализма и отношение к ним современной молодежи // Бюллетень медицинских интернет-конференций (ISSN 2224-6150) 2017. Т. 7. № 1. С. 219–221.

² Mirko Blagojevic. Current religious changes in Serbia and integration in Europe / Insitut za filozofiju i društvenu teoriju. UDK: 322:316.42 (497.11): 327 (4). Beograd. P. 96–98.

держивают традиционные ценности (клерикализм и этноцентризм). Кроме того, установлена связь между ориентацией студентов на традиционные ценности и наличием консервативных моделей в их семейном окружении.

Научный проект «Механизмы оптимизации процесса формирования созидательных ценностей студенчества (патриотизм, гражданственность, доверие к власти, семейные традиции) посредством эффективных социально-политических коммуникаций» выполняется в ИНИОН РАН в рамках отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

КАРЛ ЯСПЕРС О СМЫСЛЕ И ПРИМЕНИМОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ»

Очевидно, что в интересах теоретического осмысления отечественной мыслью столкновения современной России с радикал-националистическими силами совершенно необходимо обращение к опыту подведения политико-правовых итогов Второй мировой войны. Этот опыт, в частности, связан с квалификацией политической практики национал-социализма с помощью понятия «преступление против *человечности*». Вместе с тем, следует обратить внимание на определенную «недостаточность» этой квалификации, на что в свое время указывал К. Ясперс. Последний в противовес названной квалификации, на которой строилось обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала, настаивал на применимости в данном случае «преступление против *человечества*». Введение правового и этического различия между указанными понятиями К. Ясперсом остается актуальным по сей день и имеет под собой глубинные идейно-исторические корни, уходящие в почву немецкой классической философии. Знание данного различия, как и его теоретического основания, необходимо с точки зрения формирования осмысленного неприятия оправданий нацистской практики в любом ее виде.

Ясперс настаивал на том, что в отношении «преступлений против человечества», совершенных теми, кто принимал участие в принятии решений о массовых убийствах и исполнении этих решений, не может быть применено положение о сроке давности, введения которого требовали в свое время (середина 60-х годов прошлого века) активные сторонники пересмотра государственной политики в отношении подобных лиц. В противном случае «абсолютное исключение обратной силы» нового международного права, созданного Уставом нюрнбергского Международного трибунала, могло бы означать *юридическое оправдание нацистского государства*. Он приводил в качестве примера подобного оправдания позицию по вопросу о сроке давности федерального министра Штрауса, что не годится наказывать одних немцев. Видным выразителем такого рода взглядов был федеральный министр Штраус, который заявил, что это является *потрясением для правосознания человечества и фальсификацией истории, поскольку тем самым утверждают, будто только немцы совершали военные преступления*.

Возражение Ясперса по существу данного вопроса заключается в том, что аргумент Штрауса (кстати, активно использованный некоторыми немецкими юристами с целью поставить под сомнение правомочность приговора, вынесенного трибуналом, и звучащий и поныне) не имеет силы по причине *исключительности* совершенных нацистским государством преступлений. Речь идет, по мнению немецкого мыслителя, о *коренном различии* между военными преступлениями и «преступлениями против человечества», которое состоит в следующем: «Преступления против человечности — это все те чудовищные злодеяния, которые называются военными преступления, совершенными по отношению к противнику. Преступлением против человечества является претензия на то, чтобы решать, какие группы людей и народы на земле могут жить, а какие — нет, и претворение этой претензии в жизнь путем уничтожения их. Сегодня это называют геноцидом, а можно было бы назвать и массовым убийством». — И далее: «Массовое убийство в принципе означает приведение в исполнение приговора, вынесенного другим группам людей, народу, который не должен жить на земле. Кто требует такого приговора и приводит его в исполнение, тот совершает преступление против человечества»¹.

Мой главный тезис заключается в следующем: в истории движения и изменения содержания политических понятий, составляющих определенную параллель событиям политической истории, а именно в истории понятий «мир» и «свобода», можно обнаружить определенную точку *искажения*, инверсивной деформации их *общечеловеческого* содержания, которая создала идейную отправную точку сползания к утверждению о *правомочности* государства в деле совершения насильственных действий против целых народов, — и в этом смысле предвосхитило саму возможность совершения такого рода действий, отрицающих в нашем историческом случае, по справедливому утверждению Ясперса, *существование и признание человека как такового*, т.е. наиболее фундаментальное из всех прав, право на жизнь.

¹ См.: Массовые убийства не могут быть оправданы за давностью. Беседа К. Ясперса с Р. Аугштейном (журнал «Шпигель», 1965 г.) // Ясперс К. Куда движется ФРГ. Факты. Опасности. Шансы. М.: Международные отношения, 1969. С. 218–224.

РОЛЬ БОТОВ В ПРОЦЕССЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ

Несмотря на понимание значимости роли фейковой информации в современных политических процессах, сегодня нет универсального инструмента для решения проблем, создаваемых распространением фейковых новостей. Политические науки, бизнес и государственные структуры первыми реагируют на проблемы, связанные с распространением фейков. В политической сфере фейки стали значимыми с научной точки зрения с 2016 г., когда большая часть *Fake News* была связана с политической жизнью в США и выборами 45-го президента. В процессе формирования и распространения фейковых новостей немалую роль играют боты. Компьютерные программы способны манипулировать социальными сетями, например, заострять внимание на каких-то общественных проблемах, поддерживать гуманитарные акции или, наоборот, подавлять социальную активность. Боты используют алгоритмы для определения предпочтений пользователей, производя и распространяя информацию, независимо от достоверности ее источников. Бот — это инструмент, и его можно использовать не только в целях построения имиджа, но и его разрушения (кибербуллинг, травля, ложные обвинения, подтасовка фактов, доведение до самоубийства, призывы к незаконной деятельности и т.д.).

Цель нашего исследования состояла в разработке модели возникновения и распространения фейковых новостей, определении роли ботов в данном процессе, а также апробации алгоритма действий по выявлению и дискредитации бот-систем в «благоприятной» среде для распространения фейковых новостей (на примере прикладного исследования контента видеохостинга *YouTube*).

Методологической основой данного исследования стали сетевой подход, а также теории информационного общества (М. Кастельс) и многоступенчатой коммуникации (К. Поланьи и Д. Норт). Особое значение придается системному подходу, который позволил целостно рассмотреть сеть Интернет в качестве сложной социальной системы коммуникаций.

Основой для авторской методики и разработанного алгоритма стали подход, методология и комплекс методик и программ, разработанных коллективом ученых Кубанского государственного университета под руководством доцента Н.А. Рябченко: методы *Data Science* (позволяющие работать с неструктурированными сетевыми данными, которыми являются данные, выгружаемые с платформ социальных сетей), математическое моделирование, реляционная социология и лингводи-курсивный анализ.

Нами был описан алгоритм выявления ботов в сети комментариев к видеороликам, размещенным на платформе *YouTube* с помощью программного обеспечения *Gephi* и *API*, для первичного анализа инфокоммуникационной среды, которая формируется и влияет в последующем на процессы создания и распространения фейковой информации.

При помощи сетевого анализа мы выделили и визуализировали ветку комментариев под видео на платформе *YouTube*. Для математического извлечения информации о содержании и характеристиках веток комментариев к нужным нам видео мы воспользовались сервисом *API*. Для прикладной части данного исследования мы использовали модуль «*Video Info and Comments*», который позволяет с помощью идентификатора видео извлекать основную информацию из рассматриваемого видео, представляя ряд данных для анализа раздела комментариев. С помощью цифровых инструментов, предлагаемых *Gephi*, мы нашли ботов и проанализировали ту информацию, которую они пытались экстраполировать и масштабировать в ветки комментариев. Для этого мы сделали сортировку по функции *Out-Degree*.

Посредством разработанного и апробированного нами алгоритма выявления ботов в ветках комментариев к публикациям, размещенным на платформе *YouTube*, мы выявили группу ботов, для которых характерно:

- переливы трафика на другой ресурс (социальные сети, сайты);
- распространение информации порнографического содержания;
- распространение оценочных суждений о результате работы автора видеоролика и о самом авторе; цель подобного бота — это создать иллюзию внимания пользователей.

Исследование ориентировано на решение актуальных проблем в области фактчекинга и может представлять интерес для специалистов данной профессиональной области, а также для студентов, преподавателей и исследователей социальных наук. Разработанный инструментарий и предложенная модель могут использоваться органами власти для анализа среды, «благоприятной» для распространения фейковых новостей, определения пользователей-ботов, запускающих блогволны по распространению фейковой информации, а также применяться для «гашения» процессов массового вирусного распространения фейковых новостей в онлайн-пространстве, особенно в современных условиях.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И КОНФЛИКТ КИТАЙСКИХ ИММИГРАТОВ В ИТАЛИИ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАТО, «ГОРОДА ВЭНЬЧЖОУ»

Пандемия COVID-19 фундаментальным образом отразилась на развитии мирового сообщества. Однако она не только привела к отрицательным последствиям, но и вызвала некоторые положительные эффекты. Об этом может свидетельствовать изменение социально-политического поведения китайцев, иммигрировавших в Италию.

В частности, анализ показывает, что их приток влияет на производственные центры названного государства, олицетворением которых выступает швейный центр Прато. Его население составляет около 180 тыс. человек. Причем более 10% легально являются китайцами. Согласно данным муниципального правительства за 2019 г., в городе проживает 24 906 китайцев, а с учетом рабочих, просрочивших свои туристические визы, это число колеблется в пределах 50 тыс. — 60 тыс. человек, что тождественно четверти постоянного населения. Среди них почти 60% — выходцы из Вэньчжоу (провинция Чжэцзян), особенно из районов Жуйань и Вэньчэн. Диалект Вэньчжоу популярен в городе, поэтому Прато прозвали «Городом Вэньчжоу». В октябре 2002 г. эти два города стали городами-побратимами.

Примечательно, что китайские иммигранты, достигнув экономического успеха в процессе интеграции в принимающее сообщество, потерпели неудачу с точки зрения социальной инкорпорации. Причины этого кроются в языковом барьере, отсутствии мотивации к общению с местным населением и др. Отсюда вывод: представители китайской диаспоры должны перестроить свое сознание, а не действовать в одиночку, жалуясь на возмущения со стороны акцепторной среды.

Конструирование идентичности иммигрантов происходит под воздействием двух сил: одна — это влияние политики принимающей страны по интеграции иммигрантов, другая — собственное отношение переезжающих лиц, их способность справляться с трудностями, связанными с принятием новой идентичности. Ключевой переменной здесь является культурная идентификация.

Если говорить о личностном факторе, то итальянский китаевед Д. Колонья считает, что возможность гармоничного взаимодействия между китайским иммигрантом и средой поселения зависит от двух наиболее важных переменных: степени экономической автономии (как индивидуального экономического ресурса) и уровня языковой компетенции, предполагающей знание итальянского языка.

История крупномасштабной китайской иммиграции в Италию относительно коротка. У первого поколения иммигрантов не было другого выбора, кроме как жить в «Чайнатауне» и открывать рестораны или прачечные из-за недостаточного уровня профессиональной квалификации и языкового барьера. Потребовалось много времени и несколько поколений, прежде чем китайцы адаптировались к новым правовым и социальным нормам. Таким образом, существует отчетливый разрыв между поколениями: первым поколением китайских иммигрантов в Италии и вторым поколением с точки зрения интеграции.

По сравнению с другими иммигрантскими сообществами зарубежная китайская община обладает низкой степенью аккультурации. Очевидную положительную черту китайцев как высокопроизводительных хозяйствующих субъектов перекрывают такие качества, как ориентация на ограниченный круг общения, отсутствие стремления включаться в социальные дела принимающей страны, нежелание участвовать в ее политической жизни. Во многом это объясняется генетическим кодом, определяющим национальный характер личности. Феномен «экономического человека» влияет и на китайских иммигрантов. Недавние исследования вскрыли различие между двумя типами социального капитала: связыванием и наведением мостов. В первом случае речь идет о социальных сетях, состоящих в основном из схожих с точки зрения социальных, экономических и иных параметров людей, в то время как второй относится к межсекционным сетям, отражающим связь с внешней средой. Хотя внутриобщинная сплоченность способствует адаптации ее членов к новым условиям, проблема разрыва коммуникаций с принимающим обществом тормозит данный процесс.

С другой стороны, итальянцам требуется время для психологической и юридической адаптации к прибыванию большого количества иммигрантов. Скорость слишком высока, а масштаб велик для того, чтобы легко абсорбировать подобные потоки приезжих. Несмотря на то что Италия имеет длительную историю иммиграции, массовое явление — это новая реальность, и многие итальянцы ее не приняли. Недовольство вызывают не только проблемы с общением. Опасения связаны с недобросовестной конкуренцией и нарушением местных законов. Итальянские СМИ часто публикуют сообщения, описывающие китайские швейные мастерские как «потогонные цеха» с плохи-

ми условиями. Некоторые фабрики нанимают иммигрантов без документов для работы в ночное и дневное время. Многие итальянцы жалуются, что китайцы нарушают правила трудоустройства, эксплуатируют рабочих, подрывают позиции итальянских компаний и вытесняют их из швейной промышленности.

К счастью, китайское сообщество Прато меняется. *Во-первых*, его члены активно взаимодействовали с итальянцами во время пандемии COVID-19. *Во-вторых*, китайцы вышли за пределы «Чайнатауна», реализуя благотворительную деятельность на благо города. Они надеются постепенно изменить взгляды других людей в отношении своей нации.

Черемная Т.С.
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТЕКАНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ И МИРЕ

В условиях, когда мир охватывают глобальные процессы трансформации, еще год назад казавшиеся невозможными, перед учеными, исследователями и гражданами встают не менее глобальные вопросы. Главный из таких вопросов — Почему еще вчера мирное спокойное общество фактически взбудоражено по всему миру?

Политология, так же как и другие науки, а также средства массовой информации пытаются найти и уловить закономерности и первопричины происходящих событий, которые исходили главным образом из уже принятых решений органами власти, возможных ошибок, допущенных политиками. Однако на глубинном «философском» уровне становится очевидным, что за этими процессами стоят какие-то более важные и значимые причины.

Главным образом, такие глубинные причины стоит искать в изменении структуры политического сознания. В некоторой степени речь идет даже о невозможности логически объяснить реакцию населения разных стран на проходящие политические события. Вся суть, которая вкладывалась в понятие «политическое сознание» на политологическом уровне, требует пересмотра ввиду наличия большого количества проблем и нестыковок.

В частности, речь идет о следующих моментах:

- наличие абстрактности и фундаментальности понятия «политическое сознание»;
- категория «политическое сознание» сформировалась в рамках советской политологической школы и, в отличие от западной, не учитывает религиозный аспект;
- отсутствует должное изучение влияния психологических факторов.

Постсоветская политологическая школа выделяет два уровня политического сознания: политическую психологию и идеологию (*Мартынов Д.С.* Политическое сознание, политическое бессознательное и политическая психика: ревизия подходов к структуре и определению // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 3. С. 58–59).

При этом с идеологических позиций процессы радикальных трансформаций требуют пересмотра глобальных ценностей, как то — финансы, ресурсы, лидерство на международной арене. Перед всеми странами мира встает вопрос об определении своей роли в новом мироустройстве. В частности, речь идет о выборе своей позиции в отношении России или же США (и Европы) как противостоящих блоков. Часть стран вынуждены были сменить и даже кардинально пересмотреть свои приоритеты, некоторые страны заняли нейтральную позицию.

С психологической точки зрения важно понять эмоции, чувства людей — граждан тех стран, которые непосредственно пострадали от глобальной трансформации (главным образом, это жители ЛНР и ДНР, страны Европы ввиду роста цен на газ, жители США, Украины и России). Безусловно, каждый человек на планете, так или иначе, затронут проходящими изменениями, что находит выражение в смене его настроений, привычек, установок.

Анализ психологических изменений крайне важен для принятия политических решений органами власти, формирования новостных повесток, внесения изменений в стратегические документы промышленных предприятий по всему миру. В то же время именно нездоровые психологические настроения жителей Европы (развитие ЛГБТ-сообществ и т.д.), а также США (усталость от кредитов) и России (общее снижение нравственности, желание стать более независимой и «полноценной») в конечном счете и привели к тем глобальным трансформационным процессам, которые мы наблюдаем сегодня. И, хотя они и имеют негативно окрашенный оттенок (учитывая военные действия и большое количество жертв среди мирного населения), такие трансформации должны привести к более совершенному миропорядку (в контексте многополярности).

Рассмотренные идеологический и психологический аспекты, используемые для анализа трансформационных процессов, с точки зрения политологии вполне достаточны. Однако сама необычность и глобальность протекающих процессов трансформации заставляет говорить об их метафизичности. Во главу угла выходит религиозный аспект.

Религия представляет собой особую форму общественного сознания, которая зародилась задолго до политического. А значит, изначально все политическое было религиозно. И сегодня в ряде стран мира огромное значение имеет именно религиозный фактор (в частности, речь идет о странах Африки, Австралии, Южной Америки, на Ближнем и Среднем Востоке, в Индонезии, Индокитае, в Израиле, в Индии, в Японии).

Особое значение религиозный фактор в условиях глобальных трансформационных изменений имеет и для России, для которой религиозный компонент исторически был важен, но в годы советской власти фактически игнорировался. Так, православная вера играет главную роль в формировании доктрины о величии, масштабности и патриотичности России, как элементах политического сознания.

Таким образом, только комплексный подход с учетом идеологического, психологического и религиозного аспектов позволит понять сущность радикальных трансформационных процессов в мире и найти пути дальнейшего развития мирового сообщества.

Чернавский А.С.
МПГУ, Москва

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Современные политические процессы за последнее десятилетие существенно изменились и продолжают свою трансформацию на наших глазах в силу объективных обстоятельств технологического характера. В первую очередь это связано с накоплением беспрецедентного объема данных и все увеличивающимися возможностями по скорости их обработки.

Большие данные уже стали не только важным инструментом в государственном управлении, но изменили и реальность многих политических процессов.

Соответствующие информационные технологии активно используются в электоральных процессах, дипломатической деятельности, при реализации государственной политики и тотального инкорпорирования больших данных в процесс принятия множества решений.

Например, уже сравнительно общеизвестным примером эффективного использования *big data* на выборах стала кампания Д. Трампа в 2016 г. Судя по имеющимся данным, благодаря алгоритмам и методам компании *Plantir*, часть колеблющихся штатов стали на сторону Республиканской партии. Однако уже и выборы Б. Обамы в 2012 г. использовали соответствующие технологии в своей успешной избирательной кампании.

При этом очевидно, что новые уникальные возможности в накоплении и обработке информации используются не только в области избирательных технологий. Современное государственное управление значительно трансформируется с помощью автоматизации ординарных процессов, которые в свою очередь изменяют всю систему предоставления разнообразных общественных услуг в социально-политической, культурной и экономической сферах жизни.

Особой зоной для исследования были и остаются протестные политические настроения. Повседневные коммуникации на пользовательском уровне часто способствуют не только возникновению протестов, но и соответствующим самоподдерживающимся политическим процессам мобилизации. Феномен «арабской весны» и некоторые более поздние события давно находятся в фокусе внимания исследователей.

При этом весьма актуальной остается проблема соотношения «сигналов» и «шума», которая усложняет как процесс сбора, так и использования соответствующих данных в реальной жизни. Сегодня многие государственные и частные структуры сосредоточили большие усилия на обеспечении качественных процессов сбора и обработки источников соответствующих потоков данных. Адекватное использование данных в официальной статистике или в процессах принятия политических решений представляется возможным лишь при условии решения данной дилеммы.

При всех очевидных преимуществах, которые предоставляют новые возможности работы с информацией, нельзя обойти вниманием и определенный «инфопессимизм», о котором говорят эксперты в настоящее время. Уже очевидно, что мы все живые свидетели появления принципиально нового вида манипулирования в социополитической сфере, который основан на алгоритмах обработки самых разнообразных больших данных. Сегодня сетевые информационные процессы предоставляют пользователю невиданную свободу выбора в потреблении разнообразного контента (включая мно-

жества мнений и аналитического материала). Но, с другой стороны, мы уже видим, как, анализируя и алгоритмизируя поведение человека в этом виртуальном пространстве, можно определять процессы его мышления и реальных действий, и управлять его мнением, предпочтениями и соответствующим перспективным выбором.

Зарубежный и отечественный опыт использования новых информационных возможностей позволяет нам анализировать трансформации современного государства и соответствующих политических процессов в условиях развития новых технологий.

Такие явления, как электронное правительство, защита персональных данных, преодоление «цифрового разрыва», *big data*, использование технологий *AI* и новые возможности прогнозирования и моделирования в экспертных системах новейших поколений, представляются нам наиболее значимыми зонами исследовательского интереса в заявленной теме.

Черникова В.В.
ВГУ, Воронеж

РЕГИОНАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕСТ НА СОЛИДАРНОСТЬ

Долгое время одним из наиболее дискуссионных вопросов среди ученых и практиков был вопрос о гражданском обществе в России. Есть оно или нет? Насколько оно развито? Ответы давались в зависимости от используемого подхода для анализа и позиции, с которой российское гражданское общество анализировалось. Эта дискуссия не завершена и сегодня. Однако представители разных подходов обращают внимание, что гражданское общество характеризует наличие структур, не зависящих от государства и не извлекающих выгоду из своей активности. Наличие системы некоммерческих организаций (НКО), ТОСов, различных формальных и неформальных сообществ, объединенных через социальные сети, позволяет признать наличие в стране гражданского общества. Однако темпы развития гражданского общества различаются в регионах. Это обусловлено многоуровневой системой власти и готовностью региональной власти включаться в диалог с активными гражданами, межсекторного взаимодействия и наличия социальной базы для появления активистов и формирования негосударственных организаций сетей.

Для успешного развития страны и региона необходимо не только наличие бизнеса, но и консенсус между обществом и властью по базовым ценностям и направлениям развития.

Гражданское общество обеспечивает согласование частного и общего интересов, посредничество между личностью и властью. Объективно, гражданское общество не предполагает единомыслия.

Дискуссия о роли гражданского общества и его функциях на практике привела к расколу на представителей оппозиционных государству организаций и тех, которые взаимодействуют с властью. При этом наличие и тех, и других только подтверждает существование гражданского общества. На региональном уровне расколы между такими организациями менее рельефны, поскольку они вовлечены в решение местных проблем, часть из которых воспринимаются одинаково, что позволяет консолидироваться различным силам, отличающимся по политическим, идеологическим взглядам. Конкуренция за ресурсы между НКО менее остра, поскольку значительная часть источников находится на федеральном уровне, что снижает накал конкурентной борьбы внутри региона. Наше исследование в Воронежской области показало, что НКО готовы объединяться в рамках проектов для достижения целей, в том числе по поиску необходимых ресурсов. Ковид показал преимущества консолидации активистов для выживаемости и устойчивости организаций.

Вызов коронакризиса стал серьезным испытанием устойчивости не только государствам, но и гражданскому обществу. В каждом регионе применялись свои вариации защиты от ковида и поддержки населения. Наиболее плотно в процесс оказания помощи населению НКО были вовлечены на региональном уровне. Но и для них самих этот вызов стал серьезным испытанием на прочность. Сокращение традиционных коммуникаций и переход в онлайн, дополнительная нагрузка по работе со своими социальными группами (в качестве волонтеров), сокращение базы экономической поддержки и другие сложности. В таких условиях не все организации смогли выжить, но появились новые форматы работы. А главное, сформировался в общественном мнении запрос на институты гражданского общества. Это проявилось в росте волонтерства и других форм гражданской активности.

Самой сложной проблемой с доковидного периода была проблема доверия. Ковид показал возможности формирования общества солидарности. В том числе рост доверия (что показали наши исследования в Воронежской области). Динамика общественных отношений отличалась принципом качелей — от страха и консолидации перед лицом угрозы в 2020 г. к расколам и недовольству в 2021 г. В то же время региональные НКО показали высокий адаптационный потенциал. В 2022 г. новый «черный лебедь» (термин Нассима Талеба) поставил перед активными гражданами новые дилеммы: поддерживать

или протестовать, кому помогать в первую очередь, как действовать в условиях изменившихся реалий? Если в период 2020–2021 гг. к анализу общественных настроений и формированию солидарности можно было применить подход Питера Бэра, который выделил 7 условий сплочения общества (распознавание общей угрозы, моральная плотность, продолжительность испытания, изоляция, материальные и организационные ресурсы, которые группы граждан могут использовать для сопротивления угрозе), то новый вызов, связанный с проведением специальной военной операции и санкционной политикой западных стран против России, поменял конфигурацию групп, поставил новые задачи и повлиял на общество, прервав уже сложившиеся тренды. Сокращение контактов и региональная замкнутость гражданского общества сменилась усилением трансрегиональных контактов, решением вопросов, выходящих за границы традиционных интересов регионального социума, что привело к смене модели формирования солидарности.

Чернышов Ю.Г.
АлтГУ, Барнаул

НОВЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ: ОПЫТ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Новейший период мировой истории знаменовался крушением многих казавшихся «вечными» империй, возникновением новых национальных государств, размыванием границ, сменами политических режимов, идеологий и т.д. Все это, конечно, не могло не сопровождаться кардинальными изменениями в идентичностях и попытками отразить эти изменения в значимых символах, в том числе в официальных государственных символах — флаге, гербе и гимне. Тема характера взаимосвязи между сменой идентичности и выработкой новой госсимволики имеет много аспектов, довольно широко освещенных в литературе на примере разных стран. Автор хотел бы коснуться здесь лишь ситуации постсоветского транзита, сравнив характерные примеры двух стран — Российской Федерации и Республики Казахстан.

Распад Советского Союза сопровождался «обрушением» не только официальной идеологии, но и тех идентичностей, тех концептов, которые ею поддерживались. Сюда относились представления о «новой единой исторической общности — советском народе», о «пролетарской солидарности», о «социалистическом содружестве», о «строительстве коммунизма» и т.д. Бывшие советские республики, получив независимость, оказались перед необходимостью срочно выстраивать, конструировать новые национальные идентичности. Как правило, значительную часть материала для этого брали из наследия прежних, досоветских периодов. Однако у каждой республики был свой, отличающийся от других, опыт национально-государственного строительства. Одни из них возводили истоки такого опыта к событиям тысячелетней истории, а другие почти не имели опыта государственной самостоятельности. Очень многое зависело от тех процессов, которые происходили в целом в мире, и особенно в ближнем зарубежье. Важную роль играли также столкновения внутриполитических сил, от соотношения которых зависело во многом то, какие именно символы приходили (или не приходили) на смену старым.

В этом отношении показателен пример России, которая стала правопреемницей СССР. Новая власть пыталась избавиться от советских символов, апеллируя к символам досоветского периода. Напомним, что бурные политические дискуссии шли целое десятилетие (например, по поводу гимна — с 1990 г. использовалась мелодия М.И. Глинки). Итогом только при В.В. Путине стал компромисс между условными течениями «демократов», «монархистов-националистов» и «коммунистов». Предельно упрощая, некоторые эксперты высказывают мнение, что каждое из этих течений получило уступку: здесь был и «демократический» флаг-триколор, ассоциирующийся с событиями 1991 г., и «монархический» герб с коронами, и «полусоветский» гимн, в котором была сохранена прежняя мелодия, но заменены текстовые анахронизмы про «торжество коммунизма»¹. Получилось довольно эклектичное смешение совершенно разных символов, но постепенно прежние смыслы размывались и «притирались» друг к другу.

Совсем иная ситуация сложилась в Казахстане. Здесь не было столь острого противоборства, как между М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным, между «партией власти» и оппозицией. Руководство страной на протяжении трех десятилетий находилось в руках одной политической силы, одного лидера. Н.А. Назарбаев довольно последовательно подошел к формированию новой государственной символики и имиджа государства: создавались специальные органы, обсуждавшие проекты и кон-

¹ Chernyshov Y. The Adoption of State Symbols in Russia: a Compromise of Traditions // Journal of Geography, Politics and Society. 2017. Vol. 7. Issue 3. P. 12–18. URL: <http://www.ejournals.eu/JGPS/Volume-7/Issue-3/art/9852/>.

цепции национально-государственной политики, выделялись значительные средства на популяризацию новых символов и т.д. В итоге появилась цельная система новой символики, апеллирующей к традиционным ценностям казахского народа. Солнце, небо, орел, юрта, сказочные кони и т.д. — этими образами наполнены флаг и герб. Сложнее было с гимном. Однако и здесь лишь первоначально (с 1992 г.) использовалась музыка гимна Казахской ССР, а затем с 2006 г. гимном была сделана популярная песня «Мой Казахстан», в текст которой Назарбаев, сделав себя «соавтором», внес свои изменения.

Таким образом, в Казахстане, в отличие от России, практически вся символика прошла конструирование и редактирование из одного центра, по одним лекалам. Россия же пережила сложный период борьбы и поиска таких символов, которые были бы приняты обществом. В первом случае новые идентичности в значительной степени как бы предвосхищались и «задавались наперед» обществу, а во втором — эти идентичности в большей степени сначала проявили себя «снизу», а уже затем в качестве шага к их примирению был официально принят синкретичный набор символов, которые со временем стали наполняться новыми смыслами. В итоге современная символика России, на наш взгляд, уже не воспринимается как эклектичная, а ее разные элементы отражают богатое и разнообразное историко-культурное наследие страны.

Чжао Лэй
РУДН, Москва

СИСТЕМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ: НЕРАВЕНСТВО И КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Первоначально управление Интернетом было сосредоточено в технических рабочих группах, но затем оно превратилось в систему управления, в центре которой находится модель участия многих заинтересованных сторон. В основе модели участия многих заинтересованных сторон лежат открытые инновации (инфраструктура), децентрализованное управление (управление) и открытые и инклюзивные процессы (люди). Прозрачность, многосторонность и инклюзивность рассматриваются как основные принципы модели участия многих заинтересованных сторон, а обеспечение равного участия всех сторон является наиболее фундаментальной основой модели. На практике, однако, это не так. Несмотря на либеральные устремления многих, управление Интернетом тесно связано с политикой. С одной стороны, развитие технологических средств сделало возможным контроль над Интернетом; с другой стороны, правительства могут оказывать влияние на другие заинтересованные стороны.

На начальном этапе развитие и развивающиеся страны уже находятся в неравных условиях в управлении Интернетом. Развитые капиталистические страны в лице США, обладающие капиталом и технологическими преимуществами, первыми вошли в цифровую сферу, быстро развили монополии и в результате построили цифровые империи. В США имеется десять из 13 мировых корневых серверов имен *IPv4*, в то время как в развивающихся странах их нет. США используют свое абсолютное господство в Интернете, чтобы практиковать цифровой колониализм в киберпространстве. Американские компании, как *Meta*¹, *Google*, *Amazon*, *Microsoft* и *Apple*, монополизировали многие области цифровой индустрии. Эти компании эксплуатируют развивающиеся страны и помогают США сохранять цифровую гегемонию.

ICANN — это орган, находящийся в центре управления Интернетом, отвечающий за глобальную координацию системы уникальных идентификаторов Интернета и ее безопасную и стабильную работу. На самом деле, *ICANN*, как зарегистрированная в США неправительственная организация, строго связана законами США; многие важные решения *ICANN* могут быть реализованы только с одобрения Министерства торговли США. Можно утверждать, что Интернет находился в руках Соединенных Штатов.

Политическая природа киберпространства и крайне несбалансированная сетевая власть постепенно превратили культурные обмены в одностороннее культурное проникновение. Развитые страны Запада осуществляют культурный экспорт через такие каналы, как киберкультурные технологии, языковое превосходство, вторжение рекламы, онлайн-пропаганда и развлекательная продукция, нанося огромный ущерб культурному плюрализму в глобальном киберпространстве. Глобальное киберпространство усилило культурную гегемонию и ослабило культурный плюрализм. В этом процессе западные цивилизации стали «Другими» в Интернете.

Интересы многих развивающихся стран, где число пользователей Интернета в последние годы выросло больше всего, не защищены, поскольку западные страны прочно контролируют глобальный дискурс управления Интернетом. Развивающиеся страны, во главе с Китаем и Россией, настаивают

¹ По решению суда Meta Platforms считается в России экстремистской организацией. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab>.

на изменении модели управления Интернетом. Создание новой системы управления Интернетом, ориентированной на ООН, является важной целью для развивающихся стран.

Цель модели участия многих заинтересованных сторон, которой придерживаются кибердержавы, особенно США, — отрицание роли правительства, отрицание киберсуверенитета и использование своей кибергегемонии для увековечивания своего колониального господства в кибермире. Развивающиеся страны настаивают на модели многостороннего сотрудничества, основанной на киберсуверенитете, надеясь укрепить ведущую роль правительств в управлении Интернетом, чтобы защитить национальный суверенитет и интересы от угрозы.

Современная международная система и структура власти претерпевают глубокие изменения и ускоренные корректировки, а международная система и система глобального управления, в которой доминируют традиционные западные державы, претерпевают беспрецедентные изменения. В частности, усиливается конкуренция между крупными державами, особенно между КНР и США, и эта динамика естественным образом распространяется на киберпространство. Самым непосредственным проявлением этого является рост числа киберпроблем, связанных с политикой и безопасностью. В будущем управление Интернетом останется важной областью международных политических игр.

Чирикова А.Е.
ФНИСЦ РАН, Москва,
Ледяев В.Г.
НИУ ВШЭ, Москва

ВЛАСТЬ И ЛИДЕРСТВО В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА

В докладе будут представлены результаты эмпирического исследования в шести малых российских городах в 2011–2015 и 2018–2020 гг. Исследование фокусировалось на конфигурации и иерархии основных акторов локального политического пространства, их взаимодействии и эффективности управления в оценках городских элит.

Исследование обнаружило элитистские паттерны власти: власть сконцентрирована в руках руководителей муниципалитетов, крупного бизнеса и представителей региональных властей, вовлеченных в политическую жизнь малых городов. Более широкая конфигурация акторов, обладающих существенным влиянием на локальную политику, а потому формирование городских режимов в терминологии К. Стоуна, представляется маловероятной. Обнаруженные в двух малых моногородах отношения между основными акторами, внешне похожие на правящие коалиции в американских и европейских городах, правильнее, на наш взгляд, квалифицировать как элитные группы, узкие и достаточно сплоченные.

Другие авторы локального уровня (городские советы, партийные организации, акторы гражданского общества) обычно играют роль акторов второго плана. Главы городских администраций отнюдь не всегда являются лидерами городских сообществ, как это часто подразумевается, в силу недостатка должных профессиональных и персональных качеств, обеспечивающих власть и лидерство. В ситуациях, когда во главе городских администраций стояли слабые фигуры, не обладавшие достаточным набором персональных ресурсов, существенно усиливалось вмешательство со стороны региональных властей.

Потенциал влияния крупного бизнеса и его включенность в городскую политику существенно варьируются. Но, судя по результатам данного исследования, доминирование крупного бизнеса в локальном пространстве, часто наблюдаемое в американских городах, представляется нетипичным, за исключением градообразующих предприятий в моногородах. Крупный бизнес часто стремится выстраивать отношения не только с местной властью, но с региональными властями, понимая, что ресурсы для развития территории и для самих компаний чаще всего концентрируются именно там, а некоторые компании предпочитают ориентироваться исключительно на региональные власти, не вступая в активное взаимодействие с местными властями. Исследование показало, что и бизнес, и местные власти предпочитают выстраивать отношения на неформальной основе.

Сравнительный анализ ситуации в шести малых городах показывает устойчивость сложившейся конфигурации основных акторов и, одновременно, сохраняющуюся вариативность и динамику локального политического пространства, обусловленную главным образом субъективным (персональным) фактором. Именно персональный фактор, как и ожидалось, играет огромную роль в городской политике, не только влияя на лидерский потенциал глав администраций, но и существенно меняя характер взаимоотношений между основными акторами и возможности вмешательства в городскую политику чиновников регионального уровня. Несмотря на то, что «вертикаль власти» окончательно выстроена и муниципальные структуры стали ее частью, смена фигур во власти, как показало иссле-

дование, может существенно скорректировать не только стиль управления и характер внутриэлитных взаимоотношений, но и властную иерархию. Именно наличие/отсутствие сильных лидеров, их персональный ресурс «делает разницу».

Чихачев А.Ю.
СПбГУ, Санкт-Петербург

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ AUKUS: ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Одним из наиболее примечательных направлений внешней политики Франции в течение первого президентского срока Эммануэля Макрона стала попытка выработать собственную индо-тихоокеанскую стратегию. В ходе визитов 2018–2019 гг. в Индию, Австралию, Японию и Новую Каледонию глава государства неоднократно подчеркивал, что Париж видит себя полноценным игроком в регионе, учитывая наличие здесь своих заморских территорий, обширной исключительной экономической зоны и элементов вооруженных сил. Как объяснял Э. Макрон, Франция не может игнорировать растущую экономическую и политическую значимость Индо-Пацифики, как и перспективу американо-китайского противостояния, поэтому готова активно включаться в региональные процессы. Было озвучено намерение выстроить своеобразную «ось» с участием Канберры, Нью-Дели и Токио, в рамках которой наибольший акцент делался бы на военно-политическое сотрудничество: проведение совместных учений, координацию штабных структур, поставки французской техники (истребителей, подводных лодок). Новая «ось» задумывалась как некий третий путь между США и КНР, поскольку должна была иметь внеконфронтационный характер, не имея ярко выраженной направленности на сдерживание какой-либо из держав.

Однако дальнейшие события показали, что французский проект рискует быть свернутым уже в самом начале своего жизненного пути. В сентябре 2021 г. США, Великобритания и Австралия провозгласили создание коалиции *AUKUS*, подразумевающей углубленное оборонное сотрудничество трех государств. Де-факто это произошло за счет интересов Франции, поскольку ее ВПК потерял дорогостоящий контракт на поставку 12 подлодок Австралии, теперь отошедший к американским промышленникам. Как следствие, отношения Парижа с англосаксонскими странами стали приобретать кризисные черты: французские официальные лица сетовали на «удар в спину», временно были отозваны послы из Вашингтона и Канберры. И хотя дальнейший рост противоречий быстро удалось остановить на уровне первых лиц, данная ситуация наглядно продемонстрировала ограниченность влияния Франции в ИТР. В результате к началу второго срока Э. Макрона французская дипломатия в Индо-Пацифике оказалась на перепутье, выбирая между продолжением строительства «оси» в прежнем виде, частичным перезапуском этой стратегии или ее полным сворачиванием.

В этой связи настоящий доклад нацелен на обобщение не только итогов, но и перспектив внешней политики Франции на индо-тихоокеанском направлении по состоянию на конец 2022 г. Отмечается, что президент Э. Макрон скорее демонстрирует склонность развивать концепцию «оси» в исходном варианте, сумев добиться потепления в диалоге с Австралией после прихода к власти премьер-министра Э. Альбанезе. В частности, уже было восстановлено сотрудничество на уровне силовых ведомств, что подтвердила встреча министров обороны в Бресте в сентябре 2022 г. Указывается, что некоторую роль в новом франко-австралийском сближении косвенно сыграла и российская спецоперация на Украине — как событие, ускорившее консолидацию стран, относящих себя к коллективному Западу. Со стороны французской дипломатии продолжаются попытки заинтересовать индо-тихоокеанской тематикой членов Европейского союза, хотя в ближайшей перспективе те едва ли будут готовы сконцентрировать в регионе значительные военные возможности. Подчеркивается, что Париж продолжает налаживать контакты с другими государствами, ранее не входившими в его «ось», — например, Индонезией, ставшей в феврале 2022 г. очередным крупным клиентом французского ВПК. Указывается на сохраняющуюся заинтересованность Пятой Республики в постепенном наращивании своего военно-морского присутствия в ИТР — участии в новых совместных учениях, модернизации патрульных кораблей для заморских территорий и пр.

Между тем автор приходит к выводу, что в ближайшей перспективе французский региональный проект сохранит свою неустойчивость, будучи неспособным реально конкурировать с проамериканскими *QUAD* и *AUKUS*, а отчасти даже просто дополняя их. Скорее всего, «ось» останется жизнеспособной в той степени, в какой она не будет вновь противоречить интересам США, в связи с чем так и не заработает как полноценная коалиция или тем более альянс. С точки зрения интересов России активность Парижа в ИТР не несет непосредственной угрозы, однако в более широком контексте глобального соперничества разных сил на просторах Мирового океана тенденция на «маритимизацию» военной политики Франции заслуживает пристального внимания.

Исследование выполнено автором с опорой на основополагающие документы внешней и военной политики Пятой Республики, выступления первых лиц, материалы прессы, мнения российских и зарубежных экспертов, научные статьи и сборники по теме.

Доклад подготовлен в рамках грантового проекта Российского научного фонда № 22-78-00198 «Военная политика современной Франции: основные направления, тенденции, вызовы для России».

Чугунов А.В.
Университет ИТМО, Санкт-Петербург

ЭЛЕКТРОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАН С ВЛАСТЬЮ: ТРЕНД НА ЦЕНТРАЛИЗАЦИЮ КАНАЛОВ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ

Концепция «Электронного участия» в своей теоретической рамке рассматривает специфику функционирования механизмов обеспечения интерактивного взаимодействия власти и общества. Однако имеется и практико-ориентированный взгляд, когда электронное участие встраивается в качестве канала обратной связи в цифровые экосистемы электронного государства. При этом следует подчеркнуть, что определяющую роль в этих процессах играют не технологии, а специфика социально-экономической и политической системы, которая фиксируется в нормативной правовой базе и регламентах функционирования новых цифровых экосистем.

В последние годы система электронного участия в России претерпевает существенные изменения. Наши исследования показывают постепенное усиление централизации системы «обратной связи» с гражданами и ужесточение контроля федерального центра за региональными и муниципальными каналами электронного участия. Прежде всего, это связано с созданием сети Центров управления регионом (ЦУР), развитием которой с 2020 г. занимается АНО «Диалог. Регионы» при активном вовлечении региональных органов власти. Полномасштабное функционирование этой системы во всех субъектах РФ (кроме Москвы и Московской области) относится к 2021 г. После того как система заработала на региональном уровне, аналитические структуры, подобные ЦУР, начали создаваться и в органах местного самоуправления (ОМСУ). Также был создан и совершенствуется единый федеральный канал для сообщений «Госуслуги. Решаем вместе» (Платформа обратной связи — ПОС), функционирующий на Едином портале госуслуг (ЕПГУ). По заявлению вице-премьера Дмитрия Чернышенко, за 2021 г. ЦУРЫ в регионах обработали несколько миллионов обращений (в том числе поступивших через ПОС) и помогли принять «свыше 500 важных управленческих системных решений».

ПОС состоит из таких компонентов, как «Сообщения о проблемах», «Опросы/голосования», «Мониторинг инцидентов в социальных сетях» и «Госпаблики». Техническим оператором ПОС является Минцифры РФ, оператором внедрения — АНО «Диалог. Регионы». На 2022 г. к ПОС подключены органы власти всех 85 субъектов РФ. Таким образом, по состоянию на 2022 г. региональные и местные инициативы в области электронного участия были дополнены важными централизованными институциональными программами федеральной власти, что вносит существенные корректировки в экосистему электронного участия Российской Федерации.

По результатам исследований, проведенных экспертами Центра технологий электронного правительства, можно сформулировать следующие выводы:

Начиная с 2020 г. в России активно стимулируется создание и развитие новых централизованных каналов взаимодействия с гражданами (платформа обратной связи и другие каналы, которые обеспечиваются в рамках функционирования системы ЦУР, что вызывает в ряде случаев дублирование на региональном уровне).

Анализ процесса развития методов и технологий электронного участия в регионах / муниципалитетах Российской Федерации позволяет разделить его на следующие фазы:

- Первая: инициативная-общественная (2010–2012).
- Вторая: инициативная-региональная (2012–2020).
- Третья: централизованная-федеральная (начиная с 2020 г.).

Эти фазы (или этапы) условно можно представить как «волны», сосуществующие с разной степенью интенсивности в определенные периоды времени. В настоящее время нарастает «волна централизации» электронного участия, и это свидетельствует о желании федеральной власти контролировать ситуацию на местах, в связи с чем возникает ряд проблем и неявных конфликтов интересов между федералами и региональной властью. Можно отметить и нарастающую тенденцию распространить этот опыт на органы местного самоуправления.

Важной исследовательской задачей является комплексный анализ трансформации роли электронного участия как процесса принятия управленческих решений в России под влиянием централизации и распространения практик алгоритмического управления в контексте (а) взаимодействия между уровнями исполнительной власти и внутренних трансформаций политико-управленческих процессов внутри бюрократического аппарата и (б) взаимодействия органов власти и граждан.

На наш взгляд, методика мониторингового исследования каналов электронного взаимодействия власти с гражданами может быть использована для выявления эффективных ресурсов электронного участия в российских регионах и муниципалитетах. Определение региональных и муниципальных каналов электронного участия, имеющих развитую инфраструктуру и активную аудиторию, позволит провести работы по интеграции этих каналов с Платформой обратной связи на Едином портале госуслуг с учетом позитивного опыта других регионов, уже внедривших технологии такого взаимодействия и выстроивших соответствующие организационные процедуры.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

Чумиков А.Н.
МГЛУ, Москва

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРОВОМ КОНФЛИКТНОМ ПОЛЕ

Обращаясь к теориям конфликтов XX в., отметим ключевые различия основных концептуальных подходов к их рассмотрению. В качестве *первой дилеммы* здесь следует назвать противоположность подходов, вытекающих из типа государственно-политического устройства: «социалистического» и «капиталистического».

Известно, что К. Маркс и последователи его теории полагали, что именно в капиталистическом обществе происходят наиболее опасные конфликты, так как антагонистические противоречия порождают классовую борьбу между «трудом и капиталом», владельцами предприятий и работниками, имущими и неимущими категориями граждан. Утверждалось, что капитализм порождает и непримиримую межгосударственную конкуренцию, включая войны за передел мирового рынка.

Однако ведущие социологи XX в. трактовали ситуацию противоположным образом. Так, Л. Козер называл рыночные общества «открытыми» (плюралистическими), а нерыночные, а также иные, авторитарные и тоталитарные, «закрытыми» (ригидными, унитарными). Наиболее опасные конфликты, по его мнению, происходят как раз в закрытых обществах, поскольку блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы, ведут к насилию и революции. В плюралистическом обществе также происходят многочисленные конфликты между различными слоями и группами, но при этом оно доступно новым влияниям. Поэтому конфликт, выявляя напряжения, выполняет при этом конструктивные функции стабилизации и интеграции внутригрупповых отношений, выступает способом адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам (Coser L. The Function of Social Conflict. Glencoe, Ill, Free Press, 1956. — 188 p.).

Но конец XX и начало XXI в. принесли обновленное понимание происходящих в мире процессов. Прежнее, первоначально задуманное и реализованное «социалистическое» устройство, при своем нерыночном, ригидном характере и вытекающей из этого экономической несостоятельности, оказалось, на наш взгляд, более моральным по сравнению с антиподом. Данный вывод базируется на том, что группа рыночных теоретических понятий и практических действий, связанных с оборотом денег и конкуренцией в целом, замещалась в социалистическом обществе внерыночной зависимостью от виртуальных идеалов, которые, в отсутствие «капиталистических» отношений, становились реальными, что и означало более моральное общество. С возвратом распавшегося СССР и большинства других государств социалистического лагеря к рынку в 90-х годах XX в. произошло обратное замещение. Большинство государств отказались от «социалистических» идеалов и перешли к принципам рыночных отношений. Их принципиальная суть не менялась в ходе последующих десятилетий, несмотря на периодическое возникновение различных концепций социальной ответственности и справедливости. «Социалистическая» мораль была принесена в жертву «капиталистической» выгоде.

Суть *второй дилеммы*, в виде описания двух школ политической мысли, в числе ряда авторов изложил Х. Моргентау. Одна из концепций предполагает существование политического порядка, основанного на общепризнанных абстрактных принципах и присущих человеческой природе качествах — доброте и бесконечной податливости. Нарушение порядка является следствием недостатка знаний и пониманий, устаревшими социальными институтами либо порочностью определенных индивидов

или групп. Устранение названных проблем ведет к возвращению порядка. Данный подход Х. Моргантау называет «легализмом-морализмом» (англ.: *legalism-moralism*), где требования законности и положения морали существенно влияют на политику.

Другая школа считает, что несовершенный с рациональной точки зрения мир является результатом неизбежного столкновения противоположных интересов и стоящих за ними сил. Конфликт интересов неизбежен, а моральные принципы никогда не могут быть реализованы полностью. Они играют роль в политике, но не являются ее главным фокусом. В лучшем случае к этим принципам можно приблизиться посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений. Но стратегическая задача заключается в создании системы сдержек и противовесов, которая апеллирует к историческому прецеденту, а не к абстрактным принципам, и направлена на реализацию меньшего зла, а не абсолютного добра (*Morganthau H. Politics Among Nations. 6th ed. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1985. P. 3, 14*).

Представляется, что современная практика демонстрирует приоритет как раз «другой школы», т.е. нежизнеспособность «морализма» внутри «капиталистического» (рыночного, открытого) общества. Декларирование демократических принципов сосуществования становится все более лицемерным и прикрывающим действия во имя материальной выгоды, включая любые способы устранения или ослабления конкурентов. Но параллельно деградирует и поле «легализма». В политике XXI в. это проявилось, например, в том, что на основе «демократической целесообразности», не согласованной с законностью, произошли «цветные революции» в Европе, «арабская весна» на Ближнем Востоке, свержение власти в Ираке и Ливии.

«Исчезновение права», как мы называем данный феномен, наблюдается и в экономической сфере. Так, в третьем десятилетии XXI в. «священное право» частной собственности игнорируется при блокировании золотовалютных резервов России, изъятии активов государства и частных лиц в США и других странах Запада. В ответ Россией принимаются ответные меры в виде внедрения рублевых платежей в международных сделках, параллельного импорта и разрыва лизинговых контрактов.

Чупрова Д.А.
независимый исследователь, Москва,
Бондарев М.Д.
АНО ЭИСИ, Москва

АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ НА ДИНАМИКУ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КОРПОРАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В СФЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ГОСРЕГУЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ GR-КАМПАНИИ РУСАЛА ПО РАЗВИТИЮ УГЛЕРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ)

Исторически крупный бизнес всегда стремился воздействовать на формирование и реализацию отраслевой государственной политики для достижения собственных целей. Сегодня, по мере отмечаемого экспертами усложнения внешней по отношению к бизнес-субъектам среды (углубление диверсификации экономических отношений, эволюция систем государственного управления и международных связей и т.д.), эта деятельность, получившая название корпоративной политической активности (КПА), становится все более гибкой и многогранной.

КПА объединяет всю совокупность форм и методов участия субъектов бизнеса в политическом процессе. Как правило, вовлеченные компании стремятся с ее помощью улучшить свои финансово-экономические показатели, снизить регуляторные издержки и упрочить позиции в странах ведения бизнеса. Последовательная и планомерная работа в политической сфере признается в экспертной среде действенным способом достижения экономических результатов внеэкономическими средствами.

Одним из факторов наблюдаемого сегодня усиления динамики КПА является растущее влияние международных отраслевых трендов на внешнюю среду крупных компаний, которые по мере расширения масштабов своей деятельности сталкиваются с многочисленными режимами национального и наднационального регулирования. В наши дни деятельность по представлению и продвижению их интересов происходит не только в узком формате диалога бизнес-государство: зачастую имеет место полилог между заинтересованными компаниями, нередко занимающими противоположные позиции, национальными и наднациональными регуляторами, страновыми и международными структурами гражданского общества.

Колоссальная роль крупных фирм в мировой экономике с точки зрения количества рабочих мест, величины налоговых выплат и объема промышленного производства делает актуальным вопрос анализа особенностей динамики протекания их КПА на фоне усложняющегося внешнего контекста. При этом особый интерес представляют лоббистские кампании внутри одной отрасли, одновременно затрагивающие национальный и международный уровень принятия решений.

Может ли фирма успешно отстаивать свои интересы внутри государства и за его пределами, если позиции страны пребывания и международного сообщества начинают расходиться? Как меняются цели и акценты лоббистской кампании при смене ключевого драйвера повестки?

Ответить на эти вопросы можно только путем совмещения холистских (неоинституционализм, сетевой подход) и активистских (бихевиорализм, теория рационального выбора) теоретико-методологических подходов. Такой научный синтез позволяет комплексно рассмотреть различные аспекты корпоративного реагирования на динамику внешней, нерыночной среды с помощью КПА. Так, бихевиорализм и теория рационального выбора позволяют выявить внутренние факторы (ценности, интересы, установки), влияющие на ЛПП разных уровней, а неоинституционализм и сетевой подход акцентируют внимание на формальных и неформальных структурных аспектах, задающих рамки для деятельности организации.

В ходе анализа исследователи реконструировали актуальную политико-управленческую ситуацию, связанную с действиями алюминиевой компании «РУСАЛ» в рамках лоббистской кампании по введению углеродного налога в России (2015–2022 гг.). Этот кейс интересен как минимум по двум причинам. *Во-первых*, в связи со значимостью вопросов формирования национальной системы углеродного регулирования («Политика низкоуглеродного развития» — один из приоритетных федеральных проектов в рамках национальной программы «Экология», реализуемой Правительством РФ). *Во-вторых*, из-за диалектического характера проявления отраслевой инициативы: первоначально драйвером международной и, как следствие, внутренней, российской кампании были западные государства, однако с начала 2022 г. стали появляться признаки перехвата «зеленой инициативы» российскими стейкхолдерами.

ПРОБЛЕМА ДВОЙНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ЖАН-ЖАКА РУССО И КЛАССИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Способно ли политическое тело республики указывать на мир, находящийся за пределами мира физического? Что означает трансцендентное для людей республики? Жан-Жак Руссо, стараясь ответить на эти вопросы в республиканском духе, сталкивается с проблемой так называемой двойной лояльности, которая, отмечу, не мыслилась как проблема в классической республиканской традиции.

Первый же тираж трактата «Об общественном договоре», изданный в 1762 г. во Франции, был быстро конфискован, а сам трактат был запрещен. Через несколько месяцев схожая судьба постигла часть тиража, оказавшуюся в Женеве. Женевцы не преминули устроить публичное сожжение копий. Основные претензии французского государства и женеvских властей были к главе «О гражданской религии» (Руссо, 1998).

В этой главе Руссо без обиняков заявлял, что христианская республика — это оксюморон. Христианство противоречит сути республики. Свое обвинительное заключение Руссо строил на нескольких доводах. Прежде всего, «отечество христианина не от мира сего». А это значит, что последний хоть и исполняет свой долг перед отечеством, однако «делает сие с глубоким безразличием к успеху или неудаче его стараний... для него не важно, хорошо или дурно обстоит все здесь, на земле». Кроме того, «покорность воле Божьей», в том числе в делах защиты отечества, есть для христианина средство, позволяющее «попасть в рай».

Можно понять, почему эти доводы и заключение не пришлись по нраву французскому государству, состоявшему в союзе с Католической церковью. Однако может быть не столь очевидно, что эти доводы расходятся с традицией республиканской. Аргументы Руссо можно рассматривать как направленные не только и не столько против христианской республики, сколько против идеи о связи республики со сферой трансцендентного. Суть тезиса Руссо заключается в невозможности двойной лояльности: лояльности отечеству и трансцендентному. Вместе с тем, классические республиканские авторы не видели проблемы в ситуации двойного служения.

Для Цицерона именно преданность отечеству означала шаг к трансцендентному, который хорошо проиллюстрирован речью Публия Африканского Старшего в «Сновидении Сципиона». Обращаясь к сыну, он говорит: «Но знай, Публий Африканский, дабы тем решительнее защищать дело республики: всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство. Ибо ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром, — во всяком случае, всем происходящим на земле, — как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые республиками...» (Цицерон, 2020).

Причем исполнение долга по отношению к отечеству оказывается не просто шагом к трансцендентному, но шагом самым решительным: «тот долг, великий по отношению к родителям и близким, по отношению к отечеству величайший». Корнелий Сципион заключает: «Самые благородные помышления — о благе отечества; ими побуждаемый и ими испытанный дух быстрее перенесется в эту обитель и в свое жилище».

Если же возвращаться к разговору о христианской республике, то мы обнаружим, что и здесь проблема двойной лояльности может не рассматриваться как препятствующая существованию общего дела. Аргументы «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия», на первый взгляд, могут показаться моделью, с которой сверялся Руссо, формулируя свою критику христианской республики. В самом деле, Макиавелли в некоторых пассажах однозначен: «[Христианство] почитает высшее благо в смирении, в самоуничижении и в презрении к делам человеческим; тогда как религия античная почитала высшее благо в величии духа, в силе тела и во всем том, что делает людей чрезвычайно сильными. А если наша религия и требует от нас силы, то лишь для того, чтобы мы были в состоянии терпеть, а не для того, чтобы мы совершали мужественные деяния» (Макиавелли, 2008).

Однако далее Макиавелли совершает неожиданный поворот, которому Руссо явно не последовал, он пишет: «И если теперь кажется, что весь мир обабился, а небо разоружилось, то причина этому, несомненно, подлая трусость тех, кто истолковывал нашу религию, имея в виду праздность, а не доблесть. Если бы они приняли во внимание то, что религия наша допускает прославление и защиту отечества, то увидели бы, что она требует от нас, чтобы мы любили и почитали родину и готовили себя к тому, чтобы быть способными встать на ее защиту». Кого именно имел в виду Макиавелли, говоря о ложном истолковании христианства, — предмет отдельного рассмотрения. Сейчас для нас важно, что он не видел принципиального противоречия между устремлением к Граду Божественному и защитой Града Земного. Что заставляет Руссо видеть проблему двойной лояльности всякий раз,

когда республика указывает за пределы физического мира? На мой взгляд, причина в том, что Руссо наделяет свойствами трансцендентного общую волю. Подробнее я постараюсь обосновать этот тезис в своем выступлении.

Шабров О.Ф.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

НОВАЯ МИРОВАЯ ПЕРЕСТРОЙКА И НОВЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Термин «перестройка» устоялся как обозначение перемен позднего СССР. Сегодня, однако, очередной процесс перестройки охватил весь мир. К сожалению, процесс этот пошел не по пути горбачевского «нового мышления». Дело тут не только в попытках «победителей» воспользоваться крахом одного из полюсов двухполярного мира и выстроить нужный им мир однополярный. Начало нового тысячелетия ознаменовалось формированием новых, глобальных факторов, которые диктуют принципиально иную, радикально отличающуюся от привычной логику политического процесса и политического управления.

Первый из них, на который обратила внимание группа ученых в докладе Римскому клубу еще в 1972 г., — это достижения предела антропогенной нагрузки на природу. Их прогноз полностью подтвердился, развитие же экономики и рост населения стран «третьего мира» обострили эту проблему, а вместе с ней и борьбу за ресурсы. В свою очередь, обострение борьбы за ресурсы стимулирует рост военных расходов, что ложится дополнительным бременем на природную среду. К этому добавился *второй* фактор: на фоне истощения природных ресурсов вновь в мировой конструкции появился второй полюс, Китайская Народная Республика, которая все более уверенно заявляет свои претензии и на природные ресурсы, и на подобающее место в мировой политике. Все это ставит под серьезный вопрос и возможности наращивания совокупного военного потенциала, и перспективы общества потребления.

Между тем на мировую арену вышел еще один игрок: глобальные элиты, опирающиеся на экономические ресурсы транснациональных корпораций (ТНК) и мировых финансовых центров. То, что совсем недавно отрицалось как «конспирологические теории», приобрело сегодня значимость *третьего* фактора политического управления, важность которого с каждым годом нарастает. Его появление не только внесло дополнительную остроту в борьбу за природные ресурсы, но и актуализировало проблему государственного суверенитета.

Проблема антропогенной нагрузки поставила также под вопрос целесообразность применения ядерного оружия против стран, на ресурсы которых претендуют потенциальные агрессоры — страны-конкуренты или ТНК: территория, подвергшаяся атомной бомбардировке, будет на десятки и сотни лет выведена из производственного цикла из-за радиоактивного заражения. Это обстоятельство предопределяет перенос центра тяжести противостояния из военной в другие сферы, все большее распространение получают гибридные формы ведения войны.

Одним из объектов гибридных войн, наряду с экономикой, стала культура, на общности которой покоится национально-государственная идентичность. На первый план вышли технологии *Soft Power*, суть которых можно выразить формулой «понуждение других хотеть результатов, которые вы желаете получить». Эффективному применению этих технологий служат трансграничные возможности среды «Интернет», ставшей еще одним, *четвертым* фактором политического управления, позволяющим перемещать людей из реального мира в мир виртуальный и формировать у них виртуальные потребности, оторванные от реальной жизни.

Мировая перестройка продолжается. Россия оказалась в центре притязаний глобальных игроков как огромная кладовая природных ресурсов и как страна, обладающая значительным ядерным потенциалом. Чтобы эффективно противостоять этим притязаниям, необходимо, разумеется, поддерживать обороноспособность страны. Но этого недостаточно. Необходимо наращивать усилия, направленные на сохранение российской культуры, лежащей в основе национально-государственной идентичности, на восстановление единства поколений, формирование у молодежи уважения к прошлому страны, вне зависимости от исторических периодов. На первый план выходит роль институтов семьи и образования, учреждений культуры, общественных объединений.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПАРАДИГМЕ

Геополитические и социокультурные вызовы современности оказывают негативное влияние на идентификационные процессы и политику идентичности и способствуют кризису многоуровневой идентичности. Более того, некоторые государства не осознают, что мы живем в очень хрупком мире. Вместо объединения ради общего будущего политики, руководствуясь силовым методом, создают напряженность и опасные ситуации для народов.

Актуализация политики идентичности в мире и российском обществе обусловлена рядом причин. Остановимся на некоторых.

Первая причина связана с появившимися новыми вызовами после геополитической катастрофы — распада Советского Союза. Вторая — в 2020–2021 гг. негативное влияние глобальной пандемии на мир и регионы, которое вызвало растерянность и отчуждение; ослабление межличностного и институционального доверия. Третья — стремление западных стран разрушить единство и целостность нашего мира и подчинить себе весь мир. Четвертая причина связана с отсутствием культуры цифровизации глобального общества, в котором формируется новая социально-политическая реальность. В ней появились понятия: «нормальная реальность», «сетевая культура», «сетевая идентичность», «цифровое поколение» и т.д., наполненные новым ценностным содержанием. Это искусственный мир, формирующий ценностный мир человека, в котором происходит подмена естественного процесса социализации и идентификации искусственным, навязываемым Интернетом.

В условиях современной реальности актуализируется решение проблемы идентичности, усиление политики идентичности. Важно понимание ценностного смысла понятий «национальное единство» и «национальная идентичность», «солидарность», «сплоченность», «российская нация» и т.д. В этой связи представляется актуальным переосмысление сущности и специфики коллективной идентичности и рассмотрение методологических подходов в познании идентичности, в частности политики идентичности регионов и политики российской идентичности.

В последние годы наметились новые исследовательские подходы к идентичности. Так, методологический аспект реализуется в области междисциплинарности; политические практики активизировали свою работу в контексте полипарадигмальности; переосмысливается классическое определение идентичности Э. Эриксона; в исследовательской практике признается конструктивистско-инструменталистский подход; аргументируется существование новых видов идентичности и т.д.

Представляется важным вспомнить, что современная политика идентичности проводится в условиях турбулентности, современных геополитических вызовов и социокультурных рисков. В этих условиях методы классической и неклассической науки ограничены в исследовании современных объектов политики и политической идентичности. Не менее важным является и то, что изменился характер исследуемых объектов в рамках политики идентичности: они представляют собой сложные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием.

В современной, постнеклассической науке (с середины XX в. по настоящее время) обозначилась междисциплинарная методология, дающая возможность понять механизм саморазвития сложных систем «идентичность», «политика идентичности», «многоуровневая идентичность», «общество», «культура» и определить основополагающие, базовые компоненты — параметры порядка этих сложных систем.

Исследовательский коллектив (З.А. Жаде, Н.А. Ильинова, И.В. Киреева, Е.С. Куква, С.А. Ляшева, А.Ю. Шадже) Адыгейского государственного университета, руководствуясь междисциплинарной методологией, в рамках проектов РФФИ и ЭИСИ осмыслил политику идентичности в Республике Адыгея и Краснодарском крае в условиях современной сложности и показал, что трансформировались методы управления и направления идентификационных процессов. Руководствуясь синергетическим методом при изучении северокавказского общества, была построена синергетическая модель укрепления российской идентичности на Северном Кавказе.

Перспективы будущих научных исследований будут определяться выполнением Программы стратегического развития Адыгейского государственного университета на 2021–2030 гг. Представляется важным: а) расширить исследовательское поле за счет включения цифровых и математических методов для получения новых результатов по политике идентичности; б) активизировать нелинейное моделирование региональных социально-политических явлений; в) исследовать нелинейный характер политического диалога и выявить его ценность. Безусловно, вся эта работа нацелена на развитие региона и укрепление единства Российского государства в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского края)».

Шалаев Н.Е.

СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург

ЯВКА, РАЗНООБРАЗИЕ ВЫБОРА И ЭФФЕКТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К БОЛЬШИНСТВУ НА ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Изменяется ли разнообразие выбора избирателей как функция от уровня явки? Увеличивается ли фрагментация электората при более высоких уровнях явки, например, за счет активизации обычно латентных групп избирателей, или же она падает за счет эффекта присоединения к большинству? Или же склонность к абсентеизму одинакова для всех групп электората, и разнообразие электорального выбора остается постоянным на всех уровнях явки? Эти вопросы представляют бесспорный интерес при изучении электорального поведения, но в наши дни к ним стали обращаться и с прикладной точки зрения. Связь разнообразия результатов и уровня явки можно использовать в качестве индикатора вмешательства в ход волеизъявления избирателей: известные механизмы грубого вмешательства в выборы (вбросы бюллетеней, приписки и т.п.) однонаправленно изменяют и явку, и результат кандидата-бенефициара, а следовательно, снижают наблюдаемую фрагментацию электората с ростом фиксируемой явки. Однако существует и потенциальное естественное объяснение такой динамики: эффект присоединения к большинству мобилизационного типа¹.

Несмотря на кажущуюся элегантность этого альтернативного объяснения, необходимо отметить, что подавляющее большинство литературы по эффекту присоединения к большинству имеет дело с эффектом конверсионного типа, т.е. с изменением высказываемых предпочтений избирателями, которые в принципе уже готовы голосовать, — фактически речь идет об упрощенной форме стратегического поведения. Существование подобного рода эффекта сомнений не вызывает², равно как и его широкое распространение. Однако подобный эффект не изменяет предпочтения избирателей относительно участия в голосовании и, следовательно, должен выражаться в виде параллельного изменения фрагментации на всех уровнях явки.

Интересующий нас вопрос эффекта присоединения к большинству мобилизационного типа исследован гораздо менее обширно. Этот тип эффекта предполагает, что влияние оказывается, *во-первых*, на доселе неактивных избирателей, мотивируя их к явке вопреки текущей склонности к абсентеизму; и *во-вторых*, относительно формирования у них конкретных электоральных предпочтений. Это гораздо более сложный механизм, и насколько широко он распространен в реальности, не вполне ясно.

Данное исследование ставит своей задачей установить, насколько эффект присоединения к большинству мобилизационного типа является обычным явлением на выборах, и совпадают ли случаи наблюдения падения фрагментации с ростом явки с имеющимися сообщениями о случаях вмешательства в волеизъявление избирателей. Для этого были изучены сто случаев общенациональных выборов (президентских и парламентских) в 14 странах Восточной Европы, данные о которых были зафиксированы на уровне избирательных участков. Поскольку толчком к данному исследованию послужили работы С. Коулмана³ и А. Бородина⁴, то опорной мерой разнообразия была принята энтропия (Шеннона и Реньи). Дополнительно были использованы и такие меры разнообразия, как эффективное число партий (Лааксо⁵ и Голосова⁶), а также индексы Джини, Симпсона и Бергера-Паркера.

Разнообразие электорального выбора в большинстве случаев оставалось примерно равным (или слегка убывающим) на всех наблюдаемых уровнях явки, за исключением минимальных и макси-

¹ Barnfield M. Think Twice before Jumping on the Bandwagon: Clarifying Concepts in Research on the Bandwagon Effect // Political Studies Review. 2019. P. 1–22. DOI: 10.1177/1478929919870691.

² Farjam M. The Bandwagon Effect in an Online Voting Experiment With Real Political Organizations // International Journal of Public Opinion Research. 2021. Vol. 33. Issue 2. P. 412–421. DOI: 10.1093/ijpor/edaa008.

³ Coleman S. Russian Election Reform and the Effect of Social Conformity on Voting and the Party System: 2007 and 2008. MPRA Paper No. 14304. 2009. URL: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/14304/>; Coleman S. The Effect of Social Conformity on Collective Voting Behavior // Political Analysis. Winter 2004. Vol. 12. No. 1. P. 76–96.

⁴ Бородин А.Д. Согласованность коллективных действий в поведении российских избирателей // Экономический журнал ВШЭ. 2005. Т. 9. № 1. С. 74–81.

⁵ Laakso M., Taagepera R. “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. No. 12 (1). P. 3–27.

⁶ Golosov G.V. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. No. 16. P. 171–192.

мальных значений, где даже небольшие изменения проявляются более ярко. Эффект присоединения к большинству мобилизационного типа оказался нехарактерным для выборов в странах Восточной Европы. Между тем в небольшом количестве случаев подобная тенденция проявилась. Однако наряду со странами, к которым предъявлялись претензии относительно результатов выборов (Армения, Украина), среди них оказалась и Эстония (2015).

Шамшура К.А.
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Проблематика сохранения и использования историко-культурного наследия традиционно находится в поле зрения таких наук, как история, культурология, музеология, юриспруденция и отчасти экономика. Вместе с тем, указанная тема представляет интерес и для политической науки. В данной работе предпринята попытка обозначить перспективные направления в изучении государственного управления историко-культурным наследием в рамках политологии.

Государственная политика в области сохранения историко-культурного наследия обладает рядом специфических особенностей. Сам по себе феномен государственной охраны наследия в большинстве стран мира оформился как система лишь во второй половине XX в. До этого момента вопросами сохранения наследия занимались преимущественно негосударственные акторы — научные и краеведческие общества, специальные фонды, а вмешательство государства было эпизодическим. При этом показательно, что в периоды, когда государство устранилось от вопросов охраны историко-культурного наследия, зачастую местные сообщества своими силами продолжали попытки сохранять памятники старины.

На сегодняшний день для политической науки представляются актуальными следующие аспекты темы. *Во-первых*, поскольку историко-культурное наследие является объектом государственного управления и существует многоуровневая система органов исполнительной власти, в ведении которых находится реализация соответствующей государственной политики, то неизбежно встает вопрос о принципах, моделях, механизмах и эффективности управления. И если на данные вопросы постепенно начинают предприниматься попытки дать ответы, то практически отсутствуют сравнительные исследования региональных систем государственного управления по сохранению историко-культурного наследия. В указанном отношении следует отметить необходимость дальнейшего изучения норм, принципов, моделей разработки и реализации публичной политики с учетом региональной специфики. *Во-вторых*, для сферы управления историко-культурным наследием характерен относительно высокий уровень участия общественных и коммерческих структур, а также экспертов из научной среды. К настоящему времени в разных странах сложились различные модели управления историко-культурным наследием. В ряде из них центральную роль играют институты гражданского общества и экспертные сообщества, которым делегируются полномочия по реализации государственной политики. Ярким примером такого подхода является практика «доверительного управления» историко-культурным наследием. Данный факт подводит к проблемам участия различных групп интересов в политико-управленческом процессе, межсекторного взаимодействия и диффузии власти от государственных органов к негосударственным политическим акторам и, соответственно, к вопросам децентрализации управления на основе принципов субсидиарности.

В-третьих, несмотря на наличие некоторого количества политологических работ, направленных на изучение управления историко-культурным наследием, не разработанными остаются вопросы, связанные с ролью представительных органов власти, общественных объединений, экспертных сообществ в процессе формирования политики. Интересным представляется анализ практик «адвокации» (*advocacy*) и методов общественного давления на принятие политико-управленческих решений. Не получили достаточного освещения в литературе конфликты относительно объектов историко-культурного наследия, за исключением деятельности градозащитных движений.

Таким образом, в настоящее время в области исследования управления историко-культурным наследием продолжает сохраняться широкий спектр проблем, требующих дальнейшего изучения в политической науке.

ВОЙНА ИНЫМИ СРЕДСТВАМИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОГО ПРОТИВОБОРСТВА

К началу третьего десятилетия XXI в. в инструментарии соперничества ведущих мировых держав значительно расширилось применение ненасильственных (политических, дипломатических, экономических, информационных) форм давления на оппонентов. В арсенале средств, которые используются ведущими государствами для оказания политического и экономического воздействия на ключевых соперников, существенно возросло применение односторонних ограничительных мер. Яркой иллюстрацией служат действия США — наиболее активного инициатора разнообразных рестрикций. США располагают наиболее широкими возможностями для применения экономических санкций благодаря доминирующей роли доллара как основной резервной валюты и средства внешних расчетов, а также мощи национальной экономики. По числу введенных односторонних ограничений (экономических санкций, рестрикций в финансовой, торговой и технологической сферах) США являются мировым лидером¹. В сочетании с другими внешнеполитическими инструментами санкции призваны оказать давление на оппонентов для достижения Вашингтоном своих политических целей.

После начавшегося в 2014 г. украинского кризиса США и их союзники ввели серию санкций против Москвы. Новый раунд ограничений, принятых после признания Россией народных республик Донбасса и начала специальной военной операции на Украине (с 24 февраля 2022 г.), имеет беспрецедентный характер. Впервые в современной мировой экономике и международных отношениях масштабному санкционному прессингу подвергается одна из крупнейших держав. Против России введено рекордное число экономических, финансовых, секторальных и персональных санкций. Ухудшение экономической динамики в странах-инициаторах санкций (рост цен на энергоресурсы и продовольствие, повышение уровня инфляции и безработицы) не останавливает их от введения новых и расширения действующих ограничений. Геополитические амбиции стран Запада во главе с США преобладают над экономической прагматикой.

Цель исследования — проанализировать процесс формирования американской политики санкций в отношении России после начала спецоперации на Украине; оценить перспективы модификации санкционного режима США. Особое внимание уделяется выявлению логики принимаемых демократической администрацией Дж. Байдена санкционных решений. Для определения логики выработки ограничительных мер США используется подход, сформулированный авторитетным специалистом по санкционной проблематике, политологом Фр. Джумелли². В рамках данного подхода приоритетное внимание уделяется анализу восприятия конкретной проблемы государством, инициирующим санкции, и его мотивации. В первую очередь рассматриваются такие параметры, как значимость проблемы в общей иерархии внешнеполитических приоритетов инициатора санкций; степень угрозы его национальным интересам; изменения международной среды.

В условиях обострения междержавной конкуренции, которое является долгосрочным трендом, США диверсифицируют и модернизируют инструменты давления на оппонентов, в первую очередь односторонние санкции. Это позволяет вести интенсивную конкурентную борьбу в ненасильственных формах, избегая непосредственного применения вооруженной силы. В то же время низкая результативность экономических санкций, редко вынуждающих таргетируемые государства изменить политический курс, способствует консервации существующих и накоплению новых противоречий в межгосударственных отношениях. Эскалация взаимных претензий крупнейших держав чревата перерастанием политической борьбы в вооруженное противостояние с применением комплекса традиционных и новых средств принуждения. Указанные риски ведут к ослаблению международной безопасности.

Обширный комплекс американских ограничений против России (прежде всего меры, закрепленные на законодательном уровне) в будущем будет крайне сложно демонтировать. Администрация США продолжит оказывать санкционное давление на Москву, применяя ограничительные меры в отношении критически важных секторов российской экономики. В русле общей линии на обновление санкционного правоприменения США будут активнее использовать существующие и новые способы воздействия на нарушителей антироссийских санкций. Вашингтон усилит политическое давление на государства, которые не участвуют в антироссийских санкциях, в целях ограничения или прекращения их взаимодействия с Москвой в торгово-экономической, энергетической, военно-технической, технологической областях. Курс США и их союзников на ослабление международной конкурентоспособности России будет продолжен и носит долгосрочный характер.

¹ Drezner D. The United States of Sanctions // Foreign Affairs. September/October 2021. Vol. 100. No. 5. P. 142–154.

² Giuglietti F. Coercing, Constraining and Signalling: Explaining and Understanding International Sanctions after the End of the Cold War. Colchester: ECPR Press, 2011. — 226 p.

НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В современном обществе развитие информационных технологий и цифровизация стали общемировым трендом, так как все сферы общественной, государственной и даже личной жизни испытывают влияние этих новых технологий. Развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние, расширяя как возможности антикоррупционной деятельности, так и возможности для совершения и сокрытия коррупционных деяний и схем. Можно констатировать появление новых видов преступлений и новых способов их совершения на фоне внедрения цифровых информационных технологий в государственные, управленческие, политические, общественные и коммерческие структуры. Вместе с этим, открываются и новые возможности в части сбора доказательств, выявления следов коррупционных преступлений. В научной литературе даже нашел свое отражение новый термин — «*виртуальный след*», под которым понимают результат совершения определенных действий в компьютерной и цифровой среде, изменения в системах хранения компьютерной информации, связанные с преступлением.

Таким образом, влияние цифровых и информационно-коммуникационных технологий на эффективность борьбы с коррупцией можно разделить на два направления: условно, негативное, т.е. снижающее эффективность, и, соответственно, позитивное — влияние на повышение эффективности антикоррупционной политики.

Среди сторонников технических нововведений в работу государственных структур уже укоренилось мнение о том, что «с помощью цифровизации будет одержана победа над коррупцией, так как цифровые технологии повышают степень прозрачности управленческой деятельности, а решение каждого чиновника можно подвергнуть анализу со стороны экспертного сообщества и оценить его правильность».

Важно отметить, что ИТ не следует воспринимать как панацею и генеральное средство в механизме антикоррупционной политики, а лишь как один из методов и способов превентивной защиты, цифровой арсенал борьбы с коррупцией и инструментарий для выявления уже совершенных деяний. Но в современных реалиях тотальной глобализации и цифровизации *противодействие коррупции* — это одна из важнейших задач государств и международных организаций, решение которой должно основываться, в значительной степени, на цифровой трансформации антикоррупционных методов.

Несмотря на высокую перспективность внедрения ИТ в антикоррупционную деятельность, необходимо выделить и обратную сторону — абсолютизация влияния ИТ на борьбу с коррупцией в государственной, экономической и общественной сферах может перерасти в новый, всеохватывающий вид тоталитарного режима: тотальное отслеживание действий как служебных, так и частных лиц — так называемый «цифровой концлагерь». Поэтому *основным условием внедрения ИТ* в любую сферу деятельности публичных органов власти и охраны правопорядка должны быть гарантированность частных прав, защита персональных данных, а также приоритет сохранения государственной и коммерческой тайны.

Применение этих технологий в антикоррупционной сфере может дать государству следующие преимущества:

- Информационные технологии позволяют исключить субъективность восприятия, они функционируют согласно с заданным алгоритмом и процедурой, а значит, они более защищены от внешних влияний и воздействий, чем человек, занимающий ту или иную должность.
- Возможность хранить и обрабатывать информацию в большом объеме, который слишком сложен для рассмотрения и объективного анализа человеком.
- Экономия бюджетных средств, оптимизация штатной численности и затрат времени должностных лиц, которые осуществляют противодействие коррупции, за счет возможности работать только с конкретными случаями и наличия оцифрованной информации о документах, финансовых транзакциях и т.д.
- Предупреждение коллизии интересов, внедрение системы декларирования активов, подотчетность и верховенство права в публичном секторе госуправления и экономики.
- Эффективное взаимодействие с физическими и юридическими лицами, другими субъектами, включая гражданское общество и журналистов для выявления и предотвращения коррупционных деяний.
- Обеспечение через ИТ реализации принципа транспарентности деятельности органов государственной власти и муниципального управления.
- ИТ позволяют выявлять конфликт интересов посредством мониторинга публичных лиц и чиновников, застройщиков, участников торгов, приобретаемых ими земельные участки, объектов недвижимости и т.д.
- Основное преимущество внедрения ИТ в антикоррупционную борьбу на всех направлениях — это снижение влияния человеческого фактора.

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В СОЗНАНИИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ СФО

Текущий год без преувеличения можно считать «годом патриотизма» в российской политике, особенно в образовательной и молодежной. Это выражается в резком росте числа проводимых с участием школьников и студентов акций патриотической направленности, в провозглашении курса на усиление воспитательной работы в школах, введении в них факультативных уроков «Разговоры о важном» для обсуждения текущих мировых событий, процедуры еженедельного пения гимна и поднятия российского флага. Все это сочетается с активной антизападной риторикой. Целью указанных мероприятий должно стать усиление патриотических настроений в молодежной среде.

Вместе с тем, современные студенты и школьники живут в реалиях цифрового общества. Лежащее в его основе глобальное информационное пространство, плюрализм представленных в нем потоков информации и точек зрения, возможность не зависящей от пространственных границ онлайн-коммуникации могут войти в противоречие с патриотизмом как идеологией формирования национальной идентичности, основанной на противопоставлении «мы-они», и стать еще одним основанием размежевания молодежной среды.

В то же время исследования, ранее проведенные коллективом политологов Алтайского государственного университета в регионах Сибирского федерального округа (далее — СФО), позволяют предположить, что усиление патриотической пропаганды не вызовет резкого отторжения среди школьной молодежи.

Данная гипотеза обусловлена целым комплексом факторов.

Во-первых, почти половина учащихся старших классов еще до начала СВО относилась к патриотам, однозначно ассоциируя себя со страной в целом (указывали на доминирование у них общероссийской идентичности). Например, согласно результатам опроса 2020 г. (объем выборки — 2050 учащихся 8–11 классов 10 регионов Сибирского федерального округа; выборка несвязанная квотная с контролем возраста, класса типа населенного пункта и региона проживания. Метод — анкетирование), патриотами в большей или меньшей степени определяли себя 46,7% опрошенных.

Во-вторых, патриотизм школьников сибирских регионов носит во многом державнический (имперский) характер. Недаром 32,5% учащихся в 2020 г. считало, что «Россия была и остается великой мировой державой», а 35,3% — что «Россия перестала быть великой мировой державой, но может стать ею». Процент думающих иначе был крайне незначителен: 5,2% отметили, «Россия навсегда перестала быть великой мировой державой», а 2,4% — что она «никогда не была и не будет великой мировой державой». С этой позиции СВО и противостояние с Западом может оцениваться школьниками как проявления державности.

В-третьих, в сознании школьников 8–11-х классов, особенно в национальных республиках, широко распространена модель «слепого» патриотизма. Для него, как отмечали авторы этой теории Р. Шатц, Э. Стауб и Г. Лавин, характерна привязанность к своей стране и беспрекословная ее положительная оценка, дополняемая нетерпимостью к критике своего государства и высоким уровнем доверия к традиционным институтам, особенно силовым.

В-четвертых, в большинстве регионов СФО, особенно в национальных республиках, в последние годы активно реализуются программы патриотического воспитания, проводятся различные акции и мероприятия патриотической направленности, однако уровень реальной вовлеченности в них учащихся нельзя назвать очень высоким. Это позволяет констатировать, что школьники относят данные мероприятия к категории «информационного шума» — они не протестуют против участия в них, но и не погружаются в их содержание.

И, наконец, большую роль в восприятии молодыми людьми патриотизма играет рациональный фактор — способность государства обеспечить достойные условия жизни своим гражданам. Если государство сможет продемонстрировать молодежи, убедить ее, что «здесь сегодня лучше, чем там», что комфорту и безопасности подростков ничего не угрожает, это укрепит патриотические установки в сознании данной группы, в частности, у носителей «конструктивного патриотизма», до этого довольно критически настроенных к российской действительности.

В целом можно отметить, что современная патриотическая риторика российской власти оказалась больше всего направлена на школьников, что не может не вызвать ответную реакцию данной группы. Именно в ней, в частности среди старшеклассников, возможно возникновение конфликта ценностей патриотизма и информационного общества, результат которого будет зависеть от развития ситуации в стране и мире в краткосрочной перспективе.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Шаяхметов А.М.
БАГСУ, Уфа

МОДЕЛИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РУКОВОДИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ РЕГИОНОВ РОССИИ: АНАЛИЗ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ

Последние годы в региональной политической конфигурации отмечается рост субъектности института региональных премьер-министров. На сегодняшний день отдельная фигура председателя правительства присутствует в 31 регионе страны, преимущественно в «национальных» республиках.

Вместе с тем, единообразия в наименовании должности и функционале представителей этого института нет. Они могут находиться и в статусе премьер-министров, и руководителей аппаратов глав региона, и вице-губернаторов. В сферу их полномочий входит ответственность за социально-экономическое развитие субъекта Федерации, решение вопросов демографии и преодоления западной санкционной политики.

Анализ управленческих профилей глав региональных правительств позволяют выявить 4 основные модели их воспроизводства:

- уроженцы данного субъекта Федерации с бэкграундом работы в органах власти или бизнесе на федеральном уровне, имеющие серьезные лоббистские возможности — К. Зайцев (Иркутская область), А. Назаров (Республика Башкортостан);
- уроженцы данного субъекта Федерации с опытом карьерного строительства только в рамках своего региона и глубоким знанием региональной специфики и внутриэлитной конфигурации — А. Алсуфьев (Архангельская область), А. Абдулмуслимов (Республика Дагестан);
- уроженцы других регионов («варяги»), пролоббированные на должность федеральным центром. Имеют существенный лоббистский потенциал, занимаются решением вопросов, от которых дистанцируется глава региона — А. Тарасенко (Республика Саха), В. Слостёнин (Республика Ингушетия);
- уроженцы других регионов («варяги»), являющиеся частью команды губернатора. Как правило, они не включены во внутриэлитные процессы и концентрируются исключительно на менеджировании социально-экономических вопросов — А. Белик (Сахалинская область), Я. Семёнов (Республика Удмуртия).

Имидж глав региональных правительств строится вокруг концепта «технократ». В публичном поле они дистанцируются от политических вопросов, относя к своей компетенции вопросы внутрирегионального развития. Задачи коммуникации с населением и собственного позиционирования они решают посредством аккаунтов в социальных сетях (А. Назаров — Республика Башкортостан, М. Хучиев — Республика Чечня, Р. Бусаргина — Саратовская область), активность ведения которых варьируется в зависимости от интересов каждого конкретного субъекта.

Оттягивая на себя решение вопросов социально-экономического развития, региональные главы правительств частично освобождают губернаторов от исполнения оперативных показателей, давая им возможность уделять больше внимания реализации политических и идеологических задач, стратегическому планированию. Это дает основание полагать, что в ближайшие годы мы станем свидетелями укрепления данного института и расширения географии его представленности в других регионах. В этой связи обращает на себя внимание тенденция по подготовке в лице «премьеров» кадрового резерва для губернаторского корпуса. Только за 2022 г. два бывших «преьера» заняли кресло главы региона.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что практика выделения в качестве отдельного управленческого субъекта руководителя регионального правительства является востребованной и имеет тенденции к расширению. Управленческий профиль руководителей можно обозначить как «технократичный», направленный на решение задач социально-экономического характера. Демонстративное дистанционирование от «политических» вопросов минимизирует вероятность конфликтов с губернаторами и направлено на развитие компетенций работы «на земле».

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАКТИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

На протяжении институционализации политико-административной элиты России православная активность представителей элиты в той или иной степени проявлялась, однако не играла заметную роль в институционализации самой элиты. Тем не менее преимущественно федеральная политико-административная элита вырабатывала институты православной легитимации собственной власти (например, молебен патриарха РПЦ совместно с президентом сразу после церемонии его инаугурации, регулярное участие первых лиц государства в праздничных богослужениях). Однако в последующем, в ходе политических трансформаций, православные практики представителей федеральной элиты стали все в большей степени встраиваться в легитимацию власти и институциональное устройство властвующей элиты. Так, примерами нормативных нововведений в политической легитимации можно назвать появление института капелланов в армии, введение слова «Бог» в текст Конституции РФ и пр. В то время как «закрепление» отдельных святых покровителей за ведомствами (преимущественно силовыми) федеральной исполнительной власти является свидетельством встраивания православных практик не только в легитимацию власти, но и в легитимацию институционального порядка этой власти.

Подобные православные практики воспроизводятся и в легитимации региональной элиты. Так, в Санкт-Петербурге губернатор и глава Законодательного Собрания, а также другие представители политико-административной элиты регулярно участвуют в праздничных богослужениях, в крестных ходах, получают награды РПЦ, участвуют в храмостроительстве, жизни церковных приходов и паломнических поездках. Приведенные примеры уже выступают в качестве отдельных институционализированных православных практик, которые, следуя концепции П. Бергера и Т. Лукмана, являются типизированными действиями. В этом смысле, говоря об институционализации политико-административной элиты, изучение встраивания православных практик в политическую легитимацию региональных властных групп позволяет, с одной стороны, оценить степень институционализации православных практик в условиях меньшей зависимости от политики федерального центра, а с другой — выявить специфику изучаемого процесса в одном из регионов с наиболее заметным присутствием православия в публичном политическом пространстве.

В рамках доклада будет представлена методология исследования и описаны основные сложности, которые возникли в результате проведенного пилотажа. Изменение основной гипотезы и обосновывающих ее методологических положений привело к принципиально другому виду исследования, в рамках которого основной фокус сосредоточен на православных практиках легитимации региональной политико-административной элиты (на примере Санкт-Петербурга).

Шведова Н.А.
ИСК РАН, МОСКВА

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА В США: ОТХОД ОТ ПРОГРЕССИВНОЙ ТЕНДЕНЦИИ

Американские женщины ведут борьбу за свои права не одно десятилетие. Сегодня проблемы репродуктивных прав (в частности, право на аборт) — остро актуальны, вышедшие давно за пределы медицинских смыслов, обретя политические. Политическая обстановка 2022 г. характеризуется подогревом страстей из-за промежуточных выборов на фоне «послевкусия» коронавирусной пандемии. Сотни избираемых государственных постов по стране и на федеральном уровне в Палату представителей (полностью) и в Сенат (одна треть состава) поставлены на карту — с одной стороны. С другой — решение Верховного суда США по делу «Доббс против женской организации здравоохранения Джексона» отменило 24 июня 2022 г. знаковое решение по делу «Роу против Уэйда» от 1973 г., которое ранее подтверждало право на прерывание беременности, что означало распространение права на частную жизнь, включая право женщины делать свой выбор в отношении сохранения или прерывания беременности. Легальный аборт оказался под угрозой, токсично отражаясь в росте числа принятых в штатах актов, подтачивающих репродуктивное право на аборт.

Обе партии — Демократическая и Республиканская — понимают значимость своих позиций по этому вопросу, поскольку от них не в малой степени зависит многомиллионная поддержка элек-

тората, который как в гендерном, так и в политико-идеологическом контексте не представляет однородную массу.

Мнение американцев о прерывании беременности, по опросам, весьма красноречиво: почти 62% поддерживают право на аборт, а 70% — против отмены Верховным судом решения по делу «Роу против Уэйда», 78% американцев негативно относятся к запрету женщинам пересекать границу штата с целью прерывания беременности в другом. Однако 57% признают возможное позитивное влияние ужесточения законов на сокращение числа абортов (America's Abortion Quandary. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2022/05/06/americas-abortion-quandary/>).

Позиции по партийной линии заметно отличны (8 из 10 демократов и независимых демократов (82%) не одобряют, в том числе (66%) категорически не поддерживают. Большинство республиканцев и их сторонников (70%), напротив, отдают предпочтение, в том числе — 48% «решительно» одобряют. Женщины и мужчины в целом показывают различную степень поддержки и отрицания: большинство американок высказывается (62%) против решения. Американские мужчины более поляризованы: 52% — «против» (37% решительно), в то время как 47% — «за» (28% категорически). Опросы фиксируют существенные религиозные разногласия в позициях относительно легитимности аборта. Подавляющая доля взрослых, не связанных с религией (83%), признают прерывание беременности законным во всех или большинстве случаев (*Blazina, Carrie. Key facts about the abortion debate in America. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/07/15/key-facts-about-the-abortion-debate-in-america/>*).

М. Бачелет, глава подразделения ООН по правам человека, считает решение «огромным ударом по правам человека женщин и гендерному равенству, «лишением автономии миллионов женщин в США, женщин с низкими доходами и принадлежащих к расовым и этническим меньшинствам, в ущерб их основным правам», «отходом от прогрессивной тенденции» (*Overturing of Roe v Wade abortion law a 'huge blow to women's human rights' warns Bachelet. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/06/1121312>*).

Президент-демократ Дж. Байден обвинил большинство суда в искажении истории прав об абортах в США. «То, что мы наблюдаем, не было конституционным решением. Это — упражнение в грубой политической власти» (*Viper M., Kitchener C. Biden, in fiery speech, announces actions on abortion rights. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/07/08/biden-outline-new-steps>*).

Дж. Байдена, в свою очередь, критикуют за «умышленное искажение и преувеличение влияния решения суда», поскольку права женщин на медицинскую неприкосновенность частной жизни уже защищены законом.

Американки по разным сторонам организуют массовые марши протеста, которые в традиции женского движения. Марши на столицу США рассматриваются как «убедительный символ власти народа над своим правительством». Американские женщины включились в предвыборную кампанию, осознавая необходимость непосредственного обладания рычагами власти.

Решение по делу «Роу против Уэйда» (*Roe v. Wade*) в течение столетия защищало право на аборт. Теперь во многом оно будет определяться legislatures штатов. Противоположные реакции на него, став ключевым вопросом на промежуточных выборах, стимулируют избирателей обеих сторон, обостряя накал борьбы. При этом экономика остается *главной проблемой для избирателей*, решение или смягчение наиболее острых кризисных точек в ней (безработица, инфляция и др.) вполне успешно конкурируют на политическом поле. И хотя американки — не монолитны в своих предпочтениях, не разделяющие однозначную общую позицию в отношении репродуктивных прав, их влияние весьма весомо в определении вектора развития страны и общества.

Швецова А.В.
УрГПУ, Екатеринбург

ПРОТИВОРЕЧИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПОЛЯ РОССИЙСКОГО ГОСФЕМИНИЗМА

Термин «государственный феминизм» вошел в словарь общественных наук с 80-х годов XX в. для обозначения рамочного характера политических сил в отношении гендерного равенства. Его использование в качестве оптики исследования гендерной структуры общества открывает возможность обнаружения влияния доминирующей социально-политической идеологии на формат гендерной повестки, на то, как меняется дискурс в отношении прав женщин в зависимости от политической конъюнктуры. На наш взгляд, существуют основания полагать, что российский госфеминизм имеет внутренние структурные противоречия, выраженные в попытке совместить параллельные линии гендерного развития: эгалитарную и традиционалистскую.

Одним из возможных инструментов выявления скрытых противоречий в политических дискуссиях на тему гендера выступает интерпретативный политический анализ. Рассматривая элементы официального политического дискурса (документы, выступления и заявления высших должностных лиц

и др.) на предмет отражения в них роли и места женщины в российском обществе, мы обнаруживаем конкурирующие нарративы и повестки. В качестве иллюстрации приведем пример анализа текстов официальных поздравлений с Международным женским днем в России.

Мы проанализировали динамику форматов и основных тем поздравлений Президента за период 2000–2022 гг., представленные обращениями В. Путина и Д. Медведева соответственно президентским срокам (все материалы взяты с официального сайта Президента России www.kremlin.ru), рассматривая их как способ для политического лидера артикулировать официальную гендерную повестку. Помимо основной — поздравительной — функции, поздравления выполняют роль социального компаса, позволяющего сверить курс гендерных изменений. Начиная с 2000 г. празднование проходило преимущественно в формате встреч (2000 — поездка в г. Иваново, 2001 — встреча с представительницами деловых и общественных кругов, 2004 — вручение государственных наград выдающимся женщинам, 2005 — встреча с участницами боевых действий, 2007 — с представительницами социальной сферы, 2009 — с представительницами «мужских» профессий, 2011 — с многодетными матерями, 2015 — с матерями выдающихся россиян). В 2016 г. произошла смена формата на видеопоздравления, сокращено время эфира, диалоговая рамка «государство — женщины» заменена монологовой «мужчины в лице Президента — женщины в лице матерей, жен, дочерей». С 2017 г. элементом речи является лирический отсыл к российской культуре (стихи К. Бальмонта (2017) и Дементьева (2017), 2022 — образ Екатерины II).

Ведущей линией посланий выступает определение роли женщины в российском обществе через концепт материнства. Лидеры используют аналогию «Родина — мать» (2015, 2016), рассматривают рождение и воспитание детей как миссию и привилегию женщины (2004, 2019), говорят о демографической политике и создании условий для многодетности (2007, 2011, 2022). Тематика материнства развивается в контексте априорности традиционных женских качеств — доброты, отзывчивости, способности проявлять заботу, сглаживать углы, а также ответственности женщин за принятие решений о рождении детей и их воспитании (2015). В посланиях 2005 и 2022 гг. акцентируется внимание на матерях солдат и офицеров, звучит призыв воспринимать участие детей в боевых действиях как повод для гордости и реализации права на безопасность.

Другая традиционная линия связана с профессиональной активностью женщин. Отмечается высокая роль женщин в качестве экономического ресурса, способность выполнять сложную и ответственную работу, нести груз рутинной и малозаметной деятельности. Периодически звучит мысль о недооцененности женского труда (2000), низкой представленности женщин в политике и управлении (2001, 2009), необходимости изменений в вопросах распределения управленческих ресурсов (2012). С 2016 г. фокус внимания смещен в сторону особой женской способности «непостижимым образом все успевать» и дома, и на работе (2016, 2017, 2020, 2021), гендерный дисбаланс перестает определяться как проблема.

Таким образом, фрагменты официальных посланий могут быть рассмотрены как источник информации о курсе государственной гендерной политики и его соответствии идее достижения гендерно-сбалансированной общественной модели. На сегодняшний день дискурс госфеменизма противоречив, сочетает в себе как эгалитарные, так и традиционалистские установки одновременно. Ресурсные ограничения, неравенство в оплате труда и доступа к управленческим структурам, проблемы феминизации бедности и возложение полной ответственности за воспитание детей формулируются как второстепенные или саморешаемые.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», <https://rscf.ru/project/22-28-00636/>.

Шестакова М.Н.
МГИМО МИД России, Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В РЕГИОНАХ РФ

Понятие «инвестиционный климат» (ИК) является довольно сложным и до конца не устоявшимся в науке. Под ним часто подразумевают целую совокупность характеристик территории с точки зрения ее инвестиционной привлекательности. ИК как государства в целом, так и отдельных составляющих его регионов, как правило, находится в поле исследования ученых в области управления, экономистов, часто — экономико-географов. Значительно реже — политологов. Вопросы формирования ИК в разное время поднимали такие эксперты, как Зубаревич Н.В., Кузнецов А.В., Кузнецова О.В., Минакер П.И. и другие.

Соответственно, в проблемном поле работ специалистов такого профиля в первую очередь находятся вопросы, связанные с экономическими, социальными аспектами формирования инвестиционного климата как комплексного обобщающего показателя уровня развития государства и его частей. Довольно часто рассматриваются также правовые аспекты — законодательные нормативно-правовые акты, благоприятствующие или, напротив, негативно сказывающиеся на нем. Другие же политические аспекты не находят должного отражения в исследованиях, связанных с ИК, часто остаются за скобками. Тем интереснее посмотреть на политические предпосылки формирования и трансформации инвестиционного климата.

Инвестиционный климат в регионах России неоднороден в силу крайне дифференцированных физико-географических, природных и социально-экономических условий.

По мнению многих исследователей, ключевыми характеристиками инвестиционного климата являются две составляющие: инвестиционный потенциал (положительный фактор формирования ИК) и инвестиционные риски (отрицательный фактор формирования ИК). К этим характеристикам часто отдельно добавляют законодательные условия. На наш взгляд, законодательные условия являются составной частью политических факторов ИК и могут быть отнесены как к положительному аспекту формирования и трансформации ИК, т.е. к его потенциалу, так и отрицательному, т.е. риску. Причисление законодательных условий положительному или отрицательному аспекту ИК зависит от конкретного места (государства, региона), так и от конкретного времени.

Среди факторов, влияющих на формирование инвестиционного климата, обычно выделяют жесткие (как правило, это физико-географические условия и природные ресурсы, а также демографические показатели), а также гибкие. К последним, помимо социально-экономических и финансовых, можно отнести и политические.

Среди политических факторов, влияющих на ИК внутри государства, включающих законодательные условия (налоговое, бюджетное, антимонопольное, антикоррупционное, патентное законодательство, законодательство об окружающей среде и др.), можно также выделить: политическую стабильность/нестабильность, отношения между экономической и политической элитой, качество государственного управления, создание и функционирование специальных институтов. Именно политические факторы, которые могут быть весьма неустойчивыми в силу своей природы, способны в свою очередь придавать динамичность и изменчивость всему инвестиционному климату территории. Особенно это актуально в условиях внешнеполитической турбулентности. Задача выявления таких факторов может помочь сделать оценку ИК более объективной.

Шестакова М.Н.

МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, Москва,

Попова О.В.

СПбГУ, Санкт-Петербург; ИНИОН РАН, Москва

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Политическое доверие граждан как ожидание добросовестного и честного следования представителями политической власти закрепленным в социуме нормам, обеспечивающим общественную стабильность и гарантии защищенной жизни каждого индивида, является важным показателем политической жизни страны. «Доверие представляет собой своего рода эмоциональный кредит, основанный на погружении в веру» (Э. Гидденс). Политическое доверие связано с позитивной ориентацией на будущие вероятные действия представителей власти, гарантирующие реальные шансы минимизировать ощущение непредсказуемости будущего через его осознание как чего-то определенного. Одновременно политическое доверие является мощнейшим фундаментом политического капитала, выступающим формой символического капитала политических лидеров.

Основными индикаторами политического доверия являются позитивное отношение к институтам власти, конкретным политикам и политическому курсу (реализуемой властью программ). Политическое доверие связано с субъективным ощущением у граждан наличия знания о социально ориентированных действиях властей, не обязательно точно отражающее суть явления, но достаточное, чтобы сформировать некое конструктивное чувство, а затем и убеждение. Данное обстоятельство обеспечивает принципиальную возможность формировать политическое доверие на весьма эфемерных, условных основаниях.

Серия проведенных в октябре–ноябре 2022 г. глубоких нестандартизованных экспертных интервью в шести субъектах Российской Федерации, в которых осенью этого года прошли выборы первых лиц исполнительной власти или депутатов региональных парламентов, показала следующее.

Политика формирования доверия продолжает опираться на модель субъектно-объектных отношений, ориентированную на четкое статусное и функциональное разделение на субъект управления

и объект управленческого воздействия, вследствие чего процесс становления системы доверительных отношений сохраняет преимущественно формальный характер.

По мнению экспертов, в ситуации высокой международной политической турбулентности (СВО, рост рисков агрессивных действий других государств в отношении РФ и т.д.) запрос на существенную замену состава региональной политической элиты снижается, а комплексная стабильность ситуации в регионе, затрагивающая в равной степени экономические, социальные и политические параметры, рассматривается гражданами как значимая ценность. В подобных условиях при сохранении даже относительно высоких показателей институционального политического недоверия структурам региональной власти большинство политических игроков оценивает риски дестабилизации политической ситуации как недопустимые, угрожающие жизни людей.

Существенными факторами, позитивно влияющими на формирование политического доверия населения региональной власти, являются стабильность социального порядка и политической жизни в стране в целом, прозрачность социальной и политической организации функционирования власти, нормативная согласованность действий различных управляющих структур в регионе по реализации государственной политики (это касается, в частности, практик частичной мобилизации в рамках проведения СВО) и конкретных федеральных программ, актуализированная в информационной политике популярных медиа подотчетность политиков и политических институтов даже при отсутствии запроса со стороны общества, эффективные усилия региональной исполнительной власти по поддержке социальных программ.

Ощущение понимания трендов развития окружающего мира в целом у населения заметно снижается, «культура доверия» в отношении большинства институтов региональной власти испытывает заметный дефицит. Эксперты отмечают необходимость тестирования в рамках массового опроса для более точного понимания ситуации таких параметров общественного сознания, как социальный оптимизм/пессимизм.

В отношении политики формирования доверия со стороны власти на региональном уровне единая схема отсутствует, региональные власти вынуждены ориентироваться прежде всего на разные возрастные группы. Эксперты склонны считать доверие главе государства значимым формирующим фактором позитивного доверительного отношения к политикам и органам власти на уровне региона.

Для всех когорт наиболее актуальными являются наличие рабочих мест, выполнение региональными властями взятых на себя социальных обязательств, гарантии совпадения «слова и дела» конкретных представителей политической элиты. Максимально актуализирован запрос на личную безопасность граждан во всех смыслах этого слова. По оценкам экспертов, различия в показателях политического доверия граждан власти в обследованных регионах не носят принципиального характера.

Исследование проведено при поддержке гранта Министерства высшего образования и науки и ЭИСИ (2022) в рамках реализации проекта № 122101100032-3 «Факторы эффективности региональной власти в укреплении общественного доверия и гражданской солидарности (опыт эмпирического анализа в контексте региональных выборов 2022)».

Шестопап Е.Б.

МГУ им. М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН, Москва

НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ В АКТУАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ СОБСТВЕННОЙ СТРАНЫ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДДАНАМИ

Наиболее глубокие изменения массового сознания приходится на последние два-три года и связаны с пандемией и, особенно, со специальной военной операцией (СВО). Одним из самых важных из них стало изменение восприятия собственной страны у граждан России.

Этот процесс был запущен еще событиями 2014 г., но не получил тогда своего завершения. Наши замеры 2018 г. показали, что кризис национально-государственной идентичности, запущенный распадом СССР, благодаря крымской весне был несколько смягчен, но не преодолен полностью. Сдвиги в восприятии своей страны в ходе СВО сформировали ту новую оптику, которая сегодня определяет восприятие всех внутривнутриполитических процессов. Тот «комплекс национальной неполноценности», который доминировал у нас на протяжении почти трех десятилетий для большинства граждан, остался в прошлом, хотя его остаточные проявления были нами выявлены у отдельных групп населения.

В нашем исследовании образов своей страны, проведенном весной–летом 2022 г., мы видели задачу в том, чтобы зафиксировать последние психологические изменения ее восприятия. Здесь мы остановимся только на представлениях респондентов о настоящем, прошлом и будущем России, которые появились под воздействием последних событий.

Начнем с представлений о **прошлом**. Нас интересовало, насколько история важна для наших респондентов, когда они говорят о своей стране. Она занимала очень существенное место в образе России в допандемический период (48,8% со знаком плюс и 2,8% со знаком минус). Сейчас прошлое значимо только для 3,3% у тех, кто оценивает его как сильную сторону образа России.

Так наиболее известны нашим респондентам оказались политические *дореволюционные* (50,5%), затем *советские* (31,9%) и только потом *современные* (1,1%) политические деятели. Поименно это: Петр Первый (18,9), Сталин (15,6%) и Ленин (12,8%). Более того, Петр (20,9%) и Сталин (15,4%) были названы как лучшие главы государства за всю историю. За ними следует В.В. Путин (14,3%).

Советский период в настоящее время оценивается чрезвычайно позитивно почти половиной опрошенных (47,2%) за то, что это было сильное государство. *90-е годы* остаются наименее привлекательным периодом нашего прошлого.

Восприятие своей страны в **настоящем** в целом эмоционально позитивно. При этом, по сравнению с предыдущим исследованием (2017–2018 гг.), мы не видим кардинальных количественных изменений. Но в содержательном отношении изменения колоссальные. Отвечая на открытый вопрос «Россия для меня — это...», респонденты значительно меньше обращали внимание на определение своей страны как места рождения, проживания и значительно больше выделяли ее политический аспект — «государство, держава, политика в целом». Обращаем внимание на тот факт, что по сравнению с более ранними замерами резко выросло число тех, кому не за что стыдиться в своей стране (17,6% по сравнению с 9,6%), что говорит о росте патриотизма и однозначной поддержке своей страны.

На фоне внешних угроз снизилась чувствительность общества к социально-экономическим проблемам, неэффективности управления и социальной несправедливости. Зато возросли упреки респондентов в пренебрежении людьми со стороны власти, отстраненности от них (13,2% по сравнению с 8,3%), в культурном и моральном упадке (19,7% по сравнению с 10,8%).

Представления о власти в образе своей страны за последний год стали еще более выпуклыми, чем раньше. При этом опрошенные признают рост ее эффективности и снижение коррупции.

Представления о будущем определяют степень социального оптимизма, а значит, и возможности мобилизации граждан сегодня. Более половины опрошенных (54,9%) полагают, что ситуация в нашей стране изменится к лучшему. Это несколько меньше, чем было в 2017–2018 гг. (63,2%), но оптимисты все равно преобладают над пессимистами, число которых выросло с 8,1% до 18,7%. Опрошенные понимают, что изменения неизбежны и тех, кто считает, что все останется, как было, ничтожно мало (2,2%). Это касается, прежде всего, территориальных границ. Только 4,4% после начала СВО думают, что Россия останется в своих нынешних границах. Почти половина опрошенных полагает, что она станет больше.

Главной характеристикой будущего в восприятии граждан является наш суверенитет (16,5%). Другой важной чертой образа России в будущем является сила (12,1%). И, наконец, третьей его составляющей является экономическая развитость (11,5%).

Таким образом, полученные данные позволяют предположить, что произошедший уже поворот от комплекса национальной неполноценности, который сложился в постсоветский период, — к гордости за свою страну с началом СВО стал необратимым. Этот центральный тренд будет определять главный вектор развития нашего общества. Он, конечно, выглядит по-разному в разных социальных, профессиональных, возрастных и территориальных группах, в мегаполисах и в регионах, но именно он лежит в основе запроса к власти быть решительной, сильной, последовательной и внутри страны, и во вне ее.

Сама по себе военная операция привела к серьезному реформатированию массового сознания российского общества. Произошла не просто ситуативная реакция на военную угрозу, которую нередко называют консолидацией вокруг флага, но и более глубинные процессы преодоления кризиса национальной идентичности, которые начались с событий в Крыму в 2014 г. и окончательно возвратили наше общество к самому себе. Таким образом общество прошло трансформацию от Крымского консенсуса до Донбасского, пройдя при этом через депрессию периода пандемии. Вопреки расчетам недоброжелателей, наша страна не рассыпалась перед лицом внешних угроз и экономических санкций, а напротив, сосредоточилась и консолидировалась вокруг Президента.

Наряду с консолидацией в обществе имеют место и центробежные тенденции. Ряд социальных групп негативно отреагировал на действия государства по защите национальных интересов, и, хотя они составляют меньшинство населения, наличие этого раскола требует от власти выверенных и умелых решений.

Таким образом, роль представлений о **прошлом** снизилась в сравнении с предыдущим периодом. **Настоящее** в образе России сегодня доминирует. При этом образ страны отличается неустойчивостью и изменчивостью. Существует серьезный запрос на определенность. Представления о *будущем* нашей страны отличаются преобладанием оптимизма над пессимизмом.

Исследование выполнено в рамках проекта «Образ настоящего, прошлого и будущего России в сознании ее граждан», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам

Шиловский Р.С.
НИУ ВШЭ, Москва

ВЫБОРЫ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ 2022 ГОДА КАК ПРИМЕР ПОДДЕРЖАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

Цель данного доклада заключается в оценке роли региональных властей Республики Бурятия в поддержании общественно-политической стабильности на примере выборов главы республики в сентябре 2022 г.

В качестве теоретической основы взяты две концепции. *Во-первых*, это «ерестетика» (*heresthetic*) У. Райкера, т.е. структурирование окружающего мира таким образом, чтобы побудить или вынудить (посредством созданных обстоятельств) других людей присоединиться к нему, даже без использования методов убеждения. *Во-вторых*, это влияние сплоченности/разобщенности элит на взгляды населения (Adams, Weschle, Wleziem, 2020). Иными словами, именно повестка и сети политических элит играют решающую роль в укреплении лояльности граждан в отношении действующей власти.

Анализ выборов позволил прийти к следующим результатам. *Во-первых*, это положительные взаимоотношения между федеральным и региональным уровнями власти. Глава республики А. Цыденов получил позитивную оценку со стороны федерального центра, на что, в том числе, указывает рабочая встреча А. Цыденова с В. Путиным, а также финансирование федеральными госструктурами ряда инфраструктурных проектов.

Во-вторых, ход избирательной кампании и результаты выборов главы Республики Бурятия показали тенденцию к сплочению региональных политических элит и общественности вокруг одной политической фигуры, а именно А. Цыденова. Это связано, в первую очередь, с предшествующей деятельностью А. Цыденова на посту главы республики, в результате которой республика стала одним из регионов-лидеров Дальневосточного федерального округа по экспорту и промышленному росту. Дополнительным фактором стоит считать и постоянный диалог главы Бурятии с местными жителями, включая его поездки в районы, посещение культурных и спортивных мероприятий и пр.

Кроме того, другие партии фактически отказались от конкуренции с «Единой Россией». В частности, КПРФ не выдвинула в качестве своего кандидата лидера бурятского отделения партии В. Мархаева. В 2017 г. ему отказали в регистрации, что спровоцировало пикеты и митинги в его поддержку и затмило предвыборную кампанию других кандидатов. Для того чтобы не дестабилизировать региональную обстановку и сформировать общественную поддержку в адрес федерального центра, коммунисты выставили непубличную фигуру — депутата Народного Хурала В. Малышенко. Тихая кампания сместила фокус внимания на нынешнего лидера республики, а также ударила по внесистемным оппозиционным силам Бурятии, которые в последние годы сплотились вокруг коммунистов.

Представитель от ЛДПР С. Дорош, как и в 2017 г., не составил конкуренции А. Цыденову и провел тихую кампанию. На этот раз он решил отказаться от обсуждения региональных проблем и обратился к патриотической повестке: в центре его внимания оказалась специальная военная операция. Именно эта тема стояла во главе угла во время его встреч с электоратом.

Кандидат от партии «Новые люди» С. Матхеев, имея тесные контакты с региональным правительством, стал единственным представителем бизнес-сектора во время выборов. Его кампания также осталась непримечательной.

В-третьих, одним из отличий последней избирательной кампании от выборов 2017 г. стало отсутствие партий-спойлеров, например, «Коммунистов России». Это еще раз доказывает уверенность элит в победе главной политической фигуры в республике — А. Цыденова.

Раскол «партии власти» сохраняется лишь с национально-религиозными элитами. В частности, до сих пор не прекращены разногласия А. Цыденова с лидером буддистов России Хамбо ламой Дамбой Аюшеевым, который считается фигурой федерального масштаба.

Ширинкина А.В., Кашин Е.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ФОНЕ КОНФЛИКТА РОССИИ И ЗАПАДА

Современная внешнеполитическая реальность непосредственно влияет на идейные и политические установки крупных стран. Китай тоже не является исключением. Торговая война с США, эпидемия коронавируса, специальная военная операция РФ на Украине заставляли КНР принимать решения по адаптации к новой реальности. В канун XX съезда КПК¹ особо актуально подняла вопрос о возможной трансформации китайской идеологии.

Еще на XVIII съезде КПК в 2012 г. были закреплены новые идейные постулаты в Устав партии и, следовательно, во все китайское политическое поле. Си Цзиньпин сразу после назначения на пост председателя начал интегрировать в поле китайского социализма установки конфуцианства. За счет этого усиливались идеи преемственности и традиционности, где содержится призыв к возрождению величия. Постепенный уход от догмы Дэн Сяопина: действовать по возможности тихо, не демонстрируя своих возможностей. Но теперь ситуация иная, и у Пекина появилось свое четкое представление, как должен выглядеть мир. Именно в рамках возрождения китайской нации создаются концепты «китайской мечты» и «сообщества единой судьбы». На XIX съезде КПК в 2017 г. новый курс Си Цзиньпина был закреплен в рамках плана развития Китая к 2050 г.

В контексте новых глобальных вызовов и усиливающейся нестабильности международной обстановки остро встает вопрос об изменениях в идеологии Китая и сдвигах его партийной направленности. Центральным событием этого месяца станет XX съезд Коммунистической Партии Китая, который вызывает множественные дискуссии в научных и общественных кругах. В отношении идеологии выделяются две позиции — преемственность курса из-за вероятного переизбрания Си Цзиньпина на срок до 2027 г. и кардинальные изменения ввиду требований времени (ожидается очерчивание именно идеологического курса на ближайшую пятилетку). Стоит рассмотреть, какие аспекты идеологии могут быть наиболее подвержены изменениям, а к каким Китай будет еще обращаться долго.

Начать стоит с наиболее актуального в текущей геополитической реальности — вопроса международного нейтралитета. Мы можем заметить, что официальная позиция Китая, обозначенная как «единая судьба человечества», равноправное и независимое взаимодействие со всеми странами мира прослеживается и в сегодняшних действиях государства. Вопреки обвинениям в «пособничестве России», Китай настаивает на «объективной и беспристрастной позиции» в вопросах локальных и глобальных кризисов миропорядка. Более того, руководство отмечает, что поддержание данной позиции — одна из ключевых стратегических задач Китая. Устойчивость позиций партии и ее укрепление — еще одна идеологическая доминанта, которая останется в первоизданном виде надолго. Неизменной остается и концепция «китайской мечты и великого возрождения нации», а именно поддержание национальной культуры и стабильного развития государства «сяокан». Но что претерпевает изменения в этой сфере? Первое, скачкообразность развития. Оно теперь не подгоняемое, а, вместо этого, стабильное и последовательное. Второе, открытость. Заявления о продолжении реформ открытости вступают в конфронтацию с реалиями торговой войны. Цель усиления и упрощения международных торговых связей нереализуема в обход США. Мы можем говорить о увеличивающемся влиянии Китая в Юго-Восточной Азии, Океании и Африке, однако это влияние зачастую подрывается санкционной политикой США.

Двумя самыми важными идеологическими аспектами, которые, вероятно, будут рассмотрены на съезде, станут вопросы «единого Китая» и доктрины «специфики». В случае со второй можно ожидать последовательного углубления, что уже было отражено, например, в «Совместном заявлении РФ и КНР». Первая же станет предметом серьезных разногласий с точки зрения ее реализации. Рост в отношении КНР «провокаций» и отсутствие политической реакции вызывает общественное напряжение, с другой стороны, сохраняет внешнеполитическую стабильность. Таким образом, мы можем наблюдать, что меняющееся мироустройство естественно влияет на осмысление идеологических установок в Китае. Это важно понимать в контексте экономической и политической роли КНР в мире.

¹ XX съезд КПК прошел 16–22 октября 2022 г. в Пекине.

ПОЛЬСКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 Г.

Начиная с 2015 г. отношения правительства Венгрии, возглавляемого правоконсервативной коалицией Фидес — Венгерский гражданский союз и Христианско-демократической народной партией (ХДНП) и руководства Польши во главе с правоконсервативной партией «Право и справедливость», носили характер стратегического союза, поскольку страны вместе отстаивали нелиберальные ценности в борьбе с Брюсселем, разделяли иллиберальную модель строительства государства. Однако с началом войны в Украине прежде тесные политические отношения Варшавы и Будапешта претерпели существенные изменения.

Важно подчеркнуть, что Польша и Венгрия столкнулись с огромным множеством внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем — инфляция, принятие миллионов украинских беженцев, необходимость укрепления обороноспособности страны, сокращение туристического потока, — однако именно отношение к российской спецоперации стало камнем преткновения. Если Варшава стала одним из главных союзников Украины, безвозмездно передавая стране оружие, технику и боеприпасы, то Будапешт попытался дистанцироваться от конфликта, отказавшись участвовать в любых поставках оружия и вплоть до середины июля 2022 г. запретив транзит западного оружия через свою территорию, также отказавшись разорвать все отношения с Российской Федерацией.

Уже в марте 2022 г. правительство Польши начинает дистанцироваться от политического руководства Венгрии. К примеру, в середине марта был отменен визит президента Венгрии Я. Адера в польский город Бохня, приуроченный ко дню польско-венгерской дружбы 23 марта¹. А 30–31 марта министры обороны Чехии и Польши отказались приехать в Будапешт на встречу министров обороны стран Вишеградской группы по причине отказа Венгрии поддержать эмбарго на поставки энергоносителей из России².

В апреле президент Украины В. Зеленский в одном из интервью заявил, что один европейский премьер (по неофициальной информации, сразу же появившейся в прессе, — В. Орбан) потребовал доказательств массовых убийств в Буче. Комментируя данное высказывание, вице-премьер-министр Польши по вопросам безопасности Я. Качиньский заявил, что «Орбану нужен офтальмолог, чтобы увидеть Бучу. Восстановление отношений (польско-венгерских) возможно только после смены оценок войны на Украине»³. Данное высказывание польского государственного деятеля, переходящее на личности, стало информационной бомбой, вновь обострив противоречия двух стран.

Тем не менее, на фоне убедительной победы коалиции Фидес—ХДНП на парламентских выборах апреля 2022 г. градус эмоций двусторонних отношений начинает снижаться и вновь возобладает рационализм и прагматизм. Уже 17 мая новоизбранный президент Венгрии К. Новак совершила первый заграничный визит именно в Варшаву, в ходе которого президент Польши А. Дуда заявил, что осознает степень зависимости венгерской экономики от российских энергоресурсов, но это не должно помешать укреплению и развитию польско-венгерской дружбы⁴.

Важнейшим событием года стало выступление премьер-министра Венгрии в рамках ежегодного лагеря в г. Тушнадфюред (рум. Бэиле-Тушнад) 23 июля. В ходе своей речи, вызвавшей резонанс не только в Венгрии, но и в Европейском союзе, В. Орбан заявил следующее: «Мы (венгры) рассматриваем эту войну как войну между двумя славянскими народами, в которой мы не желаем участвовать, однако поляки видят в ней свою войну и практически участвуют в ней». В ответ на это премьер-министр Польши М. Моравецкий подтвердил СМИ, что пути двух стран разошлись⁵.

Таким образом, с 24 февраля 2022 г. наблюдается серьезное охлаждение польско-венгерских отношений. Однако говорить о полном разрыве двухсторонних отношений является преждевремен-

¹ Áder János idén nem ünnepli meg a lengyel–magyar barátságot. Official cite Index.hu. URL: <https://index.hu/kulfold/2022/03/19/ader-janos-lengyelorszag-utazas-lengyel-magyar-baratsag-napja/> (accessed: 08.09.2022).

² Minister Błaszczak nie weźmie udziału w spotkaniu V4 w Budapeszcie. Official cite Wyborcza.pl. URL: <https://wyborcza.pl/7,75398,28273308,minister-blaszczak-nie-wezmie-udzialu-w-spotkaniu-v4-w-budapeszcie.html?disableRedirects=true> (accessed: 08.09.2022).

³ Véget érhet a lengyel–magyar barátság? Official cite Index.hu. URL: <https://index.hu/kulfold/2022/04/09/haboru-oroszorszag-ukrajna-bucsa-orban-viktor-lengyelorszag-kapcsolatok/> (accessed: 08.09.2022).

⁴ Oświadczenie Prezydenta RP po spotkaniu z Prezydentem Węgier. Official cite Prezydent.Pl. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/oswiadczenie-po-spotkaniu-z-prezydentem-wegier,53806> (accessed: 09.09.2022).

⁵ «Drogi Polski i Węgier się rozeszły». Morawiecki potwierdził słowa Orbana. Official cite Gazetaprawna.pl. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/swiat/artykuly/8502063,drogi-polski-i-wegier-sie-rozeszly-morawiecki-potwierdzil-slowa-orbana.html> (accessed: 10.09.2022).

ным, поскольку политическое руководство Будапешта и Варшавы продолжает связывать «нелюбовь» к Брюсселю, а также политико-экономическое сотрудничество в рамках Вишеградской группы.

Шмелева О.Ю.
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА КАК ВЫЗОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Социальные сети в современном мире являются ключевым инструментом конструирования социально-политической реальности, субъективного пространства политики. Коммуникативная стратегия социальных медиа носит противоречивый характер, способствует усилению роли эмоций в понимании логики современного политического развития, искажению перцепции, продуцированию социогуманитарных рисков.

Исследование специфики механизма и характера воздействия сетевой повестки на восприятие политики, психологическое состояние современного российского общества, основных тематических кластеров осуществлялось посредством перекрестного анализа данных онлайн-мониторинга контента социальных медиа, проведенного с помощью аналитического ресурса *IQbuzz* (получено более 1600 единиц информации по 30 параметрам) и результатов психосемантических исследований за периоды — с 1 августа по 28 октября 2021 г. и с 1 августа по 14 сентября 2022 г. Индикаторами анализа стали константные и ситуативные сюжеты медийной повестки, коннотации грамматических и смысловых конструкций, выраженные в использовании дисфемизмов, пейоративной, эмоционально окрашенной, персуазивной лексики, визуальные и вербальные ассоциации; стигмы, клише.

Устойчивое «ядро» текущей общественной повестки социальных медиа составили темы «располагаемых доходов граждан», «ценовой политики», «коррупции», «модернизации и цифровизации» (негативно маркированные на протяжении изучаемых отрезков времени), а также трудоустройства, политического участия, социальной справедливости. Последние имели положительные коннотации. Наиболее обсуждаемой на протяжении изучаемых отрезков времени стала ценовая политика власти и рост цен: суточное количество сообщений по ней в среднем составило 700–800, в пиковые моменты — до 3000, охват аудитории достигал 3 млн. человек.

Критическим восприятием и негативной маркировкой отличается также ситуативная повестка, связанная, в частности, с введением QR-кодов, вакцинацией, цифровизацией, эмоциональный эффект воздействия которой усиливается за счет широкого использования персуазивной лексики, дисфемизмов («кукарекукод», «цифровой концлагерь», «отслеживание», «хотят чипировать народ» и пр.), стигм, клише («ковид-диссидент», «антипрививочники», «антимасочники», «бункерный дед» и др.), способствующих десакрализации власти, усиливающих социальные расколы.

Смежная проблематика (бедности, коррупции, социального расслоения, персонификации власти) и эмоциональный фон обнаружены в ряду вербальных и визуальных ассоциаций к слову «современное российское государство», отражающих специфику восприятия политики. Ассоциативный ряд широко представлен экспрессивно окрашенной (пейоративной) лексикой (составила 36% от общего количества (1125) слов-реакций). В структурно-содержательном плане семантическое ядро, составленное посредством формулы Нобла и на основе данных ассоциативного тестирования за 2019–2022 гг., включало константные элементы (вербальные ассоциации), коррелирующие с сетевой повесткой. Среди них — «бедность», «коррупция», «власть», «Путин», «санкции», «неэффективная экономика», «кризис», «безработица», «нефть и газ», справедливость, стабильность и пр. В исследовательском срезе 2022 г. наиболее выпукло оказались представлены милитаристские сюжеты, проявляющиеся через изображения военной техники, оружия и т.п. элементов, присутствие в структуре семантического ядра ассоциаций за 2022 г. лексем сила — 5 (0,027), армия — 3 (0,014).

Наибольшие опасения, тревоги россиян связаны с недоступностью товаров ввиду роста цен, снижения доходов, потери работы, отсутствия стабильности. Данный тезис находит подтверждение в материалах опросов ВЦИОМ за февраль 2022 г. (Индекс страхов. ВЦИОМ новости. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov>). Страх «попасть под власть внешней силы», потери контроля над будущим, страх перед неопределенностью занимают периферийное место. Обусловленные ситуативными моментами (пандемией COVID, началом спецоперации, например) опасения локализованы во времени, траектория их распространения носит волнообразный характер (так, страх заразиться ковидом в первой половине 2022 г. снизился до среднего значения в 6% с 64–65% в октябре–ноябре 2021 г. и вновь демонстрирует рост до 55% в сентябре 2022 г.) и не оказывает существенного влияния на изменение

общего психологического фона в стране (ВЦИОМ новости. 12 сентября 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koronavirus-vozvrashchaetsja>).

Агрессивная, переполненная негативом, фейками современная медиаповестка оказывает деструктивное воздействие на психологическое состояние российского общества: содействует распространению страхов, провоцирует социальные расколы, формирование новых конфликтных пространств. Параметрами устойчивого развития общества в зеркале проведенного исследования выступают достойный уровень (качество) жизни, эффективная коммуникация между властью и обществом, открытость процесса принятия решений. Издержки в реализации вышеназванных направлений политики, а также недостаточное внимание власти к ним могут стать потенциальными факторами риска увеличения социальной напряженности.

Шпагин С.А.
НИ ТГУ, Томск

В ПОИСКАХ КОНКУРЕНЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ НА ВЫБОРАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЙ В 2021 ГОДУ

Выборы в законодательные органы власти регионов обычно находятся в тени федеральных. Тем не менее, именно они служат наиболее точными индикаторами актуального состояния политической ситуации в регионах, а анализ их результатов создает возможности для классификации регионов по степени конкурентности выборов.

Заметное влияние на партийную конкуренцию оказывает динамика общего количества партий в стране. Если летом 2015 г. Минюст допускал к участию в выборах 75 партий, то к середине лета 2021 г. их осталось всего 30. Таким образом, за 6 лет партийная система России сократилась по объему в 2,5 раза.

Другой важный фактор — динамика избирательных систем. Перед выборами 2021 г. в избирательные системы 8 регионов были внесены изменения: в Астраханской и Псковской областях сократилось общее количество депутатских мест, в Приморье, Мурманской и Новгородской областях — доля депутатов, избираемых по партийным спискам, а в Амурской, Кировской и Липецкой — и то, и другое. Эти изменения существенно сузили поле представительства политических партий в органах региональной власти и снизили стимулы участия в выборах для кандидатов от миноритарных партий. Если в 2016 г. среднее количество выдвинутых списков составило 9,5 на один регион, то в 2021 г. — только 7,9.

Неудивительно, что спектр выбора избирателей везде был уже, чем на выборах в Государственную Думу, где партийных списков насчитывалось 14. Если в бюллетене 2016 г. в Московской области было 13 списков, то в 2021 г. 11 списков дошло до бюллетеней лишь в Карелии и Самарской области.

По итогам голосования «Единая Россия» (ЕР) повсеместно сохранила лидирующее положение в единых округах, но лишь в 9 регионах удержала за собой абсолютное большинство. В 32 регионах из 39, где проводились выборы, наблюдается снижение ее поддержки, причем во многих — довольно значительное: в Мордовии и Чувашии — на 16%, на Камчатке — на 14% и т.д. Средний уровень голосования за ЕР сократился с 48,8% в 2016 г. до 44,38% в 2021 г.

В группе парламентской оппозиции предсказуемо лидирует КПРФ. По сравнению с прошлыми выборами, ее списки не прибавили голосов только в восьми регионах. Зато в Приморье прирост составил 10%, в Свердловской области — 9%, а в Ленинградской — 8%. Средний уровень голосования за КПРФ вырос с 15,3% в 2016 г. до 19,1% в 2021 г., за СРЗП — с 9,3% до 10,5%. Заметно снизился уровень голосования за ЛДПР, причем в 13 регионах — вдвое, в Еврейской АО — втрое, а в Ставрополье почти в 4 раза. Средний уровень голосования за партию упал с 17,1% в 2016 г. до 9,9% в 2021 г.

В числе непарламентских партий наиболее успешны «Новые люди»: списки этой партии не прошли только в двух регионах из 22, где были зарегистрированы, а уровень поддержки партии составил в среднем по всей группе регионов 7,11%. Чуть скромнее достижения «Партии пенсионеров»: ее списки прошли в 16 законодательных собраниях, а средний уровень поддержки составил 6,37%.

Результаты выборов позволяют сделать вывод о том, что во всех республиках, кроме Карелии и Чувашии, а также в Ставрополье и Тамбовской области в 2021 г. прошли неконкурентные выборы. Показатели голосования за ЕР здесь превышают сумму голосов парламентской оппозиции в два и более раза. Зато значения эффективного числа электоральных партий (ЭЧП) ни в одном из этих регионов не дотягивает до 2 и составляет от 1,13 в Чечне до 1,91 в Тамбовской области.

Вторую группу образуют Астраханская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Самарская, Тюменская и Еврейская автономная области, а также Ханты-Мансийский АО, где конкуренция была низкой. Здесь уровень голосования за ЕР был больше или равен суммарной поддержке всей парламентской оппозиции, а значение ЭЧП варьируется от 2 в Еврейской АО до 2,95 в ХМАО.

Самой большой и разнообразной по составу оказалась группа среднеконкурентных регионов. В нее вошли Чувашия, все края, кроме Ставропольского, а также 9 областей и Санкт-Петербург. Здесь партии парламентской оппозиции опередили ЕР по количеству голосов, а значение ЭЧП составило от 3,02 в Приморье до 3,95 в Пермском крае.

Наконец, в Карелии, Кировской, Новгородской и Омской областях уровень конкуренции оказался довольно высоким. Здесь не только парламентская оппозиция в сумме обошла «партию власти», но и наблюдается относительно высокий уровень голосования за непарламентские партии. Наивысшее значение ЭЧП для 2021 г. было зафиксировано в Кировской и Новгородской областях — 4,66. Заметим, что по итогам прошлых выборов такой группы не было совсем, а входящие в нее регионы демонстрировали средний уровень межпартийной конкуренции.

Таким образом, результаты выборов региональных парламентов 2021 г. подтверждают сохранение ранее намечившейся тенденции на возрастание уровня межпартийной конкуренции. Вместе с тем, партийные системы российских регионов отличаются большим разнообразием в проявлении этой тенденции. Появление группы регионов с высоким уровнем конкуренции на выборах сопровождается сохранением в ряде субъектов Федерации неконкурентных избирательных процессов.

Шпиро Л.А.
КубГУ, Краснодар

ИНСТИТУТЫ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Актуальность применения проектного подхода обусловлена его интеграцией в практику федеральных и региональных органов исполнительной власти для достижения утвержденных Президентом РФ национальных целей развития государства. Проектный подход предполагает новые принципы целеполагания, направленные на решение конкретных проблемных ситуаций, и эффективного «ответа» на новые вызовы с ориентацией на достижение конкретных результатов в определенный промежуток времени.

Институциональная структура проектной деятельности в РФ представлена двумя уровнями: федеральным и региональным. На федеральном уровне разработка и реализация национальных и встраиваемых в них федеральных проектов осуществляется органами исполнительной власти, некоммерческими организациями, представителями бизнес-сообщества. Реализация проектов на уровне субъектов РФ осуществляется посредством заключения соглашения между руководителем федерального и регионального проекта, обеспечивающего достижение целей, показателей и результатов федерального проекта, мероприятия которого относятся к законодательно установленным полномочиям субъекта РФ, а также к вопросам местного значения муниципальных образований, расположенных на территории субъекта РФ (Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 12 марта 2018 г. № 98 «Об организации проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти Краснодарского края»).

Органы местного самоуправления являются первым звеном в цепочке решения социально-экономических проблем территорий, поэтому их включенность в проекты является необходимой составляющей развития муниципальных образований. Муниципальные образования являются участниками команд региональных проектов, а муниципальная составляющая региональных проектов — это все то, что входит в вопросы местного значения в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Для достижения целевых показателей регионального проекта заключается соглашение между руководителем регионального проекта и главой муниципального образования, на уровне субъектов РФ проводятся отборочные процедуры, предоставляются субсидии на реализацию муниципальной части регионального проекта.

Например, в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги» проводится целый комплекс различных мероприятий, реализация которых в совокупности направлена на снижение аварийности и уменьшение количества человек, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий. В Краснодарском крае в рамках нацпроекта реализуется региональный проект «Региональная и местная дорожная сеть», однако муниципальные образования, которым выделено финансирование в рамках мероприятий проекта, направленных на приведение в нормативное состояние дорожной сети и увеличение ее протяженности, охватывают только самые крупные городские агломерации Краснодарского края — Краснодарскую, Сочинскую, Новороссийскую. Значительная часть муниципальных образований Краснодарского края остается за пределами финансирования, в связи с чем возникает разрыв в развитии транспортной инфраструктуры территорий Краснодарского края при стремительном росте автомобилизации (по данным на декабрь 2021 г. количество автомобилей в крае составляет

1,89 млн, это третье место в России), дорожно-транспортных происшествий, в том числе с летальными исходами (в январе-августе 2022 г. отмечается рост смертности в результате ДТП на автомобильных дорогах местного значения).

Ресурсный потенциал проектного подхода в муниципальных образованиях позволяет решать конкретные проблемы по «запросам» и в интересах населения. По результатам исследования определены ограничения проектного управления как ресурса развития территорий:

- процедурная составляющая (ограничения со стороны законодательства, непрозрачность в принятии решений по финансированию конкретных проектов);
- кадровая составляющая (компетентность участников проектной деятельности, вовлеченность в проектные команды, неготовность к изменениям);
- нормативная составляющая (отсутствие сформированной проектной структуры в муниципальных образованиях).

Каким образом можно преодолеть данные ограничения?

Во-первых, включение граждан в принятие решений в рамках конкретных проектов, затрагивающих актуальные социально-экономические проблемы территории (что доказано на практике некоторых проектов, например, в рамках нацпроекта «Формирование комфортной городской среды», когда проводится голосование населения по отбору общественных территорий для благоустройства).

Во-вторых, работа с кадровым составом муниципальных образований, формирование проектной культуры в органах местного самоуправления.

В-третьих, создание информационной базы, содержащей эффективные успешные практики внедрения и реализации проектного подхода на муниципальном уровне в РФ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда № 22-18-20059, <https://rscf.ru/project/22-18-20059/>.

Штриков С.А.

**Министерство гражданской обороны
и чрезвычайных ситуаций Краснодарского края, Краснодар**

ПРАКТИКИ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РФ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИЙНОГО КРИЗИСА)

Для исследования специфики антикризисной коммуникации органов исполнительной власти РФ федерального и регионального уровня, существенно трансформирующейся в период 2020–2022 гг. в институциональных и технологических аспектах, нами был использован метод кейс-стади. В качестве одного кейсов была определена «децентрализованная антикризисная коммуникация органов исполнительной власти РФ федерального и регионального уровней в условиях распространения COVID-19», демонстрирующая практики органов власти федерального и регионального уровня.

Пандемия COVID-19 стала одним из немногих кризисных процессов в современной России, когда значительная часть полномочий была делегирована на региональный уровень. Федеральный центр, проявив компетентность в рамках «управления кризисными знаниями» (идентификация и осознание неравномерности кризисного процесса в зависимости от субъекта РФ, повлекшие институциональные преобразования), отказался от унифицированной политики и позволил региональным элитам действовать целесообразно и соразмерно ущербу от распространения вируса. При этом Правительство Российской Федерации продолжило осуществлять общенациональное конституирование процесса борьбы с коронавирусом. Для координации межведомственной антикризисной коммуникации в структуре Правительства РФ был создан Коммуникационный центр¹, призванный не только осуществлять сбор и систематизацию данных о ситуации с распространением и мерами по противодействию COVID-19, обеспечивать координацию между различными уровнями власти, но и способствовать налаживанию коммуникации с населением по следующим направлениям: опровержение ложной, или фейковой, информации о новой коронавирусной инфекции; популяризация рекомендаций по противодействию

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 285 «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/126691/> (дата обращения: 10.09.2022).

распространению COVID-19; мониторинг общественного мнения и эффективная организация обратной связи с населением.

Субъекты РФ, несмотря на координацию действий с федеральным центром, оказались вынуждены самостоятельно реагировать на кризисные явления пандемии исходя из региональной специфики. Отличаясь объемом ресурсов, качеством системы PR-менеджмента и цифровой инфраструктуры, а также находясь в разных контекстуальных условиях, регионы представили различные по параметрам практики антикризисной коммуникации.

К числу позитивных примеров организации системы связей с общественностью в условиях кризиса относится опыт г. Санкт-Петербурга. Как и в случае с Правительством РФ, органы государственной власти Санкт-Петербурга произвели соответствующие институциональные преобразования, дополнив архитектуру межведомственного взаимодействия новыми каналами и структурами. Первый шаг, характеризующий политику региональной власти как проактивную, заключался в создании коллегиального совещательного и консультативного органа при губернаторе г. Санкт-Петербурга — Оперативного штаба по реализации мер профилактики и контроля за распространением коронавирусной инфекции. Администрациям районов города было предписано создать собственные оперативные штабы, задачи которых были определены как «анализ ситуации, связанной с распространением коронавирусной инфекции, и представление соответствующей информации»¹.

Альтернативным источником информации о состоянии общественной жизни в условиях пандемии коронавируса стала совокупность обращений жителей г. Санкт-Петербурга в адрес органов власти. Инфраструктура доставки гражданского нарратива представлена следующими каналами: телефонное обращение на специально созданные горячие линии; обращение в виде сообщения к администраторам сообщества «Петербург против коронавируса» социальной сети «ВКонтакте»; Единый портал обращений граждан города Санкт-Петербурга; общение с чат-ботами в мессенджере *Telegram*; переадресация на федеральные каналы коммуникации.

Инструментальное оснащение системы антикризисной коммуникации социальными ботами является отличительной особенностью «петербургского кейса». Алгоритмы мессенджера *Telegram* позволили администрации Санкт-Петербурга оперативно, снижая нагрузку на традиционные каналы связи граждан и органов власти, ускорить процесс предоставления медицинской помощи через вызов врача на дом (чат-бот «Служба 122 Санкт-Петербурга»). По аналогии в городе действует гражданская инициатива волонтерской помощи сотрудникам городской системы здравоохранения: реализация проекта «Подвези врача», информация о которой размещена на официальном сайте и в социальной сети «ВКонтакте», воплотилась в одноименном чат-боте, аккумулирующем информацию о добровольцах, готовых оказать транспортную помощь в условиях дефицита подвижного состава.

Таким образом, на федеральном уровне была организована система межведомственной многоуровневой коммуникации для принятия антикризисных правительственных решений, организовано информационное сопровождение принятых институциональных антикризисных мер в существующей инфраструктуре цифровых коммуникаций органов государственной власти. При этом органы власти субъектов РФ использовали собственные инфраструктурные и технологические ресурсы для достижения поставленных целей антикризисной коммуникации. Наибольших результатов в антикризисных коммуникациях в период пандемии достигли регионы с развитой информационно-коммуникативной структурой, с высоким уровнем цифровой инклюзии населения и опытом успешного взаимодействия с активными гражданами.

Шустров М.А.
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО ЕВРОСОЮЗА НА ПЕРЕПУТЬЕ: РЕЗУЛЬТАТ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА 2022 ГОДА

Восточное партнерство — проект Евросоюза, направленный на интенсификацию связей с шестью странами постсоветского пространства².

На протяжении последних лет наблюдались деградация отношений стран Евросоюза и России и их переход к геополитическому столкновению в борьбе за сферу влияния. Одним из проявлений указанного столкновения стал конфликт в Украине.

С одной стороны, указанный кризис пошатнул старые устои и принятые стратегии Европейского союза на восточном направлении. С другой стороны, кризис помог справиться с проблемами, решение

¹ Постановление правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2020/03/13/spb-post121-reg-dok.html> (дата обращения: 13.08.2022).

² Азербайджан, Армения, Украина, Грузия, Молдавия, Беларусь (приостановила участие в программе в 2021 г.).

которых откладывалось «на потом» в связи с разными позициями стран Евросоюза относительно дальнейшего развития внешней политики на Востоке.

Так, кризис помог решить как минимум три центральные проблемы, которые возникли на пути реализации восточной программы Евросоюза:

Во-первых, кризис подтолкнул страны Евросоюза к четкому определению роли России на восточном направлении. До украинского кризиса 2022 г. в странах Евросоюза обсуждались идеи о включении России в программу Восточного партнерства, при этом пионерами диалога ЕС-России выступали немецкие политики, которые ратовали за сотрудничество в рамках Восточного партнерства, понимая необходимость учитывать интересы столь сильного игрока в региональной подсистеме постсоветского пространства.

Кризис в Украине четко отразил позицию России в отношении постсоветского пространства, показав «красные линии» в регионе. Ситуация в Украине обнажила геополитические амбиции акторов и привела к их противостоянию. В новых геополитических условиях даже немецкие политики, которых часто называют «защитниками российских интересов» на европейском континенте, резко изменили свою позицию и начали выстраивать отношения на Востоке не вместе с Россией, как планировали ранее, а против нее.

Во-вторых, украинский кризис дал возможность странам Евросоюза найти пути решения проблемы о необходимости нового расширения на Восток.

Неоднозначность конечной цели программы Восточного пространства была заложена в базовых документах проекта: ни один документ не давал ясного ответа на простой вопрос стран-партнеров на Востоке: существует ли перспектива их принятия в состав Евросоюза?

Зачастую европейские политики при ответе на данный вопрос ссылались на Копенгагенские критерии и возможность любой страны подать заявку на вступление в Союз. Тем не менее, несмотря на интенсивное сотрудничество стран и адаптацию своих внутренних институтов стандартам Евросоюза, активных действий по принятию новых членов со стороны Евросоюза не последовало. Такая ситуация привела к «забуксовке» проекта.

Кризис в Украине показал необходимость изменения ключевых принципов функционирования Союза для обеспечения собственного выживания. Так, канцлер ФРГ Олаф Шольц высказал амбициозную идею о создании «геополитического Европейского союза», что, по сути, в корне меняет приоритеты внешней политики Союза. Переходя к геополитической картине мира, Евросоюз берет на вооружение реалистскую парадигму. Так, например, канцлер подчеркнул значимость принятия новых членов для укрепления и расширения сферы влияния (*Europa ist unsere Zukunft — und diese Zukunft liegt in unseren Händen // Die Bundesregierung*).

Таким образом, Германия, как представитель «старой» Европы, которая долгое время отрицала возможность нового расширения, была вынуждена изменить свою политику и принять необходимость скорого расширения.

В-третьих, кризис помог сплотить страны Евросоюза и решить проблему разобщенности интересов. Последние расширения Союза на Восток раскололи его внутри на представителей «новой» и «старой» Европы, что безусловно оказывало негативное влияние на процесс принятия решений, поскольку интересы стран значительно разнились.

Так, например, в рамках проекта Восточного партнерства главными двигателями и одновременно соперниками являлись Германия («старая» Европа) и Польша («новая» Европа).

События 2022 года позволили странам Евросоюза стать единым фронтом против внешнего врага — России. Данный феномен был метко описан в книге американского писателя «Кровавый меридиан»: «не общий хлеб объединяет людей, а общие враги» (*McCarthy C. Blood Meridian. Picador, 2009*).

Так, грамотно использованный образ внешнего врага дал толчок развитию Восточного партнерства Евросоюза: Германия и Польша пришли к единому пониманию траектории развития проекта, основными столпами которого стали:

- направленность проекта против России;
- конечная цель проекта — расширение Союза на Восток.

Таким образом, украинский кризис стал, с одной стороны, катализатором дестабилизации в регионе в краткосрочной перспективе. С другой стороны, в долгосрочной перспективе кризис приведет к появлению «новой стабильности» на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что участь проекта в настоящий момент тяжело спрогнозировать, украинский кризис уже выявил однозначный тренд на будущую интенсификацию отношений Евросоюза со странами постсоветского региона и перехода указанного пространства в сферу геополитических интересов.

СЕТЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В условиях глобальной турбулентности современного мира в научном сообществе активно ведутся поиски теоретико-методологических подходов и моделей с целью объяснения происходящих перемен. Одним из перспективных направлений исследований в этом контексте является сетевой подход, который позволяет в большей мере учитывать новые конфигурации взаимодействий и дискурса политических субъектов.

Многообразие сетевых политических субъектов, полифония их разнообразных мнений и оценок событий, «сила слабых связей» (по М. Грановеттеру), возрастающая значимость узлов сетей — эти и многие другие аспекты политического пространства сетевого общества оказывают существенное влияние на трактовки и интерпретацию современных политических вызовов и событий.

Применение сетевого подхода позволяет специалистам на основе учета экзогенных и эндогенных факторов проводить качественный анализ политических изменений в эпоху перемен. Кроме того, в политических науках актуализируется разработка и применение в исследовательской практике основных положений теории политических изменений как теоретической основы для интерпретации глобальной турбулентности современного мира во всех ее аспектах. Таким образом, востребовано расширение подходов и развитие теории политических изменений.

Вместе с тем, и сетевой подход во многом переформатирует наши традиционные представления о мире политики, в том числе его коммуникативной и коммуникационной составляющих.

Представляют особый исследовательский интерес политические коммуникации сетевых акторов, которые обеспечивают политическое взаимодействие и диалог политических субъектов в пространстве сетей. В процессе становления сетевого общества происходит расширение возможностей политического взаимодействия, а также существенные изменения конфигураций и форм коммуникаций. В сетевом пространстве политических коммуникаций каналы коммуникаций политических субъектов претерпевают изменения в связи с тем, что новые импульсы сетевой организации взаимодействий формируют широкий спектр коммуникаций в социальном, виртуальном, цифровом пространствах.

Таким образом, в поисках ответа на вопрос «Изменяются ли и как в период глобальной турбулентности в сетевом обществе политические коммуникации?» становится очевидным, что они приобретают новый формат. А связи между политическими субъектами формируются в сетевом пространстве на иных, отличных от традиционных, основаниях. Узлы сетей в эпоху глобальной турбулентности также становятся иными, с большим числом связей, зачастую мимолетных, перенасыщенных информацией, возрастает влияние лидеров мнений (например, усиление роли блогосферы и влияния блогеров на общественное мнение).

Кроме того, в эпоху перемен, как правило, происходит разрушение привычных социальных связей, пересмотр, а некоторых ситуациях и отказ, от социальных норм — аномия (привычный нам мир уходит в прошлое и формируется мир без правил). Можно ли в этой связи говорить о «сломе исторического процесса»?¹ Представляется, что турбулентность выступает своего рода прологом грядущих перемен, при этом она усиливает уже существующие риски и создает новые.

Однако наряду с изменяющимся социальным и политическим контекстом социума в процессах глобальной турбулентности происходит зарождение, формирование, а затем и становление нового мира. Очевидно, что привычный нам мир стремительно меняется и одним из проявлений этого процесса является изменение информационного пространства современности.

Сетевой дискурс в условиях турбулентности приобретает иные смыслы и контент, происходят изменения состава его участников, проявляются новые проблемы во взаимодействиях политических субъектов. Расширяются спектр сетевых моделей политических практик, а также сетевой контекст политического диалога. Политический диалог приобретает черты полилога, при этом не теряет своей значимости и влияния на политические процессы монолог влиятельных политических акторов. Наряду с этим происходит модификация форм оказания влияния на процесс принятия политических решений.

В заключение необходимо отметить, что сетевой контекст исследования современной политики, а также политических взаимодействий и отношений представляет интерес с точки зрения формулирования и разработки новых теоретических и методологических подходов в политических науках.

¹ Яницкий О.Н. Нужна ли новая парадигма социологии? Размышления над концепцией У. Бека // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 14.

«ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОЯС» НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КАРТЕ РОССИИ В 2011–2021 ГОДАХ

Прошедшие выборы в Государственную Думу РФ 2021 г. показывают, что максимальная поддержка партии «Единая Россия» шла не только из привычных этнических республик, но и из некоторых «обычных» русских регионов, расположенных преимущественно в Центральной России (а также Поволжье и Южной России). Данный доклад показывает, что это не случайность, а новый тренд в электоральной географии России, который уже наблюдается в течение последних десяти лет. Основным предлагаемым аргументом заключается в обнаружении устойчивого регионального паттерна голосования за «партию власти» и за Кремль на федеральных выборах. Выявленный новый кластер — «православный пояс» — состоит из регионов в основном Центральной России, частично Поволжья и Юга России, которые отличаются повышенной православной религиозностью, социальным консерватизмом и лояльностью «партии власти». Используя теорию десекуляризации Питера Бергера, мы связываем воедино церковно-государственные отношения и электоральное поведение верующих. Предлагаемая модель подчеркивает важность региональных структур Русской Православной Церкви в данном процессе. Тезис о связи религии/религиозности и консервативного голосования уже неоднократно выдвигался в отечественной и зарубежной литературе. Отмечалось, что религиозные избиратели, как правило, более лояльны; регионы Нечерноземья оказывались активно поддерживающими консервативные политические силы на выборах. Однако ранее не предпринималось попыток увязать воедино региональный и индивидуальный уровень. В данном докладе этот пробел восполняется: на основании как региональных, так и индивидуальных данных показывается взаимосвязь православной религиозности, консервативных установок и политической лояльности.

Основные гипотезы тестируются как на данных регионального уровня (опрос АРЕНА 2012 г.; на наш взгляд, до сих пор наиболее полный по измерению религиозных установок), так и на данных индивидуального уровня, с использованием широкого набора статистических методов, включая Т-тесты, панельную регрессию, множественную многоуровневую регрессию. Данные индивидуального уровня получены с помощью социологического опроса, проведенного в десятках регионов страны в 2019–2020 гг. Анализ демонстрирует, что выявленная связь между православной религиозностью и провластным электоральным поведением выявляется не только на индивидуальном, но и на региональном уровне. При этом показывается, что электоральная лояльность власти определяется в том числе и социальным консерватизмом, что позволяет сделать вывод о важности не столь технологий манипулирования, а ценностных установок избирателей. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть как на электоральные процессы в России, так и на политическую географию страны. Подчеркивается значение социальных сдвигов, ценностных ориентаций жителей данных регионов, в противовес концепциям, основанных на административной мобилизации электората, в том числе с помощью технологий манипулирования и принуждения (концепция «политических машин»). Важным выводом является повышение роли регионов великорусского «ядра» в определении итогов федеральных выборов.

Щербинина Н.Г.
ТГУ, Томск

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Теория политического конструирования реальности, которую мы репрезентируем, относится к субъективистской научной традиции (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман). Субъектом, обладающим конструктивным потенциалом, нами полагается власть, в отличие от утверждения ведущей роли общества (социальное конструирование реальности) или медиатехнологий (медийное конструирование реальности). Кроме того, теория политического конструирования исследует именно политическую реальность как символический, т.е. неповседневный, мир.

Чем отличается данная реальность? Перед нами область политических значений или смысловой мир, призванный обосновать объективную сферу политических институтов. Медиа делают этот политический опыт совместным, и сама коммуникативная форма пребывания в медийном пространстве обеспечивает уверенность в «реальности» мира политических феноменов. В ходе коммуникации политическая информация оформляется в знание о том, что политический мир обладает особой структурой значений, которые предстают в виде медиаобразов. При этом знаковый политический мир устанав-

ливается исключительно искусственным способом, потому политическая коммуникация предстает как управление сознанием.

Вообще человек политический является конструктором в своем родовом виде, а как индивид он сталкивается с уже готовой символической структурой политического мира. Потому мир политики intersubъективен и представлен для восприятия, а осмысление зависит от выбора интерпретативной рамки. Все актуально бытующие политические символы и смыслы поддерживаются политической медиареальностью. Она представляет собой «срединный» мир, через который как познаются готовые политические конструкции, так и посредством которого формируются релевантные представления о политическом порядке. Тем самым свои истоки политический мир, коммуникативно опосредованный медиа, берет в креативном действии конструирования реальности.

Сам акт политического конструирования осуществляет политическая власть в широкой трактовке термина, подразумевающей воздействие дискурсов (М. Фуко). Другими словами, конструктивная власть номинирует политический мир и репрезентирует его как смысловую реальность, такая власть способна и к формированию законченного символического универсума или всеобщей матрицы смыслов (П. Бергер, Т. Лукман). Тем самым политическая власть не просто становится символической властью (П. Бурдьё), но в качестве одной из ее конкурирующих ветвей побеждает в символической борьбе. Чаще всего определяет или переопределяет реальность официальная политическая власть, но это происходит не всегда. В данной связи теория политического конструирования реальности призвана, главным образом, объяснить феномен легитимации. Политическая легитимация как символический процесс возможна исключительно в коммуникативной форме, когда конструируются новые значения, интегрирующие все прежние институциональные репрезентации.

При этом соконструктором в деле создания политической реальности выступают массмедиа, обладающие креативной коллективной субъектностью и производящие властные медиадискурсы и медиаобразы. Тем самым мир политических институтов конструктивная власть объединяет в смысловой порядок символических сущностей. Вообще политические смыслы объективно и медиально доступны лишь в коммуникативных политических практиках, где объяснение институционального порядка сочетается с когнитивным аспектом его обоснования. Тем самым все зависит от «понимающих» эффектов коммуникации, управляемой властью, это значит, что именно политическая власть озабочена смыслом и адекватным декодированием значений. Сегодня очевидно, что и политическую социализацию можно понимать как смысловнесущую политическую коммуникацию. Конечно, процесс «правильного прочтения» посланий власти зависит от интерпретативной схемы, которую власть и предлагает. Парадоксальность же эффекта конструктивистской деятельности политической власти состоит в том, что мир медиаобразов выступает объективной реальностью для воспринимающей стороны.

Политическое конструирование медиареальности осуществляется с помощью моделирования. Поскольку основным смысловым контекстом для понимания выступает политическая культура, постольку идея моделирования нами берется из «интерпретативной теории» культуры К. Гирца. Модели культуры означивают политическую реальность, и здесь прослеживается действие принципа структурного соответствия программы и программируемого. То есть модель символически или образно репрезентирует политическую реальность. Наибольшую эффективность в моделировании политической реальности как смыслового мира показала героическая мифомодель, что относится и к тоталитарному, и к демократическому мирам. Таким способом политически сконструированная медиареальность становится политическим миром, который что-то «значит». И политико-конструктивистское исследование призвано выявить смысловую структуру политического мира, репрезентированного медиа.

КОНТУРЫ МНОГОВЕКТОРНОЙ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политические вызовы в условиях современной глобальной турбулентности требуют многомерно-го комплексного подхода в рассмотрении политики обеспечения безопасности, позволяющего выявить сложную совокупность социально-политических процессов, их внутренних и внешних составляющих, которые обуславливают эффективное функционирование механизмов государственной власти с целью создания условий для необходимой степени устойчивости политической сферы и всей общественной системы внутри страны. Важнейшим фактором формирования современной политики безопасности российского общества было постоянное внешнее вмешательство во внутренние дела России с целью разрушения сложившейся веками в значительной части общественного сознания идеи и психологии великодержавности. Советский исторический этап российской государственности развивался как естественная, конструктивная интегральная модель взаимодействия полиэтнических оснований европейских и азиатских структурообразующих компонентов, находящихся в едином географическом и политическом пространстве. Причем на этом этапе (советской социалистической системы) было не растеряно, а восстановлено и усилено российское державное могущество исторической России, но только в форме принципиально нового государственного устройства, сформировавшегося как СССР и особенно укрепившегося после победы в Великой Отечественной войне. Тем не менее создание целостной и устойчивой системы территориально-политического контроля оказалось относительно недолговечным. В полиэтничном, многосоставном обществе, особенно с появлением рыночных отношений в 90-е годы XX в., политическое пространство оказалось расколотым, неустойчивым и в условиях гетерогенности постоянно воспроизводило конфликтный потенциал. Вот почему и сегодня для России отношения со странами ближнего (а часто и дальнего) зарубежья — это один из важнейших факторов в формировании геополитической безопасности во всех регионах по периметру государственных границ нашей страны. Стремление внешних сил спровоцировать активизацию настроений российской общественности в различных частях страны к автономизации и суверенизации (а по сути, к распаду страны) стало наиболее опасным в условиях мирового экономического кризиса, коренным образом изменяющего и даже разрушающего сложившийся международный правовой порядок. Новой актуальной проблемой стал феномен политического доминирования через массмедиа. СМИ стали использоваться субъектами политики в качестве важнейшей технологии формирования массовых настроений, а общество превратилось в тотально медиатизированную глобальную сеть. В новых условиях оппозиционные социальные медиа и политтехнологии активно пытаются применять методы формирования протестных поведенческих моделей особенно в молодежной среде. Одним из важнейших аспектов в публичном политическом пространстве стало так называемое дискурсивное конструирование политического сознания, убеждений и ценностных установок. Эти механизмы используются внешними враждебными по отношению к России силами как когнитивный инструмент влияния на массовые настроения представителей различных социальных групп и формирования общественного мнения, как оружие информационной войны и как организационное оружие. В мире идет ожесточенная борьба за доминирование в информационно-коммуникативном пространстве, параллельно с претензиями на сохранение однополярного геополитического и экономического устройства на базе сохранения финансовой власти мировой валюты. В этих сложнейших условиях России необходимо формировать контуры многовекторной политики обеспечения своей безопасности. Эффективность этой работы во многом обусловлена поиском адекватных оснований укрепления позиций тех социальных, административных, экономических, культурных и политических институтов, которые способны лучше работать на консолидацию нашего общества, укреплять позиции единого государства как наиболее влиятельного субъекта современных международных отношений и обеспечивать эффективную продуктивность власти, реализующей необходимый стране внешнеполитический курс, способствующий проведению грамотной и справедливой внутренней политики с учетом специфики менталитета и стиля жизни различных социальных общностей (этнических, конфессиональных, лингвистических), составляющих пространство нашей Российской цивилизации с ориентацией на наши ценности и укрепление вытекающих из них политических смыслов.

АНАЛИЗ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В КОНТЕКСТЕ ИХ ОТРАЖЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Активизация борьбы за сферы влияния, за доминирование в мировой политике и экономике приводит к тектоническим изменениям в геополитике и глобальной турбулентности. Все это прежде всего находит отражение в информационном пространстве — важнейшей части жизненного пространства человека. Можно утверждать, что изучение современных политических процессов реализуется в основном через анализ отраженных средствами массовой информации социально-политических проблем, что в свою очередь предполагает использование специфических способов и стилей научного поиска и научного инструментария с учетом специфики развития современного медиадискурса. Социально-политические процессы развиваются как цивилизационные, межкультурные, региональные, этнотерриториальные, внутригосударственные и межгосударственные, что обуславливает необходимость комплексного и полипарадигмального подхода к их изучению. Новые технологии анализа и прогнозирования основываются на междисциплинарных и системных принципах, включая синергетическую парадигму, теории бихевиоризма, институционализма, конфликтологической экспертизы, критического дискурс-анализа и др. Обострение региональных и этнополитических конфликтов, распространение этнонационализма, идей совмещения этнических и политических границ, усиления раскола мира на экономически развитые страны и отсталую периферию в условиях глобализации, общая политизация этничности и этнизация политики являются новыми вызовами кризисного развития современного геополитического пространства. В экспертной диагностике необходим анализ всех межэтнических напряжений, в том числе на уровне сознания, высказываний недовольства и различных намерений, которые первоначально могут выглядеть как неконфликтные, а как плюральные точки зрения, но в дальнейшем развиваться в остро конфликтное противостояние. В этой связи используется этноконфликтологический мониторинг, разработка показателей и индикаторов появления угроз и рисков обострения межэтнических напряжений, анкетирование, интервьюирование, экспертные опросы, критериальный анализ функциональности и дисфункциональности политических акторов, медиаменеджеров и других субъектов, оказывающих непосредственное влияние на этнополитические процессы. О событиях можно судить, прежде всего, в контексте их отражения в информационном пространстве. Но в разные периоды в различных СМИ рефлексия на события имеет свои особенности, что необходимо учитывать в процессе изучения этих событий, особенно в острые периоды кризисов и вооруженных конфликтов. Достоверность и адекватная систематизация всего комплекса фактов о событии позволят применить метод ивент-анализа в исследовании национально-этнических и региональных процессов. Ивент-анализ этнополитических процессов и конфликтных ситуаций, отраженных субъектами конструирования медиадискурса в различных СМИ, предполагает проведение когнитивного картирования, изучения личностного измерения социальных взаимодействий, индивидуально-персональных факторов, влияющих на течение конфликтов. При этом учитывается значимость устойчивых характеристик персонального стиля мышления, ментальных детерминант оценочных суждений. Необходимо учитывать, что и регионы отличаются своей индивидуальностью, поэтому можно говорить об определенной региональной идентификации. Для конфликтологической экспертизы важным методологическим аспектом является также рассмотрение территориально-географических и социокультурных факторов в соответствии с идеями представителей научных школ географического детерминизма и социальной экологии. Конфликтные этнополитические процессы во многом отражаются в специфике территориальных общностей, регионов, имеющих свои отличия в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике. Важным методологическим аспектом является использование естественнонаучных методов и синергетического подхода. При этом конфликт рассматривается как динамический процесс, в котором определенную роль играют обратные связи между текущими результатами конфликтного взаимодействия и его побудительными мотивами. В процессе исследования создается прогнозная модель объекта, изучение которой позволяет получить информацию о возможных его состояниях в будущем, о путях и примерных сроках их осуществления. Конфликтологическое прогнозирование на основе анализа информационного пространства — это метод научного исследования, ставящий своей целью предусмотреть возможные варианты изменения этнополитических процессов в ситуации современных радикальных перемен. Конфликтологическая экспертиза и прогнозирование включают несколько этапов, на каждом из которых решаются специфические задачи. Особенно важной является стадия предпрогнозной подготовки, на которой разрабатывается концепция конфликтологического исследования, понятийный аппарат эксперти-

зы, определяются основные методологические принципы анализа и прогноза, методы и методики, научный инструментарий, формулируются гипотезы.

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН, № 122020100306-9.

Юрченко Н.Н.
КубГУ, Краснодар

ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РФ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Одной из наиболее важных проблем современных политологических исследований является определение механизмов оптимизации политико-административного управления в условиях много-составного полиэтничного общества и усиления неопределенности развития в кризисной реальности постпандемийного мира. Центр-периферийные отношения в России всегда находились в контексте взаимодействия противоречивых тенденций: к унитаризации (или централизации) и к децентрализации (или деунитаризации), что характеризует специфику российского федерализма как находящегося в стадии поиска моделей и адекватных структурных компонентов государственно-политического устройства. Но поскольку этот процесс затянулся, в современном политико-информационном пространстве можно наблюдать конфликт интерпретаций по вопросу о будущем российского федерализма: от крайних суждений, предрекающих распад, до тех, которые предсказывают унитарную диктатуру и установление режима «тоталитарной цифровизации» (или «цифрового тоталитаризма»). В этих условиях, на наш взгляд, анализ региональной политики в современной России необходимо проводить в контексте постановки вопроса о способах повышения эффективности власти, управляемости сложносоставным этнонациональным пространством, социально-политическими и экономическими процессами и появлении позитивных практик принятия инновационных политических решений и урегулирования возникающих конфликтов интересов, предпочтений и ценностей. Как показывает анализ публичного политического дискурса, в социальных медиа продолжается полемика по поводу выбора форм и способов мобилизации ресурсов (человеческих, природных, интеллектуальных), повышения кадровой мобильности — вертикальной и горизонтальной, увеличения мобильности капиталов, повышения гибкости при выработке и принятии политических решений и скорости их реализации в направлении повышения качества жизни граждан. Главной угрозой для Российского общества является тенденция депопуляции населения, резкого роста социально-экономического неравенства, продолжающейся деградации и несвязности отдельных территорий страны. Эти тенденции стали важнейшим индикатором наличия целого комплекса опасностей, угроз и рисков не только для поступательного развития, но и для сохранения «status quo». По мнению ряда специалистов, именно выбранный в начале 90-х «сценарий модернизации» был пагубным для общества, безусловно нуждавшегося в модернизации, но по другому сценарию. Так, например, Л.Г. Малиновский (Малиновский Л.Г. (Вильнюс, ВГУ)) считает, что при участии влиятельных представителей нашей общественной науки был принят за основу социально-политический и экономический сценарий реформ, оказавшийся неприемлемым для России. Это метод «вписывания» ее в мировую либеральную идеологическую доктрину, несовместимую с геополитическим положением, климатом, уровнем развития и территориальным размещением производительных сил на момент принятия этой доктрины. Популизм протеста и националистический популизм идентичности (Ачкасов В.А. (Санкт-Петербург, СПбГУ)) слились во множестве проявлений социального распада. В настоящее время в российском политическом дискурсе на фоне глобального кризиса наблюдается актуализация региональной тематики, поиска способов выхода из социально-экономического кризиса и определения эффективных механизмов совершенствования и развития российской государственности в новой реальности. С теоретической точки зрения для изучения указанной проблемы представляется необходимым ориентироваться на концепцию стратегической и коммуникативной рациональности. Как отмечает А.О. Зиновьев, основываясь на концепциях М. Вебера и Ю. Хабермаса, «стратегическая рациональность выражается в практиках политиков, ориентированных в своей деятельности на стратегический расчет, а противоположная ей коммуникативная рациональность опирается на структуры жизненного мира и направлена на «понимание» происходящих социальных процессов, на взаимопонимание участников социальных взаимодействий» (Зиновьев А.В. (Москва, МГУ)), что обеспечивает легитимацию, поддержку проводимой политики. Очень важным стратегическим принципом развития нашей страны, имеющей огромные территории, многообразные этноконфессиональные и социокультурные общности, находящиеся в самых разных природно-климатических, социально-экономических, этнокультурных условиях и отношениях друг с другом, является императив един-

ства — единства понимания ценностей и целей, факторов риска и возможностей развития, единства выбора способов разработки и реализации социально-экономических проектов. В этой связи особое значение приобретает применение стратегической и коммуникативной рациональности в современной региональной политике, а для этого создавать и обеспечивать эффективную работу научных лабораторий политического анализа и конфликтологической экспертизы в каждом регионе на базе формируемых НОЦ (научно-образовательных центров) для проведения системных исследований, конфликтологической диагностики, разработки региональных моделей безопасности с целью научного сопровождения принимаемых властью решений и их эффективной реализации.

Юрьев К.П.
ИГУ, Иркутск

ОСНОВНЫЕ МИРОВЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современное развитие различных отраслей жизнедеятельности человека невозможно представить без учета экологического компонента. За последние 50 лет экология стала одной из центральных сфер деятельности мировых организаций, таких как ООН, ЮНЕСКО, Всемирный фонд дикой природы и Международный зеленый крест и др. Экологическая политика в современном мире закреплена различными нормативно-правовыми актами во многих странах. Помимо государства в экологическую повестку включается и общество — создаются различные общественные и некоммерческие организации, целью которых является содействие развитию экологической сферы в мире.

Российская Федерация, как и предшествующий ей Советский Союз, также активно включена в экологическую повестку. На данный момент в обществе поднимаются вопросы, которые неразрывно связаны с мировыми экологическими трендами. Цель статьи — изучить степень влияния современных мировых экологических трендов на внутреннюю политику России, а также опыт их использования.

Основные изменения происходят в двух плоскостях: государственная экологическая политика и экологизация общества. С точки зрения государственной и мировой политики основной современный экологический тренд направлен на создание «зеленой» национальной экономики. Впервые практика построения экономики с прицелом на будущее была провозглашена на заседании ООН в 2009 г. Основная идея заключается в том, чтобы вкладывать экономические средства государства не в развитие «традиционных» отраслей промышленности, а в создание и внедрение «зеленых» технологий в промышленные производства. По данным Индекса Целей устойчивого развития, безусловными лидерами во внедрении «зеленых» технологий являются Швеция, Дания и Финляндия. Анализ опыта трех стран-лидеров показывает, что основной упор в экологизации национальной экономики делается на снижение выбросов в окружающую среду за счет модификации систем фильтрации, внедрение системы позитивного «зеленого» налогообложения, развитие и финансирование исследований в области экологии и экологически чистых технологий, сокращение пластиковых отходов и создание эффективного «зеленого» топлива для транспорта.

Каким образом Российская Федерация отвечает на этот тренд? В современной мировой экономике игнорирование «экологических» аспектов ведет к потере инвесторов и увеличению разрыва между экономиками мировых держав и России. Действующий с 2018 г. национальный проект «Экология» ставит перед собой цель полной трансформации экономики России и решения экологических проблем советского и постсоветского периода.

Несмотря на обширный список целей нацпроекта, решить проблему растущего промышленного загрязнения в стране удастся с трудом. Нацпроект «Экология» не ставит перед собой цель внедрения новых экологически чистых технологий, а лишь пытается провозгласить перемены в экономике путем использования старых методик. Таким образом, государство, на данный момент, лишь пытается создать фундамент для последующей «зеленой» технологической революции в стране.

Также на первый план выходит экологизация общества. Растет популярность экологического просвещения; продукции, произведенной с помощью «зеленых» и перерабатываемых материалов. Сейчас происходит постепенная смена общества экономического на общество экологическое. Главная роль такого общества — целесообразное использование природных ресурсов и минимизация ущерба живой природе. Основные тенденции такой смены проявляются в популяризации раздельного сбора мусора, использовании вторсырья в производстве товаров массового потребления, в росте общественного контроля за соблюдением экологических прав населения и развитии экологических общественных организаций.

Анализируя тенденции экологизации общества в России, необходимо отметить, что данный процесс стал определяющим в освоении российской государственной экологической политики.

Тенденция заботы об экологии сопровождает наше государство со времен СССР, когда появились первые природоохранные организации и начались крупные научные исследования в области экологии. В современной России вопрос заботы об экологических правах все чаще всплывает в информационной повестке: вырубка леса для перевозки отходов в Шиесе, строительство завода бутилированной питьевой воды на о. Байкале, вырубка алтайских лесов, строительство мусорного полигона возле реки Дон и др.

Таким образом, мировые экологические тренды находят свое отражение как во внутренней политике РФ, так и в общественном сознании граждан России. Однако рост популярности «зеленого» мышления в обществе значительно опережает желание государства в кардинальных изменениях экологической политики в стране. Изучая опыт зарубежных стран можно отметить, что Россия только начинает свой путь в изучении и внедрении экологичного образа жизни страны и общества.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Российский некоммерческий сектор сегодня особенно остро нуждается в привлечении в свои ряды высококвалифицированных специалистов, студентов и выпускников высших учебных заведений, обладающих необходимыми навыками и компетенциями для решения широкого спектра задач, стоящих перед государством и гражданским обществом. Однако несмотря на значительное количество существующих некоммерческих организаций по самому широкому спектру вопросов, студенты российских высших учебных заведений не в достаточной степени осведомлены об их деятельности и не всегда знают о возможностях включения в их работу.

У представителей молодежи возникают обоснованные вопросы об особенностях и проблемах участия в жизни некоммерческого сектора, а также возможностях внести свой вклад в решение социальных проблем. Современная молодежь существенно отличается от представителей более старшего поколения: ей свойственен более высокий уровень гражданского активизма, она более толерантна, в меньшей степени подвержена пропаганде и привыкла черпать информацию из разных источников.

Одним из способов включения представителей молодого поколения в работу организаций некоммерческого сектора являются партнерские программы вузов и НКО. Вовлечение студентов московских вузов в развитие некоммерческого сектора является показательной иллюстрацией эффективности данного способа. С целью просвещения студентов вузов г. Москвы о деятельности организаций «третьего сектора» и возможного пополнения НКО профессиональными кадрами с февраля по июнь 2021 г. был реализован проект «Дни НКО в вузах Москвы».

В рамках совместной работы студентов и представителей московских НКО удалось разработать реальные проекты, направленные на решение самых разных задач: от помощи людям с ограниченными возможностями и организации досуга для пожилых до защиты бездомных животных. Для реализации проектов в рамках «третьей миссии университетов» во всех вузах-участниках были созданы площадки, на которых были организованы встречи студентов с представителями НКО, ярмарки вакансий и мест стажировок, презентации лучших гражданских практик по решению общественно значимых проектов, а также конференции по вопросам вовлечения студентов в развитие столичного некоммерческого сектора.

Тиражирование подобной практики взаимодействия вузов и НКО представляется перспективным и в других субъектах Российской Федерации. Активное вовлечение студентов в деятельность различных общественных организаций способно оказать положительное влияние на улучшение социально-политической обстановки в стране в условиях глобальной турбулентности. Потенциал гражданской активности молодежи может быть использован при решении проблем в социальной, духовной, а также политической сферах, так как наличие реального практического результата может оказать положительный эффект на устранение такого явления, как политический абсентеизм среди представителей молодого поколения, и придаст веру в то, что счастливое и успешное будущее зависит от вклада каждого гражданина страны.

Перспективы развития взаимодействия вузов и НКО имеют множество положительных сторон:

- 1) трудоустройство выпускников в некоммерческие организации;
- 2) стажировки и практики для студентов, получение опыта при осуществлении практической деятельности;
- 3) формирование активной гражданской позиции у населения;
- 4) создание собственных проектов в будущем при поддержке некоммерческих организаций;
- 5) получение квалифицированных кадров для НКО.

Среди мер, необходимых для сближения организаций «третьего сектора» и высших учебных заведений, следует отметить:

- 1) проведение регулярных PR-кампаний на информационно-новостных порталах вузов с целью привлечения студентов разных направлений подготовки к деятельности НКО;
- 2) внедрение дисциплины «Гражданское общество и государство» в ряд обязательных дисциплин на 1-м курсе обучения;
- 3) создание совместных проектов и мероприятий вузов и НКО со свободным входом для студентов;
- 4) поддержка проектной социальной деятельности студентов со стороны органов государственной и муниципальной власти РФ и субсидирование совместных проектов федеральных вузов и некоммерческих организаций.

Для развития отечественного гражданского общества сегодня особенно важно, чтобы студенты различных специальностей и направлений, в особенности социогуманитарных, уже с момента обучения в вузе погружались в тематику развития некоммерческого сектора, ведь сегодня он играет существенную роль в решении важнейших социальных задач. Важно расширять работу по развитию соответствующих компетенций как у студенческой молодежи, так и действующих государственных и муниципальных служащих.

Якимец В.Н.
ИППИ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва,
Никовская Л.И.
ИС ФНИСЦ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

О РЕФОРМЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ВОЗМОЖНЫЕ НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ИХ МИНИМИЗАЦИЯ

Необходимость реформы местного самоуправления в стране назрела по ряду причин давно, поскольку практическая реализация Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятого в 2003 г., выявила множество нерешенных проблем, коллизий и недостатков, которые чаще всего прятались в частностях, в деталях. Но ускоренный режим рассмотрения нового законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (№ 4036188), который в значительной степени меняет принципиальные основы МСУ, затормозился на стадии второго чтения в силу выявившегося отрицательного консенсуса среди авторитетного экспертного сообщества. Негативную реакцию, прежде всего, вызвало определение понятия «местного самоуправления», акцентирующее внимание на функциональном предназначении этого института и нивелирующее — вопреки ст. 3 Конституции — его признание формой народовластия, об отказе от поселенческого принципа территориальной организации местного самоуправления и пр. Проводимая в последние два года в стране конституционная реформа, частью которой и стало принятие в первом чтении законопроекта № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», усилила экспансию административного начала властвования в ее политическую составляющую. В части МСУ это вылилось в угрозу ему как форме реализации народовластия, заложенной в 3 ст. Конституции РФ и низведение его до уровня самоорганизации граждан. Далее, законопроект существенно сокращает число видов муниципальных образований (далее МО) до 3: *городской округ; муниципальный округ; внутригородская территория (внутригородское МО) города федерального значения*. В итоге задуманной реформы получим следующую картину: из 20303 муниципальных образований (по данным Росстата на 01.01.2001 г.) 5 видов прекратят свою деятельность, из них: — 16 332 сельских поселений (более 80% из существующих на данный момент МО) и 1345 городских поселений (6,6%); из 1606 муниципальных районов (8%) многие станут муниципальными округами. Очевиден отказ от поселенческого принципа территориальной организации местного самоуправления. Это приведет к тому, что на уровне сельских и городских поселений, муниципальных районов сократится много специалистов (представителей муниципальной службы, депутатов и т.п.), работавших в 94,6% от общего числа МО. Это похоже на административный передел, цель которого, скорее, в передаче ключевых полномочий по использованию земель, охране окружающей среды и пр. таким управленцам, которые будут готовы принимать решения, не всегда отвечающие общественным интересам. Суммарно обозначим негативные потенциальные последствия предполагаемой реформы МСУ. Определив МСУ как форму самоорганизации граждан, авторы создают третий уровень госуправления, тем самым частично огосударствляя МСУ; концентрация муниципальной власти в городских и муниципальных округах вызовет информационный и управленческий *разрыв* между властью и населением упраздняемых сельских и городских поселений; произойдет сокращение форм осуществления власти и участия населения в решении вопросов местного значения: например, убраны конференция граждан (собрание делегатов), правотворческая инициатива граждан; активность населения на периферии округов и их участие в решении вопросов местного значения в упраздненных сельских и городских поселениях явно упадет, что выхолостит действенность некоторых форм общественного участия; в «новых» муниципальных и городских округах придется вводить *«кураторов»* для помощи старостам со статусом общественников; произойдет значимое изменение предметного поля муниципальной публичной политики, что потребует разработки новой методологии исследований и инструментария. Иными словами, разворачивающаяся сейчас тихая «низовая административная революция» четко обозначила политико-смысловую развилку: происходит развитие системы местного самоуправления как составляющей публичной власти или системы местного *централизованного*

ванного управления? С точки зрения интересов развития демократических принципов МСУ, «низовых» общественных инициатив, углубления диалоговых и партнерских практик взаимодействия в процессе продвижения и реализации публичных интересов в усложняющемся обществе несомненную тревогу вызывает стремление через понятие «единство публичной власти» сделать органы МСУ нижним уровнем государственной власти. Во избежание негативных последствий реформы МСУ в докладе будут предложены изменения, как в самом законопроекте, так и в правилах его обсуждения.

Ямалова Э.Н.
БашГУ, Уфа

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

В современном мире происходит большая работа по внедрению и освоению цифровых коммуникаций. Цифровизация во всех сферах деятельности становится мировым трендом.

Цифровизация — процесс внедрения и использования инновационных технологий и принципов цифровой экономики в социально-экономических сферах жизнедеятельности общества, сопровождается тотальной автоматизацией, роботизацией и внедрением искусственного интеллекта. Основная задача цифровизации — создать условия для эффективной, мобильной, гибкой системы работы, повышающей качество услуг и снижающей необоснованное государственное вмешательство, которое было бы значимо для внешних бенефициаров (граждан, бизнеса, некоммерческих организаций) и повышало результативность и эффективность государственного управления.

В сфере государственного управления цифровизация также означает разработку и применение новых технологий и инструментов управления, влияющих на формирование цифрового государственного управления с целью повышения эффективности управленческих решений и предоставляемых населению государственных услуг.

Если говорить о процессе цифровизации государственного управления в России, то мы видим, что на федеральном уровне разрабатываются инструменты внедрения и применения цифровых технологий в управлении, ориентированных на повышение эффективности деятельности органов государственной власти. При этом цифровизация расширяет возможности использования самых различных источников таких данных при планировании, мониторинге и оценке достигаемых результатов, принятии управленческих решений. Примером может служить применение больших данных в принятии управленческих решений. В использовании последних имеют значение и аналитический инструментарий, и информационно-коммуникативные технологии, и другие инструменты, сопровождающие процесс принятия решений.

Реализация проектов по цифровизации государственного управления, как правило, нацелена на повышение результативности государственного управления, в том числе качества оказываемых государственных услуг и его эффективности, т.е. на сокращение издержек государства, бизнеса и граждан, связанных с реализацией тех или иных государственных функций. Таким образом, можно предположить, что высокий уровень цифровизации государственного управления обеспечивает более высокий уровень качества государственного управления в целом или отдельных его параметров.

Цифровая трансформация в государственном управлении рассматривается как одно из условий сохранения конкурентоспособности России в мировой экономике, а лидерский потенциал России в цифровой трансформации вряд ли можно реализовать, если не будет развиваться цифровизация государственного управления (*Медведев Д.А.* Россия-2024. Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28).

Возможности использования цифровых технологий для дальнейшего внедрения управления по результатам и повышения результативности государственного управления включают:

- использование больших данных и возможностей Интернета для формирования статистики и использования в государственном управлении в режиме реального времени;
- получение и обработку данных на основе межмашинного взаимодействия;
- использование технологий искусственного интеллекта для анализа данных и формирования оптимальных решений (Внедрение управления по результатам в деятельность органов государственной власти: промежуточные итоги и предложения по дальнейшему развитию / В.Н. Южаков, О.В. Александров, Е.И. Добролюбова, Е.Н. Клочкова. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 63).

Следует привести и возможные риски внедрения цифровых технологий, к которым можно отнести следующие:

- потеря управляемости в критических сферах государственного управления;
- несанкционированное использование персональных данных;

- возможность нарушений прав человека при автоматизированном принятии управленческих решений;
- организационные риски, в том числе сопротивление органов власти переходу от ведомственной информатизации к платформенным решениям (риск потери управляемости, боязнь открытости своих данных (Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 58).

Таким образом, использование цифровых технологий в госуправлении способно значительно повысить результативность и эффективность государственного управления.

Янь Итун
РУДН, Москва

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ УПРАВЛЕНИЮ АРКТИКОЙ

Конфликт между Россией и Украиной длится уже более полугода, и постепенно проявляется его побочное влияние на другие регионы. Поскольку основную роль играют большинство из восьми арктических стран, ситуация в арктическом регионе неизбежно становится сложной и напряженной, а процесс арктического управления сталкивается с новыми вызовами.

Во-первых, по мере усиления напряженности в геостратегическом ландшафте Арктики вновь проявляется «ремилитаризация» арктического региона, продолжается эскалация гонки вооружений, в будущем может возникнуть новая ситуация «дилеммы безопасности» в Арктике. Россия и другие арктические государства поддерживают стратегическое военное противостояние: помимо формирования в июне этого года на Аляске 11-й воздушно-десантной дивизии армии США, которая специализируется на арктических операциях, и объявления в августе о том, что Северный флот России будет проводить боевые учения в арктическом регионе, Швеция, Финляндия, Норвегия, Канада и другие арктические страны также дали понять, что увеличат уровень расходов на оборону и укрепят безопасность и обороноспособность арктического региона. Стимулированные российско-украинским конфликтом, арктические страны фактически пошли на усиление своих вооружений, чтобы смягчить региональную «дилемму безопасности», но на самом деле это только повысит уровень угрозы безопасности. Недавнее заявление Швеции и Финляндии о вступлении в НАТО, первый визит генерального секретаря НАТО в арктический регион и объявление правительством США о назначении посла в Арктике привели к дальнейшему отсутствию взаимной безопасности и доверия между арктическими странами. Неустойчивость геополитической модели безопасности в Арктике значительно возросла, и арктические страны могут утратить основу для совместного управления и в итоге перейти к конфронтации.

Во-вторых, пошатнулась система управления Арктикой, в центре которой находится Арктический совет. Сразу после начала российско-украинского конфликта другие арктические страны, кроме России, начали «движение за исключение России» в системе управления Арктикой, чтобы изолировать Россию: *во-первых*, Арктический совет, Арктический экономический совет и многие другие международные механизмы, и платформы для управления Арктикой публично критиковали Россию. Арктические страны приостановили участие в мероприятиях Арктического совета, где Россия председательствует в 2021–2023 гг. *Во-вторых*, изоляция России в плане международного научного сотрудничества в Арктике. Международный арктический научный комитет заявил, что поддерживает заявление Арктического совета по вопросу Украины, а оргкомитет «Недели арктического научного саммита 2022 года» закрыл канал участия для представителей России. Однако ограничение или даже отсутствие России неизбежно повлияет на эффективность и легитимность участия Арктического совета в арктических делах и даже внесет неопределенность в общий процесс управления Арктикой. С точки зрения управления Арктикой, если российское управление Арктикой будет отделено от существующей системы управления Арктикой, поддерживаемой Арктическим советом, тогда возникает вопрос, сможет ли Арктический совет представлять всю Арктику и осуществлять эффективное управление. «Движение за исключение России» политизировало Арктический совет, что привело к распылению членов, что мешает его эффективной работе и затруднит выполнение функции международной координации. В итоге механизм управления Арктикой столкнется с риском турбулентности и выключения.

В-третьих, из-за побочного эффекта российско-украинского конфликта неарктическим странам стало труднее участвовать в арктических делах, а эффективность множественного сотрудничества в управлении Арктикой может быть ограничена. После украинского кризиса стратегическое противостояние между США и Россией распространилось на арктический регион. США и их союзники по НАТО пытались атаковать Россию с обоих концов Северо-восточного прохода в Арктике, тем самым саботируя выполнение Россией стратегии «Развития Арктики», что увеличивает геориск для азиатских и европейских стран при развитии арктических судоходных маршрутов. А Россия

и другие арктические страны еще долгое время будут находиться в противостоянии 1 к 7, в результате чего неарктические страны будут больше полагаться на двусторонние отношения с арктическими странами для осуществления деятельности в арктическом регионе, их глубокое участие в управлении Арктикой будет значительно затруднено. Недавно генеральный секретарь НАТО расценил китайско-российское сотрудничество в Арктике как угрозу во время своего визита в арктический регион и участие Китая в арктических делах как неарктической страны может быть ограничено. На сотрудничество между Японией, Южной Кореей и Россией в развитии арктической энергетики повлиял побочный эффект американо-российской военной конфронтации в Арктике. Япония и Южная Корея были вынуждены встать на сторону США, что, в свою очередь, вызвало напряженность в отношениях между Японией и Россией, Южной Кореей и Россией и даже в Северо-Восточной Азии и Северо-Тихоокеанском регионе.

Яхшиян О.Ю.
ГУУ, Москва

СТАЛИНСКАЯ КОРРЕКТИРОВКА СОЮЗНОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 1922 г. на завершающей стадии обсуждения в большевистском руководстве вариантов политической интеграции независимых советских республик И.В. Сталин отказался от своего проекта «автономизации» в пользу ленинского проекта образования Союза Советских Социалистических Республик как договорной союзной федерации. Но когда в 1935–1936 гг. готовился проект новой Конституции СССР, он уже в статусе непререкаемого вождя («Ленина сегодня») получил возможность взять некоторый реванш за 1922 г.

Первая Конституция СССР, принятая в окончательной редакции II Всесоюзным съездом Советов 31 января 1924 г., состояла из двух разделов — Декларации и Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В Договоре содержались принципы союзной советской федерации, юридические гарантии суверенитета Союза и суверенитета союзных республик и их соотношение, распределение полномочий союзных органов и органов субъектов Федерации — союзных республик, формы их участия в разработке политики Союза и выработке общесоюзного законодательства, а также механизм защиты республик от неправомерного вторжения в их компетенцию со стороны органов Союза. Вопросы, связанные с определением классово-сущности Советского государства, его общественного и государственного строя, прав и обязанностей граждан (в том числе избирательного права), регулировались в конституциях союзных республик. Создание в структуре комиссии по подготовке новой Конституции подкомиссий по избирательной системе, по правовым вопросам (правам и обязанностям граждан), по труду, образованию, т.е. по тем вопросам, которые раньше относились к исключительной компетенции союзных республик, свидетельствует о том, что Конституционная комиссия встала на путь подготовки принципиально нового документа — единой общегосударственной Конституции, охватывающей все стороны государственной жизни, т.е. практически отошла от договорного характера, свойственного Конституции 1924 г. Готовившийся проект к Договору 1922 г. не апеллировал и вообще его не упоминал. Таким образом, в ходе подготовки «Сталинской конституции» была осуществлена довольно значимая корректировка союзной советской федерации: она была «в рабочем порядке» перереформирована из договорной в конституционную. Показательно, что в ходе подготовки проекта обсуждалась возможность перевода ряда автономий в статус союзных республик.

В ходе всенародного обсуждения проекта Конституции вносились многочисленные поправки, предложения и дополнения, в том числе — и поправка об исключении из проекта статьи 17 о праве выхода союзных республик из СССР. Сталин в своем докладе о проекте Конституции объяснил, почему эту поправку не следует принимать. СССР есть добровольный союз равноправных союзных республик. А исключить из Конституции статью о праве свободного выхода из СССР — значит нарушить добровольный характер союза. Менее года спустя, выступая на праздничном обеде в закрытом кругу на квартире К.Е. Ворошилова 7 ноября 1937 г., Сталин довольно недвусмысленно выскажется о попытках практической реализации этого права. СССР он назвал «единым и неделимым государством», объединенным большевиками «...таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попало бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать» (Застольные речи Сталина: Документы и материалы // Вступ. статья, сост., коммент., приложение д.и.н. В.А. Невежина. М., 2003. С. 148).

И.В. Сталин, как и В.И. Ленин, прекрасно осознавал роль монолитной большевистской партии как несущей конструкции союзной федеративной советской государственности. В октябре 1939 г. на торжественном обеде в Кремле министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис спросил Сталина, могут ли действительно союзные республики, если пожелают, выйти из состава Советского Союза. Ответ советского лидера следует признать предельно точным и откровенным: «Да, если пожелают, могут, но в каждой из них на то и есть Коммунистическая партия, чтобы они никогда этого не пожелали» (*Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приемы 1936–1945 гг. М., 2020. С. 452).

Ячменник К.В.
КубГУ, Краснодар

ЦИФРОВЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Цифровизация меняет все сферы общественной жизни — от производства экономических и общественных благ до областей, где на первый план выходят общение и отношения между людьми. Цифровизация трансформирует характер социального взаимодействия, давая возможность применения новых опосредованных методов и инструментов взаимодействия. Процессы цифровизации меняют пространство политики развития территорий, создают качественно новые условия для функционирования субъектов политики развития территорий, предоставляя им новые возможности и наделяя их новыми инструментами, актуальными для публичного пространства политики развития территорий.

Процессы цифровизации способствуют созданию новой инфраструктуры локальной политики развития территорий, включающей всех субъектов локальной политики развития территорий, представленных в сети Интернет, использующих инструменты цифрового пространства (сайты органов власти и организаций, аккаунты в социальных сетях, блоги и т.п.) для осуществления работы в решении проблем территорий. В новых условиях более привлекательными для граждан становятся те субъекты публичной локальной политики, которые могут представить в цифровом пространстве наиболее интересный и актуальный контент и способны обеспечить полноценное общение в виртуальном пространстве.

Цифровые технологии позволяют создавать открытые пространства для равноправного диалога в локальной политике развития территорий. Цифровизация молодежной политики направлена на искоренение традиционных социальных иерархий, способствует равному доступу к участию в решении проблем территорий и позволяет воспринимать граждан как активных цифровых участников, создателей и исполнителей. Но в то же время цифровое пространство может стать средой появления новых форм протестных действий.

Сегодня развитие цифровых ресурсов территорий открывает новые возможности для расширения форматов взаимодействия органов власти с населением. Цифровое пространство создает новый формат отношений между субъектами и объектами политики развития территорий, тем самым дает стимул к развитию территорий.

Ключевыми акторами локальной политики развития территорий в цифровом пространстве, определяющим формат взаимодействия с другими акторами, являются органы местного самоуправления. Их деятельность по определению «формата» сетевого взаимодействия связана: с одной стороны, созданием условий для интерактивного взаимодействия с населением на основе технологической инфраструктуры «электронного правления», что обеспечивается функционированием официальных ресурсов органов местного самоуправления (электронные муниципалитеты); с другой стороны — проектированием реальных сетевых структур, способных выработать инновационные способы решения публичных проблем территорий.

Эффективное управление сетевыми процессами на уровне муниципальных образований позволяет:

- управлять повесткой дня (интеграция общественной повестки в политическую);
- обеспечить включенность «первых лиц» в цифровое пространство посредством социальных сетей и эффективную коммуникацию с гражданами;
- выстраивать взаимодействие с активными группами граждан и использовать их ресурсы в решении проблем территории.

Интернет стал пространством, где участники публичной локальной политики могут объединиться в сообщества. Интернет-сообщества возникают как неформальные социальные группы, имеющие интерес к определенному предмету, теме, проблеме, разделяющие общие взгляды и осуществляющие коммуникации посредством цифровых технологий. Участникам таких сообществ проще реализовать свои экспертные возможности на локальном уровне, а также решить какие-либо проблемы и задачи

личного характера. Еще одной площадкой для эффективной коммуникации с гражданами выступают проектируемые органами местного самоуправления публики в социальных сетях. Они выступают как пространство для обсуждения актуальных проблем территории, так и ресурс для мобилизации в экстренных ситуациях.

Таким образом, развитие цифровых ресурсов территорий способствует улучшению системы социального, экономического и культурного обеспечения населения, а также повышению качества органами власти управленческих решений на локальном уровне, начинает формироваться общество активного гражданского участия, главной задачей которого является налаживание партнерских отношений с властью.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда № 22-18-20059, <https://rscf.ru/project/22-18-20059/>.

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ**

**Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием
Москва, 2–3 декабря 2022 г.**

Под общей редакцией
*О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова,
Л.Н. Тимофеевой*

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 67,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс»
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.
E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru
Тел.: 8 (495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: 8 (495) 685-93-18

ISBN 978-5-7567-1248-3

9 785756 712483 >

shop.aspectpress.ru